

Λιβανίου Σοφιστοῦ

Λόγοι

Τόμος β΄

Либаний

Речи

В ПЕРЕВОДЕ С. П. ШЕСТАКОВА

Том II

К 100-летию первого издания

Санкт-Петербург
2014

УДК 091
ББК 87
Л55

Редактор М. Ф. Высокий

Л55 **Либаний. Речи.** Том II / Пер. с древнегреческого С. П. Шестакова. — СПб.: Издательский проект «Квадривиум», 2014. — 756 с.

ISBN 544690219-X

В данном издании представлены речи оратора Либания (314–392/393 гг.), которого справедливо причисляют к последним выдающимся риторам античности. Прожив большую часть жизни в родной Антиохии-на-Оронте, Либаний благодаря достоинствам своих сочинений очень быстро и надолго стал одним из самых известных и уважаемых общественно-политических деятелей восточной части Империи IV в. Будучи ярким представителем позднеантичной языческой учености, Либаний стал учителем красноречия для многих последующих поколений, чем в значительной степени объясняется то, что до нас сохранилось практически все его литературное наследие. Произведения оратора являются уникальным источником по истории периода, крайне скудно обеспеченного историческим материалом, так что публикация речей и части эпистолярного наследия Либания позволяет сделать общедоступным мощный пласт истории восточной, грекоязычной части Поздней Римской империи, на базе которой вскоре начинается формироваться Византийская империя.

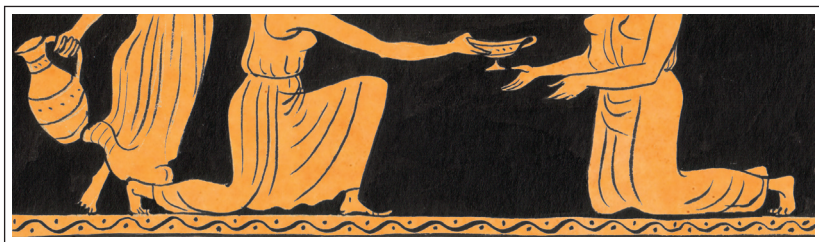
ISBN 544690219-X

9 785446 902194

УДК 091
ББК 87

© А. А. Зражевская, оформление, 2014
© М. Ф. Высокий, послесловие,
комментарии, 2014

О ПРИГЛАШЕНИЯХ ВО ВРЕМЯ ПРАЗДНИКОВ

Orat. LIII F¹

1. Как многое другое послужило в ущерб городу вследствие того, что старые порядки вытеснены некоторыми нововведениями, так, полагаю, в особенности и обычай, установившийся на трапезах, которые устраиваются в честь сынов Зевса². Уже давно осуждал я его в кругу друзей, составляющих мое постоянное общество, теперь же не утерпел, чтобы не сделать его предметом речи. Впрочем, подивлюсь, если мне удастся убедить свою речь, но для человека, который держит речь о предмете, о коем высказаться требует справедливость, выгодно и то, чтобы о таком пошли разговоры, если и не окажется людей, готовых внять

¹ Точная дата написания этой речи неизвестна, она была создана между 380 и 392 г., скорее всего, в год проведения Олимпиады (384 г.). — *Примеч. ред.*

² По всей видимости, Либаний пишет о празднестве в честь Диоскуров (греч. «юноши Зевса»), Кастора и Полидевка. Во время летнего солнцестояния устраивали богатую трапезу, на которую символически приглашали Диоскуров, поскольку считалось, что они присутствуют на ней. — *Примеч. ред.*

убеждению. Что слушатели не прилагают к слову дело, не служит доказательством того, что речь не была правильною.

2. Чем мы гордимся, это Олимпии³, к коим прилагается столько старания, сколько не прилагается ни к какому другому празднеству ни у других людей, ни у нас, так что даже сами элейцы⁴ желают знать о здешнем порядке и осведомляются о нем. Но, порадовавшись с нами этому, иной и поскорбит вместе с нами о том, что многое в установленном обычае порядке потревожено. Я же скорблю обо всем таковом, но усматривая, что нелегко сказать обо всем зараз и обвинить и людей, довольных этим, и людей, против этого не протестующих, готов удовольствоваться тем, если докажу недостатки нынешнего порядка в отношении состава трапезующих.

3. Кто же они были, и кого приглашал распорядитель состязаний? Старики и те, кто приближались к зрелому возрасту, и тот, кто вышел из детских лет, иной и такой, пожалуй, кому предстояло стать отцом, или кто уже стал таким и кто выступал уже в судах. А какой-нибудь мальчик, посещающий школу для обучения искусству слова, или с первым показывающимся пушком, или даже и до него не доросший, не допускался к трапезе и знал о ней только понаслышке, даже если был родственником лицу, справлявшему повинность этого праздника.

4. О том, если б было возможно, засвидетельствовал бы и мой прадед, засвидетельствовал бы и дед⁵, и многие, раньше их носившие этот венок, многие, бывшие и после них, имена коих можно видеть в записях или даже хранятся в памяти немалого числа людей. И по справедливости мне можно в этом верить, так как я сам был в числе не приглашавшихся. А между тем мне было четырнадцать лет, когда справлял Олимпии Панольбий — а этот

³ Олимпии — празднества в Антиохии в честь Зевса Олимпийского в июле-августе. — *Примеч. ред.*

⁴ Элейцы — жители Элиды, области на северо-западе Пелопоннеса (Греция), на территории которой находилось общегреческое святилище Зевса Олимпийского и проводились Олимпийские игры. — *Примеч. ред.*

⁵ О прадеде и деде Либания см. Or. I. 2–4. — *Примеч. ред.*

человек был братом моей матери⁶, и восемнадцать, когда справлял их Аргирий, — это был друг моего отца⁷, поспешивший на охрану мне в моем сиротстве. Но все же, в этом последнем деле, он с готовностью и трудился, и помогал, а другого, потворства, не допускавшего обычаем, не давал. Дальнейшее четырехлетие довело мой возраст до двадцати двух лет, а Фасганию — то был тоже мой дядя, как и Панольбий, — доставило венки⁸. Он позвал меня на трапезу, и я отправился, уже пользуясь некоторою известностью и отличаясь большим самообладанием.

5. Однако отнюдь нельзя сказать, чтобы это произошло со мною вследствие небрежности или вследствие отсутствия у меня отца⁹. Ведь и когда меня приглашали, ни сам я не просил, ни старший брат¹⁰. Никто не просил никого, и ничто не могло доставить этого приглашения, прежде чем оно стало дозволительным, ни род, ни богатство, ни тесная дружба, ни другое что-либо.

6. Но теперь, сколько ни есть имеющих детей отцов, которых приглашают, приглашают и детей их, и нередко всех, будь иной хоть десятилетним и даже меньшего возраста. Если умер у мальчика отец, дядя получает приглашение для племянника. И педагог, и дядька, и слуга остаются за дверями, а он вращается среди взрослых, приучаясь пить или по уговору, или даже взрослый насильно влагает кубок в руку мальчика. Заходя дальше и доводя

⁶ Старший дядя Либания, Панольбий, председательствовал на Олимпиях в 328 г., впоследствии получил административную должность и умер в 336 г. — *Примеч. ред.*

⁷ Аргирий происходил из знатной семьи принципалов и был введен в курию Антиохии при поддержке деда Либания. Аргирий дружил также с Фасганием, дядей Либания. Олимпийскую литургию Аргирий отправлял в 332 г., когда вложил немалые средства в реконструкцию Плетриона (см. Ор. X. 9–10; XLIX. 18). — *Примеч. ред.*

⁸ Младший дядя, Фасганий, который был опекуном Либания, также был председателем Олимпий в 336 г. (см. Ор. X. 13). Он отказался от административной должности и остался принципалом (Ор. XLIX. 29). — *Примеч. ред.*

⁹ Отец Либания умер в 324 г. — *Примеч. ред.*

¹⁰ У Либания было два брата. Старший довольно рано умер, а младший, с которым оратор был особенно близок, впоследствии ослеп, что стало для Либания страшным ударом (см. Ор. I. 197–203). — *Примеч. ред.*

каждого до состояния полного опьянения, эти отношения известны к чему клонятся.

7. Ведь если бы он и молча возлежал, надо вообразить, какое это безобразие. Если же он и сам захочет вмешаться в разговор, на это нужна, конечно, значительная доля бесстыдства. Ведь кому подобает молчание и прилично краснеть при встрече со старшими, каким тому естественно показаться, если он не только с ними ест и пьет, но даже не желает оказывать внешних знаков дисциплины?

8. И разве не стыдно, что такого возраста человек показывает свою жадность к подаваемым кушаньям? А то, что он поспешно хватает хлеб и посылает его в рот? А то, что взрослым представляется возможность куда угодно простирать каждую из рук? А то, что можно ее протягивать за спину? А часто этот жест имеет обыкновение доходить туда, где бывает дурное¹¹. Если же и не это, то легко, однако, в столь близком соседстве попросить и дать великие обещания, и убедить, и обязать клятвами, и, положив тут фундамент, после на нем строить здание. В другом месте нелегко взрослому завести об этом беседу с мальчиком, но грозит подозрение, худая слава при разговоре не в обществе. Тем же, кто сидят за одними и теми же столами, представляется свобода для всяких слов, и кто препятствует — бестактен. Почему, в самом деле, не поговорить с собутыльником? Я же как раз знаю одного отца, известного полною свободой, предоставленною в этом отношении детям.

9. Если же кто примет в расчет лета, и в этом отношении найдет, что отцы потеряли в глазах детей. Почтительность, величайшее благо в таком возрасте, изгнана такими завтраками и обедами. Это обстоятельство делает и для агонифетов эту часть литургии труднее и более рискованною и сопряженною с большими страхами, вместе потому, что люди желают получить угощение и называют бесчестьем отсутствие приглашения, и потому, что количество [приглаша]емых вызывает недостаток утвари

¹¹ В подлиннике откровеннее: *μίξις, coitus*.

и прислуги, а количество это объясняется приглашением детей, и отсутствие порядка вызывает при этом непроизводительность расходов.

10. Таким образом, прибавление детей является несчастьем для отправляющего литургию. Ведь прежде приглашаемый слышал, что приглашают его самого, теперь же, что его приглашают с детьми. И он является с целым хором. Хором называю, когда входит какой-нибудь отец, у которого семеро детей, из коих младшему семь лет, так что одним им нужен особый стол. Полагаю, если бы и женскому полу предоставлено было участие в этом празднике, он и прочие, у кого они были, привел бы и дочерей. Иной, хворающий сам, случается, посылает своего сына, некий новый Фрионд¹², который знает, что в настоящее время сильно господствует недуг педерастии, но впитывает яд в души юношей, еще неспособных к твердому убеждению, что есть нечто предпочтительнее разнузданных представлений.

11. Итак, мне кажется, неправо поступают и приглашающие, причем они входят в противоречие и сами с собою, когда, в письменных приговорах выдворяя в другое место людей порочной жизни, устраивают, чтобы другие, и притом дети самых знатных людей, подвергались тому же соблазну. Поэтому естественно можно винить и самого устроителя угощения, но большую вину вижу я со стороны тех, кто повинуются приглашению и от кого зависит не внять ему. Ведь лиц, которые пожелали бы ограничить приглашение отцами, приглашающие не стали бы просить и приставать к ним, но им можно было бы ответить на приглашения их с детьми: «Мы почтим Олимпии тем, что дети, живущие под наблюдением педагогов, не вкусят вредной свободы и не вступят в общение на пирах те, кого различие возраста по праву разъединяет».

12. «Но, — возражают, — это вошло в обычай, и много олимпиад сопровождалось такими угощениями». Так нужно ли, чтобы он господствовал больше или меньше времени? И был ли

¹² Фрионд, афинянин, вошедший в поговорку из-за своих пороков (Plat. Protag. 327), прежде всего как мошенник (Isocr. Paragr. 57). — *Примеч. ред.*

город в лучшей славе, когда юношей приглашали или когда их не приглашали? Да, я поздно увещаю, но от этого дело не лучше, но это обстоятельство может служить обвинением против меня, а дело не менее плохо, если оно вошло в обычай. Как много вошло в обычай непохвального, а многое, что заслуживало сохранения и господства, прекратилось! Итак, роковым было, что не встретили противодействия первые, введшие обычай, но сохранять то, что было делом злой судьбы, крайнее безрассудство.

13. Мне кажется, был и этому обычаю родоначальник, который был тоже родоначальником и многому другому, в чем каждом нанесен вред городу. И этот обычай проник в город за время моего отъезда¹³, а присутствовавшим и видевшим, при серьезном их отношении к празднику, следовало бы, конечно, противоречить, воспрепятствовать, бороться, не оставаться спокойными, в момент, требовавший громкого протеста и гнева. Ведь подобно тому как, если бы кто захотел отнять состояние, это должно было считаться возмутительным, так не следует сносить терпеливо этого нововведения. В этом и другом случае проявляется, полагаю, слабость закона. И легче было бы восторжествовать тем, кто сражаются против власти и не допускают таковой, чем тем, кто ведут с нею эту борьбу, уже после того как она окрепла. Таким образом, то, о чем сейчас мне говорят, что это делалось часто, тогда было не так.

14. И неправильно было бы, чтобы меня опровергали этим доводом, так как восторжествовало и множество других обычаев, господство коих не меняет их свойства, но, если они были

¹³ По-видимому, речь идет о цезаре Галле, который избрал с 351 г. Антиохию своей резиденцией; в этот период, Либаний подвизался в Афинах, Никее и Константинополе. Когда весной 354 г. Либаний вернулся на родину, он застал массовые репрессии, проводимые по приказу цезаря Галла (см. *Antm. Marc. XIV. 1–3*): так, он приговорил к смерти глав антиохийской курии, и лишь вмешательство комита Востока Гонората предотвратило казнь. Либаний заступается за некоторых осужденных, прежде всего за своего учителя Зиновия, но вскоре самого Либания обвиняют в колдовстве. Обвинение оратор опроверг, однако оказался в немилости у Галла (см. I. 98–100). И лишь казнь цезаря Галла в декабре 354 г. положила конец этой опасной для оратора ситуации. — *Примеч. ред.*

непорядочны, таковы они и есть. Так и войску, не раз спасавшемуся бегством, это бегство не служит сильнейшим основанием к тому, чтобы следовало ему и не переставать бегать, и демагогу, разбогатевшему путем воровства, неоднократное воровство — к тому, чтобы следовало ему всегда воровать.

15. Итак, я чувствовал стыд с тех пор, как, по возвращении своим, нашел многое изменившимся, в числе прочего и это нововведение относительно юношей, но, полагая, что старости моей удастся убедить скорее, чем доводами, выждал этой поры, в надежде иметь некоторое влияние, благодаря этому возрасту. Надеюсь, с соизволения богов, дать и другие советы о других предметах. Ведь при наличности многих язв нужны были и многие лекарства.

16. А тот, кто горюет в случае устранения какого-нибудь новшества и носится со своими многovesчателъными речами, пусть примет во внимание, что некогда такие трапезы не сопровождалась подарками, затем вошли в обычай подарки, и участник пира уходил домой с какой-нибудь получкой. И этот обычай прошел много олимпиад, представляясь столь утвердившимся, что даже никому из богов невозможно было бы когда-либо потревожить его, но все же и он отменен, и прекращен, и сошел со сцены. Благодаря тому, городу стало возможно надеяться, что никогда не будет недостатка в лице, готовом к литургии Зевсу. Ведь тяготил их в особенности этот обычай, не существовавший в прежние времена, когда бог чтим был больше порядком и умеренностью, чем разнузданными трапезами и попойкой детей вместе с взрослыми, как и тот, к счастью, устраненный порядок, чтобы отправляющий литургию за два <...>

17. «Честъ, приятная отцам, чтобы и дети пользовались угощением в той же обстановке». Но что это происходило не по закону, доказано, а то, что принято в ущерб справедливости, в угоду им, разве не зло? Ведь отличившихся в состязаниях мы не чтим многими почестями, но такими, за которые никто не мог бы упрекнуть. Если же кто-либо, ради почести человеку, обойдет почестью Зевса, как не совершит он самого крупного промаха?

18. Да и то мы теперь доказываем, что этот обычай во вред сыновьям, во вред отцам, если, действительно, то, что постигает сыновей, ложится и на отцов. Позор сыновей зло, а для тех, кто их породили, разве благо? А что наносит ущерб, как же по справедливости может считаться честью, когда причиняет бесчестье тем, кому честь оказывается? Так я слышал слова одного человека, любившего одного красивого мальчика, но не имевшего возможности поговорить, потому что не было благовидного предложения для беседы. Итак, он говорил друзьям и себе самому: «Вот настанут Олимпии, которые обнажают атлетов, обнажают и мальчика в небольшом кругу сотрапезников. Можно будет, отведав его немного в сторону от стола, смотреть на его ноги, когда он потягивается или тянется к кушаньям». Мы слышим, как, например, Демосфен рассказывал, что юноша вращается на пирах среди выпивших взрослых, и он пользуется этим обстоятельством как сильнейшим свидетельством против образа жизни Эсхина¹⁴.

19. Я бы сказал, что нет никакой чести тому, кто получает такой вред, как в самом деле <...> легко дает десницу, удерживает? Как возможно, чтобы получивший был этим почтен? Что это доставляет удовольствие, не стану отрицать. Но для нас непохвально предпочитать удовольствие некоторых общей пользе города. Ведь если мы одно это имеем в виду, одного этого добиваемся, удовольствия некоторых, а хорошо ли оно или дурно, того не будем при этом расследовать, что помешает нам и женщинам предоставить участие в трапезах, и служанкам, как прочим, так и тем, что состоят при мельницах? Нечего говорить о рабах-проводящих, которые могут сказать, что они, таким образом, получили бы особое удовольствие и были бы благодарны и порадовались Олимпиям,

¹⁴ Речь идет о двух знаменитых афинских ораторах, которые были непримиримыми политическими противниками. Либаний был знатоком речей Демосфена, составил введения к каждой из них. В данном случае имеются в виду моменты биографии Эсхина, которые Демосфен впоследствии ставил ему в вину: в юности он служил младшим секретарем у должностных лиц — Аристофана, затем Евбула, что считалось постыдным; затем Эсхин стал трагическим актером, однако играл третьи роли (De cor. 180; De leg. 200; 237; 246; 249; 337). — *Примеч. ред.*

если бы и им предоставлено было участие в угощении. Что касается удовольствий, я хвалю из них более нравственные, но разве не могу я дурно отозваться относительно более низменных?

20. Так и вы не давайте же всего, не угождайте во всем и не заботьтесь о том, чем доставите им удовольствие. Ведь если отцы не ценят этого удовольствия высоко, ради чего станем мы доставлять его? Если же они очень дорожат им, они поступают совсем не благоразумно. К таким нельзя относиться очень серьезно. Но они придут в отчаяние, если не зовут их сыновей, хотя в том нет охулки. Однако им полезнее приходить в уныние, лишь бы это не соединялось с позором, чем с таковым проводить жизнь в смехе и радости.

21. Приходят в уныние и те, кто терпят наказание, но наказание служит им уроком. А кто хвалит убийцу, при удовольствии с его стороны посылает его на новые убийства. Таким образом, огорченный счастлив, так как он исправлен, а получивший удовольствие жалок, так как он не излечен. Да и какая беда может выйти из их уныния? Станут бранить агонифета?¹⁵ Но хорошего — дурные. Не придут на обед? А какая от того убыль пиру, что будут где-нибудь далеко те, кто преисполнены непонимания?

22. Да и мальчикам в чем от того огорчение? По крайней мере, оно полезно и предпочтительнее многих кубков. Но сегодня чувствуя огорчение, после он меня похвалит, когда в своих речах о добродетели можно будет ему сказать и то, что, когда он был мальчиком, никто из посторонних не видал его ни за питьем, ни за едой, ни в другое время, ни во время Олимпий. Это сохранит ему полную свободу слова. Благодаря этому он будет говорить с властями о своем праве, не возбуждая подозрения, нимало не страдая, думаю, как естественно тому, кто видит некоторых из некогда возлежавших с ним.

23. Если же вы принесете пользу мальчикам, огорчая, ничего удивительного в том нет, так как и педагоги поступают так с вами и, клянусь Зевсом, и учителя. Угрозы, даже удары и много

¹⁵ Агонифет — устроитель или судья состязаний. — *Примеч. ред.*

неприятностей, как, конечно, и со стороны родителей. Но на их стороне власть, и возможность наказывать по природе принадлежит им. И так и для тех, кому препятствуют таким образом обедать и которые так огорчаются, позднее настанет такое положение, дающее силу, так что им в похвалу служат эти печали.

24. А самое большое благо для недужного — избавление от болезни. Кто же тот, от кого и это может быть получено? Врач. Как же юноши смотрят на обладающего таким умением, когда он является? Как когда напоминает им о диете? А если понадобится резанье и прижигание — Геракл! — кто более причиняет горя? Кто более ненавистен? Но не тогда, когда можно станет мыться и пользоваться невообразно всякой едой и питьем, но тут врач ему дороже родителей.

25. И в настоящем случае сначала последует уныние, а за ним придет удовольствие.

А что касается слов, которые раньше, чем увидеть плоды, направят на советника и тех, кто вняли увещанию, если они действительно послушаются, нам мало до них дела. Ведь еще не могли бы такого возраста люди создать мнения обо мне. Им, утверждаю я, следовало бы держаться дальше не только от этих столов, но вообще от всех подобных трапез — ведь и другие устраивают такие.

26. А между тем Олимпии летний праздник, и пальцам придает некоторую нерешительность то обстоятельство, что нельзя укрыться от глаз многих. Но не меньше браков, чем теплое время года, приносит зима, когда холод заставляет сотрапезников покрываться подостланными плащами. И отсюда происходит двойной брак, один явный и законный, другой украдкой и незаконный. Пускай же ни отец жениха, ни отец невесты не зовут мальчиков на обед; так как он позовет не столько на обед, сколько на то, о чем я сказал.

27. Иной подумает, речь идет о трапезах, но она касается всего города, если кто захочет правильно вникнуть в дело. Ведь ему спасение от добродетели тех, кто правит общественными делами, и гибель, если некий укор будет сопровождать их с раннего воз-

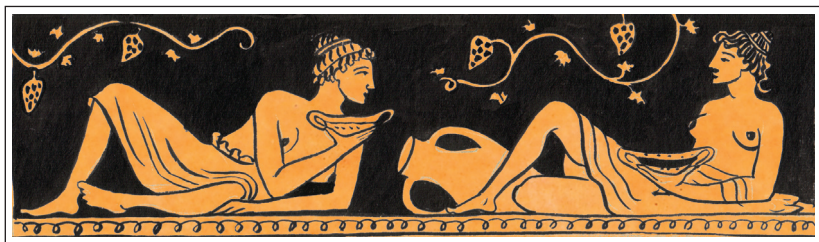
раста. Ведь если будет нечто, препятствующее ведению дела в суде и дающее силу воле властей, хотя бы они и были подкупны, разве это не будет величайшим вредом для города? Следует вообще наивозможно заботиться о мальчиках, чтобы они располагали свободною речью в своей гражданской деятельности, от благородного начала проходя дальнейшие ступени возраста.

28. «Возненавидят агонифета те, которые не вкусили». Но боги возлюбят мужа, который сделал праздник порядочнее и чище. «Будут злословить его», но по ложности своего суждения, позднее же, осудив все свои нынешние слова, будут славить иное.

29. Нимало не было бы надобности в этих словах, если бы отцы хотели быть отцами, будучи таковыми действительно: одни не водили бы, другие не посылали бы, и при отсутствии обедающих не было бы повода к увещанию. В действительности, есть люди, которые говорят мальчикам, собирающимся идти: «Смотри, ешь как можно больше, смотри, подкладывай себе мяса до пресыщения, смотри, не отставай ни в чем от тех, кто гордится вместимостью своего желудка». Затем, в результате таких увещаний, они возвращаются чреватые зачатками такого рода, каким свойственно вызывать разного рода болезни, и является надобность в искусстве врачей или тех средствах, которые ему причастны, дабы болезнь прошла как можно нечувствительнее. Много такого бывает, и они не стыдятся пред врачами, сообщая и рассказывая, откуда эти недуги.

30. Итак, я из тех, кто не внушал своему сыну участия в подобной трапезе¹⁶, отчего для меня получилось и некоторое благо, благо кое-кого и другого, кто поступал так же, как я, и кому тоже это было неким новым благом. А в интересах тех, кто поступали противным образом, если кто не удержит их, я хотел бы, чтобы нужда заставила их исправить свои убеждения, раз они не пришли к этому убеждению сами.

¹⁶ Сын Либания Кимон родился в 355–356 гг. и в 361 г. начал свое образование (Ер. 625, 678). К моменту написания речи он был уже взрослым человеком, и упоминание его живым (Кимон умер в 392 г.) дает нам верхнюю датировку создания данной речи. — *Примеч. ред.*

К ИМПЕРАТОРУ, ПРОТИВ ТЕХ, КТО ОСАЖДАЕТ ПРАВИТЕЛЕЙ

Orat. LI F¹

1. После многих речей моих к тебе, государь, о важных и серьезных предметах, встречая с твоей стороны всякий раз и внимание, и сочувственное отношение к увещаниям, я и теперь явился с намерением произнести речь о предмете, достойном заботы и не менее значительном, чем те. Молю богов, чтобы оказаться в силах достаточным образом разъяснить дело и удалиться, убедив тебя и тем самым быв признан за человека здорового образа мыслей.

2. Я полагаю, все бы согласились, что есть два важнейшие устоя вашей власти, вооруженная сила и сила законов. Первая позволяет торжествовать над врагами, вторая обуславливает правосудие. Но самим даже законам нужны судьи, которые бы выполняли то, что гласят они. Ведь у законов нет ни рук, ни ног,

¹ Речь датируется весной 388 г. и адресована императору Феодосию. Она является парной к речи LII, написанной также в первой половине 388 г. и посвященной той же проблеме. — *Примеч. ред.*

и, если кто позовет их, они не услышат его крика и не придут на помощь. Падают они именно чрез посредство судей. Из людей же одних делает справедливыми страх, других исправляет возмездие.

3. Далее, когда враги преодолеваются, а законы господствуют, людям можно жить счастливо. Но если враги присмирели, а в среде победителей врагов справедливость терпит ущерб пред неправдою, это та же война своего рода в среде единоплеменников, так что мало выгоды от успеха оружия. Далее, если бы возможно было вам лично быть повсюду, нимало не было бы надобности в этих правителях, которых вы посылаете по провинциям, так как вас достаточно было бы для всех судящихся, как самого светоча — солнца. Но так как это невозможно, вы господствуете над ними при посредстве других и их решением постановляете приговоры. Итак, если бы они были и вполне безукоризненными, есть нечто, что им мешает и убавляет их строгость. Что же это?

4. Многие требуют, чтобы им были открыты покои правителей, и, оставив собственные дома, проводят время там, отправляясь туда тотчас после завтрака, стряхнув с себя сон, который вызывает завтрак. И одни, явившись, пока они еще завтракают, сидят внизу, разговаривая так громко, что те слышат, а это значит или встать из-за стола, не кончив, или довести его до конца с неудовольствием. К этому присоединяется лишение сна. А кому удастся вкушать немного сна, крики пришедших будят их скорее, чем детей окрики педагогов. Так извращено положение вещей, и начальство принадлежит подчиненным.

5. Вечер и светильник, а они всё не уходят. Но и прием ванны правителей им принадлежит, так что тем нельзя удовлетворить никаким своим необходимым потребностям. Затем, с зарею они являются под предлогом приветствия, а в действительности — чтобы доставить своим выгодам перевес над правом. Дело в том, что то, о чем они беседовали накануне вечером, того требовать они теперь являются.

6. Все эти посещения, государь, считай противозаконными и считай, что благодаря им многие, справедливо обвиняющие,

терпят проигрыш в суде, а многие, обвиняющие неправо, оказываются в выигрыше. В этих процессах дело идет и о стадах, и о рабах, о земле, ссудах, заключении в тюрьму, освобождении от ареста. И если даже иной правитель готов оказать уважение праву, многого может достичь человек, сидящий долгое время подле, напевающий длинные умиловительные речи, хватающий за руки, за колена, обещающий хвалы, грозящий злословием. Затем тот сидит по закону на своем официальном месте, а они, кто с одной, кто с другой стороны, не дают ему быть судьей. В самом деле, как же может быть судьей тот, кого подталкивают то с одного, то с другого боку, дабы угождение стало сильнее закона?

7. Бывает в подобных обстоятельствах и нечто такое, государь: некоторые не говорят судье ничего подобного, но утверждают, что сказали, и установлена плата за это². Затем, явившись, тот, кто сказал, что нечто заявил, сидит подле судьи, ожидая приговора, а когда последний вынесен согласно праву, нимало не потрудившийся требует платы за справедливый приговор, когда даже не заикнулся ни о чем.

8. И это возмутительно, но не таково, как то, когда хотят восторжествовать над теми, с кем ведут процесс вопреки справедливости. «Если, — говорят, — не дашь льготы, не снесешь тех стрел, что летят из уст». Во всяком случае, уж и пригодное место форум для таких стрелков! Затем от таких угроз возникают недобросовестные потворства и приговоры, и обильные трапезы припасами, что присылаются выигравшими процесс, — ведь не сами пирующие расходуются на них³. И у них помещение за первыми дверями всегда полно рыб, глиняных сосудов, птиц, прочего, что обыкновенно входит в состав трапезы. Много доставляется с разных сторон, одно из самого города, другое из иных, из коих одни

² Т. е. с тех, за кого эти люди будто бы ходатайствовали перед правителем.

³ Должность помощника комита была прежде всего доходна взятками: широко практиковалась система, когда люди, близкие к правителю (прежде всего — его помощники) оказывали покровительство просителям за определенную, назначенную плату, «как за овощи или мясо» (см. Or. I. 109). — *Примеч. ред.*

на материках, другие на островах. И верблюды состязаются с грузовыми судами.

9. И следовало бы таким приношениям ограничиваться пшеницей, ячменем, платьем и вином; в действительности, бывает много серебра, много и золота. Ради этого бани правителей предпочитаются этим общественным, большим. Много может быть обращено просьб и голыми, и натираемыми, и в каждом бассейне, теплой воды и холодной. Просители же моющих таким образом ожидают их выхода и сопровождают их, моля услышать что-либо из полезного для себя. А те, проявив своею миною, что немало труда потребовало сделанное ими, подают надежду, и тем и другим приятны сновидения, одним — преобладание над противником, другим мзда.

10. Иной мог бы, государь, возмутиться и тем, что, вставая с зарею⁴ и минуя прочие заботы, притом немалочисленные и им подобающие, они тотчас отправляются в суд. Разве нет цирюлен, нет аптек, лавочек благовоний, могущих служить местом бесед и встреч? Зачем же, пренебрегая ими, стремитесь туда и безделью там предпочитаете скуку в судах? Но они не ответят, отвечу я, государь. Это потому, что им нужен голос вестника, какой подает он при входе их, перед дверьми. Услыхавшие, все прибегают к их силе. А им выгодно, чтобы были у них просители.

11. Итак, для городов вредны посещения этих людей, вредны и письма тех, кто сами не приходят. И, клянусь Зевсом, даже больше. То, вследствие чего они не приходят, а именно важность сана, исключает возможность неудачи. Иногда записка на диптихе⁵ имеет больше силы, чем многие и долгие речи в беседе с глазу на глаз. Они и приходят иногда или никогда, первое к тем, кто в более значительном чине, второе к лицам низшего ранга.

⁴ Прием у правителя начинался рано — см. Or. XXII. 21: «И в этом оказывает он снисхождение, что является на трон не в полночь и не с первым криком петухов... а перед самым восходом солнца — так что и светильники для него скорее предмет обычая, чем действительной потребности». — *Примеч. ред.*

⁵ Письмо, состоящее из двух сложенных табличек. Либаний имеет в виду представителей чиновничьей аристократии города (*honorati*). — *Примеч. ред.*

12. Из таких столь действительных способов влияния, я полагаю, следует воспрепятствовать обоим, и письмам, и посещениям. Благодаря им ни одно из решений не остается в силе. Тотчас начинается хождение к этим, если возможно, и самих осужденных, если нет, их близких, и приговоры отменяются, а тем предоставляется возможность получить. И правитель подчиняется тем, кто таковыми не состоят. Ведь когда над приговором торжествует некое другое решение, разве не происходит именно этого? Таким образом, приказавшие это становятся господами отпущенных, и последним нельзя противоречить их желаниям.

13. Есть и другое сословие, государь, которое докучает правителям. Какое же это? Те, кто стоят во главе юношей в их занятиях книгами и речами. Половину дня до полудня проводят они у них, обращаясь с просьбами по процессам и множеству других дел⁶. Издали уже, по лицам, узнаешь их, уговорили ли они или нет. Первое придает им веселье, второе — убитый вид. Представляется, что они заботятся о других, а они заботятся о самих себе.

14. Вследствие этого тот, кто посещает правителя, богаче того, кто не посещает. Ведь доход со школы не составляет и самой малой части того, что получается с судов. И если захочешь выяснить причины богатства тех из учителей, которые обладают достатком, найдешь этот источник дохода, кроме тех разве, кому судьба дала наследства родственников, так как самый гонорар с учеников не может дать богатства, но мы отлично знаем, каков он.

15. Таким образом, и они наносят вред процессам, но сюда присоединяется нечто другое, что школьное дело их терпит вред. Это часто доставляет худшему учителю большее благосостояние. Ведь успех оценивается числом учеников, а больше их приобретает тот, кто приобрел дружбу начальственных лиц, так как отцы поручают им сыновей не из-за искусства слова, а ввиду этой их влиятельности.

⁶ Руководители риторских школ, в том числе и Либаний, часто просили зарегистрировать своих учеников в суде наместника в качестве адвокатов и, соответственно, имели влияние на рассмотрение дел. — *Примеч. ред.*

16. И если, подошедши к ним, скажешь: «Человек, ты предаешь сына. Разве не видишь, что этот учитель больше оказывает усердия делам в судах, а ту профессию, с коей связано его звание, делает побочным занятием? Не видишь, как отсюда у него большая часть дохода? Поэтому нечего удивляться, что он более печется о более прибыльном занятии», — услышав это, отец этих детей ответил бы, что он все прекрасно знает, но что самому ему это величайшая выгода, так как с убытком для сына легко ему устраивать все те свои дела, где одна власть способна оказать услугу.

17. Это обстоятельство увеличивает у них состав учеников, а не их искусство слова. Ведь и то, какое есть, способно вытеснить занятие этими делами. В самом деле, невозможно одновременно рачительно относиться к тому и другому занятию. Но кто из учителей отдает свое время правителям, тот отвлекает себя от тех трудов, каких требует искусство слова. А когда те, кто желает преподавать, становятся хуже, как возможно, государь, преуспеяние учащихся? Ведь когда плохо то, что дается, как может быть таким, как должно, усвояемое? Твой же интерес, государь, царствовать над многими искусными в своем деле людьми, и достигнешь этого, если заставишь учителей заниматься своим делом. А понудишь к тому, если законом запрешь им двери правителей.

18. «Почему же нельзя правителям, — можешь возразить, — если они пожелают, поступить так и без закона?» Можно. И есть некоторые, совсем немногие, кто так поступили, кому да пошлет многие блага Справедливость⁷, восседающая рядом с Зевсом. И поступившие так были ославлены теми, кто лишились общения с ними, когда говорю общения, разумею, доступ; они, однако, не были удручены тем и не отменили своего решения из-за подобных речей.

⁷ Дике, дочь Зевса и Фемиды — богиня правды и справедливого возмездия, вершительница справедливости в круговороте душ, лично душист несправедливость. Дике иногда идентифицируется с Астреей, ее мифологической сестрой, которая обитала на земле в период золотого века, а потом, разочарованная падением нравов, вознеслась на небо. — *Примеч. ред.*

19. Но не у всех встретим подобное мужество. И в этой среде иной робок, как в войске, и страшен этому меч, тому злословие, и недостаточно того, что он не знает за собой ничего дурного. Итак, дабы вместо них вступил в силу закон и ни те не имели доступа, ни эти не подвергались злоречию, пусть этому обычаю положен будет предел царским указом.

20. «Возможно, клянусь Зевсом, и в случае посещения и просьб не оказывать снисхождения». Возможно, но нелегко. Великой силой понуждения обладают просьбы, прикасание к руке, к подбородку, унылый вид. Иной роняет и слезу. Другой грозит с места не сойти. Нельзя, скажет он, уйти, потерпев неудачу: перед дверьми стоит просивший его, надежд коего ему совестно. Нередко судья уступает этим уловкам. Поэтому он даст то, чего дать не желает.

21. Потому пускай никто не входит, пускай не имеет аудиенции, не беседует, не молит, не просит получить. Так не будет и того, кто дает. Ведь не бросит же он записки в окно, привязав к стреле. А если кто и отвергнет просьбу, сколько ему понадобится слов, сколько уловок, сколько времени? А это немалый ущерб делам, так как мысль судьи отвлекается от них к этому.

22. Но есть такие, которые, войдя, удовлетворяются приветствием. Я не знаю этого человека. Но допустим, будет один, если угодно, два, пусть явится и третий. Так не подобает ли скорее, чтобы с теми и этим был загражден вход, чем из-за этих открывать тем, кто извлекают выгоды из судов, то, что следовало бы запретить, в особенности когда не посещающим от того вреда никакого, а те, кто посещают, могут причинить вред? Ты найдешь, что одни, немногие, не будут удручены этим законом, так как ничего не теряют, другие же, большинство, будут в крайней досаде, так как для них пропадает многое. Так к чему же в чести для некоторых давать стольким людям повод действовать против требований справедливости?

23. «Он может узнать от посетителей нечто нужное». Может усвоить и нечто неблагоприятное от посетителей. А что дурных людей большинство, это изречение человека, прославившегося

своею мудростью⁸. Итак, дурных языков будет больше хороших. Следовательно, правитель будет у нас скорее порочнее, чем честнее. Мы видели, что те, кто заперли двери, приобрели добрую славу по собственному почину, и ничто из полезного не ускользнуло от них, несмотря на то, что они не пользовались, как руководством, мнениями этих людей.

24. Полагаю, что и тем самым, что склоняет их принимать должности, является твоя уверенность в их рассудительности. Ведь ты посылаешь их, как таких, которые подготовлены к поддержанию благополучия городов, но не для того, чтобы их учили тому. Если же будет надобность в людях, которым придется наставлять их, как поступать, всякий может обвинить тебя, государь, что ты даешь должности им, в то время как следовало бы предоставлять их вместо них тем [советникам].

25. «Можно сделать, — говорит противник, — много промахов под влиянием гнева, и надо, чтобы являлись те, которые его сдержат». Но многие, застав человека в гнев, приводят его в еще большее бешенство, подбавляя к добродетели правителя гнева. Правителю, говорят они, нужно быть грозным для подчиненных, нужно, чтобы особенно боялись его во вспышке его гнева. Но они раздувают гнев, возникший по другой причине, отвлекая таким путем от того, которого сами являются устроителями, тех, кто во всем им уступает. Поэтому возможность всем являться к ним и говорить, о чем им заблагорассудится, способна не столько утишить проявления гнева, сколько усилить их, а иные даже внушить. Твое же дело, государь, избавить правителей от того и другого. А свой гнев, помимо этих лиц, они потушат, сами себя уговаривая и удерживаемые своими асессорами⁹.

⁸ Одно из известных в древнегреческой литературе изречений Бианта Приенского — философа VI в. до н. э., одного из «семи мудрецов» — особо чтимых древних философов и политиков VII–VI вв. до н. э., авторов сентенций о мудрой и правильной жизни (первый список «семи мудрецов» приведен в диалоге «Протагор» Платона). — *Примеч. ред.*

⁹ Имеется в виду пост паредра — помощника правителя. — *Примеч. ред.*

26. «Они скажут, что существуют некоторые льготы, не заключающие в себе ничего противозаконного». Но если они согласуются с законами, их надо назвать чем-либо другим, а не льготами. Если я получаю то, что может мне быть предоставлено законом, как же это еще и льгота? Или почему такому предмету это наименование? Ведь тот, кто получил льготу, обязан отплатить давшему, а судье, который был слугою закона, разве можно быть обязанным признательностью? Он сделал то, что ему было необходимо сделать.

27. Итак, я утверждаю, ни в том, ни в другом случае нет нужды беседовать кому-либо с судьей о подобных делах, позволяют ли законы предоставлять просителям льготы или нет. Или пускай и при молчании с их стороны будет оказываемо то, что следует, согласно законам, или, если они станут называть милостями такие, которые не согласны с законами, получив такие, они получали милости неподобающие.

28. Если же кто-либо скажет мне о тюрьмах, и осуждении, и освобождении от того или другого благодаря заступничеству вхожих к правителям лиц, пусть знает, что в случаях, когда надобно освободить, освобождение последовало бы и без посещения их, как и при тех, при ком посещения не было, а мера наказания, которой следовало бы или вообще оставаться, или на больший срок, будучи совсем отменена или пресечена скорее благодаря посетителям, изменена незаконно. Устрани, государь, из судов эти поблажки, и пускай судья и в более, и в менее важных случаях поступает так или иначе во внимание не к личности, а к законам.

29. «А разве ты, — скажет противник, — не из числа посещавших?» Не отрицаю, но в то же время из тех, кто не посещали. Я желал последнего, но вынуждаем был к первому, избегая, насколько было возможно, но побеждаемый частыми и многократными приглашениями. Приходившие и звавшие видели то врачей, ухаживавших за мною, будто за больным, хотя болен я не был, то продавали мне право считаться неспособным ни на свидание вне дома, ни на прием у себя. Но всегда избежать приглашения было

невозможно. А что я тяготился подобными посещениями, доказательством тому служит, что те, кто не звали меня к себе, называли себя моими благодетелями. И прочим представлялось, что они поступают нехорошо, не приглашая меня, а мне представлялось, что они поступают подобающим образом и содействуют делу красноречия.

30. И я считаю приятнейшими из годов эти годы, которые со всею рачительностью мною потрачены на занятия красноречием. И когда я говорю так, было бы несправедливо мне не верить. Ведь и Аристиду, сыну Лисимаха, не выпало ни обола с подачей¹⁰, и мне тоже со стороны приближенных того благородного, славного и жизнью, и кончиною государя¹¹. Итак, честно было не брать, а еще благороднее не получать обратно, и притом когда он предлагал, так как не вся конфискация состояния, какой подвергся дед¹², была отменена. Но все же и от этого я уклонился, «чтобы, — сказал я, — никоим образом не стяжать какой-либо подобной выгоды».

31. Ради чего я это рассказал? Чтобы все получили уверенность, что я более доволен был, если б меня не приглашали, чем подобными свиданьями. Ведь если бы они денег и не доставляли, ввиду нежелания такого заработка с моей стороны, вместо покоя разве они не доставили бы хлопоты и труды и не отвлекали бы от занятий красноречием, дабы я услаждался их процессами?

32. «Ты, — говорит оппонент, — многих благотворил этим путем». Тут я опять напомним о законах. Когда они подтверждаются правителями, а так должны к ним относиться хорошие, не будет

¹⁰ Аристид, сын Лисимаха, ум. ок. 468–467 гг. до н. э., политический деятель в Афинах. Выступал против проектов Фемистокла об увеличении морских сил, вследствие чего был изгнан на 10 лет остракизмом. После амнистии принял участие в Саламинской битве и, в качестве стратега, — в битве при Платеях. В 478 г. стал командующим греческим флотом и одновременно инициатором создания афинского морского союза, бразды правления которым фактически взял в свои руки. Аристид слыл образцом справедливости и неподкупности. — *Примеч. ред.*

¹¹ Либаний так именовал императора Юлиана. — *Примеч. ред.*

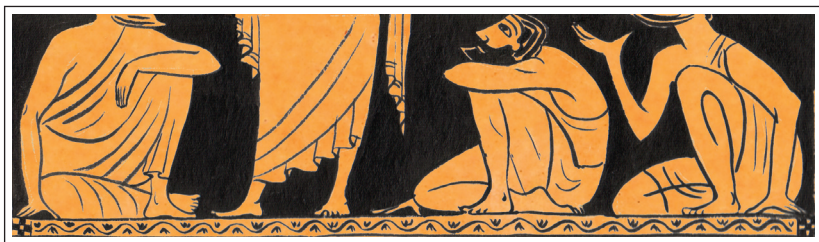
¹² См. подробнее Ор. I. 3–4. — *Примеч. ред.*

надобности подчиненным ни во мне, ни в другом. Я посещал, признаю. Но этого не было бы, если бы какой-либо закон тому препятствовал. Пусть поэтому будет установлен закон, чтобы даже всячески желающим нельзя было иметь доступа, закон, благодаря коему души правителей обретут покой, так как я желал бы, чтобы и врачи беседовали с ними только насчет их телесного здоровья.

33. Еще и то подобает сказать, государь, и ввести это в состав закона, так как, если оно будет упущено из виду, оно даст возможность выполнения того, что, по-видимому, воспрещено. Хочешь узнать, что это? Пусть ни один правитель ни сам никого не угощает, ни является на трапезу к другому лицу. Сейчас это очень распространено. Оставляю в стороне третий позор, когда трезвые видят пьянство среди них и не могут удержаться от смеха. Такие у них щеки, такие глаза, такие языки. А те, кто на колеснице, еще смешнее тех, кто едут верхом.

34. Но сейчас оставляю это, но следует бояться их трапез, вследствие речей за попойкой, где можно попросить и таких милостей, о которых я рассказал. А хозяину и правителю, и поэтому могущему даровать и пьющему за здоровье сотрапезников, представлялось непоследовательным и несоответственным кубку не присоединять к вину и милость. Многим возникают несчастья от этих пиров. Затем те, которые не совершили никакого преступления ни в частной, ни в общественной жизни, не удивляются, с чего их дела обретаются в неурядице и бедственном положении.

35. Останови же, государь, подобные попойки. Ты остановишь тем начала многих бедствий, в одном ожидании которых, прежде еще чем они наступят и настигнут, — язва. Этот закон, будучи установлен, даст силу и прочим, пока еще не выступили на них те, от кого они становятся слабыми.

ПРОТИВ ТЕХ, КТО ИЗДЕВАЛИСЬ НАД НИМ ЗА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЕ

Orat. LXII¹

1. Давно некоторые люди, неотесанные и ничего не стоящие, но высоко себя ставящие, раздражались против меня и моих учеников всякими злословиями, против них, что они ничему не научились, против меня, что я не умею учить.

2. Но пока они так поступали тайно, в потемках, с боязнью, чтобы я не узнал, я молчал, полагая, что для меня достаточно возмездия им в том страхе, с каким они наносят такие обиды. Но после того, как они дошли до такой разнузданности, вследствие недобросовестной наживы, что уже и ввяв наносят оскорбления, на площади, в присутствии многих, я попытаюсь помочь себе и доказать им самим и обманутым ими, нет ли за мною некоторой опытности в красноречии.

¹ Точная датировка речи неизвестна. Очевидно, что она была создана после казни в 366 г. (после подавления восстания Прокопия) упоминаемого в тексте Андроника. На основании различных трактовок свидетельств, содержащихся в тексте речи, она датируется 374 г. или ок. 382 г. — *Примеч. ред.*

3. Негодуя на этих людей, которые не знают собственной беды, а с легкостью испытуют души прочих, особенно сердит я, сказал бы я, за то, что они ставят меня в необходимость самовосхваления и вынуждают меня к тому поступку, которого я всегда избегаю, сказать нечто о той пользе, которая мною принесена другим.

4. Но если бы возможно было мне устранить обвинения, воздержавшись от этих речей, я поступал бы нехорошо, распространяясь в похвалах себе. Но так как в моих одобрительных о себе речах заключается доказательство неправды их сообщений, вы по справедливости должны бы извинить мне, когда я не могу поступить в ущерб своему их изобличению. Ведь было бы бессмысленным оратору бояться скорее истины похвал, чем клевет, которые уже долгое время сочинялись против меня некторыми.

5. Именно некоторые, и сидя, и походя, говорят, что я искусен в составлении речей и выдвигаюсь из толпы, но учитель не такой. Тут они тотчас задают вопрос: «Кто из посещавших школу этого человека отличился в судебных процессах? Кто в ряду декурионов? Кто с трона учителя? Кто с трона правосудия?» И предупреждая вопрошаемых, дарят их ответом: «Никто».

6. Я же несколько позже докажу, что есть некоторые из людей, меня посещавших, которые приобрели славу своим искусством говорить. Но допустим, теперь их заявление, что «никто», истинно. Что же? Неумение других тотчас надо ставить мне в обвинение? Если, в самом деле, или сам я ничего не знаю из того, что следовало бы знать тому, кто берется учить, или из зависти я скрываю про себя свое искусство, или некоторая небрежность портит мое преподавание и юношам дается меньше того, что нужно, или, хотя я даю, сколько нужно, но ленивых из тех, кто не желают воспринимать учения, я не бранил, пусть любой меня бранит, обвиняет, порицает, скорее даже, подав письменный донос, вчиняет процесс и подвергает меня наказанию за многие города, мною обманутые, и самое главное, за молодежь, которой мною нанесен ущерб. Если же есть у меня некоторая опытность в красноречии, и все, что я знаю, я даю, и все средства, сколько позволительно,

употребляю, и против нерадивых, на одних удары, на других слова, более хлесткие, чем плетка, то насколько справедливее и человечнее искать причины этого обстоятельства в другом чем-нибудь, нежели клеветать на безвинного? Но так как, хотя причина этого на виду у всех, вы не хотите ее видеть, то сейчас увидите ее по нашему указанию.

7. Большой вес в каждом предмете деятельности имеет благоприятность обстоятельств. С нею все может идти и быстро, и успешно. Если же обстоятельства неблагоприятны, тщетно рвение людей, берущихся за дело. В самом деле, какая удача мореходцам, когда ветры противны, или сеятелям, когда атмосфера нездорова? И полководцу обстоятельства верный союзник, и послу, и всякому вообще занятию и профессии. Обстоятельства, каких еще не бывало раньше, говорит Фукидид, двинули на Аттику лакедемонян². Я же вступил в некое грозное безвременье, под давлением нужды, о которой говорить не время.

8. «Какое же безвременье разумеешь ты?» — скажет иной. — Констанция и его царствование. Получив от отца искру злополучия, он довел его до полного разгара³. Тот лишил богатства богов⁴, а он срыл храмы и, вычеркнув всякий священный закон, предался тому, что мы знаем⁵, распространяя бесчестие

² Фукидид вложил в уста послов Митилены речь, призывающую лакедемонян к нападению на Афины: «Ведь никогда еще обстановка не складывалась столь благоприятно, как теперь. Мощь афинян ослаблена чумой и огромными военными расходами. Их флот разьединен: часть его крейсирует у ваших берегов, а другая эскадра угрожает нам. Так что у них не будет преобладания на море, и если вы этим летом вторично совершите вторжение в Аттику на кораблях и по суше, они не смогут отразить вас, а если и предпримут такую попытку, им придется отступить на обоих направлениях. Пусть никто не думает, что подвергает опасности свою родину ради чужой земли» (III. 13. 3–5; пер. Г. А. Стратановского). — *Примеч. ред.*

³ О том, что именно имп. Константин ответственен за развязывание персидской войны, Либаний писал в Ор. XLIX. 2. — *Примеч. ред.*

⁴ Подробнее о его религиозной политике и конфискации имущества храмов см. Ор. XXX. 6. — *Примеч. ред.*

⁵ О религиозной политике Констанция см. Ор. XXX. 6 (ср. Cod. Theod. XVI. 10. 2–4). — *Примеч. ред.*

со святынь на красноречие. Понятно. Близки, полагаю, и сродни эти две области, святыни и речи.

9. И философов, и софистов, и всех тех, кто принадлежат к таинствам Гермеса и Муз, никого из них никогда не призывал он во дворец, не видал, не хвалил, не сказал им ничего, не слышал их голоса, а любил и держал при себе и делал своими советниками и учителями варваров, некоторых евнухов⁶ — сущую гибель. Для них он отказался от дел царства, а сам давал лишь имя ему и облачение царя, власть же — их.

10. А они обучение красноречию всячески преследовали, унижая его адептов, поощряя друг друга наблюдать, чтобы ни один просвещенный человек не вкрался к нему в дружбу, а вводили бледных, врагов богам, тех, что держатся около могил⁷, чьей гордостью служит издевательство над Гермесом и Зевсом и теми, кто правят с ним, и снова возводили в значительное положение секретарей, которые были ничем не лучше своих слуг, ни душою, ни искусством рук, а некоторые и хуже, одни в том или другом, другие в обоих отношениях.

11. И перемена бывала очень быстра. Сын повара, валяльщика⁸, уличный шатун, тот, для кого роскошью было не быть голодным, ни с того ни с сего восседает на благородном коне, важная персона, брови подняты, толпа слуг-проводимых, большой дом, обширные поместья, льстецы, пиры, золото. И если кто и из риториков получал какой-либо административный пост, даруемый этими, он получал его в награду за лесть. Если бы они были благоразумны, им лучше было бы стать еще скромнее, чем превозноситься этим. Но презренные и пьянствующие евнухи дошли

⁶ Скорее всего, это намек на евнуха Евсевия, препозита священной спальни в 337–361 гг., одного из наиболее влиятельных государственных деятелей эпохи имп. Констанция. — *Примеч. ред.*

⁷ Намек на христианский культ святых. О бледности монахов см. Or. XXX. 8. — *Примеч. ред.*

⁸ Имеется в виду Элий Клавдий Дульций, проконсул Азии при Констанции II, Юлиане и еще в первое время при Иовиане (см. Amm. Marc. XXVII, 8, 10; XXVIII, 3, 6). О нем, а также других членах сената, происходивших из низших сословий, см. Or. XLII. 23–24. — *Примеч. ред.*

до такой степени разнузданности и так обнаглели, что, приводя секретарей, сажают их на трон префектов. И доблестный Констанции радовался, как будто счастливо обрета единственное средство спасения государства.

12. И вот, как ты думаешь, видя это, юноши в школах не раз говорили себе: «Что мне за выгода в этих нескончаемых трудах, с какими необходимо пройти много поэтов, много риториков, всяческие другие сочинения, а когда настанет конец труженичеству, самому ходить без почета, а благоденствует другой?»

13. Да что говорить о юношах? Отцы их, люди, испытанные в красноречии, на основании таких соображений воспитывали своих сыновей, сочетав эти занятия с теми, питая уважение к красоте слова, но видя, что сила в другом. И так и сами они терпели урон в том предмете [в красноречии] из-за этого [искусства письма], и прочих приводили в уныние, что красноречия недостаточно для благоденствия.

14. Всякий может определеннее усмотреть язву времени, если обратит внимание на воинов из Афин. После плаща, и лица, и речей, и вступлений, и, клянусь Зевсом, Аристотеля, шаровары и пояс служащих в царском ведомстве по грамотам⁹, которые из дворца должны посылаться во все стороны.

15. Это зло, задевшее и афинян, сильнее охватило моих учеников и больше повредило им, потому что не тождественно и не сходно преподавание в Египте, в Палестине, в Афинах и там, где я преподаю. Где в равной степени можно слышать об удаче секретарей и видеть их воочию? И слышать рассказы об их блестящих входах и выходах, с зарею первых, поздним вечером вторых, и самим быть в числе могущих рассказать?¹⁰ Итак, одно было у тех, живущих вдали, что меньше причиняло вреда, а другое, одинаковое в трех городах, Константинополе, Никомедии, Антиохии. Это

⁹ Шаровары (короткие штаны) и пояс были частью униформы гражданских служащих, *officialis* или *agens in rebus*. — *Примеч. ред.*

¹⁰ Вероятно, это описание относится к пребыванию в Антиохии имп. Валента в 370-х гг. Против влияния выскочек, устраивавших пышные «выходы», Либаний высказывался и в других речах (Or. LI; LII). — *Примеч. ред.*

именно и служило мне важнейшей преградой и притупляло рвение юношей, что не было выставлено наград за труды, которые склоняли бы к терпеливой работе, как где-то говорит Платон¹¹. Но мы знали бы, что он говорит, и без его слов: «То, что в чести, в том люди всегда и изощряются, а то, что находится в бесчестии, то забрасывают».

16. Итак, если красноречие было бы в числе профессий, чтимых Констанцием, учитель плохо воспользовался благоприятным временем; если же никто из людей более образованных не друг ему, и не ораторы, а те, которые быстры в письме под диктовку, получали высшие отличия, что удивительного, если некое оцепенение к занятию красноречием овладело юношами?

17. Это зло и эту тучу устраняет император Юлиан, который одновременно носил в руках и оружие, и книги, навьючив на многих верблюдов это бремя, не вино, благовония и мягкие постели, что большею частью следовали за его предшественником. И труд был юношам слаще лени, как ахейцам война — плаванья, после того порыва, который они восприняли от Афины¹².

18. Но это поправление сделало кратковременным неправоное оружие в персидской земле, которое его убило¹³, а юношей снова отбило от ученья. Но если бы злой демон не позабавился городам, человеческая жизнь, во всем преуспев, в особенности достигла бы высокого превосходства в красноречии.

19. Итак, в то время как один в течение долгого царствования воевал с красноречием, а другой, чтивший риторику, лишь появился и отошел в вечность, некая нерешительность напала

¹¹ «Раз в государстве почитают богатство и богачей, значит тем меньше ценят добродетель и ее обладатели... Кончается это тем, что вместо стремления выдвинуться и удостоиться почестей развивается наклонность к стяжательству и наживе...» (Plato. Resp. VIII. 551 a; пер. А. Н. Егунова). — *Примеч. ред.*

¹² «С оным, бурно носяся, богиня народ обтекала, В бой возбуждая мужей... Всем во мгновенье война им кровавая сладостней стала, Чем на судах возвращенье в любезную землю родную» (Ном. II. II. 450–454; пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

¹³ Либаний полагал, что Юлиан не погиб в сражении, а был убит (см. Or. XXIV). — *Примеч. ред.*

на юношей. При такой ее степени и я, признаюсь, был виновен в некотором вреде. Одно и то же мне принесло славу честности, а у учеников наших вызвало небрежное отношение. Что же это? Что каждый из являющихся ко мне волен давать вознаграждение или нет. И нужде людей недостаточных стала подражать собственная воля людей богатых, вернее, из состоятельных одни вносили, другие нет.

20. Когда же не дававших становилось больше, и по этому самому они становились менее рачительными: возможность получить даром заставляет брать не с такою готовностью; за что кто не вносит платы, о том не скорбит, если не приобретет. И вот, когда это большинство, о котором я сказал, было дурно настроено, с ним увлечена была и та часть учеников, что платила гонорар. И ими они были больше увлечены к беспечности, чем те этими к исправлению. Полагаю, легче, конечно, и приятнее ничего не делать, чем трудиться, так что и этим мало было выгоды от того, что они давали.

21. Явилась и третья причина гибели дела. И пусть будет достойным и пусть восхваляется это препятствие, если угодно, но оно было все же величайшим препятствием силе словес. Все прочее время юношей из мастерских, тех, которым забота о насущном хлебе, можно было видеть отправляющимися в Финикию для усвоения законов, а юноши из богатых домов, у которых и род знаменит, и состояние, и отцы, отправлявшие литургии, оставались в наших школах. И казалось, что изучение законов — признак низшего положения, а не нуждаться ни в чем из того — признак высшего, но теперь много посылок многих для этих занятий, и юноши, умеющие говорить и способные взволновать слушателя, спешат в Берит¹⁴, будто наперебой.

¹⁴ В финикийском Берите (совр. Бейрут) функционировала знаменитая школа права, уступавшая лишь Риму (Or. XLVIII. 22–24; XLIX. 27–28). Вскоре после своего возвращения в Антиохию Либаний предпринимал значительные усилия по привлечению в город преподавателя права с целью создания единой системы преподавания (Ер. 433; 478, датированные 355/356 г.). — *Примеч. ред.*

22. Они не замечают, что, вместо того чтобы прибавить, меняют одно на другое. Ведь не бывает, чтобы одно знание сохранялось у владеющих им, а другое усваивалось сверх него, но одно может быть усвояемо, а другому невозможно не улечься. Действительно, невозможно, чтобы умственной способности хватало одновременно и к приобретению этого знания, и к сохранению того. Но тот, кто прилежит к этому, оставляет то, так что они выиграли бы, все время отдавая законам, чем тратя попусту большую часть его.

23. Далее, хорошо ли они поступают, преследуя задачу усвоения законов как предмета более полезного, в этот вопрос, полагаю, вдаваться не следует — ведь сегодня не выпадает срока для решения судом преимуществ законов над красноречием, но достаточно для меня доказать, что вложенное путем предшествующих занятий искусство красноречия необходимо вытесняется вторыми и это второе знание укрепляется, а первое исчезает, у одних вполне, у других в немалой мере.

24. Сверх сказанных, столь важных, доводов, есть теперь и другой, который опущу, дабы не показаться кому-либо завистливым. Перейду к тому, что составляет суть вреда. [У]же отцы не грозят детям, не оставляют без обеда, без ванны за их нерадивость, не наказывают одних, не страшат других, что выгонят, что откажутся от них, что оставят наследство другому, но хвалить не могут, а бранить не смеют, и предоставили свое место им, а их себе, так что сыновья смотрят гневно, а отцы робеют.

25. Юноши, забрав такую волю, спят, храпят, пьют, пьянствуют, кутят, а учителям дают понять, что, если те не будут терпеть всё, уйдут к другим, а отец не удержит. А несчастные отцы, говоря словами Андромахи, разделяют и пристрастия своих сыновей¹⁵. И иной, случается, уже хвалит сына, пускающего в незаконную связь, восхищается, когда он наполняет школу дракой и

¹⁵ «О Гектор мой, когда порой Киприда Тебя с пути сводила, я тебе Прощала увлеченья, я рожденным Соперницей не раз давала грудь...» (Eurip. *Andromache*. 222–225; пер. И. Анненского). — *Примеч. ред.*

беспорядком, и за что подобало бы задушить, то, по его уверению, даст ему силу в зрелом возрасте.

26. Это нужно было видеть тем, кто попрекают, это принять в расчет, это считать виною того, что юноши не достигают до совершенства в красноречии, а не перескакивать через действительные причины, а несуществующие выдумывать, и истинные оставлять в стороне, а распространяться в жалобах на ложные, и вдвойне преступать границы справедливости, и в том, что замалчивают, и в том, что утверждают.

27. Вот какие и еще другие обстоятельства отняли у нас рост красноречия, которое должно преуспевать среди юношей. Но все же, при стольких невыгодных условиях, сказал где-то Демосфен¹⁶, — не стану хвастаться, не скажу с некоторым преувеличением действительности, что я наполнил риториками три материка и все острова до Геракловых столпов¹⁷, но скажу лишь столько, сколько могу и доказать, что у меня есть дети — так подобает называть тех, кто воспользовались моим курсом¹⁸, — одни во Фракии и великом городе, другие в Вифинии, третьи в Геллеспонте, в Кarii и Ионии, можно найти, если угодно, и у пафлагонцев,

¹⁶ «Конечно, много у меня есть в настоящем процессе невыгодных условий в сравнении с Эсхином, но два из них, граждане афинские, имеют и важное значение. Во-первых, это то, что цели нашей борьбы не равные... Во-вторых, от природы присуща всем людям такая черта, что, выслушивая охотно брань и обвинения, они возмущаются, когда кто-нибудь восхваляет сам себя» (Demosth. De cor. 3; пер. С. И. Радцига). — *Примеч. ред.*

¹⁷ Т. е. весь обитаемый мир — ойкумену (греч.), или orbis terrae. Согласно традиционным географическим представлениям, земля состояла из трех материков или одного круглого материка, разделенного внутренними морями и реками на три части — Европу, Азию и Ливию/Африку (не считая островов) и омываемого со всех сторон океаном. Геракловы Столпы (Гибралтар) считались одним из пределов обитаемого мира, хотя в античной географической науке были многочисленные примеры плаваний за его пределы. — *Примеч. ред.*

¹⁸ Позиция преподавателя по отношению к ученикам in loco parentis была традиционной в классическом образовании. На сегодняшний день известно 105 учеников Либания. — *Примеч. ред.*

и у каппадокийцев, там немногих, немного и являлось оттуда к нам, но кое-кого можно найти¹⁹.

28. Многих можно видеть и в городах Галатии, не менее в Армении. В свою очередь, большее их число — киликийцев, а еще больше, чем их, сирийцев. Если отправишься и на Евфрат и, переправившись за реку, явишься в города по ту ее сторону, встретишь некоторых из моих друзей, пожалуй, неплохих ораторов. Обязана мне некоторою признательностью и Финикия, и Палестина, и с нею Аравия, исавры, псиды, фригийцы²⁰.

¹⁹ В этом параграфе представлен список провинций, жителей которых Либаний обучал в начале своей карьеры, будучи в Константинополе и Никомедии. Великий город — это Константинополь. О Фракии см. далее. Вифиния — область на северо-западе Малой Азии между проливом Босфор и рекой Сангарий, одним из крупнейших городов которой была Никомедия; в течение всей римской эпохи это была провинция Понт и Вифиния, переименованная в эпоху реформы Диоклетиана в провинцию Вифиния Понтийского диоцеза (с выделением провинции Понт Полемониев). Провинция Геллеспонт была образована в 105 г. н. э. на азиатском побережье одноименного пролива (Дарданелл), с центром в г. Кизик; со времен Константина Великого входила в Азиатский диоцез. Кария — область на юго-западе Малой Азии, в 133–129 гг. до н. э. вошла в состав провинции Азия, в результате реформы Диоклетиана 297 г. стала отдельной провинцией в составе Азиатского диоцеза. Иония — область на западном побережье Малой Азии, входила в состав провинции Азия Азиатского диоцеза. Пафлагония — область малой Азии на берегу Черного моря между Вифинией, Галатией и Понтом; с I в. до н. э. была разделена между соседними римскими провинциями, и лишь в результате реформы Диоклетиана 297 г. внутренние районы области были превращены в самостоятельную провинцию Понтийского диоцеза с центром в г. Германикополе (Гангра). Каппадокия — область на востоке Малой Азии, между реками Галисом и Евфратом; с 17 г. до н. э. римская провинция, впоследствии объединялась с Галатией и провинцией Армения; при Константине Великом были созданы две провинции Каппадокии (I и II) в Понтийском диоцезе. — *Примеч. ред.*

²⁰ В этом параграфе представлен список провинций, выходцы из которых обучались у Либания после его возвращения в Антиохию в 354 г. Галатия — область в центральной возвышенной части Малой Азии, названная в честь племени галатов (галлов), пришедших в Малую Азию в III в. до н. э.; в римскую эпоху — провинция с центром в г. Анкире, после реформы Диоклетиана 297 г. ставшая Галатией Салютарис в Понтийском диоцезе. Под Арменией Либаний имеет в виду область Малая Армения (в верховьях рек Евфрат, Лик и Галис), которая с I в. н. э. вошла в состав провинции Каппадокия; при Диоклетиане была выделена в самостоятельную провинцию, при Феодосии разделена

29. И говорю это не в том смысле, чтобы все отовсюду от меня принесли домой свою силу речи, но в том, что каждая область получила от меня нескольких раторов. Умалчиваю об умерших, о каковых если бы сказал, что они составляли величайшую для меня честь, думаю, не обидел бы тех, кто в живых. Одни из них мои сограждане, два тезки галаты, и каппадокиец прошлый год, и киликиец недавно, и, кроме них, финикиец. Их и одних, если бы они дожили до старости, достаточно было бы, чтобы увенчать меня славой.

на I и II Армении Понтийского диоцеза с центрами в Севастии и Мелитине. При этом надо учитывать, что в 387 г. в состав Империи вошла Armenia Interior (область царства Великая Армения), которую стали именовать Западной Арменией. Финикия — область на восточном побережье Средиземного моря (совр. Ливан), в римскую эпоху вошла в состав провинции Сирия; в результате реформы Диоклетиана были выделены две провинции Восточного диоцеза — Финикия (приморские территории) и Финикия Ливанская (горные районы). На месте Палестины с I в. н. э. существовала провинция Иудея, переименованная после подавления восстания Бар-Кохбы в 135 г. в Сирию Палестинскую с центром в Кесарии; в результате реформы 297 г. были выделены провинции Палестина I (Иудея и Самария, с центром в Кесарии) и Палестина II (Галилея, с центром в Скифополе) Восточного диоцеза. Аравия стала провинцией с центром в Петре (совр. Иордания, юг Сирии, северо-запад Саудовской Аравии и Синайский п-ов) в 106 г. н. э. после присоединения Набатея к царству. Киликия — область на юго-западе Малой Азии, с I в. до н. э. римская провинция, которую перекраивали в течение 200 следующих лет; при Феодосии Великом разделена на I и II Киликии Восточного диоцеза с главными городами Тарс и Аназарб. Упомянутые Либанием города за р. Евфратом принадлежат провинции Месопотамия или провинции Евфратисия Восточного диоцеза. Исаврия — горная область в южной Малой Азии, к северу от Киликии; название получила по имени воинственного племени исауров; с 297 г. в ходе административной реформы Диоклетиана от провинции Исаврия были отделены Киликия и Писидия, но присоединена восточная часть Памфилии; провинция Исаврия входила в Восточный диоцез. Писидия — горная область в юго-западной части Малой Азии; в разные эпохи входила в состав соседних провинций Галатия и Памфилия, и лишь при Константине Великом была образована провинция Писидия в Азиатском диоцезе. Фригия — область в северо-западной части Малой Азии; со времен римского завоевания территория Фригии была разделена между соседними провинциями Азия и Галатия; по результатам реформы 297 г. были учреждены две провинции — Фригия Пакиана и Фригия Салютарис Азиатского диоцеза. — *Примеч. ред.*

30. «Кто из них, — скажет противник, — заняли положение учителей? Никто». Но ведь они и не имели этого намерения, быв к тому весьма способны, если бы пожелали. Итак, если они не обладают к тому способностью, докажи. Если же, при наличии ее, они предпочли обратиться к другой профессии, это не может быть признаком неспособности, но нежелания. Ведь от многого, что мы могли бы делать, если бы предпочли, мы уклоняемся, одни без всякого основания, к тому склоняющегося, другие и потому, что препятствует то или другое соображение.

31. Сколько людей, обладающих силою, не записались в число атлетов? Множество. Сколько людей, воинственных по характеру, не сделали воинами, сколько властных по натуре людей, предпочли быть в подчинении у других управлению городами? Оставляю в стороне прочих, но мой младший дядя, нимало не уступавший старшему качествами этого рода, в некоторых отношениях даже опережавший его, отклонил от себя много должностей, предпочтя положение декуриона званию правителя²¹. Мог бы назвать тебе много декурионов, которые продолжают поступать так же, в то время как давно уже можно было бы пройти ряд начальственных должностей и наводить страх, подобно некоторым, кто, вкусив власти, становятся надменны.

32. Что же, следовательно, удивительного, если, как другим, умеющим править, полезнее показалось быть в подчинении, так некоторые, способные обучать, решили не идти по этой дорожке? Если нужно мне сказать и о причинах этого, не странное что-либо сказал бы я, но то только, что ясно и ребенку: видя, что занятие это в пренебрежении, и подрыто, и не приносит ни славы, ни силы, ни дохода, но вместо этого тяжкое рабство и что много господ: отцы, матери, педагоги, сами юноши, у которых произошло самое странное извращение понятий, когда они думают, что преподающий красноречие нуждается в ученике и убыток в случае неусвоения ложится на преподающего, а не на того, кто

²¹ Фасганий и Панолбий. Панолбий в 336 г. управлял провинцией, но неизвестно, какой (PLRE. P. 665). — *Примеч. ред.*

не получил обучения, видя это, они избегают дела, которое стало бедственным, как пловцы подводных утесов.

33. Но глядя на меня, кто захочет этой профессии? Я представляюсь благоденствующим, но живу несчастнее заключенных, снося приказы, и вынужденный одних и тех же лиц ненавидеть и задабривать, первое вследствие того, что я от них вынес, второе ради того, чтобы не претерпеть больше и пущих испытаний. Таковы нынешние отцы. Тех, чьими учениками они делают своих сыновей, они стараются погубить и, если не смогут этого, отводят душу злословием по их адресу.

34. Порядки во время публичного исполнения речей кого из людей с здравым смыслом не убедят считать преподавание бедствием? Кого не пригласишь — враг, позовешь ли кого, досаждаешь. Тому, кто допустил хоть небольшой промах, нет снисхождения, а кто отличился, тот вызывает много зависти, и в обоих случаях немало достается злословия. Далее, тот, кто не взымает денег, и не получит, а взымающему давший их объявляет войну. Наблюдая подобные и еще многие сверх этих неприятности и тягости, удивляться ли, что люди благоразумные боятся их?

35. Однако, если всячески нужно, чтобы я оказался учителем учителя, взгляни на этого Каллиопия, который довольствуется вторым местом, а мог бы, если б захотел, занимать первое²². Опуссу доказательства этого. Ведь то, что сейчас незаметно, со временем обнаружится. Многие, подобные ему, занялись судебными процессами, видя, как человек стенает, в какое бедствие впутался, взяв его на себя.

36. Если же кто станет настаивать, что в одном этом оказалось столько способности, все же, раз он признает, что хоть за одним оказывается способность преподавать, он допускает, что я могу сделать некоторых способными к преподаванию. Ведь от одного

²² Каллиоций происходил из семьи антиохийских куриалов (Ер. 18), получил образование у Зиновия, учителя Либания, а затем вместе с Либанием преподавал в Антиохии. Свою служебную карьеру Каллиоций начал в качестве адвоката и в 388 г. получил должность магистра *epistularum* (PLRE. P. 175). — *Примеч. ред.*

и того же красноречия могла бы явиться способность у многих, как от одних и тех же рук — быть брошено посева на много плефров.

37. «А кто декурионы?» — говорит противник. Многие. «А как же они, — говорит он, — не выдвигаются из прочих?» В Анкире, первом и величайшем городе Галатии, весьма даже славятся дети Агесилая, превзошедши известностью отца своего, отличного человека Агесилая, от дяди же не отставши²³, прочим же они не дают даже смелости поднять глаза на них, приобретши эту известность не столько величиною трат своих на город, сколько способностью наилучше сказать речь по каждой данной теме. Говорят, и один каппадокиец силен в одинаковой степени, и киликийцы²⁴, мы видим, чуть не стоят во главе своей родины, благодаря своему красноречию.

38. Но и здесь иной мог бы доказать тебе, что лучше многих стариков отправляют обязанности декурионов юноши, из коих гораздо лучшие риторы не выступают в качестве декурионов, а гораздо худшие выступают и говорят по общественным вопросам.

39. Как же это произошло? Декуриону нужны теперь две вещи: искусство красноречия и деньги, и деньги первым делом; ведь если он не будет отправлять самых крупных литургий и не будет расходовать как можно больше денег, будь он хоть Нестор, хоть Перикл, хоть Демосфен, всячески необходимо ему молчать, по доброй ли воле, если же не захочет, так и поневоле, в особенности когда он не может даже подать надежды на литургии вследствие бедности своей в данное время. Ведь тот, кто не может сам доказать, что люди здравомыслящие болтают вздор, но известен своими литургиями, заставляет молчать тех, кто берутся говорить, как не тративших своих средств.

²³ Стратегий и Албаний, сыновья Агесилая и племянники Ахилла, принцесса Анкиры. Все эти лица были верными приверженцами Либания. — *Примеч. ред.*

²⁴ Аполлинарий и Гемелл, который в 404–408 гг. был префектом Константинополя. — *Примеч. ред.*

40. Случалось же, что у людей не очень искусных в речах были состояния, а у умевших говорить богатства не было, и таким-то образом одни из последних даже не касались общественных дел, другие же в слабой степени. Если же какой-нибудь бог соединил бы способности обоих этих классов, или этим дав состояние богатых, или тем уметь говорить этих людей, с Фасганием состязаться они не могли бы, сказал бы я, его дарование представляло что-то божественное и высшее человеческой природы, но многих из тех, что нынче называются риторам, они заставили бы присмиреть²⁵.

41. Они затем зададут другой вопрос: «Почему пристроившиеся к суду в качестве защитников имеют немного клиентов?» Потому, любезнейшие, что, вместе с красноречием, они научились у меня совестливости. Поэтому они не нанимают посредников, не ловят судящихся, не льстят шинкарям, не посылают соседям униженных писем, не раболепствуют перед слугами правителей, не вступают в соглашение с вестниками насчет предстоящих барышей, не покупают права входа у докладчиков. Ведь вот в чем сила нынешней риторики: кричать, лгать, нарушать клятвы, тревожить, водворять смуту, обещать, давать.

42. Ничего из этого те, кто у меня занимались, не желают, не могут делать, да пускай, о Зевс, никогда и не пожелают и не будут в состоянии, но пусть остаются за тем делом, за каким они теперь находятся, помогая просителям и являясь достаточною защитой, а тех, кто к ним не приходит, и не отыскивая, и не уловляя.

43. Кроме того, недосуг судей, занятых взысканиями, и то обстоятельство, что они малую часть дня посвящают процессам, а большую утеснению и истязанию должников, устраняет возможность длинных и красивых речей и дело ратора поистине обращает в доуку, и если кто станет рассказывать и преподнесет что-либо отделанное, он представляется болтуном, тратит время по-пустому. Что же касается тех невеж, которых много и которые

²⁵ Примерно с 388 г. Либаний начинает резко критиковать принципалов курии Антиохии (Or. XLVIII; XLIX), он порицает своих бывших учеников — членов курии за их молчание во время дебатов (Or. XXXV). — *Примеч. ред.*

ничем не лучше площадных ходатаев и объясняются насчет предмета своего выступления в суде скорее жестами, чем звучною речью, этим те же условия дают силу.

44. А если бы профессия осталась при прежних обычаях и судья требовал бы хорошо составленной речи, а того, кто не может того сделать, отправлял обратно в школу, ты увидал бы всех учеников моих среди потока просителей, так что их не хватало бы вследствие массы требующих защиты. Теперь же преимуществом является не уметь говорить, а достаточная риторическая подготовка ставится в вину. Поэтому черепахи отнимают лавры у коней, не так, как в басне Эзопа, у ленивых, благодаря своему усердию²⁶, но побеждая самым тем, что отстают от них в быстроте.

45. Пускай же всякий судит о высшей степени ораторского искусства моего ученика не по размеру вознаграждения, но по самому обладанию им искусством, и если так будет поступать, то найдет, что эти, мало зарабатывающие, лучше тех, которых дела процветают. Если же хочешь, чтоб я смотрел с точки зрения поступления денег, я хочу, чтобы ты заглянул в одичавшие души. Ведь те, над кем мы потешались у учителей, те представляются теперь мастерами в процессах и ежедневно уходят с полными золотых руками.

46. Но эти люди, если и отстали в силе красноречия, но старались, по крайней мере, приобрести его, и дали вознаграждение, прежде чем получать, и вошли в состав учеников, и приобщились к лучшему званию. Но некий человек, торговец тестом из рыбьего мяса, занимавшийся этим благодаря промыслу на море, имя ему Гелиодор²⁷, явившись как-то по торговому делу и в Коринф, во

²⁶ У Эзопа этот сюжет представлен в басне «Черепаха и заяц» (226): «Черепаха и заяц поспорили, кто из них быстрее. Назначили они для состязания время и место и разошлись. Но заяц, полагаясь на свою природную резвость, не старался бежать, а улегся возле дороги и заснул. А черепаха понимала, что двигается она медленно, и поэтому бежала без передышки. Так обогнала она спящего зайца и получила победную награду» (пер. М. Л. Гаспарова). — *Примеч. ред.*

²⁷ Нюансы биографии Гелиодора, отсутствующие в других источниках, стали известны Либанию, скорее всего, в период его пребывания в Афинах до 340 г. Гелиодор стал преуспевающим адвокатом в родном Коринфе,

время какого-то процесса своего друга, у которого он остановился, ввиду его болезни вошел в суд в качестве его представителя и слушал адвокатов; и так как, внимая им, он возымел надежду, что и сам будет в числе подающих помощь, если посвятит свое внимание процессам, делит свое усердие между продажей теста и слушанием процессов, и в короткое время Гелиодор сразу становится ритором.

47. А благодаря его бесстыдству сила его сначала была не очень мала, после велика, и с течением времени стала величайшей. От насмешек с намеками на тесто он не избавился, но одержал верх над насмешниками и купил дом, рабов и землю. И первым состязанием перед судами для тех, кому предстояло вести процесс внутри их, служило заручиться щитом Гелиодора. Так этот человек славился тем, что не останавливался ни перед чем. Прошедши все судебные инстанции, он, в конце концов, говорил во дворце, как естественно говорить такому человеку; он и такой речью одерживал победу.

48. Вознаграждением ему было много пашен в Македонии, еще больше в Этолии и АкARNании, золото, серебро, множество рабов, табуны коней и стада быков. Если своею защитою он вводил во владение какую-либо женщину, он брал в вознаграждение половину того, что она выиграла. Он и отправлял административную должность, как потрудившийся на поприще оратора.

49. Таким образом, нет ничего удивительного, други, что в судебной области невежество служит источником богатства. Будучи в состоянии упомянуть о многом, тому подобном, я рассказал об этом одном, так как тех знают немногие, и иной, может быть, не поверил бы моим словам, а относительно этого мне можно призвать многих свидетелей отовсюду.

50. Но и в правителях перечисляют у одного учителя десять учеников, у другого больше, у третьего двадцать. «Ты же, — спрашивают, — каких родов провинциями правил при посредстве

приобрел поместья (см. § 48), а затем получил пост наместника провинции (PLRE. P. 411). — *Примеч. ред.*

своих учеников?»²⁸ Как будто бы частью риторики было и вступление в должность. Я же соглашаюсь, что тем, кто собираются надлежащим образом править, нужно риторическое образование²⁹, но, однако, не признаю за доказательство обладания им достижение поста правителя города. Можно, конечно, и должность получить, не будучи ритором, и не получить, будучи таковым. И это — дары Судьбы, а не лежит в природе искусства.

51. Это и всегда так было, в особенности же в царствование Констанция, который ставил нам префектов из сословия секретарей³⁰. И они сидели и отдавали распоряжения, а риторы стояли и трепетали.

52. И важно на какой-либо службе заслужить похвалы и проявить себя деятельным, хотя, если мы возложим на учителей подобные свойства, дать или не дать которые зависит от богов, родосец становится у нас важнее Ульпиана³¹.

53. Однако и то весьма неосновательно, сравнивать юношей со стариками и требовать, чтобы те, кто недавно перестали учиться, большинство коих умерло, достигали почестей, каких люди едва достигают на старости лет. Пусть подождет тот или иной их зрелого возраста, пусть дождется старости. Может быть, грядущее время, когда меня уже не будет, принесет что-либо и такое. Если государственное дело требует людей, кто-нибудь даст и им

²⁸ Из учеников Либания на государственную службу попал 41 человек, причем пять из них, будучи префектами Константинополя, возглавляли его сенат. — *Примеч. ред.*

²⁹ В данную эпоху ораторское искусство действительно отодвигает на второй план юриспруденцию для назначения на государственные посты, и до нас дошли многие примеры того, как должностные лица получили свои посты именно благодаря умению составлять и произносить речи — в системе государственного управления провинциями, и даже в судебной инстанции префектуры претория Востока, где подвизались риторы Андрагаций и Гезихий. Именно поэтому чиновники начинают отдавать своих детей в обучение риторам, и среди учеников Либания таких насчитывается 38 человек. — *Примеч. ред.*

³⁰ Список префектов из нотариев см. Ог. XLII. 23–24. — *Примеч. ред.*

³¹ Сопоставление не ясно, поскольку неизвестны действующие лица. Из Ульпианов можно отметить учителя в Антиохии ок. 330 г. (PLRE. P. 973 (1)) и юриста и правителя провинции в 361–364 гг. (PLRE. P. 973(5)). — *Примеч. ред.*

должности, сам их к тому склоняя, а не под влиянием их лести. Теперь же некоторые обивают пороги людей сильных.

54. Скорее, некоторые из моих учеников уже проявили свои качества на административных постах: один пафлагонец³², своими трудами так расположивший подданных, что они еще проливают слезы по его уходе, галат еще и сейчас правит каппадокийцами³³ так, что они хвалят его мероприятия и ничего больше не требуют.

55. А раньше их гераклеец, бывший наместником Ликии³⁴, был в возрасте моложе 25-ти лет, но, застав провинцию разоренною лихоимством предшественников, их предал проклятию, а подчиненных довел до благосостояния, заблагорассудив, что достаточно для него царского содержания, и унес то великое богатство, что оставил состоятельными тех, кем правил. Так улучшая их положение, он присоединил к этим административным попечениям деятельность софиста, украшая праздники каждого города словом. Тогдашним учителям в Ликии было более полезно слушать, чем говорить.

56. О доблестном Андронике³⁵ я не мог бы даже вспомнить без слез, а не упомянув его в речи о друзьях, сильно обидел бы. Он был для меня не меньшею честью, чем, говорят, Ахилл для Хирона³⁶. Он правил способной дать [наживу] Финикией, но стал стражем достояния каждого более строгим, чем сами хозяева. И когда они

³² Возможно, Александр, правитель Вифинии в 361 г. (PLRE. P. 40 (4)). — *Примеч. ред.*

³³ Это может быть Африкан, наместник провинции Каппадокия I (PLRE. P. 27 (4)), или Олимпий, наместник провинции Каппадокия II (PLRE. P. 646 (10)). — *Примеч. ред.*

³⁴ Фемистий, ученик Либания в 357 г., стал правителем Ликии в очень раннем возрасте, в 361 г. (PLRE. P. 894 (2)). Ликия, область на юге Малой Азии, с I в. н. э. была объединена с Памфилией и лишь при Диоклетиане была выделена в отдельную провинцию с центром в г. Мир в составе Азиатского диоцеза. — *Примеч. ред.*

³⁵ Андроник был правителем Финикии в 361 г. — *Примеч. ред.*

³⁶ Аллюзия к греческой мифологии: кентавр Хирон был учителем Ахилла. — *Примеч. ред.*

приносили, что было в обычае, и называли это дарами, и давали им из приличия название платы в великий праздник³⁷, схватив слуг, чуть не заключил их в тюрьму, но, помиловав их от этого наказания, приказал впредь знать разницу, что правитель и что наемный человек.

57. Далее, ему одному из правителей понадобилось немного казней его подчиненных. Он так показал, в какой степени ненавидит неправду, что страх не позволял дерзать ни на какие проступки, достойные казни. В то время как облеченные высокою властью³⁸ привыкли отдавать приказания правителю Финикии, одни путем письменных указов, другие сами вступая в суд с шумом, криком, суровым взором, заставляя судью ставить вперед закона свои собственные пожелания, он положил конец всякому подобному своеволию, не оскорблениями, не криками, какие могли бы дать тем возможность обвинить его, но давая понять, что не потерпит, дабы какому-нибудь человеку было оказано предпочтение перед требованиями справедливости. И они приучились ходить к нему не во время процессов и просить только того, что получить не было несправедливым. Отсюда он приобрел славу властного человека. И никто не был столь враждебен Андронику, чтобы отнимать у него это достоинство.

58. Итак, ему следовало бы оставаться дома и пользоваться благами Тира, и пусть бы никогда не состоялось то злосчастное назначение. Когда же оно состоялось, и во Фракии произошел переворот³⁹, тот, кто присвоил себе императорское

³⁷ Аналог лат. календ. Подарки в честь этого праздника (лат. *sterna*) от друзей или от клиентов патрону были обычным явлением. — *Примеч. ред.*

³⁸ Имеются в виду *honorati* (лат. «почтенные» — чиновничья знать провинций), чье влияние в системе провинциального управления было весьма велико. — *Примеч. ред.*

³⁹ Фракия — область на востоке Балканского п-ова, с 46 г. н. э. стала римской провинцией с центром в Перинфе; после 297 г. в результате реформы Диоклетиана была разделена на 4 провинции (Фракия, Родопы, Европа, Гемимонт), вошедшие во Фракийский диоцез; новая провинция Фракия занимала северо-западную часть изначальной провинции с городами Филиппополь и Бероя. Фракия (в широком понимании) территориально граничила с

звание⁴⁰, тотчас делает его правителем, в присутствии многих, считая душу Андроника твердым оплотом, а тот против воли, но под угрозой кругом сверкавшего оружия, принял должность и принес огромную пользу доверившемуся ему, — ведь он не был предателем и отлично понимал, что им предстоит бороться с врагом, значительно превышающим силою, и что принимает участие в шатком предприятии. Но все же он предпочел худшие ожидания, лишь бы не стать изменником, скорее, чем разбогатеть, допустив себя до позора фессалийцев⁴¹.

59. И он был верным и трудолюбивым правителем, еще лучшим, будучи послан править целой Фракией. Когда же противники приобрели перевес, он, несмотря на то, что волен был бежать, так как гавани были в виду, наготове суда и много было уговаривавших его к тому, не пожелал, скрывшись в пещерах или спрятавшись в лесу, жить в чуждой его натуре обстановке⁴², но, считая принуждение достаточным оправданием тому, что принял на себя должность, а тому, что не изменил, — нечестность, какую является измена, отдался в распоряжение победителей и продолжения жизни лишился⁴³, но кончиною своею оправдал ту

Константинополем, и Либаний явно имеет в виду прежде всего столицу: во время мятежа Прокопия галльские легионы, поддержавшие узурпатора, заняли Константинополь. При этом во Фракии и западных провинциях Малой Азии Прокопий получил широкую поддержку. — *Примеч. ред.*

⁴⁰ Речь идет о восстании Прокопия. Он был сподвижником имп. Юлиана, по словам Аммиана Марцеллина (XXVI. 5–6), — его родственником, по слухам, предназначался императором себе в преемники. Он поднял восстание и провозгласил себя императором 28 сентября 365 г. В результате военных действий Валента против него Прокопий был убит 27 мая 366 г. — *Примеч. ред.*

⁴¹ См. у Демосфена (с. Aristocr. 112): «Вы, граждане афинские, никогда не предавали ваших друзей; что же касается фессалийцев, то не было у них таких друзей, которых они бы не предали» (перевод коллектива авторов, 1994 г.). Соответствующую поговорку см. Eurip. Phoen. 1407. — *Примеч. ред.*

⁴² Как это сделал сам Прокопий, скрывшийся в горных лесах в окрестностях фракийского города Наколии (Amm. Marc. XXVI. 5–6). — *Примеч. ред.*

⁴³ Либаний считал, что казнь Андроника была инициативой не Валента, а бывшего знакомого Андроника, Гиерия (Or. I. 171), который был представлен Андронику самим Либанием в 360 г. (Er. 195). — *Примеч. ред.*

славу, какую обладал. Конфисковавший имущество умершего⁴⁴ в незначительности состояния казенного подивился его нраву.

60. Подобаает ли вас, большинство правителей, выставить в противовес одной его душе и тому, что ею устроено? Должен ли с большею справедливостью считаться счастливым отцом тот, у кого один хороший сын, или тот, у кого много плохих?

61. Но Андроник умер, порадовав вас своею смертью, а Цельс⁴⁵, нимало не похожий на вас, но и он питомец моих трудов, жив. Он был в состоянии надлежащим образом править гражданами, родственниками и друзьями, ни законов не преступив снисхождением к ним, и, что реже всего встречается, вместе с справедливостью сохранив и дружественные связи. И если подойти и спросить: «Чей ты ученик и от кого получил свое ораторское искусство?», услышишь, что это я и занятия у меня. Тот, кто не колебался произнести речь в Афинах, и теперь не остается в тени. Это он именно явился туда, поддаваясь раздутой молве о городе, но когда опыт не оправдал для него этой молвы⁴⁶, в Лицее, в присутствии молодежи, заявил, что с ним произошло по пословице: «С коней да на ослов», что задело и город афинян, и заставило его приговором своим приглашать меня, так как они не допускали мысли, чтобы какое-либо красноречие в другом месте стояло выше их собственного.

62. Оставив, далее, в стороне рассмотрение самого по себе того факта, что Цельс явился в Афины, вникни в то, с каким убеждением он туда явился. Поистине найдешь ты в нем много ученика и похожего на первых, а не на вторых, что может

⁴⁴ Имеется в виду император Валент. — *Примеч. ред.*

⁴⁵ Цельс был учеником Либания в Никомедии, затем пребывал в Афинах, где близко общался с будущим императором Юлианом (Аmm. Marc. XXII. 9. 13). Считается, что приглашение Либания преподавать в Афины, поступившее от проконсула Ахайи Стратегия в 352/353 г. (см. Or. I. 81–83), было инициативой Цельса: Либаний на это прямо намекает в данном параграфе. Впоследствии, в 362 г., Цельс был правителем провинции Киликия. — *Примеч. ред.*

⁴⁶ Ср. аналогичное впечатление самого Либания в Or. I. 17–18. — *Примеч. ред.*

характеризовать его в его мнении о втором как худом, о первом как лучшем⁴⁷.

63. Так будешь ты еще порицать и хулить обучение у нас, ты, ничего не умеющий хвалить, кроме себя, и лишь злословить прочих? Такими словами наполнил ты наши селения: «Один я богат, один способен держать речи, один умею править, я обижен тем, что живу на земле».

64. А ты богат, но дурными средствами. Богат, благодаря своей строгости во взимании процентов, из-за которых ты разорил немало домов, вдов не жалея, к сиротам не имея милосердия, не смягчаемый потоком слез, крича, вопя: «Продай поместье, продай рабов, продай отцовские могилы, а если возможно, и себя». И говоря так, он сидел и брал деньги с обобранных женщин и детей. Те потом уходили, чтобы просить милостыню, а он с благоприобретенными таким образом деньгами удалялся в радости, называя себя счастливым, после наживы, худшей всякого нищенства.

65. Из-за таких процентов оставив должность, которую получил по просьбе, он пять месяцев находился ассессором при префекте и удалился не раньше, чем ограбил сверх тридцати домов, будучи разбойником, а не умеренным ростовщиком. Первому свойственно, действительно, ничего не щадить, а второму уметь иной раз оказать и снисхождение. Но, смеясь перед одоляющимися у него и состраивая сперва кроткое лицо, он во взысканиях свирепее циклопа, чуть не сдирая мясо с голодных⁴⁸.

⁴⁷ Var. I., fortasse οἱ pro ὁ F, secundum mss. — Игра словами? В первом случае οἱ πρότεροι, οἱ δεῦτεροι — два поколения учеников, во втором τὰ πρότερα, τὰ δεύτερα о сравнительных качествах Либаниева, антиохийского и афинского красноречия.

⁴⁸ «С неописанной злостью циклоп отвечал мне... Так я сказал, и, ответа не дав никакого, он быстро Прянул, как бешеный зверь и, огромные вытянув руки, Разом меж нами двоих, как щенят, подхватил и ударил Оземь; их череп разбился; обрызгало мозгом пещеру. Он же, обоих рассекши на части, из них свой ужасный Ужин состряпал и жадно, как лев, разъяряемый голодом, Съел их, ни кости, ни мяса куска, ни утроб не оставив» (Hom. Od. IX. 270; 287–293; пер. В. А. Жуковского). — *Примеч. ред.*

66. Вот какой Крез у нас, вместо Пактола⁴⁹ пользующийся плодами своего бесчеловечия, во сне и наяву считающий проценты, всеми ненавидимый, веселый среди бедствий прочих, а при благополучии их горестный, желающий пользоваться благодеяниями, а с благотельствующими враждующий, словно обиженный, так как боится, как бы, признав услугу, не быть доведенным до необходимости отплаты. Как же тебе не быть богатым, когда ты отнимаешь у друзей их достояние и невзгодами их пользуешься как временем, благоприятным для обогащения?

67. «Но, клянусь Зевсом, он произнес речи». Совершенно верно... чужие. Так породнился он браком, обманувши его, с одним поклонником красноречия, у которого была дочь девица. Знаю автора и тех семи речей, с которыми ты носишься, и как один их сочинял, а ты покупал и силишься изобразить из себя их автора, быв лишь их исполнителем, ничем для этого не располагая, кроме звучного голоса.

68. И, будучи молодым, покупать, как любой иной товар, речи было постыдно; не так ли, о боги красноречия? Ведь прочее можно бы извинить, но покупать речи, вращаясь во дворце и предоставляя давно свой дар слова императору для грамот, разве не достойно полного лишения чести?

69. Или, воображаешь ты, осталось скрытым, кто именно был писавший о доспехах, которые делают неуязвимым всадника, сражающегося в них?⁵⁰ Не так умел тот молчать о таких вещах, но, получив плату за речь, удовлетворил, сверх того, и своему честолюбию, сообщая тому, кому доверял. А те, подобно ему, выбалтывали прочим, и ты часто излагал все знающим, будто они ничего не знали, то, о чем услышал бы, если бы они смели, с их слов.

70. О, мое несвоевременное милосердие! Недавно некто из загубленных ненасытностью этого человека во взимании процентов, просивший дать ему какое-либо снисхождение, но не

⁴⁹ Золотоносная река в Лидии, обогатившая Креза и вошедшая в поговорку (Herod. V. 101; Strabo. XIII. 4). — *Примеч. ред.*

⁵⁰ Речь идет о достаточно распространенном в период Поздней Римской Империи и ранней Византии трактате о тактике. — *Примеч. ред.*

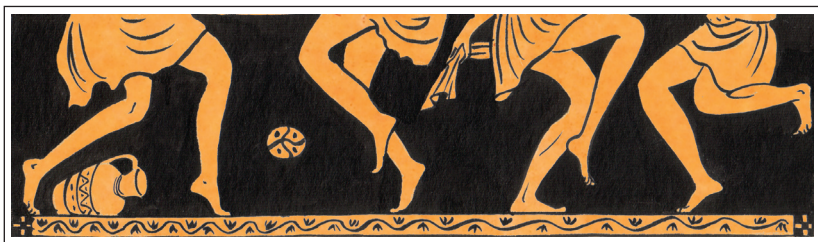
достигший успеха в просьбе, решил, собрав в большом театре как можно больше граждан и пришлых людей, объявить тайну, но я воспрепятствовал.

71. А теперь, получив благодаря мне свободу слова, — ведь если бы я тогда не удержал этого человека, пристыженный, он жил бы весь остальной век свой, впав в зависимость от слуг, а когда я спас ему независимость слова, этот юноша воспользовался ею против меня и моих и утверждает, что от моего ученья никто не стал ритором, а что сам он — самый сведущий человек. Он достиг до такой тупости, вернее же крайнего безумия, что уверяет, будто он ничем не уступает Зевсу⁵¹ и что подобает богу уступить ему владычество над вселенной.

72. И на это отваживаясь и за это осмеиваемый, от такого урока он нимало не останавливается, но, каждый раз изобретая новую бессмыслицу хуже прежней, не замечает, что сам себя выставляет на посмешище. Большая выгода для него, что у него не было детей; ведь он показал бы себя ненавистником и детей. Теперь же немалое зло остается скрытым, благодаря судьбе, которая, заботясь о людях, делает злодея бездетным, спасая города от некоего дурного семени.

73. Ты видишь, как не подобает легкомысленно нападать? Итак, в то время, как тебе возможно было бы пользоваться известностью лучшею, чем тебе подобает, вооружив против себя человека, ты вот какую навлек на себя.

⁵¹ Ср. § 63.

К ЮНОШАМ О КОВРЕ

Orat. LVIII¹

1. То лекарство, какое в свое время потребно было раньше, нужно, мне кажется, и теперь, ввиду недуга, снова овладевшего моими учениками, в гораздо более тяжелой форме, чем некоторые хворали раньше. И я желал бы, чтобы и излечению от него вы поддались, подобно тем, при той же действительности его и теперь. Это — слово и увещание, и убеждение, что скромность похвальнее разнузданной жизни. Нужно заметить, что я избегал попыток вразумления путем ударов и бичами, находя, что во многих случаях эта мера имеет противоположное действие,

¹ Эта речь относится к последним годам жизни Либания. Упоминаемый в тексте ритор — преподаватель латинского языка (§ 3; 21) — был официально приглашен в Антиохию в 388 г. по инициативе неназванного комита Востока (Or. I. 255), а упоминаемый в § 16 правитель-взяточник идентифицируется с консуляром Евстафием, который был отправлен в отставку в 389 г. — *Примеч. ред.*

а пользу от совета признав более действительной и более способной исправить, приступил к этой последней мере.

2. Далее, так как она дала мне достаточное доказательство своей действительности в применении к тем, кто еще не провинились, я не считал подходящим, минуя вразумление вас² этим путем, искать какого-либо иного средства. Ведь полагаю, вы не захотите показать себя хуже тех, которые своим вниманием к увещанию доставили нам и славу, и удовольствие, с каким она связана.

3. Итак, справедливость требовала бы, чтобы вы по собственной инициативе несколько убавили то зло, какое, приносимое обстоятельствами, приключилось эллинскому языку, и противодействовали, насколько возможно, силе ветров³. На самом деле, к этим бедствиям своими проступками вы прибавляете и увеличиваете невзгоду, словно те моряки, которые, в то время как море вздымается и корабль обуреваем волнами, вместо того чтобы стараться всячески спасти судно, своими поступками затягивают опасность и ужас положения. Так и с вашей стороны бессмысленно, пренебрегая защитой подобающего положения этого красноречия, страдающего и утесняемого, водворять порядки, способствующие его упадку.

4. В самом деле, было бы предосудительным, так как причиняло бы нам вред, если бы вы нападали на кого-либо из прочих людей, говоря о тех, кто стоят вне святилища Муз⁴. Ведь и ремесленник пускай не страдает от юноши, находящегося в ученьи. Но пусть последний сохраняет к ним мирные отношения и не лишает себя того одобрения, которое встречает со стороны лиц, таким трудом поддерживающих свою жизнь, но и язык людей такого класса побуждает к похвалам себе и настолько воздерживается от перебранки с людьми такого общественного положения, чтобы,

² Данная речь, обращенная к ученикам ритора, является одной из его любимых форм их порицания (§ 4; 39). — *Примеч. ред.*

³ Либаний неоднократно говорил об угрозе греческому образованию со стороны латинского языка и римских учителей (Or. I. 214; 234). — *Примеч. ред.*

⁴ Религиозной терминологией Либаний описывает школу — «святилище Муз», «таинства Гермеса» (§ 4), «покои Гермеса» (§ 19). — *Примеч. ред.*

если со стороны кого-нибудь из них последует какая-нибудь подобная выходка против него, терпеть и показывать и в этом, как велика разница между юношей, удостоившимся таинств Гермеса, и человеком из низшей среды.

5. Самым лучшим было бы это, а если ты не можешь быть безукоризнен вообще, ограничиваться в своей непорядочности бранью с золотых дел мастером, оскорблениями кожевнику, ударами плотнику, толчками ноги ткачу, таской шинкарю, угрозами торговцам маслом. Во всем этом хорошего мало и это недостойно святилищ, ежедневно посещаемых вами, но пусть бесчинство не заходит дальше этих пределов и не дерзает переступать порога их. Пускай даже случается и такое нечестие, правда, нестерпимое: юноша с юношей, поссорившись, пусть вступает в драку то голыми руками, то вместо камня прибегая к сумке⁵. Все же мне бы служили тут утешением примеры, из которых одни я видал, о других слышал⁶.

6. Но теперь творится нечто новое, чего раньше еще не видели в школе. Вы пошли походом на педагогов⁷, к которым обычай требует уважения. И одних вы оскорбили, другим грозите, и принизили сословие, которое имело чувство собственного достоинства, причем одни подавлены тем, что претерпели, другие опасением подобных же оскорблений.

7. Не таково было их положение, когда я посещал школу, но они пользовались почетом вслед за учителями, причем юноши подражали учителям, которые и сами оказывали педагогам тот почет, какой им надлежал по праву. Ведь велики, поистине велики их услуги юношам, понуждение, какого требует ученье, и, что

⁵ Кожаная сумка (τῆρα — Ер. 376. 4), предназначенная для переноски папирусных свитков — школьных книг. Обычно их несли рабы учеников (§ 19), т. к. они были тяжелыми. — *Примеч. ред.*

⁶ О массовых драках учащихся в Афинах см. Ог. I. 19–20. Евнапий рассказывает о массовой драке в Афинах учеников ритора Апсина Лакедемонского и ритора Юлиана Каппадокийского «во время междоусобной войны, которую они вели друг с другом» (V. S. 484). — *Примеч. ред.*

⁷ Речь идет об учителях начального периода обучения, διδάσκαλος. — *Примеч. ред.*

гораздо ценнее, скромность поведения. В самом деле, они стражи цветущего возраста, они охранители, они стена, они отгоняют похотливых поклонников, отталкивают, не пропускают, не позволяют вступать в общение, отражают приступы, лают, словно собаки на волков.

8. Этого ни отец не сделал бы для сына, ни учитель для ученика. Ведь первый, приставив к сыну человека, занят другими интересами, в попечении о городских делах, в заботе о поместье и слугах и служанках в нем, и нередко случается что-нибудь такое, из-за чего он целый день проводит на площади. А педагогу только это одно дело — юноша и его польза. Ночь наступает, и отцу можно предаться сну, да еще прибавить к тому, если угодно будет, часть дня. А педагог себя и юношу подчиняет светильнику и, сперва сам пробудившись, приступает к нему, делая нечто большее, чем петухи, будя его рукою.

9. Следовательно, услугам тех же самых педагогов уступают услуги учителя, который знает юношу до полудня, а после того не видит его, не занимается с ним, не трудится для него. Да и то, что он сам даст юноше, сберегается педагогом. Все те средства, какими это сохранение может быть достигнуто, истекают от педагогов, которые пристают, кричат, показывают палку, потрясают плеткой, приводят на память усвоенное собственным трудом, для педагога тяжким, а для питомцев, благодаря репетиции, уже не утомительным.

10. Даже во время болезней — хотя это вне темы речи — в одних они соперничают с матерями, в других их превосходят. Нечего говорить о няньках. Те, утомившись, легко обретают отдых, а педагоги высиживают подле питомцев, подавая все, в чем явится нужда больным, в одном услуживая по их требованию, в другом даже предупреждая их просьбы. Случится смерть, и рыдания педагогов не уступят рыданиям родителей, и скорбь их дольше, так что те только закону уступают, а эти, оставляя без внимания закон, все же горюют.

11. Я знаю иных, которые даже сделали могильные памятники своих питомцев своими жилищами и беседуют с ними с глазу

на глаз, припадая устами к камню, и одни уходили спустя долгое время, а другие тут обретали и кончину свою. Но знаю я, как и по смерти отца педагог становился подлинным опекуном и освобождал ребенка от чувства сиротства.

12. Много мог бы распространиться софист, более даровитый, чем я, взявшись за эту тему. В уважение всего этого подобало бы ценить педагогов высоко и, скорее, в случае оскорбления им со стороны кого-либо другого, препятствовать такому, чем самим наносить эти обиды.

13. Я, по крайней мере, удивляюсь тем из законодателей, которые озаботились судьбою отцов, наказуя тех из сыновей, которые лишают их своего попечения, как не удостоили они тех же предписаний⁸ и этих людей. Впрочем, я так поддерживал своего, хромого, присутствуя и отсутствуя⁹, как если бы существовало много законов касательно педагогов, на прочих же педагогов тратить ничего не тратил, но оказывал им все прочие знаки почтения.

14. Желал бы, чтобы вы тоже и были, и являлись такими. Теперь же что наблюдается? Вы, к стыду вашему, поступаете наоборот. Обижаете, наносите оскорбления, вносите порядки, изобретенные на потеху людям, живущим в свое удовольствие, в место, принадлежащее Музам, и, в то время как следовало бы и посторонних лиц¹⁰, допускающих подобные поступки, считать негодьями, внесли их обращение в святилище мудрости и оказались в числе так поступающих.

15. Тут иной спросит меня: «Так все педагоги добросовестны и заслуживают почтения, и никого из них нет дурного человека и заслуживающего наказания?» Я не мог бы сказать этого и о лю-

⁸ Речь идет об одном из законов Солона, который цитирует Демосфен: «Если кто-либо подвергся аресту, уличенный в нанесении обиды родителям... то пусть его закуют в оковы члены коллегии одиннадцати и приведут в гелию. Если виновный будет приговорен к уплате денежного штрафа, он должен содержаться в оковах до тех пор, пока его не заплатит» (с. Томос. 105). — *Примеч. ред.*

⁹ Имеется в виду пребывание Либания в Афинах в 336–339 гг. — *Примеч. ред.*

¹⁰ Вероятно, Либаний имеет в виду учеников латинского ратора. — *Примеч. ред.*

дах прочих профессий, что все — отличные люди и не допускали никакого проступка, ни большого, ни малого. Но и среди администраторов, и среди подчиненных, и в куриях, и среди простого народа, среди судей и среди адвокатов, в городах и в деревнях, в среде самых пастухов, что беседуют с овцами, в каждом из этих сословий найдешь и кое-какие недостатки. Но нельзя десяти, или большему, или меньшему числу людей, собравшись, дать на них волю рукам и бить, недозволительно наказывать их даже словами и бранью. Но надлежит или преследовать обидчиков согласно законам, или сохранять спокойствие.

16. По этой причине нередко судьей является человек, на котором лежит ответственность во многих преступлениях, и он даже приговаривает к казни виновных в тех же делах, что и он, но никто не бросается на него и, столкнув с трона и повалив, не топчет ногами его в голову, но или подаст жалобу и подвергнет приговору, и увидит его наказуемым, или, такой меры не принимая, удержится от собственноручной расправы. Так наблюдали мы раньше в делах, касавшихся правителей-взяточников. Является обвинитель, призываются в свидетели те, через чьи руки поступили к нему в покои деньги. Он является, затем, раз отпереться уже нельзя, с него вносили деньги, и воля законов исполнялась¹¹.

17. Итак, надлежало бы, чтобы и с вашей стороны было принято подобное: жалоба, обвинение, улики. И никто бы не стал винить избличавших, но тех, кто нанесли обиду, и настолько явно, что поступок не может даже остаться незамеченным. В настоящем же случае, уклонившись от этого пути, но желая своевольничать над педагогами, вы не можете сказать, что не причинили обиды, в особенности когда издевательство это самого бесцеремонного свойства, не знаю, откуда появившееся и куда впервые проникшее.

18. Каково же оно? Разостлав по земле ковер, держат его руками с каждой стороны то большее, то меньшее число, как требуют

¹¹ Считается, что этим правителем-взяточником является консуляр Сирии Евстафий, который был признан виновным и отправлен в отставку в 389 г. (ср. Ор. I. 271–274). — *Примеч. ред.*

размеры ковра. Затем, положив на него того, кому предстоит эта позорнейшая доля, подбрасывают его со смехом, как можно выше¹², а это порядочная высота. Это становится поводом к смеху и для окружающих, что вызывается головокружением, под влиянием коего жертва испускает крики при полете вверх и вниз. Он же иногда попадает на подброшенный вверх ковер и спасен, а то, не попав в него, падает на землю и удаляется с ушибленными членами, так что издевательство это и небезопасно. А самое возмутительное — и тут смех.

19. Этот обычай, бесчинством своим превышающий всякую меру, следовало бы особенно устранить из римской земли, если же нет, не давать ему доступа в покои Гермеса, и притом в мое учительство, при котором надлежало бы такому бесчестию положить конец, если бы оно уже и существовало. На самом деле, о боги, оно, не имевши места раньше, появилось, и против кого? Не слуг, которые несут за господами книги, но тех, кто пользуются почтенным званием и которые необходимы для трудов учителей.

20. Затем подвергшийся этому один убегает и пропадает, а другой, не будучи в состоянии бежать, остается против воли и живет где-нибудь скрытно, лишенный возможности вследствие того, что претерпел, и сказать что-нибудь, и взглянуть в лицо врагам или друзьям. Так полно позора это издевательство, что тот, кому приключилась встряска на ковре, осмеивается не только теми, на чьих глазах это происходило, но и теми, к кому он явится, так как слушатели мысленно рисуют себе то, что происходило. Такое оружие пустили вы в ход на педагогов, их промывая, но подрывая тем самым и дело учителей, не знают ли они про эту дерзость, смотрят ли на нее сквозь пальцы, будучи о ней осведомлены.

¹² Это римский обычай: «говорили, что он бродил по улицам ночами и всякого прохожего, который был слаб или пьян, хватал и подбрасывал на растянутом плаще» (Suet. Otho. 2. 1; пер. М. Л. Гаспарова). Намек на тот же обычай у Марциала: «Браво лишь громкое ты услышишь, даря поцелуй. Как на военном плаще, к звездам подбросят тебя» (I. 3. 7–8; пер. Ф. А. Петровского). — *Примеч. ред.*

21. «Педагог этот уличен был в неблаговидном поступке с одним из руководителей школы другого языка, и об этом говорил сам тот, кто пострадал от этого поступка». Но это еще не доказательство, если один сказал про другого, что он поступил с ним нехорошо, но нужно, конечно, и изобличить, что он допустил тот или другой проступок. Итак, пусть ответит тот или вы за него: кого из друзей его рассорил он с ним? Но быть может, в ответ на чьи-нибудь ему похвалы он дал противоположный отзыв, идущий вразрез с похвалами? Но помешал ли поступить к нему ученикам, собиравшимся это сделать? Не отбил ли тех, какие были?

22. «Он хотел, — скажет противник, — но возможности у него на то не было». А тот заверяет, что на него клеветают, что он и не желал. Представлялось, однако, так, вследствие его пристрастия к нашему красноречию, восхищаться коим он заставлял юношей, не давая им предпочитать ему другое. Но тот, кто учил их, хотел, чтобы они усвоили больше то, чем это, и часто одни книги сменял для них другими¹³. Следовательно, он подлежал ответу ради пользы юношей, если полезно, действительно, вместе со вторыми иметь и первые, а не лишиться первых из-за вторых.

23. «Но этот человек подлежал и наказанию». Итак, тому следовало подвергнуть его обычному. А оно состояло в устранении от попечения о юношах, убедив к тому отца, в случае же невозможности этого сделать, надлежало сохранять спокойствие. А тот этим путем, каким, пожалуй, пошел бы и всякий другой, не пошел, а отдал вам незаконное распоряжение. Ему оно должно было доставить удовольствие, а вам худую славу.

24. Итак, с того дня до этого молва о ковре занимает город, причем жалеют пострадавшего и причинивших обиду, и о вас, за то, что у вас такие нравы, сожалеют больше, чем о нем. Поэтому,

¹³ В § 21 и 22 речь идет о том, что многие ученики Либания, кроме его греческих уроков, посещали также некоторые уроки латинского ритора. В свое время Либаний не был против подобного «перекрестного» обучения и вскоре после своего возвращения в Антиохию приглашал латинских учителей к совместной работе (Ер. 534; 539). — *Примеч. ред.*

если бы вы были благоразумны, вам следовало бы считать врагом того, кто просил о подобном поступке. Зачем, в самом деле, он просил от вас того, чего от себя не требовал? Ведь если бы встряска на ковре не была поступком неуместным, следовало бы ему громким голосом приказать своим товарищам посадить в ковер педагога, чтоб ему подвергнуться дальнейшему. Если же он осуждал поступок как низкий, разве он не оскорблял вас, направляя к тому, в чем участником считаться он находил неблагоприятным?

25. А вы предоставили себя к услугам ему в деле, предпринять которое он сам поколебался, и не стыдитесь. И оскорбленный — один и провидением богов он не погиб, а страх является для педагогов общим, так как в том, что произошло, заключается угроза, как бы беда эта не постигла всех. Так не удивляйтесь же, если ковра отведал один, а они, призывая друг друга и собравшись толпою, подняли крик. Общий страх вызвал сборище, и они предпочитали не пострадать, чем, потерпев, стенать.

26. Далее они намеревались идти и к правителю¹⁴, но решили, что достаточно сходить ко мне, и звали меня судьей, не вы. Видно, это было недостойно вашей состоятельности. И я потушил огонь словом, а вы, отбросив наставление Софокла¹⁵, слово и убеждение, устремились к делу и, преисполнившись гордости от своего поступка с ковром, удалились и на следующий день явились в школу, в то время как следовало, сидя в потемках, пенять себе за свой поступок и по общей людям, совершившим несправедливость, привычке винить вместо себя судьбу.

27. «Один подвергся этому, — скажете вы, — а по отношению к прочим соблюдалось должное уважение». Но и в отношении к

¹⁴ Речь идет о неназванном комите Востока, христианине, который и пригласил латинского ратора в Антиохию (Or. I. 255). Поскольку учителя были представителями греческой школы, они предпочли обратиться к Либанию. — *Примеч. ред.*

¹⁵ «И я был молод, и язык неловкий Не поспешал за бодрою рукой. Но жизни опыт говорит: не доблесть, А слава правит все дела людей» (Philoct. 97–99; пер. Ф. Ф. Зелинского). — *Примеч. ред.*

этому, прежде чем пришлось ему пострадать. А все же дерзость сделана. И тем, что раньше не пострадал, он не был застрахован от возможности пострадать. И так каждый из этих людей, не испытавших ковра, соображает, что, если они и не испытали его, это не обеспечивает их на будущее время и прошедшее не служит ручательством за будущее, но раз только постигнет их гнев, скоро последует много подобных выходов. Вы излили свою дерзость на одного, а воздержались относительно прочих. Но, несмотря на то, разве оскорбленному обиды вы не причинили? Значит, не убийца и тот, кто убил одного человека, потому что он не всех убил? И было бы несправедливым ему платиться за убитого ввиду оставшихся в живых?

28. Но, полагаю, мы подвергаем возмездию по двум побуждениям, ради помощи тем, кто пострадал, и ради утешения одним, предохранения других из тех, кто еще не пострадал. Итак, пока педагоги видят одного из своей среды подвергшимся подобному издевательству, они живут всё время под страхом подвергнуться подобному же. Самый этот страх является для них оскорблением, и те, кому грозит пострадать, некоторым образом уже находятся в числе пострадавших.

29. «Клянусь Зевсом, однако, распорядился этим учитель». Но ведь не господина еще ты называешь мне. А между тем и рабам, когда они совершают беззаконие по приказу, недостаточно назвать господина и сослаться на те муки, какие их ожидали бы в случае неповиновения, но, поплатившись за свою покорность, они получают тот урок, что не во всем следует повиноваться господину, даже если последствия гнева господ более тяжки, чем ответственность по закону.

30. «Учитель распорядился». Так разве не следовало сказать этому диковинному учителю: «Мы сделаем по твоему приказу то, что следует, но не всё сделаем и всего того не сделаем, что дурно?» Ведь не станем же мы бить родителей по их приказу, не станем опрокидывать жертвенников, не убьем личных врагов учителя. Может явиться, пожалуй, и учитель, восхищающийся юностью ученика и приказывающий ему угодить своим просьбам. Неужто

и в этом окажем угождение? Но это было бы возмутительным. Ведь учитель, раз он потребовал того, чего не следовало, теряет свое право власти над юношей. Ведь властен над ним он был по той пользе, какую приносил ему, а если приносит вред, должен считаться его врагом. Закон же требует досаждать врагу, а не радовать его. Поэтому и этот учитель неправо встретил бы повинование с вашей стороны, прося у вас такого, из-за чего все, сколько их есть педагогов, вас ненавидят, и благоразумная часть молодежи избегает.

31. Всюду в городе слышишь такие слова, что, желая освободить юношей от охраны педагогов, дабы вволю пожинать плоды этого, а другим способом не будучи в состоянии этого достигнуть, они применили меру с ковром, дабы те знали, что или им надо отказаться от охраны красивых, или, оставаясь при них, подвергнуться бедам от ковра.

32. А каково будет, думаете вы, настроение отцов у вас, если они об этом услышат? Будут ли они веселы и так настроены, как свойственно отцам при благоприятных слухах? Тогда вы — дети несчастных отцов. Нет, они будут огорчены и будут оплакивать, каких сыновей породили? В таком случае, становясь для родителей виновниками такой печали и слез, разве не боитесь вы гнева богов? Мало вам дела и до этого? С хорошими же ожиданиями вступите вы в жизнь!

33. Далее, у тех, кто кончили курс в школе, есть привычка рассказывать при встречах, что у них бывало в пору, когда они посещали школу. Так станете ли вы рассказывать и величаться этим нынешним своим поступком? Не проявите вы такой ненависти к самим себе, но и сами не скажете и, если кто другой расскажет, рассердитесь. Итак, не лучше ли было бы, чтобы и не бывало того поступка, которого вы стыдитесь?

34. Что же? Разве ученик не вправе доставлять радости своему учителю? Конечно. Итак, когда допускают такие поступки, разве не естественно приходить нам в уныние? Всякому, разумеется, это очевидно. А за этим если и не последует проклятия [со стороны пострадавшего], печаль и при молчании приводит к тому

же результату. Между тем, надо думать, Эринии пекутся об этих людях так же, как о родителях¹⁶.

35. Скажи мне, разве у вас, сделавших это, нет педагогов? Есть. Итак, если их бесчестите, вы принадлежите к шайке непочтительных. Если же чтите, зачем преследуете чужих педагогов? Ведь чем для вас являются эти, тем для тех те, принося мне выгоды, сколько и эти. И если бы нарушен был закон, когда ваши были бы побиты другими, то и сейчас допущено беззаконие, когда те, кто наблюдает за другими, изобижены вами.

36. Оскорбление же это и опасение равной обиды способно убавить состав учеников. Ведь тот, кто гонится за местом, где ему не грозит подвергнуться этой обиде, а здешние порядки осуждает, посоветует родителям посылать своих сыновей туда, а педагог естественно может встретить доверие, когда он притворяется, что он сторонник здешней школы, но на первый план ставит пользу юноши. Так вы ищете наказания убыточного нашему делу, вместо чего вам следовало бы молиться за нас богам.

37. Но оставь в стороне, если угодно, мои интересы. Посмотрим опять на того, кто подвергся встряске. Итак, он даже не направится сюда для тех же самых занятий — не станет же он заниматься им, стыдясь очевидцев причиненной ему обиды и того места, где она происходила? Но и куда бы он ни явился, он встретит разговоры о том издевательстве, какое ему было причинено. И самое важное для педагога, страх перед ним питомцев, будет уничтожен. Ведь если он коснется ленивых, он встретит с их стороны смелый взор и напоминание о ковре. Кто же ему даст хлеба? Не обратится же он к шерстяному ремеслу¹⁷, которого не знает? Остается со слезами просить милостыни. Так разве подобает быть виновными в таком зле для кого-нибудь из людей? Неужели вы не боитесь и гнева, и силы ненавидящих эти деяния демонов?

¹⁶ Эринии — богини возмездия, рожденные Герой; они появляются на земле, чтобы возбуждать месть, безумие и злобу. Согласно распространенному в греческой литературе мифологическому сюжету, Эринии преследовали Ореста после убийства им своей матери Клитемнестры. — *Примеч. ред.*

¹⁷ Традиционное женское занятие. — *Примеч. ред.*

38. Затем те, кто еще не достигли мощи в красноречии, естественно желали бы отличиться своим нравом, а тем, кто обладают способностью, естественно не наносить своей славе, ею доставляемой, того ущерба, какой ей наносит такая низость. Но вы даже и тех, которые вследствие зависти враждебно ко мне расположены, не радуете. Некто сообщил мне, что они наслаждаются поминанием о ковре и винят меня и мою снисходительность. «Если бы он, — говорят они, — умел наказывать сурово, не было бы этих проступков». А я с большим удовольствием готов водворять дисциплину среди учеников путем красноречия, чем при помощи бичей, и скорее чувством уважения, чем посредством ударов¹⁸.

39. Иной из вас, может быть, скажет, что неправы попреки, направленные на всех, когда не все участвовали в выходе с ковром. А я полагаю, что вместе с принимавшими активное участие виновны и те, кто не помешали, будучи в гораздо большем числе, чем участвовавшие. Ведь тот, кто, при возможности удержать, не пожелал этого сделать, является сообщником поступка. Следовало же им не позволять или, осуждая поступок, очистить себя от участия в своеволии. А вы не сделали ни того, ни другого, так что, при всем желании считаться непричастными ковру, не можете быть признаны таковыми.

40. Итак, речь скорее надо считать делом тех, кто вынудили ее необходимость, чем делом сочинителя. Я же молю богов, чтобы души ваши тронуты были сказанным и чтобы вы исправились.

¹⁸ Ср. Ор. II. 20. В начале своей преподавательской деятельности Либаний использовал телесные наказания, обычные в ту эпоху (Ер. 1330). — *Примеч. ред.*

За Олимпия

Orat. LXIII¹

1. Я не был бы более в состоянии выносить этих людей, которые не могут прекратить своих поношений на Олимпия, каковые, так как его нет в живых, на мертвого они направляют без опаски. — Надо же им дать почувствовать, что не совсем он мертв, раз живы его друзья.

¹ Олимпий, сын Помпеяна, был назначен консуляром Македонии в молодом возрасте (ср. Or. I. 275: «все время следовавший стопами родителей») в 356 г. (PLRE. P. 643–644). Именно его, как добросовестного и честного правителя, хвалит Либаний в Ер. 254. Олимпий был учеником оратора (ср. «ведь и он из моих сынов» — I. 275). Либаний ходатайствует за Олимпия в дни его молодости (Ер. 68), восхваляет нрав и честность его (Ер. 96). Вообще, число писем, в которых Либаний ходатайствует за Олимпия перед сильными мира сего или говорит о нем, весьма велико. Когда Олимпий умер в 389 г. и многие, рассчитывавшие на наследство Олимпия, разочаровались после его смерти, Либаний, ставший его наследником (см. Or. I. 275; «записывает меня наследником»; Ер. 971: «завещание, принесшее бедность»), в том же 389 г. посвятил его защите особую речь. — *Примеч. ред.*

2. Из них мне первому надлежало показать, что я нелегко сношу эти обиды, так как я больше других воспользовался его мужеством. Ведь возмутительно было бы, если бы, в то время как он не избегал никакого труда, который мог бы улучшить мое положение, я не воздал ему благодарности словом. Если порицатели его полагали, что такового не последует, пусть узнают, что предположение их было неверно. Если же они думали, что справедливость требовала, чтобы я написал, постыдно было бы мне оказаться ниже ожиданий врагов.

3. Я знаю, конечно, что подниму против себя войну, — ведь те, которых ожидает изобличение их несправедливости, придумают всевозможные средства против меня и, если смогут, то и выполнят. Но мне не подобает побояться больше их козней, чем измены своему долгу перед другом. Ведь если бы он подвергся этому при жизни, когда был в состоянии сам себе помочь, и при этом условии меня не похвалили бы за молчание, но в этом было бы менее предвзятого. Но если бы оказалось, что я пренебрегаю своею по отношению к умершему единственной помощью, какая остается отошедшим со стороны живых людей, я не подыскал бы никакой приличной отговорки, молчаливым своим отношением почти становясь в уровень с злоречивыми людьми.

4. Далее, я надеялся, что много похвального скажут о нем жители города, соображаясь с тем, как было до этой болезни и как часто во время нее они ежедневно приходили посетить его, наперебой друг перед другом, и, может быть, надо добавить к дням и ночи. Ведь и ночью они тревожили лестницу, поднимались, спускались, опять то, опять это, и если врачи не позволяли входить туда, где он лежал, садились у дверей и беседовали со служанками.

5. Итак, я думал, когда приключилась смерть, что люди эти будут верны себе и раздадутся голоса их, согласные с их поступками. А они... как выразиться достаточно сильно относительно их непоследовательности? Если бы все время, не переставая, они его осуждали, и притом в одном подвергаясь обидам с его стороны,

в другом сами его подвергнув таковым, они не излили бы против него столько речей, расхаживая по всему городу.

6. Какова же причина этих речей? Одни заявляют, что нигде не значатся в завещании, и винят за это. Побеседуем же сперва с этими. Как же, любезнейшие, он обделил своим достоянием всех воинов, всех адвокатов и всех декурионов, никого не минуя? Ведь если бы он превосходил богатством и капиталом зараз Мидаса, Креза и Кинира², он не в состоянии бы был удовлетворить этой страшной жажде наживы стольких людей.

7. Да и какое право у них было по отношению к Олимпию? Ни в далекую дорогу не пускались они по его приказу, ни вынесли долгого и трудного плавания ради его выгод, ни кораблей не спускали, рискующих потерпеть аварию. Пренебрегая своими интересами, не тратили они долгого времени на ежедневные беседы ему в утешение. Но не могут они сослаться и на общение в трапезе, или бане, или забаве, или на то, что, схватившись в драке с теми, кто ему причинили зло или намеревались это сделать, давали и получали удары. Но если, остановив кого-нибудь из них, спросим: «За что ты требуешь признательности со стороны Олимпия?», ничего не сможет он сказать другого, как только то, что человек произошел от человека и что он один из тех, кто «вкушают плода пашни». Дивлюсь, как не злословят его и погонщики ослов, и содержатели мулов, и те, кто привозят к нам продукты полей на верблюдах.

8. Так, вчера некто, явившись откуда-то, заявил, что обижен завещанием. «Ведь из декурионов, — заявляет он, — никто не получил ничего, хотя бы самой малости, и притом из людей, оказавших ему услуги». Действительно, за те благодеяния, какие он

² Мидас — легендарный царь Фригии, обладатель сказочных богатств, получивший способность обращать своим прикосновением все в золото. Крез — последний царь Лидии из рода Мермнадов (595–546 гг. до н. э.); согласно традиции, восходящей к Геродоту (I. 29–33), Крез обладал несметными сокровищами. Кинир — мифический первый царь Кипра, основатель культа Афродиты на острове и первый его жрец; он был любимцем Аполлона, и бог осыпал его богатством (Pind. Pyth. II. 15; Nem. VIII. 18). — *Примеч. ред.*

оказал курии вообще и в частности каждому, он встречал кое в чем послушание себе и не встречал противодействия.

9. В самом деле, ведь это он воспрепятствовал заключению в тюрьму курии, когда город трепетал в ожидании гнева государя³, один выставив себя поручителем⁴, в то время как другие озабочивались своими делами, он, который, приглашая располагать своим состоянием тех, кто вступали в отправление литургии, устранял всякий страх, он, который успокаивал правителей в их гневе, делал их кроткими, внушал им не лишать подобающего почета декурионов. Его благодеяния этим людям многочисленны и велики, а то, чем они оплачивали, и незначительно, и редко, так что он умер, оставив их в долгу перед собою.

10. Как же, в таком случае, он остался должен вознаграждением за те благодеяния, которые им оказаны? Это подобно тому, как если бы кто врача, восстановившего с одра болезни недужного, заставлял бы платить еще и деньги тому, кто избежал болезни, или, клянусь Зевсом, кормчего владельцу корабля за спасение корабля, или учителя красноречия тому, кто обучился искусству слова. Курия сделала то или другое, согласно его желанию, чтобы это было; так и он — то или другое, выполнения чего она желала.

11. Что же касается тех, которые поддерживают в судах тяжущихся и помогают им, прежде всего замечу, что они получают за помощь свою вознаграждение, большее назначенного, благодаря старанию Олимпия, и было бы с их стороны несправедливым винить завещание, что они не включены в него, когда они имеют ту плату, за которую оказывали помощь. Ведь и продавцы прочего товара не требуют в завещаниях покупателей какой-нибудь взятки после той цены, какую получили за проданное. А у того, кто выиграл и по завещанию, есть иное основание к прибытку, какого у вас я не нахожу. Но тот доходок ваш личный, а этот человек кое-что и сделал, о чем теперь говорить не время. Но несмотря на

³ Императора Феодосия. — *Примеч. ред.*

⁴ Речь идет о заступничестве Олимпия за сенат Антиохии во время городских беспорядков 387 г. — *Примеч. ред.*

то много злословия со стороны обеих групп, и декурионов, и адвокатов, их же примеру следуют те, кому злословие, исходящее от ничегонеделания, — приятно.

12. Для отповеди тем, кого подвигло к злословию отсутствие получки, пока достаточно сказанного. Но чем еще справедливо может возмутиться всякий, из-за чего как не воззвать к земле, небу, и морю, и богам, и демонам каждого из этих элементов, это то, что одни и те же люди и злословят, и почтены, и являются участниками в завещании, и поступают, как не получившие в нем части, и он дает с похвалою, а они приемлют с поношением, и того, от чьего дара не уклонились, того преследуют всюду, где ни бывают, дома ли, на площади, у правителей, на повозке ли, сидя ли в другом месте, или гуляя. Думаю, они поступают так и в своих сновидениях.

13. Если он — лукав, преступен, враг богам, почему не избегаешь его даров? Если же берешь, признавая его за честнейшего человека, зачем же на такого клеветешь? Зачем, взяв от человека, не получившего ничего, злословишь? Зачем, без внимания к тому, что дано, хулишь из-за того, что не дано? «Тому, — говорит такой, — больше, а мне не столько». Другой бранит за то, что этому столько же, сколько ему. Что же приходилось делать Олимпию, если не следовало ни того, ни другого, и осуждение вызывал и равный, и неравный раздел?

14. А между тем, мы знаем, и отцы относятся так к детям, одному дают больше талантов⁵, другому и меньше, а иные, мы знаем, делят поровну каждому. В одном случае представлялось справедливым первое, в другом — второе, и те удовлетворяются. В данном же случае обида то и другое, и то, если не столько, сколько другой, но меньше, и то, сколько другой, но не больше. И они не принимают во внимание написанных здесь завещаний людей бездетных и того, что любой назвал бы эти завещания благоразумными, а Олимпию безумным, что те и сохраняли подобающие границы, а это выступило из них без всякого удержу.

⁵ Талант — весовая (26,2 кг) и денежно-расчетная единица в эллинском мире. Серебряный талант равнялся 6 тыс. драхм, золотой — 60 тыс. — *Примеч. ред.*

15. И если уж нужно за что винить Олимпия, можно было бы выставить против него то, что он не наложил браздов своему завещанию, но такими записями расточал скопленное долгим трудом. Так значит, тот упрек они ему бросают, а это обстоятельство замалчивают, как люди, в одном уступающие личному интересу, а в другом отдающие должное требованиям истины? Так следовало бы, и, пожалуй, иной, если и не без труда, снес бы такое отношение. Но в действительности кто не потеряет всякое терпение пред избытком направленных на него обвинений? Они заявляют, что и Кекропсы, и Сизиф, и Фрионд, и Еврибат⁶ пасуют пред уловками, ухищрениями и плутнями Олимпия.

16. Значит, этого Еврибата и Фрионда вы ублажали весь этот длинный ряд лет, чувствуя его самыми отборными наименованиями наравне с полубогами? И до того, что люди, состоявшие с ним в дружбе, вызывали зависть со стороны тех, кто не были ему близки, и последние всячески домогались его дружбы. Ведь они знали, что таковая могла служить прибежищем в беде и средством получить ту или иную выгоду.

17. И эти и еще более усиленные ухаживанья следовали и все прочее время, и тогда, когда гнела его болезнь, и сейчас по разлуке его с жизнью, вплоть до самого запечатанного завещания. Дело в том, что каждый надеялся видеть себя наследником, а когда нож разрезал узел и снял печати, выводя на свет все, и когда те, кто жили в уверенности на получку, увидали иное, сравнительно с тем, чего ждали, по пословице, с оборотом черепка⁷, раздаются слова: «Погубитель, обманщик, клятвопреступник, потопитель,

⁶ Кекропсы — мифологические братья-разбойники; Сизиф — мифологический хитрец, неоднократно обманывавший богов и несущий за это наказание в загробном мире; Фрионд — афинянин, вошедший в поговорку как мошенник (Либаний иногда именует Фриондом своих врагов — см. I. 136); Еврибат — приближенный царя Креза, обокравший его и выдавший его военные планы царю персов Киру. Еврибата часто упоминают в паре с Фриондом: их имена вошли в поговорку как обозначения предателя и мошенника (Plat. Protag. 327). — *Примеч. ред.*

⁷ Ср. т. I, стр. 107, 1 [238, 31]. (Имеются в виду игральные черепки. Смысл поговорки: дело приняло совсем другой оборот. — *Примеч. ред.*)

грабитель, враг справедливости, ни людей не боящийся, ни богов не чтущий!»

18. Видно, один и тот же человек и плут, и честен, и враг богам, и друг, и венков достоин, и наказания, причем то и другое определяется завещанием, одно до его вскрытия, другое по вскрытии. И те, кто раньше подделывались к нему, вопят, что он не стоит и погребения, зная, что нет ничего легче для живого человека избидеть мертвого. Во всяком случае, мы видим, какой судьбе подвергаются трупы со стороны тех, кто желают обогатиться на счет могил. А если бы кто-нибудь из богов внезапно воскресил его, как тех, о ком гласит молва⁸, у этих обидчиков душа ушла бы в пятки, и не щадили бы они слов и снова стали бы хвататься за руки его, может быть, и колени, так велика их забота о любостыжании.

19. «Ведь он каждому из нас, — говорят они, — обещал наследство». По какой необходимости? Какую силу усматривая в вас, какую немощь в себе? Каких врагов надеясь погубить⁹ при вашем посредстве? Какое золото умножить у себя? Какое серебро? Какую землю? Какие поля? Если не это, устранение какой опасности покупая? Разве кто подал на него донос в том, что он покушался на дом императора, и улики были наготове и кара — смерть, и только от вас одних зависело погасить дело, и наследству надлежало служить вознаграждением, которому предстояло принести ему спасение?

20. Разве он не был молод и известен, грозен и необорим своей властью унижить других и больше привычен обращать в бегство, чем сам тому подвергаться, а ваша сила, правда, тоже велика, но разве не слабее, чем его? Так как же это с вашей стороны не было ни больших, ни меньших обещаний ему, а с его стороны вам они были столь значительны? «Но не всё, но третью, четвертую часть». Видно, и таковая столь значительна и ничем не оправдывается.

⁸ Ср. ер. 285: «ты не воскресишь мертвого, как в мифах», где издатель писем *Вольф* видел даже намек на Спасителя.

⁹ καταχύσειν. Против поправки *Förster*'a s. t., ср. orat. XLII, § 14, т. I, стр. 185 [339–340].

21. Следовательно, не сказал он ничего подобного и нынешнему нашему правителю, зная, что он справедлив, и что он будет стоять на почве права, и что не пришлось бы пред такой инстанцией твердить о деньгах, так мало можно было рассчитывать на успех. Возникало бы даже опасение, как бы, лишь он скажет, тот, с криком поймав его на этих словах и созвав лиц, самых видных в городе, не заявил, что оскорблен, и не подал бы дела об оскорблении, скорее же о подкопе на законы и суды.

22. А если бы Олимпий, действительно, сказал что-нибудь подобное, а тот выслушал без протеста и теперь сердится за незначительность дара, он тем, конечно, заявляет во всеуслышание: «Я ничем не разнюсь от тех, кто мною были приговорены, кто изрыгнули присвоенное и подвергались наказанию, но — и за это по справедливости я подлежал бы каре вместе с ними — беру, по нравственным убеждениям стоя наравне с ними, хоть выше их по общественному положению».

23. Говоря то же самое и о других лицах, находящихся у власти, те, кто претендуют на их дружбу, заставляют меня заявить то же самое и о них, что они прошли много административных постов со злодеемством, во время судопроизводства интересоваться тем, чтобы нечто получить, и взимая по предварительному соглашению.

24. Но я полагаю, никакого подобного обещания не бывало, и человек этот не был обманут. А если бы и в самом деле так было, я бы извинил этот обман по отношению к недобросовестным правителям. Ведь иным путем никак нельзя было добиться своего права, как внушив им преувеличенные надежды. Обстоятельства требовали плутовства и заманивания тщетными надеждами, в противном случае собственные дела приняли бы дурной оборот. Ведь невозможно оклеветать самый процесс и сказать, что результатом обещаний была несправедливость по отношению к противной стороне.

25. «Но, — говорят, — сверх того, что он не соблюл обещаний им, он грешил, давая как можно больше некоторым людям недостойным». И они называют то и другое определенное лицо. Но

если бы он им дал и втрое столько, он поступил бы справедливо. Ведь он отдавал то, чем был в долгу. В самом деле, кто не знает, что оба эти человека были гаванью Олимпию, убежищем, утешением, услугою, поводом к веселью, лекарством от печали?

26. Так презрев собственные интересы и посвятив жизнь служению его желаниям и всецело отдав ему свое внимание, они превзошли всякую заботливость: родителей, детей, братьев и, сверх того, слуг, так как они трудятся больше этих и добровольно выполняли для него обязанности тех, больше утехи находя в удовольствиях его, чем в собственных, в мольбах своих поставляя его интересы впереди своих.

27. Итак, видя это, и считая это, и радуясь этому ежедневно, как должен он был поступить? Обидеть в завещании и людей, которые не таковы были в отношении к нему, оставить в бесчестии? По справедливости его отнесли бы тогда к числу неблагодарных, так как сам он получал облегчение в их трудах, а в пору, когда мог отблагодарить их, с охотою игнорировал, кто кого больше имеет права на большую получку. В таких случаях надо ведь принимать во внимание не родовитость, а любовь, усердие, бдение и труды, и не ту известность, какая приобретена человеком какой-либо должностью, но то, кто кого благосклоннее, кто кого пригоднее, кто более испытан в соучастии в делах, способных служить пробой и показанием личности.

28. Спроси, что заставляло и Ахилла плакать и не давало ему спать¹⁰. Не знатность умершего припоминалась ему, но суда и войны, что перенесли они вместе в плаваниях и при опустошении городов. А эти люди не были сотоварищами ни в плавании, ни в войне — не было к тому необходимости, — но один управлял у него домом, дело трудное, другой нимало не уклонялся от исполнения его распоряжений и, быстро повинуясь его мановениям, чуть не сроднившись с ним¹¹, не тяготился даже когда его

¹⁰ Имеется в виду горе Ахилла по убитому Патроклу (Il. XXIV. 3–13). — *Примеч. ред.*

¹¹ *μονονόη συγγενικός*, здесь с иным оттенком смысла, чем *ερρ.* 367. 410, см. т. I, стр. XXVII, XXXVI [36; 44].

звали ночью, и он отгонял скуку, сидел рядом и врачевал вместо того, чтобы спать, растянувшись на ложе.

29. Поэтому, если бы он сделал их хозяевами и всего состояния, по справедливости это должно бы было вызывать восхищение. Ведь нрав сильнее всяких кровных связей располагает к привязанности. Любя, никто не способен причинить вред любимому, рука же отца, случалось уже, убивала сына, и рука сына — отца. Нечего говорить об отказах от сыновей и о тех сыновьях, какие заставляли голодать родителей. Вследствие того, что подобает в таких случаях выводить суждение, принимая во внимание самые факты, законодатель дает место в наследстве и добродетели рабов. Таким образом, ему может быть вменено в вину скорее не то, что он дал тому лицу больше, чем подобало, а то, что он убавил его долю, сравнительно с тем, что следовало.

30. Ведь так было и со стороны матери. Нашедши, что опорой дома является Олимпий, а Миккал не таков — достаточно так выразиться¹², одному она дала больше, другому меньше, не прибавив к дару каких-либо условий и не унизив этим получившего, но предоставив ему использовать дарованное по его полной воле. Но она воссылала мольбы, чтобы меньшей проявил такое отношение к старшему, чтобы почестями ему возвысить его положение.

31. Действительно, Олимпий, считая брата за собственного сына, старался его исправить своими вразумлениями и почтил его двумя должностями, имел к тому возможность при содействии префекта¹³. А тот, избавившись вполне от декурионата,

¹² Cf. ep. 574, ep. 96.

¹³ Имеется в виду префект претория Востока. Миккал был назначен президом Фракии в 362 г. (PLRE. P. 602), поэтому упоминаемый здесь префект претория Востока — это Сатурний Секунд Саллюстий (префект в 361–365 гг.), один из приближенных имп. Юлиана (он хорошо разбирался в греческой философии и риторике, чем завоевал уважение посетившего Галлию цезаря Юлиана, который назначил его квестором, а став императором — префектом), продолживший службу и при имп. Валентиниане. Аммиан Марцеллин (XXV. 5. 3) рассказывает, что после смерти Юлиана военный совет хотел назначить императором именно Сатурния, пользовавшегося всеобщим уважением, но тот

благодаря должностям, поступил низко с благодетелем и, заглушив в душе благодарность и ни разу не напомнив себе, благодаря кому, из кого — кем он стал, сделался врагом ему, поражал его и ранил, причинял ему всевозможные неприятности, взводя хулу на женщин, не изведавших любви, ухаживавших за Олимпием лучше всякой толпы слуг, будто они погрязли в постыдных утехах и сильны снадобьями и чародейством, проклиная и девиц, воспитывавшихся на попечении Олимпия в утешение в его бездетности, тем и другим угрожая тюрьмою, пытками и казнью, суля, что один и тот же день узрит и смерть Олимпия и эту судьбу их.

32. Оскорбление это усиливалось тем обстоятельством, что угрозы произносились не исподтишка, но среди бела дня и во всеуслышание. Олимпия это естественно задевало за живое, и он боялся будущего, и ему мешало быть Олимпием в отношении к Миккалу, когда он слышал со всех сторон, что у этого Миккала одна забота — наговаривать на Олимпия и что многие из присутствующих, не вынося этих речей, одни отскакивают, другие остаются и защищают.

33. Разве же такое отношение представляется достойным венков? И Миккал нимало не становился умереннее в своем поведении, когда находились люди, увещевавшие его прекратить обвинение как несправедливое и, мало того, способное повредить. А за ним всегда оставалось последнее слово, и еще пуще он пел одну и ту же песню с зари до вечера. Даже прием ванны не надолго лишал его удовольствия твердить такие речи.

34. Значит, не Олимпий вредил Миккалу, а скорее Миккал Миккалу, который мешал Олимпию быть к нему милостивым, ударяя, нахлестывая, избивая его своими словами, вызывая его гнев, издеваясь так, что заслуживал наказания. Ведь и те, которых поражают молнии, нужно считать, сами себя поражают,

отказался, ссылаясь на болезни и старость. Олимпий, по всей видимости, находился в дружеских отношениях с Сатурнием, благодаря чему обеспечил должность и сенаторским званием не только Миккала, но и другого своего брата, Евагрия, который в 359 г. получил в управление не названную в источниках провинцию (PLRE. P. 285–286). — *Примеч. ред.*

так как своими преступлениями навлекают на себя огонь Зевса; если же бы поступали справедливо и угождали богам, он их не сжигал бы. И Миккал, возжелав зла, очутился в том положении, какого хотел.

35. Но думает ли кто, что Олимпий, виновник благоденствия для многих, не принадлежавших к его роду, мог бы с легким сердцем возненавидеть брата? Это невозможно. Но он и тут хотел быть полезным, а тот его распалил. Итак, когда Миккал умер, поступая с братом так несправедливо, всякий подумал бы, что Олимпий перенесет вражду на его сына. Но он превзошел ожидания, проявив себя к нему добрее самого родителя.

36. Находятся, далее, такие господа, которые, подходя ко мне и приняв на себя личину людей, за нас удрученных, говорят, помавая головою, такие речи, какие естественны были бы в устах тех, кому всякое выступление против меня несносно. И вот они говорят: «Разве и в отношении к тебе он не нарушил справедливости, навязав тебе наименование, чреватое завистью и хлопотами¹⁴, а дав то, над чем иной мог бы и посмеяться, тогда как следовало бы другим выполнить труднейшее дело, а тебе предоставить, если не что-нибудь другое, то мир, отодвигая тебя на второй план?».

37. А я признаю и то, что досталось мне от Олимпия при жизни его, самым значительным из всего того, что мне было кем-либо предоставлено, и то, что дано по смерти, это, по вашей оценке, малое — важнее тысячи поместий, и даже если бы я ничего не получил, это не причинило бы мне печали, так как дружба его подвергалась пробе в кое-чем гораздо более важном, как было бы, если б он включил этот пункт и в завещание, выставляя причиною того, если ничего мне не оставил, уверенность свою, как моего искреннего друга, что я сам ничего не домогаюсь.

38. Но все же и при таких условиях некоторые возымели надежду внушить мне ненависть к умершему, и это побуждало их говорить о нем. Но у меня остается дружба и к умершим, и смерти, лишаящей и общения, я не даю лишать меня и привязанности,

¹⁴ См. *orat. I*, § 275 след., т. I, стр. 85 [208] сл. Введ., стр. LXXX [89] след. — См. *ep.* 971.

угождая этим чувством, которое важнее приношений цветами на могилы, каковые иной выполняет и с чувством неприязни, из боязни пред обычаем. А о моем чувстве вы знаете и то знаете, как каждый из друзей, что под землю, живет в моей душе. Знают это еще больше ночи. Да, в то время как день проходит в разговорах с живыми, ночи посвящены беседам с теми, и не слышу я ничего, но говорю.

39. А те, кто, несмотря на такой длинный ряд лет, не сумели узнать, каков я нравом, явились с намерением настроить враждебно человека, связанного дружбой крепкого закала, воображая, что моя душа вполне под стать их душонкам, недужным, рабыням денег. Но, если бы кто-либо из богов обещал, что он снова вернет Олимпия в ряды живых за крупную плату, о деньгах я не помянул бы ему — их у меня нет, — но, показав на свое тело, сказал бы, пусть берет, если хочет, так как мне приятнее будет жить с ним тем, что останется, чем всем своим существом, но быв лишенным общения с ним.

40. Перестаньте же приступать ко мне с подобными речами и пробовать воздействовать на того, кто такому средству не поддается. Не найдется столь ловкого ритора или чародея. Итак, я спрашиваю вас и всех людей, где Олимпий оказался недобросовестным, или когда, или к кому? О его справедливости громко говорят многие процессы, многие судьи, бесчисленные судебные палаты, заявляете и вы, злословящие его, продолжительностью вашей дружбы. Вы бы, в свою очередь, избегали недобросовестного, а не гонялись бы за ним, а вы, действительно, гонялись, а не уклонялись. Таким образом, или он честен вместе с вами, или вы бесчестны вместе с ним.

41. Так думаете ли вы, так поступая, безнаказно бесчинствовать, как будто не взирают на вас умершие и нельзя им услышать то, что вы говорите? Но есть кому сообщить им о том, что здесь делается и что говорится, это те, кто умирают вслед за ними. А они, понятно, хотят помочь самим себе. Силы же у них от того самого, что они мертвецы, больше, и в гневе они быстро отплачивают.

42. Итак, я вполне уверен, что у кого есть дети, они погибнут, а у кого их нет, у них и не будет, а жены их, вместо законных мужей, вступят в связь с другими, и дочери отдадутся до брака поварам, сыновья же ничем не будут разниться от дочерей и, доведенные до нищенства, не найдут того, кто бы им подал, а от долгих и тяжких болезней, соединенных со страданиями, можно будет умереть при таких обстоятельствах. Вот что будет, вот что иной увидит, вот что научит прочих не издеваться над умершими, будто они уже ничто.

К ТЕМ, КТО НАЗВАЛИ ЕГО [ЛИБАНИЯ] НЕСНОСНЫМ

Orat. II F¹

1. «Как невыносим, как надут!» — выразились некоторые обо мне. Андроник² сообщал об этом под клятвою, но я бы поверил ему и без клятвы, как человеку порядочному, другу мне, с неудовольствием выслушавшему подобный отзыв. Таким образом, куда ему было сочинить когда-либо против меня то, чего сказано не было! Итак, вызываю их на допрос и прошу доказать, что есть сколько-нибудь правды в их отзыве; но они не смогут.

2. Прежде всего, можно по справедливости подивиться тому, каким образом в период истекшего, столь притом продолжительного, времени не появлялось таких обвинений. Много было

¹ Эта речь была написана Либанием в возрасте 67 лет, т. е. в 380/381 г., с целью опровержения обвинений оратора в несносности и придиристичности. События, затронутые в речи, описаны также в его Автобиографии (I. 155–204). — *Примеч. ред.*

² Андроник — друг и ученик Либания, о его карьере см. Or. LXII. 56–60. — *Примеч. ред.*

сказано другого, тоже ложного, и врагами, которым после пришлось стыдиться и, чуть не пав на колени, умолять простить их глупости, и они получили прощение. Но это нынешнее обвинение появилось, выждавши шестьдесят седьмого моего года.

3. Ведь нельзя же сказать, чтобы, будучи сделан, отзыв прошел незамеченным, как не прошли и прочие. В самом деле, наглости говоривших свойственно было не скрывать, и много у меня расположенных ко мне людей, от которых я бы узнал.

4. Что же? Надо ли полагать, что, будучи моложе, я умел быть сдержанным, а с годами испортился? Но естественным было бы обратное: если я и был навязчив прежде, теперь перестать быть таким. Время отличный учитель и исправитель.

5. Но, полагаю, дело вот в чем. Перебрав всё прочее, причем при каждом отдельном обвинении им пришлось покраснеть, они, так как молчать они не умеют, не подумавши нимало о том, чтобы не сказать чего-нибудь неправдоподобного, напали на это обвинение, дабы иметь отговорку в том, что они избегают моих курсов.

6. Я спесив? Так что же можно слышать от ремесленников³, которые говорят при моем проходе: «Вот скромный человек, вот обходительный! Не он ли на приветствия последних бедняков отвечает тем же?» Значит, есть, кто, становясь с ними, в чем можно, на равную ногу, захотел бы спесивиться перед начальственными и богатыми людьми? Те, кто целует мне и глаза, и голову, и руки, хоть и не очень меня любят, всё равно уходят от меня с теми же знаками дружбы с моей стороны.

7. Где же моя спесь? В отношениях моих к правителям? Но все знают, куда я являюсь и сию, хотя можно кое-куда получше, и с кем встречаюсь и провожаю, и от кого сторонюсь, хотя, когда они влекут меня к себе, нередко я все равно, оказывается, повинуюсь им.

³ Корпорации ремесленников в Антиохии были своеобразными центрами социальной активности (Or. I. 87; VIII. 4). Либаний систематически проявлял озабоченность благосостоянием ремесленников (Or. XXXVI. 4; LVIII. 4; 22), что, естественно, определяло благожелательное отношение последних к ритору. — *Примеч. ред.*

8. Да к чему говорю об этом, когда могу сказать о том документе⁴, который я отверг, чтобы не показалось, что я стал важничать? А между тем можно было, получив его, заявлять, что подвергаюсь невозможному обращению, когда правители не ходят ко мне, и наполнить суетой приемную правителей, всякий раз, когда к ним являюсь. Но я не пожелал ни того, ни другого, не придал этому значения и не захотел к почестям мне за нрав мой присоединить почесть от того указа.

9. Старик Архелай⁵ захотел посетить меня, я не допустил. После того Домник, и этого не допустил, узнав о его намерении заранее. Явился Архелай, племянник Архелая, но был не замечен, и посещение его не было приятно, и он это выслушал и уступил. Сапоры, Юлии, Виктор⁶ являлись, когда по болезни я не мог бежать, а я от совестливости глядел в землю, на деле давая понять, что тяготился честью.

10. «Но я спешив в своих воспоминаниях о своем роде». Мне же можно бы было всем, за исключением совсем немногих лиц, говорить, что по моей родовитости им нельзя бы было и глаз на меня поднимать, но никогда я этого не говорил и не клялся изображениями предков⁷ и литургиями, но считал достаточным, что город знал за мной это достоинство, но и с прочими все время продолжал иметь общение, как с людьми, ничем не уступающими мне в родовитости.

⁴ Cf. Eunap. Vit. soph., p. 7, 23, sq. c. nota. (Либаний в свое время принял предложенную императором Юлианом почетную должность квестора (*sacri palatii*), которая давала ему статус и привилегию *honoratus*, с правом входа к правителю. Евнапий ошибочно отмечает, что Юлиан предложил Либанию должность префекта (V. S. 495), однако сам Юлиан обращается в письме к Либанию как «софисту и квестору» (E. L. F. 98). Почетная префектура была предложена Либанию императором Феодосием только в 383/384 г. — *Примеч. ред.*)

⁵ Ср. *orat. I*, § 166; т. I, стр. 57, примеч. 2 [172, 263].

⁶ Имена трех военачальников периода правления императора Валента. — *Примеч. ред.*

⁷ Портреты представителей городской знати хранились в здании городской администрации, как это было с портретом самого Либания (*Or. XLII. 43*). — *Примеч. ред.*

11. О деде и прадеде, признаюсь, я вспоминал, и не раз, но вспоминал не с этим намерением, но потому, что последнему, в добавление к другим качествам, принадлежало искусство предсказания, благодаря коему он узнал заранее, что его прекрасные сыновья умрут у него насильственной смертью⁸, а о заботе первого о детях я рассказывал не раз. Ради нее он сам явился в Апамею, и привез, склонив к тому большою суммою денег, выдающегося софиста, и сделал замечательными своих сыновей, братьев моей матери⁹. Рассказывал я это не ради простого самохвальства, но дабы иной отец, услышав, стал соревновать ему.

12. Итак, в молодости мы избежали того, чего избежать нелегко¹⁰, и свидетелями тому, сверх всеведущих богов, являются те из сверстников моих, какие еще в живых; теперь мы дряхлы, а тогда были цветущими. Так разве я досаждал напоминанием о своей скромности? Сказал ли, что достоин за это почета? Вызвал ли свидетелей, которых можно было вызвать?

13. Если не это, помянул ли о трудах над речами, здесь ли, или в другом месте? Или о том, как, возводимый в Афинах властью на кафедру, бежал?¹¹ Поминал ли об этом без необходимости, попусту величаясь? Нет, но не раз ради увещания юношам. А этому название чванливый совсем не соответствовало бы.

14. «Но речи со стороны других, серьезные или не такие, я отстраняю похвалами самому себе. Я победил такого-то софиста и принудил к молчанию другого, того поверг, того поборол и того заставил бежать, большую часть египетских¹² и трех в Афинах вогнал в страх, приглашаемый курией каждого из двух городов».

⁸ См. Ор. I. 3. Семья Либания, одна из наиболее известных в Антиохии, была подвергнута осуждению и конфискации имущества в 303 г. в рамках репрессий, последовавших за выступлением Евгения в Селевкии. — *Примеч. ред.*

⁹ Панолбий и Фасганий. — *Примеч. ред.*

¹⁰ См. Ор. I. 12; 20. — *Примеч. ред.*

¹¹ Об этом приглашении Либания Стратегием (тогда — проконсулом Ахайи) в 353 г. см. Ор. I. 81; LXII. 61. — *Примеч. ред.*

¹² Весьма сомнительное чтение это *ἐν Αἰγύπτῳ* исправляется Förster'ом: *ἐν τῇ Διορύβου*, т. е. в Никее, см. *orat. I, § 48*. (Возможно, победа над египетскими

15. Не со слов ли других людей вы узнали это? А если бы они не сообщали, вы, сколько от меня зависело, не узнали бы о моих бедах. Ведь и об изображениях¹³ и постановлениях относительно них немало числа и немаловажных городов вы еще не слышали, но может быть, осведомитесь, однако не с моих слов.

16. Впрочем, что же бы, наконец, свойственно было такому человеку, о каком говорят эти господа? Всякое место и всякое время наполнять такими речами, и ежедневно, то пред полуднем, то после него.

17. Однако и тот, кто, оказав благодеяние, неоднократно поминает о благодарности, назойлив, если это напоминание недалеко от попрека, а таковой тягостен. Итак, посмотрим, не благодетельствовал ли я город свой, разорвав ту крепкую связь, какую меня связал приговор императора, вам всем известный¹⁴, и предприняв небезопасный путь к вам, вопреки пожеланию государя, но способствовав тем заметному успеху искусства слова. Так разве я ни на минуту не переставал поставлять городу на вид свое благодеяние? Но кто столь бесстыден, чтобы дерзнуть утверждать это?

18. «Но походка моя надменна». Какая, разве кто назовет так такую, что вызывается недугом?¹⁵ «Но взор, но брови, но голос». Но разве вы не привыкли звать меня привлекательным?¹⁶ Возможно ли, чтобы эти названия сочетались, чтобы один и тот же человек по справедливости назывался и таким, и навязчивым?

19. Разумеется, далее, есть некоторые, кто дает такое прозвание за полное избегание смеха. Когда же, однако, я мешал смеху других или наводил тень на чужое веселье? Сколько раз сам я, где можно было, подавал пример в смехе? Ведь тогда, когда серьезная

ораторами относится к 364 г., когда Либаний был приглашен Максимом, префектом Египта (Ер. 1274). Об афинских ораторах см. Or. I. 25. — *Примеч. ред.*

¹³ Ср. т. I, стр. 195 [353] (orat. XLII, § 43).

¹⁴ Ср. т. I, стр. 27 [132] (orat. I, § 74), стр. 35 [143] (§ 100).

¹⁵ Либаний страдал подагрой, см. Or. I. 140–141; 243–244. — *Примеч. ред.*

¹⁶ Подобная традиция отражена у Евнапия (V. S. 495–496). — *Примеч. ред.*

забота о делах привлекает на себя внимание, смеяться самому и заставлять смеяться других было бы недобросовестным.

20. Но я настолько далек от этой вины, что даже с учениками не таков, но примешиваю к делу некоторую утеху, истекающую из добродушия, благодаря коей мне нимало не представляется нужды в ударах, так как они всё сделают с охотою, другие же, которые и не могли иметь такого успеха, и не получили того названия, какое теперь мне дают, мы знаем, потратили несчетное количество прутьев.

21. Что же? Во время болезней можно ли сказать, чтобы я требовал, дабы прочие посещали меня каждый день, некоторые же и ночью, иные и не отлучались от моего ложа, а сам, манкируя такой услугой, считал себя поступающим справедливо, будто им пристала литургия, а мне свобода от таких обязательств?

22. Но ведь и в прежние времена видали, как я спешил к дверям недужных и лестницам, и теперь — то верхом, то на носилках, несомый слугами¹⁷. А между тем кто, признав достаточным оправданием и болезнь в ногах, и старость, не освободил бы себя от этого утруждения? Но и тем, кто не посещал меня в болезни, никогда я не ставил этого в упрек, а сам нередко и являлся, чтобы навестить, даже несмотря на слабость свою.

23. Что же еще? Я спесив в своих декламациях, те рукоплескания, какие всегда бывают, вина, как более слабые, чем следует, если они даже обильны, и требуя, чтобы к обычным возгласам прибавлялись новые, а славословия встречая словно каменный, ни взором, ни жестом руки, ни улыбкой не воздавая почтения своим хвалителям.

24. А я знаю, что и удерживал их словами, прося не изводить себя так и не трудиться в своих изъявлениях почтения ко мне. Но как я не раз сердился за Платона и Демосфена, когда зрители их обижали, объединяя в своих криках то, что настолько разнится

¹⁷ Либаний провозглашал посещение больных социальной обязанностью и требовал пунктуальности в ее исполнении (см. Ор. I. 105; LXIII. 4). — *Примеч. ред.*

одно от другого¹⁸, думаю, все знают. Ведь и во вступлении я полагал этому конец, скорее желал того, но кое-где еще такая смелость допускается.

25. Далее, если, я слышал, некоторые недовольны самым этим количеством декламаций, — я, неразумный, полагал им угодить их многократностью, — но прекратил их, и те, что раньше исполнял перед более многочисленной публикой, теперь исполняю перед учениками. Так боюсь я показаться назойливым.

26. Клянусь Зевсом, но ни в чем из этого никто не обвиняет, но в том, что я тоскую по том, что было когда-то, и хвалю то, а осуждаю настоящее, и утверждаю, будто тогда города были счастливы, а теперь несчастны, и что я всегда и всюду, ежедневно твержу эти слова.

27. Те, кто за это пеняют и обижаются на такие речи, это те, кому настоящие обстоятельства выгодны. А кому они повредили, те относятся к ним одобрительно. Они стали из знаменитых безвестными и из богатых бедными, а те, напротив — в славе, богатстве, могуществе, от которых надежды их были так далеко, как от возможности летать.

28. Итак, для тех, кто не по заслугам благоденствует, я несимпатичен и несносен, когда говорю такие речи, а для тех, кто низвержены из своего благополучия, я являюсь желанным, так как сострадаю им и подавлен их несчастьями. Почему же тогда, когда они меня называют несносным, они не определяют этого точнее небольшою прибавкою: несносен для них. Ведь не всем же я несносен, но тем, для кого благом служат бедствия всех. Действительно, будучи несносен для всех, я стыдился бы такой молвы, если — для счастливых при таких условиях, то этим горжусь.

29. С охотою спросил бы их, утверждают ли они, что я лгу в моих похвалах или порицаниях, или нет. Если утверждают, что лгу, пусть докажут, что прежнее состояние городов не было лучше. Если же утверждают, что я говорю правду, зачем сердятся?

¹⁸ Либаний имеет в виду сближение аудиторий его ораторского таланта с Демосфеном и Платоном. (О сравнении оратора с Демосфеном см. Ор. III. 18. — *Примеч. ред.*)

Зачем не называют несносною истину, но несносным того, кто ей следует? Ведь не слово мое создало предметы, но от предметов слова стали такими.

30. Я сказал, что в давние времена бывало много жертв, и святилища полны приносящих жертв, и пиры, и флейты, и песни, и венки, и богатство в каждом из этих предметов служило общему помощью для молящих¹⁹. В чем же тут я говорил неправду? И теперь разве увидит кто храмы такими?

31. Есть люди, которые с величайшим удовольствием почтили бы богов приношениями, но знают, что, если бы их туда доставили, они принадлежат другим, раз уже и обширные земли каждого бога обрабатывают другие, и ни малейшая доля дохода не достается жертвенникам²⁰.

32. Я сказал, что у занятых земледельческим трудом в прежние времена были и ларцы, и платье, и статеры, и браки с приданым. Теперь же приходится проходить много запущенных полей, которые привело в запустение взыскание податей с пристрастием, причем прибавилось еще другое пущее зло, от тех, кто наполнили собою пещеры, чья скромность лишь в скромности их плащей²¹. Да и тем, кто остаются по деревням, ни к чему запирасть дверей, тому, у кого ничего нет, не приходится нимало бояться грабителей²².

33. Но ты скажешь о куриях. Однако если бы и ничто другое не было в плохом состоянии, это одно заставляло бы говорить,

¹⁹ Вероятно, речь идет о реставрации язычества при императоре Юлиане, см. Ор. I. 119; XVII. 9; XVIII. 286. По мнению Юлиана, языческие храмы должны были быть не только религиозными центрами, но и основой социальной жизни (E. L. F. 84; 89). — *Примеч. ред.*

²⁰ Религиозная реформа Юлиана была свернута сразу после его смерти в 364 г. императором Иовианом, а храмовые земли были вновь конфискованы (Cod. Theod. V. 13. 3; X. 1. 8). Впервые храмовое имущество было конфисковано еще при императоре Константине. — *Примеч. ред.*

²¹ Имеются в виду монахи-христиане, поселившиеся отшельниками в пещерах горы Силпий, которых Либаний обвиняет в многочисленных антисоциальных действиях (см. Ор. XXX. 8–10). — *Примеч. ред.*

²² См. т. I, стр. LXII, примеч. 3 [70, 269].

как я говорю. Вместо шестисот, сколько было тогда, теперь нет и шестидесяти. Да что шестьдесят! У некоторых нет и шести²³.

34. Но есть города, где один и тот же человек взывает подати, и мыться дает, и опять моет²⁴. В чем тут загадка? Моет он, и поставляя дрова²⁵, и тот же исполнитель литургии является, взявши кувшин, банщиком. Затем тот требует горячей, этот холодной воды, а ему не разорваться же, приходится нести на себе гнев того или другого. Но «не у нас это». Пускай бы, о Зевс, и не было, но не на то надо смотреть, где этого нет, но на то, что, где это есть, это возможно. Действительно, у какой из курий земля плоха, они гибнут под бременем повинностей, так как никто не желает такой земли и не покупает, а у кого она лучше, вместо наследников, они имеют хозяевами ее могущих купить. Вследствие этого декурионы смиренны, и немногочисленны, и не только бедны, но прямо уже — нищие, а неизвестно откуда втершиеся люди, заплатив²⁶, — надо сказать правду, роскошествуют в их имениях, одни владея домами, другие поместьями, третьи и тем, и другим.

36. И достоинство курии всюду исчезло, импонируют и вступают в браки люди пришлые, а мы видим и обедаем с ними вместе, и воссылаем пожелания старости, а за декуриона никто не выдает дочери²⁷. Не настолько ему немило собственное чадо. Понадобился бы месяц тому, кто захотел бы с точностью пересказать несчастья, испытываемые куриями.

37. Я знаю, что стонал и за воинов, как за декурионов, и за них, пожалуй, не без основания, так как они голодали и страдали от

²³ См. т. I, стр. 121, 1; 113, 1 [257, 28; 246, 49].

²⁴ Игра слов: о банной литургии и службе банщика (βαλανεύς) cf. Förster vol. III, praef., pg. XXVI. (Содержание общественных бань являлось одной из самых дорогостоящих литургий, возложенных на принципалов (см. XXVI. 5–6). — Примеч. ред.)

²⁵ Cf. ad Icar., §§ 5–6, см. т. I, стр. 90 [215–216].

²⁶ До 386 г. законом не разрешалась продажа земель курий (Cod. Theod. XII. 3. 1). — Примеч. ред.

²⁷ Ср. т. I, 233, 1 [410, 3], orat. XLVIII, § 3.

холода и не имели ни обола²⁸, следствие «справедливости» лохагов и стратегов²⁹, которые их доводят до самого жалкого состояния³⁰, а себя превращают в крупнейших богачей. Голодают и кони всадников, и этот голод — для тех золото, в дополнение к тому, которое они получают от государя, которое через руки воинов поступает в их руки.

38. Славно напиться до рвоты³¹ и затем тотчас снова приняться за еду и питье, но постыдны упражнения и изощрение себя в подобающих трудах на равнине. Вот почему, во время битв, достаточно врагам крикнуть, и одни спешат уйти, а остающиеся остаются на то, чтобы пострадать. И души их робки, а телам недалеко до сходства с теньями.

39. И земля жестка ногам по отсутствию обуви. Надобны средства и на жену, и на детей, у каждого есть то и другое, а они [военачальники] ни бракам не препятствуют, ни заботятся о том, какое будет пропитание матерям и детям. Итак, когда хлеб у воина приходится разрезать на столько частей, с чего ему быть сытым? А вред от этого становится в убыток войне.

40. Но не было этого в те времена, которые я восхваляю³², но вожди любили не деньги, а славу, и не было никого, кто бы стал отнимать деньги у солдат. Одни и те же люди и сами были и сильны, и мужественны, и мастера в боевом деле, и не женились, но были изобретены средства, чтобы им и не нуждаться в браках. Лошади же их, нося всадников, представляли приятнейшее зрелище своим, грозное противникам, и был мир, так как варвары уговаривали друг друга соблюдать спокойствие.

²⁸ Ср. т. I, стр. 121 [256–257], *orat. c. Icar. 2, § 21, orat. XLVIII, § 30.*

²⁹ Имеются в виду офицеры среднего и старшего ранга. — *Примеч. ред.*

³⁰ Ср. т. I, стр. 176 [327] след. (*orat. XLVII § 26 sq.*).

³¹ Ср. т. I, стр. 178 [330–331] (*orat. XLVII § 32*). Ср. Julian., *Misopog.*, pg. 437, 22.

³² Либаний восхваляет времена Юлиана и подчеркивает контраст между высокой моралью и хорошей подготовкой в армии Юлиана и современным состоянием (см. *Or. XVIII. 209–210*). Критика армейских порядков, особенно после разгрома при Адрианополе и гибели императора Валента в 378 г., была едва ли не общим местом в трудах современников (см., например, *Zosim. IV. 23*). — *Примеч. ред.*

41. Если же надо сказать и об управляющих провинциями властях, правили те, которые были признаны самыми добросовестными, и из них те, кто остались верны своему характеру, состарились на своих тронах, а те, которые ему изменяли, подвергались казни, и не было им помилования. Вот, что давало силу законам.

42. В настоящее время на должность попадает тот, кто смог купить, и оборачивается, озираясь, не находится ли преемник ему в немногих стадиях расстояния³³. И тотчас признается открыто, что явился для взяток, и это служит вступлением к его управлению, и то, что прежде делалось в потемках, на то теперь дерзуют на глазах всех, изрыгнув малую часть всего, большую часть он переваривает. Так неужели несносен тот, кто это ненавидит, а прежним порядком восхищается?

43. Хорошо. Но если бы и все прочее примиряло меня с настоящими обстоятельствами, разве по справедливости не вооружило бы меня против них положение искусства слова? Ведь в былое время оно блистало, теперь же померкло и в былое время юношество привлекало отовсюду, теперь же ему не придается никакой цены.

44. Но оно похоже на скалы, засевая которые сеятель безумно губит семена. Плоды же поступают с другой нивы, италийского языка, о, владычица Афина, и от законов. Прежде знатокам их приходилось, принося их, стоять перед ритором, дожидаясь призыва: «Эй! ты, читай!». Но уже и секретари принимают важнейшие должности, а тот, кто, вместо того, изучил красноречие, служит им посмешищем, а сам плачется.

45. Многие, спасшие многим их состояния своими защитительными речами, ускользнувши от судов, сделались гоплитами, не потому чтобы пожелали славы, стяжаемой физической силой, но так как знают, что, взяв копье, тотчас можно будет жениться

³³ О покупках должностей см. Ор. IV. 28; XXVIII. 22; XLVIII. 11. Зосим также рассказывает о приобретении Флоренцием, бывшем префектом претория Галлии при цезаре Юлиане, поста комита Востока для своего сына Лукиана к 392 г. (V. 2. 1–2). — *Примеч. ред.*

и поедать состояние жены, а когда приключится война, в разгар битвы нет ничего легче, как, вместо рук, прибегнуть к быстроте ног, потому что ответственность не угрожает.

46. Когда же так называемые значки³⁴ обратили в бегство Гермеса, обратили в бегство и Муз³⁵, и то благосостояние, какое было долею их поклонников, перенесли на эту профессию, и одни были унижены, другие раздували щеки, разве кто гневается, если я скорблю, что мое ремесло стало бесполезным?

47. «Но ты скорбишь, — говорит противник, — не только из-за него, но вообще поносишь современность и восхваляешь и превеличиваешь в оценке прежнее время». Какой закон преступая, любезнейшие, за какие границы заходя в своей печали об этом? Какая несправедливость сострадать тем, кто бедствуют? Я считаю делом искреннего человека не только чувствовать огорчение за свои невзгоды, но испытывать то же чувство и по поводу тех, какие постигают другого человека.

48. И я знаю, многие не только страдают современникам в случае их несчастья, но проливают слезы на книги и при чтении трагедий. Почему вы и их не корите?³⁶

49. Легко было бы сказать им: «Что вам за дело до детей Ниобы³⁷ или если какая-то дочь Кадма убила своего сына?»³⁸ Отец вам,

³⁴ О стенографии, *ταχυγραφία*.

³⁵ Гермес и Музы, ведомые Аполлоном Мусагетом, были покровителями учебы и литературы. Профессия, упоминаемая Либанием, — стенография. — *Примеч. ред.*

³⁶ Ср. т. I, стр. 75, примеч. 2 [194, 344].

³⁷ В греческой мифологии Ниоба — жена царя Фив Амфиона, имела многочисленное потомство (у разных авторов по 6, 7 или 10 сыновей и дочерей). Ниоба похвасталась ими перед богиней Лето, имевшей только двоих детей, Аполлона и Артемиду. Разгневанная Лето пожаловалась своим детям, которые стрелами перебили всех детей Ниобы. Этот сюжет отражен в трагедии Эсхила «Ниоба». — *Примеч. ред.*

³⁸ Дочь Кадма — Агава. Ее сын Пенфей унаследовал в Фивах царскую власть своего деда Кадма. Дионис хотел установить свой культ в Фивах, поскольку отсюда происходила его мать Семела, сестра Агавы. Однако жители Фив отказались признать его, а сестры его матери утверждали, что Дионис не божественного происхождения и Семела лгала о связи с Зевсом. В результате

что ли, Лай? А Эдип — брат?³⁹ Гекаба — мать?⁴⁰ Коринфянин Креонт — дядя? Главка — племянница?⁴¹». Разве намерен я не удостоил Ипполита Еврипида такого плача, как если бы присутствовал и видел его страдание?⁴² Почему же не винят меня за горе мое по поводу троянских несчастий?

50. А вы, ради Зевса, разве не плачете, участвуя в выносе, когда выносят юношей и отцы провожают умерших сыновей, хотя притом не вынуждают к этому какие-либо родственные связи? По справедливости не нашелся бы, кто стал бы вас бранить. Даже зачтены вы были в благодетели за то, что принесли такую дань сочувствия.

51. Если же ничего возмутительного в том нет, оплакивать умершего, не родственника, как же может возмущать оплакивание тех, кто живет в скорбях, что гораздо горше смерти? Если же

Дионис наслал на фиванских женщин безумие, заставив их предаваться вакхическим оргиям на горе Киферон. Пенфей запрещал женщинам чествовать таким образом Диониса, за что Дионис наслал на него безумие. Пенфей последовал за вакханками на гору Киферон, но вакханки его обнаружили и, приняв за дикого зверя, растерзали. Первыми на Пенфея набросились его мать Агава и ее сестры. Этот сюжет отражен в драме Еврипида «Вакханки». — *Примеч. ред.*

³⁹ Лай — фиванский царь, отец Эдипа, который в соответствии с предсказанием оракула погиб от руки своего сына, что подробно описал Софокл в трагедии «Эдип царь». — *Примеч. ред.*

⁴⁰ Гекуба — жена троянского царя Приама, мать 20 детей, среди которых Гектор, Парис, Кассандра и пр. После взятия Трои она становится свидетельницей пленения или смерти своих детей. Участи Гекубы после падения Трои посвящена трагедия Еврипида «Троянки». — *Примеч. ред.*

⁴¹ Креонт — царь Коринфа, давший приют Ясону и Медее. Когда Ясон захотел жениться на дочери Креонта Главке, Медея послала ей пропитанный ядом венец и пеплос. Одев их, Главка погибает, а Креонт, пытаясь сорвать с дочери отравленную одежду, умирает вместе с ней. Этот сюжет описан в трагедии Еврипида «Медея». — *Примеч. ред.*

⁴² Ипполит — сын афинского царя Тесея и царицы амазонок Антиопы. Он любил охоту, почитая Артемиду, и презирал любовь, за что разгневанная Афродита внушила его мачехе Федре любовь к Ипполиту. Отвергнутая им, Федра оклеветала Ипполита перед Тесеем и покончила с собой. Тесей проклял сына, призвав гнев Посейдона, и Ипполит погиб, растоптанный собственными конями. Истину Тесею открыла Артемиды, примирившая отца и умирающего сына. И этот сюжет отражен у Еврипида, в трагедии «Ипполит». — *Примеч. ред.*

подобает предаваться унынию, когда город страждет, почему же не приложимо то же и к провинции? Если по поводу одного, почему и не по поводу многих?

52. Но я люблю тех, кто сострадает мне, если они и далеки сколь возможно от искусства слова, а тех, которые живут за другими занятиями, если не удостою того же, разве не обижу?⁴³ Мы не киприоты⁴⁴ и, скажем с Адрастеей⁴⁵, не узрели города, повергнутого землетрясением⁴⁶, но все же плачи, и рыдания, и восклицания: «О, города, что-то с вами будет?» можно было слышать из многих уст, и никто не порицал, если, будучи отделимы таким морским пространством, мы считали себя участниками несчастья.

53. Чего же добивается их вмешательство? Я не начальник войск, я не был участником в сражениях во Фракии⁴⁷, ни в качестве военачальника, ни воина, но даже с высокого дерева не вынес бы я зрелища той великой битвы, но все же, услышав об окончании битвы, я ударил себя по лбу, и рвал волосы, и перебирал сам с собою причины неудачи, о которых на следующий день сообщил и другим. Так разве я грешил тем? И кто это станет утверждать?

54. Я не вхожу в состав курии, но предоставлен заботам о словесном искусстве⁴⁸, но мне можно тяготиться и бедностью

⁴³ Ср. о Немезиде, *orat. I*, в конце 1 §. Т. I, стр. 3 [100].

⁴⁴ Ср. *Zosim. IV 18?* (Förster).

⁴⁵ Цитата из Платона: «Я припадаю к Адрастее, Главкон, ради того, что собираюсь сказать» (*Resp.* 451 а). Адрастее («неотвратимая») — это Немезида, чей культ, связанный с Олимпией, стал весьма популярным с Сирии. В мифологической традиции Немезида наблюдает за справедливым распределением благ среди людей, и в целом справедливости, и обрушивает гнев на тех, кто преступает закон; иногда она — богиня мести. — *Примеч. ред.*

⁴⁶ Мощное землетрясение 374/375 г. разрушило множество городов на Крите, Пелопоннесе и в остальной Греции (*Zosim. IV. 18. 1–2*), а также, видимо, на Кипре. — *Примеч. ред.*

⁴⁷ Речь идет о битве с вестготами при Адрианополе в 378 г., в которой римские войска были полностью разгромлены и рассеяны, а император Валент погиб (см. *Amm. Marc. XXXI. 13*). — *Примеч. ред.*

⁴⁸ Как официальный ритор Антиохии, Либаний получил иммунитет от исполнения куриальных литургий. — *Примеч. ред.*

декурионов, и богатством служебного персонала правителей, из коих некоторые, продавая прошлый год кто мясо, кто хлеб, кто овощи, стали важными господами путем приобретения их имений, причем нимало не торговались. Столько у них золота.

55. Другие же досаждают соседям размерами своих жилищ, не давая им пользоваться как следует дневным светом. После этого, неужели тебе не кажется, что они ответственны за эту перемену, за то, что подрывают положение государства, и если кто не может после этого молчать, неужели он от того назойлив?

56. Но ты, если кто из родственников с тобой сравнивается богатством, лопаешься с досады, и это обстоятельство представляется тебе несносным, и ты с величайшим удовольствием предъявил бы обвинение против Судьбы, а от меня требовал, чтобы я ее хвалил, будто поступающую справедливо, в то время как она так глубоко неправа в своих поступках с людьми, и низвергая тех, которым следовало бы благодетельствовать, и даруя свои блага отбросам общества.

57. Или подобает мне хвалить и богатство возниц, и того, кто служит другим шутом, и легкость получения административной должности⁴⁹, и бесстыдство юношей, и терпение отцов при виде таких их поступков, и провождение ими большей части дня во сне, а трату ночи в сборах к приему ванны? Но что они делают, пока собираются, об этом не говорю.

58. Было четверо секретарей у того, говоря о коем нечто похвальное, знаю, я огорчаю, и семнадцать курьеров⁵⁰, и начальник их в награду за много лет получил должность заведующего кузницами⁵¹, а прочие способствовали процветанию городов. Теперь

⁴⁹ ζώνη cf. т. I, стр. 248, примеч. [430, 5].

⁵⁰ Либаний вновь говорит об Юлиане. О значительном сокращении Юлианом количества придворных и служащих см. Or. XVIII. 131. — *Примеч. ред.*

⁵¹ Ср. т. I, стр. XLVII, 1 [55, 211]. — К этому всему месту (ср. orat. XVIII, § 135, см. т. I, стр. 346 [562] след.) ср. O. Hirschfeld, Abh. d. Akad. zu Berlin. 1893, p. 435 sqq. (По всей видимости, речь идет об оружейном производстве, которое было государственной монополией. Руководил ей *magister officiorum*. — *Примеч. ред.*)

же первых пятьсот двадцать, вторых больше десяти тысяч, а тот, кто ими заведует, раз ему это угодно, оказывается префектом⁵².

59. Это задевает меня за живое, об этом не могу не высказаться по справедливости, и есть у меня, кто меня понимает, как вы друг друга на ваших пресловутых пирушках, где много принужденности⁵³, много издевательства, бесстыдные соревнования, позорные победы, и, вместо богов, прославляются виновники настоящих бедствий.

60. «Ты несносен тем, что часто так поступаешь». Но разве справедливо, чтобы наносило покор тому, кто говорит правду, то, что он твердит о том часто? Как так? Или не должно говорить, чего не надо, или, хотя бы и часто, то, что следовало.

61. Ты видишь, как мы ежедневно приветствуем друг друга в одних и тех же выражениях, и не назойливы тем и не причиняем своими словами неприятности, но доставляем удовольствие, а кто не приветствует, отказывает в почтении. А те юноши, которые поют вам за трапезами и под песни коих вы пьете, не одними ли и теми же словами сопровождают кубки ваши и угождают больше самого напитка?⁵⁴ Как же это не представляется несносным, а то таковым представляется? Ведь если эти слова подходят к попойкам, то и те к несчастьям.

62. Я знаю, многие после страшных испытаний умирали от плачей и никто их не винил, что они не прекратили их раньше, но даже считалось похвальным быть столь чувствительным к несчастьям, чтобы с печалью и с жизнью расстаться.

63. Останови заразу в каждом отдельном ее проявлении, и остановишь мои речи о ней. Но если она распространяется,

⁵² Ср. о значении власти префекта *orat. VI* (π. ἀπληστίας), § 5, vol. I, pg. 356, 1 sqq., где намечены градации власти, от простого презида до префекта.

⁵³ χιών. Förster цитирует здесь Plutarch., de tuenda sanitate, 124 F ἄτοπὸν ἐστὶ πράγματος σπανίου καὶ πολυτελοῦς μὴ ἀπολαῦσαι παρόντος οἷον οὐθρατος ἢ μυκήτων ἰταλικῶν ἢ Σακίου πλακοῦντος ἢ χιώνος ἐν Αἰγύπτῳ. Но не есть ли это просто описательное выражение, ср. ψυχρός т. I, стр. 501 [740]?

⁵⁴ Некоторые исследователи считают, что в данном случае Либаний демонстрирует характерное для язычников представление о христианских религиозных церемониях. — *Примеч. ред.*

зачем заграждаешь мне язык? Самые факты меня побуждают к словам. А ты поступаешь подобно тому, как если бы врач, будучи не в состоянии излечить язву, велел бы страждущему не стонать.

64. Верни прежнюю силу и красу городам и услышишь, как я беру назад свои речи. Восстанови искусство слова в его прежнем положении и тогда требуй от него восхваления нынешней поры. Если же недуг подвигается вперед и бедствие все разрастается, и прежнее незначительно сравнительно с нынешним, и в почете плохое, а лучшее в бесчестии, к чему заставляешь меня восхвалять порчу?

65. Далее, я считаю своими, можно сказать, страны всей вселенной, и лучшие, и худшие, и становлюсь таким, каким меня делают ее судьбы, но любящий вселенную не заслуживает ненависти.

66. Но если кто и ограничит меня заботой о родине, мне кажется, она страдает от переселения немалого числа лиц, которые, покинув свои города и дома, если это и в самом деле дома, и даже во сне не радуясь узреть родину, будучи пришлыми людьми, считают нужным властвовать над гражданами, причем трепещут, как бы император не установил закона об ответственности за неожиданные богатства⁵⁵.

67. Им недостаточно владеть нашим достоянием, но если даже кто станет винить судьбу, они гневаются, и тот, кто попрекнул, в их глазах несносен. Разве не возмутительно до крайности, что вы дошли до такой откровенности, будучи теми, каковы есть?

68. Если же, будучи земледельцем и постоянно засевая землю, а жатвы никакой не получая, я стал бы поносить года, одно взявшие, другого не давшие, разве не досаждал бы я тем, кто это слышал ежегодно? Но как можно было не горевать при засухах, наводнениях, других недугах и убытке от самого посева?

⁵⁵ Об иммиграции в Антиохию см. также Or. XI. 163. В период правления императора Феодосия Либаний очень критично отнесся к этому процессу, особенно выступая против переселения в Антиохию *honorati* (см. Or. X. 25; XLI. 6). — *Примеч. ред.*

69. Ведь если бы мать таяла от продолжительной болезни, следовало бы плакать, а когда отечество, которое должно быть дороже и матери, в плохом состоянии, неужто надлежало праздновать? Я знал, что поступок мой угоден божествам, получившим его в удел⁵⁶, а это, я уверен был, было справедливо. Итак, поступая право, я не творил беззакония.

70. Это одно заставляло столько говорить, не менее того другое: я надеялся, что слово будет иметь некоторое воздействие, излечит и исправит, путем передачи его от одних к другим, пока оно достигнет до слуха государя⁵⁷.

71. Несчастьем моим было и то, что эта надежда моя оказалась тщетною. Обо всем другом скорее беседуют с государями те, кому предоставлена эта возможность, а не о таком важном предмете, и, минуя полезное, говорят то, чем рассчитывают угодить.

72. Да к чему пенять прочим? Даже самого префекта⁵⁸ не подвиг я к заботе о куриях, сказав (что кого бы не привлекло на мою сторону?), что этот род прекратится, если не будет у декурионов детей по отсутствию браков⁵⁹, по той причине, что звание декуриона рассматривается как крайнее бедствие.

73. Он же опровергнуть моих речей не мог, но в великом гневе отозвавшись дурно о трех или четырех из декурионов, считал, что выполнил все, что следовало, и снова погрузился в свое житие себе в удовольствие.

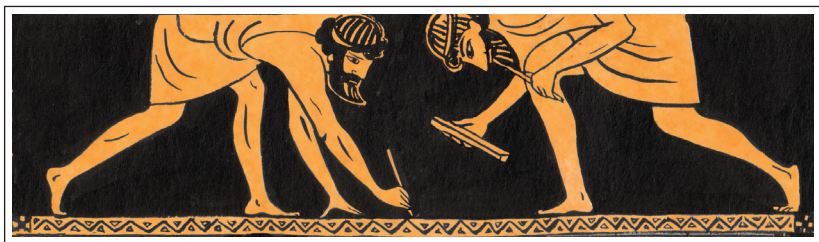
74. Что же еще остается? Молиться богам, чтобы они простерли руку помощи и святыням, и земледельцам, и куриям, и греческому языку, и чтобы то, что неправо возросло, они смирили, а то, что не по заслугам — в пренебрежении, получило бы свое прежнее значение и стало мне поводом к радости вместо нынешнего огорчения.

⁵⁶ Божеством-покровителем Антиохии была муза Каллиопа (Or. I. 102; XXXI. 40). — *Примеч. ред.*

⁵⁷ Императора Феодосия. — *Примеч. ред.*

⁵⁸ Скорее всего, речь идет о Неотерии, префекте претория Востока в 380–381 гг. — *Примеч. ред.*

⁵⁹ Ср. § 36, т. I, стр. 121, 2 [257, 29].

К ЮНОШАМ О СЛОВЕ

Orat. III¹

1. Ни вас никто не может обвинить за то, что вы требуете обычного слова, о вы, жаждущие славы, и для меня, полагаю, молчание имеет основание. Услыхав о нем, вы извините меня, а против тех, которые подвергли меня такой необходимости, очевидно, призове тех богов, коим наиболее угодным является сочинение и произнесение речей².

2. Но я удивляюсь, что вы не смекнули сами, что вызвало отмену этого закона, и в свою очередь, что, сообразив, вы не заметили этого самого, и далее, что, усмотрев, вместо того чтобы соблюдать спокойствие или выступить против виновных в этой мере, вы осмелились напомнить мне о речи.

¹ Речь по упоминаниям в тексте датируется 387/388 г. — вскоре после восстания 387 г. (§ 29) и официального утверждения в Антиохии латинского ритора в 388 г. (§ 24). — *Примеч. ред.*

² Традиционно упоминаемые Либанием Гермес и Муза. — *Примеч. ред.*

3. Итак, раз вы не осведомлялись и не обрели, и от вас скрыты поступки моих обидчиков, то и вам нет возможности избежать обвинения в этой несправедливости, если вы спали, пока надо было бодрствовать, и когда надо было знать каждую подробность моих обстоятельств, не знали, и притом пребывая в одном со мною месте, будучи в своем обществе и ежедневно беседуя друг с другом³, и каждый не менее, чем себя, зная, конечно, своего товарища. Это было бы делом скорее пренебрежения ко мне, чем бездеятельности.

4. Итак, я побеседую с вами как с не слыжавшими ничего об этой мере, чему кто бы поверил?

Итак, если бы меня уличали в молчании по лености или беспечности, я бы стыдился, считая это недугом какого-нибудь негодного раба, для которого лежать и совсем или мало двигаться — величайший из праздников.

5. На самом же деле, кто не знает, что меня винят друзья за труды на старости лет, за то, что я постоянно что-нибудь сочиняю и составляю речь, считая то слаще меда, и в моем недуге в сочленениях самое тяжелое для меня, что он мешает мне писать⁴. Почему же, будучи в состоянии выполнить тот закон многими речами, я не захотел; но речи есть, а я их не исполняю.

6. Может быть, иной воображает, что я скажу о неправой оплате⁵. Достаточно и этого, чтобы довести человека до раздражения и заставить молчать, — юноша, получающий от отца деньги с тем, чтобы снести их софисту, и одни из них употребляющий

³ Подобные жалобы на пренебрежительное, с точки зрения ратора, отношение к нему его учеников см. Or. XXXIV. 1; XXXVI. 14. — *Примеч. ред.*

⁴ Артрит или подагра, которой Либаний страдал в 355–370 гг. В течение 16 лет заболевание находилось в стадии ремиссии, и в 386 г. вновь наступило обострение (Or. I. 243). — *Примеч. ред.*

⁵ Либаний часто сетует на неправомерную оплату со стороны учеников (Or. LXII. 19–20; XXXVI. 9; XLIII. 6). При этом стоит иметь в виду, что, как официальный ритор, Либаний получал определенную оплату и от городских властей, а доход его ассистентов составляли только эти городские выплаты, которые поступали весьма неаккуратно. — *Примеч. ред.*

на кутеж, другие на игру в кости, третьи на удовлетворение половой страсти, иной раз выходящей из мерила законности. Затем, лишь он попрекнет его за бесстыдство, он врывается к нему, кричит, грозит, бьет, считает всех отбросами, требует, чтобы вступление его считали за вознаграждение.

7. Бедняку же и извинение, и упрек. Ведь то, что он не дает, происходит от невозможности дать, а в стычке с другими чинить оскорбление — разве это можно снести?

8. Есть такие, которые своевольничают и больше их, как бы с намерением скрыть этим то, что не внесли ничего, затем, подчинившись им, тратят время на эту похвальную лесть, а по уходе одни и знать не знают софиста, другие, чем только могут, вредят ему.

9. Иной, следовательно, мог бы привести и такую причину для того, чтобы не говорить, не колеблясь кричать, что отделяется от подобных людей, давая им не все. Но мне ведь издавна в привычку не получать, быть может, в убыток обоим, и не дающему, и не получающему, давно это так наблюдается и так дозволено. Так денежные отношения не причинны тому, чтобы не заполнять речью здешние сборища.

10. Что же, если не это? Не вижу, чтобы все юноши любили публичные декламации, когда они не знают даже, в чем состоит мое искусство. И ясное тому доказательство они дали весной и зимой, и во время речей той и другой поры⁶.

11. Смотрите сами: велю звать юношей слушать. Мальчик бежит исполнить приказание. Они не следуют его примеру в беге, коим надлежало бы им даже опережать его, но одни остаются для песен, какие все знают, другие для болтовни, третьи для смеха, а меж тем их замедление за такими занятиями вызывает протесты публики, когда же им заблагорассудится явиться, они заходят по невестам или, скорее, к канатным плясунам, а ко мне,

⁶ Речь идет о сессиях городской курии, во время которых Либаний исполнял функции городского софиста; ученики традиционно поддерживали его присутствием и аплодисментами (ср. далее). — *Примеч. ред.*

еще не войдя в дверь, считают, что уж вошли⁷, так что сидящим в ожидании юношей приходится сердиться на такую их леность.

12. Так бывает до речи, а когда она произносится уже и исполняется, — много кивков друг другу насчет возниц, мимов, коней, плясунов⁸, много насчет драки, или состоявшейся, или ожидаемой.

13. Далее еще: одни стоят, словно каменные, ударяя одной кистью руки по другой, другие не оставляют в покое носа той, то другой рукой, третьи сидят, хотя столь многие места речи способны взволновать⁹, иные насильно усаживают того, кто привстал, те считают новых посетителей, этим достаточно смотреть на листья, иным болтать, что придется, приятнее, чем отдать свое внимание риторике.

14. Еще более дерзкие поступки — подрывать подлинные рукоплескания фальшивым, мешать крику разразиться и идти по всему театру, отвлекая от речей возможно больше народу, то ложными вестями¹⁰, то приглашением в баню перед завтраком — некоторые расходятся и на подобные вещи. Итак, ни вам, плохие юноши, — никакой пользы, как и тем, кого не было, ни говорившему, сколько дело зависит от вас, когда он не получает того вознаграждения, какое одно доставляют декламации¹¹.

15. Никто не мог бы сказать про меня, что я клевету и привожу несуществующую причину. Тогда, будто бы, я тотчас на месте

⁷ πρὶν τε εἰσὼ θυρῶν εἶναι καὶ εἰσελθόντες, т. е. стоят в преддверии, не входя даже, как следует, в комнату. Не следует ли исправить: ἐξελθόντες, «еще в двери не вошли, а уже выходят» («к шапочному разбору»)?

⁸ Либаний перечисляет те увлечения юношей, от которых сам он отказался ради риторики в возрасте 15 лет (Or. I. 5). Упоминаемая далее драка — если только это представление, а не уличный конфликт, — может быть venations, сражение людей со зверями, поскольку гладиаторские поединки к этому времени были запрещены. — *Примеч. ред.*

⁹ Cf. pg. 145, 9, orat. I, § 129, о впечатлении речи на Юлиана. κινεῖν в этом смысле часто.

¹⁰ Ср. т. I, стр. 55 [168], orat. I, § 157 след.

¹¹ Бурные аплодисменты, в которых, по словам Либания, нуждается софист (Or. XXV. 50). — *Примеч. ред.*

разразился бы против обидчиков гневом и речами, подсказываемыми гневом. Ведь вы знаете, что нередко я, действительно, поступал так и с криком приказывал не раз кому-либо, наложив на шею ленивца десницу, выбрасывать его. Если же этого не происходило, то было результатом просьб.

16. Доказательством того, что вы были виноваты предо мною, служит вышеизложенное. Для тех же, кто, когда слушали, не желали быть внимательными, результатом было, конечно, то, что они ничего не вынесли для души из сказанного.

17. Обратное было при тех, кто раньше вас занимались здесь. Они уходили, запоминая один то, другой другое, потом, сойдясь, пробовали составить и написать слово, и то небольшое, что ускользнуло от их внимания, огорчало их, и одно было у них занятие — повторять сказанное до трех, четырех дней дома, родителям, и гораздо дольше здесь.

18. Вы же снова обращаетесь к песням, которые отлично запоминаете, одинаково предав забвению из Демосфена и то, что написано последнее, и то, что — сперва¹². И если кто спросит вас, сказал ли я речь и какую, услышит, что сказал, а что это было, уж не узнает.

19. «Клянусь Зевсом, я теперь хуже, и нынешнее не похоже на прежнее». Но не то говорят эти, еще не старики и старики, одни еще занятые профессией адвокатов¹³, другие, достигшие чрез эти заслуги постов правителей, которым не дает сидеть смирно даже каждая малая подробность в речи. Можно слышать их восклицания, что я сам себя превзошел. Если хорошо было прежде, еще больше, по их словам, достоинства в нынешнем моем слове, и старость не служит мне помехой.

20. Не вам, значит, прибегать к подобной отговорке. Похвала их, свидетельствующая о моем прогрессе, не допускает упреков

¹² Либаний был знаменитым специалистом своего времени по наследию Демосфена и ок. 352 г. написал хорошо известные впоследствии 57 прологов (ὑποθέσεις) к его речам. — *Примеч. ред.*

¹³ Судебный адвокат (синдик) занимал одну из официальных должностей имперской администрации, обладал иммунитетом от куриальных литургий и имел перспективу административного роста. — *Примеч. ред.*

моим речам с вашей стороны. Ведь вы не могли бы утверждать, что вы более опытни, чем они, ценители речей. Вы и их явно оскорбляете вашим хладнокровием при их воодушевлении. А между тем следовало бы, если вы и слепы к красоте речей, подчиняясь их руководителству, принимать участие в их восторгах¹⁴.

21. Но вы не приобрели той души, как у юношей, которые знали, что такое софист, которым в их интересе к нему и самозабвение служит к чести их. И кто скажет про них, что они неистовствуют при этом, — не враг им, чтит их, а не клеветает на них.

22. Таких мы и многие видели в разных местах земли, причем одни оказывали им внимание наравне с родителями, другие удостоивали учителей еще большего, и родители при этом знали о том и радовались их поведению, несмотря на то, что видели на телах сыновей признаки войны за своих учителей¹⁵, рубцы на головах, рубцы на лице, рубцы на ногах, рубцы всюду. И эта долгая и сильная привязанность и состарилась с людьми, так расположенными.

23. Какую подобную повинность по отношению ко мне может назвать кто-нибудь из вас? Какую битву? Какую опасность? Какой удар? Скорее, какое слово? Какой голос? Какую угрозу? Какой взор?

24. <...> вы, которые отвратили свои души от софиста и, распределившись по другим кафедрам и названиям¹⁶, перенесли свои обязательства туда, его обижают, а за интересы тех стоите, не жалея слов, не жалея дела, угождая всячески, силясь второму дать место первого, гордясь отходами благодаря вам юношей и усилением того, на чью сторону вы стали, в убыток другим.

¹⁴ О восторженной реакции слушателей на его собственные декламации Либаний упоминает в Or. I. 88. — *Примеч. ред.*

¹⁵ Ср. orat. I, § 19, т. I, стр. 9 [108].

¹⁶ Традиционное для эллинических городов соперничество между школами софистов в Антиохии переросло в принципиальный конфликт между школой Либания и латинским ритором (Or. I. 255). Либаний вообще воспринимал предметы, не входившие в систему софистического образования (латинская риторика или право), как предметы «второго плана», в чем с ним часто не соглашались его ученики и их родители (Or. XXXVI. 8; LVIII. 22). — *Примеч. ред.*

25. За мои же интересы понести какой-нибудь труд вы так далеки, что даже и не стали бы молить о том богов. Не довольно с вас и этого, но вы даже проклинаете.

26. Откуда такая моя уверенность? Два самые веские признака меня в том убеждают, огорчение ваше моими удачами и удовольствие, доставляемое вам моими неприятностями. Разве не так с вами бывает, когда одни юноши нападают, другие отправляются морем в другое место?¹⁷ Поэтому подобает ли мне сказать речь?

27. «И так все, — скажет иной, — зложелательны, и нет ни одного честного и справедливого ученика?» Да, есть. Но такие наперечет, а негодных много. А если это так, не говорить из-за них имеет более основания, чем говорить ради хороших. Ведь если б была возможность угодить особо последним, я бы это весьма оценил. Но так как это невозможно, пусть лучшие снесут потерю; я не могу оказать им милость, какую желал.

28. Но я дам снова повод к подобным поступкам этим проклятым, благодаря коим недавно я подвергся столь сильным обвинениям за бесчинство юношей¹⁸, о Зевс, слыша такие речи от людей, которым нет радости больше, чем иметь возможность сказать что-нибудь мне в осуждение. И обвиняют ли они по справедливости, я не мог бы сказать, а между тем следовало бы, чтобы по крайней сдержанности всех не оставалось ни тени для упреков.

29. Большая потребность представлялась в частых ораторских выступлениях, вызывавших такие обвинения¹⁹, когда предстояло милосердному государю получить от нас дань долга ему²⁰, и отцам

¹⁷ Либаний имеет в виду Рим и Берит, куда юноши отправлялись для обучения в знаменитых школах права. — *Примеч. ред.*

¹⁸ Хулиганство учеников вне стен школы дискредитировало преподавателя, поскольку он считался ответственным за них (см. Or. XXXVIII. 12). — *Примеч. ред.*

¹⁹ См. поправку Förster'a, s. textu.

²⁰ Имеется в виду милосердие императора Феодосия после восстания 387 г. О позиции Либания в этот период и его речах в защиту города и его жителей см. Or. I. 253; XXXIV. 6. — *Примеч. ред.*

надлежало узнать, что мы работаем и не лежим безгласно, удрученные тяжестью бедствий.

30. Теперь же не вижу, что бы вызывало на публичную декламацию. Да еще вот что: не приглашая, кого обычно приглашал, я огорчил бы, кого лучше бы не огорчать. Приглашая же их, я еще больше дал бы им испытать вашу низость, а они, по уходе, не стали бы молчать. К чему же было бы выставлять еще больше на вид здешние обстоятельства?

31. «Между тем некоторые и из тех попросили бы речи вместе с людьми порядочными». Но они попросили бы, но лишь на языке, душа же их этого не желала. А я не так наивен, чтобы давать перевес этому внушению над долгими годами и столькими хлопотами.

32. «Каким же будешь, — говорит он, — в этой области, если кто-нибудь из богов продлит твою жизнь до следующего года?» Если дела поправятся, а самое главное Судьба, я последую указанию обстоятельств. Если же дела останутся, как теперь, буду держаться того же способа действий, преследуя цель, чтобы людям благоразумным предоставлено было выигрывать другим путем.

33. После этого иной подивится, если при возможности избавиться от таких учеников я предпочитаю жить в унынии и в таких бедах. Но как же поступить мне? Их прогнать и сократить число своих учеников? А как же больше порадовать Приама и его сыновей?²¹ Они соревнуют мне, желая узреть это, меня во главе немногих и власть мою уменьшенную. Видал я и стратега, предводительствующего плохими воинами, но уговаривающего самого себя терпеть, в заботе, чтобы они не перешли к врагам.

34. Ведь кое-какие результаты дает и мой характер, который не спешит применять наказание и приучен больше сносить, чем наказывать. А самое главное, у меня дружба с родителями их,

²¹ «Боги! великая скорбь на ахейскую землю приходит! О! возликует Приам и Приамовы гордые чада, Все обитатели Трои безмерно восхитятся духом, Если услышат, что вы воздвигаете горькую распрю» (Homer. Il. I. 254–257; пер. Н. И. Гнедича). Речь идет о соре между Ахиллом и Агамемноном. — *Примеч. ред.*

дружба с городами. И я боюсь, как бы, услышав об исключении, не стали они поступать как по покойникам или даже пуще, считая бесчестие страшнее смерти и зная, что такое хуже того, какое бывает по приговору судов.

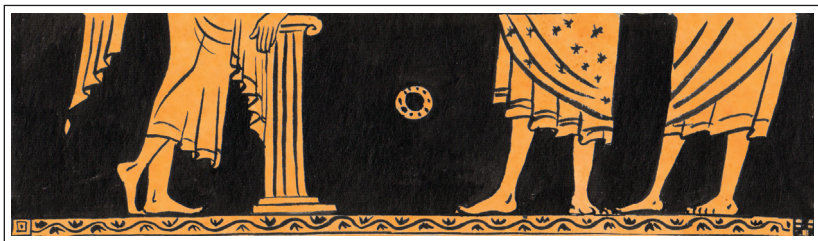
35. Ведь это последнее может быть и снято, а это необходимо остается неотлучно²², провожая с юности до кончины, отнимая в каждом возрасте свободу слова: «Бессовестный, с взором пса²³, не ты ли был изгнанным из святилищ, отведенных речам, как осквернявший музам их местопребывание?» Вот почему, щадя и отца, и мать, и города, и будущих детей, на которых необходимо перешло бы бесчестие, одного я не сделал, к другому уговорил себя, и прав был мой уговор, как я сам убеждаюсь.

37. От вас зависит, чтобы ничего подобного более не происходило. Если вы исправитесь, а это не трудно при желании, увидите, как и я все исполню и как скорее я приглашаю вас на такую речь, чем меня к тому уговаривают.

²² ἄθᾶνατος ср. т. I, стр. 20, 1 [122, 71].

²³ Ср. Номер. II. I. 223–225: «Но Пелид быстроногий суровыми снова словами К сыну Атрея вещал и отнюдь не обуздывал гнева: “Грузный вином, пса имеющий очи, а сердце еленя!..”» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

О ТОМ, ЧТО ОН НЕ БОЛТАЕТ

Orat. IV¹

1. Не раз обозванный болтуном в судебном зале этого человека², я попытаюсь пред этим вашим судом доказать, что это слово далеко от истины, столь вескими доводами, чтобы своим молчанием он сам признался в невозможности меня опровергнуть.

2. Действительно, если бы всякий, достигший старости, терял разум, и было бы законом природы, заполучив ее, не владеть последним, во всяком случае, и при таком условии, не следовало бы быть презрительным, хулить и несчастье старика засчитывать ему в порок, как и недостатки малорослых, или курносых, или глухих, или слепых.

¹ Речь датируется 390 г. — *Примеч. ред.*

² Имеется в виду упоминаемый далее (§ 16) Евтропий. Он был проконсулом провинции Азия и зимой 371–372 гг. был замешан в «заговоре Феодора». Евтропий был побежден Фестом, и против него началось следствие, но он был оправдан (Amm. Marc. XXIX. 1). Административная карьера его получила продолжение, и в 389 г. он был консуляром провинции Syria Coele. — *Примеч. ред.*

3. Если же можно сохранять рассудок и дожив до таких лет, и если гораздо больше пострадавших в этом отношении от старости число не пострадавших, к чему тогда возраст ставить в обличение души и думать, что старость несет с собою и болтовню?

4. Или решишься ты утверждать, что болтал Платон, болтал Исократ, болтал Софокл, Горгий не здрав был разумом³, тот известный тианец⁴ лишен был самосознания?

5. С чего же Гомер приводит в Илиаде старика пилосца, сражавшегося с лапифами и плывшего с Атридами?⁵ Для того разве, чтобы в советах о государственных делах он давал повод к смеху ахейцам, сбиваясь с потребного предмета обсуждения? Но дабы никто из тебе подобных не предполагал чего-либо в этом роде, слыша «он властвовал в третьем поколении»⁶, он все это устранил молитвою Агамемнона, с которой тот обращается к Зевсу, Аполлону и Афине, прося победы. В самом деле, минуя Эантов,

³ Либаний перечисляет видных представителей афинской школы словесности V–IV вв. до н. э. Исократ (436–338 г. до н. э.) — знаменитый афинский ритор, ученик Горгия. Из 28 его речей до нас дошла 21, а также 9 писем к различным историческим деятелям. Основную славу и богатство Исократу доставила преподавательская деятельность. Горгий (483–380 гг. до н. э.) прославился как крупнейший теоретик и преподаватель красноречия. Уроженец сицилийских Леонтин, с 427 г. до н. э. он жил в Афинах, а впоследствии объездил всю Элладу, выступая перед слушателями. До нас дошли лишь две его речи, написанные на аттическим диалекте. — *Примеч. ред.*

⁴ Имеется в виду знаменитый философ-неопифагорец Аполлоний Тианский (1–98 гг. н. э.). Аполлоний был уроженцем города Тиана в Каппадокии и большую часть жизни провел в странствиях. К концу жизни он поселился в Эфесе, где основал Пифагорейскую школу. — *Примеч. ред.*

⁵ Имеется в виду Нестор, царь Пилоса, герой «Илиады» и «Одиссеи». Атриды — сыновья Атрея, царя Микен, Агамемнон и Менелай, которые были инициаторами похода против Трои. Нестор был одним из важнейших участников похода и привел под Трою 90 кораблей. Лапифы — полумифическое племя, проживавшее, в основном, в Фессалии. В античной мифологии значительное распространение получил сюжет о войне лапифов с кентаврами, в которой принимал участие Нестор (см. Ovid. Metam. VIII. 313). — *Примеч. ред.*

⁶ Согласно мифологическим данным (прежде всего Гигина — Myth. 10), Нестор прожил три человеческих века: Аполлон, отняв годы жизни у Ниобидов, предоставил их Нестору. — *Примеч. ред.*

локрского и великого, сына Тидея⁷ и самого Ахилла, он поминает десять советников, подобных Нестору, что при этом условии ему бы удалось выполнить то, для чего он явился⁸.

7. Хорошо. Но то старина, древность. А что же афинянин Ирод⁹, умевший трудиться, богатый сокровищницею? Что же софист спартанец¹⁰, что от выпивки становился бойчее в речах? Что же тот каппадокиец¹¹, что его не посещал, но одного из учеников его, кому и сейчас по смерти некто из царей отослал его, почтивши покойного?¹²

⁷ Эанты или Аяксы (различия в транслитерации одного и того же имени — Αἴας, αὐτός) — два героя «Илиады»: малый Аякс, сын царя локров Оилея, и великий Аякс, сын саламинского царя Теламона. Сын Тидея, этолийского царя, — Диомед, герой Троянской войны, возглавлял ополчение на 80 кораблях. — *Примеч. ред.*

⁸ См. Homer. II. II. 370–374: «Сыну Нелея немедля отвечивал царь Агамемнон: “Всех ты ахейских мужей побеждаешь, старец, советом! Если б, о Зевс отец, Аполлон и Афина Паллада, Десять таких у меня из ахеев советников было, Скоро пред нами поникнул бы град крепкостенный Приама, Наших героев руками плененный и в прах обращенный!”» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

⁹ Philostr., Vit. soph. II 1, 15 et 2, pg. 229, pg. 235 *Dübner*. (Герод Аттик (Луций Вибуллий Гиппарх Тиберий Клавдий Аттик Герод, ок. 101 — ок. 177 гг. н. э.) родился в Аттике в очень богатой семье (его дед Гиппарх считался самым богатым человеком Греции). Благодаря происхождению Герод занимал высокие административные посты, затем стал ритором в Афинах, знаменитым преподавателем, сторонником т. н. второй софистики. В 140 г. н. э. император Антонин Пий пригласил Герода в Рим, где он стал учителем будущих императоров Марка Аврелия и Луция Вера. — *Примеч. ред.*)

¹⁰ Возможно, что Либаний имеет в виду своего давнего знакомого (с 340-х гг.), известного грамматика Никокла из Спарты, чью методику преподавания он осуждал (Ер. 1119; 1487). — *Примеч. ред.*

¹¹ Павсаний Кесар. (Philostr. II 13)? pg. 249 *Dübner*. (Павсаний был уроженцем Кесарии Каппадокийской, учился у Герода Аттика, затем преподавал в Афинах. Вероятно, вместе с Геродом Павсаний отправился в Рим, где основал собственную школу греческой риторики и где прожил вплоть до своей смерти. По мнению Филострата, его стиль декламации был несколько вялый, однако из-за каппадокийского произношения имеющий оттенок старины; кроме того, Павсаний унаследовал от Герода манеру импровизации. — *Примеч. ред.*)

¹² Не следует ли читать οὗ καὶ τερψέωντος? (Из учеников Павсания известен Клавдий Элиан — римлянин, произносивший речи (он имел прозвище

8. Дольше этого жил тот, кому принадлежала большая слава за его прологи, превосходившие известностью его ораторские выступления. Так и этот египтянин¹³ умер не в богатстве, но оставил душу свободною от заблуждения.

9. Но хочешь, чтобы я помянул о здешних людях? Разве Эдесий¹⁴ умер не в здравом уме? То же не было ли с его преемниками? Из них с одним¹⁵ я сейчас прожил равное число лет и знаю, что оплакал его больше прочих, лишаясь в юности потоков его словес. А между тем, если бы он умер, будучи болтуном, какая была бы надобность его оплакивать? Но полагаю, мы ежедневно застаем софиста преуспевающим.

10. «Но я болтаю, я — слабоумен, и это произошло со мною от старости». Значит, это показалось тебе одному в столь большом городе, а осталось незаметным для прочих, кто обращались ко мне с приветом, подходили, сидели рядом, беседовали, болтали, на публичных декламациях всячески выражали свое одобрение?

«сладкоречивый») и писавший на аттическом диалекте греческого языка, автор знаменитых «Пестрых рассказов». По словам Филострата (II. 31), Элиан, не выезжая за пределы Италии (жил в Риме или родном городе Пренесте), прожил более 60 лет. — *Примеч. ред.*)

¹³ Птолемей, или Аполлоний, или Поллукс Навкратские (Philostrat. II 15, 2; 12, pg. 248, 250 *Dübner*)? (Из трех упомянутых Филостратом выходцев из Египта к описанию больше подходит Птолемей из Навкратиса (II. 15). Он был учеником Герода Аттика, имел среди софистов блестящую репутацию, однако был не богат и в старости, проживая в Египте, обедал среди немногих достойных граждан за общественный счет в храме Навкратиса. В Афинах он выступал как судебный оратор, однако его успехи в этой области были скромными. — *Примеч. ред.*)

¹⁴ Eunap., *Vitae soph.*, pg. 461. (Эдесий (ум. в 355 г.) был родом из Каппадокии, получил образование в Элладе, а затем стал одним из первых учеников Ямвлиха (245/280–325/330 гг.), знаменитого философа-неоплатоника, главы Сирийской школы неоплатонизма в Апамее. После смерти Ямвлиха Эдесий стал его преемником на посту главы школы и перевел ее в Пергам, основав Пергамскую школу неоплатонизма. — *Примеч. ред.*)

¹⁵ Ср. т. I, Введ., стр. III [12]. По объяснению Förster'a, Зиновий, ep. 407, orat. I, § 96, § 105. (Зиновий стал официальным ритором в Антиохии, получившим государственное содержание. Он был учителем Либания, умер в 355 г. — *Примеч. ред.*)

Разве бы они когда-либо стали слушать пьяного человека и мою болтовню предпочли заботе о своих делах?

11. Но оставим, если угодно, урон, сопряженный с возрастом. А относительно тех, кто вводят ко мне своих детей и поручали их мне, — а дети отцам дороже душ, — что мог бы кто-нибудь сказать? Ведь если обстоятельство это ускользнуло от внимания отсутствующих (хотя как бы такая вещь осталась в неизвестности?), оно очевидно было бы присутствующим.

12. Так разве кто-либо взял бы на себя свергнуть в пропасть родимого сына? Не дал бы он ему и пить грязи, и плодов моего безумия? Невозможно это, невозможно. Не овладеть бы одному, и притом быв такой обезьяной, столькими родителями, столькими городами, столь многими провинциями. Ведь если Дафну¹⁶, столь прекрасную своими деревьями, садами, источниками и притоками, и назовешь местом неприятным, с истиной не сладишь.

13. Хотите, чтобы я прибавил новые доказательства, или я победил и приведенными мною? Но, хоть это излишне, я не уклоняюсь, однако, от того, что вам угодно. Итак, как каждый из вас, я знаю более древнюю часть города, знаю более новую, знаю, где театр, где ипподром, и куда ведут каждые из ворот¹⁷, и как император без затруднения низверг тирана¹⁸, и как сын¹⁹ его при

¹⁶ Имеется в виду Дафна — кипарисовая роща в окрестностях Антиохии, в которой находилось знаменитое святилище Аполлона. — *Примеч. ред.*

¹⁷ Новый город — северо-западная часть Антиохии, расположенная на острове, образованном двумя рукавами Оронта. Здесь находились царские дворцы (по словам Евагрия Схоластика, новый город «был превосходно украшен благодаря честолюбию соперничавших друг с другом царей» — II. 12), к востоку от них — ипподром с башнями. Южнее дворцового комплекса на пересечении дорог возвышался Тетрапилон. Театр Цезаря располагался в районе Епифания, там же находился амфитеатр. В городских укреплениях было не менее 6 ворот, наиболее впечатляющие из которых — ворота Дафны и Золотые ворота. — *Примеч. ред.*

¹⁸ Максим cf. Zosim. IV 47 Oros VII 35 Pacat. paneg. Theod. c. 40 sq. (Речь идет о войне, которую в 388 г. вел император Феодосий в Италии против узурпатора Магна Максима. — *Примеч. ред.*)

¹⁹ Аркадий cf. Hydat. chron. ed. Mommsen, Chron. min. Saec. IV–VII, t. 2, p. 15, 14. (Аркадий (395–408 гг.), старший сын императора Феодосия, стал соправителем отца с 383 г. — *Примеч. ред.*)

детском возрасте велик, знаю я, сколько у нас правителей, какая у каждого мера власти, и какова часть дня в данный момент, что мое, что не мое, и с кем я близок, и от кого сторонюсь.

14. Что же? Разве я не знаю, кто посещает мою школу, и чей каждый, и откуда, имена их и положение, у кого есть деньги, у кого нет? А отправляясь обедать, разве я поминаю о хлебе как питье, а о питье как хлебе? Да к чему затягивать подобное перечисление, а не опровергать обвинение, как надлежит, на основании самого подходящего довода? Если ты уличишь меня в том, что я не знаю, кто ты и чей сын, говори, что я безумнее Ореста²⁰.

15. Родиной отца твоего была некая деревня. Бежав от трудов, подобающих земледельцу, и этим изобидев землю и тех богов, которые пекутся о плодах ее, он становится привратником бессовестного правителя, которому нужны были бессовестные люди, и умение услуживать ему в подобных делах делает правителя рабом ему, а это обстоятельство доставляет ему деньги.

16. Быв отцом этого Евтропия, в то время как следовало бы предоставить сына его работам мотыгой, киркой, быками, плугом, он пожелал обездолить чрез него землю, поместив его вместо того в школу, за речи, благо учителям не предоставлено права запираить, перед кем они хотят, двери.

17. И опять-таки все тот же отец первым своим шагом обидел Деметру²¹, а лишением гонорара — Муз. Ведь никто не мог

²⁰ Орест — в греческой мифологии сын Агамемнона и Клитемнестры. После того, как Клитемнестра и Эгисф убивают Агамемнона, Электра, сестра Ореста, передает его на воспитание тетке в Фокиду. Достигший совершеннолетия Орест получает от дельфийского оракула поручение отомстить за смерть отца и убивает свою мать. За это его преследуют богини мести Эринии. В трагедиях Еврипида, посвященных этому сюжету («Электра», «Орест»), Орест изображается душевнобольным человеком, способным на бессмысленную жестокость. — *Примеч. ред.*

²¹ Деметра — в греческой мифологии богиня земледелия и плодородия. Либаний говорит, что отец Евтропия обидел богиню, отказавшись от занятий земледелием. — *Примеч. ред.*

бы назвать получившего таковой. И поступал он так, хотя деньги от службы у него были, какие я сказал, пользуясь снисходительностью тех, кто их не взимали, и пренебрегая гневом тех, кто заявляли о своем возмущении.

18. Этот «камень», будучи причиной великих терзаний для учащих, сам нисколько не прилагая труда, направлен был на изучение законов, что составляет удел людей более изворотливого ума²². И в этих занятиях оставаясь «камнем», он носил, правда, толстые и широкие свитки²³, бременившие колена, но, будучи уже в составе адвокатов, не защитил никого из всех, ни пришельцев, ни граждан, ни мужей, ни жен, ни бедняков, ни людей состоятельных. Он не представлялся способным принести пользу. Поэтому не находилось у него клиентов.

19. Представляется ли тебе, что в этих словах я болтаю или от старости выхожу из пределов истины, а не высказал с полной точностью сущую правду и об отце твоём, и о тебе? А между тем, было бы безумством говорить вместо одного другое и даже не сознавать того самого, что говоришь вместо одного другое. Итак, если это со мной случилось, докажи, и не обидишь. Если же не смог бы того, как же ты не издевался?

20. Переберу и прочие соображения, а ты наблюдай за мною. Кинегий²⁴ признал за тобою право отправлять общественную службу, и, по его приговору, ты был в числе помощников. Справедливость этого приговора сделав бессильной неправою помощью и принудив курию проявить недобросовестность к самой себе, ты явился к нам правителем, получив должность не в награду за добродетель. Ведь не был ты видным ни на войне — ты не воин, — ни в состязаниях речами — ты мало отличался от ораторов на картинах²⁵.

²² См. т. I, стр. LXIX [77].

²³ Ibid., примеч. I [77, 300] (ср. 1123).

²⁴ Матерн Кинегий, префект претория Востока с 384, умер на этом посту 19 марта 388 г. (См. *Chronica minora*. I. 225; *Zos.* IV. 4). — *Примеч. ред.*

²⁵ Ср. vol. II, pg. 210, 10 (orat. XVII, § 8), vol. III pg. 291, 14 (orat. XXXV, § 22), pg. 422, 7 (orat. XLVII, § 37).

21. Но ты явился купленным, как явился иной много похуже тебя²⁶, и не внесши дома всю плату, ты раб тех, кто ссудили тебе и с тобою заседают, сотрапезуют, на тебя напирают, повелевают тебе, что только хотят, толкают, подзадоривают на воровство.

22. И из-за этой ссуды законы преступаются, даруются нечестные льготы и суд допускает победы и поражения, несогласные с законами. И тот, кто повелевает слугами и гневается на них, подчинен им и их гневу, и, если сделано будет не по их дудке и не скоро, они гремят.

23. Я утверждаю, что ты и смиренен, и дерзок. Первое вызывает собственное твое сознание себя таковым, второе — результат стремления подавить первое, и издевательство служит прикрытием для хищений.

Скорее же не стоит даже называть твои поступки хищениями. Ведь вор старается остаться незамеченным в своем воровстве и равное усердие прилагает и к захвату, и к этому. Ты же напоминаешь тех, кто требуют обратно данное ими, и шествуешь по городам за сбором, причем есть у тебя послы, что предваряют твое явление и кричат куриям: «Или дайте, или погибнете. Тот, кто сейчас явится, кроток и отец дающим, а к тем, кто того не делает, суров и скорпион».

24. И что я не лгу, тому свидетельницей служит для меня Халкида²⁷, получившая проданные удары, свидетельницей и Апамея²⁸, избивевшая наилучших людей, а тебе любезная, и у других пользующаяся дурной славой, а с твоей стороны встречающая похвалы вследствие неизбежности восхваления там, где он

²⁶ Либаний намекает на консуляра Сирии 386 г. Тизамена, против которого весьма резко выступал (Ог. XXIII), либо консуляра Сирии 388 г. Евстафия, которого он также критиковал (Ог. LIV). — *Примеч. ред.*

²⁷ Халкида — древний город в Сирии, главный город сирийской области Халкидики. В эпоху Либания Халкида была одним из культурных центров региона (из Халкиды был родом знаменитый неоплатоник Ямвлих). — *Примеч. ред.*

²⁸ Апамея — город в северной Сирии на реке Оронт, главный город региона Апамене. Апамея была одним из крупнейших городов Востока, здесь располагалась знаменитая философская школа неоплатоников и стоиков. — *Примеч. ред.*

все взял. Ведь он не воздержался и от бобов, коими заполнил свое поле, натрудив этим бременем плечи своих земледельцев.

25. И относительно четырех других городов, не столь больших, но тоже городов, я слышал подобное со слов мандатора²⁹, жалевшего давших, грозившего взявшему, пока их не примирила общность во взятках.

26. Я слышал, что он и здесь направил свои длани на курию, но не смог притянуть, напав тогда на ремесленников. После того как произошло некоторое замедление, я слышал о том несказанном бичевании, следствием коего, он надеялся, будет даже смерть.

27. Ведь не в гневе же за тех, кто ест рыбу, или за тех, кто покупает масло и дрова, одним он прекращал торговлю их товаром, других лишал прав, но то было с его стороны плутовством с целью присвоить торговлю этим товаром себе, и предлог был благовиден, а дело заключалось в желании нажиться.

28. Следовательно, то, что он говорит, он говорит, и что он делает, он делает ради денег, и в сновидениях он видит не города, каких не видел, не источники, не озера, моря, реки, но серебро, золото, одежды, кошель, то в руках у себя, то ускользающие из рук, да и днем, наедине ли, он только это и видит, говорит ли с кем, душой пребывает среди этих вещей, и в утренних молитвах, вместо здоровья, славы, благоденствия детей, он просит у Зевса, чтобы явился такой, кто дает. И никого из слуг не спасает даже крайняя бедность. Слышав это от лиц, хорошо осведомленных, я, болтун, и помню, и возмущаюсь этим.

29. Считаю возмутительным и его желание взимать деньги с некоторых злосчастных пекарей, как будто за какую-то воду, которая мелет им хлеб. Когда они прибегли к моей защите на справедливых основаниях, этот человек, обвиняя их и в другом, и в том, что они меня проводят (но им помогала правда), не раньше отстал от них, чем выжал из них деньги³⁰. Тогда те самые,

²⁹ См. т. I, стр. 114, 2 [246, 50].

³⁰ *σεῖω*, ср. в *orat.* XLVI, § 19, *orat.* LIV, § 42 (т. I, стр. 140 [281]), в том смысле, как у древних *σεῖω καὶ σοκοφαντῶ* Antiph. p. 146, Aristoph., Eq. 840 et alb. Ср. *orat.* XXXVII, § 10, pg. 244, 7, *orat.* XLVIII, § 12, с *πάντα*, в другом смысле.

которые, по его словам, были избличены им, говорили уже, оказывалось³¹, правду.

30. Но назову ли тебя Скиллой, не по безумию и ошибочно так поступаю, но разумно не менее кого другого. Ведь вокруг твоей головы я вижу с обеих сторон немало других, родственников твоих, уж подлинно сродников, того же самого пробующих, того же самого желающих, озирающихся, в кого бы вцепиться зубами³². А ты, с виду один, оказываешься многочисленным, и вестники тебе одному принадлежат, а управление является общим для твоего рода.

31. Даже женщины не обойдены возможностью угрожать и наживаться. Вследствие этого множества начальствующих те, которые раньше подавали попрошайкам, сами становятся в ряды попрошайек, и те, кто до сих пор помогали, оказываются нуждающимися в людях, способных помочь им.

32. От них, быть может, ты выслушиваешь вслед за нанесенными им тобою обидами похвалы, меньшие в ответ на обиды прочим, большие в ответ на обиды мне. «Прекрасно; вот так ты! вот правитель, вот человек, вот, кто сознает свои задачи! Так можешь ты возвеличиться, если уничтожишь всякую роль этого человека, если не станешь ходить к нему и не станешь подражать смирению тех, с кем это приключилось, причем одни посещали его на дому, другие в школе».

33. И он-то не являлся, конечно. И это — доблесть, и если кто его спросит: «А ты чем именно больше всего гордишься в своем управлении?», он способен указать на то, что винит в великой глупости людей, почтивших меня этим путем.

³¹ С таким оттенком здесь, ср., подобным образом, *orat.* LIX, § 50 v. fin., также *orat.* XXX, § 12.

³² Скилла, в латинской транслитерации Сцилла, — морское чудовище, обитавшее в Мессинском проливе. Согласно описанию Гомера в «Одиссее», она спереди имела 12 лап, на плечах на длинных гибких шеях находилось 6 собачьих голов с острыми зубами в 3 ряда; эти головы беспрестанно лаiali. Скилла высовывалась из своей пещеры, расположенной на высокой скале, и вылавливала дельфинов и других морских животных. С проходящего корабля чудовище похищало и съедало сразу 6 человек, по числу голов (XII. 85–100; 245–259; 430). — *Примеч. ред.*

34. Таким образом, я знаю многие твои головы, которые все заплатились бы, если бы не помешал тому этот «болтун». Дело в том, что, когда страх причинил ему недуг от бодрствования, и было очевидно, что от боязни он не уснет, а лишаясь сна, погибнет, мне сообщает об этом старик-врач, о том также, что, если кто-либо не успокоит³³ его страха, и сам он не сумеет справиться с болезнью, сообщал еще, как жалко смотреть на его жену и детей.

35. И я всевозможными речами, всеми уловками вызволил из беды людей, которым поделом грозила гибель³⁴. А он, избавившись от физического недуга, снова хворал душою и водворял смуту на форуме, не давая установиться в каком-нибудь размере ценам на каждый продукт, в уверенности, что от слабости и гибели рынка получится некоторый доход ему и его роду. Вот что побуждало его трогать установленные и узаконенные здравомыслящими людьми порядки.

36. Он же, заявляя сам, не будучи стариком, что другие ослабели разумом, не сознает, что живет в борьбе с самим собою. Ведь он не предает мечу тех, кто соделали проступки, заслуживающие смерти, заявляя, что осторожен и медлителен на такие казни, но, достигая того же бичеваньем, не думает, что делает то же, чего, по его словам, он избегает.

37. Способ бичеванья, уже долгое время изгнанный, как позорящий достоинство государства, он и вчера возобновил, и снова явил его взорам всех, скрывая лицо истязуемого под другою личиною, войлоком в форме ослиной морды³⁵, к такому бедствию примешивая смех и потехою усиливая беду, причем и звонок

³³ ὁβέννυσι, ср. т. I, стр. 252 [436], orat. LVII, § 25. Ср. еще т. I, стр. 422 [657], orat. LIX, § 97, т. II, стр. 43 [60], § 26, стр. 267 [379], § 46, стр. 256 [362], § 46.

³⁴ Ср. к сострадательному характеру Либания т. I, стр. 75, стр. 280 [194; 477].

³⁵ Любопытное место, относящееся к известному изображению на черепках человеческой фигуры с ослиною головою. Ср. Hermann Reich, *Der König mit der Dornenkrone*, N. Jahrb. f. d. klass. Altertum, Gesch. u. deutsche Liter. XIII (XIV) Bd. 1904, S. 705-733. P. Wendland, *Jesus als Saturnalienkönig*, Hermes XXXIII Bd. (1898), S. 175 fgg. Фигура с ослиной головой на черепке I в. по Р. Хр. Atti della R. Accademia dei Lincei. 1897. (Цель данной маски — скрыть слезы и страдания жертвы и вызвать смех среди зрителей. — *Примеч. ред.*)

делает свое дело, и отстраняя сострадание, какое выразилось бы в слезах.

38. И таким бичеваньем убив многих, он утверждал, что не убил, только потому, что убил ударами. Но это действие гораздо ужаснее, вызывая вместо скорого медленный способ смерти. А между тем эти люди, правда, не были честными, но не так уж негодными, так как обвинения против них касались некоторых незначительных краж, причем некоторые из них были моряки, вынужденные к этому после кораблекрушения. Но всё же они умирали, да еще под бичами.

39. Какова же плата тебе за обилие рассудительности? Мы, болтуны, видим тебя трепещущим, обрекающим себя бегству, в поисках города за пределами той Сирии, которою ты управлял³⁶. Так славно была она управляема! А ты от разума своего объявляешь о том, что предпринимаешь, хотя твоя воля была молчать.

40. Я же, может быть, найду того, кто не даст обо мне такого отзыва, как ты, первый раз, когда, послав одного из друзей своих, я просил тебя разрешить процесс одной старухи, потратившей на него много лет, позднее, когда кто-то из слуг сказал, чтобы я следовал за тобою. И он думал, что ты с первых слов соскочишь, ты же его счел заслуживающим угрозы, вознищу поторопил ехать толчком ноги, а своему спутнику сказал: «Вот он опять становится нам поперек дороги со своей болтовней». Я же в точности узнал это позднее, а в то время, поняв твое решение по глазам, ушел, как можно скорее, бросив то дело, побеседовать о котором явился.

³⁶ Речь идет о провинции Syria Coele. В 193 г. н. э. единая провинция Syria Palaestina была разделена на две провинции — Syria Coele и Syria Phoenicia. — *Примеч. ред.*

К НИКОКЛУ О ФРАСИДЕЕ

Orat. XXXII F = XXX R¹

1. Прекрасно сделал ты, Никокл², не поверив обвинениям некоторых лиц против меня. В них, действительно, не было ничего правды, на что положившись, я удостоверял то клятвенно. И я попытаюсь самыми фактами и рассказом о них сделать это тебе очевидным, дабы ты и сам себя хвалил, что не поддался обману, и, если с кем-либо так случилось, легче мог разубедить его.

2. Вечером я прибыл в ту баню, которую даровал городу император Траян³, и, после того как воздал должное почитание

¹ Написание речи датируется 388 г. — *Примеч. ред.*

² Никокл из Спарты был известным грамматиком, учителем будущего имп. Юлиана (Or. I. 31; Socr. H. E. III. 1. 10; Julian. Misopogon. 353 b-c). В 340-х гг. он был в хороших отношениях с Либанием (предлагал ему в Константинополе пост преподавателя и класс в 40 учеников), часто переписывался с Либанием в 362–365 гг. Либаний хвалил Никокла за его учеников (один из учеников Либания, Феодор, был ранее учеником Никокла — Ep. 832), но осуждал его методику преподавания (Ep. 1119; 1487). — *Примеч. ред.*

³ Euagr., hist. eccl. II 12. Io. Malal. XI pg. 276, 1 et 19 sq. αἱ λεγόμεναι Ἀγρίαί, вер., в связи с Ἄρτεμις Ἀγροτέρα (м. б., потому, ниже, о молитве богине. Она «спасла Либания из самых врат смерти», см. orat. V inc.). (Марк Ульпий Траян,

богине, я сидел и подле меня Менедем, затем явилось трое других декурионов и завели длинный рассказ о том, что происходило на пиру, где угощал войсковой магистр⁴, а они были гостями⁵. Главное заключалось тут в том, что военачальник советовал отправить к императору⁶ посольство и помочь отечеству ввиду еще не окончательного избавления его от опасностей. Дело в том, что к бедам во время мятежа прибавилось еще одно: давно проектированное посольство не состоялось.

3. Сказав о том, как они со слезами вняли совету и как и советчик говорил со слезами ввиду грозности момента, они добавили к своим словам следующее, что сами они послы по собственному соглашению, но что им нужен еще четвертый — столько именно решено было послать. Подле меня сидел как раз софист Евсевий⁷, и вот они просили у меня этого человека, а я направил ту просьбу их по другому адресу, сказав, что лучше им не мне предлагать, а уговорить его. Последний выслушал просьбу и послушался; отказать не подобало⁸.

римский император в 98–117 гг. н. э. Бани в городе были построены по его приказу до разрушительного землетрясения, произошедшего, по словам Евагрия, в 111 г. — *Примеч. ред.*)

⁴ *στρατηγός* = *magister militae*. В этом смысле и *orat.* XLVII, § 26 sqq., т. I, стр. 176 [328] след. — Введение, стр. LXI [69]. См. еще *Введение*, стр. LXXVII [85]. (По всей видимости, это Еллебих, который был назначен *magister militum* 30 декабря 383 г. (*Cod. Theod.* IX. 39. 1). В это же время у Либания установились с ним дружеские отношения (Ер. 2), продолжавшиеся длительное время. Судя по речам Либания, Еллебих был язычником и проживал в Антиохии. — *Примеч. ред.*)

⁵ Как видно из ближайших строк, дело идет о пире, устроенном магистром Еллебихом, ср. перевод. нами *orat.* XXII.

⁶ Императору Феодосию. — *Примеч. ред.*

⁷ См. том I, стр. 81 [202], *orat.* I, § 257 sqq.

⁸ Евсевий, родом из г. Анкиры (город во Фригии — области в центральной части Малой Азии), ученик Либания, потом помощник на преподавательской кафедре (см. Ер. 1097; 1333; 1334), член посольства к императору с просьбой о снисхождении за восстание 387 г., которое прибыло в благоприятный момент, когда в 388 г. праздновались деценалии (праздник в честь десятилетия) у имп. Феодосия и отмечалась его последняя победа над узурпатором Магном Максимом. — *Примеч. ред.*

4. Присоединив четвертого, они просят меня сопровождать их на следующий день при посещении ими военачальника и содействовать им на месте, сколько могу. По своему добродушию я даю себя без труда уговорить. Но если бы был у меня разум, я отверг бы предложение, напоминая им, какова досталась мне отплата за какие мои благодеяния, и как меня лишали почета, и как, привлекая их к ответу, я был в тягость, и как они рады были, когда я прекратил это судебное преследование⁹. Но, не взвесив ни одного из этих многих оснований, я обещал явиться и явился.

5. Когда мы вошли, во время переговоров, причем каждый прибегал к тому или другому предлогу, военачальник, предоставив мне распоряжение делом, разрешил мне, по назначении послов, явиться к нему снова. Мы вышли. Немалая часть дня потрачена была на бесцельные речи, где каждый утверждал, что ему подобает остаться, а идти другому. Среди этих разговоров никто не обращал на меня внимания, ничего не спрашивал и не осведомлялся о моем мнении, но предоставлял дело обсуждению других лиц, так что я ничем не отличался от толпы посторонних слушателей, стоявших кругом. Итак, устав сидеть и терпеть эту насмешку, после неоднократных попыток моих уйти к юношам, на свои занятия, причем кто-либо из друзей удерживал меня, заявляя, что я обижу военачальника, если уйду так, я, наконец, отправляюсь к нему и, сообщив, что не мог ничего сделать, сказал, что дело требует его власти. И я не обманулся. Выступив с некоторою угрозою, он заставил всех согласиться на путешествие и, когда они спрашивали, кто вместо них поддержит их семью, для одного указал на его свояка, для другого на его брата, а для

⁹ Сложно точно установить, о каком событии идет речь. Возможно, это разбирательство с Сабиним, принципалом Антиохии, связанным посредством женитьбы с семьей Либания. Он выступал против оратора и искал пути завладения его собственностью. Ср.: «...знала судьба и то, что касалось головы трупа, которую открыл Сабин и о которой он пытался доказать, что это мое дело, готовящаяся по пути подложного письма. И он думал, что я струшу и пойду на сделку, а когда я с полным самообладанием вступил с ним в борьбу, он упал духом и молил» (Or. I. 194; пер. С. П. Шестакова). — *Примеч. ред.*

Фрасидея¹⁰ на себя самого, и тот поклонился, не так, как когда кто отрекается, но как человек, обладающий таким поручителем в таком важном деле. Когда же кто-то помянул Менедема и сказал, что он мог бы оказать величайшую пользу и умом своим, и языком, и слезами, где к ним представляется случай, военачальник не принял предложения, в каких видах, не знаю, — он и не высказался, но, как я сказал, не принял.

7. После того как так было решено и прочно установлено, когда мы уходили, Фрасидей заявил, что, если Менедем остается, это мое дело, а я, думая, что он шутит, спросил: почему же я продал ему это оставление? Он же сказал, что покажет это несколько позже, но что факт не иначе обстоит, но мое это дело. И мало этого: вечером, подбежав к моим дверям и застав около них моего сына¹¹, к которому перешло мое имущество по воле императора, повелевшего отменить закон относительно этого предмета, так застав его, Фрасидей повлек его к литургии, с криком, чуть не подвергая побоям, заявляя, что он владеет землею бывшего декуриона¹².

8. В этом он не лгал, но достойно удивления, как он не замечал в прочих случаях этого обязательства, когда столько состояний перешло к другим, и в особенности что касается его собственно-го свояка Фемисона. Я же не раз и хотел, и молил богов, чтобы Кимон отправлял общественную повинность, но думал, что нужно выждать надлежащую пору. Таковой было бы возрождение курии и восстановление ее в том виде, какова она была прежде. То было — отправление общественного служения, нынешнее же

¹⁰ Фрасидей — бывший ученик Либания, принципал. Судя по дальнейшему рассказу, Фрасидей считал, что Менедему Либаний сознательно помог уклониться от обязанностей, а ему нет. — *Примеч. ред.*

¹¹ Арабия (Кимона). О переходе к нему наследства Либания *orat. I, § 145, т. I, стр. 51 [163], Введение, стр. LXXXII [90] след.; см. письма.*

¹² См. т. I, стр. 81 [202] *cf. ерр. 958. 1046.* (Владение землей и принадлежность к сословию декурионов связаны были с выполнением литургий, и Фрасидей требовал от Кимона исполнения этих обязанностей, весьма накладных в финансовом плане, хотя статус Либания как городского софиста предусматривал иммунитет от литургий (*ср. Or. I. 257*). — *Примеч. ред.*)

состояние — гибель. Так плохо поставлено это учреждение и по другим немалым причинам, и потому, что из остающихся членов более сильные разоряют более слабых.

9. Фрасидей же, после такой наглой выходки, не остановился на этом, но достиг до такого бесчинства, что, возвысив голос, говорил, будто я составлял речи против всего человечества, не считая даже безумным это «против всех». Кто же бы один стал говорить обо всех, и притом уделяя большую часть своего времени желающим учиться? А он говорил, что и сам он — один из этих людей, против кого мною составлены речи.

10. А между тем все время он хотел считаться в числе моих друзей и, если кто представлял себе его менее близким мне другом, чем другого, он заявлял, что он возмущен, что его оскорбляют. Да что об этом распространяться? Тем, кто его посещали во время его нездоровья, можно было видеть мой бюст над его ложем, и он ревновал в этом почете мне и утверждал, что не то удивительно, если он имеет таковой, но то, если не имеет его всякий, кто воспользовался моими трудами для своего развития. Возможно ли, чтобы он поступал так при таком убеждении, о каком сказано выше? Итак, воображая, что вооружит против меня каждого из слушателей и вызовет против меня общую войну, не уличается ли он на самом деле в клевете?

11¹³. Затем, дабы кто-нибудь не спросил его: «А тебе откуда удалось узнать это?», он говорит, что я сам говорил перед ним. С какой стати? Какая пытка к тому вынуждала меня? Какие удары? Какое железо? Какой огонь? Или, если не это, какое опьянение? Да и какая мне выгода в том, чтобы он это знал, если от того, что он услышал, ему предстояло сделаться еще более дерзким? Я знал его натуру, готовую на гнев, безудержную, не способную ничего решительно уважить в случае, если ее заденут. Так стал ли бы я, ни с того ни с сего, обречать себя гибели? Он так мудр, что не замечает, как сам себя ловит на каждом из двух пунктов: слышал ли или даже не слышал. Именно: или он клеветал, показывая

¹³ В Изд. 1914 пропущен пункт нумерации. Место его в тексте установлено по смыслу. — *Примеч. изд.*

то, чего не было, или он оскорблял доверие, основанное на дружбе, если то, что, услышав, не должно было выдавать, он выдал, как только услышал¹⁴.

12. «Менедема, — говорит он, — ты избавил от посольства, а меня нет, хотя у того и другого было одно прибежище — недуг в сочленениях». Но где же помощь моя Менедему? Ни в курии не сказал я ничего подобного: «Господа, Менедему нельзя пошевелиться. Как же он отправится в посольство?» Да и около военачальника я сидел молча, на таком расстоянии, что невозможно возводить на меня клевету насчет плеча; и помимо этих случаев мною не было ничего предпринято в этом направлении. Сверх того, клянусь Гелиосом и всеми богами¹⁵, что я и не слышал чего-нибудь от Менедема насчет помощи ему в этом случае, и не вступал с ним в сделку, и что Менедем ни в чем подобном мне не признателен.

13. «Меня, — говорит он, — спрашивал ты, в состоянии ли он». Значит, одного, а другого никого, и никто другой не может выступить и заявить, что ему задавался такой вопрос? Впрочем, если бы и все были свидетелями таких слов, и при таком условии это не устраивало бы Менедему оставления дома. Ведь тем, кто были спрошены, можно было, если они желали, даже ответить, что человек этот вполне в состоянии отправиться. Но на самом деле они не слышали, а ты один, в сторонке¹⁶ и, видно, шепотом. Какое же отсюда могло последовать увольнение для Менедема?

14. Ведь если бы и о тебе я задавал такой вопрос другому, при наличности и у тебя того же недуга, я бы поступал бы вполне резонно. Ведь твое состояние не подвергалось испытанию, но было общепризнанным, и послом тебя сделал пир, причем у тебя были ценители, и одни называли тебя патриотом, другие решительным, третьи справедливым к своей родине, четвертые трудолюбивым,

¹⁴ Отметить сопоставление форм перфекта в последнем случае и причастия аориста выше.

¹⁵ Подобная клятва представляла собой юридическую формулу. — *Примеч. ред.*

¹⁶ πρὸς τῇ τοίχῳ ср. ер. 944. Т. I, стр. 515 [190, 331].

говорилось и то, как много и как хорошо скажешь ты, и что очаруешь императора.

15. И ты, внимая этим речам, казалось, не прочь был от путешествия, очевидно, находя возможным не опасаться за свое здоровье и уверенный в способности своей нести службу, так что последовавшие твои речи о недуге казались просто приликой, а не правдой, и скорее словами человека кобелящегося, чем желающего остаться. Ведь почему же, подошедши ко мне и взявши меня за руку, ты не говорил мне на ухо: «Дражайший, признаюсь, что то, что я сказал и на что согласился за угощением, большая глупость. Я обещал то, чего выдержать был бы не в состоянии, суля то, что выше моих сил. Так прошу тебя всячески помочь мне освободиться от плодов моей опрометчивости». Вот что надо было бы тебе говорить, вот о чем просить, вот в чем призвать на выручку.

16. Однако помощь была бы нелегка и навлекла бы нам вражду прочих. Или ты из-за Менедема, по ложному обвинению, так поступал, а они не стали бы поступать так же из-за тебя, если ты воспользовался очевидной благосклонностью? — Но он, отвергнув этот, тоже неправый, но более приличный прием, с моей стороны не подвергшись никакой неприятности, ни большой, ни малой, выступил на меня, ополчился, обрушился, не пожалел никаких дерзостей, одни наговорив, о других, еще более ужасных, чем сказанные, заявив, что еще не хочет высказать их.

17. После этого, о ты, беспутный, в отношении к одному и тому же лицу у тебя и война, и любовь, и ненависть, и попечение? В том, что ты говорил, ты поступал как недруг, а в том, что не говорил, проявлял бережность? А следовало бы, между тем, или все умалчивать, или ничего, и проявлять или уважение вообще, или никакого уважения. В действительности, тем, что ты высказал, ты признал, что больше тебе сказать нечего.

18. Да и что мог бы ты сказать более важного, чем твои нескончаемые речи? О каком таком необычайном проступке? Кто дал свободу своему языку против земли и моря? Какой софист?

Какой ритор? Какой поэт? А он, один насказав столько поношений, не воздержавшись ни от какого и насладившись подобными утехами, за что бы еще другое мог быть признан еще более низким? Таким образом, он ничего не пропустил в том, о чем заявил, что того не скажет, но думал смутить, утверждая, будто имел что-то сказать, но не имел ничего.

19. Итак, когда слушатели не верили относительно того, что произошло, что он дошел до такой дерзости, он снова произвел то же выступление и снова, по-прежнему, в том же винил, тем же угрожал, то же твердил среди пришельцев, среди граждан, среди моих самых близких друзей. Затем, устав оскорблять, обратился ко мне при проходе моем с приветствием, превзошедши бесстыдство всякой собаки. Я же, при своем характере — ты, конечно, хорошо знаешь, Никокл, мой нрав и как я приучил себя сносить подобные выходки, — что стал бы я делать, как не то, что делал? — отвечал на обращение.

20. И вот, как будто бы эти немногие слова приветствия заглаживали все те речи, увлекая за собою своего краснеющего свояка¹⁷, он, вошедши туда, где я занимаюсь с юношами, сидел, не опуская глаз долу, не почесывая в голове, как свойственно людям, чувствующим свою вину. Между тем, я думал, он сознается в том, что обидел меня, что станет превозносить прощение и, держась за эти колени, просить извинить так же, как если бы он действовал в припадке помешательства. Но он, явившись будто для наказания и будто я умаливал его в сознании его правоты, являл гневную мину и, пробормотав что-то, удалился.

21. Затем встречным он жаловался, что Менедем предпочтен ему и тому подобное, утверждая, что Менедем хвалит своих учителей. Это с его стороны подобающее и справедливое отношение, так как, и ухаживая за своими родителями, он был бы честным человеком и благочестивым в отношении своей породы. Мне не приходилось, конечно, возненавидеть человека за ту добродетель, коей и тебе следовало бы подражать.

¹⁷ Упомянутый выше Фемисон, вероятно, тоже бывший ученик Либания. — *Примеч. ред.*

22. На самом деле, он и по смерти почитает их и, что считает подобающим сказать в их память, то всегда разглашает и твердит, ты, напротив, своего отца позоришь при жизни, с величайшим удовольствием готов бы был и прибить его, пеняя на тот закон, который этого не позволяет¹⁸. Я же всякого справедливого больше склонен хвалить, чем всякого несправедливого, но отнюдь не мог проявить больше пристрастия к чужим ученикам, чем к своим по этому самому, как и любой другой благоразумный человек, и, в данном случае, не желал, чтобы тот оставался, а ты ехал, потому только, что тот ученик такого-то, а ты мой. Но как это вышло, я рассказал.

23. Если же Менедем раньше не был другом, но теперь, что же удивительного? Часто так бывает в людских отношениях. Назовешь ли эллина или варвара, один и тот же бывает и таким, и эдаким, сейчас одним, после другим, не раз тем и другим в один и тот же день. Но мы знаем о посольствах от эллинов к персидскому царю¹⁹ и о договорах афинян с Филиппом²⁰, куда входил и

¹⁸ Речь идет об одном из законов Солона, который цитирует Демосфен: «Если кто-либо подвергся аресту, уличенный в нанесении обиды родителям... то пусть его закуют в оковы члены коллегии одиннадцати и приведут в гелиэю» (с. Timocr. 105). — *Примеч. ред.*

¹⁹ Дипломатические контакты Ахеменидской державы и полисов Эллады с их начала во второй половине VI в. до н. э. были весьма разнообразны. Либаний, по всей видимости, имеет в виду наиболее яркие дипломатические миссии ко двору персидских царей — афинян во главе с Каллием в 449/448 г. до н. э., афинян во главе с Эпиликом в 424/433 г. до н. э., афинян во главе с Анталкидом в 392/391 г. до н. э., делегаций из Спарты, Фив, Афин, Аргоса, Аркадии, Элиды в 367/366 г. до н. э., прибывших в Сузы для заключения всеобщего мира. — *Примеч. ред.*

²⁰ Имеется в виду царь Македонии Филипп II. Первый договор с Афинами он заключил в 359 г. до н. э., вскоре после своего восшествия на престол: заняв афинскую колонию Мифону, где афинский гарнизон сдался на милость победителя, Филипп отпустил пленных без выкупа, чем добился заключения мира. В 349 г. до н. э. афиняне, потеряв в ходе войн с македонцами много городов на фракийском побережье, направили посольство во главе с Филократом к Филиппу и заключили мир. Затем, в ходе Третьей Священной войны, македонская армия разбила союзные греческие войска в битве у Херонеи

союз²¹. И раньше этого мы видим у Гомера, как лучший боец троянцев и таковой же эллинов, «пока гневался Ахилл», вступают в смертный поединок, но расстаются, обменявшись подарками, означавшими дружбу²².

24. Да что говорить о древних событиях? Сейчас молитвы за римлян у персов, молитвы в земле римлян за их державу²³. А между тем, кто не знает об их частых вторжениях в нашу страну, при каждом из коих подвергались грабежу города²⁴, и о походе в отместку за них, который так ослабил их государство, что, если бы не воспротивился некий завистливый демон²⁵, оно стало бы частью римской державы?²⁶

в 338 г. до н. э.; в результате с Афинами был заключен мир, который утвердило прибывшее в Афины македонское посольство во главе с царевичем Александром (будущим Александром Великим). — *Примеч. ред.*

²¹ Одним из условий заключенного в 338 г. до н. э. после битвы у Херонеи мира Филиппа II с Афинами было прекращение существования Афинского морского союза и вступление Афин в новый союз, создаваемый Филиппом под эгидой Македонии. — *Примеч. ред.*

²² Имеется виду поединок Гектора и Аякса Теламонида, подробно описанный в «Илиаде» (VII. 181–305). — *Примеч. ред.*

²³ Мир с Ираном, заключенный после смерти имп. Юлиана имп. Иовианом, продержался недолго. К 383 г. вспыхнула новая война, и в 384 г. персы безуспешно осаждали Эдессу. В 387 г. был заключен мир, и Шапур III послал в подарок имп. Феодосию много шелка. Именно заключение этого мира имеет в виду Либаний. — *Примеч. ред.*

²⁴ Непосредственным поводом к Персидскому походу имп. Юлиана стали поражения римлян в войне с персами: осада и падение Амиды (Amm. Marc. XIX. 2–9), Сингары и Безабды (XX. 6–7). Причем утрата двух последних крепостей произошла в 360 г., как раз тогда, когда Констанций готовился к войне против Юлиана. Справедливости ради надо отметить, что Констанций, собрав войска, попытался отбить крепости и осадил Безабду (Амида после взятия была разрушена персами и оставлена), но безуспешно (XX. 11). Затем, отведя войска с персидского театра военных действий, император прибыл в Антиохию и почти без отдыха двинулся навстречу Юлиану через Малую Азию. По дороге, в Киликии, он умер. — *Примеч. ред.*

²⁵ Дело идет, очевидно, о персидском походе императора Юлиана и его роковой для него развязке, см. речи, посвященные Юлиану.

²⁶ См. начало Эпитафия, т. I, стр. 308 [513].

25. Так и Менедема, возжелавшего дружбы, было бы несправедливо оттолкнуть, даже если бы он раньше чем-нибудь провинился. Ведь он мог бы перечислить многих, достигших примирения. Я не знаю, действительно, кто бы отпустил их вины большому числу людей. Пусть же мне никто не говорит о времени, предшествовавшем дружбе, но о том, не произошло ли в период ее чего-либо свойственного неприязни. А не будучи в состоянии этого доказать, не завидуй приобретаемому другу и не требуй, чтобы тот, кто наслаждается моими беседами, находя в них пользу для себя, был в убытке сравнительно с теми, кому они за наказание, и тот, кто гоняется за мной, сравнительно с теми, кто меня избегают, и тот, кто чтит меня, сравнительно с теми, кто меня оскорбляют, и не думай, чтобы принадлежность твоя к моим ученикам более говорила против меня, который ничем не обижает, чем против тебя, который допустил такие поступки.

26. Далее, стал ли умереннее этот Фрасидей тотчас, как переговорил со мною? Нет, он стал гораздо сердитее, если тогда он оскорблял, а тут стал злоумышлять, а вернее раньше то и другое, позднее — второе сильнее. Именно, располагая содействием немалого числа людей, сильных у военачальника, в том, о чем хотел переговорить, он, оставив всех их, хотел, чтобы я ему это устроил, не потому, чтобы помощь с той стороны ожидалась меньшая, но рвение его направлено было на то, чтобы гнев людей, которые будут этим недовольны, и вызванные им речи пали на меня и на мою голову.

27. И что это правда, в этом любой может убедиться из следующего. Попросив об этой услуге, он раньше, чем что-нибудь было сделано, людям, которые посещали его ввиду его горя, говорил о своей уверенности в том, что будет освобожден от путешествия и что я это ему устрою. А между тем полезно было бы молчать об этом. Но в случае замалчивания я не подвергся бы тому, чему подвергся, когда об этом было сказано. Чему же я подвергся? Те, кому это не нравилось, заявляли, что я враг императору и друг тирану²⁷ и что, завидуя выгодам от такого посольства импера-

²⁷ Максиму, ср. ер. 765, vol. II, pg. 390, 14 (orat. XIX, § 14). (Магн Максим захватил власть в Италии в 384 г. и был сначала признан имп. Валентинианом II

тору, я препятствую вреду, какой от него произойдет для тирана²⁸. А когда слышавшие это побежали к нему и не позволяли ему никакого разговора об этом со мною, причем они говорили, что есть более основания достигнуть освобождения при посредстве того, кто оплакивает жену и боится за дочь, он сказал, что все это — болтовня, за исключением одного этого, разговоров моих с военачальником о деле.

28. Не будучи в состоянии убедиться, что Менедем не мною отпущен, он полагал, для меня будет достаточным наказанием война со стороны тех, кто прогневаются за содействие ему. Речь об этом, он полагал, даже не остановится здесь, но распространится до резиденции императора, и тот тотчас приступит к наказанию. Ведь он, Никокл, далеко не знает нрава государя, и притом после такого множества его доказательств. Итак, он со злым умыслом держался за меня, не потому, чтобы ему нельзя было найти другое лицо для переговоров, но с намерением, чтобы представилось, будто я преступлен пред владыкой целого государства, и вместе с тем, чтобы иметь себе сотоварищей в том позоре, какой он понес от своих речей против меня.

29. Я изложил это, Никокл, в доказательство того, что я не был недоброжелателен к Фрасидею и что ты справедливо счел обвинения не заключающими нимало правды²⁹.

и имп. Феодосием. В августе 387 г. Максим свергает имп. Валентиниана II, и с весны 388 г. начинается его борьба с имп. Феодосием, которая закончилась победой Феодосия в 388 г. — *Примеч. ред.*)

²⁸ Подобное тяжелое обвинение висело над ним в течение всего года и было развеяно лишь в конце 388 г., после получения соответствующего решения префекта Татиана (Ер. 846). — *Примеч. ред.*

²⁹ Ср. Ор. I. 258: благодаря действиям Евсевия, представившего речи Либания, и, вероятно, Никокла, император с благосклонностью отнесся к Либанию и почтил его личным посланием — от своего имени и от имени своего сына и соправителя Аркадия. — *Примеч. ред.*

В ОТВЕТ НА ПОПРЕКИ ПЕДАГОГА

Orat XXXIV F = XXXII R¹

1. Не столько следует признать низкими тех, кто меня оскорбил, как вас, дети, которые с легкостью снесли эту обиду. Ведь на тех ложится упрек в причинении обиды, на вас же тот, что вы не ощутили скорби по поводу этого поступка. А не подвергая их возмездию, вы становитесь в ряды одобряющих их. Действительно, скажете ли вы, что не знали этого, непростительно то самое, что вы не знаете подобного поступка; не представляется ли он вам возмутительным с вашего ведома, как избежать вам того, чтобы не прослыть легкомысленными?

2. Итак, если бы этот дерзкий педагог сказал подобное оскорбление ввиду моей нерадивости, пристыженный тем, что услышал правду, и признав, что я сам подал повод к его выходке, я молчал бы, не имея возможности обвинять человека, уличавшего меня

¹ Написание речи относится к 387 г., вскоре после т. н. «мятежа Статуй» в Антиохии (§ 6), который произошел в феврале 387 г. — *Примеч. ред.*

по справедливости. На самом деле, я не знаю другого какого-либо человека, которого оклеветали бы так бессовестно. И я готов доказать это не потому, чтобы я не был хорошо известен тем, кто знают мое увлечение трудом, но потому, что боюсь, как бы не поддался обману кто-нибудь из людей, не знающих достаточно, каковы мои отношения к тем, кто проходят курс моего учения. С чего произошел этот инцидент с оскорблением мне, подобает, может быть, рассказать мне.

3. Некто из юношей устроил декламацию, главную речь вслед за предварительною², быв в возрасте пятнадцати лет, больше всех из юношей потрудившийся в своем сиротстве, как никто другой, властвовавший над дурными инстинктами, имевший возможность, если бы пожелал, перечислить доблести предков своих, оказанные и на посту воина, и в сане военачальника³. Величайшее же украшение юноши целомудрие, которого не коснулись языки даже негодных людей. К этому иной прибавил бы готовность к воздаянию за добро и справедливость, и то, что всё, что бы ни сделал он, он считал малым.

4. И прочее побуждало почтить его, не прибавив ничего к произнесенным им речам, и был старинный обычай, требовавший, чтобы так было, обычай, который не смел осуждать никто, ни из юношей, ни из педагогов. Итак, он удалился с честью. Нужно было исполнить свою роль. Она заключалась не в чем другом, как только не внести ничего другого к сказанному юношей⁴. Итак,

² Или «вступительную», *προαῶν*, *προλαλία* см. *Walden*, *The universities of ancient Greece*, pg. 22, note 1, pg. 231, note 2. (Либаний использует терминологию из афинской системы риторики, повторяющей терминологию знаменитого соревнования — афинского стадия. Ученик Либания выступил с декламацией, состоящей из основной части (*ἀγων*), следующей за вступлением (*προαῶν*). — *Примеч. ред.*)

³ Императорская служба со времен Диоклетиана четко разделялась на гражданскую и военную. Гражданские служащие — *officials* (греч. *στρατιώται*, т. е. воины). Употребленный Либанием термин «сан военачальника» (греч. *ἡγεμονία*) использовался для обозначения как провинциального руководства, так и военного командования, *praetors* и *proprietors*. — *Примеч. ред.*

⁴ О роспуске школы на остальную часть дня ср. далее, § 28, *Walden*, pg. 212 note.

я сидел, беседуя с друзьями, и мы как-то свернули понемногу речь на гнев Филагрия⁵, который я когда-то сдержал, когда он истязал хлебопеков на глазах всех⁶.

5. Когда же мои знакомые пошли в баню, мальчик прибежал с известием, что у двери лежит некто, плохой педагог, педагог такого юноши, и кричит, что юноша поплатился тремя месяцами. А говорил он это, желая потревожить обычай и лишить декламировавшего давно установившегося права, завидуя, мне кажется, в его славе тому, кто сказал речь. А между тем было бы гораздо лучше, подражая ему, добиться того же, чем, не быв в силах к тому, стараться причинить вред приобретаемому.

6. Но что он клеветал, это надо мне разъяснить. «Три месяца, — говорит он, — потрачены». Как? Глаза твои бесстыжие, как у пса!⁷ Дней тех бедствий⁸ было тридцать шесть, а когда всякая гроза миновала, благодаря письму императора⁹, настала безопасность, и посещать школу было можно. Да и ты сам был в числе тех, кто пользовались благоприятною порою, вернее, если и не пользовался, то, боясь страха, который рассеялся, холил себя на покое в деревне, — твоя то, не моя обида. Ведь так принадлежит

⁵ Филагрий принимал участие в Персидском походе императора Юлиана в 363 г. и продолжил свою карьеру при последующих императорах. В 382 г. он был назначен комитом Востока с резиденцией в Антиохии. В этом году в городе вспыхнул голод, продолжавшийся два года. Чтобы пресечь укрывательство хлеба, комит прибег к публичному бичеванию хлебопеков, против чего решительно протестовал Либаний, состоявший в переписке с Филагрием еще со времен имп. Юлиана. — *Примеч. ред.*

⁶ Ср. *orat. I*, § 206, *orat. XXIX*, § 6, т. I, стр. 68, 125 [185; 262]. Филагрий упоминается еще *orat. XLI*, § 18, *vol. III*, pg. 303, 18.

⁷ Ср. выше, стр. 93 [125], § 19. (Классический образ, фактически ставший поговоркой — ср. *Hom. II. I.* 223–225: «Но Пелид быстроногий суровыми снова словами К сыну Атрея вещал и отнюдь не обуздывал гнева: «Грузный вином, пса имеющий очи, а сердце елени!») (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

⁸ Отметить это место к хронологии речи. Дело касается обстоятельств бунта в Антиохии при Феодосии, ср. переведенные нами речи, сюда относящиеся.

⁹ Письмо императора Феодосия с прощением достигло Антиохии в Вербное воскресенье, как сообщает Иоанн Златоуст (*Hom. de Stat.* 21), а значит сам мятеж произошел в феврале. — *Примеч. ред.*

вина и тем, кто не плывет при возможности плыть, но не вина то принимающего корабль моря, если кто сам себя лишает плаванья. Если же ты явился бы вслед за моим письмом и стал учиться, где же погибла для тебя выгода от трех месяцев?

7. Ведь и самое время бегства ты потерял не из-за меня и моего нерадения, но то убыль от вашей негодности. Или выступи и докажи, что я держал речи, способные встревожить, грозившие фалангами, расхищением денег, убийством, оружием и внушавшие, что дело людей благоразумных спасаться бегством. Если же с моей стороны не было ни одной подобной речи, но вы сами себе давали такие советы, как не винить вам по справедливости самих себя? Или если бы при нападении на вас разбойников, на пути ли, или уже по прибытии вашем в деревню, как неоднократно бывало, благодаря тому, что без толку бежавшие своими бедствиями поправили дела разбойников, итак, если бы вы лежали побитые теми, кто умертвили многих, мне приходилось бы платить за души обоих и отцу юноши явиться для такого взыскания?

8. Итак, как он, если бы он так поступил, людям благоразумным показался бы сумасшедшим, так вы, когда говорите в упрек мне о месяцах. И того никто не мог бы сказать, чтобы я уходить уговаривал, а ушедших одобрял. Но каким гневом не воспламенялся я, какими криками не разражался, каких слов не произнес, уверяя, что выселение дело людей, ищущих смерти и безумных, нестрашного боящихся, а на страшное идущих безбоязненно?¹⁰ Те речи, конечно, приходилось слышать и этим, как многим другим, но всё же эти считали свое решение более благоразумным.

9. И свидетелями того, что я никогда бы не мог сказать о необходимости бежать, являются они сами, в том, как они поступили. Собираясь отправиться в деревню и приняв такое решение, они удалились спешно, с большою хитростью скрывшись незаметно, выполнив свое намерение раньше, чем заявить о нем, из боязни, как бы не услыхать останавливающих их речей, притом обладающих силою, достаточною для убеждения.

¹⁰ Этой теме Либаний посвятил отдельную речь «Против бежавших» (XXIII). — *Примеч. ред.*

10. Итак, ставши сами для себя виновными в отсутствии обучения, они дерзают винить в своем решении того, кто был удручен тем, что они лишили себя моего руководства, как если бы кто-нибудь, добровольно явившись в безводное место, пришедши затем к источнику, от которого держался вдали несколько дней, стал винить истоки, указывая, сколько дней не пил. А они сказали бы ему: «Но вода текла через нас и желавшего пить мы не отгоняли».

11. Да, ради Зевса, если бы кто, оставив страну, причастную лучам солнца, явившись во мрак Киммерийцев¹¹, пробыв там несколько месяцев и явившись потом в прежнее место, которого лишился по доброй воле, стал винить того или другого человека, непричастного к тому, разве бы он не был клеветником? Ты сам для себя пожалел света. Так сам себе и предъявляй обвинение.

12. Итак, то, что они явились туда из жажды безделья, а приворяются, будто принадлежат к числу работающих с охотой, ясно и из того, как они пренебрегли средствами для запоминания древних речей¹², ясно и из того, как юноша вернулся ожиревшим, нарастив себе тела. А бóльшим доказательством того же является, что возвращение его последовало после весьма многих. А тот, кто одно сделал быстро, другое медленно, разве не признает, даже молчаливо, что одному рад, другим тяготится?

13. И если бы вам было какое-нибудь дело до речей, вы брали бы пример с меня, оставшегося. И то же бы сделали и вы, если бы вы признавали, что я лучше вас видел, как надо поступать, если не по чему-либо другому, то по зрелости своих лет, а мы знаем, как много приписывает возрасту глава поэтов¹³. В действитель-

¹¹ Либаний цитирует вошедший в поговорку фрагмент из «Одиссеи» (XI. 14) о киммерийцах, которые живут в постоянном мраке возле Океана. — *Примеч. ред.*

¹² По мнению Либания, значительную часть свободного времени следует посвящать повторению пройденного и подготовке к работе (Ер. 894). — *Примеч. ред.*

¹³ Имеются в виду строки Гомера в отношении старца Нестора: «Но покори-тесь, могучие! оба меня вы моложе, Я уже древле видал знаменитейших вас

ности, осудив меня, будто я жажду смерти, а себя самих признав рассудительными, вы повредили деревенскими удовольствиями делу Муз¹⁴. После того как, наконец, вы решили вернуться, как могли вы винить меня тут, будто вы жаждали моих наставлений, а я не давал вам участвовать в них?

14. Но я не переставал и раньше перемены обстоятельств к лучшему отправлять свои обязанности, но, со столь большого числа учеников спустившись до двенадцати, потом до семи, я не стал менее рачительным, но ходил в школу ради столь малого числа, и притом не менее ретиво, чем раньше, и каким был я среди большого количества учеников, таким оставался и среди столь немногих, нимало не изменив правилам этого дела. И даже возникло некое лестное наименование оставшимся от самого того факта, что они остались. И вам можно было бы быть в числе них, если бы вы хотели. На самом деле, пропьянствовав столько дней, вы явились горячими радетелями слова и ожидаете, что ваши попреки против меня восторжествуют по давности времени.

15. «Да, — говорит он, — мы провели много дней в состязаниях¹⁵ с Гомером и Демосфеном»¹⁶. Причину этого можно найти в обстоятельствах, а не во мне. С одним вы покончили, и о быстроте умалчиваю, а писать более законченным стилем нельзя было тотчас же, но надо было сперва пройти одну книгу и пройти притом не одному, но с другими девятью юношами или большим числом, но никак не меньшим¹⁷. Таких не оказывалось.

16. А устанавливать новый порядок из-за одного какого-нибудь безумствующего было бы самым бестолковым шагом и клало бы тень на прежнее время. Поэтому другой вместо меня, давая то,

браноносцев... Будьте и вы послушны: слушать советы полезно» (II. I. 259–260; 274; пер. Н. И. Гнедича). Либанию в это время было 73 года. — *Примеч. ред.*

¹⁴ Т. е. образованию. — *Примеч. ред.*

¹⁵ Ср. ер. 407. 187.

¹⁶ Одним из видов упражнений учеников софиста было опровержение утверждений Гомера и Демосфена, образца поэта и образца оратора. — *Примеч. ред.*

¹⁷ В целях обучения Либаний разбивал своих учеников на группы по 10 или более человек. — *Примеч. ред.*

что прочел, поступал так согласно моему решению. И он был при этом так полезен, что вы ни в чем не упрекали его и нередко восхищались, хотя вы умели злословить. Так то преподавание велось им, а что сочинялось в виде состязаний, то я исправлял и устанавливал, и двое служили вам вместо одного. Итак, это не значило ничего не делать, но то было двойным выигрышем.

17. Если же ты говоришь мне о болезни в сочленениях¹⁸, ты винишь Судьбу, а не меня. Ведь не скажешь же ты, чтобы я выражал пожелание болезни, пожелание того, чтобы день и ночь кричать от боли и проводить время больше в обществе врачей, чем среди книг. И преподавание не было мне более в тягость, чем те тягостные и принудительные средства, какие употребляли врачи и которые были мучительнее той муки, успокоить которую они пытались.

Так я много доискивался средств в помощь сочленениям, но они оказались ничего не содержащими, кроме надежды.

18. Так ты, отбросив сострадание, винишь меня в нерадении? Но демона к ответу не притянешь, и разве мое то, что не мое? Как если бы кто стал порицать мертвого, что отсутствием жизни он положил конец и возможности что-нибудь делать. Но иной сослался бы в защиту трупа на богинь Судьбы и их власть, и на то, что предстояло умереть согласно последней, и что со стороны умерших не может быть никакой деятельности. Ты же, если бы, будучи пленником, я был скован поймавшими меня грабителями, разве стал бы меня винить, что я не исполняю обязанностей учителя для юношей, а когда меня сдерживают узы, гораздо более мучительные, добавил бы, и крепкие, станешь требовать попечения моего о юношах, того, чтобы один и тот же человек не мог двинуться с места, а танцевать мог?

19. Но воин, жаждущий схватки и битвы, скованный внезапною болезнью, видит своего военачальника огорченным, но его не обвиняющим, и нет никого из людей столь наивного, чтобы он

¹⁸ Речь идет о хронической болезни Либания — артрите или подагре, — которая обострилась как раз в начале 386 г. после 16 лет ремиссии (Or. I. 243). — *Примеч. ред.*

стал подвергать такого судебному преследованию как дезертира. Я же, по той же необходимости упустив нечто в своих обычных обязанностях, встречу обвинителя? Да кто, захворав, считается преступным за то, что захворал? Никто, разве только если он сам привил себе болезнь. Это может приключиться с человеком от многих причин. И на гимнастических состязаниях мы не раз видели, как атлеты заболевают и не могут выступить¹⁹, и на них обращается сострадание всех зрителей, не попрек, да и когда они вернутся домой, то их близких; но всякий сказал бы, что они неудачники, но нимало не провинились.

20. Да и для города этих людей не пропало незамеченным, что я поражен таким недугом, благодаря коему мне необходимо ежегодно лежать несколько дней безгласным. Ведь он — вблизи нашего, и много людей в каждом из двух ходит из одного в другой. Почему же не ходили вы к другим софистам, которые не хворали? Если же явились, дабы снести и это, почему не снесите, раз вы поступили ко мне, в то время как многие сносили это до вас, многие — теперь, вернее же — все, как есть, кроме вас? Или ты один — любитель ученья, в прочих, сколько их ни есть, — стремление к другому?

21. Но ты не скажешь этого языком, поступками же своими это признаешь. Воображаю, что бы ты делал, когда бы бедствие мое растянулось на столько дней, как оно нередко бывало, когда так поступаешь при быстром облегчении? Ведь, вместо восемнадцати дней, я помощью богов прикован был к ложу на треть этого срока. Что же бы ты делал при первом размере, если так поступал при настолько более кратком?

22. Он винит также в том, что почести сохраняются мною для тех, кто умирают, одних друзей моих, других, достигших известности, третьих то и другое, четвертых ни то, ни другое, но имеющих некоторое право благодаря родственникам. И он не стыдится поднимать войну на людей, которые не в состоянии уже никому причинить неприятности, но перешли в другую юдоль. Я же

¹⁹ ἀποδύναι cf. том I, стр. 81, примеч. 2 [201, 375].

дорого бы ценил, если бы сам установил этот порядок, но так как другие упредили меня, подобает сохранять его и следовать примеру почтивших, а не быть хуже своих руководителей, которые, я знаю, воздавали такие почести при кончине и не уставали их воздавать, даже если мертвецы настигали одни других.

23. И никто не был столь неразумен и столь жалок, чтобы порицать эту почесть, но одни из учителей даже выносили, поднимая на руках, тех, кого увлекало бедствие, а кому не было возможности принимать участие и в этом, чтили вынос содействием юношам в речах, считая делом первой важности наставлять учеников в их обязанностях по отношению к умершим. Но этот человек хватается за столь малый срок, а винит того, кто не нарушает столь древнего обычая, и призывает меньше чего-нибудь другого чтить труп. А между тем чего бы захотел ты, чтобы получил твой отец, если бы он умер в ту пору, когда бы ты еще посещал школу? Если знаков почета, то зачем лишаешь этого прочих? Если другого, то какими муками мог бы ты это искупить подобающим образом?

25. Таким образом, дети, он не дерзнул бы сказать даже того, чтобы этот город не выдвинул многих искусных ораторов. Из них одни приобрели известность в процессах, другие в качестве судей, третьи в помощи отечественным городам²⁰. Из них каждый получил это влияние при почтении к этому закону. Если же возможно прославиться и при соблюдении закона и ни в чем не потерпеть убыли в своей риторической подготовке, и то, и другое уживается вместе, какой же справедливый предлог в поношении умирающим?²¹

26. А что больше всего способно вызвать досаду, это то обстоятельство, что и дни, посвященные декламациям софистов, они заносят в число потраченных даром. Как, скверный зверь, как речи — вред речам? И как оратор, произносящий слово, коему надо подражать, приносит убыль подготовке в красноречии?

²⁰ Три профессии намечены здесь: адвокаты, судьи, синдики.

²¹ ἀποπνίγομαι cf. vol. II 523, 15 (orat. XXIV, § 21), pag. 273, 10 (XVIII, § 87).

Я заявляю, что молчание учителей не в интересах учеников, но поток их речей направляет их к тому, чтобы они могли создавать то же самое. Так случилось нам видеть и педотрибов²², как в палестрах они преподают борьбу своим личным выступлением, и, кроме них, стрелков из лука, как они пускают стрелы с целью научить своих учеников, и мы знаем, что многих стрелков Аполлон подготовил таким образом²³.

27. Следовательно, и тот, кто хочет подготавливать риториков, пусть предлагает себя в образец тем, кто будут в состоянии следовать ему, и того, кто не хочет говорить, пусть юноша избегает, а того, кто сочиняет и исполняет публично речи, пусть берет руководителем и пусть пробует выработать в себе способность к такой же производительности. Даже если еще и во время посещения школы у них проявится стремление к декламации, пускай они получают аудиторию. И пусть будет это считаться не только приносящим славу им, но и всем, кому напитком служит то же.

28. И когда он кончит, пусть не идет никто к учителю, как будто после безделья²⁴. Сделано нечто полезное, раз те, кто превосходят его, преуспели в оценке, а те, кто ему не уступают, в труде, те же, кто в чем-нибудь отстают от него, хотят сравняться с ним. А те, кто, после роспуска собрания, обступают учителей и сажают их, против воли их, на троны и не дают даже вздохнуть, — обидчики и унижают произнесшего речь криками, что он надоед.

29. Итак, я не сокрушал и не сокрушу своей работы и не побоюсь клеветы злосчастного педагога, а этих, робких, да приведется мне узреть, наконец, — если пока еще нет, — достигшими мужества и самосознания. А вас, дети, пусть увижу я ненавидящими людей, которые провинились передо мною. Если бы это чувство жило и теперь в ваших душах, и этот человек был бы исторгнут за свое злоречие. Тот, за кого отец юноши поклоняется Судьбе, как

²² Педотриб — преподаватель гимнастики. — *Примеч. ред.*

²³ Аполлон почитался в том числе как бог-лучник и покровитель стрельбы из лука. — *Примеч. ред.*

²⁴ Ср. выше, § 4, с примеч.

за ограду и охрану, крепчайшую чертога Данаи²⁵, тот снисходителен к людям, охотно проводящим с ним время, и если кто позовет юношу на завтрак, посылает, и если на обед, отпускает, радуя угощающего еще и тем, что сам не разделяет трапезы.

30. И так поступая, и то позволяя, и в подобном угождая, он все же имеет претензию быть грозным для учителей и со свирепым взором наступает, никакой меры не считая достаточной, всякую признавая более слабою, чем подобает, преследуя цель настроить всякого неблагоприятно, посещением своим удручая, уходом доставляя радость, учителя, с которым имеет дело, унижая, а другого превознося, угрозой перевести юношу обрекая рабству того, кто этого опасается.

31. Ведь не отец юноши и не тот, кто тот же отец ему, вызвал необходимость такой речи, — ни сам он не был низок, ни педагога такого у него не было, но порядочный, умеренный, скромный, охранявший того, кем руководит, и отстраняющий от него тех, кого надо, порядков не нарушающий и того, чего закон не дает, себе не позволяющий, но знающий, что — учитель и что педагог.

²⁵ Даная — в греческой мифологии дочь аргосского царя Акрисия; узнав от оракула, что ему предстоит смерть от руки внука, Акрисий заключил дочь в подземный медный терем. Однако Зевс проник в терем золотым дождем, и Даная родила Персея. — *Примеч. ред.*

К ТЕМ, КОТОРЫЕ НЕ ДЕРЖАТ РЕЧЕЙ

Orat. XXXV F = XXXIII R¹

1. И меня, и город, и вас, и ваших отцов, тех, кто живы и кто уже умерли, естественно оплакивать иному, когда он видит вашу безгласность в судах. Уже давно можно было вам отрешиться от нее, если бы вы не ставили ни во что моих увещаний, возможным бы стало излечение от позора и сейчас, если вы захотите внять мне.

2. Итак, я молю богов, предержателей нашего города, чтобы они даровали изложить достаточно предмет, с советом о котором выступаю, и встретить послушание с вашей стороны. Ведь общая прибыль оратора и слушателей, чтобы его речь признана была самою целесообразною, а они предпочли полезное приятно-му. Если же вы станете отстаивать теперь сохранение прежнего

¹ Написание речи датируется осенью 388 г., вскоре после отправления посольства к императору Феодосию с просьбой о снисхождении за восстание 387 г. (§ 28). — *Примеч. ред.*

своего поведения, меньше, а все же получу выгоду в том самом, что мною дан был совет в таком деле.

3. Пусть ответит мне кто-нибудь из вас только вот на какой вопрос: «Каково ваше общее наименование?» Вы ответите: «Декурионы»². Каково же дело, связанное с этим названием? Служить разумом и вносить в речах требуемые меры, препятствовать вредным мероприятиям, с одними соглашаться, другим возражать, слушаться благоразумных правителей, противоборствовать тем, кто не видят, что полезно, свои голоса, голоса декурионов, возвышать против голоса трона, скорее быть в состоянии своим красноречием грозить, чем бояться.

4. Вот в чем дело декуриона, а не в дровах, печах, конях, атлетах, медведях, охотниках³. И эти расходы похвальны и доставляют честь городу и славу тому, кто жертвует, но это еще не значит отправлять обязанности декуриона, но это, полагаю, виды литургий, а декурион — другое, то, о чем я сейчас сказал. И хоть бы десять раз каждую из этих повинностей справлял он своей родине, это будет честолюбие, великодушие, известность, но далеко отсюда до самого дела гражданской службы.

5. Многие отцы и, клянусь Зевсом, и матери в случае, если у последних умерли мужья, направили на такие траты детей, только что отнятых от груди, а то и не отнятых еще. Так разве на этих кто-нибудь распространит это наименование? Нет, если только он не впал в слабоумие. Как, в самом деле, тот, кто даже не может сознавать, что он отправляет общественную повинность, может

² Декурион (от лат. *decurio* — «десятник») — член городского совета (курии). Декурионы должны были владеть определенным состоянием (прежде всего, земельной собственностью), и из них формировалась муниципальная аристократия. Но именно на них возлагалась ответственность за налоговые поступления и отправление различных общественных литургий. — *Примеч. ред.*

³ Либаний кратко перечисляет повинности, которые несли декурионы: в частности, назначенный декурион был обязан за свой счет поддерживать огонь в печах, нагревающих воду в общественных банях («дрова» и «печи»); упомянутые «кони» и «атлеты» — это литургия по организации и финансированию состязаний, Олимпий; «медведи» и «охотники» — организация и финансирование представлений в театре, в честь какого-либо праздника, включающих в себя в том числе звериные бои и травлю зверей охотниками. — *Примеч. ред.*

исполнять долг декуриона? Как тот, кто не отправляет дела, может именоваться названием этой деятельности? И вы, следовательно, подобно тем младенцам, отправляли повинности, но дела декуриона не выполняете.

6. И это я слышал давно от тех, кто злорадствовали надо мною и насмеялись над вами, и вполне верил, ведь я знал, как-вы ваши языки во многих местах, теперь же и еще яснее сознал свою беду. Дело было так. Я явился в дом правителя⁴, дабы обратиться к нему с речью, как не следовало бы. Присутствовала вся курия. Предстоял некий важный вопрос, требовавший речи и ораторов. В то время как прочие говорили то, что представлялось им полезным, вы гражданствовали в молчании своем, привнося всего-навсего то, что кивком одобрите речь, вернее же, одни из вас были на виду и так поступали, а другие и этого не делали, но, спрятавшись за спинами тех, нисколько не отличались от слуг, что глядят на своих господ. И когда вы выходили, первым можно было гордиться произнесенными только что речами, а вам приходилось, вследствие своего молчания, быть смиренными, и провожатым каждой из двух групп, уделом одних была радость, вашим — унижение.

7. Каковы же были у вас разговоры и с матерями за обедом? Обманывая и заявляя, что явились к ним после речей, вы тем самым обижали их, а признаваясь в своем молчании, что другое вызывали, как не стенание, делая их несчастными матерями, клянущими себя за то, что родили обиду, позор, поношение самим себе? Скоро же почувствует уважение к вам ремесленник, скоро же станет он исполнять ваши заказы, скоро же понадеется на то, что через ваше посредство ему удастся избавиться от той или другой тягости⁵, если вам будет требоваться помощь других, которые будут говорить в вашу защиту!

⁴ Судя по тексту параграфа, речь идет о недавних событиях, значит, скорее всего, здесь имеется в виду Евстафий, консуляр Сирии с июля 388 г. — *Примеч. ред.*

⁵ Декурионы и принципалы часто назначались «смотрителями» профессиональных корпораций ремесленников (например, принципал Кандид,

8. Ради богов, что лучше, руководить или подчиняться руководству, обладать силою или не иметь ее, помогать или нуждаться в помощи другого, называться счастливым или считать счастливым другого и приносить пользу родине или не быть к тому в состоянии? И разве в том, что перечислено, не ваше — второе, а другим принадлежит первое? Они могут внушать страх слугам правителей, которых вы боитесь⁶. И легко им обидеть взором, обидеть словом, обидеть действием, с гневом ухватиться, остановить и нежелающего, совлечь одежду, предпринять, пожалуй, и нечто большее. Почему же это к тем подлаживаются и ухаживают за ними, а вас загоняют? Потому что уважают известность тех, какою они обладают благодаря своим речам, а вас застают в ряду людей невидных вследствие вашего молчания, отлично зная, сколько вы отправили и отправляете повинностей, но относя это на счет закона и понуждения, а душами вашими восхищаться не находя возможным.

9. Итак, если бы вы были гражданами города, достигшего известности каким-либо другим из обычных преимуществ, а не благодаря ораторской способности своих декурионов, то и в этом случае подобало вам превзойти отцов и иметь и самим право сказать слова Сфенела⁷, но, может быть, все же это служило бы вам некоторым оправданием в том, что вы не приобрели. На самом деле, всякий найдет, что наш город в особенности прославился ораторским умением курии, благодаря коему и преподаватели

«смотритель» корпораций пекарей в Антиохии — Ор. XXIX. 10). Корпорации ремесленников в Антиохии были своеобразными центрами социальной активности (Ор. I. 87; VIII. 4). Либаний систематически проявлял озабоченность благосостоянием ремесленников (Ор. XXXVI. 4; LVIII. 4; 22), что, естественно, определяло благожелательное отношение последних к риторике. — *Примеч. ред.*

⁶ Имеются в виду *principales*, представители муниципальной знати, выделенной законодательно в отдельную привилегированную группу. Фактически они распределяли все обязанности и повинности между декурионами, что было закреплено эдиктом 373 г. (Cod. Theod. VIII. 15. 5). — *Примеч. ред.*

⁷ Homer. II. IV 405. («Мы справедливо гордимся, что наших отцов мы храбрее» (пер. Н. И. Гнедича). Сфенел — один из женихов Елены, активный участник Троянской войны, выступает помощником Диомеда и его возницей. — *Примеч. ред.*)

немало времени отводят публичным декламациям⁸. Было бы по-этому непростительным не проявить себя наследниками и этого таланта, но в свою жизнь дать пропасть славе города. Или если бы вы разрушали его стены, вы были бы виновны, а лишая его известности, какую доставляет красноречие, сделаете что-нибудь достойное почета?

10. Я радуюсь, когда восхищаются Фасганием⁹, и не менее чем если бы меня самого превозносили, но желал бы, чтобы вместе с ним и вами восхищались, так как и для города было бы прибылью, если бы повторялось не то, что теперь твердят: «Никто ему не равен», но: «Многие похожи на него». И про Аргирия¹⁰ и Евбула¹¹ мы знаем, как их восхваляют как хороших риторов, но я прибавил бы и других, им уступающих, но вас опережающих.

11. Итак, когда услышите отзывы, что они были башнями города, а вы изменники, и они делали его благополучным, вы же жалким, и что курия была когда-то силой, а теперь немногое от нее сохраняет жизнь, большая часть отжила свой век, — как беретесь за пищу, как жить хотите, как не молитесь, чтобы земля поглотила вас? Вот что, да, вот что в особенности может в ином вызвать скорбь, что вы не сознаете своего злосчастья, но живете в довольстве и смеетесь друг с другом и с прочими, и с открытым взором встречаетесь с людьми, как будто никакой беды с вами не происходит.

12. А между тем, есть ли что ужаснее этой безгласности? Ведь на родителей вы не можете сваливать вины, что они не поручили вас людям, от которых можно было научиться, что не сделали

⁸ Либаний занимался со своими учениками в здании курии (Or. XLIII. 19). — *Примеч. ред.*

⁹ Ср. т. I, Введение, стр. I–II [10–11]. (Фасганий, дядя Либания со стороны матери и его опекун. Либаний искренне любил его (XXXV. 10), тем более что дядя всячески способствовал его карьере ратора (Or. I. 13). — *Примеч. ред.*)

¹⁰ Т. I, стр. 232 [407], ерр. 100. 889. (Аргирий — принципал, друг отца Либания, который после его казни взял на себя заботы о семье друга (Or. LIII. 4). — *Примеч. ред.*)

¹¹ Ср. т. I, стр. 40, 1 [149, 169] (orat. I, § 147, ер. 1110). (Евбул — принципал, ритор в Антиохии, давний противник Либания — см. Or. I. 116; Or. XVI. 26. — *Примеч. ред.*)

обычных трат на покупку книг, на уплату гонорара, и на меня тоже, как не знающего. Свидетелями правильности этих слов являются многие города, во многих провинциях¹², где мои бывшие ученики обладают властью благодаря своему красноречию¹³. И если бы для этого не потребовалось долгой речи и вместе это не было бы скучно, я перечислил бы их.

13. В школах вы ничем не уступали этим людям, ведь ваши натуры способны к восприятию искусства, не было, сверх того, и недостатка в труде, но последующее время было не одинаково для обоих; но те сберегли приобретенное искусство, а у вас оно испарилось. Причина тому та, что те тяготеют к литературе, а вы скорее готовы взять в руки гадюк, чем произведения литературы, и они не отдают предпочтения перед ними конным состязаниям, а для вас в последних весь интерес жизни, и, пренебрегши всем прочим, вы озабочены тем, победит ли тот или другой возница. И чародей, что обещает это, у вас в большем почете, чем сами боги, а из зрителей те, которые питаются на ниве ипподрома и наживают деньги на том, что крикнут нечто сверху наездникам, а через них седокам на колесницах¹⁴. И вот кого вы считаете счастливыми, им завидуете, им подражаете. На них хотите походить скорее, чем на отцов, и, клянусь Зевсом, вы походите. Есть из вас и такие, что многих из них превзошли в их собственной специальности, и вы прямо гордитесь этою победою больше, чем те, кто добывают венки на Олимпиях¹⁵.

¹² ἔθνος провинция, ср. orat. XLVI, § 13, т. I, стр. 156 [300].

¹³ Либаний прилагал массу усилий, чтобы его ученики и друзья могли занять достойные посты в административной системе государства. Для этого он, опираясь на свой авторитет в Империи, вступал в переписку с представителями военно-административного аппарата — подсчитано, что среди его корреспондентов было 265 чиновников различного уровня. При этом действует Либаний последовательно — добившись назначения своей креатуры на высокий пост, он обращается уже к своему протее с просьбами за других своих друзей и учеников. — *Примеч. ред.*

¹⁴ См. т. I, стр. 134, примеч. 2 [274, 5].

¹⁵ Олимпии — празднества в Антиохии в честь Зевса Олимпийского, отмечавшиеся в июле–августе. В ходе празднеств проводились скачки и колесничные бега. — *Примеч. ред.*

14. А что не менее всего привело вас к этому, так это то, что многие из вас юношами приняли на себя эту повинность, но, продав коней, которых раньше купили, от повинности освободились¹⁶, но сохранили прежнее рвение к ним и возницам, предмету своей утехы в ту пору, когда они справляли свою повинность. А между тем, раз тратам наступил конец, почему не прекратился и интерес к этим предметам, но напасть эта остается безысходной?¹⁷ И вы оцениваете дни удачные и неудачные этим критерием, по победам и поражениям их, а о своих победах нигде не могли бы сказать, поражения же ваши вас не удручают. Столь сильна образовавшаяся у вас привычка к торжеству других над вами.

15. Далее, пренебрег ли я вашим недугом, и не подражал ли врачам, и не поступал ли как люди огорченные, но удалился, не раскрыв рта для чего-нибудь, кроме проклятий? И пропустил ли я хоть один день, чтобы не распространяться в увещаниях: «Дражайшие, будьте трезвы, перестаньте отдаваться опьянению, вернитесь к уму-разуму. Это — безумие. Придите в себя. Пощадите себя, пощадите меня. Станьте выше слуг в отношении искусства слова. Ведь сейчас вы превосходите их лишь своим общественным положением. А если бы кто-нибудь очутился перед вами и ими, голыми и держащими речь, ничего другого не зная о вас, он не счел бы, мне кажется, справедливым, чтобы одни были господами над другими».

16. Разве не было с моей стороны все время этих и подобных внушений? Разве, видя меня издали, не ожидали вы от меня таких речей? Разве ожидание их не заставляло вас не раз бежать? Разве не просил я вас прекратить свою ненависть к Демосфену? Разве не был я назойлив в исправлении промахов в ваших словах? Разве не обещал излечение без труда многих погрешностей? Но вам и это казалось трудным. Но если не раньше уже, то теперь,

¹⁶ Имеется в виду литургия по организации скачек и колесничных бегов. — *Примеч. ред.*

¹⁷ Интеллектуалы того времени не любили театр и бега на ипподромах, считая их развлечениями толпы (см. Or. XLII. 8). — *Примеч. ред.*

любезнейшие, подтвердите делом свое наименование и станьте действительно тем, чем вы называетесь, — декурионами.

17. Как же это произойдет? Если будете в состоянии держать речи. Как же будете в состоянии это делать? Если не будете избегать книг и не станете предпочитать те развлечения, о которых я сейчас говорил. К ним иной мог бы прибавить кости и то нечестие к богам, какое царит тут. Ведь вы знаете, как проигрывающий не щадит никаких слов и в нечестии своем оказывается и приятным, и остроумным. Бросьте плясунов¹⁸, бросьте возниц. Идите к древним риторам и очищайте свой язык, и, может быть, иной увидит вас произносящими речь, а не молчащими.

18. А если вам совсем нет возможности отстать от этой своей страсти — беда любит себе в убыток, — то уделяйте одинаковое внимание тому и другому предмету, худшему и лучшему. Впрочем, разве это справедливо? Но все же я допускаю. Пообедал ты. Не занимай своей памяти возницами, вступая в спор, если нет никого другого подле, со слугою, но, потребовав книгу, после изощрения языка, спи, а в более длинные ночи пой¹⁹ с петухами. Явившись же на площадь, если обстоятельства дадут повод, не считай себе в позор, если окажется, что ты кое-что заимствовал из книги.

19. Вот что сделает твои уста красноречивыми, что разовьет поток твоей речи, что сделает язык твой проворным и вместе недоступным замечаниям; с таким языком ты станешь и дома созидать с большим блеском, и землю запахивать с большим толком, и будешь хозяином более обильной утвари, и заставишь замолчать моих и своих обвинителей, как и, не изменяя ничего в нынешнем образе жизни, ты будешь ее проводить в бессилии.

20. Пожалуй, кто-нибудь меня спросит: «Что же? Все здешние таковы? Разве никто из твоих учеников не держит речей и

¹⁸ Театральные профессии считались позорными и находились под контролем строгого законодательства (Cod. Theod. XV. 7. 1–8, законы 371–381 гг.). Либаний считал, что плясуны вредно влияют на нравственность (Or. XLIV. 100). — *Примеч. ред.*

¹⁹ ᾄδω ср. т. I, стр. 358, примеч. 1 [576, 215].

не выступает декурионом?» Я этого не сказал бы и не стал бы вооружаться против столь очевидных фактов, но заметил бы, что таких немного, а тех много. Первых — два, три человека²⁰, вторых в десять раз столько. А следовало бы, если и это следовало бы, чтобы не говорящих речей было трое, а во много раз большее число ораторов. Ведь не стал бы я хвалить и поле, большая часть коего — пустырь, и учитель гимнастике не пользуется известностью, когда у него умеют бороться трое, а все прочие только бесполезно увеличивают численность состава школы. Засаду можно посадить в двадцать и больше человек, из коих, кроме троих, все робки и подвержены той слабости, о какой у трусливых в засадах сообщает Гомер?²¹

21. Итак, ни для меня, ни для вас недостаточно говорить о трех, но надо говорить о всех, кто участвовали в священнодействиях²². И самых этих трех, ради Зевса, считаете вы или нет более полезными для себя и для города, чем вы? Если вы того не признаете, вы безумствуете, если же допускаете, что же вы не закрываете лица со стыда? Если же вы не в состоянии поступать так же, как они, вы сами себя того лишили. Разве не обучались вы все по тем же самым правилам, в одной и той же гимназии, шествуя по одному и тому же пути, внимая одному и тому же голосу, держась тех же следов? А почему не все вы одинаковы и схожи, об этом я сказал и побеседовал. Итак, в вас получая повод к речам против

²⁰ Среди них следует назвать Евсевия из г. Анкиры (город во Фригии — области в центральной части Малой Азии), ученика Либания, потом помощника на преподавательской кафедре; он был избран членом посольства к императору Феодосию с просьбой о снисхождении за восстание 387 г. и произнес перед императором блестящую речь (Or. XXXII. 3). Другой — принципал Хиларий (Or. XXXI. 47), ученик Либания, известный в городе оратор, участник того же посольства к императору (Zos. IV. 41). Посольство увенчалось успехом, в чем, вероятно, существенную роль сыграл Хиларий — вскоре был назначен проконсулом Палестины. — *Примеч. ред.*

²¹ Homer. II. XIII 279–282. («Цветом сменяется цвет на лице боязливого мужа; Твердо держаться ему не дают малодушные чувства; То припадет на одно, то на оба колена садится; Сердце в груди у него беспокойное жестоко бьется» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*)

²² Об ораторском обучении, под покровительством θεοῖ λόγιοι, Гермеса и Муз.

меня, те, кто горят желанием меня злословить, тех трех загораживают массую непригодных.

22. А самое печальное — это то, что тот известный, имени которого не назову, желает считаться за ритора, научившись всему скорее, чем произнесению речей, — ведь он и не посещал таких учителей, но все же не потерпел бы выйти, прежде чем не сказать перед судьей что-нибудь, больше или меньше, между тем как вы, в детстве каждый месяц не раз заполнявшие дощечки²³ письмом, относящимся к риторике, уходите, тем только разнясь от портретов²⁴, что шагаете, глядите и дышите, а безгласность ваша такая же.

23. «Надо уступать, клянемся Зевсом, старшим». Конечно, в том, чтобы таким говорить первым. Но вы предоставляете им одним говорить. Ведь вы не после них желаете говорить, а вообще говорить не желаете. Первое — доказательство почтения к ним, второе значит срамить себя. А они и сами не пожелали бы, чтобы их чтили таким образом. А между тем, признавая необходимым порою говорить и вперед них, вы могли прибегнуть к достаточному примеру, Демосфену, который сам признает, что поднимался вперед тех, после кого имел обыкновение говорить.

24. Кроме того, далее, старшие теперь были когда-то моложе других, и даже на большее сравнительно с последними, число лет, чем вы моложе их. Так спросите их, поступали ли они по-вашему, бывало ли, чтобы они не говорили, не противоречили, не высказывали вперед. И может быть, окажется, они всё это делали, и нимало это им не повредило, а было к величайшей им выгоде, что смущало и привыкших повелевать. Знаю, что и тем трем, которые теперь подражают прежним младшим в отношении к ним в их старости, это не принесло ни позора, ни поношения, но славу, похвалы и то, что недалеко им до их влияния.

25. Перестаньте же сваливать на уважение и приличие то, что делается вследствие неспособности говорить, так как не

²³ δέλτος и об отдельном письме, ср. 84.

²⁴ Ср. т. I, стр. 180 [333], orat. XLVII, § 36.

Ср. еще orat. IV, § 20, vol. I, pg. 293, 22, orat. XVII, § 8, vol. II, pg. 210, 10.

раз, когда вследствие отсутствия того или другого лица застигла вас необходимость говорить, вы требовали вызова этого человека, как будто не быв в состоянии сказать хоть что-нибудь. Что же? Если он окончит жизнь, что предпримете? Попросите отправить посольство к Плутону²⁵, дабы оно вытребовало человека сюда, чтобы состоялись речи по государственному делу? Ведь от смерти его не станете же вы риторамы? Итак, удобнее еще при жизни его взяться за речи, дабы приобрести умение говорить, нежели пытаться это делать со смертью его и оказаться в неприглядном положении по своему бессилию. Если же уметь держать речи необходимо, а это требует книг, вам нужно иметь общение с книгами²⁶.

26. «Но приятно не трудиться, а это, как сам говоришь ты, требует труда». Но что за беда, отстав от вредной утех, заняться полезными трудами? А если конец полезнее, труд выгоднее удовольствия. Земледельцам приятно бездельничать, но неизбежен — голод. Поэтому они пашут и сеют во трудах, дабы не случилось с ними этой беды. Труда требует и плавание, клянусь Зевсом, и риска. Но иметь добыток приятнее, чем даже не всходить на корабль. Если бы на это рассчитывал кулачный боец, когда бы он унес венок? Приятно жить вне речей. Но молчание в судах разве не причиняет горя? Неприятно натрудить глаза за письмами. А разве прибыток²⁷ от того не самая приятная вещь?

27. Таким образом, приятное имеет для нас конец неприятный, а то, что кажется неприятным, оканчивается удовольствием, и таким удовольствием, какое одно поистине подобает мужу, которое можно назвать достойным. Что, в самом деле, можно бы назвать более достойным, как не то, если по всему городу ходит молва о речах, сказанных как следует? Так и я с вами с удовольствием проводили бы время, я — получив угождение, вы — оказав мне его, как теперь мы недовольны друг

²⁵ В греческой мифологии одно из имен божественного владыки царства мертвых Аида. — *Примеч. ред.*

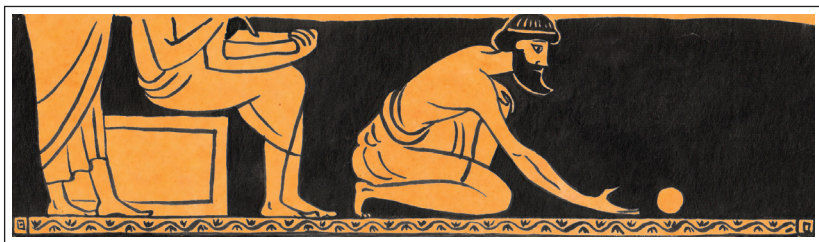
²⁶ Ср. выше, § 13. Т. I, стр. 53 [166].

²⁷ τόκος ср. orat. XXXIV, § 27, orat. XLVIII, § 14, vol. III, pg. 204, pg. 435, 3.

другом, вы — мною, которого вы обижаете, я — вами, которые несправедливы ко мне.

28. Итак, станьте великими, сильными, славными и устыдитесь сверстников ваших в других городах, и тех, которые теперь зовут вас зайцами, заставьте называть вас другим, более почетным наименованием. И может быть, кто-нибудь, когда придет случай отправлять посольство, явится к вам, оставляя старших, как нуждающихся в некотором отдыхе, и предлагая идти некоторым из вас, как людям, способным принести столько же пользы своим умом, как и те. Это больше всяких площадей и галерей украсило бы город, это доставит вам утех больше, чем все атлеты, все охотники, все возницы. Это прогонит из моей души мои частые припадки уныния. Это одно может быть для меня снабдьем в настоящих обстоятельствах.

К ЕВМОЛПИЮ

Orat. XL¹

1. Утверждаю и не стал бы отрицать, Евмолпий, что я друг тебе и уже долгое время², но заявляю, что и предстоящее сейчас порицание неправых поступков является поистине делом человека любящего. Ведь похвала, если она несправедлива, способствует порче, а тот, кто винит, за что следует, тот вразумляет и отводит от подобных же промахов. Следовательно, не это последнее — проявление ненависти, но то, — похвала неправым делам и молчание, упускающее из виду расследование проступков. Поэтому, если я когда-либо тебя облагодетельствовал, а это признано было

¹ Речь датируется концом 370-х гг. — началом 380-х гг. Наиболее обоснованной кажется датировка речи временем нахождения Евмолпия в должности консулара в 384/385 г. — *Примеч. ред.*

² Евмолпий и его брат Домитий (будущий комит Востока) происходили из семьи антиохийских куриалов и были родственниками Либания (PLRE. P. 295). Евмолпий был младше оратора по возрасту, однако дружил с ним в течение долгого времени. — *Примеч. ред.*

тобою неоднократно, то естественно и теперь считать мой поступок таковым.

2. Итак, найдутся люди, которые разразятся против моей речи градом слов и возьмутся убеждать тебя, что я тебя избил и что тебе справедливо следует привлечь меня к ответственности. Но ты не делай и этой еще ошибки и не поддавайся обману, но считай, что наши с тобой общие враги желают поссорить нас и водворить между нами неприязнь взамен дружбы. Но ты и в другое время никогда не встречал несправедливости с моей стороны³, и это слово считай делом благожелания.

3. Ведь ни Диомед, ни если кто-либо другой корил Агамемнона за мысли его о бегстве, не был недругом тому, кто сказал такую речь в собрании ахейцев, ни Одиссей Ахиллу из-за отца Пелея, как неподобающе упорному в ссоре⁴. Но мы слышим, что была самая искренняя дружба у этого Ахилла с Патроклом. И мне кажется, Патрокл оказался бы ничем не хуже в отношении к Ахиллу в случае, если бы он пал раньше его, но принял бы то же решение о мщении и своей душе.

4. Итак, этот Патрокл сочиняет⁵, будто у друга, вместо его настоящих, родителями были скалы и море, не с целью навязать ему

³ Сохранившееся письмо Либания к Евмолпию от осени 359 г. (Ер. 75) как раз описывает подобную ситуацию: антиохийский декурион Парфений, связанный с Либанием, направился в Константинополь в надежде получить должность и при дворе завязал дружбу с неким врагом Евмолпия. Евмолпий был этим оскорблен, и Либаний в своем письме просит его умерить свой гнев. — *Примеч. ред.*

⁴ Homer. II. IX 16–78 («...взговорил Диомед благородный: “...Скипетром власти славиться дал он тебе перед всеми; Твердости ж не дал, в котрой верховная власть человека! ...Ежели сам ты столь пламенно жаждешь в дом возвратиться, Мчися! ...Но останутся здесь другие герои ахейн...”» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*), cf. II 344 sq. II. IX 252 sq («Друг! Не тебе ли родитель, Пелей, заповедовал старец... но ты лишь в персях горячих Гордую душу обуздавай; кротость любезная лучше... Так заповедовал старец; а ты забываешь. Смягчися...» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*).

⁵ Homer. II. XVI 34 («Немилосердый! Родитель твой был не Пелей благодушный, Мать не Фетида; но синее море, угрюмые скалы Миру тебя породили, сурового сердцем, как сами!» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*).

худую славу и не для того, чтобы умалить его прежнее высокое достоинство среди греков, но дабы, устыдясь сравнения со скалами и морем, он стал несколько умереннее и помог несчастным. И действительно, он его сделал уступчивее. Если он и не поднялся сам, и не облекся в доспехи, и не вступил в бой, однако, и сидя на месте, он помог упрекнувшему его другу, передав ему войско и своим вооружением внушив противникам ложную мысль, будто он сам предводительствует.

5. Какой же из твоих поступков я порицаю? Ты повредил моей кафедре и увеличил тот вред, какой связан с нынешними обстоятельствами, и греческий язык, который и так в загоне⁶, ты вогнал в пущее бесчестие и достиг того, чтобы мне работать при небольшом числе учеников, чуть не провозгласив громким голосом: «Отцы, достигшие крайнего безумия, избегайте этих скал, около коих губите свое потомство, но посылайте своих родных чад в плодоносный Рим, где можно собрать плоды, ведущие к благоденствию».

6. Как же это произошло? Александр, который боролся с властью Платона⁷, — вы все знаете, о чем я говорю, — наняв судно, забраковав мои занятия, дав много денег сыновьям — у него есть они, так как он не останавливается ни перед каким доходом, — воодушевившись великими надеждами и затратив множество и денег, и времени, сначала, слыша, не верил относительно их невежества, а после вынужден был поверить, когда одни, зная себя, остались там, а тот, который вернулся, был так изобличен, что люди, враждебно настроенные к Александру, радовались больше, чем если бы они открыли клады, а друзья плакали вместе с ним о гибели столь блестящих надежд

⁶ Ср. т. I, стр. LXVIII [76].

⁷ В прямом понимании аллегории Либания речь идет о предпочтении Александром латинского образования греческому. Однако возможно и другое понимание — с философской школой неоплатоников был тесно связан имп. Юлиан, и под борьбой с властью Платона может подразумеваться оппозиция политике Юлиана. — *Примеч. ред.*

его⁸. Так, не зная ничего из того, что следовало бы знать, ритор расхаживал, не говоря худого слова, не будучи ничем лучше раба — ведь даже не было в нем разницы с призраком⁹, — и не говоря ничего, и не внимая говорящему, столь далекий от свободного распоряжения своими устами, что даже кивнуть стоило ему труда.

7. Когда такая находка прибыла к нам из Рима и когда те, кто не отплыли за его плодами, хвалили себя, и аттическим речам было в пользу то обстоятельство, что тот то знание, каким обладал, потерял, а того, для которого прибыл, не приобрел, — такого человека, которому, как безгласному, надлежало бы пробыть навсегда в том положении, в каком он был¹⁰, ты сделал ассессором при посредстве во всем некстати послушного тебе брата¹¹. И повозка¹² стала с ним возить этого нежданного сановника, а это обстоятельство окружавших меня юношей снова обратило к другим интересам, и то, что перед тем осудили, тем они стали восхищаться. И снова гавани, и снова корабли, и Адриатическое море, и Фимбрий¹³.

8. Итак, как если бы ты убавлял стадо козопасу или стадо быков пастуху крупного скота и число коней коннозаводчику, ты бы совершал преступление против каждого, так ты обижаешь и тех, кто держат в своих руках преподавание эллинского языка. Ведь ты не мог бы сказать и того, чтобы дела администрации требовали его мудрости и чтобы без его ассессорства все пропало бы? Нет, мы слышали, что его дело поесть, выпить, выспаться,

⁸ В Ер. 951 Либаний отмечает, что вернувшиеся из Рима ученики мало чем отличаются от стада животных. — *Примеч. ред.*

⁹ Вариант к сравнению бесполезного по своей неподготовленности человека с портретами, ср. выше, orat. XXXV, § 22, примеч. к этому месту.

¹⁰ Т. е. безгласным, не имеющим повода говорить.

¹¹ Этот неназванный чиновник занимал пост *λάρεδρος* при комите Востока Домитии, брате Евмолпия (PLRE. P. 263–264); см. § 17. — *Примеч. ред.*

¹² *ζεῦρος* ср. правитель и его ассессор в конце orat. IV, vol. I, pg. 300.

¹³ Фимбрий, Тибр, у Юлиана *Τύβρις* orat. V, pg. 207.

уладить взоры обильными струями воды и рябью воды в цистерне под порывом ветерка¹⁴.

9. Хочешь, чтобы я сказал, чем это было вызвано? Хочешь, я расскажу об истории с конем и блестящей уздой, о том, что дано было в темноте, но не могло остаться скрытым? Ты скажешь, подобает благодетельствовать другу, а Александр — друг тебе. Что же? Разве я не друг тоже? Зачем же тогда заблагорассудилось тебе благодетельствовать ему ценою потери для меня? Ты не дерзнул бы сказать, чтобы одна дружба была предпочтительнее другой и Александра надо предпочесть мне. Если же, допустим, он слишком дорог сравнительно со мною, однако не дороже же эллинских богов и той богини, что веткою приобрела [город], мать Ереxfея¹⁵. Ведь в ущерб всем этим ты даровал ту милость, и притом достигнув своего сана посредством этих [т. е. эллинских] речей, а не тех [т. е. италийских]¹⁶.

10. Охотно потребовал бы также у тебя отчета в дружбе к Александру. Какое, в самом деле, благородное происхождение? Какое кормление? Какое воспитание? Какое человеколюбие? Какая помощь просителям? Какой труд для благих целей? Но для законов человек этот тебе полезен? Но хорош он как советник? Однако какую славу способен он доставить тем, с кем вступает в общение? Разве, бежав с земли, которую обрабатывал, он не пристроился при человеке, занимавшемся торгашеством, и по неразборчивости судьбы, нажив деньги, не погубил взиманием процентов больше, чем губят те люди, что живут грабежом, и избытком необузданности, и горем, ею доставляемым, загубив

¹⁴ Ср. сцену у цистерны ер. 466.

¹⁵ Речь идет о богине Афине. — *Примеч. ред.* Herodot. VIII 55 (см. самое ранее упоминание распространенной версии о соперничестве Афины и Посейдона за покровительство Афинам; Афина посадила на Акрополе маслину и победила в споре. — *Примеч. ред.*). Aristid. Panathen. t. I 169 10 D c. schol. (Эрихтоний — один из первых аттических царей, рожденный Геей от Гефеста; Эрихтоний имел полузмеиное-получеловеческое тело. Он был воспитан Афиной в храме, возмужав, стал царем Афин и учредил Панафинейские празднества в честь богини. — *Примеч. ред.*)

¹⁶ См. т. I, Введение, стр. LXVII [75–76].

человека, жившего в согласии с добродетелью, в конце концов свою ненасытность не направил на могилы, лишая последнего почета умерших?

11. Какие же соображения, склонив тебя к обращению с таким зверем¹⁷, сплотили вас так, что вас видят как бы связанными неразрывно¹⁸, всюду, во всякое время, в любую часть каждого дня? «Ведь он был соседом, клянусь Зевсом». Но сколько других, правда, беднее Александра, но лучших, чем он, по нраву! Их всех презрев и миновав, ты связался с ним, так что удивительно бывает, когда ты появляешься не с ним.

12. Есть и у многих других в каждом городе обременительные соседи, близкое жительство коих не заставляет их делать друзьями, но улица у обоих одна и, если хочешь, стена смежная, но, несмотря на то, они не друзья, следовательно, они враги, и много столкновений и каждый, можно сказать, день поранения, и соседство больше привыкло создавать не дружбу, а вражду. И этому свидетелей много, но достаточно тебя, который, имея таким образом соседом Магна¹⁹, жил с ним в столь долгой войне, причем те, кто поминали о мире, тебе представлялись болтунами.

13. Итак, непременно надо было вообще избегать нечестивого, хотя бы он был соседом; в действительности ты так им увлекся, что ради угождения ему потревожил обязательства в отношении ко мне. И так сознавал ты свою несправедливость, что не сообщил мне о предстоящем своем шаге и не сказал, подошедши, что желаешь, чтобы «сын Александра стал ассессором при твоём брате, а моём друге, и, не допуская мысли, чтобы это произошло без твоего ведома, я говорю, и предваряю, и желал бы, чтобы ты не

¹⁷ θηρίον о человеке, см. в обращении orat. XXXIV, § 26, vol. III, pg. 203, 13. Ср. стр. 240 [337], § 46, стр. 284 [410], § 27, ep. 1404 и др.

¹⁸ καθάπερ συμπεφυκότας, ср. т. I, стр. XXVII, 3, XXXVI, 4 [36, 127; 44, 162].

¹⁹ Ближе не известен. Однако в переписке известен некий Магн, ученик Либания в 355–358 гг., который стал молодым адвокатом (συνήγορος). Либаний принимал личное участие в его судьбе, и до нас дошло 5 его писем различным лицам с ходатайствами за Магна (Ерр. 303, 304, 1270–1272) и одно письмо самому Магну (Ер. 1141 от 364 г.) в связи со смертью его друга Каллиопия. — *Примеч. ред.*

воспрепятствовал». Таким образом ты почтил бы звание дружбы, таким образом было бы соблюдено все, что подобало, убедил ли бы ты меня или нет. Теперь же потаенность дела и попытка всячески остаться незамеченным — явное доказательство того, что и самому тебе не представляется ничего справедливого в твоих поступках.

14. «Если бы не этот через мое посредство, разве не проник бы другой, через посредство другого»? Пожалуй, и такое приведешь возражение. Но это, если оно слабо, пусть и не приводится; если же сильно, почему не было оно приведено прежде, чем дело было сделано, причем я не собирался не знать совести, если бы было что-либо справедливое в твоём предложении. Но, полагаю, и это основание ты осудил ввиду чрезвычайной легкости ответа: «Почтенный, если кто это сделает, пускай делает, и даст в паредры кого-либо из видевших Рим, пускай дает».

15. Но ты не обижай нашу дружбу и не желай брать на себя ответственность вместо другого. Ведь и в том случае, если бы, быв кормчим, предупредив натиск вражеского корабля, ты потопил бы свой, тебе нельзя было бы сказать триерарху²⁰: «Я сделал то, что во всяком случае выполнено было бы другим». Ведь и того, кого во всяком случае убьет болезнь, мы не убиваем раньше наступления конца, с намерением сослаться в оправдание на то, что во всяком случае довершил бы недуг.

16. Что же? Если бы из двух стратегов один был расположен к пославшим его, а другой, получив против них подкуп²¹, вознамерился бы предать их, и это узнал бы тот, кто честнее, какого пожелаешь ты действия со стороны этого лучшего? Продать, что замышлял и тот? А что позднее спасло бы его на суде? Разве не то, что он предупредил измену, какая грозила от того стратега?

17. И твои хлопоты об Александре показывают, каков ты друг мне. Выслушай же и второе, чем я вами изобижен, причем ты распорядился, а брат повиновался. Ты и он просили его похвального

²⁰ Триерарх — капитан триеры, греческого военного корабля. — *Примеч. ред.*

²¹ ἐπ' αὐτοῖς λαβών cf. orat. XXXIX, § 18 λαβὼν ἐπὶ τῷ παιδί (pg. 274, 10).

слова с большею настойчивостью, чем просят о хлебе. Мне можно было бы сказать: «Требуи, Домеций, подобных вещей с тех, кому ты поручил детей своих. Ты поручил, считая их более сильными и искусными. Ведь ты не мог бы сказать, что они уступают другим. И вот было бы крайней бессмыслицей в совете относительно сыновей восхищаться Египтом и Финикией²², а при потребности похвальных речей прибегать к другому лицу».

18. Вот что можно было бы сказать, но сказано не было; но сначала я удалился молча; когда же ты явился на дом ко мне и чего-чего только не предпринимал, и притом неоднократно, привлекая в качестве союзников самых близких мне людей, и когда те заявили, что не перенесут, если я уклонюсь от этой услуги, я сказал: «Сочиню речь при содействии Судьбы и скажу, если она и это дарует мне, но смотри, Евмолпий, пусть после меня никто, ни ритор, ни поэт, не вступает в то же соглашение с твоим братом». Услыхав это, ты дал клятву, заявив, что скорее камни будут ораторствовать, чем это будет. И согласившись на этом, мы расстались.

19. И пусть никто не говорит: «Что же? Разве это так возмутительно, чтобы после тебя должен был выступить оратор с речью на ту же тему?» Не об этом теперь речь, но о том, должно ли было оставаться в силе договору. А что он был нарушен, доказать легко. Дело было так: явившись через несколько дней вечером ко мне, ты говорил, что какой-то поэт желает взять предметом речи твоего брата²³, присоединив к этому: после меня, и что он одобрил это добавление. В этом заключалось несоблюдение договора, где стояло, чтобы после меня никто, раньше же — я не препятствовал. После этого сообщения сам я, под вымышленными предложениями, соблюдал молчание, а поэту устроил декламацию, и он декламировал.

²² Александрия была одним из крупнейших культурных и образовательных центров империи и в рассматриваемую эпоху славилась как философскими школами (прежде всего неоплатоников), так и христианской научной школой. В Финикии находился Берит, знаменитый своей школой права. — *Примеч. ред.*

²³ Сокращенное выражение: λαβεῖν τὸν ἀδελφόν.

20. В чем же ты тут неправ? В том, что устранил договор. Отменял же его ты тем, что не порицал брата, не удерживал его, не препятствовал ему. Ведь если он не знал о соглашении, виновен тот, кто ему не сообщил, а сообщить следовало тебе. Если же он знал, побоявшись твоих криков из-за договора, по справедливости должен был стоять на том, на чем ему следовало стоять: «Всех людей, брат, мы вооружим против себя, как не умеющие уважать договоры». Ничего из этого честный Евмолпий не сказал брату, а мне, между тем, сообщил сказанное братом поэту, и говорил, не устыдившись²⁴, но с открытым взором, и не подумал сам, что договор, ухватив его за плащ, тянет его и как бы заграждает ему уста.

21. Допустим. Последовал выход прослушавшего поэму, и разговор в каждом городе, и ожидание каждый день, что наступит конец его должности. Но дело вышло не так, но он вернулся со всем снаряжением, с каким удалился. И здесь поступают просьбы о написанном произведении, чтобы оно было опубликовано и появилось в городе, много просьб от тебя, много от него, а ты меня просил даже со слезами не покрывать великим бесчестьем ваш род. Ведь, по твоим словам, будет очевидным бесчестьем, если брат твой явится в Египет²⁵, не получив речи с моей стороны, и это станет поводом для невыгодных толков со стороны его завистников.

22. Оказавшись не в состоянии меня склонить, ты побежал к дверям философа²⁶, полагая, что я вынужден буду исполнить все, что он ни прикажет. Когда он велел, я послушался и сказал, затем опять сказал, и в третий, и в четвертый раз. Слушатели, замечая в речи и больше точности в прочем, и в обрисовке его

²⁴ ἔγκαλυψενοῦς ср. orat. XXXV, § 21, orat. XLII, § 16, vol. III, pg. 220, 20, pg. 315, 13.

²⁵ Возможно, префект Востока Домитий направлялся в подчиненный ему диоцез Египет в 384/385 г. для разбора злоупотреблений префекта Египта Оптата (ср. Or. XLII), который с 384 г. занимал эту должность. — *Примеч. ред.*

²⁶ Фалассия, ср. orat. XLII, § 9, § 3. Т. I, стр. 184, 1 [338, 13]. (Фалассий был другом и помощником Либания. — *Примеч. ред.*)

деятельности по должности, какую он занимал, так скакали, что чуть не кувыркались, так кричали, что совсем лишились голоса. И тому, что происходило в курии, может, иной и указал бы пример, а тому, что происходило на пути оттуда до помещения²⁷ его, никто никакого. Окружив кольцом, провожали не только ученики, еще не кончившие ученья, и отцы их, делом коих служит трудиться об общественных интересах, но можно было увидеть там и людей, приобретших известность и имя на правительственных постах и тронах.

23. Итак, провожаемому, вместо венков, служили руки их и голоса, которые, от возбуждения, вызванного речью о нем, разошлись до такой степени, как бывает в народной толпе, и общий говор, что тогда впервые солнце узрело столь великую почесть и что к нему применимо сказанное об Агамемноне, ставшем во главе множества войска²⁸. И с такими славословиями переступив порог и проявив свои восторги²⁹ и во дворе, они едва-едва удалились, прекратив шум по настоянию самого лица, вызывавшего такое восхищение. И не было никого, кто бы не считал виновником происшедшего меня.

24. А он хотел вместе и приобрести произнесенные публично речи, и в то же время обзаводился поэмой, сказанными словами покрывая, пока можно было, обиду, что было и твоим приемом, но договора уже не существовало. Но он так чрезмерно озаботился об этом оскорблении, что поднялся в школу, которая по своей ветхости внушала опасение обвалиться, почему после первыми, взошедшими в нее, она была заперта из опасения грозившего крушения. А раньше подъема туда, вошедши ко мне, он просил меня дать слушателей для поэмы. И ты сидел подле и слышал эти

²⁷ καταγωγή об официальном помещении должностного лица см. *orat.* LI, LII.

²⁸ *Homer.* II. II 477 sq. («...меж них возвышался герой Агамемнон, Зевсу, метателю грома, главой и очами подобный, Станом — Арею великому, персями — Энносигею. Словно как бык среди стада стоит, перед всеми отличный, Гордый телец, возвышается он меж телиц превосходный: В день сей таким сотворил Агамемнона Зевс Олимпиец...») (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*)

²⁹ ἀναβακχεύσαντες cf. т. I, стр. 330, 1 [542, 100] συναναβακχεύσας, *orat.* XVIII, § 75.

его слова и молчанием своим поддакивал, в то время как следовало бы, если не другое что, побранить за эти слова.

25. «Он настаивал, клянусь Зевсом, и надоедал, и нельзя было отвергнуть его мольбы». Но если бы жив был у вас отец, и этот человек, умолая, просил бы, чтобы вы его били, валяясь в ногах у вас, ни перед чем не останавливаясь, но вторгаясь во время трапезы, вторгаясь во время отдыха, стали ли бы вы бить отца, из-за его приставанья? Что же? А если бы мать? Что же? Если бы других? Но не стали бы. Значит, и меня бить не следовало бы.

26. Вам же не довольно было того, чтобы был кто-либо, кому предстояло говорить после меня, но вы увеличили наглость свою и местом. И вы говорили, что вы были вынуждены, а тот, кем вы, по вашим словам, были принуждены говорить, утверждает, что сам подвергся такому понуждению с вашей стороны, и, говоря это, клянется всеми богами, и не менее кого прочего теми, что чтутся в Египте, что, действительно, вы его на это толкнули, а он нимало не желал, но ускользнуть не мог. С него, по его словам, взыскивали строже, чем с недоимщиков. Таким образом, вы обижаете своим насилием, обижаете и своею ложью. И белый день вы повредили темным, вместо прежних хоров из таких людей, видя одного педагога, который жестикулирует рукой в худой перчатке, а вы взошли, понадеявшись узреть день сродни³⁰ тому.

27. Но возвращаясь к тому, что клянущемуся нужно быть вернее тех, кто не клялись, в особенности, когда вы всячески хлопотали, чтобы он имел даже то, от чего он отказывался, говорю о курии и находящемся в нем учреждении³¹. И это так огорчило город, что вам от него доставалось не столько, сколько было справедливо, так как статьи расхода равнялись со статьями дохода, но это был скорее призрак почести, чем действительная почесть.

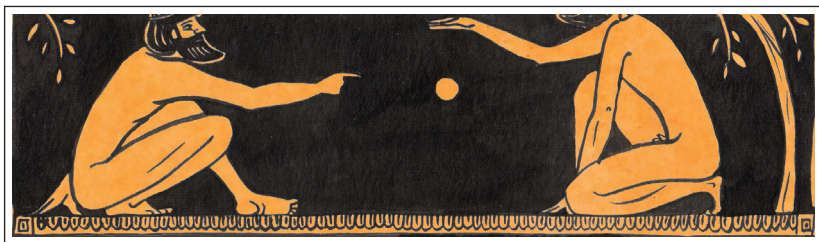
³⁰ ἀδελφὴν ο ἡμέρα, ср. т. I, стр. 83, 1 [205, 389].

³¹ По всей вероятности, речь идет о почетной префектуре, которая была предложена Либанию императором Феодосием в 383/384 г. Евмолпий и Домитий, занимая высокие административные посты, вполне могли хлопотать за Либания. — *Примеч. ред.*

28. Ты видишь, Евмолпий, сколько упущений сделано тобою в отношении ко мне и в сколь многом ты лишил меня своего попечения, выражаясь мягче, чем «предал». Итак, позаботься о дальнейшем времени и пожелай, чтобы в лице друзей своих лучше иметь людей, тебя одобряющих, чем порицающих³².

³² В дальнейшем отношения Либания и Евмолпия наладились, и Евмолпий, будучи в Антиохии, оказал серьезную моральную поддержку оратору, удрученному смертью одного из любимых его учеников, Евсевия (см. Or. I. 189). — *Примеч. ред.*

К ИМПЕРАТОРУ О ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Orat. XLV¹

1. Если бы лицами, занимающими административные посты, соблюдалось, государь, все, что подобает, в отношении заключенных, я бы радовался за них, а тебе не досаждал. Но так как они оказались в этой области недобросовестными, а тебе об этом не говорит ничего никто из людей неправых, не ведают ли они или

¹ Речь, написанная в конце 386 г. и адресованная императору Феодосию, посвящена злоупотреблениям администрации тюрем по отношению к заключенным. Данная речь является примером т. н. «реформаторской» речи оратора: Либаний приводит множество убедительных аргументов в пользу необходимости реформ в сфере управления тюрьмами. Еще в 320 г. император Константин, стремясь улучшить условия содержания заключенных, именовал злоупотребления в заключении «тюремными муками» (Cod. Theod. IX. 3. 1). В 326 г. само заключение под стражу было названо «тюремными муками» (Cod. Theod. XI. 3. 2). Впоследствии было издано еще несколько императорских постановлений с целью искоренить злоупотребления. Закон 380 г. в основном повторил основные положения законодательства Константина (Cod. Theod. IX. 3. 6) и был подтвержден эдиктом Гонория 409 г. (Cod. Theod. XI. 3. 7), в котором допускалась коррупция тюремных чиновников. — *Примеч. ред.*

умалчивают заведомо, а все то нечестивое, что творится в этом деле, не может не быть поставленным в вину царской власти, я, поклонник твоей кротости и вместе обязанный тебе величайшей милостью, долгом считал бы поправить этот промах твоим приговором.

2. Ты знаешь, конечно, государь, то правовое положение, чтобы те, кто заслуживают смерти, умирали, а те, которые того не заслуживают, жили и оставались, хотя, вследствие избытка человеколюбия, тебе случалось уже сохранять жизнь иному и из тех²; но пусть остается установленное древними законами³. Это то, чтобы умирал человек, дерзнувший на какое-либо подобное преступление, а жил тот, который никакого столь важного преступления не совершил. Но что же такое это дерзновение и это преступление? Быть уличенным. Ведь умереть до уличения не что иное, как пострадать неправо. В самом деле, если кто-либо совершил деяние, достойное смерти, но оно осталось сокрытым, казнивший его совершает преступление, подвергнув возмездию раньше, чем удостовериться в его вине.

3. Знай же, государь, что в лице правителей ты посылаешь по провинциям убийц⁴. Каким образом? Частые вспышки гнева вызывают много поводов к недовольству, и если кто разгневается, тотчас спешит к правителю и говорит, что оскорблен и жестоко пострадал, другой о себе не говорит, но о жене, третий ни о том,

² Так, зимой 385/386 г. один из бывших учеников Либания, входивший в сенаторское сословие, был обвинен в использовании магии. В это дело был вовлечен и секретарь Либания. Однако смертная казнь, обычная по обвинениям такого рода, не последовала (см. Or. I. 239–240). — *Примеч. ред.*

³ В данном случае Либаний использует выражение «древние законы» скорее для подтверждения традиционности вопроса, хотя последний закон, посвященный проблемам уголовного законодательства, относится к 380 г. (Cod. Theod. XI. 3. 6). — *Примеч. ред.*

⁴ Так, Флоренция Либаний описывает именно как убийцу (см. Or. XLVI. 9). Используемый Либанием титул ἄρχων τῶν ἐθνῶν обычно переводится как «комит Востока», однако в данном случае речь идет, по всей видимости, не о конкретном чиновнике, а о правителях провинций в целом. — *Примеч. ред.*

ни о другом, но о детях, и сочиняют о словах и ударах, да, разорвав ту или другую часть одежды, присоединяют к тому и это. А того, пока он отпирается, утверждает, что его оклеветали, напоминает о жалобе и законах, отправляют в заключение, и при этом несмотря на обилие поручителей.

4. Подвергаются этому, понятно, люди более слабые со стороны более сильных, люди, у которых нет средств, со стороны состоятельных, люди толпы со стороны немногих, которые требуют, чтобы идущие от них обвинения были сильнее доказательств. Это творится членами величайшего синклита⁵, творится против ремесленников прочими куриями, теми, коим вручена слава ваша, творится служащими при должностных лицах против тех, кто не во всем им угрождают.

5. Жестокость господ ежедневно без меры прибегает к этому средству, так как легко заключить в оковы человека, которого закон вынуждает молчать, и тогда, если с ним поступают неправо. Сюда же, пожалуй, надо отнести и тех, кто трудятся на земле для ее владельцев, так как и с ними некоторые обращаются наравне как с рабами, и если они не одобряют их против себя лихоимства, разговор короток⁶, и воин с веревками — в деревню, и камера принимает заключенных.

6. Хочешь, помяну и о тех, кто обвиняется в убийстве путников? Таких, конечно, бывает два, три, допустим и втрое больше, и десять, и даже больше. Тех же, у кого они пили, ели, ночевали, привлекается нередко втрое больше сравнительно с обвиняемыми, причем они или понятия не имеют о том, в чем их обвиняют, или разве знают только, что не совершили никакого преступления, или не принимали участия в злодеянии⁷.

7. Все эти, о ком я помянул, государь, и некоторые, кроме них, которые по иным обстоятельствам туда попали, живут жизнью

⁵ Имеется в виду сенат Константинополя, обычно именуемый τὸ μέγιστον συνέδριον. — *Примеч. ред.*

⁶ ὀλίγαι συλλαβαί cf. с. Icar. 1, § 5, т. I, стр. 101 [231]. Ср. стр. 258 [367], § 4.

⁷ См. т. I, стр. 149 след., примеч. [291–292, 54].

заключенных. А те, кто их предали, пребывают среди пиров, вернее, среди всякого рода удовольствий, отправляясь в Дафну⁸, или катаясь в деревни, разъезжая по другим городам по приглашению сватов, для покупки земли, для того, чтобы полюбоваться морем⁹. А из тех, кто из-за них заключены, об одних забывают, до других им заботы мало. Благонамеренные же судьи, предоставившие им тот арест, какого они хотели, и угоду им поставившие выше справедливости, ни гнева не проявляют, ни вызывают их, ни порицают, ни спрашивают: «Что это?»; ни беседуют с ними о деле, как нечестивом, ни говорят, что не могут дольше терпеть подобных вещей.

8. Затем, тюрьма полна людей, так как из нее не выходит никто или совсем немногие, а входит в нее много. И бедствие увеличивается вдвое и самым заключением, и заключением в таких условиях. Ведь невозможно как следует ни поспать, ни лежать, опустившись на землю, но они пользуются сном лишь настолько, сколько возможно улучшить его стоя.

9. Откуда же, далее, пища у них? Чечевица в кувшинах и малая доля овощей и еще что-либо сверх того, что, они говорят, бывает в количестве далеко недостаточном. Необходимо, чтобы жены, сестры, дочери, пропитание коим давали они, пока не были заключены, те самые кормили теперь их¹⁰. Из каких средств, государь? Ведь от заключения их женщинам нельзя стать богаче. Остается некрасивым или удрученным старостью попрошайничать, а у кого есть сколько-либо красоты, на все пускаться. А это заключенным горше самого заключения. Им приходится, конечно, спрашивать и узнавать, откуда у них этот добыток.

⁸ Ср. *orat. XLI ad Timocr.*, § 16, vol. III, pg. 302, 14. (Дафна — кипарисовая роща в окрестностях Антиохии, в которой находилось знаменитое святилище Аполлона. Эта роща традиционно являлась местом проведения праздников (Ер. 419). — *Примеч. ред.*)

⁹ Ср. стр. 352 [507], § 37.

¹⁰ По эдикту 409 г. рацион заключенных уже официально утверждался правителем провинции (*Cod. Theod. IX. 3. 7*). — *Примеч. ред.*

10. И не это одно, но и то, что должно от каждого поступать хозяину двери¹¹, который поставляет всем один светильник и за это малое количество масла требует крупного вознаграждения. А кто по бедности не внесет, тотчас попадает под удары, хотя бы, будучи избиваем, твердил: «У меня, владыка этой тюрьмы и заключенных в ней, кроме этого тела, нет ничего: ни родителей, ни детей, ни друзей. Откуда же мне тогда уплатить за светильник, разве уж мог бы я исторгнуть деньги из земли, и нет никого, кто бы принес?» Так сказав, он слышит: «Почему при посредстве тех, кто отсюда выходит, не вызываешь ты сюда женщину из тех, что соревнуют в человеколюбии, затем, припав к ее коленам, не уговариваешь ее собрать тебе что-нибудь милостыней?» Это иной может сделать, другой нет. А от кого нельзя получить, того достаточно бичевать.

11. Ты плачешь, государь. Да будет тебе много благ за чрезмерную доброту, и я, клянусь Зевсом и всеми богами, ожидал увидеть это. Но как ни страшна описанная доля, есть нечто больше, если значительнее того, что я сказал, смерть. Умирают, государь, умирают тысячами и от прочих неудобств, и от самого большого, тесноты¹². И страж докладывает¹³, а правитель, ничуть не тревожась, велит хоронить. А тому, кто с самого начала обвинил его, нет никакого страха, и даже не узнает он, не умер ли тот. Умирают при этих условиях рабы наравне со свободными, одни ни в чем не провинившиеся, другие — смерти не заслужив. И боги знают это, как прочие, так и всевидящий Гелиос¹⁴. Не скажешь, чтобы им

¹¹ Служащий тюрьмы, именуемый *commentariensis* (Cod. Theod. IX. 3. 7; Amm. Marc. XXVIII. 6. 24). Подобный вид вымогательства был запрещен еще в законе 320 г. (Cod. Theod. IX. 3. 1). — *Примеч. ред.*

¹² Как видно из текста Либания, условия содержания заключенных оставались весьма тяжелыми, хотя еще в эдикте 320 г. (Cod. Theod. IX. 3. 1) предписывалось обеспечить доступ света и воздуха заключенным для предотвращения смертности среди них. — *Примеч. ред.*

¹³ По эдикту 380 г. (Cod. Theod. IX. 3. 6) *commentariensis* должен был ежемесячно предоставлять доклад о положении в тюрьме. — *Примеч. ред.*

¹⁴ См. Homer. II. III. 277 («Гелиос, видящий все и слышащий все в поднебесной»); Od. XI. 109 («Гелиос светлый, который все видит, все слышит, все знает»). — *Примеч. ред.*

было угодно подобное. На смену умирающим ведут в заключение новые жертвы, не меньше, а то и больше¹⁵.

12. Итак, разве не возмутительно, что, если кто-либо в драке на площади, как зачинщик или для самозащиты, убьет кого-либо, все гnevаются и кричат, и поступают одинаково с родственниками умершего посторонние люди, а когда столько людей губят темницами правители, думают, ты отнесешься к этому кротко? Но даже если бы кто сказал, что ты ничего из этого не знаешь, показалось бы, что он говорит неладно. В самом деле, царская власть ставит тебе требование, государь, знать все. И этим убийцам давно бы следовало подвергнуться возмездию за эти смерти, но если не раньше, то теперь, по крайней мере, пусть будет на это обращено внимание.

13. «И что возмутительного, — скажет иной, — если кто-либо, будучи убийцей и за эту вину ввергнутый в тюрьму, затем умирает так»? Я же того, кто так говорит, с охотой спросил бы: те, которые умерли таким образом, бывают ли из числа убийц? Если обвинения ложны и какое-либо слово или незначительная денежная сумма уже обрекает иных к заключению, а заключение простирается до смерти, что скажут люди, причинившие величайшее беззаконие, людям, ни в чем или в малом виновным? Ведь если и сугубо подобающе была смерть тем, кто соделали вышеупомянутое преступление, но этим-то не следовало затягивать заключение так, чтобы беда эта заканчивалась для них смертью.

14. Иной сказал бы и в защиту самых убийц справедливое, думаю, слово, что, если они умирают раньше следствия, им не оказано справедливости, раз они не получили суда; если же — по доказательстве их преступления, к ним опять несправедливы, так как лишили их быстроты наступления смерти. «Что ты меня изводишь, — мог бы он сказать, — в то время как закон гласит не так? Что меня изнуряешь мало-помалу, так чтоб душа ушла из одних костей да кожи, когда письмена полагают не такое наказание?»¹⁶

¹⁵ Ср. т. I, стр. 98, примеч. [226, 27].

¹⁶ По эдикту 320 г. правитель нес ответственность, если подобное случилось (Cod. Theod. IX. 3. 1). Это положение был подтверждено эдиктом 380 г.,

15. Что бы мы ответили женам заключенных с целью снятия с них показаний, если у них умирают раньше суда мужья, коим следовало бы через несколько дней снова быть дома, после того как они сказали, что могли? Сверх того, случается, право, что когда умирают таким образом заключенные, те из них, кто еще живы, и горюют, и радуются, горюют о смерти знакомого человека, радуются как наследующие после него его место. Затем, немного спустя, является другой, кто займет это место.

16. «Да как же ты смотрел на это сквозь пальцы, — спросишь ты, — в то время как тебе следовало бы и укорять правителей, и говорить то, что ты теперь говоришь, и даже при их желании не позволять им нерадения?» Но кто не знает, сколько и как часто говорено было мною им о тех, кто пропадают в заключении, что они творят таким образом нечестивые дела, и не блюдут определений государственного порядка, и не им бы по справедливости карать других, а самим подвергаться ответственности за те трупы, которые выносят из тюрем? Но они уверяли, что исправятся, а вели себя по-прежнему, давая заключенным для передышки лишь столько времени, сколько вели их в помещение перед судом. И их уводили назад прежней дорогой, так что, возымев надежду на улучшение своего положения, они не получали ничего.

17. «Клянусь Зевсом, обилие занятий сильнее их желания, и они бы охотно пошли на это, но препятствия преодолевали их». Какие же это? Пусть скажут. Взносы податей, то обстоятельство, что за многими много долгов и эти дела более настоятельны, чем те, так как обстоятельства требуют денежных средств¹⁷. Если бы я видел, что на это тратится все время, может быть, я и тогда бы не затруднился бы в речи, подобающей

согласно которому ответственность несли и тюремщик, и правитель (Cod. Theod. IX. 3. 6). — *Примеч. ред.*

¹⁷ В долгах были прежде всего декурионы, ответственные за сбор податей. Обстоятельства, на которые намекает Либаний, — это подготовка Феодосия к войне против узурпатора Магна Максима. Чрезмерные финансовые запросы, обусловленные этой подготовкой, вызвали в начале 387 г. т. н. «мятеж Статуй». — *Примеч. ред.*

твоей царственности, и можно было бы нечто ответить и этим людям, если и не вполне удовлетворительно. На самом деле, кто так мало знаком с деятельностью правителей, чтобы не знать, сколько времени отводят они за день взиманию денег и сколько посвящают процессам?

18. Процессов же много по мелким делам, по крупным не-много. И вот я часто слышал, заседаая поблизости¹⁸, о тридцати и двадцати статирах, и плефре, и каких-либо деревьях, рабе, верблюде, осле, хламиде, небольшом хитоне и вещах гораздо более еще мелких¹⁹, и много ритором со стороны каждого из тяжущихся, и долгие речи обеих сторон. Нередко и вечер сажает их за суд и судебное разбирательство, и лишив их обеда, и все равно не доводит процесса до конца. Как же, любезнейшие, для этих людей есть место рядом с взысканиями, а для заключенных суды закрыты из-за этих последних? Или и это, сравнительно с теми делами, как и сравнительно с взысканиями, стоит на втором месте, жизни сравнительно с деньгами?

19. А между тем ведь для тех от отсрочки не пропали бы их права. Что можно было бы сказать сегодня, можно было сказать и двумя и больше месяцами позднее. С другой стороны, где дело идет о смерти, этого нет, и не сможет кто-либо удержать души, сказав ей: «Подожди»²⁰, но с ослаблением тела неизбежно и ей бежать. А те, которые меж тем разбирают денежные тяжбы или после самого приговора узнают о таких смертях, не считают, чтобы этот факт был во вред власти. Они, видно, пренебрегают, я полагаю, ими как уже несуществующими, их родственниками как людьми слабыми.

20. Если уж даже допустить, что и деньги дороже душ, то, конечно, не дороже же их плясуны, мимы, лошади и те, кто ими рас-

¹⁸ Этого требовали его обязанности *honoratus*. — *Примеч. ред.*

¹⁹ Позднее, в эдикте 395 г., подобные мелкие дела были признаны неподходящими для рассмотрения лично правителем, который должен был ограничиться уголовными делами (*Cod. Theod. II. 1. 8*). — *Примеч. ред.*

²⁰ Ср. т. I, стр. 165, 1 [312, 59].

поряжается²¹. Что же делают эти люди, претендующие на название спасителей? Они бегают посмотреть то, посмотреть другое, то по приглашению, то без вызова, и на некоторые приглашения зовут сами себя. Как же не самих себя, когда сами добиваются того, чтобы ходить к дверям людей, которым придется их приглашать?

21. И если они ссылаются на необходимость и на страх, внушаемый наказанием, они обманывают. Ведь вечер свободен от этого страха²², и необходимость видеть относится к некоторым дням²³, а не ко всякому. А они являются всякий день, в ту и другую часть дня [до полудня и после полудня], и дело взысканий становится от этого не хуже. А между тем, насколько было бы целесообразнее и человечнее помочь, сколько возможно, людям в несчастьи, чем провождать ночи за пустыми зрелищами и за обедом вести разговоры о хорошо пущенных конях или о разных уловках возниц друг против друга.

22. Почему же из этих обязанностей одно в пренебрежении, к другим относятся с большим рвением. Правителями овладело превратное мнение, что все прочее мелко и ничтожно и одно только благо это — крики со славословиями в честь них толпы²⁴ и признательность ее им за развлечения, какие они доставляют народу. Итак, отложив заботу о приобретении доброй славы в глазах людей здравомыслящих исполнением подобающих им обязанностей, они даруют то, чем рассчитывают привлечь этих

²¹ Интеллектуалы того времени не любили театр и бега на ипподромах, считая их развлечениями толпы (см. Or. XXXV. 13–14; XLII. 8). — *Примеч. ред.*

²² Отношение этих слов к закону Феодосия, *cod. Theodos. 5, 2 cf. Sievers, S. 203, Förster, vol. III, pg. 356, ad not.*

²³ Либаний цитирует текст эдикта от мая 386 г. (*Cod. Theod. XV. 5. 2*), согласно которому правители не должны были посещать игры и иные представления, кроме празднования годовщин императора, да и то только утром. — *Примеч. ред.*

²⁴ Ср. *orat. XLVI (с. Florent.)*, § 17, § 39, см. т. I, стр. 158, стр. 165 [302; 312]. (Согласно эдикту 331 г. (*Cod. Theod. I. 16. 6*), приветствия и славословия в честь правителя должны были сообщаться императору как свидетельство его успешного управления. — *Примеч. ред.*)

тунеядцев и трутней, одни принимая на себя щедроты своих предшественников, другие прибавляя к ним новые, и если удостоются «крика журавлей»²⁵, считают себя счастливыми. И вот эти люди толпы сильны, а декурионы — смиренны и их помощью часто избегают гнева правителей. Вот что и многое другое губит заключенных.

23. Но они утверждают, что их поглощает масса дел. Дела эти позволяют же вам тратить зря столько дней каждый месяц, дела эти не мешают вам, сидя в Дафне, тешить и тешиться неподобающим образом. Или, скажете, что и тут вы взыскиваете недоимки? Но этим самым вы первым делом чтите произвол, во всем царящий в Дафне, — праздник в том и заключается — не воздерживаться ни от каких постыдных действий²⁶. И эту льготу, таким образом, дают они ему, государь, чтобы никто тут совсем не поминал о деньгах, должных твоей казне.

24. Но противно всякой логике поминать в свое оправдание о взысканиях правителю, который не сам обходит и принимается за должников. Ведь мы знаем, при чьем посредстве такие взыскания у тебя производятся²⁷, а дело правителя — сказать, что надо сделать, и выполнившего дело похвалить, не выполнившего подвергнуть бичеванью. Ты же перед тароватыми устроителями

²⁵ Cf. Homer. II. III 3. («Трои сыны устремляются с говором, с криком, как птицы: Крик таков журавлей раздается под небом высоким» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*)

²⁶ См. об этом празднике *orat. XLI (ad Timocr.)*, § 16, vol. III, pg. 302, *orat. L (de angariis)*, § 11 *πομπῆς ἑορτῆς*, vol. III, pg. 275, 21 sqq. (Праздник *Μαλοῦρῆς*, длившийся 5–6 дней, который Либаний называет «постыдным празднеством»: «Были люди, введшие постыдный праздник в Дафну. Справлять праздник значило всячески бесчинствовать» (*Or. L. 11*); «...название того праздника, в котором отсутствовало всяческое стеснение» (*Or. X. 14*); «Ведь страсть к крику заставляет... спешить в Дафну и отправлять причиняющий городу бесчисленные беды праздник, так как и юноши, благонаравно отправившиеся туда, возвращались, потеряв свое благонаравие» (*Or. XLI. 16*). При императоре Юлиане этот праздник был запрещен (*Cod. Theod. XV. 6. 2*), но впоследствии возрожден (*Or. LII; XLI. 16*). — *Примеч. ред.*)

²⁷ Для этого см. закон Феодосия Великого 383 г., *Monnier. Etudes de droit byzantine*, N. *Revue hist. de droit etc.* 1892, pg. 337.

пиров не говоришь об этом недосуге²⁸ и о том, что не можешь столь значительную часть дня возлежать и пить, и, может быть, беды в том с твоей стороны нет, если ты покорен в таких приглашениях друзьям. Но если требует твоего решения какой-нибудь вопрос из более существенных, ты досуга не имеешь, но утопаешь в делах, и скопление прочих дел лишает тебя свободы, как будто бы те дела, о которых ты говоришь, кубкам уступают место, а некоторым отказывают в спасении.

25. Хочу рассказать тебе один образчик бездействия их в таких вопросах. Умирает некто ночью в деревне от удара меча, а убийцам удалось бежать, так как слуги в ответ на нападение спрятались под ложе, считая достаточным, если сами спасутся²⁹. Умер он, далее, бездетным, и тем, которых он делал своим завещанием хозяевами своего имени, надлежало по закону не пренебречь никакими средствами, какие давали бы надежду на возмездие. И вот уводят людей из деревни, которая заявляет, что определенных улик не имеет, но подозревает, что то дело их рук.

26. Итак, наследники, являясь не раз, просили произвести возможное следствие об убийстве, а те заявляли, что они приста-
ют с пустяками, не уступая места в суде людям, привлекающим

²⁸ См. о принципале Каллиппе, приближенном при Икарии: «небогатый Каллипп пытается разыгрывать замечательного хлебосола и показать, что, начиная с мяса фазанов, ничто перед ним известный римлянин (Лукулл. — М. В.)» (Or. XXVII. 29). — *Примеч. ред.*

²⁹ Аналогичный случай описывает Аммиан Марцеллин (XXVIII. 2. 11–13): «В другом далеком краю расхаживали жестокие разбойники маратокупрены. Так назывались жители селения с таким названием в Сирии близ Апамеи. При своей многочисленности они отличались большой ловкостью в разных хитростях и внушали большой страх, потому что под видом купцов и военных высокого звания разъезжали, не вызывая огласки, повсюду и нападали на богатые дома, виллы, города... Собравшись в целый отряд под видом канцелярии чиновника казначейства с правителем провинции во главе, разбойники вошли вечером в город под зловеший крик глашатая и заняли вооруженной силой великолепный дом одного знатного человека под тем предлогом, что он приговорен к смерти с конфискацией имущества. Похитив драгоценную утварь, так как растерявшаяся от внезапного их появления прислуга не защищала своего господина, и перебив многих, они поспешно ушли до наступления дневного света» (пер. Ю. А. Кулаковского). — *Примеч. ред.*

виновных по денежным делам, но когда прошло семь месяцев, и те, коим необходимо было хлопотать по делу об убитом, настаивали перед правителем, последний местом суда избирает портик Дионисия³⁰. Когда процесс готов был начаться, его слуха достигают звуки песнопений людей, обитающих в пещерах³¹, тогда прибывших сюда, что в обычае у них летом, они исполняли свои песни. И вот, вскочив с трона, он поскорее удалился, как будто бы, с появлением их, было бы противозаконным отправлять какую-нибудь судебную деятельность. Но, раз удалившись, он больше уж не обращал внимания на их подступы к нему, но стал для них виновником лишения имущества вследствие отсрочки для них, при такой волоките, права пользоваться хотя бы малою долею доходов с земли, а для пяти из вышеупомянутых поселян — виновником смерти их, заподозренных, но не изболеченных. Если бы кто-нибудь из них хоть один спасся по признанию, что заподозрен он напрасно, то может быть, и все. Считаю, государь, что много таких проступков бывает ежегодно.

27. Есть люди, которые всячески добиваются вступления во власть, вступивши же, заявляют, что не в их характере истязать человека пыткой по бедрам и предавать мечу палача³². Я сказал бы им, что, зная себя, им следовало бы оставаться частными людьми, но не желать власти, не имея к тому силы. Ведь дело правителя быть к этому способным, а они прямо признают, что не могут править. Если, в самом деле, обстоятельства требуют того и другого, и пыток, и смертной казни, а он будет избегать того

³⁰ Может быть, Диониса, см. *orat. XXX (pro templis)*, § 51, т. I, стр. 217 [386]. (Имеется в виду храм Диониса, упоминаемый также в *Malala*, р. 234. — *Примеч. ред.*)

³¹ В рукописях здесь: «заметь о монахах», cf. *O. Müller*, *Antiq. Antioch.*, p. 34, n. 4, ср. т. I, стр. LXII, примеч. 3 [70, 269] (*orat. II*, § 32, vol. I, pg. 249). (Речь идет о монахах. Сложно сказать, почему правитель, которым был, видимо, христианин Тизамен, удалился при появлении монахов, явно опасаясь их. — *Примеч. ред.*)

³² Сарказм Либания направлен против чиновников-христиан, например Евтропия (см. о нем *Or. IV. 36*). — *Примеч. ред.*

и другого, как он может быть правителем, раз он не выполняет всех обязанностей власти? Ведь только пыткой во многих случаях можно добиться истины, и благодаря казни уличенных, может быть, иной из порочных людей станет более умеренным.

28. Но это дело правителя — того, кто недостойн жить, посылать на смерть, а прочих сдерживать страхом равного возмездия. Ведь лицу, стоящему у власти, назначенному помогать законам, надлежит бороться со всяким, кто поступает вопреки законам. Но ты не выступил бы же на состязании в беге, будучи медлен в ходьбе, так как знаешь, что то не твоих ног дело; а между тем занимаешь пост правителя, не будучи в состоянии даже вывести на свет преступления и отдать приказ в удовлетворение веле- ниям закона? И вот, возмущаясь тем, если по твоему пригово- ру кто-нибудь по заслугам лишится жизни, разве ты не счита- ешь возмутительным, если благодаря твоему молчанию многие умрут без вины?

29. Но допустим, государь, что с этими людьми, не созданны- ми для начальствования, но боящимися подобных актов, проис- ходит нечто естественное. Но когда люди вызывают в судах биче- ванием потоки крови, бьют, даже когда жертвы их испустят дух, тираня «бесчувственную землю»³³, и одних толкают страхом в реки³⁴, других в петли, — итак, когда эти люди станут отправлять в темницы целые отряды и, распростившись с законами на этот счет, займутся другими предметами с претензией считаться чело- веколюбивыми, кто не выйдет из себя от негодования?³⁵

³³ Ср. Homer. II. XXIV 50–54. («Он же, богу подобного Гектора жизни лишив- ши Мертвого вяжет к коням и у гроба любезного друга В прахе волочит!.. Землю, землю немую неистовый муж оскорбляет!» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*)

³⁴ В 362 г. самому Либанию власти предержавшие угрожали утоплением в Оронте (Or. I. 126). Видимо, подобные случаи были нередки. Как рассказы- вает Аммиан Марцелин, в 354 г. тела казненных по приказу цезаря Галла префекта Домициана и Монция были брошены в ту же реку (XIV. 7. 16). — *Примеч. ред.*

³⁵ Cf. ἀποτίνομαι, orat. XXXIV (adv. paedag. convicia), § 26.

30. А я желал бы, чтобы они знали и подражали примеру того финикийца³⁶, скорее же, они его знают, но не хотят ему подражать. В чем же он состоял? Из заключенных в Палестине одних он наказал, других отпустил, следуя в том и другом справедливости. Затем в каждой тюрьме водворялись шинкари, и глиняные кувшины, и кубки, и выпивка с песнями. И так быстро он обретал завершение каждому из текущих дел, что ему не было более нужды в тюрьмах.

31. Иной из этих нынешних³⁷ выступит тут и скажет, что то же самое и он делал, и туда допускались флейты. Флейты, правда, имели вход, но подражание это он устроил, будто на смех, так что узникам приходилось гораздо тяжелее. В самом деле, он давал им не облегчение их положения, но менял место, оставляя узилище. Именно он посылает их в камеру второстепенного начальника, прибавляя к массе прежних много новых людей, так что они гибли, давя друг друга³⁸. Вот как насладились бедняги хваленными флейтами! Затем, немного дней спустя, камера снова содержала заключенных больше, чем раньше. И это творилось не без ведома его, но ему так было угодно.

32. Пусть же и в этой области проявится, государь, влияние твоего милосердия. И что установил ты закон, помогающий заключенным в отношении срока заключения³⁹, т. е. для спасения их, я знаю. Знаю, однако, и то, что как делалось до введения закона, так поступают и когда он написан. Да. Пока нет судей, желающих их утвердить, эти законы только письма, но они не

³⁶ Вероятно это Андроник, которому Либаний дает весьма лестную характеристику в Ор. LXII. 56–59. — *Примеч. ред.*

³⁷ Имеется в виду либо комит Востока Диний (см. о нем Ор. XXXIII. 7; 27), либо консуляр Сирии Тизамен (Либаний выступает против него в Ор. XXXIII, написанной в том же 386 г.). — *Примеч. ред.*

³⁸ Ср. *orat. XXXIII* (с. *Tisam.*), § 41, т. I, стр. 149 [291] о тесноте и давке в тюрьме.

³⁹ *Cod. Theodos. IX 3, 6* cf. *Förster*, vol. III, pg. 356 adn. (Эдикт от декабря 380 г., который предписывает, для смягчения тюремного режима, либо, быстро изблотив преступника, подвергать его наказанию, либо освободить человека из тюрьмы, не мучая долгим заключением. — *Примеч. ред.*)

сопровождают⁴⁰ жертв беззакония, давая своими действительными результатами перевес им над их притеснителями.

33. Но когда ты, доблестный, установишь подобающий закон, и мало будет до него дела тем, кто поставляемы во главе суда, и они, вместо того, что ты решил, будут давать силу собственной воле, то не подобает вам ни не ведать этого, ни, если вы знаете о том, легко к тому относиться, но считать таких людей наряду с теми, кто восстают против вас, и ненавидеть, как этих последних. Ведь и они, насколько могут, отнимают у вас ваше достоинство, позоря и уничтожая своими поступками работу тех, кто и трудятся, и живут на благо народов⁴¹. А если бы первый, дерзнувший на это, был бы подвергнут законодателем возмездие, законы вошли бы в силу.

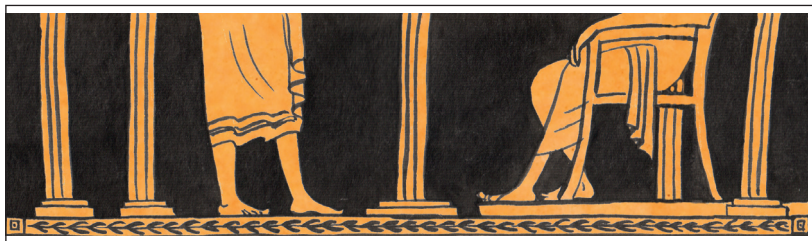
34. И того бы еще я желал, чтобы те, кто заявляют, что прибавляют красивых зданий⁴² городам, могли указать на свою заботу о тюрьмах⁴³. Тут можно было бы много принести пользы на малые средства. Действительно, так как они желают подвергать заключению как можно больше людей, им следовало бы, конечно, не пренебрегать и местами, назначенными для их приема. Ведь не так нужен людям, которые ходят на свободе, блеск от стен, как заключенным переносить свои беды в просторном помещении.

⁴⁰ Олицетворение, столь употребительное у Либания. Потому сохраняем в переводе точное выражение оригинала.

⁴¹ Т. е. императоров.

⁴² κάλλη ср. orat. XVIII, § 132, т. I, стр. 346 [561].

⁴³ В речи, написанной в том же году, Либаний критикует Тизамена, построившего абсолютно бесполезные здания, например, помещения для содержания животных, предназначенных для представлений в цирке (Or. XXXIII. 14). — *Примеч. ред.*

К ИМПЕРАТОРУ О КУРИЯХ

Orat. XLIX¹

1. Сколько дело зависит от тебя, государь, и от того, кто вслед за тобою стоит во главе прочих правителей², курии возвращаются к прежнему своему положению и получают свой состав³, но сами те, кто состоят в звании декурионов, препятствуют этому стремлению перейти в факт, так что тебя и префекта все мы по

¹ Речь, написанная осенью 388 г., посвящена традиционной для Либания проблеме защиты городского сената и является «парной» речи «К антиохийскому сенату» (XLVIII), представленной в первом томе. — *Примеч. ред.*

² Ниже ὕπαρχος, префект, в это время Татиан, ср. *Förster*, vol. III, pg. 425, ad not. (Имеется в виду Флавий Евтолмий Татиан, префект претория Востока в 388–392 гг. — *Примеч. ред.*)

³ Ср. *orat. XLVIII*, § 3–4, т. I, стр. 233 [410–411]; т. I, стр. 121, 1 [257, 28]. (Либаний описывает здесь сокращение численности городского сената вследствие, главным образом, разорения куриалов и исключения их из состава сената. Либаний сообщает, что изначально членов сената было 600, а затем число сократилось до 60, однако подобная игра цифр производит впечатление риторического приема. — *Примеч. ред.*)

справедливости должны бы одобрять, а их и ненавидеть, и считать недобросовестными, и охотно увидеть их подвергающимися возмездию. Если бы, действительно, это произошло, может быть, наказание прекратило бы нынешнее противодействие помощи с твоей стороны куриям. Вот ради чего и ради того, чтобы все узнали, что надлежит немедленно повиноваться тому, что благоугодно тебе, покажи, как праведный гнев твой постигает людей, не желающих слушаться. А чтобы тебе стало очевидно их злодеяние, я расскажу, начав несколько издалека⁴.

2. В былые времена курии процветали во всех городах, и была у декурионов и земля⁵, и лучшие дома, и деньги бывали у каждого, и заключали они брачные связи друг с другом, и участие в курии было признаком благосостояния. Застав их в таком состоянии, некий император⁶ ухудшил их положение и многими другими мерами⁷, и, в особенности, своим основанием города. И вот когда он умер, уже водворив персидскую войну⁸, обстоятельства этой войны повредили куриям, с каждым годом ухудшая их состояние, так как посылаемые на Тигр декурионы,

⁴ Ср. то же *orat.* XLII (*pro Thalassio*), § 3.

⁵ *Ср. orat.* XXXI, § 16, т. I, стр. 223 [395]; *orat.* II, § 35.

⁶ Константин; ниже «город» — Константинополь.

⁷ В отношении декларируемого Либанием ухудшения положения куриалов при Константине следует отметить его эдикт (*Cod. Theod.* XII. 1. 1), согласно которому ни один чиновник, обладающий судебной властью, не может освободить куриала от его обязанностей или вывести его из состава сената. В случае разорения куриала вопрос об освобождении его от повинностей решает император. — *Примеч. ред.*

⁸ *Cf. Exc. Vales.* 6. 35. *Oros.* VII 28. (Речь идет о войне в Армении. В 334 г. персы свергли, ослепили и депортировали римского союзника, царя Армении Тирана, возведя на престол своего ставленника, его сына Аршака. Сторонники Тирана обратились к императору Константину за помощью. Константин назначил царем Армении своего племянника Ганнибалиана, а ведение боевых действий в Армении поручил сыну Констанцию. Война продолжалась вплоть до смерти Константина в 337 г., и в дальнейшем завершал ее ставший императором Констанций. Фактически эта персидская война, начатая Константином, продолжалась, со значительными перерывами, в течение всего периода правления Констанция. — *Примеч. ред.*)

вследствие понесенных там потерь, продавали отцовское достояние. А пришельцы, являвшееся, кто их знает откуда, без затруднения скупали и запахивали царские владения.

3. Это зло пожелал прекратить император Юлиан, включая в списки по каждому городу тех, у кого были поместья⁹, кроме совсем немногих лиц. Когда, потом, его кончина вернула курии снова к прежнему положению, а скорее, привела их к гораздо худшему, и когда нередко стало наблюдаться бегство из курий в другие профессии¹⁰, и города пришли в умаление, так как и состояние курии сопровождалось упадком и прочих сословий¹¹, ты, государь, воскорбел, как того стоило такое обстоятельство, и счел нужным послать Кинегия, занимавшего пост начальника по приему прошений, с тем чтобы он занялся этим одним делом и поправил его, а прежде чем этому состояться, повелел ему, в звании префекта, отправиться до Нила¹², имея на своем попечении также не отпускать никого из того класса, где он числился первоначально. Но не оправдав ожиданий, на него возлагавшихся, и на шумев много, а сделав столько, что стыдно было бы и сказать, принимаясь за дело мимоходом и поднимая бесцельную суету, так узрел он Нил, так снова Босфор, воображая, будто что-то сделал, но не сделав ничего¹³.

4. И его естественно упрекнуть в нерадении, но что скажет иной о немногих декурионах, которые не захотели увеличения своего числа? А что надлежало бы делать тем, кто того желал бы? Умолять, плакать, упрашивать, падать на колена, испускать вопли

⁹ В 362 г. Юлиан добавил 200 новых членов в состав городского совета Антиохии (см. Julian. Misorogon. 367 с). — *Примеч. ред.*

¹⁰ См. т. I, стр. 113, 1 [245, 48].

¹¹ Курия — *θεμελίος*, фундамент городов, см. т. I, стр. 171, 2 [321, 22].

¹² Ср. *orat. XXXIII* (с. Tisam.), § 27. CILIII 19.

¹³ Кинегий в 383 г. был *quaestor sacri palatii*. В 384 г. он был назначен префектом претория Востока и отправлен в поездку по своим провинциям, прежде всего для пополнения курий. Во время этой поездки он встречался с Либанием в Антиохии (Or. I. 231). Умер Кинегий, находясь в этой должности, в марте 388 г. — *Примеч. ред.*

обиды, грозить остаться на месте, разве кто потащит и вытолкнет. Ничего из этого не предпринимается немногими, но, призван кто-нибудь, и ритор наготове, и немногих слов достаточно, и следует отпущение, а эти люди — безмолвны.

5. Сверх того, далее, многих раньше этого времени пропустили лиц, соучаствовавших, многих и после того, притом, когда, государь, от вас приходит столько грамот, устраняющих всякое прибежище для неправо уклоняющихся. Они говорят: «Ты управлял должностью и поэтому не хочешь отправлять повинностей. Так бездействуй¹⁴ сам, но исполняй свой долг в лице сына. Нет у тебя детей или одни дочери? Убедив какого-нибудь человека взять на себя твое имя и твое дело, опять бездействуй сам, доставляя городу лишь столько, траты свои». Это стоит во многих письмах и в других другое, еще лучшее, еще более доказывающее решение, с каким ты относишься к куриям.

6. Что же это такое? «Если ты прошел и много должностей, и тебе предшествовали вестники, жезлоносцы, биченосцы, скороходы и отряд воинов, и пища поступала к тебе из дома царя, все же ты придешь, куда тебя помещает отец и мать и родители их. И если ты скажешь о должностях, ты ссылаешься на помощь, никакой пользы не приносящую»¹⁵.

7. Таковы указания с вашей стороны, а с их стороны, вместо отправки послов с поручением увенчать главу¹⁶, столь заботливую к куриям, и тотчас же ухватиться за тех, кого им отдают, и не позволять правителям медлить и отсрочками угождать тем, кто уловлены грамотами, но принуждать их соблюдать правое ваше решение, и за замедление в этом выставять угрозы, вместо того

¹⁴ καθέυδῃ, см. т. I, стр. 138, 2, стр. 515 [279, 17].

¹⁵ В данном случае Либаний приводит нормы законов, согласно которым декурион, став членом константинопольского сената, не освобождался от членства в городском сенате и от соответствующих обязанностей. В результате за honoratī сохранялась обязанность обеспечения литургий (см. Cod. Theod. XII. 1. 106–111; 118). — *Примеч. ред.*

¹⁶ Процедура aurum coronarium была предусмотрена в 388 г., по случаю императорской годовщины. — *Примеч. ред.*

чтобы исполнять это и еще большее, одним они предоставляли жить в том положении, как они жили, а другим не пикнули ни словечка, ни больше, ни меньше, хотя в их руках были сильные основания для того, чтобы высказаться смело. Но то, на что они сетовали бы, если бы вами это не было сделано, того иметь они не пожелали; но, пока вы не давали, выражали свое возмущение, а когда дают, не воспользовались, но то, нужду в чем заявляли, отталкивали, когда оно шло им в руки.

8. И сказанное странно, но иначе говорить не приходится, а они поступают похоже на то, как если бы какой-нибудь бедняк, попросив у Зевса клада, затем, нашедши его при рытье земли, бежал от дара. Что же причиной этого? Среди этих немногих, государь, есть несколько крупных сил¹⁷, которые грабят людей слабых, присваивая этим немногим их достояние, и выгоды от декурионата усиливают положение этих. И в числе не порядков, которые справедливо требовали бы внимания, является отговорка, на том основании, что декурионов немного, для тех, которые имеются. И много ежедневно плача: «Ты видишь нас, стоящих, немногочисленных, двенадцать вместо тысячи двухсот¹⁸. Это — курия.

¹⁷ Имеются в виду *principales*, представители муниципальной знати, выделенной законодательно в отдельную привилегированную группу. Фактически они распределяли обязанности и повинности между декурионами. При императоре Константине принципалы были ограничены в распределении некоторых обязанностей (см. эдикт от 328 г. *Cod. Theod.* XI. 16. 4), но со временем их статус повышался: по эдикту 371 г. они получили полный иммунитет от телесного наказания и перед ними открывалась перспектива почетной комитивы (*Cod. Theod.* XII. 1. 75), а по эдикту 373 г. принципалы управляли распределением всех обязанностей и повинностей (*Cod. Theod.* VIII. 15. 5). Все эти привилегии принципалов сохранились и при императоре Феодосии. Поэтому Либаний именует принципалов «первыми» (πρώτοι) в городском сенате (*Or.* XLVIII. 40). — *Примеч. ред.*

¹⁸ В *Or.* XLVIII. 4 Либаний сообщает, что количество членов городского сената сократилось с 600 до 60, а подобное соотношение цифр, как с 1200 до 12, наводит на мысль об использовании риторического приема. Однако Либаний оговаривается: «нас было 600 или, Зевс свидетель, вдвое столько», что определяет цифру 1200 как максимальную для членов городского сената Антиохии. Что же касается численности оставшихся членов сената (60 или 12), то данные цифры являются, скорее всего, средством наглядной демонстрации

Это единственные люди¹⁹, которых привлекают для стольких дел. Нами держится порядок в городах, нами в деревнях, нами — более важные дела, нами более мелкие, нами более легкие, нами более тяжелые. Поэтому ты слышишь об одних и тех же именах».

9. Это причитание слышно в судах, которые дают снисхождение за злодеяния. Вот этим прибежищем желая пользоваться и желая, чтобы взятки сохранялись за ними одними, они боятся того, чтобы курии не вернули себе сколько-нибудь прежнего своего состояния, и, прося у вас восстановления курий, хлопочут, чтобы они всегда были в упадке, а скорее, делают вид, что домогаются первого, а в действительности желают второго.

10. Нужно огня для тех, кто собираются мыться. Можно приступить к тому, к другому, но они не желают. Нужно лицо, которое бы содержало коней, каковые доставят развлечение на бегах²⁰. Есть люди, принявшись за которых, можно возложить повинность на них, а они приветствуют их, обнажив голову²¹. После этого они винят нынешние времена как потопившие курии, сами их потопив и погрузив в пучину, и воспрепятствовав их возрождению. Ведь ты пожелал последнего, а они обратного.

11. Итак, они создали плохие для курий времена, так что, если кого надо считать врагом курий, надо признать таковыми тех, кто сохраняют из них столько, сколько обеспечит им прибыль. Они, предавая курии, предали свои родные города, они предали вами обретенную помощь куриям. А те, кто вредят отечеству, как неспособны повредить и родителям? А кто — последним, тот кого

катастрофического сокращения количества декурионов (сокращение численности в 10 и 100 раз соответственно). В этой же речи Либаний приводит реальный пример сокращения численности декурионов в небольшом сирийском городе, где в городском сенате номинальной численностью 100 человек сохранилось 3 декуриона (14). — *Примеч. ред.*

¹⁹ *σώματα* cf. *orat.* XLV, § 31 et alb.

²⁰ *Ср.* *Or.* II. 34. Обеспечение функционирования бань и содержание скаковых лошадей для общественных скачек были одними из наиболее важных и дорогостоящих литургий. — *Примеч. ред.*

²¹ *Ср.* *orat.* LVI, § 11, т. I, стр. 262 [452]. (Высокопоставленным лицам ездить с непокрытой головой считалось неприличным. — *Примеч. ред.*)

в состоянии пощадить? Кто, в самом деле, друг таким людям? Те, кто таковы из-за денег, от присвоения каких священных приношений воздержались бы, от каких могил? Сопутствуя сколь близкому человеку, при коем были бы деньги, они не отняли бы их у него, убив при первой возможности?

12. И это, государь, общее зло, назовешь ли Пальт²², или Александрию, показывающую останки Александра²³, или Баланей, или наш город. Размерами они различны, а недуг всюду одинаков.

13. Однако они возраят, что сообщают правителям список бежавших и разными способами добившихся для себя изъятия от повинностей. Но это не их дело, но дело правителей и людей, приставленных для составления таких списков, причем одни угрозами не позволяют никого скрывать, другие страхом всё выводят наружу. А эти доблестные люди, когда дело подвергается следствию, то молчанием, то нежеланием сообщить что-нибудь веское содействуют людям, учиняющим беззаконие против курии, так слабо выступая на ее защиту, что их содействие мало чем разнится по призрачности от сновидения. Посеяв же такие снисхождения в судах, по уходе оттуда они собирают жатву со своей измены, принимая вознаграждения, заявляя избежавшим, что предали наилучшим образом. А они остаются в прежнем положении, каждый угождая своей утробе и, благодаря следствию, закрепив за собой свободу от повинностей.

14. Можешь убедиться в том, что я говорю правду, по трем лицам, которые отданы курии из ста человек, чем кто из здравомыслящих людей не возмутится, три из такого числа? А когда и эти трое страхнут с себя бремя декурионата, так как помогающие им

²² Палт — городок в Финикии, упоминаемая дальше Баланей — небольшим городок в Сирии, на побережье, рядом с Палтом. — *Примеч. ред.*

²³ Имеется в виду Александр Македонский. Великий полководец умер в 323 г. до н. э. в столице своего нового царства, Вавилоне. Египетские и халдейские мастера забальзамировали тело Александра, и Птолемей, ставший правителем Египта, перевез его тело к себе — сначала в Мемфис, а через несколько лет в Александрию, где с тех пор Александру воздавали почести (Curt. Ruf. X. 10. 13; 20). — *Примеч. ред.*

при богатстве не имеют детей и поэтому могут оказывать²⁴ такие милости, то после этого кто же взялся бы у них быть правителем, и он, и поделом, был бы суров к отпустившим, усмотрев в том, кто были отпущены, неправду отпустивших их.

15. «Следует, — говорит противник, — подозревать могущество тех, кто станут помогать им». Но если это — правда, нельзя говорить им того, что они открывают правителям имена тех, кто прячутся. Ведь если бы было чего опасаться, те, кто о них заботятся, даже именами не раздражали бы людей, которых опасались. Нет, они не стали бы скорее угождать союзникам во втором случае, чем чинить неприятность в подготовке почвы²⁵ для поблажек. Следовательно, они обманывают, когда приписывают себе выдачу имен. Но когда они скажут, что побоялись силы тех, кто не желали, они признают плохое пользование собственной. Ведь они не доказывают этим путем, что не поступали неправо, но сообщают причину, по которой поступали так.

16. Так и трусам, из коих одни покидают ряды, другие и не участвуют в строе, можно говорить на суде такие слова: «Мать родила меня робким, и я не мог взяться за оружие». А другой скажет, что сделал это и принял участие в строю, но не снес дела и последствий битвы. И тот, кто покушается на храмовое имущество или на могилы, не затруднится привести причину, почему покусился на них, и будут они оплакивать бедность свою, как, в свою очередь, и изменник. Но никого такие отговорки не спасают, и, подвергаясь возмездию, он узнает, что единственное спасение в опровержении обвинения.

17. И теперь пусть никто не говорит мне о страхе, но не оставил ли он курию на произвол судьбы и не проявил ли себя робким. Ведь если бы даже ему грозило как-либо задеть и испытать какую неприятность, ему следовало долг свой по отношению к родине ставить впереди даже самой жизни. И многие неоднократно, сознавая, что смерть постигнет их, если они будут

²⁴ «Locus labem contraxit» Förster.

²⁵ σπέρμα здесь в соотношении с фразой, § 13 σπεύραντες τοιαύτας χάριτας ἐν τοῖς δικάσθησις.

сражаться, всё же сражаются и, умирая от бесчисленных ран, умирают всё же с радостью. А ты, какого копья убоявшись, или какой стрелы, или какой пращи, или какого щита, покинул строй справедливости? Не было ли это опасение попреков и немногих слов? Допустим даже, что — смерти. Что же? Разве такая смерть не выигрыш? Или ты уж и не знаешь славных тех кончин, кончин за отечества?

18. И это я сказал, как если бы соблюдение долга принесло бы опасность. Но это было бы не так. Ведь и мой дед, вводя в состав курии Аргирия²⁶, молодого, пришлого человека, владевшего малым состоянием, не претерпел никакой беды, делая дело, досадное тогдашнему правителю, досадное тогдашнему софисту²⁷, своими манованиями распоряжавшемуся городом, но все же на их просьбы об угождении не уступил, ни при угрозах не сробел, но тот справлял повинности²⁸, а ему ниоткуда ничего страшного не приключилось.

19. Хорошо. Но то старая история. Но этот Летой²⁹, когда он был декурионом — иной сказал бы про него, что и теперь он декурион через посредство сына, — разве не занес опять в декурионы

²⁶ Cf. orat. XXXI, § 47, т. I, стр. 232 [407], Введение, стр. II, примеч. 4 [11, 7]. (Аргирий — друг отца Либания, который после его казни взял на себя заботы о семье друга (Or. LIII. 4). — *Примеч. ред.*)

²⁷ Зиновию, см. orat. XXXI, § 20, т. I, стр. 224 [397]; Förster, vol. III, pg. 119, n. 1. (Имеется в виду официальный софист Антиохии, получающий государственное жалование. Это был либо Ульпиан (Еупар. V. S. 487), первый учитель Либания (вероятно, именно он упоминается в Or. XXXVI. 10), либо Зиновий (XXXI. 20). Зиновий был учителем Либания после Ульпиана (см. Or. I. 96; а также Ер. 1184: «Зиновий, наш учитель, был всем для нас»). Кроме жалования, Зиновию предоставили прекрасный участок земли с богатейшим виноградником, рядом с городом, на берегу Оронта, у дороги в Дафну (см. Or. XXXI. 20). Умер Зиновий в 355 г. — *Примеч. ред.*)

²⁸ Аргирий стал сириархом в 332 г. (Or. X. 10). При проведении Олимпий он превзошел своих предшественников размахом, т. к. увеличил вдвое количество зрителей, соорудив дополнительные каменные ряды для них в Плетрионе. — *Примеч. ред.*

²⁹ Orat. XLVIII, § 42, XXXI, § 47, т. I, стр. 245; стр. 232 [427; 408]. (Летой — друг, возможно, родственник Либания, член городской курии. — *Примеч. ред.*)

трех бежавших³⁰, стоявших во главе отрядов, командовавших воинами и с ними прошедших на далекое расстояние, повинуюсь призыву обстоятельств? А между тем, поступая так, он знал, вооружит против себя магистра, раба гнева, преисполненного стремительности³¹. Но все же тот, имея на своей стороне прочих декурионов, по их недобросовестности и их подписи, ничего не достиг вследствие того, что не прибавил его подписи. А между тем он надеялся его склонить попойкой и трапезой. И вместе выпивая за его здоровье³² и за его записку, просил прибавления [подписи], а тот пил, но дать того, что не подобало, не потерпел и продолжал служить предметом ненависти, но не потерпел ничего.

20. Таким образом, и теперь это не уступка страху и уверенности, что, если не повредят интересам курий, погибнут, но они отдавали себе отчет в том, что им лично будет к выгоде, если курии будут в том состоянии, в каком находятся.

21. Есть тоже у них и оправдание вроде того, что, как бы их ни принуждали к декурионату, есть средство к увольнению и возвращению им свободы от декурионата, так что хлопоты об этом вызывают у них смех. Но все это — ложь. Ведь того, кто взят на основании относящихся сюда юридических требований, по суду и приговору курии и, что еще важнее, согласно вашим законам, что в состоянии было бы освободить? Я полагаю, ничто.

22. А если приходится допустить, что за деньги все можно сделать, то, по крайней мере, со стороны этих-то лиц их долг перед курией был бы сохранен, если бы вписанные ими были вычеркиваемы из списков других сословий. Сам лови их, овладей ими, вноси в совет задолженное, будь честным кредитором.

³⁰ В 363 г. во время кампании по набору куриалов в армию, проводившейся Юлианом, Либаний был ярым сторонником отзыва из курии трех дезертиров-декурионов, которые были призваны и служили в армии офицерами (см. Ер. 1365). Впоследствии Летой ставил себе в заслугу содействие этим декурионам (Or. XLVIII. 42). — *Примеч. ред.*

³¹ φορά, ср. спорное чтение orat. I, § 2, в конце.

³² φιλοτησία ср. orat. XXX, § 18, т. I, стр. 205 [370]; orat. LII, § 47, ср. т. I, стр. 306 [510].

А если кто-либо другой допустит неправду, ты, со своей стороны, будешь чист.

Ведь если даже иной, будучи болен, явно осужден на неизбежную смерть, не оставляют о нем заботы врачи, не оставляют о нем попечение близкие, но и труды, и заботы, и бдения³³, и снадобья, и что пользы от этого никакой, всеми признано, однако все, что надо, делается до наступления смерти.

23. Но мы видим, как и слабейшие из городов укрепляют себя стенами, даже зная то, что те, кто одолевают силою, снесут первым делом стены.

Но разве из-за того они живут, не огородившись стенами? А что же отцы неспособных детей, разве и тех, на кого нет надежды, они не посылают в школы, чтобы им деньги давать, а не выносить ничего? Что же склоняет их к этому? Они не желают считаться пренебрегающими законами природы и давать повод ухватиться за это людям, которые рады попрекать других именно в том, что они не исполнили своего долга, не дав со своей стороны того, что было в их распоряжении.

24. Ведь и тех из рабов, которые приучились воровать, мы бичуем, хотя и знаем, что даже во время самого лечения от ударов они остаются верны своему нраву и руки их заняты теми же делами. Но господин, если и не вызывает перемены в рабе, себя выгораживает от упреков бичеваньем после каждого проступка. Что же, а те, кто бьют ослов, чтобы ускорить их бег, хотя медленность их остается прежнею, разве не бьют их все-таки, остерегаясь проявить недостаток настойчивости со своей стороны?

25. Будь и сам нам защитником курии, если и будешь трудиться бесплодно и найдутся люди, которые не дадут сохраниться такому положению дела. Может быть, точно выражаясь, это и

³³ Ср., напр., о Кимоне, незаконном сыне Либания, т. I, стр. LXXXV [93–94], ер. 946, о Либании в болезни там же, стр. 40, примеч. 4 [150, 172], ер. 391. (Кимон на пути из Константинополя сломал ногу. Доставленный в Тарс, он нашел приют у Аполлинария и Гемелла, братьев Анатолия, константинопольского сенатора и друга Либания. В этом доме за Кимоном долго и заботливо ухаживали и лечили, хотя впоследствии, доставленный домой в Антиохию, он все-таки умер (см. Ер. 943; 946). — *Примеч. ред.*)

не напрасно, так как в самом старании заключается некоторая выгода.

Нечто подобное, можно наблюдать, делают и гибнущие от бури. Они знают, что буря одолеет, покрывая морской волной судно, и никакое искусство не сумеет его исхитить, но не перестают заранее делать все возможное для помощи. Так и пчел нападения трутней на их работу не заставляют прекращать их труда, но те едят, а эти лепят соты.

26. Кроме того, не от тех или этих зависит освобождение. Если, в самом деле, не получают в сотрудники этих, союз тех приносит тень помощи. То обстоятельство, что Филипп располагает некоторою силою, зависит от Ласфена, зависит от Евфикрата, от прочих, кто поставили свои города в рабскую зависимость от него, воевавшего не оружием, а подкупом³⁴. Подкупы и этих побуждают творить неправду, и пока это будет сходиться им безнаказанно, они не перестанут собирать плоды.

27. Бичом тогда заставь их исправиться, как, по словам Гомера, поступил и Зевс³⁵, и если не по доброй воле, пускай помогают куриям поневоле. Ты их поднимаешь, а они противодействуют, по вопросу о том, как кто может одержать верх над конем, возница над возницей³⁶, плясун над плясуном, размышляя, и советаясь, и не жалея ни слова, ни дела, а состоянию курий представляя приходить в упадок, боясь, как бы ты не положил конца их несчастному положению, восхваляя плавания³⁷, вредные для

³⁴ В 348/347 г. до н. э. Филипп II, царь Македонии, осадил Олинф, разгромив олинфян в двух сражениях. Но во время осады его армия несла значительные потери, и Филипп подкупил военачальников Олинфа, Эвтикрата и Ласфена, которые помогли ему занять город (Diod. XVI. 53). — *Примеч. ред.*

³⁵ Homer. II. XII. 37–38: «Ахейцы, бичом укрощенные Зевса, Все при своих кораблях, заключенные в стане, держались»; XIII. 812: «Мы лишь Кронидовым тяжким бичом смиренны, аргивяне» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

³⁶ Ср. orat. XLVIII, § 9, т. I, стр. 235 [414]. (Подобное выражение использовалось Либанием как пример общих рассуждений. — *Примеч. ред.*)

³⁷ Ср. т. I, Введение, стр. LXVII [75]; orat. XL, § 7, vol. III, pg. 283, 4, orat. XLVIII, § 22, § 28, § 30, см. т. I, стр. 239 [419] след., стр. 242 [422]. Либаний периодически жаловался на упадок занятий греческим языком и риторикой и возрастание

жалких курий, увозящие молодежь из фамилий декурионов, одних в Финикию, других в Италию, не потому, чтобы посылали туда их как в лучшую школу, чем у нас, но, отлично зная их благородное происхождение, они видят в этом освобождение от курии.

28. И никто из людей этих не восклицает после того: «О, Земля и Солнце!» и не мешает им спускаться в гавань³⁸, не говорит того, что следовало бы говорить людям, жалеющим курии, но и поздравляют их, и сопровождают их своими пожеланиями, и провожают. И столько посольств, но заботы их посвящены менее важным предметам, а о таких никакой.

29. А между тем не было бы недостойным твоего характера, государь, установить закон, чтобы такие юноши не изучали таких предметов, благодаря каким они себя выдворяют из курий, но такие, благодаря каким они пойдут по дороге предков, чьему честолюбию удовлетворяло помогать отечеству путем греческого языка. И ничего ужасного не произошло с известным Фасганием³⁹, если он беседовал с правителями через посредство переводчиков, и не видали, чтобы он терял голову, и высшие сановники римлян не говорили, чтобы, вследствие отсутствия у него знания италийского языка, дела у города находились в худшем положении, но он так поддерживал курию и город, и с течением времени слава его ежедневно так возрастала, что никто из начальствен-

интереса к латыни и юриспруденции, который выражался в отъезде юношей на учебу в Берит (город в Финикии, где была известная школа юриспруденции) или Рим (см. Ор. I. 214; II. 44; XL. 7; XLIII. 3–5; XLVIII. 22; 28; 30; LXII. 21). — *Примеч. ред.*)

³⁸ Ср. *orat.* XLVIII, § 28, т. I, стр. 242 [422]. (Традиционное выражение негодования (см. Ор. L. 16; XLII. 6). Выражение «спускаться в гавань» означает отплытие из Антиохии. — *Примеч. ред.*)

³⁹ Ср. *orat.* I, § 3; *orat.* X, § 12, vol. I, pg. 404, 17 sq.; *orat.* XXXV, § 10; *ep.* 286. 217, т. I, Введение, стр. 1 [10] след. (Фасганий, дядя Либания со стороны матери и его опекун. Либаний искренне любил его (XXXV. 10), тем более что дядя всячески способствовал его карьере ритора (Ор. I. 13). Он справлял Олимпиады в 336 г. (см. Ор. X. 13; LIII. 4), был известен своей рассудительностью (X. 12), но отказался от официальной должности (Ор. I. 3). Умер Фасганий осенью 359 г. (Ер. 96). — *Примеч. ред.*)

ных лиц не предпочел бы быть тем, кем он был, тому, чтобы быть Фасганием. И действительно, скорее они им восхищались по возвращении, чем он ими, оставаясь на своем месте.

30. Пускай же эти люди поплатятся, государь, за свои притворные отговорки и пусть научатся не способствовать неправо своему прибытку, а право содействовать общим интересам города. Ведь теперь, безопасно лукавствуя, они противодействуют пользе отечества, а получив возмездие, перестанут продавать такие интересы.

31. Недавно некто объявил мне, что один и тот же человек в каком-то маленьком городе заведует делами и внутри, и вне стен и имеет много постов и званий, как сборщик податей, как отправляющий там банную повинность, и, взяв тот же кувшин, выступал в качестве банщика, и правитель подивился при виде того, как декурион отправляет и эту работу. И так ему можно бы было иметь немало товарищей и, сверх того, избежать этой работы в бане, если бы для него не служило к выгоде остаться в одиночестве. Теперь же правитель посмеялся, а зло осталось, и город опустился до видимости деревни. Поэтому я могу похвалить этого нынешнего префекта⁴⁰ за то, что он перечислил в курию трех лиц с тронов судей. Скорее же не всё хвалю. Он не согласовал с началом конца. Ведь, содействуя справедливости, он увидел бы даже не трех только, а трудно даже сказать, сколько.

32. Итак, заступи куриям всех, государь, так как они заслуживают не меньшего рвения, чем боевые силы. Одни приносят спасение городам, а первые создают нечто⁴¹, что достойно спасения. А когда курии в том состоянии, как я показал, нет и того, из-за чего стоит рисковать. Столько отсюда позора распространяется по городам, так как неприглядность распространяется отсюда на все. Сделай же снова театры значительными по количеству посетителей усердием дающих, видными по этому самому и публичные декламации речей, так как сейчас одни, даже не сказав, ходят,

⁴⁰ Татиана, ср. *orat. XLIX* начало. *Förster*, vol. III, pg. 425, nota 1.

⁴¹ Ср. о курии, как *θεμέλιος* города, выше, к § 3 этой речи.

стения, другие — браня самих себя за то, что сказали, и даже, что самое главное, силу риторического искусства, помощью коего обретается то, что подобает делать, и восхваляется сделанное. И его вместе с куриями постигает гибель и уничтожение, как, когда они были значительны, и ему выпадал на долю почет и наличность многих поклонников.

33. Но я желал бы, чтобы украшением твоему царству служили не только походы, битвы, трофеи и победы, но и образованность и красноречие, мать коим — Греция, или, если угодно, отцы коему — сыны Эллады. Следовательно, так как, помогая куриям, тебе предстоит помочь и заброшенным теперь книгам, наказанием тех, кому мало заботы о долге, верни силу обеим, и куриям, и школам.

ЗА ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ, О ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТАХ

Orat. L¹

1. Если даже кое-кому покажется, что я завожу речь, государь, о предмете маловажном, тебе, я полагаю, не покажется, что я говорю о вещи незначительной, потому что ты оцениваешь как важное дело все, чего только требует справедливость. Так выходит и в том, о чем тебе предстоит слышать сегодня, что, конечно, одно уже некоторым образом убедило бы тебя. Больше того надежды внушает мне то обстоятельство, что то же самое вместе и полезно. А что я говорю правду, в этом можно тебе будет убедиться, всемилостивейший государь, из самых фактов.

¹ Речь датируется началом 385 г. Ситуация в Антиохии к этому времени осложнилась, прежде всего в сфере снабжения, поскольку продолжался голод, длившийся с 383 г. Либаний, искренне обеспокоенный сложившимся положением, выступил защитником страдающего населения и представил несколько речей, направленных против действий администрации комита Востока Икарция (см. Or. XXVII–XXIX). Данная речь, адресованная императору, также относится к этой группе и посвящена местной практике использования принудительных работ. — *Примеч. ред.*

2. Многое накапливает мусор в городах, о, божественная глава, обветшавшие дома, которые сносятся искусством строителей, фундаменты, закладываемые для новых, то же, происходящее с общественными постройками. Этот, получающийся отсюда, мусор является надобность убрать за стены, чтобы то место, где он лежал, занять какой-нибудь частной или общественной постройкой.

3. И справедливость требовала бы, чтобы на чьи расходы строятся общественные здания, на те же производилась и эта часть работы. Ведь если, что касается дерева, камня, кирпича, рабочих, плотников и вообще всего, что требуется, дабы воздвигнуть кому-либо нечто из того, чего до сих пор не было, или поправить какое-либо пострадавшее здание, если справедливость требует городу не избегать расходов на такие предметы, то пускай то же требование имеет силу и относительно мусора. Если то, что нынче происходит с мусором, — ладно, то почему не распространяется этот порядок на всех, предпринимающих общественную постройку. Если жестоко то, то и это. Если — не возмутительно, и то нет.

4. Но нет, возмутительно, государь, несправедливо, дурно, лишено всякого порядочного основания. «Что говоришь?» Назначил я плату за мулов, или ослов, или верблюдов, нанял тех, кто будет ходить за каждым из этих животных, и отсюда поступает пропитание и мне, и жене, и детям. А ты хватаешься и тащишь, и мое достояние считаешь своим, и приходится работать им для тебя, а мне глядеть на это молча. Смотри, государь, будет ли это вполне свойственно царской власти, чтобы на приобретенное мною покушался правитель? Ведь если достояния лишает меня приговор и это служит возмездием за преступление, пусть все мое будет принадлежать городу. Если же никакого такого решения не было, как же не позволяешь ты мне владеть тем, что мне принадлежит по законам?

5. Есть у города поместья², прежними поколениями оставленные городу по завещанию. Эта земля обрабатывается городом,

² Ср. orat. XXXI (pro rhetoribus), § 16, т. I, стр. 223 [395]. (Речь идет о городской земельной собственности. — *Примеч. ред.*)

и доход с нее поступает к нему, как владельцу. В этих имениях есть то, о чем я сейчас говорил: мулы, ослы, верблюды. Зачем же, выходя из этих пределов, начальственные лица приступают к прочим и, освобождая от повинности весь инвентарь тех, на ком лежит тот труд, возлагают эту работу на людей, обременять коих несправедливо? Ведь если для тех бремя это не назначено, так и для нас.

6. Итак, никто не мог бы указать закона, ни твоего, ни другого какого-либо царя, коим и это значилось бы в числе повинностей. Ведь и в ежегодных указах, где значит, что надо вносить, нигде не приписано: «Правителям да позволено будет делать и то, о чем сейчас речь, и ослы, городу не принадлежащих, обращать в городских». А между тем, если бы это было определено и законом, по неизбежности, из него истекающей, это делалось бы, но не без чувства обременения, а все же, может быть, некоторым утешением служило бы то самое, что есть такой закон. Как дело теперь обстоит, закона нет, а в работе много этого.

7. Когда говорю «это», разумею неправду. С охотой спросил бы их, почему не выводят они из домов для потребностей города и рабов, и служанок, не вывозят постелей, утвари, телег. Ведь если скажут: «Недозволительно», так недозволительно и то. Как же, почитая недозволительность в том, от чего воздерживаются, то же самое правило они оскорбляют своими поступками? Ведь я знаю, они вопрошали вас в посланиях, о многом, дозволишь ли то делать, в сознании, что недозволительно делать того, что не получило такого разрешения³. Как же не спрашивали они об этом и, чтобы делать это или не делать, не выждали вашего решения? Теперь же самым тем, что уклонились от запроса, они показали, что этот поступок не из справедливых.

8. Кроме того, далее, если бы эта служба входила в число ваших постановлений, она была бы общею для подвластных вам

³ Имеются в виду донесения правителей императору. Инструкции наместникам представлены, например, в Cod. Theod. XI. 29. 5 (374 г.), где отмечена уголовная ответственность наместника и его подчиненных за нарушения, допущенные во время исполнения их обязанностей. — *Примеч. ред.*

городов, как в свою очередь все прочее. На самом деле, те, кто являются к нам из других мест, встречая у нас такое обстоятельство, не верят своим глазам и ушам. Понятное дело: они являются из городов, где такого порядка не существует, и не считают, что их города не обладают тем, чем следовало бы обладать, но что у нас существует то, чему лучше бы не быть.

9. Можешь заметить, государь, что и сами правители тем, чего они не делают, осуждают свои поступки. В самом деле, ослов и прочих животных, принадлежащих людям влиятельным и военачальникам, они оставляют в покое, и едущие на них минуют мусор, подняв брови и выпрямив шеи, а если кто задержит кого-либо из таких проезжающих, это беззаконие. Но из прочих людей одни с трудом вызволяют свою собственность, другие, если осмелятся оказать отпор, получают битьем тот урок, что выгоднее было бы молча снести беду. Признаком неправого обременения этих людей является то обстоятельство, что не все отправляют такой труд. Ведь если последние, не трудящиеся, не преступают никакого закона, значит, и тех не закон обязывает к этому.

10. Далее, иной скажет, что, если и нет такого писанного закона, но эта служба вошла в обычай⁴. Но если бы все обычаи оставались неизменными, нечто естественное произошло и с этими людьми, рабами обычая. Если же многие бывали во все времена отменяемы, причем худшие уступали место лучшим, пусть не прибегают они к ссылке на неоднократную практику, уклоняясь от беседы о предмете по его существу. Ведь если это часто бывало, это заслуживает негодования, а не того, чтобы этому обычаю оставаться из-за того в прежнем положении.

11. Были люди, введшие негодный праздник в Дафну⁵. Справлять праздник значило всячески бесчинствовать⁶. Некий добро-

⁴ Ср. опровержение подобной аргументации *orat. LII (adv. ingredientes domos mag.)*, § 19; т. I, стр. 297 [498].

⁵ Cf. *orat. XLI (ad Timocr.)*, § 16, vol. III, pg. 302, *orat. XLV (de vinctis)*, § 23, pg. 370; vol. I, *orat. X*, § 14.

⁶ Речь идет об оргиастическом ритуальном празднике в честь Диониса и Афродиты. — *Примеч. ред.*

порядочный и целомудренный император⁷, заметив это, устыдившись того, что происходило, и воскорбев за эту местность, прекращает собрание для этой цели и прекращением этим стяжал себе добрую славу. И никто не говорил перед ним о числе лет праздника⁸, ни о том, что господствовавший обычай должен держаться до конца. Но на долгое время этот недуг был изгнан из Дафны, пока не ввели его снова люди, жизнь которых была во вкусе подобных празднеств.

12. Применение бичевания к декурионам вошло в обычай, благодаря бесчестности правителей. Ты сам упразднил его законом⁹, и в числе похвал тебе значится, как важное мероприятие, и это. Иной раньше бывал принудительно привлекаем к повинности зверями¹⁰. Ты сделал это предметом добровольного жертвования¹¹, не препятствуя желающим и не принуждая тех, кто не желали. И ты и не считал этой своей борьбы с обычаем

⁷ Юлиан, ср. *orat.* XLI (ad Timocr.), § 16, Julian., *Misop.* p. 362 D, Malal., p. 285, 1. — О целомудрии Юлиана см. *orat.* XVIII, § 179, т. I, стр. 359 [578]. *Amm. Marc.* XXV 4, 1 sq. («Прежде всего он блистал таким нерушимым целомудрием, что после смерти своей супруги не знал больше никогда никакой любви... В полном цвете своей юности он с такой заботой сохранял себя от этой страсти, что даже ближайшие люди из прислуги не имели даже подозрения о каких бы то ни было его увлечениях, как это часто бывает. Этот вид воздержанности возростал в нем благодаря умеренности в пище и сне, что он соблюдал строжайшим образом как в домашней обстановке, так и вне дома» (пер. Ю. А. Кулаковско-го). — *Примеч. ред.*) *Годофред* думал о Констанции, *cod. Theod.* XV 6, 2.

⁸ Он был учрежден по приказу императора Коммода (180–192 гг.), см. Malala, p. 284. — *Примеч. ред.*

⁹ Ср. *orat.* XXVII (с. Icar. I), § 13, т. I, стр. 104, 2 [234, 19]. *Cod. Theodos.* XII 1, 39 et 80 et 85, с примеч. *Годофреда*. (Речь идет об эдиктах от 17.03.380 г. (Юлиану, префекту Египта, *Cod. Theod.* XII. 1. 80) и от 21.07.381 г. (префекту претория Евтропию, *Cod. Theod.* XII. 1. 85). Первый эдикт по данному вопросу был издан еще императором Констанцием в 349 г. (*Cod. Theod.* XII. 1. 39). — *Примеч. ред.*)

¹⁰ Ср. т. I, стр. 132, 1 [270, 17].

¹¹ См. эдикт от июля 384 г. (*Cod. Theod.* XV. 9. 1). Позднее, в апреле 385 г., был издан еще один эдикт по данному вопросу (*Cod. Theod.* XII. 1. 109). Либаний упоминает литургию по предоставлению для звериных боев медведей (XXIX. 30), вероятно, наиболее популярных в тот период. — *Примеч. ред.*

неправдой, и не было таковой в твоём поступке. «Пусть не будет браков с двоюродными братьями»¹², предписал ты, хотя такие брачные связи были в полном ходу. И давность существования этого факта не оказалась сильнее того, что тебе представлялось юридически правильным. На эти примеры следовало бы взглянуть правителям города и больше уважить не давность неправого порядка, нежели справедливость того, чтобы этому обычаю был положен конец.

13. Между тем, сколько речей потратил я, государь, перед каждым об этом предмете. Порицать их как неправые они не могли, но не желали привести советы в исполнение, не потому, чтобы была какая-либо выгода твоему дому, — даже если из этого источника поступали какие-нибудь деньги, это не было бы для тебя выгодно, ведь все то, чем не руководит принцип правоты — убыток; но и это самое истекало не из таких побуждений, но труд был чужой, а кому поступало вознаграждение, и сказать не хочу.

14. Но, как я сказал, неоднократно попрекал я за то, что смотрели сквозь пальцы на такую неправду, но успеха не достигал никакого. И оставалось, государь, с тобой побеседовать и помочь обижаемым твоим приговором, кому никто не осмелится или, если осмелится, то тщетно, помянуть об обычае. Ведь ты, гоняя своих врагов¹³, подданных своих благодетельствуешь новыми законами. Каждый из них упраздняет старый, оказываясь, конечно, лучше устаревшего.

¹² Ambros. ep. LX 8. Aur. Vict. epit. 48. (Сам эдикт не сохранился, однако в формулировке эдикта 396 г. (Cod. Theod. III. 12. 3) есть ссылка на предыдущее законодательство по данному вопросу. О том, что эдикт о запрете браков между двоюродными родственниками был издан именно Феодосием, сообщают и другие источники, — например, автор приписываемых Сексту Аврелию Виктору «Извлечений о жизни и нравах римских императоров»: «[Феодосий] придавал такое большое значение целомудрию и сдержанности, что не разрешал браков с двоюродными сестрами, так же как и с родными» (48; пер. В. С. Соколова). — *Примеч. ред.*)

¹³ Видимо, речь идет о военных успехах Феодосия, прежде всего победе над готами в 379 г. — *Примеч. ред.*

15. Если же ты упраздняешь по соображениям своего разума писанные законы, как же поколеблешься ты в том в области неписанных, раз в них заключается та же причина к отмене? Мы видим, действительно, как и врачи такой специальности устраняют гнездящиеся в организме застаревшие болезни, и те, которые оказались в состоянии это сделать в борьбе с укрепившимися за долгое время недугами, достигают тем большей известности. И теперь, чем большее число лет помянет кто-нибудь, тем больше слава от излечения.

16. В особенности и общественные постройки пускай начинают начало, глину, с соблюдением справедливости. Но если уж надобно из-за них налагать неправоное бремя на ослов, пусть то будет допускаться только для этих одних построек. На самом деле, кто снесет, о, Земля, о, Солнце, и все боги и демоны, беззаконие? Частным лицам, государь, это и предоставлялось, и предоставляется. И одни, являясь, просят ворота, обозначая их наименования, один — те, другой — иные, третий — третьи, желая этим словом получать тех животных, что через них прогоняют, а другие, будто распорядители, тотчас в угоду им дают короткую записку. Но в этих немногих словах значит много ослов, много мулов, много верблюдов. Их забирают, их и гонят к мусору, подвергая ударам погонщиков, слуги получивших льготу у служащих представителя власти.

17. Но если нельзя этого предоставлять даже военачальникам, при постройках их, как же тем, кому принадлежат заботы только о том, чем они сами обладают, но ни о чем другом? О, негоднейший из людей! Я купил, и содержу, и приглашаю врача в случае хромоты и плачу за это вознаграждение, а животное пойдет и будет трудить ноги не для моей пользы, а скорей для твоей? Может ли быть что-нибудь противозаконнее? Что-нибудь более возмутительное? Разве другое что, а не это поступок тиранов, отнять у этого, отдать другому, одного обидеть, другому тем самым угождать, и в ущерб одному предоставить выгоду другому? И теперь, если бы я пожелал перечислить все имена получивших эту льготу, это будет перечисление длинное и изведет слушателя.

18. Значит, ты, скажут, воспрепятствуешь правителю делать угождения? Конечно — несправедливые. А что в этой милости нет справедливости, ясно, вероятно, всякому, и как самим дающим, так и принимающим. Иначе откуда же у тех и других страх перед угрозами, которые я делал, что это тебе не останется неизвестным, но найдется, кто тебе об этом сообщит?

19. Но все же иной скажет, что надо предоставить правителям простор действий. А я скажу опять то же, что только справедливость предоставляет им волю, а что вне ее, тому воздвигается препятствие. И это — ведь оно не принадлежит к числу справедливых требований — возбранено. Но как бы став сами вместо законов и заняв с копьеносцами акрополи, и как будто римский государственный порядок пошатнулся, так они поминают о свободе действий, притом зная, что и тебе не все дозволено, государь. Ведь в том и заключается царская власть, что при ней не все дозволительно¹⁴. А если это отнесем к свободе действий, то не станем винить и осуждать и то, если решения будут противоречить законам, если второстепенных должностных лиц они станут выдвигать вперед старших. Ведь всюду услышим мы ссылку на власть.

20. «Друзьям следовало бы встречать кое-какие услуги от лица, к ним расположенного». Прекрасно. Есть у тебя серебро, одежда, золото, рабы, стада, земля. Давай и им, если хочешь, любое из этого, а хочешь, так всё. Ведь не будет к тому препятствий. Но не делай другого хозяином моего достояния. И когда кто-нибудь явится и, сидя подле тебя или стоя, помянет о такой услуге насчет мусора и ослов, скажи ему: «Любезнейший, я всей душой расположен к тебе и желал бы, чтобы дом твой был обилен и превосходен, но чего давать не подобает, подобает не давать».

21. Еще никто из подвергшихся этому принуждению не прибегал к статуям владык¹⁵, но надо опасаться, как бы не произошло

¹⁴ В данном случае Либаний отражает взгляды многих своих знаменитых предшественников (см. Dio Chrysostom. Or. I. 48 R). — *Примеч. ред.*

¹⁵ В законодательстве подобная практика отражена в эдикте 386 г. (Cod. Theod. IX. 44. 1). — *Примеч. ред.*

этого. Что же следует тебе делать? Есть у тебя золото, мы видим ослов на продаже, и купить не трудно. Так лучше будет тебе строиться. А под проклятиями, как это происходит теперь, такой стройки мой совет тебе избегать». Таким образом они были бы подлинно правителями, обороняющими одних от притеснения, других от неправого образа действий. А конечно, есть выгода и в том, чтобы был положен запрет на неправо́ые действия.

22. Но что не предоставлено произволу правителей давать такие льготы, это очевидно из того, что нашелся некто, кто добился этого разрешения у императора. К чему, в самом деле, было досаждать с этим императору, если бы это по праву могло быть даровано и лицом, назначенным судьей? Но, полагаю, он знал, что получил бы эту льготу и с их стороны, однако без доли¹⁶ справедливости. И вот, опасаясь этого и не будучи в состоянии чувствовать уверенности в том, что не последует когда-нибудь ответственности за такие притеснения, он явился с письмом императора. Одобрить последнее я не могу, но ссылаюсь на него как на доказательство того, что подобные разрешения не дозволительны этим правителям.

23. «И что возмутительного, — говорит противник, — чтобы выходящий осел, не имеющий другого бремени, уходил, вынося это?» То самое, сказал бы я, что его вынуждают нести, когда можно было бы не нести тяжести. Как человеку не нести бремени легче, чем нести, так, полагаю, и ослу. И поэтому-то ход из города для них и легче пути из деревни в город, что при первом нет на них груза, но они от него свободны. А поселянин, который сидит на осле, не столь чувствительная тяжесть для него, и нередко, щадя его, он идет рядом.

24. Но эти люди, делая себя хозяевами того, чем распоряжаться законы им не предоставляют, лишают этих измученных ослов этого облегчения, подставляя их спины этим высоко нагроможденным кучам мусору. Поселянам приходится отправляться за ними, причем некоторые подталкивают осла, и нередко те ворота,

¹⁶ ἡ τοῦ δικάίου μερίς ср. т. I, 397, примеч. 3 [624, 9].

какие ведут в деревню, близко, а приходится, забрав мусору из центра города или с другого конца его, проделав тот же путь, таким образом только снова достигать нужных ворот.

25. А что еще возмутительнее, между самыми жертвами притеснения происходит состязание из-за нагрузки, причем каждый спешит получить свой груз вперед другого. И это зло продается, о, Зевс и боги! И один уходит, отдав те деньги, на которые намеревался приобрести сыру, а кто не смог заплатить, стоит и плачет, но никто не жалеет его. Между тем, что может быть более жалким, как не те, для кого замедление истекает из нужды? Из них одни получают свою долю мусора поздним вечером, другие перед заходом солнца, в то время как им следовало бы быть дома до наступления полудня.

26. Когда же ночь застигнет на пути тех, с кем это случилось, какое и откуда может явиться исцеление от несчастья, потому что где у них кошелек, который мог бы отворить им двери гостиницы? Как, когда его-то и нет? Когда путь среди ночи делают опасным разбойники¹⁷ и ниоткуда не предвидится пропитания ни им, ни ослам? Понятно, из такого стечения обстоятельств не раз возникали болезни и смерти, а если даже не это, горе и слезы их самих и их близких, оплакивавших друг друга в своей нужде.

27. А между тем это ужасно, если это делается и врагами, но еще ужаснее, когда это творится людьми, посылаемыми на спасение и помощь. Происходят и побои со стороны воинов, приставленных к этому делу, и предлог к тому: «Ты делаешь все нескоро, но ленив ты и медлителен»; в действительности: «Нет у тебя денег и мне нельзя от тебя ничего получить. Потому платись за свою незадачу»¹⁸.

28. И у кого есть, государь, мешки, так как они доставили из деревни пшеницу, или ячмень, или что-нибудь подобное, беды

¹⁷ О нападениях разбойников в ближайших окрестностях Антиохии см. Ор. XIX. 58; XXIII. 18. Иногда разбойники были в сговоре с владельцами гостиниц (Ор. XXXIII. 40; XLV. 6). — *Примеч. ред.*

¹⁸ Столь резкое обличение нравов воинов характерно для Либания, — ср., например, Ор. XXVII. 14. Об этом же см. и в данной речи, § 29. — *Примеч. ред.*

меньше. На самом деле, и тем, кто привезли сено, одинаковая нужда нести ту же службу и, так как мешков у них нет, его заменяет плащ земледельца, который изнашивается от этого, крепко ли он или уже потаскан. А между тем как может снести этот убыток земледелец, которому нельзя попросить у жены другого, у которого дети наги?

29. Итак, оттого, что таким образом выносятся мусор, плащ у человека изнашивается скорее, чем следует, но все же он остается у него. Но грабежи привратников, чуть не доискивающих узд ослов, и других ремней, и веревок, и скрытых хлебов?¹⁹ И если не отнимет, сверх того, и самого хитона, желает считаться более милостивым. Так они поступают с входящим в город, с тем чтобы, если окажется увозящим мусор, отдать ему, но, когда он возвращается, они исчезли, а он уходит, всплеснув руками и ударив себя по лбу. И у бедняг оказывается война в мирное время, так как они нуждаются в городе, но факты внушают им, что надо избегать города.

30. Это бремя становится, государь, еще обременительнее, получив, в зависимости от времени, прибавку, ибо правители распространили его и на зиму. Прежде наступление зимы останавливало это притеснение. Но теперь холод, и грязь, и дождь, много того, другого и третьего, но передышки нет ниоткуда. И нельзя получить перемирия, но те, кто видят работы, заявляют, что это противно гражданскому порядку, а все же вывозится мусор, скорее глина, кое-где и грязь. То и другое тем, кто возит хлеб, делает их мешки непригодными, и если в загрязнившиеся так мешки всыпать и везти хлеб, его испортишь. А так как вред от того передается и на печеный хлеб, то доставивший терпит убыток в цене зернового хлеба.

31. Эти беды распространяют и на город беду в отношении провианта, и присоединяется четвертое зло. И теперь мы считаем: стаи мышей, змей, саранчу, мусор. Они приучаются тем убытком, что терпят, избегать город, как какую-нибудь пропасть,

¹⁹ В целях борьбы с продолжающимся голодом комит Икарий ввел норму хлеба и своим указом зафиксировал его цену. Норма вывоза хлеба из города составляла 2 буханки на одного человека (Ог. XXVII. 14). — *Примеч. ред.*

и искать места, где не придется терпеть подобного. Поэтому те, кому не особая нужда являться сюда, отправляются в другое место, увещевая всех, кого ни встретят, обращаться вспять.

32. В недостатках этого дела можно винить и кое-что другое, но естественны упреки и потворству правителей. Если не подвергнешь их ответственности, сочтут, что ты не очень заботишься о городах, если тех самых, которых спасаешь вооруженною силою, предоставляешь в жертву недобросовестности правителей. Не было бы им оправдания, если бы они делали такие поправки и более бедным людям, но обвинение было бы слабее, так как нужда людей, получающих льготу, несколько убавляла бы ее ненавистность. На самом деле, до бедняков им и дела нет — такие воздвигают дома на свои скудные средства, — но так строят они с теми, у кого всего много, кому и богатства Гигеса²⁰ — смех, у кого тьма верблюдов, много мулов и парных запряжек, множество коней, которых холят руки конюших, коней, которые могли бы отправлять хозяевам ту же службу с меньшим ущербом для справедливости, чем ослы, мало чем разнящиеся от околевших.

33. На самом деле, кони те пребывают в холе, у яслей, в горделивой воле и под тщательным уходом, а у тех, кому ослы доставляют средства пропитания, гибнет их единственное достояние. Мы же, пред взорами коих одинаково проходит и бедственность в этой среде, и необузданность в той, возмущаемся и, разражаясь словами, какие обычны в порыве скорби, пустословим. Ведь нет того, кто бы обратил на эти слова внимание и послушался бы их. Но пусть то будет нам сказано тобою, всемилостивый государь, и прояви свое попечение не о городах только, но и о деревнях, скорее же больше о последних, чем первых. Ведь поля — опора²¹ городов.

34. И иной выразился бы, города стоят на деревнях, и они им основание, из них поступают пшеница, ячмень, виноградные кисти, вино, масло, пища людям, пища прочим живым тварям.

²⁰ Ср. orat. XXXIII (с. Tisamen.), § 16 εἰ Μίδαί πάντες. (Гигес — первый царь Лидии из рода Мермнадов, предок знаменитого Креза. Как и Крез, Гигес славился своим богатством (см. Herod. I. 14). — *Примеч. ред.*)

²¹ θεμέλιος, собств., фундамент, ср. выше, о куриях, orat. XLIX, § 3.

Если же бы не было ни быков, ни плуга, ни семян, ни растений, ни стад скота, городов прямо не было бы. И те, которые появились, связаны с судьбою деревень, и хорошее, и дурное состояние городов зависит от последних.

35. Нынешнее же общее безвременье вызвал недород в деревнях. И теперь все большие и малые города пребывают в мольбах о том, чтобы земля воспользовалась благосклонностью Гор. Мы знаем, что она нуждается в тех людях, которые будут ее возделывать, каковых всех надо признавать учениками Келея²². Итак, тот, кто ополчается на их достояние, куда входят и ослы, тот ополчается на землю, а кто на землю, тот и на города, и, клянусь Зевсом, большинство их, так как и им нужны продукты земли. Ведь если увеличение благосостояния их зависит от моря, то самая возможность жить происходит от земли.

36. И тебе, государь, подать отсюда. Ведь ты беседуешь о ней с городами в письмах, а городам дача возможна из этого источника. И тот, кто помогает земледельцам, тот поддерживает твое государственное дело, а кто вредит ему, тот недобросовестен в отношении твоих интересов. Вот это оскорбление надо тебе остановить, государь, законом, наказанием и указами, и своим усердием в том предмете, о котором ты сейчас слышишь, склонить всех к речам в защиту земледельцев.

37. Полагаю, тебе подобает не считать достаточным, если ничего подобного более не будет происходить, но пожелать и подвергнуть наказанию виновных. Подобающим же наказанием будет, если архитекторы сообщат, сколько куч мусора и на какую сумму могло быть перевезено, и эти деньги пусть войдут в сумму общих государственных расходов, а плательщиками их будут обе стороны, и те, кто давали льготу, и те, кто ее получали.

²² Келей, в греческой мифологии царь Элевсина. Его четыре дочери повстречались с Деметрой, которая искала Персефону, и привели Деметру в дом Келея. Хозяин радушно принял Деметру, и богиня даже нянчила его сына. По воле богини Келей воздвиг святилище Деметры в Элевсине и установил мистерии. Вследствие этого Келей стал одним из покровителей земледелия (см. *Homer. Hymn. Dem.* 96–305; 475–477). — *Примеч. ред.*

О ПЛЕФРЕ

Orat. X¹

1. Так как многие, я вижу, признательны Проклу² за пристройку, коею он увеличивает театр³, у которого четыре стороны,

¹ Речь была написана в начале 384 г. Плетрион (πλέθριον) — наименование спортивного сооружения, восходит, по всей видимости, к обозначению меры длины (πλέθρον = 30,83 м), являющейся также мерой поверхности (= 0,095 га). Павсаний при описании Олимпии в Элиде упоминает Плетрион как часть олимпийского гимнасия, в котором атлеты, состязающиеся в борьбе, проходят отборочный тур, во время которого элланодики определяют будущих соперников (VI. 23. 2). Целью возведения Плетриона в Антиохии также было создание помещения для борцовых состязаний. Либаний написал данную речь незадолго до Олимпий 384 г., а вскоре написал еще одну, ныне утраченную речь, посвященную этим Олимпиям (fr. 40, vol. 11. 632 Förster) — возможно, «парную» к данной. — *Примеч. ред.*

² Прокул (Прокл), сын префекта Востока 388–392 гг. Татиана — бывший консуляр Палестины, затем Финикии, он стал комитом Востока с середины 383 г. по начало лета 384 г. (покинул должность до начала Олимпий — см. Or. I. 222). Комитива Прокула в Антиохии сопровождалась большим размахом строительства (Ep. 771). Хотя его правление было далеко не безупречно, Прокул благодаря отцу пошел в гору по служебной лестнице: 386 г. — начальник священного императорского фонда наград; 388 г. — префект Рима. В 392 г. был арестован Татиан. Прокул бежит, но его арестовывают, судят и казнят (Zosim. IV. 52. 3–4). — *Примеч. ред.*

³ Иоанн Малала, описывая историю возведения Плетриона, сообщает, что до возведения данного сооружения при императоре Дидии Юлиане (193 г.)

а Плефр, в середине⁴, служит помещением для послеполуденной работы атлетов, явившихся на Олимпии⁵, я желаю доказать, что один сделал промах своею пристройкою, а те увлеклись до похвал тому, что следовало бы обвинять.

2. Иной обвинил бы с большей справедливостью не Прокла, а декурионов. Ведь им можно было в интересах пользы противоречить и удерживать его от его замысла — человек этот привык во многом следовать их советам, — а они предпочли льстить своим восхищением проектированным сооружениям переговорам с ним о том, как подобало поступить.

3. Итак, если бы у меня была дружба с правителем, общение и разговоры, как при предшественниках в этой власти этого

соревнования Олимпий проводились в театре (290). Возможно, что территорию, занимаемую Плетрионом и соседними сооружениями, прежде всего Ксистом (крытым портиком для упражнений и соревнований в зимний период) и храмом Зевса Олимпийского, по традиции именовали театром. — *Примеч. ред.*

⁴ Речь идет о комплексе, расположенном на форуме Валента. Форум, созданный при этом императоре (364–378 гг.) в старом городе, в районе Епифания, у Средних ворот, имел форму прямоугольника (ср. «четыре стороны» у Либания), по сторонам которого были расположены Плетрион и Конх (сооружение-перекрытие в форме полукупола над сохранившимися апсидами разобранной базилики Юлия Цезаря) — напротив друг друга по «коротким» краям форума, а по «длинным» краям — Коммодион (бывшие бани имп. Коммоды, а после реконструкции Валента — преторий консуляров Сирии) и базилика Валента. В этой городской структуре Плетрион не занимает центрального места, как пишет Либаний, поэтому, скорее всего, оратор имеет в виду «театр» (см. сноску выше), т. е. комплекс сооружений, примыкающий к форуму между Плетрионом и Коммодионом — собственно Плетрион, Ксист и храм Зевса Олимпийского, расположенный у дальнего от форума края Ксиста. В этом случае Плетрион становится действительно центральным сооружением. — *Примеч. ред.*

⁵ Олимпии — празднества в Антиохии в честь Зевса Олимпийского, отмечавшиеся в июле–августе. Как рассказывает Иоанн Малала, граждане Антиохии обратились к имп. Коммоду с жалобой на плохую организацию состязаний в городе. По приказу императора в городе были построены новые спортивные сооружения и учреждены Олимпии, которые следовало справлять каждые 4 года в июле–августе в течение 45 дней с совершением соответствующих религиозных обрядов (284). Первые Олимпии справлялись в Антиохии в 181 г. н. э. (286). — *Примеч. ред.*

человека, я попытался бы воспрепятствовать этому, а также прочему в его действиях, что представлялось мне неправильным. Но так как он явился из Финикии⁶, убежденный не очень обращать внимание на мои советы, как лица, много приносящего вреда избытком человеколюбия, а я, узнав это, своими посещениями, какие бывают четыре раза в месяц, пользуюсь для приветствия ему, но, исполнив эту формальность, сижу безгласен, показывая тем, что не стремлюсь к большей деятельности, — ведь он и слышал это, и не попрекнул того, кто сообщил, — оставалось предоставить ему приводить замысел свой в исполнение, а желающим слушать выяснить, что от рвения в этом деле Олимпии могли бы нас пострадать.

4. Ведь из того, что во время их исполняется, трубача и герольда можно было слышать всем⁷, а то сооружение, о котором теперь речь, служило для приема атлетов в течение восьмого часа и следующего за ним, служило и для приема зрителей, не вкусивших пищи, что устраняло вредное воздействие зноя; такими были биченосцы⁸, и судьи, и те из отправлявших повинность, кому то было угодно. Мог бы явиться и синдик⁹, и учитель¹⁰.

5. Каменных сидений — два, близко от пола, как сиденья первого ряда. Больше не было нужно, так как число посетителей было невелико¹¹. Ни раб, ни юноша, еще посещающий школу,

⁶ Прокул в 382–383 гг. занимал пост консулара провинции Сирия Финикия. — *Примеч. ред.*

⁷ Иными словами, с помощью этих служителей публика информировалась о проходящих в Плетрионе соревнованиях. — *Примеч. ред.*

⁸ μασιτοφόρος — блюстители общественного порядка, вооруженные плетью; традиционные городские служащие в греческих полисах, упоминаемые еще у Фукидида. — *Примеч. ред.*

⁹ Синдик — судебный защитник, адвокат. — *Примеч. ред.*

¹⁰ Либаний перечисляет городских должностных лиц. — *Примеч. ред.*

¹¹ В речи LIII Либаний подробно описывает эти трапезы в честь Зевса Олимпийского. Они устраивались за счет отправлявшего Олимпийскую литургию, приглашались на них в основном принцепалы и члены курии — взрослые мужчины (3–4; 11), увенчанные во время трапез лавровыми венками (ср. § 15 данной речи); для участия в этих трапезах рассылались персональные при-

ни ремесленники, ни те, которым безделье идет за дело и которые сильно заняты волосами на голове, не допускались; их бы не пустила сильная стража в дверях, или, клянусь Зевсом, они и не подошли бы, зная, что есть, кому остановить их.

6. То, что совершалось в этом Плефре, почитаемо было наравне с мистериями. Столько было уважения, с каким относились друг к другу и атлетам присутствующие, столько спокойствия, столько молчания. Даже если происходило какое-нибудь единоборство, достойное удивления, им восхищались в молчании. Зрителям приходилось подавлять крик, так как жезл внушал страх.

7. Сильнее и значительнее это достояние немногих становилось легко. А немного было потому, что помещение не было велико. Но эта часть Олимпий, которой украшением было это самое, что она была достоянием немногих, и не требовала многих. Нечто подобное представляют и обряды таинств, на которые ты не стал бы сетовать, если они предоставляются меньшему, а не большему числу.

8. Итак, ничто не могло здесь превысить закон, а закон требовал, чтобы не было крика ни порицания, ни одобрения. Предоставлялось знать про себя то и другое, а соседу можно было, и то тихонько, шепнуть о том или этом, а преступить эту меру было бы противозаконно.

9. Что же нарушило порядок, господствовавший в этой церемонии, отличавшейся чрезвычайной сдержанностью? Агонофетом был Аргирий¹² после другого из двух моих дядей, старшего¹³, человек, в остальных отношениях очень достойный, но давший Олимпиям эту вредную поблажку. Он устраивает двойной ряд

глашения (5–6), а отсутствие такого приглашения могло рассматриваться как бесчестие (9). В упомянутой речи Либаний решительно выступает против участия в подобных трапезах юношей. — *Примеч. ред.*

¹² Агонофет — устроитель состязаний. Аргирий Олимпийскую литургию отправлял в 332 г., когда вложил немалые средства в реконструкцию Плетриона (ср. XLIX. 18). — *Примеч. ред.*

¹³ Ср. *orat. LIII (de festorum invitationibus)*, § 4. т. II, стр. 2 [6], *orat. I*, § 13. (Старший дядя Либания, Панолбий, председательствовал на Олимпиях в 328 г. — *Примеч. ред.*)

каменных сидений, присоединив еще столько, сколько было раньше¹⁴. Удваивает вместе с тем и число посетителей зрелищ.

10. И находились люди, которые, расхаживая, восхваляли Аргирия, как за доблестное дело, утверждая, что своим сооружением он превзошел всех своих предшественников. Но ему именно предстояло потревожить нечто из установленного обычая, и с большим количеством зрителей произошло многое, чего раньше не бывало. Он же, выступив в гневе против беспорядочной толпы, частью мог остановить, частью не был в состоянии, а лучше бы было с его стороны соблюдать установившийся обычай, вместо того, чтобы создавать потребность снадобья¹⁵.

11. Все же было ему некоторое удовольствие от этого, когда он видел большую толпу, и не было недостатка в лицах, готовых прославлять расширение постройки, кто не могли видеть того, что пропало, а то, ради чего пропало прежнее, считали важным и утверждали, что Зевс внушил ему эту милость.

12. Итак, я желал бы, чтобы Фасганий, младший из моих дядей¹⁶, отнесся к этому безразлично, в особенности при той рассудительности, какою он, по общему признанию, отличался, но

¹⁴ Как сообщает Иоанн Малала, жители Антиохии в 193 г. обратились к императору Дидию Юлиану с просьбой о выделении средств для строительства Плетриона, и император удовлетворил их просьбу (290). Однако в историографии обосновывается анахронизм, допущенный Малалой в данном фрагменте, и строительство Плетриона относится к правлению императора Коммода, по приказу которого, учредившего в 181 г. Олимпиады в Антиохии, был возведен комплекс строений в старом городе, рядом с Плетрионом — бани (Коммодион), Ксист и храм Зевса Олимпийского (Malala. 283). — *Примеч. ред.*

¹⁵ *φάρμακον*, *ιατρός* часто у Либания фигурально. В дополнение к употреблению фигурально слова *φάρμακον*, см. *ιαθῆναι* о починке посуды т. I, стр. 191 [349], § 31, *ιαομαι* также т. I, стр. 291 [491], § 1 (cf. *θεραπεῖα* 2), *θεραπεύω* т. I, стр. 309 [515], § 7, *ἰῶμαι* т. I, стр. 314 [522], § 21, *θερ.* т. I, стр. 331 [543], § 77, *ἵασις* т. II, стр. 36 [52], § 1, *ἰῶμαι* т. II, стр. 54 [73], § 28, *ἵασις* т. II, стр. 106 [141], § 1; стр. 305 [441], § 6, *ἐλέλυτο ἡ νόσος* (ср. *ἡ νόσος* фигурально Förster, *orat.* LIX, § 121, *orat.* XXXV, § 1) т. II, стр. 378 [549], § 175. *ιατρός* врач, фигурально т. II, стр. 225 [314], § 69, стр. 235 [329], § 21, стр. 278 [399], § 36.

¹⁶ См. выше, *orat.* XLIX, § 29 и примеч. там. (Фасганий отправлял Олимпийскую литургию в 336 г. — *Примеч. ред.*)

считал, что тот, вместо хорошего, устроил нечто дурное, а тех осмеивал как лишенных правильного суждения о предмете.

13. Но этот разумный человек был задет за живое, возревновал, стал подражать, вступил в недоброе состязание, и снова другая пристройка, в таком размере, сколько вмещали обе прежние части, старая и новая, и толпа еще больше, больше суеты. Личности же этой, умеющей поразить, то приносит пользу, но малую, и можно было видеть увеличение беспорядочности с каждой олимпиадой.

14. Так как атлеты кончали свои состязания к заходу солнца, вследствие того что и время начала этих действий было передвинуто, необходимо было, начиная позже, и кончать позже, — толпа дерзала открыто признавать, что не в состоянии выносить зноя, в то время как прежние поколения соревновали в выносливости, — голоса прочих зрителей проникали туда все вперемешку, с голосами греков римские, причем одни заявляли, что борец простерт, другие — нет. Поэтому тем, кто знали прежде, приходилось жалеть о нем, и они прилагали к этому название того праздника, где много отсутствия всякого стеснения¹⁷.

15. Когда же порядки Плефры, самые важные и почтенные, подвергались оскорблению и унижению, уже с большою легкостью менялось прочее, причем некоторые приказывали агонифету и элланодикам¹⁸ устраивать лучшие трапезы¹⁹ и убеждали их, а посетители вставали из-за стола и расходились каждый домой, проявляя на лицах под лавром признаки опьянения.

16. И это, я утверждаю, получило происхождение оттуда, от необузданности в Плефре. Те, которые этого требовали,

¹⁷ Μαίονμᾶ, O. Müller, Antiq. Antioch. 33. (Речь идет об оргиастическом ритуальном празднике в честь Диониса и Афродиты, отмечавшемся через каждые три года в антиохийском предместье Дафне. — Примеч. ред.)

¹⁸ Элланодик — традиционное наименование судьи на Олимпийских играх. — Примеч. ред.

¹⁹ Декрет, адресованный именно Прокулу за год до описываемых событий, 27 июля 383 г. (Cod. Theod. XII. 1. 103), предписывает сохранять добровольность при назначении на отправление обязательных общественных литургий, что явно свидетельствует об обычной практике принудительного возложения данных общественных обязанностей. — Примеч. ред.

руководились соображением, что ничего страшного нет в таких выходах против столь значительных лиц. А причиною проступков в этой среде — многочисленность, а последнего — самое то, что имеется место, где сидеть такому множеству.

17. Так благородный Прокл ухудшает тамошние дела, и тот, кто радовался, что этот театр у нас будет больше, радуется тому, что больше станет разнузданность. А радуясь этому, он противоборствует Олимпиям и показывает, что не желал бы, чтобы совершались истинные Олимпии.

18. Я же желал, чтобы Прокл ознакомился со всеми условиями касательно этого места и помог сохранению древних обычаев. Это значило устранить нововведения и посадить людей на одних старых местах, и не обращать внимания на тех, кто станут осуждать его дело, как на клеветников. Ведь тот, кто способствует закону, не нарушает справедливости, и не везде тот, кто что-нибудь отнимал, творил неправду, а прибавления служат к славе, но можно и, прибавив, испортить, и, убавив, принести пользу.

19. Это может любой наблюдать в особенности на живых телах, где наросты требуют хирургов, и если врач сможет это сделать снадобьями или инструментом, он получает за отнятие вознаграждение. В особенности, следовательно, надлежало благородному и дельному Проклу показать таким образом всем свою ревность по отношению к Зевсу.

20. Ведь, во всяком случае, если и не очень многих, но людей серьезных он заставил бы восхвалять себя. Если же он не решался показать себя поступающим так, такое его колебание не имело основания, а основание для такой нерешительности должно быть. И с чего это он воздвигает камни на камни и прилагает новый труд и новые издержки, и многое рвение, пробующее превзойти то, и другое, и третье?²⁰

21. Кто, в самом деле, вынесет то, что получится? Кто — толпу, которая вторгается? Кто не сочтет, что вестник, поминавший о

²⁰ Т. е. «камни», «труд», «издержки».

спокойствию, говорит пустое? Кто побоится жезла? Кто сохранит уважение к воину? Кто к самой власти?

22. Ведь они сознают, что, если он не будет рабствовать перед столькими зрителями, оглушенный криком, удалится, считая достаточным для себя спастись, предоставив их изволению судьбу атлетов. Действительно, самая величина театра привлечет людей несправедливых к участию в том, что там происходит. И теперь, конечно, участвуют, но не столько народу, будет же участвовать, благодаря прибавляемым частям, большее количество, а убыток тут в самом превосходстве числа.

23. Зачем же, расхаживая кругом, вы говорите: «Застав город малым, Прокл сделал его великим»? Я — и факты свидетельствуют за меня — утверждаю, что в этой области он сделал его меньшим. Ведь, строя подобное здание, он уничтожает важнейший пункт славы города, а скорее, вместе с камнями усугубляет погибель, к порче со стороны предшественников²¹ подбавляя новую, так чтобы впредь не было никакого промежутка между театром Диониса²² и театром Зевса Олимпийского.

24. Следовало, в самом деле, из всех мест праздника быть изгнанным этим неблагоприятным беспорядкам и ни в одном из этих трех помещений²³ не иметь места никакому превышению закона,

²¹ По всей видимости, имеются в виду Аргирий и Фастаний. — *Примеч. ред.*

²² В Антиохии существовал храм Диониса, упоминаемый в Or. XXX. 51; Malala, p. 234. Однако Либаний, скорее всего, имеет в виду происхождение древнегреческой трагедии из обрядов, посвященных Дионисию. В Афинах, традиции которых Либаний хорошо помнил, Дионисию были посвящены Великие Дионисии (во время которых проходили состязания поэтов и хоров), Ленеи (включавшие исполнение новых комедий), Малые Дионисии (во время которых повторялись драмы, уже поставленные в городе). В рассматриваемую эпоху подобные аллюзии были весьма распространены — ср. фрагмент Евнапия (FHG. 24. 2): «Лежащее перед Ктесифоном поле, сперва обращенное Юлианом, как говорил Эпаминонд, в оркестру войны, потом обращено им в Дионисову сцену, на которой он дал воинам отдых и удовольствие». — *Примеч. ред.*

²³ Речь идет о трех помещениях, в которых проводились олимпийские состязания — Плетрион и Ксист в Антиохии и Олимпийский стадион в Дафне. — *Примеч. ред.*

и если все уступает угождению в каждом из них, это, по крайней мере, сохранить здоровым.

25. На самом деле, если сильнейший недуг не овладеет и им, это признается несчастьем. Ведь город, говорят некоторые, преуспел в численности населения. А я желал бы, чтобы несчастья в прочих городах не увеличивали число людей²⁴, но чтобы каждый сохранил свое население, и у нас было меньше, а не настолько больше. Но потому, что те люди, которых изгнало из дому бедственное положение²⁵, стеклись сюда, из-за этого не поднимать же нам ввысь этот театр?

26. Право, не подобает, чтобы искание ими убежища у нас стало во вред Олимпиям. Но пусть поселяются здесь бегущие из других мест, однако при этом не погибает та часть празднества, которая в своих обрядах заключает больше всего величия.

27. Сверх того, и при тех первых, не одни сидевшие тут населяли город, но при значительности их числа — ведь не бывало времени, когда бы население города было невелико, — являлось посмотреть обряды не большее число, чем подобало. Как же станем мы чтить этих пришельцев бесчестьем празднику, когда те подчинялись установленному порядку? Как же заставят нас эти увеличить размеры театра, когда тогдашняя толпа не принуждала правителей увеличивать его?

28. Следовательно, нельзя Проклу делать его столь просторным, чтобы он мог вместить всех, если бы даже он желал быть в состоянии все сделать. Но этим не наносится обиды тем, кто не будут созерцать, когда они могут назвать людей, которые были зрителями. Ведь если бы и эта часть публики не была зрителями, она не могла бы претендовать. Были, Прокл, и в древние времена камни и эта гора с ее каменоломнями²⁶, и искусство строителей,

²⁴ σῶμα, ср. orat. XLIX, § 8 etc.

²⁵ Речь идет о голоде, охватившем Сирию в 382 г. Ситуация продолжала усугубляться, и в 384 г. уже в Антиохии вспыхнули волнения из-за дороговизны хлеба и явной угрозы голода (ср. Or. I. 226). — *Примеч. ред.*

²⁶ Имеются в виду две горы, расположенные в непосредственной близости от Антиохии, — большая (506 м над уровнем моря) гора Силпий (Касий), у подножия

и другие руки, и телеги, и балки, и канаты, но не было тех доводов, которые могли бы склонить к тому, чтобы сделать зрелище достоянием большего числа людей.

29. Ты же думаешь массою людей способствовать блеску Плефры, мнение — неверное. Далее, ты видишь, что, когда начинаются Олимпиады, мы уменьшаем в городе скопление людей, изгоняя большинство из лицедеев сцены, публичных женщин и гетер, и сводников. А между тем следовало бы, если бы чем больше, тем было бы лучше, озаботиться тем, чтобы присоединить из других мест еще людей.

30. На самом же деле, когда предоставляем Дафну одним мужчинам²⁷, а женщин держим вне ее пределов, что делаем? Унижаем Дафну? Делаем более священной, конечно, так как мы даже пролили слезы, когда нечестивый муж понудил нас к тому, что мы не были в состоянии выдворить всех. Однако, ввиду присутствия женщин, в Дафне в то время было больше народа, но всё же мы проклинали дерзкого, и не бесплодно, как показал способ его смерти. Прижав концы пальцев ног ко лбу, он долгое время сохранял сознание своего положения и призывал смерть.

31. Иной может усмотреть это и из того, что бывает с атлетами, когда одних вводит своим возгласом вестник, а других — нет, своим молчанием, причем то и другое определяется испытанием их. Между тем их было бы больше, если бы не было испытания. Но с лучшими выступали бы и худшие. Итак, меньшее оказалось лучше большего.

32. Зная это, элейцы²⁸ гордятся тем, что у них едва выступает на состязаниях семеро. Подобное же наблюдается и в Дельфах²⁹.

которой находилась Антиохия и на вершине которой находилась антиохийская цитадель, и отделенная от нее руслом речки Пармений гора Стаурин (Крестовая). Обе горы являлись источником строительного камня. — *Примеч. ред.*

²⁷ В предместье Дафны находилась кипарисовая роща, посвященная Аполлону. Во время Олимпий женщины в Дафну не допускались. — *Примеч. ред.*

²⁸ Либаний употребляет архаичное, мифологическое название Олимпии. В области Элиде находилось святилище с оракулом Зевса Олимпийского. — *Примеч. ред.*

²⁹ В Дельфах находилось знаменитое святилище и оракул Аполлона. Там проводились общегреческие состязания, Пифийские игры. — *Примеч. ред.*

У других же³⁰ — толпы состязателей, для состязания коих является потребность во втором дне, но известность уже не та, и нет никого столь бесстыдного, кто бы, сопоставляя атлетов по числу, захотел бы этих поставить вперед тех, у кого их выдвигается немного.

33. Вообще же, если кто-нибудь считает делом гуманности, чтобы это зрелище было предоставлено взорам всех, к чему затруднять себя, нагромождая одно на другое, когда можно то, что совершается вечером, переносить в соседний продолговатый театр³¹, и нынешний трехдневный праздник растянуть на целый месяц, и даже в наряде ничем не отличаться от кого-нибудь другого?³² Так стало бы больше народу.

34. Скорее же есть нечто и предпочтительнее этого для такой цели. Что же это? Театр под горою³³, в особенности, когда и самая гора становится вместо театра. «Но это — вне предписаний закона». А этот нынешний порядок, скажи мне, разве согласен с законом? Или перенести действие в другое место — несообразность, а устроить театр, не идущий к обряду³⁴, дело подобающее?

35. Прокл не думает, чтобы я его любил, но не имел бы многих из тех причин к тому, какие имеет теперь, если бы не относил-

³⁰ В описываемое время были известны Олимпийские игры в Афинах, установленные имп. Адрианом в 131 г., Олимпии в Эфесе, учрежденные тем же имп. Адрианом, игры в Александрии. — *Примеч. ред.*

³¹ Речь идет об амфитеатре, расположенном в районе Епифания. — *Примеч. ред.*

³² По всей видимости, посетители Плетриона отличались своим одеянием. Либаний ранее сообщал о лавровом венке (§ 15), возможно, были и другие отличия. — *Примеч. ред.*

³³ Театр классического типа на склоне горы Силпий (Касий), известный со времени Юлия Цезаря. — *Примеч. ред.*

³⁴ На горе Касий (Силпий) находилось святилище Зевса Касийского. В рассматриваемую эпоху практиковалось «профильное» использование зданий храмов и святилищ. Так, храм Каллиопы использовался как школа в 354–362 гг. (Ог. I. 102); храм Диониса стал зданием суда при консуляре Тизамене в 386 г. (Ог. XLV. 26); храм Афины стал присутственным местом юристов в 338 г. (Ер. 847); в храме Немезиды располагались судьи во время Олимпий. — *Примеч. ред.*

ся подозрительно к даваемым мною советам. Он же не уговаривал меня и советов давать. И теперь некоторые утверждают, что много и больших похвал выпадет на его долю за его работы для Плефра, а ему была бы выгода, если бы ему удалось сдержать тех, кто станут проклинать его.

36. Я знаю, сколько будет таких, когда Плефр наполнится волнением, когда толпа, разделившаяся по своим пристрастиям, преступит границы справедливости в том и другом, и в помощи своей, и в своем противодействии, когда руки пойдут в ход всюду, а крик распространится по всему городу, некоторые же дойдут до свистков. Тогда немало стариков, видящих это теперь и издавших былые порядки, горюя о великой перемене, эти старые поклонники истинных Олимпий, от каких слов в силах будут воздержаться? Вот плоды этой хваленой пристройки. И они перейдут через сына на отца³⁵, ни в чем здесь не виноватого, и это, полагаю, свойственно людям в горе, причем Олимпии сулят восхитительную награду — сидеть в страхе, зная, что придется выслушать.

³⁵ Татиана, ср. т. I, Введение, стр. LXIV [72] след.

О КОНТРАКТАХ

Orat. XLIII¹

1. Лучшие обстоятельства для той речи, какую я собираюсь сейчас сказать, миновали, друзья. Действительно, настоящий совет следовало бы изложить мне вам в писанном слове тогда, когда я впервые принимался здесь за обучение. Но, не убедив теми немногими словами, к каким я прибег, я отказался от дальнейшей мысли об этом и от составления и издания увещания. Пеняя себе за то, что давно уже не сделал этого, я выступаю с выполнением того, что было мною упущено². И желал бы, чтобы вы почтили мою речь, вняв моим уговорам, в особенности, когда в том общая

¹ Речь, адресованная учителям Антиохии, была написана зимой 385/386 г. и посвящена вопиющей недисциплинированности учеников. Фактически краткое содержание этой речи, вместе с точной хронологической привязкой, Либаний дает в своей Автобиографии (Ог. I. 241–242). — *Примеч. ред.*

² Еще в 355 г. в своем письме (Ер. 405) Либаний, жалуясь на отсутствие дисциплины среди учеников, призывал граждан срочно вмешаться, поскольку до сих пор эти проступки не вызвали никакой реакции. — *Примеч. ред.*

выгода, и моя, и тех, кто одобряет данную речь. Мне вы станете виновниками славы³, себе самим — избавления от великих зол.

2. Далее, если бы я, до сего дня, не продолжал питать к каждому из вас неизменного расположения, но одним помогал бы, другим же противодействовал, естественно и сейчас меня могли бы подозревать в том, что я не ищу общей выгоды, но пришел к этому в угоду некоторым. Но так как, хотя многие отцы представляли мне распоряжение в выборе учителей, я нигде не буду уличен в предпочтении одному перед другим, то справедливо было бы и сегодня верить, что я приступил к исправлению тех порядков, какие мною усмотрены, по моей заботе о всех одинаково. То именно, что мне нисколько не вредит, так как нет у меня соперника⁴, а делам вашим, прочих, уже долгое время вредило, и если кто не остановит, будет продолжать вредить, должно быть прекращено этою речью.

3. В особенности же, если мое красноречие пользовалось благосклонностью судьбы, и мне дано было плыть при благоприятном ветре⁵, подобно стоявшим во главе толп юношей предшественникам моим, благоденствие коих определялось множеством желавших учиться, при таких обстоятельствах естественно было бы позаботиться о том, чтобы ниоткуда не грозило ничего, способного нанести убытки. Но теперь, когда, как вы видите, дело тонет и на него устремляются все ветры, если бы вы и очень желали, нельзя действовать необдуманно и к неизбежным невыгодам прибавлять добровольный убыток.

4. Ведь вы знаете, что эти современные обстоятельства то отношение, какое принадлежало нашему красноречию, перенесли

³ Либаний намерен стать фактическим главой «корпорации» учителей Антиохии, от имени которой и будет выступать. Более четко Либаний формулирует эту свою позицию в следующем § 2. — *Примеч. ред.*

⁴ Cf. *orat. I*, § 109, т. I, стр. 37 [146]; *orat. LII*, § 31, т. I, стр. 300, 2 [504, 33].

⁵ Известная поговорка, восходящая к фрагменту Софокла: «А где преграды нет бесчинству граждан И своеволью — община такая, Хотя б счастливые ей ветры дули, Пучины не избегнет роковой» (Аях. 1081–1084; пер. Ф. Ф. Зелинского). — *Примеч. ред.*

на другое, а то отношение, какое к нему существовало, перенесли на наше, вызвав большее расположение к тому слову, коим менее восхищались, и в свою очередь меньшее к тому, которым увлекались больше, вернее же, внушив об одних речах мнение как о подателях всяких благ, а о других — как просто-напросто болтовне и источнике трудов и нищенства⁶.

5. Отсюда часты отъезды юношей и суда, уносящиеся по одному пути, в Рим⁷, и рукоплескания увозимых ребят по поводу грядущих ожиданий. Таковы: власть, могущество, брак, пребывание во дворце, беседа с императором. Но очень немногим то плавание принесло пользу, так как для большинства, не принося никакого плода, оно вело к некоторому понижению разума. Все же их влечет, и они полны ожиданий и, чего еще не приобрели, — в руках у них, и предмет оценивается по меньшему, а не подвергается исследованию по большему числу случаев. Так угодно демону относительно каждого из двух слов [т. е. греческого и латинского]. Вот почему мы приносим из школ домой печаль, не будучи в состоянии ничего делать, кроме громких сетований на времена.

6. Но это — несчастье, и мы стоим вне той причины, от которой происходит сказанное. Но кого станете винить в отходах, от которых ученье падает, как не самих себя? Или скажете, они приносят мало уныния? Разве не уходит иной, уязвленный в сердце, если вчерашний ученик сегодня станет учеником другого? Разве не теряет вкус завтрак? Разве вечером не овладевает смущение? Разве обед не горек? Не проводишь большей части ночи без сна? На следующий день разве не ненавистна кафедра? Разве не ненавистно место занятий речами, не вызывает подозрения еще остающаяся часть учеников, дерзким представляется отошедший юноша, когда он нарочно, с заносчивостью идет навстречу недавнему учителю, забыв обо всем, отбросив должное уважение, какое сквозило в его взоре, преисполнившись нахальства по от-

⁶ Речь идет о традиционном для Либания противостоянии латинским риторам и преподаванию права. — *Примеч. ред.*

⁷ На эмиграцию бывших и потенциальных учеников в Рим Либаний также сетовал не раз — Or. I. 214; 234; XL. 5–7; LXII. 12–13. — *Примеч. ред.*

ношению к учителю, каждым действием и позой стремясь оскорбить его, раздражаясь криком, если кто напомним ему о гонораре, что и время у него даром потеряно, и ничего не знает он, и ничего не слышал, и поздно отошел, и нужно бы давно это сделать, и что нет обычая платить за незнание?

7. Теми же криками раздражается отец перед отцами, причем оба, и сын, и отец, лгут, но всё же дерзают говорить, чтобы их не считали недобросовестными в уплате гонорара. А учитель из себя выходит⁸, помышляя о трудах, которые принял на себя, и о том, как он не знал, что внедряет знания⁹ в душу неблагодарного, и так вспоминая о гонораре, он впадает в такие скорбные чувства, но из страха перед этими людьми скорбит молча, так как и говорить не может¹⁰, а после этого сидит, «снедая свое сердце». А к книге и пище, извлекаемой из нее, или не приступает, или тщетно, не будучи в состоянии, как следует, напрячь свой ум для своей выгоды. Таким образом, его качества от этого понижаются. И вот, сверх потери гонорара, является и умственный упадок.

8. Стар этот обычай отходов, но в тех размерах, как сейчас, он не встречался никогда. В юности своей я знаю двух или трех, так поступивших, причем своим отходом они приобрели недобрую славу, отчего у них замечался недостаток в знакомых и друзьях. Ведь тот, кто проявил себя неверным в отношении к своему учителю, предупреждал тем всех, что он не умеет чувствовать привязанности. Прежде это было редкостью, теперь же бывает часто. Отходы почти равны по числу дней. И можете встретить одних и тех же лиц, побывавших по очереди у всех, пока они не доходят до того, от которого отошли сначала. Следует и второй обход, и третий, и в отношении каждого учителя нередко то и другое, один юноша уходит к другому, а другой юноша является, оставив другого учителя. А те, которые остаются до конца, остаются не

⁸ ἀποπνίγομαι, ср. стр. 134. 104 [177, 35; 138, 21].

⁹ οἰκοδομῶν, «созидаю в душе». Ср. т. I, стр. 85 [207], § 273, т. II, стр. 3 [8], § 8 (ἐποικοδομεῖν. IV, pg. 58, 7).

¹⁰ Ср. ep. 833.

без того, чтобы не внушать равных опасений, что поступят так же, так что и лучшие ученики внушают некоторое огорчение.

9. Каким же образом каждый мог бы прочно сохранить за собою тех учеников, какие у него есть? Если мы устраним уходы путем контрактов, и нельзя будет перебегать от этих к тем, а от тех к этим, вроде того, как бегают по углам играющие дети. Пусть всякий юноша знает, что прекращена эта вольность уходов. Пусть узнает то отец, узнает мать, узнает педагог. Теперь они все являются хозяевами тех, кто сидят на кафедрах, а когда состоится то, о чем я сказал, и они будут знать свое место и вместо того, чтобы тем [учителям] стараться на них смотреть, последуют руководству тех, кому таковое предоставлено законным порядком. Будут пущены в ход ремни, пущены в ход и жезлы. Ведь сейчас у одних их даже нет, у других имеются лишь для очистки совести¹¹, так как те, кто к ним прибегают, отлично знают, что, если будет воздана должная мера наказания, он делает юношу учеником другого¹². Если это могут вызвать удары, то тот же результат вызывает педагог, если его не задабривать. А задабриванье состоит в том, что пододвигают ему скамейку¹³, дают денег, угощают, во многом другом. Если стерпишь эти услуги, юноша остается у тебя, если не снесешь, слышишь об отходе его.

10. Итак, не только вам можно будет посредством контрактов добыть себе свободу, но и юношам представится возможным исправиться, так как, благодаря понуждению, им нельзя будет лениться. Ведь приходится, оставаясь, или иметь желание трудиться, или быть к тому приневоливаемым. И не воспрепятствует

¹¹ ἀφοσιώμεν ср. orat. XLVIII, § 4, vol. III, pg. 430, 17, orat. LIX, § 63, vol. IV, pg. 239, 21, § 92, pg. 254, 7 etc.

¹² В письме 357 г. Либаний жалуется, что его неназванный конкурент переманивает одного его ученика, который заслужил телесные наказания и вследствие этого обижен на своего учителя (Ep. 555). — *Примеч. ред.*

¹³ Обычно педагоги ожидали учеников снаружи (Or. XXXIV. 5), и приглашение их в учебное помещение («на скамейку») является признаком большого расположения учителя. Фактическое влияние педагогов было значительным, поскольку зачастую именно они рекомендовали учителя родителям своего подопечного (Or. LVIII. 36). — *Примеч. ред.*

ударам боязнь отходов. Теперь же одни — нерадивы, другие не бранят их, и одни — спят, другие не будят, и одни делают прощупки, другие молчат, зная, что поступают не по правде, но нанося внушения опасными для себя.

11. Но возмутительно, скажут отцы, если относительно детей им не будет предоставлено делать, как им угодно, и если кто-нибудь не позволит им передать сына, кому они хотят. Ведь и учителя назовут возмутительным, если никто не позволит им разбирать, с кем из юношей нужно заниматься и с кем — нет. Есть у тебя сын. Ты хочешь, чтобы он усвоил умение держать речи. Много сидит учителей, испытанных долгим временем, давших опыты своего преподавания в лице тех, кого они уже обучили. Избрав из них того, к кому тебя склоняют твои соображения, передав ему сына, предоставь ему там оставаться.

12. А то вести к одному, то к другому, не вызывается высоким мнением о последнем, но служит проявлением неуважения к первому. И вот этот второй, чувствуя это, скажет тебе немного слов и сдержанно, что он не сам себя предложил для такой цели и что он не станет с тобою оскорблять своего сотоварища по профессии. А если ты повлечешь его в суд и станешь обвинять, у него не будет недостатка в доводах и он приведет их много и справедливых, что не подобает подобным образом издеваться, но, сначала обдумав, оставаться при своем решении.

13. Что, действительно, они ведут ко второму не потому, чтобы он был лучше, то очевидно всякому. Ведь следовало бы с самого начала справиться у людей, сведущих в подобных вопросах, а промахнувшись и поддавшись обману, следовало бы тотчас предпринять второе. На самом деле, спустя целые годы, когда Горы выдвигают на очередь вопрос о гонораре¹⁴, тогда туман спадает с их глаз и они начинают разглядывать, что лучше и что хуже, и утверждают, что с самого начала были отвлечены с должного пути, не потому, чтобы они думали, что обрели нечто лучшее, но с тою целью, чтобы под благовидным предлогом забыть

¹⁴ Время выплаты гонорара наступает осенью и совпадает с началом школьных занятий. — *Примеч. ред.*

о долге признательности и чтобы представлялось, будто они пожелали лучшего. Признаком этого служит то обстоятельство, что многие возвращались снова к тем же учителям, от каких отошли как от худших. А между тем как же возможно, чтобы один и тот же преподаватель был и лучшим, и худшим? Это невозможно. Но полагаю, снова у второго прошел год, и снова Горы и срок гонора-ра переменяют мнение.

14. Но, клянусь Зевсом, подумают, что, имея возможность, благодаря контрактам, не бояться, мы впредь будем вести курсы с меньшим усердием, так как нельзя будет переходить в другое место. Но такое мнение свойственно лишь тем, кто нас не знают. И сверх того, для того, чтобы убедиться в нашем трудолюбии, достаточно указать на то обстоятельство, что мы работаем и в те дни, когда можно быть праздным. Разумею те, когда наместники собирают толпу то в театр, то в ипподром, почитая эти дни как такие, которые принесли какое-нибудь благо государям¹⁵. Итак, вестники кличут клич, в то время как толпа отправляется на эти развлечения, о которых я сказал, и возвращается назад, мы же слышим то и, зная, что происходит, трудимся, хотя при желании нам можно было бы не работать. При общем молчании это не вызвало бы отхода.

15. Кроме того, желание прибавления учеников служило бы побуждением к труду, так как каждый желал бы, чтобы о нем ходила выгодная молва, ради той пользы, какую принесут примеры. Ведь ученики, вошедшие в славу, открывают путь и тем, кто еще не посещали школы.

16. Добавим к тому еще вот что: следовало бы, чтобы сыновья подвергались экзамену со стороны отцов, в присутствии одних, в отсутствие других, причем они или сами могут судить, или привлекают лиц, способных судить, и если усматриваются и в юношах результаты нерадения руководителей их, пусть можно будет упрекать, осуждать, уличать, обвинять, и пусть он посадит,

¹⁵ Имеются в виду общественные праздники, прежде всего официальные торжества в честь дня рождения императора, по случаю празднования какой-либо годовщины или триумфа. — *Примеч. ред.*

если хочет, сколько ему угодно, судей, присоединяя к учителям некоторых посторонних лиц, пусть подает жалобу на нерадивца, представляя юношу. И если этого окажется достаточным, чтобы сделать ревностнее изобличенного, пусть он уходит, признанный несколько мягким и снисходительным, а если перевес получит решение перевести юношу, сделав это по приговору судей, пусть он оставит приговор в силе. И пусть будет приписано, друзья: «Если кто будет уличен в недостаточном усердии в занятиях с юношей, пусть он не считает себя в обиде, если кто-нибудь найдет нужным прийти на помощь юноше».

17. Итак, для родителей, полагаю, будет достаточно этого, но, может быть, иной из вас, надеясь через отходы получить несколько юношей, недоволен увещанием относительно контрактов. Но ему следует иметь в виду не только то, что он получит, но и то, что и сам, может быть, лишится нескольких тем же самым образом. А человек по натуре своей не так радуется прибытку, сколько скорбит о потере. Так что же выгоднее, ни радоваться этой утехой, ни горевать этою печалью, или жить в том и другом, в такой надежде и в таком страхе, и проводить дни и ночи в душевном волнении, стремясь к одному, трепеща за другое?

18. И действительно, сейчас школы у нас полны проклятий, учителей, обижаемых учениками, призывающих на них Эриний¹⁶, твердящих о том, какую награду, за какие труды они получили, а тогда ничего подобного не услышит ни один из богов, так как будут устранены причины неприятностей. Итак, если он обманывается в надежде, пусть будет благоразумен, противопоставляя ей неприятность потери, и, если хочет обеспечить себя против тех испытаний, каким подвергался, сперва пускай примет во внимание, что и сам сделал, затем, если находит, что еще чего-нибудь недостает в отношении справедливости, признав, что эллину свойственно отпускать подобные обиды, пусть переносит их и не считает ни примирителя хуже тех, кто

¹⁶ Эринии — богини возмездия, рожденные Герой; они появляются на земле, чтобы возбуждать месть, безумие и злобу. — *Примеч. ред.*

подзадоривает, ни софиста — посредника¹⁷, ни старшего — младших.

19. Уже долгое время вы испытывали войну и междоусобие. Теперь воспользуйтесь опытом единомыслия и дружбы. Может быть, вам, действительно, можно будет прекратить нынешние плачи, с переменою ваших обстоятельств. А плачи эти вот каковы: «Мне следовало бы заниматься земледелием», говорит один, «плавать» — говорит другой, тот указывает одну, этот — другую профессию, третий — службу у правителей. И каждый раздражается жалобами на свою бедность в настоящем и заявляет, что от каждого из тех занятий доход его был бы больше. На это плачете вы, когда приходите ко мне в курию после занятий¹⁸. И в лицо друг друга вы не злословите, но уже после завтрака прочую часть дня¹⁹ тратите на то, одни, сидя среди адвокатов, другие среди воинов, третьих можно видеть на пути их домой ненавистнически отзываящимися о людях своей профессии. А повод ненависти, может быть, и что-нибудь другое, но самый сильный — отходы.

20. Итак, если бы мне представлялась возможность исцелить всё, я сделал бы это. Но так как не предвидится исправления большинства, я останавливаю то зло, какое по силам мне прекратить. И вдумайтесь, ради Зевса, какими вместо каких вы будете, когда будет искоренена главная причина раздражения. Вы будете с большею благосклонностью смотреть друг на друга, будете лучше отзываться друг о друге. А тем, кому вы теперь поддались,

¹⁷ *πρὸς αὐτοὺς* cf. т. I, стр. 347, 1 [562, 163].

¹⁸ Там находилась школа Либания. — *Примеч. ред.*

¹⁹ Имеется в виду деятельность преподавателей после окончания занятий в школе, которые завершались в полдень. Вот как сам Либаний описывает свой обычный день в 350-х гг.: «Я же до полудня делал то же, что и прочие учителя, а затем из них одни завтракали тотчас, другие — приняв предварительно ванну, а я оставался за теми же занятиями. Когда наступление темноты поднимало меня с места, я отправлялся к другу, припоминая по нескольким запискам, имевшимся в руках, за кого следовало ходатайствовать. А он на одно соглашался, в другом, не соглашаясь, ввиду того, что того не позволяло право, объяснив мне это, отпускал...» (Or. I. 108; пер. С. П. Шестакова); как видим, сам Либаний предпочитал, говоря его словами, «сидеть среди адвокатов». — *Примеч. ред.*

скажете нечто более независимое. Перестанете вы считать счастливыми людей, избравших прочие жизненные пути, можно будет вам прогнать тех, кто заявляют, что жаждут красноречия, а детей влекут к беспечности. У них уже не будет того средства, коим могут они уязвить негодующих на их дерзость.

21. Итак, сделав этот день началом более сносных условий, приступим к контрактам, и если найдем их такими, как я сказал, будем их держаться, если же не такими, пусть восторжествует то, что внушит действительность.

К ПОЛИКЛУ

Orat. XXXVII F = XXXVI R¹

1. Всякому, вероятно, очевидно, что должна быть какая-нибудь причина, уничтожившая наше знакомство и твои ежедневные посещения меня после полудня. И чтобы люди не доискивались, отчего это произошло, и не трудились строить своих догадок, я же лаю раскрыть причину эту, каковая, полагаю, не покажет, чтобы я был человеком низким, но что иной кто-то, пожалуй, был не безупречен.

2. Когда у нас происходили беседы о царствовании мудрейшего Юлиана и я утверждал, что оно было достойным восхищения, таким, каким естественно быть царствованию такого мужа, ты, очевидно, не рад был слышать это, и под видом похвалы пори-

¹ Речь написана после 366 г. в форме письма Поликлу, консуляру провинции Сирия Финикия в 361/362 г. По словам Либания (см. далее, § 12), Поликл благодаря своим связям среди приближенных Юлиана оказался первым из местников, назначенным на должность новым императором. — *Примеч. ред.*

цал, утверждая, что он был велик своею тароватостью², приводя в доказательство того дары его евнухам; таковыми были, по твоим словам, деревни. И тут последовала о них пространная речь, говорилось, что то были отборные из тех, какие имеются в стране. Ты хотел, видно, значительностью подарков набросить тень на характер того, кто дарил, и возбудить некоторые подозрения³. Я едва перенес это, но все же вынес, зная, что это неправда и что это не были самые крупные из его даров, но не желая вступать в спор из-за этого.

3. К этому ты прибавил об уборе его матери⁴, который был отдан, по твоим словам, одному врачу в награду за смерть той жены, которая у него была⁵, в чем, будто бы, под клятвою уверял Элпидий⁶. Присоединялась сюда и похвала Элпидию, не для того,

² Amm. Marc. XXV 4, 15. (По его мнению, свою щедрость Юлиан демонстрировал назначением низкой ставки податей, освобождением провинций от уплаты *aureum cirinarium*, прощением давних недоимок, беспристрастием в тяжбах фиска (казны) с частными лицами. Однако информация о дарах Юлиана должностным и частным лицам и у Марцеллина, и в других источниках незначительна. — *Примеч. ред.*)

³ По всей видимости, Поликл мог намекать на подверженность Юлиана влиянию придворных евнухов, по аналогии с его предшественником Констанцием II (император Востока 337–361 гг.), известным своей слабостью и полным подчинением своим евнухам и придворным (ср. Amm. Marc. XXI. 16. 16). — *Примеч. ред.*

⁴ Матерью Юлиана была Василина, гречанка по происхождению, дочь префекта претория Юлия Юлиана. Она стала второй супругой Юлия Констанция, и Юлиан был ее единственным сыном. Она умерла в 332/333 г., через несколько месяцев после рождения Юлиана. Сын сохранил о ней добрую память и, став императором, назвал один из городов в Вифинии Василинополем. — *Примеч. ред.*

⁵ Елена, см. Amm. Marc. XXI 1, 5. (Елена, сестра императора Констанция, была выдана замуж за Юлиана в 355 г., когда он был провозглашен цезарем. Умерла она в 360 г., еще до восшествия Юлиана на престол, и Юлиан отправил ее тело из своей ставки в Виенне в Рим, где она была погребена на Номентанской дороге, рядом с могилой ее сестры Константины, жены цезаря Галла (брата Юлиана). — *Примеч. ред.*)

⁶ Элпидий, уроженец Пафлагонии, был одним из приближенных императора Юлиана, язычником (как сообщает Филосторгий, его даже прозвали «жрецом Элпидием»), обращенным из христианства под личным влиянием Юлиана.

чтоб похвалить Элпидия, но чтобы придать веры его клятве. Тут я возопил и, пораженный в сердце тем словом, сказал: «Но не стал бы клясться Элпидий, что в молодости был жертвою разврата». И я сказал то же, что римский сенат и народ, как сообщалось сюда людьми, долго там жившими, и что он заменил наложницу человеку, дельному в остальном, но в этом несчастному. Были и такие, что утверждали, будто он и до смерти не освободился от этого недуга. И вот до чего ты был подавлен⁷ истиной, что и сам признавался, что слышал подобное от одного из его ассессоров. Итак, я заявил, что такой человек, по доброй воле преобразовавшийся в женщину, лишен прав⁸, и образом жизни его у него отнята возможность злословить другого. Это я заявил.

4. А ты хотел, чтобы я молча встретил речи против той священной главы и предал доблестного государя и друга⁹. Ведь он был мне другом, и я не отрекся бы от этого. Но не таков долг друзьям со стороны друзей, но помощь, рвение, слово, дело, предмною же был момент не дела, а слова. Итак, я говорил и возражал, когда низкий человек злословил благородного.

В период правления Юлиана, будучи комитом частных дел (имущества императора), он находился в должности препозита — смотрителя царского дворца. После смерти Юлиана он был в 364 г. проконсулом провинции Азия и за участие в мятеже Прокопия (365–366 гг.) был осужден и умер в тюрьме уже при Валенте (Theodoret. III. 12. 3; Philost. H. E. VII. 10). — *Примеч. ред.*

⁷ κατεχόμενος, ср. стр. 52 [71, 9].

⁸ У Либания были сложные отношения с Элпидием. С одной стороны, оратор состоял с ним в дружеской переписке. С другой, в письме императору Юлиану, написанном сразу после смещения Элпидия с поста префекта претория Востока, Либаний жалуется на «несправедливости» Элпидия, в частности, что он прекратил выплаты Либанию, которые восстановил его преемник префект Саллюстий (Ер. 652). В данной речи оратор упоминает уже арестованного чиновника, так что пренебрежительное отношение к нему в этом смысле оправданно (равно как и в Ор. XLII. 23–24, где Либаний подчеркивает незначительное происхождение отца Элпидия, хотя само упоминание в 390 г. осужденного и умершего в тюрьме чиновника носит скорее нейтральный характер), однако предварительный сбор «компромата» Либанием в отношении Элпидия говорит сам за себя. — *Примеч. ред.*

⁹ Ср. письма, автобиографию, § 120 след., т. I, стр. 41 [151] след. и особ. Эпитафий.

5. Сердился я не потому только, что был другом, но и на клевету. В самом деле, кто бы из греков или варваров мог поверить не только тому, чтобы он сам убил собственную жену¹⁰, но вообще убил без вины какого-либо человека? Что говорю, убил? Кого это он лишил отечества или кого — денег, этот человек, проводивший дни и ночи в жертвоприношениях, молитвах, беседах с демонами, имевший с ними общение чрез посредство предсказателей и скорее в их благосклонности, чем в руках воинов, полагавший надежду во время войн?¹¹ Неужели вступил бы он под одну кровлю с другим, совершившим подобное преступление, или обратился к нему со словом и стал слушать его речь? Разве не знаешь ты, что и тех, которые как-то составили заговор против него, чтобы его убить, а самим властвовать, он изобличил и отпустил?¹²

6. Так неужто этот человек убил бы жену ядом, не имея в чем ее обвинить или даже располагая обвинением? И неужели он произнес бы врачу такие слова: «Замешай снадобье; влей, дай и, каким хочешь способом, покажи мне труп жены, возьми на себя дело, противоположное твоей профессии, и награда тебе —

¹⁰ По версии сторонников Юлиана, передаваемой Аммианом Марцеллином, Евсевия, жена императора Констанция, предпринимала всевозможные усилия, чтобы у Юлиана не родился ребенок (возможный наследник престола). В 356 г., когда Елена была с мужем в Галлии, Евсевия подкупила повитуху, которая уморила новорожденного сына Елены и Юлиана. В 357 г. Евсевия пригласила Елену в Рим, где хитростью напоила особым снадобьем, вызывающим выкидыши (XVI. 10. 18–19). Если посмотреть на эту историю объективно, то увидим, что у Елены за короткий срок было как минимум две беременности, одна из которых закончилась выкидышем, что могло подорвать ее здоровье, и смерть Елены кажется вполне естественной. — *Примеч. ред.*

¹¹ Ср. *Надгробную речь* (orat. XVIII), § 126 след., orat. XVII, § 9.

¹² Orat. XVIII, § 199, т. I, стр. 364 [584]. Amm. Marc. XXII, 11, 2. (См. о заговоре у Григория Назианзина (Or. IV. 84). Данные события связаны с казнями Ювентина и Максимиана. Либаний в «*Надгробной речи* Юлиану» пишет об участии в заговоре 10 «гоплитов», не называя имен. Аммиан Марцеллин упоминает казнь сына бывшего магистра конницы и пехоты Марцелла за покушение на верховную власть — возможно, это один из 10 «гоплитов». — *Примеч. ред.*)

убор, когда-то украшавший мою мать?» Чтобы он произнес такие слова? Чтобы отверз уста для подобных речей? И язык его не запнулся бы? А свершив такое деяние, не ослепил ли бы он себя, дабы не видеть того, кому сказал эти слова?

7. Мне представляется, тот, кто сказал эту ложь, не воздержался бы даже насчет сыновей Зевса и финикиянки¹³ сказать, что ближайшие родственники потерпели от них самую ужасную судьбу. Мне кажется, не может пользоваться другой славой этот ученик их и Эака. Ведь приему Эака относительно засухи¹⁴ можно бы противопоставить прием этого человека в отношении землетрясений. Один, помолившись, склонил Зевса пролить дождь, другой — Посейдона прекратить землетрясения¹⁵, во время коих величайший страх царил в величайшем городе.

8. Следовательно, как того, кто дерзает сказать что-либо подобное о них, надо считать сумасбродом, так и того, кто на то же дерзает по адресу этого человека, в особенности когда не только брачные обязательства должны бы были помешать такому деянию, но и родственные. Ведь жена его была, вместе с тем, и двоюродною сестрою — она была сестрою Констанция. А он, не побоявшись ни тех, ни других богов, ни тех, кто оберегают браки, ни тех, кто покровительствует родам, стал бы

¹³ Т. е. Европы: Радамант и Минос, ср. *orat. XVI*, § 19, vol. II, pg. 167. 15. (Европа в греческой мифологии была дочерью финикийского царя Агенора. Радамант и Минос — сыновья Зевса и Европы. Считались самыми справедливыми среди людей и после смерти стали вместе с Эаком судьями над мертвыми в Аиде (*Plato. Apol.* 41 а). — *Примеч. ред.*)

¹⁴ Эак был сыном Зевса и речной нимфы Эгины. Среди греков Эак слыл самым справедливым и благочестивым, поэтому во время долгой засухи, поразившей Элладу, посланцы со всех концов страны прибыли к Эаку, чтобы он попросил у Зевса дождя. Зевс же внял просьбам сына. — *Примеч. ред.*

¹⁵ *Orat. XVIII*, § 177, т. I, стр. 358 [577]. (Имеется в виду землетрясение 2 декабря 362 г., в ходе которого сильно пострадали Никомедия и Никея (*Amm. Marc. XXII. 13. 5*); возможно, толчки ощущались и в Константинополе (ср о панике в «величайшем городе»). В другой своей речи (*Or. XV. 71*) Либаний относит подобные действия Юлиана к бедствию в Антиохии. Что касается Посейдона, то одной из его основных ипостасей было божество землетрясений, — ср. у Гомера эпитет Посейдона «колебатель земли» (*Od. V. 366*). — *Примеч. ред.*)

говорить врачу такие слова, если днем, Гелиоса не совестясь, если ночью, — ночи?

9. И Элпидий, будучи Элпидием, никому не отдавал никакого подобного приказа, но утверждает, что всех тех, кого приговаривал к казни на постах правителя, какие он занимал, приговаривал по справедливости¹⁶, а он, непрерывно пребывавший около жертвенников, не расстававшийся со статуями богов, он, воздержанностью в пище угождавший богам¹⁷, он сделал бы то, о чем подумать — нечестиво, и убил ту, с кем был в брачном сожительстве? И результат снадобья — смерть, а улики, когда она лежала мертвой, никакой? А между тем во дворце не один врач, а возможно большее число. Следовательно, один, получив вознаграждение, стал бы скрывать скверну преступления, а прочие все не стали бы вопиять?

10. Констанций же ни не знать не мог бы, ни оставаться спокойным, но как по сестре и царице пустил бы в ход все средства, при этом нуждаясь в поводе к отнятию у этого человека скипетра. Ведь он раскаялся в разделении с ним власти не потому, что нашел его плохим, но потому, что он оказался выше его по качествам своим¹⁸.

¹⁶ Аммиан приводит сходную характеристику Элпидия, основанную на личных впечатлениях: «Это был человек весьма непримечательный и не речистый, но прямой по характеру, неспособный пролить чужую кровь и склонный к состраданию до такой степени, что когда однажды в его присутствии Констанций приказал подвергнуть пытке одного невиновного, он совершенно спокойно стал просить снять с него сан и поручить другим, более сильным, людям вести это дело согласно желанию государя» (XXI. 6. 9; пер. Ю. А. Кулаковского). — *Примеч. ред.*

¹⁷ Ibid., § 171, т. I, стр. 356 [575].

¹⁸ Ср. orat. XVIII, § 90, т. I, стр. 334 [547] след. (Вот как описывал данную ситуацию ее свидетель Аммиан Марцеллин: «Доблестные деяния Юлиана не перестали волновать Констанция во время спешных его сборов к выступлению на Восток... переходившая из уст в уста молва разносила среди разных племен и народов славу о великих трудах и подвигах Юлиана, вознося ему хвалу за то, что он разрушил несколько алеманнских царств и возвратил римской державе галльские города, разграбленные и разрушенные теми самыми варварами, которых он теперь сделал данниками Рима» (XX. 4. 1; пер. Ю. А. Кулаковского). — *Примеч. ред.*)

И были люди, которые готовы были все исследовать, обо всем донести, которм клевета была в радость¹⁹.

11. Из них первый Элпидий, от которого, в его звании префекта²⁰, не укрылось бы дело такой важности и который не смолчал бы, узнав о нем, так как ему предстояло бы тогда сделаться благодетелем императора. Итак, если он сказал, покажи. Если же не сказал, значит, и преступления не бывало, но тот, кто воздвиг против себя армию многими и важными злоупотреблениями и спасен был слезами Юлиана, — за что был обязан признательностью, за это требует возмездия, прибегая ко лжи.

12. Рассказывая нам эту ложь, ты присоединял собственный приговор, и голосом, и взором, и кивками головы соглашаясь с непотребным человеком в осуждении целомудренного, не вспомнив о Финикии и власти над финикийцами²¹, которая первая дана была тебе первому после воцарения его единовластным императором. Тебя он не знал, но был введен в заблуждение другим²². А когда ты не знал удержу и не мог соблюсти благоразумия, он не

¹⁹ Среди таковых следует назвать прежде всего префекта претория Галлии Флоренция: по сообщению Аммиана, Флоренций боялся Юлиана, поскольку нередко бывал с ним недостаточно вежлив и периодически клеветал на него Констанцию (XX. 4. 2; 8. 20). О конфликте Юлиана с Флоренцием и о клевете Флоренция Либаний был прекрасно осведомлен (Or. XVIII. 84–85). — *Примеч. ред.*

²⁰ Ер. 1463. Amm. Marc. XXI, 6, 9. (Карьера Элпидия при имп. Констанции была вполне успешной. Он стал консуляром Паннонии в 352 г. (Cod. Theod. VII. 20. 6), а к февралю 360 г. был назначен префектом претория Востока (Cod. Theod. XI. 24. 1; в это время он упоминается как префект). Вскоре после вступления на престол Юлиан сместил Элпидия с поста префекта, хотя, судя по тексту, § 11, в дальнейшем его не преследовал и, вероятно, относился к нему нейтрально (см. благожелательную характеристику Элпидия, данную сторонником Юлиана Аммианом Марцеллином). Видимо, именно для того, чтобы заслужить расположение нового императора, Элпидий перешел в язычество и получил высокую придворную должность. — *Примеч. ред.*)

²¹ Ср. Sievers, S. 250.

²² Скорее всего, это Секунд Саллюстий, соратник и приближенный Юлиана, назначенный префектом претория Востока практически сразу после вступления Юлиана в Константинополь (Amm. Marc. XXII. 3. 1). — *Примеч. ред.*

мог считать низких поступков доблестными, но был удручен. Ты же, вместо себя, ненавидел того наилучшего человека, в то время как тебе следовало бы быть ему признательным за власть, а винить свои глаза или то, что вызывало в тебе такие похоти.

13. Но возвращаюсь к тому, что ты делал общим, Элпидия и твоим, его отзыв, направленный против того человека, открыто восхваляя сказавшего, восхваляя и сказанное, тем путем, как я сообщил сейчас. А между тем было бы возмутительным и не бранить как ту речь, так и это, но ты так говорил, как будто думал убедить меня, а когда я справедливо не снес этого и разразился словами, мне никоим образом не приличествовавшими, но лучше всего подобавшими для отповеди Элпидию, тогда ты удалился, не проявив никакого гнева, и, раздумывая, как бы оборониться от меня, устроил это так, что прекратил свои посещения меня.

14. Почему? Ведь не одно и то же Элпидий и Поликл. И даже если бы я сказал, что он продал свою юность, а ты тоже, отправление, по приказу такого-то, в Риме, разделить ложе, не было бы делом Поликла, и также, если тому после этого следовало сковать язык, от тебя мы не требовали молчания. Но мне кажется, я вижу причину гнева. Общюю против обоих, как кажется, была та молва: «Одни и те же у вас взятки, одни и те же ночи. Одинаковы ваши добытки, одинаковы ваши угождения». Ты, следовательно, думал, что слышишь это столько же о нем, сколько о себе.

15. То же самое, мне кажется, чувствовало бы и большее число людей, если бы, испытав одну и ту же с ним судьбу, они, в своем присутствии, услышали бы эти речи. Они были бы уязвлены собою и тем, что сознавали за собою. Знаем, что то же случалось и во время риторических декламаций. Тот, кто обрабатывает речь, по просьбе поминает о некоторых таких вещах, а иной, сознавая свои недостатки, прячется со стыда, не имея возможности осудить воли упомянувшего, но сказанным пораженный. Однако он не выступает на арену для борьбы с софистом и не объявляет себя оскорбленным, не говорит, что оратор подлежит перед ним ответственности за свои слова, даже если сам он был в числе лиц, с ним беседовавших, к нему подходивших, этого уже не делал.

16. А ты поднялся и отскочил, как будто бы сам был Элпидием. Если же ты говоришь, что вознегодовал на незаслуженно дурную славу друга, надо было бы уличать и этим путем помогать другу. Но нельзя было. Как, в самом деле, возможно было бы это тому, который сам сказал, что слышал о нем подобные слова?

17. Этим ужасным мщением, знай, ты познакомил нас с тем, каким был ты в молодости. Да и чем повредило нам такое возмездие, желал бы я знать? Ни ухудшил ты для меня мои занятия искусством, перестав посещать меня, ни своими посещениями не способствовал их подъему, ты, который немало времени тратил на болтовню, а того юношу, которого заставлял говорящим, повергал в отчаяние бесчувственностью, с какою слушал.

18. Никогда не был ты другом, но хотел казаться таковым. И всегда ты наносил удар там, где надеялся сделать то исподтишка. Извратив и слова о звездах и помощи через них, ты создал мне врагов, перенося на них то, в чем я винил рок, меня тем обижая, им лстя, на их злокозненности строя свои надежды на величайшие блага, административные должности и браки. Ведь я слышу, ты еще думаешь о браке, собираясь увенчать такую седину.

19. Ты думаешь, что эти проклятые могут это сделать при помощи печей, пепла и огня в них?²³ И много раз тебя обманывали, но ты не перестал рассчитывать чего-нибудь добиться через них. Но вместо того, чтобы получить что-нибудь, тебе достаточно ожидать получить, и ты ходишь кругом да около, осведомляясь не только о том, нет ли кого, поистине достигшего верха в этом искусстве, но и о том, не обладает ли кто хотя бы в умеренной степени этим умением или иной кто владеет им хоть бы плохо, и ты уверен, что и в таких людях нередко бывает больше силы, чем у тех, кто владеют им в совершенстве, и ты ходишь к ним, и их приглашаешь к себе, и, оставив сверстников, увлекаешься сношениями с ними, то в уединении, то среди толпы, вторым знакомством отстраняя подозрение, внушенное предшествующим опытом.

²³ Дело идет, думаем, о волшебстве (возвращении молодости колдовством).

20. И ради этих целей ты так сильно гоняешься за такими людьми, что никто из тех, кто видит тебя, не промахнется в своем предвещании, заявляя, что речь у вас идет об этом предмете. Вместо денег ты им предоставляешь обвинение против меня и заявляешь, что выдаешь тайны и их интересы предпочитаешь моим. Если же бы я скорее показался тебе колдуном, ты ко мне неправ, они поступили неправо, и лучше тебе стать на мою сторону.

21. Итак, я сказал, что понадобятся звезды и попытка многими мольбами умиловить Ареса²⁴, но предположим, было сказано о намерении отклонить их лучи. Итак, в обоих случаях надлежало бы тебе негодовать вместе со мною, на меня ли был какой замысел, или страх был пустым и опасения напрасны. Ведь это мое несчастье, а тебя я и не подозревал, и не говорил, чтобы ты что-нибудь против меня делал. Что же за причина перемены? Что за причина бегства?

22. Или тебе представляется, я поступаю неправо, когда не пишу хвалебных речей тем, кто на погибель многим день спят, а ночью желают повелевать демонами? А между тем, ты говоришь, что никому не уступаешь в таких злых делах, скорее, знаешь не меньше, чем одни, других больше. Но все же и с худшим в столь зловредных занятиях ты обращаешься с величайшей охотой, считая приятнее праздника слышать что-нибудь или говорить о таком предмете. Между тем, следовало бы воспользоваться прежними опасностями как уроком. Ты же, как кажется, от избежания их стал хуже.

²⁴ Арес — в греческой мифологии бог войны, раздоров, войны ради войны. — *Примеч. ред.*

ПРОТИВ СИЛЬВАНА

Orat. XXXVIII¹

1. Ничего удивительного нет в том, что Сильван, сын Гауденция, злословит меня, ведь он бранит и отца своего Гауденция, и его не только бранил, но и причинял зло ему. Меня же некоторые усовещивали, и сам я себя не раз уговаривал молчать, но, полагая, что своим словом об этом сделаю других более скромными, я счел лучшим сказать, чем молчать. И вместе с тем я рассчитываю многих из тех, которые с ним теперь разговаривают, убедить избегать этого общения как сопряженного с некоторой неблагоприятностью.

2. Вот как было дело. Когда я явился сюда² и начал заниматься тем делом, которым теперь занимаюсь, Гауденций, человек поря-

¹ Речь написана после 388 г. (см. § 6). — *Примеч. ред.*

² Либаний окончательно вернулся в Антиохию весной 354 г., через год после своей первой пробной поездки на родину из Константинополя (Ер. 395). В столице Либаний занимал официальную должность ритора. — *Примеч. ред.*

дочный и приличный и много времени проведенный за преподаванием³, явившись ко мне и показав этого Сильвана, которого он отрекомендовал как своего сына, просил меня и его принять в число учеников, помянув и о гонораре. Я же за гонорар рассердился, а этого ученика принял с удовольствием, не зная, каков он будет в отношении к учителю, но своею готовностью почитая отца. И труда у меня с ним было больше, чем с кем-нибудь другим, настолько он был и неподвижен по натуре, и так неспособен быстро воспринимать то, что ему говорили, но все же и при таких условиях я считал нужным его понуждать.

3. Итак, когда он признан был способным говорить судебные речи⁴, явившись за Евфрат⁵ и заработав деньги, он потом явился для тех же занятий сюда. Помощь, какую естественно нужно было получить от меня в таком деле, он получил, но я не знал, что благодетельствую недобросовестного человека⁶, пока не вывела все на свет приключившаяся мне невзгода с ногою⁷, когда, в то время

³ Гауденций был преподавателем в школе Зиновия, учителя Либания, а затем, после смерти Зиновия в 355 г., стал преподавателем в школе его преемника Либания (Ер. 329). В 356 г. он упоминается Либанием как διδάσκαλος, при этом оратор называет его «старым», — Гауденций, по данным Либания, преподавал до 80 лет (Ер. 749; 543). — *Примеч. ред.*

⁴ После окончания курса обучения у Либания Сильван направился в Берит, где поступил в школу права преподавателя Домнина, друга Либания (Ер. 87). После ее окончания Сильван стал судебным защитником, синдиком, и хорошее знание им законов Либаний отмечает в своем письме к Домнину. — *Примеч. ред.*

⁵ Речь идет о римских провинциях в Месопотамии — Евфратисии, Осроене и Месопотамии. — *Примеч. ред.*

⁶ В своем единственном письме от 359 г., в котором упоминается Сильван, Либаний отмечает хороший характер своего бывшего ученика (Ер. 87). — *Примеч. ред.*

⁷ Первый серьезный приступ подагры у Либания, обездвиживший его на некоторое время, относится к 364 г. (Ор. I. 139–140). В 380 г. Либаний получил травму ноги во время бытовой драки, случайным участником которой оказался. В результате оратор был обездвижен на длительное время и даже не смог выступить на Олимпиях с заготовленной заранее речью (Ор. I. 183–184). В данном случае Либаний имеет в виду именно случай 380 г., имевший, по его словам, широкий резонанс («...произошло увечье правой ноги. О нем

как все плакали и молва о несчастье вызывала по всему городу слезы, этот один не мог удержаться и скрыть радость под притворной печалью, но и дважды, и трижды опрашивая вследствие недоверия к тому, чтобы такое благо для него случилось, после того, как узнал, что так и есть, и молва не обманывает, вскочив и высоко подпрыгнув от земли, рукоплеща и всем прочим поведением обнаруживая удовольствие, добавил к этому громким голосом, что это дело Зевса, творящего справедливое⁸.

4. Я же, лежа при малых надеждах на спасение, слышал это и про себя соображал, не потерпел ли он от меня когда-либо чего-нибудь дурного, чтобы так злорадствовать. Тут я находил благодеяния, а никакой несправедливости или неприятности. Итак, когда я удручен был этим, некто из сидевших подле меня говорит, что я поздно узнал этого человека, который давно, еще раньше несчастья, был ко мне неприязнен.

5. Что же значит его поступок, хвала богу во время несчастья с ногой? Раздачи устроителя Олимпий соотрапезникам для отнесения домой после обеда⁹ делали повинность эту тяжкою и невыносимою, и была опасность, что праздник не состоится. Желая прекратить это, я уговаривал многих и убедил одного, оценившего совет по советнику, так как, по его мнению, никогда бы я не предложил чего-нибудь неподобающего. И пусть он и его бабушка встретят за это благосклонность со стороны Зевса. Итак, из остальных одни одобряли, другие не обвиняли, а если кто и был недоволен, то сетовал молча. Один этот раздражался криками и, очевидно, огорчен был тем, что я не умер. Ведь одной и той же душе свойственно было бы, конечно, и этому радоваться, и того

какой город не слышал на материках ли, или на островах?» (183) — ср. далее о «слезях» по всей Антиохии при получении информации о травме оратора). — *Примеч. ред.*

⁸ Зевс Олимпийский — покровитель городской жизни, защитник обиженных и покровитель молящих. Среди его эпитетов — «помощник в беде», «спаситель», «оградитель». Возможно, Сильван имел в виду Зевса Филия («Друга» см. Or. I. 122), храм которого находился в городе. — *Примеч. ред.*

⁹ Ср. Or. X. 4-5; 15. — *Примеч. ред.*

желать, и бывший ученик мой был более несправедлив, чем те, кто не были со мною знакомы, и не давший ничего — более, чем те, кто давали что-нибудь.

6. У него был сын в числе обучавшихся бесплатно, и он, как отец, пользовавшийся моею бедственностью. Желая же и через сына мне причинить обиду, отвлекши его от моих дверей и увезя его, он отдает в обучение другому языку¹⁰, не потому, чтобы чувствовал к последнему пристрастие, но чтобы оскорбить наш, вернее же, этим вторым меня. И он увещевает сына, величавшегося своею упитанностью, считать наравне с богами презренного ливийца¹¹ и не щадить ничего из того, что ему полезно, ни слова, ни дела, ни руки, ни ноги, ни войны, ни битвы, ни ран, ни того, если даже придется вступить в борьбу с моими учениками.

7. И он не переставал поднимать шум, угрожать, нахальствовать. И когда кто-нибудь обвинял, называя деда¹², не отца уже во всяком случае, он прибегал к отговорке, что необходимо помогать учителю. И это служило прикрытием оскорблений по наущению к такому похвальному оправданию этого человека, который извлекал выгоды из беспорядков среди юношей.

8. Но и это, как оно ни важно, не так значительно, как то, о чем сейчас скажу. Отдавшись в распоряжение любителям красивых для услуг им, и с одними знакомясь вне, с другими внутри, и многими ходами доставляя ответы тех и других упомянутых лицам, становясь участником в дележе даров любви, многие дома он сделал несчастными, дни и ночи наполнив своим непотребством, когда не был в состоянии привести другого, предоставляя к услугам себя самого, сам и жертва разврата, и сводник.

9. И пусть никто не скажет: «Но какое это отношение имеет к отцу?» Ведь если бы он не знал об этих трудах, и в этом случае

¹⁰ θατέρα φωνή ср. vol. I, pg. 144, 11, orat. 1, § 127, § 225, pg. 193 6 Ἰταλῶν φωνή, orat. LVIII, § 21, vol. IV, pg. 191, 7 ἡ ἐτέρα φωνή.

¹¹ По всей видимости, имеется в виду латинский ритор, официально представленный в Антиохии в 388 г. по инициативе комита Востока, христианина, вступившего в должность в 387 г. (см. Or. I. 255). — *Примеч. ред.*

¹² Т. е. Гауденция, см. § 1.

не было бы ему оправдания. Пусть ни один отец не остается несведущим о своем сыне и, заботясь о вещах более маловажных, как рабах, деньгах, конях, ослах, не пренебрегает столь важным предметом. В самом деле, что дороже сына отцу? Все же, действительно, допустим, он говорит нечто, ссылаясь на свое незнание. На самом же деле, даже этой отговорки нет у него, так как он не раз и от многих людей слышал: «Сильван, будучи отцом порочного сына, неужели ты снисходительно относишься к тому, что он предоставил свою юность желающим, и не прекратил того даже теперь, и детей других отцов вовлек в ту же пучину, и из обоих этих источников внес деньги в дом? Неужели не выгонишь его, выгонишь ударами, с ранами, или даже, клянусь Зевсом, судебным порядком?»

10. А он, слыша это, заявлял, что удержит его, но предоставлял ему оставаться прежним и жить в тех же привычках, получать ту же плату и вредить по-прежнему, зная, что большая часть позора ляжет на меня вследствие того, что будет казаться, будто такие задатки получены у меня, если в действительности дело и обстоит иначе. А вот самое веское свидетельство того, что отец знает и, зная, одобряет поступки сына.

11. Недавно он подошел к кому-то из красивых и пытался уговорить, а тот отскочил. Он же, наступая на него, тащил, схватив его, и побил. Когда же родственники юноши, узнав о дерзком поступке, быв сильны и немалочисленны, обступили его и пустили в ход против него руки, честный отец, узнав, не разразился против них, как обидчиков, криком и не наказал его как за дурные поступки. А между тем, следовало бы или их обвинить за неправые побои, или присоединить к наказанию с их стороны свое, отцовское.

12. На самом деле, их он ни в чем не упрекнул, а того утешил, разразившегося против меня, ничего не понимавшего в том, что происходило, во время самых побоев градом проклятий. Вместо того, чтобы его ненавидеть за такие качества — да разве возможно не гневаться кому-либо за такие дела? — он обращал гнев свой на меня. Но ни я не был виновен в побоях, ни бывшие, но тот, кто

вынудил применить побои. Таковым был предоставивший волю на такие поступки отец. А дал он волю, дабы мне пришлось худо, благодаря позору от дерзостей его сына.

13. Таким образом он обижал меня через посредство обоих, свое и сына, научившись на отце считать принцип справедливости пустяками и болтовней. Ведь благородный Сильван у нас отцеубийца, как говорят некоторые, десницей нанесший ему удар по затылку; а, как все признают, изведший его многими печальями, отняв у него распоряжение в доме, заставив угрозами глядеть в землю, не позволяя вздохнуть свободно и не давая чувствовать себя вполне безопасным от возможности всячески испытать какую-нибудь беду.

14. Он, старик, утомившись, возвращался с преподавания, чтобы подкрепиться пищею, а сын, заперев двери и держа ключ при себе, пребывал у других. Старик же сидел около лестницы, плакать не дерзая, так как то было не безопасно, если бы услышал Сильван, но стеная без слез и молясь богам, чтобы пришел, наконец, тот, кто дозволит коснуться хлеба и вина. Ему и эта пища была горька, когда сын даже не спрашивал его ни о чем, а если сам он спрашивал сына, делал это бесплодно: ни слова не слышал он от него. Он торопил отца с трапезой своим молчаливым гневом, суровым взглядом, сердитыми кивками слугам. И очевидно было из всех его поступков, что он страстно желает смерти старика.

15. Это яснее обнаружилось в том, как произошла его смерть, и в том, что последовало за нею. Когда с ним приключился внезапный припадок дремоты, в то время как он вел с кафедры обычное преподавание ученикам, так что он даже не отдавал себе отчета, где он, он был принесен домой, при неведении всех, больших и малых, и то было ужасное и скорбное зрелище для людей, которые, пораженные до глубины души, осведомлялись, кого несут; надо заметить, что этот человек, дельный и порядочный во всех отношениях, двигал правой рукой, как в тот момент прибегал он к ее содействию при преподавании, и не сознавал даже этого, а все же двигал и воображал, что говорит что-то друзьям, на самом деле никаких слов не произнося, из-за чего именно и

текло больше всего слез у видевших и слышавших, и одни даже не пообедали, другие — не без плача. И вот тогда сын, наследник, на которого он потратил много своих трудов, немало и трудов многих других ради него, воспользовавшийся мягкостью отца для издевательства над ним самим, причем тот никому из людей не поверил ничего о своих страданиях; итак, вот этот сын, присутствуя и пристально наблюдая вблизи несчастье, не восстал, не возрыдал, ничего не сделал такого, что подобало сделать в таких обстоятельствах, этот человек среди таких потоков слез. Ведь не было никого, кто бы не испытывал такого волнения, помышляя о добродетели лежавшего и о том, что умирает такой человек, причем плач вызывала в особенности рука.

16. А он даже не подражал другим, так далек был он от того, чтобы вызывать к плачу других; но, мне кажется, он даже ненавидел унывавших и считал тех, которые не уходили, докучными, осуждал, видно, медлительность души. Затем тот был погребен, а этот услаждался его кончиной и был радостен, избавившись от неприятного ему лицемерия отца и учителя.

17. Итак, следовало бы друзьям последнего и моим скорее всего искать возмездия за нечестивые поступки против обоих нас, а если нет, по крайней мере, не благодетельствовать ему. Но они призывают его, когда он в отсутствии, принимают, когда он посещает их, званого и незваного угощают, с удовольствием видят его, с охотой беседуют с ним. Один и деньгами убагловывает ненавистного богам, другой считает врагов его и своими. «Учителя, — говорят они, — чтим мы, при этом».

18. Я, конечно, одобряю желающих чтить учителя и утверждаю, что те, кто не таковы, неправы по отношению к воспитавшим их, однако надо было бы чтить учителя отказом в почтении этому человеку. Это значило бы согласоваться с обстоятельствами. Ведь если бы этот человек выполнял по отношению к тому долг сына и ученика, он по справедливости должен был бы встретиться с вашей стороны эти нынешние знаки внимания. Если же он забыл о долге природы и нарушил ее требования, и все время огорчал и гнал родителя, и продлил в течение столь долгой

жизни его эту непримиримую войну с ним, оскорбляя, помимо природы, и учителя, тогда воюющий с Сильваном — друг Гауденцию, а тот, кто его благодетельствует, враг тому. Ведь и не сына благодетельствует тот, кто благодетельствует этому человеку, все время вредившему отцу, отнимавшему гонорар, какой он получал от своего преподавания, и голодом и жаждою старика увеличивавшему свое состояние.

19. Итак, тот, кто признателен Гауденцию за ученье слову, пусть и ненавидит Сильвана, и бежит при его появлении, и пусть считает одинаковой скверной и пребывать под одной кровлей с убийцей, и вести знакомство с этим человеком. Ведь, сверх пренебрежения природою и несоблюдения ее законов, естественно, можно считать, такая смерть имела поводом печаль из-за сына.

20. Итак, эти люди когда-нибудь одумаются и узнают, чем им угодить Гауденцию, но справедливо я мог бы обвинить и курию, удостоившую свободы от повинностей этого злодея¹³. В список ее его включила величайшая из властей¹⁴, а принявшие его предоставили жить ему в неге. И когда положение общины требует декурионов, они говорят, их нет, но оплакивают, как их немного вместо многих прежних¹⁵, как будто те, кто после великого

¹³ От повинностей декурионов освобождались военные, служащие административного аппарата и адвокаты, зарегистрированные в суде наместника, — к последним, очевидно, относился Сильван. Этот метод уклонения от куриальных обязанностей был запрещен в 358 и 381 гг. (Cod. Theod. XII. 1. 46; 87), но он остался наиболее популярным способом избавления. Либаний сам часто просил зарегистрировать своих учеников в суде наместника в качестве адвокатов. — *Примеч. ред.*

¹⁴ Либаний в Ер. 87 от 359 г. пишет, что Сильван был зарегистрирован в суде в качестве адвоката по указанию комита Востока Домиция Модеста, находившегося в этой должности в 358–362 гг. — *Примеч. ред.*

¹⁵ В Or. XLVIII. 4 Либаний сообщает, что количество членов городского сената сократилось с 600 до 60, а подобное соотношение цифр (как и 1200 и 12 — Or. XLIX. 8) наводит на мысль об использовании риторического приема. Однако Либаний в Or. XLIX. 8 оговаривается: «нас было 600 или, Зевс свидетель, вдвое столько», что определяет цифру 1200 как максимальную для членов городского сената Антиохии. Что же касается численности оставшихся членов сената (60 или 12), то данные цифры являются, скорее всего, средством

богатства дома спустились до незначительной суммы, а ему предоставили владеть именем, без пользы для курии, ни себе не помогая, ни заботясь о родине и делая тщетным приговор судьбы¹⁶.

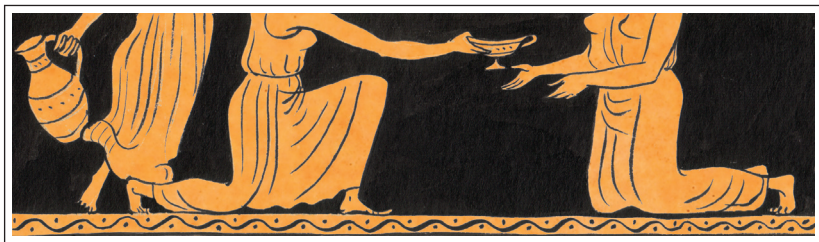
21. «Но не в отношении к одному этому такова она», — говорят противники. Но это не значит не творить неправды, но творить ее во многих случаях. Ведь делом курии в таком ее состоянии было, конечно, хвататься за подобные случаи, но не упускать их. Всех надо было бы обязать повинностями и никому ни из-за кого не давать такой несправедливой свободы.

22. Но это гораздо возмутительнее того, и возмутительнее тем больше, что не одинакова жизнь Сильвана и каждого из них. Что подобного, в самом деле, может сказать о них кто-нибудь? Ничего. Но одна у них та вина, что они не желают справлять повинностей, отцов же своих они не порабощали, не предавали их страхам и голоду, не насмехались над ними по смерти их, не считали учителей врагами и не вредили им, сколько было можно.

23. Пусть же курия держится за этого самого испорченного человека, и так как он избежал прочих наказаний, по крайней мере, пусть смирит она его этими издержками, и пусть станет он несколько умереннее, откинув ту дерзость, что видна в его взоре.

наглядной демонстрации катастрофического сокращения количества декурионов. — *Примеч. ред.*

¹⁶ По всей видимости, право Сильвана на наследование имущества Гауденция, прежде всего земельного владения, о котором идет речь в данном параграфе, было установлено судебным решением. Необходимость судебного разбирательства была обусловлена наличием у его отца Гауденция других детей (в письме от 362 г. к Экдицию (Ер. 745) Либаний упоминает своего друга, старшего человека, отца нескольких детей, который идентифицируется с Гауденцием). — *Примеч. ред.*

НА КОНСУЛЬСТВО ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА

Orat. XII F¹

1. Теперь впервые вижу я консула в одеянии этого сана, и к выгоде моей отсрочивало для меня божество это зрелище, дабы самый чтимый из инсигниев² мне впервые узреть на самом могучем из государей. Произошло подобное тому, как если бы кому-нибудь пришлось первого из поэтов услышать Гомера, первую колесницу увидеть ту, какую правил Пелопс³.

¹ Император Юлиан сам заказал эту речь Либанию, сам же и определил ее композицию (Ер. 785). Она была представлена ему в Антиохии во время вступления в его четвертое консульство 1 января 363 г., и Либаний описывает это событие как свой риторический триумф (Or. I. 127–129). — *Примеч. ред.*

² Инсигниями, т. е. внешними знаками консульской власти служили: окаймленная пурпуром тога (toga praetexta), курульное кресло (sella curulis — кресло из слоновой кости, мрамора или металла, без спинки, на изогнутых и скрещенных ножках), 12 ликторов (свита консула, члены которой несли впереди него фасции — пучки прутьев с топором в середине, — расчищали консулу путь в толпе и приводили в исполнение приговоры). — *Примеч. ред.*

³ Пелопс — в греческой мифологии герой, сын Тантала. Он стал свататься к Гипподамии, дочери Эномая, царя области Писы в Элиде, на Пелопоннесе. Эномай заставлял претендентов на руку дочери состязаться с ним в беге на

2. Присоединяется сюда нечто под статью сейчас сказанному: что мое отечество приняло и показало это торжество, самый дорогой город — зрелище самое ненаглядное. Но не уступит сказанному и то — что могу я, в-третьих, прибавить, — что судьба не поставила меня наравне с толпою безгласным зрителем, услаждающимся утехой в молчании, но предоставила выразить ее в слове и вам, присутствующим, и тем, кто прочтут впоследствии.

3. Вы же проявляете свою радость зрелищу и молитвами, в коих просите, чтобы не раз еще быть очевидцами такового, и своими лицами, полными веселья. Но гораздо лучше показали бы вы это, если бы увлеклись речью и восторг слушателей соперничал бы с одушевлением оратора.

4. Итак, многие готовы восхвалять это торжество и явились, сочинив на покое речи, а иные, и дома оставаясь, услаждают своих близких, более ли, менее ли сильные словом ораторы одинаково. Даже можно удивляться, что величие события не принудило толпу к молчанию, но теперь пускается в ход всякая мера искусства и тема не затрудняет.

5. Что должно бы, по мнению иного, быть причиною молчания, то самое и побуждает дерзать. Ведь если бы находились люди, способные сказать речь по достоинству предмета, что естественно бывает при предметах не чрезмерно возвышенных, люди, сознающие свою слабость, сочли бы для себя выгодным остаться в тени. Но раз никому невозможно избежать поражения, но природа факта обесценивает и громкую ораторскую силу, наравне с лучшим, не беда уже потерпеть неудачу и худшему оратору, и лучшим, заодно друг с другом.

колесницах и во время состязания убивал их. К моменту появления Пелопса он убил 12 претендентов. Пелопс легко выиграл состязание благодаря крылатым коням (Pind. Ol. I. 67–88), или, по другой версии, подкупил Миртила, возницу Эномая: Миртил заменил железную чеку на колеснице Эномая восковой, вследствие чего колесница разбилась и Эномай погиб (Paus. VIII. 14. 10–12). Именно к этому состязанию греки возводили бега на колесницах, входившие в программу Олимпийских игр. — *Примеч. ред.*

6. Ведь не то представляется тяжким ораторам, если они не сладили с фактами, но что одни были, другие не были в силах этого достигнуть. А где превосходство восхваляемых превышает средства восхваляющих, там каждый предпочтет, сказав речь, потерпеть в неудаче своей общую судьбу с лучшим оратором, нежели, оставшись в бездействии, не войти в число произнесших речи.

7. Итак, достоинства государя призывают слово к себе, но правила слова сначала ведут к консулу, к вопросам, откуда в начале повелось это учреждение, и почему и как оно развивалось, и как-ков был плод этого установления.

8. Дело было так. Когда цари той далекой поры мало-помалу преступили границы царского правления и законную власть довели до произвола тирании, город, приверженный к свободе и попечением правителей довольный, но не способный сносить насилия владыки, изгнал того гордеца, человека несносного, преисполненного надменности, разнузданности, а сенат, стремясь к известной охране свободы, берет себе в некоторой степени за образец лаконские учреждения⁴ и, предоставив военное сословие двум ежегодным стратегам, коих он почтил наименованием консулов, а народ другим начальникам, дабы они имели друг в друге понуждение к соблюдению меры, себя поставил в центре, для надзора за настроением каждой из двух сторон, готовый при смуте защитить ту, которую притесняют.

⁴ Речь идет о ранней истории Рима, когда в 507 г. до н. э. был свергнут последний царь Тарквиний Гордый, который был известен суровостью по отношению к народу и патрициям. Его сын силой овладел Лукрецией, женой патриция Коллатина, что и стало причиной свержения Тарквиния. При описании установления политической системы дуумвирата консулов Либаний фактически цитирует Дионисия Галикарнасского, который, видимо, был его источником по римской истории: «...Не делать волю одного властительницей надо всеми, но предоставить царскую власть двум мужам, как, я знаю, поступают лакедемоняне вот уже многие поколения, и благодаря такому способу государственного управления живут в справедливости и благоденствуют в гораздо большей степени, нежели все прочие эллины. Ибо двое в меньшей степени будут спесивыми и суровыми, потому что власть разделена надвое и каждый наделен одинаковой силой» (IV. 73. 4; пер. Н. Г. Майоровой). — *Примеч. ред.*

9. Так он обрел полководцев⁵ трудолюбивыми, честолюбивыми, справедливыми, готовыми идти навстречу опасности — эти твои черты характера, — одно по природной способности, другое под страхом взыскания. При таком порядке вещей с течением времени⁶ царская власть восстанавливается и получает обратно свои права, а как, говорить о том сейчас не время. Упразднив военное начальствование консулов, власть эта в остальном сохранила их как почетную должность, оружия не носящую.

10. После того, когда императорам угодно было отличить кого-либо из ревностных слуг своих, они давали им почетный сан этот, а когда хотели самому ему польстить, возлагали его на себя, сочетав с царем консула, дабы почтен был и город, изобретший сан, тем, что учреждение не упразднено было совсем, и властитель всего государства делался сопричастным ему как пригодному, и вместе с тем титул остался за ними навеки⁷ и, несмотря на то, что все рождающееся умирает, стоял прочным во все времена. Так не найдешь ни каменной, ни медной, ни латунной⁸, ни даже стальной⁹ колонны, более прочной, чем память, какую это отличие закрепляет за тем, кто его получил.

11. Ведь она хранится не в одном каком-либо городе, как в Афинах Гармодию и Аристогитону¹⁰, подвергаясь общей судьбе

⁵ οἱ ἐξίοντες в этом смысле у Фукидида (I 95, ср. 77), которого так хорошо знает Либаний.

⁶ Конъектура *Reiske* не представляется столь необходимой при таком понимании.

⁷ ἀθάνατος, ср. т. I, стр. 20, примеч. [122, 71].

⁸ Ср. Plato Criti., р. 119 с (о царях Атлантиды: «...но их отношения друг к другу в деле правления устоялись сообразно с Посейдоновыми предписаниями, как велел закон, записанный первыми царями на латунной стеле...» (пер. С. С. Аверинцева). — *Примеч. ред.*).

⁹ ἀδαμάντινος, ср. т. I, стр. 437, примеч. 1 [675, 170].

¹⁰ Гармодий и Аристогитон убили в 514 г. до н. э. Гиппарха, брата и соправителя тирана Афин Гиппия, с целью отомстить за оскорбление, нанесенное Гармодию Гиппархом, а также свергнуть тиранию. Однако убийство Гиппарха не вызвало антитиранического восстания, и Гиппий находился у власти до 510 г. до н. э. В дальнейшем в демократических Афинах Гармодий

с городом и с ним сохраняемая или уничтожающаяся, хотя надписи на колоннах не раз успевали исчезнуть, даже пока город еще стоял, но эта память способна избежать и потопа, и гибели от пожара, вместе с людьми, которые уцелеют от них, которых спасает природа местности, хотя бы равнины превращались в море, именно, когда они имеют обитание в городах или деревнях на скалах, где они особенно хранят наименование и могут сообщить его позднейшим поколениям.

12. Вполне извиняю тех, кто зарятся на этот сан и просят от богов, вперед каких-либо других благ, быть несомыми на этом кресле. Ведь и те, кому выпало на долю служить префектами¹¹, стремятся к нему, как будто бы он был призом за эту службу, и те, кому случилось получить сан тот раньше должности префекта, относятся к последней равнодушно, в убеждении, что, какой бы должности вслед за консульством ни получили, она будет меньшим для них приобретением.

13. В самом деле, что может быть внушительнее, как не охватывать своим титулом, подобно солнцу, всю вселенную, как не то, чтобы это наименование твое было у всех на устах скорее, чем имя, данное тебе родителями, так как много случаев, понуждающих помянуть его, суды, свадьбы, форум, гавани, долги, продажи, заключение и запись сделок, тяжбы и письменные засвидетельствования, союзы и их расторжение, рождение детей знатных, обучение детей в школах? Всем при этом одна забота призвать консулов, на чем они и оканчивают свои дела друг с другом.

14. Так выразился некто¹² и о высшем (ὑπάτος) из богов, Зевсе, что им полны все улицы, все площади, гавани и море, то же можно сказать о тех, чье наименование (ὑπάτος) одинаково с его¹³.

и Аристогитон почитались как тираноубийцы, и скульптором Атенором была создана их знаменитая скульптурная группа. — *Примеч. ред.*

¹¹ Вероятно, это намек на Саллюстия, коллегу императора Юлиана в отправлении консульской должности. — *Примеч. ред.*

¹² Конъектуры *Reiske*, та или другая, здесь необходимы.

¹³ Arat. Phaenom. 2–5: «Ведь полны все пути и дороги Зевсом, Людные торжища все им полны и морские просторы С гаванями, — ведь повсюду зависим

Ведь и их имена расходятся по всему материку, по всем закоулкам моря, полям, хижинам¹⁴, и вообще, где род человеческий цивилизован — называю так тех, кто живут по нашим обычаям, — там и это учреждение известно, и именуется, и дает санкцию всем важнейшим делам, и по этой прибавке к своему титулу и император не менее поминается ежедневно повсюду.

15. Этот сан настолько превознесен, что праздники богов разделены по местностям, и можно видеть, как соседи отправляют процессии одни тому, другие иному, и имя бога, принимающего жертву, в чести у тех, в чести у этих, но не одно и то же для каждого из двух, консул же всюду единое и видное звание, он разграничивает меньшую и большую давность времени, не позволяет младшему пользоваться авторитетом старших; тот, кто давно лежит, в процессах как бы восстает и умерший судит вместе с живыми.

16. Естественно, поэтому сыны римлян предпочитают эту честь даже обеспеченной старости и, будь кем-либо из богов предоставлен выбор между долгою жизнью и этим почетом, устремились бы на последний. То самое, что, они знают, герои покупали ценою жизни, чтобы нигде не останавливалась память о них, это, они уверены, дает им одна эта почетная должность¹⁵.

17. Далеко до этого Пифодору, ничтожна Хрисиды, незначительная величина Энесий. Аргос для той, Афины для Пифодора, Лакедемон для Энесия¹⁶, но ни лаконец не надписал бы на поста-

мы в жизни от Зевса Самый наш род от него...» (пер. К. А. Богданова). — *Примеч. ред.* См. также. Пиндар, Пиф. VI 12, Еврип., Геракл, 400.

¹⁴ Ср. т. I, стр. 151, примеч. 1 [294, 2].

¹⁵ Дихотомия, характерная для гомеровской традиции (Homer. II. IX. 410–416): «Мать моя среброногая, мне возвестила Фетида: Жребий двоякий меня ведет к гробовому пределу: Если останусь я здесь, перед градом троянским сражаться, — Нет возвращения мне, но слава моя не погибнет. Если же в дом возвращусь я, в любезную землю родную, Слава моя погибнет, но будет мой век долголетен, И меня не безвременно Смерть роковая постигнет» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

¹⁶ Все три имени: аргосской жрицы Хрисиды, эфора Энесия в Спарте, афинского архонта Пифодора, у Фукидида, II 2, 1. (Хрисиды — жрица Геры в Аргосе, где по годам жречества велся счет лет. Энесий — один из 5 эфоров (высших должностных лиц) в Спарте, эпоним (его именем назывался год). Пифодор —

новлении имени афинянина, ни афинянин лакедемонца, но сила имени каждого ограничена пределами местности. Есть некоторая доля известности и на Олимпиях¹⁷, но и та остается лишь на короткое время. А этому сану закон открыл всю вселенную и его авторитет установил всюду.

18. Своевременно было бы привести здесь сопоставление луны со звездами, потому что, среди разнообразных видов почестей достойным людям, всякий другой затмевается блеском этой почести. Она одна пристала и положению государя.

19. Что касается самого учреждения и почета, какой происходит от него для его участников, сказанного достаточно. Иной сказал бы, пожалуй, и больше, но не избег бы упрека в отсутствии такта. Добавив здесь, каким из государей я считаю эту почесть подобающе и, сверх того, полезною, я перейду к прочему.

20. Я полагаю, что тот, кто правит землею с царским умением и положение римлян укрепляет, а противников их ослабляет, первым доставляет радости, вторых окружает поводами к плачу, и то, что хорошо поставлено, сохраняет, а что — не так, исправляет, тому и подобает состоять в этом сане и тому вечная память будет к выгоде, как Тесею, Пелею, Паламеду¹⁸ и тем, кому правилом была добродетель.

один из архонтов (высших должностных лиц) в Афинах, архонт-эпоним. Все три лица упомянуты Фукидидом для хронологического обозначения года начала Пелопоннесской войны — 431 г. до н. э. — *Примеч. ред.*)

¹⁷ В греческой исторической традиции после знаменитого историка Тимея из Тавромения (357/340–261/264 гг. до н. э.) единицей летосчисления стала Олимпиада. Тимей составлял сравнительные списки спартанских эфоров и царей, а также сопоставлял списки афинских архонтов и аргосских жриц со списками олимпийских победителей. Тимей сформировал список олимпийских победителей, также известный как «Хроника», и, опираясь на этот список, датировал по Олимпиадам исторические события. — *Примеч. ред.*

¹⁸ Либаний представляет греческих героев как прототипы для идеального императора. Тесей — в греческой мифологии герой, царь Афин. В историческое время в Афинах почиталась его могила, считавшаяся убежищем для рабов, бедных и угнетенных. В честь Тесея в полисе справляли празднество восьмого Пианепсиона (в честь освобождения от Минотавра), а также ежемесячные праздники по восьмым числам посвящали Тесею как сыну Посейдона (именно

21. Но те, которые состояние своих подданных ухудшают, а поднимают состояние врагов, приучают последних побеждать, а тех бежать¹⁹, таким царям, полагаю, не то что не следует домогаться памяти, связанной с консульством, но даже проклинать и ненавидеть тех, кто были первыми изобретателями этих букв, за то, что они ухватились за зло, готовое исчезнуть, и задержали его и воспрепятствовали забвению его в силу давности.

22. Потому, когда чтение договоров приводит имена тех, кто во власти были робки, с именами их всплывает и вереница бедствий, и результат их известности им в убыток.

23. Итак, кому же так выгодно и облачиться в это одеяние, и носить скипетр, и оставить²⁰ [для потомства] снадобье непрестанной памяти в будущем?²¹ Тебе и кто был и будет подобен тебе; и дети твои, и внуки, и правнуки да будут ревнителями и наследниками твоих достоинств.

в это время Посейдону приносили жертвы). Пелей — в греческой мифологии герой, сын Эака. Был известен своим целомудрием, поскольку не поддался чарам соблазнявшей его жены царя Акаста, при дворе которого Пелей жил. В награду за целомудрие Зевс дал Пелею в жены нимфу Фетиду, и от этого брака родился знаменитый герой Ахилл. Паламиду в греческой мифологии приписывается изобретение (или упорядочение) алфавита, введение чисел, мер длины и веса, счета времени по годам, месяцам и дням. Кроме того, он научил людей наблюдать за движением небесных светил и определять по ним курс корабля, а также есть три раза в день. — *Примеч. ред.*

¹⁹ Нельзя не видеть здесь намек на Констанция, в его характеристике, какую позднее Либаний дал в Эпитафии Юлиана (см. т. I).

²⁰ ἀφεῖναι Förster признает за испорченное чтение, не предлагая, однако определенного исправления. Может быть, надо вставить τοῖς ἔφετα «потомству», или подобное слово.

²¹ Имеются в виду записи в документах и исторических хрониках. О том, что письменность является гарантией исторической памяти, см. у Платона, которого Либаний часто, хотя и не прямо, цитирует: «Вот и сейчас ты, отец писмен, из любви к ним [писменам] придал им прямо противоположное значение. В души научившихся им они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания...» (Phaedr. 275 a; пер. А. Н. Егунова). — *Примеч. ред.*

24. По-моему, пусть не всякий император становится консулом, только потому, что это ему возможно и что сам он и дарует сан, и возлагает и его на себя, но такой, кто стал во главе царства согласно древнему консульскому положению, как бы обязываясь отчетом в своем управлении, каким ты сам показал себя нам.

25. Ведь если для некоторых людей их общественное положение²² ставит их выше каких-либо контролеров и отчетности, ты, считая, что боги заседают следователями над тобою, сообразишь свои поступки и речи с бдительностью таких блюстителей, в уверенности, что не скроешься от них, при солнечном ли свете, ночью ли. Пускай же и всякий желающий, юноша и старик одинаково, получает возможность оценки.

26. Оратор слабейший за более сильного, я начну речь не с самого царствования, но вернусь в своем суждении о нем к ранней молодости, дабы стало очевидным, что он получил власть по заслугам, как проявил он свои достоинства в ней.

27. Не стану говорить, какие зачатки и основы в области религии²³ воспринял он душою при настойчивости педагогов и под угрозами учителей. Ведь если тогда и не было недостатка в его рвении, труды эти приписываются строгости наставников.

28. Но после того как дальнейшие годы прекратили такое понуждение и сделали его хозяином своей воли, как Геракла²⁴, и открывалась гладкая дорога, и некому было препятствовать увлечению попойкой, игрой в кости, любовными утехами, он

²² τύχη, как в § 18, конец, и часто у Либания. Едва ли верно у Förster'a здесь с заглавной буквы.

²³ В начальный период обучения ученики изучали прежде всего Гомера и Гесиода, которые становились хорошим фундаментом для дальнейшего изучения риторики и религии. — *Примеч. ред.*

²⁴ Здесь Либаний ссылается на известный трактат Продика (знаменитого афинского софиста V в. до н. э.) о воспитании Геракла Добродетелью (Хен. Мем. II. 1. 21; Cic. De off. I. 32): когда Геракл был юношей и пришло время выбирать жизненный путь, ему явились Порочность и Добродетель в образе двух женщин, и каждая уговаривала Геракла следовать за ней. Геракл выбрал Добродетель, провозгласившую достижение счастья и почета через упорный труд. — *Примеч. ред.*

направляется по крутой и неровной стезе, приняв во внимание больше цель пути, чем множество его трудностей.

29. Проживая частным человеком в Астакии, между двумя государями, с одной стороны, двоюродным братом, в руках коего была верховная власть, с другой — братом, владевшим саном вторым после него²⁵, он направил свое усердие на приобретения, лучшие, чем царская власть, философию и красноречие, таков мой приговор о них, у тебя усвоенный, государь, который объявляешь, какие знания доставили тебе власть над племенами, которыми ты правишь.

30. Видя, что риторика создает убеждение толпе, а философия доставляет сведения о более серьезных вещах, и признав непростительным, если об одном будет держать речь удовлетворительно, а знать более важного предмета не будет, он соединял и сливал оба знания, ум возвышая изучением небесной области, а язык изощряя в беглости общением с риторам.

31. А между тем, кто бы, признав достаточным основанием для благоденствия отца, деда, дядю, двоюродного брата, брата²⁶, почести угождения, честь за родовитость, не стал бы проводить жизнь в еде, питье и сне, помогая за вознаграждение правителям и прибавляя поместья к поместьям, золото к золоту, утварь к утвари, прочее к прочему? Но не он.

32. Но, восхваляя Анаксагора за то, что он отцовскую землю оставил без посева, а душу подготовил к урожаю²⁷, первым делом

²⁵ В 351 г. Юлиан проживал в Малой Азии (Астакия — город в Вифинии, области Малой Азии), император Констанций находился со своим двором в Константинополе, а брат Юлиана, цезарь Галл в Антиохии. — *Примеч. ред.*

²⁶ Юлий Констанций, Констанций Хлор, Константин, Констанций II, Галл. — *Примеч. ред.*

²⁷ Анаксагор — греческий философ V в. до н. э. Он был родом из Клазомен, но жил и преподавал в Афинах. Вот как Диоген Лаэртский описывает сюжет, упомянутый у Либания: «Он [Анаксагор] отличался не только знатностью и богатством, но и великодушием. Так, свое наследство он уступил родственникам; они попрекали его, что он не заботится о своем добре, а он ответил: «Почему бы тогда вам о нем не позаботиться?»; и в конце концов, отказавшись от всего, он занялся умозранием природы, не тревожась ни о каких делах государственных» (II. 3. 7; пер. М. Л. Гаспарова). — *Примеч. ред.*

он пренебрегал, а душу развивал и, увлекшись²⁸ стремлением к одному приобретению — безмерным, не скрою этого, — извлекал отовсюду всякие книги и производил розыски больше в их хранилищах, чем другие в казначействах.

33. Привязавшись же к философии и заглянув на ее луг²⁹, нельзя было уже носиться с ложным мнением относительно божества, но тотчас он очистил его от пятна и признал сущих вместе мнимого, причем философия была его руководительницей к истине.

34. Тот день я считаю началом свободы для страны этой и считаю счастливым и то место, которое восприняло эту перемену, и врача души, который, и с собственным риском, и убедив отважиться этого мужа на этот доблестнейший риск, миновал³⁰ со своим учеником сии Кианейские скалы³¹.

35. Далее, если бы брат его обращал внимание на его письма³², была бы теперь чета предстателей — ведь он был таков, что, не царствуя, мог вразумить царствующего. Когда же он погиб без суда, быв в состоянии кое-что засвидетельствовать относительно происшедшего, а тот, кто казнил его, распространить обвинения на Юлиана желал, но не видел к тому возможности, от убийства его он воздержался, но вредил ему при посредстве обмана, взыскивая с него за то, в чем обвинить не был в состоянии.

²⁸ θαυμάζω в этом смысле см. vol. III, pg. 108, 3; 139, 10; 178, 6; 182, 16; 300, 12 и проч.

²⁹ Ср. т. I, стр. 51, 1 [163, 228].

³⁰ Имеется в виду Максим Эфесский — ср. Or. XIII. 12. — *Примеч. ред.*

³¹ Кианеи — ныне Урекьяди, два небольших островка, расположенные при выходе из Босфора Фракийского в Понт Эвксинский, которые были опасны для мореплавания. По преданию, до прохода мимо этих островков аргонавтов, эти островки-скалы были плавучими и сталкивались между собой, откуда и произошло их название Симплегады («сталкивающиеся»). Аргонавтам с помощью Геры удалось проплыть через сталкивающиеся скалы, после чего Симплегады стали неподвижными. В традиции эти скалы были символом преодоления трудностей. — *Примеч. ред.*

³² Смещение и казнь цезаря Галла последовали в 354 г. См. Or. XVIII. 25 о письмах Юлиана Галлу: по утверждению Либания, Юлиан писал брату не часто, ограничиваясь простыми приветствиями. — *Примеч. ред.*

36. Но вот, видно, как хорошо знал он природу подчиненной себе страны, что жребий Афины считал за сиракузские каменоломни³³ и узилищем для любителя слова город этот, как если бы кто, привезши на Фасос какого-нибудь пьяницу и приказав ему там оставаться, воображал, что изводит его таким местопребыванием³⁴, в этом наказании даруя ему наименее приятную уgodу.

37. Скорее же это было даром богов, желавших, чтобы город стал ему дорог раньше воцарения и вперед услужил ему, дабы во время царствования он был должником городу, а самое главное, чтобы, отправляясь за скипетром из Афин, он унес с собою из Аттики умение властвовать над варварами, словно любой из продуктов этой страны³⁵.

38. Итак, божество устраивало это целесообразно, в заботе своей о вселенной, а он избегал царской власти, стремясь к покою, один уклоняясь в ту пору от того, за чем все гонятся, венца и царства. Доказательство тому — он больше пролил слез, держась за решетку акрополя, когда его призывали на царство, чем иной, осуждаемый на питье яда, и с величайшим удовольствием, получив крылья, улетел бы внезапно к Гипеборейцам³⁶. Во все время

³³ Речь идет о последствиях афинской экспедиции на Сицилию, которую описывает Фукидид. Осада Сиракуз была неудачной, и в 413 г. до н. э. афинская армия была разгромлена. Попавшие в плен афиняне содержались в сиракузских каменоломнях. О реальном отношении Либания к Афинам, как средоточию древней мудрости, см. Or. XIII. 18. — *Примеч. ред.*

³⁴ Остров Фасос был знаменит своим вином. — *Примеч. ред.*

³⁵ В 355 г. Юлиан отбыл из Афин ко двору в Милан, где получил назначение в Галлию и титул цезаря. «Умение властвовать над варварами» — аллюзия Либания к классическому сюжету победы афинян в греко-персидских войнах. — *Примеч. ред.*

³⁶ Гипербореи — в греческой мифологии народ, живущий на крайнем севере и особенно любимый Аполлоном. Блаженная жизнь у гипербореев сопровождается песнями, танцами, музыкой и пирами, вечным весельем. Даже смерть приходит к ним как избавление от пресыщения жизнью, и они, испытав все наслаждения, бросаются в море. Описание страданий Юлиана практически позаимствовано из его послания к афинянам: «Но какие проливал я реки слез, какими стонал плачами, когда взывал, простирая руки к вашему Акрополю, да спасет Афина молящего ее, да не бросит его! Многие из вас были тому очевидцами, многие могут это засвидетельствовать, и помимо всех сама богиня —

пути своего, перебирая в мыслях, как бы ему отринуть власть, предмет желаний многих, он не раньше покончил со своими колебаниями, чем некто из богов, представ перед ним, не изменил его решения и устранил его нерешительность, прямо повелев ему взять на себя эту повинность.

39. Свидетелем своего благочестия он имел врага своего. А дабы никто не удивлялся при этих словах, что враг был для него сообщником к приобретению власти, скажу, каков смысл этого сообщества. Тот, не говоря уже о каком-нибудь удовольствии для него увидеть на царском троне или в пурпуровом одеянии кого-либо другого, не вынес бы равнодушно такого зрелища даже в сновидении. Как же он тогда уделил ту власть, за которую крепко держался?

40. Он всюду сильно страдал от варваров, и в здешней стороне края римских границ стали «добычей мисийцев», в особенности же страдала западная граница³⁷, и вождя для поправления дела было мало, нужен был государь, способный сдержать поток.

41. Сам он не умел спешить, но, вызываемый настоятельной необходимостью, минуя прочих, избирает товарищем власти жертву своих притеснений, не забыв, сколько крови пролил, но полагаясь на того, кому было, в чем винить его, больше, чем на людей, обязанных ему благодарностью. И он не обманулся: приняв решение в духе афинян³⁸, ударив себя в грудь и повелев себе

свидетельница, что хотелось мне умереть в Афинах, прежде чем ехать [к Констанции]» (275 а; пер. Т. Г. Сидаша). Упоминаемое Либанием осуждение на питье яда — традиционный для Афин способ смертной казни. — *Примеч. ред.*

³⁷ Положение на западных границах империи серьезно ухудшилось после выступлений Магненция и Ветраниона (350–353 гг.) и мятежа Сильвана (354 г.). Выражение «стать добычей мисийцев» означает «быть беззащитным» и восходит к характеристике в греческой традиции мисийцев как слабых и женоподобных (см. Plat. Theaet. 209 b). Мисия — область в малой Азии, на побережье Пропонтиды. — *Примеч. ред.*

³⁸ Ср. т. I, стр. 464, примеч. 2 [703, 81]. (О правилах «эллинской» морали (прощение обид, помощи в беде) см. Либания Or. XV. 25; Ep. 359; 360; 735. Либаний рисует Юлиана в образе героя, сопоставляя в данном случае его с образом Одиссея: «В грудь он [Одиссей] ударил себя и сказал раздраженному сердцу: “Сердце, смирись...”» (Homer. Od. XX. 17–18). — *Примеч. ред.*)

не злопамятствовать, Юлиан в состоянии был помогать ему бесхитростно.

42. Таков отчет за время до царствования, способный получить одобрение от всякого контролера. Подвергнем испытанию и кормчего, уже правящего рулем. Итак, посылавший его на преуспевавших врагов, посылал, не прося ни о победе, ни о преодолении, ни о подвигах.

43. Нет, тотчас им овладело раскаяние, не имевшее основания, — раз и тех, кого он послал с ним в качестве советников, он отправлял на то, чтобы они ставили препятствия подвигам его, а не ободряли его на них, — исключая отсюда Финикийца³⁹, потому он и был немедленно отозван, — и он больше боялся славы своего соправителя, чем издевательства противников, и приятнее было ему, чтобы того не хвалили, чем чтобы побили врагов⁴⁰.

44. Но обвинять его мне нет охоты, для речи же это необходимо. Ведь трудно восхваление и порицание отделить одно от другого. Итак, двинувшись из Италии с гоплитами в числе менее четырехсот⁴¹, в разгар зимы, — а суровость этого времени, какую

³⁹ Имеется в виду Саллюстий, квестор Юлиана. В данном случае Либаний едва ли не дословно цитирует послание Юлиана афинянам: «Я умолял его [императора Констанция] дать мне хорошего и серьезного помощника. Он предложил сначала негоднейших. Когда же наиболее порочный из них с великой радостью согласился, а ни один другой не захотел, он с неохотой дал мне действительно превосходного человека — Саллюстия, который в силу своих добродетелей сразу же попал под его подозрение» (281 d; пер. Т. Г. Сидаша). — *Примеч. ред.*

⁴⁰ Ср. аналогичную трактовку политики императора Констанция в Ор. XVIII. 36. Сократ Схоластик утверждает, что Констанций специально послал Юлиана против варваров, надеясь, что он погибнет в бою, а затем посылал варварам письма, призывая их нападать на управляемую Юлианом Галлию (Н. Е. III. 1). — *Примеч. ред.*

⁴¹ В другом месте Либаний пишет о 300 гоплитах (Ор. XVIII. 37). Эти события Юлиан описывает следующим образом: «Констанций дал мне 360 солдат и в середине зимы послал меня к галлам, которые были тогда в состоянии великого беспорядка; я был послан не как командир гарнизона, но скорее как подчиненный расквартированным там стратегам. Ибо им были отправлены письма и было приказано наблюдать за мной как за врагом, дабы не произвел я какого-либо возмущения» (277 d; пер. Т. Г. Сидаша). — *Примеч. ред.*

водворяет в тех местах оборот года, одни из вас сами испытали⁴², другие о ней слышали, — он с молитвами вступил в пограничную страну и, видя землю, называемую землею галатов, а засеваемую варварами, так как они вместе с прежнею пахотною землею и самые города, снесши их, превратили в пашню, зиму употреблял на совещания, а лишь весна призывала к действиям, сам кликал клич, собирал, организовал и ободрял оробевших людей, а гиппархи, лохаги и таксиархи, во исполнение приказов владыки, тормозили его энергию, и государь одерживает победу раньше той, что совершается в оружии, ту, которая состоит в терпении и безропотном перенесении этих поступков, и здесь пригодилась выгода воспитания, Геракл, послушный слабейшему его⁴³, и Арес, больше года связанный безумными людьми⁴⁴.

45. Но предстояло и Аресу, наконец, получить свободу, и этому. Когда, таким образом, он среди преград стенал, но раздражению

⁴² Вероятно, Либаний намекает на Приска и Алипия, приближенных Юлиана. Приск, философ-неоплатоник, был активным сторонником Юлиана и по просьбе императора жил при дворе (Eunap. V. S. 478). Антиохиец Алипий был вице-префектом Британии, а затем Юлиан поручил ему восстановление иерусалимского храма (Amm. Marc. XXIII. 1. 2–3). — *Примеч. ред.*

⁴³ Геракл, знаменитый греческий герой, был сыном Зевса и смертной женщины Алкмены. В день, когда Гераклу предстояло родиться, Зевс поклялся в собрании богов, что младенец из его потомков, который родится в этот день, будет властвовать над Микенами и соседними народами. Однако ревнивая Гера задержала роды Алкмены и ускорила на 2 месяца роды Никиппы, жены микенского царя Сфенела, также внука Зевса. У нее родился сын Эврисфей, который в соответствии с клятвой Зевса получил власть над Пелопоннесом. Геракл повзрослел и женился, у него родились дети, но Гера насала на него безумие, в припадке которого Геракл убил своих детей. Придя в себя, Геракл уходит в изгнание, прибывает в Дельфы, и оракул повелевает ему поселиться в Тиринфе, служить Эврисфею в течение 12 лет и совершить 12 подвигов. Эврисфей всегда описывается тщедушным и пугливым, поэтому Либаний именует его «слабейшим». — *Примеч. ред.*

⁴⁴ Речь идет об Алоадах, в греческой мифологии двух братьях-великанах Оте и Эфиальте, внуках Посейдона. Они славились непомерной силой и гигантским ростом, достигнув к 9 годам размеров в ширину 4 метра и в высоту 17 метров. Они заковали Ареса в цепи и продержали его 13 месяцев в медном сосуде, откуда Ареса освободил Гермес, просто похитив (см. Homer. Il. V. 385–391). — *Примеч. ред.*

не поддавался, государство гибло, и самоуверенность варваров возрастала, а опасность не терпела обидчиков, взяв, полагаю, силу малую и привыкшую отсиживаться в осаде...

46. Вы, пожалуй, нетерпеливо ждете услышать о боевом строе, о характере лагеря, о том и другом фланге, о фаланге и ободряющей речи, об уловках противников, и открытой боевой силе, и засадах, о начале схватки и бое в его разгаре, о видах повреждений, о бегстве, преследовании и о земле, сплошь покрытой трупами⁴⁵, я же выполню точность рассказа, когда достаточно полно буду излагать и прочее. В настоящем же изложении все урезано, и речь напоминает скачки, подобающие праздничному торжеству⁴⁶.

47. Действительно, как победитель на Олимпиях, спеша домой из Писы⁴⁷, на вопросы встречных о способе победы, обещается это выполнить, а в данный момент просит поздравить его, показывая вместе с тем венок, так и мы сейчас говорим о результатах войны, минуя битвы.

48. В то время, как варвары снимали урожаи с нашей земли и уничтожили сорок восемь городов⁴⁸, отрезали у нас большую часть территории и владели ею, когда самые видные из галльских фамилий пребывали там в жалком рабстве, когда, наконец,

⁴⁵ О битве при Страсбурге 357 г. см. Or. XVIII. 53; Amm. Marc. XVI. 12. — *Примеч. ред.*

⁴⁶ Ср. т. I, стр. 410 [642]. Ср. еще τὸ κεφάλαιον τῶν εἰρηασμένων orat. XIII, § 26, pg. 72. 6-10 F.

⁴⁷ Либаний употребляет архаичное, мифологическое название Олимпии. Писа — город в Элиде на р. Алфей. Это древнее наименование Олимпии в честь Писа, сына Эола. Согласно традиции, в области Писатиде в Элиде было 8 городов, и там же находилось святилище с оракулом Зевса Олимпийского (Strabo. VIII. 3. 30-31). — *Примеч. ред.*

⁴⁸ Либаний опять цитирует Юлиана: «Я выступил, когда хлеб созрел, ибо множество германцев безнаказанно расположились близ разграбленных ими городов Галлии. Были разрушены стены где-то около 45 городов, не считая башен и маленьких крепостей. По нашу сторону Рейна варвары владели тогда целой страной, простиравшейся от его истоков до океана...» (Ep. ad Ath. 279 a-b; пер. Т. Г. Сидаша). Зосим округленно пишет о 50 и 40 городах соответственно (III. 1; 5. 1). — *Примеч. ред.*

у врагов еще больше возросла их самоуверенность, этот человек, способнейший военачальник, с богатым запасом сведений⁴⁹ по истории войн со времени начала рода человеческого, признав невыносимым, чтобы, в то время как при Саламине триста триер одержали победу над триерами числом больше тысячи⁵⁰, ему с немногочисленным отрядом не обратить в бегство тучу варваров, нападает, будто с тем, чтобы удовольствоваться изгнанием их из страны, но победа завела его на их территорию и, перешедши реку Рейн, воды, обличающие беззаконие⁵¹ матерей на детях их⁵², в своем рвении захватить живыми тех, кому смерть, он знал, была предметом гордости, он привел такую массу пленных, попавших в его сети⁵³, что нам трудно было доставить им пропитание, а оставшимся пищи дома было вволю.

49. Но, убоявшись значительности победы и блеска подвига больше, чем опасностей в битве, он не присоединил к трофею триумфального шествия, и притом даже имея узником вождя врагов — так далеко простерлось его покорение их, — не показал его согбенным тем, кого он разорил, не умертвил на развалинах городов виновника их низвержения, величаясь такой казнью, но, вспомнив об Ахилле, которому достаточно было победы⁵⁴, все

⁴⁹ πολέμων γέμων ср. т. I, стр. 53, примеч. 1 [166, 237].

⁵⁰ Греческий флот в битве при Саламине в 480 г. до н. э. состоял из 380 кораблей (Her. VIII. 82), а боевой флот персов составлял более 1200 судов (Her. VII. 184–185). — *Примеч. ред.*

⁵¹ ἀδικίαν — чтение, предложенное Förster'ом, vol. III, pg. XLII (praefatio critica). Предлагались поправки: ἀμαρτίαν, или ἀκολασίαν, или ἀκαθαρσίαν, также ἀτυχίαν Mor., κακίαν αἰκίαν F.

⁵² К предмету суеверия см. места, указанные Asmus'ом у Юлиана: orat. II 104, 23, ep. 16, pg. 495, 21, Hertlein, по указанию Förster'a, также Liban. διήγημα IV 1110 Reiske. (Согласно легенде, когда местные женщины опускали своих детей в воды Рейна, то внебрачные или рожденные от прелюбодеяния дети тонули, а законные оставались на поверхности (Julian. E. L. F. 191; Anth. Pal. IX. 125). — *Примеч. ред.*)

⁵³ σαγηνεύω ср. orat. XVIII, § 61, orat. LIX, § 82.

⁵⁴ О том, что Ахиллу важнее всего были слава и победа, см. выше Homer. II. IX. 410–416. — *Примеч. ред.*

дальнейшее уступил старшему государю, всюду устраняя поводы к зависти⁵⁵.

50. Но, признав, что города не подвержены тому же уделу, что человек, — для последних кончина безвозвратная гибель, а городам можно возродиться, — простирает руку поднять их. И они вставали, и тотчас поплыл по реке вестник с приказом пленным возвращаться в свои владения, и они спешили, не отпущенные на волю в обмен, человек за человека, но одни из них оставались, другие возвращались, провожаемые теми, кто их взял в плен. Так битва научила их во всем повиноваться.

51. Если же присоединить к прежним город является общим благодеянием в смысле роста организма вселенной, сколь доблестнее вернуть упраздненные? В этом деянии налицо и заселение земли, и искупление позора. Ведь не создать города, которого не было, в том беды нет, но возмутительно попустить низвержение прежде существовавшего, так как отсюда надвигается двойная потеря, позор и материальная убыль. Ведь такое явное свидетельство разгрома для варваров служило бы увещанием к отваге, а у наших необходимо вызывало бы робость, и если не сейчас, то впоследствии последних сковывало бы, а первых поощряло. Ты же, дабы враги всегда трепетали, а наши всегда были смелы, воздвиг города несокрушимым трофеем.

52. И благодаря твоей решимости, удаче, трудам и уменью варварам не удавалось иметь перевеса на каждом из двух фронтов войны, но одни действовали, другие претерпевали, претерпевали прирейнские, действовали варвары по Тигру, с этой стороны они

⁵⁵ Данный фрагмент также позаимствован из послания Юлиана: «...Там боги предали мне в руки царя варваров, но я уступил славу этого Констанцию. Хотя я не праздновал триумф, в моей власти было убить врага, и я провел его через всю Галлию, показывая городам, дабы посмеялись они несчастью Хонодомария. Я сразу отослал его Констанцию, хотя и не обязан был этого делать, он как раз вернулся тогда из страны квадов и сарматов. Так вот получилось, что хотя воевал я, он проезжал по тем местам и любезно общался с народами, обитающими по берегам Истра, и именно он, а не я, справил в тот год триумф» (Ер. ad Ath. 279 c-d; пер. Т. Г. Сидаша). Констанций отправил пленника в Рим, где тот вскоре умер (Amm. Marc. XVI. 12. 66). — *Примеч. ред.*

вторгались, там падали⁵⁶. Нечто подобное, говорят, произошло у Потидеи, когда коринфянин Аристей обратил в бегство и гнал фланг, стоявший против него, а другое крыло бежало, пока не заперлось за стенами⁵⁷.

53. А если бы ты тогда не оказал отпора, ничто бы не мешало тем и другим варварам, шаг за шагом подвигая свои приобретения, в конце концов соединиться друг с другом у Босфора. При настоящих же условиях поражение одних из них их погубило, а другим внушило тревогу и прикрыло для римлян позор их поражения, так как одна молва уменьшала впечатление другой и одна весть настигала другую.

54. Ты же, далее, от трофея возвращался к Музам, как атлет к палестре от венка, и, сложив оружие, снова брался за книги, оторвавшись от коих ты одержал победу. Ведь мудрость, противостоя массе, дает преобладание над нею более благоразумному.

55. Когда слава твоя возросла, не плясуны и мимы являются к тебе, принося с собой повод к смеху, не флейтисты и кифареде, прогоняющие серьезные речи из-за трапезы, но рои риторов и философ из Афин, достойный на вид, еще достойнее как собеседник, одаренный величайшим умом, пожелавший скорее быть, чем казаться наилучшим в красноречии⁵⁸.

56. Одно одобрив, другое посоветовав, он удалился с таким подарком, какой дал ты один из государей: поэмой, возвещающей об этом муже. Если мы хвалим Писистрата за собрание чужих произведений⁵⁹, как высоко поставим подражателя Гомеру?

⁵⁶ В то время, как Юлиан с 357 г. успешно воевал на западе, на востоке римские войска под командованием императора Констанция терпели поражения от персов, были утеряны крепости Амида и Безабда. — *Примеч. ред.*

⁵⁷ Совершенно то же сравнение позднее в *Надгробной речи*, § 57, см. т. I, стр. 325 [536]. (Либаний описывает фрагмент из сочинения Фукидида (I. 62). — *Примеч. ред.*)

⁵⁸ Имеется в виду неоплатоник Приск, который прибыл к Юлиану в Париж (Julian. E. L. F. 13). — *Примеч. ред.*

⁵⁹ Писистрат (ок. 600–528 гг. до н. э.), афинский тиран с 561/560 г. до н. э. Именно ему традиция приписывает первую письменную фиксацию поэм Гомера. (Paus. VII. 26. 13: «Когда же Писистрат собирал поэмы Гомера, рассеянные

57. Но чем ты отражал врагов, тем огорчал вместе с побеждаемыми и того, кому принадлежала победа, благодаря тебе. Столь необорим недуг зависти, и те, кто в выигрыше, ненавидят мощь тех, кто оказывают им услугу. Давно уже внедрившись в нем, она и в ту пору выступила наружу и превратила искру в пламя⁶⁰.

58. Сначала он лишил его друзей, с намерением повредить ему в совещаниях, но он был все так же предусмотрителен⁶¹; затем — большого отряда, дабы ослабить его, но он оставался ничем не менее сильным. Всех звал он, выставляя на вид персидскую войну, самым благовидным образом предавая с государем города

по разным местам и сохранившиеся то там, то здесь в устном предании...», пер. С. П. Кондратьева). Однако многие современные исследователи полагают, что в устном творчестве поэмы не могли сохраниться столь точно, они были записаны ранее, а при Писистрате лишь систематизировали окончательную редакцию. — *Примеч. ред.*

⁶⁰ Ср. т. I, стр. 60, примеч. 1 [176, 281].

⁶¹ Ср. Ор. XVIII. 90–92. А вот что писал об этом сам Юлиан: «...Затем Констанций взял другого, второго, и третьего, и Павла, и Гауденция — известных сикофантов, служивших его целям; он нанял их ради меня, и они начали интригу с тем, чтобы отлучить от меня Саллюстия, поскольку он являлся моим другом, и сделать Луцилиана его непосредственным преемником. Немного позднее моим врагом стал и Флоренций по причине своей жадности, которой я противился. Эти люди убедили Констанция, который, вероятно, и сам был развешен завистью к моим удачам, совершенно отстранить меня от командования войсками. Тот написал письмо, бесчестящее меня, полное поношений и угроз разорить Галлию. Поскольку, едва могу вымолвить, он приказал удалить из Галлии все без исключения лучшие войска и поручил это дело Лупициану и Гинтонию, в то время как мне писал, чтобы я ни в чем не противился...» (Ер. ad Ath. 282 b-c; пер. Т. Г. Сидаша). Примерно так же описывает эти события Аммиан Марцеллин: «Доблестные деяния Юлиана не переставали волновать Констанция во время спешных его сборов к выступлению на Восток... Встревоженный всем этим и опасаясь, чтобы слава Юлиана не возросла еще больше, Констанций, по наущению, как утверждают, Флоренция, послал Деценция, трибуна и нотариа, чтобы тот немедленно забрал из армии Юлиана вспомогательные отряды эрулов и батавов, кельтов с пегулантами и по 300 человек из других легионов. Выступление приказано было ускорить под предлогом необходимости их участия ранней весной в походе против персов... Приказ о скорейшем отправлении... был отдан только на имя Лупицина... Юлиан не возражал и спокойно подчинился решению верховной власти» (XX. 4. 1–4; пер. Ю. А. Кулаковского). — *Примеч. ред.*

его. Но он был послушен сверх меры, позволю себе сказать так, и повелевал выступать, и вопли женщин хватались за людей⁶². Едва они перевели дух, как воздвиглась вторая волна, но и она не побудила этого человека к противодействию.

59. Как же становится он великим государем? Здесь, мне кажется, судьи взглянут проницательнее. Ни воин не был понуждаем, ни государь не уступал настоянию воинов, ни подданные не были так плохо дисциплинированы, чтобы выводить правителя, как взбрело на ум. Но какое же объяснение вернее? Бог подвигнул их без всякого предварительного умысла с их стороны, но глас опередил мысль. А это дело божества. Явился приказ сродни⁶³ предшествовавшему, присоединявший к хламиде пурпурной окраски диадему, украшенную камнями, в которой тоже было нечто от продукта моря⁶⁴. А он взглянул на небо, и как даяние, так и получение было, то и другое одинаково, замыслом божеств⁶⁵.

60. Итак, как оракулы мы не считаем делом Пифии⁶⁶, но того, кто посылает ей на уста изречения, так в настоящем случае украшение главы его пусть считается делом скорее тех, кто подвигли воинов и убедили его, чем тех, чью душу они настроили по своему желанию. Естественно, что те, кто так судили, при вопрошании их, сообщили делу как подобающему это происхождение. Несправедливую почесть они не одобрили бы, а справедливой готовы были дать место.

61. Однако воля богов не была неожиданностью для почтенного ею, так как он давно питал в душе это стремление, но, как бы довольный более скромным положением, медлил, колебался, пребывал в прежней мере чести, ждал приговора земного после вышнего. Того же [Констанция] ничто не склоняло.

⁶² Смелая просопопея во вкусе Либания.

⁶³ ἀδελφά, ср. т. I, стр. 83, 1 [205, 389].

⁶⁴ Т. е. пурпуровой раковины.

⁶⁵ Подобную трактовку см. Or. XVIII. 106; XIII. 34. — *Примеч. ред.*

⁶⁶ Об оракулах см. также Or. XIII. 48. — *Примеч. ред.*

62. Итак, пока оставалась надежда на примирение, он терпел. Но когда объявлена была открытая война, в Италии возводились укрепления, призывалось кельтское племя⁶⁷, приведено в движение скифское⁶⁸, шла пехота, выступали стрелки, когда ничто не удерживало и не возвращало вспять, ни кони персов, ржущие у Евфрата, ни осадные машины, подвозимые к стенам, ни плач городов, ни грозивший им пожар, но он [Констанций] покупал ужас римской земле, делая крупнейшие уступки варварам, лишь бы малого не уступить своей породе⁶⁹, вот тогда, тогда, наконец, предоставив противникам стеречь большую дорогу, сам он [Юлиан] другой⁷⁰, нетоптанной, неровной, непроходимой по крутизнам своим, свершил путь, словно по какой-нибудь городской дороге, устроенной рабочими, как будто Аполлон вел его и выравнивал путь, загражденный рвом ахейцев⁷¹.

⁶⁷ Вот как эти события 360 г. описывает сам Юлиан: «Мои легионы отсылали ему [Констанцию] письма, умоляя сохранить взаимное со мной единомыслие. Вместо этого он начал поднимать против нас варваров, объявлять им, что я его враг, и давать им взятки, чтобы нанести ущерб народу Галлии; более того, он написал в Италию, чтобы там остерегались тех, кто движется из Галлии. На границах Галлии, в близлежащих городах, он приказал приготовить 3 миллиона медимнов пшеницы, складировавшихся в Бригантии, и столько же близ готских Альп, имея в виду войну против меня. И это не слова, но действия, говорящие сами за себя. Ибо его письма к варварам я получал от этих же самых варваров, приносивших их мне» (Ep. ad Ath. 286 a-b; пер. Т. Г. Сидаша). — *Примеч. ред.*

⁶⁸ Имеются в виду готы, которых Либаний по греческой традиции именует скифами. В дальнейшем Юлиан вел мирные переговоры с посольством готов (см. § 78), что явилось прямым следствием действий Констанция по активизации германцев. — *Примеч. ред.*

⁶⁹ Речь идет о поражениях римлян в войне с персами: осаде и падении Амиды (Amm. Marc. XIX. 2–9), Сингары и Безабды (XX. 6–7). Причем утрата двух последних крепостей произошла в 360 г., как раз тогда, когда Констанций готовился к войне против Юлиана. Справедливости ради надо отметить, что Констанций, собрав войска, попытался отбить крепости и осадил Безабду (Амида после взятия была разрушена персами и оставлена), но безуспешно (XX. 11). — *Примеч. ред.*

⁷⁰ Имеется в виду марш Юлиана вдоль Дуная в 361 г. — *Примеч. ред.*

⁷¹ См. Homer. Il. XV. 152–158: «[Гектор]... Рек, — и, бичом по хребтам поражая коней, полетел он, Звучно к троянам крича по рядам; и они, испуская

63. Таким-то образом, незаметно для тех, кого он ловил, как каких-нибудь рыб, еще раньше, чем собрана сеть, когда настал момент, он впервые появился воочию, вступив на границы⁷², совсем как водолаз, что скрывается «под хребтом моря» в воде, невидимый людям на берегу, сколько хочет.

64. Так ценил он выше самой победы то, чтобы его не считали неправым, что, среди опасностей шествуя по Греции, оправдывался перед всеми людьми, посылая туда письма, смотря по характеру каждого, большие, меньшие, средние, как должно было подходить к личности адресатов⁷³.

Страшные вопли, за ним устремили коней колесничных С громом ужасным; и Феб Аполлон впереди перед ними, Быстро окопа глубокого берег стопами рассыпав, Весь в середину обрушил и путь умогил он троянам, Длинный и столько широкий, как брошенный дрот пролетает...» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

⁷² Имеется в виду неожиданное появление Юлиана у Сирмия. Луциллиан, комит провинции Иллирик, как только получил сведения о продвижении Юлиана, стал срочно собирать войска для отпора. Юлиан же посадил свое войско на лодки и спускался по реке, минуя крепости и города. Ночью он высадился у Бононии, городка, расположенного в 19 милях от Сирмия, и послал своего комита домашних Дагалайфа с небольшим отрядом в Сирмий с приказом привезти к нему Луциллиана. Отряд Дагалайфа захватил Луциллиана в собственном доме и доставил к Юлиану, где тот был вынужден присягнуть новому императору. После этого Юлиан без сопротивления вступил в Сирмий (XXI. 9). — *Примеч. ред.*

⁷³ Из этих манифестов Юлиана сохранился только один, к афинянам. Вот как Юлиан обозначает цель своего послания: «...И если таковое было совершено вами [афинянами] в древности, если сохранилась с тех пор еще в вас некая малая искра добродетели предков, то пристало вам обращать внимание не на величину предприятия, не на то, что некто с огромной силой пронесется через воздух, и на то, что кто-то пересекает землю с невероятной скоростью, но пристало вам смотреть, совершается ли нечто по справедливости. И если же является это действие справедливым, то вы, вероятно, станете его приветствовать, как каждый из вас, так и все вместе, а если деянию недостает справедливости, то вам прилично подвергнуть его бесчестью. Ибо ничто так не родственно мудрости, как справедливость. Следовательно, то, что бесчестит справедливость, справедливо изгоняется вами как бесчестящее богиню, обитающую среди вас. По этой-то причине я пожелал объяснить свой поступок вам, чтобы вы не оставались в неведении о том, что, возможно, осталось бы скрытым...» (269 d — 270 a; пер. Т. Г. Сидаша). Другие послания были направлены им

65. Итак, пока он соображал в Пэонии⁷⁴ относительно Фракии, пора ли вторгнуться или сидеть на месте, и доблесть свою противопоставлял численности врагов, некая судьба дает делу решение, обрета, без действия оружия, конец, подобающий родству противников. В момент, когда обороняющемуся предстояло победить, она похитила наступающего жертвою недуга⁷⁵, и вот трофей — столь велик, но могилы воинов нет нигде.

66. Пускай же уступит императору, в суждении боголюбивых людей, и великий Кир. В самом деле, если случай дал ему пастуха для спасения, однако сражаться с дедом пришлось же ему⁷⁶, и даже нечто большее, как говорит Исократ⁷⁷, так что одоление

в Коринф (см. далее Or. XIV. 29–30, где представлен фрагмент вступительной части письма) и сенату в Рим (Amm. Marc. XXI. 10. 7). — *Примеч. ред.*

⁷⁴ Пеония — северная область Македонии, расположена к востоку от Фракии. — *Примеч. ред.*

⁷⁵ Констанций умер в ноябре 361 г. в Киликии: отведя войска с персидского театра военных действий, император прибыл в Антиохию и почти без отдыха двинулся навстречу Юлиану через Малую Азию. По дороге, в Тарсе, он почувствовал недомогание, но продолжил путь, и в Мопсукрене, небольшой станции в Киликии, окончательно разболелся и умер. Ходили упорные слухи, что перед смертью Констанций назначил Юлиана своим преемником (Amm. Marc. XXI. 15). — *Примеч. ред.*

⁷⁶ Имеется в виду Кир Великий, персидский царь (558–529 гг. до н. э.). Он был сыном знатного перса Камбиза и Манданы, дочери мидийского царя Астиага. Увидев сон, что сын дочери захватил всю Азию, Астиаг велел своему приближенному Гарпагу убить младенца. Гарпагу же стало жаль младенца, и он отдал его пастуху Митридату, чтобы тот оставил его в горах на смерть. В это время жена пастуха тоже родила, но ребенок умер, и пастух оставил младенца Кира у себя. Впоследствии Кир, встав во главе персов, выступил против Астиага, разгромил войско мидийцев, а самого Астиага взял в плен, но не причинил ему никакого вреда и держал при себе до самой его кончины. Биографию Кира довольно подробно описал Геродот (I. 107–130). — *Примеч. ред.*

⁷⁷ Isocr. Euag. (IX), § 38 p. 196. (Исократ (436–338 гг. до н. э.), знаменитый афинский оратор и учитель риторики. Созданный Исократом принцип образования, основанный на риторике, оказал сильнейшее влияние на поколения ораторов, и изучение его наследия являлось обязательным пунктом в образовательной программе в течение столетий. Либаний, прекрасно знавший его труды, цитирует речь «Эвагор»: «Далее, из походов Кира еще не следует, что он смог бы отважиться на опасности, которые перенес Эвагор, тогда как деяния

мидийцев сопровождалось для него стыдом. Для тебя же славнее приобретенного способ приобретения, так как ты чистою рукою достиг всего.

67. А что еще достойнее, это доставило одинаковое удовлетворение и тем, кого ты вел, и тем, на кого ты шел. Закон делал их противною стороною, но, когда они узнавали, что ты царь по твердости воли, а в трудах соратник, расположение их соединяло их с тобою.

68. И вот в чем заключалось направление богами главы твоей к диадеме, чтобы за увенчанием следовал гнев, за гневом движение, за движением твой поспешный поход, и «да приблизишься ты к государственному управлению»⁷⁸. «Если же колеблешься перед убийством, — гласит призыв, — мужайся. А это будет нашим делом»⁷⁹.

69. Таким образом, без малейшего нарушения благочестия получив в свои руки большую часть Европы и Азию, он ни о чем так не ревновал, как о культе, подобно тому как иной добрый кораблестроитель, который прежде всего другого отдает свое внимание киллю. Как на его крепости основана сохранность

Эвагора с очевидностью доказывают, что он легко мог бы взяться за осуществление предприятий, которыми занимался Кир. Кроме того, у одного все было совершенно с полным уважением к божескому и человеческому праву, тогда как у другого случались и неблагоприятные поступки: Эвагор истреблял только врагов, Кир же убил отца своей матери. Поэтому, если иметь в виду не масштабы события, а доблесть каждого, то по справедливости Эвагору следует воздать большую похвалу, чем Киру» (пер. Э. Д. Фролова). — *Примеч. ред.*

⁷⁸ Уже эти слова в издании Förster'a, по принятому в нем порядку, должны бы быть выделены разрядкою.

⁷⁹ Либаний рассказывает, что предсказание о скорой смерти имп. Констанция Юлиан получил, гадая на какой-то древней книге (Or. XVIII. 118), но Аммиан Марцеллин, возможно, более осведомленный, сообщает, что однажды в Вienne (где Юлиан расположился на зимние квартиры в конце 360 г.) Юлиану во сне предстало видение, которое изрекло следующие стихи: «Когда Зевс совершит движение по широкому пределу славного Водолея, а Сатурн пройдет на 25 градусов созвездие Девы, тогда царь Азийской земли Констанций будет у предела жизненного пути, и его постигнет тяжкая горестная смерть» (XXI. 2. 2; пер. Ю. А. Кулаковского). Этой же версии придерживается и Зосим (III. 9. 6). — *Примеч. ред.*

судна, так сохранность городов на почитании богов. Поэтому он восстанавливал храмы, строил жертвенники и приучал свое отечество, которое нетерпимо было к спасительному дыму, не враждовать с благом, как сын, вразумляющий мать, когда он, сначала увлеченный одним с нею заблуждением, потом избавляет от него себя и ее.

70. И вот я удивляюсь тем персам — их слова памятливы, — которые говорили, что ты их одолеешь, а не додумывались до того, что ты уже овладел ими, и притом пребывая в устье Понта, у Босфора, и занятый тем же, чем сейчас я, исполняя⁸⁰ перед великим советом⁸¹ свое произведение. Какова же была победа?

71. Тот, лишив восточную страну цвета гоплитов, шел в поход, предоставив города худшей части войска, которая, по внешности представляя гарнизоны, нуждалась сама в охране, и охранители трепетали вместе с охраняемыми. Итак, нам казалось, мы уже видим разгром городов, еще не наставший в действительности, и бегство было во спасение.

72. И население внутри страны считало счастливым приморское, а те, что жили на берегу, своих корабельщиков, и не было тогда счастья больше, чем владеть кораблем. За киприотами, какие там были, ухаживали, и они обещали приют. Но и море не было свободно от опасностей, так как в гаванях грозили раны в борьбе из-за судов, а в море смерть, потому что благоприятная пора плодила злодеев.

73. Эти переселения остановил один день. Один и тот же день тебе дал эту власть, а нам смелость оставаться на местах, не потому, чтобы откуда-нибудь пришла боевая сила, или стены для одних были построены, для других исправлены, или противники были поражены повальной болезнью, но одно звание устранило страх, и в семидесяти стадиях расстояния от Тигра ты смутил персов, будто подняв на них знамена для битвы.

⁸⁰ δεικνύων, об ἐπίδειξις, ораторском исполнении перед аудиторией.

⁸¹ Имеется в виду сенат Константинополя. «Великий» — его обозначение, отличавшее от муниципальных курий. — *Примеч. ред.*

74. А Демарат⁸² — да погибнет он злою смертью, который, восхваляя им блага нашей страны и обещав зимою предать им город, будто улов в верше⁸³, переменяв политику, отпускал речи в духе Полидаманта, какие последний произносил с появлением Ахилла⁸⁴. Человек проницательный назовет это победой не хуже той, которая ожидается. Последняя, если даруют то боги, приведет их военнопленными, а эта нам воспрепятствовала стать таковыми, и будущей победой мы отплатим за то, что претерпели, благодаря этой не прибавилось для нас новых бедствий.

75. Полагаю, поражение врага достигается не только его захватом в плен, но и тем, если он понадеется захватить, а рад будет

⁸² По замечанию *Валуа*, ad Ammian. Marc. XVIII 5, 3, разумеется Антонин. (Демарат, свергнутый царь Спарты, получил убежище у персидского царя Ксеркса и во время персидского вторжения в Элладу в 480 г. до н. э. выступал как его советник. Либаний имеет в виду протектора Антонина, который переметнулся к персам в 359 г.: Антонин, местный уроженец, был протектором в римской администрации Месопотамии, но попал в большие долги перед влиятельными лицами и, опасаясь судиться с ними, был вынужден письменно признать все долги. Когда наступило время уплаты, которую в угоду влиятельному лицу контролировал лично комит казначейства, Антонин, владея персидским языком, вступил в сношения с Тамсапором, командующим персидскими пограничными войсками, и с его помощью бежал в персидские владения вместе со всей семьей, передав персам ценные сведения о дислокации римских войск, наличии запасов продовольствия и воинского снаряжения, пр. Прибыв ко двору Шапура, Антонин занял почетное положение, стал призывать царя скорее начать войну с римлянами и даже предложил план кампании, вызвавшись быть проводником, а в ходе самой кампании был одним из ближайших советников Шапура (Amm. Marc. XVIII. 5–6. 3–4; 7. 8–11). — *Примеч. ред.*)

⁸³ *κῦρτός* ср. Plato, Soph. 220 C. Legg. VII p. 823 E. (Либаний использует слово «клетка, садок», обозначающее принадлежность для рыбной ловли. — *Примеч. ред.*)

⁸⁴ См. Homer. II. XVIII. 249–283: «Полидамас Панфойд им начал советовать мудрый Он бо один и минувшее знал, и грядущее видел... “Тщательно, други, размыслите; я вам советую ныне ж В град с ополчением войти, а не ждать Авроры священной В поле близ самых судов: далеко мы стоим от твердыни. ...Ныне ж, как вы, я страшусь Пелеева быстрого сына; Знаю я душу Пелидову бурную; он не захочет Медлить на этих полях, где трояне с сынами ахейя В битвах сходясь, равно разделяли свирепство Арея: Града и наших супруг добывать он битвою будет. В град возвратимся немедля; поверьте мне, так совершится!”» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

спастись самому. Зачисляя то, что ожидалось, в приобретенное, он считает себя в убытке.

76. Это — одно доказательство того, что перс побежден; другое — извини меня, ради Зевса, если я выскажу некую тайну, устам моим нет удержу и они становятся сильнее ограды зубов, — недавно пришло ассирийское письмо с просьбой открыть путь и покончить с разладом посредством переговоров, при помощи вестника и посольства⁸⁵.

77. Итак, я думал, что он будет рукоплескать и праздновать, позаботится о быстроте, и поздравлял, поступая как не раз побежденный, а он швырнул письмо смелее Диомеда⁸⁶, считая непростительным, чтобы повинный возмездию вступал в переговоры о мире.

78. Не менее значителен его поступок с теми из скифов, которым, уличив их в мелочном препирательстве во время мирных переговоров, он приказал удалиться и позаботиться о войне⁸⁷, и спустя долгий промежуток времени римлянин угрозил варвару.

79. Отчего переменилось направление ветра в войне? И что вернуло положение римлян к возможности угрожать персам? Не какое-нибудь пешее сражение, не тяжкое конное, не новизна вооружения, не новые изобретения военного искусства смирили врагов, но частые жертвы, обилие крови, испарения благовоний, трапезы богам и демонам.

⁸⁵ См. об этом Or. XVIII. 164. Ассирия — область Месопотамии, в данном случае синоним Персии. — *Примеч. ред.*

⁸⁶ См. Homer. II. IX. 31–51: «Но меж них наконец взговорил Диомед благородный: “Сын Атреев! На речи твои неразумные первый Я возражу, как в собраниях позволено; царь, не сердись...” Так произнес, — и воскликнули окрест ахейские мужи, Смелым дивясь речам Диомеда, смирителя коней» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

⁸⁷ Речь идет о готах. Результаты этих переговоров были успешны для Юлиана, судя по цитате из его письма, которую приводит Евнапий: «Скифы теперь спокойны, но, вероятно, не всегда будут спокойны». Далее Евнапий резюмирует, что скифы были спокойны (т. е. не нападали на римские границы) только в период правления Юлиана (FHG. XXII. 1). — *Примеч. ред.*

80. Вот почему название жреца радует его не менее, чем титул императора, и название это соответствует его занятиям, так как в религиозных обрядах он опередил жрецов не менее, чем государей в делах правления. Не говорю о нынешних, более нерадивых, а о древних, тех, что были в Египте, изощирившихся в них. Не так, как служат по требованию закона, он то приносил жертвы, то переставал это делать, но признавая, что правильно изречение о необходимости с богов начинать и дело, и слово, то, что прочие, он знал, откладывая до новолуния, то он сделал ежедневным обрядом, встречая пролитием крови восход бога и провожая им закат, и то же в свою очередь приготовляя ночным демонам⁸⁸.

81. Удерживаемый своим высоким положением большею частью внутри покоев, так как днем нельзя спешить в храм, он превращает в святилище дворец и сад делает чище, чем у некоторых сокровенная часть храма, и алтари становятся пленительнее под древесным сводом, древесина приятнее от алтарей.

82. А самым лучшим является то, что он угождает богам, не сидя на высоком троне или окруженный золотыми щитами, руками других, но работает собственноручно, и обходит, и берется за полено, и берет нож, и вскрывает птиц, и понимает внутренности, и тому свидетельством служат пальцы, полные следов такой работы. Ведь он считает ни с чем не сообразным, если сам вручит будущим правителям указы, а не исполнит теми же руками обязанностей по отношению к богам.

⁸⁸ Аммиан Марцеллин описывает эти жертвоприношения: «...иной раз он закалывал по 100 быков, без счета приносил в жертву множество разного скота и белых птиц, которых отыскивали на суше и на море». Сам он не одобрял подобного размаха, подчеркивая, что «безмерно увеличивались религиозные церемонии, совершавшиеся с огромными и совсем необычными расходами»; «однако слишком уж часто и обильно он [Юлиан] поливал жертвенники кровью животных... так что почти каждый день можно было видеть, как наедавшихся без меры мяса и напившихся до бесчувствия солдат тащили по улицам в казармы на своих плечах прохожие из общественных зданий с пиров...» (XXII. 12. 6–7; пер. Ю. А. Кулаковского). В Антиохии в это время продолжался голод, и частые жертвоприношения Юлиана в Антиохии, вкупе с недовольством христиан, составлявших значительную часть населения города, уменьшали популярность Юлиана. — *Примеч. ред.*

83. Вот почему в экстренных обстоятельствах он не устраивает совещаний стратегов, лохагов и таксиархов⁸⁹ и не тратит время на размышления, но, прибегнув к учителям, что открывают неизвестное, этим ограничивается. Поэтому донесения с границ царства не бывает никакого или очень мало, но все известно, и подобно тому, как от Солнца не сокрыто ничего из земного, так и от тебя ничто из того, что совершается, благодаря дару самого Гелиоса.

84. Кроме того, и на границах те варвары, которые населяют нашу страну от внешнего моря до бурунов Понта, повесив оружие, запахивают землю, отчаявшись в боевой добыче от нашего достатка, но молясь Деметре. А из подданных, кому предстояло поплатиться, погубили себя собственной жаждой тирании, того, на что надеялись, выполнить не быв в состоянии, однако, по взятии в плен, не претерпев того, чего опасались, они одни после таких замыслов сохранили жизнь свою⁹⁰.

85. Я же восхищался Ксерксом, не казнившим тех, которые явились к нему на смерть, в отплату за вестников⁹¹. Глашатаи были жертвою беззакония целого города, вещь, в глазах перса, не стоящая внимания, и вместе он уважил мужество людей, са-

⁸⁹ Стратег — в греческой военной иерархии командующий, лохаг — командир лоха, т. е. большого по численности подразделения, в римскую эпоху соответствовавшего центурии, таксиарх — командир отряда. Данный фрагмент не стоит считать непосредственным описанием, речь идет о совещании командиров частей. — *Примеч. ред.*

⁹⁰ Ср. далее, Ор. XVI. 19. — *Примеч. ред.*

⁹¹ Данный сюжет подробно описывается у Геродота. Персидский царь Дарий, готовя поход против Эллады, направил послов с требованием земли и воды (т. е. покорности) в различные полисы Греции, в том числе и Спарту. Оскорбленные спартанцы убили послов, однако после этого при всех жертвоприношениях у спартанцев стали выпадать неблагоприятные предзнаменования. Тогда два знатных спартанца, Сперхий, сын Анериста, и Булис, сын Николая, согласились добровольно отправиться к царю Ксерксу (завладевшему престолом после умершего Дария) и понести наказание за смерть послов. Однако, когда они прибыли к Ксерксу, он их пощадил и отпустил домой, поскольку, по его словам, не желал подражать спартанцам в том, что достойно порицания (Her. VII. 133–136). — *Примеч. ред.*

мих себя предающих. Император же тех, которые составили на него то, что и назвать не позволительно, наказал не выше уличения их.

86. И это, мужи, будем считать делом тех же помощников, лучших для охраны, чем землю рожденный Аргос⁹², которые оберегают его вместе с телохранителями, блюдут и самих последних, и если обретут в них, вместо псов, волков, уведомляют не путем слабых и косвенных видений во сне, но так, как мы сейчас видим друг друга и любой может сказать другому об ораторе, что он хорошо говорит или обратное, так они ему о злоумышленниках, воздавая его очам честь своего лицезрения и устраняя возможность недоверия к Гомеру, который слил с людьми богов, словно их товарищей и друзей.

87. Как же не быть им тебе друзьями, когда на походе сюда ни один жертвенник не был оставлен в пренебрежении? Тебе, который, настолько уклонившись от прямого пути, явившись во Фригию, возвратился, почтив нашу родительницу богов обильными и крупными жертвами⁹³. — Итак, явившись к нам, ты, как сказал бы иной из людей, ничего не разумеющих, оставался в бездействии, как я бы выразился, открыл войну, и нечто изобретено тобою для победы, более важное, чем самая битва. Дело вот в чем.

88. В прежнее время персидское войско не было ни численностью выше, ни силою превосходнее, ни выше по военным приемам, ни по вооружению более мощным, но то, что все это поддерживает или уничтожает, наличностью своею или отсутствием, перешло на ту сторону и с ними наступало: божества, распорядители войны, битвы, бегства, посылающие поражение тем, кто их не почитает, укрепляющие людей, их чтущих.

⁹² Аргос — в греческой мифологии великан, сын Геи (Земли). У него на теле было сто глаз, причем спали одновременно только два глаза. Гера приставила этого неусыпного стража к Ио, возлюбленной Зевса, превращенной в корову. — *Примеч. ред.*

⁹³ О жертвоприношении Юлиана в святилище Матери Богов см. Or. XVIII. 161; Amm. Marc. XXII. 9. 5. — *Примеч. ред.*

89. Так, еще пока сходились два войска, от них на наших гоплитов направлялись стрелы, задевавшие души, причем одни пускал Арес, другие соратники Ареса Страх и Ужас⁹⁴. Эти стрелы поражали сердца, и выпускали воины мечи из рук, и постигала их естественная участь людей: божества их одолевали.

90. Таким образом, в правильном сознании того, что каждому воину надлежит поклоняться тем, в ком он нуждается во время битвы как в сути военного снаряжения, не в щите, не в панцире, не в дротике, и после собеседования с богами, в какие ты вступаешь, ты вооружил боевую силу пониманием божества, и воины по собственному почину бежали к жертвенникам и спорили из-за ладана⁹⁵.

91. Такою-то стеною обвел ты римское царство. И то твоя заслуга, что ты перевоспитываешь прочую народную массу, совершая над другими превращения Протея⁹⁶. Теперь именно население на земле прямо превращается из свиней в людей⁹⁷.

92. Всему этому причина словесное искусство. Это дело рассудительности, последняя же — воздействие слова, всякие виды коего ты воспринял душою, одни речи, бегущие стремительно⁹⁸,

⁹⁴ Деймос (Ужас) и Фобос (Страх) в греческой мифологии считаются детьми Ареса и Афродиты. Деймос также является возницей Ареса. — *Примеч. ред.*

⁹⁵ Известны случаи увольнения Юлианом христиан с постов как гражданской, так и военной службы (см. E. L. F. 50). — *Примеч. ред.*

⁹⁶ Протей — морское божество, сын Посейдона. Жил на о. Фарос и обычно выглядел как старец. Он был известен своей мудростью, а также способностью принимать облик различных существ. Наиболее известен о нем сюжет из «Одиссеи» (IV. 351–424), в котором Менелай добивается от Протея предсказания о судьбе греческого войска, держа его во время всех его превращений (во льва, пантеру, змею, быка, кабана, птицу, обезьяну, огонь, воду, дерево), пока тот не остановился на своем собственном облике — сонливого старичка. Упоминаемое Либанием превращение из свиней в людей — намек на один из подвигов Одиссея: волшебница Кирка прибывших на ее остров спутников Одиссея, опив колдовским напитком, превращает в свиней. Одиссей отправляется спасать спутников, получив от Гермеса волшебную траву, которую необходимо бросить в напиток Кирки, и, выхватив меч, разрушить чары. В результате Одиссей покоряет Кирку и возвращает спутникам человеческий облик. — *Примеч. ред.*

⁹⁷ Выражение, резкость которого ослабляется, если иметь в виду очевидный намек на колдовство Кирки в Одиссее, IV 417. 455 sq.

⁹⁸ Ср. μετὰ ῥώμης δρόμος и т. п., т. I, стр. XXXII, 3 [40, 147].

другие, шествующие медлительно, письма, диалоги, красоту эпических поэм. Из них одними ты восхваляешь, другими убеждаешь, третьими принуждаешь, четвертыми чаруешь, и побеждаешь риториков философией, философов, в свою очередь, риторикой, поэзией тех и других, как опять-таки поэтов обеими первыми, и, Зевсом клянусь, всех, кого назвал я, совершенством того и другого языка⁹⁹, утверждаю это не по собственному пониманию¹⁰⁰, но меня убедил тот карфагенянин¹⁰¹.

93. Если бы, следовательно, тебе удалось приобрести это без царства, ты вызвал бы у многих царей пожелания отдать свои владения и получить твое достоинство, а если бы можно было тебе подавать голос десяти языками¹⁰², тебе бы нимало не понадобилось помощников для писем¹⁰³.

94. Эти обильные, прекрасные и разнообразные виды слова ты добыл не одними трудами раньше воцарения, но еще и сейчас соблюдаешь бодрствование в занятиях ими. И императорская власть не заставила книги лежать втуне, но ночь еще в первой своей части, а ты поешь¹⁰⁴ гораздо раньше птиц, или сочиняя речи, или усваивая чужие произведения. А сила сна

⁹⁹ Т. е. греческого и латинского, ср. т. I, стр. LXVII, 7 [76, 288]. (Юлиан не только знал латынь, но и был сведущ в латинской риторике (Amm. Marc. XVI. 5. 7). О литературной деятельности Юлиана, прежде всего его речах, см. Or. XVII. 27; XVIII. 302; XXIV. 37. — *Примеч. ред.*)

¹⁰⁰ Переводим так, имея в виду незнание Либанием латинского языка, см. т. I, стр. XXVI, 2 [34, 121]. (Либаний не знал латыни, о чем не раз сам писал (Ер. 923; 956), а в исключительных случаях пользовался услугами переводчика (Ер. 1241). — *Примеч. ред.*)

¹⁰¹ Возможно, это тот латинский оратор, которого Либаний упоминает в своей «Автобиографии» (Or. I. 127–128). — *Примеч. ред.*

¹⁰² Ср. Номер. II. II. 488–490: «Всех же бойцов рядовых не могу ни назвать, ни исчислить, Если бы десять имел языков я и десять гортаней, Если б имел не слабеющий голос и медные перси» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

¹⁰³ Ср. к этим похвалам Либания разнообразию и плодovitости Юлиана в области словесности, *Надгробная речь*, § 157 след., § 302, т. I, стр. 353 [570] след., стр. 392 [618] след., ер. 33, т. I, стр. 449 [688].

¹⁰⁴ См. т. I, стр. 358, 1 [576, 215].

побеждена строгостью диеты. Ведь он овладевает ресницами после вина и пресыщения, а без них не имеет большой силы.

95. Что же удивительного, если красота тела находится в небрежении при питании его, словно цикады¹⁰⁵, отделке им своих речей, общении с богами, непрерывном труде? Что уходит на эти занятия, отнято от удовольствий того порядка. И он рискует своей готовностью к воздержанию лишиться себя похвал за него. Ведь то обстоятельство, что человеку с привычкою к такой диете даже невозможно быть рабом низменной страсти, устраняет восхищение им.

96. Вот каков у нас император и консул, побеждающий всеми достоинствами не только по нашему приговору, но и по суждению богов, строгостью своей добродетели заграждающий уста самому Мому¹⁰⁶. Ведь и то черта благородства и высокого духа допустить в сотоварищи себе лицо, гораздо низшее по общественному положению¹⁰⁷, и не уклониться от сана за отсутствием лица, равного по знатности, ни, в стремлении к нему, раньше, чем подобает, назначить такое лицо.

97. Во всяком случае и Ксанф, бессмертный конь, не пренебрег бегущим с ним рядом Педасом¹⁰⁸. И сверх этого примера, мы зна-

¹⁰⁵ Поговорка «еда как у цикады» означает нечто микроскопическое, поскольку цикада питается росой (Theocr. Id. IV. 16). Поговорка связана с легендой о Титоне, в греческой мифологии божестве света: Эос, полюбив Титона, унесла его к себе, попросив для него у Зевса бессмертие, но забыла о вечной молодости; хотя Эос и кормила Титона нектаром и амброзией, он состарился и сделался сверчком. — *Примеч. ред.*

¹⁰⁶ Мом — сын Ночи, в греческой мифологии божество злословия. Мом порицал Зевса и Афины, Гефеста и Посейдона за их дары людям. В конце концов Зевс изгнал Мома с Олимпа за его постоянное злословие против богов. — *Примеч. ред.*

¹⁰⁷ Имеется в виду префект Галлии Саллюстий, которого Юлиан назначил консулом вместе с собой в свой четвертый консулат на 363 г. Характерно замечание по этому поводу Аммиана Марцеллина: «Новостью казалось товарищество частного человека с августом, так как никто не помнил, чтобы это случилось после консульства Диоклетиана и Аристовула [в 285 г.]» (XXIII. 1. 1; пер. Ю. А. Кулаковского). — *Примеч. ред.*

¹⁰⁸ Имеются в виду кони Ахилла — см. Hom. Il. XVI. 148–154: «Сей Автомедон подвел под ярмо Ахиллесовых коней, Ксанфа и Баляя, быстрых, летающих с ветрами вместе. Гарпия оных Подарга родила от Зефира ветра, Им

ем, что Афина и Диомед ехали на одной колеснице, «богиня грозная, с нею лучший из смертных»¹⁰⁹.

98. Теперь, мне представляется, и браки будут сопряжены с целомудрием, и все сделки будут причастны справедливости, и дети станут рождаться для лучшей доли, так как твое наименование, как легкое и благоприятное предвещание, стоит в заголовке этих актов¹¹⁰.

99. Этот год, если бы существовало какое-либо состязание и суд для годов, как для атлетов, я полагаю, одержал бы победу по приговору всех судей. Конечно, многие приняли консульство, многие да примут, но этот первый во время монархии. Итак, если Сапфо лесбосской ничто не помешало молиться, чтобы ночь для нее затянулась вдвое¹¹¹, пусть и мне дозволено будет молить о подобном: «Время, отец года и месяцев, продли для нас этот год как можно дольше, как когда, при зачатии Геракла, ты протянул ночь»¹¹², и вообще продли государю жизнь сверх

посещенная в пастве, при бурных струях Океана. В припряжь завел он коня, знаменитого бегом Педаса, Коего добыл Пелид, разгромивши град Этиона: Смертный, с конями бессмертными он быстротой равнялся» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

¹⁰⁹ См. Номер. II. V. 835–839: «Так говоря, с колесницы Сфенела согнала на землю, Быстро повлекши рукой — и покорный мгновенно он спрыгнул; Быстро сама в колесницу к Тидиду [т. е. Диомеду, сыну Тидея] восходит богиня, Бранью пылая; ужасно дубовая ось застонала, Зевса подъявшая грозную дочь и храбрейшего мужа...» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

¹¹⁰ Ср. к этому § 13 этой речи (а также Ор. XVII. 13. — *Примеч. ред.*).

¹¹¹ Fr. 130 Bergk. Сапфо — знаменитая древнегреческая поэтесса из Митилены (остров Лесбос), поэтическое творчество которой датируется 612–550 гг. до н. э. Сапфо, как лирическую поэтессу, высоко чтили в античности, называя десятой музой. — *Примеч. ред.*

¹¹² Речь идет об известном сюжете из цикла о Геракле: Зевс влюбился в смертную женщину Алкмену, жену Амфитриона, сына царя Тиринфа, проживавшего в изгнании в Фивах. Алкмена соглашалась стать женой Амфитриона только если он отомстит телебоям, в сражениях с которыми погибли ее братья. Когда Амфитрион отправился на войну с племенем телебоев, обитавшим на острове Тафос, Зевс, приняв облик Амфитриона, явился к Алкмене. И пока длилась их брачная ночь, солнце трое суток не поднималось над землей. Амфитрион узнал о невольной измене жены, но примирился с ней,

предела ее у Солона¹¹³, считая собственною честью старость доблестного царя».

100. Молю этого и, сверх того, чтобы войско наше пообедало в Сузах, причем персы услуживали бы им как виночерпии¹¹⁴. Этого подобает молить, этого полное основание ожидать. С помощью бога двинемся и сами.

101. Так даруй же свободу всем дельным и самым добронравным рабам, которых должно считать настолько более счастливыми, чем тех, которых когда-то ударяли в знак освобождения, насколько последние счастливее тех, кто умерли в рабстве. Им изменяет их общественное положение муж, начавший дело освобождения с себя самого и не допустивший владычеству похотей водвориться в душе.

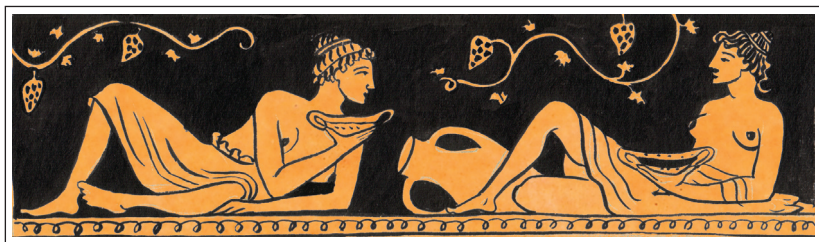
102. И они в выгоде сравнительно с освобожденными от рабства в других местах величием консула, а из тех, что освобождены при консулах, добавлением титула императора, в свою очередь из тех, что при государях, превосходством нынешнего.

Так не видали торжества, подобного здешнему, ни очи людей, ни богов.

и Алкмена родила одновременно Ификла от Амфитриона и Геракла от Зевса. — *Примеч. ред.*

¹¹³ Известная в античности сентенция, приписываемая Солону, который сам был долгожителем, что пределом человеческой жизни является 70 лет (Нер. I. 32). — *Примеч. ред.*

¹¹⁴ Либаний для большего эффекта архаизирует реалии: Сузы были столицей Персидского царства в эпоху Ахеменидов, и, используя это название вместо реальной столицы Ктесифона, Либаний проводит параллель между греко-персидскими войнами классической эпохи, завоеваниями Александра Македонского (который устроил знаменитый грандиозный пир в Сузах, где грекам прислуживали персы) и современной оратору войной с персами. — *Примеч. ред.*

ПОСОЛЬСКОЕ СЛОВО К ЮЛИАНУ

Orat. XV R¹

1. «Ты явился, светик Телемах»². До сих пор мне должно использовать стих, но дальнейшее Евмею подходило сказать, а мне уже нет, так как «увидать тебя я обещал себе», притом и победителем, и сладившим со всеми теми предприятиями, о которых все твердят.

¹ Данная речь была написана Либанием в марте 363 г. после отъезда императора Юлиана из Антиохии для ведения войны против персов и после получения первых сведений о его успехах в Месопотамии. Эта речь — «парная» к Ор. XVI (см. преамбулу к комментариям этой речи). Юлиан, которому она была адресована, видимо, не успел с ней ознакомиться (Ор. XVII. 37; Socr. H. E. III. 17). — *Примеч. ред.*

² См. Номер. Od. XVI. 17–23: «Как нежный отец с несказанной любовью ласкает Сына, который внезапно явился ему через двадцать Лет по разлуке — единственный, поздно рожденный им, долго Жданный в печали — с такой свинопас Телемаха любовью, Крепко обнявши, всего целовал, как воскресшего; плача Взрыд, своему господину он бросил крылатое слово: “Ты ль, ненаглядный мой свет, Телемах, возвратился?”» (пер. В. А. Жуковского). — *Примеч. ред.*

2. Будь же уверен, что мысль всех, все речи от прежде прославляемых ты заставил обратиться вместо них на себя, и ни события до троянской войны, ни самая эта десятилетняя война, ни подвиги греков на море против предка нынешнего персидского царя³, ни те, какие свершил, напав на них в пору упадка, Александр, ни один из них ни внимания не занимает, ни речи не привлекает кого-либо из людей, но все, оставив все это, как маловажное, интересуются настоящим и радостно слушают и говорят тот об отваге, этот о вторжении, третий о морском наступлении, четвертый о падших в рукопашном бою, пятый о сиденьях, хитростях, борьбе.

3. Итак, за это великая благодарность богам, которые тебя доставили до варвара, и показали тебя сильнее противника, и бла-

³ Либаний имеет в виду события греко-персидских войн первой половины V в. до н. э., и прежде всего знаменитую морскую Саламинскую битву 480 г., в которой греки разгромили флот персидского царя Ксеркса из рода Ахеменидов. «Нынешний» персидский царь Шапур II был представителем иной династии, Сасанидов. Однако Сасанидская традиция, видимо, известная Либанию, возводила род Сасанидов к древнему царскому роду Ахеменидов, о чем рассказывается в «Книге деяний Ардашира, сына Папака» — истории основателя сасанидского государства, пришедшего к власти в 229 г. н. э.: «После смерти Александра Румийского [т. е. Македонского] в Эран-шахре было 240 удельных правителей. Спахан, Парс и ближайшие к ним области находились под властью правителя Ардабана [парфянского царя Ардабана V]. Папак был марзбаном и владельцем Парса и был из лиц, назначенных Ардабаном... А у Папака не было сына-преемника. Сасан же был пастухом Папака и всегда находился при стаде овец. И был он рода [царя] Дария (III), сына Дария, а в жестокое правление Александра [Македонского] он бежал и скрывался, бродя с пастухами-курдами... Папак, когда услышал эту речь, послал за Сасаном и, призвав его к себе, спросил: "Ты из какого рода и какой семьи? Был ли кто-нибудь из предков твоих, кто царствовал и правил?" Сасан попросил у Папака защиты и пощады: "Не причиняй мне зла и вреда". Папак согласился, и Сасан рассказал ему свою тайну, какой она была. Папак обрадовался и сказал: "Благоденствуй!". И Папак приказал, чтобы ему принесли полный царский наряд и дали Сасану [сказав]: "Надень!". Сасан так и сделал. Папак приказал, чтобы Сасана в течение нескольких дней содержали хорошо и достойно [его происхождению]. Затем он дал [ему] в жены свою дочь. И как должно быть согласно судьбе, девушка сразу забеременела, и у нее родился Ардашир» (I–II. 1; пер. О. М. Чунаковой). Согласно другой версии, не меняющей сути, Сасан был отцом Папака. — *Примеч. ред.*

гополучно вернули; но я молюсь тем же богам и мне даровать нынче успех, чтобы не уйти мне отсюда с посмеянием; я и одержал бы победу, если бы убедил тебя, а вернее, если бы убедил, твоя будет победа, который сложил гнев.

4. И таким именно образом ты присоединишь победу к победе, к победе оружием победу кротостью, молитв коей послал меня сейчас город, несчастный, если хочешь, опрометчивый, город, радующийся твоим трофеям, но пристыженный своими винами. Выбор меня определялся не тем, чтобы я выдавался среди прочих родовитостью, не тем, что я был старшим по возрасту, не обилием литургий моих, не тем, что не могли держать речи прочие. — Есть, есть у нас люди, воспитанные и образованные в словесном искусстве и способные вести беседу по государственным делам.

6. Но на это посольство меня выдвинул, во-первых, долг, каким обязаны ученики перед своими учителями. Они прониклись убеждением, что ты мой ученик, причем не я позволил себе тщеславиться этим пред городом, но это мнение создало сходство наших речей, и даже оракулы не в силах были бы изменить этого мнения, что ты создаешь такие произведения, не меня имея образцом.

7. Вот то одно, что сосредоточило вокруг меня и утвердило на мне надежды, что ты уважишь родство словесного искусства⁴; другое же — это то, что ты целое лето и зиму оказывал мне честь, постоянно призывал, посылая за мной, отправляя письма, радуясь, когда я держал речи, досадуя на меня, когда я молчал. Знали отлично и ту бессонницу, какая с тобой приключилась как-то, когда предстояло мне держать речь, из-за случайностей, какие бывают при таких публичных выступлениях.

8. Что касается вопроса о хлебе, благодаря коему существует еще у нас город, — ведь если бы ты тогда не дал его, вместе и

⁴ Речь идет о том сильном интересе, который Юлиан проявлял к речам и лекциям Либания в период его пребывания в Никомедии (см. Or. XVIII. 14–15). — *Примеч. ред.*

обвиняя, и спасая⁵, теперь город стоял бы безлюдным⁶, — так за столь великое благодеяние ты велел им, когда они уходили, мне быть благодарными, что они и исполнили, пришедши и называя счастливыми меня и себя, меня за почет, себя за помощь. Зная это, им нечего было вызывать посла со стороны, и не приходилось забыть о старике, пролившем слезы, том, которого другой старик считал преимущественно перед другими способным устроить примирение⁷.

9. Итак, они естественно избирали меня, полагая, что таким путем или добьются того, зачем посылают, или, если не это, то хотя бы не дадут места обвинению, что не усмотрели должным образом, кого нужно было послать. А я тотчас поклялся, государь, и заявил, что скорее все другое сделаю, чем это, памятуя,

⁵ Ср. описание этих событий самим Юлианом: «Я установил определенные цены на все и сделал их известными всем. И поскольку граждане имели в изобилии, например, вино, масло и другое, но нуждались в хлебе, ибо был страшный неурожай, вызванный предшествующей засухой, я приказал послать в Халкиду, Иераполь и окрестные города и оттуда ввез к вам 400 тысяч мер зерна. А когда зерно закончилось, я отдал сначала 5 тысяч, потом 7 и теперь опять 10 тысяч модиев хлеба, причем весь этот хлеб был моей собственностью, более того, я дал городу хлеб, который был привезен мне из Египта; я продавал его по серебрянику не за 10 мер, а за 50, то есть по той цене, сколько прежде стоило 10 мер хлеба... Что же делали богатые? Они тайно продавали зерно в деревню по завышенной цене, они угнетали общество издержками частных лиц. В результате не только горожане, но и большая часть сельских жителей собиралась толпами, чтобы покупать хлеб, который один только был в изобилии и дешев» (Misopogon. 369 a-d; пер. Т. Г. Сидаша). — *Примеч. ред.*

⁶ *σάματα* о людях, индивидах, см. pg. 30, 12; 251, 15; 425, 6; 436, 9; 462, 10; 486, 12; vol. III, pg. 362, 20; 435, 14.

⁷ Либаний опять вплетает в свою речь сюжет из «Илиады», когда мудрый старец Нестор предлагает послать старца Феникса к Ахиллу для примирения с Агамемноном: «...и Атриду отвечивал Нестор, конник геренский: “Сын знаменитый Атрея, владыка мужей Агамемнон! Нет, дары не презренные хочешь ты дать Ахиллесу. Благо, друзья! Поспешим же нарочных послать, да скорее Шествуют мужи избранные к сени царя Ахиллеса. Или позволите, я сам изберу их; они согласятся: Феникс, любимец богов, предводитель посольства да будет...”» (IX. 162–168; пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

что ты приказал мне избегать защиты города, так как ни сам ты не слушаешь, ни мне не подобает уйти без успеха⁸.

10. Но когда сограждане, товарищи по школе и родственники стали осаждать меня, стонали, плакали и перечисляли подвиги в защиту города моих предков, указывали на могилы матери, отца и еще старшего поколения⁹, и старых поклонников, и недавних, я, государь, представив себе, что и они стоят около меня вместе с просителями, и то молят, то укоряют за мешкотность, и их уважив, и Эриний¹⁰ побоявшись, которые, нужно полагать, негодуют за пренебрежение отечеством, как, конечно, родителями, и вперед этого побоявшись твоего мнения, чтобы ты не счел меня злым, нечестивым и предателем лиц, самых чтимых, — под всеми этими побуждениями пришел к уверенности или, вернее, к необходимости внять плачущим.

11. Но что же мне было делать? Прогнать просителей? Прикидываться, что не слышу их слов? Что не вижу их перед собою? Когда они меня обступят, отскакивать? Уехать в деревню? Оставить их одинокими, когда солнце взирает на это с высоты, когда земля может расступиться?

12. И какое же могло быть благовидное основание для подобной низости? Что государь суров и неприступен нравом и умеет взыскивать за вольное слово? Но они знали мою из-за них же самих свободу слова перед тобою, с раннего вечера заходившую не раз до полуночи, вслед за чем некоторые из друзей, побоявшись за нее, как выходящую из меры, удерживали меня, а ты останавливал

⁸ Ср. соответствующее высказывание Юлиана в отображении Либания в (Ог. I. 132). — *Примеч. ред.*

⁹ Мать Либания и его дядя Фасганий умерли осенью 359 г. (Ер. 96; Ог. I. 117). — *Примеч. ред.*

¹⁰ Эринии — в греческой мифологии богини мести. Эриний три: Алексто, Тисифона и Мегера, и изображаются они традиционно страшными старухами с факелами, со змеями вместо волос. Эринии обитают в Аиде и появляются на земле, чтобы возбудить месть, злобу, безумие. Вместе с тем они являются хранительницами вселенской законности. Наиболее известный в греческой традиции сюжет с их участием — преследование Ореста за убийство матери (в произведениях Еврипида и Эсхила). — *Примеч. ред.*

их в этом, полагая, что подобает царю и достоинство твоего двора требует не над молчаливыми властвовать, но одерживать верх над людьми, открыто выражающими свои убеждения.

13. А когда открыта для откровенного слова такая безопасность, нет никакого оправдания молчанию. Человеку, которым ты увлечен и которого считаешь в числе друзей, быть уличенным в негодности, скверности, жестокости и варварстве не годилось бы и в отношении к тебе, государь.

14. Вот почему я являюсь ходатаем и прошу тебя не прерывать ответом своим моей речи и не противопоставлять моим силам эту свою необоримую мощь слова. Тебе следует сегодня больше проявить свое чистосердечие, чем красноречие. Чего я молю и чего мы хотим достигнуть, подражай, государь себе самому и сделай вторую остановку подобною прежней.

15. Ты остановился у нас на пути своем с запада; остановись и теперь, на возвратном пути от побежденных¹¹. Город наш издавна является зимовкою императорам. Пусть же останется обычай для зимы.

16. Нет у нас красоты зданий — того не дозволило старое своеволие персов, которое применяло пожар к тем, кто оказывали им отпор¹². Но есть большое заселенное пространство,

¹¹ Юлиан на обратном пути из Месопотамии намеревался остановиться на зимние квартиры в Тарсе, главном городе Киликии; правителю Киликии Меморию было направлено распоряжение подготовить город к прибытию императора. При этом и Аммиан Марцеллин, и Либаний отмечают, что Юлиан сознательно отказался от зимовки в Антиохии, гневаясь на антиохийцев (Amm. Marc. XXIII. 2. 4–5; Liban. Or. I. 132; XVI. 53). — *Примеч. ред.*

¹² О захвате персами Антиохии ок. 250 г. н. э. сохранилось известие у Аммиана Марцеллина: «Так, однажды в Антиохии во время глубокого мира один мимический актер со своей женой во время театрального представления изображал выхваченные из жизни сценки и публика залюбовалась изяществом исполнения, жена его вдруг сказала: «Если это не сон, то вот персы». Публика повернула головы и, стараясь спастись от тучи пущенных в нее стрел, рассеялась кто куда мог. Город был подожжен, убито много мирно разгуливавших людей, в окрестностях произведены были страшные грабежи и поджоги, и враги с огромной добычей беспрепятственно ушли домой. Мариад [куриал Антиохии, который был осужден за растрату и бежал к персам], который безумно привел их на гибель своих сограждан, был сожжен живым.

достаточное и для граждан, и для метеков, и пришлого люда, и государя, и войска, всякие ремесла и множество купцов, и источники, и река, и мягкая зима и лето, не удручающее, и земля, при известных условиях, много несущая всяких продуктов, что исходят от Зевса.

17. Имея это в виду, мне кажется, вы, императоры, во время войн своих с варварами зимуете здесь, так как город, по вашему мнению, обладает достаточными средствами выдержать тяжесть предприятия, а за прочие, проходя через них, вы даже беспокоитесь, смогут ли снести это бремя. Ведь наш город похож на большое крепкое¹³ судно, огромной подъемной силы, а другие можно уподобить челнам, которые потопишь, если потщишься нагнать на них большую тяжесть.

18. Итак, сейчас мы явились, прося, как милости, этой повинности, так как считаем прекращение ее наказанием себе. Дело в том, что, получив с давних времен попечение об этом предмете, мы жаждем пребывания царя, как кормилицы, с течением времени, считают себе утехой уход за детьми и плачут, когда кончится время кормления.

19. Итак, если бы слава наша текла благоприятным путем¹⁴, не было бы тобою приготовлено другого места, не понадобилось бы много речей прибывшим, но, выразив свою радость и прибегнув к обычным кличам народной толпы, мы с пляской, рукоплесканиями и прыжками повели бы тебя к городу. Но так как наша репутация впала в худшую славу, и представляется, что мы служим с неохотой, и одно упустили из виду, другому нарочно противимся, а самое возмутительное, устроили неладный танец и одним

Это случилось во времена Галлиена [253–268 гг.]» (XXIII. 5. 3; пер. Ю. А. Кулаковского). См. также Liban. Or. XXIV. 38; LX. 2–3. — *Примеч. ред.*

¹³ Förster, ad loc., допускает, что эти два прилагательных — глоссема к *μυριοφόρος*.

¹⁴ Данную фразу Либаний позаимствовал из Софокла (Aj. 1081–1084): «А где преграды нет бесчинству граждан И своеволью — община такая, Хотя б счастливые ей ветры дули, Пучины не избегнет роковой» (пер. Ф. Ф. Зелинского). — *Примеч. ред.*

праздником воспользовались как поводом к позорной процессии¹⁵, остается речью помочь тем, кто впали в подобные вины.

20. Скажу не то, что слышал из уст других, причем слова их сопровождалось рыданиями. Что же это за речи, которые я пропускаю: «Кто знает за нами какую-либо обиду? Пусть выступит и укажет, и, прекратив клевету, обличит открыто. В чем было упущение? В чем состояли злые умыслы? Что стало жертвою нашей бездеятельности? Что погублено нашей недобросовестностью?

21. Император не без основания сбавил рыночные цены, а земля, производительность коей пострадала от засухи, не могла изобилием своим подкрепить закон, запрещение же повышения барыша расстроило торговлю¹⁶. Но мы отправляем повинности,

¹⁵ Вот как Юлиан сам описал и эту процессию, и претензии антиохийцев: «Кесарь приносил один раз жертву в храме Зевса, другой раз в храме Фортуны, он входил и в храм Деметры три раза подряд. (Я забыл, сколько раз ходил к храму Дафны, который сначала был предан нерадением его хранителей и затем уничтожен наглыми деяниями безбожных мужей.) Наступил сирийский Новый год, и опять кесарь в храме Зевса Друга. Затем наступает большой праздник, и кесарь пошел в храм Фортуны. По прошествии же несчастных дней он опять идет к Зевсу Другу и возносит к нему молитвы по обычаю наших отцов. Кто же может терпеть кесаря, который ходит в храм столь часто, хотя может беспокоить богов только единожды или дважды в год, кесаря, который мог бы справлять только великий праздник — тот праздник, который отмечают все, в котором участвуют не только знающие богов, но и люд, наполняющий город? В нем много радости и удовольствия, его плодами можно наслаждаться непрестанно: зрением танцующих мужчин, множества девок и мальчишек [для любви]» (Misopogon. 346 b-d; пер. Т. Г. Сидаша). — *Примеч. ред.*

¹⁶ Юлиан подробно описывает свои действия против спекуляции продуктами: «Когда я по выкрикам народа понял, что это действительно так и что волнения на рынке вызваны не отсутствием товаров, но ненасытной жадностью к обогащению, я установил определенные цены на все и сделал их известными всем... Что же делали богатые? Они тайно продавали зерно в деревню по завышенной цене, они угнетали общество издержками частных лиц... Тем я навлек на себя вашу ненависть, что не позволял людям продавать за золото вино, овощи, плоды и зерно, которое богачи свозили в свои амбары, чтобы обратить его благодаря вам в серебро и золото для своей выгоды. Ибо они прекрасно справлялись с управлением своими делами, находясь вне города, создавая голод, перемалывающий смертного...» (Misopogon. 368 d — 370 a; пер. Т. Г. Сидаша). Однако Аммиан Марцеллин, который, как он сам утверждал, был знаком с данным трактатом Юлиана и его обвинениями в отношении

а не торговцы в розницу». Не такое оправдание приношу я с собою. Кого ты осудишь, государь, тому надлежит быть виновным и в моих глазах, и, раз ты скажешь: «Этот преступен», таков и мой приговор.

22. На каком же основании я вызволяю от опалы и опасности город, который не могу назвать правым? Есть некое древнее положение, ниспосланное богами, чтимое эллинами, многих спасшее в судах, положение, коему и ты множество раз давал силу. Тебе уже приходилось раньше изречь прощение, и ты признал будущее слово¹⁷, обозначаемое коим дело ты выполнял нередко¹⁸.

23. Мы погрешили, сознаемся, и оплошали в исполнении твоей воли. Одни из нас нерадиво следили за пекарями, другие совсем бездействовали¹⁹, третьи позарились на наживу. Допустим. Что же? Из-за этого городу быть виновным? И доля прощения не придет на помощь тем, кого постигла слабость человеческой натуры, когда они увлеклись сверх меры? И где же превосходство богов над людьми, если мы будем требовать и от последних не погрешать ни в чем? Какой город, какой народ, какой человек в состоянии будет спастись, если такая строгость простерта будет на всех?

24. Итак, если следует изъять из жизни прощение, и все су-
рово выслеживать, и пойманному на каком-либо проступке подвергаться наказанию, пусть остается ненависть и называй город

богатых, считал, что Юлиан сам спровоцировал голод: «Он [Юлиан] хлопотал без всякого основательного повода, но исключительно ради популярности, о дешевизне продуктов; а дело это такое, что если неудачно его провести, то обычно в результате бывает голод. Хотя антиохийский сенат открыто заявлял, что установить низкие цены в ту пору, когда требовал того император, совершенно невозможно, тем не менее он настаивал...» (XXII. 14. 1–2; пер. Ю. А. Кулаковского). — *Примеч. ред.*

¹⁷ Ср. § 70.

¹⁸ В течение всего периода своего пребывания в Антиохии Юлиан ревностно занимался судопроизводством. Аммиан Марцеллин подчеркивает, что среди его приговоров нет ни одного несправедливого, а прославился император как своим милосердием в решении дел, так и глубоким знанием права (XXII. 10). — *Примеч. ред.*

¹⁹ καθ' ἑαυτὸν ср. т. I, стр. 138, примеч. 2 [279, 17].

ненавистным, если же теперь, как никогда, подобает быть в силе²⁰ этому убежищу, почему мы одни изъяты от этих благ времени?

25. Я соображаю, сколько условий делает тебя гуманным. Во-первых, ты эллин в некотором роде и властвуешь над эллинами²¹. Так приятнее мне называть то племя, которое является противоположностью варварам, и не упрекнет меня за это поколение Энея²².

26. Варвар горд своим бешенством и свирепостью, подражанием зверям, убивая за трапезой единоплеменника и предаваясь попойке при трупе, и если кто станет молить его, один не достигает ничего, другой даже пуще раздражает его. Но нашим величайшим рвением служит как можно больше отличаться от зверей, и гнев смягчается слезами, и кипучая ярость погашается плачем, и память о причиненном зле прогоняет вид стыдящегося от своего поступка обидчика.

27. При таком складе нашего рода в равной мере нам надлежит быть гуманнее варваров, а твоей душе — нас прочих. Почему? Потому что тебя не учили охотники, беря тебя с собою, когда

²⁰ ἀνθεὶν ср. т. I, стр. 16, 1 [117, 60].

²¹ κολοφόν см. т. I, стр. 242, 1, стр. 298, 2 [422, 51; 500, 24]. (Для вящего убеждения Юлиана Либаний использует аргумент, ранее высказанный самим императором: «Прежде чем я пришел сюда, я воздавал вам хвалу в достаточно сильных словах, и, не имея еще опыта общения с вами, я не знал, что у вас возникнет в отношении друг к другу, но поскольку я считал вас сынами эллинов, и сам я, хотя мой род и происходит из Фракии, по своим обычаям эллин, я предполагал, что мы должны относиться друг к другу с величайшим доброжелательством» (Misorogon. 367 с; пер. Т. Г. Сидаша). — *Примеч. ред.*)

²² «Поколение Энея» — это римляне, латиняне. Столь сдержанное, даже благожелательное отношение к ним Либания явно обусловлено соответствующим мнением Юлиана: «Римляне не только относятся к роду эллинов, но и религиозные установления, и благая вера в богов, которую они утвердили и охраняют от начала и до конца — эллинские. Да и политическое устройство у них ничуть не хуже, нежели у лучших из эллинских полисов, если только не наилучшее из всех, какие когда-нибудь осуществлялись на практике. Поэтому, думаю, наш город эллинский и по роду, и по политическому устройению» (Julian. Or. IV. 153 а; пер. Т. Г. Сидаша). Обычно же отношение Либания к римлянам скорее презрительное, почти как к варварам (см. Or. I. 179–180; XI. 151; 174). — *Примеч. ред.*

ты стал подрастать, поражать зверей, проводя большую часть времени в рощах, на горах, в стремнинах, в схватках с львами и кабанами, но лакедемон²³, жрец справедливости, руководитель воспитания, знавший, как никто, тайны души Гомера и всего хора вокруг Гомера, которого ты воспринял в юности, как естественно человеку такого возраста, знаешь теперь, как естественно философствующему.

28. Также и всех риторов и историков, сообщающих о многих событиях, чей труд не оставил неизведанным ничего из древних времен²⁴, ты усвоил, в дополнение к пользе от поэзии. А завершение всего — питомцы богов, Сократ, Пифагор, Платон и те потоки, которые от них излились, ни один из коих не остался вне твоего разума, где водворившись, они сделали его прекрасным и благородным, как педотрибы тело. Они требуют сегодня от тебя милосердия ко мне, как земледельцы от земли плодов.

29. Есть некие взыскатели, заслуживающие еще более этих, чтобы их уважили. Кто же они? Те, что обитают на Олимпе, вернее, с тобою живущие, боги и демоны, другу которых необходимо склоняться к милосердию. Ведь у них с тобой общение не в тех только пределах, чтобы им принять жертву и уведомить о чем-либо из сокрытого посредством полета птиц или заклятия ягнят, и не в пределах только прорицания, но сколь тесны наши сношения друг с другом, таковы же и у тебя с ними.

30. Они и спящего поднимают тебя с ложа, тронув рукою, общаются и о времени засад, и похода, и месте постройки войска,

²³ Имеется в виду Никокл, воспитатель Юлиана (Or. I. 31; Socr. H. E. III. 1. 10). Вот как Юлиан описывает его науку: «Этот ужасный старик... более всех других ответственен за мой образ жизни, хотя и он, знайте же, был введен в заблуждение другими. Имена этих людей вы часто встречали, когда они высмеивались в комедии — я имею в виду Платона, Сократа, Аристотеля и Феофраста. Ими-то, в первую очередь, мой старик и был убежден в своем безумии, затем он оказал решающее влияние и на меня; поскольку я был молод, любил литературу, он убедил меня в том, что если я буду ревностен, то буду лучше, возможно, не других людей, ибо нет никого, с кем я должен был бы соревноваться, но во всех отношениях лучше себя прежнего» (Misopogon. 353 b-c; пер. Т. Г. Сидаша). — *Примеч. ред.*

²⁴ Cp. Or. XVIII. 21; Socr. H. E. III. 1. 10. — *Примеч. ред.*

и куда надо выступать, и откуда уйти. И один ты видел образы их, счастливый созерцатель блаженных, и одному тебе досталось на долю услышать голос богов и, поднимаясь, говорить каждому, по Софоклу, то: «О, глас Афины»²⁵, то: «О, глас Зевса», то Аполлона, Геракла, Пана, всех богов и богинь.

31. Удостоенный такого товарищества и общения и располагая такими у себя дома, с коими ты совещаешься о делах, ты, вполне очевидно, сходством нрава привел их к себе, в одно и то же время в покровители себе и в друзья. А ведь из них была и та, которая сдержала Ахилла в гневе, когда, сокрытая для прочих, одна зрима была одному тому, ради кого явилась²⁶.

32. Да и Зевс — не только низвергающийся [громом и молнией]²⁷, но также Зевс покровительствующий просящим и милостивый²⁸. Следовательно, свершив дело поражателя по отношению к варварам, что было справедливо, нам будь милостивцем и прими моления, так как и у варваров ты подражал той и другой силе бога, низвергаясь подобно молнии на тех, кто становится навстречу²⁹, но не направляя оружия на умоляющих. Они в настоящее время

²⁵ См. Soph. Aj. 14–15: «Афины ль слово слышу я, дражайшей Мне из богинь? Да, это ты!» (пер. Ф. Ф. Зелинского). Ср. упоминаемое Аммианом Марцеллином явление в Виенне Юлиану видения, предрекшего смерть имп. Констанция (XXI. 2. 2). — *Примеч. ред.*

²⁶ См. Homer. Il. I. 193–198 о конфликте Ахилла и Агамемнона: «В миг, как подобными думами разум и душу волнуя, страшный свой меч из ножен извлекал он — явилась Афина, С неба слетев; ниспослала ее златотронная Гера, Сердцем любя и храня обоих браноносцев; Афина, Став за хребтом, ухватила за русые кудри Пелида, Только ему лишь явленная, прочим незримая в сонме» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

²⁷ καταβῆτης — эпитет Зевса-карателя. (Используемый Либанием термин в эллинской традиции является эпитетом Зевса карающего (см., например, Aesch. P. V. 359; Aristoph. Pax. 42). Упоминаемые далее эпитеты — Мелихий («Милостивый», см. Thuc. I. 126 о существовании древнего культа Зевса Мелихия в Аттике) и Икестий («Покровительствующий просящим», см. Soph. Phil. 484; Aesch. Supp. 616) — также традиционны для эллинской религиозной практики. — *Примеч. ред.*)

²⁸ Μεῖλιχος см. т. I, стр. 462 [701] (ep. 1429 b).

²⁹ ἀντιβλέπουσι ср. orat. LIX, § 81, т. I, стр. 417–418 [651].

находятся в положении, настолько изменившемся, что получили взамен одной территории другую, так что всего прежнего, также страха перед ними и их своеволия, нет, и их кормят и заботятся о них вблизи укреплений, которые они срыли³⁰.

33. Ради богов, когда Ахилл, слыша о натуре Просьб и о том, что и «сами боги доступны смягчению»³¹, продолжает сохранять гнев, разве ты не негодуешь на него, несмотря на свою любовь к воину, если, принадлежа по происхождению к богам, он не подражает тем, от кого произошел, но сам, зная, что повальная болезнь дело Аполлона, склоняет Агамемнона к жертвам³², в уверенности, что подобной меры достаточно для перемены обстоятельств, но для себя не считает возможным положить конец гневу за столько и таких значительных даров³³, и притом имея близким примером этого бога, недавно губившего войско недугом, а немного спустя примиренного по прибытии феоров и после их жертвоприношения?³⁴

³⁰ Речь идет о действиях Юлиана в Галлии и Германии в 356–360 гг. — *Примеч. ред.*

³¹ См. Номер. II. IX. 496–498 о речи мудрого старца Феникса к Ахиллу, желавшего примирить Ахилла с Агамемноном: «Сын мой, смири же ты душу высокою! Храбрый не должен Сердцем немилостив быть: умолимы и самые боги, Столько превысшие нас и величьем, и славой, и силой» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

³² См. Номер. II. I. 59–64: «Должно, Атрид, нам, как вижу, обратно, исплававши море, В дома свои возвратиться, когда лишь от смерти спасемся. Вдруг и война и погибельный мор истребляет ахеян. Но испытаем, Атрид, и вопросим жреца, иль пророка, Или гадателя снов (и сны от Зевеса бывают): Пусть нам поведают, чем раздражен Аполлон небожитель?» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

³³ См. Номер. II. IX. 377–381 о гневе Ахилла на Агамемнона за то, что тот отнял у Ахилла пленницу Брисейду: «Пусть он исчезнет! Лишил его разума Зевс промыслитель. Даром гнушаюсь его и в ничто самого я вменяю! Если бы в десять и в двадцать он крат предлагал мне сокровищ, Сколько и ныне имеет и сколько еще их накопит, Даже хоть все, что приносят в Орхомен иль Фивы египтян...» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

³⁴ См. Номер. II. I. 456–461: «...Ныне погибельный мор отврати от народа ахейских». Так он зывал — и услышал его Аполлон сребролукий. Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертвы, Выи им подняли вверх, закололи, тела

34. Как тогда бог поступил около Илиона, сам он и прочие ежедневно еще и теперь поступают, оказывая пощаду погрешившим, но прибегшим к молитвам. А если бы они после каждого проступка, допущенного людьми по их простоте, сохраняли гнев свой прочно и ничто не в силах было бы примирить их, города опустели бы, так как лишь совсем немногие избежали бы их стрел. Но, полагаю, мы и погрешаем, и умоляем, и спасаемся. И богоподобным как раз является не тот, кто похож на богов наружностью — это невозможно, — но тот, кто, готовый к благодеянию, не стремится всюду к отмстке.

35. Поэтому мы досадуем на гнев Ахилла, и считаем себя в обиде вместе с теми послами, которым не удалось убедить его³⁵, и радуемся, видя Приама у него, в палатке, трапезующим с ним и не встречающим неудачи ни в одном предмете своих стараний³⁶. И мы считаем этого Ахилла истинным сыном Фетиды и членом дома Эака, а того, который с охотой отдается гневу, знаешь чьим сыном назвал и горячо любящий его Патрокл³⁷.

освежили, Бедрa немедля отсекли, обрезанным туком покрыли Вдвое кругом и на них положили останки сырые» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

³⁵ См. Номер. II. IX. 625–639 речь Аякса Теламонида, раздраженного упорством Ахилла: «...Время идти; я вижу, к желаемой цели беседы Сим нам путем не достигнуть. Ахейцам как можно скорее Должно ответ объявить, хоть он и не радостен будет; Нас ожидая, ахейцы сидят. Ахилл мирмидонец Дикую в сердце вложил, за предел выходящую гордость! Смертный суровый! В ничто поставляет и дружбу он ближних, Дружбу, какою мы в стане его отличали пред всеми! Смертный с душою бесчувственной! ...но в сердце тебе бесконечный Мерзостный гнев положили бессмертные ради единой Девы! Но семь их тебе, превосходнейших, мы предлагаем, Много даров и других! Облеки милосердием душу!» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

³⁶ См. Номер. II. XXIV. 598–601 о встрече Приама и Ахилла — царь Трои прибыл к Ахиллу просить отдать ему тело его сына Гектора, убитого героем: «...и под сень возвратился Пелид благородный; Сел на изящно украшенных креслах, оставленных прежде, Против Приама стоявших, и слово к нему обратил он: “Сын твой тебе возвращен, как желал ты, божественный старец; Убран лежит на одре. С восходом Зари возвращаясь, Сам ты увидишь его; но теперь мы о пище вспомним...”» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

³⁷ См. Номер. II. XVI. 33–35 — Патрокл просил Ахилла отпустить его с войском мирмидонян в бой на помощь другим ахейцам, терпящим поражение

36. «И их» [богов], говорит Гомер, [чтут] «жертвами и кроткими мольбами»³⁸, а тебе, будет пора, будут приносить жертвы люди, и жертвенники воздвигнут, и молиться станут, как Гераклу, — естественно ревнителю подвигов его получить те же почести, а теперь тебе от нас вместо жертв, дыма и чада — наша смиренная поза, моление, слезы. Кивни³⁹, ради Афины, город коей ты жаждешь узреть, как каждый из Римов⁴⁰, рядом с собственным отечеством и тем городом, который стяжал эту большую часть нашего государства, восхищаясь Афинами⁴¹.

от троянцев, поскольку сам Ахилл, оскорбленный Агамемноном, отказывался принимать участие в сражении: «Немилосердный! Родитель твой был не Пелей благодушный, Мать не Фетида; но синее море, утрюмые скалы Миру тебя породили, сурового сердцем, как сами!» (пер. Н. И. Гнедича). Ахилл был сыном Пелея и внуком Эака, а матерью его была морская нимфа Фетида. — *Примеч. ред.*

³⁸ См. Homer. II. IX. 499–501: «Но и богов — приношением жертвы, обетом смиренным, Вин возлияньем и дымом курений смягчает и гневных Смертный молящий, когда он пред ними виновен и грешен» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

³⁹ νεῖσον ср. стр. 314 orat. XIV, § 66, pg. 414 νεῖσον, ὃ θεῖα κεφαλῇ.

⁴⁰ См. том I, стр. 143, 1 [285, 38].

⁴¹ Местом рождения Юлиана был Константинополь, как пишет он сам: «Я слышал, у вас есть каменный обелиск значительной высоты, который брошен на берегу как нечто ничего не стоящее. Блаженной памяти Констанций построил специальное судно, чтобы перевезти его в Константинополь, мой родной город. Но когда ему пришлось, по воле богов, уйти из этого мира туда, куда нам всем суждено уйти, город стал требовать от меня обещанного им дара, а этот город — моя родина, и мне он ближе, чем ему — он любил его, как сестру, а я люблю его как мать — в нем я появился на свет, в нем я вырос и не могу быть к нему неблагодарным» (Ep. ad Alexandr. 443 b-c, пер. Д. Е. Фурмана; см. также Liban. Or. XVIII. 11). Либаний часто использует фразу о «двух Римах», считая Константинополь величайшим после Рима городом (см. Or. XVIII. 11; XXX. 5; LIX. 94). О своем отношении к Афинам Юлиан пишет недвусмысленно: «Но какие проливал я реки слез, какими стенал плачами, когда зывал, простирая руки к вашему Акрополю, да спасет Афина молящего ее, да не бросит его! Многие из вас были тому очевидцами, многие могут это засвидетельствовать, и помимо всех сама богиня — свидетельница, что хотелось мне умереть в Афинах...» (Ep. ad Ath. 275 a, пер. Т. Г. Сидаша; см. также Liban. Or. XIII. 18–19). — *Примеч. ред.*

37. Итак, сообрази, что славны те подвиги этих афинян, морские битвы, где успех предвещается оракулами⁴², битвы, склоняющие варваров довольствоваться своими старыми границами, а скорее, принуждающие их суживать границы, но самым доблестным с их стороны является сострадание к несчастным, из-за которого они вступали в борьбу с другими за тех, кто были недавно их противниками.

38. Сильно страдали они от рук фиванцев. Впоследствии они поспешили в Галиарт, чтобы освободить фиванцев⁴³. Не меньше бедствий испытывали они от коринфян и помогали коринфянам,

⁴² Речь вновь идет о Саламинской битве 480 г. до н. э. Перед вторжением персидской армии в Грецию афиняне отправили послов в Дельфы спросить оракул. Первый оракул гласил, что Афинам предстоит пасть, и просящим рекомендовалось бежать из своих домов и города. Послы были очень опечалены, и один из влиятельнейших людей в Дельфах, Тимон, сын Аристобула, посоветовал послам спросить оракул еще раз, уже в качестве просящих о защите. Второе изречение также предсказывало падение Афин, но в нем говорилось, что афинян спасут лишь «деревянные стены» и остров Саламин. Один из влиятельнейших афинян, Фемистокл, истолковал этот оракул как необходимость готовиться к морской битве у Саламина (Her. VII. 140–143). — *Примеч. ред.*

⁴³ Имеются в виду афино-фиванские отношения второй половины V в. до н. э. и события «Коринфской войны» 395 г. до н. э. В 457 г. до н. э. в Беотии (крупнейшим полисом этой области были Фивы) впервые вспыхнуло прямое военное противостояние Спарты и Афин. В битве при Танагре союзное войско спартанцев и фиванцев разгромило армию афинян и их союзников. Однако через 62 дня афиняне вновь выступили против фиванцев, и в битве при Энофитах наголову их разбили, а Беотия была фактически оккупирована ими. Уже в 446 г. в битве при Короне афиняне были разгромлены, и независимый Беотийский союз во главе с Фивами был восстановлен. Во время Пелопоннесской войны и капитуляции Афин в 404 г. фиванцы были на стороне Спарты, а после капитуляции даже требовали разрушения этого города. Однако вскоре политическая ситуация изменилась, Фивы решили выйти из-под гегемонии Спарты. И в 395 г. армия спартанцев и их союзников во главе с Лисандром вторгается в Беотию. Фиванцы направляют посольство в Афины с просьбой о помощи и просят забыть старые обиды («Афиняне, если вы гневаетесь на нас за то, что мы при окончании войны подали голос за то, чтобы поступить с вами сурово, то вы несправедливо на нас гневаетесь: ведь не все наше государство вынесло такое решение, а один наш гражданин, случайно тогда заседавший в собрании союзников...», пер. Р. В. Светлова). Афиняне помощь предоставляют, и в сражении у беотийского городка Галиарта спартанцы были разбиты, а Лисандр погиб (см. Xen. Hell. III. 5. 6–24). — *Примеч. ред.*

когда их притесняли⁴⁴. Они и Спарту спасали после Крития и Драконтida, разрушения стены, увоза триер, многих казней ядом, изгнаний, того известного голода и избиения⁴⁵. Через опустошенный Элевсин они явились в Пелопоннес, с целью не допустить гибели Лакедемона⁴⁶.

⁴⁴ Во время Пелопоннесской войны, с 431 г. до н. э., коринфяне были союзниками спартанцев и принимали активное участие в боевых действиях против афинян и их союзников. В 404 г. до н. э. они вместе с фиванцами требовали полного разрушения Афин. Однако к 395 г. до н. э. Коринф, как и Фивы, тяготясь спартанской гегемонией, решил выйти из Пелопоннесского союза. После поражения войск Лисандра в Беотии в 395 г. до н. э. спартанцы в следующем, 394 г. до н. э., вторглись в область Коринфа, а на помощь коринфянам пришли их союзники (Афины, Аргос, Фивы, Эвбея), но сражение у стен Коринфа не принесло победы ни одной из сторон (Xen. Hell. IV. 14–23). — *Примеч. ред.*

⁴⁵ Данный сюжет почерпнут Либанием также в основном из Ксенофонта. Критий и Драконтид — члены правительства «30 тиранов» в Афинах. В 404 г. до н. э., после капитуляции Афин, по мирному договору со Спартой Афины лишались всех своих владений, должны были срыть Длинные стены, а также всего флота, за исключением 12 кораблей. Власть в Афинах была передана комиссии из 30 человек, во главе которой вскоре встал Критий. Попад в тяжелое финансовое положение, правительство 30, вынужденное также содержать и спартанский гарнизон на Акрополе, развернуло в городе репрессии, уничтожая не только своих политических противников, но и просто состоятельных людей, имущество которых конфисковывалось. Традиционным способом казни в Афинах было отравление, когда приговоренный выпивал чашу с ядом цикуты. При «30 тиранах» готовили яд и приводили приговор в исполнение члены «комиссии 11» (Xen. II. 3. 56; Plato, Phaedo. 116 b — 118). — *Примеч. ред.*

⁴⁶ Речь идет о вторжении фиванцев в 370/369 г. до н. э. в Лаконику (область, главным полисом которой была Спарта). В 371 г. в Спарте собрался общегреческий конгресс, на котором был заключен мир, который не подписал только представитель Беотии, стратег из Фив Эпаминонд. Вскоре спартанцы выступили против беотийцев, но в битве при Левктрах армия под командованием того же Эпаминонда разгромила спартанскую. Вскоре на Пелопоннесе вспыхнула война Спарты с полисами Аркадии. Аркадяне обратились за помощью к Фивам, и им на помощь в 370/369 г. до н. э. было отправлено войско под командованием Пелопида и Эпаминонда, которое через Аркадию вторглось в Лаконику. Спарту он штурмовать не стал, но от Спарты была отторгнута область Мессения. В это время Афины решили прийти на помощь Спарте, опасаясь усиления Фив. В 369 г. Эпаминонд возглавил новый поход против Спарты, но Афины направили на помощь спартанцам войско под командованием Ификрата, и в сражении у стен Коринфа фиванцы потерпели поражение. — *Примеч. ред.*

39. Тем, которые у себя дома чтили, как бога, Сострадание⁴⁷, жертвенник коего ты видел в Афинах, невозможно было помнить о проступках людей, их призывавших и моливших, но надо было или опрокинуть жертвенник или примириться. Возьми же пример с города, славу коего составило его сострадание к своим обидчикам. Вернее, последуй примерам собственного милосердия, сильнее довода не мог бы я выразить.

40. Действительно, если бы тебе еще не приходилось сносить терпеливо безумие подданных, я бы сказал тебе о Ксерксе, отпустившем соглядатаев, отпустившем тех лиц, что были присланы за вестников⁴⁸, узревшего заклятого врага своего Фемистокла, словно друга, и к безнаказности его добавившего еще одарение его городами Лампсаком, Миунтом, Магнесией⁴⁹, после тех зна-

⁴⁷ Ср. Paus. I. 17. 1: «У афинян на площади есть много различных памятников, какие существуют далеко не у всех, между прочим жертвенник “Милости”; несмотря на то, что эта богиня более всех богов при изменчивости человеческой жизни и судьбы приносит пользу и помогает людям, из всех эллинов одни только афиняне воздают такую честь» (пер. С. П. Кондратьева). — *Примеч. ред.*

⁴⁸ Здесь Либаний возвращается к сюжетам Геродота. Перед вторжением персидской армии в Грецию в 480 г. до н. э. греки направили в Малую Азию, в Сарды трех лазутчиков с целью собрать сведения о персидском войске. Лазутчики были пойманы, но царь Ксеркс их пощадил, велел показать все, что они захотят, и отпустить: царь полагал, что когда эллины узнают о могуществе его армии, они добровольно покорятся (VII. 146–147). Другой сюжет — о послых царя Дария греческим полисам с требованием «земли и воды», т. е. подчинения. Оскорбленные спартанцы убили послов, однако после этого при всех жертвоприношениях у спартанцев стали выпадать неблагоприятные предзнаменования. Тогда два знатных спартанца согласились добровольно отправиться к царю Ксерксу (завладевшему престолом после умершего Дария) и понести наказание за смерть послов. Однако, когда они прибыли к Ксерксу, он их пощадил и отпустил домой, поскольку, по его словам, не желал подражать спартанцам в том, что достойно порицания (Her. VII. 133–136). — *Примеч. ред.*

⁴⁹ Победитель персов и влиятельнейший политик Афин Фемистокл ок. 472 г. был ostracism изгнан на 10 лет из Афин. Фемистокл удалился в Аргос и инспирировал перевороты в полисах Пелопоннеса с целью введения «демократической» формы правления. При этом он поддерживал отношения со своим старым союзником царем Спарты Павсанием, который планировал

менитых морских битв, и меньших, и той, коей ничего подобного не бывало, той, из-за которой Саламин был приветствован пифийским богом, как божественный⁵⁰. И это было, мне кажется, делом его великодушия, не оплатой возлагавшихся Ксерксом на Фемистокла надежд, что он поработит ему эллинов. На изменника собственной родине он не мог рассчитывать, что он будет добросовестен в отношении к варвару.

41. Вместе с Ксерксом назвал бы я тебе и молосса Адмета, который с величайшим удовольствием захватил бы этого человека, чтобы убить его, но, заполучив его и имея у себя, не отдал тем, кто требовали его выдачи, и устроил его переезд к тем, к кому он хотел ехать⁵¹.

переворот в Спарте. Однако Павсаний был обвинен в сношениях с персидским царем и погиб, а спартанцы сообщили в Афины, что в сношениях Павсания с персами был замешан и Фемистокл. Афины уже вновь воевали с персами, поэтому в 464 г. они заочно приговорили Фемистокла к смерти и потребовали от Аргоса его выдачи. Фемистокл бежал на Керкиру, где его не захотели принять, затем в Эпир и через Македонию переправился в Малую Азию, прибыв к персидскому царю Артаксерксу. Царь принял его с большим почетом и дал в управление города: Лампсак на Геллеспонте «на вино», Магнезию на Меандре «на хлеб», и Миунт близ Милета «на приправу». Вскоре Фемистокл умер и был похоронен в Магнезии, где ему был установлен памятник (см. Thuc. I. 135–138). — *Примеч. ред.*

⁵⁰ Ср. т. I, стр. 209 [376, 50]. (Фрагмент второго оракула из Дельф перед Саламинской битвой 480 г. до н. э., который ввел в сомнение афинян относительно перспектив войны с персами: «Остров блаженный, о Саламин, сыновей своих жен ты погубишь В пору ль посева Деметры даров, порою ли знойной жатвы». Фемистокл предположил, что в оракуле речь идет о гибели именно персов, а исход битвы будет «блаженным», т. е. положительным для тех, кто спросил оракул — для греков, в противном случае в оракуле Саламин был бы назван «несчастливым» (Her. VII. 142–143). — *Примеч. ред.*)

⁵¹ Адмет, царь молоссов в Эпире, был зол на Фемистокла, поскольку когда Адмет обращался в Афины за помощью, Фемистокл резко выступил против оказания этой помощи. Однако Фемистокл, по совету жены царя, сел у очага Адмета как проситель, с сыном царя на руках, и Адмет не стал нарушать законов гостеприимства: послал Спарты и Афин, прибывшим с требованием выдачи Фемистокла, он отказал и помог ему добраться в Пидну, гавань во владениях царя Македонии Александра, для переправы в Малую Азию (Thuc. I. 136–137). — *Примеч. ред.*

42. Я бы подробно рассказал и о Филиппе, сыне Аминты, и об Александре, сыне Филиппа, из коих один, овладев афинянами, везшими домой Аргея, отпустил, словно благодетелей своих, не пожелав удержать ничего из добычи, которая досталась ему от победы⁵², а Александр, которому много повредили риторы в Афинах, и расстроивавшие дипломатические отношения, и народную массу возбуждавшие, и его обзывавшие Маргитом, и оскорблявшие, и презиравшие, казнил бы их, если б хотел, став полновластным владыкою, но, приняв посольство, оставил и дал такую милость Демаду, сыну Демея⁵³.

⁵² Речь идет об одной из первых побед Филиппа II, царя Македонии. В 359 г. до н. э., вскоре после восшествия на трон Филипп вступил в прямой конфликт с Афинами: афиняне поддержали Аргея, претендента на македонский трон, который обещал им в обмен на помощь вернуть город Амфиполь (который Афины потеряли еще во время Пелопоннесской войны). Афинский стратег Мантий встал лагерем около города Мефона (на границе с Македонией), а Аргея отправил с отрядом наемников в Эги, древнюю столицу Македонии. Однако в Эгах Аргей не нашел поддержки и был вынужден вернуться к Мантию. В этот момент у Мефоны неожиданно появилось войско Филиппа, в сражении афиняне и наемники Аргея были разбиты, многие афиняне попали в плен. Однако Филипп желал скорейшего мира с Афинами, поэтому всех пленных афинян он отпустил без выкупа (см. Diod. XVI. 3. 3–6; Demosth. C. Aristocr. 121). — *Примеч. ред.*

⁵³ В 335 г. до н. э. Александр Македонский, сын Филиппа II, был вынужден совершить поход в Грецию, поскольку греческие полисы, прежде всего Афины и Фивы, узнав о трудностях Александра в войне с иллирийцами, отказались подчиняться Македонии, причем в Афинах инициаторами антимакедонских выступлений были ораторы-демократы во главе со знаменитым Демосфеном. В результате осады Фивы были разрушены до основания, а население продано в рабство. Когда об этом узнали в Афинах, к Александру было направлено посольство с поздравлениями по случаю успешного окончания войны с иллирийцами и наказания Фив, причем во главе посольства был оратор и политический деятель Демад, сторонник Македонии. Александр потребовал от афинян выдачи десяти политиков, известных антимакедонскими выступлениями, во главе с Демосфеном. Однако афиняне на народном собрании решили сделать все возможное, чтобы не выдавать их. Демад, получивший значительную сумму денег, вновь отправился к Александру с просьбой не требовать выдачи политиков, поскольку афинский демос готов их сам наказать. И Демаду удалось убедить Александра дать согласие на все просьбы афинян (см. Diod. XVII. 15. 1–5). Маргит — тип глупца, который, по преданию, послужил темой для одного гомеровского стихотворения. — *Примеч. ред.*

43. Об этом и о многом другом я напомнил бы, если бы ты не совершил уже более доблестного поступка, чем они. Теперь же ты освободил меня от собирания древних примеров, уже быв сам в числе таковых, к чему сейчас приступаем. Разве не этот самый человек людей, заостривших на него мечи и составивших на него заговор, где и когда надо искоренить общее благополучие, уличив их, высказал им порицание, но жизни не лишил их⁵⁴, чем и поразил вселенную больше, чем своими трофеями? Тогдашнему милосердию было правило сносить проступки подданных. Сохрани же мне это правило нетронутым и к тому, что принесло тебе похвалы, прибавь новые к ним поводы.

44. Ведь ты заключишь мир с городом не целиком негодным и известным своей отчаянностью, дерзостью, наглостью и самыми скверными свойствами, но, если позволяешь сказать, впервые в этом обвиненным. Поэтому я и дал себя уговорить ходатайствовать за него, полагая, что прежняя его деятельность послужит извинением за последний поступок, так как и из людей самого бессовестного и считающего злобу полезнее снисходительности надо ненавидеть и губить ради всей жизни, а тому, кто вообще умерен, но впал в провинность, всякий естественно склонен сочувствовать и помогать.

45. Этот город, оставляя в стороне более древние времена, узнавая о твоих битвах и победах на Рейне, отделанности твоих речей и прочих достоинствах, публично богам не молился, чтобы страна стала твоею — этого и нельзя было, — но каждый про себя или группами из тех, кто того желал, не переставали молить Зевса прекратить то, что губило государство, и даровать державу тому, от кого ждали спасения.

46. Когда же из Киликии приходила то та, то другая молва⁵⁵, они бледнели при той, которая поминала о здоровье, иная же

⁵⁴ См. Or. XVIII. 199. — *Примеч. ред.*

⁵⁵ Речь идет о смерти имп. Констанция 3 ноября 361 г.: двинувшись с армией против Юлиана (находившегося во Фракии) из Месопотамии, Констанций в Тарсе, главном городе Киликии, заболел, однако продолжил путь, и вскоре, все еще находясь в Киликии, умер в селении Мопсукрена. — *Примеч. ред.*

была праздником, причем они исподтишка кивали друг другу в знак удовольствия.

47. Не так люди в трудном плавании возжелают коснуться суши, как они — вкусить твоих снадобий, не так старик-отец жаждет увидеть целое поколение сыновей, пробывшее на чужбине, как этот своенравный город — узреть твою главу, не так томящиеся в рабстве ждут, чтобы пришла к ним помощь Геракла, как мы, чтобы царская власть, прежде малая размерами, распространилась на все государство.

48. А когда прежнее владычество прекратилось, твое же возросло, и пора давала возможность проявить свое мнение, боги услышали клич⁵⁶, какого раньше не бывало, причем мужи наполнили не только театр, но и склоны горы, а женщины, по своему обычаю, каждая присоединяла свое славословие из дому.

49. Под влиянием того, что здесь происходило, даже если кто бредил еще о каком-нибудь перевороте, отказался от своей надежды и на берегу Оронта давал клятву чтить твою власть, и войско, и течение реки, сказал бы поэт, двигалось в весельи.

50. Из сказанного одно всеми признано, относительно другого поверь мне. Одному человеку предстояло в Эфесе поплатиться за преданность к тебе⁵⁷, и здесь кое-кто был в подозрении и опасался ареста. Были и здесь оповестители твоих природных качеств,

⁵⁶ Ср. Ор. I. 118–120 о радости самого Либания. Однако, видимо, не все жители Антиохии были рады такому повороту событий, как это можно понять из письма Либания (Ер. 679). — *Примеч. ред.*

⁵⁷ Либаний намекает на философа Максима, учителя Юлиана (Еупар. V. S. 473–474), за безопасность которого Юлиан всерьез опасался в 361 г., о чем он сам писал в письме к Максиму: «После этого я стал думать, что тебя, очень заинтересованного в моих делах, я не найду нигде за пределами Эллады. Пусть знает Зевс, пусть знает великий Гелиос, пусть знает могучая Афина, пусть знают все боги и богини, как, придя от галлов в Иллирик (т. е. выступив против имп. Констанция. — М. В.), я дрожал за тебя. Я спрашивал о тебе у богов. Не отваживаясь делать это сам (ведь сам я не мог ни видеть, ни слышать о том, что, как и можно было предполагать, происходит с тобой в это время), я поручил это другим. И боги ясно показали мне, что у тебя будут кое-какие неприятности, однако не сообщили ничего страшного и ничего такого, при чем могли бы

сообщавшие новости, в какие были посвящены, и много находили последователей, чаруемых любовью к тебе⁵⁸.

51. Хочешь, позову в свидетели тому лицо, которое давно почитено тобою домом, потом письмами, наконец, теперь властью?⁵⁹ Или и мне, и свидетелю вредит то, что мы оба граждане [Антиохии]? Немалочисленны, государь, мы и родственники, но все же пусть никогда не преклоняемся мы ни пред отечеством, ни перед родом, чтобы ставить их выше истины и тебя.

52. Да что тратить время на то, чему есть самый верный свидетель, которого одного из всех ты не мог бы отринуть? О ком же это я говорю? О тебе самом. Ведь и раньше, высказывая пред мною некий упрек по адресу города, ты сказал: «А я задумывал превратить его в мраморный»⁶⁰. Так сказал ты подлинными словами. Итак, ты прибыл, любя. Если любил, одобрил⁶¹. Одобрял же не враждебный тебе город, но в отплату за его приверженность. Ведь отношения на Востоке не были скрыты от тебя, пока ты пребывал на Западе, не скрыто было и то, кто предпочитал худшее, кто жаждал лучшего. Итак, та красота, какую ты готовил городу, была свидетельством того, что город стал на твою сторону.

осуществиться нечестивые замыслы» (Ер. XIII. 415 а; пер. Д. Е. Фурмана). — *Примеч. ред.*

⁵⁸ Здесь Либаний имеет в виду себя самого, — ср. Ор. I. 120, где он намекает на свои высказывания в пользу Юлиана еще при жизни имп. Констанция. — *Примеч. ред.*

⁵⁹ Здесь разумеется Цельс, ср. ер. 628 (Sievers, 90). (Антиохиец Цельс был правителем Киликии в 362 г. (о дарах ему см. Ер. 628) — Юлиан знал его со времени своего обучения в Афинах (Amm. Marc. XXII. 9. 13). — *Примеч. ред.*)

⁶⁰ В данном случае Юлиан близко к тексту цитирует Светония, демонстрируя знание и латинского автора: «Вид столицы еще не соответствовал величию державы, Рим еще страдал от наводнений и пожаров. Он так отстроил город, что по праву гордился тем, что принял Рим кирпичным, а оставляет мраморным...» (Suet. Aug. 28. 3; пер. М. Л. Гаспарова). — *Примеч. ред.*

⁶¹ Однако восхваления Юлианом Антиохии были весьма скупы: «...Я не говорил вам дурных слов, даже хвалил вас, что, как мне казалось, и подобает делать...» (Misorogon. 366 d; пер. Т. Г. Сидаша). — *Примеч. ред.*

53. Может быть, кто-нибудь в числе прочего сообщил тебе, что еще много больших храмов стоит у нас⁶², что для тебя служило признаком благочестия жителей, так как желающие разрушить были, но не лежавшие в развалинах храмы были спасены, очевидно, борьбою с ними тех, которые были против разрушения.

54. Что же? Все это сотрем, ввиду одного этого проступка, и от тех фактов, которые показывают добрые качества, останется только поступок, объясняемый нерадением? Суди наше дело, как лакедемонцы⁶³. Направляя свое следствие в ту и другую стороны, дай перевес большему числу. Вспомни собственное правило о лгунах: «Если, — говорится в нем, — кто-нибудь из беседующих со мною солжет раз, я снесу. Если осмелится на это вторично, и это стерплю. Если и в третий раз будет уличен в том, что говорит неправду, еще не становится ненавистным. Но прибавь он ложь в четвертый раз, он изгоняется». Но нам хоть не три раза даруй извинение, но один только, сейчас. Затем мы будем вести себя безукоризненно в твоих глазах. Ведь настоящая скорбь побуждает к отрезвлению.

55. Затем ты скажешь: «Чего именно вы боитесь? Какой конфискации имущества? Какой ссылки? Каких казней?»⁶⁴ Ты шу-

⁶² См. далее, § 79. Юлиан в своем послании высказывает противоположные суждения: «Кроме того, вы лживо обвиняете соседние города, города святыне, рабствующие богам вместе со мной, в составлении направленных против меня сатир; хотя я хорошо знаю, что те горожане любят меня больше, чем своих детей, ибо они сразу же восстановили храмы богов и ниспровергли все гробы безбожников по недавно поданному мной знаку» (Misorogon. 361 а; пер. Т. Г. Сидаша). — *Примеч. ред.*

⁶³ Вероятно, Либаний упоминает сюжет из труда Фукидида (V. 63): когда спартанский царь Агис в 418 г. до н. э. не смог взять Аргос, спартанцы хотели скрыть его дом и наложить на него огромный штраф. Агис просил дать ему шанс искупить вину в следующем походе, в противном случае он был готов к любому наказанию. Спартанцы согласились, но приставили к Агису 10 спартанцев в качестве советников, без согласия которых он не имел права выступить с войском из города. — *Примеч. ред.*

⁶⁴ Либаний здесь фактически цитирует Юлиана: «Несмотря на брань, которой вы обливали меня как частным образом, так и публичным, насмехаясь надо мной в анапестах (поскольку я и сам обвинял себя, то позволил вам действовать так с еще большей откровенностью), итак, несмотря на все это, я не

тишь, государь, пред людьми в несчастьи. Что говоришь ты? Ты не конфискуешь, не казнишь, не ссылаешь, но ты ненавидишь, считаешь врагами и покидаешь. Это — величайшее наказание. В одно и то же время ты тем во всеуслышание провозглашаешь много обвинений против города, что «я бегу от города, преисполненного всяких пороков, своеволия, пьянства, неводержанности, нечестия, корыстолюбия, дерзости, и переселяюсь в меньший город, отчаявшись в характере более сильного».

56. Таким образом, еще при жизни прямо пригвождая нас к позорному столбу, воображаешь ли ты, что скроешь, за что наказуешь, как если бы, выпустив против меня сегодня речь, что я величайший нечестивец и твой враг, ты затем пожелал бы, чтобы я был признателен тебе, если не поплатился жизнью? А я бы сказал тебе: «Ты иронизируешь, государь, и, изобретя кару, пущую смерти, затушевываешь действительность названием. Избавь меня от подобных милостей и, превращая жизнь в позор мне, не давай жить, но распни, утопи. Пусть меня злословит любой без того, чтобы я это слышал, теперь же, разве не для того освободишь ты меня от казни, чтобы чувствительнее огорчить? Бывает, государь, и жизнь горше смерти».

57. Может быть, и город говорит тебе: «Конфискуй, казни. Если хочешь, срой до основания. То одного дня скорбь, а сейчас как снесу кару, которая становится длительной?» Город профанирован, как гавань Кирры⁶⁵, заклят, как тот пеласгийский

сделал вам ничего страшного: не резал вас, не бил, не заковывал, не заключал, не наказывал... Я не взымал золота, не требовал серебра, не увеличивал дани, но вместе с недоимками освободил вас и от пятой части обычных налогов...» (Misopogon. 364 с — 365 b). — *Примеч. ред.*

⁶⁵ Имеются в виду события Первой Священной войны 595 г. до н. э., наиболее полно отраженные у афинского оратора Эсхина (с. Ctes. 107–110): недалеко от Дельф находилась Киррейская равнина и гавань Кирра. Жители Кирры, а также соседнее племя кравгаллидов часто выступали против Дельфийского храма. Возмущенные этими действиями амфикиотионы (представители полисов, входивших в священный союз с центром в Дельфах), и прежде всего афиняне, запросили дельфийский оракул, какому наказанию подвергнуть виновных. Оракул предписал воевать против киррян и кравгаллидов, обратить их в рабство, разорить страну, а землю посвятить Аполлону Пифийскому,

околоток⁶⁶, и нам грозит сегодня потеря свободы слова. Как один человек, уличенный в зазорной нравственности, теряет права гражданства, так наш город, если ты сохранишь свой гнев, — безгласен. В самом деле, где же и перед кем станем мы величаться, или перед людьми, к нам являющимися, или сами являясь к другим? Заперта будет для нас всякая гавань, всякий материк, всякий род, и отправляющимся на чужбину придется скрывать, откуда они, и выдумывать себе отечества.

58. Для убийц изобретены очистительные обряды, уничтожающие осквернение, и если кто, покинув страну потерпевшего, бежит в другое место, он находит лицо, которое ему поможет и облегчит его положение, а наша беда всюду найдет себе врагов, и твоей вражде будет подражать вселенная, и если явится к нам какой-либо чужеземец, он промчится по городу, словно по зачумленному.

59. Не укроется это ни от обоих племен эфиопов⁶⁷, ни от кельтов, ни от скифов, ни от персов, которые остаются⁶⁸. Известность гневающегося не позволяет возбудившим ненависть остаться незамеченными, а, сверх того, и величина ненавидимого города вы-

Артемиде Латоне и Афине Пронайе, чтобы эта земля стала священной и никогда не возделывалась. Амфикионы собрали большое войско и исполнили оракул в точности. Кирра была разрушена, и с тех пор эту гавань именовали проклятой и нечестивой. — *Примеч. ред.*

⁶⁶ Т. н. «Пеласгийская стена» (Пеларгик у Фукидида) находилась на западе афинского Акрополя, у его подошвы. Территория вокруг нее была священной, и селиться на ней запрещалось под страхом проклятия. Согласно преданию, эту стену вокруг Акрополя возвели пеласги, а затем передали ее первым афинянам в обмен на землю в Аттике (см. Her. VI. 137; Thuc. II. 17. 1). — *Примеч. ред.*

⁶⁷ Геродот при описании армии персидского царя Ксеркса выделяет два племена эфиопов — ливийские (живущие южнее Египта) и восточные (или азиатские). Ливийские эфиопы имели самые курчавые волосы, носили барсовые и львиные шкуры, перед боем раскрашивали тело мелом и суриком, вооружены были луками и стрелами с каменными наконечниками, копьями с наконечниками из рогов антилоп и дубинами. Азиатские эфиопы имели прямые волосы, носили на голове лошадиную шкуру, содранную вместе с ушами и гривой, а вместо щитов держали журавлиные кожи (Her. VII. 69–70). — *Примеч. ред.*

⁶⁸ Данная оговорка свидетельствует о том, что Юлиан к этому времени уже начал военные действия против персов. — *Примеч. ред.*

зывает много толков. Ведь если мы погрешили, мы и осуждены. Но мы числимся в ряду городов, следующих за двумя первыми⁶⁹, и быть оставленным — в убыток городу, так что участь, какая, говорят, постигла Каллисфена, погибнуть от голода ненавидимым⁷⁰, приключится и нам, если мы появимся в другом месте, так как всякий нас будет толкать, извергать, гнать.

60. И еще не так значительно будет то, что постигнет немногих, приходящих в другую область, но неизбежно целому городу лишиться прочного положения. В самом деле, людям, как таковым, невозможно быть неизменно счастливыми, но и голод, и повальная болезнь, и еще более грозные бедствия от землетрясений поражают города. В таких обстоятельствах одно snadобье постигнутым бедствием — готовность соседей помочь. Если отнимешь ее, ты отнял единственную надежду. Каким же образом она устраняется? Если пострадавшие будут считаться негодными людьми. Над такими все привыкли злорадствовать, а не помогать им.

61. Итак, ты наложишь на нас малое взыскание и такое, какое легко снести, вызывая на нас общую войну всех людей, благодаря коей, пока город остается благополучным, ему придется переживать унижение, а случится с ним беда, не будет у него, к кому обратиться за помощью.

⁶⁹ Первые города — это Рим и Константинополь. Антиохия в традиции была сирийской метрополией и действительно уступала им. — *Примеч. ред.*

⁷⁰ Каллисфен был политическим деятелем — демагогом эпохи Пелопоннесской войны. Он требовал суда над стратегами после битвы при Аргинусских островах в 406 г. до н. э.: афинский флот разгромил спартанский флот, однако из-за начавшейся бури афиняне не смогли подобрать тела погибших сограждан. По античным религиозным представлениям, души непогребенных бродят по свету и мучат сородичей и сограждан. В результате 8 стратегов-победителей были привлечены к суду и стараниями Каллисфена осуждены на казнь. В 404 г. до н. э., после капитуляции Афин, сторонники демократических политиков, среди которых был и Каллисфен, укрепились в Пирее. После падения тирании Тридцати сторонники демократов в 403 г. до н. э. примирились с афинянами и вернулись в город, однако вернувшийся вместе с ними Каллисфен, как сообщает Ксенофонт, «умер от голода, ненавидимый всеми» (Hell. I. 7. 35). — *Примеч. ред.*

62. Пусть так. Таковы будут отношения к нам соседей и прочих людей. Но дети твои и внуки, думаешь ты, не унаследуют от тебя вместе с властью ненависть к нашему городу, и прочие города будут чтить, а этот лишать почета и всячески вредить ему?

63. Да, пока будет держаться настоящий государственный строй, я полагаю, вечной будет оставаться ненависть к городу каждого нового владыки, и если в нашем бедственном положении раздастся голос нашего страдания, тотчас явится упрек тот, что ныне: «Не они ли ввели во гнев самого кроткого государя, соделали свой город ему неприятным и заставили его искать других мест для зимней стоянки? После этого те, кому давно следовало погибнуть, неужто не по заслугам пострадали, если у них отнята возможность роскошествовать? Разве не сделает любой из великого малым своевольный город, бедняками из богатых?»

64. Итак, посевав неустанную ненависть к нам, благодаря коей все префекты, все правители будут к нам враждебны, в видах угодить государям нашими бедствиями, возьмешься ли убеждать, что это не наказание? Что же скажем на вопрос: «отчего вы ненавидимы?» На тебя ли перенесем вину? Но твоя натура не допускает упрека и добродетель осудившего говорит против обвиняемых.

65. Как молчат изгоняемые из храмов путем оракулов богами как уличенные всеведущими⁷¹, так те, которых ты помянешь как порочных, не могут говорить, что на них клеветают. Итак, государь, мы обвинены твоими достоинствами. А ты никого из нас да не казнишь, да не лишишь ни имущества, ни отечества, и да не станешь ты из прежнего другим.

66. Я вижу, что в подобных испытаниях община избегает обвинений в проступках, которые тяготеют на потерпевших, а то, что ты хочешь делать, обрекает каре целый город. Одно значит, что в честном городе явилось несколько негодных людей, другое, что порочность распространилась на весь город.

⁷¹ Имеется в виду известный в традиции сюжет об оракуле Аполлона, изгнавшем убийц Архилоха (см. Suid. s. v.; Liban. Or. I. 74). — *Примеч. ред.*

67. Удивляюсь, если тебе кажется странным, что города, которым выпало на долю долгое время иметь такого учителя⁷², не обладают надлежащим строем. Не все ли полно было беспорядка, нерадения, небрежения? Законы не были ли бесполезною буквою, должности не продавались ли, людям подвластным не удавалось ли торжествовать над правителями, с вечера посылая дары, а с зарею чуть не подвергая их ударам? Разве справедливое управление не было предметом насмешки, а взяточничество не одобрялось? Разве дело долга не впало в бессилие, а не приобретало силу все, что хотелось, разве не был властен бессовестный человек оставаться безнаказанным?⁷³

68. Что же удивительного, если при таком произволе, предоставленном бесчестности, нравам городов пора эта причиняла порчу? Или ученикам плохих софистов невозможно стать хорошими мастерами слова⁷⁴, а в царствование бездейтельного⁷⁵ человека вселенной можно быть нравственной? И неуменье пастухов губит стада, а беспечность царей воспитывает города? Какого приставишь к коням возницу, такой, жди, будет у тебя и колесница.

⁷² Либаний намекает на имп. Констанция, который правил с 337 по 361 гг. Он достаточно резко отзывался о нем, отмечая, что Констанций получил судьбу, но не разум императора, поэтому его правление стало «мучительным царствованием» или даже «беззаконной тиранией» (см. Or. XVI. 37; XIV. 3; 17). — *Примеч. ред.*

⁷³ Либаний, желая объяснить поведение антиохийцев, опять фактически цитирует самого Юлиана, который неоднократно высказывался о злоупотреблениях в период правления имп. Констанция. Вот какую характеристику он дает Констанцию и его окружению, вложив эти слова в уста бога Гелиоса: «Он кажется мне по большей части погруженным в сон, забвение и влекущимся к удовольствиям; среди его пастырей мало честных людей, большинство же — порочны и зверообразны. Они пожирают и продают его овец, и вдвойне преступней своего господина, ведь они не только уничтожают его стада, но и получают от них огромные прибыли, отдавая ему лишь малую часть, и при этом еще рыдают и жалуются на судьбу, что не получают, дескать, жалования...» (Julian. Or. VII. 232 b-c; пер. Т. Г. Сидаша). — *Примеч. ред.*

⁷⁴ τεχνίται, ср. Письма-энкомии, стр. 5.

⁷⁵ ὑπνηλός см. пояснение рукоп. В², ср. καθεύδω, в значении этого глагола у Либания.

69. Почему же мы теперь считаем страну счастливою? Это потому, что к лечению ее приступил искуснейший врач. Итак, мы радуемся в ожидании, что он изменит нравы городов и сделает их лучшими. Что же удивляться, если ты застал недостатки, устранение коих твоя слава? Иной уже покупал плохо выдрессированного коня, в уверенности, что исправит своим умением. Таким образом, если бы он, впервые оседлав его, тотчас стал сердиться, замечая, что он не чужд недостатков, разве тебе не представляется, что, получи конь голос от Геры⁷⁶, справедливо услышал бы этот человек такие его слова: «Зная это, ты, однако, купил, и с уверенностью умением, каким обладаешь, отучить от непослушания. А для воспитания нужно время и упражнение, в течение коих, быть может, я исправлюсь».

70. Мы все жили, государь, распущенно в прежнее царствование. Вступили теперь под иго более строгое. Попытаемся нести его. Прости малую вину и сделаешь нас лучшими, чем чтобы нам нуждаться в прощении. И что мы не просим чего-либо необычайного, и ты уже был на стороне прощения, для этого вспомни о том дне, когда ты называл нас бесчестными и желал спасти. «Они погрешили, но пускай получают пропитание. Они причинили неприятность, но пусть не голодают. Дай тысячу мер и прибавь три тысячи»⁷⁷.

71. Это были слова смягчившегося, слова не окончательно ненавидящего, слова ожидающего перемены. Ведь ты не стал бы усердно беречь город, неизлечимо испорченный, если и этот поступок не был делом ненавидящего — мероприятия в защиту от чрезмерных ливней и спасении земли от опасностей, грозящих отсюда, когда тому проливному дождю ты подставил себя,

⁷⁶ См. Homer. II. XIX. 405–407 о коне Ахилла Ксанфе: «...Ксанф; понутивши морду и пышною гривой своею, Выпавшей вон из ярма, досягнув до земли, провещал он (Вещим его сотворила лилейнораменная Гера)» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

⁷⁷ Речь идет о голоде в Антиохии 362/363 г. Либаний здесь вновь пересказывает самого Юлиана (см. выше Misopogon. 369 a-d). — *Примеч. ред.*

находясь под открытым небом, у жертвенника⁷⁸, в то время как прочие, собравшись под крышей новой постройки, боялись, как бы, помогая плодам земли, ты сам не ощутил нужды во враче, но ничто тебя не отвратило от помощи.

72. Вот как ты пренебрегал городом. В пользу него ты добавил и следующее, я слышал: ты вопрошал богов, доживем ли мы до лета безмятежно, приняв решение, если бы кто предчувствовал беду, отразить ее обычными у тебя мерами. После этого, в пользу кого ты трудишься, чтобы они не погибли, тем замышляешь ли гибель в их отчаянии, и от голода избавляешь, а скорбям предаешь? И хочешь, чтобы город оставался, как весьма годный, а покрываешь его стыдом, как ничего не стоящий?

73. «Но во всяком случае нам надлежит поплатиться». Наказание мы претерпели, государь, и притом значительное и долгое, вот уже пятый месяц этому наказанию⁷⁹. Стеная, угрюмые и унылые, провели мы их ничем не отраднее, чем заключенные в тюрьме, пораженные душою, с облаком, застилающим лицо, подобные тем, кто оплакивают безвременную кончину детей, проливая слезы, рыдая, ненавидя самих себя, почву, воздух, воду, дома, избегая встречных, друг друга, терзаясь ночью, скорбя днем.

74. Спас город Александр⁸⁰, спас, иначе не мог бы я выразиться, но жестокими словами, одними, брошенными в лицо курии, другими — язвившими народ, не за ежедневные проступки, — ведь всякий убеждал себя соблюдать порядок, но за тот один, раздраживший тебя, и в собрании всех людей с прочими был ты милостив, а против нас буйнее потока, так что жизнь для нас за то

⁷⁸ Ср. т. I, стр. 358 [577], *orat. XVIII*, § 177. (Либаний описывает данное событие как жертвоприношение Посейдону в качестве заступничества за Константинополь, который стал часто страдать от землетрясений. — *Примеч. ред.*)

⁷⁹ Первое серьезное недовольство антиохийцами Юлиан выразил после того, как 22 октября 362 г. сгорел храм Аполлона. Таким образом, написание данной речи датируется серединой марта 363 г. — *Примеч. ред.*

⁸⁰ Александр, фанатичный язычник, был назначен правителем Сирии после того, как Юлиан покинул Антиохию. — *Примеч. ред.*

время была жизнью киммерийцев, в непрерывном мраке и ночи, и мы мнили, солнце для нас уже не всходит⁸¹.

75. Какой еще ищешь кары на людей, изведенных скорбью? Дай же прощение, дай, государь, не за все подряд, а за проступок, связанный с рынком. А продерзости во время процессии ты давно высмеял⁸², а мы за них взыщем, так как не перестанем выслеживать проклятых, и недолго остается нам захватить их. Прости же, ради богов, ради демонов, ради трофеев, ради самой философии. Ты являешься с великих подвигов, пусть будет и этот твой подвиг велик. Увенчай победы милосердием и не оставляй нас одних плачущими среди общего торжества всех людей.

76. «Мы — ненавистники тебя и твоего царствования». И это мы слышали, о, солнце! Когда твои успехи подвигались по твоему желанию, но еще не являлось вести о событиях, мы, всё оставив, пребывали в мольбах⁸³, дети, старики, женщины, сначала собираясь по отдельным филам⁸⁴, потом собравшись все части города в одну толпу, двигаясь по площади с громкими молитвами, переходя за ворота с еще большими, вращаясь на равнине⁸⁵, где происходят военные упражнения⁸⁶. Те из нас, которые в познании

⁸¹ См. Homer. Od. XI. 14–19: «Там киммерян печальная область, покрытая вечно Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль Он покидает, всходя на звездами обильное небо, С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь; Ночь безотрадная там искони окружает живущих» (пер. В. А. Жуковского). — *Примеч. ред.*

⁸² См. Or. XVIII. 195. — *Примеч. ред.*

⁸³ Эта демонстрация лояльности состоялась в Антиохии уже в отсутствие Юлиана, убитого на войну с персами (см. Or. I. 133). — *Примеч. ред.*

⁸⁴ См. т. I, стр 147, примеч. [289, 50]. (Антиохия была разделена на 18 фил. Члены фил имели собственные бани и участвовали в соревнованиях по кулачному бою в честь Артемиды. Главами фил являлись эпимелеты (греч. «попечитель, руководитель»), которые были ответственны за дисциплину, охрану порядка и функционирование различных служб, например, освещения (см. Or. V. 43–44; XI. 231; 245; XIX. 62; XXIII. 11; XXIV. 26; XXXIII. 35–36). — *Примеч. ред.*)

⁸⁵ Ср. стр. 485 [708], orat. LX inc.

⁸⁶ Территория для военных упражнений была расположена на другом берегу реки Оронт. Это было любимое место собраний христиан — см. Theodoret.

божества имели дело с жертвенниками, шли к ним, всяческими способами умиловывая тех, кто властен дать победу. Если это поступки ненавистников, то каково же доказательство привязанности?

77. Но есть некоторые недовольные кое-чем в твоей деятельности. Ведь некоторые и отцами недовольны. А могло ли бы быть что-нибудь сладостнее родителей? А относительно тарсийцев каково твое настроение? Никто из них не скажет какой-либо грубости? Какой оракул в том порукой? Что же, если какое-либо слово вырвется у медника или кожевника, какое естественно возможно от них? Будешь искать другого города и опять иного? И вопрос о том, где тебе следует зимовать, будет зависеть от подданных? Да не будут они никогда иметь столько силы. Но водворяйся среди желающих, на радость их, среди нежелающих, чтобы они научились желать. Надо, чтобы исполняли долг, кто охотно, по доброй воле, кто неохотно, по принуждению.

78. Если бы ты был у нас софистом, во всяком случае, был бы, если бы не был на своем величайшем и божественнейшем посту, ты сейчас соперничал бы со мною, затем кто-нибудь из твоих учеников проявил бы лень, разве позволил бы ты? Невозможно. Но была бы пущена в ход плетка⁸⁷. Так и теперь весь город пусть научится сносить пребывание государя.

79. Но это относительно тех, кто подобным тяготится, а мы, давно привыкшие к жизни с государем, и теперь просим, чтоб нас не лишили этой чести. Умоляет тебя город, содержащий род Инаха, заблудившийся в поисках за Ио, умоляет город, содержащий часть афинян, город македонян, город Александра, который прошел один путь с тобою, чьим источником он

Н. Е. IV. 26: «Между царским дворцом и рекой проложена большая дорога, на которую вступают все идущие из города через ворота и направляющиеся в загородные поля. По этой-то дороге шел божественный Афраат на военное поле с намерением исполнить дело надлежащей заботливости о святых овцах». — *Примеч. ред.*

⁸⁷ См. т. I, стр. LXXII, стр. LXXXIV [80; 92]. (Либаний считал обязательным наказание нерадивых учеников плеткой. — *Примеч. ред.*)

восхитился, с удовольствием напился из него⁸⁸, умоляет тебя город, многих богов доставивший тебе в помощники, коим ты принес жертву⁸⁹, коих ты призвал, с которыми пошел в поход, Гермеса, Пана, Деметру, Ареса, Каллиопу⁹⁰, Аполлона, Зевса и того, что на вершине горы⁹¹, и того, что в городе⁹², к которому ты вступил консулом, откуда вышел с надеждой, которому стал должником. Имею письмо твое, лежащее у бога. Приди принести жертву, отдай долг и, принеся, оставайся, согласно установленному порядку.

80. Считай, что слышишь эти слова от них самих. Может быть, и видишь их⁹³ стоящими вокруг главы своего, Зевса, который, когда уже ты сражался⁹⁴, застал нас в трепете, укрепил, ободрил явным знамением. Оно было таково: некто, поймав на берегах озера лебеда, посвятил его богу. А он не лишен был крыльев, но потерял силу крыльев, как бывает с лебедями, когда, лишившись свободы на болотах, они становятся ручными у людей.

⁸⁸ Здесь Либаний кратко упоминает легенды об основании Антиохии, подробно изложенные им в другой речи, «Похвала Антиохии» (Or. XI): первое поселение на этом месте основали родичи Инаха, отца Ио, искавшие его дочь (44–48); основание эллинистического города возводится к Александру Македонскому (72–76; 88), а часть населения города прибыла из Афин (58; 92). — *Примеч. ред.*

⁸⁹ О жертвоприношениях Юлиана в Антиохии см. Or. XVIII. 171–172. Насмешливые антиохийцы, высмеивая его частые жертвоприношения, прозвали Юлиана *victimarius*, т. е. прислужником при жертвоприношении, в чьи функции входило убивать жертвенное животное (Amm. Marc. XXII. 14. 3). — *Примеч. ред.*

⁹⁰ Каллиопа была патронессой Антиохии (Or. I. 102). — *Примеч. ред.*

⁹¹ Зевс Касийский, см. т. I, стр. 451 [691]. Святилище Зевса находилось на горе Касий (Силпий), к югу от Антиохии. Гора была названа в честь героя Каса, мифологический рассказ о котором Либаний представляет в Or. XI. 52–55. Летом 362 г. Либаний в письме магистру оффиций Анатолию сожалеет, что не смог сопровождать Юлиана на гору Касий (Ep. 651). — *Примеч. ред.*

⁹² Зевс Филий («Друг» см. Or. I. 122). Описание Юлианом своего жертвоприношения в этом храме см. Misopogon. 346 b-d. — *Примеч. ред.*

⁹³ Ср. выше, XII, § 86.

⁹⁴ В то время, когда Юлиан с армией уже продвигался вдоль Евфрата. — *Примеч. ред.*

81. Прочее время он пребывал на земле, не пробуя подняться ввысь. Но когда приносили какую-то жертву в седьмой день в начале месяца, лишь огонь достиг жертвы, лебедь, устремившись в воздух, трижды облетев храм под самым карнизом, затем, поднявшись высоко, направился к востоку. И тотчас поднялся крик радовавшихся, прыгающих, кувыркающихся при воспоминании о превращении Зевса, принявшего вид этой птицы, когда вступил в связь с Еленой, и всем представлялось, что он спешит, чтобы вместе с тобою извести персидский народ.

82. Он теперь говорит вместе со мною, желая городу, чтобы произошло примирение с ним, а мне убедить во мнении, возникшем из того представления. Не откажи же в почтении и не унизь ритора, увенчанного твоим приговором, ты дал хлеб, по моей просьбе, прекрати же, по моей просьбе, гнев. Не уставай возвеличивать человека, который не раз отбивался от сна в заботах о тебе, и не отправь в отечество без успеха, поникшего головою, краснеющего, пристыженного, совестящегося присутствующих граждан, совестящегося отсутствующих.

83. Когда, спеша навстречу мне, они спросят: «Убедили мы, посол?» — что ответчу? Мне понадобится тогда личина или, клянусь Зевсом, ночь для входа в город, причем пора эта скроет расцарапанную ланиту⁹⁵. Очутившись же дома, придется сидеть взаперти, так как я не вынесу их взоров; указывающих близким на меня, потерпевшего неудачу.

84. Но ведь есть высокие горы, заросшие лесом, области, пещеры, хижины каких-нибудь угольщиков. К ним пойду, переименив имя и изменив одежду и все, что можно в наружности. Там буду пребывать, в пустыне, далеко от города, которому не смог помочь⁹⁶.

⁹⁵ Сократ Схоластик, опираясь на некоторые слухи, полагает, что эту речь Либаний только написал, но не обнародовал (Н. Е. III. 17). — *Примеч. ред.*

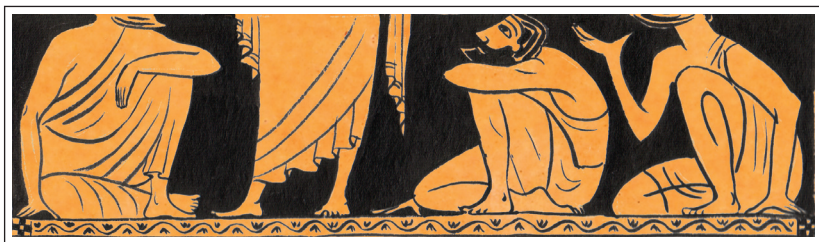
⁹⁶ Имеется в виду гора Силпий (Касий), которая служила убежищем для спасшихся от каких-либо преследований жителей Антиохии (Or. I. 226–227) и христиан-отшельников (Theodoret. Н. Е. IV. 28). — *Примеч. ред.*

85. Я был потомком хорегов, государь⁹⁷. Самому мне быть хорегом воспрепятствовала судьба. Но постыдно жить, не будучи в состоянии ничем благодетельствовать своему городу. Так как, следовательно, я отстал от литургий, доставляющих удовольствие, сделай меня ревностным в спасающей.

86. И пусть никто не говорит мне о снаряжении в Киликии. Захоти только, и все последует. Дело в пяти днях и немногих верблюдах. Ты видел нас ослабевшими, посмотри и на окрепших. Испытай урожай, раз испытал обратное. Теперь ясно узнаешь, был ли тот случай делом низости или несчастья.

⁹⁷ Либаний происходил из знатной антиохийской семьи, представители которой были членами городской курии и исполняли различные литургии (см. Ор. I. 3 сл.), среди которых наиболее важной и дорогостоящей была литургия хорегии (организация общественных игр, праздников и иных развлечений). — *Примеч. ред.*

К ЮЛИАНУ ЗА АРИСТОФАНА

Orat. XIV F¹

1. Зная, государь, что ты осуждал большую низость тех, которые не защищают друзей, будучи сам другом коринфянину Аристофану и видя, что этот человек остаток надежд своих полагает в твоём попечении, я счел нужным держать о нем речь и помочь ему тем способом, какой в моих силах.

¹ Речь была написана осенью 362 г., вскоре после прибытия Юлиана в Антиохию (возможно, до 22 октября 362 г., поскольку не упоминает о пожаре в храме в Дафне). Либаний составил эту апологию для своего друга Аристофана, находившегося в это время в Антиохии (подробнее об Аристофане и его деле см. Ог. I. 125), и направил ее Юлиану в качестве приложения к своему письму (Ер. 760). Юлиан сразу ответил: «Ты воздал Аристофану плату за благочестие богам и за благоволение к тебе, отплатив ему и превратив то, что раньше было постыдно, в предмет славы, и не только сейчас, но и в будущем. Ведь по сравнению с написанными тобой речами ничто и лживые доносы Павла, и страшный приговор того судьи... Сойдясь вдвоем, как говорится, мы с тобой посовещаемся. Ведь будет справедливо, если ты дашь совет не только в том, что нужно помочь мужу, искренне почитавшему богов, но и о том, каким образом сделать это. Ты, правда, намекнул на этот способ. Но наверное лучше об этом не писать, но поговорить лично. Будь здоров, брат мой, желаннейший и любимейший!» (Е. Л. Ф. 97; пер. Д. Е. Фурмана). — *Примеч. ред.*

2. Может быть, и будет какой-нибудь положительный результат от этих слов, и он достигнет своей цели, получив какую-нибудь милость. Если же враждебность демона, благодаря коей он страдает под гнетом многих бедствий, еще и теперь будет вредить ему, останется хоть тот результат, что своим рвением поддержи твоё доброе обо мне мнение, а ему будет некоторым утешением, что он не забыт в несчастьи друзьями.

3. Итак, если бы та тяжкая пора, к счастью², не миновала, говорить было бы нечего, так как то время было не для речей, но надо было обращаться к евнухам, делавшим все, что им было угодно, и, заняв как можно больше денег, покупать у них самые крупные посты³. Но так как Зевс, стыдясь происходившего, положил конец недугу царства⁴ и изменил государственное дело в управление на началах разума, и можно говорить в пользу того, что прежде было предметом рынка, я признал, что было бы проявлением большой лениности не прибегнуть к слову, когда пора того требует, в особенности, когда и ты рад ритору и когда душа требует не столько того, чтобы чем-нибудь угодить Аристофану, сколько чтобы ты оказался виновником поступка, достойного принадлежащей тебе славы.

4. Я не отрицаю, что человек этот был предметом худых слухов и худой славы, и это присуще злосчастью, которое повредило ему и в остальном, и в мнении о нем, худшем, чем его действительные поступки. Но если бы Аристофан первый и единственный подвергся этой доле, я бы сильно стыдился. Но так как с природою человеческою с изначала водворилось это явление, что многие негодные люди считаются добросовестными, а многие из умеренных безнравственными, прошу тебя, государь, в короткий срок моей речи, отстранив из души то мнение, какое ты сейчас о нем имеешь, следить за фактами, и если они покажут его

² καλῶς ποίῳν, также εὖ ποίῳν часто у Либания в этом смысле, ср., напр., IV 323, 18 (orat. XVIII, § 199), III 459, 16 (orat. XLIX, § 14), см. ерр. 48. 255. 322. 324. 378. 533. 673. 680, vol. V 323, 15.

³ Cf. vol. IV, pg. 351 (orat. LXII, § 9), vol. II, pg. 110, 16 (orat. XIV, § 65), pg. 146 (orat. XI, § 67).

⁴ Имеется в виду конец правления имп. Констанция. — *Примеч. ред.*

в лучшем свете, думать о нем так, если нет, считать его не только достойным забвения, но и наказания. Потерпи выслушать мое небольшое отступление в прошлое, я сокращу тем пространственность рассказа, и ты скорее поймешь то, что знать справедливо.

5. Отцом обвиняемого был Менандр, первое лицо в Коринфе⁵, друг Гекате и Посейдону, плававший на Эгину ради ее оргий, ездивший на Истм ради его мистерий⁶, на острове глава религиозного товарищества⁷, на полуострове соучастник такового в числе меньших, входивший в состав великого совета⁸.

⁵ Менандр был знатым и богатым человеком, принципалом курии Коринфа и членом сената Рима; и хотя звание римского сенатора давало ему иммунитет от куриальных повинностей, он добровольно отправлял литургии по Истмийским играм (§ 5–6). Либаний лично встречался с его сыном Аристофаном в Коринфе в 336/340 г. когда Аристофан отправлял высшую куриальную должность в Коринфе — стратега (§ 8). Учитывая должность, Аристофану в это время должно было быть 20–30 лет, т. е. родился он в 310–320-х гг. Менандр ко времени рождения сына был состоявшимся человеком, членом римского сената (§ 6), т. е. к тому моменту ему должно было быть 30–40 лет — он явно поздно женился на сестре философов Гиерия и Диогена (§ 7), возможно, это был его второй брак. При посещении Либанием Коринфа Менандр, по словам оратора, был еще жив (§ 9), однако в это время ему было уже 50–70 лет, и, по словам того же Либания, до преклонной старости он не дожил, т. е. вскоре умер (видимо, в 340-х гг., когда притеснитель его сына Флавий Евгений (§ 10) стал «великим», т. е. достиг своих высших должностей). — *Примеч. ред.*

⁶ Геката — в греческой мифологии богиня мрака, ночных видений и чародейства. Она получила от Зевса власть над судьбой земли и моря и поэтому покровительствует общественным занятиям человека — судопроизводству, решению общественных дел в народном собрании, спортивным состязаниям и даже ведению войны, а также охоте, разведению коней, охраняет детей и юношество. Святилище Гекаты в о. Эгина, основанное, по легенде, Орфеем, было одним из наиболее почитаемых, и мистерии в честь нее совершались там каждый год (Paus. II. 30. 2). Мистерии на Истме (перешейке недалеко от Коринфа между Пелопоннесом и Грецией) совершались у храма Посейдона, подробно описанного Павсанием (II. 1. 7). Вероятно, мистерии были связаны с проведением Истмийских игр, справлявшихся в честь Посейдона каждые два или четыре года. — *Примеч. ред.*

⁷ *κορυφαῖος ὦν θιάσων*. Фиасами именовались частные религиозные союзы, созданные для почитания того или иного божества в его святилище, в данном случае мистерий в честь Гекаты. — *Примеч. ред.*

⁸ «Великий совет» — столичный сенат. Поскольку в этот период, ок. 310–320 гг., т. е. до рождения Аристофана (см. далее, § 6), сенат был только в Риме

6. Когда же он стал отцом, после рождения Аристофана, проявил такую любовь к городу, что добивается лучше быть членом местной курии, чем римского сената. Но Аристофану судьба воспрепятствовала последовать примеру отца, как ты узнаешь это в течение речи.

7. Быв, таким образом, сыном его и сестры философов, разумею Гиерия и Диогена⁹, он получает воспитание на их руках, обучение же искусству слова и привычке надлежаще тратить средства — от отца, проходя все виды расхода, с каким соединено почитание богов. Знает это Деметра, и Кора, и Серапис¹⁰, и Посейдон, и владевший Лерной Иакх¹¹ и, сверх того, многие другие демоны, по отношению к коим он все щедро оплачивал.

8. И расходуясь, государь, дошел он до повинностей так называемого претора¹², и я сам видел его в этом наряде, провозжаемого славословиями, на возвратном пути из Лакедемо-

(в Константинополе он был учрежден в 358/359 г.), Менандр был членом римского сената. — *Примеч. ред.*

⁹ Гиерий и Диоген были философами-неоплатониками, как Приск и Максим, придворные философы Юлиана, с которыми их сравнивает Либаний (§ 32). И Гиерий, и Диоген умерли к 362 г. Гиерий, по сообщению оратора Фемистия, был философом в Сикионе и благодаря своей безупречной репутации находился в тесных отношениях с Дельфийским оракулом (Ог. XXIII. 295 а — 296 в). — *Примеч. ред.*

¹⁰ Сарапис или Серапис — один из богов эпохи эллинизма, впервые был введен в начале III в. до н. э. царем Египта Птолемеем I Сотером как культ столицы Египта Александрии. Со временем он стал почитаться как повелитель стихий, спаситель от несчастий, предсказатель будущего, целитель больных. Иногда Сараписа отождествляли с Зевсом. — *Примеч. ред.*

¹¹ Лерна — город и источник в области Аргоса, на Пелопоннесе. Иакх — в греческой мифологии божество, тесно связанное с Деметрой (сын Деметры или ее дочери Персефоны и Зевса) и Дионисом (считался сыном Диониса или отождествлялся с ним). Павсаний упоминает рядом с Лерной священную платановую рощу, посвященную Деметре и Дионису, где совершаются таинства в честь Деметры (II. 36. 7–37. 2). — *Примеч. ред.*

¹² Либаний использует термин «стратег» — в греческой политической традиции это один из высших магистратов, в данном случае — высшая куриальная должность в Коринфе. Занимавший ее исполнял наиболее затратные местные литургии. — *Примеч. ред.*

на¹³, еще не будучи знаком с юношей и не зная, буду ли когда, но считав его счастливым в том, что, будучи столь молодым, он обладает от города таким почетом, заботами¹⁴ о нем отца.

9. Менандр еще был в живых, и ему следовало бы дожить до преклонной старости. Конечно, Аристофан избег бы тогда многих заблуждений, многих опасностей, одних случавшихся в пути, других в судах, по несправедливости, и был бы скорее в числе лиц, влиятельных в Коринфе, чем в числе людей, преклонявшихся перед чужим влиянием.

10. Из-за чего же он выбыл из подобающего ему общественного положения и, бежав жизни декуриона, перешел в звание воина? Евгений малый становится великим¹⁵ у Константа¹⁶. На основании некоего брака получив бесстыдный повод к оспариванию поместий Аристофана, — ты знаешь, что подобные

¹³ В период своего пребывания в Афинах Либаний дважды, в 336 и 340 гг., посещал Коринф: в первый раз по дороге в Спарту (Лакедемон) на праздник Артемиды Ортии, второй раз при посещении мистерий в Аргосе (см. Or. 1. 23). — *Примеч. ред.*

¹⁴ ἔν. Значение и употребление предлогов у Либания приближается к позднему, византийской поры. Употребление здесь предлога ἐν ср. 241, 12, 391, 15, 554, 3, vol. III 315, 17, 329, 10, IV 218, 13, 251, 12. То же ὅλο vol. II 109, 22.

¹⁵ Карьера Флавия Евгения фактически известна лишь из надписи, найденной в Риме (CIL. 06. 1721). Он занимал должность комита domesticum ordinis primi, затем магистра оффиций при имп. Константе (вероятно, в 342–349 гг.), имел титул vir clarissimus. Женат он был на родственнице Менандра, отца Аристофана (§ 10), с которой познакомился, скорее всего, в Риме, членом сената которого был Менандр (§ 5–6). Евгений был номинирован в консулы, но в должность не вступил (в надписи назван консулом-десигнатом), вероятно, вследствие смерти ок. 349 г. После смерти Евгению на форуме Траяна в Риме была поставлена статуя, от которой и сохранилась упоминаемая надпись (вероятно, по указанию его покровителя имп. Константа), разрушенная при выступлении Магненция и восстановленная при императорах Констанции II и Юлиане. — *Примеч. ред.*

¹⁶ Имеется в виду Флавий Юлий Констант, младший сын имп. Константина Великого. Еще при жизни отца, в 335 г. получил в управление Иллирию, Италию и Африку. Вскоре после смерти отца, в 340 г., Констант вступил в борьбу со своим братом, Константином II, которого разгромил в битве при Аквилее (Константин был убит). В результате Констант присоединил к своим владениям удел брата — Британию, Галлию и Испанию. — *Примеч. ред.*

люди на всё готовы были зариться, и всё расхищали, принуждая или уступать имуществу желающему, или наживать себе тяжбу¹⁷, — Аристофан, на первое не соглашаясь — убыток предстоял немалый, — а второго опасаясь, уходит в бега из своего города, рассчитывая таким путем сохранить и землю, и жизнь.

11. Какие козни тот на него пустил в ход и как он в попытках получить его в свои руки не воздержался ни от каких средств, о насилии, беспорядках, какими он преисполнил ему поместья и дом, не стану говорить. Если и умалчиваю, ты все равно понимаешь это, зная обстоятельства, в каких жили тогда крупные владельцы¹⁸.

12. Очутившись в Сирии, остановившись и отдохнув, он прибегает не к людям более сильным, но к живущему среди книг Фортунатиану¹⁹, полагая, что со стороны эллина — так его следует назвать — он встретит некоторое внимание. Так и вышло. Услыхав, откуда он явился и как, что вытерпев и чего опасаясь, он принимает человека с обходительностью и путем звания²⁰ ставит его в безопасное положение²¹.

13. А он, будучи уже воином, без физической подготовки к таким трудам, не раз на конях проезжал по населенному миру, внося быстроту в случаях настоящей потребности, и ниче-

¹⁷ πολέμεισθαι здесь в смысле ἀγωνίζεσθαι.

¹⁸ οἱ δυναστεύοντες ср. Monnier, Etudes de droit byzantin, цит. т. I, стр. 515 [315, 1] след.

¹⁹ Фортунатиан — влиятельный языческий философ, был придворным до 371 г., когда был назначен комитом (comes rerum privatarum). Он был школьным товарищем Либания (Or. I. 138), и оратор в Ер. 1147 благодарит его за то, что с его помощью «прошла мимо туча» после смерти Юлиана. Либаний сознательно подчеркивает интеллектуальность Фортунатиана и именует его «эллин-ном», чтобы привлечь симпатии Юлиана (ср. далее, § 27). — Примеч. ред.

²⁰ σχῆμα в смысле звания, должности ср. 103, 8; 211, 3; 281, 294, 10, vol. III 90, 17; 443, 11; 480, 3; IV 362, 4.

²¹ ἄδεια давала служба agentis in rebus, ἀγγελαφόρου. О нем см. orat. XVIII, § 135 и др. (Эта должность гарантировала Аристофану иммунитет от куриальных обязанностей. — Примеч. ред.)

го из того, что необходимо было узнать поскорее, Констанций из-за его медлительности не слышал позже, чем следовало, разве если случалось ему, упав, получить увечье, что и само признак поспешности.

14. Получая похвалы за труды, он отказывался от предлагаемого заработка, и нет никого, кто покажет на него как не бывавшего в действительности наблюдателем над мулами²², вестником префектов, курьером победы, как не исполнявшего на самом деле ни одной из подобных служб, что города губило, а мнимых служак отправляло с повозками, нагруженными золотом²³. Но Аристофан не пожелал присоединить к отцовским таким денег, но содержал себя на чужбине на свои средства и избежать опасности считал достаточной и подобающей свободному человеку выгодой.

15. Когда он облюбовал такой образ жизни, на беду Парнасий возжелал власти над Египтом²⁴, и Аристофан сделался участником его доли; он последовал за ним, будучи послан Музонием²⁵, почему, не знаю, знаю только то, что его постигло то, из-за чего

²² См. особ. orat. XVIII, § 143 след., т. I, стр. 348 [564].

²³ Дело идет, очевидно, о случаях фиктивной службы, простого зачисления в ряды агентов почты, причем такие лица сберегали у себя в кармане средства, которые должны были идти на расходы по содержанию почтовых мулов и проч.

²⁴ Парнасий был префектом Египта в 357–359 гг. В 359 г. он был привлечен в качестве обвиняемого к масштабному следствию, проводившемуся в Скифополисе (Палестина) по фактам обращений о предсказаниях к оракулу в городе Абид (Египет). Обвинение было тяжким, однако Парнасий отделался ссылкой (Amm. Marc. XIX. 12. 1–10; Аммиан симпатизирует Парнасию, именую его человеком прямым и честным). Из текста Либания можно понять, что Аристофан был привлечен к суду в том числе как приближенный префекта Египта, — Парнасий, родом из Патр, города в Ахайе, был сводным братом Менандра, отца Аристофана. Вскоре Парнасий вернулся в Коринф, информацию о чем мы находим в письме Либания (Ер. 822). — *Примеч. ред.*

²⁵ Музоний изучал риторику в Александрии, затем некоторое время успешно преподавал в Афинах. Впоследствии Музоний пошел на административную службу и в 367 г. погиб в бою с исаврийскими разбойниками, будучи викарием провинции Азия (Amm. Marc. XXVII. 9. 6; Eunap. V. S. 493). Возможно, что в 357/358 г. он занимал административную должность в префектуре

он до сих пор, государь, проливает слезы: он был обвинен в присвоении небольшой суммы денег, да и ее не взял, однако получил много тяжких ударов и в разных местах земли, свинцовыми шариками, ударов, которых, по мнению Павла²⁶, достаточно было для того, чтобы причинить смерть. И вместе и это потерпел, и отправлял у коринфян повинность так называемых преторов. Так решил Анатолий²⁷.

16. Итак, обвинение заключалось в том, что он ввел к Парнассию гадалателя, из тех, что обладают искусством предсказания по звездам, дабы он сообщил нечто из того, о чем узнавать не полагается. Он же, признавая, что ввел, но утверждая, что гаданье ограничилось личными делами Парнассиа, был подвергнут всяческому принуждению, раздражив чем-то против себя Павла, словами, которые тому были поделом, но которые тогда лучше было умолчать.

17. Когда эта трагедия дошла до третьего года и едва достигла конца, прочим настало избавление, один он наказан был ограничением права выхода определенными пределами²⁸; он и послан бы

Востока, позволяющую давать непосредственные указания *agentis in rebus*. — *Примеч. ред.*

²⁶ Имеется в виду нотариус Павел, имевший прозвище «Катена» (цепь), которого имп. Констанций направлял на расследования действительных и мнимых заговоров, в ходе которых он проявлял исключительную жестокость (Amm. Marc. XIV. 5. 6–9; XIX. 12. 5). Этот Павел был одним из основных участников осуждения и казни Галла, брата имп. Юлиана, и практически сразу после прихода самого Юлиана к власти Павел был казнен. Упоминание Павла в качестве недоброжелателя Аристофана также должно было склонить Юлиана в пользу доверителя Либания. — *Примеч. ред.*

²⁷ Анатолий был префектом претория Иллирика в 357–360 гг., и его юрисдикция распространялась в том числе и на вопросы муниципального управления в Коринфе. В данном случае исполнение затратных литургий, обязательных для занимающего должность стратега, использовалось в качестве наказания. Анатолий был одним из приближенных Юлиана, магистром оффиций, поэтому Либаний, состоявший с ним в переписке, оставил его имя практически без комментариев, поскольку в деле Аристофана Анатолий сыграл отрицательную роль. — *Примеч. ред.*

²⁸ Это дело было прекращено со смертью имп. Констанция в конце 361 г. Наказанием Аристофана было *relegation* (ссылка с сохранением прав гражданства). — *Примеч. ред.*

был в оковах, если бы кто-то из богов не остановил этой незаконной — дозволишь ли мне так выразиться пред тобою? — тирании.

18. После борьбы с такими циклопами Аристофан, государь, просит тебя, и мы просим вместе с ним, послать его к близким в радости и так, чтобы он мог проводить жизнь достойно своих предков.

19. «А кто, — скажешь ты, — мешает ему идти?» Многое и важное. Тюрьма, бичеванье, лишение прав, обнажение для пытки, чуть не приближение шеста к спине, если бы Модест не соблаговолил того, что он крикнул для предотвращения пытки²⁹. Вот что ему препятствует, вот что связывает, вот что разлучает с близкими. Если кто-нибудь этого не устранил, он увидит всякий город, но не свой.

20. Ведь не одна только пытка, государь, покрывает бесчестием претерпевших ее, но и тот, кто близок был к ней, теряет неприкосновенность своей гражданской чести. И если вступит с кем-нибудь в спор и соревнование, слышит, подобно претерпевшим: «Из тюрьмы вышедшему, с пытки, затылком одолевшему наковальни, говорить в сенате об общественных делах, в то время как ему подобало бы говорить в камере заключенным о виселице?» Вот что, может быть, скажет иной из ныне видных людей, а когда-то ухаживавших за слугами Менандра. А этот человек тут проклянет Модеста, не отрубившего ему голову.

21. Как же исправить это? Как свершившееся вернуть назад? Уничтожить это, государь, чтобы того, что было, не было, невозможно, но можно загладить бесчестие, отсюда происшедшее. Врача тому другого нет, ты один. Раз у тебя явится мысль украсить этого человека каким-либо почетным званием, позор покрыт, худая слава затенена, он становится известным, обладает свободой слова, сбросил с себя позор.

²⁹ Флавий Домиций Модест, комит Востока в 358–362 гг., состоявший в переписке с Либаием (Ер. 364, 791). Модест был направлен для участия в следствии по личному указанию императора, как и Павел Катена (Аmm. Marc. XIX, 12, 6). В дальнейшем, уже при Юлиане, Модест стал префектом Константинополя, а затем, в 369–377 гг. был префектом претория Востока. — *Примеч. ред.*

22. Сверх того, что второму естественно одолевать первое, как сказал Пиндар³⁰, то обстоятельство, что почтивший стоит выше опозорившего, обладает большой силой для предания забвению унижения. И представится, что одно даровано по правильному суждению, а второе — промах, вызванный безумной жестокостью. Когда же все убедятся, что то, что он претерпел, было несправедливостью, они не будут более корить его за то, чему он подвергся, так как это произошло без вины с его стороны.

23. Таким образом, тебе возможно уничтожить беславие дома, соделав третье подобным первому. Когда оно уподобится первому, среднее и неприятное отступит назад, и никто не станет твердить о Констанции и тюрьме, но о тебе и почести.

24. Какова же она могла бы быть, сам решишь, а мы будем признательны. Как легко дать ту, какую угодно будет предоставить, так тебе легко найти такую, какой подобает быть данной. Много, государь, способов почести, в коих можно получить высшую или низшую. А мы не станем спорить из-за меры. Во всяком случае, что бы ты ни дал, будет в честь получившему, и нет ничего малого или скромного в числе того, что даруется благородной и божественной душою.

25. Если же кто-нибудь назовет нас назойливыми и желающими навязать тебе больше, чем необходимо, помощь положению отдельных людей, как будто недостаточным бременем являются заботы о городах, пусть знает, что не имеет понятия о самом важном из твоих достоинств. Это то, что твоя дума простирается до каждого рода и человека. Ведь людям более ограниченного ума трудно выслушивать чью-нибудь речь или вести беседу и о целом государстве, а человек великого духа, мы видим, радуется обилию подлежащих ему дел.

26. Итак, царь наш воссядет для рассмотрения, каково положение того, другого, и потщится изменить скорбные? Но как

³⁰ См. Pind. Ol. II. 15–18: «Все, что было, и правое и неправое, Не станет небывшим, не заменит исхода Даже силою времени, которое всему отец; Но милостивый рок может погрузить его в забвенье» (пер. М. Л. Гаспарова). — *Примеч. ред.*

же сможет? Лучше всего было бы, если бы было возможным обо всем самому и расспрашивать, и обдумать, и изменить то, что не удовлетворительно. Но так как это менее возможно, чем сосчитать песок, нужно по крайней мере не оставить без попечения людей, более способных и несчастливых вопреки своему достоинству. Одним из них является Аристофан. Многое приходит ему на помощь, и он не последний из мисийцев³¹, но такой человек, который способен к ревностной службе тем, кто берется его облагодетельствовать. Что для тебя немаловажны его обстоятельства, легко понять.

27. Во-первых, он грек, государь. А это значит быть одним из предметов твоего пристрастия. Ведь нет ни одного такого горячего поклонника своего отечества, как ты любишь почву Эллады, принимая во внимание ее храмы, законы, искусство слова, мудрость, таинства, трофеи над варварами.

28. Если это является немалым преимуществом Аристофана, даже когда бы он был мегарянином, или милосцем, или лемнийцем³², то еще больший повод к почтению к нему представляет город его. Он — коринфянин. И я не направлю речь на мифы, не стану излагать тебе спора Гелиоса и Посейдона³³ или эпиграмм, коими почтены по погребении умершие в морских сражениях³⁴,

³¹ Мисия — область в малой Азии, на побережье Пропонтиды. Упоминание мисийцев в данном контексте восходит к характеристике в греческой традиции мисийцев как слабых и женоподобных (см. Plat. Theaet. 209 b). — *Примеч. ред.*

³² Мегары — город на Пелопоннесе, между Коринфским и Саронским заливами; Мелос — дорический остров в Эгейском море, в группе Кикладских островов, с одноименным городом; Лемнос — остров в северной части Эгейского моря. Упомянутые города являются злополучными, согласно пословицам — см. у Феокрита (XIV. 49): «Мы, как мегарцы-бедняги, обижены горькой судьбою»; в «Птицах» Аристофана: «Богов мелийским голодом уморите» (186), пр. — *Примеч. ред.*

³³ Речь идет о распространенном коринфском мифе, согласно которому Посейдон оспаривал у Гелиоса Коринф, но потерпел поражение. — *Примеч. ред.*

³⁴ По всей видимости, речь идет прежде всего об эпиграмме «Эпитафия коринфянам, павшим при Саламине» Симонида (556–468 г. до н. э.), чьи произведения были широко известны и в последующие эпохи: «Странник, мы жили когда-то в обильном водою Коринфе, Ныне же нас Саламин, остров Аянта,

ни справедливость города и то, что он всегда был на стороне обиженных, не потому, чтобы это было не важно для славы обладателям его, но потому, что могу сказать кое о чем, что доблестнее этого.

29. Припомни себе, государь, то письмо, которое ты послал коринфянам, против воли вступив в войну, захватив уже большую часть царства, но еще не достигши конца. В нем ты называешь коринфян прямо благодетелями своими. Но мне нужна самая та часть письма. Мы доставим им удовольствие слушателям³⁵.

30. «У меня к вам отцовская дружба. Ведь у вас жил мой отец и, оттуда выехав, как от феаков Одиссей³⁶, избавился от этого многолетнего странствования». Затем, немного распространившись о злодейке-мачехе³⁷, «здесь», говоришь ты, «отец мой отдохнул»³⁸. Это важно для коринфян, как для афинян предание о странствовании Деметры³⁹.

хранит; Здесь победили мы персов, мидян и суда финикийцев И от неволи спасли земли Эллады святой» (пер. Н. А. Чистяковой). — *Примеч. ред.*

³⁵ Манифест Юлиана, аналогичный «Посланию к Афинянам» (см. Amm. Marc. XXI. 10. 7; Zos. III. 10). Процитированный Либанием фрагмент является единственной сохранившейся частью данного послания. — *Примеч. ред.*

³⁶ Феаки — в греческой мифологии обитатели мифического острова Схерия. Они отличались гостеприимством и мастерством в кораблевождении и поэтому считали своим долгом отправлять на родину моряков, попавших к ним в результате кораблекрушения. Одиссей был заброшен бурей на их остров, встретил радушный прием у царя феаков Алкиноя, получил дорогие подарки и был отправлен феаками на быстроходном корабле на родину (Homer. Od. VII. 139–187; XIII. 4–15; 125–187). — *Примеч. ред.*

³⁷ Имеется в виду Елена, konkубина (гражданская жена) Констанция Хлора, мать Константина Великого и мачеха Юлия Констанция, отца Юлиана. — *Примеч. ред.*

³⁸ Пребывание Юлия Констанция в Коринфе имело место в период 325–330 гг. — *Примеч. ред.*

³⁹ Либаний имеет в виду миф о возникновении Элевсинских мистерий, важнейшего религиозного праздника Афин. Согласно преданию, Деметра, скорбящая об утрате дочери Персефоны, похищенной Аидом, странствует в поисках дочери, приняв образ доброй старушки. Придя в Элевсин, в дом царя Келея и его жены Метанеры, она встречает ласковый прием и воспитывает царского сына Демофонта. Желая сделать мальчика бессмертным, богиня

31. Итак, считай Аристофана одним из принявших твоего отца. Ведь он, полагаю, был одним из первых и из распорядителей города, так что немало из общественных действий восходило к нему. А самое несообразное, если целому городу испорченность одного человека служит, по Гесиоду, в позор⁴⁰, а доблесть целого города не могла бы принести пользы одному человеку.

32. Допустим. Но Гиерия и его брата, если бы они были живы, разве бы ты не держал при себе, как тех двух, божественных, одного из Эпира, другого из Ионии?⁴¹ Что же? Разве не думаешь ты, что они всё бы сказали и сделали в защиту Аристофана? Конечно. И они негодовали бы, что он вынужден облечься в наряд воина, и, улучив благоприятную минуту, позаботились бы о некотором улучшении его положения.

33. Поэтому, если ты не слышишь голоса дядей Аристофана, не думай, что менее угодишь обоим им, если дашь то, что им желательно. Правда, они вне условий беседы с нами, но пред теми, кто сильнее людей, с кем они теперь в общении, они вспомнят о твоей милости.

34. Как же не возмущаться, если Александр, и притом гневаясь на фиванцев, как ты знаешь, уважил сородичей Пиндара за музу Пиндара⁴², а Аристофану не принесет никакой пользы ни

натирает его амброзией и закаляет в огне. После того, как Метанира случайно увидела эти магические манипуляции, Деметра покидает дом Келея, открыв свое имя и приказав построить в свою честь храм. — *Примеч. ред.*

⁴⁰ Гесиод (VII в. до н. э.) — один из древнейших и известнейших греческих поэтов, знание произведений которого, как и трудов Гомера, было обязательно для любого образованного человека. Данный фрагмент позаимствован из поэмы «Труды и дни» (240): «Целому городу часто в ответе бывать приходилось За человека, который грешит и творит беззаконье» (пер. В. Вересаева). — *Примеч. ред.*

⁴¹ Имеются в виду приближенный Юлиана Приск из Эпира и учитель Юлиана Максим из Эфеса. — *Примеч. ред.* Cf. § 34; orat. I, § 123, orat. XIII, § 12. Amm. Marc. XXV, 3, 23.

⁴² В 335 г. до н. э. Александр Македонский, восстанавливая македонскую власть над Грецией, взял штурмом восставшие против македонян Фивы. Желая преподать урок остальным грекам, а также идя навстречу своим союзникам, требовавшим уничтожения города, Александр приказал срыть город

философия дядей, ни тех, кто близки к тебе, с которыми ты обращаешься одинаково, как с родителями. То, что я теперь говорю, считай, говорит Максим, увещевает Приск. Если не веришь, спроси их. Ты видишь, как они желают, чтобы этот человек получил какую-нибудь милость?

35. Но и Элпидий⁴³, которому в философии приходится уступать первенство упомянутым двум и кто в ревности к божеству и в любви к тебе больше всего похож на них, и он заботится о деле Аристофана не как о чужом, но и оно одно из тех, что причиняют ему бессонницу, и доставит удовольствие, если исполнится.

36. С ними достойный и благородный Феликс, этому человеку старый приятель, богам же недавно друг, причем в познании высших существ ты был ему руководителем⁴⁴. Всякий раз как он видит своего знакомого, он совестится, так как еще не устранил ни одного из его бедствий.

37. Присоедини к нему честного и всех людей привязавшего своею добропорядочностью Дориона⁴⁵, которому радость от других причин ослабляет отсутствие перемены в положении этого человека.

до основания, а жителей продать в рабство. Однако из уважения к Пиндару, знаменитому греческому поэту V в. до н. э., Александр приказал сохранить дом поэта и не трогать его потомков (Arr. I. 9. 9; Plut. Alex. 11). — *Примеч. ред.*

⁴³ Элпидий был одним из приближенных императора Юлиана, язычником (как сообщает Филосторгий, его даже прозвали «жрецом Элпидием»), обращенным из христианства под личным влиянием Юлиана. В тот период, будучи комитом частных дел, он находился в должности препозита — смотрителя царского дворца (Theodoret. III. 12. 3; Philost. H. E. VII. 10). Либаний недаром его упоминает — этот влиятельный придворный принимал живое участие в деле Аристофана (см. Ер. 758). — *Примеч. ред.*

⁴⁴ Ср. т. I, стр. 344, 1 [559, 152]. (Феликс, комит частных дел, в тот период находится в должности хранителя государственной казны (Philost. H. E. VII. 10; Theodoret. III. 12. 3). Он был также приближенным Юлиана, влиятельным придворным, перешедшим в язычество заботами Юлиана, как и некоторые другие (ср. Or. XVIII. 125). В конце 362 г. Феликс неожиданно умер, что было расценено и самим Юлианом, и многими антиохийцами как дурное предзнаменование (Amm. Marc. XXIII. 1. 5). — *Примеч. ред.*)

⁴⁵ Ср. ер. 735. (Дорион известен лишь из переписки Либания (Ер. 735; 823). — *Примеч. ред.*)

38. Да и сам произносящий сейчас речь не лишен у тебя почета, а с этим человеком близок, с того времени, когда, читая нечто из моих произведений в Лицее, он подвергся избиению камнями со стороны тех, которые не находили, что чтение это полезно им⁴⁶, и, поступая так, он угождал не столько мне, как тому, кто радуется моим речам. Ты сам мог бы быть таковым. Значит, и сам ты обязан был бы благодарностью ему вместе со мною. Итак, если я оплачиваю ему свою речь, ты отплати делом.

39. Столько просящих, и все друзья, и полагаю, если бы у прочих не было ни малейшего интереса к делу, но был бы один кто-либо из перечисленных, кого несчастье этого человека огорчало, и этого одного ты уважил бы. Таким образом, если бы ты дал милость одному, государь, неужто не дать ее стольким и не признать показанием порядочности Аристофана хор таких свидетелей? Они и не могли бы не знать, если бы он был негоден, и не стали бы хвалить перед тобою оказавшегося бесчестным.

40. Ведь если он и друг, но не более близкий, чем ты, и его интересы не ближе им к сердцу, чем твои, да и все и дела всех не таковы для них и да не будут таковыми. Итак, если кому помогают безнравственные люди, не считай их схожими с теми, кто

⁴⁶ Вражда в Афинах между группировками, поддерживающими различных риториков, была общеизвестна (см. Ор. I. 19–20). Вот как о времени ученичества Юлиана в Афинах пишет Евнапий: «Ибо в те времена в Афинах между гражданами города и учащейся молодежью была такая вражда, что город впервые после древних войн почувствовал за своими стенами опасность. В результате ни одному софисту не позволили ходить в город и выступать перед публикой, так что они были вынуждены ограничить свою деятельность выступлениями в частных амфитеатрах и здесь проводили занятия с учениками. Так они избежали опасности для своей жизни и могли, не рискуя, получать одобрение и похвалу за свое красноречие» (V. S. 483; пер. Е. В. Дарк и М. Л. Хорькова). Позднее Либаний сожалел об отсутствии подобной поддержки со стороны своих учеников (Ор. III. 22–23). Ликей — философская школа, основанная Платоном в 380-х г. до н. э. Ликей представлял собой земельный участок за пределами городских стен Афин, где находился сад для прогулок и различные строения — святилище Муз, экседра (крытая галерея с сидениями, где проходили выступления и дискуссии), небольшие помещения для проживания учеников. — *Примеч. ред.*

помогает, и не считай опять-таки безнравственным того, за кого держат речи люди, известные тебе с лучшей стороны.

41. Если бы одно это было в пользу Аристофана, что у него нет недостатка в защитниках из людей, пользующихся твоим доверием, я бы, может быть, пребывал в некоторой нерешимости. Но в действительности, государь, он одного с нами молил, одно с нами ненавидел, к одному и тому же горел желанием. Он явился к остаткам храмов, принося с собою не ладан, не жертву, не огонь, не возлияние — этого нельзя было⁴⁷, — но страдающую душу, но голос с рыданием и слезами, будящий слезы, и со взором, потупленным в землю, — взирать на небо было опасно, — молил богов прекратить причину гибели вселенной, а блага галлов сделать общими всей земле⁴⁸.

42. И немало людей сделал он сообщниками себе в этой молитве, внушая вражду к тому и склоняя их в ряды наших, и в собраниях распространялся в небезопасных, но для себя приятнейших речах, празднуя, раньше наступления торжества, каково будет состояние войска, каково — городов, каков дворец, каковы качества правителей, каково состояние искусства слова, состояние Азии, состояние Европы, самое важное, — положение религии.

43. Он сказал в одном месте, что первый будет счастлив той порою. Итак, подтверди ему и надежду, и пророчество, и не презри его, осмеиваемого теми, кому он твердил о своих ожиданиях. Нужно, чтобы те, кто пожелали быть всему миру твоим, имели некоторые преимущества.

44. Затем, что всем процветают дела курии, и численностью прибавившихся сочленов, и размером расходов, и восстанов-

⁴⁷ О запрете жертвоприношений в языческих храмах как минимум с 341 г. см. Cod. Theod. XVI. 10. 3. — *Примеч. ред.*

⁴⁸ «Причина гибели вселенной» — это о правлении Констанция, а «блага галлов» — о благоденствии Галлии под управлением цезаря Юлиана. В следующем параграфе Либаний рассказывает об оппозиционной, «подпольной» деятельности язычников в период после назначения Юлиана цезарем, однако сложно точно определить, является ли этот рассказ описанием реальных событий или перед нами гипербола Либания, созданная в интересах своего подзащитного. — *Примеч. ред.*

лением прежнего сана, в этом все согласны⁴⁹. Аристофан же, и это понимая и не считая маловажным стать во главе своего города и охранять отечество, и приумножить средства своего дома, уклоняется от председательствования и от декурионата. Но почему не может он делать того, что считает подобающим, я объясню, и если ты уличишь меня во лжи, не давай мне другого свободного слова.

45. Его состоянию повредил, государь, во-первых, Евгений, внушивший страх управителям и пригрозивший, что, кто не бежит, погибнет под ударами и притеснениями, затем он — своими далекими и долгими отлучками, благодаря которым деревья порублены, земля оставалась необработанной, из рабов одни бежали, другие приучились к праздности, третьи — к разбою⁵⁰, жена же могла бы только оплакивать подобные потери, но исправить нимало. Последним ударом⁵¹ было то, что, сколько было утвари в доме, она всю подряд сбыла, так как он присылал за деньгами и отдавал перебивать в монету посуду⁵², улагодворяя этим многих отовсюду напивавших на него волков.

46. Не должно удивлять, если такая длительность столь грозного бедствия изменила несколько отцовское благосостояние, но как он не продал с прочим и поместье, и дома, съедаемый столькими зверями. Кем же хочешь ты, чтобы стал этот человек по возвращении и что стал делать? Взяться за председательствование,

⁴⁹ Речь идет об эдикте от 13 марта 362 г., в соответствии с которым были ликвидированы злоупотребления *cursus publicus* (Cod. Theod. XI. 16. 10); восстановлен статус общественной собственности в городах (Cod. Theod. X. 3. 1); утвержден иммунитет от уплаты *collatio lustralis* и обеспечен набор новых членов в курии (Cod. Theod. XII. 1. 50). Аммиан Марцеллин считает, что при рекрутировании новых членов курии Юлиан зачастую допускал несправедливость, включая людей, чуждых данному городу, либо снимая иммунитет от повинностей с заслуженных лиц (XXV. 4. 21). — *Примеч. ред.*

⁵⁰ Подобные факты в судьбе крупных и мелких хозяйств отмечены и в письмах Либания, см. ep. 1372, ep. 1101 (об Евагрии), ep. 1393, ep. 1413. См. еще судьбу Диания и др. Ep. 153 (о Марасе).

⁵¹ σκλητός, ср. т. I, стр. XI, 4 [20, 48] (ep. 471).

⁵² Ср. о серебряной утвари, т. I, стр. 120 [255].

при бедности, государь? Громко, однако, восстенал бы под землею Менандр, если бы узнал, что сын его по недостатку денег многим, низшим его, уступил первую роль. Но чтобы попечением он излечил раны и, уже собрав деньги, тогда явился туда? Но кто из тех, кто этого самого боялись, как бы он постепенно не поправил состояние дома, потерпит это?

47. Нужна некоторая должность, благодаря коей, воспользовавшись некоторое время свободой от повинностей, он, уже окрепнув, приступит к ним. Ведь если бы ты сказал, что дашь простую свободу от повинностей на несколько лет, и этим подобает довольствоваться, не стану говорить о том, что последнее положение более смиренно, чем первое, и не способно удовлетворить подвергшегося такому испытанию, для тебя же эта мера не была бы предпочтительнее.

48. Очевидно, что, если он будет странствовать свободным от податей и ничем другим не доставляя от себя пользы, положение его покажется неравным и вызовет недовольство отправляющих повинности, когда он разъезжает зрителем их расходов, одинаково освобожденный и от литургий, и от всякой службы.

49. И ты найдешь многих, которые захотят добиться того же. Их не затруднит, конечно, подыскать основания для своей докучи. Но если дать им всем свободу от повинностей, ты повредишь городам, если же никому, кроме этого, многих огорчишь. А я хотел бы, чтобы все твои поступки были безупречны, как дела богов.

50. Итак, дабы масса коринфян, из-за дарованной Аристофану ателии⁵³, не избежали повинностей, а из-за коринфян аргивяне, спартиаты через аргивян не стали свободны от повинностей и каждое население из прочих благодаря соседям, пусть твоя рассудительность дарует Аристофану нечто такое, что принесет ему благовидное облегчение, а прочим не дозволит негодовать при своих расходах, что они терпят несправедливость.

⁵³ Греческий термин ἀτέλεια означает «освобождение от повинностей». — *Примеч. ред.*

51. Ведь если кто будет почтен иначе, они не будут иметь претензий, что и всем оказана та же честь, но припишут это способности получившего к тому делу, которое ему придется выполнять, участие же в свободе от повинностей найдется, кому расследовать, и их не сочтут нахальными. Итак, дабы за дарованием не последовало ничего неприятного, окажи этому человеку благодеяние некоторым другим способом.

52. Когда же вспомнишь о деньгах из Египта и признаешь Аристофана одним из укравших, я одобряю твою ненависть, что ты ненавидишь берущих, откуда не имеют права; ведь если ты гневаешься на тех, кто в прежнее время подобным образом наживались, то теперь ты не позволяешь даже помыслить о недобросовестных присвоениях; однако, государь, подвергни клеветы самому точному расследованию.

53. Так требуют законы. Нет надобности ни призывать сюда египтян, ни посылать туда обвиняемого, чтобы подвергнуть его отчету. Давно уже это обсуждено и расследовано, и кто хочет знать, того осведомят официальные документы. В них он обвиняется, что получил 211 статиров, не путем грабежа или вымогательства, но в качестве вознаграждения за некоторую услугу, как выразились клеветник, — это был клеветник, — желая взять не получить.

54. Когда же один не уличал, другой даже не обвинял, а помогал обвинителю в его своекорыстии, а из друзей присутствовавшие уговорили Аристофана лучше подвергнуться неправомерному штрафу, чем дальнейшему суду, он так поступил и, заняв деньги, сделал плодотворным обманщику его бесстыдство, так как дал деньги, и казалось, он тотчас очутился в руках многих, так как пример возбуждал множество подражателей.

55. Но как никто не представлял на него претензии, передав его воинам и вестнику с приказом вести его по всему Египту, и вестнику оглашать, чтобы, если кто-либо истратился на плату Аристофану, явился получить ее обратно, они отправили его. Но он, благодаря торжеству истины, одержал верх над природою египтян. Все видели, как его водили, все слышали возглас вестника, но никто не выступал.

56. А между тем, кто из тех, кто огорчен был, когда его вынуждали дать, не вернул бы в дом денег с удовольствием, тем более египтянин?⁵⁴ Мы видим, как они не то что даже медлят припомнить о том, что дали, но нимало не затрудняются взыскивать, чего и не дали. Но, полагаю, отсутствие хотя бы тени взяточничества и какого-либо основания к правдоподобному обвинению принудило к молчанию и дерзость клеветника.

57. Таким образом, эту сомнительную взятку нужно ли считать маленьким признаком более крупных, в которых никто не обвинил, или молчание во время оглашения тех, кто привыкли оговаривать, признать доказательством, что неправильно взведено было обвинение в малом? Ведь более естественно, что тот, кто не брал у других, не взял и этой взятки, чем чтобы позарившийся на эту воздержался от больших.

58. Каким образом, государь, корыстолюбивый почти ничего не уносит с собою из Египта. Ведь там вместе с Нилом течет и нажива, и источники ее не сокрыты⁵⁵. А он был так жалок, и падок на деньги, и неопытен в наживе, что из-за двухсот статиров решился подвергнуться позору, связанному с риском?

59. В самом деле, если бы, стремясь к получке, затем не имея власти к содействию кому-нибудь, он не имел и давальца, эта слабость ему в защиту. А если, будучи властен зарабатывать с разных сторон, он не пользовался силою для дохода, как мог бы он лучше проявить свое бескорыстие? Или какому государю, поручив ему управление, пришлось бы винить себя.

60. Я порадовался, когда кто-то сказал со стороны обвинения, что Аристофан был в сделке с какой-то гетерой, из женщин, работающих на сцене. Я не знаю, право, каких бы речей он стал искать раньше этих, если бы он был адвокатом.

⁵⁴ Либаний, как и большинство других античных авторов, был весьма критично настроен по отношению к египтянам, — ср. пословицу о подражании египтянам в Suid. s. v. Αἰγυπτίαζειν. — *Примеч. ред.*

⁵⁵ В отличие от истоков самого Нила: Геродот рассказывает, что никто из египтян, ливийцев или эллинов не мог ему ничего сообщить о них, кроме храмового писца в городе Саисе, однако его рассказ вызвал у историка определенные сомнения (II. 28). — *Примеч. ред.*

61. Рассудим: если бы я, сочиняя сейчас похвальное слово Аристофану, вместе с прочими дойдя до похвалы на тему о воздержанности, так бы приблизительно развил ее: «Однако этот человек, прошедши множество стран и быв в обращении с разнообразным народом, в молодых летах, когда страсти особенно своевольно властвуют над душою, не покушался, презирая законы, на неприкосновенность супружеств, не разлучал тех, кого сочетала Гера, не расстроил брачного закона Зевса⁵⁶, не удовлетворил своей похоти обидою другим, но облегчал природные инстинкты среди женщин, отдавшихся во власть Афродите», скажи мне, если бы я в таких словах возвеличил этого человека, разве бы ты счел, что я не знаю методов хвалебных речей или того, как достаточно выставить на вид душевные качества?

62. Ведь если бы также Аристофан утверждал, что он философ и созерцает небесные явления и владеет этими божественными знаниями, геометрией, астрономией, музыкой, арифметикой, Платоном, Пифагором⁵⁷, и заявлял бы, что он поработил чувственные удовольствия и признавал себя далеко выдающимся среди прочих⁵⁸, естественно было бы его порицать, когда бы он оказался на деле хуже, чем ему подобало. Но если он один из риториков или, если угодно, воинов, на каком основании искать у него совершенств иерофанта⁵⁹, когда надо хвалить, если он удовлетворялся законными связями?

⁵⁶ Гера — в греческой мифологии сестра и супруга Зевса, является блюстительницей законных брачных устоев семьи. Зевс Олимпийский в эллинской традиции дает людям законы в различных сферах жизни. — *Примеч. ред.*

⁵⁷ Пифагор в античной традиции был символом мудрости. Его сочинения не сохранились, в отличие от трудов Платона, однако его философское наследие тщательно изучалось философскими школами, прежде всего в Сирийской и Пергамской школах неоплатонизма. — *Примеч. ред.*

⁵⁸ Либаний подчеркивает высокий престиж философии, что особенно дальновидно перед лицом такого поклонника философии, как Юлиан. Сам Юлиан разделял философию и риторику, ставя первую несравненно выше второй, как это можно понять из комплемента, сказанного им Либанию (Or. I. 135). — *Примеч. ред.*

⁵⁹ Греческий термин *ἱεροφάντης* означает «верховный жрец». К примеру, иерофант Элевсинского храма (чей статус был определяющим и для Либания, и для

63. Я сказал бы, что не было бы грехом, если бы его заботами восстанавливались и те храмы, которые низвержены. Право, я вижу, что он воздержаннее немалою числа тех, кому сейчас поручено это дело⁶⁰, и, не оскорбив никого из богов, никого не отвратил от культа им.

64. Но для какой цели лучше использовать труд Аристофана, ты сам уже, как я сказал, обдумаешь, но смягчи ему, ради Зевса, государь, суровую судьбу, обрушившуюся на него и низвергшую его в бездну унижения, и соделай ее более сносной, протяни руку измученному человеку, привязанному к искусству слова, посвященному в таинства, питомцу Пейрины⁶¹, дорянину⁶², корин-

Юлиана, «питомцев» Афин) в поздней традиции ставился наравне с богом, demiургом-творцом (Porph. apud Euseb. Praep. ev. III. 12. 3). — *Примеч. ред.*

⁶⁰ Так же, как и сам Юлиан, который был образцом для жрецов. В письме, написанном во время пребывания в Антиохии некоему жрецу, Юлиан подробно описывает свои требования к ним: «Поддержание законообразного и справедливого поведения есть, очевидно, дело политиков, твоя же задача состоит в том, чтобы увещевать граждан не преступать законов богов, ибо они священны. Поскольку же жизнь жреца должна быть более святой, чем жизнь политическая, то ты должен вести [людей] к такой жизни и в ней наставлять... Итак, прежде всего ты должен упражняться в человеколюбии, ибо из него происходят и иные многие блага, более того, выдающееся и величайшее благо — милость богов... Изю всех сил следует держаться благочестивых дел, приступая к богам с благоговением, не произнося и не слушая ничего постыдного. Священники должны сохранить себя в чистоте не только от нечистых и постыдных деяний, но также от произнесения или слушания о подобных вещах. Соответственно должны быть исключены все мерзкие шутки и распутные беседы...» (288 с — 289 б; 300 с; пер. Т. Г. Сидаша). — *Примеч. ред.*

⁶¹ Источник ок. Коринфа, Paus. II 2, 3; 3, 2; Herod. V 92. (Пейрена является местным божеством, речной нимфой, дочерью Ахелоя (божества реки). От Посейдона она родила двух сыновей, Лехея и Кенхрея, и Кенхрей был случайно убит Артемидой. Тоскуя об убитом сыне и проливая потоки слез, Пейрена превратилась в источник. Его подробное описание оставил Павсаний (II. 3. 2–3). — *Примеч. ред.*)

⁶² Isocr., Archid., § 16, p. 119 а. (Подобное упоминание дорийского происхождения жителей Коринфа, совершенно потерявшее свое значение в римскую эпоху, является аллюзией к классическим греческим авторам, отлично известным и Либанию, и Юлиану. Так, этот вопрос освещен у знаменитого афинского оратора IV в. до н. э. Искората, который вложил свою речь в уста спартанца Архидама, сына правящего в Спарте, дорийском полисе, царя Агесилая:

фянину, жрецу Харит⁶³, заботливому к друзьям, не принявшему должности, исходившей от непочтения к богам.

65. За какую бы только цену не купил тот Георгий⁶⁴ узреть его перебежчиком и ставшим на возвышение, откуда они наставляют старух, чтобы открыть и осмеять таинства демонов, Ино, сына ее, Кабиров, Деметры?⁶⁵ Какой бы Египет он не отдал без

«Прежде всего, я думаю, нужно вам объяснить, каким образом мы овладели Мессений и по какой причине вы поселились в Пелопоннесе, будучи в древние времена дорийцами» (пер. Е. А. Миллиор). — *Примеч. ред.*)

⁶³ Хариты — в греческой мифологии благодетельные богини, воплощающие доброе, радостное и вечно юное начало жизни. Классические имена этих трех богинь — Аглая, Евфросина и Талия, однако в традиции известны и другие богини-хариты. Существовали святилища Харит в Спарте и в Афинах, где у их статуй перед входом в Акрополь совершали тайные служения (Paus. IX. 35). — *Примеч. ред.*

⁶⁴ Ер. 205, александрийский (ср. в этой речи, ниже, об Египте) епископ Георгий. Jul., ер. 10. Amm. Marc. XXII 11, 3–8. (Имеется в виду Георгий Каппадокийский, арианский епископ Александрии. Георгий был сыном мастера-шерстобитчика из киликийского города Епифании, служил в армии по хозяйственной части (Григорий Богослов называет его приемщиком свиного мяса, а Афанасий Великий — вообще приемщиком казенных вещей). Он умел угождать Констанцию доносами и мнимым усердием в государственных делах (Amm. Marc. XXII. 11. 5–6). После прибытия в Александрию Георгий начал репрессии как против православных, так и язычников. Кроме того, он захватил в свои руки соляной промысел и промысел селитры, поставил под свой контроль добычу папируса и тростника. Он распорядился, чтобы никто, кроме поставленных им людей, не мог хоронить умерших, и за похороны собирал деньги (Eriphan Naer., 76). Ожесточившийся народ напал на него в церкви Дионисия 26 августа 358 г. и угрожал умертвить. Георгий был вынужден покинуть город. Но вскоре в город прибыл военачальник Севастиян с войском для поддержки ариан, а в 359 г. в Александрию прибыл нотариус Павел с указом в поддержку Георгия и для наказания виновных в выступлении против него. Естественно, что эти действия не прибавили популярности Георгию. Он же в это время вернулся в Каппадокию, но 26 ноября 360 г. опять прибыл в Александрию. 24 декабря 361 г. в Александрии было получено известие о смерти имп. Констанция и вступлении на престол Юлиана. Георгий был тут же схвачен народом и заключен под стражу. Вскоре его убили, а труп возили по городу на верблюде и потом сожгли. — *Примеч. ред.*)

⁶⁵ Ино — в греческой мифологии одна из дочерей Кадма, супруга беотийского царя Афаманта. Супруги взяли на воспитание младенца Диониса и всюду провозглашали его божественность. За это ревнивая Гера наслала на

размышления за это издевательство? У каких бы евнухов не сделал он сильным этого человека? Будь уверен, он коснулся бы и головы Констанция, если прислонял свою к Георгию.

66. Но ни за власть, ни за деньги, ни за безопасность, ни за надежды не предал он самое благородное достояние эллинов, но и в самых судебных заседаниях, когда нужна была клятва, клялся богами, строго соблюдая свое место спартиата в строю⁶⁶, не поддавшись уговору, что будет спасен, но считая благочестие доблестным саваном.

67. Неужели после этого тому, для кого риск был легче перемены убеждений, не достанется никакой награды ввиду нынешней поры, но ты презришь его, когда он поступит так, как он решил поступить, если ты не поможешь. Что же это? Сев на корабль, он замышляет странствовать вокруг Италии, Ливии, в океане⁶⁷. Ничто не вернет его, ни сын, достигший понимания поэм, ни скромная супруга, ни могилы предков, ни страх смерти, ни если оставит жизнь в руках чужеземцев, ни если мертвый будет лежать без погребения. Горше всего этого считает он стенать дома.

68. Итак, твое дело, государь, изменить приговор и сделать для него слаще отечество, желанною жену, драгоценнейшим лицезрение сына, который еще при жизни отца испытывает долю

них безумие: Афамант убил одного из своих сыновей, а Ино, спасая другого сына, Меликерта, бросилась с ним в море, где была превращена в благотельное морское божество Левкофею, а ее сын стал божеством по имени Полемон (Ovid. Met. IV. 416–431; 494–541). Кабиры — в греческой мифологии демонические существа, дети Гефеста и нимфы Кабиры, известные своей особой, унаследованной от Гефеста мудростью. Культ Кабириков, или «великих богов», как их именовали в римскую эпоху, носил характер мистерий, требовавших особого посвящения (Strabo. X. 3, 19–20). «Таинства Деметры» — это прежде всего Элевсинские мистерии. — *Примеч. ред.*

⁶⁶ Либаний упоминает широко известный в традиции спартанский закон, согласно которому воин не мог ни при каких обстоятельствах оставить место, на котором он стоит, и отступить. Спартанцы, нарушившие этот закон, носили кличку «задрожавших», лишались политических прав и становились предметом насмешек. — *Примеч. ред.*

⁶⁷ ἡ ἕξις θάλαττα ср. orat. LIX, § 137–138, XII, § 84.

сироты, а будущее его еще страшнее. Он входит в возраст, и есть опасение, как бы кто-нибудь не применил против него лукавства, а мать, домоседка, не сможет защитить его от западни извне, мысли же ребенка податливы, нужен отец.

69. Итак, верни, государь, юноше бдительный взор родителя и будь виновником его благонаравия. Пусть не плывет Аристофан в слезах на окраины земли, но пусть с радостью шествует в область Пелопса⁶⁸. Пусть в центре Пелопоннеса он повествует о твоих добродетелях — он обладает языком, достаточно искусным для изложения действительности. Пусть говорит эллинам, в среде коих ты живешь ежедневно, что он видел. Пусть отправляется оповестителем о многих великолепных жертвах, какие принял один город, другие Дафна, третьи гора⁶⁹, о закланных стадах, потоках крови, благовонии, восходящем в самый эфир. Пусть молят они увидать то же у себя, в Дельфах, в Писе⁷⁰, у афинян, у сограждан Аристофана, всюду в Греции, на материке, на островах.

⁶⁸ Пелопс — в греческой мифологии герой, сын Тантала. Он унаследовал от отца власть над областью Сипила в Малой Азии, но, теснимый жителями Трои, решил переправиться в Грецию. Там он посватался к Гипподамии, дочери Эномая, царя Писы (области Элиды). Победив Эномая в состязании, Пелопс унаследовал власть в Элиде, а затем расширил свои владения на всю южную Грецию, которая вместо прежнего названия «Апия» стала называться Пелопоннесом. Либаний в данном случае имеет в виду родину Аристофана, Коринф, расположенный на Пелопоннесе. — *Примеч. ред.*

⁶⁹ Судя по этому пассажу, храм Аполлона в Дафне был еще в сохранности, а значит, речь была написана до пожара, уничтожившего храм 22 октября 362 г. Гора, на которой приносились жертвы, — это святилище Зевса Касийского, находившееся на горе Касий (Силпий), к югу от Антиохии (ср. Or. XVIII. 172–173). — *Примеч. ред.*

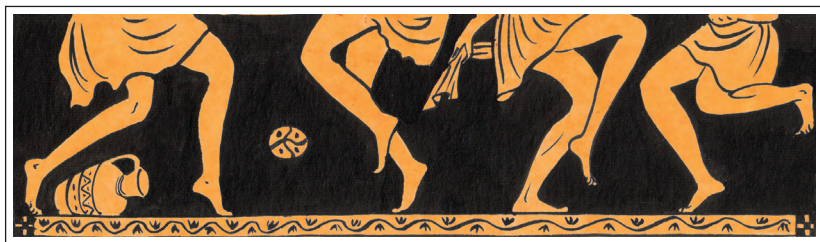
⁷⁰ В Дельфах находилось знаменитое общегреческое святилище и оракул Аполлона. Писа — столица Писатиды, территории в Элиде, области в Пелопоннесе. Писа была основана Писом, сыном Эола, родоначальника племени эолийцев. Последний царь Писы Эномай был побежден Пелопсом, и в честь этого их состязания были основаны Олимпийские игры. Фактически, Писа — это архайзированное наименование Олимпии, где находилось знаменитое святилище Зевса Олимпийского. — *Примеч. ред.*

70. Об этом я и сам молюсь и об участии в этом шествии. Как прекрасно увидеть в Элевсине миста приравниваемым к Гераклу⁷¹ и этого самого Аристофана прыгающим выше прочих.

71. Что же скажешь, государь? убеждаем мы или болтаем пустое? Выноси же приговор, приняв только во внимание, что ни слово, ни приговор не скроется от нынешнего людского поколения. Если тебе покажется, что я — сочинитель, о себе мне нет большей заботы, но сам смотри, не будет ли тебе какого вреда от того, что не будут считать здравомыслящим того, кого ты высоко ценишь⁷².

⁷¹ Во время Элевсинских мистерий простые жрецы изображали богов и героев — Афродиту, Гефеста, Прометея, Ареса, а также Геракла, который был связан с сюжетом мистерий. Так, согласно мифу, когда Геракл явился в Дельфы к Аполлону с вопросом о том, где он найдет искупление кровавой вины, Аполлон не дал герою ответа; тогда Геракл сам сел на треножник, на котором сидела пифия, и услышал: «Искупление дарует Элевсин». Этот сюжет участники процессии мистерий вспоминают на остановке на Священной дороге (из Афин в Элевсин), в Дафне, где находился в честь этого мифа храм, в котором было три статуи — Аполлона, Геракла и Диониса (как наставника мистов). Из другого мифа известно, что Геракл перед совершением своего последнего, двенадцатого подвига (спуск в царство Аида за Кербером), получил посвящение в мистерии в Элевсине, где над ним совершили обряд очищения за убийство кентавров. — *Примеч. ред.*

⁷² Судя по всему, Юлиан удовлетворил прошение Либания, согласовав этот вопрос на личной встрече, и Аристофан получил официальное назначение, вероятно, проконсулом Ахайи. Сохранилось благодарственное письмо Либания, направленное Юлиану после получения его ответа с приглашением о совместном рассмотрении дела Аристофана (см. в преамбуле комментариев к данной речи): «Я воздал плату Аристофану, а ты — мне за мою любовь к тебе, горячую и сильную, и не сокрытую ни от богов, ни от людей. Так что сейчас я чуть не воспаряю ввысь, воодушевленный твоим письмом, которое внушило мне надежду и украсило мою речь... Мне кажется, что и вкусив нектара, я не почувствовал бы большего наслаждения, чем то, которое испытываю сейчас — когда царь... похвалил мои мысли, был восхищен моей речью и, оказав честь обещанием дара, еще большую честь оказал тем, что пожелал рассмотреть вместе со мной, что должно быть даровано... Твое письмо будет издано вместе с моей речью, чтобы показать всем эллинам, что не напрасно было сказано слово; и Аристофан будет гордиться моим писанием, а я — твоим посланием, а вернее, оба мы — и посланием, и тем, что будет даровано: ведь и то, и другое драгоценно для нас обоих...» (Ер. 758; пер. Д. Е. Фурмана). Уже после смерти Юлиана, в 364 г. благодарный Аристофан в переписке с Либанием высказывает уважение к памяти Юлиана (Ер. 1264). — *Примеч. ред.*

ПРИВЕТСТВЕННАЯ ЮЛИАНУ

Orat. XIII F¹

1. Возвращается, государь, со священными обрядами и почитание искусства слова, не только потому, что речи, пожалуй, не самая маловажная часть обрядов, но и потому, что к самому почитанию богов ты был подвигнут самыми произведениями слова. Итак, тому предмету, которому пришлось быть причиной нынешних благ, конечно, нужно было иметь место и во дворце².

2. Итак, речи являются, разукрашенные, словно для какой-либо процессии, радуясь за себя и за всех людей, пространность отложив до другого раза, но желая явиться перед тобою в своей

¹ Речь была написана по просьбе Юлиана во время его первой встречи с Либанием в Антиохии в июле 362 г., практически сразу после прибытия императора в город. Как этот эпизод описывает сам Либаний в письме, Юлиан, прибыв в Антиохию, отдохнув и «порадовав город конными состязаниями», встретился с Либанием и приказал ему подготовить речь (Ер. 648). — *Примеч. ред.*

² Ср. Or. XVIII. 157–159. — *Примеч. ред.*

красе и подвижности³. Отблагодарить же — дело Гермеса и Муз⁴ и твоей главы. Ведь если ты мановением своим дашь благоприятный приговор, все будет в порядке.

3. Меня одного объемлет смелость из всех тех, кто дерзали на подобное выступление, не по силе моего слова и не потому, что бы я усвоил искусство больше другого, но потому, что дела любимых людей, каковы бы они ни были, кажутся прекрасными их поклонникам, и, отказываясь от критики, они кличем выражают свое восхищение пред ними.

4. А ты давно уже стал по отношению ко мне в ряды таковых⁵, так что всякий являющийся для речи софист внушает тебе страх, как бы ему не удалось сказать нечто лучше меня и удалиться, изменив твое прежнее мнение.

5. Итак, не своевременно ли будет начать со слов лесбосца Алкея?⁶ «Ты явился от пределов земли», щеголяя не «ручкой слоновой кости с накладным золотом», как тот сочиняет, но прямо золотою душою правя вселенною, имея в роду своем великие примеры, но своими заслугами показав и величайшие из них малыми.

6. Как, говорят, было в роде Эакидов, доблестен сам Эак, а его потомки еще известнее своими подвигами, но дошедши до Ахилла, род достиг верха своего блеска⁷, нечто подобное и теперь.

³ ῥόμος часто о речах, см. выше, стр. 207, 2 [280, 98].

⁴ Гермес наряду с Аполлоном считался покровителем искусств, поскольку именно Гермес первым изобрел семиструнную лиру и стал петь под ее аккомпанемент, а уже затем обменял эту лиру Аполлону на коров (Нумп. Номер. III. 413–502). Музы — в греческой мифологии — дочери Зевса, девять сестер, богини поэзии, искусств и наук. — *Примеч. ред.*

⁵ Ср. об этом месте вступления и ер. 648, т. I, стр. 450 [690] след., где имеется в виду переводимая речь.

⁶ Fr. 33 Bergk. Алкей (VII/VI в. до н. э.), представитель ранней греческой лирики, жил в Митилене на о. Лесбос. — *Примеч. ред.*

⁷ Эак — в греческой мифологии сын Зевса и речной нимфы Эгины. Он слыл среди греков самым справедливым и благочестивым, поэтому, когда в Элладу была засуха, посланцы со всех концов страны прибыли к Эаку, чтобы он попросил у Зевса дождя, и Зевс внял просьбе сына. Эак после смерти за свою справедливость был сделан одним из трех судей в подземном царстве. Его сы-

Благородные люди⁸ произвели еще более благородного и подверглись наиприятнейшему поражению, и соделали его общим для всех. В самом деле, когда люди, обладающие превосходством над прочими, отступают пред кем-либо на второе место, они оттягивают, что те, кого они превосходили, еще в большей степени отодвигаются перед ним на второй план.

7. Таким образом ты начал править с давнего уже времени и раньше воцарения. Ведь твое детство не одинаково с детством прочих царей, и заложенные основы не сходны⁹. В то время как они воспитаны с самого начала в пурпуре, тот, кто сперва входил в ряды частных людей, более опытен в управлении, получив на форуме знакомство с теми, кем предстояло ему управлять.

8. Таким образом, ты имеешь то преимущество перед теми, кто воцарился прежде, чем приносить пользу, что вступил на царство, когда это было целесообразнее¹⁰. А с другой стороны, тех, которые с умом взялись за управление, вернее же, и этих, и тех, ты побеждаешь в одном и том же, образовании и искусстве слова, какими с первой юности оплодотворяя душу, ты с ранней поры подготавливаешь был ведающими будущее богами, как их создание, к настоящему твоему общественному положению, так как они считали непростительным, если тому, кому предстоит взойти на колесницу, необходимо приступить к этому с подготовкою, или он погубит себя и коней, а тот, кому предстоит взять бразды

новьями были знаменитые герои Пелей (см. Ор. XII. 20; его сыном был герой Ахилл) и Теламон (участник похода аргонавтов и сподвижник Геракла в походе против троянского царя Лаомедонта; отец героя Аякса). — *Примеч. ред.*

⁸ Дед Юлиана, имп. Констанций Хлор, и отец Юлий Констанций, который, правда, не достиг императорской власти. — *Примеч. ред.*

⁹ О детстве Юлиана в Константинополе см. Ор. XVIII. 11–12. Под «прочими царями» подразумеваются сыновья Константина Великого, которые ко времени написания речи все уже умерли. — *Примеч. ред.*

¹⁰ Сыновья Константина были провозглашены цезарями еще при жизни отца, в юношеском возрасте: Константин II ок. 317 г., вскоре после своего рождения; Констанций в 324 г., в возрасте 7 лет; Констант в 333 г., когда ему было ок. 13 лет. Юлиан же достиг императорской власти в возрасте 30 лет (родился в 332 г.), который в античности считался возрастом совершеннолетия мужа. — *Примеч. ред.*

правления вселенной, возьмется за такое дело в невежестве и, отличаясь среди подданных одеянием, будет уступать им в более существенном¹¹.

9. Итак, начало его обучения совпало с началом моей преподавательской деятельности¹², и при своем происхождении, нам известном, он, откинув всякое высокомерие, ходил в школу, поставив себя в уровень с прочими, и его любили за то, что он чтит равенство в этом отношении, но и здесь он одерживал блестящую победу, воспринимая один посев с прочими, но в урожае далеко опережая юность.

10. Так как он во всех отношениях представлялся достойным царствования и вызывал разговоры на эту тему тех, кто его видели, то, дабы в народной массе и в городе, обладающем самоуверенностью, не распространялось таких речей, его посылают на житье в город Никомеда¹³, как более слабый.

11. Но это стало для него и страны началом величайших благ. Там скрывалась некая искра пророческого дара, едва избежавшая рук нечестивцев. Под его руководством исследуя впервые таящееся в неизвестности, ты сдержал сильную ненависть против богов под смягчающим воздействием прорицаний.

12. Когда же ты явился в Ионию и увидел мужа, и слывшего, и в действительности бывшего мудрецом¹⁴, и услышал о всех, создавших это учение и хранивших, и воззрел на красоту философии, и вкусил влаги, самой способной утолить жажду, быстро стряхнув с себя заблуждение и, как лев, разорвав путы и избавившись от мрака, ты сменил неведение истиной, поддельное —

¹¹ Cf. Julian. imperat., orat. III, vol. I, pg. 157 Hertlein.

¹² Либаний начал преподавать в Константинополе в 340/341 г. (см. Or. I. 31–33). — *Примеч. ред.*

¹³ Оратор не упоминает отправку Юлиана в Мацеллум (поместье в Каппадокии), сообщая о его второй высылке из Константинополя, в Никомедию ок. 348 г. — *Примеч. ред.*

¹⁴ Юлиан обрел свободу передвижения только в 351 г., когда его брат Галл был провозглашен цезарем. Юлиан сразу направился в Пергам, к неоплатонику Юлиану, а затем в Эфес к известному философу Максиму (см. Eunap. V. S. 473–474; Liban. Or. XII. 33–34; XVIII. 155). — *Примеч. ред.*

подлинным, на древних властителей того, кто недавно навязался бесцеремонно¹⁵.

13. Соединяя с риторамы высший хор, — и это дело богов, ведших твой ум через посредство Платона к развитию, чтобы высокою мыслью воспринять величие вещей, итак, будучи уже силен в каждой из двух областей, в беглости языка и в познании сущего, прежде чем быть в состоянии помочь святилищам, ты возвещал, что, когда позволят обстоятельства, ты не оставишь их в пренебрежении, проливая слезы над низверженными, стеная над ограбленными, скорбя над поруганными, позволяя близким зреть в настоящей печали твоей будущую помощь.

14. Когда зарождалась подобная надежда, вся отборная и разумная часть населения на материке и островах стала со своими симпатиями на твою сторону, устроая тебе царство не оружием, не мечами, но тайными молитвами и сокровенными жертвами, и всякий предсказатель пустил в ход свое искусство, горя желанием узнать заранее то, что теперь мы видим воочию. А боги благосклонно подтверждали.

15. Таким образом, задолго до этой хламиды ты царствовал и фактически обладал властью еще до сана. Ведь когда есть у кого-либо элемент, желающий быть под его властью, если то, чего страстно желают, еще и не наступило, в мнении приверженцев он уже на положении властителя.

16. Но боги, восхитившиеся этою переменою твоего положения, и за принятые тобою убеждения относительно их, и за то, что ты намеревался сделать¹⁶, давали отплату одну, другую готовили. Они готовили скипетр, а давали спасение, когда во время волнения на море от клеветнических ветров, причем одно судно потонуло,

¹⁵ К этому пояснение в рукописи: «Что другое христолюбивейшему царю Константину доставило по приговору право мыслящих такое славословие, как не то, что вы так злобствовали на его стремление сокрушить с позором негодных?» (v. Förster, ad loc.).

¹⁶ Как подчеркивает Сократ, Юлиан, будучи провозглашен войсками императором и готовясь к войне с имп. Констанцием, уже перестал притворяться христианином, отворял в подвластных городах языческие храмы и справлял языческие праздники (III. 1. 16–17). — *Примеч. ред.*

а другое заливало, и волна поднималась выше берегов, послав, с общего совета, с неба Диоскуров, выхватили судно из волнения¹⁷.

17. Это я изложил, как можно было, — хорошенько затенив, так, как, я знал, будет тебе в угодую. По избытку великодушия ты и обидчикам своим отпускал память о том, что претерпел. Попытаюсь соблюсти это в речи, но если факты этого вполне не допустят, да простят мне.

18. Снова мне пришло на мысль, что и то, что угодно было отнять у тебя из почета, и это, по воле богов, было к благополучию. Так, когда тебя лишили свободы ходить, куда ты хочешь, ты заперт был в таком городе, куда бы ты всячески поспешил при наличности свободы. Именно: тебя отправили в самый древний, самый мудрый и боголюбивый, предмет общей любви и людей, и богов, Афины, и это похоже было на то, как если б Алкиной, подвергая взысканию одного из феаков, держал бы его взаперти в своем саду¹⁸.

19. Это было в одно и то же время выгодой твоей и города. В самом деле, ты видел город, и город обладал союзником, обя-

¹⁷ Иносказательное описание того опасного положения, в которое Юлиан попал после казни его брата Галла («одно судно потонуло» в 354 г. Вот как об этом писал сам Юлиан: «Мне лишь с трудом [Констанций] позволил уйти, таская меня с места на место под стражей целых семь месяцев, так что если бы не некий бог, пожелавший спасти меня и расположивший ко мне прекрасную и благую Евсевию, то не смог бы я сам вырваться из его рук...» (Ep. ad Ath. 272 d — 273 a; пер. Т. Г. Сидаша). Аммиан Марцеллин конкретизирует обвинения клеветников против Юлиана: что он из любви к наукам без разрешения выехал из своего поместья Мацеллум в Каппадокии в провинцию Азия, а также что он встречался со своим братом Галлом, когда тот проезжал через Константинополь. Юлиан опровергал эти обвинения, утверждая, что оба поступка были одобрены имп. Константином (XV. 2. 7). Диоскуры — близнецы Кастор и Полидевк, сыновья Леды, отцом которых был Зевс, либо супруг Леды Тиндарей (отсюда — Тиндариды); по другой версии, один из братьев, Полидевк, был сыном Зевса, а другой, Кастор, был сыном Тиндарея. Они чтились в том числе как покровители моряков и спасители при кораблекрушении. — *Примеч. ред.*

¹⁸ О прибытии Юлиана в Афины для продолжения образования и его ученичестве там см. Or. XVIII. 27–29; Amm. Marc. XV. 2. 8. Алкиной — в греческой мифологии царь феаков. Он жил в дворце на острове Схерия, который был окружен вечнозеленым садом, в котором произрастали обильные плоды и били два источника; сад этот был окружен высокой оградой (Homer. Od. VII. 112–132). — *Примеч. ред.*

занным неписанными настоятельными требованиями, требованиями благосклонности — во всем благодетельствовать уделу Афины. Я сказал, что ты узрел город, потому что преисполненный образования, исходившего из Ионии, ты нимало не нуждался для мудрости в ее митрополии¹⁹, но где принято учиться, там ты мог проявить, с какими приобретениями явился.

20. Дальнейшее еще больше доказывает, что жизнь твоя управляема была волею демонов, и что, окружая тебя, они тебя ревностно охраняли, освобождали от опасностей и направляли к могуществу, не постепенно подготавливая перемену в долгий период времени, но дав тебе царствование быстрым оборотом судьбы, как это свойственно силам богов, не нуждающимся в замедлении, но с решением связывающим окончание.

21. Так и тебя они двинули из Афин в плаще философа, а показали скоро в одежде по закону владычней, причем дававший то понуждаем был не доверять, то уступал убеждению доверять, и то не допускал себя до него, то склонялся к нему, первое вследствие тех притеснений тебе, какие были на его совести, второе под влиянием твоего характера, и не раз колебался в ту или другую сторону, пока страх не уступил доверию²⁰.

22. Однако не с гладкого и менее трудного, как подобает жеребцу, впервые подводимому под ярмо, взялся ты за царскую власть, но как будто делал первый выезд в море в сицилийском проливе, самом трудном для плавания, как заявляет Гомер и свидетельствует Фукидид²¹, там положил ты начало своим царским подвигам, с Запада, а это была область войны.

¹⁹ Согласно греческой традиции, Афины были метрополией Ионии: по имени мифологического афинского царя Иона как жители самих Афин, так и переселившиеся оттуда в Малую Азию стали называться ионийцами, а область в Малой Азии — Ионией. — *Примеч. ред.*

²⁰ Об этих событиях подробно рассказано в Or. XVIII. 31; 36–38; XII. 44; Julian. Ep. ad Ath. 275 a-b; 277 b; 281 d. Юлиан был возведен в ранг цезаря в ноябре и отправился в Галлию в середине зимы 355/356 г. — *Примеч. ред.*

²¹ Гомер подробно описывает Сциллу, Харибду и Планкты («блуждающие скалы») (Od. XII. 73–110). Вот что об этом писал рационалист Фукидид: «Пролив же этот, у которого расстояние между Сицилией и материком наименьшее,

23. И по внешности это было принятие в свое владение части того, что было, на деле же приобретение того, чего еще не было налицо. Дело в том, что ты отправлялся скорее к названиям городов, чем самым городам, и с тем, чтобы создавать города, чем распоряжаться существующими. Следовательно, ты напоминал колонизатора, заселяющего пустыню, где нет соседей.

24. Ведь в то время, как поток варваров залил благополучие галатов, а скорее, превратил их владения во владения варваров, не всё сплошь они уничтожили, но, что можно было везти, тем владели и прибытком отсюда усилились²², ты не удовлетворился тем, чтобы остановить их своеволие, и не счел достаточным предупредить их выступления против нас, хотя и это было бы весьма значительным успехом, будучи кругом охвачен огнем, преодолеть пламя, но, если бы не заставил их раскаяться в удовольствии, какое доставляла им победа, и не сделал бы добычу, которую они с торжеством увозили, им же в убыток, ты не желал смотреть вольным взором на солнце, ты, пробовавший спасти, так как чувствовал стыд за предателей.

25. Дошедши до этого места в речи, Гомер сказал бы: «Поведайте теперь мне, музы, обитающие в олимпийских чертогах»²³, а я тебя попросил бы сказать, как шло каждое событие. Тебе не понадобится для этого изустного изложения, но достаточно бу-

это так называемая Харибда, через которую, по преданию, проплыл Одиссей на своем корабле. Из-за узости и стремительности течения бурных вод, вливающих туда из двух больших морей — Тирсенского и Сицилийского, — этот пролив справедливо считается опасным» (IV. 24. 5; пер. Г. А. Стратановского). — *Примеч. ред.*

²² О набегах германцев на Галлию со времени выступления узурпатора Магненция и разгрома его армии при Мурсе в 353 г. см. Or. XII. 44–46; XVIII. 34–36; Zos. III. 1. Упоминаемые Либанием галаты — это галлы, кельтское племя, которых оратор традиционно путает с кельтским племенем галатов, живших в хорошо ему знакомой Малой Азии. — *Примеч. ред.*

²³ См. Homer. II. II. 484–487: «Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа: Вы, божества, — вездесущи и знаете все в поднебесной; Мы ничего не знаем, молву мы единую слышим: Вы мне поведайте, кто и вожди и владыки Данаев» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

дет дать то сочинение, которое ты сам составил, быв сам и полководцем, и историком²⁴.

26. Но это даст мне материал для пространной речи немного позднее²⁵, когда бог позволит пуститься²⁶ в простор моря, теперь же изложу итог подвигов, ведь он обежал всю вселенную.

27. Тех, кто преследовали, ты превратил в бегущих, притаившихся²⁷ от страха — в гонящих, похищавших в отдающих, ограбленных в присвояющих, переместил страх и дерзость, силу и смирение, трепет отбросив на врагов, а их преобладание переместив в своих.

28. Невозможно, чтобы ты это устроил без участия Афины, но имея богиню из Афин и сообщницей в совете, и сотрудицей в действиях, как Геракл на чудище — пса²⁸, ты все правильно предусматривал мыслью, все мужественно выполнил вооруженною силою, не посылая воинов из окопов и не сидя

²⁴ Ср. в письмах Либания Юлиану, т. I, стр. 448 след. [687] (ер. 33). (По всей видимости, Юлиан написал целую книгу «О войнах в Германии», как об этом сообщает Евнапий: «Мы не станем пересказывать другими словами те битвы, о которых сам Юлиан подробно рассказывает, исполненный восторга к своим прекрасным подвигам, которым посвятил он целую книгу. Мы советуем читателям, желающим познакомиться с важностью его сочинения и его дел, прочесть эту книгу...» (Hist. fr. 17). Об этом же в своем письме Юлиану в 358 г. пишет и сам Либаний: «Самым лучшим из слышанного было то, что ты гонишь варваров и составляешь записки о своих победах, что ты в одно и то же время историк и полководец. Ахиллу нужен был Гомер, а Александру много таковых. Твои же трофеи будут запечатлены в памяти со слов того, кто воздвиг их» (Ер. 33; пер. С. П. Шестакова). — *Примеч. ред.*)

²⁵ Это обещание было частично выполнено в речи XII и подробно, с впечатляющим славословием, в речи XVIII. — *Примеч. ред.*

²⁶ ἀφείναι s. med. cf. orat. XVIII, § 239, pg. 340, 11 F.

²⁷ ἐπτηχότας cf. pg. 24, 7; 262, 19; 477, 1; III 461, 14; IV 7, 13; 249, 15, ὑπο-πτήσσω IV 358, 15.

²⁸ Cf. Homer. Il. VIII 364 sq., Odys. XI 626. Liban., ep. 535. ср. 1045 (в начале). ἀλλόκοτος «необычайный», «сверхъестественный». Мы перевели соответственно смыслу по существу. (Имеется в виду последний, двенадцатый подвиг Геракла, когда он должен был спуститься в Аид и привести царю Эврисфею пса Кербера (чудовище с тремя головами, туловищем, усеянным головами змей, и змеиным хвостом), охранявшего царство мертвых. — *Примеч. ред.*)

в палатке и там осведомляясь о ходе битвы, но и ноги утруждая, и руку не оставляя в покое, и копье потрясая, и извлекая меч, кровью врагов увещевая воинов, царствуя в обсуждении плана, в постройке войска выступая стратегом, в схватках отличаясь.

29. Поэтому нередко ты возвращался, требуя обмыть оружие, залитое варварскою кровью, и тебя встречала трапеза, не отличающаяся от стола рядового воина. Ты желал больше делать, не терпел больше роскошествовать.

30. Каковы же плоды этого? Города галатов восставали, причем мы смотрели, а строили варвары. Подобно тому, как ту землю тегеатов, которую опустошили спартиаты, обрабатывали у победителей, получая меры хлеба²⁹, так города, которые снесли, варвары принуждаемы были сами строить, и руки, привыкшие срывать³⁰ до основания, приучались восстанавливать.

31. Народ же в городах не из деревень, не смешанный, не из первых встречных, так, чтобы мертвый инвентарь походил на прежний, а то, что важнее его, было хуже прежнего, но ты всеми средствами вернул дома месту, а домам обитателей³¹, и возвращались мужи, жены, дети из неправого рабства к старому благоденствию, а те, у кого они содержались на положении рабов, от тех они опять получали пропитание уже на положении господ. А пропитанием был хлеб — плата за мир.

32. И хотя многие вестники помчались к старшему государю, ни один не просил войска, но все объявляли о победе. Молва, расходясь, достигла персов, и вот последние молились, чтобы ты оставался в стране по Рейну, а, в свою очередь, жители порейн-

²⁹ Геродот (I. 66) рассказывает о древней войне Спарты и Тегей (полис на Пелопоннесе): спартанцы, получив оракул в Дельфах, сочли его благоприятным для войны с Тегеей и выступили в поход. Однако в битве спартанцы потерпели поражение, и попавшие в плен спартанские воины были вынуждены, отмерив участок поля тегейцев мерной веревкой, обрабатывать его. — *Примеч. ред.*

³⁰ Ср. *orat. XII*, § 50, *orat. XV*, § 32, *orat. XVIII*, § 77–80. (Сам Юлиан пишет о 40 восстановленных городах (*Ep. ad Ath.* 280 d). — *Примеч. ред.*)

³¹ *οἰκίαι* cf. выше, стр. 163 [216, 24].

ских стран, — чтобы ты перешел Тигр, и против них выставили бы другого, а ты показал копье свое персам.

33. Я восхищаюсь теми воинами, которые, видя тебя, увенчиваемого трофеями, не удержались, чтобы не возложить на тебя венок из драгоценных камней, считая недопустимым, чтобы звание не соответствовало деяниям и честь не согласовалась с победами. Итак, когда сама доблесть призывала почет, они правильно последовали зову, как давая лучшему воину доспехи лучшего качества на смену худшим.

34. Судя по видимым настояниям, это делалось ими, но утверждалось это скрытым приговором богов, и тех, которые стали в борьбе на его стороне, и тех, которые взирали на битвы с высоты. О, та священная ночь! О, навеянное божеством соревнование гоплитов! О, смятение, приятнейшее процессии! О, блаженный щит, который воспринял обряд возгласения, быв тебе возвышением, более подходящим, чем всякое обычное. Как достойно было с твоей стороны отвергать даяние, а с их стороны еще достойнее настаивать на принятии, и гуманным поступком было успокаивать гневающегося насчет того, что произошло, и мужественным — не потерять дарованного почета по его настоянию³².

³² Ср. *orat. XVIII*, § 106, т. I, стр. 338–339 [552–553]. (Довольно подробное описание событий, сопутствовавших провозглашению Юлиана августом в 360 г., оставил Аммиан Марцеллин (XX. 4), из текста которого можно понять, что они были инспирированы самим Юлианом. Либаний же представляет три описания данных событий, в разных речах (*Or. XII*. 59–61; *XIII*. 33–34; *XVIII*. 95–106). Сам Юлиан также описал этот судьбоносный для него момент весьма подробно: «Пусть будут мне свидетелями Зевс и Гелиос, Арес и Афина и все другие боги, что даже близко не приближались ко мне никакие подзрения вплоть до вечера того дня. Было уже поздно; где-то около заката объявили мне [о восстании], и тотчас дворец стал окружен кричащими людьми, я же еще размышлял, что следует делать, и еще ни в чем твердо не был уверен. Еще была жива моя жена, и случилось, что, дабы остаться одному, я взошел в верхнюю комнату по соседству с ней. Была открыта стена, и я молился Зевсу. Поднялся шум еще больший, во всем дворце царило смятение, а я умолял Бога дать мне знак. И дал он мне знак, и приказал уступить и не противиться воле армии. Все равно, даже после явленных знаков, я не был готов, но противился сколько мог и не принимал ни титула, ни диадемы. Но поскольку я один не мог обуздать столь многих, и более того, богов, желавших, чтобы это случилось,

35. Когда же, после того как многие племена, за бесчисленное число талантов, были призваны на тебя, ты, без труда захватив их вождя³³, подверг его истязанию, назначаемому злодеям, проучив его на его боках не делать подобной наживы, ты, может быть, смеялся над этими кознями, а мы тревожились, можно ли еще надеяться. Но солнце, все видящее и все слышащее, знает, каковы были тогда наши мысли и какого конца войне мы молили. И как бог-щедродатель он дал и еще более подходящим образом, чем мог кто-нибудь надеяться.

36. Он не допустил, чтобы войско столкнулось с войском, не позволил обнажить меч и родичам отличиться в междоусобном бою, не допустил, чтобы земля обагрилась кровью самых близких людей, чтобы одержана была скорбная победа, чтобы одни и те же люди и торжествовали и плакали, но, отстранив от государства одного, которому находил своевременным умереть, все подчинил мастеру в деле царствования, так что и тебе досталась власть, чистая от крови, и тому выпал по смерти почет, благодаря способу кончины³⁴.

и подстрекавших [солдат], то моя воля была постепенно зачарована, и где-то около третьего часа не помню кто из моих солдат дал мне кельтское ожерелье и возложил его на мою голову; мы пошли во дворец, и боги знают, как стонал я тогда в своем сердце» (Ер. ad Ath. 284 b-d; пер. Т. Г. Сидаша). — *Примеч. ред.*

³³ «Многие племена за бесчисленное число талантов были призваны на тебя» — прямое указание на подтвержденные самим Юлианом факты подкупа германцев имп. Константином с требованием нападать на Галлию (Ер. ad Ath. 286 а). Упоминаемый здесь вождь германцев — это скорее всего Вадомарий, хотя Аммиан Марцеллин ничего не сообщает о его истязании, а наоборот, подчеркивает, что Юлиан выслал плененного Вадомария в Испанию, не упрекнув ни единым словом. Возможно, Либаний либо путает события, либо обобщает, поскольку известно, что после легкого пленения Вадомария Юлиан окружил его армию на берегу Рейна и наголову разгромил, одних перебив, других, предлагавших вернуть добычу, приняв в подданство, а с остальными заключил мир (XXI. 4. 7–8). — *Примеч. ред.*

³⁴ Речь идет о смерти имп. Констанция в ноябре 361 г. от болезни в селекции Мопсукрена. Его смерть предотвратила гражданскую войну, и Константин был похоронен в Константинополе с императорскими почестями (Amm. Marc. XXI. 16. 20), а Юлиан лично принимал участие в церемонии похорон (Or. XVIII. 120). Смерть Констанция сам Юлиан воспринял как божье-

37. А между тем, если бы понадобилось решить распрю и оружием, дело разрешилось бы не иначе, но проливалась бы кровь, хотя недолго и немного. Ведь, кроме совсем немногих сотен, которые были задобрены лестью, всякий воин был заодно с тобою и, казалось, бежал к тебе и торопился стать в ряды твоего войска.

38. Чему же больше всего приходится удивляться? Охране справедливости или доблести сподвижников, или необычному пути, или тому, что в то время, как ожидалось прибытие сушию³⁵, проплыв морем большую часть пути, ты дал, после приобретения, впечатление подвижности, или плаванию, изумившему варварские племена³⁶, или красоте доставляемых на берег даров, какими каждое племя покупало то, чтобы флот миновал его страну?³⁷

39. Я — поклонник реки, и она представляется мне красивее прекрасного Энипея³⁸ и полезнее Нила-землепашца за то, что она приняла благосклонным плаванием суда, несшие всем свободу.

ственное провидение, судя по его письму его дяде Юлиану: «В начале третьего ночи, даже не имея писца, потому что все они заняты, я с трудом нашел в себе силы написать тебе эти строки. Милостью богов мы живы и освобождены от необходимости или терпеть чудовищное, или самим поступать чудовищно. Да будут свидетелями Гелиос, которого я больше всех просил помочь мне, и царь Зевс: я никогда не молил убить Констанция, напротив, молился о том, чтобы этого не случилось... Даже когда он объявил меня врагом, я думал, что он только пугает, и надеялся, что обстоятельства приведут к подобающим переговорам; если же он решился на войну, то я, предоставив все судьбе и богам, решил ждать, что будет угодно их человеколюбию» (Ер. 14; пер. Д. Е. Фурмана). — *Примеч. ред.*

³⁵ ἔλθεῖν — поправка рукописной традиции (ἔχειν mss.) Reiske, принятая Förster'ом.

³⁶ Фраза ἢ τὴν παρὰ τῶν Ἀντιοχέων σοὶ πρέπουσαν κομφοδίαν, по неуместности ее здесь, признана издателями вставкою какого-либо противника Юлиана.

³⁷ Речь идет о плавании Юлиана с армией по Дунаю летом 361 г., имевшем целью быстрее достигнуть Константинополя, в котором в то время не было имп. Констанция (ср. Or. XVIII. 111; Amm. Marc. XXI. 9). — *Примеч. ред.*

³⁸ Энипей — река в Фессалии. См. Homer. Od. XI. 238–242: «Сердце свое Энипеем, рекою божественно светлой, Между реками земными прекраснейшей, Тиро пленила; Часто она посещала прекрасный поток Энипея; В образ

40. Сказать ли кое о чем, что еще примечательнее сейчас упомянутого? Немалое число киликийцев не знало того, что произошло у них, а ты из центра Иллирии видел судьбу, вернее же, из центра Галлии³⁹ поплыл в свое наследие, построив с самого начала суда с мыслью о наследовании, а не по ненависти врага, и произошло нечто самое необычайное, сам ты становился вестником, и что они явились объявить, то услышав, удалились.

41. И не только со стороны божества было подобное отношение, но и города чувствовали удовольствие не меньшее того, какое подобало, но если бы все люди, общим недугом лишенные зренья, благосклонностью какого-либо бога внезапно получили его снова, они не обрадовались бы сильнее. Ведь не заставлял их радоваться притворно страх, но в душе каждого цвело торжество и все личные скорби были слабее благоприятности времени, из всякого населенного места поднимался к нему клич радости, и из городов, и из деревень, из домов, театров, с гор, с равнин, сказал бы, и от плователей, среди рек, озер, открытого моря.

42. Чем, говорят, был Асклепий для Ипполита⁴⁰, тем сам ты стал для организма вселенной. Ты мертвых воскресил и слово царство, если когда-либо, теперь соединилось и с самым делом. Ты взыскивал с тех, кого несправедливо было бы оставить безна-

облекся его Посейдон земледержец, чтоб с нею В устье волнистокипучем реки сочетаться любовью» (пер. В. А. Жуковского). — *Примеч. ред.*

³⁹ Имеется в виду видение о грядущей смерти имп. Констанция, которое явилось Юлиану в Галлии, в Виенне (Amm. Marc. XXI. 1. 6), а также предзнаменование уже в Иллирии, в Наиссе (городе в провинции Верхняя Мезия), перед тем, как Юлиан получил известие о смерти императора (Amm. Marc. XXII. 1. 2). — *Примеч. ред.*

⁴⁰ Ипполит — в греческой мифологии сын афинского царя Тесея. Он славился как охотник и почитатель богини охоты Артемиды, но презирал любовь. Оскорбленная Афродита внушил мачехе Ипполита, Федре, преступную любовь к пасынку. Отвергнутая им Федра оклеветала Ипполита перед отцом, обвинив его в насилии, и покончила с собой. Тесей в гневе проклял сына, и Ипполит погиб, растоптанный собственными конями. Однако вскоре Ипполит был воскрешен Асклепием, богом врачевания (Paus. II. 27. 4–5; Apollod. III. 10. 3). — *Примеч. ред.*

казанными⁴¹, но не возводил обвинения на тех, кому находилось убежище. Ты прекратил извод гоньбой смен коней и мулов, сначала учрежденных для важнейших потребностей⁴².

43. Правители провинций не поддаются взяткам, страх и надежда на отличие, последняя поощряет к добродетели, первый удерживает от мошенничеств⁴³. Всякая непроизводительная трата изъята, всякий неблагоприятный доход упразднен, всякое целесообразное даяние в почете. Ты один умеешь и давать и не давать как подобает, военным людям облегчая дарами труды их⁴⁴, а ремесла чудодеев не упразднив, но и не восхищаясь им, последнее не считая своим делом, а первое в интересах народной массы.

44. Трапеза у тебя умеренна и сотрапезники твои ученики Платона, с которыми ты бодрствуешь в беседах о всей земле и море, и подле Зевса заседает в небе справедливость, а подле тебя мудрейшие на земле, радуясь плодovitости твоей души, какую ты проявляешь ежедневно⁴⁵.

⁴¹ Речь идет о следственной комиссии, созданной по приказу Юлиана и заседавшей в Халкедоне (городе, расположенном на берегу Босфора, напротив Константинополя). — *Примеч. ред.*

⁴² Ср. т. I, стр. 348 след. [564]. (О реформе *cursus publicus* в феврале и марте 362 г. см. *Cod. Theod.* VIII. 5. 12; XI. 16. 10. — *Примеч. ред.*)

⁴³ См. *Or.* XVIII. 194. — *Примеч. ред.*

⁴⁴ См. эдикты от января и августа 362 г. (*Cod. Theod.* VII. 4. 7–8; VI. 24. 1). Юлиан так описывал цели своих реформ: «Ибо я думал, что это моя обязанность — помогать множеству подвергшихся беззаконию и чужеземцам, пришедшим в город — пришедшим ради меня и тех управителей, что были со мной» (*Misorogon.* 370 b; пер. Т. Г. Сидаша). — *Примеч. ред.*

⁴⁵ Аммиан Марцеллин представляет панегирик Юлиану, подробно описывая его достоинства. По его словам, Юлиан владел четырьмя главными, с точки зрения философов, добродетелями: умеренностью (был воздержан в пище и сне; кроме жены, не имел связей с женщинами), мудростью (был глубоким знатоком военных и гражданских наук), справедливостью (строго соблюдал закон; был строг, но не жесток; к врагам относился снисходительно), мужеством (участвовал во множестве битв; пользовался большой популярностью в войсках), а кроме того, он был щедр (устанавливал низкие ставки податей; прощал недоимки; был беспристрастен в тяжбах фиска с частными лицами, пр.) — см. XXV. 4. 1–15. «Ученики Платона» — это окружавшие его философы, прежде всего Приск и Максим. — *Примеч. ред.*

45. Урожай был, полагаю, пестрее всякого луга. Ему принадлежит и исправление бедности городов, которые лишились старых и принадлежащих им по праву владений, что частные дома обогатило, а общественные объяло неприглядностью⁴⁶; а что еще лучше и важнее этого — возвращение людям богов⁴⁷, давних блюстителей рода, который без великих кормчих носился где попало и разбивался о скалы.

46. И как при затмениях солнца, наступало и избавление от того, что удручало, и возвращение лучей, в одно и то же время и украшение городам, как венки, и спасение, как снадобья. Что их делает красивее, благодаря тому же они прочно стоят на якоре. И тебе люди обязаны благодарностью не менее, чем Пеласгу аркадскому⁴⁸. Вернуть погасшее почитание — не меньшая заслуга, чем посредством храмов указать путь этого почитания.

47. Теперь было бы своевременно возжелать жизни и принести жертвы о том, чтобы жить подольше. Теперь, в действительности, можно жить по-настоящему, когда веяния благоденствия проносятся по земле, когда царствует тело человека, душа же бога, когда огонь поднимается с жертвенников и воздух очищается священным дымом, люди угощают божеств и божества вступают в общение с людьми. И мне кажется, ничего бы больше не дано было городам, если бы сам Зевс взялся управлять здесь на земле, приняв на себя образ человека. Как он тогда бы поступал, согласно тем же правилам и нами управляют.

⁴⁶ Имеется в виду эдикт от марта 362 г., в соответствии с которым в городах был восстановлен статус общественной собственности (Cod. Theod. X. 3. 1; см. также Liban. Ep. 828). Эту реформу описывает и Аммиан Марцеллин, сообщая, что Юлиан возвратил отдельным городам их косвенные налоги с земельным имуществом за исключением тех, которые были по праву проданы прежними государями (XXV. 4. 15). — *Примеч. ред.*

⁴⁷ Эдикт от января 362 г. — *Примеч. ред.*

⁴⁸ Пеласг — в греческой мифологии сын Зевса и Ниобы, брат Аргоса, отец царя Аркадии Ликаона. Согласно аркадскому мифу, именно Пеласг придумал строить дома для людей; изобрел накидки из шкур овец; отучил людей от употребления в пищу листьев, травы и корниень, дав взамен желуди (Paus. VIII. 1. 4). — *Примеч. ред.*

48. Ведь и умом государь наш проникателен больше всякого Фемистокла⁴⁹, но, веруя, что в богах есть нечто более мудрое, руководит вселенной по внушениям оттуда, не дожидаясь оракулов со стороны и не тратя время по медлительности феоров, но сам для себя становясь вместо Пифии⁵⁰, так как не терпит взирать на горделивость прорицателей и ставить в зависимость такое дело от решения других, но зная, что и это нечто из учений Хирона⁵¹, и зная, что Геракл не менее был прорицателем, чем стрелком из лука⁵², ты, в своем прозрении будущего вместе с богами, показал ребенком Мелампа⁵³.

⁴⁹ О прославлении Либанием ума Юлиана см. Or. XVIII. 281. Панегирик Фемистоклу сохранился у Фукидида, откуда его и почерпнул Либаний: «Действительно, Фемистокл был чрезвычайно одарен от природы и заслуживает в этом отношении, как никто другой, величайшего удивления. Даже полученное им образование ничего существенного не прибавило к его природным дарованиям. Отличаясь выдающейся остротой ума, он был величайшим мастером быстро разбираться и принимать решения в непредвиденных обстоятельствах текущего момента И, кроме того, обладал исключительной способностью предвидеть события даже отдаленного будущего...» (I. 138. 3; пер. Г. А. Стратановского). — *Примеч. ред.*

⁵⁰ Пифия — жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах. Сидя на треножнике над священной расселиной, она в состоянии экстаза, вдохновленная Аполлоном, сообщала предсказания, которые жрецы (феоры) переводили в стихотворную форму. Что касается Юлиана, то Аммиан Марцеллин подчеркивает, что он был мастером по предсказыванию будущего по различным приметам и видениям, а также владел различными способами узнавать будущее. Склонный к подобного рода гаданиям, Юлиан приказал открыть вещие воды Кастальского источника на горе Парнас около Дельф (по его воде совершались предсказания будущего), который закрыл каменной плотиной еще император Адриан (см. XXI. 1. 6–7; XXII. 12. 8). — *Примеч. ред.*

⁵¹ Хирон — в греческой мифологии кентавр (полуконь-получеловек), сын Кроноса. В отличие от других кентавров, Хирон выделялся мудростью и благожелательностью и являлся воспитателем героев — Тесея, Ясона, Диоскуров, а как лекарь обучал врачеванию Асклепия. — *Примеч. ред.*

⁵² Победив вторым своим подвигом лернейскую гидру, Геракл погрузил острия своих стрел в ее смертоносную желчь и в дальнейшем постоянно использовал эти стрелы. Геродот, который в этом фрагменте явно был источником Либания, сообщает, что в Египте есть оракул Геракла (I. 83). — *Примеч. ред.*

⁵³ Меламп — в греческой мифологии сын Амифаона, основателя города Иолка. Меламп был старейшим прорицателем, основателем жреческого рода

49. Вот почему ты и остаешься, и отправляешься, когда это нужно, не потому, чтобы ты узнавал исход по тому, что сделано, но предпринимая борьбу, заранее зная результат, командуя войсками, а сам предводительствуемый богами.

50. И так Агамемнон выслушал от одного из подчиненных⁵⁴, что правит над более храбрыми, так как он не получил силы в добавление к власти⁵⁵; в настоящее же время и власть покоится на доблести царствующего. И никто не будет признан столь мужественным, чтобы считать несправедливым свое положение подчиненного.

51. Ведь все те достоинства, какие есть у другого, у тебя налицо в большей степени. И ты один совокупил в своей личности то, что прочих украшает по отдельности, и ни ритор, ни гоплит, ни судья, ни софист, ни посвященный в таинства, ни философ, ни прорицатель не мог восхищаться вперед тебя собою. Людей дела ты затмил своею деятельностью, ораторов своими речами.

52. Ты превзошел и кажущуюся красоту моих писем. Но здесь — общая выгода, так как это благо я насадил⁵⁶, а ты взрастил, города же снимают плоды.

Меламподов. Согласно мифу, Меламп из разоренной змеиной норы взял змеенышей и выкормил их; когда змеи выросли, они ночью вползли Мелампу на плечи и своими языками прочистили ему уши, после чего он стал понимать язык животных и предсказывать будущее. — *Примеч. ред.*

⁵⁴ Диомеда, Homer. Il. IX 32 sqq.

⁵⁵ См. Homer. Il. IX. 32–39: «Но меж них наконец взговорил Диомед благородный: “Сын Атреев! На речи твои неразумные первый Я возражу, как в собраниях позволено; царь, не сердися. Храбрость мою порицал ты недавно перед ратью ахейской; Робким меня, невоинственным ты называл; но довольно Ведают то аргиев — и юноша каждый, и старец. Дар лишь единый тебе даровал хитроумный Кронион: Скипетром власти славиться дал он тебе перед всеми; Твердости ж не дал, в которой верховная власть человека!» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

⁵⁶ Здесь Либаний, явно не без гордости, отмечает свое влияние на стиль посланий и иных литературных трудов Юлиана. — *Примеч. ред.*

53. Дайте же, боги-спасители, императору старость Нестора⁵⁷ — голос его вы давно ему дали — и детей, как ему⁵⁸, и пусть он продолжительностью жизни настолько превзойдет прочих владык римлян, как уже превзошел их своими достоинствами.

⁵⁷ Нестор — в греческой мифологии царь Пилоса, славился своей мудростью, а также долгожительством, — см. Номер. II. I. 250–252: «Два поколения уже современных ему человек Скрылись, которые некогда с ним возрастали и жили В Пилосе пышном; над третьим уж племенем царствовал старец» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

⁵⁸ У Нестора было много детей: шесть сыновей — Эхефрон, Персей, Стратигон, Аретос, Фрасимед, Писистрат (Номер. II. III. 412–415) и несколько дочерей («Вскричали дочери все, и невестки царевы, и с ними царица» (451); «Кончив, пошел впереди сыновей и зятьев благородных В дом свой богато украшенный Нестор...» (385–386)). Что касается детей Юлиана, то здесь пожелание Либания не сбылось: после смерти жены Елены Юлиан не притрагивался к женщинам (см. Or. XVIII. 294; Amm. Marc. XXV. 4. 2). — *Примеч. ред.*

К АНТИОХИЙЦАМ О ГНЕВЕ ЦАРЯ Orat. XVI F¹

1. В чем состояла моя беседа с императором в защиту города, антиохийцы, и как я не пожалел никаких усилий в борьбе и мольбах², вы узнали частью из моего рассказа вам, причем я не

¹ Речь написана в марте 363 г., после того, как император Юлиан покинул Антиохию для ведения войны против персов (см. § 52). Зная о недовольстве императора Антиохией, члены городской курии устроили Юлиану пышные проводы, однако встретили со стороны императора весьма холодный прием (Or. I. 132; Amm. Marc. XXIII. 2. 4). Второй раз делегацию куриалов Юлиан принял уже в пути, но с тем же результатом. Поэтому члены курии обратились к Либанию с просьбой урегулировать отношения антиохийцев с Юлианом. В результате были написаны две речи (Socr. H. E. III. 17) — Or. XV, адресованная императору, с просьбой о прощении и гарантии раскаяния горожан, и данная речь, «парная» к первой, обращенная к антиохийцам, в которой оратор бранил их за столь удручающее поведение и убеждал заслужить прощение императора. Сократ, ссылаясь на свои источники, утверждает, что обе речи не были выпущены для всеобщего ознакомления (III. 17), возможно, вследствие смерти императора. — *Примеч. ред.*

² Имеется в виду не Or. XV, а заступничество Либания за антиохийцев перед отъездом императора, о чем мы узнаем из писем оратора (Ep. 802; 815; 824). — *Примеч. ред.*

столько величался, сколько утешал, большую же часть из объявления царя, когда он и здесь говорил жрецу, как я докучал ему, и потом на стоянке пред вашей курией³. А что надо вам выслушать о постигших нас испытаниях и гневе царя и как нам можно прекратить его и показать свою благонамеренность, это я попытаюсь изложить.

2. Ведь там надлежало попробовать вас выволить из вины, здесь же не скрывать, в чем вас можно обвинить по справедливости. Первое было извинительно и, к счастью, достигло прощения, второе же могло бы нам причинить сильнейший вред, если бы мы стояли на своем, будто мы ничем не прегрешили.

3. Что я или всех, или большую часть огорчу свободой своих разоблачений, это я отлично сознаю, но гораздо выгоднее, будучи огорченными речью, порадоваться результатам ее, чем, теперь выслушав приятные вещи, за малое удовольствие подвергнуться многим сильным наказаниям. Ведь если бы можно было заразить вас хвалить, и показать путь, каким нам возможно избежать опасности, было бы, конечно, безумным поступком избрать не этот способ речи. Но так как от угодливости речи необходимо погибнет польза, благоразумно будет предпочесть лести то, что ведет к спасению.

4. Демосфен, увещевая своих сограждан в их унынии, хотел, чтобы было не так и чтобы умы не были настроены так, как будто не было доброй надежды⁴. Я же настолько далек от советов вам

³ После отъезда из Антиохии Юлиан встречался с членами антиохийской курии на почтовой станции в Литарбе, о чем сообщил в письме к Либанию: «Я дошел до Литарб (есть такое поселение в Халкиде) и случайно наткнулся на одну дорогу... С трудом пройдя эту часть пути, я пришел к первой стоянке (было около девяти часов) и принял в своем доме большую часть членов вашего совета. О чем мы говорили друг с другом, тебе, наверное, уже рассказали; а если будет угодно богам, то услышишь об этом со временем и от нас» (399 b-c; пер. Д. Е. Фурмана). — *Примеч. ред.*

⁴ Demosth. Phil. I. 2: «Итак, прежде всего не следует, граждане афинские, падать духом, глядя на теперешнее положение, как бы плохо оно ни представлялось. Ведь то, что в этих делах особенно плохо у нас в прошлом, для будущего оказывается весьма благоприятным. Что же это именно? Это то, что вы сами, граждане афинские, довели свои дела до такого плохого состояния, так как не

отбросить уныние, что и не считаю возможным городу спастись иначе, если мы не прибавим к наличному и превзойдем печалью тех, кто когда-либо известны были избытком своей скорби.

5. Так приходится. Ведь если бы, допустим, мы мыслили о настоящей поре как легкой, мы увеличим бедствие, показав всем, что ни от кого и никакая немилость не будет так серьезна, чтобы она смутила город. Если же мы отчаемся в поправлении обстоятельств и проникнемся тем страхом, какой естествен у людей, рискующих самою основою своего существования, то, во-первых, при таком опасении мы с большим толком обсудим, как следует нам поступать впредь. Затем это самое, может быть, удовлетворит и императора, что город, который представлялся все время весьма самоуверенным, поражен, принижен и уверен в своей гибели⁵.

6. Далее, многие и великие несчастья всегда окружали этот несчастный город, и, может быть, Селевк строил его при неблагоприятных знамениях⁶. Персидской силе выпало на долю прославиться на счет наших бедствий, как борцу, много раз повергавшему своего противника. Когда не воевали они с этой

исполняли ничего, что было нужно. Вот если бы вы делали все, что следовало, и, несмотря на это, дела были бы в таком положении, тогда и надежды не могло бы быть на их улучшение» (пер. С. И. Радцига). — *Примеч. ред.*

⁵ Перед своим отъездом из Антиохии Юлиан назначил правителем Сирии Александра из Гелиополя, человека вспыльчивого и сурового, перспектива правления которого вызвала обоснованные опасения у антиохийцев: как сообщает Аммиан Марцеллин, Юлиан сам говорил, что не Александр заслужил этот пост, а корыстолюбивые и дерзкие на язык антиохийцы заслужили такого судью (XXIII. 2. 3). Вот как несколько иносказательно это свое намерение описывает сам Юлиан: «...Город единодушен в отношении ко мне — одни ненавидят меня, другие, которых я накормил, неблагодарны — я препоручаю все Адрастее (богине мщения. — М. В.), а сам отправляюсь к иным народам и иным гражданам» (Misorogon. 370 b; пер. Т. Г. Сидаша). Кроме того, планы Юлиана перенести свою резиденцию в Тарс грозили Антиохии не только потерей престижа, но и перспективой утратить статус метрополии. — *Примеч. ред.*

⁶ Об основании Антиохии Селевком I Никатором и сопутствующих этому предзнаменованиях см. Or. XI. 84–91. — *Примеч. ред.*

областью? Или, когда, совершив нашествие, не уничтожали, что могли, срывая до основания, а с остальным приканчивая огнем?⁷

7. Итак, наши предки были упорны в борьбе и не умели уступать демонам своих мест. А между тем им следовало, приняв во внимание, что чья-то зависть обуревает город, немедленно после первого, если же нет, то по крайней мере после второго разрушения искать другой стороны, как тем фокейцам⁸. А они, в действительности, восстанавливали и снова созидали город, не зная, что готовят его для новых бедствий.

8. Но если многие грозные беды потрясли, граждане, раньше наш город, ни одно, сказал бы я, не сравнится с настоящим несчастьем. Во-первых, не одно и то же тяжело страдать от природных врагов или встречать ненависть со стороны единоплеменников, от тех, чьей заботой подобало бы пользоваться.

9. Но как гораздо ужаснее быть гонимым отцом и иметь обвинителем родителя, чем подвергаться козням со стороны лиц, посторонних роду, так большее бедствие то, если римскому императору город представляется достойным разорения, чем потерпеть это на деле со стороны варваров⁹.

10. В самом деле, последнее согласно с законом войны и напасть такая принадлежит к обычным, а первого примеров немного. И в последнем можно винить судьбу, первое же представляется выдержавшим проверку разума. И второе вызывает сострадание со стороны единоплеменников, и они готовы помочь пораженным ударом, дружбы же первых всякий станет избегать, выдвигая эту ненависть как признак большого разногласия в образе мыслей.

⁷ См. Ор. XV. 16; XXIV. 38. — *Примеч. ред.*

⁸ Herod. I 164. (Как рассказывает Геродот, жители Фокеи, греческого полиса в Ионии, когда их город был осажден персидскими войсками под командованием Гарпага, отказались подчиниться персидскому царю и предпочли навсегда покинуть родной город, отплыв в свои заморские колонии. — *Примеч. ред.*)

⁹ Соотнесение понятий «император» и «отец» обусловлено в том числе и особенностями титулатуры: римские императоры сохранили титул *pater patriae*, впервые присвоенный Октавиану Августу. — *Примеч. ред.*

11. Итак, если город наш не пал, не надлежит радоваться или хладнокровно переносить недовольство нами, но если город, потеряв прежнюю славу, значится в числе самых злонравных, больше скорбеть, чем если бы мы видели врагов перед стенами. Мне же да будет дано прежде всего оберегать жизнь и считаться честным, а если влечет к себе низость, смерть, граждане, легче порочности.

12. Таким образом, если и можно было бы не бояться за будущее, вследствие наличного позора надлежало бы прятаться от стыда, стенать, считать, что городу прилична та внешность, какую принимает на себя каждый дом во время похорон; а теперь, когда на нас тяготит такое бесславие, нет даже того, кто бы поручился, что мы не подвергнемся какой-либо непоправимой каре, если разве вы не получили из Дельф, без моего ведома, оракулов.

13. Итак, пока в разгаре пламя этого гнева, кто столь храбр, что не захочет трепетать? Разве не знаете, что, сколько силы в землетрясениях¹⁰, в молниях, в морских наводнениях, столько и нисколько не меньше силы в царском гневѣ? Он силен войском против безоружных и, если даст знак разгромить город, самый большой из всех гибнет в малую часть дня силою рук, оружия, огня, прочего.

14. Тот же, кто не решается на столь чрезмерную кару, отняв у города все признаки такового, превращает его по виду в деревню. Взгляните на известную Каппадокию. Там богатый, значительный город, заботившийся об искусстве речи и бывший зимовкою императору, не раз исключался из списка городов, когда признано было, что он преступает в своей дерзости дозволенные пределы¹¹. Что же? Разве людям здравомыслящим не пристало трепетать, плакать, подумать, как бы загладить тот или другой из проступков?

¹⁰ Весьма удачное и своевременное сравнение, поскольку в 363 г. произошло сильное землетрясение (Or. I. 134; Amm. Marc. XXIII. 1). — *Примеч. ред.*

¹¹ Речь идет о Кесарии Каппадокийской: христиане, составлявшие в городе большинство населения, превратили храм Фортуны в церковь, что вызвало гнев Юлиана (Sozom. H. E. V. 4. 1–3; 11. 8). — *Примеч. ред.*

15. После этого иной, поднявшись здесь с места, скажет: «Да где же тут с нашей стороны преступление, если и земля не дала того урожая, какой надобен был, и торговлю затормозили нововведения насчет рыночных цен?»¹² Такие слова указывают на неблагополучие, если мы возбудили ненависть без вины со своей стороны. Таким образом, благоразумие требует смириться и плакать, нарочно ли мы оскорбили милостивого владыку или без всякой вины с нашей стороны некий враждебный демон нас покрыл такою дурною славою.

16. Но так как с вашей стороны много заверений, что вы не сделали никакого проступка, а он заявляет, что он оскорблен самым чувствительным образом, я бы не желал быть судьей в таком процессе, потому что люблю обоих, отечество что и государь требует уважения, друг мне по своей речи и, самое важное, ввиду слов, которые я и он творим сродни¹³ одни другим. Однако, так как нужно все отодвигать на второй план перед истиной, и я вперед заявил, что, нимало не обинуясь, скажу, что думаю, и раз уже вступив в число советчиков, доведен до необходимости подать голос, надо сказать, что мне кажется.

17. Даже если бы я часто говорил, антиохийцы, что государь напрасно вас обвиняет, я не мог бы убедить кого-нибудь, кроме вас. Ведь и благочестие к богам, и кротость к подданным, но натура, подобающая философии, и учения, содействовавшие природным свойствам, все это становится, и свидетельствует, и чуть не вопиет против вас, что скорее город погрешил против него, чем он в чем-нибудь погрешил против вас.

18. В самом деле, человек этот услаждается одною этою утехою, свободою от сознания за собою какого-либо недобросовестного поступка, и от богов его отличает употребление пищи, а в упражнении в добродетели и в попечении о душе он близок к ним, больше властвуя над дурными позовами, чем над городами, какими управляет, а из тех, которые уже обладали тем же царством,

¹² Имеется в виду эдикт Юлиана о замораживании цен в октябре 362 г. — *Примеч. ред.*

¹³ λόγους ἀδελφούς ср. т. I, стр. 83, 1 [205, 389], т. II, стр. 124, 201 [163, 30; 269, 63].

одних показав ничего не стоящими, достоинство других понизив сравнительно с прежним, третьим, в одном быв подражателем, в другом их превзошедши.

19. Таким образом, пред лицом обвинителя, прямодушного и более справедливого, чем сыны Зевса от Европы¹⁴, воображаем ли мы, отрицая то, в чем нас обвиняют, привлечь на свою сторону того или другого из слушателей? Это невозможно. Скажи, в самом деле, какой приведем верный предлог? То ли, что он поступает, как придется, не разбирая, в чем дело? Но кто из возвращающихся на площади столь же опытен в ежедневных делах? То ли, что он питает гнев сильнее рассудка? Он, который предоставил жизнь людям, заострившим на него мечи?¹⁵ То ли, что измышляет пустые обвинения, дабы конфисковать имущество? Он, отпустивший народу старый взнос золота?¹⁶ Но человек он зверский? Он, который ходит в храмы и вмешивается в толпу подданных, кто творит милостивый суд, расспрашивает о наших детях и радуется, если кто из них отдается какому-либо похвальному занятию?

20. Много явится свидетелей, антиохийцы, на помощь ему, множество городов, большие племена, земля и море, все обитатели территории до нашей страны от потоков Рейна, общая любовь коих провожала его сюда. Итак, когда мы одни будем неудобны ему и одних нас он будет винить, других одобряя, вероятнее не то, что он переменял характер, но что мы дали своему городу проявить свое неповиновение.

21. Расследуя таким образом, граждане, то, что произошло, я нахожу, что вы скорее подлежите обвинениям, чем являетесь жертвою клеветы. А если нужно определеннее коснуться предмета обвинения вас и задеть, но тем принести вам пользу, о том, что вы скрыли полевые продукты и, будучи в состоянии открыть обильный рынок, добились того, что он пришел к оскудению,

¹⁴ Имеются в виду Минос и Радамант, который считался самым справедливым из всех людей. После смерти оба брата вместе с Эаком были судьями над мертвыми в подземном царстве. — *Примеч. ред.*

¹⁵ Ср. Ор. XII. 85. — *Примеч. ред.*

¹⁶ Речь идет о эдикте об *aurum coronarium* (E. L. F. 72). — *Примеч. ред.*

и подняли войну против воли царя¹⁷, не буду говорить. Я бы заведомо солгал, сказав, что многие из вас, крупных владельцев, видя своих собственных рабов голодающими, не могли помочь им.

22. Но вот в чем я охотно попрекнул бы вас, что мы не проявили превосходства воли над силою. Что же это, о чем я говорю? Возможно, антиохийцы, бессилию встретиться с готовностью к делу и одному и тому же человеку не быть в состоянии угодить тому, кто отдает приказ, делом, но волею и сильным сочувствием его желанию, своим удовольствием при появлении надежды на осуществление, своим унынием, когда препятствие заключается в природе вещей.

23. Ни одного из этих чувств мы не проявляли, но явно тяготились законом, даже делая, что было можно, и отправляя свою службу неохотно, и вынося труды при самом исполнении дела, но не одобряя мероприятия. А я желал бы, чтобы вы вместе с императором увлеклись этим установлением, восхитились его рвением, если и не было средств осуществления, как проявляющим милосердную и приходящую на помощь бедноте душу, считающую возмутительным, если одни будут всячески роскошествовать, а другие все время иметь недостаток в предметах первой необходимости, и среди бойкой торговли¹⁸ на рынке беднякам можно будет только смотреть на пользование ею богатых.

24. Так надо было думать и проявить недовольство не тем, кто понизил цены, но торговцами, которые не хотели знать меры¹⁹. Ведь если бы дело от того нисколько не более уступало желаниям, вы все-таки считались бы в числе тех, кто ни в чем не пожелали противиться царской воле. Так и воины избегают вины, когда, ведомые полководцем в предприятие, представляющееся неисполнимым, подражая решимости самого того, кто их увещевает, считают нужным идти напролом, но, будучи отражены, скорбят о том, что не достигли конца дела.

¹⁷ См. Or. XV. 21 и сн. — *Примеч. ред.*

¹⁸ τῆς ἀγορᾶς ἀνθοῦσης ср. об ἀνθεῖν т. I, стр. 16, 1; 413, 2 [117, 60; 646, 77].

¹⁹ См. Or. XV. 8 и сн. — *Примеч. ред.*

25. Мы же допустили возникнуть такой молве, будто в дни, несущие изобилие, приходим в уныние, а скудости продуктов радуемся, словно первым унижаемые, а во втором наша взяла. А следовало бы, чтобы возникла такая молва, что мы превосходим императора в скорби о том, что, и при настоящей высоте цен, рынок не сохраняет своего внешнего вида.

26. «Ты знаешь за мной эту вину?» — скажет, пожалуй, вскочив с места, Евбул²⁰, и следующий за ним, и третий, и четвертый, и каждый из прочих. — Я — никоим образом. Я бы, право, был давно врагом вам, если бы знал что-либо подобное. Но я также не поддался бы убеждению, что не отсюда возник повод, повлекший к ненависти. От кого пошла молва, не знаю, но слышал, что подобная ходила.

27. «Дело — сикофанта». Опять высокие качества императора замыкают для нас путь к такой отговорке. Другой поддался бы и впал в обман, но мы видим, как в процессах этот человек не сдается на лживые показания, но попирает и сокрушает всякий обман и, словно фаланга, разрывает лживые речи, пока, подвигаясь вперед, не добьется самой истины²¹.

28. Но, если угодно, оставим рынок и сетования на всякие атмосферические явления. Но эти люди, плохо обнажающиеся, еще хуже бегущие²² и дозволившие себе безнаказанную свободу злословить, кого только захотят, причем злословия эти таковы, что, произнося их и друг на друга, они по заслугам не ускользнули бы от осуждения, излив такие оскорбления на самого нравственного, справедливого и благоразумного²³, сделали ли город наш

²⁰ Принципал Евбул был постоянным оппонентом Либания (Or. I. 116; 156; 163). Вероятно, это его дом был подожжен во время восстания в Антиохии в 345 г. (Amm. Marc. XIV. 7. 6). — *Примеч. ред.*

²¹ Речь идет о судопроизводстве, которым Юлиан ревностно занимался во время своего пребывания в Антиохии, демонстрируя глубокие знания права. Приговоры Юлиана отличались справедливостью и милосердием (Amm. Marc. XXII. 10). — *Примеч. ред.*

²² Фигурально, ср. т. I, стр. 81, 2 [201, 375], т. II, стр. 102 [136].

²³ Антиохийцы выдумали массу насмешек над Юлианом: они высмеивали его негустую бороду, языческие символы на отчеканенных им монетах

безупречным или достойным тех утеснений, какие он сейчас испытывает?

29. И не думайте, что, боясь за свою славу, он гневается на упомянутых людей, как бы эти отбросы общества не возымели столько влияния, но то обстоятельство, что некоторые из подданных преисполнились такой разнузданности и не боятся, но с легкостью дерзают при царской власти на то, на что не дерзнули бы и при демократии, притом злоупотребляющей своей властью, вот что вызвало у него уныние.

30. Итак, когда такие памфлеты ходят по городу, кто возопил как по поводу нечестивого поступка? Кто подошел и ударил? Кто почувствовал удар в сердце? Кто сказал соседу: «Воспрепятствуем, схватим, свяжем»? Подобало, полагаю, ему оставаться в покое, а нам требовать возмездия, и обидчикам погибнуть прежде, чем ему узнать, в чем состояло злословие.

31. «Было, — говорит противник, — каких-нибудь несколько человек». И поэтому разве не следовало наказать, что то, на что не дерзнула бы, вероятно, и группа более многочисленная, чем все остальные, над этим не призадумались безумцы, бывшие в числе даже менее двадцати.

32. «Но это были какие-то негодяи, нищие, преступники, срезыватели кошель». Ты назвал вторую причину, почему следует их растерзать, если их преступления велики, страшны, у всех на виду, а оправдания никакого.

33. «Они, — говорит противник, — были пришлецами, беглыми». — Следовательно, они совершали проступок тем, что они говорили, а мы тем, что позволили им это. А, при возможности воспрепятствовать, не пожелать сделать этого равносильно

(Misopogon. 355 d), сочинили множество сатир на него (344 b). Вот как эти насмешки описывает Аммиан: «Его называли в насмешку Кекропсом (обезьяной), карликом, который выставляет вперед свои узкие плечи и свою козлиную бородку, ходит огромными шагами, как будто будучи братом Ота и Эфиальта, которым Гомер приписывает невероятно большой рост; называли его не почитателем богов, а виктимарием [прислужником при жертвоприношении, убивавшем жертвенное животное], так как многие высмеивали его частые жертвы» (XXII. 14. 3; пер. Ю. А. Кулаковского). — *Примеч. ред.*

действию, и тем, что не обнаруживает гнева на обидчиков, человек становится сторонником беззакония.

34. «Ты, человек, финикиец и есть у тебя город? Лучше всего и там будь порядочен, если же не можешь, более себе дома, сколько хочешь, и называй праздником бесчинство. А мы ни твердить, ни слушать подобных вещей не умеем. Хочется тебе у нас плясать кордакс?²⁴ Умри и не навязывай городу собственных пороков».

35. Что скажем или что могли бы мы сказать, так как ничего такого мы не сделали? Иной заявит: «Мы побоялись, как бы, препятствуя тому, что представляется актом священного обряда, не подвергнуться обвинению в отмене праздника». Понадобилось нам, видно, проникнуться убеждением, что это праздник — столь дерзкому скопищу совершать свое шествие против самой божественной главы.

36. Признаю, что к иным праздникам примешиваются некие насмешки²⁵, но, во-первых, легкие, терпимые и срывающиеся не со столь вольного языка, так как они бывают направлены на людей, не равных по положению, и таким образом сглаживают свою жестокость. А если бы возможно было моим рабам, собрав в кучу всевозможные поношения, под предлогом праздника, вволю поиздеваться надо мною, я бы не признал богов, которым в радость подобное служение им.

37. Итак, делом людей, заботящихся о городе, было давно искоренить этот обычай и не пренебречь обидами даже ленивому²⁶ Констанцию²⁷, так как, если душа царя вообще и причастна беспечности, его общественное положение достойно почета. Если

²⁴ Кордакс — комический танец с непристойными телодвижениями. — *Примеч. ред.*

²⁵ Это праздник Сатурналий или празднование Нового года (ср. Or. IX. 10–11). — *Примеч. ред.*

²⁶ ὕπτιος ср. vol. III 166, 22 (orat. XXXIII, § 4).

²⁷ Как это было в Эдессе, когда жители города свергли его статую, уложили на землю и высекли; Константин тогда не предпринял никаких карательных мер к жителям этого пограничного города, возможно, потому, что подобные действия были частью местного праздника и относились не конкретно к Констанцию, а к любому царю (Or. XIX. 48; XX. 27). — *Примеч. ред.*

вполне естественным было, что вместе с прочим и это упущено было из виду, то, когда, однако, власть получил тот, кто превзошел всех во всех частях земли, не следовало пренебрегать ничем, требующим чести, но лучше всего, когда еще время к тому не наступило, заранее уничтожить поношения, а если время было упущено, то толчком к такому решению должно было бы послужить самое это бесчинство.

38. Вообще следовало бы произойти полному²⁸ превращению нравов, и городу получить более удовлетворительный строй, как какой-нибудь кифаре, попавшей в руки кифареда-мастера, и этому строю распространиться во все области общественной и частной жизни, на души, образ жизни и мужчин, и детей, и женщин.

39. Но что с самого начала отвращение к нам возникло вследствие нашей глупости и с течением времени усилилось, это выяснено. Я допускаю, если угодно, что это было делом судьбы, творящей беззакония. Что же? Предоставим кораблю, как плохие моряки, стать жертвою бури или противопоставим волнению какие-либо меры? Мне это угодно, и такова цель настоящего слова, прийти на помощь городу в его недуге, и все те попреки, какие мною сделаны, преследуют эту одну задачу.

40. Каковы же средства излечения? Покажем, что мы действительно страдаем, покажем, что действительно скорбим. Пусть наша печаль и наша смиренность будет нашей защитой. Ведь и это является одной из претензий против нас, что мы развиваем в себе самомнение, паче должного, и что ничто не может утратить²⁹ город. Пусть не думает Аргирий³⁰, чтобы его уныние

²⁸ λαμπρός, часто употребляемое у Либания слово, в значениях разного оттенка, vol. II, pg. 66, 11 νίκη — «решительный», 136, 18 «значительный», «заметный», pg. 150, 18 εὐχή — «громкий», то же φωνή III 254, 8, 226, 5 πόλις — «крупный», 353, 17 αἰγίς IV 279, 1 καταγίς — «сильный», IV 430, 10 «знатный», 461, 10 τὸ δίκαιον «чистый» (в смысле «подлинный») 484, 4. Ср. еще «обильный» ο рынке (ἀγορά) стр. 262 [372], § 21.

²⁹ φοβέω: отметить действит. залог глагола.

³⁰ Аргирий, принцепал Антиохии. Возможно, что это именно он упоминается в Ор. XV. 23 как нерадиво смотревший за пекарями, ведь в данной речи он в унынии и вынужден оправдываться. — *Примеч. ред.*

достаточно было для оправдания, но преобразим город в картину общей скорби, и пусть целый город напоминает дом в горе.

41. Запрет на короткое время театр и попросим этих плясун-нов и мимов в тех утехах, которые они предлагают, дать участие нашим соседям, а нам предоставить провести лето без увеселений. Конные ристания сократим до меньшего числа состязаний, назначив шесть вместо шестнадцати³¹. Это суетное обилие светильников, висящих перед банями, проявление бесцельной роскоши, доведем до малой части того, что есть сейчас³². Станем судьями себе самим, чтобы не стал нам таковым император. Добровольно подвергнемся наказанию, чтобы не потерпеть сильнейшего поневоле. Собственным приговором остановим его приговор.

42. А если поклонники театров рассердятся, убедим их признать, что такова пора, если же они не обратят внимания, нечего говорить с ними. Недопустимо угодить им вопреки общему спасению и поставить опасение огорчить тех, кто признаются, что не могут жить без удовольствий сцены, вперед задачи устранить гнев государя.

43. Ведь если мы боимся мятежа, то и в этом винит государь курию, как мы так плохо распоряжаемся городом, что необходимо лучшим людям идти за массою и доставлять толпе развлечения, и иначе немедленно погибнуть. Но мы считаем слишком много-

³¹ Ср. высказывания самого Юлиана по этому поводу, на которые Либаний явно опирается: «Возможно, есть и другие изъяды и тяготы, с ясностью доказывающие невыносимость моего нрава... ненавижу скачки, как должники ненавидят рынок. Вполне понятно, что я редко бываю на них — только на праздниках, когда они в честь богов; я не отдаю им целые дни, как мой двоюродный брат, или дядя, или брат по отцу. Шесть состязаний — вот все, что я остаюсь смотреть, да и то не как тот, кто любит их — клянусь Зевсом! — не как тот, кто их ненавидит и кто не отвращается, но как тот, кто уходит с радостью» (Misorogon. 340 a-b; пер. Т. Г. Сидаша). Юлиан также избегал театральных представлений, танцоров и мимов (344 а). — *Примеч. ред.*

³² Уличное освещение в Антиохии в ночное время было весьма развито, и содержание его, очевидно, требовало больших средств (Or. XI. 267; XXII. 6; XXXIII. 35; Amm. Marc. XIV. 1. 9). — *Примеч. ред.*

численной группу тех, кто требует плясок во время голодовки³³. Это стремление³⁴ людей, наживающихся от игры в кости, совсем не многочисленных и притом пришлых, против которых, если они проявят дерзость, у нас есть закон об изгнании таковых.

44. Итак, полагаю, все уступят принятому нами решению, а если и возникнет какое-нибудь волнение, то этот страх будет спасителем для города. Очень важно, чтобы император от тех, кто отсюда отправляются, услышал, что в Антиохии руководители администрации приучают город к воздержанности, а народ противится и считает нужным или роскошествовать, или поднимать бунт.

45. Тот же, кто считает за неблагоприятное предзнаменование, если при отсутствии какого-либо положительного опасения я предложил такую перемену, может быть, прав в своей осмотрительности, но, когда кипит столь сильный гнев и ожидаются его последствия, мы, может быть, удовлетворим демона, подвергнувшего нас гонению, если сами сократим кое-что в наших удовольствиях. Таким образом, мы не среди его благополучия ввергнем город в какое-нибудь бедствие, но остановим его сотрясение.

46. Пусть он, граждане, стоит прочно, если победит и встречено будет с увлечением то, что важнее сказанного, что некоторым не по нутру³⁵, большинству же будет по нраву. Именно, следует быть уверенным, что, ни пав ниц на землю, ни умоляя с ветвями маслин в руках, ни увенчивая, ни воплями своими, ни посольствами, ни отправлением самого искусного риторика не погасите вы гнева, если, прекратив то шутовство³⁶, не отдадите города Зевсу

³³ Речь идет о группах людей, нанимаемых актерами для их восхваления. К концу IV в. эти группы стали влиятельной силой, и наиболее известным случаем их участия в политической жизни города стал мятеж 387 г. — *Примеч. ред.*

³⁴ Восполнение *Reiske*: τοῦτ' ἐστὶν после ἀνθρώποις *Förster*'ом помечаемое, как часто у него, только под текстом, безусловно необходимо.

³⁵ Возможно, Либаний имеет в виду христиан. — *Примеч. ред.*

³⁶ ὄλος cf. vol., pg. 202, 13, vol. II, pg. 2 и 5, 1.

и прочим богам, о чем вас, гораздо раньше императора, с самого детства, поучают Гомер и Гесиод³⁷.

47. Вы же хотите почтения к себе за вашу образованность и называете эпос образовательным предметом, а в важнейших делах прибегаете к другим учителям и тех храмов, закрытие коих следовало оплакивать, избегаете, когда они открыты³⁸. Затем, когда кто-нибудь помянет Платона и Пифагора, вы ссылаетесь на мать, жену, на ключницу, на повара, на давность таких своих убеждений и не конфузитесь, когда вас стыдят этим, но для кого вам следовало бы быть законодателями, за теми вы идете на поводу и считаете старое заблуждение великою необходимо-

³⁷ В античной образовательной традиции на базе текстов Гомера и Гесиода формировали основы эллинского образования и религии. По этой же схеме обучался и Юлиан в детстве, под руководством педагога Мардония: «Воспитан он [Мардоний] был стараниями моего дедушки, чтобы провести мою мать через поэмы Гомера и Гесиода... я был отдан ему после того, как мне исполнилось семь лет. Тогда-то он и склонил меня к таким своим взглядам, с этих пор водил он меня в школу одной дорогой; поскольку ни сам он не хотел знать ничего иного, ни мне не позволял идти другим путем...» (Misopogon. 352 b-c; пер. Т. Г. Сидаша). — *Примеч. ред.*

³⁸ Иносказательный намек на существовавший конфликт между эллинской и христианской системами образования, который фактически вылился в запрещение императором Юлианом преподавания учителям-христианам: «Итак, всем, заявляющим о своем намерении что-либо преподавать, надлежит быть людьми нравственными, не таить в душе мыслей, враждебных тем, какие они излагают публично, а более всего такими надлежит быть тем, кто наставляет юношей в искусстве слова и трактует древние сочинения — риторам, грамматикам, а еще более — софистам... В самом деле, ведь для Гомера и Гесиода, и Демосфена, и Геродота, и Фукидида, и Исократа, и Лисия боги были наставниками во всяком учении... Чудовищно, думаю я, толковать их творения и быть нечестивыми по отношению к богам, которых те почитали. До сего времени было много причин не посещать храмы, и нависающий со всех сторон страх мог служить извинением тем, кто скрывал истиннейшие представления о богах. Но теперь же, когда боги дали нам свободу, мне кажется чудовищным учить людей тому, что сам не считаешь хорошим. Но если они действительно считают мудрыми тех, толкователями и комментаторами кого они восседают, пусть прежде всего подражают им в почитании богов. Если же они полагают, что те обманывались в том, кого они наиболее чтили, то пусть идут в церкви галилеян и там толкуют Матвея и Луку» (422 с — 423 d; пер. Д. Е. Фурмана). — *Примеч. ред.*

стью для постоянного пребывания в таковом, как если бы кто, в юности торгуя красотою, сохранил недуг свой и во все прочие возрасты³⁹.

48. Да что долго рассуждать? Теперь перед вами выбор, или оставаться в опале, или получить двойную выгоду, приобретение благосклонности владыки и познание тех, кто действительно обитают в небе. Ведь вы одни выиграете в том, чем угодите, по внешности давая, на деле будете получать.

49. Но, знаю, никакая речь не изменит вас и потому я сократил ее, чтобы попусту не затягивать. Но смотрите, когда гроза будет близко и государь, после персов, обойдется, как с врагом, с городом, не плачьте, обступив меня, говоря, что настала пора для речей. Если вы ими сами пренебрегаете, как можете вы требовать, чтобы они имели пред ним силу?

50. В возражение же тем, которые считают себя в обиде, если, не причастные винам прочих и принося жертвы богам, они будут

³⁹ Подобная критика Либанием антиохийцев имеет прямые параллели в соответствующих высказываниях императора Юлиана в отношении жителей Антиохии: «Теперь, когда каждый из вас позволяет своей жене выносить для галилеян из дома все, что угодно, когда ваши жены за ваш счет питают бедных, они вызывают в нуждающихся (а таково, я полагаю, большинство) великое восхищение безбожием; вы же считаете, что не совершаете ничего нелепого, и в первую очередь, когда пренебрегаете возданием чести богам; ни один из нуждающихся не приходит в храмы — потому, думаю, что их там не накормят. В то же время, когда кто-нибудь из вас справляет свой день рождения, он готовит завтрак и обед, ничего не жалея, и созывает друзей на роскошную трапезу; однако, когда наступил годичный праздник [Аполлона], никто не заготовил ни масла для светильников бога, ни возлияний, ни жертвенных животных, ни ладана» (Misorogon. 363 a-b; пер. Т. Г. Сидаша). «Поскольку вы знаете, что человек должен быть свободным, вы поступаете вполне справедливо, во-первых, позволяя женщинам управлять собой, чтобы извлечь выгоды из их чрезмерной свободы и распущенности, во-вторых, поручая им воспитание детей из страха, как бы те, познакомившись с более суровым воспитанием, не стали потом рабами! Как бы, становясь юношами, они не обучились, в первую очередь, совеститься старцев, а затем, под влиянием этого дурного обычая, не стали бы относиться с почтением к магистратам, чтобы в конце концов не сделаться вместо людей рабами, став рассудительными, справедливыми, а, возможно, и кроткими, и скромными...» (356 b-c; пер. Т. Г. Сидаша). — *Примеч. ред.*

наказаны с нечестивыми и повинными за прочие проступки, скажу не свои слова, а слова его в ответ мне. Я и сам разделял вас в своей оправдательной речи перед ним, а ему достаточно было одного стиха того, кто получил лавр от Муз⁴⁰. Допуская, что есть некоторые не безнравственные, он не позволял дивиться тому, что они погибнут вместе с дурными. «Часто, — говорит тот, — город целый за злого платится мужа»⁴¹.

51. И тут нельзя было дерзко настаивать на своем, когда уже давно таково положение. Кто, в самом деле, не знает, как войско ахейцев истреблено было за проступок Агамемнона, какие бедствия они потерпели, отъезжая домой, из-за беззакония Эанта?⁴² Разве афиняне не заплатились всем народом за обиду Перикла мегарянам⁴³, а фиванцы не страдали недугом после

⁴⁰ Имеется в виду поэт Гесиод (Theog. 29–32; пер. В. Вересаева): «Так мне сказали в рассказах искусные дочери Зевса. Вырезав посох чудесный из пышно-зеленого лавра, Мне его дали и дар мне божественных песен вдохнули, Чтоб воспевал я в тех песнях, что было и что еще будет». — *Примеч. ред.*

⁴¹ Этот фрагмент из другой поэмы Гесиода, «Труды и дни» (240–241; пер. В. Вересаева): «Целому городу часто в ответе бывать приходилось За человека, который грешит и творит беззаконье». — *Примеч. ред.*

⁴² Либаний упоминает два сюжета из «Илиады». Агамемнон во время осады Трои захватил в плен во время одного из набегов Хрисеиду и отказался вернуть ее отцу Хрису, жрецу Аполлона, за что бог наслал на греков моровую язву (I. 8–53). Эант, более известен как Аякс Оилид, царь локров. Во время взятия Трои он совершил насилие над Кассандрой, искавшей защиты у алтаря Афины. По совету Одиссея, ахейцы собирались за это святотатство побить его камнями, но Аякс нашел убежище у алтаря той же Афины. Однако при возвращении флота ахейцев из-под Трои разгневанная Афина разбила их корабли бурей у Кикладских островов (Apollod. Epit. V. 22–23; VI. 5–6). — *Примеч. ред.*

⁴³ Речь идет о событиях 430-х гг. до н. э., предшествовавших Пелопоннесской войне, когда афиняне, в частности, закрыли гавани Афинского морского союза для кораблей из Мегары, входившей в Пелопоннесский союз. Война, как известно, закончилась поражением Афин. Данный сюжет Либаний почерпнул, скорее всего, из Аристофана, который в комедии «Мир» обратил внимание именно на этот эпизод: «А затем Перикл. Боялся он невзгоды для себя. Ваших прихотей страшился, ваши зубы злые знал. Чтобы самому не сгнить, в город он метнул пожар. Бросил маленькую искру — о мегарянах закон. И раздул

убийства Лая Эдипом⁴⁴, притом не знавшим, кого он убивал? Итак, видя, что у богов в силе такой закон, станет ли он, заседа, производить разборку, отделяя от негодных людей, которых гораздо больше, людей добропорядочных? Желал бы этого, но верить не могу.

52. Итак, пока он еще переходит реки, и внимание его занято владычеством персов, и он намечает вторжение и где, когда и как напасть на врагов⁴⁵, сделаемся порядочными людьми и, как наши предки, избавившись от чрезмерной роскоши, перешли к умеренной жизни, так и мы, уговорив друг друга, устраним ныне существующее мнение о городе, и явимся в глазах царя достойными прежних ожиданий.

53. В особенности на этот город он рассчитывал, что он будет с ним заодно⁴⁶, и прочие города затмит его к нему благосклонностью, и что он будет ему ближе самого отечества⁴⁷, и отправился в поход, готовя ему украшение⁴⁸ и другие милости вдобавок к тому. Теперь же он ненавидит, и друг Аполлона убежден, что

войну такую, что у эллинов глаза Выжег дым до слез горячих. Плакал здесь народ и там» (606–611; пер. А. Пиотровского). — *Примеч. ред.*

⁴⁴ Эдип, сын царя Фив Лая, которому Аполлон предсказал смерть от руки сына, был брошен по приказу отца на горе Киферон, однако выжил по милости сжалившегося над младенцем пастуха. Впоследствии он случайно убил в дорожной ссоре Лая, не зная, что это его отец, и, отгадав загадку Сфинкса, спас Фивы от этого чудовища, за что фивяне провозгласили Эдипа царем Фив и дали ему в жены вдову Лая, т. е. его же мать. Не знаявший того, что он убийца отца и муж матери, Эдип правил в Фивах до тех пор, пока город не был поражен моровой язвой, и дельфийский оракул потребовал изгнания из Фив неразрысканного убийцы Лая. — *Примеч. ред.*

⁴⁵ Это замечание позволяет датировать составления речи мартом–апрелем 363 г. — *Примеч. ред.*

⁴⁶ συυχορεύω cf. orat. LIX s. fin., § 172. Может быть, в смысле «торжествовать вместе».

⁴⁷ Имеется в виду Константинополь, который Юлиан именовал своим отечеством, в частности, в письме «К Александрийцам»: «...Блаженной памяти Констанций построил специальное судно, чтобы перевезти его [обелиск] в Константинополь, мой родной город...» (443 б). — *Примеч. ред.*

⁴⁸ Cp. orat. XV, § 52.

ненавидим питомцами Аполлона⁴⁹, и говорит, что будет зимовать в Тарсе в Киликии.

54. А мы, если это случится, будем ли жить? Скажи мне, в каком душевном настроении? Что говоря, какими глазами глядя друг на друга? Какими на приезжих? Когда есть, о Солнце, и в сохранности Антиохия, император в Тарсе? И мы отправим послов в Киликию, мы, принимающие послов оттуда? И Кидн счастливее реки Оронта?⁵⁰

55. И причина, почему это так сделалось, тяжелее разрушения. Не снесли хорошего правителя те, которые вытерпели целое поколение не таковых⁵¹, не снесли философии, обитающей в душе государя, стряхнули с себя власть. После этого, с этой поры не станет ли нам враждебен и всякий император? Не унаследуют ли, вместе со скипетром, ненависть? Не станут ли избегать разнужданного города? Не обрушатся ли на вас вместе с невзгодами времени? Не будут ли всегда ставить на вид населению города нынешнее его безрассудство? Хорошо попечение оставите вы в наследство своим сыновьям! Люди, побойтесь стремнины!

56. Такого врага я побоялся бы, будь он и честным человеком. Ему, который двумя словами заклеил наш город, недалеко до тианского философа⁵² по жизни. После этого неужто не отрежимся? Не окинем умственным взором всё, что должно про-

⁴⁹ Друг Аполлона — Юлиан, совершавший жертвоприношения в святилище Аполлона в Дафне. Питомцы Аполлона — антиохийцы, поскольку считалось, что Аполлон, благодаря святилищу в Дафне, покровительствовал Антиохии. — *Примеч. ред.*

⁵⁰ Кидн — река в Киликии, протекает через Тарс, Оронт — река, протекающая через Антиохию. — *Примеч. ред.*

⁵¹ Имеются в виду Константин Великий и его сыновья. — *Примеч. ред.*

⁵² Либаний имеет в виду знаменитого философа I в. н. э. Аполлония Тианского. Флавий Филострат, составивший жизнеописание философа, пишет: «Аполлоний пришел в великую Антиохию и там явился в храм Аполлона Дафнийского... разглядев не только красу храма, но и нерадивое о нем попечение и невежество полуварварского народа, воскликнул: "О Аполлон! Обрати этих бессловесных тварей в деревья, чтобы они хоть шелестели вместе с кипарисами!" Затем, заметив, как тихо струятся родники, он добавил: "Всеобщая немота даже у источников отняла голос". Наконец, взглянув на речку Латон,

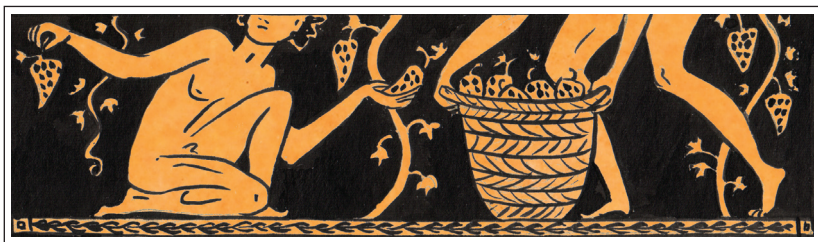
изойти? Не прибегнем к храмам? Не убедим одних, не повлечем других? Не обратимся с мольбами к жертвенникам, покинув ипподромы? Не пустим молву до самого Хоаспа⁵³, гласящую: «Антиохийцы оправдались»? Не получим оттуда весть, что государь примирился?

57. Если кто предложит что-либо более целесообразное, я первый послушаюсь. Если же, промолчав здесь, станет он меня злословить дома, зимой, проливая слезы, он отдаст мне должное.

он сказал: «Не только дочь твоя преобразилась, но и ты, похоже, из эллина и аркадянина обратился в дикаря» (I. 16; пер. Е. Г. Рабинович). — *Примеч. ред.*

⁵³ Хоасп — река в Сузиане, на берегу которой располагалась древняя столица Персии времен Ахеменидов, Сузы. Либаний, часто используя название древней персидской столицы (река — прозрачный намек на Сузы) вместо реальной столицы, Ктесифона, проводит параллель между завоеваниями Александра Македонского и современной оратору войной с персами (ср. Or. XII. 100; XVIII. 260). — *Примеч. ред.*

МОНОДИЯ НА ЮЛИАНА

Orat. XVII F¹

1. «Увы! великое горе постигает» не ахейскую только землю², но и всю ту страну, где создает порядок римский закон. Скорее, действительно, пожалуй, ту, которую заселяют греки, так как она больше чувствует несчастье, но и по всей земле, проходит, как я сказал, этот удар, поражающий и терзающий души, что уж нельзя жить наилучшему мужу, тому, который стремится жить хорошо.

2. Почести людям достойным пропали, товарищества людей порочных и разнузданных подняли голову. Законы, преграда злодействам, одни упразднены, другие тотчас подвергнутся тому же, третьим, хотя они не уничтожены, остается быть буквою, лишенною действительной силы. С человеческим родом произошло нечто подобное тому, что бывает с городами, стены которых

¹ Речь, датированная 364/365 г., облечена в риторическую форму «плача», однако личные эмоции автора явно преобладают над софистическими традициями. — *Примеч. ред.*

² Либаний цитирует слова мудрого старца Нестора из «Илиады» (I. 254): «Боги! Великая скорбь на ахейскую землю приходит!». — *Примеч. ред.*

сокрушены. И там, когда погибла ограда, имущество законных собственников становится достоянием тех, на стороне коих сила; напад, они грабят, убивают, бесчестят схваченных женщин и детей. И сейчас против людей порядочных творящим безбожные злодеяния открыта широкая дорога, отверсты широкие врата³ и ничто уже не ограждено.

3. Итак, Гектора троянского некто уже назвал непоколебимым столпом⁴, наименовав правильно. По падении его Илион, действительно, стоял на непрочном основании, и вместе с Гектором и ему немедленно грозило падение. Теперь же, опрокинув столп не одного города на Геллеспонте⁵, и не одного племени, но держава потомков Энея⁶, а это лучшее в составе земли и моря, стоит на совсем не твердой почве. Достаточно не особенно сильных порывов ветра, чтобы низвергнуть ее, так как внутри вносит порчу безнравственность, а извне вооруженный враг наступает и занимает.

4. Кого же, однако, кого из богов надо винить? Или всех одинаково, покинувших охрану, какою они были обязаны доблестной главе за многие жертвы, многие молитвы, неизмеримое

³ Фраза о широко открытых варварам воротах является аллюзией к широко известной речи Хилея в Спарте, цитируемой Геродотом: «...если афиняне — не наши друзья, а наоборот, союзники персидского царя, то ворота в Пелопоннес, несмотря на мощную стену поперек Истма, врагам открыты...» (IX. 9; пер. Г. А. Стратановского). — *Примеч. ред.*

⁴ Так его назвал Пиндар (Ol. II. 81–82; пер. М. Л. Гаспарова): «...Ахилла, которым повергнут Гектор, столп Трои, незыблемый, непобедимый...» — *Примеч. ред.*

⁵ Примерно там мыслилось современникам Либания нахождение легендарной Трои, и как показали раскопки Г. Шлимана, они были недалеко от истины. — *Примеч. ред.*

⁶ Эней — один из славнейших троянских героев, который после падения Трои прибыл в Италию и, женившись на дочери царя Латина, основал новую династию, правившую в городе Альба-Лонга. Из этого рода происходили и основатели Рима, Ромул и Рем. В I в. до н. э. в Риме традиция об Энее приобрела особую популярность, поскольку к его сыну, Асканию-Юлу, возводился род Юлиев, к которому принадлежали Юлий Цезарь и Октавиан Август. Популярность этой традиции сохранялась в течение всего периода империи, и ко времени Либания под понятием «держава потомков Энея» понималась собственно Римская империя. — *Примеч. ред.*

количество благовоний, обилие крови, пролитой одной ночью, другой днем? Он не делал так, чтобы одних угощать, других обходить, подобно тому этолийцу в отношении к Артемиде при сборе жатвы⁷, но скольких ни упоминают предания у поэтов, отцов и детей, богов и богинь, правящих и подчиненных, всем он совершал возлияние, алтари всех наполнял ягнятами и быками.

5. Поэтому мне не раз приходило на мысль, что этому человеку нимало не понадобилось бы быстроты коней, искусства стрелков и силы гоплитов и ста тысяч войска, но окруженный богами, малым войском великой силы, представ пред взорами противника, он убедит их, что они оказались безоружными.

6. Я надеялся, что и гром, и молнии, и прочие стрелы богов низринутся на персов, а они [боги] вот как были справедливы, что после угощения их обильным чадом, обещав крупный успех и на первых порах не проявив своей зависти, в конце концов, все прочее дело расстроили и, сверх того, и его лишили, подражая приманке рыбаков, через побежденную Ассирию завлекши его на смерть.

7. Значит, лучше был до сих пор осмеиваемый образ мыслей⁸, который, подняв у нас долгую, сильную и неустанную войну, погасил священный огонь, остановил утеху жертв, предоставил опрокидывать жертвенники пинками ног, святилища и храмы одни запер, другие срыл до основания, в третьих, лишив их святости, предоставил селиться развратникам и, упразднив всю обрядность, вас окружавшую, вам в наследие учредил гробницу какого-то мертвеца.

8. Но все же этот Салмоней или Ликург и, сверх того, Мелитид⁹, ведь и ума у него не было ни капли, и не был он ничем не

⁷ Либаний имеет в виду миф о Калидонской охоте. Царь Калидона (города в Южной Этолии) Ойней, собрав обильный урожай и принеся после этого жертвы всем богам, забыл богиню-охотницу Артемиду. Разгневанная богиня наслала на Калидон огромного свирепого вепря, который опустошал поля и убивал жителей. Чтобы избавиться от вепря, Ойней решил устроить охоту и пригласил участвовать в ней самых известных героев Эллады. — *Примеч. ред.*

⁸ Либаний имеет в виду христианство и далее с горечью описывает акции христиан против языческих храмов и святилищ. — *Примеч. ред.*

⁹ Салмоней — в греческой мифологии сын Эола, переселился в Элиду, где основал город Салмону. Возгордившись, Салмоней стал себя уподоблять

лучше изображений в красках или глиняных изваяний, сорок лет продержал в своей власти землю, которую позорил, и едва-едва наконец умер от болезни¹⁰.

9. А он [Юлиан], возобновив священные обычаи и введши в порядок жизни надлежащий культ вместо плохого, воздвигнув ваши дома, поставив жертвенники, собрав жреческие роды, скрывавшиеся во мраке, восстановив остатки статуй, принеся в жертву стада мелкого скота, одни вне, другие внутри храмов, одни ночами, другие при солнечном свете, и всю свою жизнь поставив в зависимость от ваших рук, малое время явившись в меньшем царском сане, еще гораздо более краткий срок в большем¹¹, умер, дав вкусить вселенной благ, но насытить не был в состоянии.

10. Но с нами произошло то, как если бы вздумалось птице Фениксу¹² продлить полет по всей земле, но не останавливаться нигде, ни в городе, ни в деревне. Неясен был бы при таком условии образ птицы у людей. И теперь то благополучие, какое он даровал, ускользнуло на крыльях, не потерпев внедриться, так как, полагаю, безнравственность поправила свое поражение.

Зевсу и присваивать приносимые богу жертвы. Так, он влачил за колесницей высушенные шкуры с медными кувшинами, заявляя, что производит гром, а бросая в небо зажженные факелы, имитировал молнии. За эту дерзость Зевс поразил его молнией и уничтожил Салмону вместе с жителями. Ликург — в греческой мифологии сын царя эдонов, племени во Фракии, который воспротивился введению культа Диониса: он прогнал со своей земли младенца Диониса вместе с кормилицами, за что был в наказание ослеплен Зевсом (Homer. II. VI. 130–140). Мелитид — в греческой традиции синоним дурака (ср. Aristoph. Ran. 989; Schol. Aristoph. Ran. Verse 990. 2–9). — *Примеч. ред.*

¹⁰ Речь идет о императоре Констанции, который умер на 38 году своего правления (Amm. Marc. XXI. 15. 3). Этот счет лет официальный, он велся с момента его назначения цезарем еще при жизни отца. Самостоятельно же Констанций правил 25 лет, с 337 г. — *Примеч. ред.*

¹¹ Юлиан находился в сане цезаря (в Галлии) с ноября 355 г. и до смерти императора Констанция в ноябре 361 г., после чего он стал августом и правил вплоть до смерти в июне 363 г. — *Примеч. ред.*

¹² Феникс — в греческой мифологии волшебная птица. Она живет 500 лет, имеет вид орла и великолепную окраску красно-золотых тонов. Предвидя свою смерть, Феникс сжигает себя в гнезде, полном ароматических трав, но здесь же из пепла рождается новый Феникс. — *Примеч. ред.*

11. Как бы гораздо легче было оставаться в худших условиях, не испытав царственной стройности, чем, попав в лучшие жизненные условия, снова быть возвращенными в прежние, подобно кораблю, выплывшему из мест, лишенных гаваней, и снова неблагоприятным ветром занесенному на скалы, так, чтобы даже потерпеть крушение!

12. А то обстоятельство, что возвращение бедствий произошло не спустя время, но благая судьба, как бы заглянув, тотчас поспешно удалилась, Геракл, как горько, и дело каких-то жестоких демонов. Этот луг, зацветши, внезапно осыпался.

13. А между тем я называл блаженными новорожденных за то, что, зачатые в такое время, явились они на свет, а состарившихся, с другой стороны, жалел за то, что они жили в грязи и целый ряд лет потратили в неведении благ, кроме того не многого времени, сколько и им предстояло до своей кончины в старости скакать и плясать. Будучи злосчастным, нарождающееся поколение без ведома своего направлялось к трясине и почве, которой грозил недуг.

14. О, счастливый слух, принеся который с запада, молва радовала города, возвещая о битвах, трофеях, плавании по Рейну, избиении кельтов, захвате пленников, отдаче прежде захваченных из римлян, дани врагов, о восстановлении павших городов, о подвигах и доблести некоего демона!¹³

15. О, вторая, еще более дивная весть, о том пути через границы, незаметном пробеге, шести гоплитах, наводящих ужас на двадцать тысяч, о вооружении на него всех, и войне, улаженной без боя. О, возвещаемое на словах, о, показываемое на опыте!

16. Император поразил у Босфора своим сочинением чело-века, по невежеству утверждавшего, что подражает Диогену из Синопы¹⁴, не быв ничем, кроме бесстыдства. Император отпра-

¹³ Речь идет об успехах Юлиана в Галлии. В следующем параграфе Либаний говорит о молниеносном и столь же успешном продвижении Юлиана с войском по Дунаю к Константинополю в 361 г. — *Примеч. ред.*

¹⁴ Julian. orat. (VII) πρὸς Ἡράκλειον κυνικὸν περὶ τοῦ πῶς κυνιστέον ср. т. I, стр. 353, 3 [570, 195]. (Речь Юлиана «К кинику Гераклию» направлена против киника Гераклия, который перед собранием, на котором присутствовал

вил послание непреодолимой красоты, и мы обступали послания при чтении их.

17. Он отправляется к матери богов во Фригию¹⁵. Затем, услышав от нее там нечто, спешит¹⁶. Затем из Киликии идет медленно, и это по воле Зевса. Он явился в великий город Антиоха или, если угодно, Александра, друга ему, не позволявшего лениться¹⁷, как некий афинский полководец афинскому полководцу¹⁸.

Юлиан, изложил миф, в котором о богах говорилось непочтительно (204 а-б). Диоген из Синопы (ум. 328/323 г. до н. э.) — греческий философ, основатель школы кинизма. — *Примеч. ред.*)

¹⁵ Orat. XVIII, § 157, t. I, стр. 353, 4 [570, 196].

¹⁶ Как рассказывает Аммиан Марцеллин (XXII. 9. 5–8), Юлиан в 362 г. по дороге из Константинополя в Антиохию, будучи в Галиatii, отклонился от маршрута, чтобы посетить храм Великой Матери богов в Пессинунте (во Фригии). Совершив в святилище жертвоприношения и принеся обеты, Юлиан вернулся в Анкиру и продолжил путь. В результате этого посещения он тогда же написал «Гимн к матери Богов» (Or. V). — *Примеч. ред.*

¹⁷ καθ'εὖδος ср. т. I, стр. 138, стр. 515 [279, 17]. — Здесь о воздействии Александра В. как примера, образца в деятельности Юлиана. (О роли Александра Великого в основании Антиохии см. Or. XI. 72–77. Город был построен диадохом Селевком, но назван в честь его отца, Антиоха (Ibid. 93). Юлиан в своих действиях часто старался следовать примеру Александра Македонского (Or. XVIII. 260; Amm. Marc. XXV. 4. 15). Вот как описывает Сократ Схоластик его умонастроение при осаде Ктесифона: «...Мечтая достигнуть славы Александра Македонского или даже превзойти его, [Юлиан] отверг мольбы персов. Согласно с мнением Пифагора и Платона о переселении душ, он вообразил, что в нем живет душа Александра или, лучше, что он сам — Александр в другом теле. Эта мысль прельстила его и расположила тогда не принять просьбы персов» (Н. Е. III. 21). — *Примеч. ред.*)

¹⁸ «Фемистокл, сын Неокла, сначала жив беспечно, после того как увидал Перикла победившим в Марафонской битве, сильно воспрянул духом и, возбоновив деятельную жизнь, стяжал общее восхищение и победил в морском сражении при Саламине» Ρ² Ι² Β² αρ. Förster. (Либаний упоминает известный из Плутарха рассказ о влиянии победы Мильтиада при Марафоне на молодого Фемистокла: «Говорят, Фемистокл горел таким безумным стремлением к славе и из честолюбия так страстно жаждал великих подвигов, что еще в молодости, после сражения с варварами при Марафоне, когда у всех на устах были речи о стратегическом искусстве Мильтиада, он часто был погружен в думы, не спал по ночам, отказывался от обычных попоек; когда его спрашивали об этом и удивлялись перемене в его образе жизни, он отвечал, что спать ему не дает трофей Мильтиада» (Them. 3. 3; Mor. 184 F). — *Примеч. ред.*)

18. Здесь было решено множество процессов, много установлено законов, написано много книг в защиту богов, много шестивий в священные округа, одни в городе, другие на холмах перед ним, третьи на высоких горах. Не было пути столь трудного и непроходимого, какой бы не представился гладким, раз там находился или имелся прежде храм. Население вплоть до пределов Египта и Ливии, узнавая, как ревностно государь принимается за священные обряды, мало пользовалось домами, а проводило жизнь в храмах.

19. Следовало тогда, дражайший мой, не отталкивать персидского посольства, просившего мира и готового удовольствоваться теми условиями, какие бы тебе заблагорассудились¹⁹. Но твое решение перетягивало страдания страны по Тигру, которая была опустошена, превращена в пустыню, выдержала много вторжений, из коих каждое переносило туда здешнее богатство. Ты считал, что будет как бы изменою не отплатить из стремления к покою.

20. Но вот, демон пошел наперекор. Вернее же, ты подверг взысканию, превзошедшему размерами преступления. Была страна ассирийцев, наилучшее из всех владений персов, богатая сенью высоких финиковых пальм и других деревьев разнообразных пород, охранявшая для них, как самая укрепленная, золото и серебро, причем в ней были настроены большие царские дворцы, кабаны, лани и другая добыча охоты береглись в огороженных местах, крепости, не под силу неприятельской руке, вздымались высоко в воздух, деревни походили на города и прочее благосостояние отменно процветало.

21. Напав на них, он так наводнил страну и низверг их, вместе насмехаясь и отдавая на разгул воинам, что персам понадобилось бы направить в страну колонии, и даже целое людское поколение не в силах было бы восстановить разрушенное. И невероятный подъем на крутой берег²⁰, и ночное сражение, повергшее огром-

¹⁹ См. Ор. XVIII. 164 о мирных предложениях персов. — *Примеч. ред.*

²⁰ Ср. об этом и дальнейшем т. I, стр. 379 [600] след. (Представленные в § 20–21 события вторжения войск Юлиана в Ассирию, переправы через Тигр и сражения у стен Ктесифона подробно описаны в Ор. XVIII. — *Примеч. ред.*)

ную массу персов, и трепет, овладевший их членами, и то, как издали робко взирали они на ее опустошение, — вот возмездие, какое он налагал.

22. Отдай же нам, высший из богов, соименного²¹ тебе, который множество раз тебя призывал в начале года. Год сотоварища, хотя и старика, ты довел до конца²², а государь погрузился [под землю] среди года. И он лежал, а мы в Дафне справляли праздник нимфам толпами и прочими угождениями, не ведая ничего о том, что нас постигло.

23. Кто же сковал то копье, которому предстояло проявить такую силу? Какой демон послал на государя дерзкого всадника? Кто направил в бок копье? Или никто из демонов, но рвение, сильно понуждавшее обегать и побуждать войско, привыкшее к беспечности, в большинстве не испытывавшее ран? Но он так пренебрегал личной безопасностью; можно удивляться, однако, как не выхватила его Афродита, Афина.

24. А между тем это было бы с их стороны подражанием той помощи в древние времена, когда одна спасла Менелая²³, другая Париса, человека, соделавшего несправедливость и поделом бывшего в беде²⁴. Какая же была тогда речь на небе? Кто поднялся

²¹ Игра словом ὕπατος «высший» и «консул». (У Либания здесь игра слов: «высший из богов» (ὁ θεὸν ὕπατε) именуется тем же словом, что и «консул» (ὕπατος). Либаний имеет в виду коллегу Юлиана по консульству 363 г. Саллюстия. — *Примеч. ред.*)

²² Förster восполняет пробел текста: ἐπλήρωσας. К избранию Юлианом себе сотоварища по консулату см. схолий В² у Förster'a, ad loc.

²³ Либаний опять ссылается на Гомера, у которого есть подробное описание того, как Афина спасала Менелая (II. IV. 127–134; пер. Н. И. Гнедича): «Но тебя, Менелай, не оставили жители неба, Вечные боги, и первая дочь светлоокая Зевса: Став пред тобою, она возбраняет стреле смертоносной К телу касаться; ее отражает, как нежная мать Гонит муху от сына, сном задремавшего сладким. Медь направляет богиня туда, где застежки золотые Запон смыкали и где представлялася броня двойная...». — *Примеч. ред.*

²⁴ А в данном случае Либаний упоминает фрагмент из поединка Менелая и Париса (II. III. 369–376; пер. Н. И. Гнедича): «...Рек — и напал на него и, за шлем ухватив коневласый, Быстро повлек, обратившись к пышнопоножным ахейцам. Стиснул Парисову нежную выю ремень хитрошвенный — Вплоть у него

обвинителем Ареса, как прежде Посейдон²⁵, когда еле дышавшим был уносим на щите раненый, когда войско изводилось от рыданий, когда оружие выскользало из его рук, как в сицилийском проливе весла у товарищей Одиссея²⁶?

25. Был тогда плач Муз, был плач их в Беотии, во Фракии и милых им горах²⁷, оплакивавших, думаю, землю, и море, и воздух, в какое беззаконие они впали, и в остальных отношениях, и с лишением жертвенников трапезы.

26. Оплакиваем и мы, группами, философы того, кто с ними исследовал Платона, риторы того, кто был искусен в речи и в оценке чужого слова, а те, у кого друг с другом распри, требующего справедливого приговора, судью превосходнейшего, чем Радамант²⁸.

27. О, злосчастные земледельцы, как вы будете пищею тех, кто назначаются для взыскания податей! О, сила куриий, уже падающая, которая скоро превратится в призрак! О, правители городов, как погибнет у вас дело, связанное с вашим титулом, словно

под бородой проходившая подвязь шелома. Он и довлел бы его, и покрылся бы славой великой; Но любимца увидела Зевсова дочь Афродита; Кожу вола, пораженного силой, она разорвала: Шлем последовал праздный за мощной рукой Менелая...». — *Примеч. ред.*

²⁵ Cf. IV 402 *Reiske*. Согласно афинской легенде, Посейдон обратился к ареопагу из 12 олимпийских богов, обвиняя Ареса в убийстве сына Посейдона Галиррофия. Арес просил оправдать его на том основании, что он спасал свою дочь Алкиппу, которую пытался обесчестить Галиррофий. Суд богов оправдал Ареса, а холм, на котором он проходил, стал известен под названием Ареопаг (*Apollod.* III. 14. 2; *Paus.* I. 21. 7). — *Примеч. ред.*

²⁶ *Odyss.* XII 203. (Спутники Одиссея пали духом, услышав рокот вод в страшном Мессенском проливе, известном чудовищами Сциллой и Харибдой, а также блуждающими скалами Планктами (*Od.* XII. 201–205; пер. В. А. Жуковского): «...Вдруг я увидел Дым и волненья великого шум повсеместный услышал. Выпали весла из рук у гребцов уstraшенных; повиснув Праздно, они по волнам, колыхавшим их, бились; а судно Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшие к бегу». — *Примеч. ред.*)

²⁷ Музы — дочери Зевса и Мнемосины, согласно традиции обитают на горе Геликоне в области Беотии. — *Примеч. ред.*

²⁸ Радамант — сын Зевса и Европы. Считался самым справедливым среди людей и после смерти стал вместе с Миносом и Эаком судьей над мертвыми в Аиде (*Plato. Apol.* 41 a). — *Примеч. ред.*

во время процессий²⁹, и будет правящая власть в подчинении у подданного; о, вопли обижаемых бедняков, как тщетно будут вас посылать в воздух! О, отряды воинов, у которых погиб царь, питавшийся в походе пищею одинаковою с рядовыми! О, законы, которые по справедливости могли бы считаться за аполлоновы³⁰, попираемые! О, речи, силу и мощь вместе приобретшие и потерявшие! О, руки писцов, которые одолела плодovitость его языка. О, общий разгром вселенной!

28. Это какой-то второй потоп среди лета или пожар, какой, гласит предание, занялся во время езды Фазтона³¹. Скорее же, нынешнее бедствие гораздо прискорбнее. То опустошало землю, сейчас же дело в том, что лучший страдает от худшего, и города, словно обильная трава скоту, являются пищею низости, откуда она может насыщаться до ожирения.

29. Как человеку, больному душою и полному низких страстей, лучше умереть, чем жить при засильи худшего элемента души над лучшим, так и земле полезнее бы было быть залитой непрерывными дождями, чем быть заселенной городами и питать людской род, где порок в почете, добродетель в бесчестии.

30. Вздохните спокойно, кельты, пляшите, скифы, воспойте пэан³², савроматы. Ярмо ваше сокрушено и выи ваши свободны³³.

²⁹ Т. е. когда правители только на параде, а не за своею работою администраторов.

³⁰ Речь идет о законах Спарты, введенных знаменитым Ликуртом: согласно традиции, изначально спартанские законы были самыми дурными из всех эллинских. И знатный спартанец Ликург прибыл в Дельфы спросить о законах оракул Аполлона. Пифия же предрекла ему новое спартанское государственное устройство, считавшееся одним из лучших (см. Her. I. 65). — *Примеч. ред.*

³¹ Фазтон — сын Гелиоса и нимфы Климены. Чтобы доказать свое происхождение от Гелиоса, он взялся управлять солнечной колесницей Гелиоса, но, испепеленный огненным жаром, погиб, едва не погубив в страшном пламени всю землю (Ovid. Met. II. 19–366). — *Примеч. ред.*

³² Пэан — хоровая песнь в честь Аполлона как бога-целителя. Первоначально пэаны исполнялись по поводу каких-либо чрезвычайных бедствий, в том числе и в виде благодарности за избавление от них. — *Примеч. ред.*

³³ См. Or. XVIII. 290 о событиях лета 364 г. При получении известия о смерти Юлиана варварские народы на границах империи выступили против

Вот что значил храм Аполлона, истребляемый огнем, покинул бог землю, которой предстоит осквернение, вот что — землетрясения, колеблющие всю землю, вестники предстоящей смуты и расстройств³⁴.

31. Ты, наилучший из государей, свершая великое, ожидал моих похвал и речей, которые будут посвящены твоим деяниям, а я изощрял свой ум, дабы в своем слове не отстать от дел, как какой-либо борец, трепещущей за себя, когда узнает, что явится сильный противник. Итак, я говорю, и скажу, и не обижу молчанием подвиги, но другие слышат песни³⁵, сам же, подъявший победы, погребен, пресекши славные и благородные надежды вселенной.

32. Получил удар Агамемнон, но царь Микен³⁶, Кресфонт, но владыка Мессении³⁷, Кодр, но повинуюсь оракулу³⁸, Эант, но

римлян: Галлию и Рецию грабили племена алеманнов, Верхнюю и Нижнюю Паннонию — сарматы и квады, Британию — пикты, скотты, аттакотты, Африку — племена мавров, Фракию — готы (Amm. Marc. XXVI. 4. 5–6; Zos. IV. 3). — *Примеч. ред.*

³⁴ Храм Аполлона в Дафне сгорел 22 октября 362 г. Как писал сам Юлиан, «мне кажется, бог покинул храм прежде этого огня, ибо когда я впервые вошел в храм, статуя [бога] дала мне знак» (Misorogon. 361 b; пер. Т. Г. Сидаша). А 2 декабря того же года землетрясением в Вифинии (Малая Азия) была разрушена Никомедия (та ее часть, которая уцелела после предыдущего землетрясения) и значительная часть Nikei (Amm. Marc. XXII. 13). — *Примеч. ред.*

³⁵ Ср. т. I, стр. 358, 1 [576, 215].

³⁶ В данном параграфе Либаний приводит в пример многочисленных мифологических и исторических героев. Агамемнон, царь Микен, один из главных героев «Илиады», после победы над Троей вернулся домой и во время пира был убит Эгисфом, успевшим за время отсутствия Агамемнона обольстить его жену Клитемнестру. — *Примеч. ред.*

³⁷ Кресфонт — в греческой мифологии один из Гераклидов, участвовавший в завоевании Пелопоннеса; после победы Гераклиды по жребию разделили Пелопоннес, и Кресфонту досталась Мессения, которую он очень хотел получить; но вскоре он был убит вместе с двумя своими сыновьями местными аристократами за свои демократические взгляды. — *Примеч. ред.*

³⁸ Кодр — в греческой мифологии последний царь Афин; вторгшиеся в Аттику пелопоннесцы получили предсказание, что захватят Афины, если сохранят жизнь Кодру; узнав об этом, Кодр, переодевшись в лохмотья, вышел из ворот

полководец малодушный³⁹, Ахилл, но поддавшись любовной страсти и гневу⁴⁰, и вообще мятежный, Кир, но при наличности сыновей⁴¹, Камбиз, но в припадке безумия⁴². Александр умирал, но не от руки врага и вместе с тем как человек, дававший повод к обвинениям⁴³. А тот, кто одерживал победы

города, и спровоцировал стычку с неприятелем, в которой был убит; после этого пелопоннесцы прекратили осаду. — *Примеч. ред.*

³⁹ Аякс Оилид (Эант), во время взятия Трои он совершил насилие над Кассандрой, искавшей защиты у алтаря Афины; по совету Одиссея, ахейцы собирались за это святотатство побить его камнями, но Аякс нашел убежище у алтаря той же Афины; при возвращении флота ахейцев из-под Трои разгневанная Афина разбила их корабли бурей у Кикладских островов, но Аякс опять спасся, уцепившись за скалу, и стал похваляться, что жив вопреки воле богов; тогда Посейдон трезубцем расколол эту скалу, и Аякс погиб. — *Примеч. ред.*

⁴⁰ Что касается Ахиллеса, то существуют разные версии его гибели, поскольку каноническая версия в «Илиаде» отсутствует; согласно поздней версии, на которую и ссылается Либаний, Ахиллес полюбил троянскую царевну Поликсену, и хотел жениться на ней; отправившись безоружным для переговоров о свадьбе в святилище Аполлона недалеко от Трои, Ахиллес был убит Парисом. — *Примеч. ред.*

⁴¹ О гибели персидского царя Кира II Великого, основателя державы Ахеменидов, в античной литературе существует несколько версий, однако Либаний явно имеет в виду рассказ Геродота (I. 201–214): Кир в 530 г. до н. э. отправился в поход против массагетов; в первом сражении одержал победу, однако во втором, решающем, персидское войско было разгромлено, а сам Кир погиб; его сын Камбиз сопровождал отца в походе, однако перед решающей битвой Кир назначил его наследником престола и отправил в Персию; другой сын Кира, Бардия (Геродот его именует Смердисом), также находился в Персии. — *Примеч. ред.*

⁴² История о смерти наследника Кира Камбиза в 522 г. до н. э. также позаимствована Либанием у Геродота (III. 61–66): Камбиз, находясь в Египте, впал в безумие и, опасаясь Смердиса, приказал тайно убить его; но через некоторое время один из исполнителей убийства подговорил своего брата, тоже Смердиса, поднять мятеж и провозгласить себя сыном Кира; находившийся в Египте Камбиз решил немедленно выступить против него, но когда в гнев вскакивал на коня, ранил себя своим же мечом в бедро и вскоре умер. — *Примеч. ред.*

⁴³ Александр Великий умер в Вавилоне в 323 г. до н. э. от внезапной и скоротечной (10 дней) болезни; в античной традиции существовала версия о том, что Александр был отравлен приближенными; из грекоязычных авторов, которых читал Либаний, об этом писал Диодор Сицилийский (XVII. 118. 1). — *Примеч. ред.*

с запада до востока, а душой обладал, преисполненной доброты, юный, не быв отцом, повержен неким Ахеменидом⁴⁴.

33. Услыхав то, я воззрел на небо, ожидая росы, смешанной с кровью, какую послал Зевс по Сарпедоне⁴⁵, но не увидел. Может быть, впрочем, он послал ее на труп, но толпою она не была замечена, по причине битвы, в пыли и крови от резни.

34. О, храмы, и святилища, и статуи, изгоняемые из дворцовых территорий! Он вас водрузил, чтобы вы вблизи были свидетелями его деяний, а те вас с позором извергли, приговаривая, что очищают место. О, много слез вызвавший по себе, не в течение дня, по стиху поэмы⁴⁶, получив свою долю рыдания, но и теперь и впредь, «до тех пор, пока будут течь вода и распускаться высокие деревья»⁴⁷, обрекающий скорби людей!

35. Уже иной вестник твоей кончины на месте был засыпан камнями, как убийца или возвещающий невозможное, как если

⁴⁴ Ср. об этом наименовании персов у Либания схолий у Förster'a, ad loc. (Ахемениды — династия древнеперсидских царей, берущая начало от мифического царя Гахаманиса (в греческой транскрипции — Ахаменес). Последний царь из этой династии был убит в 330 г. до н. э. С 227 г. н. э. в Иране (Персии) у власти находилась династия Сасанидов (с 337 г. до 636–642 гг. н. э.), которые считались хранителями традиций Ахеменидов. С этим, видимо, и связано обозначение Либанием современной ему династии персидских царей Ахеменидами. Но в данном случае Либаний имеет в виду не царя, а вообще перса, который нанес смертельную рану Юлиану. — *Примеч. ред.*)

⁴⁵ Ср. orat. XVIII, § 297, т. I, стр. 391 [616], о росе, посланной Зевсом по Сарпедоне ер. 33, т. I, стр. 448 [687]. (Сарпедон — сын Зевса, царь ликийцев, союзник Приама в Троянской войне. Сарпедон погибает от руки Патрокла. Зевс пытался спасти ему жизнь вопреки предначертаниям судьбы, но этому решительно воспротивилась Гера, и Зевс в знак печали перед схваткой Сарпедона с Патроклом посылает на землю кровавый дождь (Homer. Il. XII. 419–507). — *Примеч. ред.*)

⁴⁶ См. Номег. II. XIX. 228–229 (пер. Н. И. Гнедича): «Долг наш земле предавать испутившего дух человека, Твердость в душе сохраняя, поплакавши день над умершим». — *Примеч. ред.*

⁴⁷ У Платона в «Федре» приведена эпитафия на могиле знаменитого фригийского царя Мидаса (264 d; пер. А. Н. Егунова): «Медная девушка я, на гробнице Мидаса покоюсь. Воды доколе текут и пышно древа расцветают, Я безотлучно пребуду на сей многослезной могиле, Мимо идущим вещая, что здесь Мидас похоронен». — *Примеч. ред.*

бы он сказал, что умер кто-либо из богов⁴⁸. Иной, случалось, проходил без слезы мимо могилы сына, но кто ни обратит взора к твоему образу, тотчас — потоки слез, причем одни называют сыном, другие отцом, всем в совокупности хранителем.

36. О, сиротство, какое овладело землею, которую ты, в ее недуге подняв на ноги, как хороший врач, снова предал горячке и прежним болезням! О, несчастные мои седины, о, двойная моя скорбь, оплакивающего с прочими царя и, вместе, приятеля и друга!

37. Ты спешил мне на помощь, давая права наследства моему побочному сыну, а я отсрочивал твоё рвение, в надежде, что сам умру раньше, а ты поможешь в том⁴⁹. Но видно, не суждено было это Мойрами. Но я сочинял слово, снадобье для примирения твоего с городом⁵⁰, а ты умирал, и снадобье осталось в молчании.

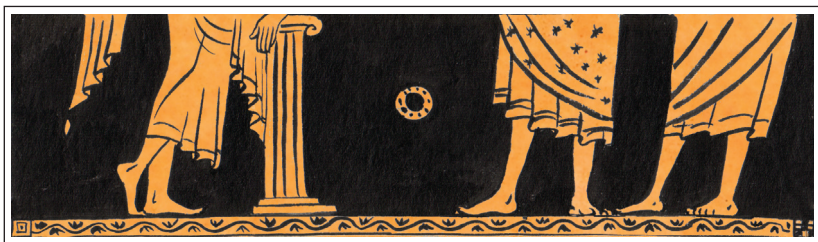
38. Вообще я стал вялым в сочинении речей, как лоно некоторых матерей от великих страданий становится бесплодным. Да и вообще я лишился рассудка и не без труда пришел снова в сознание⁵¹. А лучше было бы в безразличном неведении всего лежать, вместо печали носясь со своим безумием, раз никто из божеств уже не превращает горящего человека в камень, в дерево, в птицу.

⁴⁸ Как сообщает Зосим, это произошло в Каррах (III. 34. 2): жители города были так огорчены известием о смерти Юлиана, что убили посланца и сложили над его телом большую пирамиду из камней. — *Примеч. ред.*

⁴⁹ См. т. I, стр. LXXXII [90]. (Речь идет о сыне Либания от наложницы, Кимоне (или Арабии). После смерти Юлиана император Иовиан в письме Либанию обещал решить данную проблему, однако выполнить свое обещание не успел (Ер. 1221. 6). Окончательно это вопрос был решен только при императоре Феодосии, который вопреки закону разрешил предоставить Либанию право передать имущество своему незаконному сыну (Ор. XXXII. 7; Ер. 878). — *Примеч. ред.*)

⁵⁰ Речь идет об Ор. XV. — *Примеч. ред.*

⁵¹ Либаний возобновил подготовку и декламацию речей лишь в 364 г. Известие о смерти Юлиана на него так повлияло, что он даже думал о самоубийстве (Ор. I. 135; Ер. 1128; 1194). — *Примеч. ред.*

О МЩЕНИИ ЮЛИАНА

Orat. XXIV F¹

1. Недостаточно для государства этого, государь, печали, рыдания, бдения, расходуемого даром. Ведь если бы то или другое из этих средств в силах было восстановить что-либо из того, что случилось, давно бы все было прекрасно, ввиду твоего и нашего отчаяния. Итак, надо, отказавшись от этого, придумать какую-либо серьезную, надлежащую меру, помощью коей мы могли бы причинить врагам то, что сейчас они нам. Таким образом, вместо стенаний, мы бы пребывали в том довольстве, какое дает деятельность.

2. Итак, следовало бы прорицателям еще и теперь действовать, как раньше, и вопрошающим слышать, каким путем им достигнуть успеха, а им говорить и объявлять. Тогда бы тебе сейчас ни-

¹ Речь датируется 378/379 г.: в § 4 упоминается смерть императора Валента в битве при Адрианополе в 378 г., и Либаний обращается уже к новому императору Востока, Феодосию, взошедшему на престол в январе 379 г. — *Примеч. ред.*

мало не понадобилось совещания и советников из людей, так как решение о полезных мероприятиях являлось бы тебе от самих богов. Но так как они замолкли² и сделали землю несчастной и изобретение полезных мер предоставлено людскому разуму, выслушай снисходительно, государь, мою речь о настоящем злополучии и, если тебе покажется, что я говорю нечто дельное, обрати внимание, а если болтаю вздор, одобри мои намерения, но обратись к чему-либо другому, что способно будет принести пользу.

3. Есть такие, которые винят полководцев, другие, кто винит воинов, первые тех за то, что они не обучили своих подчиненных, вторые этих, как робких по природе³. Я же совещусь многочисленных боев их, совещусь смерти, какую они восприяли, сохраняя строй, совещусь Фракии, обгащенной кровью, и немалой части Македонии, и большей части Иллирии⁴.

² Языческие гадания и прорицания при христианских императорах последовательно запрещались, особенно активно после краткого периода их ренессанса при Юлиане. Настоящие репрессии против прорицателей развернулись после раскрытия «заговора Феодора» в 371 г. при императоре Валенте. — *Примеч. ред.*

³ Главнокомандующим (*magister militum*) имп. Валент в 377 г. назначил Себастиана. Себастиан был опытным полководцем: родом вифинец, он в 350-х гг. командовал войсками в Египте, был среди полководцев Юлиана во время его похода на персов; в 368 г. он — комит в Галлии, в 375 г. — в Паннонии; в это время он был одним из наиболее популярных полководцев в армии, и после смерти имп. Валентиниана его наследник Грациан опасался Себастиана, скрывая от него смерть императора; погиб Себастиан в битве при Адрианополе. Как сообщает Зосим, Себастиан видел недисциплинированность трибунов и солдат и фактически плохую боеспособность армии, так что даже предлагал Валенту сформировать элитный корпус из 2 тыс. воинов, с которым и выступить против готов, поскольку значительно проще быстро обучить небольшое число солдат, чем всю армию (IV. 23. 2). — *Примеч. ред.*

⁴ Как описывает Аммиан Марцеллин события 378 г., готы после победы при Адрианополе осадили сам Адрианополь, но взять его не смогли, затем двинулись вдоль берега Мраморного моря к Перинфу, разграбив по дороге всю сельскую округу. Перинф они штурмовать не стали, а двинулись на Константинополь. Однако, понеся большие потери, готы отказались от идеи штурма столицы и рассыпались по северным провинциям империи, дойдя до Юлиевых Альп (XXXI. 16). — *Примеч. ред.*

4. Ее, правда, смыли дожди и время, но сохраняются холмы костей. Среди этих костей есть, говорят, кости и таксиархов, и лохагов, и лиц прочих чинов. Среди них пал, сражаясь, царь, причем были и царские кони, степень быстроты коих мы знаем отлично, конюхи их подводили к нему и просили сесть и спасти себя для государства, но он, сказав, что не стоит жить, когда столько народу пало, могилою себе получил массу сраженных над его телом⁵.

5. Пусть же никто не говорит мне о робости, изнеженности или отсутствии упражнений и не приписывает перевеса варваров этому обстоятельству, но природные свойства воинов и их начальников — подобны прежним, по искусству же и усердию эти не хуже тех, и такова любовь их к славе, что, сражаясь одновременно и с зноем, и с жаждой, и с огнем, и с железом, они считают смерть слаще бегства. В чем же варвары имеют преимущество перед нами? Мне кажется, кто-то из богов, гневный на нас, воюет с ними вместе, а что, мне кажется, скорее всего вызвало этот гнев, об этом сейчас скажу.

6. Получил удар в бок тот Юлиан, пытаясь сплотить разрознившийся строй своей фаланги⁶ и мчась затем на коне с криком

⁵ Либаний представляет версию о гибели Валента в бою. Эту версию приводит и Сократ: Валент снял с себя императорскую одежду и бросился в гущу пехоты; когда же конница изменила, не вступив в сражение, император погиб вместе с пехотой, окруженный неприятелем (IV. 38). Марцеллин же, ссылаясь на известного ему свидетеля (одного из юношей-кандидатов, приближенных Валента, который в момент смерти императора выскочил из окна и был взят готами в плен, а позднее тайком вернулся в Империю), предлагает несколько иную версию: Валент поздно вечером, отступая с поля боя с немногими приближенными, был тяжело ранен стрелой; несколько кандидатов и евнухов перенесли его в попавшийся деревенский дом и положили на втором этаже; вскоре в дом попытались вломиться готы, которых приближенные императора стали обстреливать сверху; тогда готы подожгли дом и сожгли его вместе со всеми людьми (XXXI. 13. 12; версию о гибели в сгоревшем доме кратко приводит и Сократ (IV. 38), и Зосим (IV. 24. 2)). — *Примеч. ред.*

⁶ Данное описание смерти Юлиана присутствует и в другой речи Либания (Or. XVIII. 268–270), а также весьма близко к соответствующему описанию Аммиана Марцеллина (XXV. 3). — *Примеч. ред.*

и угрозами, а напавшим и ранившим его был некий таинец⁷, исполнявший приказание своего начальника. Ему же это должно было доставить вознаграждение от тех, кто старался о смерти этого мужа⁸. Итак, воспользовавшись, как удобным моментом, происшедшим в ту пору беспорядком, ветром и вихрем пыли, он поразил и исчез.

7. А он в ту минуту упал, затем, снова сев на коня, занялся водворением порядка в фаланге и при виде текущей крови не раньше прекратил свои заботы, чем потерял сознание. Таким образом доставленный в палатку и среди плача всех, его обступивших, один без слезинки в глазах, он не попрекнул похода, но, похвалив за него себя и заявив, что не жалеет, если придется умереть, но скорбит о сиротстве войска, испустил дух, уже созерцая богов, к которым готовился явиться.

8. Другой стал императором⁹. Ему надлежало тотчас защитить умершего и вступлением своего царства сделать мщение. Но ему это показалось лишним и бесцельным. И вот того несли мертвого, а сделавшие такое зло смеялись. При многократных сношениях с персами по вопросу о мире можно было слышать, что никто из них не был почтен за убийство, хотя на эту почесть внушалась надежда.

9. Итак, я полагаю, боги разгневались за него, и вот почему мы вынуждены были заключить подобный мир, по условиям коего врагам досталось больше, чем они могли бы пожелать, вся

⁷ Различные конъектуры к тексту см. у Förster'a, ad loc.

⁸ Таэны — племя сарацинов, арабских бедуинских племен, обитавших в пустыне северо-западной Аравии. Сарацины толком не подчинялись ни одной из противоборствующих сторон, и часто их действия были причиной пограничных инцидентов. Либаний здесь и далее в § 8 и 11 явно намекает, что сарацины были наняты кем-то из римского лагеря. В этой связи следует вспомнить версию христианских авторов о возможном участии христиан в убийстве Юлиана (Gregor. Nazianz. Invect. II. 13; Sozom. VI. 2), причем Созомен также упоминает в этой связи сарацин (VI. 1). — *Примеч. ред.*

⁹ Сначала выбор пал на префекта претория Востока Саллюстия Секунда, однако тот отказался, сославшись на свою немощь и старость. Тогда императором был избран командир доместиков Флавий Иовиан, которому в момент избрания было 32 года (Amm. Marc. XXV. 5. 4–6). — *Примеч. ред.*

Армения, город на границах, великое приобретение, много сильных укреплений¹⁰.

10. Но этому, может быть, нельзя было подобного добиваться, но, полагаю, то, что я говорю, очевидно. Но когда так быстро приключилась ему [Иовиану] кончина¹¹, то и со стороны вступивших на престол двух братьев¹² — та же бездеятельность относительно мщения. Однако немало было, с их стороны, заботы о памятнике¹³, и несмотря на те расходы, какие в то время делались, всё же они тратились, и посылали обозревателей, и опрашивали возвращавшихся, и вообще желали показать свое рвение к известности его здесь.

¹⁰ Персы в качестве условия мира потребовали 5 пограничных областей с 15 крепостями: Арзакена, Моксоэна, Забдицена, Регимена, Кордуэна, а кроме того города Нисибис (именно о нем говорит Либаний как о «городе на границе»), Сингара, Кастра Маврурум. Иовиан был подталкиваем бедственным положением голодающей армии, а также беспокойством о возможных мятежах в империи в отсутствие вновь избранного императора. Поэтому он согласился на все условия, оговорив, что Нисибис и Сингара перейдут под власть персов без жителей, а римляне смогли бы уйти из уступаемых укреплений. Персы же оговорили, что после подписания соглашения римляне не должны оказывать помощь против персов союзнику римлян Аршаку, царю Армении (см. *Amm. Marc.* XXV. 7. 9–12; *Zos.* III. 31). — *Примеч. ред.*

¹¹ Иовиан умер после 8 месяцев правления (с июня 363 по 17 февраля 364 г.), не успев въехать в Константинополь. — *Примеч. ред.*

¹² Флавий Валентиниан I (321–375 гг.) был одним из военачальников в армии на Востоке. После смерти императора Иовиана войско, стоящее в Никее, провозгласило Валентиниана императором. Своего брата Валента Валентиниан провозгласил августом и своим соправителем в восточной части империи. — *Примеч. ред.*

¹³ Тело Юлиана вместе с отступающими римскими войсками было перенесено в месопотамский город Нисибис, откуда родственник Юлиана Прокопий, а также отряд охраны во главе с Меробавдом перевезли его, в соответствии с желанием покойного императора, в Тарс Киликийский, где он был захоронен в гробнице в предместье города, у дороги, ведущей к перевалу Тавра (см. *Amm. Marc.* XXIII. 2. 5; XXV. 3; 9–10). Могила Юлиана была расположена рядом с гробницей императора Максимиана (*Philostorg.* H. E. 8. 1), на ней был сооружен какой-то памятник, на котором была начертана следующая эпитафия: «Покинув быстроекущий Тигр, здесь лежит Юлиан, бывший и благородным правителем, и отважным воином» (*Zos.* III. 34. 3). Именно это и могли увидеть люди, посланные Валентинианом и Валентом. — *Примеч. ред.*

11. Итак, это делалось, как следует, но то [месть] не было в надлежащем порядке. Ведь они не столько угождали тем, что делали, сколько огорчали тем, чего не исполняли, и лучше бы было с их стороны сделать то, чем они пренебрегали, а пренебречь тем, о чем они заботились, не так, как они в действительности поступили. Никто бы из неправо убитых не порадовался бы красоте памятника так, как отмщению убийце. Итак, несмотря на распространенность той молвы, что убийца — из нашей среды и что возмутительно, если никто не выступит против него, по-прежнему мало беспокоились о том те, кому следовало, не собирали участников совещаний для розысков по убийству, хотя несчастья навели на мысль о таковом.

12. Савроматы перешли Истр, не побоявшись несокрушимого войска старшего государя, ограбили цветущее всяким достатком племя иллирийцев¹⁴, перенесли в свою страну их великое изобилие, скопленное за долгие годы. И можно было бы удивляться печали правителя этой области¹⁵, когда он считал для себя этот год годом слез, а не консульской одежды, но откуда, нужно полагать, явилась смелость у слабейших?

¹⁴ Сарматы и квады в 374 г. разорили Иллирийские провинции, которые входили в состав владений Валентиниана I. Поводом к нападению стал конфликт из-за укреплений, которые возводились по приказу имп. Валентиниана вдоль границы, но за рекой Истр, на земле квадов; квады направили посольство к императору и местному римскому дуксу Марцеллиану; Марцеллиан пригласил царя квадов Габиния на пир для обсуждения данной ситуации, но когда Габиний возвращался после пира, он был убит по приказу Марцеллиана, что и привело к нападению квадов (Amm. Marc. XXIX. 6. 6–9). — *Примеч. ред.*

¹⁵ Проба, Amm. Marc. XXIX 6, 9 sq. cf. *Sievers*, p. 253 sq. (Проб в 371 г. был консулом, а в 374 г. занимал пост префекта претория Иллирика и в момент нападения находился в своей резиденции в Сирмии. Аммиан Марцеллин пишет, что Проб, непривычный к войне, сначала был потрясен и даже помышлял о бегстве из Сирмии, однако внял советам приближенных (которые утверждали, что в этом случае город без сопротивления попадет в руки варваров) и принял за подготовку к осаде: были вычищены от мусора рвы, отремонтированы стены, возведены дополнительные башни, призваны дополнительные войска (Amm. Marc. XXIX. 6. 9–11). — *Примеч. ред.*)

13. Я полагаю, отсюда, так как и восстание тирана¹⁶, приведшее города ко всяческому разорению, из-за чего младший государь много предпринял, много потерпел, полагаю, произошло от этой причины, но еще гораздо более это второе¹⁷. Ведь он, если не из-за чего другого, быв свойственником Юлиану, боясь, скрываясь и постоянно опасаясь поимки и избегая грозившей смерти, бросил таким образом жребий¹⁸, а что люди, благодетельствованные, получившие почести, считавшиеся в числе друзей, вместе и делили трапезу, и пускались на такие козни, как не вызвано было тою причиною, о которой я сказал?

14. Множество убитых и там¹⁹, и в Риме²⁰ возвещает гнев демонов, из-за коего одни гибли, другим гибель предстояла. Ужас

¹⁶ Имеется в виду восстание Прокопия (см. Amm. Marc. XXVI. 5–6). Он был сподвижником и родственником Юлиана и, по слухам, предназначался императором себе в преемники. Он поднял восстание в Малой Азии и провозгласил себя императором 28 сентября 365 г. В результате военных действий Валента против него Прокопий был убит 27 мая 366 г. — *Примеч. ред.*

¹⁷ Вероятно, речь идет о т. н. «заговоре» Феодора, раскрытом в Антиохии в 372 г. (см. аналогичный пассаж в Or. I. 171): группа придворных гадала, кто будет императором после Валента, и решили, что это будет нотариус Феодор. Император Валент принял живейшее участие в следствии, и по обвинению в участии в заговоре было казнено множество придворных и представителей знати. — *Примеч. ред.*

¹⁸ Amm. Marc. XXVI 6. Zosim. IV 4. 4.

¹⁹ В Антиохии. — *Примеч. ред.*

²⁰ Речь идет о событиях 368 г. в Риме. Бывший викарий Хилон и его жена подали жалобу префекту Рима Олибрию, обвинив некоторых лиц в колдовстве. Но расследование затянулось вследствие болезни Олибрия, и истцы потребовали, чтобы это дело было поручено префекту хлебоснабжения города Максимино. Максимино подверг арестованных пыткам и получил показания против знатных лиц (будто они через своих клиентов обращались к колдунам), после чего обратился к императору Валентиниану с докладом о ходе следствия и о том, что в деле замешаны многие лица в Риме. Император, сочтя эти деяния подпадающими под закон об оскорблении величия, предоставил Максимино полномочия префекта и приставил к нему для ведения следствия нотариуса Льва. В результате были арестованы, подвергнуты пыткам и казнены многие сенаторы и члены их семей. Через некоторое время Максимино получил сан префекта претория и был отозван ко двору, а на его место был назначен его советник Симпликий, который продолжил репрессии, которые

потрясал землю и море. И я не упрекаю чету государей, что они поступали неправо, налагая кару по законам на тех, кто были уличаемы, но то самое, что заслуживших смертной казни оказалось нескончаемое множество, из них большинство из знатных домов, подтверждает мои слова о том, что страна подверглась преследованию какого-нибудь демона.

15. А эти последние несчастья как же не характеризуют, очевидно, людей, одержимых злым демоном? Погибло у нас двадцать пять провинций²¹, причем население одних было захвачено вне стен, другие — съев всё внутри, причем умершим от голоду не суждено было даже быть погребенными, но родственники, взвозя их на стену, спускали несчастных вниз обнаженными.

16. Вот как натешились скифы, всегда трепетавшие при одном слухе о военном искусстве римлян. Но теперь, сколько ни давали битв, они всякий раз побеждали, причем мы умирали доблестно и как подобает храбрым мужам и все же были истребляемы²². И теперь мы дошли до земледельцев после гибели тех, кто проводили жизнь в оружии.

17. Далее, некоторые скажут, что я сочиняю убийство, которого не было, что умертвил его один из врагов. Я же не стану говорить о том, что перс не дерзнул бы пробраться в центр войска с намерением умертвить, и что, если бы их было большее число, они и истребили бы большее число, на самом же деле умирает один, и никто из находившихся вблизи и телохранителей не пострадал нисколько, да и намерения к тому не было, ведь целью продвига, на который он был послан, был этот человек²³.

окончательно прекратились только после вступления на престол Грациана (Amm. Marc. XXVIII. 1). — *Примеч. ред.*

²¹ Балканские провинции были разгромлены готами после их победы в битве при Адрианополе в августе 378 г. — *Примеч. ред.*

²² Либаний явно еще не знает о победе армии императора Феодосия над готами, аланами и гуннами в ноябре 379 г., а значит, данная речь была создана ранее этой даты. — *Примеч. ред.*

²³ Филосторгий предлагает интересную версию событий (VII. 15): «И некий старик, заранее посланный персами, хитростью и коварством вошел в доверие к Отступнику, в то время как тот вел войну в Персии. И он завел римлян

18. Но было, несомненно, после той поры много посольств к персидскому царю, — скажу опять то же, и персы-то привыкли величаться воспоминаниями о подвигах, и не раз рассказывают об ударах, нанесенных римлянам, и кого из царей сразили. Но всё же ни сам царь их, ни другой кто-либо из высокопоставленных людей, но даже никто и из частных людей, оказывается, не утверждал, чтобы смерть эту причинил перс.

19. Но и на изображении этого, говорят, не оказывается, так как было бы скорее всего написано, если свершен был такой достославный подвиг. Но он представлен во образе льва, дышащего огнем²⁴. Нарисовав то, что претерпели, они не прибавили того дела, свершения коего они за собою не знали, и не щеголяли тем, чего не бывало.

20. А самое важное, Виктора и Саллюстия²⁵ и прочих, явившихся в качестве послов о мире, Сапор спросил, не стыдно ли римлянам, что нимало не позаботились они о наказании за

в непроходимую пустыню, где они терпели великие лишения и большая часть войска погибла, и предал врагов в руки своих соплеменников, словно охотничью добычу. И тогда персы, поддерживаемые конницей своих союзников сарацин, вооруженных копьями, устремились на римлян, и один из последних, направив копье на Юлиана, насквозь пронзил его выше бедра. Острие тотчас извлекли вместе с кровью и нечистотами. А один из императорских телохранителей ринулся на нанесшего удар сарацина и отрубил тому голову» (пер. В. Дорофеевой). Версия вроде бы совпадает с общепринятой трактовкой — смерть от рук персов или их союзников сарацин, однако смерть сарацина от руки телохранителя не может не навести на мысль об устранении исполнителя заинтересованными лицами. — *Примеч. ред.*

²⁴ Ср. Ор. XVIII. 305 об изображении Юлиана персами. — *Примеч. ред.*

²⁵ Amm. Marc. XXV 7. 7 et 13. (Либаний получал информацию «из первых рук» — от Саллюстия, с которым Либаний встречался после его возвращения из похода и с которым состоял в переписке, либо от Виктора, который посещал Либания в правление Валента (Ор. II. 9). Когда римская армия под командованием нового императора Иовиана отступала из Месопотамии, персы сами предложили вести переговоры. К царю Шапуру были направлены комит Аринфей и префект Саллюстий для обсуждения условий мира (Amm. Marc. XXV. 7. 6–7). Командир арьергарда армии комит Виктор, раненный во время битвы при Ктесифоне, также, видимо, принимал участие в переговорах; впоследствии, при императоре Валенте, именно он был послан к Шапуру для переговоров (XXIV. 1. 2; 6. 13; XXXI. 7. 1). — *Примеч. ред.*)

Юлиана, который пал один, что больше всего вопиет о том, в чем именно было дело. «Я же, — сказал он, — когда убит кто-либо из моих вождей, с тех, кто не пал вокруг него, с живых сдираю кожу и родственников умершего утешаю, посылая им на руки головы тех». Сапор не сказал бы этого и не упрекнул, если бы это было подвигом одного из врагов. Как бы, в самом деле, стали они мстить тому, кого не имели в своей власти?

21. Если, таким образом, он умер от копья, но это сделано рукою не перса, что же остается, как не то, что убийца находится в числе наших, или угождавших кому-либо его устранением, или даже самим себе, дабы не были в почете те боги, почитание коих было им в великую досаду?²⁶

22. «Но никакой обвинитель, никакие свидетели не выступали». Но вам²⁷ надлежало и без этого расследовать дело, много дней заседая по поводу его, без послабления, побуждая тех, кто могли обличить; а если они не решались, ободряя их, поощряя, назначая награды, приглашая получить дары и, клянусь Зевсом, не давая молчать даже принуждением, угрозами.

23. Если бы так было с вашей стороны, многие явились бы перед вами, вопия, говоря, сообщая, кто организовал²⁸ убийство, кто первый услышал о нем, какие речи воздействовали на убийцу, какое вознаграждение, кто вместе с ним пили и пели пэан²⁹.

24. Ведь раз мы были покойны, то и тем, кто мог возбудить преследование, представлялось вернее ничего не говорить; когда же цари проявили активность и правители заявляли, что не прекратят розысков, пока тайна не выплывет на свет, она должна была

²⁶ ἀποπνίγῳσι cf., pg. 273, 10 (orat.) XVIII, § 87 et alb.

²⁷ Это обращение к императору Феодосию и его формальному соправителю Грациану. — *Примеч. ред.*

²⁸ ὁ ἀρχιτέκτων τοῦ φόνου, необычность выражения отмечена в приписке Vr., app. crit. Cp. Aristot. ap. Julian., ep. ad Themist., pg. 341, 12. — Sympos. p. 415, 16, ἀρχιτέκτων καὶ διψιούργος.

²⁹ Пэан — хоровая песнь, первоначально в честь Аполлона как бога-целителя, впоследствии и других божеств. В Аттике, к традициям которой Либаний был привержен, пэан пели пирующие во время возлияния богам. — *Примеч. ред.*

вскоре обнаружиться, так как и при настоящих условиях были такие, кто говорили по углам, как устроилось все действие³⁰. Они полагали, что большое безумие, если те, кому надлежало бы гневаться, нимало не обнаруживают такого чувства, другим вмешиваться в дело, не зная, угодят ли кому-либо, под опасением даже потерпеть наказание.

25. Бывали уже случаи, когда иной лежал зарезанный во время пути, а убийца, удалившись, роскошествовал от грабежа своего, и не было, кому отдать себя в руки закона. Но от того, что никто не возбуждал преследования, судья не дремал, оставив дерзкое преступление нерасследованным, но пускал в дело все средства и, не упуская ничего из виду, по сообразительности уподоблялся Линкею³¹, и убийца бывал пойман, будучи вполне уверен, что свершил преступление, схоронив в воду все концы.

26. Много таких деяний, совершенных в пустынях, много и в городах не осталось сокрытыми. И недостаточно было инспекторам околотков³² предать земле убитого, но они являлись к наместнику, объявляли, рассказывали, а он считает своим делом не оставить виновника не обнаруженным.

27. Так неужели из-за любого встречного мы приложим все старания, а за лучшего из мужей не накажем? И у начальников провинции есть сила для обнаружения подобных преступлений, а сила ваша, царская, недостаточна для такой поимки? Это

³⁰ В среде христиан были распространены слухи о божественном провидении в смерти Юлиана (Sozom. H. E. VI. 2). — *Примеч. ред.*

³¹ Salzmänn, S. 13. Пословица: Λυγκέως ὀξύτερον βλέπει Coils. 316. (Линкей, сын Афарей — один из аргонатов, чье необыкновенно острое зрение вошло в поговорку (Pind. Nem. X. 60; Theocr. XXVII. 137). — *Примеч. ред.*)

³² Ср. т. I, стр. 147, 1 [289, 50]. (Данное обозначение должности чиновника дано С. П. Шестаковым исходя из реалий его времени. Либаний же говорит об эпимелетах городских фил (τῶν φυλῶν ἐπιμεληταῖς): Антиохия была разделена на 18 фил (Or. XI. 231; XIX. 62); главами фил являлись эпимелеты (греч. «попечитель, руководитель»), которые были ответственны за дисциплину, охрану общественного порядка и функционирование различных служб, например освещения (см. Or. V. 43–44; XI. 231; 245; XIX. 62; XXIII. 11; XXIV. 26; XXXIII. 35–36). — *Примеч. ред.*)

невозможно. Покажи, что для тебя будет величайшим удовольствием захватить виновников, и явятся те, кто предадут тебе в руки зверей, если только устранишь опасение с их стороны, что богатство, какое последние нажили от своего управления, представляет для них какую-либо опасность. Да, вот что перешло всякую меру: подлежа возмездию за такое убийство, они плодом его имели должности, будто убив персидского царя.

28. Итак, первым делом, если медлительность в деле наказания и не принесла бы такого вреда, какой я сейчас указал, и при таком условии следовало бы обратить внимание и дать такую охрану тем, кто призываются к скипетру. Ведь выполнением наказания вы положите конец подобным преступлениям, а дав безнаказанность, на себя самих... но не скажу зловещего слова. Поэтому сегодня по видимости я выступил на помощь Юлиану, а в действительности вам, которые живы. Ведь ему нельзя вернуть жизнь возмездием за него, вам же сохранить можно. Итак, заставьте воинов жертвовать жизнью за правителей, или, если этого не пожелают, по крайней мере, не выступать против них в качестве врагов.

29. Если бы и стратег потерпел такую судьбу или кто-либо из начальников войска, я желал бы, чтобы ты выступил на убийц их, боясь опыта такого дела, дабы от меньшего он не дошел до самого крупного покушения. Но в действительности, всадник тот и то копье обратились на личность, в коей сосредоточилась вся государственная сила, в разгаре битвы будучи послан лукавой шайкой от мерзостного приюта гибельных казней. Могут явиться, пожалуй, и другие лукавцы, государь, вкравшиеся в одну палатку с начальниками враги их. Их природа никогда не сделает лучшими, но, быть может, страх способен будет удержать.

30. Но возвращаюсь к тому, что, если бы и не грозило никакой опасности целому государству, было бы и справедливо, и полезно вам положить конец дерзости путем гнева за содеянное, теперь же, даже если бы ты и желал, нельзя этого не сделать. Эти назойливые люди, которые на население самого Рима напустили страху, и притом находясь на расстоянии нескольких дней пути,

становятся для тебя советниками в заботе об отмщении, после коего скифы перестанут своевольничать.

31. «Значит, настолько ценится у богов умерший?» — спросит иной. Разумеется. И это у них древний обычай гневаться за пострадавших. Возмездие за преступление некоторых часто распространяется и на весь город³³. Афиняне занемогли за смерть Андрогее и отцу умершего принесли в дань четырнадцать, хотя тех, кто дерзнули на преступление, было немного³⁴; недуг постиг город фиванцев за убийство Лая, а смерть эта была делом рук одного Эдипа³⁵. Голод в Дельфах наступил после того, как Эзоп у них был убит за насмешку. А между тем многие ли, вероятно, участвовали в убийстве? Но все же город страдал голодовкой, и одно было тому разрешение: подвергнуться возмездию³⁶.

³³ Ср. аналогичный пассаж в Ог. XVI. 50, где в качестве примера Либаний приводит Эдипа, Агамемнона и Аякса. — *Примеч. ред.*

³⁴ Андрогей, сын Миноса, был убит афинянами во время посещения им праздника. В отместку Минос со всем своим флотом напал на Афины, а боги наслали на Аттику недород и страшный мор. Афиняне обратились к оракулу, который возвестил, что бедствиям наступит конец, если афиняне умильстят Миноса. Минос же наложил на Афины ежегодную дань — 7 юношей и 7 девушек, предназначенных Минотавру (Plut. Thes. 15). — *Примеч. ред.*

³⁵ Эдип по дороге из Дельф на перекрестке трех дорог повстречался со знатным мужчиной на колеснице. В завязавшейся ссоре незнакомец ударил Эдипа по голове тяжелым скипетром, и в ответ разъяренный Эдип дорожным посохом убил нападавшего, а затем его возницу и почти всех слуг (кроме одного). Этим знатым мужчиной был Лай, отец Эдипа, царь Фив. Впоследствии, когда жители Фив сделали Эдипа своим царем и дали ему в жены вдову Лая, Иокасту (мать Эдипа, о чем тот не догадывался), родившую Эдипу 4 детей, Фивы были поражены моровой язвой, и дельфийский оракул потребовал изгнания из Фив неразысканного убийцы Лая. В процессе выяснения обстоятельств данного преступления Эдип и узнал, кого он убил и на ком женат. — *Примеч. ред.*

³⁶ Как гласит «Жизнеописание Эзопа» (24), Эзоп, будучи в Дельфах, посмеялся над жителями, сказав, что они живут бедно, достойно своих предков-рабов: поскольку греки издавна посвящали в святилище десятину от всей добычи, в том числе и захваченных рабов и рабынь, то жители Дельф и есть потомки этих рабов, т. е. по рождению рабы всех эллинов, вместе взятых. Оскорбленные правители города подложили ему чашу из храма, а затем обвинили в краже этой чаши и, как святотатца, казнили, сбросив со скалы. Но после этого

32. Что скажешь? Разве Юлиан не вызвал гнев на римлян богов, когда он так пал, оставлен был в таком пренебрежении, если рассердился на ахейцев Аполлон за то, что не отдал Агамемнон дочь Хрису³⁷, если рассердился Гелиос за каких-то быков так, что грозил прочим богам подобным же бедствием, если не будет отомщен? А между тем то было делом голодных; но, несмотря на то, корабль у них был разметан молнией и тот, кто давал самый благоразумный совет, сброшен был с него наравне с теми, кто не послушались его³⁸.

33. Что погубило взявших с Агамемноном Трою? Буря. А кто привел в неистовство³⁹ море? Афина. Из-за чего? За то, что войско не отплатило за проступок Эанта против Кассандры⁴⁰, как и мы теперь за убийство. Допускает ли при этом кто-либо мысль, что дочь Приама была у Афины в большей чести, чем этот муж сейчас у всех богов? Кто не знает также начало и причину неожиданного поражения при Левктрах, после коего город лакедемонян остался поверженным?⁴¹

Дельфы постигла чума, и оракул возвестил, что жители города должны искупить убийство Эзопа. — *Примеч. ред.*

³⁷ Хрис — в греческой мифологии жрец храма Аполлона в Трое. Его дочь Хрисеида была захвачена ахейцами в плен, и Агамемнон отказался ее выдать отцу. Тогда Хрис взмолился Аполлону о мести, и бог наслал на войско ахейцев моровую язву (Homer. II. I. 9–43). — *Примеч. ред.*

³⁸ Либаний пересказывает фрагмент из «Одиссеи». На острове Тринакрия, мимо которого проплывал корабль Одиссея, паслись тучные стада белоснежных быков Гелиоса. Несмотря на запрет, проголодавшиеся спутники Одиссея убили и съели несколько из них без ведома вождя. Дочь Гелиоса, пасшая стадо, немедленно донесла об этом отцу, и Зевс в ответ на просьбу Гелиоса разбил молнией корабль Одиссея (Homer. Od. XII. 270–388). — *Примеч. ред.*

³⁹ ἔκστασις, отметим у Либания форму действ. залога, как φοβῶ, πορεύω etc.

⁴⁰ Аякс Оилид (Эант), во время взятия Трои он совершил насилие над Кассандрой, искавшей защиты у алтаря Афины; по совету Одиссея, ахейцы собирались за это святотатство побить его камнями, но Аякс нашел убежище у алтаря той же Афины; при возвращении флота ахейцев из-под Трои разгневанная Афина разбила их корабли бурей у Кикладских островов. — *Примеч. ред.*

⁴¹ Речь идет о битве при Левктрах в 370/369 г. до н. э.: спартанцы выступили против беотийцев, но в битве при Левктрах армия Фив под командованием стратега Эпаминонда разгромила спартанскую. Вскоре на Пелопоннесе

34. Есть, есть забота и об умерших людях богам, государь, и они желали бы, чтобы была таковая и у живых еще людей. Если бы это не было так, они и не доставляли бы на острова блаженных тех, которыми восхищались, и не почтили бы кости их изречениями, как останки Ореста⁴² и останки Тесея⁴³.

35. И теперь, полагаю, у богов часто заходит речь в их собраниях о том, что потерпел этот человек и чего не удалось ему свершить вследствие смерти, и они попрекают и увещевают друг друга к каре за него. Ведь если Гектор был достоин плача, в глазах Зевса, за множество жертв, и Зевс обвиняем Афиною в «Странствованиях Одиссея», как пренебрегающий человеком, приносившим жертвы⁴⁴, что же, вероятно, сказано было об этом чело-

вспыхнула война Спарты с полисами Аркадии. Аркадяне обратились за помощью к Фивам, и им на помощь было отправлено войско под командованием Пелопида и Эпаминонда, которое через Аркадию вторглось в Лаконику. Спарту штурмовать не стали, но от Лаконики была отторгнута область Мессении. — *Примеч. ред.*

⁴² Орест — в греческой мифологии сын Агамемнона и Клитемнестры. Став совершеннолетним, он отомстил за смерть отца, убив мать и ее любовника Эгисфа, о чем подробно рассказано в «Орестее» Эсхила. Впоследствии Орест царствовал после Менелая, своего дяди, в Спарте и умер от укуса змеи в Аркадии, где и был похоронен. Либаний цитирует рассказ Геродота о том, что спартанцы во время войн с Тегеей все время терпели поражение и наконец обратились в Дельфы с вопросом, какое божество им следует умиловить. Пифия ответила, что они должны перенести в Спарту останки Ореста. Спартанцы отыскивали эти останки в Тегее и хитростью переправили их в Спарту (I. 67–68). — *Примеч. ред.*

⁴³ Герой Тесей, царь Афин, видя, что жители Афин настроены против него, проклял Афины и отплыл на остров Скирос, где когда-то находились земельные владения его отца. Прибыв на остров, он попросил у царя Скироса Ликомеда назад отцовские поместья. Но Ликомед повел Тесея на самую высокую гору на острове, якобы для того, чтобы показать ему его владения, и столкнул Тесея со скалы. Уже в историческую эпоху, после греко-персидских войн, Пифия приказала афинянам собрать кости Тесея и бережно похоронить их в Афинах. После того, как афинские войска под командованием Кимона захватили Скирос, останки Тесея были найдены, торжественно перевезены в Афины и захоронены в центре города (Plut. Thes. 35–36). — *Примеч. ред.*

⁴⁴ См. Номер. Od. I. 44–61 о заступничестве Афины за Одиссея перед Зевсом: «Тут светлоокая Зевсова дочь Афиня Паллада Зевсу сказала: „...Ужель не вой-

веке, который в два года превзошел число жертв всех эллинов?⁴⁵ Ведь он именно делил свою жизнь на заботы о всем государстве и на занятия около жертвенников, он во множестве таинств имел общение с демонами, он стонал за погрязшие святыни, пока одно это было возможно, и взялся за оружие, когда наступило время, он вернул городам скрытые до основания храмы, а почести и им, и всем прочим, он вернул, как бы из ссылки, жертвоприношения и возлияния, он возобновил прекращенные празднества, он устранил опасности, связанные с культом богов, он никогда не отвлекался мыслью от благосклонности богов, он, разогнав туман, в каком обретались многие, и всех от него освободил бы, если бы смерть не предупредила его.

37. Об этом человеке есть забота Зевсу, царю о царе, как о представителе одинакового с ним искусства править, Афине, дочери Зевса, ввиду его рассудительности, Гермесу за речи во всех видах их, Музам за эпические поэмы⁴⁶, Артемиде за его целомудрие, Аресу за боевую доблесть. Он так смирил весь варварский род, и начальствуя под властью другого, и по приобретении полной власти, что, совершив поход в персидскую страну, прогнал с места ее население, а племена, которые были спокойны, когда он надзирал за ними и был на месте, продолжали сохранять спокойствие и с его удалением. И он устраивал конные ристания

дет состраданье В сердце твое, Олимпиец? Тебя ль не довольно дарами Читл он в Троянской земле, посреди кораблей там ахейских Жертвы тебе совершая? За что же ты разгневан, Кронион?» (пер. В. А. Жуковского). — *Примеч. ред.*

⁴⁵ Сам Юлиан относил свое обращение к язычеству к 351 г., о чем пишет в письме жителям Александрии: «...И вы осмеливаетесь не поклоняться ни одному из этих богов, а Иисуса, которого не видели ни вы, ни ваши отцы, вы считаете Богом-словом!...Если вы поверите моим увещаниям, то постепенно сами себя приведете к истине. И вы не уклонитесь с прямого пути, если поверите тому, кто сам шел той дорогой до 20 лет, а этим путем идет с помощью богов, вот уже 12-й год» (434 с-д; пер. Д. Е. Фурмана). Либаний здесь проводит параллель между годами языческого служения Юлиана до его смерти и 10 годами Троянской войны. — *Примеч. ред.*

⁴⁶ О поэтических произведениях Юлиана см. Ор. XII. 55; XVIII. 74. Аммиан Марцеллин подчеркивает, что Юлиан уделял серьезное внимание поэтике и риторике (XVI. 5. 7). — *Примеч. ред.*

вблизи Вавилона⁴⁷, а императора римского не было в земле римской, но все было спокойно, так как достаточно заменил присутствие страх, который он внушил и своим походом по персидской территории.

38. Итак, всякий, кто будет императором после него, пусть знает, что обязан ему благодарностью. Это и женщины могли бы сказать, что, если вся эта страна не досталась персам, он виновник тому. И мы ни стен не строим, ни хлеба не ввозим, не беспокоимся о том, куда плыть, чтоб спастись, не живем в постоянном страхе, не боимся, чтобы произошло нечто, подобное тому, как было при предках наших, пред коими, в то время как они, собравшись, сидели в театре, предстали стрелки, занявшие гору⁴⁸. Но наша безбоязненность не опирается даже на поставленные на горах гарнизоны, которых лучшая часть переведена для войны со скифами.

39. Это дар нам Юлиана, это результаты его трудов, его похода, кто людей, которые плясали на нашей земле, научил трепетать за свою. За это и многое другое, — что кто в состоянии был бы перечислить? — неужели не поможешь, не накажешь убивших этого человека, которому на следующий день предстояло бы принять посольство, везущее дары от персов, как можно было слышать от них самих?

40. Испытай, государь, это предложение, возмись за помощь, и ты завоюешь судьбу. Это обеспечит тебе землепашество во Фракии, откроет Фермопилы⁴⁹, вернет блуждающих, изменит

⁴⁷ См. Or. I. 133; XVIII. 249; Sozom. H. E. VI. 1. Описываемое событие имело место перед стенами Ктесифона, который Либаний периодически именует древними названиями. — *Примеч. ред.*

⁴⁸ О захвате персами Антиохии ок. 250 г. н. э. сохранилось известие у Аммиана Марцеллина: «Так, однажды в Антиохии во время глубокого мира один мимический актер со своей женой во время театрального представления изображал выхваченные из жизни сценки и публика залюбовалась изяществом исполнения, жена его вдруг сказала: «Если это не сон, то вот персы». Публика повернула головы и, стараясь спастись от тучи пущенных в нее стрел, рассеялась кто куда мог...» (XXIII. 5. 3; пер. Ю. А. Кулаковского). — *Примеч. ред.*

⁴⁹ После битвы при Адрианополе готы разорили Фракию, Македонию и Фессалию (Фермопилы — это проход в горах между Центральной Грецией и Фессалией) (Zos. IV. 31. 5). — *Примеч. ред.*

настоящее положение, бегства и преследование. Ты увидишь тех же самых воинов обыскивающими лес и пещеры, одних врагов убивающими, других влекущими живыми, чтоб отдать тем, кто желает купить. В этом будет сообщником твоим Юлиан, все облегчая, взором воинов недоступный, но познаваемый по делам.

41. Подобаает тебе стараться об отплате в тех или других видах: или ты подвергнешь возмездию после изобличения, чего может ли быть что-либо справедливее? или, если, чего да не будет, виновники смогут ускользнуть, ты самым решением твоим стяжешь себе доброе имя и у людей, и у него, и у богов, так что то, что тебе досталось бы после отплаты, достанется тебе и за твое желание.

К ИМПЕРАТОРУ ФЕОДОСИЮ О МЯТЕЖЕ Orat. XIX F¹

1. Наш город, государь, постигло несчастье, что в нем разыг-
рались подобные выходки против его поклонника. Он совестится
своих проступков, и это помешало ему отправить к тебе посоль-
ство по поводу происшествия, чтобы оно и к речи прибегло, умо-
ляло и на деле.

2. Но я, сам себя выбрав, являюсь, придавая большое значение
тому, если смогу выполнить то, о чем молюсь, немалое и самому
труду, какой предпринимаю за свою родину, если и придется ему
потерпеть неудачу. Ведь я полагаю, меня будут судить более по
моим намерениям, чем за то, что я не властен был дать².

¹ Речь датируется весной 387 г. и так же, как последующие речи (XX–XXIII), написанные в это же время, посвящена проблемам, возникшим в связи с мятежом в Антиохии. — *Примеч. ред.*

² См. толкование трудного и необычного оборота в рукописях у Förster'a app. crit.

3. Итак, старость меня склоняла сидеть дома, убеждали к тому и многие из близких и знакомых, от которых приходилось слышать, что небезопасно держать перед разгневанным императором речь в оправдание подобных выходов, но я в твоей природе и характере почерпал уверенность, что никакой неприятности не постигнет меня за речь, а старость, с соизволения богов, убежден был, обретет силы и для пути вдвое длиннейшего, и что правильно было мое убеждение, показывает самое дело.

4. Я, на которого не надеялись, что он минует и первую станцию, проехав многие, явился таким образом, переправился за Босфор и нахожусь во дворце, среди речей о городе³. Итак, тех, при содействии коих я вынес путь и не отчаялся в нем, полагаю, буду иметь союзниками и во всей моей задаче.

5. Приходилось уже слышать, как иной завидовал городу нашему за его воды, благорастворение воздуха, величину, красоту и население, и за то, что в нем дается и получается словесное искусство и есть те, кто желают обучаться и могут учить.

6. Я же скорее поместил бы его не в число счастливых, а наоборот, принимая во внимание землетрясения и разрушения, ими причиняемые, и нашествия персов⁴, грабежи и срытие домов, пожары и, что относится, сказал бы я, к еще большему злополучию, неправый гнев на правителей и смерти их, влачимых за ноги⁵, за

³ Город — это Антиохия. Зосим рассказывает (IV. 41), что сенат Антиохии, желая умиловить императора, разгневанного вследствие мятежа и осквернения статуи его и его супруги, направил в Константинополь посольство — Либания, как одного из известнейших людей своего времени, и сенатора Хилария, ученика Либания и известного в городе оратора. Посольство увенчалось успехом, в чем немалую роль сыграла блестящая речь Либания, и Феодосий простил антиохийцев. Хиларий же вскоре был назначен проконсулом Палестины. — *Примеч. ред.*

⁴ По всей видимости, речь идет о захвате персами Антиохии ок. 250 г. н. э. — *Примеч. ред.*

⁵ Речь идет о восстании 354 г., во время которого были убиты Феофил, Монций и Домициан: префекта Востока Домициана имп. Констанций направил в Антиохию с поручением уговорить цезаря Галла приехать в Италию, куда Констанций уже не раз звал его. Домициан, прибыв в Антиохию, повел себя высокомерно и потребовал, чтобы Галл немедленно ехал в Италию. Галл приказал

что нередко мы заслуживали позорную молву у других людей. То, что было его злосчастьем, в том город и был обвиняем.

7. Однако где же тут справедливость? Тому же демону в совместном действии его с оскорбленной Немезидой следует приписать и нынешний инцидент. Обида же в том, что нет более статуи. И это определилось тем, что из храма Немезиды сделан был другой⁶.

8. Что поступок с вашими статуями возмутителен, кто станет тому противоречить? Кто не назовет того дня мрачным? Это было, государь, безумством со стороны города. Но что лишало его рассудка, то была некая высшая сила, так что, если и придется согласиться, что это было преступлением всего города, оно имеет оправдание в причине, к тому подвигшей. Чего бы не сделал он в здравом уме, на то он дерзнул в припадке безумия.

9. Человека, подвергшегося таковому, обычай требует не наказывать, а жалеть и пытаться его исправить при помощи искусства врачей. Никто не бьет беснующегося и не обвиняет за недуг, поставляя его в счет ему. Недужны бывают и города, государь, и недуги их — беспорядки, мятеж, подверженность гневу, преступления, свойственные людям в таком состоянии, противозаконные действия.

10. Таковы бунты, во время коих происходит как много других ужасов, так и избиение не только граждан, но уже и родственников, так как безудержный гнев преодолевает и естественные привязанности. И это бедствие может постигнуть иной раз и

взять Домициана под стражу, и обратился к солдатам с призывом о помощи. Восставшие солдаты убили Домициана и Монция: их связали веревками, таскали за ноги по всему городу, а затем бросили в реку (Amm. Marc. XIV. 7. 10–16). — *Примеч. ред.*

⁶ Немезида — в греческой мифологии богиня мести, наблюдающая за справедливым распределением благ среди людей и обрушивающая свой гнев на тех, кто нарушает закон. Храм Немезиды, реконструированный при Диоклетиане, располагался в Дафне в районе стадиона, и в нем находились судьи во время игр. Храм был закрыт в 387 г., и Либаний явно намекает, что последующие события стали актом «божественной кары». Под «другим храмом Немезиды» подразумевается, видимо, комиссия имп. Феодосия, которая находилась в это время в Антиохии. — *Примеч. ред.*

небольшой город, а в тех, которые отличаются обширностью, такие явления часты.

11. И если исследуешь время римского царства, встретишь в таких и мятежи. Те из царей, которые более трезво глядели на дело, снисходили к прощению, некоторые же, неблагоразумно судившие, подвергали их наказаниям, которые были в ущерб и самим их виновникам. Ослабляя свою собственную державу, они признавались в том, что не умеют следовать примеру богов.

12. В чем же состоит последний? В прощении за ежедневные речи против них, таким, которые их произносят в минуты, когда обстоятельства их приводят в огорчение. Между тем нередко они сами виновники своей гибели и всё же клеветают на богов, а те сносят это. Вот благодаря чему род людской многочислен, а если бы за всеми преступлениями следовали наказания, спасалось бы очень незначительное количество. Итак, кто хочет уподобиться богам, пусть лучше утешается отпущением наказаний, чем их наложением⁷.

13. В этом я нахожу самое важное отличие греков от варваров. Последние приближаются к зверям, презирая сострадание, а первые восприимчивы к жалости и умеют преодолевать гнев⁸. Так лакедемоняне пощадили Афины, когда им была возможность их уничтожить⁹, и те из греков, которые воевали с персидским царем, тех, которые стали на его сторону, и притом немалым поощрением к наказанию имея свое постановление относительно их¹⁰. И Александр Македонский поступил бы благоразумнее, не

⁷ Либаний намекает на богоподобность императора, а таковым он именовал еще имп. Юлиана (Ог. XV. 34; XVI. 18). — *Примеч. ред.*

⁸ Ср. т. I, стр. 464, 2 [703, 81].

⁹ Речь идет о событиях конца Пелопоннесской войны — 404 г. до н. э.: когда послы Афин, потерпевших поражение в войне, прибыли в Спарту с просьбой о мире, эфоры создали народное собрание, на котором союзники спартанцев, особенно послы Коринфа и Фив, требовали полного разрушения Афин, однако спартанцы отказались быть виновниками гибели столь знаменитого полиса (Хен. Hell. II. 2. 18–20). — *Примеч. ред.*

¹⁰ Например, Геродот рассказывает, что после битвы при Платеях эллины решились осадить Фивы, поскольку фиванцы поддержали персов. Осадив город,

срыв до основания Фив¹¹. Это не противоречило бы благоприятному о нем суждению, напротив, было бы первым доводом в его пользу.

14. «То, что произошло, — возмутительно». А те многие и частые выходки, какие имели место в Александрии, разве были умеренны? У них театр — арена войны их с правителями¹². А в войнах с последними они воюют и с вами, что держите скипетр, не оставившись ни перед каким словом, если даже убийц на Западе царей, овладевавших их державою¹³, они, во всеуслышание, при-

эллины потребовали выдачи лидеров проперсидской партии, и они были выданы. Большинство эллинов было настроено простить виновных, однако спартанский царь Павсаний распустил союзное войско, а пленников повелел отправить в Коринф и казнить (IX. 86–88). — *Примеч. ред.*

¹¹ В 335 г. до н. э. Александр Македонский, восстанавливая македонскую власть над Грецией, взял штурмом восставшие против македонян Фивы. Желая преподать урок остальным грекам, а также идя навстречу своим союзникам, требовавшим уничтожения города, Александр приказал скрыть город до основания, а жителей продать в рабство. — *Примеч. ред.*

¹² Часто александрийцы выступали и против назначенных им епископов, как это было в случае с арианским епископом Георгием, назначенным императором вместо низложенного православного епископа Афанасия (Великого). Георгий умел угрождать имп. Констанцию доносами и мнимым усердием в государственных делах (Amm. Marc. XXII. 11, 5–6). После прибытия в Александрию Георгий начал репрессии против православных, епископов и мирян. Кроме того, он захватил в свои руки соляной промысел и промысел селитры, поставил под свой контроль добычу папируса и тростника. Он распорядился, чтобы никто, кроме поставленных им людей, не мог хоронить умерших, и за похороны собирал деньги (Eriphan Naer. 76). Ожесточившийся народ напал на него в церкви Дионисия 26 августа 358 г. и угрожал умертвить. Георгий был вынужден покинуть город. Но вскоре в город явился военачальник Севастиян с войском для поддержки ариан, а в 359 г. в Александрию прибыл нотариус Павел с указом в поддержку Георгия и для наказания виновных в выступлении против него. Естественно, что эти действия не прибавили популярности Георгию. Он же в ноябре 360 г. опять прибыл в Александрию. 30 ноября 361 г. было получено известие в Александрии о смерти имп. Констанция и вступлении на престол Улиана. Георгий был схвачен народом и заключен под стражу, а 4 декабря его убили, труп возили по городу на верблюде и потом сожгли. — *Примеч. ред.*

¹³ Речь идет об узурпаторе Максиме. В 383 г. в Британии вспыхнул мятеж, и войска провозгласили императором испанца Магна Максима. Император

зывали на Египет¹⁴. Но все же город налицо и остается. И природе городов дано погрешать такими эксцессами, и мы удивляемся не тому, если они прегрешают, но тому, если этого нет. Так если и не в письме, то на деле вы установили этот закон — прощать городам их безумие.

15. Отлично усмотрел это и младший из двух братьев-пэонийцев¹⁵. Так, в свое время, великий город, охотно принявший дерзкого тирана и одинаково и в речах, и в действиях своих угождавший тирану¹⁶ оскорблениями императору, последний, когда, по низвержении им своего противника, ожидали, что он

Грациан в это время находился в Парисиях (совр. Париж). Когда Максим начал наступление на Галлию, галльские войска изменили Грациану, и император был убит. Под властью Максима оказались Британия, Испания, Галлия. В 384 г., после победы Максима над галлами, Валентиниан II признал Максима и заключил с ним мир (фактически от имени 12-летнего Валентиниана правила его мать Юстина, а скорее всего, Феодосия). Под властью Валентиниана остались Италия и Иллирия. И в 387 г. Максим захватывает Италию. Валентиниан и Юстина бежали в Фессалонику и обратились за помощью к имп. Феодосию. — *Примеч. ред.*

¹⁴ Упоминание о событиях в Египте относится к периоду признания Максима Феодосием, когда, в соответствии с их соглашением, Максим признавался августом, и его статуи воздвигались на Востоке империи. Кинегий, префект претория Востока, был в начале 386 г. послан в Александрию, чтобы установить эти статуи и провести реформу курии, однако, кроме этого, Кинегий продолжил политику ликвидации языческих святилищ и общественных институтов. В результате в городе вспыхнули беспорядки, участники которых призывали Магна Максима. — *Примеч. ред.*

¹⁵ О Валенте ср. *orat.* XX, § 25. (Императоры Валентиниан I и Валент были родом из города Кибалис в Паннонии (греч. Пеонии). — *Примеч. ред.*)

¹⁶ О Прокопии ср. *orat.* XXIV, § 13. *Amm. Marc.* XXIV 6, 14 sq. *Zosim.* IV 5. *Themist.* *orat.* VII, p. 103. 107 D. (Прокопий, придворный и родственник имп. Юлиана, поднял восстание и провозгласил себя императором 28 сентября 365 г. Помимо Константинополя, о котором и говорит Либаний, оно также охватило Вифинию и Фракию. Однако император Валент победил в войне против узурпатора, и Прокопий был казнен 27 мая 366 г.: Прокопия казнили, привязав к двум деревьям, а его отрубленную голову Валент послал Валентиниану, находившемуся в Галлии. Вопреки мнению Либания, и языческие, и христианские историки сходятся в описаниях жестоких преследований сторонников Прокопия (*Zos.* IV. 8. 5; *Amm. Marc.* XXVI. 10. 6–14; *Socr.* H. E. IV. 5; *Sozom.* H. E. VI. 8). — *Примеч. ред.*)

отплатит городу, на нем самом и его населении, даже не подумал об этом, но сидел в ожидании, чтобы кто-либо выпросил ему прощение¹⁷ и, когда такой явился, его похвалил, а город не покарал.

16. Пусть и о тебе скажут нечто подобное, в особенности ввиду того, что и твоя слава больше, чем от подвигов вооруженною рукою, происходит от того, что соделало тебя владыкой, милостивым даже к скифским рабам¹⁸. И что они к тебе так относятся, объясняется твоим отношением к ним. Ведь вместо того, чтобы губить себе подвластных, а это легко, полагаю, всякому, ты поступаешь так, чтобы им нечего было бояться. Оттого приходится слышать заключения со стороны одних, что ты более воинствен, чем милосерд, со стороны других, что ты более милосерд, чем воинствен.

17. Но гораздо важнее похвала за милосердие, так как это прямо личное свойство, а в победе царя над врагами есть доля участия полководца, есть — воинов, есть, что приписать вооружению, коням, всадникам, кораблям, если сражение происходит на таковых.

18. Итак, государь, не сокрушай славы столь доблестной, но подумай о том, что следует царю походить на отца, а отцам свойственно относиться милосердно к опрометчивым поступкам сыновей. Много, конечно, можно сказать в честь тебе похвал, но больше всего истины в похвале твоей гуманности¹⁹, так что, если бы и все были немилосердны и жестоки, тебе следовало бы сохранить это свойство.

19. На самом деле, можно наблюдать, что и Юлиан старался прославиться этим свойством, и тот, кто поставил соперником

¹⁷ Themist. or. VII, p. 101. 111 sq.

¹⁸ Jo. Chrys. horn. XXI, p. 215 E. — Zosim. IV 34. Consul. Const. (Chron. min. ed. Mommsen, Auct. ant. IX 2 p. 243). (Под скифскими рабами подразумеваются вестготы, которые в соответствии с мирным договором 381 г., заключенным имп. Феодосием с королем Атанарихом, были поселены в Мезии и Фракии на правах федератов (Zos. IV. 34; Socr. V. 10). — *Примеч. ред.*)

¹⁹ См. т. I, стр. 151, 1 [294, 2].

Риму новый город того же названия, проявлял его порою²⁰. В самом деле, когда как-то римский народ осыпал его дерзкими криками, спросив братьев, что предпринять, и услышав от одного, что надо послать на них войско и порубить их, причем сам поведет их, от другого, что достоинству царя подобает даже не знать подобных вещей, он заявил, что последний дает надлежащий совет, а тот, жестокий, далеко не в пользу государю, и что владыкам подобает относиться терпеливо к подобным порывам, и того возвеличил славою, а второго отправил после внушения ему и привлек к себе расположение Рима, установив законом, что подобные выходки внушают царям лишь повод к смеху²¹.

20. Но все же в отношении человеколюбия с тобою не сравнится он, который к подобным поступкам относился снисходительно, но был весьма суров к тем, кто домогались царской власти, и к тому подобным заговорщикам, и не к ним только, но и к тем, которые вступали в беседу с прорицателями о том, какова будет судьба его власти²², и никакое искусство не в силах было бы спасти такого человека от костра²³.

21. А каков ты в таких делах, кто из варваров не знает? По подобным обвинениям некоторые шли на смерть, и приговор объявлял смертную казнь, но голос, отменяющий приговор, исходя

²⁰ О гуманности Юлиана см. Ор. XII. 85; XVIII. 200; др. О том, что Константинополь был основан имп. Константином именно в качестве конкурента Рима, сообщают также Созомен (II. 3) и Зосим (II. 30). — *Примеч. ред.*

²¹ Подробно эта история изложена в Ор. XX. 24. Имеются в виду Ганнибалиан (сторонник жестких действий) — племянник и приемный сын имп. Константина, и Юлий Констанций, его сводный брат. — *Примеч. ред.*

²² Так, официальная пропаганда имп. Константина оправдывала убийство Лициниана, официально помилованного и сосланного в ссылку в Фессалонику, тем, что он не смирился с поражением в войне и готовил заговор против Константина (Согр. I. 4; Zos. II. 28). Что касается предсказаний, то Константин к концу правления стал их очень опасаться: ведь многие предсказания о его успехах сбылись, и император боялся, что люди, вопрошающие о будущем, могут узнать о его неудачах (Zos. II. 29). — *Примеч. ред.*

²³ Ср. Zosim. II 28 et 29.

из дворца, проходил по городу, отводя мечи от шей²⁴, и теперь, после улик в проступках, требующих смертной казни, они живут в местностях, доставляющих удобства.

22. Твоим человеколюбием воспользовался, государь, и тот город, что ежедневно чтим был многими затратами на него, благодаря коим он из году в год становится больше и красивее. Итак, те, кто некоего воина, скифа, обвиненного в чем-то, в суд не представили, а вывезли в море, после убийства на суше лишая его, сверх того, и погребения²⁵, оскорбили тем, что дерзостью этою раздражили скифов, но боялись гнева даже не целый день, но после опасений, что придется голодать, снова, благодаря примирению, получали хлеб.

23. Итак, или тебе следует сегодня изменить себе и делу пойти вверх²⁶ по течению, или, пока ты остаешься прежним, и теперь не приступать к наказанию. Какая же храбрость повредить подвластному городу? Ведь нет ее и для пастухов в заклании стольких голов мелкого скота, сколько они только пожелают, так и для пастухов быков — быков, козопасов — коз, но биться за них с нападающими зверями, и одолевать, и отражать — большое и видное дело, а съедать, кого кто пасет, в том нет ничего удивительного.

24. Таким образом, государь, хотя бы город и погрешил весь сообщая, твоей натуре свойственно было бы позаботиться о нем. На самом деле, выслушай все подробности в моем рассказе. Таким образом ты можешь стать более справедливым судьей и на основании самых фактов рассудить жителей города.

25. Пришло письмо о деньгах, издавна грозная весть. Когда то, чему до сих пор не верили, получило достоверность, и земля не

²⁴ Ио. Chrysostom. horn. XXI, p. 219 D sq. VI, p. 76 sq. D. (Подробнее о данном событии см. в Or. I. 239–241. О милосердии Феодосия см. также Or. XX. 15; XXIII. 13. — *Примеч. ред.*)

²⁵ Cp. orat. XX, § 14.

²⁶ Cp. prov. Bodl. 58, Diogen. I 27. Hesych. ἄνω πωταμὸν *Salzmann*. S. 90. Cp. Julian., orat. VI inc., pg. 234, 3. (Поговорка, смысл которой в том, что река не может течь вверх по течению. — *Примеч. ред.*)

сносила такого бремени, слышавшие письмо упали духом, большинство, соображая свое великое бессилие и то обстоятельство, что, если не смогут исполнить то, чего не могут при всем желании, их жизнь подвержена будет крайним средствам воздействия. Итак, они прибегают к помощи бога, называя его самого, как такового, который способен тебя убедить уменьшить количество²⁷.

26. В то время как помещение суда было полно людей, из коих одни занимали должности, другие принадлежали к декурионам, третьи зарабатывали деньги ремеслом адвоката, четвертых возраст освободил от трудов воина, — итак, из всех перечисленных одни умоляли со слезами, другие безмолвно проливали слезы и их нужно считать, конечно, в числе умолявших. Правителю²⁸ не за что было упрекать. Какой же упрек, в самом деле, могла бы вызывать мольба?

27. Итак, до этого момента никто ничем не нанес тебе обиды, государь. Какая же обида, если от того, от кого и сам ты ежедневно просишь благ, кто-либо желал себе помощи? Когда же они были уже на улице и такие речи прекращались, какие-то люди, при молчании с их стороны, подняли ропот.

28. Явившись в то место, где они рассчитывали застать Флавиана²⁹, и не найдя его, они вслед за тем вернулись туда, откуда сначала двинулись, принимаясь за неладные речи, собираясь начать и дела такие же. Но люди, более порядочные, об этом не думали³⁰. Кто же были те? Те, кто предпочитали плясунов и самому солнцу, и луне, и облакам. Из них кое-кто был уже виновником бед, что произошли в Берите. Это мы узнали впоследствии.

²⁷ Ср. *orat. XX*, § 3. Jo. Chrysost. hom. XXI, p. 214 C.

²⁸ Цельс, консуляр Сирии с начала 387 г. (см. *Or. XXIII*. 10). — *Примеч. ред.*

²⁹ Jo. Chrysost., l. I. (Флавиан был епископом Антиохии с 381 г., см. о нем *Or. XXX*. 15; 19. Флавиан принял самое активное участие в урегулировании ситуации после мятежа, отправился в Константинополь к императору, где убеждал Феодосия простить антиохийцев. Иоанн Златоуст полагает, что именно речи Флавиана склонили императора к прощению (Jo. Chrys. Hom. III; XXI). — *Примеч. ред.*)

³⁰ Jo. Chrysost, hom. II 24 D. XVII 175 C.

29. Вот при посредстве таких-то слуг злой демон выполнил то, о чем я хотел умолчать, но о чем не говорить не дозволяет требование правды. Да, на ваши изображения, на которые мы взирали с почтением, не так взглянули предерзостные люди. А что не без участия злого демона творят люди такие дерзости, тому явным доказательством служит то обстоятельство, что все это было выполнено легко, причем совершеннейшие малолетки бросались всюду, взлезали, слезали, перескакивали с одного места на другое с большею силою, чем какая присуща людям в ее расцвете.

30. Говорят, и старик, который проявил при низвержении коня³¹ больше силы, чем свойственно старику, услышав: «Ладно, старик!», на глазах многих обернулся юношей, затем ребенком, наконец, исчез, и немалый трепет овладел самыми теми, кто видел эти превращения³².

31. Итак, я слышал, как раздавались крики толпы о золоте, голоса в том роде, как их требует подобное движение скопом³³. Когда же дело дошло до статуй, одни их оскорбляли, другие смотрели на то, последних было гораздо больше, чем тех, кто совершали это возмутительное преступление. Как же они не препятствовали им? Повторю здесь прежний довод, что некая высшая сила того не допускала. Было тут какое-то демоническое существо, гнездившееся в душе, существо, которое заставляло глядеть на все происходившее и не позволяло самому человеку и голоса подать.

32. А так как власти не являлось, приходилось, несмотря на численность свою, оставаться в бездействии. Декурионы же сторонились всякого участия или зрелища и, попрятавшись, где пришлось, спасались из опасения, как бы, появившись, не быть вовлеченными в дело. Когда же преступление стало принимать гораздо более грозные размеры, они отсюда почерпали достаточное оправдание своего страха по поводу меньших его проявлений. Ведь от тех, кто не воздержались от этих поступков, чего бы

³¹ Ср. *orat. XX*, § 10.

³² Подробнее см. *Or. XX. 10.* — *Примеч. ред.*

³³ *Jo. Chrysost. hom. II p. 22 B sq.*

ни подобало ожидать в остальном, когда притом уже был подожжен дом одного из знатных людей? А для них жизнь была гораздо ценнее домов.

33. Итак, рассеявшись вследствие напавшего на них страха и не имея возможности ни увидеть друг друга, ни обменяться словом о происходившем, вместе с тем ввиду того, что слухи преувеличивали число тех, кто напали на статуи, они пребывали в бездействии, молясь, чтобы кончилась невзгода, но выступить активно не будучи в состоянии.

34. И отсюда всякий может усмотреть, что это происходило не без некоего давления со стороны демона. В самом деле, тот, кому и без вызова следовало воспрепятствовать таким выходкам, будучи начальником стрелков³⁴, содержащихся здесь для таких случаев, когда требуется действие оружием, призываемый множеством голосов, сидел на месте, отговариваясь пустыми предложениями.

35. А между тем, тот, кто, и без чьего-либо призыва, конечно, встал бы и поспешил, как человек опытный в войне, и вообще не трус, и знавший, что виновники беспорядка не выдержат и вида луков, к вам на защиту не двинулся, но был осторожен и медлил, а на помощь дому поспешил с готовностью и пожар, который грозил разгореться, погасил в самом начале, выпустив всего две стрелы, так что он сам себя обвиняет, что не сделал того же по более серьезному поводу.

36. Правитель же провинций³⁵, когда он услышал, что пришли стрелки против поджигателей, и сам явился, и присоединил

³⁴ Имеется в виду *vuktéparchos* — командир отряда стражи, чьи подчиненные не являлись армейским подразделением и который мог действовать независимо и от курии, и от наместника провинции. — *Примеч. ред.*

³⁵ Jo. Chrysost XVI, p. 160. p. 162. Консуляр Сирии Цельс ср. Liban. orat. XIX, § 55. XXIII, § 10, т. I, стр. LXXIX, LXXIV, 9 [87, 373; 83, 348]. (Цельс был назначен консуляром Сирии с начала 387 г. Вот как его действия описывает Иоанн Златоуст: «Градоначальника я похвалил за попечительность, что он, увидев город в волнении и всех помышляющими о бегстве, пришедши [в церковь], утешил вас и внушил вам благие надежды... Я желал, чтобы земля разверзлась подмною и поглотила меня, когда слушал я, как он говорил к вам, и то успокаивал, то порицал этот безвременный и неразумный страх» (Hom. XVI. 161). — *Примеч. ред.*)

помощь из состава своего отряда, показав этим, что мог бы с тою же силою явиться и в предшествующем случае. Итак, поджигателей предали суду за поранения от черепиц, а для изобличения виновных в нечестии путей — много, обвинителями же друг друга являются соучастники нечестия³⁶, которые знают друг друга и поступки друг друга. Улики — быстры, ясны, нисколько не трудны.

37. Но надлежало распределить арестованных по мере их преступлений. Это и было сделано. Нужно было приступить к наказанию негодяям, и это было предпринято, причем одни погибли от меча³⁷, другие испустили дух на кострах, третьи растерзаны были зверями, и даже тех, кто были прямо ребятами, не спасал самый возраст этот, но оказывался для них бесполезным, при таком их возрасте, счет лет. А кто не подвергся возмездию, тот и не совершил проступка, так как судья всюду доходил своим умом, применяя к каждому всю строгость, так что нигде и ни с чьей стороны правда не пострадала.

38. Подумай же, государь, как тебе вслед за этим поступать, чтобы встретить похвалы себе? Мне кажется — если ты удовлетворишься тем, что никого из участников этого преступления уже не существует. Ведь если бы возможно было людям умирать несколькими смертями, нам следовало бы это сделать. Но так как этого уже нет, пора прекратить гнев.

39. Пускай же не достигнет выполнения ни одна из мер, о которых ходит молва. Каковы же они? Одни уверяют, что тыпустишь солдат грабить состояние каждого, другие — избивать население города, третьи, что ты ответишь на обиду тяжестью пени, четвертые, что ответишь на нее пролитием крови наиболее видных из членов курии³⁸.

³⁶ Под нечестием подразумевается преступление, классифицируемое в римском праве как «оскорбление величия»: нападение на статуи — изображения императора. — *Примеч. ред.*

³⁷ Jo. Chrysost. hom. III, p. 45 С.

³⁸ Как это было, например, при Диоклетиане после подавления выступления Евгения в 303 г. (см. далее, § 45). О наказании виновных силами местных властей также сообщает Иоанн Златоуст: «И хотя виновники настоящего преступ-

40. Я же восставал против этих мнений, утверждая, что те, кто так думают, не знают тебя. Что дело это не было делом всего города, это ты слышал из моего рассказа. Где же справедливость, если будут казнены все, и те, кто в пору совершения преступления даже отсутствовали в городе, и те, кто были скованы недугом, и те, которые признательны богам, если кто-нибудь их не казнит?

41. «Да, конечно, и у женщин есть утварь». Но ни единый человек не стал бы утверждать, чтобы и женщины приняли участие в этой дерзости. Они готовы были молить, чтобы у них двери были железные. Так боялись они за себя. Так неужели имущество и этих женщин, у которых нет ни мужа, ни сыновей, ни братьев, достанется на грабеж получившим на то дозволение?

42. Так, если они явятся к тебе и скажут: «Государь, да мы-то этого и не желали, и не добивались, и не поощряли к тому, чтобы так сделалось, и не рады были такой дерзости, и теперь неправо вынуждены попрошайничать, и притом когда нет давальца потому, что нищенство стало общим в городе», — что скажешь на это, государь? Что же, если тебе не скажут ничего подобного, а обратятся с такими словами к Гелиосу? Или и за плач подвергнем возмездия горюющих?

43. Итак, я не вижу даже, чтобы оставалось место для штрафа. Как же можно наказывать штрафом тех, которых нельзя даже уличить в бессовестности? Если, действительно, мера применена будет против всех, окажется, что ты караешь и тех, кого хочешь

ления схвачены, посажены в темницу и наказаны, мы все еще боимся... Когда виновные признаются в преступлении, тогда более и наказываются — что и теперь случилось. Одни погибли от меча, другие от огня, иные отданы на растерзание зверям — и не только взрослые, но и дети. Ни незрелость возраста, ни многочисленность обвиненных, ни то, что все это сделали люди, объятые бешенством демонов, ни видимая невыносимость взыскания, ни бедность, ни то, что это общий всех грех, ни обещание никогда более не делать подобного, и ничто другое не спасло виновных; но без всякой пощады они были отведены на смерть, окруженные вооруженными воинами, которые наблюдали, чтобы кто-нибудь не освободил осужденных. Матери следовали издали, смотря на разлученных с ними детей, но оплакивать свое несчастье не смая, потому что страх побеждал любовь...» (Ном. III. 56). — *Примеч. ред.*

читать, как друзей богу³⁹. Если же часть будет выделена и не будет поражена штрафом, чистые от вины, как они, скажут, что терпят понапрасну, не получив одинакового с ними снисхождения.

44. Если, в самом деле, те, кто этому подвергнутся, принадлежат к числу тех, кто тронули с места статую, они заслуживают наказания смертью, но не состоянием. Если же никто не стал бы этого утверждать, за что же подвергают их взысканию? Остается вопрос о декурионах и об их головах. Если кто их казнит, не будучи в состоянии обвинить кого-нибудь за дело рук его, он окажется наказующим за декурионат как за преступление, и должность, и теперь представляющаяся стоящей бегства⁴⁰, станет еще более страшной.

45. Что же оказывается из всего этого? Что тебе надо прекратить гнев. А тот, кто твердит тебе о Диокле⁴¹, об уступившем принуждению Евгении, и вступлении сюда из Селевкии в пьяном виде⁴², и о моем деде, и о Брасиде⁴³, и о том, как погибли они и некоторые другие без суда или защиты⁴⁴, по одному только тому, что были декурионами, те, кто держат такие речи, не о таком говорят, чему следует подражать.

46. Не ровня, нет, не ровня Диокл Феодосию. Полезно было бы и ему, полагаю, не точить меч⁴⁵, на самом деле он, прибегши

³⁹ Jo. Chrysost., l. l.

⁴⁰ Ср. т. I, стр. 113, примеч. [246, 49]

⁴¹ Cf. Aur. Vict. epit 39 (Диоклетиан).

⁴² Ср. orat. XI, § 158, vol. 1, pg. 489, 7 sqq. F., orat. XX 418.

⁴³ Ср. т. I, стр. 4 [101]; ср. стр. I [10, 1]; orat. II, § 11.

⁴⁴ Эти репрессивные меры последовали после восстания Евгения в Селевкии ок. 303 г. (см. об этом Or. XI. 158–162; XX. 18–20). Дед Либания по отцу и брат этого деда, Брасид, были осуждены на казнь и конфискацию имущества при Диоклетиане (Либаний именует его Диоклом — его родным греческим именем, вместо романизированного имени Диоклетиан, принятого при вступлении на престол) по делу о выступлении солдат, работавших над углублением гавани в антиохийском порту Селевкии, и происшедших беспорядках в самой Антиохии. О конфискации собственности семьи см. Or. LI. 30; Ep. 1154. — *Примеч. ред.*

⁴⁵ Ср. Jo. Malal., pg. 308, 17 sqq. Aur. Vict. epit. 39, orat. XX, § 17.

к нему без удержу, быв во многом достоин удивления, свои хорошие качества затемнил своими слабостями, так что одно имя его переполняло слушателя отвращением и заставляло его отскакивать.

47. Пусть скорее вспомнит иной о Констанции, кротком к проступкам городов. При посылке сюда префекта Стратегия⁴⁶, после смерти Феофила⁴⁷, которую последний, бывший дельным правителем, встретил такую, какой не заслуживал за свой нрав: он был во время состязания на колесницах повергнут на землю пядью кузнецами, Констанций, хотя в ту пору и воскорбел сердцем, но, помяная Стратегию о наказании, не раз повторил, чтобы он применил его с наивозможною умеренностью, и тот не пренебрег приказом, и матерей плакало не больше, чем следовало.

48. «Но тогда, — скажет иной, — умирал Феофил, сейчас же оскорбление причинено статуям царским». Я же оставлю пока в стороне, что и то убийство было оскорблением императору, но укажу, что и сам этот [Констанций] очутился в подобном же положении. Именно город Эдесса⁴⁸, недовольный каким-то коснувшимся ее мероприятием, повергнув его медную статую, затем

⁴⁶ Стратегий был назначен проконсулом Ахайи в 353 г. Его мягкость, которую он проявил в своих действиях в Антиохии, проводя политику имп. Констанция после беспорядков в городе в 354 г. (см. Or. XIX. 47), была отмечена Аммианом Марцеллином (XV. 13. 2). Уже в 354 г. Стратегий стал префектом Востока (Amm. Marc. XV. 13. 1; Cod. Theod. VIII. 5. 5). Он был человеком высокообразованным, христианином, участвовал и в религиозных делах (собор в Сердике 343 г.). К 353 г. относится панегирик Либания его дочери (Ер. 495). В числе сановных друзей оратора Стратегий занимал одно из главных мест. — *Примеч. ред.*

⁴⁷ Ср. т. I, стр. 36 [144, 151]; ср. стр. XX, примеч. 3 [29, 96]. (О гибели консулара Сирии Феофила в 354 г. в Антиохии, во время пребывания там цезаря Галла, см. Amm. Marc. XIV. 7. 5–8: цезарь Галл публично обвинил Феофила в начинающемся в Антиохии голоде; через некоторое время, когда начался голод, восставшая толпа убила Феофила: «Когда недовоспиту провианта стала еще чувствительнее, голодная и возбужденная толпа подожгла великолепный дом некоего Евбула, одного из местной знати, и напала на правителя... Набросившись на него с кулаками, преследуя пинками и избив до полусмерти, чернь растерзала его на куски» (пер. Ю. А. Кулаковского). — *Примеч. ред.*)

⁴⁸ Ср. orat. XX, § 27.

подняв навзничь, так, как это принято в школах по отношению к детям, били ее ремнем⁴⁹ по спине и той части, что ниже ее, приговаривая, что кому поделом такие удары, тому куда далеко до царствования.

49. Узнав это, Констанций не впал в гнев, не взыскал, ничем не унизил город, но как не стал бы наказывать журавлей за их крики, так и их не стал карать. Эти и подобные поступки представлялись столь подобающими и достойными похвал, что такими проявлениями гуманности прикрыта была нерадивость его в военном деле, и, несмотря на то, что персы ежегодно что-нибудь присваивали новое и увеличивали свою территорию за наш счет, всё же находились такие, кто воссылали за него молитвы и желали жить под его кротким к городам правлением.

50. Ведь если это свойство способно служить украшением всякому человеку, то особенно людям, облеченным властью. В самом деле, в условиях, когда положение позволяет полный произвол действий, наличность мотива, способного сдержать его и положить ему преграды, является важным подспорьем к славе и известности. Так неужели ты предпочтешь слышать такую молву о другом, чем дать повод людям говорить так о самом тебе? Отнюдь не уступай здесь победы никому, благородный муж!

51. Но, сверх сказанного, подумай и о том, о каком городе идет речь. Вернее всего, не следует пренебрегать никаким городом, даже самым малым, даже таким, который расположен на утесе. Ведь о всяком городе есть забота богам, и они — их достояние. Иной, пожалуй, скажет, что не велика потеря в подобном случае, как когда в хоре замолкает самый неважный из участников.

52. Но нельзя ничего подобного ни сказать, ни подумать о нашем городе, который тянется на такое пространство, что нелегко пройти от ворот до ворот, к которому прилегает столь обширная и столь плодоносная территория, что она все доставляет и довлеет ему. Не скудны и источники в ограде стен и немало их, а с теми, что бегут от Дафны к городу, сравняются немногие.

⁴⁹ σκῦτος ср. т. I, стр. LXXXIV [92, 414].

53. Да и зима мягка, и лето самое приятное, благодаря дуновению ветров, рынок каждодневно изобилует продуктами, соблазняющими зрителя к покупке; и много народу переселяется в него отовсюду, а город охотно принимает их, уболаговоряет пришельцев и не дает раскаиваться в их решении⁵⁰.

54. Могущество же во всем города показали многие войны, какие велись с персидским царством⁵¹, не менее прочих та, конец коей положил Юлиан, научив преследовать тех, кто привыкли бегать, спустя долгое время вернув римлянам их назначение.

55. Итак, не считай то, что сейчас предстоит тебе, за что-либо иное, нежели совет, касательно целого государства, если дело идет о городе, которому персидский царь желал бы или перестать существовать, или подвергнуться злой участи, так как с этим сопряжены, по его мнению, его собственные успехи. Не споспешествуй же стремлениям варваров и не унизь достоинств Цельса. Ведь если ты наложишь большее взыскание, у него окажется недосмотр в мере его, а муж этот достоин почестей.

56. «Но что значат умершие сравнительно с твоим унынием?» Но не забывай, государь, наказание, за тем воспоследовавшее, массовое бегство мужчин, женщин, детей, стариков, из коих каждый обильно проливал слезы из-за ослов, мулов, верблюдов. Вследствие спроса на наем цена на них возросла вдвое, и тот, кто нынче винил нанявшего, назавтра сам оказывался в числе таковых⁵².

57. Они спешат одни в другие города, другие в деревни, и город почти пуст, а пути, которые раньше служили к подвозу к каждому воротам продуктов деревень, распределяют в разные стороны вывоз из города. Понятно, почему: оставаясь в городе, они ждут гибели, когда пойдут на них в ход мечи, рассеявшись, куда кто может, рассчитывают достигнуть возможной безопасности.

⁵⁰ Cp. orat. XI, Ἀντιοχικός, passim, § 23, § 27, § 169, § 174.

⁵¹ Ibid., § 177 sq.

⁵² Cp. orat. XXIII F κατὰ τῶν πεφευγόντων, § 4.

58. Для разбойников нет поры удобнее настоящей, когда вежут деньги, а для убийства раздолье. Река уносит в море трупы, которые, брошенные убийцами, она принимает в свои воды. И в деревнях теснота, а в городе малолюдство, так что хлебопекам мало работы.

59. Проливают слезы те, кто еще не покинули город, что еще нет, те, кто удалились, в тоске по нем. Болезни преодолевают скудость врачей. Умерший же лишен отцовских могил. В незаразное время повальная болезнь порождается скоплением в каждом месте насельников. Правители тяготятся передвижениями, но воспрепятствовать не в силах вследствие неизвестности будущего. Они не могли бы поручиться перед трепещущим человеком, что никакой беды не последует. Итак, не свободен от страха ни тот, ни другой, ни остающийся, ни уезжающий. Ведь и для первого его пребывание сопряжено со страхом. Так разве мало возмездия — столько времени проводить жизнь в постоянном и столь сильном страхе? Ожидание смерти, хотя бы ей и не предстояло наступить, мучительнее неожиданного удара.

60. У многих погибло состояние, государь, у многих служанки от невыносимой усталости, у многих матерей дети упали с колен⁵³, многих мужей унесли волны жертвами разбойников, многие вместе с жизнью лишились и погребения. Город у нас стал не прежним, или, вернее, даже перестал быть городом; заперт театр, заперт ипподром. Не ведет девицу дружка, не зажигают брачных факелов, не звучит гименей⁵⁴. Пропали все флейты, пропали свирели, пропали песни. Ни шутки, ни остроты, ни пирушки, ничего вообще из того, что доставляет утеху, не увидишь в городе.

61. Прекратились занятия словом, прекратилось обучение письму, никто не учит, никто не учится. Цвет лиц — людей в болезни, голос — недужных, мысль — поврежденных рассудком, иной, задавшись одной темой, сбивается на другую.

⁵³ Ср. *orat.* XXIII, § 5.

⁵⁴ В греческой мифологии Гименей — божество брака, олицетворенная брачная песнь. — *Примеч. ред.*

62. Полагаю, и бог, в помощь моей речи, направляет в римскую землю персидское посольство. Ведь было бы неподобающим, если бы они узрели величайший из городов Востока в опале у тебя и в наказаниях, наносящих позор направлению города⁵⁵. Итак, признав, что и это произошло не без участия божества, будь милостив и не лишай наш город того, в чем ты дал участие некоторым пафлагонцам, в малом числе населяющим малый город⁵⁶, которому не хватает и до одной филы из тех, каких у нас восемнадцать⁵⁷.

63. Подобаает, государь, подобает и тебе, и сыновьям твоим величаться этим качеством⁵⁸ и предметом соревнования и обучения их служить уменью должным образом относиться к подобным обстоятельствам. Ведь время не перестанет приносить с собой неприятности, а для них важно не искать советчика, обладая внушением дома, со стороны родителя.

64. Положи конец, государь, великой невзгоде, и бегства, и плачи уравновесь весельем возвращения. Пусть тот получает назад покой для девиц, тот комнату, пусть лобызает первые двери, вторые, те, что за ними, пусть пользуется ночью для сна, лежа у себя в покое.

65. Многие хвалебные слова выслушивал ты, те, созданные мощью риториков, эти вдохновением поэтов, где говорилось и о доблестях предков и твоих⁵⁹, об оружии, начальствовании твоим воинами, битвах и победах и этом нынешнем твоим сане, в силу

⁵⁵ Как сообщает Феодорит, разгневанный Феодосий лишил Антиохию статуса метрополии и предоставил его соседней Лаодикие (Н. Е. V. 20). — *Примеч. ред.*

⁵⁶ По всей видимости, речь идет о вновь сформированной провинции для сына имп. Феодосия, Гонория (родившегося в сентябре 382 г.), состоявшей из территорий Вифинии и Пафлагонии. — *Примеч. ред.*

⁵⁷ Ср. т. I, стр. 147, 1 [289, 50].

⁵⁸ Старший сын Феодосия, Флавий Аркадий, родился в 377 г. и в данное время (с 383 г.) был августом и соправителем отца. Младший же, Флавий Гонорий, был еще мал. — *Примеч. ред.*

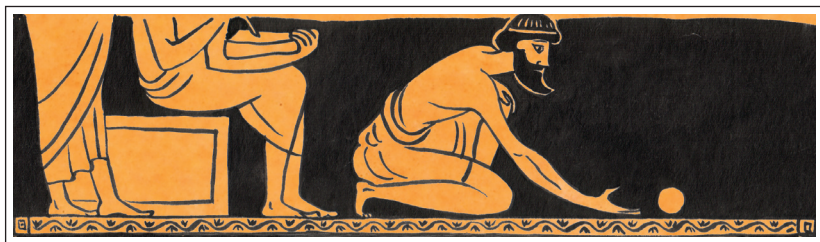
⁵⁹ Император Феодосий был родом из Испании, и его отец, также Феодосий, был знаменитым полководцем. — *Примеч. ред.*

кого ты стоишь во главе прочих, причем варвары добровольно отдаются тебе в подданство⁶⁰. Дай же последующим речам стать еще лучшими, доставив им тему, еще достойнейшую, в этих настоящих обстоятельствах. Если те подвиги велики, есть нечто большее в этой милости, о которой теперь идет речь.

66. Итак, кивни, божественная глава, и, соделав старость мою счастливою успехом в том, ради чего я явился, отправь меня с доброю вестью к моим согражданам.

⁶⁰ Либаний вновь намекает на мирный договор 381 г., заключенный имп. Феодосием с королем вестготов Атанарихом. Вестготы были поселены в Мезии и Фракии на правах федератов (Zos. IV. 34; Socr. V. 10). — *Примеч. ред.*

К ИМПЕРАТОРУ ФЕОДОСИЮ ПО ПОВОДУ ПРИМИРЕНИЯ

Orat. XX F¹

1. То, что я не раз предсказывал, что никакой дальнейшей беды города не постигнет, так как прекратится его опальное состояние, стало ясно для всех, так как оказалось возможным обратиться к нему, как к городу, чего нельзя было раньше. А так как справедливо воздать благодарность благодетелям, город Антиохия делает это через мое посредство, воздать делом не успев, но прибегнув к воздаянию речью, каковое одно возможно. Мне кажется, и для богов всякий хорошо составленный гимн почетнее всякого приношения, как заявляет фиванец Пиндар², что от пифийского Аполлона он получил больше, чем те, кто туда принесли наибольшее количество золота.

¹ Речь относится к весне 387 г. — *Примеч. ред.*

² По всей видимости, Либаний упоминает известный сюжет из биографии Пиндара: Пифия из святилища Аполлона в Дельфах, возвеличивая поэта как автора гимнов, приказала дельфийцам от всех плодов, которые они посвящали Аполлону, давать равную часть Пиндару (Paus. IX. 23. 3). — *Примеч. ред.*

2. Далее, мне совестно тех слов, которые предстоит мне высказать против своего города, но так как нельзя, избежав этого, сохранить за благодарственной речью подобающий ей характер, я скажу то, чего требует истина, и, желая, чтобы можно было сказать о нем что-нибудь лучшее, скажу, как влечет необходимость.

3. Наш город проявил низость в отношении к государю, после чтения письма, отринув авторитет власти, в своей уверенности, что бог его прибежище. Эти слова нельзя было, конечно, отнять у обижаемых. Получив это начало в суде³, негодная компания, прихватив еще новых участников за его дверями, потом еще новых и опять других, вызвала расстройство в обычном порядке в общественной бане и, самыми своими поступками подвигнутые к еще большим беззакониям, с такой силой напирают на решетку⁴ правителя и двери за нею, что служители побоялись, как бы, вломившись в них, они его не убили, каковые преступления во многих местах вызывали подобные обстоятельства. Но не быв в состоянии того сделать, они осыпали своих глав⁵ оскорблениями, так приличнее выразиться о той брани, какой бы даже иной из вульгарных посетителей харчевни не разразился бы на другого из равных себе.

4. К столь буйным выходкам они присоединили и оскорбление действием, когда, прибежав к тебе и жене твоей и детям, руками и канатами повергли их на землю⁶. Этого мало, но они влачили одни целиком, другие разнятыми на части. И они наносили подобную обиду, а те, кто отправились известить об этом импера-

³ Суд был резиденцией консуляра. Более подробное описание этих событий у стен суда и затем, в бане, см. Or. XXII. 6. — *Примеч. ред.*

⁴ κύκλῖς cf. ep. 119 ἑδραῖον ἐπὶ τὰς ἡμετέρας κύκλῖδας.

⁵ «Главами здесь называет самих царей», схол. V.

⁶ Zosim. IV 41. Sozom. h. eccl. VII 23. Theodor. hist. eccl. V 20. (Источники единодушно утверждают, что причиной восстания стал чрезвычайный налог, которым император обложил города, а также суровые санкции местных властей по отношению к неплательщикам. Повержены были не только статуи императрицы Флациллы, но и самого императора Феодосия. — *Примеч. ред.*)

тора, шли в трепете пред тем, что предстояло им сообщить. Город же теми, кто видел такие деяния, был оплакиваем.

5. Ожидали, что прибудет отряд или для избиения каждого встречного, или избивать он не станет, а произведет общий грабеж, но иной приговор предавал на гибель от десниц палачей курию, предавал на гибель и немалую часть простого народа.

6. Итак, как же поступает этот? Он дает урок путем такого наказания, которое содержало врачевание, способное людям, изведенным печалью, вновь вернуть свободу от удрученного состояния, и вот оно: пусть не будет конных ристаний, пусть не ходит в театр ни тот, кто тешит, ни тот, кто тешится, пусть великий город именуется названием «малый», пусть для него закрыто будет наслаждение баней. Каждое из этих распоряжений действует удручающе⁷. Для следствия же над некоторыми людьми он посылает тех⁸, в справедливости коих был уверен, и, предоставив им право уличить, все же сохранил дальнейшие распоряжения за собою, чтобы всем было ясно, сколько народу он отпустит.

7. И вот, не имея возможности отрицать свою вину, они лежали в тюремном помещении, и явились родственники их, с плачем оказывая им утешение перед смертью их своими прощальными поцелуями. Затем, подобно тому, как действует солнце, побеждая лучами своими облака, явился свет письма,

⁷ С точки зрения христиан эти запреты способствовали исправлению жителей Антиохии, как об этом пишет Иоанн Златоуст: «Но прискорбны распоряжения, следовавшие от царя? — Нет; и они не тягостны, напротив, принесли много пользы. Что тягостного, скажи мне, в этих распоряжениях? Ужели то, что царь закрыл театр, что сделал недоступным конское ристалище, что заключил и заградил источники нечестия? О, если бы они и никогда не открывались! Из них-то выросли в городе корни нечестия, из них выходят люди, подвергающие нареканию его нравы, продающие свои голоса пляшущим и отдающие им за три обола собственное спасение, приводящие все в крайний беспорядок... Ты скорбишь о том, что у нас закрыты бани? Но это невыносимо, и невольно ведет к любомудрию тех, которые живут в неге, роскоши и распутстве...» (Ном. XVII. 176). — *Примеч. ред.*

⁸ По всей видимости, речь идет о Цезарии, магистре оффиций, и военачальнике (*magister militum*) Еллебихе, упоминаемых в Ор. XXI–XXII, которые стали специальными уполномоченными в Антиохии. — *Примеч. ред.*

прогоняющий мрак, и вся скорбь пропала, а все, ведущее с собою веселье, вошло, и снова у нас было прежнее наименование и разные виды зрелищ, и бани, и городу возвращена его земля, бедняку — его пропитание⁹.

8. Вот, говорят, Асклепий кому-то одному вернул жизнь и Геракл одной какой-то женщине¹⁰, а ты то же сделал для целого города. Кто скажет, что он вернулся к жизни, выразился бы метко. Такое бегство вызвал страх не потому, чтобы ты принуждал к изгнанию, но понуждал к тому страх подобающего наказания. Положив ему конец, государь, ты вновь наполнил людьми город.

9. Всякий может понять, сколько он дал, если примет в расчет, сколько было для него оснований наложить заслуженное наказание, за применение какового если бы кто стал винить, оказался бы клеветником. А надлежащим наказанием было обилие крови, обилие трупов, конфискация имущества, изгнание с родины и лишение отцовских могил даже по смерти.

10. А если бы кто стал порицать за это, уста ему заградило бы такое обилие злословия, такое количество статуй. Этому бестолковому человеку государю можно было бы ответить: «Разве не слышал ты, человек, этих слов, не видел, кого влачили? Если бы

⁹ По сообщению Иоанна Златоуста, христианская церковь в Антиохии ежедневно поддерживала 3 тысячи бедняков (Hom. LXVI). — *Примеч. ред.*

¹⁰ Либаний упоминает два достаточно распространенных мифологических сюжета. В первом случае речь идет об Асклепии и Ипполите: Ипполит, сын афинского царя Тесея, любил охоту, почитая Артемиду, и презирал любовь, за что разгневанная Афродита внушила его мачехе Федре любовь к Ипполиту. Отвергнутая им, Федра оклеветала Ипполита перед Тесеем и покончила с собой. Тесей проклял сына, призвав гнев Посейдона, и Ипполит погиб, растоптанный собственными конями; по одной из версий мифа, Ипполит был воскрешен Асклепием (Apollod. III. 10. 3). Во втором случае речь идет о Геракле и Алкестиде: Адмет, царь города Феры, был обречен Артемидой на раннюю смерть, но получил возможность сохранить жизнь, если кто-нибудь из домохозяев согласится заменить его в царстве мертвых; жена Адмета Алкестиде соглашается сойти в Аид вместо мужа. Навестивший дом Адмета Геракл узнает об этом и, подкараулив у могилы Алкестиды пришедшую за ней смерть, отбивает Алкестиду и возвращает ее мужу (подробно этот сюжет описан в трагедии Еврипида «Алкестиде»). — *Примеч. ред.*

издевательство касалось только младшего сына, нужно было бы снести это. Но если сюда присоединен старший, а к нему мать, к матери же я, и что мне и того невыносимее, всадника-отца моего¹¹ низвергнув вместе с конем, будто ранив в конном сражении, над обоими насмеялись, будто не существует того, кто прогневится за подобные обиды, и не осталось того, кому покарать их, то скольким же надлежит поплатиться смертью за каждого из опозоренных?»

11. Итак, отплатить смертью за такое преступление упрека не заслуживает, так как это законная мера, а не потребовать такого наказания — милостиво и принять вообще какую-нибудь меру наказания — дело вразумляющего, а даже такой не принять — дело человека кроткого и пробующего, насколько возможно, уподобиться богам. Действительно, в чем их свойство?

12. С высоты они взирают на все и слышат, а в том, что говорится и делается на земле, много и других беззаконий, и между прочим то, когда люди страдают из-за себя, но утверждают, что обижают их боги, и, взирая на небо, не воздерживаются от любой брани. Видал я, как иные пускают даже камни в небо. Те же, у которых столько силы к наказанию, лишь бы они захотели, не хотят карать. Но если бы за всеми подобными проступками следовало наказание, ежедневно все было бы полно погибающих, и живых не хватало бы для погребения. На самом деле, этим самым они доказывают свое превосходство, что нередко не дают ходу и правому своему гневу.

13. Итак, царь полагал, что при том условии действительно явится равным богам и поистине «питомцем Зевса», если не будет тешиться наказаниями по заслугам. Он считает это более царственным и этим скорее рассчитывает охранить свою державу. Действительно, не так любят предержащую власть за трофеи, за города, или захватываемые оружием, или присоединяемые

¹¹ Младший сын императора Феодосия — Гонорий (родился в 384 г.), старший — Аркадий (родился в 377 г.), их мать — императрица Флацилла. Отец императора, Флавий Феодосий, был полководцем в армии Валентиниана I. — *Примеч. ред.*

в силу договора, за численность войска, за законодательство, за мудрость, за строгость суда, как за то, что она дарует прощение в преступлениях.

14. Зная это прекрасно, тех, кого мог обвинить раньше поры беспорядков в величайших преступлениях, когда их можно было казнить, он пощадил, мне кажется, по такой же самой добродетели. Что касается тех¹², которые нанесли удар скифу, ранили и потопили в море труп¹³, из каковых действий каждое было обидою императору, когда вина естественно легла на всю городскую общину, полдня гнев сказался в том, что не было раздачи хлеба, затем восстановился прежний порядок¹⁴, раздача и получка, и каждый шел домой с хлебом, наравне с теми, кто не принимали участия в преступлении¹⁵, как убившие, так и присоединившие к тому прочие обиды.

15. Другое, гораздо более удивительное явление представляет следующее: людей, которые не раз собирались с злым умыслом на самую царскую власть и проводили время в таких совещаниях, говоривших и выслушивавших те речи, какие естественно бывают о таких вещах, между прочим уличив их и в том, что они надоедали с вопросами прорицалищам, после того как услышал их признание, он отпустил в момент, когда их вели согласно с приговором на смертную казнь, чтобы им жить, пока есть возможность, почтив удержанием меча, который был так близок, бога, выведшего это преступление на свет.

16. По пути такого человеколюбия, пользуясь всеми случаями для его применения, приобретши от него и прозвание, тебе не приходилось ни прекращать первого, ни унижать последнего, но и в будущем сохранить верность себе, чтобы дальнейшие твои

¹² Переводим так ввиду отмечаемой и последним издателем Либания неполноты текста.

¹³ См. подробнее об этих событиях в Константинополе в Or. XIX. 22. — *Примеч. ред.*

¹⁴ Раздача хлеба народу (*annonaе civicae*) в Константинополе была установлена еще Константином Великим (см. *Cod. Theod.* XIV. 16. 2). — *Примеч. ред.*

¹⁵ Так, согласно восполнению текста *Reiske*.

поступки оказались не хуже прежних. Восхваляя и лакедемонян, и афинян за спасение ими городов¹⁶, ты, конечно, не раз попрекал тех и других за истребление городов и полагал, что лучше было бы со стороны их обоих не присоединять к своим делам дела жестокости. А как же не близок к богам царь, такими поступками восхищающийся, такие обвиняющий?

17. Следовало бы и тому, кто оградил вооруженною боевою силою римскую державу¹⁷, обладать и тем добрым душевным свойством, чтобы без серьезных оснований не заносить меча над головою подданных. При таком условии и моему отцу¹⁸ не пришлось бы принимать тело своего отца и хоронить его вместе с головою, отрубленной безвинно.

18. Вот как было дело. Некто начальствовал в этой Селевкии над 500 воинами, которым задана была работа по углублению устья гавани. Им приходилось ночью трудиться и для хлеба себе на пропитание, так что спать было некогда. Не в силах выносить такого положения, пятьсот принуждают принять на себя титул императора своего начальника¹⁹, грозя убить его, если он на то не пойдет. А он, отстраняя от себя грозящую смерть, стеною, дал вести себя, причем воины напивались допьяна на счет поместий, ограбленных вокруг гавани.

19. Когда вторглись сюда [в Антиохию] на закате солнца эти люди, под влиянием винных паров не сознававшие, где такое они находились, тогдашнее население города, вооружившись против их копий засовами дверей, при деятельном участии и женщин, около полуночи покончили с ними, и не осталось ни одного, кто бы не пал мертвым. И вот этих-то людей, не участников в смуте, а положивших мертвыми преступников и не желавших того, что

¹⁶ Ср. *orat.* XIX, § 13.

¹⁷ Ср. *Jo. Malal.*, p. 308, 17 sq. *Aur. Vict. epit.* 39 (о Диоклетиане). (Речь идет об императоре Диоклетиане и его репрессиях после подавления восстания Евгенія в Селевкии в 303 г. Во время этих событий пострадал и дед Либания. — *Примеч. ред.*)

¹⁸ Ср. *orat.* XIX, § 45, ср. т. I, стр. 43 [153] (ср. стр. 1 [100]).

¹⁹ Евгенія, см. *orat.* XIX, § 45. *orat.* XI (Ἀντιοχικός), § 159.

произошло, но потушивших возникшую беду, он лишил первых из членов курии, как в свою очередь и Селевкию. Но ни один из городов не был виновным в беззаконии, ни тот, откуда воины двинулись, ни тот, где они погибли. Но все же признано было, что первым гражданам каждого города надлежало погибнуть.

20. И говорят, множество людей оплакивало моего деда по причине его красоты и роста. Если бы хоть немного был тот император похож на тебя, государь, он не осудил бы того города, чистого от вины, а наш даже бы увенчал после столь быстрой победы.

21. Итак, как то остается, и поминается, и будет поминаться, и никакое время не предаст то забвению, так и твои эти дела будут достоянием бессмертной памяти, и наше безумие не ускользнет от слуха кого-либо из людей, и каким ты себя проявил после каких наших деяний, узнают все грядущие поколения.

22. Ты побеждаешь не одного этого, но и Александра, по милосердию его признанного за сына Зевса²⁰. По крайней мере Фивы, после того как город этот, обманутый ложною вестью, что может случиться и с отдельным человеком, считающимся рассудительным, возжелал той свободы, которой когда-то обладал, он разрушил²¹. А ты не сделал того хоть бы с одним этим моим домиком. Он же, кроме одного дома Пиндара, прочий город разрушивший и этим почтивший поэта, поступил бы лучше, почтив поэта целым городом. Ведь и ему подобало даровать столь великую милость, и Пиндару получить. А когда один дом стоит среди повергнутого города, какая выгода городу ли от него или ему самому, в котором хозяин его и жить бы не мог при таком состоянии окружающей территории.

²⁰ Имеется в виду Александр Македонский, который провозгласил себя сыном Зевса после посещения святилища Зевса-Аммона в Египте (Quint. Curt. IV. 7. 8). — *Примеч. ред.*

²¹ В 335 г. до н. э. Александр Македонский, восстанавливая македонскую власть над Грецией, взял штурмом восставшие против македонян Фивы. Желая преподать урок остальным грекам, а также идя навстречу своим союзникам, требовавшим уничтожения города, Александр приказал срыть город до основания, а жителей продать в рабство (Arr. I. 9. 9; Plut. Alex. 11). — *Примеч. ред.*

23. Но и на то милосердие к взятым в плен афинянам, когда они возвращали из изгнания Аргея, какое признают за Филиппом, нетрудно возразить, что это не было милосердием. Имея побудительною причиною угождать афинянам свою слабость, тех, которых он рад бы был наказать, он отпустил против своего желания, покупая себе на будущее время безопасность от афинских покушений²². Итак, то, что произошло, вызвано было не жалостью к пленникам, но попыткою защитить свою страну, а между милосердием и страхом, полагаю, разница большая. Тебе же каких было опасаться афинян, каких афинских стратегов, каких кораблей, каких транспортных судов? Так ясны здесь мотивы милосердия и никто, ниоткуда не припишет твоему делу причины менее благородной.

24. Остается в этом позади твоих достоинств и тот, кто воздвиг город, соименный Риму, и введший в него все его административные формы, славный также тем, что терпеливо снес некую грубую выходку римской народной толпы²³. Он хорошо поступил, снесши слова, но к ним не присоединилось никакого действия и оскорбления статуям. Однако много их стояло ему, которым они, не говоря уже о том, чтобы посягнуть на них действием, даже не причинили, по-видимому, хотя бы столько обиды, сколько заключается в дерзком на них взгляде. Итак, здесь и слова, и действия, там только меньшее, слова. Так в меньшем

²² В 359 г. до н. э., вскоре после восшествия на трон Македонии, Филипп II вступил в прямой конфликт с Афинами: афиняне поддержали Аргея, претендента на македонский трон, который обещал им в обмен на помощь вернуть город Амфиполь (который Афины потеряли еще во время Пелопоннесской войны). Афинский стратег Мантий встал лагерем около города Мефона (на границе с Македонией), а Аргея отправил с отрядом наемников в Эги, древнюю столицу Македонии. Однако в Эгах Аргей не нашел поддержки и был вынужден вернуться к Мантию. В этот момент у Мефоны неожиданно появилось войско Филиппа, в сражении афиняне и наемники Аргея были разбиты, многие афиняне попали в плен. Однако Филипп желал скорейшего мира с Афинами, поэтому всех пленных афинян он отпустил без выкупа (см. Diod. XVI. 3. 3–6; Demosth. C. Aristocr. 121). — *Примеч. ред.*

²³ Речь идет о событиях в правление имп. Константина Великого — см. Ор. XIX. 19. — *Примеч. ред.*

ты являешься ему сообщником, но в большем сообщником его не имеешь.

25. Подвергнем разбору и поступки младшего²⁴ из числа братьев, чьей родиной был город Кибалис, который, оскорбленный письмом в великом городе, уже по низвержении тирании, не проявил злопамятства. Тот, кто не счел бы этого похвальным, был бы низок. Но, во-первых, и здесь имеется письмо, страшнейшее, чем неписанное слово, но в свою очередь уступающее делу.

26. Однако можно было видеть и статуи того, кто слышал это. Но всё же они прошли мимо них без проявлений почтения или бесчестия. А самое главное. Они писали подобную вещь, находясь в подчинении у тирана, и это было делом скорее не их, а принуждения со стороны владыки, или прямо приказывавшего, или также дававшего понять, что желал бы подобного угождения. А император не считал справедливым взыскивать за то, к чему они были вынуждены силою, когда были в рабстве. В том же, что тебе, владыке своему, правителю, царю причинили, по собственной инициативе, подданные не имели оправдания, а одно прибежище, что ты всюду склоняешься к милосердию.

27. С кем же тебя остается еще сопоставить, как не с тем²⁵, кто и сам был оскорблен на границах в своей статуе? Но если кто примет во внимание Эдессу и ее празднества и обычаи во время празднеств, и то обстоятельство, что эти выходки, как некий древний обряд, не миновали ни одного из царей и по старине сво-

²⁴ Валента, ср. *orat.* XIX, § 15. *Zosim.* III 36. *Amm.* XXX 1, 2. (Родились имп. Валентиниан I и его брат имп. Флавий Валент в Паннонии. Упоминаемым далее «низвержением тирании» Либаний именует подавление восстания Прокопия в 365–366 г. силами имп. Валента. — *Примеч. ред.*)

²⁵ «[Автор] говорит о Констанции» — заметка в рукописи C^fP.³, cf. *orat.* XIX, § 48. (В Эдессе жители города свергли статую имп. Констанция, уложили на землю и высекли; Константин тогда не предпринял никаких карательных мер к жителям этого пограничного города, возможно, потому, что подобные действия были частью местного праздника и относились не конкретно к Констанцию, а к любому царю (ср. *Or.* XIX. 48). О храме Зевса в Эдессе см. также *Or.* XXX. 22; 44–45. — *Примеч. ред.*)

ей скорее влекли с собою утеху, чем скорбь, он найдет, что много несходного в случаях со статуями и настолько, насколько далеко стоит оскорбление от забавы²⁶.

28. Говорят, и философией²⁷ доказано, что таким образом угождали некоторым демонам и их угощали издевательствами в шутку, дабы, пресытившись таким путем, они ничего более не добивались от людей, и не доверять этому не следует, когда видим, что люди эти выставляют на посмешище самих себя и что люди, пользующиеся у них известностью, становятся поводом к шуткам при беге. Так, ежегодно справляя такой бег, они в такой поре и в массе своей почерпают обеспечение свободы не только в словах, но вообще во всем, что способно содействовать праздничному веселью. И если правитель, неправо задетый, приступит к наказанию, его немедленно признают мелочным, бестактным и далеким от священных обычаев.

29. Но нам-то не было никакой отговорки ниоткуда, не было и извинения, но в молчании виновников заключается обвинение поступку. Поэтому ты, во всяком случае, простил бы тому городу, а этому тот во всяком случае нет. Так кротостью своею ты опередил и того, кто признан был милостивым.

30. Те же, которые утверждают, что в этом отношении нимало не отстают от тебя отец Тита, который подвергся подобному же оскорблению в своих статуях, но не казнил собственным приговором никого, не хотят видеть, как было дело относительно хлеба²⁸ и просителей из Палестины²⁹, из чего первое причиняло им

²⁶ ὅσον ὕβρεως καὶ παιδιᾶς τὸ μέσον ср. § 23. Т. I, стр. (Пропуск в Изд. 1914. Вероятно, имеется в виду § 23 речи «К императору Феодосию в защиту храмов», т. I, с. 373 наст. издания. — *Примеч. изд.*)

²⁷ σοφὸν ἀνδράν ἐπιστήμη.

²⁸ Tacit., Histor. III cap. 48. (Речь идет о событиях 69 г. н. э., когда полководец Флавий Веспасиан, будущий император и отец императора Тита, в ходе гражданской войны занял Александрию Египетскую и перекрыв подвоз хлеба в Рим, чтобы голодом принудить столицу к капитуляции. — *Примеч. ред.*)

²⁹ Joseph. Flav. b. Jud. III 10, 10. (В данном случае речь идет о событиях 67 г. н. э., когда Веспасиан, направленный в Иудею для подавления вспыхнувшего всеобщего восстания, вел военные действия против повстанцев в Галилее.

голод, второе навязывало нечестие. И их преступление по этим причинам было скорее не их, а тех, кто их доводили до него, так что по правде они заслуживали того наказания, какое считали заслужившими александрийцев.

31. Ведь и тот, кто бежит от сурового хозяина, скорее сам жертва несправедливости, чем в ней виновен. Вынужденный поневоле к тому поступку, которого не желал, он мог бы его взвести на того [хозяина]. Итак, в самой мере, меньшей, коею он наказывал, император погрешал. Какое же было бы основание хвалить его за то, что он не применил большей? Здесь же [в Антиохии] какой недостаток провианта, какой голод? какая жестокость подчиниться обстоятельствам, требовавшим денег³⁰, и усилить римское могущество и этим средством выиграть обеспечение от опасности целого государства?

32. А самое главное, александрийцы были перебиты стоявшими в городе воинами, и в таком количестве, что мечи утомились у поражавших. К чему же было делать сыск о том, что было в его руках, прежде чем он осведомился о мятеже? А у нашего императора ничего подобного луки не сделали. Всего две стрелы задели людей, в помощь дому кого-то из знатных, когда мятеж грозил ему. Итак, тот убивал через посредство воинов, а тебя нельзя было бы обвинить, так как ты не позволяешь даже жить в страхе; о некоторых же [пострадавших] и говорить не стоит. Таким образом, и этот побежден.

После разгрома повстанцев в битве у Генисаретского озера и взятия города Тарихеи пленные молили его о пощаде. Однако Веспасиан и его приближенные считали, что оставлять в этом краю большое количество бывших повстанцев опасно. Поэтому он пообещал им пощаду, но только после того, как их переведут в Тивериаду, базу римлян. В Тивериаде же Веспасиан приказал всем прибывшим собраться на стадионе, 1200 стариков и слабых были убиты, а остальные (около 40 тыс. человек) были проданы в рабство. — *Примеч. ред.*)

³⁰ Точное указание на то, в чем состояла потребность эта (подачки войску в 10-ый год царствования), см. orat. XXII, § 4 (ср. примеч. Валуа к Amm. Marc. XXVI 2, 10, в нашем переводе, ниже).

33. Многое из сказанного делало меня и предсказателем, не сын Латоны и Зевса³¹ и не другой кто-либо из богов, но то обстоятельство, что город пребывал в страхе наказания и долог был список гибелей, я же, обходя весь город, увещевал не терять бодрости духа, и прекращал их трепет, и, предусматривая будущее, все точно предсказывал, так что людям коварным случилось говорить друг другу: «Человек этот явился к нам с гаданья по птицам и делает теперь то же, что в древности Калхант, сын Фестора, у ахейцев»³².

34. И вот тогда я не отрицал, что я предсказатель³³, и, когда они подняли шум, объяснил, что предсказателем ты меня сделал и что я гляжу на одного орла, тебя, и то, что еще не обнаружилось, усматриваю из того, что произошло. Так и относительно Геракла, отправлявшегося на подвиг, добровольно ли или по распоряжению другого, тот, кто знал хорошо натуру Геракла, говоря, что он будет иметь успех, оказался бы предсказателем, причем мотивом к предвещанию ему бы служили подвиги, уже совершенные Гераклом.

35. И Агамемнон предсказывает, что примирение с ним Ахилла будет бедою для троянцев³⁴, зная о тех городах, которые он разрушил до своего гнева, предсказывает и сам Ахилл о подвигах Гектора и о том, как дела потребуют его участия³⁵. И относительно

³¹ Имеется в виду Аполлон, покровитель самого известного греческого оракула в Дельфах. — *Примеч. ред.*

³² Ср. Номер. II. I. 68–72: «...и мгновенно от сонма Калхас восстал Фесторид, верховный птицегадатель. Мудрый, ведал он все, что минуло, что есть и что будет, И ахейн суда по морям предводил к Илиону Даром предвиденья, свыше ему вдохновенным от Феба» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

³³ См. об этом вещем даре, какой приписывал себе Либаний, т. I, стр. 447, 3 [687, 8].

³⁴ См. Номер. II. IX. 115–118: «Старец, не ложно мои погрешения ты обличаешь. Так, погрешил, не могу отречься я! Стоит народа Смертный единый, которого Зевс от сердца возлюбил: Так он сего, возлюбив, превознес, а данаев унизил...» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

³⁵ См. Номер. II. I. 240–244: «Время придет, как Данаев сыны пожелают Пелида Все до последнего; ты ж, и крушася, бессилен им будешь Помощь подать, как толпы их от Гектора мужеубийцы Свергнутся в прах; и душой ты своей

Аристида, сына Лисимаха, отплывшего за податями в качестве сборщика³⁶, мне было бы возможно выполнить дело прорицателя, предсказать, что он вернется в прежней бедности.

36. Так и тут я провозглашал: «Государь узнает об этом так точно, что ничем не больше окажутся наши сведения, бывших очевидцами событий, но ни одного затылка не подведет под меч». И за этим последовало следствие о низких, — надо признать правду, поступках, и судьи, которые, действительно, были тем, что гласило их наименование, и указ, отменявший прежний³⁷. В нем можно наблюдать во всем блеске характер государя, когда он оправдывает свои действия низостью тех, кто совершили преступление, свой гнев признает неуместным и заявляет, что поэтому быстро переходит к милости и таковую ставит выше возмездия.

37. Будучи искренним и щедрым, он дарует и великому собранию³⁸, и великому народу ту милость, что также и по их ходатайству исполняется та или другая льгота, так как я, по крайней мере, уверен, что то же самое происходило бы, если бы пожелали противного не одни они только, но и все люди. Теперь да достанется больше благ городу, и сейчас пользующемуся многими таковыми, ради слез и прочих средств, вызывавших помощь, однако пусть знают, что испросили милость, какую он дал бы земле и без чьей-либо просьбы³⁹. А они показали себя в подобающем

истерзаешься, бешен Сам на себя, что ахейца храбрейшего так обесславил» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

³⁶ Plutarch., Aristid. 24. (Аристид (ум. ок. 468/467 г. до н. э.) — политический деятель в Афинах. Он был одним из инициаторов создания Афинского морского союза и в этом качестве определял размер форо́са (взноса) каждого города — члена союза в союзную казну. Согласно традиции, эти взносы были наложены им безукоризненно справедливо, а сам Аристид не воспользовался своим положением, ничуть не улучшив собственное материальное благосостояние. — *Примеч. ред.*)

³⁷ Ср. § 6.

³⁸ τὸ μέγα συνέδριον ср. orat. XVIII, § 146 (т. I, стр. 349 [565]), § 154 (т. I, стр. 351 [568]), § 155. Ср. т. I, стр. 116, 1 [250, 5]. Имеется в виду сенат Константинополя.

³⁹ ἐπαγγέλλειν в смысле «просить» ср. orat. XVIII, § 219 Schol. V.

свете, что они достойны благополучия, и увещевали государя к тому, к чему он и раньше их склонялся сам.

38. Он показывает, каков он, в том, как он проводит свою меру человеколюбия⁴⁰. Разделив то, что дает, он перечисляет в отдельности, имущество, зрелища, бани, изгнанных, тех, для кого шел вопрос о жизни, о власти, вступившей в свои права, в то время как мог обнять, если бы пожелал, весь дар в двух словах. Но он, как те, кто с трудом отрываются от цветов, распространяется в своей речи, медлит ее окончанием и боится за бедняков, считая нужду равною смерти.

39. Поэтому, сохраняя жизнь, он добавил к тому жизнь при известных средствах. А как есть некоторые, кто путем неправых казней добились захвата чужого имения, то польза отсюда теперь и навсегда — та, что всякий обладатель царской власти поучается не отторгать имущества у владельцев и не считать выгодой подобных поступков.

40. Далее, то же отношение встретил бы и не такой большой город при таком же преступлении, так как он знает, что, как в

⁴⁰ Иоанн Златоуст пишет, что грамоту антиохийцам о прощении имп. Феодосий направил вместе с епископом Антиохии Флавианом: «Когда святой сам хотел совершить там [в Константинополе] вместе с царем настоящий праздник, царь насильно заставил его ускорить [отбытие], поспешить и явиться к жителям [Антиохии]. “Знаю, — сказал он, — что теперь души их мнутся, и много еще следов несчастья: иди, утешь. Когда увидят кормчего, то и не вспомнят о миновавшей буре, но совсем изгладят и саму память о бедствиях”. Когда же святой стал просить настоятельно, чтобы [царь] послал сына своего, он, желая показать ясно, что совершенно истребил в душе весь гнев, “молитесь, — сказал, — чтобы устранились эти препятствия, чтобы утихли эти войны, и непременно я сам приду”. ...Боголюбивейший царь не остановился тогда и на этом: после того, как святой уже выбыл из города и переплыл море [т. е. Босфор], царь послал туда некоторых справиться и понаблюдать, чтобы тот не тратил времени и не отнимал наполовину радости у города [Антиохии], проводя праздник в другом месте... [Епископ] не поспешил, как сделал бы всякий другой славолубец, сам принести грамоту, которой прекращалось наше бедствие; но как сам он шел довольно медленно, то упросил одного из искусных в верховой езде опередить его и принести городу добрые вести, чтобы от медленности его путешествия не продлилось уныние» (Hom. XXI. 220). — *Примеч. ред.*

теле, отними хоть малейшую часть, нанесешь ущерб целому, так бывает и в организме, свойственном городам, когда ощущается недостаток того или другого элемента, до тех пор бывшего, а потом пропавшего. На самом деле, этот город второй после двух⁴¹, одинаковый с тремя, прочие превосходит⁴².

41. И стал ты, благодаря его спасению, его заселителем⁴³, не камни полагая на камни руками строителей, не бревна налаживая, не черепицу добавляя, не деля год на труд и отдых и не нуждаясь для всей работы в нескольких годах, но в силу своей кроткой души, путем небольшого письма, своим преодолением гнева.

42. И теперь все это, и то, что сделано раньше Ио⁴⁴, и при поисках ее, в пору Александра, Селевка, правления его преемников,

⁴¹ Cp. orat. XV, § 59. XVIII, § 11. Вообще orat. XI, § 210. Т. I, стр. 143, 1 [285, 38].

⁴² Проблема первенства городов империи достаточно часто встречается в трудах интеллектуалов того времени. Так, современник Либания, известный поэт Авзоний (придворный имп. Валентиниана I, воспитатель имп. Грациана) написал небольшую поэму «О знаменитых городах»: на первое место он ставит Рим («Рим золотой, обитель богов, меж градами первый»), затем идут Константинополь и Карфаген («Встав, Карфаген уступает Константинову граду. Но не на целый он шаг отступил от прежнего места — Хоть не дерзает назваться вторым, но гнушается третьим»), на третьем месте Антиохия и Александрия («Фебовой Дафны приют, стояла на третьем бы месте Антиохия, но ей Александров препятствует город. Обе стоят наравне...») (1–5; пер. М. Л. Гаспарова). Таким образом, Либаний на первое место ставит Рим и Константинополь (ср. Or. XV. 59; XVIII. 11), а Антиохия, Карфаген и Александрия для него равны. — *Примеч. ред.*

⁴³ Cp. orat. XVIII, § 181. Jo. Chrysost. hom. ad pop. Ant. XXI p. 220 A. (Аналогичная сентенция, приравнивающая имп. Феодосия к основателю Антиохии, содержится и у Иоанна Златоуста, что свидетельствует о распространенности подобных взглядов: «И эти [антиохийцы] уже умерли, и еще до произнесения приговора город стал уже при самых вратах адовых. Воздвигни же его оттуда [это ты можешь сделать] без денег, без издержек, без траты времени и без всякого труда. Довольно тебе сказать только — и поднимешь лежащий во мраке город. Дай теперь ему называться уже по твоему человеколюбию; он будет благодарен не столько первому своему основателю, сколько твоему приговору; и весьма справедливо. Тот дал ему начало — и отошел; а ты воздвигнешь его тогда, как он, сделавшись обширным и великим, пал после этого долгого благоденствия». — *Примеч. ред.*)

⁴⁴ Это и дальнейшее ср. orat. XI (Ἀντιοχικός), § 44 след.

становится твоим делом, длина, ширина, святилища, частные жилища, общественные здания⁴⁵, красота портиков, блеск площадей, здания курии, театра, бани. Ведь их работа пропала вследствие мятежа, а твой, существующий, город создало твое прощение.

43. В самом деле, тот, кто по справедливости должен бы был разрушить, пощадив самым тем, что не разрушил, возводится в положение основателя, так как и тот, кто спас человека из стремительного речного потока, естественно должен быть признан отцом спасенного. Итак, когда кто-либо станет хвалить царей за те города, которые они дали земле, другому можно сказать, что этот дан тобою. Ведь и Гектора, повергнутого в поединке, Аполлон дал Трое, когда он восстановил его⁴⁶. Поэтому никто не стал бы винить тебя, если бы даже ты переименовал название города по своему дому.

44. И это именно мы правильно усмотрели среди многих наших проступков, что ты сказал нечто подобное тому, что сейчас ты выслушал о переименовании города. Итак, надлежит тебе, оказавшись по тому, что тобою сделано, основателем, считать город, переживший невзгоду, своим делом и к тому, что ты его не уничтожил, дать добавления, достойные твоего положения, какими ты возвысил красоту Дафны⁴⁷, затемнив старый дворец блеском нового. Пусть же и город получит нечто подобное, если угодно, на острове за рекою или в местности, заселенной перед ним⁴⁸. Увещаю тебя к этому, государь, не только ради величины

⁴⁵ Jo. Chrysost. hom. XVII, p. 178 С.

⁴⁶ Ср. Homer. II. VII. 267–273 (пер. Н. И. Гнедича): «Быстро Аякс подхватил несравненно огромный камень; Ринул его, размахав, и, напрягши безмерную силу, В щит угодил и насквозь проломил его камнем жерновным, Ранил колена врагу: на хребет опрокинулся Гектор, Сверху натиснут щитом; но внезапно воздвиг Приамида Феб...». — *Примеч. ред.*

⁴⁷ Либаний упоминает недавние события, связанные со священной кипарисовой рощей Аполлона в Дафне: тогдашний комит Востока, христианин, решил вырубить эти кипарисы, против чего резко выступил Либаний, обратившийся за помощью к имп. Феодосию. Император вмешался и запретил вырубку (Or. I. 255; 262; Cod. Theod. X. 1. 12). — *Примеч. ред.*

⁴⁸ Подробное топографическое описание Антиохии см. в Or. XI. 203–206. — *Примеч. ред.*

и красоты, но чтобы и мне можно было узнать, пользуемся ли мы еще любовью государя или он уже перестал нас любить.

45. Но ты преодолей дерзновение и сохрани то, что породил светильник бога, благодаря коему ты с величайшим удовольствием встречал посольства отсюда, представляя себе, что в лице присутствующих ты некоторым образом видишь далекий город, и радовался узнать и услышать что-либо о нас. Великое дело и гнев подавить, но еще большее не прекращать любви. Итак, почтив первым, государь, почти и вторым.

46. Свойственно богу было бы даровать и третье — вступить тебе в эту область и город. Еще большая, в свою очередь, милость — сделать это в сопровождении молодого царя⁴⁹. Тогда нам, и тогда поневоле дашь наименование от сына. Говорю о том принуждении, какое может последовать от подданных, соблюдающих покорность. К подобному надлежит государя даже приневоливать.

47. Итак, нас назовут за это счастливыми, когда ты будешь сидеть у нас в покое, творить спасительные советы и упражняться сам и упражнять войско в воинском деле, приобретая сам и давая войску превосходство и заставляя персов хвалить самих себя за то, что прибегли к безопасности мира⁵⁰. Если же понадобится бы и война, ты будешь иметь соратниками и нас, невооруженных, мужей, и жен, и детей, всех, кто населяют город, и кто обрабатывают землю, и кто служит своим хозяевам.

48. Какое же содействие со стороны этих, безоружных? Каждый из них будет по своему искреннему расположению призывать бога, Ареса, Афины, прочих, волею коих определяется исход войны, помня о прекращенной опасности и этом неожиданном спасении, моля, чтобы противники, если такие только появятся, впали в страх и трепет и больше стремились к бегству, чем к пре-

⁴⁹ Имеется в виду Аркадий, который уже в 383 г. был провозглашен августом и соправителем отца. — *Примеч. ред.*

⁵⁰ О персидском посольстве, прибывшем с предложением мира, Либаний упоминает в Or. XIX. 62. — *Примеч. ред.*

следованию. А какой вес имеют в обстоятельствах войны молитвы, мы видим в поэмах.

49. И не думай, что получишь это благо от одного этого города, но сколько есть подданных царской власти, столько будет и участников молитв. Ведь право братьев, конечно, существует и в среде городов, и они сострадают тем, которые претерпевают удары, и радуются благополучию других. И как повредивший части города причиняет горе и не пострадавшей, так повредивший одному городу огорчает все. Итак, и тот, кто соделал доброе дело одному, снискивает привязанность всех. Молитва же из стольких уст сколько, нужно думать, будет иметь силы?

50. Таким образом, твой поступок не милосерден только, но и приносит пользу. Таково дело это и по натуре. Добродетель — выгодна. Однако, если бы отсюда и не должно было воследовать никакой пользы, тебе надлежало бы почтить требование совести. Таковое заключается, полагаю, в том, чтобы не быть жестоким к людям, впадшим в промах. На небо этот проступок не доходит, а земле быть чистою от воздействия наваждения невозможно. Представляется прямо божественным и достойным похвал тот, который в искушениях от него не прибавляет ничего к тому, что постигло.

51. И теперь всюду много разговора о том, каковы мои просьбы, каковы твои милости. Полагаю, и в собраниях богов поминается то и другое, и одни произносят похвальные слова, Музы, Гермес и Аполлон, а другие выражают мнение о дарах, какие должны поступить к тебе от них. Каллиопа одно будет делать с сестрами, а за свой город воздаст и другою отплатою, вложив в твоих сыновей любовь к образованию и музыке.

ОБРАЩЕНИЕ К МАГИСТРУ КЕСАРИЮ Orat. XXI F¹

1. Так как за обещаниями твоими последовало дело, благородный Кесарий², надлежало бы и к моим присоединить дело. В твои обещания входило помочь городу со всем рвением³, с каким бы

¹ Речь относится к весне 387 г. — *Примеч. ред.*

² Флавий Цезарий (или на греческий манер Кесарий) происходил из знатной семьи, занимавшей видное место при дворе императоров, и сам был крупным чиновником в администрации имп. Феодосия. В 387–389 гг. он находился на должности *magister officiorum* (Cod. Theod. VIII. 5. 49) и во время описываемых событий, в 387 г., был послан вместе с *magister militum* Еллебихом в Антиохию для проведения расследования по факту мятежа. Впоследствии карьера Кесария складывалась также удачно, он стал префектом претория Востока и консулом (в 397 г.). — *Примеч. ред.*

³ Подробное описание этих событий сохранилось у Феодорита (Н. Е. V. 20), приписывающего заслугу заступничества за антиохийцев исключительно христианскому подвижнику: христианин-отшельник Македоний, живший в пещерах горы Силпий (Касий), недалеко от Антиохии, узнал о прибытии в город посланцев императора от многих людей, бежавших в места отшельничества из-за боязни репрессий (ср. у Иоанна Златоуста, непосредственного

готов был помочь ему каждый из граждан, в мои — что с моей стороны за делом последует речь с попыткой дать понять и будущим поколениям, каким ты оказался для нас и в сколь трудную минуту. Я бы желал сказать нечто достойное свершенного, желал бы получить от Муз такую силу слова, какую ты сам владел для спасения города.

2. Итак, толпа, среди коей много мужей, много женщин, много молодежи, много стариков, с того места, где раньше обращались с мольбами, теперь обращались со славословиями по поводу данных милостей. Тебе больше подобало бы, находясь тут же, отвечать на них словом, взирая на движущуюся толпу, но немало, пожалуй, доходит до тебя через вестников.

3. Я же участвовал с ними в приятнейших для меня возгласах, теперь впервые так поступая под воздействием дара, а то, чего не может создать толпа, но что мною может быть сделано, это полагал нужным добавить, будучи признателен богам за то, что ты заботаешься о славе, а не о наживе — ведь деньгами я не мог бы тебе отплатить, — при этом же условии, если и не в той мере, как ты этого заслуживал бы, все же в некоторой степени я мог бы воздать.

4. Итак, если бы, присутствующие, кто-нибудь захотел помянуть о всех его деяниях, за все время, и его послушании в детстве, затем, когда вышел из детского возраста, мужестве, там, где оно требовалось, и решимости и всех данных для независимости суждения, о том, как, будучи в состоянии внушать страх другим, сам он был неприступен для всех, и как, при всех сменах на троне, он служил сам, встречая одинаковое одобрение со стороны каждого нового владыки, который дорожил дарованиями

свидетеля событий: «когда большая часть города от страха и грозы той переселилась в пустыню и пещеры, и в места сокровенные...» — Нот. XIII. 136). Тогда Македоний явился в Антиохию, остановил на улице Цезария и Еллебиха, которые почтили его как христианского подвижника, и обратился к ним с речью, увещевая и прося передать императору, чтобы он не применял репрессий. Цезарий и Еллебих передали слова Македония имп. Феодосию, и император, сменив гнев на милость, направил антиохийцам оправдательную грамоту. — *Примеч. ред.*

Кесария, — итак, — если бы сейчас мы стали касаться всего, покажется, что мы мало ценим⁴ настоящие обстоятельства, будто их недостаточно для речи, если же остановимся на последних⁵, будет признано, что мы ценим помощь, не вводя в речь ничего постороннего. Итак, скажем, что нам досталось на долю во время разыгравшегося волнения.

5. После того как беда началась с немногих криков и распространилась на народную массу, так как пришло в движение и то население, которое еще не вовлечено было в те же беспорядки, и стали вырываться слова, требовавшие наказания смертью, а к ним присоединились действия столь возмутительные, что словесные оскорбления теряли значение, медные статуи были с поношением совлечены с пьедесталов и все влачимо были одинаково повсюду, а некоторые были разняты на части, после таких-то нечестивых поступков, после того как дерзостные действия стали общими для всего города, потому что одни в них участвовали, другие им не препятствовали, — такие действия подводили волю под одну вину с прямым участием, — когда поэтому к царю поспешили вестники с донесением об этих событиях и город опустел вследствие боязни, что все оставшиеся в нем погибнут, с начальником военной силы⁶ посылают этого мужа для следствия и суда по поводу того, что произошло.

6. И вот те, кто не знали этого человека, утверждали, что погибли и не бежавшие, и те, кто так поступили, — они будут пойманы, и, одни менее, другие более, те и другие оплакивали самих себя. Но я, я-то его знал отлично, хвалил тех, кто были одного со мной мнения и питали более отрадные надежды, а тех, кто тревожился, успокаивал, сообщая, каков он.

⁴ καταγυνώσκω в этом смысле у Полибия, V 27, 6.

⁵ Принимаем поправку Förster'a, s. t., т. к. чтение рукописей неудовлетворительно.

⁶ Еллебих, см. orat. XXII, § 28. (Magister militum Еллебих проживал в Антиохии — см. § 7: именно в его покоях проводилось предварительное слушание дела. — Примеч. ред.)

7. Так та ночь сопровождалась многими заботами и мало давала сна. Ведь если бы даже все прорицатели поручились, сообщая о том, чем дело окончится, невозможно было не ударять себя в грудь, не рыдать, как тем, которые сюда переселились, так и гражданам города⁷, а когда настал день, о прочих не было тотчас много речи, но обвинение предъявлено было курии. Речи за них имели место в покое военачальника⁸, но никакой строгости со стороны обоих судей не последовало, почему ночь прошла спокойнее дня. Второй день — с ним суд, арест, и виновник его — опечален подобно самим арестованным.

8. Когда близко было к закату солнца и тот был занят наверху, а внизу, у дверей, стояла толпа⁹, я являюсь, но чтобы не

⁷ В оригинале выражение, в контрасте с пришлым элементом (метеками): ὅσοι ἐν τῇ τῆς πόλεως ὀνόματι.

⁸ στρατῆγός = magister militum (Еллебих).

⁹ Подробное описание того судебного процесса дает Иоанн Златоуст: «В тот день в городе происходило ужасное то судилище, потрясало сердца всех, и день делало ничем не лучше ночи, не потому, чтобы потухнул свет, но потому, что уныние и страх помрачили ваши глаза... тогда ходили мы в судилище, чтобы видеть конец дела, и, увидя там собранными остатки города, более всего подивились тому, что, несмотря на множество стоявших у дверей, была глубочайшая тишина, как будто не было никого; все смотрели друг на друга, и никто не смел ни спросить стоявшего подле, ни выслушать что от него. Каждый подозревал ближнего, потому что многие уже, сверх всякого чаяния, схвачены были на самой площади и содержались внутри судилища; и все мы вместе взирали на небо... Так было пред дверьми. Когда же вошли мы во внутренность двора, увидели еще другое, более того ужасное, — воинов, которые, вооруженные мечами и палицами, охраняли тишину вокруг заседающих внутри судей. Так как все близкие подсудимым — жены и матери, и дочери, и отцы, стояли пред дверями судилища, то, чтобы, когда приходилось кого-то отводить на смерть, никто, будучи поражен зрелищем несчастья, не произвел какого-либо шума и беспорядка, воины пугали всех издали... И можно было видеть пытки внутри [судилища] и пытки вне его; тех [подсудимых] мучили палачи, а этих [жен и сестер] сила природы и сердечное сочувствие; и внутри был плач, и вне плач: внутри [плач] виновных, вне — их родных. Впрочем, не только эти, но и сами судьи плакали в душе, и страдали сильнее всех, будучи вынуждены производить такое горестное дело» (Ном. XIII. 135–138). Интересно, что Златоуст, так же как и Либаний, отмечает печаль судей (т. е. Цезария и Еллебиха) и их сочувствие арестованным. — *Примеч. ред.*

утруждать, удалился. А он, узнав, поступает по Пиндару и, отлагая в сторону настоятельные дела, дает мне аудиенцию, посадив меня подле себя, взяв за руку и вместе с тем внушая надежду, что никто из задержанных не лишен будет жизни. Нам того и было достаточно. Ничто прочее не страшно, ни изгнание с родины, ни лишение имущества, ни самое заключение, даже длящееся до старости и естественной смерти.

9. И если я проливал обильными потоками слезы, немало было таких, какие вызваны были более благоприятными надеждами. Он вместе и одобрял их, и присоединял свои, почитая таким образом не старость мою — многих он чтит бы тогда вперед меня — и не воздавая долг признательности, каким был обязан, так как ничем он обязан не был и никакого перед тем приношения ему мною сделано не было, но, полагаю, будучи наилучшим человеком и желая, чтобы достоинства пользовались уважением, и считая в числе них красноречие, вскакивал, когда я появлялся, и оказывал прочие отличия, и делал все то, чтобы облегчить и мое положение, и положение заключенных.

10. Явившись к ним, после того как спустился от него вниз, отчаявшимся и лежавшим безгласными, думавшим о том, как бы самим покончить с собою, я удержал их и утешил, сообщая о его отношении и внушая, что еще есть возможность остаться в живых. Поэтому, если бы я выразился, что столько людей вырваны этим человеком от смерти, я сказал бы то, что было в действительности. Он радовал и тем, что говорил нам то, что намерен был сказать в нашу защиту оскорбленному; а то было, что государю более подобает не взыскать, чем взыскать, если это второе доставляет скоропреходящее удовольствие¹⁰, а первое — славу, которая не может прекратиться.

¹⁰ У Феодорита сохранился фрагмент оправдательной грамоты имп. Феодосия антиохийцам, в которой он объяснял причины своего раздражения: «За мою вину достойнейшая всякой похвалы моя супруга не должна была после своей смерти подвергнуться столь великому поношению. Негодующим следовало лучше против меня вооружиться своим гневом» (Н. Е. V. 20). — *Примеч. ред.*

11. Итак, тем заключение становилось после упомянутой беседы легким, так как обещания не допускали подозрения в пустом хвастовстве; ведь этот муж нигде не обличается в том, чтобы обещать нечто, чего, он знал, выполнять не станет; а он, торопясь избавить город от невзгоды, если бы возможно было мольбою к богам окрылить коней, сделал бы так, если бы возможно было откуда-нибудь получить пару, принадлежавшую сынам Борея¹¹, это скорее было бы его делом, или, если бы коня, подобного сыну Горгоны¹², предпочел бы это.

12. А так как возможности не представлялось, от кого бы это получить, то он счел нужным непрерывностью труда сравняться с быстротой крыльев и, отринув и отказавшись от всего, того, что доставляет комфорт в пути, и сделав тем повозку по возможности легкой, взошедши на нее, пустил мулов во весь опор, прибавив им быстроты помощью бича¹³.

13. Провожатых было такое множество, и большую часть их составляли женщины, которые и город наполняли, и, покрыв своей толпою¹⁴ тридцать стадий расстояния за городом, ждали приближения вечера, а он, так как он скромн и знает, что более

¹¹ См. Homer. II. XX. 222–229 (пер. Н. И. Гнедича): «Здесь у него по долинам три тысячи коней паслося, Тучных, младых кобылиц, жеребятами резвыми гордых. К ним не раз и Борей разгорался любовью на паствах; Многих из них посещал, набегая конем черногривым; Все понесли, и двенадцать коней от Борея родили. Бурные, если они по полям хлебородным скакали, Выше земли, сверх колосьев носилися, стебля не смявши; Если ж скакали они по хребтам беспредельного моря, Выше воды, сверх валов рассыпавшихся, быстро летали». — *Примеч. ред.*

¹² «Т. е. Пегаса», схол. рукоп. Р³. (Пегас — в греческой мифологии крылатый конь. Он родился от связи Медузы Горгоны с Посейдоном, появился из капель крови Медузы, когда ее убил Персей. Пегас вознесся на Олимп и доставляет громы и молнии Зевсу. — *Примеч. ред.*)

¹³ τὰ παρὰ τῆς μάστιγος — αἱ πληγαί ср. τὰ ἐκ τῆς ταλαιπωρίας, § 20, τὰ τὸ φῶς ἐν νυκτὶ παρέχοντα = «светильники» orat XX, § 6, τὰ παρὰ τῆς δεξιᾶς «жесты рукой» orat. XXII, § 17, τὰ ἀπὸ τοῦ ποδός LXIV, § 85, τὰ ἀπὸ τοῦ δεσμωτηρίου, «результаты тюремного заключения» orat. XXII, § 29 — orat. XXI, § 18 τὰ ἐπ’ αὐτοῖς (scil. τροχοῖς) = «шины». τὰ διὰ τῆς γῆς LV, § 27. τὰ παρὰ τῶν ἀγρῶν «сельские продукты» т. II, с. 262 [372], § 21.

¹⁴ τὰ σόματα cf. выше [185, 19; 216, 24; 288, 6; 356, 31].

подобает отклонить, и желает получать почести за то, что им делается, не прогнал толпы и не огорчил ее посылкою силы, но достиг этого удаления, благодаря самому вечеру, когда настала пора к тому, я сам был именно одним из вернувшихся.

14. И в то время, как я сидел перед своими дверями, вдруг слышу крики, заключающие мольбу. Догадавшись, что и было, на самом деле, что муж этот выезжает, снова сев на коня, я, немощный старик, сначала следовал, затем обогнал его, потом, далеко опередив его¹⁵, стал ждать, а когда он подъехал, заплакав, что не раз со мной приключалось, препятствие к тому, чтобы много распространяться в своей речи, встретил в его словах, которые как раз содержали то, что я пожелал бы сказать.

15. Затем я лег спать, а он спешит, и на второй вечер достиг границ Каппадокии, затем границ следующей провинции, и на шестой день, после полудня явился перед государем, не замеченный кем-либо вследствие того, что никто ему не предшествовал, а свита состояла из двух человек, и в особенности благодаря такой затрате физического труда.

16. Труды примыкали к трудам, и ничто не создавало перерыва для отдыха, ни хлеб, ни варево, ни питье, ни сон, ни жажда ложа. Он так стремился вперед, что тяготился даже сменой мулов и быстроту в этом деле бранил, как медлительность. Ведь он не отвязывал обуви, не стаскивал штанов, не снимал дальнейшей одежды, прежде чем, употребив остальную часть дня на доклад царю, явился принять ванну. Так как он отсчитывал¹⁶ станции, проносясь по всему пути мимо, даже никакая усталость не заставляла его сходить для этой потребности с колесницы, если даже города не побуждали к тому. Что же именно заставляло его так поступать? Сильное желание положить своим советом конец заключению, положить для города конец его опале. Он походил не на того, кто помогает другим, а на того, кто самого себя спасает.

¹⁵ πὸλὸν τὸ μέσον ἐμᾶντοῦ πρὸς ἐκεῖνον ποιήσας ср. т. I, стр. 311, 1 [518, 15].

¹⁶ Ср. т. I, стр. 284, с примеч. [482, 57] (orat. LIV, § 55).

17. Такова была его решимость. Но всякое рвение тщетно, если на его сторону не станет судьба. Первое может двигать, но вторая лишает исполнения. Если демон не содействует, чего может достигнуть замысел сам по себе? Как и всякий кормчий, конечно, должен желать сохранить корабль, но не всякий сохраняет, но те, кому ветры благоприятны, такова и роль судьбы.

18. Так и в данном случае, тому, кто желал быстро промчаться, ею дана была к тому возможность тем, что не досаждала ни одна из тех разнообразных случайностей с колесницей, какие служат обычно камнем преткновения в пути¹⁷. Как будто из стали были колеса, из стали ободья их, так все части колесницы в пути не поддавались никаким повреждениям, и обивались под толчками, какие естественно портят их, но в негодность ничем приводимы не были.

19. А между тем человеку, который без оглядки увлечен стремлением к скорости, необходимо приходится вызывать неоднократно порчу, но все же обычно поддающееся порче не поддавалось ей и, будто по воздуху, ни к чему не прикасаясь, свершало путь по земле. И так в этом обнаруживается содействие Судьбы, а последнего не было бы, если бы и прочие боги не были благосклонны. Ведь среди них господствует единомыслие и согласие, междоусобие же и раздор далеки от неба, далеки от хора, населяющего небо. Так ты свершал свой быстрый путь, одобряемый богами, и город, который они желали спасти, спасал вместе с ними и проявлял заботу о том, о ком они заботились¹⁸.

¹⁷ Подобные случайности происходили со многими знакомыми Либания: так, в 361/362 г. Ободиан, посланный антиохийцами, упал с колесницы, сломал руку и не смог продолжить исполнение поручения (Ер. 698); в 391 г. Кимон, сын Либания, по дороге домой из Константинополя недалеко от Тарса ломает ногу, его привозят в Антиохию, где он вскоре умирает (Ог. I. 278–279). — *Примеч. ред.*

¹⁸ С той же миссией заступничества за Антиохию, как сообщает Иоанн Златоуст, к имп. Феодосию направился и епископ Антиохии Флавиан («...радуюсь, потому что он отправился в путь для нашего спасения и пошел избавить такое множество народа от царского гнева... Он хорошо понял, что у него теперь дело не об одном городе, но обо всем востоке; так как наш город есть глава и мать городов, лежащих на востоке. Поэтому он порешил потерпеть всякую

20. Когда же он сложил к стопам государя документы, заключавшие доказательство, и по его приказу стал читать, и ниоткуда не представлялось спасения для безумцев, он тотчас стал обнимать его колена, начал речь о славе и о том, каковы бы были результаты того и другого поступка, наказания и избавления от наказания. Он говорил именно, что город уже наказан, сообщая, что жители сами себя губили, в бегстве подвергаясь тому, из боязни чего они бежали, лишённые кровли, лишённые пропитания, не располагая услугами врача для противодействия недугам, возникшим от лишений. И доказывал в своей речи, что богатые люди умирали вследствие самого своего достатка, так как они навлекали на себя мечи разбойников и могилами им были желудки рыб. А государь, слушая такие вести, начал рыдать и просьбы со стороны прочих упредил собственными слезами, в чем уже заключалась отмена суровых мер¹⁹.

опасность, и ничто не могло удержать его здесь», — *Ном. III. 47*), который прибыл в Константинополь на несколько дней раньше Цезария («Кто мог ожидать, что в столь немногие дни он и отправится, и побеседует с царем, и прекратит бедствия [Антиохии], и опять возвратится к нам — так скоро, что успеет предварить и священную Пасху и праздновать ее с нами? Но вот, это неожиданное сбылось, и получили мы отца и тем большее вкушаем удовольствие, что получили его теперь сверх ожидания», — *Ном. XXI. 211*). — *Примеч. ред.*

¹⁹ Jo. Chrysost. ad pop. Ant. hom. XXI, t. II, p. 222 sq. (Иоанн Златоуст приводит речь епископа Флавиана перед имп. Феодосием в защиту Антиохии, утверждая, что именно она способствовала прощению города: «...Подумай, каково это: услышат все потомки, что, когда столь великий город подпал наказанию и мести, когда трепетали и устрашились все, и военачальники, и градоправители, и судьи, и не смели подать голоса за несчастных, — предстал один ходатай Божий, облеченный священством, и одним видом, простою беседой преклонил державного; и чего этот не давал никому из подданных, то, из уважения к законам Божиим, дал одному старцу. Ведь и этим самым город не мало почтил тебя, государь, что послал меня ходатайствовать по этому делу: они произнесли о тебе самое лучшее и прекрасное суждение, — что, тогда как всякое начальство под тобою, ты оказываешь предпочтение священникам Божиим... Не посрами же наших надежд и обещаний не сделай тщетными. Скажу тебе, между прочим, и то, что, если решишься помиловать город, оказав ему прежде благоволение и оставить праведный этот гнев, я возвращусь с великим дерзновением; если же отринешь город от сердца твоего, не только не возвращусь в него и не увижу земли его, но однажды навсегда отрекусь от

21. Многое, конечно, Кесарий, делает тебя лицом видным, больше же всего это самое, твой нынешний поступок. Мы спасены, правда, приговором императора, но в некоторой доле спасение сводится и к твоей воле. Другому, может быть, нравом с тобою несхожему, свойственно было бы угодить великому гневу его раздражающими речами, и, клянусь Зевсом, гнев, который не был силен, сделать таковым суровыми обвинениями и названиями, преувеличивающими факт, и опасением подобных же явлений, если кто не уничтожит его в зародыше. А с твоей стороны можно было слышать похвалы кротости и видеть мудрость, убавляющую несколько значительность дела, и соображения ручавшегося за послушание прочих при условии пощады погрешившим.

22. Люблю я и афинского ратора, помогающего Митилене²⁰, но и город, подвергавшийся опасности, был не так велик, — разве нам ровня митиленцы? — и всего наказания тот не остановил, но мы знаем, до каких размеров дошло наказание. В данном случае снадобье распространилось на все.

23. Усмотрим и в человеке, доставившем городу указ о примирении²¹, самого помощника. Кто, в самом деле, был бы для города полезнее другого, о том похлопотал он, чтобы он доставил нам самое дорогое для нас послание, так как он должен был без надменности встретиться с курией и выслушать спокойно ее речи, дабы в этом деле соблюдена была и внушительность, и права соглашения. В самом деле, кто бы более справедливо воспользовался

него и запишусь в другой город. Нет, никогда не припишусь к тому городу, с которым ты, человеколюбивейший и кротчайший из всех людей, не хочешь примириться и войти в общение». — *Примеч. ред.*)

²⁰ Либаний здесь упоминает сюжет из труда Фукидида. Речь идет о событиях 427 г. до н. э., когда афиняне, покорив Митилену (жители Митилены отложились от Афинского морского союза и выступили против Афин), решали, как поступить с попавшими в плен митиленцами. Афинский политический деятель Клеон предлагал их всех казнить, а его оппонентом был ритор Диодот, упоминаемый Либанием, который настаивал на милости к восставшим (Thuc. III. 41–45). — *Примеч. ред.*

²¹ Jo. Chrysost. l. I., p. 223 D.

письмом, как не тот, кто один из всадников в быстроте подражал крыльям Кесария?²²

24. Надо бы, чтобы у нас была гора и река, несущая золото, как у лидийцев²³, чтобы нам не желать большего, чем мы в состоянии сделать; в действительности, нельзя было достичь меры, при подобной перемене. Тебя же я считаю счастливым за благосклонность к тебе государя, считаю счастливым за любовь к нему, считаю счастливым за рассудительность, считаю счастливым за подобные твои деяния, за то, что ты сознаешь за собою подобные заслуги. Ведь таким людям можно питать еще лучшие надежды и при жизни, и по смерти, и если откуда-нибудь постигнет их какая-нибудь беда, память о том, что он сделал, обещает ее устранение.

25. Итак, доблестно и заступничеством за отдельного человека исхитить его из прямой опасности, и кораблю, защитив корабль, отразить разбойников, твое же рвение имеет предметом не одного индивида, или десять, или двадцать, или сорок, но стольких, что и сосчитать нелегко. И кому и можно сказать, что он спас город, но спас не такой большой, не столь древний, не столь изобильный всяческими благами. Свидетели тому, что он изобилует таковыми, являются те, кто со дня на день увеличивают численность жителей своими переселениями.

26. И когда некоторые в беседе станут величаться воспоминанием о славных делах, тебе можно будет одержать верх, называя наш город. Или ты, может быть, не скажешь, почитая молчанием дело, которым можно гордиться, но нас ничто не сможет заставить перестать говорить о величии благодеяния, делая молву о

²² Либаний об этом вестнике пишет довольно туманно, и это, вероятно, обусловлено тем, что вестником был искусный наездник, посланный епископом Антиохии Флавианом (везшим по поручению императора эту грамоту в Антиохию) вперед, с грамотой о прощении (Ioan. Chrys. Hom. XXI. 220). Однако, судя по § 31, Либаний предлагает иную трактовку событий: искусный наездник был послан самим Цезарием. — *Примеч. ред.*

²³ Гора Тмол и река Пактол: именно из добываемого здесь золота формировалось баснословное богатство царей Лидии (Her. V. 101). — *Примеч. ред.*

нем нескончаемую²⁴, путем передачи отцов детям нашего проступка, наших страхов, милостей, нам выпавших.

27. И если бы кто-либо из наших когда-нибудь успел свершить какой-либо подвиг, требующий благородства мужа, мы скажем, он соревновал твоему подвигу, если же по небрежности будет оставлено без внимания какое-нибудь зло, мы укажем ему на подражание твоим достоинствам. И рассказ о событии выступит на сцену, причем то об этом будут говорить многие, то лучше помнящий станет поправлять того, кто помнит хуже.

28. Много у нас, честная душа, праздников²⁵, так как мы старые древние люди и старше любви, превратившей Ио в телицу²⁶. Ведь и тех, кто ее искали, оказывается, приняли гостеприимно люди, населявшие гору, владевшие на ней неким городом. Вот на этих-то праздниках мы будем воспевать чтимого на каждом бога, и после каждого будем воспевать тебя и твой подвиг.

29. А мне кажется, и государь думает о том, после какого дара тебе он будет признан давшим тебе все, сколько следовало. И мне думается, прошедши через много чинов, ты достигнешь,

²⁴ ἀθάνατος cf. т. I, стр. 20, примеч. 1 [122, 71].

²⁵ Городские праздники и жертвоприношения в честь них довольно подробно описал имп. Юлиан: «Кесарь приносил один раз жертву в храме Зевса, другой раз в храме Фортуны, он входил и в храм Деметры три раза подряд. (Я забыл, сколько раз ходил к храму Дафны, который сначала был предан нерадением его хранителей и затем уничтожен наглыми деяниями безбожных мужей.) Наступил сирийский Новый год, и опять кесарь в храме Зевса Друга. Затем наступает большой праздник, и кесарь пошел в храм Фортуны. По прошествии же несчастных дней он опять идет к Зевсу Другу и возносит к нему молитвы по обычаю наших отцов. Кто же может терпеть кесаря, который ходит в храм столь часто, хотя может беспокоить богов только единожды или дважды в год, кесаря, который мог бы справлять только великий праздник — тот праздник, который отмечают все, в котором участвуют не только знающие богов, но и люд, наполняющий город? В нем много радости и удовольствия, его плодами можно наслаждаться непрестанно: зрением танцующих мужчин, множества девок и мальчишек [для любви]» (Misopogon. 346 b-d; пер. Т. Г. Сидаша). — *Примеч. ред.*

²⁶ Согласно легенде об основании Антиохии, именно на месте будущего города решили остаться аргосцы во главе с Триптолемом, ранее разыскивавшие Ио по поручению ее отца Инаха (см. Or. XI. 44–53). — *Примеч. ред.*

подвигаясь все вперед, того звания, которое в почет и государям²⁷, звания консула²⁸. Итак, в каждом из этих чинов ты, конечно, встретишь похвалы софистов, причем они поистине будут велики в речах о тебе. Главное место в этих речах займет то, что ты остановил потоп, грозивший залить город.

30. Итак, мы упоминали о медных статуях²⁹, так как нельзя было попросить у государя о чем-нибудь более важном. Но они показывают, каковы физические свойства человека, а образ души проявляется на делах. Поэтому, кто выказал себя наилучшим, и будущим поколениям является в той области, какая стоит выше, и тело подвергается изменениям под влиянием многих случайностей, душа же, будучи обеспечена своим положением, не поддается каким-нибудь подобным воздействиям.

31. О всем прочем будет сказано, сколько времени и о чем ты беседовал с этим вестником, сообщавшим благоприятные вести: «О ты, показавший себя в немалом числе путешествий, явись теперь, если возможно, скорее, если же нет, не позднее. Ведь я страдаю от бедствий Антиохии, которая ничем не разнится от женщины под гнетом недуга. В твоей быстроте заключается для них избавление от тяжких страданий».

32. А если можно обязанным благодарностью, прежде чем отплатить ее, просить о другой милости, стань и сам, дивный, в число тех, что строятся у нас и обрабатывают землю³⁰, и придай славы городу тем и другим, и не избегай ни той, ни другой затраты, чтобы нам можно было беседовать друг с другом и с прочими о тебе как о гражданине, а тебе, когда ты будешь здесь, пусть

²⁷ Ср. *orat.* XII.

²⁸ Консулом Цезарий стал в 397 г. — *Примеч. ред.*

²⁹ Дело идет о статуях в честь Кесария в благодарность за его ходатайство за Антиохию.

³⁰ Подобное обращение было, вероятно, одной из высших форм признания заслуг, — оно также фигурирует в отношении Датиана (*Ер.* 1184. 8) и Еллебиха (*Ог.* XXII. 41). По всей видимости, это традиционная норма, восходящая к древнегреческой проксении. — *Примеч. ред.*

не раз представится к тому возможность и возможность жить в собственном доме и угощать знакомых продуктами поместья.

33. Мне, может быть, близка кончина, судя по числу лет, а, пожалуй, я тогда удостоюсь славы со стороны ораторов, которым поводом будет служить и приобретение друзей, какое я сделал, прямых, действительно, друзей. При этом они будут иметь случай сказать о тебе и больше, считая это моею главнейшею заслугою и доказывая это тем именно, что я принял. А ты, создатель великих деяний, стань у нас отцом, и отцом над такими сыновьями, чтобы их достоинства равнялись достоинствам родителя.

ОБРАЩЕНИЕ К ЕЛЛЕБИХУ

Orat. XXII F¹

1. Есть люди, которые полагают, что одно из главных благ для человека деньги и богатство, и поэтому не останавливаются даже перед клятвопреступлением, чтобы получить его, но если и потерпят от этого после что-либо дурное, им не служит это уроком. Другие же желали бы славы больше, чем приобретения всех денег, сколько есть у людей, и не совестятся признаваться в этом. Третьи питают равную страсть к тому же, но притворяются, что нимало не нуждаются в похвалах.

2. Итак, считая жалкими тех и других, как всех тех, кто предпочитают хвале богатство, так и тех, кто, предпочитая похвалы, запираются в том, я считаю наилучшими людьми тех, которые и понимают отлично, сколь ценна похвала, и заявляют, что рады ей, так что и просят ее у владеющих речью². Зная одного такого,

¹ Речь относится к 388/389 г. (см. § 42). — *Примеч. ред.*

² τῶν δυναμένων λέγειν ср. orat. XXI, § 33, vol. II, pg. 465. 14.

дивного Еллебиха³, я сейчас предоставляю ему это без просьбы с его стороны, дав раньше по просьбе⁴. Ведь я полагаю, он и молчал и не поступил, как раньше, вследствие уверенности, что я восхвалял настоящий случай.

3. Неприятно, правда, вспоминать о прошедших несчастьях. То, чему с самого начала и случиться не следовало бы, о том, сказал бы иной, подобало бы молчать. Но так как нельзя надлежащим образом взглянуть на помощь, если не будет сказано раньше, чем о ней, о бедствиях, какие ее потребовали, упоминание о них становится, конечно, делом необходимости.

4. Императору понадобились деньги для спасения целого государства⁵, и как раз тогда именно, когда царствованию его наступил десятый год, а сына пятый⁶. А есть обычай, чтобы в такие сроки от владык поступали деньги на руки солдатам⁷. Итак, когда указ о деньгах был прочитан, следовало бы, чтобы для людей выслушание его было приятным и чтобы рвение к взносу было столь велико, чтобы доставила радость государю проявленная тогда готовность. Но они дошли до такой нелепицы, что забылись и не могли более соблюсти благоразумия, глядя лишь на то, что нужно было дать⁸, а того, что за это надлежало получить, и в расчет не принимая.

³ Еллебих был назначен *magister militum* 30 декабря 383 г. (Cod. Theod. IX. 39. 1). В это же время у Либания установились с ним дружеские отношения (Ер. 2), продолжавшиеся длительное время. Судя по речам Либания, Еллебих был язычником и проживал в Антиохии. — *Примеч. ред.*

⁴ Этот первый панегирик Либаний написал в 385 г. — см. Or. I. 232. — *Примеч. ред.*

⁵ Ср. orat. XX, § 31. Sozom. VII 23. Theod., hist. eccl. V 20, 1. О времени Marc. Com. chron. ad a. 387.

⁶ Годовщина императора наступала в 388 г., когда и следовало выплатить солдатам *augum coroparium*. Источники трактуют налог для этих расходов по-разному: то ли это повышение размера налога (Zos. IV. 41; Sozom. H. E. VII. 23), то ли был введен новый налог (Theodoret. H. E. V. 20). — *Примеч. ред.*

⁷ Ср. *Valesius* к Amm. Marc. XXVI 2, 10.

⁸ Настроения антиохийцев хорошо описывает Иоанн Златоуст: «Когда пришел от царя указ о собрании подати, которая показалась несносной, все возмутились, все заспорили, начали досадовать и негодовать, и, встречаясь

5. И сперва, близ трона и на глазах наместника⁹, они разразились мятежными возгласами, которые носили форму просьб, а на деле были нарушением покорности. В самом деле, подобно тому, как во время величайших бедствий мы привыкли призывать богов, прося их помочь, так тогда поступали кричавшие, чтобы бог помиловал их, как если бы письмо довело их до состояния, заслуживающего сострадания.

6. Если и это было уже невыносимым, еще возмутительнее было то, что воспоследовало. А именно: с упомянутыми словами устроив шествие в галерею, что перед зданием суда, продолжая кричать и сняв хламиды¹⁰, десницами поощряя к волнению тех, кто еще оставались спокойными, и подговаривая их к общению в их дерзостях, пришедши к соседней бане, они стали перерубать ножами канаты, на коих висели светильники¹¹, показывая, что благоустройство в городе должно уступать их желаниям и что закон — ничто, а важно их решение.

7. После такого вступления¹², с другими словами, которые моя выгода была бы и не слышать¹³, они сочли малым и недостойным своего мужества эти обычные выходки, смуту и беспорядок в мастерских¹⁴, но, взглянув на многие изображения на досках,

друг с другом, говорили: «Нам жизнь не в жизнь; город разорен; никто не в состоянии вынести столь тяжкого налога!» — и все сокрушались, как будто доведены были до последней крайности» (Ном. V. 73); «Вот жителям нашего города приказано внести подать, превышающую, по-видимому, силы народа, и большая часть ее внесена, но сборщики, слышно, еще говорят: что медлишь, человек? Что проводишь нас день за день? Дело неизбежное; закон царев не терпит отлагательств» (Ном. VIII. 102). — *Примеч. ред.*

⁹ Консуляра (δικαστήρ). События развивались в его резиденции, дикастерии (δικαστήριον). — *Примеч. ред.*

¹⁰ Хламида была частью одежды официальных лиц (Cod. Theod. XIV. 10. 1), однако ее носили и простые граждане (Or. XLV. 18). — *Примеч. ред.*

¹¹ Описательно: τὰ τὸ φῶς ἐν νυκτὶ παρέχοντα. (Об уличном освещении в Антиохии см. Or. XVI. 41. — *Примеч. ред.*)

¹² τοιοῦτου ᾗσθέντος προοπίου, для ᾗδω здесь ср. т. I, стр. 358, 1 [576, 215].

¹³ Ср. orat. XXI, § 5.

¹⁴ Беспорядками в мастерских начались, например, события 354 г., закончившиеся убийством Феофила (см. Or. XIX. 47). В этот же раз восставшие двига-

разразившись против них ругательствами, потом пустив в них камнями, смеялись над пробитыми и сердились на те, что выдерживали удары.

8. Затем, считая медные изображения более почетными и наглость, на них обращенную, более невыносимую, устремившись к ним и обвязав их за шеи канатами, сбросили их вниз и повлекли, одни, не разняв их на части, другие — и это сделавши. А между тем, что касается отца, они, может быть, могли бы сослаться на деньги, но что же кто-либо мог поставить в вину Аркадию? А что следующему за ним сыну? А матери их? А отцу императора? О них нельзя сказать, чтобы они участвовали в распоряжении о взносе.

9. Итак, отдав мальчишкам на забаву столь чтимых, сами они двинулись с огнем на дом человека, ни в чем не повинного, но представлявшегося таким людям, не желавшим слушать письма, и одни здания зажгли, другие собирались жечь, в числе них дворец. И если бы, увидав луки и лучников, не убоялись, пожар, распространяясь как можно дальше, оказался бы сильнее каких-либо попыток к его локализации. И вот около полудня раскаяние овладело взбесившимися людьми и общим стал страх для виновных в преступлении и тех, кто не погрешили, так как в пору подобных несчастий ответственность в городах является общей и бремя гнева постигает одинаково тех и других, и виновных, и тех, кто далеки от виновности.

10. А когда вестники уже вышли и то, что приключилось, делало ясным, чего надо было ожидать, и когда одни винули демонов¹⁵, другие друг друга, и все оплакивали себя, жен, детей,

лись из района старого города к окрестностям дворца наместника, где обычно располагались портреты и статуи. — *Примеч. ред.*

¹⁵ На демонов ссылается и епископ Флавиан в своей речи в защиту Антиохии перед лицом императора: «Признаем и не можем отрицать, государь, эту любовь, которую показал ты к нашей родине, и поэтому-то особенно плачем, что демоны позавидовали столь любимому [городу], и мы оказались неблагодарными пред благодетелем и прогневали сильно любящего нас» (Ioan. Chrys. Hom. XXI. 215). — *Примеч. ред.*

жилища, одним и единственным средством спасения представлялось бегство и поиски другой земли.

11. В то время как, таким образом, большая часть народа высеялась, курию — начальство¹⁶ пыталось удержать угрозами. Окружавшая меня в занятиях словом молодежь, ничего никому не сказав, тотчас удалилась прочь. И в то время как мы думали, что оттуда придет молва о каре, и один сообщал об одной, другой об иной, — но все они были ужасны, — большинству была забота о могилах, некоторые и в этом отчаивались, в ожидании, что пожар истребит и бездушную материю, и нас.

12. Между тем как мы так замерли в страхе, будто в ожидании грома или приводящего все в колебание землетрясения, приходит Молва, богиня¹⁷, от коей ложь далека, с извещением, что муж этот явится к нам в качестве судьи. И это тотчас ослабило опасение строгостей надеждою на более благоприятный исход, облегчило тяжесть на душе, и кое-кто вкушал пищу, и улыбался, и принимал сон, не тревожимый¹⁸ вскакиванием с ложа, другой — осведомлялся о своих полях, дерзая сказать «своих», в то время, как раньше страх тому препятствовал, и один, доверяя тому, что слышал, с удовольствием сообщал другому, а тот, не доверяя такой степени благополучия, шел к тем, кого считал осведомленными. И много всюду и у всех разговоров об Еллебихе, в домах, на рынках, в галереях, в улицах, среди ходящих, сидящих, молодых, старых, мужей, жен, свободных, рабов, на которых тоже распространялась до некоторой степени судьба господ.

13. Наполнив собою город, эта молва быстро дошла в предместья, дошла на равнины, достигла на холмы, всем облегчая настоящее, и тем, кто были вне опасности, но были удручены

¹⁶ τὸ ἄρχον ср. т. I, стр. LXXIV, примеч. 9 [83, 348].

¹⁷ О богине Молве см. «Труды и дни» Гесиода, которого явно цитирует Либаний: «И никогда не исчезнет бесследно молва, что в народе Ходит о ком-нибудь: как там никак, и Молва ведь богиня» (763–764; пер. В. Вересаева). — *Примеч. ред.*

¹⁸ καθαρᾶνυοντος πηδημάτων ср. orat. XX, § 20 καθαρᾶνυούση τῆς αἰτίας. Тревога заставляет спящего вскакивать с ложа, ср. т. I, стр. 294 [495] (orat. LII, § 10).

злосчастьем тех, кто ей подвергались¹⁹. Следовательно, душа по-славшего судью усматривалась в душе того, кому был вручен приговор, и представлялось, что никогда бы он не прибег для осуждения на смерть к главе этого мужа, о которой он знал, что она по природе не склонна к подобным жестокостям.

14. Итак, можно было слышать, как многие не кричали, а так говорили, что это знамение спасения и того, что мечи не пойдут гулять по шеям, если для суда явится этот человек, который с наибольшим удовольствием выслушает все, что способно спасти того, кому грозит беда, будет сострадать преступникам в их гибели и покажет, что желал бы разрешения тяжелых обстоятельств некоему пощадою.

15. Какова же причина этих надежд? Откуда они зарождались? В том, как прожил он до этого дня и в особенности во время своего правления, украсив которое кротостью, что, как он видел, делал и владыка целого государства, он, при возможности для него причинять вред, стяжал славу справедливостью, считая возмутительным, если будем гневаться на вред, наносимый другими, а сами захотим причинять то же другим.

16. Итак, постоянно благодетельствуя многим людям, немало-му числу и городов, и воинов, потерпевших неудачу, скорее исправляя наказаниями, чем губя, он поддержал нас в ту пору, когда

¹⁹ По всей видимости, Либаний имеет в виду в том числе монахов-христиан, появление которых в Антиохии в это время описывает Иоанн Златоуст: «Когда посланные царем для исследования о случившемся здесь открыли страшное то судилище, и призывали всех к ответам в учиненном преступлении, и все ожидали разных смертей, — тогда иноки, обитающие на вершине гор, выказали свое любомудрие. Прожив безвыходно столько лет в своих пещерах, они, никем не призванные, никем не наученные, как только увидели, что город облегло такое облако, оставили свои кущи и пещеры и стеклись со всех сторон, как сошедшие с неба ангелы... Удивительно было еще то, что они [иноки], пришедши к самым начальникам, говорили смело за виновных, готовы были все пролить кровь и положить головы свои, только бы исхитить узников от угрожавших бедствий, и сказали, что не отступят, пока судьи или не пощадят граждан, или не пошлют их самих к царю вместе с обвиняемыми» (Hom. XVII. 172–173). — *Примеч. ред.*

мы были в подавленном положении²⁰. Он удержал тех, кто еще не переселился, и тех, которые, если бы не было на него надежды, во всяком случае предались бы блужданиям, он склонил выждать своего прибытия²¹.

17. Что это было так, вот доказательство: те, кто ошиблись в истине, ожидали, что он достигнет ворот по пустынной дороге и через пустую первую часть города доедет до квартиры²², а те, которые устремились за город на то расстояние, как при встрече прежних хороших начальников²³, из тех, кто остались, вели его к городу под звуки славословий попеременно с мольбами. Он же по милосердию своему не отгонял, но мановениями десницы показывал свое неодобрение, поступая как учителя гимнастики по отношению к побежденным сверх ожидания, в досаде, что скомпрометировано их ученье.

18. Поэтому и этот муж так был настроен и такие делал рукою жесты, как бы мы обманули похвалы его нам. Действительно, он внушил большую симпатию к нам государя частыми и длинными хвалебными о нас речами, утверждая, что пустое болтают все, кто поминает другие города, ни в одном, будто, не оказывается стечения стольких достоинств²⁴, но одно они имеют, в другом нужда-

²⁰ Jo. Chrysost. ad pop. Antioch. horn. XVI, p. 160 D. (Видимо, именно Еллеби-ха упоминает Иоанн Златоуст как градоначальника, пришедшего в церковь и увещевавшего антиохийских христиан: «Градоначальника я похвалил за попечительность, что он, увидя город в волнении и всех помышляющими о бегстве, пришедши [в церковь], утешал вас и внушил вам благие надежды; а за вас постыдился и покраснел оттого, что после столь многих и продолжительных поучений вам понадобилось стороннее утешение. Я желал, чтобы земля разверзалась подо мною и поглотила меня, когда слушал я, как он говорил к вам, и то успокаивал, то порицал этот безвременный и неразумный страх» (Hom. XVI. 161). — *Примеч. ред.*)

²¹ βαπτίζομαι, submergor, cf. vol. III, pg. XLVIII F., p. 338, 25 (orat. XLIII, § 3), vol. II, p. 299 (orat. XVIII, § 146), p. 244, 17 (ibid., § 18), vol. IV, p. 494, 14 (orat. LXIV, § 115).

²² καταγωγή cf. orat. LI (т. I, стр. 291 [491] след.). LII.

²³ Чтение *Reiske*, — поправка, одобряемая под текстом *Förster*'ом, σταθμῶν вм. ἀγαθῶν заслуживает внимания.

²⁴ Ср. orat. XIX, § 51.

ются, а многие в прочих отношениях славятся, но общий характер города не поставлен как следует, и один подвержен вспыльчивости, другой отличается бесчувственностью, третий обойден Харитами²⁵, тот отличается праздностью, другой неводержан на язык, третий не умеет переносить пребывание в нем царя, и одному нашему городу даровано Судьбою все, что относится²⁶ к достоинству; что тот знает и не знает наилучшее из своих владений, слышит о нем с чужого голоса, а сам еще не видал его, слух же и зрение не одно и то же. И он уговаривал к путешествию к нам, добавляя к описанию города описание Дафны, которую, по его словам, занимает бог музических искусств, и из нее посылает в город любовь к слову.

19. Вот почему он журил город, много обещавший и показавший себя со столь невыгодной стороны, уничтоживший хвалебные речи худыми своими делами; однако, будучи в состоянии, если бы хотел, отплатить по своей воле, он и при этом условии не изменяет себе и не исторгает из сердца привязанности из-за того, что вызвало обвинение, но вместе и любил, и осуждал. Мы слышим, что, во время обеда, он не столько обедал, сколько созерцал мысленно красоты города, сравнивая худшие и лучшие.

20. Что же вслед за тем? Было вызвано в помещение, где оставился судья, немалое число властей и та часть курии, которая не бежала²⁷, и это служило некоторым более снисходительным

²⁵ Хариты — в греческой мифологии благотельные богини, воплощающие доброе, радостное и вечно юное начало жизни. Классические имена этих трех богинь — Аглая, Евфросина и Талия, однако в традиции известны и другие богини-хариты. — *Примеч. ред.*

²⁶ ἔρχεται εἰς с. accus. cf. orat. orat. XXII, § 12 v. fin.

²⁷ Либаний, как один из honorati, участвовал в этом заседании (см. далее, § 23). О бегстве многих членов курии, как язычников, так и христиан, пишет Иоанн Златоуст: «Где теперь те, которые одеваются в плащи, выставляют напоказ длинную бороду и носят в правой руке палку, — языческие философы, — эти презренные циники, которые хуже подстольных псов, и все делают только для чрева? Все они тогда оставили город, все убежали, все скрылись в пещерах... Занимавшие у нас первые должности, начальствующие, владеющие несчетным богатством, пользующиеся великим дерзновением пред царем, все они, оставив дома пустыми, помышляли только о своем спасении; тогда-то

приступом к процессу, по месту и составу заседавших с ним, и по его приглашению каждому оправдываться, со стороны каждого произнесено было то или другое слово, а больше спасения ему было в слезах, причем одни оплакивали юность свою и то, что еще не были отцами, другие то, что они — отцы и растят детей-молодцов, третьи — старость родителей, четвертые — литургии, начало получившие, но окончания тщетно ждавшие, иной еще вдовство жены и ее будущее пребывание на могиле. А этот благородный человек дал волю их слезам и к слезам каждого присоединил свои, зная отлично, у скольких судей предупреждением подобных проявлений служат удары и угрозы ударами, так как они считают, что рыдания оскорбляют судопроизводство.

21. Так хорошо и милосердно было положенное начало. Когда же дело доведено было до решающего момента и было объявлено, что на следующий день следственный материал поступит в суд, он и тут дает снисхождение, что явился на трон не в полночь²⁸ и не с первыми петухами, причем в самой поре заключался бы лишний мотив к ужасу, но незадолго до солнечных лучей, так что и светильники были для него скорее делом обычая, чем потребности²⁹, вышедши из дверей, человеколюбивым поступком своим затмив всякий подобный пример.

22. Вот в чем было дело: мать одного из лиц, состоявших под судом, молодого и видного человека, составившего себе известность многими посольствами, многими литургиями, сумевшего заменить отца в управлении своим состоянием, обнажив голову³⁰, распустив свои седые волосы, бросившись на грудь к нему и

оказалось, что значит вся дружба и родство их; кого они прежде знали, тех во время злополучия и знать не хотели, и сами желали быть ими не знаемы» (Ном. XVII. 173–174). — *Примеч. ред.*

²⁸ Cf. Amm. Marc. XXVIII 1. 54 c. nota Valesii, о том же впечатлении ночной поры суда. («Дорифориан решил самолично провести его допрос... в самую полночь, когда человек обыкновенно чувствует себя в возбужденном и тревожном состоянии» (пер. Ю. А. Кулаковского). — *Примеч. ред.*)

²⁹ Ср. т. I, стр. 99, примеч. 1 [227, 29].

³⁰ Jo. Chrysost. ad pop. Antioch. hom. XVII p. 172 D. («Когда мать одного из виновных, с открытой головою, с обнаженными седидами, схватив за узду

охватив ее и руками и прядями волос такого цвета вымаливала сына с воплем о жалости к нему, а слезы ее лились по ногам военачальника, его же на ее голову. Никто ее не оттащил, но и сам он не оттолкнул, но так предоставил себя продолжительной мольбе ее, что представлялся выше человеческой натуры и отовсюду раздавались мольбы о здравии его дочери, за его такую милость к несчастным и за такое искоренение им из души всякой жестокости и непримиримости.

23. Итак, они судили, а мы заседали тут же. Он же, казалось некоторым, поступал несвойственно своему характеру, когда доводил каждого до необходимости сознаться в том, как зачалось³¹ преступление, угрожая, что другие подвергнут допросу тех, кто донесет об этом, если не согласятся они³². И вместе с тем многих из своих соседей он жестами поощрял побудить допрашиваемого к признанию, вследствие чего в особенности негодовали те, которым приходилось повиноваться, полагая, что более подобало им подвергнуться каре, запершись в преступлении, чем самих себя уличивши. Но это он делал не потому, чтобы готовил для государя выи под меч, но, думаю, было подготовлением к вящему спасению. Ведь не одно и то же в деле показания голос свидетеля и

лошадь судьи и так пробежав площадь, вместе с ним вошла в судилище, — мы все изумились, все удивились такой нежной любви, такой силе духа». — *Примеч. ред.*)

³¹ σπέρμα ср. т. I, 241, 3 [442, 29].

³² Иоанн Златоуст, в отличие от Либания, прямо подчеркивает широкое применение судьями пыток во время процесса, хотя и соглашается с тем, что подобная процедура самим судьям была неприятна: «Мать и сестра одного из допрашиваемых... страдали больше самих подсудимых, слыша голос палачей, звук ударов, вопли бичуемых, страшную угрозу судей, и из-за каждого наказываемого терпели более жестокие мучения, нежели сами наказываемые. Так как в показаниях других заключалась опасность улики в виновности [подсудимых], то они [мать и дочь] лишь только примечали, что кто-нибудь ударами понуждается указать на виновных и издает плачевные вопли, взирая на небо, молили Бога дать ему силу и терпение, чтобы безопасности близких им не погубила слабость других, не могших вынести жестокой боли от ударов... Впрочем, не только эти, но и сами судьи плакали в душе и страдали сильнее всех, будучи вынуждены производить такое горестное дело» (Hom. XIII. 137–138). — *Примеч. ред.*

голос самого подсудимого, но против первого, пожалуй, еще найдется какой-либо довод, а второе никто уже не станет обвинять.

24. Вот какое значение для него имело признание обвиняемыми своего проступка их собственными устами, и они думали, что сегодняшний день будет пределом их жизни, — ведь неизвестно было, для чего это понадобилось, но то должно было обнаружиться. А именно, в то время, как толпа думала, что только что не видит того грозного выхода, никакого палача не появляется, но арест и конфискации³³, и притом и эти наказания без всякой поспешности, и город обладал курией, которой не надеялся уже сохранить. Ведь те оба, он и его сотоварищ³⁴, кто властны были казнить, остереглись от казни для приговора царя³⁵, ограничив свое дело следствием, а дальнейшее сохранив для государя.

³³ Вот как это описывает Иоанн Златоуст, также лично присутствовавший на суде: «А когда день уже окончился и настал глубочайший вечер, и ожидаем был окончательный приговор, тогда все были еще в большем смятении и молили Бога, чтобы случилось какое-либо замедление и остановка, и чтобы судьям внушил он представить на усмотрение царя то, что было дознано по следствию; может быть, думали, будет какая-нибудь польза от этой отсрочки... И однако ничего из всего этого не тронуло тогда судей, слушавших внутри дело; они имели в виду одно только, — чтобы произвести строгое расследование преступления. Наконец, наложив на виновных оковы и заключив их в железо, отсылали в темницу через площадь, и это — людей, которые, содержа коней, управляли общественными играми, считали за собою тысячи других важнейших должностей; затем налагали запрещение на их имение, и на дверях всех их виднелись печати. И жены их, изгоняемые из отеческих домов, все на деле испытывали то же, что жена Иова... При все том, пострадавшие были довольны всем этим, потому что не потеряли еще жизни... Эти люди, которые прежде не перенесли бы благодушно небольшой траты денег, теперь, когда были объаты большим страхом, и потеряв уже свое имение, были в таком расположении, как будто нашли сокровище, потому что не потеряли жизни» (Hom. XIII. 138–139). — *Примеч. ред.*

³⁴ Кесарий, or. XXI p. 449 sq.

³⁵ Jo. Chrysost. hom. XVII t. II. 174 A sq. (Иоанн Златоуст утверждает, что Еллубих и Цезарий отложили вынесение окончательного приговора, поддавшись уговорам монахов: «А эти [иноки] оказались могущественнее всех: умолая с великодушием и терпением, они убедили [судей] показать такую власть, которую эти не получили от царя; успели, даже после того, как виновные были уже открыты, склонить судей не произносить обвинительного приговора, но

25. Итак, послужив таким образом правосудию, не уменьшив города на столько домов, одного и того же пожелав, одно и то же одоблив, подав помощь, свободную от всякого спора, они появились и среди толпы, стоявшей перед судом, чего-чего не говорившей, изобретавшей новые просьбы сверх обычных. Долго раздавались мольбы, и солнце было на закате, но никто не распорядился водворить молчание ни при помощи прутьев, ни голыми руками.

26. Но на смену труду по следствию наступает другой, по делу о мятеже. И много стекалось вокруг него мужчин, еще больше женщин, чуть не наталкивавшихся вследствие отсутствия тут какого-либо запрета, он и сам с благосклонностью выслушивал и то, что говорилось, и подсказывал те доводы, которые, он знал, будут иметь большую силу, и мольбы принимая, и умоляя вместе с теми, кто с ними обращался, поступая так, чтобы все они были доложены владыке.

27. Затем, впрочем, и того, который уезжал, — решено было, что одному следует сидеть на месте, а другому отправиться³⁶, — он чтил тем, что речи направил от себя по его адресу и просил вместе с преступниками, судья судью, одно делая на виду у всех, другое наедине.

28. И кто когда-либо видел или слышал подобного человека? Как не следует считать счастливыми родителей более из-за этого, чем из-за его власти и распоряжения такою массою людей, что и раньше доставалось на долю многих, будет доставаться и после? Никто из людей не знает за кем-либо из военачальников подобных слез и не видывал военачальника, с таким удовольствием всюду и везде носимого в памяти в душах подчиненных

предоставить решение воле царя; обещали, что сами убедят его непременно даровать прощение преступникам, и уже готовы были отправиться в путь. Но судьи, пораженные их любомудрием и изумленные высотой духа, не допустили их предпринять такой дальний путь и сказали, что если только они получат заявление их на бумаге, то сами отправятся и умолят царя оставить весь гнев... И, изложив эти слова на бумаге, судьи отправились». — *Примеч. ред.)*

³⁶ В Константинополь отправился Цезарий (см. *Ог. XXI. 11*). — *Примеч. ред.*

ему. Ведь вдобавок к прочим им свершено снова доблестное посредничество между осужденными и отпускающим всякие вины приговором.

29. Было решено, согласно постановлению, что должно курии быть заключенной, где она находилась, [в] помещении очень тесном и без крыши. Теснота тотчас стала тяжела и вынуждала топтать друг друга и затрудняла всякую пору, пору сна, пору приема пищи, и другие моменты помимо этих. Ведь, не входи никто из друзей, это огорчительно, а при посещениях место делалось еще более неприятным; случись дождь, не было средства защиты от него. И можно было слышать от некоторых, что смерть от неудобства места заключения опередит помилование со стороны царя, если какое только будет.

30. Надлежало, чтобы давший этот приговор нашел возможность использовать и сенат, — у обоих помещений была одна стена смежная, — или оставалось погибнуть. Итак, снова решимость просить подобной уступки следует приписать одному характеру этого человека, который располагал к смелости просить того, от кого зависело устранение некоторого из неудобств. А он, тотчас обдумав дело, обрел средство, как и удовлетворить желанию просителей, а самому не сказать и слова против предписания.

31. Именно, заявив, что сам остается при прежнем решении, он сообщил, что, если служители, этим заведующие, допустят нечто иное, он, хоть и узнает, знать не будет. Эта мера предоставила в их распоряжение сенат, где есть крытый театр, четыре галереи, образующие в середине между собою двор, обращенный искусственно в сад³⁷, с виноградом, фигами, другими деревьями, разными сортами овощей, утеха в противовес невзгоде, благодаря коей они иной раз и смеялись, и шутили, и пили здравицы, и пели гимн, и забывали, в каком они положении, располагая ложжами, расставленными просторно³⁸, и трапезами, какими раньше

³⁷ εἰς κήπον βεβιασμένην.

³⁸ αἷς πολὺν πρὸς ἀλλήλαις τὸ μέσον ср. т. I, стр. 311, 1 [518, 15].

постигшей их беды они не пользовались, и различными сочинениями в книгах и речами о них, какие возникают при прениях на высокие темы.

32. И того, что страшное было не слишком страшным, что никто не погиб раньше дара государя от солнца, дождя, печали, слез, того, что люди вместе и заключены были, и не находились в заключении и что они при столь тяжких винах располагали участью заключенных по преступлениям маловажным, этих [счастливых] сновидений, так вернее назвать их, он — виновник, он — податель, он доставитель.

33. Этот человек, не всё и всюду подвергая точному сыску, проявил всю свою мудрость в деле следствия тем, что сделал для примирения, каковое я признаю не столько делом тех, кто ходатайствовали на Босфоре³⁹, сколько лица, давшего место молениям этих людей.

34. Достоин памяти и эпизод, заключающий благодеяние, оказанное значительному лицу, имеющий отношение не к члену курии, но к тому, кто по происхождению принадлежал городу, множество раз выступал в процессах, отцу многих речей, составленных прекрасно, при отправлении должностей проявившему себя лучше отца в отношении подчиненных, и первых по значению, и вторых, и третьих. Против него клеветник пустил стрелу, из тех стрел, какие свойственны такому ремеслу, и молчание было названо недобросовестной речью.

35. Но тут этот человек, ненавистник несправедливости, выступил против клеветника, противопоставил лжи истину, порочности добродетель, злобе честность, и, что было справедливо, то и одержало верх, справедливое. А он поздравлял оправданного, город и себя, первого с оправданием, город с тем, что не лишился он такого гражданина, способствовавшего его славе, себя же

³⁹ Cf. orat. XX, § 37 Jo. Chrysost. ad pop. Ant. horn. XXI, p. 216 C sq. (Город на Босфоре — традиционное наименование Константинополя. Известно, что за антиохийцев ходатайствовали Флавий Цезарий и епископ Флавиан. — *Примеч. ред.*)

с тем, что исхитил этого человека от беды, подобно тому, как Афина Геракла от Стикса⁴⁰.

36. Хорошо. Так велико это благо, но каким он проявил себя для нас при получении указа о городе? Каким каждый из нас, из коих кто не радовался ему больше, чем его душа. От трапезы, уже протягивая, говорят, руку к поставленным кушаньям⁴¹, он оторвался для чтения, молил, чтобы поскорее пришел вечер, поскорее наступил день. В то же судилище он шел не с прежним лицом. Такой румянец был на нем. Он радовался спасению города не менее, чем если бы пришлось такой город взять вооруженною рукою.

37. Когда указом были изглажены самые суровые кары, он, став, где раньше, был венчаем славословиями гораздо большим количеством людей, чем прежде, так как те, которые скрывались, теперь уже появились, спеша к доскам. И здесь слезы, но уже не плача, а радости. Ведь и избавление от зол обычно вызывает у человека рыдания, как было и в ту пору. Город полон был пирующих⁴², которые сами угощались среди колоннад, слезы текли по кубкам, не под влиянием страха, но того чувства, что бояться уже нечего. Пьющим удовольствие доставляло питье, а тем, кто глядели, созерцание этого.

38. Одним из них был и этот человек, который после многих увещаний, коими он наставлял город на правый путь, счел уместным принять участие в пиршестве, как было можно, и, обходя возлежащих, которые не вставали с мест — он не позволял этого, — своими обращениями к каждому придавал вкуса кубкам, соизволив снизойти с высоты власти и поставив себя на ту ногу, как соответствовало обстоятельствам, так что, схватив с блюда для смеха соседей рыбу, вызвав тем смех, потом отдал.

⁴⁰ Когда Геракл совершал свой двенадцатый подвиг и отправился в Аид за псом Кербером, Зевс послал ему на помощь Афины, и герой вывел из Эреба пса бога Аида (Ном. II. VIII. 362–369; Od. XI. 625–626). — *Примеч. ред.*

⁴¹ Перифраз гомеровского οἱ δ' ἐπ' ὀνεῖαθ' ἐτοῖμα προκειμένα χεῖρας ἱαλλόν Od. I 149 etc.

⁴² Сходными словами описывал это празднество Иоанн Златоуст: «Итак, что тогда сделали вы, украсив площадь венками, зажегши светильники, разостлав перед мастерскими ковры, и как тогда торжествовали, как будто бы город родился вновь» (Ном. XXI. 220). — *Примеч. ред.*

39. Такой устроил он обход и, приняв участие в таком веселье, пришедши домой, вкусил тот самый сладостный из всех завтраков, показывая себя достойным многих изображений, которые можно видеть по всему городу и которые привлекают на себя взоры прохожих и граждан, и пришлого людa, и волосами, и взором, и ланитами, и цветом лица.

40. И в них можно усмотреть характер города. За те многие прежние благодеяния они хотели и этим путем⁴³ в каждой филе⁴⁴ иметь этого человека, дабы располагать и им, во время посещений им города, и его воспроизведением, а в отсутствие его не быть лишенным всякого подобного изображения.

41. Итак, мы молим иметь его, о сообществе с ним и беседе, но государь, внезапным вызовом к себе того, кого он дал нам, порадовал наш город почетом этому человеку и желанием рассматривать вместе с ним важнейшие вопросы, но огорчал нас, лишая нас нашего любимца, к коему одни являлись, дабы наилучше обеспечить свое право, другие, считая достаточным увидеть его, а многим, кто не видал, достаточно было того, что, когда ни пожелают, могут прийти и увидеть его.

42. Так пускай же государь отдаст нам назад того, кто был нам во многом благодетелем⁴⁵, кто являлся подражателем его душе, кто, как государь богам, так сам следовал его воле, кому предстоит узреть сыновей дочери, похожих на него, так как Артемиду, которая печется о нашем городе⁴⁶, с особою охотою явится при родах ее и поможет, помня, каким и в сколь трудную минуту проявил себя Еллебих в отношении к ее достоянию.

⁴³ Принимаем корректуру Förster'a (s. t.) ταύτην вм. ταύταις.

⁴⁴ Антиохия была разделена на 18 фил. — *Примеч. ред.*

⁴⁵ Еллебих был отозван из Антиохии в 388 г., что подтверждает датировку речи этим или следующим годом. Его дочь, упоминаемая далее, осталась в Антиохии. — *Примеч. ред.*

⁴⁶ Богиня Артемиды идентифицировалась с Антиохией во время празднеств в Мерое, пригороде Антиохии, которые проводились в месяце Артемисии, т. е. мае (Ог. V. 42–44). В греческой мифологии Артемиды помогает роженицам через свою помощницу Илифию. — *Примеч. ред.*

ПРОТИВ БЕЖАВШИХ

Orat. XXIII F = XXIV R¹

1. Все мы слышим вести, что всё полно трупов, пашни, дороги, горы, холмы, пещеры, вершины гор, рощи и ущелья, что из трупов одни служат пищею птицам и зверям, другие река уносит к морю.

2. Эти вести то повергают меня в горе, то я обвиняю пострадавших и говорю, что те, кто пожали такие плоды бегства, пострадали по заслугам. Можно сказать, они сами навлекли на себя мечи разбойников. Чему они не подверглись бы, оставаясь дома, на то они натолкнулись в своих блужданиях, предоставив себя в

¹ Упоминание в § 27 действующих санкций императора в отношении Антиохии, а также арестов, суда, приговора (§ 26), но отсутствие какого-либо упоминания о грамоте имп. Феодосия о прощении антиохийцев свидетельствует о том, что данная речь была написана весной 387 г., еще до прибытия вестника с этой грамотой, т. е. раньше всех остальных речей, посвященных данному восстанию в Антиохии. — *Примеч. ред.*

жертву людям, давно разбойничающим², и обратив в грабителей других тем, что увеличили число обреченных на гибель. А тех, кто погиб по доброй воле, кто станет жалеть?

3. «После дерзостного поступка страх воцарился», — заметит иной. Конечно, у самих дерзких, для которых самое сознание за собою подобной вины вызывало необходимость к бегству. Но если кто не был сообщником ни в словах, ни в делах, в чем, и в том и в другом, заключалось оскорбление, к чему было ему волноваться и трепетать без какого-либо основания к страху?

4. Действительно, сказать, чтобы чему-либо подверглись оставшиеся, нельзя. Почему бежавшие не остались с этими, но будто по извещении каким-либо божеством, что остающимся нет спасения, но для всех оно заключается в одном бегстве, так пусты мастерские? К чему, оставив пустыми дома, наемные квартиры, они шли, не зная, где найдут приют?³ И тут-то те, у кого были ослы, мулы и верблюды, важничали и поднимали брови, отдавая их внаймы, так как ожидался большой приток нанимателей.

5. И можно было видеть, как женщины с детьми отправлялись просить деревенских жителей, которых они не знали, уделить им часть земли, хоть не жилища. Велики ли последние! Или разве кто пустил бы в свою среду особ, ему незнакомых? И детям смерть приключалась одним от того, что они лежали на земле, другим и от падения с рук везших их, а смерть от голоду всем. Но всё же они устремлялись навстречу такой веренице бедствий.

6. И первые, погибшие от этих причин, не служили прочим уроком, но одни нагоняли других для одинаковой судьбы, и примеры не склоняли к благоразумию, но, боясь тени бед, они бросались в величайшие. Самые же безрассудные следовали за женщинами; то и другое всякий осудит, сами ли они запугивали женщин или не ободряли напрасно страшившихся.

² См. рассказ о разбойных деяниях маратокупренов, жителей деревни с таким названием в Сирии, близ Апамеи, недалеко от Антиохии, у Аммиана Марцеллина (XXVIII. 2. 13). О разбойниках см. также у Либания Or. XIX. 58; XXXIII. 40; XXXIV. 7. — *Примеч. ред.*

³ Cp. orat. XXI, § 20.

7. «Происходил сыск, — говорит он, — и были люди, которые выслеживали преступников». Итак, преступников, а не преступниц. Ведь женщины не творили беззакония и не представлялись виновными и никто не сказал и не слышал, чтобы и женщины вмешивались в речь или дела того злополучного дня.

8. Зачем же понадобилось очищать город и женщинам, из коих немало можно было видеть беременных? Если мужчинам и предстояло подвергнуться какому-либо наказанию и бегство их имело смысл, женщинам никакого основания к тому не было. Но всё же то меньшее, то большее число их, чем мужчин, выезжало, хотя им, конечно, не угрожало, чтобы их предали суду или подвергли бичеванию или аресту.

9. Итак, из-за такого напрасного страха, истратив те, притом небольшие, деньги, какие у них были, на детей, просивших хлеба, не будучи в состоянии дать, оплакивая их, голодающих, они их потом хоронили, затем умирали от той же причины. Ведь даже милостыней им нельзя было раздобыться пропитанием. Дело в том, что не у кого было получить, так как все терпели нужду, разве кто удалялся в свои поместья, но таких было немного.

10. Итак, для женщин нет никакого оправдания, но то же обвинение должно иметь силу и против тех из мужчин, которые не были виновны. Тем, кого совесть не гнала, к чему было бегство, и притом, когда Цельс⁴, всюду справедливый, и в этом процессе оказался таковым? Приступив к наказанию, он заботился не о том, чтобы побольше казнить из здешних жителей, но, чтобы те, кто действительно подлежали возмездью, одни только и потеряли его.

11. Он дал понять попечителям городских участков⁵, что в случае клеветы они сами скорее погибнут, чем те, кого они предадут в качестве преступников. И некоторые, ввиду подозрений в та-

⁴ По всей видимости, это Цельс, упоминаемый в Автобиографии Либания (см. Or. I. 254–255), — консуляр в Антиохии с начала 387 г. — *Примеч. ред.*

⁵ Либаний пишет об эпилеметах (τοῖς τῶν φυλῶν ἐπιμεληταῖς) — главах фил (греч. «попечитель, руководитель»), которые были ответственны за дисциплину, охрану порядка и функционирование различных служб, напри-

ком деле, узрели свои бока полосуемыми ударами, а те, которые по справедливости навлекли на себя обвинение, уличенные с величайшею строгостью, преданы были палачу. Итак, и справедливость судьи устранила всякий неправый страх.

12. «Распространилась, — скажет иной, — молва, что нагрянут воины, чтобы истребить копьями и мечами жителей». Но никто не знает, чтобы когда-нибудь это бывало в случаях проступков со стороны городов⁶. Ведь было бы бессмыслицей желать такого возмездия, какое в убыток налагающему его. А немалый, конечно, убыток государю — погибель города. Тому, кто поступает так в гневе, свойственно, конечно, не щадить и неодушевленные предметы. Какой же царь стал бы подвергать город такому возмездию, которое должно было уменьшить его державу?

13. Впрочем, если бы нечто подобное и было предпринято другими, не следовало бы думать, что последует за ними этот государь, который более рад не наказывать, чем наказывать⁷. Свидетелем того время его царствования, которое знает за ним много случаев прощения во многих местах. Даже тех, кто возжелали самой царской власти и которым приговор делал смерть неминуемую, он спасал и оставлял жить⁸.

мер освещения (см. Or. V. 43–44; XI. 231; 245; XIX. 62; XXIII. 11; XXIV. 26; XXXIII. 35–36). — *Примеч. ред.*

⁶ Несколько позже, в 390 г., подобное, тем не менее, случилось в Фессалониках: восставшие убили *magister militum* Бутарика, за что в городе по приказу императора была устроена форменная резня. Количество жертв было столь велико, что узнавший об этом епископ Медиолана Амвросий, влиятельнейший церковный иерарх того времени, отказался от церковного общения с императором до тех пор, пока тот не принес покаяния. — *Примеч. ред.*

⁷ Сходным образом характер Феодосия описывает автор «Извлечений о жизни и нравах римских императоров» (приписывается Сексту Аврелию Виктору): «Феодосий был кроток, милостив, общителен, он считал, что отличается от прочих людей только своей одеждой; и был блажелателен ко всем, особенно же к хорошим людям... он был щедр и великодушен» (XLVIII; пер. В. С. Соколова). — *Примеч. ред.*

⁸ Действия Феодосия в двух основных междоусобных войнах его правления говорят об обратном. 1) В 388 г. имп. Феодосий выступил против узурпатора Магна Максима, захватившего в 387 г. Италию и изгнавшего Валентиниана II;

14. Следовательно, и тот, кто опасался предоставления имущества в городе в жертву грабежу, что уже делали иные государи, дозволив воинам грабить, предварив их, в какую часть дня должен иметь этот разгром место, и они, мне кажется, боялись без основания. Ведь в отсутствие государей подобное никоим образом не делается, в случае же присутствия, если бы он пожелал и этим путем наказать, закон, говорят, не препятствует.

15. И это можно было слышать от людей, точно осведомленных в этом предмете, какие много раз уже служили военачальниками у царей. Узнав то от них, обходя город, я восклицал: «Что встревожились вы, чем напуганы, что измышляете воображаемые ужасы?», но мои речи признаны были пустыми. Жители уходили, и притом несмотря на то, что тот, кто так говорил, не уходил. Ведь это, да, это самое важное для уверения, дело, следующее за словом, и факт, что я оставался, подтверждавший мои речи.

16. Если бы, действительно, уговаривая других мужаться, сам я поступал бы как те, кто боялись, и переселялся, они, конечно, считали бы более надежным совет, данный на деле. Если же я ничего не менял ни в чем из своих дел, как было до беспорядка, неправы были те, кто не подражал мне, если б только они не стали утверждать, что я жаждал смерти и стремился к кончине от меча.

войска узурпатора были разбиты, а сам он казнен по приказу Феодосия (Socr. V. 14); полководцем Феодосия Арбогастом был также казнен (вероятно, по приказу императора) сын Магна Максима август Виктор, захваченный в Галлии (Prosp. Aquit. Chron. 388). Правда, не исключено, что лично Феодосию эта жестокость была неприятна — Пакат Дрепаний в панегирике имп. Феодосию сообщает, что, увидев пленного Магна Максима, Феодосий опустил глаза и стал говорить с сочувствием (Pan. Lat. XII. 44); впоследствии имп. Феодосий позаботился о дочерях и матери Магна Максима (Ambr. Med. Ep. 40), что, возможно, обусловлено неким родством Максима и Феодосия, о котором упоминает Пакат Дрепаний (Pan. Lat. XII. 24). 2) В 394 г. император выступил против узурпатора Евгения (в 392 г. *magister militum* Западной Империи Арбогаст убил имп. Валентиниана II и провозгласил императором *magister sernii* Евгения), разгромил его войска; сам Евгений был захвачен в плен и немедленно обезглавлен (Zos. IV. 55–58), возможно, однако, с целью побуждения его солдат к сдаче (голову Евгения насадили на копье и показывали его войскам). — *Примеч. ред.*

Но никто настолько не бывает несчастен, если даже он сильно тяготится старостью.

17. Итак, в то время, как выезд большинства населения был недобросовестен, еще больше была вина тех, кто возвышены над толпою, которые бывали правителями городов, администраторами провинций, получивши почести⁹, быв по справедливости обязаны отблагодарить город, где живут, и царство, благодаря коему их уделом являются и слава, и браки, и деньги, всем этим пренебрегши, сколько от них зависело, губили для государя город.

18. Ведь если бы, пренебрегши малолюдством в нем, разбойники, рассеянные по этой области, собравшись в одну шайку и вторгшись в город, стали грабить немного, что осталось, и, наконец, как люди, наслаждающиеся злодеяниями и долгие годы проводившие за такими делами, сожгли, где бы был город, о котором, мы видим, государь много заботится? Но всё же эти люди, важные и разбогатевшие на счет бедности прочих и считающие ужасным, если не будут поставлены на высоту богов, то ночью, то на глазах у всех вывозили такое количество серебра, что нужно было каждому множество повозок, много для каждой мулов, у которых тяжесть груза вызывала стоны.

19. Чего же достойными можно назвать их, которые, предав город и имея в виду лишь свой личный интерес, сложив богатство свое на хранение в другом месте, будучи налегке, готовы были к бегству вон из города? А между тем следовало им и беднякам препятствовать, и удерживать их, то уговорами, то угрозами. Они же одобряли тех, кто так поступал, и говорили, что они, как люди, хотят спастись, как будто бы город обязан был им ответом за то благоденствие, каким они в нем пользовались. Одно только они хорошо сделали, что, в остальное время отрицая свое богатство, теперь изобличили себя как обладатели самого большого, с большим трудом и хлопотами переместив скопленные капиталы в другое место.

⁹ О бегстве богатых граждан с возмущением писал и Иоанн Златоуст (см. примеч. 27 на с. 479 наст. издания). — *Примеч. ред.*

20. А что скажем о юношах или их родителях?¹⁰ Что иное, как не то, что одни ухватились за время для праздности, а родители, обманутые их письмами, поддались убеждению вызвать своими письмами юношей. А они погрешали не в этой только мере, но некоторые, ни письма никакого не послав, ни получив, став сами распорядителями своих действий, по собственному произволу, связав свои сумки, сев верхом, одни наполнили чужие поместья, другие — отцовские, третьи прибыли на попечение своим дядькам и воспитателям, иной матери, другой отца, с трепетом и зубовным скрежетом, часто оборачиваясь, словно кем-либо преследуемые, хотя никто не преследовал и не спешил их схватить, сами же они, в действительности, гонялись за освобождением от занятий словесным искусством. И всё это время проходило у бедняг в еде, питье вина, в нахальстве и сне, добавил бы, и в мольбах, где они просили, чтобы как можно дольше протянулся этот повод к беспечности. А на что в особенности приходилось гневаться, не сказав мне даже того самого, что пора уехать, удалились, но решено было, смолчали, сделали. И тот, кто уже удалялся, побуждал раздумывающего в его медлительности угрозами, трагедиями, Илиадой бедствий.

21. Между тем, кто бы по справедливости не возненавидел этих людей, чувствующих отвращение к столь прекрасному достоянию, словесному искусству, которое даровал Гермес, а возлюбил город Афины и, воспитав, вырастив и украсив, распространил повсюду?¹¹ Оно делает незаметным незнатное происхождение, скрывает безобразие, охраняет богатство, полагает конец бедности, помогает городам к спасению всех, будучи полезнее оружия на войне и могущественнее всякой численности в битвах. Обладающие им нередко соперничают с прорицалищами умением предвидеть будущее. Чем для тех служат вдох-

¹⁰ В результате этого бегства сильно сократилось и количество учеников Либания: сначала до 12, затем до 7 (Or. XXXIV. 14). — *Примеч. ред.*

¹¹ В одной из своих ипостасей Гермес был покровителем красноречия, и именно в этом качестве периодически упоминается Либанием (см. Or. XXIV. 37; XVIII. 75). — *Примеч. ред.*

новения, тем для этих соображение. Только тех, кто отличились в образовании, можно назвать и бессмертными, так как по естеству они умирают, но живут в славе своей.

22. Но всё же эти юноши бежали от образования, дающего столько благ, и ушли к матери бесчисленных зол, лености и изнеженности, считая для себя находкою несчастье города, ничего не боясь, а притворяясь во многом. В самом деле, какой бы правитель выступил против них, какой служитель, какой сосед, какой гражданин, какой пришлец, раз они далеки от поношений, далеки от того, что последовало за таковыми? Ведь когда происходила эта дерзкая выходка и безумие было еще в самом начале, одни бегом ушли домой, другие были там, где я, узнавая о проявлениях тогдашней бури со слов очевидцев, а не собственным наблюдением¹². Как же, следовательно, стали бы их оговаривать?

23. Вот и другое доказательство их недобросовестности. Некоторых любовь к словесному искусству склонила остаться, правда, совсем немногих. Никто их не тронул, ни их, ни педагогов их, ни слуг, и не собирался того делать. Следовательно, были в той же неприкосновенности те, которые не остались, как оставшиеся, потому что тем и другим принадлежало одно и то же право, ввиду того, что они нисколько не участвовали в оскорблениях.

24. Далее, если бы они ненавидели меня за увещания к трудам, кто несправедливее их? Ведь и атлет несправедлив, который так относится к учителю гимнастики за то, что тот говорит о необходимости выдерживать всякий труд. А если бы любили и хотели, чтобы я был жив, и считали, что оставаться небезопасно, почему, явившись ко мне, они не просили меня спастись ради них? Во всяком случае, ничего необычайного нет, что юноша лучше старика усматривает, где польза. Им к славе послужило бы и попрекнуть, и покричать, и употребить все средства слова и воздействия, чтобы увести меня из города; на самом деле, они ускользнули молчком, сегодня быв в моем обществе, а ночью убежав, осудив меня на смерть и не боясь, что мы и не увидимся снова.

¹² В отличие от восстания 354 г., которое ритор описывал, опираясь на собственные впечатления (Or. I. 103). — *Примеч. ред.*

25. Можно понять этих господ еще вот из чего. Когда гнев государя винил сенат и некоторых из адвокатов, а о тех, кто здесь занимаются обучением, нигде не поминал, и соответственный указ был выставлен и всюду ходили о нем разговоры, так что и бежавшим можно было знать о нем, никто из них не проявил радости, и не вздохнул свободно, и не преклонился перед судьбою, и не поспешил к участию в том, чего был лишен.

26. Да что же удивительного? Даже после судов, и следствия, и ареста, отстраняющего прочих, и речи стратега¹³ и судьи, и клятв, устранявших страх, и при этих условиях они не вернулись к занятиям и не с радостью узрели вестников благоприятного положения вещей, но те, кто быстры были в удалении отсюда, медлили возвращением, одержимые более утехой праздности, чем каким-либо рвением, пеняя за быстроту одному из посланцев императора, не затрудняясь бесстыдными словами: «Но уничтожено достоинство города, и он принял вид крепости, и ни ипподром, ни театр не вошли в свою норму».

27. Но что же в том, вы, враги муз? Гораздо лучше город для занятий словесным искусством от того, что подвергся каре, и вредное упразднено, а из действительных благ ничто не повреждено переменою названия¹⁴. Сам я от того стал ничем не хуже для

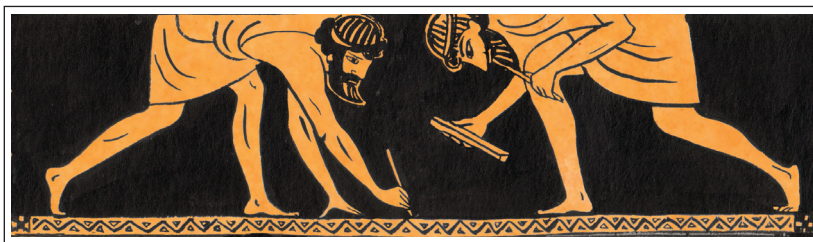
¹³ По всей видимости, именно Еллебих, *magister militum* (ср. Ор. XXI. 7), произнес речь перед толпой жителей города о результатах расследования и приговоре (Ор. XXII. 24). — *Примеч. ред.*

¹⁴ Как сообщает Феодорит, разгневанный Феодосий лишил Антиохию статуса метрополии и предоставил его соседней Лаодикие (Н. Е. V. 20). Христианин Иоанн Златоуст полностью разделяет мнение Либания относительно закрытия ипподромов и театров: «...Это сделал и царь, наложив на город такие наказания, которые не причиняют никакого вреда, а приносят много исправления» (Ном. XVII. 176). Более того, мнения христианского иерарха и ритор-язычника совпадали и в вопросе об утрате Антиохией статуса метрополии: «Ты скорбишь, что у города отнято преимущество? Но пойми, в чем состоит преимущество города... Не в том, чтобы быть главным городом или иметь великие и красивые здания, или многочисленные колонны, обширные портики и места для прогулок, и не в том, чтобы пользоваться большей пред другими городами известностью, но в добродетели и благочестии жителей — вот в чем и преимущество, и красота, и безопасность города» (Ibid.). — *Примеч. ред.*

обычных трудов своих. И те из юношей, которые остались, не жаловались на свое пребывание; отсутствие возможности мыться ничуть не мешает пользоваться книгами.

28. Полагаю, они и мыться будут, и снова узрят город во всей его прежней обстановке, оказавшись лучше вас тем самым, что вынесли вместе со мною и тяжкую для города пору. А вы будете стыдиться почвы, стыдиться ворот, стыдиться места обучения слову, стыдиться меня, если и это чувство еще не пропало в вас.

ПОХВАЛА АНТИОХИИ

Orat. XI F¹

1. Нам обоим, мне, чья жизнь проходит в занятиях речами, и вам, слушателям, естественно мог бы иной поставить в упрек, вам, что, с полным наслаждением любуясь моей мощью в прочих темах и к некоторым из них меня даже направляя, вы не поручали мне одной этой задачи, возвеличить речью наш город, а мне, что, создав сочинения множества видов, какие теперь существуют²,

¹ В литературе существуют различные мнения о том, является ли данная речь Олимпийской (т. е. написанной в честь проводившихся Олимпий), и если да, то к каким Олимпиям, 356 г. или 360 г., ее следует отнести. В настоящее время датировка данной речи опирается на фрагмент из письма Либания 358/359 г. (Ер. 36), в котором он сообщает об уже написанной им речи в честь родного города «согласно обычаю», которую уже слышали во время Олимпий. Датировка этого письма, не связанная с данным фрагментом, свидетельствует, что речь была написана к празднеству 356 г. — первым Олимпиям после возвращения Либания в Антиохию. — *Примеч. ред.*

² Из ранних трудов Либания нам действительно известны сочинения различных видов — панегирики Констанцию и Константу (Or. LIX), цезарю Галлу

и одних восхвалив, другим подав совет, немало раз соревнуя в фиктивных речах³, я остался безмолвным в деле восхваления отечества.

2. Вернее же, вам нельзя поставить в упрек, что вы не ищите хвалителя: восхваление, правда, выслушать приятно, но навязываться на него, пожалуй, не подобает. Меня же прямо постигает обвинение, что в то время, как надлежало бы тотчас уплатить самый дорогой долг, я медлил до сей поры и об остальных вопросах не переставал говорить в городе, а речь о нем самом откладывал, подобно кому-либо, кто, ухаживая за другими на глазах матери, о ней самой забывает заботиться.

3. Ведь и то не имеет достаточных оснований — признавать, что искусством владеешь от вас, и, получив его, не применять его в интересах тех, кто его дали, но в беседах на площади показывать свое превосходство над прочими, а не дерзнуть развить в особом сочинении доказательства этого рода.

4. При таком обилии доводов для желающего упрекать за молчание, все же есть для последнего некоторое оправдание. У того, кто решил не говорить, не было намерения воздерживаться от речи до конца, но перевешивало стремление сказать, и в промедлении заключалась некая надежда на то, что его способность возрастет, с тем успехом, какое дает искусству время.

5. Таким образом, молчание до сих пор вызываемо было чувством почитания, а не пренебрежения, и желанием прославить более подобающе, а не уклонением от прославления вообще, и в смысле речей ничего дальнейшего, в удовлетворение настоящей потребности, сделано не было, но в душе моей найдется оправдание тому, что я не сказал раньше.

6. Далее, у авторов хвалебных речей общепринятым мотивом служит заявление, что величие дел, к которым они приступают

(Ог. I. 97), учителю оратора Зиновию (Ог. I. 105); введения к речам Демосфена; многочисленные декламации; приветствие префекту Стратегию (Ер. 405). — *Примеч. ред.*

³ Cf. Förster, Libanii opera, vol. I, pg. A. (Речь идет о традиционных для риторических школ ораторских упражнениях. — *Примеч. ред.*)

в речи, не под силу их уменью⁴, и просьба слушателям извинить их, если, желая достигнуть их достоинства, они поневоле оказываются слабыми. Я же думаю, что такое оправдание приличествует по всем основаниям мне, а прочим, кто приступали к этой теме, никоим образом.

7. Ведь тем, которые явились из других мест, не было необходимости говорить, но, произнося речь по правилам искусства, они угодили бы, не делая этого, они не сочтены бы были манкирующими необходимою данью. Но кто властен сказать или нет, имея успех, достоин похвалы, при неудаче и оправдания не заслуживает.

8. В самом деле, тот, кому можно было и с самого начала не ставить себя в необходимость отговорки, раз он по доброй воле попадает в такое положение, по справедливости должен быть лишаем отговорки. Мне же, которого принуждают к речи права отечества и кому необходим выбор одной из двух вещей, или, как бы то ни было, сказать, при средствах, какими я располагаю, или быть признанным за плохого гражданина, как же извинение не должно быть к услугам по всем правилам?

9. Ведь если бы была мне возможность доставить достаточно денег⁵, подобало бы, быть может, соблюдая свой долг так, не принимать на себя риска речи. Но так как Судьба отняла у меня возможность отправлять повинности такого рода⁶, а надо проявить

⁴ Традиционная риторическая формулировка, почерпнутая из трудов античных авторов, — ср., например, погребальную речь Перикла, переданную Фукидидом (II. 35. 1–2): «...несправедливо оценку доблести столь многих героев ставить в зависимость от дарования одного человека и от того, будет ли хороша его речь или плоха. Действительно, трудно оратору найти надлежащую меру заслуг там, где вряд ли возможно утвердить в душе слушателей хотя бы доверие к истинности сказанного» (пер. Г. А. Стратановского). — *Примеч. ред.*

⁵ Либаний в данном фрагменте пишет об отправлении литургии хорегии, т. е. организации за свой счет хора для празднества. — *Примеч. ред.*

⁶ К моменту написания речи Либаний уже был назначен решением городского сената официальным риторм Антиохии и, следовательно, имел иммунитет от всех повинностей декурионов. — *Примеч. ред.*

и себя несущим ту или другую дань городу, решимость говорить имеет себе оправдание в боязни молчания.

10. Затем, большинство явившихся слушать, наблюдая настоящее состояние города и ничего не зная о древней его значительности, и одним восхищаясь, а про другое мысля, что того нет, воображают, будто я сразу заведу речь о величине его и о его превосходстве в этом отношении, как будто бы и сам признавал, что город в новые времена преобладает, а в древние уступал другим.

11. Но мне надлежит, сначала почтив воспоминанием те времена, потом уже говорить о современности, чтобы стало очевидным согласие настоящих обстоятельств с былым положением и тот факт, что у кого было в прошлом то, тому и это подобает, и нынешняя известность связана с не меньшей в прошлом.

12. Прежде надо сообщить, кто первые заняли страну, и побеседовать о природе области, о ее климате, о ее положении в отношении моря, ее орошении, какова она по плодородию, и вообще о ее преимуществах этого рода. Как страна есть нечто более раннее, чем ее обитатели, так и восхваление ее должно предшествовать тому, которое будет посвящено племени.

13. Первым и вместе важнейшим мотивом к хвале городу является превосходство земли, как, полагаю, кораблю, когда все прочее его сооружение построено на крепком киле. И этот предмет надо расследовать прежде всего прочего.

14. Я не впаду в ту же ошибку с большинством, которые про всякое место, какое только возьмутся хвалить, силятся доказать, что оно находится посредине вселенной⁷. Ведь, во-первых, если какому-нибудь это выпадает на долю и с этим тотчас связывается и красота, это свойство одного города, потому что прочим быть срединными невозможно. Следовательно, большинство болтает пустое.

15. Затем, если бы срединное положение давало преобладание целому, имело бы некоторый смысл усердие со стороны

⁷ Cp. Plato. Leg. 745 b; Aristides. Or. XIII. 99. — *Примеч. ред.*

соревнующих в этом предмете. Если же в отношении урожая Египет не одно и то же со скалой Дельф⁸, какая надобность доказывать, что восхваляемый тем или другим лицом город — средний, вместо того, чтобы доказывать, что он красив?

16. А вот это именно можно мне молвить о моей родине, что она красивейшее место самой красивой под небом земли. Ведь, по общему признанию, наилучшей на земле является та страна, куда падают первые лучи восходящего бога⁹.

17. Эта часть и для царей является достоянием, стоящим борьбы, и у кого она есть, тот, в силу того, и заметнее, и имя его, достигая слуха всех людей, приносит с собою какую-то прелесть, наполняет души утехой, как те из снов, что радуют спящих призраками садов¹⁰.

18. А первым местом всего Востока, имеющего такое значение, принадлежит нам. Ведь прочим земля одно дает, другого не дает, или, клянусь Зевсом, дает всяческие продукты, но, вследствие чрезмерности климатических условий, не чужда удручающего воздействия, или и этого избегает, но ослабляет прочее благовременье скудостью орошения.

19. У нас же все соревнует одно с другим, почва, влага, благорастворение времен года. Именно, ровная почва, напоминающая морскую поверхность, глубока, жирна и мягка, легко уступает пугам, податливо превосходит ожидания земледельца, одинаково пригодна для посева, пригодна и для садоводства и хорошо

⁸ Имеется в виду омфал (греч. «пупок») — упавший с неба камень, находившийся в Дельфах в святилище Аполлона. Он считался надгробием Пифона (или Диониса) и центром мира, поскольку над этим камнем встретились два орла, пущенные Зевсом с востока и запада для определения центра мира. Золотые изображения этих орлов были укреплены на штыре, вбитом в омфал. Наиболее раннее описание этой мифологической концепции мы встречаем у Пиндара (Puth. IV. 3–5). — *Примеч. ред.*

⁹ Гелиоса, бога Солнца. Данное выражение является также традиционным риторическим оборотом и восходит к Менандру (Rhet. III. 345). — *Примеч. ред.*

¹⁰ См. аналогичные тезисы в «Толкователе снов» Артемидора (II. 25; IV. 11). Либаний сам верил в значение снов и придавал большое значение их толкованию (Or. I. 67, и особенно 245). — *Примеч. ред.*

приспособлена к урожаю от того и другого, деревья поднимая ввысь в срок, а колосья давая выше, чем у других деревья, обилие плодов, причем красота их опережает обилие.

20. Нет недостатка ни в чем, потребность в чем чувствуется, но, назовешь ли Диониса, он у нас преизбыточествует, назовешь ли Афины, ее растением кудрявится земля. Поэтому большое количество вина течет отсюда к соседям, гораздо больше еще оливкового масла везут всюду на грузовых судах¹¹.

21. Деметра возлюбила нашу страну настолько сильнее, чем Сицилию¹², что Гефест изобразил на щите золотую пашню¹³, а она нам немалую долю земли сделала схожею с золотом по цвету и вместе плод такой, какого не получить из другого места, и то поистине дар желтокудрой богини¹⁴.

22. Горы же у нас одни в стране, другие вокруг нее, третьи, пересекающие равнину, одни широкие у входа, другие смыкающиеся в конце. Из них одни выделяются своим внешним видом, среди равнины поднимаясь в высоту, другие своею плодоносною почвою соревнуют с равниной у их подошвы, и в не меньшем почете те земледельцы, которые трудятся, погоняя свои запряжки

¹¹ Дионис в греческой мифологии был богом в том числе виноградарства и виноделия, а священным деревом Афины были оливки. — *Примеч. ред.*

¹² Деметра в греческой мифологии была богиней плодородия и земледелия, и в западногреческой традиции, широко распространенной в римскую эпоху, Сицилия считалась местом жительства Деметры и ее дочери Персефоны. Сицилия часто именовалась «островом Деметры» вследствие плодородия своих земель. — *Примеч. ред.*

¹³ Либаний имеет в виду созданный Гефестом щит для доспехов Ахилла: «И вначале работал он щит и огромный и крепкий, Весь украшая изящно... Сделал на нем и широкое поле, тучную пашню, Рыхлый, три раза распаханый пар; на нем землепашцы Гонят яремных волов, и назад и вперед обращаясь... Нива, хотя и золотая, чернеется сзади ороющих, Вспаханной ниве подобясь: такое он чудо представил. Далее выделал поле с высокими нивами; жатву Жали наемники, острыми в дланях серпами сверкая...» (XVIII. 478–479; 541–543; 548–551; пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

¹⁴ Ср. Homer. II. V. 499–501: «Так, если ветер плевры рассеивает по гумнам священным, Жателям, веющим хлеб, где Деметра с кудрями золотыми Плод отделяет от плев, возбуждая дыхание ветров...» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

близ вершин¹⁵, но, что в других местах растит лишь равнина, то у нас родят и горы, а что у других свойственно давать одним горам, то у нас рождается и на равнинах.

23. Действительно, не существует разграничения поверхностей в отношении одной [гор] к росту древесных насаждений¹⁶, другой [равнины] к посеву, но на одних и тех же пространствах можно увидеть и высокие деревья, и под деревьями цветущие пажити, скорее же, страна и показывает то и другое в отдельности, и дает сочетание обеих культур, т. е. та часть земли изобилует пшеницей, другая виноградниками, иная же совокупляет всё.

24. И то обстоятельство, что горы не отстают от равнин по урожаю, не дает места голоду, не позволяя ему так скоро возникнуть¹⁷. В самом деле, в случаях климатических аномалий вред их сказывается не одинаково в обеих областях. Недостаток, сказывающийся в низменности, нередко умеряется в местах возвышенных, и вред чего чувствуется здесь, того низменность избегает, так что большею частью жизненные средства обеспечены, причем или благоденствует всякая область, или во всяком случае одна из двух [то горная, то низменная].

25. Те же из гор, которые по свойствам своим бесплодны, приносят добыток другого рода. Одни своими каменоломнями ставят стены городу, другие кроют здания лесным материалом и в прочем способствуют работе и, сверх того, дают топливо хлебопекам и баням, что обеспечивает и поддержание жизни, и негу.

26. Пастбища же мелкого скота служат к пропитанию людей, и ничего в стране не брошено праздным, как бывает в увечных

¹⁵ Например, Страбон, описывая сирийский город Лаодикею, подчеркивает, что жители города засадили виноградниками практически все горы, возвышающиеся над городом — почти что до вершин, самые дальние из которых удалены от Лаодикий на значительное расстояние (XVI. 2. 9). — *Примеч. ред.*

¹⁶ В частности, Страбон сообщает, что горы в районе Дамаска и в области Трахонитиды являются зоной произрастания большого количества плодовых деревьев, дающих прекрасные плоды (XVI. 2. 16). — *Примеч. ред.*

¹⁷ На глазах Либания Антиохия была поражена двумя продолжительными голодовками — 362–363 гг. и 382–385 гг., а также периодическими локальными дефицитами продовольствия. — *Примеч. ред.*

телах, но та область дает щедрую отплату за труды, другая, без трудов, приносит дары свои.

27. Далее, сколько рек протекает по стране, кто в силах был бы счесть, больших ли, меньших, неиссякающих или появляющихся зимою, но всех одинаково полезных, одних, берущих начало в горах, других, с истоками в равнине, одних, впадающих одна в другую, других, текущих в озеро¹⁸, третьих, направляющихся в море?¹⁹

28. Их источники и обилие их водою нам точно известны и нет никого, кто был бы столь смел и так надменен перед Нимфами, чтобы отважиться утверждать, будто обладает в этом отношении одинаковыми условиями.

29. И к услугам такой-то нашей земли гармонично двигаются в своем хороводе Горы²⁰, не портя какими-либо неприятностями со своей стороны угождения, доставляемого ею. Ни зима не прихватывает своекорыстно весенней поры, ее усладу преобразуя в свою суровость, ни лето не затягивается, в подобном же стремлении, на зиму, устраняя пору, что бывает в промежутке между ним и ею, но каждое время года остается в своих границах, отделяет себе от года равную меру и с приближением последующего отходит. А что всего важнее, времена года, чувствительные для тела избытком, одно холода, другое жары, подавляя здесь свою чрезмерность, стремятся походить на более мягкие.

30. И мне представляется, что, как бы вступив в соглашение друг с другом, они уделяют друг другу свои свойства, зима

¹⁸ Если Либаний под термином «страна» имеет в виду область, именуемую Страбоном как «Селевкида» или «Тетраполис» (страна 4 городов — Антиохии, Селевкии Пиерии, Апамеи и Лаодикеи — XVI. 2. 4), то в данном случае речь идет об Апаmee: город расположен на холме на берегу реки Оронт, впадающей в широкое озеро (XVI. 2. 10). — *Примеч. ред.*

¹⁹ В море (Средиземное) впадает главная река данного субрегиона — Оронт, рядом с широкой дельтой которой находилась Селевкия Пиерия. К востоку от Антиохии протекал Евфрат с притоками, а по хоре Антиохии протекали воды притоков Оронта, Аркевфа и Лаботы (Strabo. XVI. 2. 8). — *Примеч. ред.*

²⁰ Оры — в греческой мифологии богини времен года, три дочери Зевса и Фемиды. Хоровод Ор символизирует смену времен года. — *Примеч. ред.*

в своей мягкости и сносности проявляет некоторую сопричастность лету, лето же от нее воспринимает столько, сколько надо, в противовес удручающему действию зноя.

31. Дождей зима доставляет земле до насыщения, холод отстраняя, а она выгоняет всходы и возвращает их летними ветрами, спасающими людей и колосья от вредного воздействия жара. Поэтому нам одним дано наслаждаться каждым данным временем года и с охотой встречать наступающее новое, благодаря тому, что всякое заключает некое благорастворение и приятность.

32. А из прочих большинство одни жалуются на весь оборот года, другие, располагая одними временами лучшими, другими не такими, испытывают то же, что люди, которые после мира подвергаются войне, когда пора, более благоприятная, выполнив свое назначение, проходит, а наступает более тяжкая, и раньшее, чем насладиться в свое удовольствие, они скорбят, будучи не в состоянии задержать отходящее и трепеща перед наступающим. Из них одно время года заставляет истекать потом и валяться около источников, другое, равным образом страдая, проводить дни на постелях, запертыми снежной непогодой.

33. Одним нам и настоящее время года приятно, и ожидаемое не менее приятно, но одно минует, порадовав, другое подходит, принося с собой то же, и мы ничем не разнимся от путников, что идут всё по тем дорогам, которые, с начала до конца перемежаясь тенистыми источниками и местами отдохновения, делают прохожему путь его приятным.

34. При такой нашей доле со стороны времен года, наше положение по отношению к морю таково, что, если бы не пришлось нам располагать им, я поставил бы это в недочет. Именно: мы ни удалены от моря на расстояние нескольких дней пути²¹, ни расположены на самом побережье.

35. Насколько то и другое положение невыгодно для города, я объясню это вкратце; скорее же, насколько невыгодно быть совсем лишенным моря, то очевидно всем, и кто назвал бы так

²¹ Страбон сообщает, что путешествие от моря вверх по реке Оронт до Антиохии занимает один день (XVI. 2. 7). — *Примеч. ред.*

расположенный город одноглазым²², не ошибся бы; но требует доказательства выгода для него не лежать при самом море.

36. Так вот, во-первых, лежащим на побережье неизбежно бояться всех тех наводнений, какие производит море, и быть лишенным чувства безопасности, ввиду примеров потопления селений.

37. Потом, тем, кому возможность глядеть на хребет моря и плывущие суда, слышать команду кормчих²³ представляется способной увеселять, она, в действительности, доставляет не больше радостей, чем скорбных впечатлений, когда гонимый волнами прибой топит суда на глазах недавно наслаждавшихся людей и команды моряков превращает в вопли, а город наполняет толками о кораблекрушении²⁴.

38. А самое важное, в смысле невыгоды, это, что приморскому городу неизбежно преизбыточествовать грубостью матросских привычек, беспорядками людей низменных качеств, скоморошескими кликами и прочим, что способно портить и развращать нравы городов. Одних, прибывающих с чужбины, он будет принимать, других сам будет отправлять в плавание. Негодность же этого элемента затем распространяется на всю массу населения.

39. Но нам наше положение, предоставляя пользоваться благами от моря, дает возможность не заражаться дурными его

²² Это аллюзия к цитате из «Риторики» Аристотеля: «Из четырех родов метафор наиболее заслуживают внимания метафоры, основанные на аналогии... И Лептин по поводу лакедемонян [говорил], что он не допустит, чтобы Эллада стала крива на один глаз» (1411 а 4; пер. Н. Платоновой). Лептин называл Афины и Спарту глазами Эллады и полагал, что афиняне должны помочь спартам, потерпевшим поражение от армии Фив. — *Примеч. ред.*

²³ См. выше, стр. 126 [167–168], § 7.

²⁴ Так, в анонимном трактате IV в. *Expositio totius orbis et gentium* сообщается, что имп. Констанций II был вынужден провести масштабные земляные работы и фактически создать новый порт в Селевкий Пиерии, поскольку ранее в порту и на рейде часто тонули корабли с казенными товарами. В том же параграфе автор трактата сообщает, что именно Селевкия была морским портом Антиохии (28). — *Примеч. ред.*

влияниями, и с континентальными жителями мы застрахованы от порчи, а с приморскими²⁵ пользуемся выгодами от моря.

40. И от последних мы нимало не отстаем по обилию продуктов, а от первых по скромности нравов, и, обладая тем, чем, представляется, славятся те и другие, мы избавлены от того, за что тех и других хулят. Поэтому те в одном имеют преимущества над другими, в другом им уступают, мы же, разделяя превосходство каждой стороны над другою, не уступаем ни одной из двух.

41. От гаваней мы настолько удалены, что море соблюдает нас чистыми от приморских зол, а участниками благ, поступающих от моря, делает. Именно, отделяет нас расстояние в сто двадцать стадий²⁶, так что человек, двинувшись отсюда налегке, с восходом солнца, принесет оттуда то или другое еще в полуденную пору.

42. Итак, касательно свойств почвы, благорастворения воздушов и положения относительно моря сказано, пожалуй, достаточно. Вслед за сим следовало бы распространиться относительно благородной породы засельников земли, и первых, и вторых, и тех, что последовали за ними, и показать всем, что лучшая страна стала достоянием лучших людей, как хорошо построенный корабль — хороших моряков.

43. Может быть, при этом покажется, что я говорю дольше подобающей меры, но все же изложена окажется лишь малая часть того, что можно сказать на эту тему. Причина тому обилие древних событий, благодаря коему, несмотря на умолчание о большинстве их, то, что сказано, не может не показаться длинным. Итак, точные сведения сохраняют исторические труды²⁷, нам же, для данного момента, надо сказать, сколько подобает.

²⁵ Автор *Expositio* сообщает, что антиохийская морская торговля и снабжение казенными товарами шло, в основном, через Селевкию и, частично, через Лаодикею (27–28). — *Примеч. ред.*

²⁶ Страбон уточняет, что 120 стадий — это расстояние от Антиохии до Селевкии Пиерии (XVI. 2. 7). — *Примеч. ред.*

²⁷ Среди исторических трудов, которые были источниками Либания, называют Посидония, Николая Дамасского, а также «Пир софистов» Афиней. Иоанн Малала упоминает местные антиохийские хроники (*Chron.* 28–30), которые явно должны были быть известны Либанию. — *Примеч. ред.*

44. Инах был сыном Геи и отцом Ио²⁸. С этою Ио, став ее поклонником, вступил в связь Зевс. Так как от Геры это не укрылось, она превращает девицу в телицу, и так он сошелся с нею. Гера же, узнав и это, поражает телицу оводом, и началось ее бегство через тот и другой материк²⁹.

45. Разыскивая свою дочь, не будучи в состоянии найти ее и желая схватить, Инах спускает в море корабли и, посадив как прочих аргивян, поминаемых в сказании, так и Триптолема³⁰ — вождем всей экспедиции, послал их на розыски исчезнувшей дочери³¹.

²⁸ Инах — в греческой мифологии царь Аргоса и речное божество реки Инах в Аргосе. Согласно классической традиции, он был сыном Океана и Тефиды. По преданию, в споре Посейдона и Геры Инах отдал предпочтение богине и построил ей в Аргосе храм, жрицей которого была Ио. — *Примеч. ред.*

²⁹ Согласно классической версии, Зевс влюбился в Ио, и когда Гера обвинила его в неверности, Зевс превратил Ио в белую корову. Гера потребовала эту корову себе и поручила ее охрану Аргосу, сыну Инаха, который привязал корову в Немейской роще. Чтобы освободить Ио, Зевс направил Гермеса, который усыпил и убил Аргоса. В отместку Гера наслала на Ио овода, который жалил и гнал ее по миру. Спасаясь от овода, Ио отправилась в Додону и вскоре достигла моря, которое в ее честь стали называть Ионическим. Затем она отправилась на север, оттуда через дельту Дуная обошла вдоль берега весь Понт Эвксинский, достигла Малой Азии, оттуда отправилась в Мидию, Бактрию, Индию, затем прошла всю Аравию и через Эфиопию достигла Египта. Здесь Зевс вернул ей человеческий облик, и Ио родила от Зевса сына Эпафа. — *Примеч. ред.*

³⁰ В греческой мифологии Триптолем — сын элевсинского царя Келея, герой, которому Деметра подарила золотую колесницу с крылатыми драконами и дала зерна пшеницы. Разъезжая по всему свету, Триптолем засеял землю и обучил этому людей. Появление Триптолема в данном цикле неудивительно, учитывая его тесную связь с почитаемой в Антиохии Деметрой (см. § 21). — *Примеч. ред.*

³¹ Здесь у Либания более четко выражены следы антиохийской мифологической традиции, подробно изложенной в хронике Иоанна Малалы (28–30). Согласно данной версии, Инах, царь Аргоса, назвал свою дочь Ио в честь луны, которую под данным именем аргоссы почитали. Западный царь Зевс-Пикус (греч. «дятел») отправил своих слуг украсть Ио и овладел ею в своем дворце. Ио родила ему дочь по имени Ливия и сбежала в Египет, но там правил сын Зевса Гермес, и Ио была вынуждена бежать в Сирию на гору Силпий, где она умерла от горя и позора. Тем временем Инах послал братьев и других родственников Ио ее искать. Взяв в проводники Триптолема, посланцы стучались

46. Они же пересекали всякий морской путь, проплывали всякий пролив, огибали всякое побережье, высаживались на островах, обыскивали берега, проникали и вглубь материка³², решившись скорее умереть, чем прекратить поиски.

47. Когда они пристали и к этой области, высадившись с кораблей, — а была ночь, — поднялись на гору к кое-каким обитавшим там поселенцам и, приблизившись к домам, стали стучаться и расспрашивать об Ио. Встретив гостеприимство и стосковавшись по земле, они закончили тут свое плавание, рвение к поискам изменив для оседлой жизни, то, к чему спешили, оставив, а понравившуюся им страну признав ценнее своей цели, ради коей они отправились в плавание.

48. Это значило не Ио только пренебречь, а пренебречь собственной родиной. Ведь им было сказано наперед лицом, их посылавшим, или привезти девицу, или и самим не возвращаться. Поэтому, прекращая розыски, они добровольно лишали себя отечества.

49. Итак, если б они решили остаться, приплыв к крайним пределам земли, когда ничего уже не оставалось для обыска, причина тому сводилась бы к нужде, а не к любви к земле. Но так как было еще много земли, где была некоторая надежда на отыскание, когда они так решили, те, кто предпочли этим надеждам остаться, отдавали, очевидно, предпочтение чужбине перед родиной, так очаровала их эта страна.

50. И как только они коснулись земли, они всецело привязались к ней, и любовь к отечеству уступила место восхищению страной, их пленившей. Я бы не желал, чтобы Гомер, явившийся

во все двери в Сирии, крича: «Да упокоится дух Ио!». Наконец, они пришли на гору Силпий, где призрак в облике коровы сказал им: «Это я, Ио». Посланцы сочли, что здесь могила Ио, и основали город Иополь, впоследствии ставший Антиохией. По словам Малалы, жители Антиохии в честь Ио раз в год стучатся друг другу в двери и выкрикивают те же слова. — *Примеч. ред.*

³² Согласно данным Страбона, также передающего местную традицию, Триптолем сначала блуждал по Киликии, где несколько его спутников покинули героя и основали Тарс, а лишь затем, двигаясь вдоль побережья, остановился в местности у реки Оронт (XVI. 5. 2). — *Примеч. ред.*

позже их, утверждал, что для человека нет ничего слаще отечества, но ввиду приговора ахейцев даже заявил обратное, что нередко лучшая местность, привлекая души людей, изгоняет память об отечестве.

51. Итак, этот Триптолем, на поисках аргивской девицы поселившийся приведенных им людей, построил город у подошвы горы и храм Зевса в городе, придав ему наименование Немейского, а имя городу дал Иона³³, по имени дочери Инаха. Ту, бросив поиски коей, они основали город, они почтили в наименовании города. И когда уже начали обрабатывать землю и снимать плоды, они переименовали немейского в «эпикарпия» [споспешествующего росту плодов].

52. И вот Триптолем, заложив первое основание городу, переселяется в иной мир и в культе ему его сопричислили к героям³⁴. Бог же, которому по мысли была постройка города, желая его увеличить из лучшего из родов, побуждает Каса с Крита³⁵, человека достойного, и приводит его сюда, а за ним следовала отборная группа критян.

53. Явившись, они нашли аргивян более податливыми, чем своих сородичей. Ведь Минос их изгнал из зависти³⁶, а аргивяне приняли с охотою, разделили с ними город и область и всё то,

³³ Малала именует этот первый город Иополем. — *Примеч. ред.*

³⁴ Cf. Strab. XVI, pg. 750. (В честь Триптолема жители Антиохии справляли праздник на горе Касий (на той ее части, которая была обращена в сторону Селевкии Пиерии), где находилось святилище героя. — *Примеч. ред.*)

³⁵ Cf. Malal., pg. 201, 19. (Упомянутый бог — Зевс. В данном случае перед нами мифологическая основа возникновения культа Зевса Касия на горе Касий. При этом стоит учитывать, что согласно другой местной традиции, передаваемой Павсанием Дамасским (FHG. IV. fr. 4), Касий сам был сыном Инаха. — *Примеч. ред.*)

³⁶ Согласно греческой мифологии, с Миномом связаны легенды об основании некоторых малоазийских областей — так, основателем и первым царем Ликии был брат Миноса Сарпедон, изгнанный с Крита Миномом, а основателем Милета в Карики был сын Аполлона и нимфы Ареи Милет, который находился в конфликте с Миномом, приняв сторону Сарпедона. Вероятно, предание о Касе было в русле данной традиции, учитывая географическую близость Антиохии к малоазийскому побережью. — *Примеч. ред.*

чем сами пользовались. Однако Кас не менее, чем пользоваться благодеяниями, умел благотворить. Заметив, что большинство законов Триптолема изменилось, он их вернул и заселил Касиотиду.

54. Расширяя свои планы, он берется приобрести для города расположение киприотов и женится на дочери Саламина, бывшего тираном киприотов³⁷. При переезде девицы³⁸ с нею шел флот, провожая невесту по морю. Когда же они вкусили нашей страны, они покинули остров и вошли в состав города.

55. Признаком того, насколько Кас прославился своею доблестью, можно считать то обстоятельство, что владыка такого острова с охотою завел с ним брачные связи, а признаком гуманности Каса то, что везшие девицу предпочли своим самым близким людям его заступу.

56. Говорят, и некоторые из Гераклидов³⁹, во время гонения на них Эврисфея⁴⁰, ведя с собой многих из элейцев, пренебрегши

³⁷ Легенда о царе Саламине восходит, вероятно, к традиции о прошлом Саламина, самого крупного из эллинских полисов на Кипре, основанного, согласно преданию, после Троянской войны лучником Тевкром, сыном Теламона. — *Примеч. ред.*

³⁸ По информации Малалы (201), невесту звали Амика, и в честь нее была названа равнина недалеко от города. — *Примеч. ред.*

³⁹ Cf. Malal., pg. 204, 9. (Гераклидами именуются сыновья Геракла и Деяниры — Гилл, Ктесипп, Гленн, Онит и дочь Макария. Вместе с ними из Аргоса бежали племянник Геракла Иолай и мать Геракла Алкмена. Из них Гилл погиб позднее, в единоборстве с царем Тегей Эхемом; Иолай умер и был похоронен в Фивах, где в честь него были учреждены игры; Макария добровольно принесла себя в жертву во время войны с Эврисфеем; Алкмена умерла в Фивах или Мегаре. Легенды о судьбе Гераклидов многовариантны, и предание о походе в Сирию вместе с отрядом элейцев относится к одной из таких версий. — *Примеч. ред.*)

⁴⁰ Эврисфей, внук Персея, сын Сфенела и Никиппы, был царем Аргоса и приходился Гераклу двоюродным братом. Согласно классической традиции, именно по его приказу Геракл совершил ряд своих подвигов. После смерти Геракла Эврисфей преследовал его потомков, которые бежали от него сначала в Трахину к царю Кеику. Эврисфей потребовал их выдачи, и Гераклиды отправились в Атику, где искали сения в храме Зевса на Марафонской равнине. Царь Афин Демофонт, сын Тесея, отказался выдать Гераклидов, и Эврисфей пошел на Афины войной, но потерпел поражение, попытался спастись бегством, но

всею Европою и из Азии прочею частью, здесь положили конец своим испытаниям, здесь обосновались и воздвигли пригород Гераклею.

57. Обратим здесь внимание на благородство происхождения, на то, как лучшие в каждой местности элементы стеклись сюда, как будто в город, выделенный среди других божествами для приема людей, достойных удивления, на то, как у нас одних корни сочетали в одно то, что было почтенного у каждого племени, древность аргиев, критское благозаконие, царский род с Кипра, отпрыск Геракла.

58. А кого мы приняли из Афин и с какими смешались прочими эллинскими племенами, об этом будет речь, когда слово мое, в дальнейшем своем изложении, дойдет до них.

59. Сейчас же надо сказать о том, как город с древней поры внушал чувство почтения и персидскому царству. И, клянусь Зевсом, он был в чести у персидских богов и раньше их у ассирийцев. Так, Камбиз шел войною на Египет⁴¹, и была при нем жена⁴² его Мероя⁴³. Расположив свою ставку в месте, которому женщина эта

у Скиронских скал был настигнут Гиллом и убит (по другой версии Эврисфей был взят в плен Иолаем и казнен по приказу Алкмены). — *Примеч. ред.*

⁴¹ Камбиз, сын Кира, был вторым царем Ахеменидского царства. Он занял трон в 530 г. до н. э. после гибели отца в походе против массагетов. В 525 г. до н. э. Камбиз предпринял поход против Египта, который завершился завоеванием этой страны. — *Примеч. ред.*

⁴² Согласно данным весьма информированного источника Геродота, все жены Камбиза и его сестра Атосса во время египетского похода оставались в Персии, в гареме (III. 68–69), поэтому в данном случае речь может идти о наложнице. Другие источники говорят о том, что Мерое была сестрой Камбиза и принимала участие в его походе, во время которого умерла (Strabo. XVII. 1. 5; Joseph. Ant. Jud. II. 10. 5; Diod. I. 33. 1). Геродот упоминает неназванную младшую сестру Камбиза, с которой он жил как с женой и которая сопровождала его в Египет, где Камбиз ее убил — по версии эллинов, приказав умертвить, по версии египтян — случайно, распалаясь гневом на нее (III. 31). — *Примеч. ред.*

⁴³ Имя этой жены/сестры Кабиза связано с наименованием города и страны в верховьях Нила (Мероэ — город на полуострове на берегу Нила, к югу от 5 порога). Некоторые источники сообщают, что во время похода в Нубию, после завоевания Египта, Камбиз достиг этого города и переименовал его из Савы в Мерое, в память о своей сестре, умершей здесь (Strabo. XVII. 1. 5;

дала свое наименование, она явилась в храм Артемиды⁴⁴, чтобы принести жертву, а храм этот воздвигла богине ассирийская владычица Семирамида⁴⁵.

60. Увидав, что крыша от ветхости отказывается служить, она обращается к Камбизу с просьбой поправить пострадавшую часть здания. А тот поднял храм выше надстройкою стен и обнес оградой в размере, достаточном для вмещения праздничного собрания, а самому празднику дал название по жене своей. Та же предоставила божеству наделы и назначила женщин для попечения о нем и наполнила храм персидской роскошью, посвятив в дар ему троны, и ложа, и луки, все золотое.

Diod. I. 33. 1; Joseph. Ant. Jud. II. 10. 2). Не вдаваясь в оценку достоверности данных сообщений, отметим, что название пригорода Антиохии могло быть связано с выходцами из Мерое, которые могли быть поселены здесь в том числе персидскими владыками, известными своей переселенческой политикой (уже в Бехистунской надписи Дария I, преемника Камбиза, среди покоренных стран названа страна Куш (Нубия)). — *Примеч. ред.*

⁴⁴ Мероя — пригород к востоку от Антиохии, где располагался храм Артемиды (см. о нем Og. V. 42–44). Как сообщается в житии Симеона Столпника, деревня Мерое находилась в 5 милях от города. — *Примеч. ред.*

⁴⁵ В данном случае в антиохийскую традицию была инкорпорирована ближневосточная легенда о Семирамиде. Согласно преданию, один из царей Ассирии, Нин, был удачливым полководцем, покорил множество земель и основал столицу Ассирии, назвав ее в свою честь Ниневией. Нину служил воинственный правитель Сирии Оанис, который был женат на дочери сирийского божества Деркото — красавице Семирамиде, выросшей в каменистой пустыне недалеко от Аскалона (т. е. в Палестине; древний Аскалон был центром культа Деркото, именуемой в греческой ипостаси Афродитой Уранией). Во время одного из походов Семирамида помогла своему мужу в штурме крепости, и Нин, пораженный ее красотой и храбростью, сделал Семирамиду своей женой. Перед смертью Нин назначил Семирамиду своей преемницей. Став полновластной правительницей, Семирамида прославилась не только военными походами, но прежде всего многочисленными прекрасными постройками — был сооружен город Вавилон с висячими садами, гигантскими стенами, прекрасными храмами; был прорыт туннель в горе Оронт, чтобы проложить дорогу в Мидию; в Мидии была построена столица Экбатаны с роскошными дворцами, куда воду подавали через туннель из горных озер. По всей вероятности, именно к этому периоду деятельности Семирамиды традиция причисляла возведение храма Артемиды на «родине» ассирийской царицы. — *Примеч. ред.*

61. По завершении этого, насельникам Ионы пришло на мысль спуститься к Камбизу. Когда же доложили ему люди, к тому при- ставленные, он призывает их к себе и спросил, откуда они и с чего это вздумалось им занять его владения.

62. Узнав же, откуда они прибыли, и о тех приключениях, которые привели их, и подивившись тому, что они предпочли сойтись с ним, а не остаться незамеченными им при его проходе, так расположился к ним, как будто не он имел право требовать признательности их, занимавших его землю, но сам обязан был им таковою за их поселение. Свидетельством этого служит то, что, дав дары, он отпустил их как благодетелей своих.

63. Пускай же, кто хочет, говорит о свирепости Камбиза и о его безумии⁴⁶. Тем более проявится, что предки наши жили с богами и под покровительством богов. То обстоятельство, что человек, ко всякому относившийся гневно и наслаждавшийся жестокостью, при виде их преодолел свою натуру и не рассердился на греков, занимавших землю царя⁴⁷, как же не было прямо делом кого-либо из богов, провожавшего их к ставке и устраивавшего то и другое, им, чтобы они не боялись, ему, чтобы он не ожесточился, и их освобождая от страха, а его гнев успокаивая?

64. Да к чему подтверждать свои слова доказательствами, опустив такой очевидный факт: у богов это место издавна излюбленное. Ведь тот бог, которого персы признают величайшим (и под чьим водительством они предпринимают свои походы,

⁴⁶ Либаний прямо намекает на рассказ Геродота: после того, как Камбиз совершил кощунство, убив священного быка Аписа и запретив празднество в честь него, царь был поражен безумием и приказал убить своего брата Смердиса, заподозренного в покушении на царскую власть, а также свою сестру, которую Камбиз сделал своей женой и которая сопровождала Камбиза в Египет (III. 29–33). — *Примеч. ред.*

⁴⁷ Столь явное почтение к имуществу «царя» связано с реалиями IV в., когда куриалы могли лишь арендовать императорские земли, которыми ведало *res privata*, выплачивая ренту за их использование. Эта рента вносилась деньгами и предназначалась для расходов императора. Имперское ведомство, которое управляло этими землями, возглавлял *comes rei privata*, и оно имело большой штат провинциальных служащих (*rationales res privatae*). — *Примеч. ред.*

а по-персидски его зовут Митрой⁴⁸), Гелиос, после того как Камбизом овладел сон, в первом его забытии, став над его головою, говорил с ним во сне, повелевая оставить его там и не увозить в Египет, предсказал, что место это воспримет город, создание македонцев.

65. Камбиз же поступает угодно богу и поблизости от Артемиды водворил брата⁴⁹, и таким образом место это получило бога персов поселенцем, и поклонником, и предвещателем грядущей судьбы, причем Камбиз не испытал пред прорицанием никаких таких чувств, какие обыкновенно внушает зависть.

66. И вот те, кто восхваляют Афины и город коринфян, представляют борьбу из-за города между богами, из-за Коринфа Гелиоса с владыкою моря⁵⁰, из-за Аттики Афины с тем же самым богом⁵¹, и чуть не разрешают стройность всего произведения в дерзость своей теомахии [«борьбе богов»], возвеличивая прославляемые ими города нечестивыми хвалами и выполняя услугу, внушаемую расположением, посредством оскорбления боже-ству, не сознавая, что одним этим вымыслом отнимают веру и в прочие свои похвалы.

⁴⁸ Так по вероятной конъектуре Förster'a, s. t. В тексте: «*campanii* под покровительством его (бога)». (Митра — древнеиранский мифологический персонаж, выступающий также как бог солнца. Ахемениды почитали Митру — он упоминается в надписях Артаксеркса II и Артаксеркса III, а Ктесий сообщает о жертвоприношениях Митре, совершаемых персидскими царями. Согласно Птолемею, Митра, как солнечный бог, почитался во всех областях от Инда до Ассирии (II. 2). — *Примеч. ред.*)

⁴⁹ Речь идет об Аполлоне, брате Артемиды, который в одной из своих ипостасей (Феб, греч. «лучезарный») является божеством солнца и света. Святилище Аполлона находилось в другом пригороде Антиохии, Дафне. — *Примеч. ред.*

⁵⁰ Согласно коринфской легенде, Посейдон вступил в спор с Гелиосом из-за области Коринфа, и третейским судьей в споре стал Бриарей. Исмийский перешеек и окрестности Бриарей присудил Посейдону, а вершины над городом Коринфом (Акрокоринф) он отдал Гелиосу (Paus. II. 1. 6). — *Примеч. ред.*

⁵¹ Согласно афинскому преданию, Посейдон и Афина поспорили из-за Аттики. Посейдон даровал источник на Акрополе, а Афина — оливковое дерево. Победа была присуждена Афине (см. Her. VIII. 55). — *Примеч. ред.*

67. А нам боги стали поклонниками, а войны у них друг с другом нет у нас никакой, да это и недозволительно. Поэтому, что и в обстоятельствах среди греков является подобающим, налицо и здесь, а о чем и у них лучше не было бы сказано, на то здесь не дерзнули.

68. Поэтому те, кто тогда заселяли Иону, в постоянной смене отцов детьми, соблюдая справедливость в отношениях друг с другом, снискивая средства жизни в земледелии и воздавая должное богам, обитали со всяким благоденствием, представляя посреди варварской страны греческий город, и соблюдали чистоту нравов среди такого недуга кругом, подобно тому сказанию, господствующему на Алфее, которое следит реку с Пелопоннеса до Сицилии посреди моря, причем воды ее не смешиваются с морскими⁵².

69. Город не сразу становится большим и населенным, так было, полагаю, выгодно, но увеличение его ждало лучшей поры. Пока же он пребывал в более скромном плане, оставаясь меньшим, когда быть более крупным не было к лучшему.

70. Почему же так? Если б его размеры распространились на наибольшее пространство земли, в пору, когда еще обладали Азией персы, которые сильны были и капиталами, и крепки боевою силою, и всем выдавались, пришлось бы по призыву [персидских] вождей к участию в общем походе или выступать под их начальством, или, уклоняясь от него, воевать с персами, одному городу с таким большим. И первое не подобало, и второе было небезопасно.

71. На самом деле, не увеличившись несоответственно времени, но остановившись на той стадии, которая освобождала и от возможности причинить какое-нибудь затруднение, и потерпеть какую-нибудь беду, они подвинулись в росте вперед, когда надо

⁵² Согласно преданию, речной бог Алфей, божество реки на западе Пелопоннеса, сын Океана и Тефиды, влюбился в нимфу Аретузу, которая не отплатила ему взаимностью. Алфей долго преследовал Аретузу, и та взмолилась Артемиде, которая превратила нимфу в источник на о. Ортигия (древнейшая часть г. Сиракузы на Сицилии). Алфей под землей пересек Ионическое море до о. Ортигия, где слился со своей возлюбленной (Paus. V. 7. 2; Strabo. VI. 2. 4). — *Примеч. ред.*

было властвовать, подобно знатым детям, во время тирании незамеченным по их молодости, а в возраст пришедшим уже по упразднении ее.

72. Дело в том, что после битвы при Иссе и бегства Дария Александр, одной частью Азии обладавший, другой домогавшийся и завоеванную территорию считавший малою, а помыслы простиравший до пределов земли, явился в эту страну и, разбив ставку свою близ источника, который теперь, по его почину, принял вид храма, а тогда красоту его составляла только вода, давая отдохновение здесь своему телу после трудов, испивает воды источника, студеной, прозрачной и вкуснейшей⁵³.

73. Удовольствие от питья ее напомнило Александру материнскую грудь, и он высказал своим спутникам, что сколько сладости было в той, столько присуще и воде, и дал источнику имя матери. И вот Дарию на походе его на скифов река Теар во Фракии показала красивейшей, и, поставив столб, Дарий начертал на нем, что Теар красивейшая река⁵⁴; а Александр наш источник не вывел на состязание вод, но уподобил молоку Олимпиады⁵⁵. Столько удовольствия обрел он в его влаге.

74. Поэтому он тотчас обстроил это место резервуаром и прочим оборудованием, какое можно было устроить при такой спешности в его деятельности, какую он проявлял в высшей

⁵³ Cf. Malal., pg. 234. (Сражение при Иссе, в котором армия Александра Македонского разгромила войска персидского царя Дария III, произошло в 333 г. до н. э. И хотя известно, что после сражения Александр повернул на юг и двинулся вдоль сирийского побережья в Финикию, никаких иных свидетельств его пребывания в районе Антиохии, кроме сообщения Малалы, у нас нет. — *Примеч. ред.*)

⁵⁴ Cf. Herodot. IV 90 sq. (Речь идет о походе персидского царя Дария I ок. 512 г. до н. э. У реки Теар было 38 источников, горячих и холодных, вытекавших из одной и той же скалы, что привело в восхищение царя. Геродот цитирует надпись Дария: «Источники Теара дают наилучшую и прекраснейшую воду из всех рек. К ним прибыл походом на скифов наилучший и самый доблестный из всех людей — Дарий, сын Гистаспа, царь персов и всего азиатского материка» (пер. Г. А. Стратановского). — *Примеч. ред.*)

⁵⁵ Об источнике, названном по имени Александра, в окрестностях Антиохии см. далее § 250. — *Примеч. ред.*

степени, и принялся за основание города, как бы встретив пункт, способный вместить всю широту его планов.

75. Охваченный двойною страстью, одной к нашей стране, другой к приобретению прочей земли, когда одна принуждала его оставаться, а другая торопила бежать, влекомый душою к заселению и к войне, он одно другому не поставил преградою и не потерпел ни ради города устранить все свое рвение, ни, удовлетворяя последнему, погасить ту страсть, какую возымел к основанию городов, но не расставаясь ни с той, ни с другой, одной положил начало, а войско повел в Финикию.

76. Началом же заселения был Зевс Боттиейский, воздвигнутый Александром, и вершина, получившая название его отечества и наименованная Эмафией⁵⁶. Это, полагаю, было признаком намерения Александра, что по завершении своих предприятий он изберет, вместо родины, эту страну.

77. Исполнив такое вступление к заселению и служа нам основателем, тот, кто называем был сыном Зевса⁵⁷ и подтвердил молву о себе своими подвигами, сам в самый короткий срок, переселившись к отцу, не мог довершить своего страстного желания. Преемник же его, вернее, среди многих преемников [диадохов] один наследник достойный его места, Селевк, заступает для города Александра, своею отвагою приобретши власть и в первый, и во второй раз.

78. Кому он помогал, тем он, действительно, дал перевес над врагами. А кого усилил, те строили на него козни. Спасшись же

⁵⁶ Об этом же пишет и Иоанн Малала. Схолиаст Малалы (ad Chron. 193) уточняет, что Боттия — название города в Македонии, а Эмафия (т. е. гора Силпий) — область в Македонии. И действительно, Страбон сообщает, что Македония в древности именовалась Эмафией, а на побережье существовал город Эмафия (VII. 11); Боттия — область в Македонии с центром в городе Боттия; боттии возводят свое происхождение к критянам, прибывшим в Македонию через Южную Италию (Япигию) под предводительством Боттона, по имени которого город и был назван (VII. 11; 11 а; VI. 3. 6). — *Примеч. ред.*

⁵⁷ О божественном происхождении Александра Македонского, поддерживавшего легенду о том, что он сын Зевса, см. Plut. Alex. 2–3. Александр «переселился к отцу» — Зевсу, т. е. умер, в 323 г., всего через 10 лет после гипотетического начала строительства Антиохии. — *Примеч. ред.*

из самой ловушки, снова помогая другим, он вызывал восхищение. И встретив в них людей справедливых, в свою очередь получил от них дань признательности. Она заключалась в получении обратно того владения, с коего его неправо выдворили.

79. Именно Селевк за храбрость возводится Пердиккою в гиппархи⁵⁸, а когда Пердикка умер в Египте, призванный македонянами на его владычество, явился и получил в сатрапию Вавилонию⁵⁹.

80. Явившись на подмогу Антигону в его войне с Эвменом, он сверг вместе с ним Эвмена, но не знал, что благодетельствует в лице Антигона лукавого человека. Последний, усилившись при его посредстве, проникшись завистью к благодетелю, замыслил его смерть⁶⁰. Поэтому некто из богов простер над Селевком руку,

⁵⁸ Diod. XVIII 3. Appian. Syr. 57, 17. Arrian. et Dexipp. ap. Phot. XCII, pg. 79 b 28 et LXXXII, pg. 64 b 2S.

⁵⁹ Селевк, будущий Селевк I Никатор, родился в Македонии в середине 350-х гг. Он участвовал в походах Александра Македонского, был среди его «друзей», но не на первых ролях. После смерти Александра в 323 г. формальным правителем империи стал Пердикка, регент при беременной жене Александра, которому Александр перед смертью вручил «перстень его власти». Селевк в это время находится среди приближенных Пердикки, командует конницей гетайров (гиппарх — греч. «начальник конницы»). В 321 г. Птолемей, правитель Египта, похитил тело Александра Великого, и весной 320 г. Пердикка вторгся с войском в Египет, чтобы усмирить Птолемея. Поход не имел особого успеха, и в июне 320 г. Пердикка был убит своими приближенными, среди которых был и Селевк. В результате общего собрания диадохов в Трипарадисе (в Сирии) в том же году произошел передел их владений, и Селевк получил в управление Вавилонию. — *Примеч. ред.*

⁶⁰ В результате конгресса в Трипарадисе Антигон Одноглазый получил в верховное управление все провинции Азии и вместе с этим право сменять сатрапов — правителей областей. Прежде всего он выступил против Эвмена, последнего сторонника убитого Пердикки, которого признали на конгрессе врагом всех диадохов. Селевк, как сатрап Вавилонии, помогал Антиоху в борьбе против Эвмена. После разгрома Эвмена в битве при Габие и последующей его казни в конце 317 г. Антигон, сместив нескольких сатрапов, прибыл в Вавилон весной 316 г. Вскоре у Селевка и Антигона вспыхнул конфликт: Селевк оскорбил одного из полководцев Антигона, а Антигон потребовал у Селевка представить финансовый отчет о делах сатрапии. Селевк

как в драме. Так из одного и того же дома подготовлено было его убийство и обретался путь спасения.

81. Ведь Ариадна, увлекшись красотой Тесея, спасла юношу из лабиринта посредством нити⁶¹, а Деметрий, сын Антигона⁶², восхитившись достоинствами Селевка, выдает ему козни на него отца письменами, начертав ему их в пыли древком копья, ему открывая грядущее, а от внимания присутствующих ускользая.

82. После того Селевка постигла судьба Евагора⁶³, и немного спустя он усилился. Дело в том, что, уступая обстоятельствам, он удаляется в Египет, и, закрепляя там царство за Птолемеем, предоставив в его распоряжение не многочисленное войско, а себя одного, свое тело и душу, после того как прочно обеспечил его господство, склонил Птолемея к тому, чтобы он его вернул на его владычество, и, получив всадников и пеших солдат, выгнал из Вавилона врагов, вернул себе власть, жену, детей и все прежнее значение⁶⁴.

отказывался выполнять этот приказ, считая его неправомочным, и летом 316 г. бежал из Вавилона в Египет. — *Примеч. ред.*

⁶¹ Ариадна, в греческой мифологии дочь критского царя Миноса и Пасифаи. Когда Тесей вместе со своими спутниками-афинянами был заключен в лабиринт на Крите, в котором обитал чудовищный Минотавр, Ариадна, влюбившись в Тесея, спасла его: она дала ему клубок нити («нить Ариадны»), размазывая который Тесей нашел выход из лабиринта. — *Примеч. ред.*

⁶² Деметрий, сын Антигона, будущий Деметрий Полиоркет, родился в 336 г. — *Примеч. ред.*

⁶³ Isocr. Euag. § 26 sq. (Эвагор — царь кипрского полиса Саламина, после смерти которого в 374 г. до н. э. Исократ сочинил надгробную речь, восхваляющую Эвагора как правителя. Очевидно, эта речь Исократа была известна Либанию. Суть же сравнения в том, что Эвагор, стремившийся к захвату всего Кипра, вступил в конфликт с Персией, в 415 г. до н. э. был изгнан, а в 411 г. до н. э. вернулся, но был вынужден ограничиться властью над Саламином. — *Примеч. ред.*)

⁶⁴ Речь идет о т. н. Третьей войне диадохов. Селевк стал у Птолемея командующим флотом, в 315 г. до н. э. руководит различными операциями и захватывает Кипр. В конце 313 г. Селевк организывает наступление в Сирии против Деметрия, сына Антигона. Осенью 312 г. у Газы состоялась битва между войсками Деметрия и Птолемея, в ходе которой армия Деметрия был разбита. После победы Селевк получил от Птолемея небольшое войско

83. Признав же, что свое достояние этими действиями получил обратно, благодаря этим людям, но остается в долгу за ним отплата за козни, предприняв поход на Антигона, победив его в сражении во Фригии, убил, в открытой битве⁶⁵ отмстив за скрытые козни против себя и их избегши, как некий любимец богов, а мщению предав, как такой человек, какой изощрен в доблести.

84. Когда же Антигон уже лежал, достояние павшего достается победителю, и границы владычества Селевка обнимали собою Вавилон и доходили до пределов Египта⁶⁶. И вот настало время, рождавшее для города, как в древности начало, так тогда величину.

85. И все происходит по воле бога. Был город, называвшийся по имени Антигона, построенный Антигоном⁶⁷. Расстояние ны-

(1 тыс. пехотинцев и 200 всадников). После прихода в Вавилонию Селевка поддержали некоторые македонские гарнизоны и местные храмовые комплексы, с которыми Селевк наладил отношения, пока был сатрапом. Однако войско Селевка было не слишком велико, и гарнизон Антигона в Вавилоне сдался лишь в начале лета 311 г. до н. э. Первая жена Селевка, Апама, дочь согдийского аристократа Спитамена, сопровождала Селевка еще во время похода Александра Великого в Индию, где родила Селевку старшего сына Антиоха. В 324 г. Селевк официально женился на Апаме, и впоследствии она родила ему еще двух дочерей, Лаодику и Апаму. — *Примеч. ред.*

⁶⁵ В ходе боевых действий в Вавилонии и сопредельных областях против войска Антигона и Демерия 311–308 гг. до н. э. Селевк отстоял и даже увеличил свои владения. Антигон был вынужден заключить мир, признавая этим права Селевка. В 307–303 гг. Селевк устанавливал свою власть в Бактрии и части Индии. В 303 г. Селевк вступил в коалицию с Птолемеем и другими диадохами против Антигона. В 301 г. союзные войска Селевка и Лисимаха в битве при Ипсе (Фригия) разгромили армию Антигона и Деметрия, Антигон был убит в бою, а Деметрий с остатками армии отступил в Грецию. — *Примеч. ред.*

⁶⁶ Этот раздел владений Антигона особенно важен для повествования Либания, поскольку именно в результате него Селевк получил Фригию и Сирию, в том числе область будущей Антиохии. — *Примеч. ред.*

⁶⁷ Diod. Sic. XX, 47. Malal., pg. 199. (Антигония была основана Антигоном Одноглазым ок. 307 г. до н. э., когда Сирия входила в состав его владений. Она располагалась в 5 милях от Антиохии. Значительная часть населения была переселена Селевком в Антиохию (см. § 92), и город вскоре деградировал до статуса деревни, вновь став городом лишь в 51 г. до н. э. (Dio Cass. XL. 29). — *Примеч. ред.*)

нешнего города до него сорок стадий. В нем Селевк, после победы, приносил жертву, и когда бык был зарезан и жертвенники приняли требуемые обрядом части, огонь уже охватывал лежавшее и сильно разгорался.

86. И вот Зевс⁶⁸, тронув со скипетра своего птицу, своего друга и товарища, послал его на жертвенник. А та, слетев в средину пламени, подняв бедра, охваченные огнем, унесла их.

87. Так как этот случай обратил на себя взоры и мысль всех и делал ясным, что действие свершалось не без покровительства богов, Селевк приказал сыну сесть на коня, чтобы следовать с земли за полетом и направлять коня уздой по путям птицы, желая знать, как использует птица похищенное.

88. А тот, скача на коне и глядя вверх, доведен был полетом до Эмафии. Здесь орел, спустившись, положил свою ношу на жертвенник Зевса Баттиея, который водрузил Александр, когда его усладил источник. И вот всем, и неискусным в догадках, представлялось, что Зевс предрекает основание города в данном месте⁶⁹. И таким образом и стремление к основанию, и начало его со стороны Александра шло к завершению, и глава богов своим предзнаменованием становится для нас основателем.

89. Тут Селевк собрал все искусство строителей, все руки на подмогу работе, блеск всех пород камня. Рубили лес для кровлей, лились потоки богатств на стройку.

90. Намечая план города, он расставлял слонов по местам будущих башен, а определяя длину и ширину портиков и улиц, прибегал для нарезки их к пшенице, подвозившие которую корабли стояли на реке.

91. И скоро город стал подниматься, скоро, построенный, стал наполняться, причем и из Ионы спустились в него аргивяне, и критяне, и потомки Геракла, у коих, сдается мне, было родство

⁶⁸ Зевс, так же как и Аполлон, считался покровителем династии Селевкидов. На скипетре Зевса традиционно изображался орел. — *Примеч. ред.*

⁶⁹ Существовала аналогичная легенда об основании Селевкии Пиерии: Селевк руководствовался небесным знаменем в виде молнии (App. Syr. 58), т. е. знаком того же Зевса. — *Примеч. ред.*

с Селевком, по древнему Темену⁷⁰, да и воины, следовавшие за Селевком, предпочитали селиться здесь.

92. Он уничтожил самую Антигонию — память по враждебном человеке, а население его переселилось сюда. Среди него были и афиняне. Эти переселенцы сначала боялись, как бы не испытать гнева его на Антигона, но когда поняли, что их переселили для лучших условий жизни, они почтили Селевка медной статуей, приставив к голове бычачьи рога. А это отличительный признак Ио⁷¹.

93. Итак, город имел прозвание Селевка, а имя получил от Антиоха, отца его⁷², и создан первым, а сохранил память последнего. Кого он больше всего ценил из своих близких, тому он предоставил самое ценное из своих созданий.

94. И это прославленное предместье, Дафну, Селевк учредил в надел храму⁷³, предоставив то место богу после того, как обрел в

⁷⁰ Темен — легендарный царь Дориды и Аргоса из рода Гераклидов. Став царем, Темен стал отдавать предпочтение в войне и делах Деифонту, правнуку Геракла и своему зятю. Тогда сыновья Темена составили заговор и либо убили, либо тяжело ранили отца. Однако сами они решением народа были изгнаны из Аргоса, и царем стал Деифонт. Темениды же основали Македонское царство и считались предками македонских царей. — *Примеч. ред.*

⁷¹ Согласно селевкидской традиции, передаваемой Аппианом, когда однажды Александр Великий приносил в жертву быка, тот вырвался из пут, и Селевк в одиночку голыми руками схватил быка и повалил на землю. В память об этом случае на статуях Селевка всегда изображались рога (Syr. 57). — *Примеч. ред.*

⁷² Источники разнятся в определении того, чье имя было присвоено городу. Одни авторы, как и Либаний, считают, что отца Селевка (App. Syr. 57; Strabo. XVI. 2. 4), другие — что сына Селевка (Julian. Misopog. 347 a; Malala. 200. 19). На сегодняшний день более предпочтительной считается версия, что город был назван в честь отца Селевка, Антиоха, одного из полководцев Филиппа II Македонского (Just. XV. 1. 10), поскольку остальные города в Сирии названы в честь старшего поколения семьи — самого Селевка, его матери Лаодики и жены Апамеи. В эту схему очень логично включается имя отца Селевка. — *Примеч. ред.*

⁷³ О важности культового комплекса в этом предместье свидетельствует наименование Антиохии, которое, видимо, отличало ее от других Антиохий — Антиохия Эпидафна (ἡ ἐπὶ Δάφνῃ «близ Дафны» — Strabo. XVI. 2. 4). — *Примеч. ред.*

мифе действительную его подкладку⁷⁴. Дело вот в чем: Аполлон, полюбив Дафну и не встретив взаимности, пустился ее преследовать; когда же, по молитве ее, она превратилась в дерево, он избирает предмет своей любви для венков⁷⁵.

95. Так рассказывает предание⁷⁶. Селевку же выяснила истину предания охота. Верхом на коне, с собаками, он преследовал добычу. Когда же подскочил к дереву, которое раньше было девицею, лошадь его, стоя на месте, ударяет в землю копытом, а земля выбросила на поверхность золотой наконечник.

96. На нем буквами был обозначен владелец, надпись была: «Феба». Полагаю, что в скорби о превращении девицы, он выпал стрелы, и наконечник одной, отвязавшись, скрывается в земле и приберегался для Селевка, в побуждение к украшению места и к признанию в нем того, чем оно было, святилища Аполлона.

97. Итак, диво и то, как в Элевсине, говорят, под ударом в скалу ноги Пегаса, забил источник [Гиппокрена]⁷⁷, а сейчас рассказанное настолько более дивно, насколько более объяснимо, что из земли выбросило струю воды, чем наконечники.

98. Селевк же, в момент, когда его поднимал, увидел змея, несшегося ему прямо навстречу и шипящего с поднятою вверх головой; приблизившись к нему, змей, взглянув на него кротко, исчез.

⁷⁴ Павсаний оговаривается, что предания о Дафне, распространенные у сирийцев, «живущих на Оронте», сильно отличаются от преданий Эллады, и поэтому он их пересказывать не будет (VIII. 20. 2). — *Примеч. ред.*

⁷⁵ Согласно позднему, но подробному рассказу Овидия, Дафна, дочь Геи и бога рек Пеней, стремилась остаться целомудренной, как Артемида. Аполлон преследовал Дафну, и та взмолилась отцу о помощи. Боги превратили Дафну в лавровое дерево, которое Аполлон сделал своим излюбленным и священным растением (Met. I. 452–567). Поэтому в Дельфах победителям на состязаниях в честь Аполлона давались лавровые венки (Paus. VIII. 48. 2). — *Примеч. ред.*

⁷⁶ ῥῥδατα ср. т. I, стр. 358, 1 [576, 215].

⁷⁷ Гиппокрена (греч. «источник коня») находился на горе Геликон в Беотии (Эллада), рядом со священной рощей Муз (Paus. IX. 31. 3). Либаний сообщает источник своих знаний — жречество городка Элевсин в 20 км от Афин, который был центром культа Деметры и Персефоны, и где проводились знаменитые Элевсинские мистерии. — *Примеч. ред.*

С присоединением змея к тому, что появилось из земли, еще усиливается уверенность, что бог вступал в то место, и тотчас был отведен надел богу, посажены в нем деревья, построен храм⁷⁸, и скоро роща разрослась и стала заповедною под сильными заклätиями.

99. И Дафна стала Селевку предметом всяческого попечения. Ведь, кроме тех видений, какие явились воочию, его привлекал и оракул, который вдохнул в него бодрость, когда он получил его из Милета при своих злоключениях⁷⁹, и который обещал грядущую судьбу и повелел, после захвата власти в Сирии, посвятить Дафну богу.

100. Так устроив свои обязанности к богам и начав с того, с чего подобало, исходя от основания, внушавшего надежды, разумею их благосклонность и наш город, он наполнил лучшую часть земли городами, подчиняя культуре пустыню. Не для неги основал он наш город, но как повод к основанию других городов⁸⁰, так что вместо станции путникам ставились города.

101. Действительно, прочие государи гордятся разрушением существующих, его же прославило возведение новых. Он столько

⁷⁸ Вероятно, этот храм был недостаточно большим, поскольку во II в. до н. э. по приказу царя Антиоха Епифана был построен новый огромный храм Аполлона Дафнейского, а в храме был установлена статуя Аполлона по образцу и размерам знаменитой статуи Зевса Олимпийского. Этот храм простоял до 362 г., когда при имп. Юлиане был уничтожен внезапным пожаром (Amm. Marc. XXII. 13. 1). — *Примеч. ред.*

⁷⁹ Источники сообщают об оракуле из храма Аполлона в Дидимах, близ Милета, полученном Селевком еще при жизни Александра Великого: когда Селевк спросил оракул о возвращении в Македонию, то получил ответ, что Азия для него много счастливее (App. Syr. 56). Диодор, которого, по всей видимости, цитирует Либаний, датирует данный оракул 312 г. и именует в нем Селевка «царем» (XIX. 90. 4). — *Примеч. ред.*

⁸⁰ В первую очередь Селевк в 300 г. до н. э. возводит новую столицу своего царства, Селевкию Пиерию, которая должна была быть парой восточной столице, недавно построенной недалеко от Вавилона Селевкии-на-Тигре. Именно в Селевкии Пиерии впоследствии был похоронен сам Селевк (App. Syr. 63). Кроме Селевкии и Антиохии, в регионе были возведены в короткий срок морской порт Лаодикея и база селевкидского войска Апамея. В результате был образован сирийский Тетраполис — важнейшая область Сирии (Strabo. XVI. 2. 4). — *Примеч. ред.*

поставил их по земле, что их достало и для названия по именам городов в Македонии, и для прозвания по названиям родственных связей, и являлось много наименованных по одному и тому же обращению, для каждого пола, т. е. мужчин и женщин⁸¹.

102. В самом деле, если бы кто-нибудь захотел судить о нем по сопоставлению с афинянами и милетцами, которые, как все признают, послали больше всего колоний, он оказался бы основателем большего числа и настолько превосходившим величиною каждого отдельного города, что любой из его городов стоил десяти. Можно видеть города его, посетив Финикию, большие и более многочисленные можно видеть, посетив нашу Сирию.

103. Это благо он распространил до Евфрата и Тигра и, охватив весь Вавилон, он отовсюду усеял его городами, как и Персию, и вообще не оставил пустым ни одного пригодного для постройки города места, но не переставал подвергать варварскую страну эллинской цивилизации⁸².

104. Но как он основал много городов после нашего, так нельзя сказать, чтобы он предпочел ему другой, но и сам здесь водрузил свой скипетр, и городу этому дал соответственное положение по отношению к прочим, воздвигая прочие как его слуг и не считая другого более подобающим для царского двorca.

105. Итак, прожив в таких занятиях и скончавшись⁸³, он оставил наследство людям, не худшим его, но все оказывались

⁸¹ Cf. Pausan. *Damasc. ap. Malal.* 203, 22. (Аппиан приводит список городов, основанных Селевком в различных частях своей империи и названных в честь членов его семьи — 16 Антиохий, 5 Лаодикей, 3 Апамей, 9 Селевкий, 1 Стратоникей. Кроме того, 2 города были основаны и названы в честь Александра Великого, 2 — в честь побед Селевка (Никефорий и Никополь), и 21 новооснованный город получил название в честь городов Македонии и Эллады (Syr. 57). — *Примеч. ред.*)

⁸² ἐλλήνισεν, ср. толкование слова в В³ у Förster'a ср. ἡμερῶ выше, § 100, и к последнему т. I, стр. 151, 1 [294, 2].

⁸³ В начале 281 г. до н. э. Селевк в битве при Курупедионе (во Фригии) разгромил армию своего последнего противника — диадоха Лисимаха, сам Лисимах погиб. С целью подчинения владений Лисимаха в Европе Селевк прибыл в Македонию. Однако бывшие полководцы Лисимаха, ранее перешедшие на сторону Селевка, составили заговор, в войске в Македонии вспыхнул мятеж

доблестными от доблестных и сыновья всегда соревнующимися с отцами и в прочих отношениях, и в любви к городу.

106. Став пред их делами и оглядывая кругом, как бы с некоего дозорного пункта, деловитость каждого, я равно не считаю справедливым замалчивание достоинств, как рассказ о них не нахожу себе по силам. Первое значило бы причинять ущерб родоначальникам и их славе, второе по значительности задачи не по силам и множеству уст и сколь можно большему хору софистов.

107. Какой же путь обрести при такой безвыходности? Об одних помянуть, других пропустить, а вернее о многих изложить не всё, но немногое из многого, а о других, заверив, что они не уступали упомянутым, предложить слушателям проверить мои слова по историческим трудам.

108. Итак, Антиох, сын Селевка, не имел никакой войны⁸⁴ — все враги присмирели от страха, — и ему выпало на долю, в благополучии достигши до старости, передать сыну⁸⁵ царство без убыли. И у этого тоже оружие покоилось, так как нужды в нем

и в сентябре 281 г. Селевк, которому было 73 года, был убит Птолемеем Керавном, ставшим царем Македонии. Тело Селевка выкупил евнух Филетер, правитель Пергама, и после сожжения переслал останки Антиоху, сыну Селевка, похоронившему отца в Селевккии Пиерии. — *Примеч. ред.*

⁸⁴ В данном случае Либаний сильно преувеличивает. Антиох I Сотер в 281–280 гг. до н. э. воевал с убийцей его отца, Птолемеем Керавном, царем Македонии; в 280–279 гг. — с царем Вифинии Никомедом; в 279–277 гг. с Антигоном Гонатом, оспаривавшим у Антиоха бывшие владения Лисимаха. После заключения мира с Антигоном (Антиох отдал ему в жены свою сестру Филу) возникла небольшая мирная передышка, которую нарушили галаты, поселившиеся в Малой Азии в 278 г. до н. э. Ок. 275 г. Антиох в битве наголову разгромил галатов, эта битва прославила Антиоха на всю Азию, и за ним закрепилось прозвище Сотер (греч. «спаситель»). В том же году начались боевые действия в Сирии с египетской армией Птолемея Филадельфа; эта война, завершившаяся в 272/271 г., была успешной для Антиоха. В 260-х гг. Антиох начал войну с царем Пергама Эвменом I, и ок. 261 г. в битве при Сардах войско Селевкидов было разбито, а сам Антиох Сотер вскоре погиб. — *Примеч. ред.*

⁸⁵ Старший сын, наследник и соправитель Антиоха Сотера Селевк, управлявший восточными землями царства, поднял мятеж ок. 266 г. до н. э. После подавления выступления Селевк был казнен по приказу отца. — *Примеч. ред.*

не было⁸⁶, а городу приключилось чудо, служившее к его чрезвычайной славе.

109. Он был в свойстве с Птолемеем, царем Египта⁸⁷, и Птолемей, явившись сюда⁸⁸ и пораженный красотой Артемиды, пожелал, чтобы статуя находилась в его стране, и, взяв ее, уехал. Богиня же там встречала поклонение, но стремилась в наш город и преследовала жену переселившегося ее недугом⁸⁹, внушая ей в сновидениях,

⁸⁶ Либаний здесь также сильно грешит против истины. Антиох II Теос уже на следующий год после вступления на престол развязал новую войну против царя Египта Птолемея II Филадельфа за обладание Сирией (Вторая Сирийская война). Эта война была прекращена ок. 252 г. до н. э., после чего Антиох был вынужден подавлять выступления сатрапов Парфии и Бактрии, восставших ок. 250 г. — *Примеч. ред.*

⁸⁷ Athen. II 45 b. c. Hieronym. ad Daniel. XI, 6, pg. 705. (После завершения Второй Сирийской войны ок. 252 г. до н. э. в знак примирения Антиох II Теос женился на дочери царя Египта Птолемея II Филадельфа Беренике. Ради этого брака Антиох развелся со своей первой женой Лаодикой, оставив ей во владение значительные территории с центром в Эфесе. Береника же проживала с мужем в Антиохии. Их совместный сын Антиох родился в 247 г. — *Примеч. ред.*)

⁸⁸ Птолемей II Филадельф, царь Египта в 285–246/245 гг. до н. э. После заключения соглашения о свадьбе его дочери Береники с Антиохом II Теосом ок. 252 г. Птолемей, (по информации Иеронима в Толкованиях на пророка Даниила (XI)) с пышностью проводил дочь до Пелусия. Учитывая данный рассказ, можно предположить, что Птолемей прибыл в Антиохию на свадьбу дочери. Однако не исключен и другой вариант — Либаний немного перепутал, и визит египетского царя в Антиохию относится к 246 г., когда Береника после смерти Антиоха II в Эфесе, фактически осажденная в Дафне, вызвала своего брата, нового царя Египта Птолемея III Эвергета, на помощь. Птолемей III выступил из Египта с войском, и вскоре его армия заняла Селевкию Пиерию и Антиохию (правда, к тому моменту Береника и ее сын были уже убиты). — *Примеч. ред.*

⁸⁹ Вторая жена Птолемея II Филадельфа, Арсиноя II, его родная сестра (старшая дочь Птолемея I), умерла в 269 г. до н. э. Его первая жена, Арсиноя I, дочь диадоха Лисимаха, мать его детей (двух сыновей и дочери), в 279 г. была по надуманному обвинению (по инициативе Арсинои II) отправлена в изгнание в верхнеегипетский город Коптос, и неизвестно, была ли еще жива ко времени описываемых событий. По всей видимости, это одна из любовниц Птолемея, скорее всего — Билистиха, дочь Филона, которая была фавориткой Птолемея в 260–250-х гг.: Птолемей постарался, чтобы ее объявили богиней, ей возводились святилища и приносились жертвы как Афродите Билистике. Однако, если в данном параграфе речь идет о событиях 246 г. и Птолемея III Эвергете

за что ей причиняет таковой. Потревожившие ее высылают ее назад, и она получает обратно старый храм, а название ее изменится согласно обстоятельствам, и ее именуют Элевсинской⁹⁰.

110. Далее, другое чудо в то же царствование — сходное и несходное с предшествующим. Оно похоже тем, что касается богов, а отлично — по переселению сюда чужеземцев. Поясню то, что говорю.

111. Боги, чтимые на Кипре и пользовавшиеся там участками с той поры, как он существовал, возжелали этой страны и спешили переселиться. Поставив, поэтому, город в необходимость обратиться к пифийскому оракулу, они убеждают Аполлона изречь, как единственное средство избавиться от бед, переселение к нам кипрских божеств⁹¹.

112. И царь посылает на остров тех людей, при посредстве коих рассчитывал это устроить⁹². Когда же не представлялось возможности ни открыто отнять, ни выкрасть незаметно путем подкопа, они применяют такого рода способ. Они заявили, что желают выделатъ фигуры по образцу тамошних богов. Когда киприоты дозволили им, они вырезывали днем и ночью, а жрецы спали. Мастерам настолько точно удалось воспроизведение, что, одни

(см. выше), то жена — это Береника II, наследница престола Кирены, на которой Птолемей III женился в том же году, незадолго до выступления в поход на Сирию. — *Примеч. ред.*

⁹⁰ Может быть, Ἐλευθερία (греч. «свободная»), cf. orat. XXII, § 42.

⁹¹ При такой скудной информации, не упоминающей даже части острова, куда прибыли посланцы Антиохии, сложно уточнить, о каких божествах идет речь. Из наиболее известных культов Кипра следует отметить древнейшее святилище Афродиты в г. Пафосе (рядом с ним на берег вышла Афродита, рожденная из пены), почитание Афины и Зевса в г. Саламине, а также знаменитое святилище Аполлона Гилата в г. Курион. — *Примеч. ред.*

⁹² Кипр в 310–294 гг. до н. э. был полностью оккупирован Птолемеями и с тех пор вплоть до римской эпохи находился в составе египетского государства, представляя собой отдельную военно-территориальную единицу во главе с правителем — представителем династии Птолемеев. Не исключено, что именно этим была вызвана необходимость перевозки эллинских святынь в селевкидскую Антиохию. Дату данной «операции» установить сложно, однако возможно, что эти события имели место во время Второй или Четвертой Сирийских войн, когда Кипр или часть его могли быть временно захвачены флотом Селевкидов или их союзников. — *Примеч. ред.*

[оригиналы] сняв [с постаментов], а другие [копии] поставив на их место, они на глазах киприотов взошли на корабли, унося с собой древние статуи как только что сделанные, а только что отделанные оставив под видом древних.

113. И это было результатом не высоких качеств скульпторов, а стремления к отплытию богов, под влиянием коего они придали рукам мастеров нечто большее того, что было им по силам. А между тем, что может в такой степени способствовать славе, будет ли то присоединение земли, или постанова трофея, или избиение фаланг, или захват их пленными, как то обстоятельство, что боги признают подобающим для себя жить здесь?

114. И то, что произошло тотчас вслед за тем, при владыке, его преемнике, способствует доказательству того же самого. Именно Изиды, египетский идол с коровьими рогами, покинув Мемфис⁹³, переселяется сюда, подвигнув к посылке за собою Селевка, четвертого государя от Селевка⁹⁴, подвигнув и Птолемея⁹⁵ к охотной выдаче богини, и суда — готовы, и статую увезли.

⁹³ Исида — одна из величайших богинь Египта, супруга Осириса, мать Гора, а следовательно, и египетских царей. Символом богини, начиная с эпохи Нового царства, был головной убор в виде солнечного диска, обрамленного рогами коровы. Священным животным Исиды как богини-матери считалась «великая белая корова Гелиополя» — мать быка Аписа. В Мемфисе находился центр почитания быка Аписа, где, по всей видимости, и была установлена статуя Исиды — матери Аписа. В античной традиции Исида отождествлялась с Деметрой, а сами египтяне отождествляли Исиду с Ио, дочерью Инаха (Apollod. II. 1. 3). — *Примеч. ред.*

⁹⁴ Селевк II Каллиник был провозглашен царем в 246 г. до н. э. в Эфесе своей матерью Лаодикой, после смерти его отца Антиоха II Теоса и убийства в Антиохии сторонниками Лаодики второй жены Антиоха II Теоса Береники с сыном. В результате этой междоусобицы вспыхнула Третья Сирийская война, поскольку царь Египта Птолемей III Эвергет, брат убитой Береники, вторгся на территорию Сирии и занял обширные территории в Сирии и Азии (египетские войска достигли Вавилона). Война была завершена в 241 г., часть Сирии осталась под контролем Египта (в том числе Селевкия Пиерия), и лишь после этого мира в Антиохию могла быть привезена статуя Исиды. — *Примеч. ред.*

⁹⁵ Птолемей III Эвергет I, царь Египта в 246–222/221 гг. до н. э. Не исключено, что присылка статуи Исиды было одним из условий мирного договора 241 г. — *Примеч. ред.*

115. И город был приютом божеств, так что нам можно соперничать, если хотим, и с Олимпом. Ведь пребывание там богов — молва, распространяемая поэтами, а то, что у нас происходило, убедило взоры.

116. Вместе с тем, с течением времени подвигалась вперед и деятельность их, так как, когда сила римлян овладела уже всем, в этой области у города не произошло перемен, но по отношению к касийскому Зевсу, как у Птолемея касательно Артемиды, нечто приключилось, и они выселяли⁹⁶, а тот, кто на все метал молнии, употреблял все усилия на то, чтобы подготовить себе возвращение, и вернулся.

117. Итак, одни, обитавшие в другом месте, пожелали, оказывается, прибыть к нам, другие, у нас обитавшие, не выдерживали переселения в другое место, но, красотой возжегши к себе любовь, а сами подвергшись той же страсти к нам, какую внушали прочим, были влекомы своими поклонниками, но снова льнули к любимой земле. Такая любовь к месту владела нашими божествами и такое стремление — чужими стать нашими.

118. Я затянул свою речь о божествах потому, что нет другой лучшей области восхваления ни у нас, ни у кого-либо из других людей. Если же кто-нибудь считает приятнейшим для слушателя предметом боевые подвиги, много трофеев по случаю многих побед поставлено у наших предков самими вождями, выступавшими в поход⁹⁷, каков тогда был обычай на войне.

119. И о прочем к чему говорить? Антиох, получивший наименование Великого за предприятия и выполнение крупных задач⁹⁸,

⁹⁶ Судя по информации Иоанна Малалы (212), Либаний путает Зевса Касия с Зевсом Керавнием (греч. «поражающий громом»): в 51/50 г. до н. э. проконсул Сирии Луций Кальпурний Бибул отправил в Рим две статуи, Зевса Керавния и Афины, установленные Селевком I. — *Примеч. ред.*

⁹⁷ οἱ ἐξιόντες ср. т. II, стр. 188, 1 [252, 5].

⁹⁸ Антиох III Великий, правитель империи Селевкидов в 222–87 гг. до н. э. Он был сыном Селевка II Каллиника и Лаодики II и вступил на престол неожиданно, в 18 лет, после убийства его старшего брата Селевка III Керавна двумя офицерами во время перехода селевкидской армии через Таврские горы. Сразу же, в 222–221 гг., он сумел подавить восстание сатрапов в Мидии и Персии,

признав недостаточным только сохранить существующее, замышляет прибавку к нему. Во-первых, он пристраивает к городу новую часть, немногим уступавшую старой, которую охватывает река, введя в нее эллинское племя, этолян, критян и эвбейцев⁹⁹, и обеспечив полную безопасность оградой стен.

120. Как он увеличил размеры города, так распространил и границы царства, как бы с ростом тела выпрядая для него больший хитон. И взяв с собою такое количество жителей, с каким рассчитывал всем овладеть, страхом ли или силою рук, двинулся, приобретая всякую новую землю, куда вступал, причем одни присоединялись добровольно, другие в поражениях получали урок, что не следовало противиться.

121. И с такою внушительностью проник он до Ионии¹⁰⁰, проявляя в советах и действиях великого Антиоха, что не понапрасну он носил это славное наименование, но по самым своим деяниям заслуживал слыть таковым, — от них поступали к нам дани и дарами войны украшался город, — о подданных имея попечение,

подчинив затем Атропатену. В 219–217 гг. он вел войну с Египтом за возврат владений в Сирии, утраченных в 246 г.: войскам Антиоха сопутствовал успех, но в решающей битве при Рафии он потерпел поражение от армии Птолемея IV Филопатора. В 216–214 гг. Антиох вернул под свой контроль малоазийские провинции Селевкидов, разгромив отложившегося еще в 222 г. сатрапа Ахея. В 212–205 гг. Антиох III совершил свой знаменитый восточный поход, подчинив Софену и Парфию, разгромил армию Греко-Бактрийского царства, чей царь Евтидем I признал вассальную зависимость от Селевкидов, и дошел до Индии, возобновив союз с индийским царем. Именно в период этого восточного похода Антиох III и получил титул «Великий» (см. *Arr. Syr.* 1). — *Примеч. ред.*

⁹⁹ Возможно, что значительную часть этих поселенцев составляли наемники-ветераны армии Селевкидов. Так, одна из надписей эпохи Антиоха III из Дафны упоминает воина времен Селевка III Керавна. — *Примеч. ред.*

¹⁰⁰ До Ионии Антиох III проник во время войны против отложившегося сатрапа Лидии Ахея в 216–214 гг. до н. э. (Лидия граничит с областью Ионией). Другой вариант, более вероятный — это поход Антиоха III в Малую Азию в 197 г., в ходе которого было захвачено побережье Киликии, а также все прибрежные греческие города вплоть до Геллеспонта, в том числе и полисы Ионии. Таким образом, появление новых поселенцев в Антиохии и масштабное строительство в городе следует датировать до 197 г. — *Примеч. ред.*

а противников покоряя, затем и для них становясь добрым гением, превзошедши владычество персов в двух вещах, могуществе и характере покровительства.

122. Становится государем другой Антиох, вместе и миротворец по характеру, и воинственный, миру радуясь, если никто не проявляет дерзости, а в войне мужественный, раз кто его к ней вынудит, ни из-за удовольствия покоя не делавший уступок нарушителям справедливости, ни мира не бесчестивший ради побед в войнах, но умевший, как никто, вовремя и за оружие взяться, и сложить его снова¹⁰¹.

123. Когда в Тавре организовалось пиратство и учиняло «добычей мисийцев» киликийскую область¹⁰² и с прочими рас-

¹⁰¹ Имеется в виду сын Антиоха III Антиох IV Епифан, правивший в 175–164 гг. до н. э. В период правления своего старшего брата Селевка IV Филопатора Антиох (носивший до вступления на престол имя Митридат) проживал в Афинах (чем, возможно, объясняется явная симпатия к нему Либания, питомца афинских риториков). Получив известие об убийстве брата, Антиох при поддержке армии царя Пергама Эвмена II вступает в Антиохию и в кратчайший срок наводит порядок. При этом Антиох женился на вдове своего брата, Лаодике IV, и усыновил его сына. В 170 г. правительство Египта от имени малолетнего Птолемея VI Филометора начало войну с Селевкидами, вторгшись в Сирию. Антиох был готов к войне, египетская армия была разбита, и селевкидское войско оккупировало всю страну, кроме Александрии. Но в 168 г. под давлением римлян Антиох был вынужден оставить все владения Птолемея. В 165 г. Антиох двинулся в восточный поход, поскольку некоторые области либо провозгласили независимость, либо были захвачены соседними правителями. Антиох восстановил власть Селевкидов в Армении и Персии, но в 164 г. погиб в сражении. Из военных мероприятий, к которым Антиоха «вынудили», следует отметить войну в Иудее — подавление восстания в Иерусалиме в 168 г. (подавить восстание под предводительством Маккавеев, вспыхнувшее в 165 г., Антиох IV уже не успел). — *Примеч. ред.*

¹⁰² Возможно, Либаний в данном случае снова допускает анахронизм, спутав Антиохов. Как сообщает Страбон (XIV. 5. 2), первым толчком для организации пиратских шаек в Киликии стало восстание Диодота-Трифона против Селевкидов в 142–137 гг. до н. э. Диодот, прозванный Трифоном (греч. «прекрасный»), объявил себя в 142 г. на войсковой сходке после смерти Антиоха VI «басилевсом автократом» Селевкидского государства. В Киликии его опорным пунктом стало укрепление на мысе Коракесий, где оказывалось покровительство киликийским пиратам. В 137 г. Антиох VII Эвергет (известный также как Сидет — житель г. Сиде в Памфилии) осаждает Диодота в

страивало сношения между людьми, прибыв на них походом, он искоренил их быстрее, чем Минос карийцев с Киклад¹⁰³, вернул городам возможность сноситься друг с другом и, устранив тяготивший страх, открыл пути купцам. За это благодетельствованные им поставили ему медную статую в виде укротителя быка, с намеком на гору, именуемую по этому животному¹⁰⁴.

124. Располагая немалым материалом для подробного рассказа и о прочих государях, я, избегая того, о чем сказал, наскучить длиннотою, утверждаю то, что они наследовали как прозвания друг друга, так и добрые качества нрава, одни соблюдши город в мире, другие прославив его в войнах, все — задавшись одною и тою же мыслью, тою, чтобы передать преемнику город, который каждый получал, увеличенным.

125. Один построил храм Миноса, другой Деметры, один Геракла¹⁰⁵, другой иного бога, одним сооружен театр, другим курия¹⁰⁶, третий выравнивал дороги, те проводили воды Нимф канавами, другие из предместий в город, третьи в новую часть города из тех источников, какими изобилует старая, храм созидался за храмом,

Апамее, где тот кончает самоубийством. Вероятно, после этих событий Антиоху и была преподнесена упомянутая статуя. — *Примеч. ред.*

¹⁰³ См. у Фукидида: «Как нам известно из предания, Минос первым из владетелей построил флот и приобрел господство над большей частью нынешнего Эллинского моря. Он стал владыкой Кикладских островов и первым основателями колоний на большинстве из них и, изгнав карийцев, поставил там правителями своих сыновей. Он же начал и истреблять морских разбойников, чтобы увеличить свои доходы» (I. 4; пер. Г. А. Стратановского). — *Примеч. ред.*

¹⁰⁴ Речь идет о Тавре Киликийском, части горной цепи Тавр (греч. «бык»). По всей вероятности, именно эта статуя дала название антиохийским Таврским воротам. — *Примеч. ред.*

¹⁰⁵ О храме Миноса известно только из данного фрагмента. О храме Деметры см. Or. XV. 79; Julian. Misopog. 346 b; о храме Геракла упоминает Иоанн Малала (246). — *Примеч. ред.*

¹⁰⁶ Курия (булевтерион), по сообщению Малалы, была сооружена при Антиохе IV Епифане, во время строительства нового района города, Епифании. В этом же районе был возведен амфитеатр, упоминаемый в данном фрагменте. — *Примеч. ред.*

и большая часть города была среди храмов. Ведь храмы богам в одно и то же время и украшение города, и охрана.

126. Но легче измерить кружками море, чем пытаться охватить словом, какими новыми постройками каждый увеличивал город. Поэтому, отказавшись от невозможного, прозвание каждого я приведу во свидетельство его нрава. Одному таковым было Спаситель¹⁰⁷, другому Бог¹⁰⁸, третьему Каллиник¹⁰⁹, четвертому Великий¹¹⁰, пятому Филопатор¹¹¹, шестому Епифан¹¹², и не было ни одного, кто бы оказался обделенным такого рода свидетельством.

127. А между тем, если для Афин важным было то обстоятельство, что из их государственных деятелей тот прозван был справедливым¹¹³, другой иным каким-нибудь прозванием, то насколько почетно для нашего города, что цари оказались достойными подобных эпитетов, и притом не какие-нибудь два, но подряд все и, что еще важнее, доходившие до такого числа?

128. Не только, далее, мы воспользовались наилучшими свойствами владык, но и их жен, которые, став выше станков, превзошли свою [женскую] природу в отношении к городу, подъяв на себя заботы, подобающие мужам, одни, помогая погребальным обычаям, другие, богов чтившие храмами, а город украшавшие почетом, как бы сожительствова мужьям не для рождения только детей, но и для того, чтобы подражать им в заботах о городе.

¹⁰⁷ Антиох I Сотер (281–261 гг. до н. э.), Селевк III Сотер (Керавн) (246–225 гг. до н. э.), Деметрий I Сотер (162–150 гг. до н. э.). — *Примеч. ред.*

¹⁰⁸ Антиох II Теос (261–246 гг. до н. э.), Клеопатра Теа (125–121 гг. до н. э.). — *Примеч. ред.*

¹⁰⁹ Селевк II Каллиник (246–225 гг. до н. э.). Каллиник — греч. «торжествующий победу». — *Примеч. ред.*

¹¹⁰ Антиох III Великий (222–187 гг. до н. э.). — *Примеч. ред.*

¹¹¹ Селевк IV Филопатор (187–175 гг. до н. э.), Антиох IX Филопатор (114–96 гг. до н. э.). Филопатор — греч. «любящий отца». — *Примеч. ред.*

¹¹² Антиох IV Епифан (175–164 гг. до н. э.), Антиох VIII Епифан (121–97 гг. до н. э.), Селевк VI Епифан (96–94 гг. до н. э.). Епифан — греч. «славный». — *Примеч. ред.*

¹¹³ Справедливым был прозван Аристид (Plut. Arist. 7. 1–2), афинский государственный деятель в первой половине V в. до н. э. — *Примеч. ред.*

129. Итак, пока божеству угодно было править Азией волею македонян, этот город был для них как бы акрополем их державы, и они жили здесь под покровительством Судьбы и обставляли город всем, что откуда-либо получали. А после того как бог прекратил их власть, и весь мир опоясал, словно золотой цепью, римской властью, он быстро понял решение совета в небе и без шума воспринял перемену. Чьим неизбежно было сделаться ему и после поражения, к тем он примкнул без боя¹¹⁴, подготавливая будущее, чистое от неприязни, и не оставляя повода к злопамятству.

130. Поэтому, вместо этого настроения, он вкусил такого попечения со стороны вождей, что прилив благ наблюдался в равной степени, как если бы не одни основали город, а другие его присвоили, но римляне владели тем, что впервые построили, и соблюдали естественную благосклонность к своему созданию, так они сохранили за ними принадлежавшее им достоинство и прибавили то, какое у них в обычае, и не лишили его положения митрополии Азии¹¹⁵.

131. Так вот что пусть будет ответом тем, кто воображают, будто город наш не пользовался значением в древние времена. А в ответ тем, кто находят, что он пришел в упадок после прежнего его блестящего положения, представим настоящее его состояние, и пусть зависть не коснется слова¹¹⁶. Ведь иные города, как инвалиды, твердя о своем прошлом, жалуются на настоящее,

¹¹⁴ Либаний имеет в виду события 64 г. до н. э., когда Помпей, победоносно закончив войну с Митридатом, прибыл в Антиохию для устройства сирийских дел. Недавно восстановленный на троне Антиох XIII был смещен, поскольку, по словам Помпея, он не оберегал свое царство и скрывался в киликийских горах, пока царь Армении Тигран правил в Антиохии. При этом Помпей вернул антиохийцам заложников, выданных во время войны с Тиграном, и организовал ремонт булевтерия. В связи с утверждением Либания симптоматично сообщение Евсевия, что антиохийцы дали Помпею взятку, чтобы Антиохию было отказано в признании римскими властями. — *Примеч. ред.*

¹¹⁵ Почетный титул «митрополия» зафиксирован со времен Помпея, Цезаря и Августа, фигурирует в городской чеканке. Антиохия лишилась статуса и почетного титула только в 387 г. после т. н. «мятежа Статуй». — *Примеч. ред.*

¹¹⁶ Ср. такую же приговорку *orat. I*, в начале.

а у нас то, что наблюдается, соревнует с преданиями старины и не меньше можно рассказать, чем показать.

132. Рассмотрим же, как в музыке, настроен ли город во всем на лад, или, клянусь Зевсом, как какая-нибудь статуя, из знаменитых, если все потребное он представляет не наполовину, но в той полноте, сколько это только возможно¹¹⁷.

133. И прежде всего рассмотрим курию, так как и все значение города стоит на ней, как на каком-нибудь корне. Итак, одна эта величайшая из всех местных курий и наилучшая, будучи в состоянии перечислить отцов, дедов, прадедов и предков, в том же звании декурионов, даже более отдаленных, в родителях пользуясь наставниками в расположении к городу, вместе с состоянием каждый воспринимая мысль, что следует владеть имуществом в интересах города.

134. Ведь они унаследовали отцовское достояние ради благоденствия и потратили большую часть его в удовлетворение честолюбия, а благодаря своему трудолюбию приобретали много, обладая безупречным началом богатства и со всею щедростью пользуясь им для общественных повинностей, бедности же избегая своею предусмотрительностью, траты на город производя с большею охотой, чем другие приобретают доход, и так расточительно приступая к издержкам, что внушали уже опасение, как бы не впасть им в оскудение, производя расходы многообразного рода, и пропитывая толпу в ее нужде, и придачей земли устраняя недостатки, и все время принося пользу и развлечение всему городу довольствием банями и утехами зрелищ, еще при жизни вводя сыновей в отправление общественных повинностей и изъятие от них в силу законов приводя к их выполнению своими щедротами, потратившие свои средства являясь более радостными, чем еще не предоставившие их.

135. Ведь то, что в другом месте сопровождает добыток, то здесь стоит в связи с издержками, и богатеть путем уклонения от

¹¹⁷ Cp. Plato Legg. VII, pg. 806 τέλεον καὶ οὐδ' ἥμισυν δεῖν τὸν νομοθέτην εἶναι.

повинностей всякий скорее посовестился бы больше, чем уменьшить состояние отправлением их. Как будто имея какого-либо бога поручителем в том, что всё, сколько ни израсходуют, Судьба вернет им вдвойне, так изобильно жертвуют они на конные и гимнастические состязания, одни в размере, приличном их состоянию, другие даже не по средствам.

136. И для каждого из обязанных повинностями предметом соревнования служит превзойти предшественника и отрезать преемнику возможность состязаться с ним, и тому, что всегда исполняется, придать совершенства, и к обычному присоединить что-нибудь в новом роде.

137. Только у нас одних больше соперничества из-за захвата литургий, чем у других в избегании их, и многие нередко путем издержек добивались допущения к ним, нанизывая¹¹⁸ расход на расход и через первый входя во второй, не избегание крупнейших покупая за малую плату, но значительною платою доставляя себе право выложить большие средства.

138. Причиной этого является некая врожденная горделивость, в силу коей они не терпят, чтобы в их город приходила о других большая слава, чем об их собственном в другие места, не считая заслуживающим упрека собственное отечество доводить, в чем можно, до самого высокого положения.

139. Так, курия в такой степени причастна мудрости и мощи слова, что можно бы назвать ее каким-нибудь хором софистов, показывающих искусство своей профессии в административных сферах. Так остер у них ум, закруглена речь и неустанен поток ее, что многие из любителей послушать сбегаются в судебные залы как в школы¹¹⁹ наставников, чтобы внимать у правителей речам¹²⁰, которые они с большею уверенностью

¹¹⁸ συνείροντες ср. т. I, стр. 424, 1 [660, 120].

¹¹⁹ μουσεῖον ср. т. I, стр. 27, 1 [133, 107].

¹²⁰ ἄγων и ниже. (Речь идет о судопроизводстве консуляра Сирии или комита Востока. На этих процессах выступали адвокаты-синдики, как частные, так и официально зарегистрированные; многие из этих синдиков были софистами, в том числе учениками Либания. — *Примеч. ред.*)

выполняют под вдохновением момента¹²¹, чем после предварительной подготовки.

140. Это искусство их заставляет правителей подтверждать свое наименование, а не выступать из границ в подражание тигранам. В чем же тут дело? Где курия невежественна, будь она хоть раззолоченной, при безгласности ее, правителям легко ее оскорбить, а декурионам приходится сносить это молча. Действительно, те, кто не могут добиться словом правды — готовая жертва притеснений, и название им — курия, а терпят они рабскую долю.

141. У нас же сила речей строго охраняет для курии свободу, а тех, кто стоят во главе дел, заставляет являться такими, каково их наименование, для умеренных из них содействуя обретению лучшего отношения, у дерзких сдерживая их необузданность понуждениями мудрости и, словно наговором, направляя риторику к кротости. Так они обладают снадобьем, сильнейшим их произвола¹²².

142. И не сама курия с трепетом добивается впуска к правителям, но они, намереваясь изречь приговор с осторожностью, приглашают, чтобы дать пробу среди людей, коих не легко захватить врасплох, но которые умеют составить суждение. А они противодействуют, если справедливость — в пренебрежении, а когда она торжествует, хвалят. И важным, жизненным вопросом для правителя является признание за ним куриею справедливости решения.

143. Далее, прочим составляет гордость, если они снесут стремительность правителя и не будут ею решительно потоплены. У вас же все те правители, которые приобретут доброе имя, считают себя стяжавшими венки за доброкачественность, не как

¹²¹ ἐκ τοῦ παραρρήμα, реминисценция на Фукидида, I, сар. 22. См. т. I, стр. 395, 3 [623, 5].

¹²² Идеализированная картина отношений курии и наместников (консуляров Сирии и комитов Востока). Судя по речам Либания, сам оратор пытался превратить подобную схему в жизнь, но не очень успешно. — *Примеч. ред.*

люди, совладавшие с ослушниками, а как получившие похвалу в среде свободомыслящих.

144. Так относясь к начальствующим, курия, не сказал бы, чтобы чужда была соперничества между ее сочленами, но как бы они ни соперничали, они соперничают в целях блага общины. Разделившись на три присутствия¹²³, руководство по каждому она возложила на лучших, в остальном же следует вождям, умеющим работать в интересах партии.

145. Что касается слова, нет того, чтобы одним оно предоставлялось, другим не было предоставлено, но свобода слова — общая, и того, кто выскажет какое-либо полезное предложение, стоящие подле него поздравляют; говорит юность и старость не докучает, совершенно напротив, старцы помогают увещаниями, и направляют, и побуждают дерзать, как орлы, поощряющие птенцов к полету.

146. Внушительность коллегии простирается настолько, что, раз она появилась, и достигает от префектов¹²⁴, чего желает. И давшему то обстоятельство, что он дал, доставляет величайшее удовольствие. Ведь он знает, что благодетельствует людям честным и искусным в речи, из чего одно склоняет их помнить о милости, а другое даст возможность по достоинству восхвалить.

147. Да что говорить о префектах, когда и у государей коллегия эта в уважении, и когда посылает свои доклады, и когда беседует перед троном?¹²⁵ В делопроизводстве проявляется державцу рассудительность курии и в честь декурионам приходят от него назначения на посты правителей провинций.

¹²³ Вероятно, речь идет о разделении куриалов по имущественному принципу. Наиболее влиятельными были принцепалы, выделенные в Кодексе Феодосия. — *Примеч. ред.*

¹²⁴ Либаний использует термин ὑπαρχος, которым он обозначает префекта претория. В год написания данной речи префектом претория Востока был Стратегий, друг Либания, стремившийся к мягкому обращению с антиохийцами после жесткого правления цезаря Галла. — *Примеч. ред.*

¹²⁵ Послами от курии города к императору традиционно назначались принцепалы. — *Примеч. ред.*

148. Но любовь к своему городу удержала некоторых на их положении декурионов¹²⁶, и те, кому это выпало на долю, украсились двойной честью, быть призванными к тем должностям и отдать предпочтение последнему званию. Действительно, первым они показали свою пригодность властвовать, вторым то, что считали важнее быть в подчинении, живя для отечества, чем, покинув это звание, править другими.

149. Таким образом, они вменяют себе в удовольствие, не труд — служить своему отечеству, не приняв избавления от трудов, а предпочтя оставаться при них, и одним в почет служит уклонение от административных постов, другим отправление их согласно с законами.

150. А о народе что больше может любой сказать, как не то, что он под стать курии и ни ей не надлежало бы стоять во главе другого народа, ни ему быть чьим-нибудь другим, а не ее? Так она руководит дельными людьми, а он следует за лучшими, как искусный хор за лучшим корифеем.

151. В самом деле, во-первых, у каждого жена и дети и домашнее устройство. Эти условия способствуют добросовестному воспитанию и стремлению к спокойствию¹²⁷, как иные, у тех, у кого ничего этого не имеется, скорее — тому, чтоб посеять мятеж, взяться за оружие, потешиться избиением и, причинив беду первому встречному, бросаться на новую жертву¹²⁸, каких предерзостей много наблюдается в Египте¹²⁹, много в

¹²⁶ Примером такого куриального патриотизма был дядя Либания Фасганий, отказавшийся от административной должности, предусматривающей иммунитет от куриальных повинностей (см. Or. LXII. 31). — *Примеч. ред.*

¹²⁷ Мнение Либания об умиротворяющем влиянии семьи в общественной жизни см. также Or. XXVI. 8; LVI. 23. — *Примеч. ред.*

¹²⁸ По всей видимости, это намек на еще свежий в памяти слушателей мятеж в Антиохии в 354 г., при правлении цезаря Галла: в связи с затруднениями продовольственного снабжения города толпой был убит консуляр Сирии Феофил, были разгромлены дома многих принципалов, в том числе ритор Евбула (см. Or. I. 103; Amm. Marc. XIV. 7. 6). — *Примеч. ред.*

¹²⁹ О «неуправляемости» жителей Александрии Либаний говорил не раз (см. Or. XXVI. 18) — ср. мнение Аммиана Марцеллина о сутяжничестве египтян

Италии¹³⁰, причем одни хватаются, как за предлог к смятению, за всякое слово, другие дают себе волю в пору затруднений курии.

152. У нас же народ подражает послушанию родителям детей, ведь и курия в отношении к нему подражает отцам, последняя, не допуская, чтобы народ впадал в нужду, он, взамен отплаты за воспитание, отплачивая ей своим расположением, скорбя в пору ее уныния, в пору благоденствия всячески радуясь, являясь ее сообщником в той и другой ее судьбе и не считая чуждым себе ни одного из ее интересов, с величайшей охотой готовый для спасения своих предстателей и детьми пожертвовать.

153. Можно познакомиться с характером народа, если испытать его в самых бедствиях. В чем его обвиняли, то показывает его порядочность, и укор ему равносителен похвале ему. Дело в том, что, когда городу, как таковому, приходилось подвергнуться бедствию от какой-нибудь невзгоды, постигшей землю, он получал упрек за то, что не воспрепятствовал случившемуся, а не за то, что натворил какой-нибудь беды.

154. Так, по натуре чуждаясь низости, он считается укротителем злодеев. Так, в благородном заключении и верном соблюдении сделок, какой народ подходит к нашему? Так голос не распущен до неприятности, походка благоприлична, одежда опрятна, людям высшего положения уступание дороги, к образованным любовь, цивилизованность во всем. Где это наблюдается среди другого народа? Если сказать правду, где среди другой курии? Так он опережает свое наименование и по порядливости своей жизни приближается к высшему классу.

155. По своему милосердию он настолько превосходит, что услуги, какие другие упускают в отношении к родственникам, им

(XXII. 6. 1 от 361 г.). Масштабное восстание в Египте, которое было на памяти слушателей Либания — 296–297 гг., когда практически во всем Египте была свергнута римская власть, бунтовщики присягнули своему узурпатору Домицию Домициану, и имп. Диоклетиану стоило больших усилий восстановить порядок в стране. — *Примеч. ред.*

¹³⁰ Возможно, Либаний имеет в виду волнения 354 г. в Риме, усмиренные префектом города Леонтием (Amm. Marc. XV. 7. 1–5). — *Примеч. ред.*

соблюдаются в отношении к пришлым людям. Именно, в то время как граждане из других мест были пригнаны сюда по таким их винам, за которые полагалась смерть, народ, когда их вели на казнь, ударился в слезы и окружил дворец с веткой просителей, и их мольбы утишили кипучей гнев властителя¹³¹.

156. Итак, они молили по своей склонности к милосердию, а он даровал им эту милость, как достойным получить и подобное снисхождение, и города сохранили граждан, а наш народ славу своего моления и его удовлетворения, владыка же славу победы над своим гневом.

157. Нельзя сказать, чтобы, в то время как добропорядочность наша местная черта, город забросил храбрость в опасности вместе с воинскими упражнениями, но последние прекратил закон, однако первую натуру наша сохранила.

158. Так, с одной стороны, при нашествии персов¹³² население не пожелало спастись бегством, но осталось, с большим рвением держась за отечество, чем лакедемоняне за щиты, с другой, тирана, внезапно появившегося в Селевкии и вторгшегося сюда¹³³, город низверг руками жителей, и их десницы, побросав орудия, что находились в мастерских, разоружили воинов, которых жизнь течет среди крови убийств.

159. Может быть, ничто не препятствует рассказать, как было дело с этим восстанием¹³⁴. Так больше станет ясна доблесть по-

¹³¹ Точная принадлежность данного сюжета неизвестна. Возможно, он имеет отношение к ликвидации т. н. мятежа Евгения в 303 г., о котором Либаний пишет далее, в § 158–162. — *Примеч. ред.*

¹³² О захвате персидскими войсками Шапура I Антиохии ок. 250 г. (256/260 г.) сохранилось известие у Аммиана Марцеллина (XXIII. 5. 3). См. также Liban. Or. XXIV. 38; LX. 2–3. — *Примеч. ред.*

¹³³ Речь идет о мятеже Евгения 303 г.: Евгений, трибун 500 солдат, расквартированных в Селевкии Пиерии, был провозглашен своими солдатами императором; его отряд двинулся в Антиохию для захвата столицы диоцеза, но в результате уличных боев восставшие были разгромлены, Евгений пал в бою. — *Примеч. ред.*

¹³⁴ Ср. об этом эпизоде выше, orat. XX, §§ 18, 19, стр. 308 [445] след. (Либаний рассказывает об этих событиях с особым чувством, поскольку его дед по отцу

бедивших. Таксиарх в Селевкии со взводом гоплитов находился в гавани за работой по углублению ее устья. Зная, что у нас не стоит войска, отличившись работою в гавани и возымев надежду вследствие отсутствия тех, кто бы мог ему воспрепятствовать, он возжелал тирании. И он не медлил и, так как багряница была налицо, та, кою облечена была статуя, надев ее, начал свое предпрятие.

160. Напав на деревни по дороге и разграбив всю область, по которой шли, поздно вечером они, незванные, заняли город, в расчете, что достаточно им появиться. Но если с фалангой воинов им, действительно, встретиться не предстояло, однако — с отвагой людей, грозной не менее, чем гоплиты.

161. Как только они увидали тирана, стремящегося во дворец¹³⁵ и похищающего достояние владык, почерпнувши внушение в бессмыслице того, что творилось на их глазах, не пожелали принять решение, дождавшись ночи, но признав единственным решением — не допускать, и груди свои выставив вместо щитов, а засовы вместо копий, и всё, что попадало под руку, признав за достаточное оружие, в тот же день отразили скипетр, сами повергши первых теми доспехами, какими располагали, затем оружием этих воспользовавшись против остальных.

162. И женщины приняли участие в деле, не только криками, воплями, камнями с крыши, — этим, что имело место в Платее¹³⁶, но, вступив прямо в рукопашную и попробовав и боевого строя,

и брат этого деда были по данному делу осуждены на казнь и конфискацию имущества (см. Or. I. 3; LI. 30; Ep. 1154). — *Примеч. ред.*)

¹³⁵ Царские дворцы находились в т. н. Новом городе — северо-западной части Антиохии, расположенной на острове, образованном двумя рукавами Орон-та. По словам Евагрия Схоластика, новый город «был превосходно украшен благодаря честолюбию соперничавших друг с другом царей» (II. 12). — *Примеч. ред.*

¹³⁶ Thucyd. II 4, 1. (Речь идет о ночной атаке фиванцев на Платею, с которой фактически началась Пелопоннесская война в 431 г. до н. э.: «Когда же в поднявшемся смятении не только вооруженные платейцы продолжали теснить их, но даже женщины и рабы стали с криками и воплем бросать им на головы с крыш камни и черепицу... фиванцы в страхе бросились враспынную бежать по городу...» (пер. Г. А. Стратановского). — *Примеч. ред.*)

и ран, удостоверив тем предание об амазонках. Так одни полегли, другие бежали, третьи были забраны в плен, и тирания не подвержалась и до второго дня.

163. Таков город в надвигающихся опасностях: сохраняет в своей натуре смелость предков. Рассмотрим, далее, сохранил ли он и другие качества афинян, которых принял в состав своего населения.

164. Итак, величайшею похвалою для тех является то, что они открыли общее убежище просящим у них приюта, и отовсюду стекались в Афины пришельцы; мы же, по Гомеру, далеко превосходим в этом отцов¹³⁷. Ведь нет города, часть которого мы не приняли бы. Но нельзя сказать о большем числе из каждого, но немногим меньше оставшихся в каждом месте мы приняли переселенцев к себе, одних — побуждаемых желанием удобств жизни, других — торговыми интересами, третьих — в целях показания своего искусства¹³⁸, четвертых — в целях избавиться от бедности.

165. Одних влечет пренебрежение к своему месту жительства как худшему, других любовь к климату и бегство от него. Бегут они от своего, а любят тот, что у нас. Поэтому те, которые остаются в каждом городе, а нас посещающие, посещают на побывке своей сограждан. Со столькими со своей родины встречается каждый.

166. И если кто решит посетить нашу страну для выгоды, не для того, чтобы поглядеть на города, но для знакомства с их нравами, город удовлетворяет его рвению, освобождая его от блужданий. Сидя на нашей площади, он придет в соприкосновение со

¹³⁷ Ср. Homer. II. 405–409: «Мы справедливо гордимся, что наших отцов мы храбрее: Воинство в меньшем числе привел под Арееву стену, Мы и престольные Фивы разрушили, град семивратный, Знаменьям веря богов и надеясь на Зевсову помощь. Наши ж отцы своим безрассудством себя погубили» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

¹³⁸ Предшественники Либания, риторы Ульпиан и Зиновий были оба из Палестины, антиохийцем не был и Акакий, конкурент Либания на должность официального ратора Антиохии. Учителя в школе Либания также были «иногородними» (ср. Or. XXXI. 9–11). — *Примеч. ред.*

всяким городом. Со столькими людьми из каждого города вступит он в беседу.

167. И тем, которые предпочли этот город своему, не вменяется в промах, что они не живут в своем отечестве, но оставшиеся дома, завидуя им, бранят себя, что не переселились. Так предоставлено здесь всем общее соучастие в благах. И пришельцы любят, как свой, город, на который обменяли свой, и граждане не желают иметь преимуществ над пришлым людом, но с охотою оценивают достоинства пришельцев, как, конечно, сынов [земли]¹³⁹, подражая и в этом афинянам¹⁴⁰.

168. Действительно, как последние дали захваченным в Пилосе участие в имевшихся у них должностях и прибегали к их услугам в важнейших делах¹⁴¹, так мы наилучше почтили пришлых людей и воспользовались их трудом, так что еще и сейчас дома их занимают первенствующее положение.

169. Так как переселения к нам начались с отдаленных времен и не прекращались, полагаю, и не прекратятся, естественно населенность нашего города увеличилась, и это стало в нем самым очевидным признаком того, что возвышение числа жителей дело одного пифийского бога, у которого, по словам оракула, и песок сосчитан¹⁴².

170. Будучи столь значительным и простираясь на такое пространство, он весь, в каждой части, наполнен равномерно,

¹³⁹ По объяснению Förster'a со ссылкой на Платона, Legg. III 595 A.

¹⁴⁰ У Либания здесь также ссылка на классическую речь Перикла, процитированную Фукидидом: «Так, например, мы всем разрешаем посещать наш город, и никогда не препятствуем знакомиться и осматривать его, и не высылаем чужестранцев из страха, что противник может проникнуть в наши тайны и извлечь для себя пользу» (II. 39. 1; пер. Г. А. Стратановского). — *Примеч. ред.*

¹⁴¹ Речь идет о мифологической истории рода Нелеидов, изгнанного из Пилоса (в Мессении) Гераклидами. Нелеиды переселились в Афины, и от них произошли знатные афинские роды Алкмеонидов и Писистратидов (Paus. II. 18. 5–7; Her. V. 65), члены которых сыграли выдающуюся роль в истории Афин архаической и классической эпох. — *Примеч. ред.*

¹⁴² Herodot. I 47. οἷδα δ' ἐγὼ ψαμάθου τ' ἀριθμὸν καὶ μέτρα θαλάσσης. Schol. Arph. Acharn. v. 3.

и проверишь ли часть за воротами города или внутри стен, первую и ту, что за ней, дойдешь ли до середины, перейдешь ли в улицы, или перенесешь расследование на окраины кругом, все изобилует населением в равной степени, и такое количество людей обращающихся не исключает столько же блюдущих дом.

171. Итак, афиняне, из страха перед вторжением лакедемонян, покинув деревни, наполнили Афины, и обилие населения в городе было безлюдьем для деревень¹⁴³, а у нас, в то время как деревни привлекают так много граждан, будто они опустели, город преуспевает в численности населения и целый день на площади настолько одинаковолюдно, что «в пору, когда площадь полна»¹⁴⁴ — означает у нас не одну определенную часть дня, хотя в других местах это выражение, действительно, означает таковую. Так равномерность не допускает ни для какой части дня исключительного названия, но, если скажешь: «когда полна», означаешь все время.

172. Ведь подобно тому, как во всех тех реках, где течения не перерезывают скалы, поднявшиеся посреди них, течение движется на глаз одною сплошною массою, так здесь густота движущихся людей не позволяет образовываться в середине какой-либо пустоте, так что у того, кто впервые очутился здесь, когда он смотрит, может возникнуть мысль, что за городом, по направлению из каждых ворот, происходят какие-то празднества и, в силу особого закона, город выпускает на них жителей, причем они распределяются по воротам по желанию.

173. Одним может не понравиться город, что тем, кто куда-нибудь спешит прийти поскорее, он создает препятствие в толпе, задерживая его встречными людьми, словно противными волнами бег корабля.

174. Далее, у тех, которые видят населенность, но не знают урожая земли, может явиться опасение за пропитание, потребное

¹⁴³ Речь идет о событиях 431 г. до н. э., начала Пелопоннесской войны. — *Примеч. ред.*

¹⁴⁴ Суда уточняет (s. v.), что данное выражение означало время с середины утра до полудня, когда на афинской агоре проводились в том числе политические мероприятия. — *Примеч. ред.*

такой массе. Тому же, кто слышит о первом, а не знает о второй, может показаться удивительным, на чье пропитание он расходуется. Так, масса населения у нас подходит к земле, а к массе этой природа земли, благодаря коей мы никогда не доводимы были до того, чтобы обидеть Зевса, покровителя пришельцев, суровостью к пришельцам, хотя имея перед собою пример Рима, который скудость средств пропитания, когда такая случится, изгнанием пришлого люда¹⁴⁵ превращает в изобилие.

175. Но нас земля не вынуждала к такому врачеванию и не случалось, чтобы когда-нибудь она лишала город значительного числа жителей ради спасения остальной части населения, соблюдая, полагаю, свой древний закон прекращать, а не вызывать бедствия пришельцев, так как и сына Агамемнона, после убийства им матери, когда стремительно гнали его в его безумии по всей земле богини, которые карали юношу сумасшествием, наша земля вернула к здравомыслию: как только он вступил на нашу границу, недуг его прекратился и местность получила от этого события свое название¹⁴⁶.

176. Но здесь я, сам не знаю как, увлекся усладой воспоминаний о Пелопиде, но нужно вернуть речь к проверке силы города, одним удовлетворительным свидетельством коей является достаточность средств для населения, другое, яснейшее, я теперь добавлю.

177. Когда разразилась эта персидская война¹⁴⁷, к которой издавна готовилась персидская держава, и когда нужда требовала

¹⁴⁵ Аммиан Марцеллин рассказывает, что в 340-х или начале 350-х гг. из-за дефицита продовольствия из Рима были высланы иногородние, в том числе «представители знания и науки» (XIV. 6. 19). — *Примеч. ред.*

¹⁴⁶ Jo. Malal., Chronogr., pg. 142. Strab. XII, pg. 535, 11 sq. (Речь идет об Оресте, убившем свою мать Клитемнестру, который прошел обряд очищения в р. Оронт в районе Антиохии. Орест был сыном Агамемнона и потомком героя Пелопса, поэтому в следующем параграфе Либаний именует его Пелопидом. — *Примеч. ред.*)

¹⁴⁷ Персы собирались занять области Месопотамии, отобранные у них имп. Галерием, что было закреплено Нисибийским договором 298 г. Константин Великий умер, находясь уже во главе войска, выступившего против персов.

внушительных встречных подготовлений и раньше приготовления города, пригодного к тому, чтобы принять все те средства, каких требует столь значительная война, именно этот город превзошел потребности своим избытком, и собрал боевые силы в свое лоно, и двинул целое войско, когда требовала того пора.

178. Когда в него, как реки в море, стекались все гоплиты, все стрелки, и всадники, и кони, одни боевые, другие вьючные, всякий верблюд, всякая рука¹⁴⁸, так что почва была покрыта стоявшими, сидевшими, стены скрыты под навешанными на них щитами, копье и шлем видны были повсюду, все полно стука, суеты и ржання, когда стояло в городе столько отрядов, что одни их таксиархи¹⁴⁹ прибавили немалое число к населению, вернее же, собралось такое количество войска, на сколько у других не хватило бы и воды для питья, каждый принял воина так предупредительно¹⁵⁰, будто ухаживал за родственником, вернувшимся после долгой отлучки, так каждый имел земли в избытке, как будто в каждом жилище земля сама собою преобразилась в пещеру, и так можно было кормиться досыта, как будто не человеческая воля или рука заботилась и служила, но как будто боги, какова сила богов, невидимо готовили каждый предмет.

179. Поэтому нас в особенности среди врагов бранят персы, что, явив свой город соперником доблести царя, мы нигде не повредили его рвению недостатком снабжения.

180. Вот почему город наш замещает государю возлюбленную¹⁵¹, и, как бы отъезжая из отечества, он возвращается к нему

Войну же с 338 по 350 г. и с 359 по 360 г. вел имп. Констанций II. Антиохия, как столица диоцеза Восток, была штаб-квартирой сначала имп. Константина, а затем имп. Констанция II. — *Примеч. ред.*

¹⁴⁸ Можно понимать о людях разных профессий, нужных и на войне, ср. $\chi\epsilon\iota\rho\ \epsilon\rho\gamma\acute{\alpha}\tau\iota\varsigma$, $\chi\epsilon\iota\rho\ \xi\iota\phi\omicron\upsilon\lambda\kappa\acute{o}\varsigma$ и т. п.

¹⁴⁹ Речь идет о командирах воинских отрядов, вплоть до командиров легиона — трибунах старшем (назначаемом указом императора) и младшем, препозите, префектах кавалерийских ал. — *Примеч. ред.*

¹⁵⁰ В обычное время воинские контингенты размещались на постой в деревнях (см. Or. XLVII. 4). — *Примеч. ред.*

¹⁵¹ «город», $\eta\ \pi\acute{o}\lambda\iota\varsigma$, по-гречески женского рода.

мыслью и дает клятву возвратиться, а отсутствие свое облегчает письмами и без отдыха войны чередует с войнами, за трудами на Западе гонясь за зрелищем Востока, а вернее, за трудами на Востоке стремясь узреть наш город. Итак, он не продвигался в другое место, кроме тех, куда принуждала двигаться война, но поистине нежась, будто в объятиях возлюбленной, проводил приятнейшее для себя время здесь¹⁵².

181. Итак, силой города, как в теле, можно восхищаться, а речи, которые подобает назвать умом города, разве возможно обрести здесь в небрежении, в забросе? Ведь это именно и делает великий город более почтенным и, даже если бы ему не пришлось быть столь значительным, это во всяком случае делало бы его предметом восхищения.

182. В самом деле, как в Афинах в славе и прочие вещи, триеры, морские сражения, властвование над многими, а самое значительное, стремление к мудрости, ее почитание и приобретение, так и у нас ничто не лишено дани восхищения, но все в этом уступает любви к мудрости.

183. И мне кажется, бог, который разрезал землю на две половины¹⁵³, пожелав каждую часть украсить одинаково и, как бы на весах, сохранить равновесие, повелел Гермесу заложить здесь семена словес, не отстающие от аттических, и жезлом побудить людей стремиться к этому приобретению.

184. Поэтому, как раньше греческий мир был поделен на два города, Спарту и Афины, так теперь блага греков на два города,

¹⁵² Согласно данным эдиктов из Кодекса Феодосия, имп. Констанций II находился в Антиохии в 333 г., 338–343 гг., 346 г., 350 г. Юлиан в своей речи отмечает, что Антиохия даже получила почетный титул Констанция (Or. I. 40 d). — *Примеч. ред.*

¹⁵³ Риторическая цитата из речи Исократы, который писал, что мир (Греция) разделен на две половины между Спартой и Афинами (Ран. 16; 179, — ср. далее § 184). Судя по тексту этого параграфа, а также § 184–185, Либаний предлагает другую дихотомию: одна половина с центром в Афинах, другая с центром в Антиохии. Бог, разделивший таким образом землю и давший поручение Гермесу, который в одной из своих ипостасей был богом красноречия и мышления, — Зевс. — *Примеч. ред.*

наш город и Афины, если грека следует называть скорее по его искусству слова, чем по его происхождению¹⁵⁴.

185. И восходят два эти светила риторики, одно освещающая Европу, другое Азию. И вот, во-первых, город воспринял такие качества учителей, что, если бы они не были удостоены тронов здесь, во всяком случае были бы их удостоены в Афинах¹⁵⁵. В такой степени у тех был избыток звучности, у других красоты.

186. Затем, собирались рои юношей, гуще пчелиных. Далее, никто не удалялся со стыдом, но приобретя весьма достаточно, одни оставались, другие уходили, одни тем самым, что они усвоили, привязанные узами любви к давшему городу, другие — принося свой разум своим отечествам во спасение. После того известность вернувшихся направляла к тем же обрядам других, и посылают одни детей, другие братьев, третьи соседей, четвертые знакомых, все вообще сограждан своих.

187. И вы стали митрополией Азии, сколько по преимуществам своего достоинства, столько же потому, что всем была отсюда величайшая польза. Ведь куда ни явишься, обретешь совет, вооруженный речами, и риторов, с уверенностью держащих речи, или всё сподвижников здешних школ¹⁵⁶, или большинство, или во всяком случае таких не меньше [чем прочее число].

188. Другие искусством трибуны и помощью в процессах достигают положения судей¹⁵⁷, и мы доставляем провинциям отличных и риторов, и судей, которые, творя в городах управу своими решениями, приобретают только это одно, что являются виновниками справедливости, и уходят с пустыми руками, но увенчанные славою. И вы, зная это, строите щедро святилища

¹⁵⁴ Также цитата из того же произведения Исократ (Ран. 50). — *Примеч. ред.*

¹⁵⁵ В каком-то смысле Либаний здесь имеет в виду себя: он был приглашен ритором в Афины в 353 г., а в 354 г. уже вернулся в Антиохию (см. Ор. I. 81–84). — *Примеч. ред.*

¹⁵⁶ *μολογῶν* cf. стр. 371, 1 [539, 119].

¹⁵⁷ Речь идет о должностях наместников провинций, осуществлявших судопроизводство по гражданским и уголовным делам. Подсчитано, что из учеников Либания 41 человек попал на государственную службу. — *Примеч. ред.*

Музам¹⁵⁸ для пребывания в них юношей, для богинь — почетный дар, и в качестве учителей привлекаете граждан, не исключаете и пришельцев.

189. И в деле словесного искусства с гуманностью сочетается и строгость. Что места заседаний предоставлены всем, показывает гуманность, а что похвалы предоставлены лишь тем, кто заслуживает их, — строгость.

190. И когда вас зовут, вы собираетесь, а когда они делают промахи, вы не покрываете их, но и превратная мысль, и неверная фигура, и испорченное слово тотчас подхватывается, общее обличение негодности поднимается со всякого места, и невозможно оратору, поражаемому, пронзаемому, словно стрелами¹⁵⁹, утешить тревогу души невежеством слушателей, бросив взор в какое-либо место театра, но, куда ни посмотришь, всюду сидит строгий критик.

191. Ведь, помимо обучения среди декурионов, три школы риториков в равном числе собираются в судах¹⁶⁰, изощрившиеся не менее слухом для оценки, нежели языком для защиты. Поэтому нет никого счастливее человека, признанного искусным здесь, и в злосчастии все уступают тому, о ком дан отрицательный отзыв здесь. Да и тот, кто сюда входит без содрогания и страха, не храбр, а туп, если не сознает, какой степени риска подвергается.

¹⁵⁸ Имеются в виду риторические школы. Однако это выражение имеет и вполне утилитарное значение: упоминаемый в Ог. I. 102 Музейон, видимо, являлся храмом Калиопы (в греческой мифологии музы эпической поэзии и науки), который традиционно использовался как школьное помещение. Другое святилище Муз, построенное при Антиохе IX Филопаторе (114–96 гг. до н. э.) на средства антиохийца Марона, уехавшего в Афины, было в 335 г. превращено в резиденцию (*praetorium*) комита Востока (Malala. 236. 1; 319). — *Примеч. ред.*

¹⁵⁹ «Лук», «стрелы» частое фигуральное выражение у Либания, ср., напр., т. I, стр. 43, 1, т. I, стр. 48, 1 [153, 184; 160, 216].

¹⁶⁰ Речь идет о различных уровнях судопроизводства в Антиохии, в которых действовали официально зарегистрированные адвокаты-синдики строго установленной численности. Это суд первой инстанции — консулара провинции, первая апелляционная инстанция — комита Востока, вторая (зачастую высшая) апелляционная инстанция — префекта претория Востока. По всей вероятности, эти синдики обслуживали и ведомственные суды. — *Примеч. ред.*

192. Таким образом, давно укоренилось здесь дело красноречия и достигло равного процветания. И тем, которые подходили к нему со стороны, и тем, кто взялись за него в самой его области, выпадало на долю приобщиться источникам, так что уже установилось мнение, что, кто ни вступит на эту землю, вкусил искусства и стал участником риторства, как будто земля испустила здесь музыкальное дуновение, как в других местах пророческое¹⁶¹.

193. Не удивительно, если, превосходя прочие в остальном, а в упражнении в мудрости с прочими превосходя и собственные достоинства, город наш приобретает себе поклонников в лице тех, кто является на административные посты, каждому из коих и вступлением в управление, и серединою, и концом его служит что-нибудь прибавить городу. Далее, ведь и те, кому пришлось прибавить, подобно людям, возжегшим богам крупнейшие приношения, живут остальную жизнь с отрадным чувством, имея, о чем рассказывать в беседах как доблестнейшем своем деле, вернее же, будучи в состоянии говорить обо всем, чему свойственно прославлять человека, умалчивая о прочем, гордятся одним этим, в уверенности, что никогда не постигнет их забвение об их деятельности в наилучшем месте из стоящих под солнцем.

194. И их уверенность понятна. Ведь тот, кто проявил ревность своей души там, где сборища¹⁶² наиболее часты, положил ее на приснопамятную славу, как, полагаю, те из живописцев, которые искусство рук своих принесли в дар в Дельфы¹⁶³. И не бывает так, чтобы те начальники, которым этого возможно достигнуть из царских денег, легко устремлялись к новым постройкам в городе, а те, у кого расходы покрывались из собственных средств, медлили приступить к ним, но те, кто принадлежали к среде импера-

¹⁶¹ О «пророческом дуновении земли» см. у Аристида (Panath. 46), одного из кумиров Либания. — *Примеч. ред.*

¹⁶² σύνδοι здесь, очевидно, в том же смысле как σύλλογοι, ср. т. I, стр. XVII [26, 84].

¹⁶³ См., например, подробное описание Павсанием картин Полигнота, расписавшего Лесху («место для разговоров»), сооруженную жителями Книды в Дельфах (X. 25. 1–31. 12). — *Примеч. ред.*

тора, больше проникались страстью к тратам здесь¹⁶⁴, чем к приобретению, и, собрав отовсюду красивый камень, разбрасывали среди города красивые постройки, блистающие, словно звезды, и, став указчиками великолепия этого, имели много последователей, задумавших нечто, превышавшее их силы¹⁶⁵.

195. Здесь тот, кто не возводит дома или хотя бы приобретает его из существующих, если и в высшей степени богат, считается втуне богатым, а кто это доставляет, а в прочем дошел до нужды, заносит себя в число богатых. Поэтому размеры города не стоят, но, подобно тому, как в организме человека, растут день за день.

196. Но пора уже распространиться о положении и величине. И вот, я полагаю, не окажется ни одного из существующих городов, величина коего такова при столь красивейшем положении. В самом деле, начинаясь с востока¹⁶⁶, город по прямой линии идет на запад, протягивая двойной ряд высоких портиков. Эти портики отделяет друг от друга улица под открытым небом¹⁶⁷, мощеная камнем, шириною в портик.

¹⁶⁴ Из известных нам придворных, занимавшихся строительством в городе, следует упомянуть Датиана, который был нотарием, позднее комитом императора Константина, потом Констанция; в 358 г. он достиг высшего в римской империи звания патриция и консула и стал постоянным советником имп. Констанция.

¹⁶⁵ Позднее Либаний более решительно критиковал подобную строительную деятельность (см. Or. II. 55; L. 2–4). Так, в 384 г. он явно критически оценивает деятельность друга своего отца Аргирия и своего дяди Фасгания, вложивших немалые средства в сооружение Плетриона (Or. X. 9–11). — *Примеч. ред.*

¹⁶⁶ Иоанн Малала сообщает, что в городской стене, возведенной по приказу имп. Тиберия, были сооружены Восточные ворота. Эти ворота имели значение одного из основных входов в город: по словам того же Малалы, когда при имп. Домициане в Антиохию прибыл Аполлоний Тианский, он по просьбе местных жителей создал талисманы против различных угроз, и, в частности, один талисман, против северного ветра, он поместил именно в Восточных воротах (235. 3–6; 264. 7–10). Судя по всему, эти ворота изображены и на знаменитой мозаике V в. из виллы в Якто (в районе Дафны): на дороге, ведущей из Берио, изображены монументальные ворота с путешественниками, входящими в город (Lassus. 56–55). — *Примеч. ред.*

¹⁶⁷ Известна как улица Герода и Тиберия, начинающаяся от Дафнийских (Золотых) ворот и протянувшаяся через весь город до Восточных ворот. Либаний пишет,

197. Длина этих протянутых галерей так велика, что только выровнять такую площадь потребовалось много рабочих рук, а пройти с начала до конца утомительно, и такая длина заставляет прибегать к коням, и она так гладка и непрерывна, не сменяясь ни впадинами, ни обрывами, ни другого рода неудобствами, но словно краски в картине, подобранные по воле.

198. Улучки же, беря начало от портиков, идут одни к северу, все время по ровному месту, другие на юг, по предгорьям¹⁶⁸, постепенно поднимаются, доводя селитьбу до такого расстояния, чтобы сохранилось согласие с прочим планом города и чтобы чрезмерно возвышенным положением она не была как бы на отлете от прочего города.

199. Переступив обрывы и пропасти, включив и их в свои пределы и заняв узкую площадку посреди скатов горы, не подвергает он дома, расположенные у подошвы ее, опасности от домов, воздвигнутых над ними, подобно скале Сизифа¹⁶⁹; но, заняв лишь столько, сколько давал непрерывный подъем, он с количеством соединил благовидность.

200. В своем протяжении гора вздымается подле него, словно щит, высоко поднятый для обороны, а тем, кто живут под этой горою, ничто не угрожает от подобного соседства горы, а источники, поросли и сады, ветерок, цветы, голоса птиц и пользование прелестями весны у них — вперед прочих.

201. Портики похожи на реки, текущие вдаль, а переулки на канавы, от них отведенные¹⁷⁰. Одни направляют, будучи обраще-

что она протянулась с востока на запад, хотя фактически она идет с северо-востока на юго-запад. Эта улица с колоннадами изображена на мозаике из Якто, на ней расположены 53 фигуры, 52 из которых движутся в том же направлении, как и фигуры людей, входящих в Восточные ворота (Lassus. 54–51). — *Примеч. ред.*

¹⁶⁸ Подошва горы Силпий. — *Примеч. ред.*

¹⁶⁹ См. *Hom. Od. XI. 593–598*: «Видел я также Сизифа, казнимого страшною казнью; Тяжкий камень снизу обеими влек он руками В гору; напрягши мышцы, ногами в землю упершись, Камень двигал он вверх; но едва достигал до вершины С тяжкой ношей, назад устремленный невидимой силой, Вниз по горе на равнину катился обманчивый камень» (пер. В. А. Жуковского). — *Примеч. ред.*

¹⁷⁰ О системе орошения см. т. I, стр. 21, 1; 174, 1 [124, 76; 325, 34].

ны к горе, к прелестям предгорья¹⁷¹, а те, что обращены в другую сторону, — к другой дороге, некрытой, с домами по обеим сторонам ее, как будто каналы, прорытые от реки к реке, с целью водного сообщения. И эта сторона заканчивается во многих местах красивыми садами, и последние замыкаются берегом Оронта.

202. Из портиков, как сказано, тянущихся с востока на запад и простирающихся на такое расстояние, что его достаточно было бы на три города, как раз посередине правого, арки, обращенные во все стороны, с одною общею каменною крышею, дают начало другим портикам, идущим к северу¹⁷², до реки, причем находящийся в их районе храм Нимф¹⁷³, высоко вздымающийся в небо, обращает к себе все взоры блеском камня, красками колонн, яркостью росписи, обилием вод. И от них направляются улицы, как от портиков, упомянутых раньше.

203. И вид старого города таков. Новым же городом¹⁷⁴ занят остров, который образовали рукава реки. Протекая с верховьев в одном русле и пройдя весьма большое расстояние, она, разделившись, охватывает это место и превращает его в остров. И из двух течений одно оказывается посередине обоих городов, а другое, пройдя по ту сторону нового города, после образования острова соединяется с другим и восстанавливает реку в ее прежнем размере, до разделения.

204. Форма этого нового города — круглая. Лежит он весь положительно на равнине, и его окружает, подобно венцу, несокрушимая стена. От четырех соединенных одна с другою в виде

¹⁷¹ Ср. позже постановление императора Зинона относительно расстояния между частными и общественными зданиями, *Stöckle, Klio, Beiheft IX*, S. 114.

¹⁷² На мозаике из Якто изображено масштабное колоннадное строение, представляющее собой своеобразный перекресток (*Lassus*. 47). — *Примеч. ред.*

¹⁷³ Этот Нимфей был возведен при имп. Пропе во время работ по реконструкции Антиохии, проводимых под руководством *magister militum* Сатурнина (279–281 гг.). Нимфей был возведен в форме рукописной буквы сигма (С), и в нем находилась мозаика с изображением Океана (*Malala*. 302). — *Примеч. ред.*

¹⁷⁴ Создание «Нового города» на острове начал Селевк II Каллиник, завершал Антиох III Великий. — *Примеч. ред.*

четырёхугольника арок, как от пупа, простираются в каждую страну неба четыре пары портиков¹⁷⁵, как в четырёхрукой статуе Аполлона¹⁷⁶.

205. Из них три, дошедши до стены, соединяются с оградой, четвертая короче, но красивее, насколько короче, как бы идет навстречу дворцу, останавливающемуся вблизи, становясь ему вместо пропилеев¹⁷⁷.

206. Самый же дворец¹⁷⁸ занимает столь значительное пространство острова, что достигает четвертой части целого. Именно он проникает к середине, которую остров принимает в качестве пупа, и доходит до внешней, речной части, так что и стена, получив колоннаду вместо парапетов, устроена как место зрелища, подобающее царю¹⁷⁹, так как и река, текущая внизу, и пригороды со всех сторон тешат взоры.

¹⁷⁵ Это сооружение, известное как Тетрапилон, стояло на главном перекрестке острова у центрального входа во дворец. Малала называет его «Тетрапилон Слонов», поскольку он был увенчан статуей слонов, везущих триумфальную колесницу. В 363 г. именно на этом Тетрапилоне имп. Юлиан обнародовал свою знаменитую речь «Антиохийцам или Бродоненавистник» (Malala. 328). — *Примеч. ред.*

¹⁷⁶ Сосибий Лаконский (историк перв. пол. III в. до н. э., автор не сохранившейся «Истории Спарты») сообщает, что в Спарте была древняя статуя Аполлона с четырьмя руками и четырьмя ушами (FHG. II. fr. 11). Возможно, что упоминаемая Либанием явно древняя статуя Аполлона была привезена в Антиохию с Кипра при Селевкидах (см. выше § 111–112). — *Примеч. ред.*

¹⁷⁷ Пропилеи — парадный вход, образованный портиками и колоннадами, расположенными симметрично оси движения. Наиболее известными в античном мире были пропилеи акрополя Афин (возведенные в 437–432 гг. до н. э.), чем, по всей видимости, и обусловлено данное сравнение Либания. — *Примеч. ред.*

¹⁷⁸ Согласно информации Иоанна Малалы, строительство этого дворца началось во времена имп. Галлиена (253–260 гг.), а полностью этот «огромный дворец» был построен при имп. Диоклетиане (Malala. 306. 21). — *Примеч. ред.*

¹⁷⁹ Эта стоя (портик), во времена имп. Валента используемая подобным образом, описана у Феодорита Киррского: «С северной стороны царских чертогов протекает река Оронт, а с южной надстроен над городской стеной огромный двухъярусный портик (стоя) с высокими на обеих сторонах башнями. Между царскими чертогами и рекой проложена большая дорога, на которую вступают все идущие из города через ворота и направляющиеся в загородные

207. И если б кто пожелал в точности описать эту часть города, нужно взять ее темой, а не трактовать ее как часть другой темы; все же следует сказать столько, что, если из всех, где-либо находящихся, одни приобрели известность своею величиною, другие славятся красотою, этот дворец вторым никоим образом не уступает, первые же даже далеко превзошел, в отношении красоты не побеждаемый нигде, по суждению же о величине всюду побеждая, будучи разделен на столько внутренних покоев, портиков, мужских помещений¹⁸⁰, что и люди, вполне освоившиеся, переходя из дверей в двери, легко начинают плутать. Мне кажется, если бы он и один находился в одном из городов плохого состояния, каких много мы видим во Фракии, где несколько хижин составляют города, во всяком случае, при осмотре городов, доставил бы возможность величаться городу, им обладающему.

208. Но возвращаясь к тому, что новый город отделяет от старого текущая между ними река и этот промежуток связуется пятью крепкими мостами¹⁸¹. И вода превращает наш город в два, а мосты не позволяют ему быть двумя, припаявая второй к более древнему, словно жеребенка к матери.

209. Пусть любой вникнет в то, что, является ли наилучшим для города вытягиваться в длину, древний город у нас заселен таким образом, красивее ли кругообразное расположение, это распространяется на новый город, то ли самое является признаком величины, чтобы город не был одного вида, здесь, как нигде, все формы городов, так что, кто величается как обитатель города

поля. В это время царь [Валент] с высоты царского портика (стои) заметил его [Афраата]...» (IV. 26. 1). — *Примеч. ред.*

¹⁸⁰ Евагрий, описавший Новый город в середине V в. (во время крупного землетрясения, случившегося в правление имп. Льва, в 457/458 г.) сообщает, что дворцовый комплекс состоял из нескольких дворцов, первый и второй из которых были разрушены, а остальные (τῶν ἄλλων) выстояли. Кроме того, в дворцовый комплекс входили термы (II. 12). — *Примеч. ред.*

¹⁸¹ На мозаике из Якто изображены два моста, ведущие на остров, один из которых пересекают женщина и ребенок (Lassus. 46–45; 39–37). — *Примеч. ред.*

в виде равностороннего четырехугольника, пусть знает, что величается малостью.

210. Ведь, как в земледельческих трудах, малый участок легко укладывается в определенные рамки, как на картинах живописцев, а пашни богачей того же не допускают, но, разбросавшись пространно, один участок вдается, другой выдвигается, так бывает и с городами: лишенный величины подчиняется одной форме, а обладающий величиною разбрасывается, как случится.

211. Поминая о величине, не упущу и того обстоятельства, что, если с длиной портиков, упомянутых мною в первый раз, свяжем те, которые от них направлены к реке, иным образом делая добавление к их длине, и, равным образом, опять портики нового города в их отношении друг к другу приняв за один¹⁸², этим одним увеличить вышеупомянутую длину, если кто-нибудь это сложит; вернее же, пускай каждое остается, как оно было, но рассматривая такую перемену мысленно, всякий найдет, что портики тянутся у нас на протяжении одного перехода¹⁸³.

212. На этом пути пред тобою непрерывный ряд домов частных лиц, всюду среди частных распределены общественные здания, то храмы, то бани¹⁸⁴, на таком расстоянии друг от друга, что каждой части города удобно пользоваться ими, и у всех входные двери выходят на портики.

213. Какова цель этих моих слов? К чему, в конце концов, затягивать вообще речь о портиках? Мне кажется, что из удобств

¹⁸² Чтение этого места не вполне установлено, см. в примечаниях у Förster'a.

¹⁸³ Здесь у Либания очевидное риторическое преувеличение. За протяженность дневного перехода войск принималось обычно 150 стадиев (один стадий обычно составляет 176 метров), т. е. более 26 км. Для сравнения, длина главной улицы Антиохии составляла около 3 км. — *Примеч. ред.*

¹⁸⁴ Евагрий упоминает, что в Новом городе, в дворцовом комплексе располагались термы, которые стали общественными лишь после землетрясения, случившегося в 457/458 г. Кроме того, в старом городе функционировали термы Траяна, Севера и Адриана (II. 12), а на мозаике из Якто изображены термы Коммода на форуме Валента (Lassus. 24). Также в старом городе, «рядом со старым цирком» (т. е. амфитеатром), находились термы Диоклетиана (Mala-la. 306). — *Примеч. ред.*

городской жизни самым привлекательным, добавил бы, и самым полезным, являются сборища и общение. И, клянусь Зевсом, городом поистине является тот, где такового много.

214. Ведь и сказать что-нибудь подобающее, и выслушать — хорошо, и самая приятная вещь подать совет, и проявить подобающую долю участия к положению друзей, с одними разделяя радость, другим сочувствуя в их горе, и с их стороны встретить ту же отплату, и тысяча других возможностей открывается в сближении друг с другом.

215. И вот, у кого нет столь просторных портиков перед домами, тех расселяет зима, и на словах они живут в одном городе, на деле же разлучены друг с другом не менее, чем с жителями прочих городов, и осведомляются о соседях, будто о людях в отъезде. Ведь и дождь, и град, и снег, и ветры держат их дома в своей власти, подобно узникам, и едва заглянув на площадь, те из слуг, которые издавна привыкли переносить невзгоды, бросаются прочь. Поэтому, когда погода разгуляется, как бы спасенные после долгого плавания, жители приветствуют друг друга с объятиями, многое из того, чем обязывает обычай дружбы, упустив за то время в отношениях друг к другу и пеняя за то, вместо самих себя, на те условия, какие им в том воспрепятствовали.

216. У нас же не посылает Зевс ни града, столь тяжкого, ни снега, столь густого, ни дождя, столь обильного, чтобы из-за них расстраивалась непрерывность сношений, но год испытывает перемены времен его, однако условия сношений ни в чем не меняются, но дождь удручает кровли, а мы шествуем вольготно в самых портиках и сидим в компании, где удобно.

217. Ведь и тех, кто живут на краю переулков, выдвигающиеся вдоль стены с каждой стороны улицы навесы, защищая их от дождя, доводят сухими до портиков. Итак, у прочих, в той мере, как они разъединены, притупляются связи знакомства, а у нас, благодаря непрерывности общения, чувства дружбы процветают, и насколько там она ослабевает, настолько здесь усиливается.

218. Таким образом, длина портиков служит не менее тем условиям, какие являются важнейшими в людской среде, чем к

удовольствию. К ним примыкает и ипподром¹⁸⁵, и театр, и баня, первый в размерах, достаточных для бега потомков Борея¹⁸⁶ и предоставления в обилии ступеней сидений для массы городского населения, второй, где звучат и соревнуют и флейта, и кифара, и голос, и разнообразные средства сценических развлечений¹⁸⁷.

219. Кто бы в состоянии был вместить в своем рассказе другие виды театров, одни, устроенные для борцов¹⁸⁸, другие — для борьбы людей со зверями¹⁸⁹, все среди города¹⁹⁰, не вынуждающие перед удовольствием испытывать тяготу долгого пути к ним?

220. Но кто не подивится баням, из коих одни пригодны для зимы, другие подходят для лета¹⁹¹, одни в стороне от сильных

¹⁸⁵ Ипподром находился в Новом городе, рядом с дворцом и воротами (Euagr. II. 12). — *Примеч. ред.*

¹⁸⁶ См. Номер. II. 221–225: «Здесь у него по долинам три тысячи коней паслось, Тучных молодых кобылиц, жеребятами резвыми гордых. К ним не раз и Борей разгорался любовью на паствах; Многих из них посещал, набегая конем черногривым; Все понесли, и двенадцать коней от Борея родили...» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

¹⁸⁷ Театр был построен в городе во времена Селевкидов (см. выше § 125), однако не известно, какой именно. Описываемый Либанием театр — это театр Диониса (ср. Or. X. 23), который, согласно информации Малалы, был построен Цезарем, а впоследствии перестроен (217). — *Примеч. ред.*

¹⁸⁸ Речь идет о Плетрионе. Иоанн Малала, описывая историю возведения Плетриона, сообщает, что до возведения данного сооружения при императоре Дидии Юлиане (193 г.) соревнования Олимпий проводились в театре (290). Возможно, что территорию, занимаемую Плетрионом и соседними сооружениями, прежде всего Ксистом (крытым портиком для упражнений и соревнований в зимний период) и храмом Зевса Олимпийского, по традиции именовали театром. — *Примеч. ред.*

¹⁸⁹ Речь идет об амфитеатре, расположенном в районе Елифания. Либаний упоминает лишь *venations* (бои со зверями), поскольку гладиаторские бои были официально запрещены со времен имп. Константина Великого. — *Примеч. ред.*

¹⁹⁰ Либаний здесь описывает район Елифанию, построенный при Антиохе IV Епифане, район старого города, в котором располагались не только Плетрион и амфитеатр, но также упоминаемые Либанием далее термы старого города (см. выше). — *Примеч. ред.*

¹⁹¹ Евagriй сообщает о наличии в 588 г. в Антиохии двух общественных терм, предназначенных каждая для определенного времени года (VI. 8). — *Примеч. ред.*

ветров, другие как бы воздвигнуты в воздухе и не имеют общения с землею?

221. Дома же — одни, воздымающиеся в блеске современного стиля, другие, от былых времен, в скромности постройки чуждающиеся горделивости и пошлости.

222. Если же не следует замалчивать мысль, сейчас пришедшую, мне кажется, Зефир убедил древних жителей не тратить на стены всего труда. Ведь те, у кого климат неблагоприятен, изощряются в облегчении от его воздействия, нам же, которые наслаждаемся самым приятным «ветром, славным товарищем», как говорит Гомер¹⁹², нет нужды в каких-либо ухищрениях, когда бог предоставляет нежиться.

223. В самом деле, афинянам был союзником в морской битве Борея, в отплату, как говорят, за похищенную девицу предоставляя им дар, который свояк этот далеко не сдерживает в должной мере¹⁹³, нам же Зефир благодетельствует не в возмездие предшествовавшей обиды, но он любит, но любит не девицу, а целый город, бессмертною¹⁹⁴ любовью и, сдержав себя зимою, когда знает, что своим налетом причинит страдания, приходит вместе с летом, чтобы не допустить зноя.

224. И ни с другим городом не входит он в общение раньше нас, ни через нас поступает к другому, но с нас начинается и около

¹⁹² «Был нам по темным волнам провожатым надежным попутный Ветер, пловцам благовеющий друг, парусов надуватель» (Od. XI. 6–7; XII. 148–149; пер. В. А. Жуковского). — *Примеч. ред.*

¹⁹³ См. о буре, вызванной, как считали афиняне, Бореем для уничтожения персидского флота в 480 г. до н. э., у Геродота: «Существует сказание о том, что афиняне призвали к себе на помощь Борея по велению божества. Именно, они получили другое изречение оракула: призвать на помощь своего зятя. По эллинскому преданию, супругой Борея была аттическая женщина Орифия. В силу этого родства через брак афиняне (так гласит молва) считали Борея своим зятем... Возвратившись домой, афиняне воздвигли Борею храм на реке Илоссе» (VII. 189; пер. Г. А. Стратановского). Согласно распространенной версии мифа, Борея похитил дочь афинского царя Эрехфея Орифию (Apolloclod. III. 15. 2). — *Примеч. ред.*

¹⁹⁴ ἀθάνατος, ср. выше стр. 189, 2 [252, 7].

нас перестает, подобно тем, кто устремляются к одной красивой личности, чьих взоров не отвлекает появление другой.

225. А он протекает по всему городу, и обтекает его, и не оставляет ничего не причастным своей помощи. Не поступает он так, чтобы в дома богачей в три этажа вливаться, а над домами людей смиренных и бедных проноситься, но, как в демократии предоставлено равенство перед законом, так у нас некая равномерность участия в благах зефира, и никто никогда в жажде его дуновения не винил соседей в том, что потерпел это от них, так проходит он и скользит через всех, и кого ни коснется, то путь ему.

226. И луча солнца приходилось некоторым лишиться вследствие того, что заслонял его соседний дом, но никому не ставится препятствия в том, чтобы зефир даровал ему общие всем милости, но он вздымает хитоны прохожих и заворачивает их около лодыжек, простыни спящих вздымаются над телом под его дуновением, и ночь зефир делает отдохновением вдвойне, примешивая к нему дуновение.

227. Значит, не напрасно город все время в стройках, и одни здания кроют, другие возведены до половины, третьим только что заложен фундамент, для иных роют для того землю, и всюду голоса людей, торопящих строителей, и то место, что прошлый год вскапывали для урожая овощей, ныне отведено под дом. Ведь они знают, что все блага, какие обещают поэты справедливым по кончине их, здесь предоставлены на долю живых.

228. Подумаем и о том, что город был бы вчетверо больше, чем ныне, если бы не был повергнут раньше уже тремя смертельными ударами¹⁹⁵. Да, как храм пифийского бога подвергся многим превратностям и тот, что теперь стоит, четвертый вслед за теми,

¹⁹⁵ Имеются в виду землетрясения 148 г. до н. э., 37 г. н. э. и 115 г. н. э. Однако наиболее разрушительным для Антиохии было землетрясение 457/458 г., описанное Евагрием Схоластиком; Евагрий оговаривается, что данное землетрясение антиохийцы считают шестым (II. 12). Уточнить иные даты сложно, но Малала называет землетрясение 37 г. н. э. «вторым после Македонцев (т. е. Селевкидов)», а землетрясение 115 г. н. э. — «третьим», т. е. как минимум еще одно землетрясение следует отнести к периоду второй половины I в. до н. э. — первой четверти I в. н. э. — *Примеч. ред.*

которые исчезли¹⁹⁶, так наш город, как город людей, был сражен, а как любимый богами, восстал, потерпев и поступив так же, как маслина Афины. И ее Ксеркс подверг сожжению, когда разорил афинский акрополь, но на второй день из сожженного ствола взошел побег в локоть высотой¹⁹⁷. И этот город вместе и пропал, и восставал.

229. И теперь, копая землю для закладки фундамента, встретишь непременно какой-нибудь след древней постройки, и многие воспользовались имеющимся материалом и, вместо того, что задумывали, присоединив прочий потребный, строили на нем. Итак, если бы одних построек не коснулось истребление, а другие присоединились к ним и, сколько труда теперь полагается на восстановление, столько прилагалось бы на добавление, многие лишились бы многих полей в пределах территории, подвергающейся обработке.

¹⁹⁶ Историю строительства дельфийских храмов подробно описывает Павсаний: «Самый древний храм Аполлона, как говорят, был выстроен из лавра, и сучья лавра были доставлены от деревьев, растущих в Темпе. Этот храм по внешнему виду скорее можно было бы назвать похожим на лачугу. Затем, по словам дельфийцев, второй храм был построен пчелами из пчелиного воска и перьев... Что же касается постройки третьего храма, что будто бы он был из меди, то удивительного тут ничего нет... Четвертый храм был построен Трофонием и Агамидом, и помнят, что он был каменный. Он сгорел в архонтство Эрксклейда в Афинах, в первый год 58 олимпиады... Тепершний же храм богу амфикионы построили на священные деньги. Строителем был Спифар из Коринфа» (X. 5. 9–13; пер. С. П. Кондратьева). Либаний либо не точно цитирует Павсания, либо не учитывает какой-то из «мифологических» храмов, как это сделал Страбон, прямо заявивший, что «из храмов тот, который построен из перьев, следует отнести к области мифов», и отмечающий только два храма — постройку Трофония и Агамеда, и храм, сооруженный амфикионами (IX. 3. 9). — *Примеч. ред.*

¹⁹⁷ Прямая цитата из Геродота, рассказывающего о судьбе священной маслины, посаженной Афиной и росшей на Акрополе в святилище Эрехфея. Судя по тексту Геродота, маслина была сожжена не умышленно, а сгорела во время пожара в святилище во время захвата афинского Акрополя персами в 480 г. до н. э.; на следующий день по приказу Ксеркса афинские изгнанники, находившиеся в персидском войске, пришли в это святилище и увидели, что от пня пошел отросток в локоть длинной, о чем они и доложили царю (VIII. 55). — *Примеч. ред.*

230. Далее, нельзя сказать, чтобы, в то время как город дивен во всем, окрестности его таковы, что иной пожелал бы, чтобы они были лучше, чем есть, но они обнаруживают, что они — окрестности такого города. Во-первых, большие и населенные деревни, более обильные жителями, чем многие города, располагают ремесленниками, как в городах, поддерживают сношения друг с другом на праздниках, приглашая по очереди каждая к себе и получая приглашения, одним и тем же услаждаются, даруют и получают выгоду, от того, в чем у них избыток, уделяют, а в чем у них нужда, то получают, одним располагают, другое покупают, далеко опережая благосостоянием купцов, живущих у моря, со смехом и рукоплесканиями вместо прибоя и волн зарабатывая деньги, мало нуждаясь в городе вследствие обмена между собою¹⁹⁸.

231. Пусть взглянет любой и на то, что находится за воротами. Не подумает он назвать то гостиницами¹⁹⁹, но городскими частями, но достойными принадлежать одному этому городу. Так пригороды точно воспроизводят то, что имеется внутри города, и в комфорте, и в банях, и в ремеслах, и в совокупности домов. Поэтому, если бы кто-либо тройное это деление²⁰⁰ совокупил в одну форму, достаточно было бы для города нынешнего загородного населения.

232. Действительно, как внешняя площадь царской резиденции причастна была бы внушительности внутренних помещений, уступая последним, но позволяя догадываться по

¹⁹⁸ Описание положения деревень в окрестностях Антиохии, разительно контрастирующее с представленным в данном параграфе, см. в речи 391 г. «О патронах» (XLVII). — *Примеч. ред.*

¹⁹⁹ В Антиохии были роскошные гостиницы для богачей (см. далее § 258), а также постоянные дворы для людей среднего достатка и трактиры (Or. XX. 3; XVIII. 136; LXII. 41; LVII. 55). Об услугах, предоставляемых в гостинице у городских ворот, см. Or. XLVI. 19. — *Примеч. ред.*

²⁰⁰ Имеются в виду населенные кварталы снаружи основных ворот города: Беройских (восточное направление), Дафнийских (дорога на Лаодикею), Таврийских (дорога на Селевкию Пиерию и северное направление). — *Примеч. ред.*

меньшему о более значительном, так от города распространилось некоторое сходство на территорию вне стен, так что, выезжая, ты скажешь, что в меньшем масштабе видишь то, что покинул, и въезжающему загородная местность предвещает, что он встретит в городе.

233. Итак, всё одного и того же вида, а местность к западу²⁰¹, Геракл! как побеждает всё прочее, всякое описание! И это одно стоит увидеть, выслушав же с величайшим удовольствием, с чужих слов не составишь себе надлежащего понятия.

234. Тотчас за воротами по левую сторону открывается разнообразие садов и прелесть вилл²⁰², обилие источников, и дома прячутся в тени деревьев, и покои, что высятся над деревьями, и роскошь купален, место, подобающее Афродите и ее сыну-стрелку. На дальнейшем пути по обе стороны дороги ты видишь массу виноградников, красивые дома, розовые насаждения и всякую растительность и орошение, и одно влечет к себе, другое тянет к себе в свою очередь, и среди подобной утехы ты достигнешь наипрекраснейшей Дафны.

235. О ней ни сказано еще ничего по достоинству, ни будет сказано, разве придет мысль богу с Музами воспеть эту местность.

236. Эту дорогу из города в предместье я с величайшим удовольствием назвал бы бахромой эгиды, коею Гомер вооружает Афины²⁰³.

²⁰¹ Дорога и предместья, идущие в сторону Дафны. Эта дорога изображена на мозаике из Якто, представляя частные виллы и деревья. — *Примеч. ред.*

²⁰² Так переводим здесь *καταῶραι*. Может быть, дачные постройки, приюты, убежища.

²⁰³ См. Номер. II. II. 445–449: «Быстро цари, вокруг Атрида стоявшие, Зевса питомцы, Бросились строить толпы, и в среде их явилась Паллада, В длани имея эгид, драгоценный, нетленный, бессмертный: Сто на эгиде бахром развевались, чистое золото, Дивно плетенные все, и цена им — стотельчие каждой» (пер. Н. И. Гнедича). Эгида — в греческой мифологии щит Зевса и/или Афины. По одному из вариантов мифа, эгида была изготовлена самой Афиной из шкуры порожденного Геей чудовища. По другому, более распространенному варианту, эгида была изготовлена Гефестом для Зевса; добившись господства над людьми и богами, Зевс отдал эгиду Афине. — *Примеч. ред.*

Так вся она — золотая и завершается колофонским золотом — Дафной²⁰⁴.

237. Ее увидав, невозможно удержаться от крика, не прыгать, не скакать, не считать себя счастливым за это зрелище, не чувствовать себя как бы окрыленным удовольствием. То то, то другое, всюду, чарует, изумляет, одно приковывает к себе внимание, другое влечет, — и взоры облиты блеском, что заставляет зрителя оглядываться во все стороны, — храм Аполлона²⁰⁵, святилище Зевса²⁰⁶, Олимпийский стадион²⁰⁷, театр, источник всякой утехи²⁰⁸, обилие, толщина и высота кипарисов²⁰⁹, тенистые тропы, хоры певчих птиц, легкое дуновение ветерка, запахи, приятнейшие благовоний, величавые приюты, вино-

²⁰⁴ Пословичное сравнение, означающие высшее качество. Страбон поговору «он взял себе в помощь Колофон» объясняет тем, что в древности у Колофона была прекрасная конница, обеспечивающая победу в любом сражении (XIV. 1. 28). — *Примеч. ред.*

²⁰⁵ Храм Аполлона был основан Селевком I Никатором (см. выше § 94), а при Антиохе IV Епифане был построен огромный храм, в котором находилась большая статуя Аполлона, выполненная афинским скульптором Бриаксом по образцу и размерам статуи Зевса в Олимпии; этот храм был отреставрирован при имп. Диоклетиане (Malala. 307), но сгорел в 362 г. (Amm. Marc. XXII. 13. 1). — *Примеч. ред.*

²⁰⁶ Император Диоклетиан в рамках подготовки к проведению в Антиохии Олимпийских игр в июле–августе 300 г. провел масштабную реконструкцию Дафны. В частности, рядом со стадионом он построил (или реконструировал) святилище Зевса Олимпийского и храм Немезиды (Malala. 307). Некоторые исследователи считают, что святилище Зевса Олимпийского было возведено еще при Антиохе IV Епифане, а при имп. Диоклетиане лишь реконструировано, однако надежных подтверждений этой версии нет. — *Примеч. ред.*

²⁰⁷ Олимпийский стадион, изображенный на мозаике из Якто (Lassus. 8), существовал в Дафне как минимум со 195 г. до н. э. и по приказу имп. Диоклетиана был перестроен, в результате чего был создан культовый Олимпийский комплекс — стадион, святилище Зевса, храм Немезиды. — *Примеч. ред.*

²⁰⁸ Театр в Дафне, судя по археологическим данным, был основан при имп. Тите (79–81 гг. н. э.) на месте разрушенной синагоги. — *Примеч. ред.*

²⁰⁹ Кипарисовая роща была посвящена Аполлону (см. выше § 99), в IV в. стала императорской собственностью, и для того, чтобы срубить эти кипарисы, требовалось специальное разрешение (Cod. Theod. X. 1. 2 от 379 г.). — *Примеч. ред.*

градные лозы, ползущие в мужские покои, сады Алкиной²¹⁰, Сицилийская трапеза²¹¹, рог Амалфии²¹², полное пиршество, Сибарис!²¹³ Какую купальню ни изберешь для мытья, ты пренебрег еще восхитительнейшею.

238. Местность эта так благоприятна для организма, что, если удалишься после недолгой побывки, уйдешь с более здоровым цветом лица. На вопрос же, чему ты больше всего порадовался, затруднишься ответить. Так всё соревнует одно с другим. Нет такого сильного, неборимого, упорного недуга, который не изгнала бы Дафна, но, лишь приблизишься к этому месту, и всё удручающее пропадает. Если боги, действительно, покинув небо, сходят на землю, мне кажется, они здесь пребывают и заседают со смертными, так как лучшего для них местопребывания и не могло бы быть.

239. Если таково то, о чем я рассказал, не таково оно по количеству, чтобы избыток красоты терял свою дивность по незначительности причастного такой красоте, как, например, не пять

²¹⁰ См. Homer. Od. VII. 112–132: «Был за широким двором четырехдесятиный богатый Сад, обведенный отвсюду высокой оградой; росло там Много дерев плодоносных, ветвистых, широковершинных... Круглый там год, и в холодную зиму и в знойное лето, Видимы были на ветвях плоды... Саду границей служили красивые гряды, с которых Овощ и вкусная зелень весь год собиралась обильно... Так изобильно богами был дом одарен Алкиноев» (пер. В. А. Жуковского). Алкиной — в греческой мифологии царь феаков, в своем дворце на острове Схерия он радушно принимал Одиссея. — *Примеч. ред.*

²¹¹ Богатство сицилийских трапез вошло в поговорку, особенно с легкой руки Платона, дважды побывавшего при дворе тирана Сиракуз Дионисия и испытывавшего на себе сицилийское гостеприимство (см. Plato. Resp. 404 d; Diogen. VIII. 7). — *Примеч. ред.*

²¹² Рог Амалфеи (т. е. рог изобилия) также вошел в поговорку (Zenob. II. 48). Амалфея — в греческой мифологии коза (по другой версии нимфа), вскормившая своим молоком младенца Зевса на Крите, в пещере горы Ида. Случайно сломанный рог козы Зевс сделал рогом изобилия, а саму Амалфею вознес на небо. — *Примеч. ред.*

²¹³ Сибарис, греческий полис в Южной Италии, довольно рано стал в эллинской традиции символом богатства и неумеренной роскоши (см. Zenob. V. 87). — *Примеч. ред.*

домов, садов семь, кипарисов триста, бань три²¹⁴, но прекрасно все, как нигде в другом месте, но еще многочисленнее, чем прекраснее.

240. Она обладает каждым из этих предметов в таком количестве, что лишь из уважения к городу осталась на положении пригорода, при желании же поспорить с городами в состоянии победить во многом, она, которая всех тех из римлян, которые являлись ее обозревать, победила, убедив не восхвалять более Италию, как не способную потерпеть поражение в такого рода вещах.

241. Главным же предметом из красот Дафны, полагаю, и всей земли, являются источники Дафны. Ведь нигде земля не породила таких свойств орошения ни для взора, ни для пользования. Это резиденция неких Нимф²¹⁵ и самая чистая и прозрачная влага их дара.

242. Иной, пожалуй, выразился бы, что богини не менее тешатся этою местностью, чем Зевс Пизою, Посейдон Истмом, Дельфами Аполлон, Лемносом Гефест²¹⁶. И если нужно верить, что Нимфы обитают в водах, мне кажется, прочие они посещают,

²¹⁴ Учитывая общий панегирический настрой Либания, кажется, что данные цифры приведены для нумерологической красоты. Так, на мозаике из Якто изображена дорога в Дафну, вдоль которой располагаются частные виллы в большем количестве, чем упомянуто в данном параграфе (Lassus. 19–15), а общественных термы в Дафне — только одни (Lassus. 14). — *Примеч. ред.*

²¹⁵ Во время пребывания в Антиохии имп. Адриана (в 115, 123, 129–130 гг.) в городе были проведены масштабные строительные работы. В частности, в Дафне был сооружен огромный резервуар для воды, рядом с которым, в том месте, где вода источников втекала в резервуар, был построен храм Нимф с монументальным фонтаном; в этом храме находилась большая статуя сидящего Адриана в виде Зевса (Malala. 278). — *Примеч. ред.*

²¹⁶ Имеются в виду наиболее известные святилища богов: Зевса Олимпийского в Олимпии (Писа — город в Элиде рядом с Олимпией, который был захвачен и уничтожен элейцами (Paus. VI. 22. 1), поэтому Писой риторически стали называть Олимпию); Посейдона Истмийского недалеко от Коринфа, рядом с которым проводились знаменитые в античности Истмийские игры; Аполлона в Дельфах, где функционировал знаменитый оракул и где проводились не менее известные Пифийские игры; на Лемносе был город Гефестий и гора Мо-сикл, в которой располагалась кузница Гефеста (согласно античной традиции,

чтобы лишь взглянуть на них, а эту местность, подобно царям, сделали своим акрополем. Верю и тому, что три богини, когда они спорили о красоте, здесь скорее, вымывшись, явились на суд, чем там, где говорит предание²¹⁷.

243. Кто, став около них и увидав воду, вытекающую из самых устьев и несущуюся вдоль каждой из двух стен храма²¹⁸, не подивится обилию, не изумится красоте, не почитит как божественную, не коснется ее с удовольствием, вымоется с еще большим, испьет с величайшим? Ведь она в одно и то же время и студена, и прозрачна, и наиболее пригодна для питья, и уснащена прелестями, и мягка в соприкосновении с телом человека.

244. И вода не осталась в одной матери, Дафна не удовлетворялась тем, что родила, и Дафна использовала, остановив дар около себя, но она произвела, а принял участие в нем, вместе с произведшей, город, причем влага побежала из дому в дом, и не с верхов горы, что требовало бы большого труда и большого риска, так как помощь зависела бы от помощи со стороны милосердия других, но, устроив для потока крытый ход по подножию горы, где выдолбив ее, где надстроив, кое-где проводя ход и на некоторой высоте, через мосты, где того требовали стремнины, они передают городу то, что доставили предместья²¹⁹.

245. И теперь, чем мы особенно побеждаем, это то, что город у нас снабжен орошением. И хотя бы иной бесстыдно оспаривал прочие преимущества его, при поминании о его водах все уступают. Красоты мы побеждаем количеством, количество красотой, вернее же изобильное количеством, привлекательное красотой.

в том числе «Илиаде» (I. 590–594), после низвержения Гефеста с Олимпа его спасли жители острова Лемнос синтийцы). — *Примеч. ред.*

²¹⁷ Сюжет знаменитого мифа о «суде Париса» — споре о красоте богинь Афродиты, Геры и Афины, — разворачивался на горе Ида рядом с Троей. Возможно, Либаний упоминает о локальной антиохийской версии этого мифа. — *Примеч. ред.*

²¹⁸ Имеется в виду храм Нимф (см. выше). — *Примеч. ред.*

²¹⁹ Речь идет об акведуках, проложенных также при имп. Адриане из резервуара в Дафне в город. — *Примеч. ред.*

Каждая из общественных бань изливает воды, сколько река, а из частных одни, как те, другие разве не многим менее.

246. У кого же есть средства возвести баню в дополнение к прежним, ввиду обилия влаги он смело возводит и не боится, чтобы, быв отделана с высшим изяществом, она не получила прозвания «томимой жаждою», по скудости Нимф, но так далек он от того, чтобы по недостатку воды приходилось отказаться от своего рвения, что и тот, у кого такого рвения немного, имеет побудительным мотивом самые воды. Поэтому всякая городская часть гордится отделкою частных бань²²⁰, которые превосходят это свое название. Ведь они настолько красивее общественных, насколько меньше их размерами, и между жителями разных частей большой спор о том, что у каждой такая самая красивая.

247. Можно усмотреть богатство источников в количестве домов. Дело в том, что сколько домов, столько водоемов, вернее же, при каждом их много, и большинство мастерских прикрашено этим.

248. Поэтому мы не вступаем в борьбу около общественных водоемов, кто вперед кого зачерпнет воды, что удручает многие города из богатых золотом. У них сильная толкотня вокруг водоемов, плач из-за разбитой посуды, раны подле источников. У нас же, благодаря тому, что у каждого водоем внутри дома, общие текут напоказ.

249. Прозрачность же воды хорошо можно проверить тем путем, если, наполнив водовместилище, остановить приток в него воды. Подумаешь, он — пустой. Так дно отчетливо блестит под водою. Поэтому не знаю, зрелище это может ли скорее разжечь жажду, чем утолить. Так оно и позывает выпить, и заранее, еще до вкушения, радуется.

²²⁰ В Антиохии было 18 традиционных фил во главе с эпимелетами (Ог. XIX. 62). В рассматриваемое время эти общественно-территориальные объединения исполняли в основном религиозные функции, а также были ответственны за выполнение некоторых общественных задач — например, освещение улиц (Ог. XXXIII. 35–37) или функционирование терм (хотя обычно функционирование терм являлось литургией декурионов). — *Примеч. ред.*

250. Итак, то, в чем вы привыкли среди мира бороться друг с другом, вызывает у вас нескончаемый спор, благодаря равенству во всех отношениях. Так, побеждая прочих очевиднейшим образом, вы в отношении друг к другу поставлены в равные условия.

251. Поэтому те, что населяют восточную часть, говорят, что большая часть пшеницы провозится по их территории и вместе ссылаются на источник Александра²²¹; в свою очередь, населяющие западную часть указывают на обилие деревьев и большую чистоту и приятнейшее соседство, Дафну, жители предгорья лучшее дуновение ветра и спокойную жизнь, возможность любоваться видом всего города, жители нового города — на стену, остров, дворец, благоустройство целого, те, кто живут в середине между ними, — на среднее свое положение. Кто, слушая эти доводы, в состоянии был бы вынести приговор, когда все подряд так уравниваются?

252. Но этого спора, который внушает наличность того или другого преимущества у каждого, пусть не отнимает у нас никто из богов, а избытка продуктов на рынке что изобильнее, что более самодовлеет? Это удобство так распространяется по всему городу, что ни одна часть города не носит названия рынка, и нет необходимости покупателям сходиться в какой-нибудь один пункт, но для всех он готов на месте и можно перед дверями и всюду протянуть руку и получить.

253. Ведь нельзя найти улицы, столь заброшенной, даже на самых отдаленных окраинах, которая отправляет своих обитателей в другое место, чтобы им получить что-либо из предметов первой необходимости, но одинаково изобилует и середина города, и окраины, и как все части города полны населения, так всё полно и продуктов.

254. И многое из продажного иной минует, не встречая надобности, а в чем явилась надобность, того никто не ищет по отсутствию требуемого. И с предметами насущной потребности соревнуют те, что являются изобретением роскоши, и у города

²²¹ В восточном пригороде, расположенном за Беройскими воротами. Источник Александра именовался источником Олимпиады (см. § 73). — *Примеч. ред.*

предоставлен простор тому и другому общественному классу. Он удовлетворяет и бедноте, служит и похотям богатых, доставляя для их пользования деликатесы, изготавливая и соразмерное со скудостью первых, оказываясь в силах перед спросом со стороны одних и не превышая спроса других. А самое достохвальное — то, что он заботливо и разнообразно кормит и бедноту и дает не только средства к поддержанию жизни, но и вдобавок и для жизни в довольстве²²².

255. Можно составить себе понятие об избытке рынка таким образом. Все те города, сколько их мы знаем, наиболее гордящихся своим богатством, выставляют перед домами один ряд товаров, среди же колонн²²³ никто не работает, у нас и тут рынки, так что насупротив каждого малого дома находится лавочка, деревянные чердаки²²⁴ один против другого и навесы для прикрытия, и нет места, свободного от мастерства, но какой краешек ни возьмешь, тотчас это, оказывается, башмачная или что-нибудь подобное, и они держатся за места словно за канаты, как Одиссей за смоковницу²²⁵.

256. Будучи обильно товарами, это устройство еще более удивительно по продолжительности, так что у торгашей рано утром ничуть не больше покупателей, чем вечером, но как воды, когда тебе ни потребуется, ты застаешь одинаково обильными, так и рынком пользуешься все время одинаковым, и даже наступление

²²² В панегирическом задоре Либаний не вспоминает о совсем недавнем мятеже в Антиохии в 354 г., при правлении цезаря Галла: в связи с затруднениями продовольственного снабжения города толпой был убит консуляр Сирии Феофил, были разгромлены дома многих принципалов, в том числе риторы Евбула (см. Or. I. 103; Amm. Marc. XIV. 7. 6). — *Примеч. ред.*

²²³ Ср. т. I, стр 62, 3 [178, 292].

²²⁴ Ср. πύργος во дворе дома для рабов, Demosth., orat. XLVII, § 56.

²²⁵ См. рассказ самого Одиссея, как он спасся от Харибды во время крушения его корабля: «Я, ухватясь за смоковницу, росшую там, прицепился К ветвям ее, как летучая мышь, и повис, и нельзя мне Было ногой ни во что упереться — висел на руках я. Корни смоковницы были далеко в скале и, расширясь, Ветви объемом великим Харибду кругом осеняли» (Homer. Od. XII. 432–436; пер. В. А. Жуковского). — *Примеч. ред.*

ночи не прерывает его разгара. Но у нас замечается нечто более поразительное, чем у эфиопов.

257. Именно: ту трапезу, которую они называли трапезою Гелиоса²²⁶, они выставляют полною мяса с восходом бога, и это работа тех, кто в конце ночи полагают мясо на стол, но они фантазируют, что это самопроизвольный урожай земли. А что касается наших товаров, время их изготовления неизвестно, а их добротность видна, и день ничем не преобладает над ночью, но в тот и в другую всё налицо в одинаковом изобилии.

258. Поэтому и те из путников, которых наступление темноты застает на последних перегонах, подъезжают к городу в полной уверенности, что будут убаготворены среди ночи. Им удастся и принять ванну, и пообедать обильнее, чем гостям, званым на празднование победы, как будто повара, для приготовления трапезы, были посланы вперед.

259. Дело в том, что и прочее под руками, и рыбу не приходится искать, бегая туда и сюда, позовут продавцов для заказа им. Ведь и рыбою мы, материковые жители, располагаем в большем количестве, чем многие из тех, которые живут у морского прибоя, и от моря мы удалены, но люди, промышляющие на море, ловят для нас добычу, возвращаемую морем, и кучи всякого сорта рыбы²²⁷ поступают к нам за день.

260. И здесь похвально то, что и недостаточные люди не отстранены от такой пищи. Судьба, доставляя каждому, что ему годится, разделила добычу, добычу от моря богатым, другим — от озера, а общею обоим предоставила реку²²⁸, которая для

²²⁶ «Трапезу солнца», бытовавшую у эфиопов, описывает Геродот: «Перед городскими воротами находится лужайка, полная вареного мяса разного рода животных. Каждую ночь начальники горожан кладут сюда куски мяса, стараясь делать это незаметно, а днем всякий желающий приходит есть это мясо. Народ же, конечно, верит, что мясо это каждый день порождает земля» (III. 18; пер. Г. А. Стратановского). — *Примеч. ред.*

²²⁷ Подсчитано, что на антиохийских мозаиках, особенно из терм, изображено множество сортов рыбы, до 39 на одном полу. — *Примеч. ред.*

²²⁸ Речь идет о реке Оронт и Антиохийском озере. — *Примеч. ред.*

состоятельных людей растит те породы, которые плывут в нее из моря, а прочие для прочих, но всё в изобилии.

261. Выгоду городу река и озеро приносят не только ту, что снабжают стол, но всё, что дает земля, они делают достоянием города по удобству подвоза, которое они доставляют, позволяя не ограничивать доставку продуктов неудобной доставкой обозным путем. Поделив страну, и одна, протекая по той местности, которая не имеет подспорья в озере, а другое, разостлавшись в местах, коим не приходит на помощь река, они на озерных и речных судах избыток деревень отдают городу.

262. И сначала везут отдельно, потом обоих заменяет река, со своими принимая на себя доставку и грузов с озера, и доставляя их в центр города, и каждому поставляя его к воротам, так что можно снимать его женщинами и детям. Здесь обстоятельства противоположны тому, что наблюдается в Феспротии²²⁹. Именно, там река впадает в озеро, здесь же озеро принимает в себя река²³⁰.

263. А самое важное, и та часть реки, что течет в море за городом, не оказывается непроходимой для судов от скал, что в значительной части постигло Нил²³¹, и эта часть не остается у нас бесполезною, но достойна прославления, какое Пиндар применяет к камаринскому Гиппарису, что «быстро надвигает высокую рощу для крепких покоев»²³², служа путем провоза дерева отовсюду.

²²⁹ Либаний сравнивает гидрологическую карту Антиохийской области с районом Ахеронского озера в северо-западной Греции, описанного Фукидидом: «...немного далее вглубь страны лежит город Эфира в феспротийской Элеатиде. Вблизи Эфиры изливается в море Ахеронское озеро, куда впадает протекающая через Феспротию река Ахеронт (которая дала озеру его название)» (I. 46. 4; пер. Г. А. Стратановского). — *Примеч. ред.*

²³⁰ Оронт протекает северо-восточнее озера, и в реку впадают потоки, вытекающие из озера. — *Примеч. ред.*

²³¹ Снова цитата из Геродота, который сообщает, что в районе острова Тахмпсо Нил усеян острыми утесами и выступающими из воды подводными камнями, так что плавание по этому участку Нила невозможно (II. 29). — *Примеч. ред.*

²³² Ср. схолий к Пиндару у Förster'a ad loc. рукоп. В². (См. Ol. V. 13–15: «И державные русла, которыми Гиппарис орошает народ, Быстро слаживая высоко-

264. При мысли об истоках реки в море меня влечет к упоминанию о гавани, которую владыка устроил, заботясь не о тех, кому, по-видимому, она принадлежит. Но она высечена в Селевкии, но высечена эта гавань из скалы в интересах нашего города, с такими расходами золотом, сколько и Пактол не доставил Крезу²³³.

265. Поэтому всякое грузовое судно выезжает отовсюду с продуктами всех стран, Ливии, Европы, Азии, островов, материков, и наилучшее из того, что наилучшее в каждом месте, доставляется сюда, так быстрота продажи влечет сюда души купцов и, благодаря ей, мы пользуемся произведениями всей земли. И большинство распушенных над морем парусов спускает эта гавань.

266. Что же удивительного, если насельники такой земли, располагая подобною гаванью, имея союзником озеро, а русло реки сотрудином, устроили город так, что он возможно более схож с праздником?

267. В самом деле, где в другом месте праздник изобилует всем тем, чем всем располагает здесь весь оборот года? Кто, впервые видя город, не сочтет, что пришел священный месяц? Кто так уныл характером, чью душу он не обратит к веселью? Где в другом месте такой приток развлечений? Какого повода к удовольствию здесь не хватает? Мягкости климата? Привлекательности бань? Богатства рынка? Разве зима не дает нам постоянно солнечного тепла?²³⁴ Весна не блистает цветами? Лето не сверкает цветами плодов и благоуханиями не превращает города в луг?

верхий лес крепких зданий, Из бессилия вывода на свет Сонм сограждан» (пер. М. Л. Гаспарова). Камарина — греческий полис на Сицилии (ода написана Пиндаром в честь Псавмия из Камарины, одержавшего победу на Олимпийских состязаниях на мулах), Гиппарис — река, на берегу которой располагалось поселение. — *Примеч. ред.*)

²³³ Пактол — легендарная золотоносная река в Лидии (см. Herod. V. 101. 2), которая была источником богатства Креза. Порт Селевкии был сооружен при имп. Диоклетиане (см. выше § 159) и имп. Констанции II: в анонимном трактате IV в. *Expositio totius orbis et gentium* сообщается, что имп. Константин II был вынужден провести масштабные земляные работы и фактически создать новый порт в Селевкии Пиерии, поскольку ранее в порту и на рейде часто топили корабли с казенными товарами (28). — *Примеч. ред.*

²³⁴ Восполнение пробела текста *Reiske*.

Разве идти среди выставленных на продажу продуктов не приятнее, чем пройти по садам? Разве сборища на рынке не приятнее пребывания дома? Разве самая толпа, текущая по городу, не достаточно занимательное зрелище? Разве у нас Гомер не уличается в прославлении Сна выше его достоинства?²³⁵

268. Ведь здесь «владыка людей ни против воли» не влечет к себе, ни погружает в сон насильно, но его власть, тяготеющую на ресницах, мы одни из всех страхируем, и светильник солнца сменяют другие светильники, превосходящие освещение египтян²³⁶. И ночь у нас одним только отличается ото дня, видом света. Для ремесел же — она наравне с днем, и одни бодро работают руками, а другие звучно смеются и развлекаются песнью. Ночь является как бы общюю Гефеста и Афродиты, так как одни куют, другие пляшут, в прочих же городах больше чтится Эндимион²³⁷.

269. Каким профессиям²³⁸ город не приносит пользы? Здешиущим наживы легкий путь к богатству, причастным мудрости — к славе, страстным — к приобретению; разве не пригоден он внушить усердие, разве не приспособлен к наслаждению? Раз-

²³⁵ См. Номер. II. XIV. 233–241: «За руку бога взяла, называла и так говорила [Гера]: Сон, повелитель всех небожителей, всех земнородных! ...Сон, усыпи для меня громодержцевы ясные очи, В самый тот миг, как на ложе приму я в объятия бога» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

²³⁶ Amm. Marc. XIV 1, 9, с примеч. Валуа. (Амиан Марцеллин практически в тех же выражениях сообщает, что ночное освещение улиц в Антиохии почти равнялось дневному свету. Поддержание огня (долив масла) курировалось наместником или эпимелетами (см. Or. XVI. 41; XXII. 6; XXXIII. 35–37). Египетский праздник «возжигания светильников», с которым проводит сравнение Либаний, описывает Геродот: «Когда египтяне собираются на праздник в Саисе, то все в ночь [после жертвоприношения] возжигают множество светильников и ставят их вокруг домов. Светильники же эти — мелкие сосуды, наполненные солью и маслом, на поверхности которых плавает светильня. Светильники горят целую ночь, и праздник этот называется праздником возжигания светильников» (II. 62; пер. Г. А. Стратановского). — *Примеч. ред.*)

²³⁷ Эндимион — в греческой мифологии прекрасный юноша. Влюбленная в Эндимиона Селена уговорила Зевса усыпить юношу, сохранив ему вечную молодость (Apollod. I. 56). Смысл фразы о почитании Эндимиона в том, что в других городах, в отличие от Антиохии, ночью спят. — *Примеч. ред.*

²³⁸ ἔθνος в этом смысле ср. т. I, стр. 108, 1 [239, 34].

ве нет конных состязаний с их спором, не ведущим к мятежу? Разве нет забав сцены? Разве нет увеселений в противовес заботам? Разве не сюда перешел предмет гордости элейцев и не превзошли мы своих учителей в Олимпиях почитанием Зевса?²³⁹

270. Это состязание, случалось, устраивал иной и царь и, сняв свой наряд, надевал олимпийскую одежду²⁴⁰, а другой являлся элланодиком и возлагал на себя лавровый венок²⁴¹, вместе и украшая и украшаемый своими действиями. И если элейцам, в остальном не выдающимся своим положением, праздник приносит некоторую значительность, что думать о нашем, который при прочем состоянии побеждает и блеском²⁴² Олимпий?

271. Какой же город подобает сравнивать с этим? Ведь он богаче древнейших, другие побеждает величиною, третьи превосходит знатностью рода, четвертые плодородием страны. И тот, которому уступает стенами, превосходит орошением, мягкостью зимы, культурностью населения, упражнением в мудрости, а города еще большего²⁴³ красивее главною красотою, эллинской образованностью и красноречием.

272. И вообще ты найдешь, что одни малы, другие, при величине, чужды Афродите. Здесь же богиня, мать Эрота, величину залила прелестью, и если, покинув этот город, явишься в другое место, вспомнишь об этом, если же явишься сюда из другого

²³⁹ См. *orat.* LIII, т. II, стр. 1 [5] след. (Иоанн Малала сообщает, что антиохийцы убедили имп. Клавдия предоставить право проведения Олимпийских игр Антиохии, однако до полномасштабных данные игры были реорганизованы только имп. Коммодом (248. 5–7; 283. 1–3). — *Примеч. ред.*)

²⁴⁰ Об олимпийской одежде т. I, стр. 117, 3 [252, 14]. (Имп. Диоклетиан в 300 г. отправлял должность алитарха (главного блюстителя общественного порядка) на Олимпийских играх в Антиохии. — *Примеч. ред.*)

²⁴¹ Им был имп. Максимиан, который в 296 г. находился на Востоке, готовясь к кампании против персов в Армении (Malala. 311). Максимиан отправлял должность элланодика — судьи (одного из 10), который во время игр не только судил, но и проверял атлетов, следил за их тренировками, распределял награды. — *Примеч. ред.*

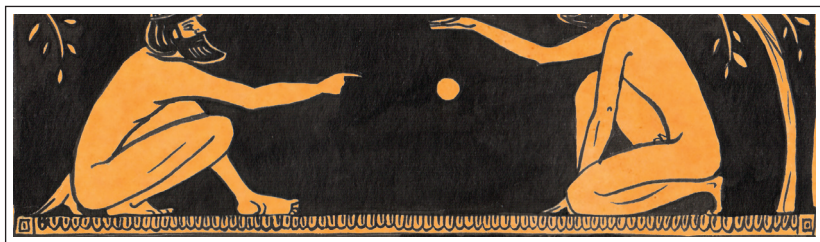
²⁴² φαῖδρότης ср. § 266 ἀγῶνις φαῖδρότης, в смысле значительность вообще.

²⁴³ Антиохия третий из городов империи, после Константинополя, Рима, ср. т. I, стр. 143, 1, 281, 3 [285, 38; 479, 49].

места, забудешь о прежнем своем местопребывании. Поэтому подобает извинять тем, кто под воздействием снадобий, имеющих в городе, проникаются пренебрежением к родителям и отечествам. Ведь они увидали город, какого другого нет, и знают, что ничего подобного не встретят на пути своем.

273. Я уплатил свой долг родине, присутствующие, в мере не меньшей, чем на какую способен, но слабейшей, чем бы я желал. Но о грядущем сказал бы с уверенностью, что речь гражданина, может быть, иные превзойдут, но, чтоб сравняться с городом, ничья речь того не достигнет.

О РАБСТВЕ

Orat. XXV F¹

1. Эти два слова всюду на земле на устах, раб и свободный, в домах, на рынках, в полях, на равнинах, на горах, даже на кораблях и челноках. И представляется, одно относится к благоденствию — свободный, другое — наоборот, раб. И когда кого оскорбляют, он тем более возмущается, что он свободный человек, а если кто раба оскорбит, в случае чьего-либо протеста виновный возмущается, утверждая, что их можно бить, словно камни.

2. Я же, давно уже всматриваясь в людские обстоятельства, которые всех одинаково приводят в некое рабство, не раз, за долгие годы, оплакивая прочих и себя, желал бы, чтобы одно из слов было упразднено, так как соответствующей ему вещи не существует.

¹ Речь написана в 387/388 г., вскоре после антиохийского «мятежа Статуей». — *Примеч. ред.*

3. Гораздо раньше меня это подметил поэт Еврипид, сочиняя «Гекабу»². Именно, когда Гекаба молит Агамемнона посодействовать ей в мести Полиместору, Агамемнон побоялся, как бы его не оклеветали перед войском в том, что он озабочивается интересами врагов вперед своих, а старуха, видя, что одно и то же лицо и властвует над ахейцами, и боится ахейцев, сказала:

«Увы!
Средь смертных нет такого, кто — свободен:
Он раб иль денег или собственной судьбы,
Души веляньям следовать помеха
Народ, закон».

Вызывает рабство и это, вызывает его и немало других условий.

4. Вперед надо рассмотреть, рабствует ли человеческий род, а божеский не имеет над собой владыки. Итак, мое мнение, что божество властвует над людьми, а не рабствует никому, если же привлечем к суждению поэтов, они нам внушат нечто иное.

5. Ведь когда Кронос падет с неба, а воцарится Зевс³, и в свою очередь станут замышлять сковать его

² Гекуба — в греческой мифологии жена троянского царя Приама. Участи Гекубы после взятия Трои посвящена одноименная трагедия Еврипида, датированная 424 г. до н. э., а также трагедия «Троянки» (415 г. до н. э.) — смерть или плен ее детей. В «Гекубе» подробно освещается история мести Гекубы правителю Херсонеса Фракийского Полиместору, зятю Приама и Гекубы, который убил жившего у него троянского царевича Полидора, сына Гекубы и Приама. По сюжету, Гекуба убивает детей Полидора и ослепляет его самого. — *Примеч. ред.*

³ Кронос — в греческой мифологии один из титанов, сын Урана и Геи, оскотивший по наущению своей матери отца, чтобы пресечь его плодovitость, и воцарившийся вместо Урана. Кронос проглатывал всех своих детей, однако мать Зевса Рея подменила ребенка камнем, завернутым в пеленки, а Зевса выкормила коза в пещере на Крите. Выросший Зевс по совету своей жены Метиды опоил Кроноса волшебным питьем, благодаря которому Кронос изрыгнул на свет братьев и сестер Зевса. Под предводительством Зевса дети Кроноса объявили войну титанам, длившуюся 10 лет. Побежденные титаны вместе с Кроносом были сброшены в Тартар и находились там под стражей сторуких. — *Примеч. ред.*

«Гера, с ней Посейдон и богиня Паллада Афина»⁴,

и он попросит помощи из моря и будет признателен за спасение от оков Фетиде⁵, что это за свобода Зевса? Какова же свобода прочих богов, когда Зевс их пугает угрозами и отклоняет от тех действий, которые они желают предпринять?

6. Да и ярмо любви они распространяют чуть не на всех. И вы знаете любовные связи Зевса и Посейдона, Аполлона, Ареса, Гесты, Плутона, но знаете, что и богинь поэты не избавили от ига. А разве любить не значит то же, что рабствовать?

7. И Пифия, утешая лидийца Креза, бывшего пленником персидского царя Кира, говорит: «И богу невозможно избежать предназначенной судьбы»⁶. Об этом довольно, а Мойр признаем за неких богинь, определяющих долю людей пряжею⁷, но ни сильнейших, ни слабейших, чем прочие боги.

⁴ См. Номер. I. 396–406: «...В день, как отца оковать олимпийские боги дерзнули, Гера и царь Посейдон и с ними Афина Паллада. Ты, о богиня, представ, уничтожила ковы на Зевса; Ты на Олимп многохолмный призвала сторукого в помощь... Боги его ужаснулись и все отступили от Зевса» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

⁵ Фетида — в греческой мифологии дочь Нереея и Дорида, наиболее известная из Нереид, мать Ахилла. Именно Фетида помогла Зевсу устоять во время восстания богов против него: «Часто я в доме родителя, в дни еще юности, слышал, Часто хвалилася ты, что от Зевса, сгустителя облак, Ты из бессмертных одна отвратила презренные козни...» (Номер. I. 396–398; пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

⁶ Крез, царь Лидии, собираясь воевать с персами, просил совета у Дельфийского оракула и получил предсказание, что если он начнет войну, то разрушит великое царство. Крез был разбит персами и после этого вновь отправил гонцов в Дельфы, чтобы спросить Аполлона, не стыдно ли было богу погубить его своими советами. Пифия в ответ изрекла, что предопределенного роком не может избежать даже бог, но Аполлон старался отсрочить предопределенную гибель Лидийского царства. Винават же сам Крез, неправильно понявший предсказание, в котором не уточнялось, о каком царстве идет речь. — *Примеч. ред.*

⁷ Мойры — богини судьбы, одна из которых, Клото, прядет нить жизни каждого человека. — *Примеч. ред.*

8. У тех же, которые утверждают, что они свободны, отнимает свободу, во-первых, то, если он не властен поступать так, как захочет, но вынужден исполнить

«Все, что выпряла Мойра нитью ему при рождении,
В пору, как мать родила».

Вот, например, желаю я плавать и зарабатывать деньги в гаванях, а Мойра влечет меня к суше, быкам, борозде, посеву, серпу, гумну, и отвлеченный от того, чего желал, я живу в занятиях, каких не желаю, как другой, который хочет обрабатывать землю и в безопасности иметь скромный добыток, посаженный на корабль Мойрою, вместо пашни бороздит море, малой долей бортов отделяемый от смерти. Другой, увлекаясь риторикой, посещает учителя гимнастики, добывает известность физического силою и носит венки из Олимпии, а кто стремится к венку из Писы, занят красноречием.

9. И вообще во многих случаях можно наблюдать борьбу личных стремлений с Мойрами, и всюду победа оказывается за последними. Так, один, избегая брака, женится, а безбрачный прожил, принося жертвы Браку. И бедность, и богатство, и дети, и бездетность, и большие или меньшие средства к жизни отсюда.

10. Почему же ты жалеешь слугу и называешь рабом за то, что его поступки зависят от мановения твоих бровей и некие бразды наложены на него твоею волею, сообразно коей одно он сделает, от другого воздержится? Ведь и тобой водительствоуют решения Мойр вернее, чем кормчий кораблем, и ты не в состоянии был бы, противодействуя им, стать свободным и преодолеть их предначертания.

11. Есть люди, которые не называют Мойр, а винят во всем, зле и добре одинаково, Судьбу, и одобряют того, кто изрек: «Судьба — дела смертных»⁸, как будто она делает видными людей скромных, а видных людей принижает и, в свою очередь, вновь

⁸ Это высказывание встречается у нескольких античных авторов. — *Примеч. ред.*

тех и других возвращает в прежнее положение и у того отнимает богатство, тому дает.

12. Они полагают, что и война, и мир, и здоровье, и недуг, и вообще все, что выгода или вред людям, все это, прошедшее, настоящее и будущее, — воля Судьбы. Нам же невозможно ни судиться с нею, ни требовать возмездия, ни положить конец ее владычеству массой войска, как лакедемоняне владычеству Писистратидов⁹.

13. Чем же больше раб — твой раб, чем ты — Судьбы, если, как с того ты и плащ снимаешь, если гнев овладеет тобою, и посылаешь на мельницу, так тебя она лишает состояния и посылает к дверям людей, могущих подать? Ведь если ты и благоденствуешь до конца, с ее соизволения не изменилось твое положение, а сам для себя ты не закрепил его нимало, как и раб не может оставаться в благополучии помимо воли своего хозяина, но что для них мы, то она для нас. Итак, это рабство откуда-то свыше и, может быть, с неба. Ведь, надо думать, и для Судьбы поставлен трон на небе, если она и не значится в числе двенадцати богов¹⁰.

14. Давай, рассмотрим и других господ и госпож, которых мы себе воздвигаем из себя самих, и они нас губят и, что самое несообразное, пользуются любовью тех, кого они губят.

⁹ После смерти тирана Афин Писистрата (560–527 гг. до н. э.) к власти пришел его старший сын Гиппий (570-е гг. — 490 г. до н. э., тиран Афин в 527–510 гг.) при соправительстве другого сына Писистрата, Гиппарха. В 514 г. Гиппарх был убит «тираноубийцами» Гармодием и Аристогитоном. Гиппий изгоняет из Афин многих своих противников, в том числе Алкмеонидов во главе с Клисфеном, которые в союзе со спартанцами начинают борьбу с тиранией. Первый поход спартанцев в 511/510 г. Гиппию удалось отразить, причем в бою погиб спартанский царь Анхимолий. В следующем году спартанцы направляют новое войско, усиленное афинскими изгнанниками, Гиппий был осажден на Акрополе. Осаждающим удалось захватить детей Гиппия, и тирану пришлось сдаться и покинуть Афины. — *Примеч. ред.*

¹⁰ Олимпийские боги, традиционное число которых составляли 12 из детей Кроноса и Реи (Зевс, Гера, Посейдон, Аид, Деметра, Гестия) и их потомков (Афина, Арес, Афродита, Гефест, Гермес, Аполлон, Артемида, Дионис). В разных вариантах списков не называются Аид, Гефест, Дионис; иногда к ним добавлялась также Геба. — *Примеч. ред.*

15. Во-первых, безмерная жадность к еде и питью. Разве эти позывы не господают, когда они, отвлекая от серьезных, пригодных, подобающих мужу занятий, ведут к разорительным трапезам вроде персидских или сибаритских, затем, до глубокой ночи держа нас в оковах обременением желудка, тяжестью головы, как ослов злые погонщики, наконец, отправляют домой в безобразном виде, шатающимися, не владеющими ногами? А после ночи и сна эти люди снова идут, чтобы подвергнуться тому же, и проводят жизнь в пьянстве, будто рабы кратеров¹¹, бочек и кубков.

16. Другим господином, далее, является гнев, не служа рассудку в качестве помощника, как справедливо и полезно, но подчинив рассудок себе и смело захватив власть над ним. Итак, он стремглав гонит того, кто в его власти, и волнует больше, чем море ветры, какие обуревали сына Лаэрта¹². И вот он вскипает всюду, по всякому случаю и против всех, словно кувшин, подогреваемый сильным пламенем, и мало чем отличается от попусту лающей собаки, когда кричит и проявляет свою дерзость, поражает невыносимыми словами, отчего у него всегда большинство враги.

17. Слушая уговоры прекратить гнев, самый тяжкий недуг, «чтобы чтили больше тебя молодые и старцы»¹³, он одобряет советчика и уверяет, что поступит не иначе, а когда владыка нападет, снова становится Агамемноном и душою, и взором: «Очи его сверканью огня подобны по блеску»¹⁴. В этом он признается в своем рабстве и не в состоянии поступить иначе, чем как велит ему гнев.

¹¹ Кратер — сосуд для смешивания вина с водой. — *Примеч. ред.*

¹² Имеется в виду Одиссей. По пути из Трои домой на остров Итаку он неоднократно сталкивался с морскими бурями. — *Примеч. ред.*

¹³ См. Homer. II. IX. 257–258: «Распри злотворной, как можно, чуждайся, да паче и паче Между ахейн тебя почитают младые и старцы» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

¹⁴ См. Homer. II. I. 102–104: «Мощный герой, пространно-властительный царь Агамемнон, Гневом волнуем; ужасной в груди его мрачное сердце Злобой наполнилось; очи его засветились, как пламень» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

18. Рабом был Агамемнон, когда подвергался этой слабости, как он ни будь потомком Пелопса, сына Тантала, Зевесова сына¹⁵, как ни древен у него скипетр, происходя с неба и от рук Гефеста¹⁶. Рабом был и Ахилл, впав в подобный гнев и среди народного собрания, вождь на царя, обнажив меч¹⁷, хотя он и взял много тех городов, «на кораблях двенадцать, одиннадцать пеший»¹⁸, и, наполнив палатки пленниками, сам был ведом как пленник и все время, пока гневался, не был свободным.

19. А страстный игрок в кости, ради Зевса, разве свободен? И кто когда-нибудь так принуждал раба бодрствовать, как эта слабость согбенных и сражающихся лишает сна, склоняя пренебрегать площадью, убеждая забывать о ванне, даже иной раз и о самой пище? Ведь, что сказание говорит о цикадах, что некоторые из людей скончались голодною смертью из любви к песне, а затем стали цикадами, так почтенные Музами, то же почти относится и к завзятым игрокам. Вереницу дней и ночей¹⁹ проводят

¹⁵ Пелопс, сын Тантала, унаследовал от отца власть над областью Сипила, но, теснимый троянским царем Илом, перебрался в Грецию, где женился на дочери царя Писы Гипподамии. В результате Пелопс унаследовал власть над Элидой, а затем распространил ее на всю южную Грецию, ставшую Пелопоннесом. Агамемнон, сын Атрея, был внуком Пелопса и унаследовал от отца трон в Микенах. — *Примеч. ред.*

¹⁶ См. Номер. II. II. 100–107: «Говор унявши, как пастырь народа восстал Агамемнон С царственным скиптром в руках, олимпийца Гефеста созданием. Скиптр сей Гефест даровал молненосному Зевсу Кронида; Зевс передал возвестителю Гермесу, аргобийце; Гермес вручил укротителю коней Пелопсу герою; Конник Пелопс передал властелину народов Атрею; Сей, умирая, стадами богатому предал Фиесту, И Фиест, наконец, Агамемнону в роды оставил» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

¹⁷ См. Номер. II. I. 193–195: «В миг, как подобными думами разум и душу волнуя, Страшный свой меч из ножен извлекал он, — явилась Афина, С неба слетев» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

¹⁸ См. Номер. II. IX. 328–331: «Я кораблями двенадцать градов разорил многолюдных; Пеший одиннадцать взял на троянской земле многоплодной; В каждом из них и сокровищ бесценных, и славных корыстей Много добыл» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

¹⁹ συνέιρουσι νύκτας ἡμέρας, ср. т. I, стр. 424, 1 [660, 120].

они без пищи и питья, и одно удовольствие [игры] преодолевает другое [стола]. Итак, как иначе, как не рабами, назвать тех, кто скованы?

20. В ком укоренилась зависть, тот уже не истребляет завистливости удовольствием, но это в некотором роде общее зло и его, и того, на кого направлена зависть, и гораздо более оно принадлежит завидующему. Ведь тому, кому он завидует, он то вредит, то нет, но в ком сидит зависть, душу того она удручает, а тело изводит и делает его мрачнее людей, оплакивающих близких, не из-за того, что с ним приключилась какая-нибудь беда, а из-за того, что ближнему пришло какое-нибудь счастье.

21. Итак, если бы полного таким недугом я назвал свободным, разве бы я не поступил неправо? Он превосходит унынием всякого меченого раба. Последний, если господин позволит отпустить волосы по лбу, скрыв свой позор, может смеяться, будто бы и не был клеймен, а этого человека ничто не могло бы побудить не горевать. Какой же, следовательно, здравомыслящий человек не счел бы меньшим злом быть взятым в плен врагами, чем носиться с укоренившейся в душе завистью, диким, жестоким и мрачным владыкою?

22. Перейдем теперь к корыстолюбивым людям, которых сильно привлекают мастерские серебряных и золотых дел²⁰. Если даже они встретят рослого, красивого и украшенного золотом коня, скорее смотрят на золото, чем на стать животного. Ничто из того, что у них есть, их не удовлетворяет, а то, чего нет, огорчает тем, что нет его. Ничто из того, что имеют, они не считают многим, но то, что имеется у других, считают доказательством своей бедности. Они желали бы, чтобы всякое наличное золото принадлежало им, да и то всё, что пребывает в недрах земли.

23. Они постоянно беседуют о деньгах, как жаждущие об источниках. Они считают счастливым не Нестора, не Арганфония

²⁰ Антиохия славилась своими ювелирами, особенно изготовлением серебряной посуды. В империи был широкий спрос на антиохийские серебряные изделия (см. Ор. XXVII. 18–21; XXXI. 12 о множестве мастерских серебряников в Антиохии). — *Примеч. ред.*

за года их²¹, не Пелея за свадьбу²², не Адониса за красу²³, не Геракла за бессмертие²⁴, но Каллия, Гигеса, Кинира и Креза, и муравьев, что в Индии²⁵. И если получают, радостны, а когда друг желает денежного благодеяния, с ними делается дурно, и один из них промолчит, другой, пообещав, обманет, но тот и другой трепещут.

24. Итак, тот, кто из-за одного статира или даже какой-нибудь меньшей суммы озабочен, прибегает к хищению, клянется,

²¹ Нестор, сын Нелея, царь Пилоса. В «Илиаде» Нестор изображен старцем, славящимся мудростью и житейским опытом. Арганфоний — полупоупендарный царь Тартесса (в Испании), живший, по свидетельствам различных античных авторов, от 120 до 300 лет. — *Примеч. ред.*

²² Пелей, в греческой мифологии сын Эака. В награду за целомудрие (Пелей отверг домогательства влюбленной в него Астидамии, жены приютившего его Акаста, царя Иолка) Зевс дал в жены Пелею морскую нимфу Фетиду. Версии о бракосочетании Фетиды и Пелея в традиции разнообразны, от награды Зевса до фактического насилия Пелея над понравившейся нимфой. — *Примеч. ред.*

²³ Согласно традиционной версии, богиня Афродита, рассердившись на не почитавшую ее дочь царя Псофиды Фегея, Алфесибия, внушает той страсть к родному отцу, который поддается соблазну, не подозревая, что вступает в связь с собственной дочерью, и после этого прокликает ее. Боги превращают Алфесибия в мирровое дерево, из треснувшего ствола которого появляется ребенок удивительной красоты — Адонис. Впоследствии Адонис становится спутником и возлюбленным Афродиты. — *Примеч. ред.*

²⁴ Геракл — в греческой мифологии герой, сын Зевса и смертной женщины Алкмены. Согласно традиции, Деянира, жена Геракла, мучимая ревностью к Иоле, дочери царя Эхалии Эврита, любовнице Геракла, пропитала хитон кровью убитого Гераклом кентавра Несса и, полагая, что этим сохранит любовь героя, послала хитон мужу. Кровь, пропитавшая хитон, оказалась отравленной (Геракл поразил Несса стрелой, смазанной ядом лернейской гидры) и, впитавшись в кожу Геракла, причиняла ему невыносимые страдания. Тогда Геракл отправился на гору Эту, разложил костер и вззошел на него. В это время с неба спустилась туча и с громом унесла Геракла на Олимп, где он был принят в сонм бессмертных богов. — *Примеч. ред.*

²⁵ Калий — тиран Халкиды на о. Эвбея; в 350 г. выступил на стороне македонского царя Филиппа II в борьбе с Афинами, впоследствии перешел на сторону Афин. Кинир (Кинур) — знаменитый богач, чье богатство вошло в пословицу; он был первым легендарным царем Кипра; Гигес — первый царь Лидии из рода Мермнадов, предок знаменитого Креза; как и Крез, Гигес славился своим богатством. Что касается муравьев, то, по преданию, в Индии обитали огромные муравьи, добывавшие золото. — *Примеч. ред.*

отнимает, на все дерзает, все готов выдержать, ненавидит и возбуждает ненависть, изменяет друзьям и подлаживается к врагам, и переносит еще более жалкие условия, разве свободен? Никким образом, но сам он может быть хозяином рабов, а он раб — золота.

25. Ведь несвободен и тот фригиец Мидас, столь неистовый в страсти к золоту, что он поймал Сатира, одни говорят, на вино, другие — сетями, которые раскидывали охотники Мидаса на зверей, а захвачен был Сатир, блуждая ночью в горах. И вот связавшие его повели добычу к царю, а тот — он был особенно привержен Дионису — отпустил Сатира богу и тотчас получил в награду дозволение просить у Диониса, чего только захочет. Пропустив действительные блага, он просил, чтобы все, до чего он ни коснется, становилось золотом. И стал Мидас отцом золота. Многое и другое подверглось у него этому превращению через его руки и, когда надлежало завтракать, он превращал в золото пищу и питье, и богатство стало для него голодом²⁶. А если бы он не был рабом золоту, он воспользовался бы удобным случаем, как следовало.

26. Теперь, в завершение²⁷ своего обзора, укажем на владычество Эротов²⁸, на могущество коего намекает лук и стрелы. В самом деле, когда они или спустят стрелу, или поднесут огонь²⁹, тотчас же то и другое направляется в сердце, и первая производит тяжкую рану, второй разжигает сильное пламя. И вот, по пословице, любящий человек становится более рабом, чем мессениане³⁰, считая пустяками друзей, родителей, попреки со сторо-

²⁶ Тогда Мидас взмолился Дионису, чтобы тот снял чары. Дионис приказал Мидасу искупаться в источнике Пактол, отчего источник стал золотоносным, а Мидас избавился от своего дара. — *Примеч. ред.*

²⁷ τὸν κολοφῶνα ἐπιθεῖναι см. т. I, стр. 242 [422, 51].

²⁸ Эрот, сын Афродиты (хотя существовали различные его генеалогии), самый юный из богов. В греческой мифологии Эрот один, а в римской их два — Амур («любовь») и Купидон («страсть»), что, очевидно, оказало влияние на мифологические познания Либания. — *Примеч. ред.*

²⁹ Факел тоже является атрибутом Эрота у Либания, см. ер. 574, 83.

³⁰ Жители области Мессении на Пелопоннесе стали рабами-илотами спартанцев в результате Мессенских войн (вторая половина VIII в. до н. э. — вторая

ны людей, служа предмету любви, и, чем больше рабствует, тем больше услаждается, радуясь расходам, трудам, просиживанию близости больше, чем добыткам и развлечениям, в случае уда- чи ухаживая с радостью, при неудаче гоняясь за предметом любви со всею хитростью и раболепством.

27. И любимый не попросит ничего настолько невозможно- го, что выполнить не является уязвленному полною необходимо- стью. Если же нет способов выполнить, он скорее умрет, чем от- кажет заранее. А между тем нашим рабам невозможность дела, бывает, доставляет некоторое извинение, а иным и то, что не представляется невозможным, но очень трудным для выпол- нения. Ты можешь услышать и от самих влюбленных, что они рабствуют, если кто-нибудь подвергнет их суду, как виновных в неправде. Они скажут, что их влекут силою и что тот, кто под- вергает насилию, сильнее их воли. И из всех пристрастий это в особенности может встретить наибольшее число людей, готовых извинить, с одной стороны, как самое могучее и преследующее душу своим уязвлением, с другой, овладевающее всею душою или большею ее частью. Ведь немного найдется людей, которые не от- ведали бы этих стрел.

28. К какой столь тяжелой службе понуждает хозяин раба? Для него рабство в том, что он отправляет для хозяина услуги во время обеда, в бане, вымоет одежду, заложит пару, и угостит- ся остатками кушаний и кое-какой едой такого рода, что она не приобщает к равной [с господином] изысканности, но полезна кое-чем иным. Рабы бывают большею частью здоровее господ. Последним отсутствие труда — причина недугов, а вторых труд избавляет от них.

29. Далее, для раба возможен побег и много уголков суши, мно- го моря, горы и рощи в его распоряжении, он является и к козо- пасу, и к пастуху быков, и скрывается под видом пастуха, и осво- бождаст себя от рабства. А от господ, которых я перечислил,

половина VII в. до н. э.) и обрели свободу и независимость лишь в 369 г. до н. э., после победы войска Фив над Спартой. — *Примеч. ред.*

овладевших душою, какое бегство, какое спасение? Куда люди ни явятся, они носят с собою господ своих.

30. Если же говоришь, что и многие из рабов испорчены и рабствуют и нам, и своей порочности, во-первых, я удивился бы, если бы от меньшей роскоши у кого-нибудь явилась такая же степень испорченности. Затем, речь сейчас старается доказать не то, что рабы — свободны, а то, что свободные — рабы, и, в свою очередь, не то, что одни меньше, другие больше рабы, но что это рабство — всюду. А о размерах рабства и где оно больше, где меньше, предоставлено исследовать желающему.

31. И относительно рабства душ достаточно. Впрочем, о многих, важных видах рабства умолчано, дабы длиннота не наскучила явившемуся для слушания. Кто создал наши тела, не знаю, но пусть, если угодно, это будет Прометей³¹. Знаю, однако, что все из одной глины. И свидетельством того для меня служат недуги, постигающие всех людей [одинаково].

32. Врач является лечить то раба, то хозяина. Часто обоих в один и тот же день. Чье же из двух тело свободно свободною здоровьем, когда последнее есть иногда у одного, иногда у другого, но не бывает его ни у того, ни у другого постоянно? Итак, когда скованного подагрою хозяина несут в кресле, а несут рабы, полные силы, разве признаком рабства последних не является ношение, а рабства хозяина — то, что его несут? Но он стонает и вопит больше, чем несущие. Никто не настолько ленив и жалок, чтобы не предпочел лучше рабствовать хозяину, нежели такому недугу.

33. Итак, пусть сыны врачей говорят о видах болезней, одних, распространяющихся на весь организм, других, удручающих части его, как голову, глаза, руки, ноги, каждую из прочих, но ты, если раб заполучает какую-нибудь из этих по закону природы, а хозяин отстраняет и отгоняет, как собаку камнем, говори, что в этом одном виде свободы преимущество хозяина. Если же на всех одинаково распространяется хоть одно из этих бедствий,

³¹ Согласно распространенной версии, Прометей по воле Зевса сам вылепил первых людей из земли и воды, создал их смотрящими в небо, по подобию богов. — *Примеч. ред.*

как дождь на всю землю внизу, то господа с рабами товарищи по рабству из-за недугов.

34. И то, что одна воля находится в подчинении другой или господствует над нею, наблюдается и в среде рабов, и в среде господ. И ими мы правим, а законы нами, и полный произвол у рабов отнимаем мы, а у нас закон. И афиняне рабствовали законам Солона, лакедемоняне — Ликурга, персы — персидским, скифы — скифским, и фракийцы своим, и иллирийцы их собственным. И из нас, кто не безумен, признает свое рабство закону, а кто стряхивает иго рабства, тотчас подвергается возмездия.

35. Мы называем также себя господами рабов, а наших господ правителями, благозвучным словом смягчая принудительность [отношений]. А они бьют, если понадобится, и связывают, если допустим более крупный проступок, и то лишают состояния, то отечества, и казнят, нам же нельзя казнить никого из рабов. Если же они не поступают так ни с кем, кто не творит беззакония, то и мы не наказываем дельных рабов, но когда рабы становятся дерзкими, или воруют, или ленивы. Полагаю, во все время до сегодняшнего дня гораздо большее число свободных, чем рабов, заплатились за свои душевные свойства. Если же они рабы и нам, и вместе с нами законам, ты говоришь о лишнем рабстве их, а не о свободе господ.

36. Разделив и профессии³² каждую по отдельности, мы расследуем в них, признаем ли лжецом Еврипида, подметив в них какой-либо след свободы.

Как прочие ремесла, так и медники, сами бдительны и виновники бодрствования тех, кто к ним близки, сна жаждут, но избегают того, что составляет предмет их горячих пожеланий. Почему же именно они не спят? Какой хозяин их будит? Разве они не свободны и происходят не от свободных? В каких же соображениях они живут тягостнее, чем у нас рабы?

37. «Потому, — сказали бы они, — что никто из людей нас, правда, не купил, но нам владыка страх голода, он повелевает

³² ἔθνος в этом смысле (ср. и § 46) ср. стр. 398, 1 [578, 238]; т. I, стр. 108, 1 [239, 34].

день и ночь изводить себя, грозя ленивым самую жалкою смертью». Под властью этого господина ты найдешь ремесленников, всех мелких торговцев, которые, получив их работу, сидят за продажей.

38. Но не свободен ли земледелец? Но как? Разве над всеми его занятиями не властны климат, ветры, дожди, и не приходится, принося жертвы, умолять тех, от которых исходит и произрастание из земли, и подрастание и выбрасывание колоса, и его налив? И не этим только измеряется помощь, но, если не посетят гумно

«В пору, как люди зерно провевают, когда желтокудрой
Дело Деметре зерно отделять от легкой мякины»³³,

весь прежний труд земледельца-труженика пропал.

39. Если же земледелец раб ветров, то и подавно плаватель, который носится, куда ни направят они, устанавливаются ли они в корму, это направление, спасительное для моряков, или препятствуют бегу, когда обрушиваются на грузовые суда против носа. И моряк поклоняется в трепете и волне, вздымающейся и роющей море, и начинающейся буре, и выставившемуся утесу, обогнув который нужно достигнуть гавани.

40. А тех, которые плывут по торговому делу, мы сочтем рабами страхов и или бедности, или богатства; бедности, если они совершают плавание из-за насущного пропитания, богатства, если, обладая немалым достоянием, они плывут ради большего. Есть и некий другой страх, их владыка и, клянусь Зевсом, всех людей: разбойники, не щадящие ни земли, ни моря. Когда они предстают с оружием, приходится отказываться от денег, имеющихся в распоряжении, и вымаливать с рыданиями жизнь.

41. Эти люди, причиняя рабство, тем самым и сами рабы. Несправедливость, напоминая о наказании, преисполняет душу

³³ См. Homer. II. V. 499–502: «Так, если ветер плевры рассеивает по гумнам священный, Жателям, веющим хлеб, где Деметра с кудрями златыми Плод отделяет от плев, возбуждая дыхание ветров Гумны кругом под плевою белеются» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

тревогой и страхом, и он видит беды, которых не видно, и его тянут, хотя никто не тянет, и он сажает судей себе, выставляет обвинителя, и сам он — и наказующий, и наказываемый. Так и тот, кого грабят, и тот, кто причиняет насилие, — в рабстве.

42. Жрецы богов могли бы показаться иным свободными. Но если господа — законы, и дело поставлено правильно, в среде жрецов рабство большее. Законы для них более многочисленны, одни, какие и для прочих, другие, им одним повелевающие, относительно пищи, питья, стрижки, обуви, одеяния, ложа и еще меньших вещей, как и о самых важных, и приходится жить в предписаниях этой строгости или не будет оправдания. И в общих несчастьях городов, какие происходят от землетрясений, заразы, войн, засух и избытка дождей, возводят обвинение на жрецов, и пострадавшей народ враждебен, как за пренебрежение обрядом. И когда окружают жреца люди, полагающие, что потревожены религиозные обычаи, нападения толпы тяжелее прибоа волн.

43. Декурион может сказать, что он словесно оскорблен, если, являясь представителем города и надевая пышные одежды, при всем том будет помещен в ряды рабов. Но я желал бы, чтобы он был свободным, но сам он внушает мне иное, когда осведомляется, соберет ли ночь в суд властей, и ванн и обедов частью лишается совсем, частью пользуется ими недостаточно, сну не предается от страха даже столько, сколько возможно, и носит на ресницах признаки потребности сна. Оставляю угрозы, больнейшие, чем удары, а некоторые, доходящие и до последних, и устройство дорог, и поправку мостов, отслеживание разбойников, взимание продуктов³⁴ и многообразное рабство, скажу то название, какое у них прилагается к их делам.

44. Народом же, руководителями коего они именуются, они руководят, когда он хочет быть порядочным, и могут строго взглянуть на него в спокойное время, но если народ взволнуется

³⁴ Либаний перечисляет здесь некоторые из литургий, налагаемых на декурионов. Под «взиманием продуктов» подразумевается сбор натуральной подати с сельского населения. — *Примеч. ред.*

и гнев проникнет в собрание, тогда вождям является потребность в ногах, вернее же, в крыльях, если они хотят избежать огня³⁵. Итак, они по очереди и господствуют, и рабствуют, одних и тех же то поражая, то не выдерживая. И, в самом деле, когда вестник велит войти им, рассеянным перед судами³⁶, им приходится бежать словно рабам, а шагом идти было бы невозможно, так что больные ногами, запаздывая, бледнеют. Значит, так жить свобода небольшая.

45. Но и жить в упражнении тела, откуда достаются венки, не может быть свободой от рабства. Ведь, кроме рабства с детства, в каком он находился у педотрибов, такой человек подвержен вспышкам гнева агонифетов, подвержен приговорам судей, подвержен крику феоров, и жезлоносцы окружают его с десницами наготове³⁷.

46. Конечно, иной из вас, пожалуй, досадует, что еще не оказались рабами софисты, и воображает, что я, величаясь, исключая эту профессию из рабства. Никоим образом. Не было у меня намерения миновать рабство, столь резко выраженное, рабство, сравнительно с коим ничем были бы все те, о которых я помянул. Софист по специальности — это прямо Сизиф, что у Гомера мучается с камнем³⁸, когда он дает речи и воспринимает, воспринимает из книг, дает изустно.

³⁵ Т. е. поджога домов, см. т. I, стр. 36, 124 [145; 261], т. II, стр. 296 [429] след. (В данном случае Либаний явно намекает на недавний «мятеж Статуй», когда множество куриалов бежало из города (см. Or. I. 252). — *Примеч. ред.*)

³⁶ Речь идет о судопроизводстве, осуществляемом консуляром провинции и комитом Востока. В юрисдикции данных судов было наказание за невыполнение или недостаточное выполнение литургий. — *Примеч. ред.*

³⁷ Кроме педотрибов (воспитателей), остальные — должностные лица на состязаниях: организаторы соревнований (агонифеты), государственные представители на культовых церемониях (феоры), жезлоносцы (как и биченосцы) следят за соблюдением порядка на мероприятиях. — *Примеч. ред.*

³⁸ См. Homer. Od. XI. 593–598: «Видел я также Сизифа, казнимого страшную казнь; Тяжкий камень снизу обеими влек он руками В гору; напрягли мышцы, ногами в землю упершись, Камень двигал он вверх; но едва достигал до вершины С тяжкою ношей, назад устремленный невидимой силой, Вниз по

47. Он рабствует не только всем тем, кем правит, но многим педагогам, многим родителям, и матери-то, и бабушке, и деду, и если не обратит юношей в сынов богов, будь они хоть сущий камень, победив натуру искусством, много разнообразных обвинений стекается отовсюду, а он вынужден бывает потупить взоры долу, хотя в оправданиях у него недостатка нет, молчанием смягчая охотников критиковать.

48. Рабствует он и стражам ворот, и племени содержателей гостиниц, первым, дабы они не чернили его перед приезжими, вторым, дабы они его расхваливали перед останавливающейся у них публикою. Может, конечно, и этот, и тот, и человек еще более скромного, чем они, положения уязвить мастерскую софиста. Он льстит и подделяется и к тому, кто является с чужбины, и к тому, кто отъезжает из дому, первому, чтобы, присутствуя вблизи, он не вел против него войны и не подкапывался под состав его школы, второму, чтобы по той земле, где пройдет, он не посеивал неблагоприятной молвы о нем.

49. Самой тяжелой для него владычицей тяготеет над ним курия, коротким письмом могущая его и возвысить, и низвергнуть³⁹, и повернуть его долю, куда захочет, и если будет угодно ей, извергнуть и выставить толпу соперников, много и других у нее средств, представляющихся мелкими, но приносящих сильное огорчение. Если захочет он избежать их, ему нужно быть не новичком в рабстве. И он будет задерживаться у дверей правителей, лстя привратникам, и, оттолкнутый, снесет это, а найдя доступ, проявит поразительную признательность. Если он поступит подобным образом по отношению к хозяину двери, каков будет он с теми, кто всем заправляет?

50. Еще сокрыто, друзья, главное проявление рабства, но я веду его на свет. Именно, являясь непрерывным, так как охвачено бесчисленными мотивами принудительности, оно возрастает и

горе на равнину катился обманчивый камень» (пер. В. А. Жуковского). — *Примеч. ред.*

³⁹ Речь идет о решении курии назначить соискателя официальным городским софистом, получающим жалование. — *Примеч. ред.*

напрягается тогда, когда софист приступает к публичному представлению. Он нуждается в похвале и является с целью стяжать ее речью своею. День для него, лучший ли, худший ли, решает крик, если сильнее, означающий первое [т. е. удачу], если слабее, второе [т. е. неудачу]. В этот момент никто не является ненужным, ни невежа, ни ремесленник, ни воин, ни атлет, ни педагог, ни те, кто носят для юношей книги на плечах⁴⁰, но всякий, сколько-нибудь способствующий шуму, и он — помощь речи.

51. Он становится тогда рабом во власти всех, кто обладает руками и языком. И всячески польстив и задобив и сам, десницей, головой, взором, плащом, уходит, гордясь успехом, словно свободный, но не знает, что каждый из слушателей ушел господином исполнившего речь тем, что угодил рукоплесканиями и что еще предстоит ему дать приговор над сказанным. Итак, юноши рабствуют учителю, а учителя и перечислить трудно скольким.

52. Быть может, иной из вас думает, что то рабство, под которое я подвел всякого человека, не оправдывается в сфере правителей, и я или оставлю эту область, или, стараясь насильственно и на нее распространять рабство, поставлю себя в смешное положение? Но утес трудно одолим, однако надо попытаться и робеть не следует.

53. Во-первых, правителей у нас надо разделить на две половины. Ведь не все ни недоступны взяткам, ни падки на них, но одни таковы, другие нет. Итак, тех, которые осквернили руки дарами, как каких-нибудь незаконных детей, надо отделить от этого рода деятельности и названия. Ведь и покинувших строй мы бы неправильно стали называть воинами.

54. А подлинно правитель, чуждый взяточничества, трудолюбивый и вообще совершенный, разве, надо думать, делает что-либо иное, нежели отцы относительно воспитания и прочего попечения о детях? А если отцов назовем рабами детей, не знаю, чем мы обидим их. Ради них они и деньги собирают, и устраивают дома, и пускаются в дорогу, и моря переплывают, и, надев доспехи, или

⁴⁰ Слуги (зачастую рабы), сопровождавшие учеников на занятия. — *Примеч. ред.*

побеждают, или умирают. Я вижу, и правитель, трудами своими доставляет благоденствие⁴¹, устраивает мир, увеличивает курию⁴², устраняет ссоры и соскабливает старость со зданий. И если кого он бьет и предает заключению, он готов бы был молиться, чтобы они не проникались гневом на него, принимая во внимание, сколько правителей городов было растерзано своими подчиненными⁴³.

55. Ведь и они, когда слынут пастырями народов, как, в свою очередь, отцы, радуются и считают, что подлинно отправляют дело правителей, если их признают схожими с пастырями. Но пастух, если он пастух подлинно, является хорошим рабом своего скота, который, во-первых, высматривает пригодную воду и поит из такого источника, затем — наиболее полезную траву и на ней пасет, и, давая возможность стаду спать и отдыхать в пору полуденного зноя, сам, вместе с псами, оберегает его от волков.

56. Много ухода со стороны пастухов за здоровым скотом, еще больше, когда напавшая болезнь губит его, а, в свою очередь, гораздо более хлопотливым надо признать тот уход, помощью коего правитель устраивает людские дела. Итак, или надо освободить в речи от того рабства пастуха, или согласиться, что и правитель — в рабстве. Ведь если иной утверждает, что он похож и на кормчего, снова подтверждается для него рабство. В самом деле: тот, двигая рулем и царствуя на корабле, с наступлением ночи считает счастливыми спящих из матросов, и сам с величайшей охотой присоединился бы к ним, вкусив сна, но власть его

⁴¹ εὐετηρία, редкое слово, Julian., orat. I, pg. 53, 17.

⁴² Увеличение численности городской курии было актуальной проблемой в течение всей второй половины IV в. (ср. деятельность имп. Юлиана по рекрутированию в курии новых членов), однако для Либания эта тема стала особенно актуальной именно ко времени написания данной речи — ср. речь «К антиохийскому сенату» (XLVIII), написанную в это же время, в 388 г., и посвященную упомянутой проблеме. — *Примеч. ред.*

⁴³ Недавний «мятеж Статуй» завершился без жертв со стороны высшей администрации провинции, однако в истории Антиохии такие случаи имели место: во время мятежа 354 г. (в правление цезаря Галла), вызванного затруднениями продовольственного снабжения города, толпой был убит консуляр Сирии Феофил, были разгромлены дома многих принципалов, в том числе ритора Евбула (см. Or. I. 103; Amm. Marc. XIV. 7. 6). — *Примеч. ред.*

требует, чтобы он бодрствовал, и его одного попутный ветер не отпускает из рабства.

57. Относительно блаженных правителей заметить и то, что вид власти не один, но те состоят на более крупном посту, у других власть слабее и им приходится не менее подчиняться чужой власти, чем начальствовать. Одно и то же лицо мы можем наблюдать, как в трехэтажном доме⁴⁴, поставляемым выше одного, но под другим, и много увидишь должностей, разнящихся по размеру, если от низшей, имеющей попечение над рынком, поднимешься до самой значительной власти⁴⁵, которая с прочими подчиняется царской, а царская законам.

58. Похоже, конечно, на это и положение дела в войсках. Ведь и там начальники тритий и таксиархи, филархи и гиппархи⁴⁶ и множество начальствующих, один, обладающий несколько большею властью, чем другой, а все вместе ниже стратега. А сам этот стратег и те, кто вслед за ним начальствуют, делая то, что хотят, могут подвергаться тому, что им нежелательно. Ведь, полагаю, если у подчиненных явится мысль не слушаться, стратег может быть поражаем мечами, как в давние времена, говорят, произошло при помиловании Мантиней⁴⁷, что воины забросали дротиками стратегов.

⁴⁴ Ср. *orat.* XI, § 225, стр. 388 [564].

⁴⁵ Ср. о градациях власти т. II, стр. 70, 2 [94, 52] — ἀρχή, ἡ τῶν ἄλλων ἄρχει, префектура, т. I, стр. XXIII, 5; 157 [32, 110; 300, 24].

⁴⁶ Сознательно архаизованные Либанием должности военных командиров — командующих пешими (небольшим — командир тритии, крупным — таксиарх) и конными (филархи, командовавшие конными отрядами, подчинялись гиппархам) подразделениями. — *Примеч. ред.*

⁴⁷ См. рассказ об этом у Фукидида (III, 111). Во время Пелопоннесской войны отряд из Мантиinei и других пелопоннесских городов был осажден в г. Ольпы вместе с союзниками из Ампракии. Потеряв надежду выдержать осаду, мантинейцы начали переговоры с осаждающими афинянами и их союзниками из Акарнании. Афиняне разрешили мантинейцам, другим военачальникам и важным лицам тайно покинуть город. Однако вместе с пелопоннессцами из осажденного города попытались тайно уйти и ампракиоты. Акарнанские воины, не разобравшись, стали преследовать отступающих, не зная точно, кто отступает по договору, а кто нет, и стали метать дротики. В конце концов прибывшие афинские военачальники позволили уйти пелопоннессцам, а акарнаны напали на оставшихся ампракиотов, убив многих из них. — *Примеч. ред.*

59. Если же начальник — раб, где же окажутся те люди, которые не знают передышки у решетки суда? Где — врачи? И недружелюбный, и богатый друзьями пускай значится в рабстве, первый, так как он боится врагов в своем одиночестве, второй — по причине множества друзей, так как он обязан многими угождениями, из коих за некоторые отплатить не будет в состоянии.

60. Ответим и афинянам, и всякой демократии, вполне убежденным, что они живут в совершеннейшей свободе. И вот я говорю: «О, вы, граждане демократии, вы шумите в народных собраниях, и кричите, и воображаете, что поступаете, как вам угодно, утверждаете хиротонией⁴⁸ все, что угодно присутствующим, которых вы призываете с помощью вестника, чтобы рабствовать языку и искусству. Ведь эти господа, взошедшие на кафедру, полагаю, руководят вами, как стадом, своими приукрашенными речами. И одним народным постановлением вы упраздняете другое и решением решение, а явится третий, более искусный в речи, и, уничтожив два, сходит, добившись утверждения третьего».

61. Одерживает же верх не то, что полезно, а то, которое предлагается более сильным оратором, скорее способно победить народ. И нередко признается вредным спасительное мнение, а вредное, в свою очередь, заключающим спасение. Отсюда изменники, подкупные люди и враги отечеств. Для них кафедра заменяет акрополь, обман и убеждение — укрепления.

62. Перикл, сын Ксантиппа, очевиднейшим образом ввел на Пниксе монархию⁴⁹, подвергая волнениям Еврипа⁵⁰ афинский народ, который в его горделивости он принизил и от смелости

⁴⁸ Голосование поднятием рук. Как уже не раз отмечалось, Либаний, обучавшийся и преподававший в Афинах, прекрасно знал не только прошлые, но и современные ему обычаи и практику Афин. — *Примеч. ред.*

⁴⁹ Перикл, едва ли не самый популярнейший политик Афин не только в V в. до н. э., но и во всей афинской истории, избирался 15 раз подряд на должность первого стратега. Пникс — место, где проводили народное собрание в Афинах. — *Примеч. ред.*

⁵⁰ Ср. ep. 533, t. IV 191, 29 R. Aesch. c. Ctesiph. § 90, pg. 66, 27. Plato, Phaed., pg. 90 C. (Эврип — бурный узкий пролив между островом Эвбеей и побережьем Аттики. — *Примеч. ред.*)

довел его до страха. И, по воле Перикла, страна покинута была гражданами, полна была опустошающими пелопоннесцами⁵¹, и земле не за что было винить Писистрата⁵². Эти искусные люди, ведущие за собою народ, если пора переменится, подвергаются жалобам, доносам, конфискации, заключению в колодки.

63. Что же? Лакедемоняне, которые открывают себе против илотов произвол избиения⁵³ и о которых Критий говорит: «В особенности в Лакедемонне свободные и рабы»⁵⁴, что иное как не то, что говорит сам Критий, что из-за недоверия к илотам спартиат у них отнимает дома ручки щита и, не будучи в состоянии поступить так во время похода, вследствие того, что часто нужна быстрота, ходит с копьем в руке всегда, в расчете всегда возобладать над илотом, если он станет бунтовать, полагаясь на один щит. Изобрели они и запоры, которые, полагаят, крепче их козней».

⁵¹ Речь идет о первом периоде Пелопоннесской войны (т. н. Архидамова война 431–421 гг. до н. э.), когда войска спартанцев и их союзников предпринимали регулярные вторжения в Аттику, а афиняне, покинув сельскую округу и запершись в Афинах, использовали свой мощный флот для рейдов на побережье Пелопоннеса. — *Примеч. ред.*

⁵² По всей видимости, это намек на рассказ Аристотеля о том, что тиран Афин Писистрат (ок. 602–527 гг. до н. э.) давал беднякам ссуды, чтобы они могли прокормить себя, занимаясь земледелием (Ath. pol. XVI. 2). — *Примеч. ред.*

⁵³ Илоты — в своем большинстве покоренные спартанцами жители области Мессении, находившиеся практически на положении рабов, считались собственностью государства, были прикреплены к земельным участкам спартанцев и должны были отдавать спартам фиксированную часть урожая. На войне илоты выполняли обязанности оруженосцев. Плутарх в «Жизнеописании Ликурга» подробно описывает т. н. криптии — карательные избиения, периодически организовываемые спартанцами для устрашения численно их превосходящих илотов: молодые воины в «свободном поиске» ночью убивали всех илотов, встреченных на дороге, или обходили поля, убивая самых крепких и сильных илотов. Для проведения криптий эфоры Спарты ежегодно объявляли илотам войну. — *Примеч. ред.*

⁵⁴ Критий (460–403 гг. до н. э.) — афинский государственный деятель, известный своими лаконофильскими настроениями. Из его литературных произведений сохранились отрывки стихотворной «Лаконской политики», в которой Критий восхваляет умеренность спартанцев в еде и питье, упоминает спартанского мудреца Хилона и восхищается спартанской системой воспитания. — *Примеч. ред.*

64. Это было бы то же, что сожительство в страхе, не имея возможности и вздохнуть свободно от грозящих опасностей. Итак, те, которых во время приготовления обеда и сна или отправления для какой-нибудь другой потребности вооружает опасение рабов, как они, о сын Каллехсра⁵⁵, могли бы пользоваться полной свободой? На них напали с Посейдоном рабы⁵⁶ и показали пример того, что при подобных обстоятельствах поступят так же. Итак, как цари у них вовсе не были свободны — эфорам предоставлено было арестовать и убить царя⁵⁷, — так все спартиаты лишены были свободы, раз их жизнь сопровождалась ненавистью со стороны рабов.

65. Да будет милостив и Геракл, сын Зевса, к тем, кто следуют сообщению поэтов, о том, что Геракл служил в крепком рабстве Эврисфею и в другом, в Лидии, и что Зевс стенал, когда видел своего дорогого сына, трудящегося в подвигах, какие предложил ему сын Сфенела⁵⁸. Мне же кажется, последний и сам не избег рабства.

⁵⁵ Сыном Каллехсра был упоминаемый выше Критий. — *Примеч. ред.*

⁵⁶ Согласно рассказу Фукидида (I. 128. 1), некогда (в середине V в. до н. э.) спартанцы убедили илотов, нашедших убежище в святилище Посейдона в Тенаре, выйти оттуда, а затем вероломно их убили. По мнению самых спартанцев, именно это преступление стало причиной разрушительного землетрясения в Спарте (Посейдон имел эпитет «колебатель земли»). Согласно иной версии, изложенной Павсанием (IV. 24. 5–6), которую и цитирует Либаний, несколько спартанцев, осужденных на смертную казнь, бежали в храм Посейдона в Тенаре как молящие бога о защите. Тем не менее по приказу эфоров их оторвали от жертвенников и казнили. Разгневавшийся Посейдон разрушил Спарту землетрясением. Этим воспользовались илоты в Мессении, восставшие и укрепившиеся на горе Ифоме. После долгой безуспешной осады спартанцы вынуждены были разрешить мессенцам-илотам свободный выход с Ифомы при условии, что они покинут страну. — *Примеч. ред.*

⁵⁷ Эфоры (греч. «надзирающие») — высшие выборные должностные лица в Спарте, избирались на один год и контролировали все сферы жизни государства. В отношении спартанских царей эфоры также имели полномочия по их отстранению и/или аресту в случае бездарного командования на войне, а также выступали государственными обвинителями в случае выдвижения судебного обвинения против царя. — *Примеч. ред.*

⁵⁸ Богиня Гера, враждебная Гераклу (Геракл был сыном ее мужа, Зевса, от смертной женщины Алкмены), наслала на Геракла безумие, в припадке

То, что он устроил себе убежище в глиняном сосуде и боялся того, кому отдавал приказания⁵⁹, и зависел от рабствующего, делало того, кто был в положении повелителя, рабом, еще более жалким. А Геракл, явившись в Аид, освободил своего племянника, бывшего рабом подземных божеств и, сверх того, узником⁶⁰. И Атридов, которые на тысяче судов пристали к Трое⁶¹, мы во многих случаях нашли бы рабствующими войску во вражеской стране.

66. Прав был Менандр, сын Диопифа⁶², и во множестве случаев быв рабом своим слугам, мог сказать:

которого он убил своих детей. Придя в себя, Геракл отправляется в Дельфы, чтобы спросить, где ему поселиться. Оракул приказывает ему поселиться в Тиринфе, служить Эврисфею, сыну Сфенела, царю Микен, в течение 12 лет и совершить 10 подвигов (фактически совершил 12). Впоследствии Гера еще раз наслала на Геракла безумие, и он в ослеплении убил Ифита, сбросив его со скалы в Тиринфе. После этого Геракла постигла тяжелая болезнь, избавиться от которой, согласно повелению Дельфийского оракула, Геракл смог только прослужив три года в рабстве у царицы Лидии Омфалы. — *Примеч. ред.*

⁵⁹ Согласно легенде, Эврисфей, испугавшись, спрятался в бронзовом пифосе, когда Геракл после одного из своих подвигов принес ему эриманфского вепря. По другой версии, Эфрисфеем укрылся в глиняном пифосе в страхе перед чудовищным псом Кербером, которого Геракл привел из Аида по его приказу. Согласно рассказу Аполлодора, Эврисфеем, боясь Геракла, общался с ним только через глашатая Копрея (II. 5. 1). — *Примеч. ред.*

⁶⁰ Речь идет о двенадцатом подвиге Геракла, когда он отправился в царство Аида за стражем преисподней Кербером. У входа в царство мертвых Геракл увидел приросших к скале Тесея и Пирифоя, наказанных за попытку Пирифоя похитить Персефону, жену Аида. Геракл оторвал Тесея от камня и возвратил на землю. Тесей был одновременно сыном человека (Эгея) и бога (Посейдона, брата Зевса), т. е. приходился сыну Зевса Гераклу двоюродным братом. — *Примеч. ред.*

⁶¹ Атриды — сыновья Атрея, Агамемнон, царь Микен, и Менелай, царь Спарты, были предводителями греческого войска во время Троянской войны. Количество кораблей у различных участников похода скрупулезно перечисляет Гомер (II. 495–760). — *Примеч. ред.*

⁶² Менандр, сын Диопифа (342–291 гг. до н. э.), афинский комедиограф, крупнейший мастер новоаттической комедии. Общее количество его комедий достигало 105 (или 108), однако на сегодняшний день фрагментарно известно 9 (из них полностью только комедия «Брюзга»). Рабы в комедиях Менандра встречаются довольно часто, в различных ипостасях — верный и преданный слуга, плут и обманщик простоватого господина, лентяй и дармоед, пр. — *Примеч. ред.*

«Один хозяин, вот кто в доме — сущий раб».

И действительно, поистине обилён рой забот, чтобы обращать его и в благополучии, и в злополучии в раба. Тому достаточно глядеть на его руки⁶³, другому необходимо их протягивать.

67. Винить же обстоятельства, и гнев Зевса, и отсутствие ветров и все, что задерживает урожай, ничто из этого не оправдание для хозяина по отношению к рабу. Но рабу и земля приносит, не принося, и одежда и обувь, одна прядется, другая шьется, пока он бездействует⁶⁴, и в брак они [рабы] вступают, ни о чем вперед не позаботившись, но забота дело господина, а тому потребна только сила для ложа. Хворающему рабу одна забота его недуг, а о лекарствах, врачах, наговорах позаботится другой. И умирающему нет заботы о погребении. У него есть, кто его схоронит, — тот, кто кажется хозяином, а на самом деле — раб.

68. Если же раб, рабы и господа, где же кто найдет свободу? «Среди нас», — могут сказать тираны. «Разве не видишь, — скажут они, — акрополи, на которых мы водворились, и законы, низвергнутые, дабы нам властвовать вместо них, и это сверкающее железо на копьях, эту толпу телохранителей, принуждающую склоняться долу города?»

69. «Клянусь Зевсом, — говорю я, — отлично вижу важных телохранителей, которые властвуют над властвующими, и название им стражи, на деле же они господа. Ведь если они захотят, вы захватываете и обозы, и деньги, и девиц, и вы — тираны, но, задумают они что-нибудь другое, вам — смерть от стражи. И меня в этом убеждает и немало других примеров, и тот лидийский оруженосец, который убил своего господина и захватил его царство, жену и имущество⁶⁵.

⁶³ Выражение, по-видимому, равносильное нашему: «смотреть из-под чьей-либо руки».

⁶⁴ καθέκδω ср. т. I, стр. 515 [279, 17].

⁶⁵ Имеется в виду Гигес, сын Даскила, основатель династии Мермнадов, который сначала был доверенным телохранителем царя Лидии Кандавла из рода Гераклидов. Гигес по приказу Кандавла увидел царицу обнаженной, и вскоре,

70. Вам же и сон не сладок, но в сновидениях поднимаются ввысь жертвы вашего насилия, и нападают на дворец, и обращают в бегство дружину, и, когда меч приставлен, вы вскакиваете с криком и вам нужно время, чтобы убедиться что это не наяву. Вы, у кого в особенности из всех людей рабство примешивалось к владычеству и которые получили это последнее и обладаете им посредством рабства, не воображайте потому, что вы свободны от худшего элемента».

71. «Но раб становится то тут, то там, рабом то одного, то другого, и существует продажа людей». Но чем тот от этого более жалок, если один получил деньги, другой дал? Ведь это не изувечило ему тело и не испортило и души и, если было тому виной какое-нибудь искусство, и его не устранило, — напротив, часто, по воле благоприятной судьбы, ему достается вместо более бедного более богатый дом.

72. Некоторым образом подобное относится и к целым городам. Часто они служат призами царям, и желающий приобрести покупает их оружием и битвами, и особенно с людьми и деньгами. И в короткое время мы перебиваем в руках немало числа владык. Но пусть во власти нынешних⁶⁶ мы сами и дети наши пребудем как можно дольше.

Итак, никто не свободен, а свободен ли тот, кто философствует, рассмотрим, господа, в другом собрании⁶⁷ на эту тему.

составив с ней заговор (по ее инициативе), убил Кандавла и захватил трон ок. 680 г. до н. э. (Herod. I. 8–12). Согласно версии лидийского историка Ксанта, переданной Николаем Дамаским, Гигес был высокопоставленным военным, которого лидийский царь Адиатт подозревал в измене. Когда Тудо, жена Адиатта, публично обвинила Гигеса в домогательствах, Гигес убил Адиатта и женился на его вдове (fr. 47). Судя по тому, что Либаний называет Гигеса оруженосцем, он придерживается версии Геродота (передавшего рассказ Архилоха Паросского). — *Примеч. ред.*

⁶⁶ Имеются в виду император Феодосий I и его сын и соправитель с 383 г. Аркадий. — *Примеч. ред.*

⁶⁷ σύλλογος см. т. I, стр. XVII [26, 84].

АРТЕМИДА

Orat. V F¹

1. Самое то, что я сейчас и живу, и говорю, и вижу вас, и вы меня видите, очевиднейшим образом даровано мне, господа, Артемидою, которая спасла меня из самых врат смерти и сохранила². А к богине, давшей это, не след оказаться неблагодарным, но, показав себя справедливым, соблюсти закон о том.

2. Закон же таков, чтобы воспользовавшийся благодатью кого-либо из богов чтит того, кто оказал ему таковую. А чтит один, посвящая кратеры, другой — золотые блюда, третий — другую утварь, четвертый венок, пастух флейту, охотник голову зверя, а поэт гимн в метре, ритор гимн без метра. И мне кажется, у богов гимн пользуется предпочтением перед золотом, если и дельный

¹ Датировка речи неизвестна, предположительно относится к позднему периоду, 380–390-м гг. (ср. слова о болезни ног Либания в § 47). — *Примеч. ред.*

² См. Номер. II. XV. 290–291: «Верно, могущий бессмертный опять сохранил и восставил Мужа...»; II. V. 646: «Мною теперь же сраженный, пойдешь ко вратам Аидеса!» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

муж дал бы такой приговор об этих двух предметах, что более почета ему приносит первый, а не второе.

3. И вот мы оплачиваем за спасение речью, а даровать то, что бы мне в речи не потерпеть полной неудачи, — дело богини, давшей то, что я еще существую, а ей легко получить то от водителя Муз и брата³.

4. Артемида, дочь Зевса и Латоны, отца величайшего из богов, матери той, кого он избрал для подобных родов, и когда Делос поднялся и остановился и остановил Латону⁴, Артемида опережает Аполлона и помогает матери при родах и Аполлона⁵.

5. Похвально и то, когда вскормленник в позднейшее время оплачивает родителям за воспитание, а она вместе родилась и оплатила родительнице в пору, наиболее требовавшую помощницы⁶. Поэтому и за те блага, виновником коих для людей является Аполлон, надо быть признательным обоим божествам, и тому,

³ Аполлона. — *Примеч. ред.*

⁴ Лето/Латона (лат.) в греческой мифологии была дочерью титанов Коя и Фебы, стала любовницей Зевса. Беременную Лето преследовала разгневанная Гера. В гомеровском гимне (I. 25–126) описываются долгие странствия Лето по землям греческого мира, когда ни один клочок суши не смел принять гонимую Герой Лето; в конце концов Лето обратилась с просьбой к плавающему острову Делосу стать ей пристанищем, обещая прославить остров великолепным храмом. В результате Астерия (первоначальное название Делоса) приютила Лето, и после родов остров неподвижно закрепился в море. — *Примеч. ред.*

⁵ По преданию, перенесенная на крыльях южного ветра, Лето оказалась на Ортигии близ Делоса, где произвела на свет Артемиду, которая сразу же, только родившись, помогла матери перебраться через узкий пролив на о. Делос, где на северном склоне горы Кинф Лето родила Аполлона. Согласно рассказу гомеровского гимна, Лето девять дней мучается в тяжелых схватках, а вокруг нее «лучшие из богинь» — Фемида, Рея, Амфитрита, Диона, пр. Озлобленная Гера задержала богиню родов Илифию под облаками на Олимпе. Через Ириду «лучшие из богинь» одаривают Илифию ожерельем, и тогда с ее помощью появляется на свет Аполлон. — *Примеч. ред.*

⁶ Согласно преданию, Лето была особенно любима своими детьми, которые оберегают ее и убивают тех, кто пытается оскорбить их мать (великану Титию мстительная Гера внушила страсть к Лето, и он пытался насильно овладеть ею; плодотворная царица Фив Ниоба, имевшая 12 или 14 детей, возгордилась перед Лето, имевшей только двух, и после жалобы матери Аполлон и Артемида убили всех детей Ниобы). — *Примеч. ред.*

который дал после того, как родился, и той, которая принимала при родах.

6. И что тотчас, в первые дни она оказалась храбрее Аполлона пред угрозами Геры, откуда явились и имена одной Артемиды, другому Локсий, об этом оставим говорить⁷ другим.

7. После рождения дарами ей от Геи был лук и стрелы и то, что она тотчас уже владела этим искусством. Тотчас появились олени, и это, полагаю, от Геи, и были поражаемы один за другим ради упражнения в стрельбе из лука. Это подражание Артемиде сделало, по-видимому, стрелком и Аполлона, так что Аполлон мог быть учеником Артемиды в стрельбе⁸.

8. Подрастая, богиня блистала красотой, а брака избегала и клялась головою отца, что действительно останется девою. Свидетелями красоты являются, именно, и другие поэты, и мудрейший Гомер, во-первых, образом ее почтивший дочь Алкиноя⁹, во-вторых, — дочь Икария, присоединив к Артемиде Афродиту¹⁰, следовательно, приравнивая обеих богинь в красоте.

⁷ [Eratosth.] *Catast.* 32. *Serv. ad Aen.* 1 535. *Lucan.* IX 836. *Odyss.* XI 572. (Либаний, по всей видимости, возводит имя Артемиды (ἄρτεμις) к термину ἄρτεμις «здоровый, невредимый». Локсий — один из эпитетов Аполлона, означающий «запутанный, извилистый» и относящийся к прорицаниям Дельфийского оракула Аполлона. — *Примеч. ред.*)

⁸ Согласно другой версии, подробно описанной в «Гимне к Артемиде» Каллимахом, в трехлетнем возрасте Артемиды попросила у Зевса лук и стрелы, как у ее брата Аполлона, и свиту из нимф. Серебряный лук и колчан стрел Артемиде выковали в кузнице Гефеста на Липарских островах братья-киклопы Бронт, Арг и Стероп. Этот лук Артемиды испытала четырежды: первые две стрелы она пустила в деревья, третью в дичь, четвертую — в город несправедливых. — *Примеч. ред.*

⁹ Навзикая, дочь Алкиноя, царя феаков. См. *Homer. Od.* VI. 101–106: «Песню же стала сама белорукая петь Навзикая. Так стрелоносная, ловлей в горах веселясь, Артемиды Многовершинный Тайгет и крутой Эримант обегает, Смерть нанося кабанам и лесным легконогим оленям; С нею, прекрасные дочери Зевса эгидодержавца, Бегают нимфы полей — и любитесь ими Латона» (пер. В. А. Жуковского). — *Примеч. ред.*

¹⁰ Дочь Икария — Пенелопа, жена Одиссея. См. *Homer. Od.* XVII. 36–38; XIX. 53–55: «Вышла разумная тут из покоев своих Пенелопа, Светлым лицом

9. Кроме того, Парфений¹¹, река в Пафлагонии, которая красива, по преданию красива потому, что была местом купания Артемиды. Достаточным свидетелем, далее, того, что она бегала от общения с мужчиной, служит несчастный Орион, при такой своей величине сраженный скорпионом за то, что покушался на то, на что нельзя было¹².

10. Что предпочла быть девственницей Афина, появившаяся от одного отца¹³, не удивительно, а эта, хотя родилась от брака, все же преследовала девство. И Афродита вследствие красоты своей и сама вступила в связь с мужем¹⁴, и стала блюстителем браков и гимениев, а эту красота не склонила сожителем-

с золотой Афродитой, с младой Артемидой Сходная» (пер. В. А. Жуковского). — *Примеч. ред.*

¹¹ В переводе с греческого название реки означает «девственный, чистый». — *Примеч. ред.*

¹² Существуют две версии мифа о смерти Ориона, сына Посейдона — великана, охотника, одного из красивейших мужчин. В первом варианте Аполлон, опасаясь, что Артемиды не устоит перед красотой Ориона, уговорил Гею наслать на него чудовищного скорпиона. Вступив в сражение с чудовищем, Орион понял, что его невозможно убить никаким оружием, и, бросившись в море, поплыл в сторону Делоса, где надеялся найти спасение у своей возлюбленной Эос. Аполлон же, призвав Артемиду, сказал, что это плывет злодей, совративший одну из гиперборейских жриц Артемиды. Рассерженная Артемиды поразила стрелой пловца, а потом долго горевала, узнав, что это Орион, и поместила его образ среди звезд, где Ориона вечно преследовал скорпион. По другой версии Артемиды обиделась на Ориона за то, что стал преследовать ее девственных спутниц — семерых плеяд. Те вынуждены были бежать от Ориона по лугам Беотии до тех пор, пока боги не превратили их в голубиц и не поместили их образы среди звезд. Орион же погиб от укуса скорпиона. — *Примеч. ред.*

¹³ Афина была дочерью Зевса и Метиды. Согласно преданию, Зевс, зная от Геи и Урана о том, что его сын от Метиды лишит его власти, проглотил свою беременную супругу, а затем при помощи Гефеста (или Прометея), расколовшего его голову топором, сам произвел на свет Афины, которая появилась на свет из его головы в полном боевом вооружении. — *Примеч. ред.*

¹⁴ Мужем Афродиты был Гефест, самый некрасивый из богов. Ряд преданий сообщает о связи Афродиты и Ареса, от которой появились дети — Эрот, Деймос, Фобос, Гармония. От связи Афродиты с Гермесом родился сын Гермафродит. — *Примеч. ред.*

вать богу¹⁵, беременеть, рождать, и она не подверглась желаниям вступившего в брак.

11. Не пожелала она блюсти ни прялку, ни шерсть, или рукоделье и женские занятия, признав это ниже своей природы, но устремилась на зверей, бродя по балкам, горам, рощам, чащам, находя наслаждение в охоте. Ведь Артемиде не требуется труда для стрельбы, но, как мы птицами в заключении, так она располагает кабанами, оленями и каким ей угодно другим зверем.

12. И она в полной мере владычица зверей, скорее, чем мы — рабов. Ведь из последних иной, случалось, взглянет дерзко и огорчит словом и, ушедши в бега, ускользает, а те [звери] подвергаются всему тому, что только ей угодно, и уступают действиям богини.

13. Она же услаждается видом их бегства, наслаждается стрельбою из лука. Сама своей забавою она защищает людской род, уменьшая число враждебных ему зверей, и, мне кажется, тем еще, что они не приходят к городам и, нападая, не растерзывают и не съедают и не опустошают население городов.

14. Кто бы, в самом деле, снес согласное нашествие пород зверей, когда даже один из них, притом истощавших в зверинце, если, перескочив ограду, побежит по городу, одним взглядом своим приводит в смятение, пугает и заставляет выглядывать, где бы только спастись, двери запираются, слышатся крики людей друг к другу и подымается суматоха, какая водворяется, когда враги ворвались в город?

15. Так что же, вообразим, произошло бы от нашествия зверей со львами во главе? Поэтому действительное положение вещей, что те звери, нашествия коих нельзя было бы снести, пребывают в лесах, — милость богини.

16. Иной скажет, что великое дело, войну, блюдут Арес и Афина¹⁶. Но немалая доля боевых подвигов принадлежит и

¹⁵ Согласно версии гомеровского гимна (IV. 7–33), любовной власти Афродиты были подчинены все боги, кроме Афины, Артемиды и Гестии. — *Примеч. ред.*

¹⁶ Афина носила эпитет «градозащитницы» (Ном. II. VI. 305), защищая многие греческие города, а на акрополе Афин стояла огромная статуя Афины Промехос («передовой боец»). Афина Паллада была богиня войны честной

Артемиде¹⁷, если кто-нибудь не считает малозначащими для воюющих лук и стрелы, путем коих можно издали одолевать врага, действуя без вреда для себя.

17. Следовательно, если бы у одних из сражающихся были стрелки, а у других нет, гоплиты были бы самым быстрым образом истреблены выстрелами раньше, чем вступить в рукопашную, и жили бы без всяких ран эти победившие стрелки, и во время осады стрелок не раз снял бы врага со стены, сразил бы штурмующего. А сколько бы мог сделать здесь гоплит?

18. Любой может составить себе отличное представление о том, как много значит лук, из примера Геракла, который, собравшись очищать землю, пошел на свой подвиг, не панцирь надев и не щит взяв, но взяв лук и колчан, коими совершал большинство своих подвигов.

19. Его луком воспользовалось для победы и явившееся после него на Илион войско. А если бы Филоктет не явился с Лемноса с луком Геракла, мало было бы толку от снаряжения гоплитов¹⁸.

20. Вообще же, кто ловок в охоте, тот пригоден и на войне. Охота хороший учитель войны. И тот, кто с нее попадает на войну, храбр, умея спастись и погубить, а кто — без охоты, робок, плох и радость врагам.

и справедливой. Арес был богом войны коварной, вероломной, войны ради войны. — *Примеч. ред.*

¹⁷ Артемиды была участницей битвы богов с гигантами, в которой ей помогал Геракл. В Троянской войне Артемиды вместе с Аполлоном воюет на стороне троянцев. — *Примеч. ред.*

¹⁸ Филоктет — в греческой мифологии царь Мелибеи, друг Геракла, присутствовавший при его кончине на костре и получивший от него лук и не знающие промаха стрелы. Он участвовал в походе на Трою, но был оставлен греками на о. Лемнос, так как был укушен змеей и рана его издавала зловоние. Он оставался там 10 лет, пока жрец Калхант не объявил ахейцам, что Троя не может быть взята без лука и стрел Геракла, при помощи которых она однажды была завоевана. Тогда греки отправили на Лемнос Одиссея и Диомеда, которым удалось убедить Филоктета следовать к Трою. В греческом лагере Филоктет был исцелен одним из сыновей Асклепия, а затем из своего лука убил Париса. — *Примеч. ред.*

21. Достойный Ксенофонт, в своем слове об охоте, перечисляет тех, счастьем коих служила охота, возбуждавших удивление и способных ускользать от опасности¹⁹. И вы знаете, юноши, мужей, коих перечисляет Ксенофонт²⁰.

22. Достойны, потому, удивления и те женщины, коих возлюбил Артемиды и удержала за занятиями охотой²¹. Мне кажется, они, застав на войне мужчин, неопытных в охоте, прекрасно доказали бы, что всякий воин, принявшийся за войну раньше охоты, не подлинный воин.

23. Это доказывает город лакедемонян. Считающийся наиболее преданным военному делу, он, оказывается, наиболее предан занятию охотой. Итак, у них есть обычай, что явившийся на празднике Артемиды на обед, если он не бывал на охоте, считается преступным и подвергается возмездию. Возмездие же таково: кто-нибудь, принеся амфору воды, выливает ее на голову мальчика, если то мальчик, а у мужа тому подвергается палец,

¹⁹ В «Кинегетике» Ксенофонт сообщает, что, согласно древним преданиям, даже боги любили охоту. Из людей охоту любили не только мужчины, но и женщины, которым это увлечение даровала богиня Артемиды (XIII. 17–18). — *Примеч. ред.*

²⁰ Ксенофонт в начале своего трактата об охоте утверждает, что охота и собаки — это изобретение Аполлона и Артемиды, которые обучили этому Хирона. Затем Ксенофонт перечисляет знаменитых охотников — учеников Хирона: Кефал, Асклепий, Меланион, Нестор, Амфиарей, Пелей, Теламон, Мелеагр, Тесей, Ипполит, Паламед, Одиссей, Менесфей, Диомед, Кастор, Полидевк, Махаон, Подалирий, Антилох, Эней, Ахилл (I. 1–2). — *Примеч. ред.*

²¹ Ксенофонт в трактате об охоте упоминает двух женщин, Аталанту и Прокриду, отмечая также, что были и другие (XIII. 18). Аталанта аркадская, дочь Иаса и Климены, была выброшена на горе Парфений, поскольку отец желал иметь только мальчиков. Аталанту вскормила медведица, а затем подобрали охотники, и она стала искусной в стрельбе из лука охотницей. Прокрида, дочь Эрехтея и Праксифеи, была замужем за Кефалом. Уличенная Кефалом в измене, бежала из Аттики на Крит к Миносу, где вылечила его от болезни. В благодарность Минос подарил ей чудесного пса, от которого не мог убежать ни один зверь, и не знающее промаха копье. Согласно другой версии, представленной в «Гимнах» Каллимаха, Прокрида охотилась вместе с Артемидой, но богиня прогнала ее, узнав, что она не девственница. Прокрида рассказала Артемиде о своих несчастьях, и та помогла ей, подарив пса Лелапа, чудесное копье и придав облик юноши. — *Примеч. ред.*

и в Лакедемонe вода эта — бесчестие. Значит, желая побеждать в оружии, они находили это одно важнейшим подспорьем для победы — одолевать зверей.

24. Артемиде можно было бы кое-что сказать не только по отношению к Аресу и Афине, но и всем богам, которые, передав людям искусства, их держат за работою в них и получают от этого почитание. Ведь если бы людей не было, искусства погибли бы, и люди не подвергались бы мучениям с погибелью тех, что их приносили, и того, что надо было переносить. В таковой общая обоим погибель, и при отсутствии помогающего она восторжествовала бы.

25. Кто бы, в самом деле, при отсутствии рождающихся, или стали плавать по морю, или обрабатывать землю, или сочинять речи, или лечить физические недуги, или ковать, или строить дома, сражаться в морском, пешем или конном сражении, когда смерть предупреждает рождение? Или не рождалось бы ничего, или совсем немного, да и то не без увечия.

26. Ведь и все то, что когда-либо или не избегало потопа, или являлось на свет увечным, так что наказание таким, что они не умерли без этой богини, одни этого пути и не прошли, другие не так, как подобало. Так всячески род людской, занимавший землю, и тот, который во все поколения будет занимать землю, дан земле Артемидою, тот, что есть, которого нет и что будет.

27. И то, за что мы привыкли прославлять Брак²², как отца людей, во время свадеб, дары этого бога и дары Афродиты, были бы напрасны, если бы Артемиде не протягивала руку во время родовых мук. Ведь и когда услышишь об Илифии, слышишь об Артемиде²³.

28. Так и старание Афродиты, а оно направлено к деторождению, ею приводится к завершению, как плывущим по морям для

²² Термин *ύἱος* «брак, супружество» был персонифицирован и почитался как божество брака (см. Nonn. Dion. XL. 402). — *Примеч. ред.*

²³ В традиционной версии Илифия, дочь Зевса и Геры, — это покровительница роженец. Обычно она появляется как спасительная сила при родах. Однако в другой версии Илифия — атрибут или эпитет Артемиды. — *Примеч. ред.*

того — гавани. Если же все лишено бы было гаваней и не было бы места для приема судна, бесплодно было бы проплытое пространство, раз суда были разбиваемы утесами. Гавань и эта богиня тем, кто плывут в лоне матери.

29. Поэтому она чтима всюду и у всех, и великолепны храмы ей, жертвенники, жертвы и праздники. Афиняне чтут богиню и наименованием месяца, это Элафеболион²⁴. В другой же месяц, полагаю, Мунихион²⁵, и приводят к ней девиц перед браком, дабы, после поклонения Артемиде, так уже приступали к делу Афродиты²⁶.

30. И из двух наиболее ценимых у афинян мест, Пирея и акрополя, последний принадлежит Афине, первый — Артемиде. А у эфесцев и монета носила на себе изображение лани в отплату богине за великие блага²⁷.

31. Далее, что здоровье доставляется людям Артемидой, показывает самое наименование, и мы знаем со слов Гомера, Эней Латоною и ею вылечивается в большом святилище храма²⁸.

32. И что вообще она заботится о людях, тому важным свидетельством является и следующее. В то время как люди приносили

²⁴ Соответствует второй половине марта и первой половине апреля. В этом месяце справлялся охотничий праздник Элафеболии (греч. «охота на оленя») в честь Артемиды. — *Примеч. ред.*

²⁵ Соответствует второй половине апреля и первой половине мая. Артемида имела эпитет Мунихия по названию бухты в Пирее, гавани Афин. Артемида была покровительницей Пирея. — *Примеч. ред.*

²⁶ Перед свадьбой Артемиде приносилась искупительная жертва за лишение девственности, поскольку Артемида была защитницей целомудрия. Согласно преданию, царю Адмету, забывшему об этом обычае, Артемида наполнила брачные покои змеями (Apolloed. I. 9. 15). — *Примеч. ред.*

²⁷ Речь идет о святилище Артемиды Многогрудой в Эфесе (Малая Азия), в котором находилась знаменитая статуя многогрудой богини — покровительницы деторождения. Существовавший ко времени Либания храм считался одним из семи чудес света. — *Примеч. ред.*

²⁸ См. Homer. II. V. 445–448: «Феб же, Энея похитив из толпищ, его полагает В собственном храме своем, на вершине святого Пергама. Там Анхизиду и Лета и стрелолубивая Феба Сами в великом святилище мощь и красу возвращали» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

ей в жертву людей, думая, что величайших богов надлежит чтить величайшими жертвами, она изменила обычай²⁹, так как и у тех, у кого она чтится с такою целью кровью, чтут ее живую кровью³⁰.

33. Она в одно и то же время и милостива к людям, и привязана к грекам. Действительно, она явилась к грекам, оставив скифов³¹; и блага от Селены для растений и для людей — дар Артемиды, и власть Гекаты, большинства демонов надо считать властью Артемиды. Ведь и они — Артемида³².

34. Умея благодетельствовать людям, богиня умеет и наказывать их, поступая, полагаю, как отец, от коего исходят и богатство, и молнии, одно справедливым, а огонь — не таким.

35. Она видит, что и брат делает то и другое, как в отношении греков, воевавших с троянцами из-за Елены, коим он причинил повальную болезнь и прекратил ее, то и другое в угоду жрецу, недуг после того, как он был оскорблен, избавление от него после того, как он получил дочь обратно³³.

²⁹ Либаний имеет в виду известный сюжет про Ифигению. Агамемнон убил священную лань Артемиды и похвалялся, что сама богиня не сумела бы так метко ее поразить. Артемида взамен убитой лани потребовала себе в жертву Ифигению, дочь Агамемнона, и наслала безветрие, чтобы ахейские корабли не могли выйти в море и плыть к Трое. Агамемнон был вынужден согласиться принести дочь в жертву, но Артемида скрытно от людей унесла Ифигению с жертвенника, заменив ее ланью, и отнесла ее в Тавриду, где та стала жрицей богини (см. «Ифигению» Еврипида). — *Примеч. ред.*

³⁰ Ср. § 43.

³¹ Культовая статуя Артемиды была перенесена из Тавриды (где обитали скифы) в Элладу Орестом и Пиладом. — *Примеч. ред.*

³² Селена в греческой мифологии олицетворение луны. Она отождествлялась с Артемидой и Гекатой. Геката — богиня мрака, ночных видений и чародейств, покровительствует охоте, пастушеству, разведению коней; лунная богиня, близкая Селене, и ночное олицетворение Артемиды. — *Примеч. ред.*

³³ Либаний здесь кратко излагает сюжет из «Илиады». Когда Агамемнон отказал выдать Хрису, жрецу Аполлона, его дочь Хрисеиду, захваченную ахейцами в плен, Хрис взмолился о мести к Аполлону. Бог наслал на греческое войско моровую язву, которую он прекратил также по просьбе Хриса, как только Агамемнон вернул Хрису дочь (I. 9–43; 430–457). — *Примеч. ред.*

36. Таковы и поступки Артемиды, которая отправила при посредстве пса³⁴ колонию в Ионию и содействовала в походе переправившемуся в Азию Александру³⁵.

37. А что лучше ее чтить, чем пренебрегать ею, показала Ниоба, дочь Тантала, оплакавшая шесть пораженных стрелами дочерей, показал и Актеон, увидавший то, что не позволительно³⁶, показал вождь этолян Ойней, который, лишив ее какой-то жертвы, стenal о своих поваленных деревьях, чьи корни поддавались ударам одного кабана. А когда зверь с трудом был преодолен, и притом к беде его ловцов (столько людей истребил он), другую беду вызвала шкура его и голова, войну³⁷, дабы никто ни намеренно, ни по забывчивости не пренебрегал почитанием среди богов Артемиды.

38. И она внушает людям не говорить и не делать ничего сверх меры, принудив Агамемнона, заявившего, что удачнее ее поразил лань, подвести к жертвеннику дочь ради выезда в море, который богиня задержала безветрием, наказуя за надменность, причем ветры повиновались не менее, чем Эолу, своему распорядителю, при каковом случае богиня дала место и милосердию, перенесши

³⁴ κυνός, другое чтение σὺός «кабана», см. Förster, ad loc. (Имеется в виду основание храма Артемиды в Эфесе, однако мифологический смысл фрагмента не ясен. — *Примеч. ред.*)

³⁵ Арриан сообщает, что, заняв Эфес, Александр Македонский повелел те взносы, которые жители Эфеса уплачивали персам, направлять храму Артемиды. Затем Александр принес жертву Артемиде и устроил в честь нее торжественное шествие своего войска (I. 17. 10; 18. 2). — *Примеч. ред.*

³⁶ О Ниобе и смерти ее детей см. сноску к § 5. Актеон, сын Аристея и внук Аполлона, был страстным охотником, обученным этому искусству кентавром Хироном. Во время охоты он увидел купающуюся Артемиду и был превращен богиней в оленя, которого растерзали его собственные собаки (по другой версии, он был превращен за то, что похвалялся своих охотничьим превосходством над Артемидой). — *Примеч. ред.*

³⁷ Царь Калидона в Этолии Ойней не принес Артемиде в жертву первые плоды урожая, за что она наслала на его владения чудовищного вепря. В охоте на вепря (т. н. «калидонская охота») приняли участие несколько десятков героев, многие из которых погибли, а борьба за право обладания шкурой и головой убитого вепря привела к жестокой войне между участниками охоты. — *Примеч. ред.*

меч с девицы на лань, и одна, девица, исчезла, другая, лань, оказалась под руками³⁸.

39. Другое сходное и в то же время несходное. Некий человек, поймав где-то в Италии огромного кабана, сказал самому себе: «Но теперь-то не будет принадлежать Артемиде голова кабана, но она будет приношением мне, поймавшему». Сказав это, он повесил голову на дерево, под коим заснул с наступлением полдня, а она, вследствие того, что узел развязался, упала на грудь и убила этого более чтимого, чем богиня, охотника.

40. А если, в свою очередь, захотите послушать, какова богиня, когда ее чтут, афиняне, собираясь совершить нападение на высадившихся на их территории варваров, флот Дария, дали обет Агротере принести ей в жертву коз столько, сколько варваров убьют. И они перебили, сколько мы слышим³⁹. Ведь среди этих десяти тысяч находился и Геракл, находился и Пан, сам себя призвав⁴⁰, а большая роль, мне кажется, принадлежала Артемиде, более могущественной богине.

41. Да к чему говорить о других городах? Большая часть нашего города очутилась бы во власти скифов и была бы разграблена во время давнего нашествия, если бы эта богиня, прихватив с собою брата, не обратила их в бегство своими стрелами, когда они занимали уже Флегры⁴¹. А войска, которое могло бы встретить нападение, у нас не было, и всё же скифы с криком отступили, что было воздействием обстрела, не вынеся двух стрелков.

³⁸ Об истории Ифигении см. выше, сноску к § 32. — *Примеч. ред.*

³⁹ Речь идет о битве при Марафоне в 480 г. до н. э. Агротера (греч. «охотница») — эпитет Артемиды. Согласно сообщению Геродота, греки в сражении убили 6400 персов, потеряв при этом только 192 человека (VI. 117). — *Примеч. ред.*

⁴⁰ Herodot. VI 105. Polem., orat. I, § 35, II 1. 1. (По рассказу Геродота, Пан на горе Парфений явился к проходившему мимо афинскому глашатаю Фидиппиду, посланному в Спарту, с просьбой сообщить афинянам, что он благосклонен к Афинам, помогал им прежде и будет помогать впредь. — *Примеч. ред.*)

⁴¹ Разночтения, предложенные новыми учеными: Φάγρας O. Müller (Antiqu. Antioch., pg. 14), Πάγρας Gasda, «fortasse recte» Förster. Но он же сопоставляет orat. I, pg. 129, 4 (cf. Sievers, pg. 63, 91). (Речь идет о скифском нашествии на Месопотамию и Сирию ок. 650–620 гг. до н. э. — *Примеч. ред.*)

42. И этот большой храм, в восточной стороне, в предместье построен на иждивение жены Камбиза и является отплатою за зрение, спасенное ей богинею⁴².

43. Я же сознаю себя обязанным отплатою не только за глаза или руки, ноги, какую-нибудь другую часть тела, но за всего себя и весь состав своей школы. Был месяц, названный по Артемиде⁴³, и седьмой день начала месяца, в каковой в этой Мерое⁴⁴ обычно справляется праздник богине и главною его частью является кровопролитие в кулачной борьбе. Борцов же, сколько частей города, от каждой один, и поразителен спор за победу не из-за больших наград, какие тратят на них граждане той или другой части, но похоже это состязание на неистовство людей, угождающих богине.

44. И вот в древние времена все спешили на это зрелище, и не являться на него считалось нечестивым, а когда со временем притупился интерес к празднику, одни боролись, а учителя красноречия вели свои занятия⁴⁵, подвергаясь возмездию, толпе незаметному, но уступая тут обстоятельствам.

45. Итак, на днях борцы ушли в Мерою, а я призывал юношей, последние же не послушались. Они заявляли, что нечто внушает нерешительность, что определить они не в состоянии, но что сильно удерживает их. Когда же я называл это настроение ленью, если они снова добиваются того, что было накануне — то был день свободный от занятий, — они поклялись, что уклонение от класса вызывает некий страх, смущающий их души.

46. Таким образом я уступил. Но то была, конечно, помощь Артемиды, которая помешала гибели, какая готова была произойти. Дело в том, что, после того как напуганные удалились

⁴² См. *orat.* XI, § 59 след.

⁴³ В сиро-македонском календаре, принятом в Антиохии, месяц Артемисий соответствует маю. — *Примеч. ред.*

⁴⁴ Мероя — пригород к востоку от Антиохии, где располагался храм Артемиды. Как сообщается в житии Симеона Столпника, деревня Мерое находилась в 5 милях от города. — *Примеч. ред.*

⁴⁵ См. т. II, стр. 171 [226].

и я оставался один в этом здании курии, немного спустя является с речью один юноша, потому что не раз ему велено было, если дозволит удобное время, явиться с рукописью. Надо сказать, что об этом слове был некоторый разговор. Нашедши, что такой удобный момент найден, юноша явился.

47. И вот, встав со своего места и подошедши к двери, я, стоя, слушал стоявшего. И прочитано было больше двухсот стихов, а мне пришла на мысль моя болезнь ног и что гораздо лучше слушать сидя.

48. Отойдя, потому, и сидя на кресле, пригласив и юношу занять место на другом, не прочтено было еще и сорока стихов, как вижу пыль, несущуюся от двери самой большой и средней. Затем, сорвавшись, полетел большой ряд камней и оказался на земле, причем многие разбились.

49. Я же был поражен тем, что увидел, но подвергся бы еще большему потрясению, если бы воспринял слухом весь этот грохот. В действительности я предусмотрел это, и руки пришли на помощь [т. е. заткнул уши пальцами].

50. Человек же, которому поручено было встречать учеников при входе, входя, как раз в тот момент, спасен был тенью падавшего куска, взглянув вверх и отступив на шаг, уже после того как занес другую ногу внутрь помещения, так что получил удар в носок обуви. Оторвавшаяся часть представляла протянутую над дверью ради красоты притолоку из блестящего камня, вставленного в камень другой породы. Выдолбив этот последний для приемки лучшего камня, мастера часть этого лучшего вставили, а другую оставили выдавшеюся, для услаждения взора. И вот, пока крепки были связи, а такими служили мельчайшие деревянные части, он оставался на месте, а когда дерево уступило времени, вставленный камень выскочил и очутился на земле в виде кучи больших камней, количество коих, полагаю, и представить себе нельзя было раньше несчастья и которые при своем падении не только убили бы юношей при их входе и выходе, но, будь то головы верблюдов и слонов, и они не избежали бы того, чтобы пасть тотчас.

52. Но «сама спасла», сказал бы Гомер⁴⁶, и детей отдала родителям, и меня явно вызволила от столь близкого удара заботою о ногах, и отцу Зевсу соблюла храм чистым от смертей. А если бы она не помогла, сколько, можно думать, лож прибыло бы сюда, чтобы поднять тогда цвет города.

53. Итак, мне можно величаться по примеру Симонида, а его спасали братья от одного с Артемидою отца⁴⁷. Следовательно, Симониду за песнь та помощь от Диоскуров, а мне эта и раньше песни.

Но вот теперь мы отплатили, а чтобы не бранили речь, об этом будет забота богине и Аполлону, водителю Муз.

⁴⁶ См., например, Гомер. Од. IV. 512–513: «Брат твой сначала судьбы избежал: невреждимо ко берегу Он с кораблями достиг, сохраненный владычицей Герой» (пер. В. А. Жуковского). — *Примеч. ред.*

⁴⁷ Речь идет о Диоскурах, сыновьях Зевса. Либаний упоминает здесь один из анекдотов из жизни Симонида Кеосского (ок. 556 — ок. 468 гг. до н. э.), одного из самых известных лирических поэтов Эллады. Однажды Симонид ужинал у одного фессалийского богача и произнес в его честь оду, в которой много говорилось о Диоскурах. Тогда хозяин заявил, что заплатит поэту только половину от условленной суммы, а вторую он может потребовать от Диоскуров. Через некоторое время Симониду передали, что двое юношей ждут его у двери. Симонид вышел и никого не увидел, но в этот момент в трапезной обрушился потолок и похоронил всех, кто был в помещении. Таким образом, как считается, Диоскуры спасли Симонида. — *Примеч. ред.*

УТЕШАЮЩАЯ АНТИОХУ

Orat. XXXIX F¹

1. Полагаю, подобает сочинять речи в утешение не только тем, кто оплакивают или детей, или жен, или родителей, или кого другого, но и тем, у кого печаль истекает от некоторых иных причин. Ведь если следует приходить на помощь печалющимся, надлежит — и этим, и тем, как в свою очередь и врачи, мы видим, помогают снадобьями при всяких поранениях. Я знаю, причиняются некоторым другими печали и горше смерти, так

¹ Создание речи относится к началу 380-х гг. Антиох был другом Либания, «опытным оратором», «говорящим все, что у него на уме, никому не льстившим» (Or. XXVII. 10). В 384 г. Кандид, «смотритель» корпорации пекарей в Антиохии, оклеветал Антиоха перед комитом Востока Икарием, и последний приговорил его к жестокой экзекуции. Издевательство над стариком Антиохом прекращено лишь заступничеством Либания (см. Or. XXVII. 10; XXIX. 10). В связи с этими событиями Либаний в конце того же 384 г. написал специальную «Речь в свою защиту, по поводу заступничества своего за Антиоха» (XXIX). Речь «Утешающая Антиоху» написана в русле этой дружеской поддержки. — *Примеч. ред.*

что справедливость требует утешать их или больше тех, или, по крайней мере, не меньше, если не больше.

2. Итак, я, заметив, что ты, Антиох, поражен сильной печалью и с великим трудом удерживаешься от плача из-за того, что Миксидем тому учителю помогает, а твоим интересам противодействует, предложу тебе это утешение, в надежде, не будешь ли ты им приведен к убеждению, что для тебя эта борьба против тебя выгодна, а тому помощь в убыток.

3. Итак, кто только, кого ни возьми, не знает, что иметь честных друзей хорошо для тех, кто таких имеет, а лукавых — плохо? Ведь этого достаточно для доказательства негодности имеющего таких. Так, к примеру, те, которые подпевают плясунам с женщинами известного пошиба, нисколько не отличаясь от тех женщин, с величайшей готовностью стали бы тебе друзьями, и считались бы такими, и разделяли бы трапезу, и провожали бы, куда ты ни пойдешь, но ты стал бы и избегать этого, и побоялся бы, и не допустил бы этого ни за тысячи талантов².

4. И в данном случае, поэтому, смотри не на то только, что Миксидем принял сторону такого-то, и на то, что, посещая много домов, он хвалит у вдовиц³ этого человека, но и кто этот Миксидем, который так поступает. Тогда ты стал бы молить богов, чтобы он прибавлял к нынешним новые и произносил ему больше и более сильные похвалы. Но я вижу, и сам тот человек не очень-то рад поступкам Миксидема, зная уже давно, каков он.

5. Но если он и считает это важным, не смущайся этим и не думай, чтобы при этом дела твои приобрели худший оборот. Ведь

² Талант, самая крупная денежно-весовая единица древней Эллады, во времена Либания была уже анахронизмом, и риторическое выражение «тысячи талантов» означает «большие деньги». — *Примеч. ред.*

³ Вдовами, не вышедшими замуж повторно, обычно были женщины, имеющие детей (как, например, мать самого Либания) и, естественно, интересовавшиеся проблемой образования своих детей. Поэтому Миксидем, осуществляя некую профессиональную деятельность в подобных домах, прежде всего принципалов (см. § 8–9), рекламировал им школу противника Антиоха. — *Примеч. ред.*

этот Миксидем, начав с детства предаваться пороку⁴, а честным не быв никогда хоть бы несколько дней, в крайней безнравственности достиг старости. Он брал доход своим телом в Египте, сам приглашая к себе тех, кто мог дать, брал такой и в Палестине, причем и борода не служила к тому препятствием. Принявшись же за ремесло адвоката, он не прекратил прежнего заработка, но ему можно было вдвойне получать вознаграждение⁵ <...> И в речах он был не лучше кого-либо другого, а по силе превосходил иного благодаря тому, о чем я сказал.

6. Каким образом получал он административные должности, это оставляю в стороне. Но получив, не мог и от самого сана сделаться воздержанным, но вестник, и свита, и пояс, и меч, и право судить были в его распоряжении⁶, но и в этой обстановке он не мог стать мужчиной, но был тем же учеником и адвокатом, смешавшим обычаи Афродиты, рожденным мужчиной, но прибавившим к тому другое, и, многих опозорив, еще большему числу предоставив себя.

7. Так скорбишь ли ты, что такой человек враг тебе? Следовало бы скорбеть, если бы был тебе другом человек, который, помимо сказанного, провел все время во лжи и клятвопреступлении и в том, что одних и тех же богов то чтит, то поносил, сегодня утверждая, что они велики, завтра, что те же боги — ничто, прибегая к холодным отговоркам, что был нечестив против воли⁷. А он все готов был сделать с целью лести. Ведь когда он добивается силы и не в состоянии достичь ее на основании справедливости, он всячески старается приобрести значение помощью лести.

⁴ Вероятно, имя Миксидем восходит к $\mu\acute{\iota}\xi\iota\varsigma$ (греч. «связь, совокупление») и является прозвищем адвоката, настоящего имени которого мы не знаем. — *Примеч. ред.*

⁵ См. т. I, стр. 264, 3 [454, 24].

⁶ Речь идет о регалиях и полномочиях должности консуляра провинции, а учитывая упоминание в § 5, Миксидем, вероятно, был наместником провинции Палестина. — *Примеч. ред.*

⁷ О нетвердости христианских или языческих убеждений, ср. примеры т. I, стр. 470 [708].

8. А эти деньги и это состояние пусть не поражает тебя и пусть не вводит в обман, и не считай это наградою за добродетель. Ведь они — вознаграждение за беготню, труды, речи и дела постыдные, избегая коих порядочный человек часто предпочел бы скорее умереть, чем пойти на что-либо подобное. Он нанялся к женщинам, владелицам многих рабов, из коих каждого он выгоняет с его места, сам заменяя его. Ему недостаточно ничего из того, что дается, но он выпрашивает еще, молит получить, хватаясь за руки, за ноги, не будучи должным, клянясь, что — в долгу, плачевно описывая жестокость заимодавцев, какой нет.

9. Раз какая-то знатная женщина, приступив к завтраку, и притом в обществе одних служанок, чуть коснулась его, а он, опрометью поднявшись по лестнице, припав к коленам, заверяет, что, избежав рук сборщиков податей⁸, он одну надежду имеет на ее помощь. Она же, совестясь обстановки, в какой была, не устояв перед его бесстыдством, дала, но, дав, просила, чтобы это было концом его взяток. Он обещал не надоедать, но с наступлением дня снова явился, и снова голова, и снова руки, и снова колени. И не было недостатка в пособниках. Именно служанки содействовали, хватаясь за те руки, которые ими владели. И не тут только он таков, а у других женщин более порядочен, но во сколько домов ни проник, — таких много, всюду много услуг, всюду просьбы, всюду взятки, сытости нигде.

10. А он, злосчастный, рабствует и поселянам, перенесши на себя то занятие, которое прежде поддерживало прислужников администрации, отчего они и погибли⁹. А те, которые возделывают тучную землю у подошвы гор, работают скорее на Миксидема,

⁸ *πράκτορες*, ср. т. I, стр. 160 [305]. (Налоги с куриалов, каким, очевидно, был Миксидем, собрали *largitiones*, подчиненные *comes largitionum* провинции Сирия (заведовал доходами и расходами в денежной форме). — *Примеч. ред.*)

⁹ Здесь Либаний кратко намекает на ситуацию, подробно изложенную им в программной речи «О патронатах» (XLVII). Миксидем становится патроном деревень, отстаивая их права в городе (суде — ?) и содействуя в уплате податей, чем лишает декурионов («прислужников администрации») возможности сбора запланированной натуральной подати с этих деревень. В результате декурионы, лишаясь «налогооблагаемой базы», вынуждены компенсировать

чем на себя. Ему не приходится нимало опасаться дурного влияния времен года, все равно для подати ему должно все быть благополучно. Отсюда у него много пшеницы, много ячменю, много всего. Ведь и жены земледельцев отправляют для него женские услуги, что делает Миксидему трапезы обильными.

11. Он же не стыдится бедности людей, из-за него впавших в нее, но из деревень приходят письма с тем, другим распоряжением¹⁰, а ему нельзя не выполнить, но, вскочив, надо быть к услугам давших. Многое для него мало. И сверх того, он добивается доступа в другие деревни, часто из-за одного плефра¹¹, сплутовав в цене коего, он в скором времени желает заправлять всеми делами, грозя неопытным людям убытками, какие им нанесет, если они не окажут ему полного повиновения.

12. Изобрел этот человек и другую более неправую пашню, судей, суды и процессы. Предоставляя себя в распоряжение тем из тяжущихся, у кого нет никаких правых доводов, то в обвинениях, то в оправданиях, он, вторгаясь в разбор дела, пробует дать перевес не тому, что справедливо, а тому, что ему выгодно, и достигает этого просьбами или и принуждает, угрожая своим злословием и утверждая, что всячески распоряжается худою и доброю молвою. И одни, пораженные этим, бывают побеждены, другие, восставая, подвергаются поношению.

13. Вот что его ведет к судам, вводит, выводит. И нет для него ничего возмутительного в том, если по десяти раз на дню он предоставляет себя в распоряжение каждой из двух сторон. Он привык досаждать и ночью и нередко является во время сна правителя, дабы, сперва услышав от него нечто, затем идти

убытки из собственных средств и в конце концов разоряются («от чего они и погибли»). — *Примеч. ред.*

¹⁰ Речь идет о просьбах к нему как к патрону общины. — *Примеч. ред.*

¹¹ Плетьр — мера длины и мера площади. Поскольку в данном случае речь идет о поле, то плетьр составляет 1261,9 кв. м (половину римского югера). Судя по контексту, речь идет об аренде общинной земли у свободных крестьянских общин (ср. «селения, которые принадлежат многим, причем каждый владеет небольшой долей земли» — Or. XLVII. 11). — *Примеч. ред.*

к трону¹², и от каждого из этих поступков — серебро, золото, одежда, раб, конь, всякое угождение чреву.

14. Разве ты не слышал, Антиох, как некоторые власти кричали, что, если кто-нибудь не искоренит эту погибель, власти невозможно соблюсти весь долг свой? Сверх прочего, он направляет на судей военачальников¹³, подчиняя их себе подарками и на меньшую силу направляя большую. Это лани, это зайцы, это обилие вина, это — породы птиц. Ради этого он желает разделять с ними завтрак каждый день и устраивает, чтобы так было. Затем при-мешивает сюда клеветы на не во всем ему повинующихся судей, одновременно с выпивкой клеветца. Такими путями наживается он. Эти уловки извлекли презренного из прежней бедности.

15. Той же хитрости или еще постыднейшей надо приписать и его наследство. За то, что в темноте друг с другом всё делали друг другу, и давая, и получая, плодом этого является наследство. И он получал наследство при наличности матери, при наличности сестры, детей первой. Когда из них на сестре он женился, он

¹² Т. е. присутствовать на официальном судебном заседании консуляра Сирии или комита Востока. Против подобных «ночных» действий адвокатов и иных коррупционных проявлений в судопроизводстве Либаний, сам часто выступавший в суде, создал яркую речь «К императору, предложение закона против лиц, вхожих в покои наместников» (LII). — *Примеч. ред.*

¹³ В упомянутую эпоху в Антиохии дислоцировалось командование всех войск диоцеза Восток, поскольку город был его столицей. Со времен Констанция высшим военным начальником в регионе был *magister equitum*. Кроме того, приграничные районы Империи были разделены на округа, во главе которых стояли военные начальники *duces* (Zos. II. 33. 3: те военачальники, которые в каждой местности стоят во главе войска). В диоцезе Восток этих округов и *duces* было шесть: Финикия, Евфрат и Сирия, Палестина, Осрое-на, Месопотамия, Аравия (Notit. Dign. 42–48). Также в состав диоцеза Восток входил военный округ под командованием *comites rei militares Isauriae* (37; должность введена при имп. Констанции). Таким образом, в Антиохии находилось не менее 8 высших военных начальников. Миксидем либо использовал этих военачальников для оказания давления на консуляра провинции и даже, возможно, комита Востока, либо использовал возможность обращения в военный суд для разрешения спора гражданских лиц (что практиковалось, поскольку решения военных судов были более эффективными). — *Примеч. ред.*

обещал быть сыновьям тестя стеною¹⁴, но стал грознее всех козней, притесняя и принижая, а самое ужасное, друг через друга, этого оговаривая перед тем, того пред этим, и то этого вооружая на того, то того на этого, не любя ни одного из двух, но всегда принимая сторону одного против другого, свое лукавство делая сильнее уз родственных чувств. И теперь все те, кто огорчены войною братьев, проклинают Миксидема, устроившего эту войну, говоря, что никогда порядочные и воспитанные люди не дошли бы до такой степени ссоры, если бы кто-нибудь из богов вперед уничтожил его.

16. К чему же желал ты иметь такого другом, Антиох, и помощником? И что худшего мог бы кто-нибудь сказать о тебе, как не то, что «Антиох этот в нраве Миксидема полагает надежду на свои успехи»? Итак, разве ты по справедливости не мог бы быть признательным богам, что ненавидишь и ненавидим, и не можешь считать своею выгодой вред этот, причиняемый им тебе относительно учеников? Ведь подвергаться злословию со стороны порочных людей похвальнее, чем наоборот.

17. А что Миксидем низкий человек, можешь убедиться и из следующего, если только не знаешь этого вперед. Был здесь некий юноша с Кипра, белый и красивый, из богатого дома, у этого человека пользовавшийся несколькими комнатами, ввиду просьб этого человека к деду того юноши и вместе обещаний его, что дом его заменит юноше отцовский и что не придется ему ничего искать, чего тотчас же не получит. Так поступал он, желая обирать плоды с острова и еще кое-чего другого. Это последнее заставило юношу удалиться отсюда, не снесши покушений этого человека, одного в маленькой бане, другого в разных местах дома. Имея его под рукою, он не отставал. Итак, он спутнул юношу своими упомянутыми мною поступками, и теперь он находится в Берите, городе, не отличающемся добрыми нравами¹⁵, но все же юноша

¹⁴ Ср. в подобном смысле *πίρρος* т. I, стр. 40, 1 [149, 169].

¹⁵ Берит был портовым городом, а у Либания было резко негативное мнение о нравах портового города (см. Or. XI. 38). — *Примеч. ред.*

рассчитывал там жить в более сносных условиях, так как там не будет другого Миксидема.

18. Соображая это, Антиох, поклоняйся Судьбе за неприязнь к тебе этого человека. Ведь не это только одно. Но можно мне рассказать о другой большей дерзости, чем сказанное. Миксидем не позволяет не доверять преданию о Фриноне¹⁶, так как он, как когда-то тот, предал сына и притворный гнев свой за поступок с последним укротил таким договором, чтобы удовлетворить обоих, одного тем, что он избежал опасности, другого — вознаграждением.

19. И молвой об этой продаже полна земля, полно море, и являлись некоторые, знающие об этом, и с океана и из тамошней Галлии. Недавно некто из побывавших в Италии и живших в царствующем городе римлян сообщал мне, что нет никого, кто бы не знал этого, но, начиная с великого совета¹⁷, до тех, кто живут на реке Фимбрии, знают доподлинно давшего, получившего, что дано и за что.

20. И это знает сам этот человек, и в немалом числе случаев это — узда на него. А если бы это его не сдерживало, как бы кто-нибудь мог бы снести его дерзость, смелость, непотребство, надменность? Теперь же часто он по природе испытывает позыв к необузданности, но его удерживает страх того, что услышит, и ради молчания других он нередко молчит.

21. И он, этот «благородный» человек, живет с тремя женами, с той, которую взял по закону, и с теми, которых ввел в дом за сыновьями своими. И отношения его, как свекра, облегчают действия: ведь много представляется свободы и бывать вместе, беседовать, и хвататься, немало можно делать и ногами, сидя рядом. И вот младший и рад бы уйти, но, не имея предлога, остается, а старшему великий город дал повод к бегству¹⁸. Матери же их заграждает уста многое.

¹⁶ См. далее § 22. — *Примеч. ред.*

¹⁷ Имеется в виду сенат Рима. Упоминаемая далее река Фимбрий — это Тибр. — *Примеч. ред.*

¹⁸ По всей вероятности, сын Миксидема получил некую должность, связанную с выполнением служебных обязанностей в Риме (учитывая намеки в § 19),

22. Стоит ли тебе стенать из-за того, что не имеешь расположения такого человека, который подобные свои деяния, о каких я рассказал, сменил тем, о котором сейчас скажу, невиданным и беспримерным?¹⁹ В остальных своих проступках, он, может быть, шел по следам других, не был зачинщиком, как в том, Фринона, а в этом он сам указчик, если только будет иметь последователя, чего я не думаю. Ведь чем Филипп был для сына Фринона²⁰, тем сам он был своему, и притом, несмотря на громкий протест брата жены, причем жена присутствовала и слышала, ни взглянул прямо, ни возразил, но пребыл безгласен, глядя в землю, лишь потом дав признание своего непотребства. Страшно преступление Фиеста²¹, а это нынешнее еще ужаснее, насколько ужаснее быть таким преступником в отношении сына, чем дочери.

23. Итак, я не раз опасался за этот город, чтобы он не поплатился весь за порочность Миксидема, и благодарил богов, что он не поплатился уже. Ведь где дерзают на такие преступления, тому городу трудно не пасть. В особенности же, когда ни от кого не скрыто из его жителей это деяние, но никто не изгоняет, не негодует на живущего в городе, где такой слух распространился.

что неудивительно — многие куриалы, особенно из принципалов, занимали посты в провинциальном и центральном аппарате империи. — *Примеч. ред.*

¹⁹ Знак вопроса пропущен в издании Förster'a.

²⁰ История Фринона, упоминаемая ранее в § 18 как «предание», на самом деле кратко изложена Демосфеном в речи «О преступном посольстве» (XIX) и относится к одному из участников афинского посольства к царю Македонии Филиппу II в 346 г. до н. э. Фринону из Рамнунта, стороннику сближения с Македонией: «(229) ...Один из них послал даже сына к Филиппу, еще не внеся его в список совершеннолетних — этот гнусный Фринон»; «(233) ...Этого человека, таким образом, Эсхин не привлекал к суду за то, что он собственного сына посылал на позор к Филиппу» (пер. С. И. Радцига). — *Примеч. ред.*

²¹ Фиест — в греческой мифологии сын Пелопса и Гипподамии, брат Атрея. Фиест хитростью завладел престолом Микен, но был разоблачен богами, а Атрей отомстил ему, накормив Фиеста мясом его собственных детей. Фиест проклял род Атрея и обратился к Дельфийскому оракулу с просьбой указать ему средство отмщения. Оракул велел ему вступить в сношение с собственной дочерью Пелопией, от которой родится будущий мститель Эгисф. Не узнавший дочь, Фиест овладел ею, и именно этот сюжет Либаний имеет в виду. — *Примеч. ред.*

24. Тебе же подобает не искать помощи от этих людей, когда они таковы, но самому защищаться, сила же у тебя есть. Есть и язык, и дар от Муз, какие от них бывают <...>²², Антиох. Если, следовательно, натянешь этот лук, и себя утетишь, и покажешь тому, что знаешь Архилоха²³.

²² Пробел в тексте; «а он не сильнее эпиграмм» (о Миксидеме), по восполнению Förster'a, s. t.

²³ Архилох, греческий поэт первой половины VII в. до н. э., считается основоположником ямбической поэзии. Среди сохранившихся фрагментов его поэзии можно найти тексты, соответствующие данному пожеланию Либания: «Сердце, сердце! Грозным строем встали беды пред тобой. Ободрись и встретить их грудью, и ударим на врагов! Пусть везде кругом засады — твердо стой, не трепещи. Победишь — своей победы напоказ не выставляй, Победят — не огорчайся, запершись в дому, не плачь. В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй. Смену волн познай, что в жизни человеческой царит» (пер. В. Вересаева). — *Примеч. ред.*

К АРИСТИДУ ЗА ПЛАСУНОВ

Orat. LXIV F¹

1. Я знаю, что и более серьезным из друзей, и всем тем, кто не расположены к нам, мы дадим повод одним радоваться, другим стыдиться, если мы возьмемся защищать предмет, о котором, не знаю как, сложилась дурная слава. Но если бы многое в жизни и из лучших вещей, и не таких не встречало не раз неподобающей молвы и не признавалось плохим то, что принадлежит к области лучшего, а то, что справедливо заслуживало бы презрения, превращалось в предмет почитания, тогда надлежало бы порицать лиц, взявшихся защищать то, что следовало бы осуждать. Но раз мы видим, что не везде получала господство правильная оценка, нимало не предосудительна помощь речью людям, которых хулят неправо.

¹ Речь датируется 361 г. и представляет собой полемику с речью знаменитого ратора II в. н. э. Элия Аристиды «Против тех, кто уподобляется плясунам». — *Примеч. ред.*

2. Мало того, именно этим, скорее всего, и подобало бы прийти на помощь, как тем из находящихся под судом, которые становятся жертвою клеветы, а кто уклоняется от защиты потому, что о предмете составила плохая репутация, причиною молчания делает то самое, что вынуждает говорить. Ведь те из фактов, которыми восхищаются, нимало не нуждались бы в защитниках, так как составившееся о них мнение благоприятно, а противоположным им необходимо помогать, как беднякам из числа знакомых. Если же тому, чью худую славу подобает устранить, мы затруднимся выступить на защиту, раз он обвинен, мы вообще устраним дело защитника, потому что, кто пользуется доброю славою, в помощи не нуждается, а кому в ней есть надобность, те лишаются ее под влиянием опасения другого показаться защитником вещей недостойных.

3. Итак, на людей, враждебно к нам настроенных, нечего обращать внимание, — ведь если бы они и не имели этого предложения, не искать бы им было другого, потому что нет ничего легче злословить, если кто-нибудь не обращает внимания на то, что его признают за дурного человека. Но тем, кто из наших близких смущены, я заявляю следующее: отрешившись на некоторое время от того мнения о плясунах, какое вы теперь имеете², и спокойно выслушав речь, если мои доводы представятся вам основательными и они восторжествуют над обвинениями, перестаньте считать плохим то, что не таково. Если же речь не в состоянии будет изменить ничего в теперь составившемся мнении, но останется в душах ваших и после прослушания суждение, какое было до речи, тогда уже заявляйте, что я принял неподобающее решение, выступив защитником предмета самого постыдного.

² Театральные профессии считались позорными и находились под контролем строгого законодательства (Cod. Theod. XV. 7. 1–8, законы 371–381 гг.). Либаний сам не раз жестко критиковал не только самих плясунов, зачастую обвиняемых в разврате, но и посещающих их граждан (см. Or. I. 98; 187; XLI. 6; XXVI. 17; XLVI. 31; пр.). Даже в этой речи Либаний не удержался от замечания, что юношам смотреть на плясунов нельзя (см. § 100). — *Примеч. ред.*

4. Далее, моя любовь к Аристиду³ и то обстоятельство, что, предоставь мне выбор или превзойти богатством Мидаса, или хотя немного приблизиться к искусству Аристида, я немедленно остановился бы на втором, очевидно, пожалуй, всякому. Они знают это не из заявления моего перед ними, что я люблю его, заявления, которое могло бы, пожалуй, быть и ложью, но из того, что гораздо важнее для уверенности, знают из самых фактов, сколько во мне пристрастия к этому ритору. Ведь то обстоятельство, что, всякий раз как сочиняю речь, я держусь следов Аристида и пытаюсь свои речи, насколько возможно, уподоблять его, что я считаю выигрышем своей профессии, если кто-нибудь из сидящих заявит, что я его напоминаю, полагаю, служит крупнейшим признаком того, что этого ратора я отношу к совершеннейшим.

5. И то самое свойственно почитателю Аристида, что я оспариваю его речь, если следовать им установленным правилам служит в некотором роде данью почитания их виновника. Ведь, кто в особенности развивал доводы, противные писаниям предшественников, и в этой области⁴ прославился больше, чем в прочих, и кто не допускал, чтобы старина торжествовала над истиной, это был он. Поэтому тот, кто не решается опровергать его доводы, покушается на то решение, которое его заставляло опровергать предшественников, а кто в отношении к Аристиду предпринимает то, что последний в отношении к предшественникам, в своем последовании его примерам проявляет свое рвение в похвалу его произведениям.

6. Итак, если бы, убеждая лакедемонян изгонять этих нынешних плясунов, он останавливал речь чтением законов, заявляя,

³ Элий Аристид (117–180 гг. н. э.) — один из крупнейших представителей позднего греческого красноречия римской эпохи, т. н. Второй софистики. Аристид был одним из самых ярких сторонников аттакизма (возрождения аттического диалекта в литературе) и в речи, с которой полемизирует Либаний, подчеркивал, что ритору необходимо стремиться к выверенности и точности стиля, которые достигаются лишь путем подражания классическим греческим авторам. — *Примеч. ред.*

⁴ Т. е. в области так называемых *ἀντιλογίαι*, которыми был известен Аристид.

что Ликург этого не допускает и в написанном им законодательстве это не является для них отеческим и узаконенным⁵, может быть, и тогда бы я мог противопоставить следующие слова: «Что говоришь ты? С переменою обстоятельств и после того, как столько новшества распространилось на всё и обычаи одни упразднены, другие вошли в силу на смену прежним, и Спарта, вместо того, чтобы вдвоем [с Афинами]⁶ властвовать над греками, повинуетя вместе с прочими, кому более подобает⁷, ты сам поминаешь о старых слогах⁸ и обязанным податью предлагаешь те привычки, в каких они жили, когда господствовали, поддерживать в пору, когда они впали в положение подданных?»

7. И множество соображений можно было бы привести, стараясь доказать, что не время держаться установлений Ликурга. В самом деле, разве не нелепо не гневаться и не порицать лакедемонян, когда у них нет щита, а если они в чем-либо пользуются настоящими условиями жизни, ссылаться против их удовольствий на Ликурга?

8. Впрочем, если бы, как я сказал, он опирался против плясунов на одни законы, я бы снес это, не считая того обвинением предмету. Ведь многое из того, что у других прямо в почете, в Спарте устранено законами, как, например, прием пришельцев всюду одобряется, но не у них⁹. Полагаться на стену — надежно,

⁵ Ликург — законодатель Спарты рубежа IX–VIII вв. до н. э., которому античные авторы приписывают формирование политического и общественного устройства данного полиса, просуществовавшего в Спарте в течение нескольких веков. В законодательстве Ликурга выделяется комплекс мер против роскоши (например, запрет использования золотой и серебряной монеты), к которому, очевидно, относится и регулирование зрелищной деятельности. — *Примеч. ред.*

⁶ Ср. Ἀντιοχικός § 184. См. т. II, стр. 380 [551].

⁷ Власти римских императоров. Деятельность Аристиды относится к эпохе правления Антонинов. — *Примеч. ред.*

⁸ Ср. т. II, стр. 126, 1 [167, 6]. (Речь идет об использовании аттического диалекта в литературе, который активно возрождал Аристид. — *Примеч. ред.*)

⁹ Плутарх (Лус. 27) подробно описывает этот спартанский обычай (именуемый в «Лаконской политике» Ксенофонта ξενιλασία, греч. «изгнание иностранцев»): «...он не разрешил выезжать за пределы страны и путешествовать,

а у них законом установлено пребывать незащищенными¹⁰. Избыток средств способствовал усилению многих городов и много рвения прилагается к обогащению и у эллинов, и у варваров, лакедемонянам же законы внушили убеждение, что бедность крепче капитала¹¹. Когда вместе с этими предметами он полагает, что и плясунам запрещено вступать в Спарту, я бы этим не тяготился. Но так как он унижает вообще этот предмет и обзывает его недугом и погибелью зрителей, и добавляет к злословию сирийцев, мне показалось в некотором роде изменою, будучи и самому сирийцем и, пожалуй, способным говорить речи, смолчать и не снять и со всего племени обвинения речью за этот предмет.

10. Почему, оставив увещание всем, он вступил в беседу с одними спартиатами, выследить, пожалуй, не мешает. Итак, мне сдается, не видя в аргументации против этого предмета наличности обилия, он прибегает к Спарте и отеческим установлениям Спарты, дабы скудость ее прикрыть похвалами слушателям и речь свою из тамошней теснины вывести на простор равнины, оперируя на все лады Брасидами, Леонидами, Ликургами, Герак-

опасаясь, как бы не завезли в Лакедемон чужие нравы, не стали подражать чужой, неупорядоченной жизни и иному образу правления. Мало того, он изгонял тех, что стекались в Спарту без какой-либо нужды или определенной цели... страшась, как бы эти люди сами не превратились в учителей порока» (пер. С. П. Маркиша). — *Примеч. ред.*

¹⁰ Единственный город Лаконики, Спарта, не был укреплен стенами, поскольку предполагалось, что главная защиты Спарты — это сами спартиаты, которые не имеют права потерпеть поражение в бою. — *Примеч. ред.*

¹¹ Фактически цитата из «Лакедемонской политики» Ксенофонта (VII. 1–2): «Также и следующие установления Ликурга прямо противоположны установлениям прочих эллинов. Ведь в других государствах все, конечно, обогащаются как только могут: один занимается земледелием, второй становится судовладельцем, третий занимается торговлей, некоторые же кормятся ремеслом. В Спарте же Ликург запретил свободным людям касаться чего-либо, имеющего отношение к погоне за наживой; он повелел, чтобы они считали своим делом только то, что доставляет государствам свободу» (пер. Л. Г. Печатновой). — *Примеч. ред.*

лами и Диоскурами¹². Ведь и то обстоятельство, что с плясунами он связал и мимов¹³, поступок оратора, не особенно надеющегося на речь о плясунах. Какая была, в самом деле, надобность людей, отдельных по занятиям, сводить в одну тему, когда можно было, подошедши отдельно к каждому из двух этих предметов, воспользоваться разделением для публичного выступления?

11. Но, полагаю, он рассчитывал более благовидное ремесло представить в неблагоприятном свете характеристикой худшей профессии и мнение о мимах перевести и на пляску. Я же, управляя ли жизнь сколько нибудь и этот элемент, сочту необходимым рассмотреть в позднейшем изложении. А что от меня не ускользнула хитрость Аристида в смешении им этих профессий, это я пожелал указать и вместе внушить слушателям, чтобы они остерегались его козней.

12. И во-первых, достойно удивления то, если для прочих искусств допуская время как свидетельство их ценности, мы не потерпим, чтобы пляске оно служило в почет. Итак, что она привзошла во всё, и что, с той поры, как существует небо, существует и она, и что шествие звезд, соблюдая в движении своего бега некую гармонию и божественный закон, давно названо величайшими мудрецами пляскою, это я предоставляю самим исследователям воздушной области. Но кто из тех, кто хоть сколько-нибудь посвящен в греческое образование, не знает, что, по словам Гесиода, Музы на Геликоне, слагая песни, не пренебрегают пляскою:

«И вокруг источника темного нежными пляшут ногами»¹⁴,

¹² Брасид — спартанский полководец времен Пелопоннесской войны V в. до н. э. Леонид — спартанский царь, предводительствовал спартанским отрядом в битве с персами при Фермопилах в 480 г. до н. э. Геракл — мифологический предок спартанских царей. Диоскуры — в греческой мифологии дети спартанского царя Тиндарея (отсюда их традиционное наименование Тиндариды); Спарта была одним из центров почитания Диоскуров. — *Примеч. ред.*

¹³ О сценическом исполнении мимов см. далее § 66–68. — *Примеч. ред.*

¹⁴ См. «Теогонию» Гесиода, ст. 1–8: «С муз, Геликонских богинь, мы песню свою начинаем. На Геликоне они обитают высоко, священном. Нежной ногою ступая, обходят они в хороводе Жертвенник Зевса-царя... На Геликонской

почитая, полагаю, пляскою источник, который пожелали иметь себе купальнею?

13. В свою очередь, хор Диониса ничем иным, мне кажется, не тешит бога, как пляскою, и это — дело Сатиров, не иное и Панов, как прибегать к свирели и плясать¹⁵. Вакханок вы присоедините, если я и умолчу о них. Между словами и пляскою, далее, такое общение, что Пиндар творил, а Пан выплясывал песню¹⁶, и мы могли бы встретить одного и того же представителем словесного искусства и мастером танца.

14. Так пришло ли бы на ум Музам плясать у источника, если бы это было чем-нибудь зазорным, или считал ли бы Дионис, что его товарищество живет по мысли ему, когда оно проводит жизнь в танце, или допускал ли бы он корабельную пляску¹⁷, если бы видел в ней что-либо дурное? Зевса же, которого ожидала та же участь, что братьев, не она ли исхитила из рук отца,

вершине они хоровод заводили, Дивный для глаза, прелестный, и ноги их в пляске мелкали» (пер. В. Вересаева). — *Примеч. ред.*

¹⁵ Сатиры вместе с силенами составляют свиту Диониса. Это существа с человеческими торсом и головой, но с лошадиными или козлиными ногами. Пан в греческой мифологии божество стад, лесов и полей. Вместе с сатирами и силенами он входит в свиту Диониса, выглядит антропоморфно, но с козлиными ногами и рогами. И сатиры, и Пан известны своим пристрастием к вину и веселью. — *Примеч. ред.*

¹⁶ Пиндар (522/518–448/438 гг. до н. э.) — один из выдающихся поэтов античной Эллады. Произведения Пиндара относятся в том числе к хоровой лирике (мелике), среди которых следует отметить дифирамбы Дионису. Более того, источники позволяют утверждать, что Пиндар не только знал жанры и формы современной ему музыки, но и сам сочинял ее. — *Примеч. ред.*

¹⁷ Этот рассказ, основанный на распространенном сюжете о Дионисе и происхождении дельфинов, подробно изложен в «Астрономии» Гигина (II 17) со ссылкой на Аглаосфена, автора грекоязычной «Истории Наксоса»: «...некие тирренские корабельщики взяли на корабль Отца-Либера [т. е. Диониса], тогда еще мальчика, чтобы доставить его вместе со спутниками на Наксос и вверить попечению нимф-кормилиц... Корабельщики, побуждаемые жаждой наживы, вознамерились изменить курс корабля. Либера догадался о том и приказал своим спутникам запеть хором. Когда тирренцы услышали совместное пение, их охватил столь неопишуемый восторг, что они даже пустились в пляс и в исступлении пляски, сами того не ведая, попрыгали в море и там превратились в дельфинов» (пер. А. И. Рубина). — *Примеч. ред.*

когда Корибанты, пляской вокруг него, достигли, что Кронос его не заметил?¹⁸

15. Гомер говорит, что и щит Ахилла украшен был изображением танцующих¹⁹, и, в свою очередь, перечисляя сон, любовь, песню и танец, назвал танец, который ты силишься представить одной из зазорных вещей, безупречным²⁰. Мы видим у него и феаков плясунов и гостеприимных²¹. А между тем, если милостивое отношение к пришельцам — черта людей, чтущих богов, и стараться угождать богам — людей, изоощренных в справедливости, а нельзя в одно и то же время и быть справедливыми, и нравственно испорченными, во всяком случае те, кто привержены к пляске, не обладают дурными нравами, но можно вместе и быть самыми добропорядочными, и пляски не избегать.

¹⁸ Кронос, в свое время свергнувший своего отца Урана и воцарившийся вместо него, женился на своей сестре Рее. Его мать Гея предсказала Кроносу, что его лишит власти его собственный сын, поэтому Кронос пожирал всех своих новорожденных детей. Когда родился Зевс, Рея подсунала Кроносу вместо ребенка камень, завернутый в пеленки. Младенец Зевс был укрыт в пещере горы Иды на Крите, и Корибанты (в греческой мифологии спутники и служители Великой матери богов Реи-Кибелы) воинственной пляской и бряцанием оружия заглушали крики младенца. — *Примеч. ред.*

¹⁹ См. II. XVIII. 494–494: «Юноши хорами в плясках кружатся; меж них раздаются Лир и свирелей веселые звуки; почтенные жены Смотрят на них и дивуются, стоя на крыльцах воротных»; 569–572: «В круге их отрок прекрасный по звонкорокочущей лире Сладко бряцал, припевая прекрасно под лянные струны Голосом тонким; они же вокруг его пляшучи стройно, С пеньем, и с криком, и с топотом ног хороводом несутся»; 593–604: «Юноши тут и цветущие девы, желанные многим, Пляшут, в хор круговидный любезно сплетая руками... Пляшут они, и ногами искусными то закружатся... То разовьются и пляшут рядами, одни за другими» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

²⁰ II. XIII. 636–637: «Всем человек насыщается: сном и счастливой любовью, Пением сладостным и восхитительной пляской невинной» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

²¹ Od. VIII. 248–253: «Любим обеды роскошные, пение, музыку, пляску, Свежесть одежд, сладострастные бани и мягкое ложе. Но пригласите сюда плясунов феакийских; зову я самых искусных...»; 260–265: «Место для пляски уладили, поприще сделали шире... Стали цветущие юноши, в легкой искусные пляске. Топали в меру ногами под песню они; с наслаждением Легкость сверкающих ног замечал Одиссей и дивился» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

16. Но, если угодно, оставив мифы и поэтов, перейдем к городам, прославившимся хорошим законодательным порядком. Итак, по общему признанию, критяне располагали наилучшими законами, также лакедемоняне, получив ли их от них или из Дельф, от пифийского бога²², подобно тому, как критяне от Зевса через посредство Миноса²³. Вернее же, действительно ли боги дали законы тем и другим²⁴, или достоинство законов привлекло молву о богах, с каждой из этих двух точек зрения законы должны быть оценены как наилучшие.

17. И вот, оказывается, у обоих пляска практикуется с большим рвением и не то, чтобы только, будучи преданием прошлого, она не была воспрещена желающим, но она устанавливается была принудительною силою закона, так что манкировать пляскою было наравне с покиданием строя. А самое важное, — ведь в Лакедемоне прочие занятия были распределены по возрастам²⁵, но пляска распространялась на всех и обнимала вместе и стариков, и детей, и средний возраст.

²² Ср. в «Лаконской политике» Ксенофонта (VIII. 5): «Ликургу принадлежит и много других прекрасных средств, направленных на то, чтобы внушить гражданам желание повиноваться законам. К числу самых прекрасных относится, по моему мнению, и то, что он объявил народу свои законы лишь после того, как вместе с самыми знатными людьми побывал в Дельфах и спросил бога, желательно ли и лучше ли будет для Спарты повиноваться тем законам, которые он установил. А когда бог возвестил, что во всех отношениях будет лучше, только тогда он их опубликовал, объявив при этом, что неповиновение законам, возведенным Пифийским богом, является делом не только незаконным, но и кощунственным» (пер. Л. Г. Печатновой). — *Примеч. ред.*

²³ Минос, мифологический царь Крита, написал законы для Крита, получая их от Зевса во время их беседы, происходившей раз в девять лет в Идейской пещере. — *Примеч. ред.*

²⁴ Аристотель в своей «Политике» подчеркивает сходство между критскими и лакедемонскими законами и утверждает, что лакедемонское государственное устройство во многих своих частях является подражанием критскому, поскольку Ликург, отправившись в путешествие после отказа от опеки над царем Харилаем, много времени провел на Крите (VII. 1–3). — *Примеч. ред.*

²⁵ Юноши были вовлечены в регулярные гимнастические соревнования, а более старшие возрасты занимались охотой, «если какое-либо государственное дело не препятствует им в этом» (Xen. Lac. pol. IV. 1–7). — *Примеч. ред.*

18. А тот, кто важнее целых городов во свидетельство, Сократ, по приговору богов мудрейший всех людей²⁶, и он считал пляску частью подобающих ему занятий и то беседовал, то оказывался за пляской. Итак, поверим ли мы так легко и зря, чтобы занятие, древнее и столь благородное и достойное в глазах столь благородных людей, было низменным?

19. «Это, — скажет противник, — сравнительно другая пляска, и она не осталась в прежнем своем виде». Что же? Прочее, ради богов, осталось по-прежнему: дома, оружие, корабли, кузнечное дело, живопись, риторика, музыка, скульптура, мореплавание? Разве первые дома не отличались ничем от шалаша и мало оправдывали свое название? Разве можно было взяться за щит рукою и, смотря по надобности, перенести? И море разве сначала было доступным плаванию, а с развитием мореплавания разве тотчас приняло триеры, а, допустив возможность дальних переездов, покрылось бесчисленным количеством мореходцев, так что прежде грекам страшно было быть занесенными за пределы Делоса?²⁷

20. Чем было в начале искусство Главка Хиосского?²⁸ Чем — Зевксида немного лет позднее?²⁹ Когда люди боялись, как бы статуи не бежали, располагая своими ногами? Это опасение связано с произведениями рук Дедала³⁰. Его затмил явившийся позже

²⁶ Согласно преданию, пифия в Дельфах объявила Херефонту, что нет человека более независимого, справедливого и разумного, чем Сократ. — *Примеч. ред.*

²⁷ Делос — греческий остров в Эгейском море, в группе Кикладских островов. В греческой традиции был символическим местом, поскольку на острове, согласно мифологии, родились Артемида и Аполлон. — *Примеч. ред.*

²⁸ Главк из Хиоса — литейщик и скульптор VII в. до н. э., изобрел воронение железа и сделал железную подставку под кратер с серебряными фигурами в Дельфах. Однако более вероятно, что Либаний путает его с Главком из Аргоса, знаменитым скульптором сер. V в. до н. э., автором многочисленных изваяний в Олимпии, описанных Павсанием (V. 26–27). — *Примеч. ред.*

²⁹ Зевксис из Гераклеи Луканской — известнейший живописец второй половины V в. до н. э., ученик художника Демофила, автор многочисленных картин в Южной Италии и Элладе. — *Примеч. ред.*

³⁰ Дедал (греч. «искусный, умелый») — в греческой мифологии изобретатель столярного инструмента и мастерства, искуснейший архитектор и скульптор. — *Примеч. ред.*

Фидий³¹ больше, чем Дедал своих предшественников. Ведь мы слышим, что и музыка до Архилоха³² и той поры была простой и грубой, с течением же времени преуспела.

21. Хорошо. А о риторике как, скажем, ты мыслишь? Разве в искусстве слова наравне стоят Антифонт³³ и тот Менесфей, что следовал за Тесеем?³⁴ Или, в свою очередь, тот же Антифонт и Демосфен? И если лучше старшее по времени, Демосфен ниже Антифонта, а последний ниже Менесфея. Но рамнунтец не согласился бы считаться ничем не лучше Менесфея, как не пожелал бы считаться выше Демосфена. Ведь он знает, что первого далеко превосходит, а второму немало уступает.

22. Ведь и сам ты где-то говоришь, что немалыми и немалочисленными качествами усилил искусство слова, и я не завидую, клянусь богами, и не называю этого заявления хвастовством, но настаиваю на несправедливости того, что свои добавления он

³¹ Фидий, сын Хармида, из Афин, знаменитый скульптор V в. до н. э. Его работы находились в различных частях Эллады — в Афинах (статуя Афины на Акрополе), Олимпии (колоссальная статуя Зевса Олимпийского), Дельфах, Фивах, Платеях, Беотии, Пеллене, Элиде. — *Примеч. ред.*

³² Архилох, знаменитый греческий поэт VII в. до н. э., оказавший определяющее влияние на дальнейшее развитие греческой лирики. Псевдо-Плутарх (II в. н. э.) приписывает Архилоху также ряд музыкальных открытий: введение относительно независимого музыкального сопровождения пению, а также смешение речевой и музыкальной интонации для достижения особого «трагического» эффекта. — *Примеч. ред.*

³³ Антифонт из дема Рамнунт (480–411 гг. до н. э.) — известный афинский оратор и философ-софист, считается первым из 10 классических аттических ораторов. Сохранились его судебные речи и фрагменты философских произведений. — *Примеч. ред.*

³⁴ Plut., Thes. 32. Proleg. stat., rhet. gr. VII, pg. 5, 26 ed. W. («Тем временем Менесфей, сын Петеоя, внук Орнея и правнук Эрехтея, как сообщают, первый из смертных, начавший в своекорыстных целях искать народной благосклонности и льстить толпе, старался возмутить и озлобить могущественных граждан, которые уже давно с трудом терпели Тесея... он подстрекал к бунту и простой люд, внушая ему, что его свобода не более чем сон, что на самом деле он потерял и отечество и родные святыни, ибо вместо многих царей, законных и добрых, он со страхом обращает взоры к одному владыке — пришельцу и чужеземцу!» (пер. С. П. Маркиша). — *Примеч. ред.*)

признает полезными для красноречия и прежним не восхищается, а если то же самое, прибавление, сделало лучшим танец, то, что не сохранено его прежнего состояния, приводит в доказательство его низменности.

23. «Иначе, — говоришь ты, — плясало прежнее поколение». Но ведь прежнее поколение и вело морские сражения не сходно с позднейшим, как Минос с карийцами³⁵, Парис с сидонцами³⁶, Ахилл с лесбосцами³⁷, коринфяне с керкирянами³⁸, угодно ли называть древнейшее морское сражение или то, что они дали около Эпидамна³⁹. Как же обстояли эти? Кораблям работы было мало, а борьба решалась гоплитами на палубах, и под ними было море, но их действия ничем не отличались от сухопутных. Во всяком

³⁵ Согласно преданию, после установления морского господства Крита Минос изгнал морских разбойников, в том числе карийцев, из Кикладских островов, заселил эти острова, поставив там правителями своих сыновей (Thuc. I. 4; 8. 2). — *Примеч. ред.*

³⁶ Согласно преданию, отраженному и в «Илиаде» (VI. 291–292), Парис, обольстив Елену и бежав с ней и сокровищницей Менелая из Спарты, остановился по пути в Сидоне. — *Примеч. ред.*

³⁷ В первые годы Троянской войны, когда после неудачных попыток взять Трою греки стали разорять окрестности, Ахилл разорил Лесбос: «Семь непорочных жен, рукодельниц искусных, дарую, Лесбосских, коих тогда, как разрушил он Лесбос цветущий, Сам я избрал...» (Номер. II. IX. 128–130). — *Примеч. ред.*

³⁸ Ок. 734 г. до н. э. на о. Керкире (совр. Корфу) коринфские колонисты основали колонию. Однако жители Керкиры не хотели подчиняться метрополии, Коринфу, в результате чего вспыхнул конфликт, и ок. 664 г. до н. э. состоялось первое в истории Эллады морское сражение между флотами Керкиры и Коринфа, причем победили коринфяне. — *Примеч. ред.*

³⁹ Речь идет о событиях, явившихся одной из предпосылок Пелопоннесской войны. В 436 г. до н. э. в богатом Эпидамне, керкиро-коринфской колонии на побережье совр. Албании, вспыхнул конфликт между олигархами и демократами. Обе стороны призвали своих союзников, керкирян (олигархов) и коринфян (демократов). Вскоре вспыхнули боевые действия, и в первом морском сражении коринфяне потерпели поражение, а керкиряне заняли Эпидамн. Коринф не смирился с поражением, и в 433 г. до н. э. состоялась вторая морская битва (при Сиботских островах), в ходе которой обе стороны понесли потери. У керкирян они были значительно больше, однако они смогли сохранить за собой Эпидамн, и коринфяне вынуждены были вернуться домой. — *Примеч. ред.*

случае, ты слышишь, как Фукидид говорит: «по древнему способу, снаряженные еще с меньшею опытностью» и «морское сражение, не в той степени сильное искусством, но в большей части похожее на пешее».

24. Но позднее Навпакт не допустил такой неопытности в морских боях, когда, в то время как пелопоннесцы выстроились кругом, афиняне обходили их, выстроившись по одному кораблю, и сближались, чуть не касаясь врага, и все время внушали опасение нападения, но откладывали его в ожидании попутного ветра. И вот такой повеял, и враги пришли в беспорядок, а афинянам настала пора напасть. И так двадцать афинских кораблей победило сорок семь лакедемонских, причем искусство ослабило количество⁴⁰.

25. Во втором морском бою многое можно похвалить в действиях этих, многое в действиях тех, самое же важное со стороны афинян, что аттический корабль потопил преследующий его левкадский⁴¹. Воспользовавшись в качестве поворотного столпа грузовым судном, случайно стоявшим на якоре, он обогнул его и получил возможность ударить в борт преследующего корабля⁴².

⁴⁰ Имеется в виду битва у мыса Рион (недалеко от Навпакта) в 429 г. до н. э. — первое морское сражение Пелопоннесской войны. Навпакт занимал важное стратегическое положение рядом с узким проливом, соединяющим Патраский и Коринфский заливы. Афиняне попытались своим флотом перекрыть этот пролив для судоходства Пелопоннесского союза. В результате умелых действий афинского флота под командованием Формиона Пелопоннесский флот был разгромлен, часть кораблей потоплена, 12 захвачены. При этом афиняне потерь не понесли. — *Примеч. ред.*

⁴¹ Левкада — греческий остров в Ионическом море. — *Примеч. ред.*

⁴² Речь идет о морской битве при Навпакте (городе в Западной Греции, на северном берегу Коринфского залива) в 429 г. до н. э. между флотами Афин и Пелопоннесского союза. У афинян были все те же 20 кораблей под командованием Формиона, у пелопоннесцев — 77 кораблей. В ходе сражения 9 афинских кораблей спартанцы прижали к берегу, а 11 кораблей прорвались и начали уходить к Навпакту. За ними отправились в погоню 20 пелопоннесских трирем. Однако в результате описанного Либанием дерзкого маневра замыкающей афинской триремы, практически в гавани Навпакта, пелопоннесский корабль моментально затонул, экипажи остальных 19 кораблей оказались деморализованы, в результате чего перешедшему в контратаку афинскому

26. А если бы кто тогда, ухватившись за Формиона⁴³, сказал: «Что за новые приемы? Зачем ищешь простора? Что значат у тебя эти названия: прорывы, обороты, налеты? Что вводишь на море изворотливость возниц?» Разве, тебе кажется, не ответил бы он: «Это и значит вести морской бой, когда победу доставляют суда, а не лучники, стреляющие с судов. А ты вместо сетований о прошлом, что не так сражались в прежние времена на море, винишь тех, которые применяют совершенное искусство?» То же слово и у меня наготове относительно настоящего предмета. Нынешнему танцу невозможно быть хуже прежнего, если сравнительно с последним он усложнился, но я не порицаю прежнего, но вижу, что нынешний достиг полного развития этого предмета.

27. «Этот разнится от того». Прекрасно. Тем ли, что он отнял что-нибудь из существовавшего, или тем, что прибавил к нему? Ведь если бы сокращениями привел в дурное состояние, он не прав и, естественно, должен быть изгнан из всякой земли, не только Лакедемона. Если же украсил всяким рвением и двинул вперед, так что он стал самым сладостным из зрелищ, в чем же он уличается?

28. Давай, посмотрим: разве ты не определяешь танец как напряженное движение членов в соединении с некоторыми фигурами и ритмами? Итак, разве более медленного в этом не признаешь худшим плясуном, а более быстрого лучшим? Вполне необходимо. Итак, разве эти двигаются меньше тех? Да кто дерзнул бы утверждать это? Но настолько более, насколько те подвижнее сидящих. Значит, преимущество вменим им в недостаток? И чем

флоту удалось выиграть сражение. В итоге афинянам удалось удержать Навпакт и пролив. — *Примеч. ред.*

⁴³ Формион, сын Асопия, — талантливый афинский стратег. Впервые упоминается в 440 г. до н. э. как командующий флотом совместно с Периклом и Тагноном во время войны на Самосе. Успешно командовал афинским флотом в 430–428 гг. в ходе Пелопоннесской войны. В 428 г. он был необоснованно обвинен афинскими демагогами и приговорен к штрафу в 10 тыс. драхм. За время командования Формион не воспользовался возможностью обогатиться, штраф выплатить не смог и за это был лишен прав афинского гражданства. Все это стало причиной его скорой смерти. — *Примеч. ред.*

они побеждают, в силу того сочтутся за худших? И тех, которые, сколько только возможно, выполняют задачу танца, признаем уступающими тем, которые отстают в подвижности? Итак, и бегуну более быстрому мы отведем второе место сравнительно с более медленным, и тому, кто избивает врагов, куда ни обернется, — сравнительно с тем, кто обратился на кого-нибудь одного из противников?

29. Вини же и нынешних возниц за их испытанность, и смелость, и уловки, и решимость на всё, их, которые, сверх того, что правят своими колесницами, прилагают руки и к чужим, в то время как их предшественники полагались большею частью на быстроту коней и не лишены были опытности в своем искусстве, но не владели им в такой степени. Вини и Пирриха, изобретшего танец⁴⁴, имеющий некоторое преимущество над прежним, и, не давая ему права на прибавление, препятствуй тем, кто могут что-либо изобрести после него.

30. Плясали иначе. То славилось давно. Теперь движение сделало успехи. Пусть это господствует. Или прочим искусствам мы предоставим двигаться вперед, смотря по изобретению, а это, если оно открыло новые пути, возненавидим? И разве мы не услышим того, кто заявит, что в искусствах получает преобладание то, что приумножается.

31. «Клянусь Зевсом, они зараза городам и домам, и кто смотрит на них, погиб, и не избавиться от них — предел бед». Натиск слова отважен и подобен потокам, все самое худшее возлагая на их главу, но доказательства, большего ли, меньшего ли, нигде нет. Итак, если достаточно назвать самым негодным и слово это внушает уверенность, нет ничего сквернее плясунов, так как человек этот не пожалел на них никакого поношения. Если же разные вещи обличение и злословие, они жертва дурной молвы, но нет того, на основании чего можно поверить сказанному.

⁴⁴ Пиррих — один из куретов (демонических существ, составлявших вместе с корибантами окружение Великой матери богов Реи-Кибелы), в честь него был назван город Пиррих в Лаконике (Paus. III. 25. 1–2). Пиррих считался изобретателем военной пляски пирриха (Strabo. X. 3. 8). — *Примеч. ред.*

32. Стоит послушать самые слова: «Полагаю, действительно, если бы кто поделил все людские беды на две части, одну, при-сущие этим [плясунам], другие прочим, прочие сравнительно с этими показались бы ничтожными». Это показывает сильный гнев, но гнев повредил слову. Впавши в преувеличение, но не исследовав дела, он преступил пределы вероятия. Кто, в самом деле, согласился бы, что из всего того, на что дерзают люди, проступки плясунов составляют большую часть и более значительны? Конечно, присоединять их к лучшим людям, из коих одни проявили свои природные свойства в речах, другие делах, может быть, не благочестиво и не по-божески, но, с другой стороны, и считать их хуже самих негодных людей тоже несправедливо.

33. Но есть ли кто-нибудь, кто верит Аристиду, что этот плясун, воспроизводящий нравы богов, поступает более возмутительно, чем люди, опрокидывающие жертвенники, грабящие посвященные им приношения, срывающие храмы и сжигающие статуи?⁴⁵ Что же? Разве — возмутительнее, чем те, которые предают свои отечества, или те, кто после убийств бежали в пустыню, или те, которые плавают по морю с целью злодейств, или вскрывают могилы, или замешивают яды? Но, может быть, отцеубийцы ничто в сравнении с ними? Но лжесвидетели? Но те, которые подделывают подписи для обхода права? Но те, которые убили матерей, детей? С чего же это пришло тебе на мысль счесть всякого негодяя более умеренным, чем плясун?

34. Видишь ты эти тюрьмы? Кем они наполнены? Теми ли, которые совершили вышеупомянутые убийства, или плясунами? А между тем, какое основание имеет, что города тем, кто им больше наносит неправды, предоставляют плясать, а тех, кто удручают ничтожными проступками, влекут в тюрьму, и тем дают собирать серебро и добывать средства, а у тех отнимают жизнь

⁴⁵ О подобных действиях христиан, прежде всего монахов, см. в речи «В защиту храмов» (XXX). Упомянутая речь адресована имп. Феодосию, твердо-му христианину, поэтому оценки действий христиан в ней сглажены. Нынешний фрагмент демонстрирует истинное отношение к ним Либания. — *Примеч. ред.*

и сбегаются, когда у них отрубают головы? Или, клянусь Зевсом, из того, в чем другие им наносят несправедливость, и легкие проступки — невыносимы, а невыносимое по природе может быть легко, безнравственный плясун? Или отец не снес бы преступления даже сына, а претерпевая зло от плясунов, они поклоняются им, словно персы своему владыке?⁴⁶

35. Почему же их не судят? Почему не наказывают тех, которые в своей испорченности оставили всех позади себя? Скажи. Но ты не мог бы ответить. Если только, клянусь Зевсом, они не творят беззаконий, надев шлем Аида⁴⁷ или перстень Гигеса⁴⁸, благодаря коим остаются невидимками. Но не укрылись же они от тебя, который так внушительно расписываешь их деятельность, если, действительно, это их дела?

36. А правители, стражи городов, когда отправляют разбойников в пропасть, а плясунов, сидя в театре, одаряют, что, по-твоему, делают? Наслаждаются теми, которые ничего преступного не делают, или чтут их порочность? И одно и то же наказывают и чтут? Вернее, меньшие из зол карают, а большие чтут, если плясуны тягостнее разбойников?

37. И сами они, говорит противник, живут зазорно, и зрителей губят с собою, увлекая к тому, к чему не следует. Здесь некоторым представляется, что он говорит нечто, но истина противоречит слову. Я скажу о каждом из двух предметов в отдельности, если

⁴⁶ Со времен греко-персидских войн в античной традиции почитание персами фигуры царя считалось абсолютным раболепием, неприемлемым для эллинов. — *Примеч. ред.*

⁴⁷ В преданиях упоминается шапка (шлем) Аида, имевшая свойство делать невидимым надевшего ее. Эту шапку Аиду подарили циклопы за то, что Аид по приказу Зевса освободил их. Этой шапкой пользовался Зевс во время битвы с титанами; Персей, убивший Медузу Горгону; Афина, помогавшая Диомеду против Ареса. — *Примеч. ред.*

⁴⁸ Один из вариантов легенды о Гигесе, основателе династии Мермнадов в Лидии, отраженный в «Государстве» Платона (II. 359 d — 360 b; X. 612 b), повествует о том, что Гигес был обычным пастухом, который с помощью найденного им кольца, дарующего ему невидимость, соблазнил царицу, убил ее мужа и стал царем. — *Примеч. ред.*

со стороны слушателей будет соблюдено для меня то, о чем я попросил в начале, а именно не шуметь⁴⁹.

38. По какому праву ты говоришь, что все плясуны предавались непотребству? Слышав ли это от гадалей или видя приговор, вынесенный судьями, или получив их собственное признание? Однако, если кому-нибудь предстоит бесспорно быть включенным в ряды преступных людей, необходимым вступлением в это должны служить жалоба, свидетельство, защита, уличение, приговор, если не это — признание. Так того или другого назовешь убийцей, так — прелюбодеем, так — изменником. Тот, кто назовет так помимо этих данных, клеветает. Как же, следовательно, не возмутительно, если, в прочих случаях, тот, кто был под судом, но не был осужден, считается чистым от вины, а те, против кого не выступало обвинителя, подвергаются поношению, как осужденные, и прочим обвинение не служит в ущерб их доброму имени, а те, которые и не привлекались к суду, терпят участь уличенных?

39. Выслушай, далее, другое. Есть некоторые из тех, кто сидят в комнате, пользующиеся естеством для низкой цели и не отрицающие наименования жертв позорнейшей страсти. Им, в случае, если бы кто-либо их побил и, клянусь Зевсом, порубил, нельзя ни бежать в суд, ни поднять крик, ни воззвать к законам, ни потребовать правосудия. Это понятно. В тот день, когда они извратили природу, они лишали себя этого. Итак, разве и плясуна ты смело побьешь и, разорвав ему платье или ранив в голову, велишь молчать? Прекрасно узнаешь тогда, что предоставлено им законами, когда тот побежит к судье и будет иметь возможность объясниться, столько и столько народу разделит его гнев, и властный в приговоре накажет обидчика. Чем же, наконец, подвигнутый, ты приписываешь сословию непотребство?

40. «Ты уверяешь, — говорит он, — что все добронравны?» Нет, но и не сказал бы, чтобы все предавались разврату. Если же подобает составлять суждение на основании слухов, относительно

⁴⁹ См. § 3.

одних можно слышать отзывы, что они не охранили своей красоты, но есть такие, которых даже весьма хвалят за их целомудрие. Говорят, некто в Палестине простер до такой степени тщательное соблюдение добропорядочности, что первые лица в городах вводили его к своим детям и женам и нигде не давал он повода к обвинению.

41. Да и у нас славившегося когда-то тезку того древнего пастуха⁵⁰, пред которым происходил суд богинь о красоте, тирийский софист⁵¹, который мощным словом своим, словно Посейдон, всё колебал и потрясал⁵², так оплакал при его смерти и дал такое великолепное надгробное слово ему, что не знаю, чего бы ему искать большего, если бы он чтил умершего софиста. И он заблагорассудил употребить это самое обращение, плюсун. Видно, он решил вполне загрязнить себя похвалою развратнику.

⁵⁰ Парис, ср. Jo. Malal., pg. 263 Bonn. Capit., Vit. Ver., с. 8. L. Friedländer, Sittengeschichte Roms II 623⁶. (Согласно преданию, когда Гекуба, жена царя Трои Приама, была беременна вторым ребенком, ей предсказали, что ожидаемый ею сын будет виновником гибели Трои. Когда ребенок родился, Приам приказал бросить его на горе Иде, чтобы его там растерзали дикие звери. Но младенца нашел пастух и воспитал, дав имя Парис (именно поэтому Либаний называет Париса пастухом). Ко времени жизни Париса на Иде относится знаменитая легенда о «суде Париса» над тремя богинями, заспорившими о своей красоте. Желая привлечь Париса на свою сторону, Гера обещала сделать его самым могущественным царем на земле, Афина — самым храбрым героем, Афродита — обладателем самой красивой женщины. Парис признал прекраснейшей из богинь Афродиту, которая впоследствии помогла ему увлечь Елену. — *Примеч. ред.*)

⁵¹ Адриан, Philostr., Vit. Soph. II 10, 7. Rohde, Rhein. Mus. XLI 189. (Адриан родился в Тире, обучался риторике в Афинах с 18-летнего возраста, был учеником Герода Аттика. Когда Герод умер ок. 180 г. н. э., Адриан произнес ему надгробную речь, которой афиняне были доведены до слез. Затем Адриан возглавил школу риторики в Афинах, был весьма известен в городе, в том числе благодаря показной роскоши. Адрианом восхищался также имп. Марк Аврелий во время своего пребывания в Афинах. Умер Адриан уже при имп. Коммодe (т. е. до 190 г.), находясь в Риме, где незадолго до смерти оратор имп. Коммод назначил его своим секретарем. — *Примеч. ред.*)

⁵² Посейдон был божеством не только морской стихии, но и землетрясений. — *Примеч. ред.*

42. Мы видим, действительно, и сами, что большинство в молодости оберегается, одни матерями, другие отцами, — есть и такие, кому их место заступили братья, — и что те, кто хлопочут по такому делу, проклиняют этих стражей. Разве не наблюдаем той же самой охраны и около молодых из плясунов? Их освобождает от таковой пора, когда эти опасности миновали. Допустим же, что не оберегаемые вступили на скользкий путь. Но того не было с теми, кто встречали попечение. Итак, можно, занимаясь ремеслом плясуна, сохранять целомудрие.

43. Как же тогда все плясуны развратники? Пока хоть один человек этой профессии окажется сохранившим целомудрие, не является какой-то необходимостью, чтобы танцор продавал свою красоту. Ведь если бы и это входило в состав искусства, и нельзя было бы усвоить его без опозорения тела, это было бы общим для всех представителей профессии поношением. Но если, и сохраняя чистоту нравов, можно быть хорошим плясуном, и тем более, чем более он не отвлекает души от усердных занятий к удовольствиям, зачем то, что не связано с искусством, считаешь частью искусства? Не подобает приписывать профессии вины людей, избравших путь порока. Так, например, и иной из философов, случилось, был падок на деньги. Так разве философия довела его до рабства корысти? Но она же учила его пренебрегать всяким золотом, сколько его есть и появляется. Если же природная порочность одолела наставления, он — желал, но она — наилучшая.

44. В свою очередь, некий врач, которому искусство его предписало спасать, нарочно отправил больного на тот свет. Так значит это дело врачебного искусства — губить? Клянусь Зевсом, нет, но спасать. А тот врач оказался бесчестным в своем искусстве. Но это не низость искусства. Ведь если бы кто, изучая риторику, пустился бы торговать своим телом, или кто, будучи возницей, предоставлял в распоряжение любовникам свою юность, один опозорил дар Посейдона, другой — дар Гермеса⁵³, но они — злосчастны,

⁵³ Посейдон, проживавший в роскошном дворце на дне моря, в Эгах, обычно мчится по морю на колеснице, запряженной длинногривыми конями. Поэтому искусный возница (на ипподроме) считался обладателем дара Посейдона.

искусства же не потеряли своего достоинства. И в данном случае, если иной плясун предоставил себя в жертву желающим издеваться, пускай низкий погибает позорно вместе с своими поклонниками; ведь он сам принял неподобающее решение насчет себя, но никоим образом не показал, что пляска — зло.

45. Могу привести и следующий довод, сильный, как я убежден. Если бы все, поддерживающие жизнь другими занятиями, все подряд, стали последователями Нарцисса и сделали своих родителей счастливыми и чтимыми своею нравственностью⁵⁴, и непотребство ограничено было средою плясунов, тогда было бы большим недомыслием, вернее же безумием спорить против тех, кто бранят то, что подобает. Если же чистота нравов не определяется разграничением профессий, а господствуют те природные наклонности, какие и имеются, зачем нам ненавидеть не нравы, а пляску?

46. Ведь я следую и приговору о природе Пиндара, определяющему ее как фактор, сильнейший всюду⁵⁵, не стыжусь слушаться и Еврипида. Что же говорит Еврипид, когда Елена жалеет волос, в то время как предстоит почтить могилу сестры?

«Природа, ты, в среде людской, сколь зло большое.

Но в спасение тем, кто доброй одарен»⁵⁶.

От нее, говорит он, у людей и добродетель, и порочность.

Гермес в античной традиции считался покровителем ораторского искусства. — *Примеч. ред.*

⁵⁴ Согласно преданию, Нарцисс был сыном беотийского речного бога Кефиса и нимфы Лириопы. Родители спросили прорицателя Тиресия о будущем ребенка и получили ответ, что он доживет до старости, если никогда не увидит своего лица. Нарцисс вырос юношей необычайной красоты, и его любви добивались многие женщины, но он был безразличен ко всем, т. е. оставался целомудренным. — *Примеч. ред.*

⁵⁵ См. Pind. Ol. IX. 100–103: «Все лучшее — от природы, Вытверженная доблесть многих побуждает к славе, Но без бога — сподручнее безвестие» (пер. М. Л. Гаспарова). — *Примеч. ред.*

⁵⁶ См. Orest. 126–130: «О, сколько зла в тебе, природа смертных! Иль столько ж благ ты избранным даришь? Вы видели, красу берегая, Волос ее едва коснулся нож» (пер. И. Анненского). — *Примеч. ред.*

47. А устойчивость ее он изъясняет в другом месте в таких словах:

«Ничем иным, как низким, не бывает
Порочный, добрый — добрым»⁵⁷,

где он желает сказать, что нет ничего сильнее природы и нет такой силы, которая могла бы изменить то, что дано ею, изрекая то же, что и Софокл. Именно последний говорит:

«Что даст природа, устранить то тщетный труд»⁵⁸.

Следовательно, тщетно применяешь ты наставления в надежде изменить природу. Что она дала, то стоит прочно и навыкам природные свойства не уступают, но их сила выше привычек. Что же значит это слово? Тот, кто от природы привержен к целомудрию, не может стать развратником от занятия пляской. Кто от природы склонен к разнузданности, не может преуспеть в благонаравии под влиянием руководства.

48. Поэтому некоторые, жившие среди педагогов и отовсюду окруженные не одним бдительным оком, угрозами, страхами, опасением ударов, переступив все эти преграды, случалось, вступали в беседы с поклонниками, так приличнее выразиться. Чего ради? Что трудно противоборствовать природе. Я знаю некоторых, красотою превзошедших Гиакинфа⁵⁹, ставших независимыми от родителей, свободных от педагогов, провожатыми не располагающих, привлекавших взоры своим телом, но ни разу ни

⁵⁷ См. Несуб. 596–599: «Между смертных Совсем не то. Порочный только злым И может быть. А добрый — только добрым: Несчастья не властны извратить Природный дар» (пер. И. Анненского). — *Примеч. ред.*

⁵⁸ Вероятно, это отрывок из несохранившейся трагедии Софокла. — *Примеч. ред.*

⁵⁹ Гиакинф — в греческой мифологии сын спартанского царя Амикла, вырос прекрасным юношей. Он был любимцем Аполлона, который нечаянно убил Гиакинфа, попав в него во время метания диском. Из крови Гиакинфа выросли прекрасные цветы гиацинты. — *Примеч. ред.*

на кого не взглянувших и стоявших среди охотников, но, словно птицы, унесшихся ото всех. Не прибавил бы о целомудрии сирот, чтобы кто-нибудь не предположил, что я говорю о себе.

49. Почему же и это так? Получи ответ от Еврипида, который говорит, что целомудренного не совратить и вакхической разнузданностью⁶⁰. Перестань же клеветать на пляску и, если увидишь разнузданного плясуна, говори себе, что, будь он и кожевником, и плотником, он был бы распутником, и, если увидишь плотника целомудренного, говори себе, в свою очередь, что он и в занятиях пляскою не погубил бы чистоты своих нравов.

50. «Они холят волосы пуще Федры»⁶¹. Чем больше, нежели фессалийцы, отращивавшие волосы для Сперхея?⁶² Ведь и плясуны не стригут волос иначе, как для Диониса, бога, блюдущего театры, как те для реки. Если же самое предоставление волосам расти служит к обвинению, ты слышишь об «ахейцах длинноволосых»⁶³. А если — прилагать попечение к волосам, ты видишь, как лакедемоняне чешут волосы в Фермопилах и после заботы о волосах свершили доблестнейший подвиг⁶⁴. А между тем, если бы забота о волосах устранила храбрость, как же в разгаре борьбы они заботились о волосах? Как же затем, выступив на битву, проявили себя мужами?

⁶⁰ См. Vassh. 317–319: «...А женщин скромности учить В делах любовных Дионис не должен! Стыдливость — это их природный дар, И скромная не развратится в пляске» (пер. И. Анненского). — *Примеч. ред.*

⁶¹ Федра — в греческой мифологии дочь критского царя Миноса и Пасифаи, сестра Ариадны, вторая жена Тесея. Известен сюжет о ее страстной любви к пасынку, сыну Тесея Ипполиту. — *Примеч. ред.*

⁶² В греческой мифологии Сперхей — бог одноименной реки в Фессалии. Ему были обещаны волосы Ахилла, которые герой растил для Сперхея с детства (Homer. II. XXIII. 142–146; Paus. I. 37. 3). — *Примеч. ред.*

⁶³ Выражение, часто встречающееся у Гомера. — *Примеч. ред.*

⁶⁴ Речь идет о знаменитом сражении против персов у Фермопил в 480 г. до н. э. отряда спартанцев под командованием царя Леонида. Геродот пишет: «А в это время стражу перед стеной как раз несли лакедемоняне. И он [персидский лазутчик] увидел, как одни из них занимались телесными упражнениями, а другие расчесывали волосы» (пер. Г. А. Стратановского; VII. 208). — *Примеч. ред.*

51. Если же кто-нибудь пускается в подробности насчет частей головы и порицает за то, что плясуны отпускают волосы сзади, не снесут того, клянусь богами, те, чтоплыли в Трою с Эвбеи, и признают, что не меньше, чем плясуны, оскорблены они, «дышащие мужеством Абанты»⁶⁵. Ведь они отпускали волосы, как эти.

52. Не могу, далее, и по костюму осудить образ жизни плясунов. Ведь ни то обстоятельство, что в ткань хитона воткано золото, не могло бы насильственно вгонять в зазорное дело того, кто по натуре недоступен такому, — ведь так мы видели бы сопричтенными к развратникам и жрецов, которых на праздниках украшает золото, мелькающее в одежде, ни если кто-нибудь утверждает, что спуск одежды до пяток и некоторые подробности прочего фасона одежды впадают в женоподобие, покрой хитона не есть бесспорный признак разврата.

53. Если бы, в самом деле, такую силу имели виды одежды и отсюда подвергался переменам нрав, было бы находкой — обрядить этих, сидящих в комнате⁶⁶, на манер Геракла, и львиной шкурой и дубиной⁶⁷ переменить их жизнь. Но невозможно то, как невозможно и рабу изменить свое общественное положение, если он наденет хитон господина или тайком от него, или даже, ради шутки, с дозволения господина.

54. Поэтому случалось, и иной атлет, шагающий большими шагами и обрызганный маслом, до крайности дурно пахнущим, с накинутым поверх плащом, при самой этой одежде храбреца,

⁶⁵ См. Номег. II. II. 536–544: «Но народов эвбейских, дышащих боем абантов... Сын Халкодонов, начальник нетрепетных духом абантов. Он предводил сих абантов, на тыле власы лишь растивших, Воинов пылких, горящих ударами ясных копий» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

⁶⁶ Ср. § 39.

⁶⁷ Первым подвигом Геракла была борьба с Немейским львом. Поскольку лев был неуязвим для стрел, то Геракл задушил его руками. Когда Геракл принес тушу льва в Микены, Эврисфей, испугавшись, запретил вносить ее в город. Геракл надел на себя шкуру немейского льва и свои дальнейшие подвиги совершал в ней. Палицу Геракл сделал из вырванного им с корнем в Немейской роще твердого, как железо, ясеня. По другой версии, эта палица была подарком Дедала, создавшего несколько деревянных изображений Геракла. — *Примеч. ред.*

признаваем был в отправлении женского дела. А между тем, ради богов, что удивительного, если, как его плащ его не удержал в целомудрии, так этого нрав в такой одежде сохранил целомудренным? Ведь ни те, которые перебили в Македонии после обеда Мегабаза с его свитой, увлеченных противоестественной любовной страстью⁶⁸ под влиянием опьянения, ни те, которые позже низвергли тиранию в Фивах и изгнали лакедемонский гарнизон⁶⁹, те и другие по одежде признанные за женщин, не были уже женщинами, но, какими раньше, — мужчинами. Значит, ничего такого не сделано ими было раньше.

55. Далее, все признают эти два факта, что из отправившихся под Трою Ахилл был храбрейшим и что он сам поставил себя в то положение, что его принимали за девицу, скрыв свой пол под иною внешностью⁷⁰. А между тем подобало бы, если бы подобный прием в силах бы был вредить, считать, что Ахилл явился

⁶⁸ Ἀφροδίτῃ ἄδικοις cf. т. I, стр. XII, 3 [21, 53], Юлиан, orat. II, pg. 130, 5. (Здесь Либаний цитирует рассказ Геродота о событиях ок. 512 г. до н. э., когда персидская армия под командованием Мегабиза, полководца царя Дария I, подошла к границам Македонии. Мегабиз направил в Македонию 7 знатных персов послами с требованием от царя Аминты покориться царю Дарию. Аминта согласился, но на последовавшем пиру опьяневшие персы стали приставать к женам и наложницам Аминты. Тогда Александр, сын Аминты, приказал убить послов (присланные в пиршественную залу молодые воины были одеты в женскую одежду и вооружены кинжалами), а также их свиту (V. 17–21). — *Примеч. ред.*)

⁶⁹ В 382 г. до н. э. в Фивы, главный полис Беотии, политически ориентирующийся до того на Афины, при поддержке местных олигархов ворвался отряд спартанцев под командованием Фебида. Спартанский гарнизон разместился в Кадмее, акрополе Фив, а к власти в полисе пришла группа олигархов-лаконофилов. Фиванские демократы во главе с Пелопидом, находившиеся в эмиграции в Афинах, установили связь со своими сторонниками в Фивах и зимним вечером 379 г. сумели, переодевшись в крестьянскую одежду, пробраться в Фивы. К утру весь город был в руках демократов и их сторонников, а члены олигархического правительства («тираны») были перебиты. Спартанский гарнизон в Кадмее был осажден, но вскоре достиг соглашения с фиванцами и удалился из города. — *Примеч. ред.*

⁷⁰ Мать Ахилла Фетида, зная, что ему суждено погибнуть под Троей, спрятала Ахилла во дворце царя Ликомеда на острове Скирос. Там Ахилл жил, одетый в женские одежды, среди дочерей Ликомеда. — *Примеч. ред.*

под Трою, будучи самым низменным человеком. На самом деле, на него, который выдерживал роль девицы, возложен был весь успех у греков⁷¹, и люди, которые далеко стояли от женской внешности, молили того, кто принял на себя таковую, как и мудрость Одиссея после притворного безумия. Ведь и последнему не повредило разума его притворство с запряжкой⁷². Так ни походка, ни маска, ни покрой одежды, ни манера стрижки, ни другое что-либо не может никогда оказаться сильнее доброй воли.

56. Зевс не отказался от своей природы в тех превращениях, о которых мы слышим, но, удовлетворив потребности момента, снова был прежним. И относительно Афины и прочих богов, кому приходило на мысль превращаться, мог бы всякий сказать то же, что, являясь в более низменных видах, они сохраняли за собой свое достоинство. И мне представляется, они стали отцами этого танца, направляя своими превращениями изворотливых из людей к воспроизведению всего. Ведь после богов уже не казалось зазорным принимать всякие образы.

57. Но перехожу теперь к зрителям, как я бы сказал, не развращенным, как гласит твоя речь, погибшим. Они по справедливости, мне представляется, могли бы возразить тебе прежде всего следующими словами: «Мы, Аристид, имея жен, и растя сыновей, и управляя как собственным хозяйством, так и общественными делами, являясь в театр для отдохновения, сидим и смотрим, присуща ли красота тому, что представляют, и, если некоторое наслаждение от танца войдет в душу при посредстве зрения, мы

⁷¹ Жрец Калхант предсказал ахейским вождям, что без участия Ахилла поход под Трою обречен на неудачу. На Скирос было отправлено посольство во главе с Одиссеем. Под видом купцов они разложили перед дочерьми царя женские украшения вперемешку с оружием, и Одиссей приказал своим воинам неожиданно сыграть сигнал тревоги. Девушки в испуге разбежались, а переодетый в платье Ахилл схватился за оружие (Apollod. III. 13. 6–8). — *Примеч. ред.*

⁷² Не желая оставлять любимую супругу Пенелопу и новорожденного сына Телемаха ради похода под Трою, Одиссей притворился безумным, впрягши в плуг вола и осла и засевая свое поле солью. Его разоблачил Паламед, который положил в борозду новорожденного Телемаха, и Одиссею пришлось остановить плуг (Apollod. Epit. III. 7). — *Примеч. ред.*

уходим удовлетворенные и снова принимаемся за трудные заботы курии, попечение, слова, труды. Затем, испытав бремя их, отправляемся для того же наслаждения, глядяваясь в положение ног, движение рук, согласованность жестикуляции, которую ты осуждаешь, вообще благовидность целого.

58. А честен или лукав тот, кто это проделывает, суров или мягок, падок на удовольствия или нет, ни над чем из этого мы, сверх того, не задумываемся, сидя судьями просто танца, как, когда смотрим кулачных бойцов, не расспрашиваем насчет ран, тот, кто наносит большие удары, внимателен ли он к родителям.

59. Каким же образом мы развращены танцем? Что «кивок этих людей больше способствует развращению, чем для сдачи города осадные сооружения других». Увы, какова сила кивков! Они сильнее машин лакедемонян, которые они послали на укрепление Платей⁷³. О каком же развращении ты говоришь? Влекут ли они к себе зрителей или искушают зрителей? Ведь если он, действительно, это подозревает, следовало бы, конечно, ни позволять юношам танцевать, чтобы зрители не возбуждаемы были их молодостью, ни водить юношей зрителями на танец взрослых, ради избежания юношами покушений на них танцоров, так как, когда будут взрослыми обе стороны, и те, которые ходят на представление, и те, кто исполняют зрелище, не будет никакой опасности в среде лиц, уже перешедших юные годы. На самом деле, ты прибегаешь к словам скорее врага, чем человека заботливого.

60. Что, если они даже всячески ломаются и изгибаются, это не есть развращение зрителей, нет ничего легче заметить. Ведь кто не знает, что мы тратим целые дни в театрах для множества разнообразных зрелищ, где можно увидеть кулачных бойцов, других, сражающихся в поединках или нападающих толпою на зверей, третьих — кувыркающихся? Так разве, лишь только увидим,

⁷³ В 429 г. до н. э., во время Пелопоннесской войны, спартанская армия под командованием Архидама осадила Платеи — небольшой полис в Беотии, который традиционно был союзником Афин. В ходе этой осады спартанцы применили осадные орудия, пытаясь пробить стены города, но платейцы с помощью брусев, сбрасываемых со стен, разбили осадные орудия. — *Примеч. ред.*

мы приходим к тому, что становимся похожими на тех самых, на кого смотрим? Разве становимся смелыми под воздействием бойцов, а под воздействием вооруженных получаем склонность к убийствам? Разве охотники нас побуждают выходить на льва? Разве становимся легче в прыжках под влиянием кувыркающихся? И кто замечал что-нибудь из этого на близком своем или сам на себе?

61. А если, действительно, мы уподобляемся тем, кого созерцаем, как же и от этих не получаем такого воздействия? Если же ничего отсюда не сообщается зрителям, то нет вероятия, чтобы сообщалось что-либо и от плясунов. Или искусство этих овладевает душою, а тех не имеет того же влияния? Как же ты не ведешь с эллинами беседы, чтобы не быть кулачной борьбе, не быть панкратию⁷⁴, чтобы гимнастические состязания были свободны от атлетов, если они делают зрителей более дикими? Потому что бить встречного дело более дикой природы, а не состязаниями причиняется порча характера. То же самое мнение должно быть принято относительно нравственно распущенных, что натура их неблагополучна, а не то, что зрелище плясунов повредило их природу.

62. «Вредны их жесты», — говорит он. Очевидно, те, которые подражают женским. Ведь им приходится, если они рассчитывают прославиться, подражать, а хорошо подражать, значит, конечно, как можно более приблизиться к истине. Итак, то, что у них можно увидеть в течение малой части дня, в подражании, то мы все время, непрерывно видим в действительности. Действительно, всякий дом полон женщин, если же женщин, то жестов. К работе, полагаю, примешиваются и жесты. Отдает ли она приказание, просит ли, обещает ли, боится ли или бранит, во всех ее шагах, она то скажет с жестами, то и без слов сделает жест. И мужчинам нельзя их не видеть, раз им неизбежно быть в их обществе. Но всем, у кого есть глаза, во всяком случае предоставлено и зрелище женских жестов.

⁷⁴ Панкратий — многоборье, сочетание борьбы и кулачного боя. — *Примеч. ред.*

63. Так разве мы все развращены жестами женщин и нам было бы к выгоде расстаться с матерью, с сестрой, с дочерью, со служанками и зажмуривать глаза, если они где-нибудь появятся? В самом деле, если способно развратить то, что весьма отстаёт от истины, — подражание, как же можно спастись, глядя на самую действительность. Ведь как для воспитания боевых людей более действительным средством служит смотреть на самые битвы, чем иметь дело с картинами, которые содержат отражение фактов, так, если вреден женский жест, то вреднее тот, который выполняется для действительной надобности, нежели тот, который воспроизводится ради забавы. А ты тех не боишься, а против этих ратуешь, как вредных.

64. И не думай, чтобы я утверждал, чтобы кто-нибудь, обращая внимание на женщин, не оказался иной раз женоподобным, и такой и от плясунов, может быть, получил бы вред. Но ни женщин мы не устраним, если кто-либо, будучи плох, принял их манеры, ни признаком негодности плясунов не будем считать то обстоятельство, что иной зритель оказался порочным. Но в том, что недавно было сказано, были приведены доводы в пользу того, что можно быть целомудренным в среде плясунов. Если же самих подражающих не развращает непременно подражание, как же является вполне неизбежным развращение зрителя?

65. Удивляюсь Аристиду, если он проницательно усмотрел жесты, из-за коих он счел нужным похулить пляску, как дело вредное, а то, что им противоположно, того не захотел заметить, несмотря на то, что и это, и то происходит в один и тот же день, вернее же, в самую малую часть часа. Что же это, о чем я говорю?

66. Если бы пляска, усвоив все то, что принадлежит к женской внешности, и уклонившись от того, что подобает мужчинам, раз навсегда занялась первой и в этом заключалось искусство, и тогда бы она не развращала мужественную натуру, но, может быть, по справедливости встречала упрек, что не сокупила в своем искусстве подражание каждому из двух полов, в чем заключалось бы и более занимательности и при чем не казалось бы, что муж-

ской пол в пренебрежении. Если же она представляет то это, то то, и часто происходит смена из одного в другое, и, прежде чем, как следует, изобразить женщину, плясун перескакивает на воспроизведение мужчины, к чему, разбивая танец на две половины и одну пропуская, а другую выдвигая на вид, ты подкапываешь это занятие?

67. Видал театр Деяниру, но и Ойнея, и Ахелоя, и Геракла, и Несса⁷⁵. Видал бегущую Дафну, но и преследующего ее Аполлона. Видал Аталанту, но не без Мелеагра⁷⁶. Плясун изображал влюбленную Федру, но присоединял и Ипполита, юношу воздержанного. Брисеиду уводят из палатки Ахилла, но уводят вестники⁷⁷. Видал ты женщину, видал и мужчин. Видал колесницу на море, дар Посейдона, везущую невесту, приз за конное состязание. В той же колеснице увидишь и Пелопса⁷⁸.

⁷⁵ Мифологические герои, связанные со второй женой Геракла, Деянирой: Ойней (Эней) — царь Калидона, учредитель виноделия, отец Деяниры; Ахелой — могущественное речное божество одноименной реки в средней Греции; Ахелой сватался к Деянире, но Геракл победил его в единоборстве; Несс — кентавр, перевозивший путников через реку Эвен; он попытался похитить Деяниру и был за это убит Гераклом. — *Примеч. ред.*

⁷⁶ Согласно аркадской традиции, Аталанта была воспитана охотниками и сама стала искусной охотницей. Она принимала участие в охоте на калидонского вепря, первая поразила его стрелой, а уже обессиленного вепря добил копьем Мелеагр, сын калидонского царя Ойнея (Энея). В ходе возникшего спора из-за шкуры зверя, которую должен был получить наиболее отличившийся, Мелеагр присудил трофей Аталанте, у которой его отнял Плексипп, дядя Мелеагра по матери. Взмешенный Мелеагр убил Плексиппа и двух его братьев (по другой версии — сыновей Фестия). — *Примеч. ред.*

⁷⁷ Этот сюжет изложен в I книге «Илиады». Брисеида, дочь царя Мисии Бриса, была захвачена греками и, как доля в военной добыче, была отдана Ахиллу. Она становится его любимой наложницей, но позднее Брисеиду у Ахилла отнимает Агаменон, что вызывает возмущение Ахилла, отказавшегося от участия в боевых действиях. Из шатра Ахилла Брисеиду увели вестники Агамемнона, Талфибий и Эврибат (II. I. 320–321). — *Примеч. ред.*

⁷⁸ Пелопс, сын Тантала, в греческой мифологии царь Фригии, затем Пелопоннеса. Юный Пелопс рос на Олимпе, в обществе богов. Отличаясь красотой, он стал возлюбленным Посейдона. Посейдон подарил ему крылатую колесницу, которая могла мчаться по морю. На конном состязании в Писе (будущей Олимпии) Пелопс благодаря крылатым коням Посейдона и вероломству

68. Много показал он тебе девиц Ликомеда, и рукоделья девиц, и их орудия, прялку, веретено, шерсть, основу, лопатку, воспроизвел и Ахилла, принявшего на себя вид девицы⁷⁹. Не бойся! Не остановит пляску на этом, но и Одиссей подходит к дверям, и Диомед с трубою⁸⁰, представляет он и настоящего Ахилла вместо кажущегося. И если понадобится представить его в Трое, увидишь героя убивающим, потрясающим копьем, пугающим и приводящим в смятение и убивающим Гектора⁸¹, влачащим труп и прыгающим дальше, чем в пятиборье.

69. Вот каково то, что ты унижаешь. Тому и можно подивиться, если то, что происходит на пятиборьях, ты не изгоняешь из Олимпии, а что их превосходит, то желаешь осуждать. И пословица говорит «дальше вырытого предела», восхищаясь теми, кто превзошел меру скачка, а ты самое превосходство над пятиборьями⁸² в скачке ставишь в вину. А между тем, что же ты постарался восхвалить больше этого [победы] в начале? Таково дело истины. Часто она побеждает клевету и обвинителя делает поневоле хвалителем обвиняемого.

70. Но возвращаюсь к тому, что подражание распространяется на тот и другой пол, принимают ли плясуны на себя роль людей или богов. Тот, кто представляет Геру, и Афродиту, и Персефону, представит и Зевса, и Ареса, и Плутона. И если кто скажет, что он изображает свадебные обряды, и веселую процессию, и танец,

возницы Эномая, Миртила, вышел победителем и получил царский престол вместе с рукой дочери Эномая, Гипподамии. — *Примеч. ред.*

⁷⁹ См. сноски к § 55. — *Примеч. ред.*

⁸⁰ Согласно более распространенной версии предьстории Троянской войны, изложенной у Аполлодора, в воинский рог сигнал тревоги протрубил именно Одиссей, пытаясь определить Ахилла среди дочерей Ликомеда на о. Скирос (III. 13. 8). Однако практически во всех версиях Диомед был участником этого посольства ахейцев. — *Примеч. ред.*

⁸¹ Гектор, сын Приама, главный троянский герой в «Илиаде». Сюжет о гибели Гектора в единоборстве с Ахиллом у Скейских ворот описан в поэме весьма подробно (XXII. 25–360). — *Примеч. ред.*

⁸² Олимпийское пятиборье (пентатлон) включало в себя бег на стадию, метание диска, метание копья, прыжок в длину, борьбу. — *Примеч. ред.*

пусть услышит в противовес о битве Лапифов с Кентаврами⁸³ и укротителе разбойников, и Тавра, и Минотавра — Тесея⁸⁴, и о Геракле, распространяющем свои труды до золотых яблок⁸⁵. Так развращают ли они скорее подражанием своим женщинам или приносят пользу изображением мужчин? Ведь, если, когда делают первое, расслабляют души, то, когда представляют второе, возбуждают души, следовательно, разве портят скорее, чем делают тверже?

⁸³ Лапифы — в греческой мифологии фессалийское племя, обитавшее в горах и лесах Оссы и Пелиона, отличающееся диким, воинственным и независимым характером. Лапифы были родственны кентаврам (их родоначальники, Лапиф и Кентавр, были родными братьями). Пирифой, царь лапифов, справляя свадьбу с Гипподамией, пригласил на свадьбу кентавров, как родственников невесты. Впервые выпив вина, кентавры набросились на женщин. Лапиф и Тесей, присутствующий на свадьбе, убили большую часть кентавров, а остальных изгнали. Однако вскоре кентавры собрались с силами и напали на лапифов, разгромили их и вынудили бежать на гору Фолою в Аркадии, а затем на полуостров Малею. — *Примеч. ред.*

⁸⁴ Речь идет об известных подвигах Тесея, одним из которых было описываемое выше участие в разгроме кентавров на свадьбе его друга Пирифоя. Кроме того, еще в юности, направляясь из Трезена от своей матери Эфры к отцу Эгею в Афины, Тесей на пути от Мегар до Афин победил и убил: разбойника Перифета, убивавшего путников медной палицей; разбойника Синиса (по прозвищу «сгибатель сосен»), жившего в сосновой роще и расправлявшегося с путниками, привязав их к двум согнутым соснам; разбойника Скирона, заставлявшего путников мыть ему ноги и сбрасывавшего их пинком в пропасть, где их съедала гигантская черепаха; разбойника Керкиона, заставлявшего путников бороться насмерть; разбойника Дамаста (по прозвищу Прокруст), укладывавшего путников на свое короткое ложе и отрубавшего выступающие части тела (подробно описано в биографии Тесея у Плутарха). «И Тавр и Минотавр» Либания — это собственно Минотавр (греч. «бык Миноса») — чудовище с телом человека и головой быка, помещенное Миносом в Кносском лабиринте. Тесей, добровольно отправившийся на Крит вместе с афинской данью (7 юношей и 7 девушек в искупление за убийство афинянами Андрогее, сына Миноса), был помещен вместе со спутниками в лабиринт и убил Минотавра. — *Примеч. ред.*

⁸⁵ Одиннадцатым подвигом Геракла был поход за золотыми яблоками к Гесперидам, жившим на краю света. Сам Геракл достиг лишь страны гипербореев, где встретил Атланта, поддерживавшего небесный свод. По совету Прометея Геракл послал Атланта за яблоками Гесперид, а сам в его отсутствие держал небо. — *Примеч. ред.*

71. И я не говорю того еще, что собственный пол способен призвать к соревнованию, а чужой слаб, так что необходимо мужчинам следовать мужским манерам, а не поддаваться женским. Но оставляю это, и пусть в равной мере для каждого допущен будет со стороны одного вред, со стороны другого спасение. Итак, если бы они вообще представляли или то, или это, они или целиком наносили бы вред женскими подражаниями, или целиком пользу мужскими. А так как они танцуют попеременно то и другое, то способное принести пользу, скажем, встречает препятствие в полезном воздействии во вредном, а способное вредить подвергается тому же со стороны лучшего элемента пляски, так что одно становится бесполезным вследствие того, что — вредно, а другое безвредным вследствие полезного. Итак, ни ты не вини пляску, как вредную, ни я не стану утверждать, что она ведет к добродетели, но что вся ее задача увеселять зрителя. А безвредное удовольствие здравомыслящим людям представляется делом завидным и из числа тех, какие не заслуживают скорее поношения, чем похвалы.

72. Итак, я защищаю речами своими за пляску и поэтов, а Аристид в речи против пляски уличается в гонении и на поэтов, Гомера, Эсхила, Еврипида, Софокла, Менандра, многих других. Как так? Потому что все они воспроизводят женщин⁸⁶, и тогда их больше всего и хвалят, когда они особенно удачно воспроизводят их и бывает сохранено сходство с каждой, и настолько больше, чем плясуны, они воспроизводят их, насколько сочиненное слово больше безгласного движения. И один входит в самую душу и водворяется в ней, а плясунам достаточно не отстать от фигур.

73. Выступив, скажи: «Древних развращала трагедия, развращала и комедия, Гомер губил Грецию и вперед Греции себя, воспроизводя плачущих Брисеиду и Пенелопу и раненую Афродиту»⁸⁷. Скажи, что нужно и теперь запретить школы для поэтов,

⁸⁶ В античном театре актерами были только мужчины, игравшие и женские роли с помощью масок и котурн. — *Примеч. ред.*

⁸⁷ Брисеида, хотя и стала наложницей Ахилла по принуждению, однако привязалась к нему и рыдала, когда ее уводили к Агамемнону. Пенелопа — жена

запереть для актеров театр, дабы трагик, вошедши, не стал изображать Пасифаю, впавшую в неестественную страсть⁸⁸, а в свою очередь комический актер — женщин, рождающих у Менандра⁸⁹, и многое другое.

74. Почему же, наконец, предоставляешь ты войти им, которые вдвойне воспроизводят женщин, словом и орхестическими фигурами?⁹⁰ Или не знаешь того, что, кто не внесет вместе с речами фигуры, губит благозвучие неподвижностью, когда наступает пора, требующая движения? Поэтому многие превосходные голосом, не располагая уменьем хорошо действовать, доставляют меньше удовольствия, а многих, кому недостает голоса, преимущества игры⁹¹ ставят вперед лучших. После этого, один, войдя в роль Плангоны и лицом, и костюмом, и решительно во всем, в чем можно, воспроизводя женщину, не повергает театр в заторные удовольствия, а когда плясун передвинет руку, присутствующие уходят полные женоподобия и вперед их уходит таким тот?

Одиссея, преданно ожидающая возвращения мужа из троянского похода. Афродита участвует в Троянской войне на стороне троянцев, вмешивается в сражение, пытается спасти троянца Энея, и получает ранение от руки ахейца Диомеда, руководимого Афиной (попал копьем в руку богини у кисти — II. V. 336–339). — *Примеч. ред.*

⁸⁸ Пасифая, в греческой мифологии дочь Гелиоса, жена Миноса. По одной версии, когда Минос отказался принести в жертву Посейдону великолепного быка, посланного на Крит самим Посейдоном (хотя первоначально Минос и обещал это сделать), Посейдон внушил Пасифае противоестественное влечение к этому быку. По другой версии, страсть к быку у Пасифаи возникла под влиянием Афродиты, которая отомстила ее отцу Гелиосу за то, что он открыл мужу Афродиты Гефесту ее связь с Аресом. В результате связи с быком у Пасифаи родился Минотавр (чудовище с головой быка и телом человека). — *Примеч. ред.*

⁸⁹ Например, Плангона, героиня одной из комедий Менандра (см. § 74). — *Примеч. ред.*

⁹⁰ σχηματά τ' ὀρχησις τόσα μοι πόρε, ὅσσ' ἐνὶ πόντῳ <...> κύματα νῦν ὁλοή, ο Φρινιхе у Плутарха, De musica. (Орхестические фигуры — плясовые, танцевальные движения. — *Примеч. ред.*)

⁹¹ σχηματίζεσθαι, в данном случае близко к этому понятию.

75. И сражаясь с Платоном за трагедию и комедию, ты по необходимости хвалишь и их танцы. А в последних есть даже и кордакс⁹². После этого, разве не возмутительно, что в театре есть место кордаксу и его не винят, что он развращает посетителей, а о танце, где больше всего старания, чтобы нигде не обнажаться, он худого мнения и к тому же мнению склоняет прочих.

76. Но мы не будем держаться больше твоих слов, чем самых фактов. Что же говорят факты? Скорее же ответь мне: управлять городами и убогаживать провинцию и многим вместе доставлять благоденствие — дело ли души, дурно воспитанной, и развращенной, и полной наслаждений, и отягченной недугами, или, напротив, воспитанной, целомудренной, очищенной, легкой, пронизательной, неподатливой наслаждениям, мужественно добывающейся справедливости и дающей ей перевес над несправедливостью.

77. Я не считаю ничего важнее для испытания души, как начальствование, и полагаю, таков же смысл и пословицы, которая гласит, что муж обнаруживает себя во власти. Так вот, из этих людей, относившихся к танцу без всякой антипатии, некоторые, назначенные на правительственные посты, как бы управляли городами, если они были развращены? Хочешь, изложу тебе? Пренебрегали бы богами, изгнали бы справедливость, преступали бы законы, продавали бы свой приговор, провели бы время, числясь в ряду самых незаконных и воюя с самыми лучшими, деньги, одни ворую, другие отнимая, угождая желудку, будучи привержены к пьянству, бесчестя мальчиков и женщин одинаково.

78. Но ничего из этого не видишь ты, но то, чего молил бы кто-нибудь для детей и друзей. Немалое число из них стали и были провозглашены спасителями городов, приняв похвалу, лучший венок, чем из Писы⁹³, применив страх, убеждение, наказание, по справедливости и как каждому нужно, одним устраняя неизле-

⁹² Кордаком в аттической комедии называлась пляска хора, в которой представлялось состояние опьянения — покачивания, неуклюжие и непристойные движения. — *Примеч. ред.*

⁹³ Т. е. чем венок олимпийского победителя. — *Примеч. ред.*

чимое, другим направляя то, что способно уступить, третьим сдерживая готовую проявиться разнузданность, не оставляя без призора благонравного элемента в бедности, заграждая пути к неправому богатству, отталкивая вино, избегая роскоши, подавляя силу сна, помогая приговором своим справедливости, сохранив величину городов, малость их изменив, с одинаковыми руками получив власть и ушедши с нее [т. е. без взяток]. Не утверждаю того, чтобы они стали добродетельными под влиянием плясунов, но заявляю, что сделаться таковыми плясуны им не помешали.

79. И приливает толпа риторов и декурионов каждого города, из коих никто, можно сказать, не остался без зрелища плясунов, и не примет молчаливо твой упрек, будто он развращен, так как имеет за себя свидетельство самых фактов, что он здрав. Клянусь Зевсом, сам-то ты разве имел бы охоту исполнять свои речи для людей развращенных, возбуждать восхищение у людей таких свойств, и пребывать в городах, страдающих подобными недугами? Но оставляю пребывание: много бывает понудительных причин, по каким иной живет, где бы не желал.

80. Но разве не постыдно добиваться похвалы со стороны развращенных людей? Так, утверждая, что увещаешь одних только лакедемонян, так как знаешь, что прочие рассердятся на слово, где ты сочинял много прекрасных своих речей? В каких из городов читал? Чьими рукоплесканиями возносился? Полагаю не Спарту сделал ты мастерскою искусства, не у Еврота пустил поток словес, но посетил Геллеспонт, Ионию, Пергам, Смирну, Эфес и «первый, породивший беду», как ты сам говоришь, Египет⁹⁴. Ты посетил и Рим, где в чести искусство танца.

81. Итак, в обвинении этих людей ты говоришь, что города развращены, а в своих действиях признаешь, что города добронравны. Выбирай же одно из двух, или то, что оказываешься

⁹⁴ В Египте танцы были в большом почете со времен фараонов. Существовали различные виды хореографии — развлекательные, гаремные, ритуальные (жрецов), религиозные, военные. На улицах городов и на различных праздниках всегда было много танцовщиц, развлекавших прохожих и гостей. — *Примеч. ред.*

приверженным к развращенным людям, или то, что твое обвинение недобросовестно. Их — не знаю, за какие с их стороны неприятности тебе, — ты так ненавидишь, что, ради злословия им, винишь в непотребстве вселенную, если, действительно, одни зашли в своей низости так далеко, что даже не потерпели бы упоминания о прекращении порока, лакедемоняне же, уже долгое время допускавшие развращение и довольные им, поступают в такой степени противно законам, что не снесли бы даже лицемерия Ликурга, если бы он внезапно появился.

82. После этого, неужели ты не понимаешь, что вонзаешь меч в прочих сквозь себя? Ведь неопытному в зрелище плясунов невозможно было бы, конечно, рассказать об этом предмете подробно, а кто хоть сколько-нибудь принимал участие в зрелище, по твоему утверждению, тотчас заражался порчею. Поэтому наш достойный Аристид не избегает того, чтобы не оказаться одним из совращенных. «Но он видел, однако не развратился». Прекрасно сказано, и я согласен. Так пусть он допустит, что и прочие остались во время зрелища добродетельными, и пусть считает, что и у других есть попечение и внимание к элементу чести.

83. «Они, — говорит он, — погибель и зараза городам». Прежде чем явиться этой пляске, скажи, все жили жизнью жрецов и пророков? И от них стали жертвами разврата Клисфен, Филоксен, Аминий, Аристодем, Бафилл, Диогнет, Дим, Клиний, Агафон, Хрисипп, Полипед, Гармодий, Ктесипп, Филипп, Тимарх⁹⁵,

⁹⁵ Клисфен — женоподобный афинский юноша, персонаж комедий Аристофана (он именует его уничижительным прозвищем «широкозадый»). Филоксен — афинянин, женоподобный развратник, персонаж комедий Аристофана. Аминий — в греческой мифологии юноша, безуспешно добивавшийся любви Нарцисса и лишивший себя жизни на пороге его дома. Аристодем — трагический актер, современник Эсхина и Демосфена; родом из Метапонта, но получил гражданские права в Афинах и даже принимал участие в афинском посольстве к Филиппу II Македонскому. Бафилл — актер — исполнитель мимов в Риме эпохи имп. Августа, разработавший начальные формы пантомимы как особого вида искусства; также этим именем звали юношу, чью красоту воспевал Анакреонт. Диогнет — брат афинского полководца Никия (втор. пол. V в. до н. э.), был замешан в скандальный политический процесс. Дим (Дем) афинский юноша, известный своей красотой, упоминается в ко-

множество других? Что же? Ими обучены были гоняться за мужчиной Евмнест, Фрасилл, Лай, Аристокитон, Паммен, Демократ, Хабрий, Мисгол, Каллий, Критий, Павсаний, Архидам⁹⁶, цари лакедемонян, цари восхваляемого города?

84. Да к чему перечислять всех — дело целого пятилетия, — но не сказать того, что если с этими плясунами привзошла беззаконная Афродита⁹⁷, обвинения софиста были бы своевременны?

медиях Аристофана и диалогах Платона. Клиний — младший брат Алкивиада, которому источники приписывают любовные связи с политическими деятелями того времени (втор. пол. V в. до н. э.) — Ктесиппом, Критобулом и Хармидом. Агафон — афинский поэт-трагик втор. пол. V в. до н. э., в юности был известен своей красотой; в него был влюблен Еврипид, который написал в его честь трагедию «Хрисипп». Хрисипп — в греческой мифологии сын Пелопса, похищенный фиванским царем Лаем и обесчещенный им; от стыда покончил с собой. Полипед — юноша, адресат стихов Феогнида, известен также как Кирн. Гармодий — афинский тираноубийца VI в. до н. э., состоял в любовной связи со своим соучастником Аристокитоном. Ктесипп — сын афинского полководца Хабрия, любитель наслаждений (Платон в «Евтидеме» сообщает о его связи с Клинием); за свое поведение был объектом насмешек афинских комедиографов. Филипп II, царь Македонии, состоял в любовной связи с Александром, будущим царем Эпира; молва приписывала ему и другие связи. Тимарх — известный афинский политик, против которого в 345 г. до н. э. Эсхин выдвинул обвинение в проституции; признанный виновным, Тимарх повесился. — *Примеч. ред.*

⁹⁶ Евмнест — неизвестный персонаж. Фрасилл — афинский военачальник и политический деятель последних лет Пелопоннесской войны. Лай — в греческой мифологии фиванский царь, похитивший Хрисиппа (см. выше). Аристокитон — тираноубийца, состоял в любовной связи с Гармодием (см. выше). Паммен — фиванский военачальник, в доме которого в юности жил Филипп II Македонский. Демократ — афинский оратор, современник Демосфена. Хабрий — афинский военачальник IV в. до н. э., отец Ктесиппа (см. выше). Мисгол — афинянин, известный особенно распутной жизнью, о чем говорится в произведениях аттических комедиографов; известна его связь с Тимархом (см. выше). Каллий — один из аттических комедиографов, известна его связь с Автоликом. Критий — ученик Сократа, один из «тридцати тиранов» в Афинах. Павсаний — царь Спарты (408–394 гг. до н. э.), послал на смерть своего возлюбленного, уроженца г. Аргила, однако тот обвинил царя перед эфорами в заговоре. Архидам, сын Агесилая, будущий царь Спарты в 360–338 гг., был влюблен в Клеонида, сына Сфодрия, и помог ему освободить Сфодрия от судебного преследования. — *Примеч. ред.*

⁹⁷ ἡ παράνομος Ἀφροδίτη, ср. § 54. Julian. orat. II, pg. 130.

Если же были люди, оскорблявшие естество, еще раньше, чем получила общественное значение пляска, какое основание кому-либо связывать явление, настолько более раннее, чем пляска, с нею, явившеюся значительно позже? Как если бы он утверждал, что и горячка, и прочие недуги — изобретения плясунов.

85. А про Менелая утверждаешь ты, что он сам бросил меч, не имея возможности обвинить в низости плясуна, если только не был таким Мерион?⁹⁸ А беотийцам какой плясун учредил скверный закон, что самое честное угодить поклоннику? А кто убедил Элиду применить эти самые и открыть погоню за юношами людям, увлеченным красотой?⁹⁹ И то, что танца этого в древности не было, не заставляло города быть добронравными, и после того как он явился на сцену, он не повел к разнузданности, но воле законов следует, как прочее, и этот предмет, встречая препятствие в их строгости и поощрение в их мягкости.

86. Итак, где этот порок одобряется, там он распространен, где умеренно наказуется, умеренно и дерзают на него. А где справедливость надлежащим образом получила вес, там ему воздвигается преграда. С той же поры, как явились плясуны, говорю о нынешних, совершающим такой проступок наказанием служит смертная казнь. Поэтому, если у беотийцев отсутствие страха всех толкало одних гореть страстью, других удовлетворять ей, нынешняя угроза высшим возмездием одних, юношей, блюдет в их целомудрии, а других достаточно удерживает от проступка, так как постыдный позыв преодолевается любовью к жизни.

⁹⁸ Менелай, сын Атрея, царь Спарты, один из предводителей похода ахейцев под Троию. Несколько раз в бою проявлял личную доблесть, в частности, сражался у тела Патрокла и вместе с Мерионом вынес его. Мерион, внук Миноса, участник Троянской войны, предводитель критского контингента. В традиции упоминается о его любовной связи со сводным братом Идомением, с которым Мерион был совместно похоронен в Кноссе. — *Примеч. ред.*

⁹⁹ В данном случае Либаний цитирует «Пир» Платона: «В Элиде, например, и в Беотии, да и везде, где нет привычки к мудреным речам, принято просто-напросто уступать поклонникам... и никто там, ни старый, ни молодой, не усматривают ничего предосудительного в этом обычае» (182; пер. С. К. Апта). — *Примеч. ред.*

Следовательно, если до плясунов была свобода для надругательства, а в их время смерть — кара насильникам, как же так плясуны, с той поры как они существуют, зараза городам?

87. Он порицает песни и хор, последний, как составленный из пустых мужчин и легкомысленных женщин, а песни, как песни изнеженного характера и вредные для храбрости, как будто и он, и мы не увидали бы с удовольствием лучший хор и не послушали бы лучших песен. Следовало бы, чтобы некоторый отзвук музыки Анакреонта составлял для них песни¹⁰⁰. Ведь это в одно и то же время и украсило бы пляску им, и увеличило бы угощение, преподносимое зрителям. Но если они не располагают Сапфо¹⁰¹, разве поэтому они обижают? Как если бы кто-нибудь порицал доблесть передовых борцов за плохие качества обоза. Было бы лучше, полагаю, дозволяя пляску, исправить постановку хора, чем по винам хореvтов упразднить пляску.

88. Итак, я бы не сказал, чтобы песни соответствовали строгим правилам музыки, но не могу найти, чем они вредят слушателям. А ты, рассматривая характер музыки, говоришь правду, но о постороннем данному предмету. Ведь мы являемся не с целью послушать благородных песен и посвятить внимание им, и нет убытка не удержать в памяти, кто что услышал, но мы требуем только одного, чтобы голос служил фигурам танца. Ведь танец выполняется не в песнях, но ради танца изобретена песня. И мы выносим суждение о дне по красоте или безобразию танца, а не по словам и ритмам песен, но о последних мало речи, а рассмотрение посвящено моряку, охотнику и пастуху.

89. Если же ты утверждаешь, что музыка проникает в души, ты говоришь о той, которую усваивали, посещая школу музыканта

¹⁰⁰ Анакреонт (570/559–485/478 гг. до н. э.) — лирический поэт, включен в канонический список Девяти лириков. Стихи Анакреонта, написанные на ионийском диалекте греческого языка, предназначались для сольного пения или декламации в сопровождении музыкального инструмента. — *Примеч. ред.*

¹⁰¹ Сапфо (ок. 630–572/570 гг. до н. э.) — поэтесса, происходила из Митилены (о. Лесбос). Является одной из виднейших представительниц монодической мелики (песенной лирики). — *Примеч. ред.*

на кифаре, юноши, ходившие к Конну, учившиеся у Лампра¹⁰², больше рвения отдавая этому предмету, чем палестрам или письму, или, если угодно, равное, временем, трудом и учением приобретая благо музыки. Поэтому научившийся смеялся над не научившимся, и подвергался насмешкам тот, кто не умел приложить руки к струнному инструменту. Если же прослушать мельком было бы одинаково с изучением, и первое одинаково влияло бы на души, тогда театры, при совместном слушании, делали бы всех одинаковыми.

90. Таким образом, и теперь, если ты не укажешь, что сочинители этих песен окружены учениками, и знакомят с песнями, и люди с ними одинаково стараются сблизиться, как с софистами, нет никакого вреда от хора душам, напряженно следящим за танцем, а песни не придающим такого же значения. Поэтому они не разнеживаются и не уходят совсем унылыми, — к этому сводится у тебя понятие расчувствоваться.

91. Если же песни не позволяют в каждом кипеть гневу, величайшее благодеяние вселенной остается сокрытым. Ведь когда народ наслаждается мирным временем, если гневливость не будет смягчаема, не имея возможности быть израсходованною в войнах, она вызывает у толпы повод к мятежам. Но если песни их зачаровывают, как некоторых змей, и настраивают к довольству миром, города, спасаемые песнями, пренебрегли поэтами, оказывавшими самое крупное благодеяние.

92. Таким образом, если даже скажем, что ты говоришь совершенную правду, речь эта благоприятна для песен, а что не вполне искореняют и не сразу распускают они природу гнева и что не всякий слушатель сидит расслабленным, это очевидно вот из чего. Когда, разделившись в своем рвении, один на сторону этого, другие того, третьи — иного, они поднимут резкий крик и, вступив в столкновение, станут спорить, каждый поставляя вперед прочих того, кого избрал, рукам, по сдержанности своей, воли не

¹⁰² Конн — кифарист, у которого учился Сократ. Лампр — музыкант, учитель Софокла. Оба были предметом шуток у аттических комедиографов. — *Примеч. ред.*

давая, но на словах сражаясь, по своей энергии, тогда они внушают тем, кто на них посмотрит, что не стали от песен слишком изнеженными.

93. Опять, следовательно, Аристид оказывается одним из ослабленных. Ведь он говорит, что тот, кто склоняет к ним слух, развращен. К склонившим слух принадлежит у нас и сам Аристид. Некоторые из мальчиков, прислуживающих господам, бегающие на рынок и оттуда домой, поспешая по переулкам, поют те песни, которые запомнили, так что и не желающим приходится слышать их и вследствие непрерывности и у не желающих слышать иногда они закрепляются в памяти. Значит, и ты развращен. Или, по образцу Замолксиса, ты жил под землею и избегал морской воды?¹⁰³ Или ходил, заткнув уши воском, и проплывал мимо Сирен?¹⁰⁴ Ведь ты винил песни и не стал бы отрицать, что поступаешь несправедливо, если не исследовал, как подобало, все вредное в них. А этого нельзя было сделать, не слыхав песен. Итак, ты был слушателем песен и бросил щит.

94. Да что долго говорить? Чем я доказывал, что зрителей таец не развращал, где я упомянул и о правителях, это служит доказательством в защиту и песен. Ведь те, кто вместе с пляской воспринимали и песни, если они оказались нравственными,

¹⁰³ ἄλμην — чтение, восстанавливаемое по рукописи Förster'ом. Reiske предлагал λύμην или λώβην, Prinz ἄτην. (Замолксис или Залмоксис — полумифический деятель гетов (фракийцев) и/или местное божество. Традиция о Залмоксисе в античности весьма разнообразна, но Либаний цитирует самую раннюю версию — рассказ Геродота (V. 95). Согласно этой версии, Залмоксис был на Самосе рабом у Пифагора и многому у него научился. Вернувшись разбогатевшим во Фракию, он соорудил роскошный обеденный покой, куда приглашал представителей знати и убеждал их, что они не умрут, а перейдут в такую обитель, где их ожидает вечная жизнь и блаженство. В это же время по приказу Залмоксиса тайно строилось специальное подземное помещение. Когда оно было готово, Залмоксис исчез, спустившись в подземелье, и прожил там 3 года. На четвертый год он явился фракийцам, которые уверовали в его учение. — Примеч. ред.)

¹⁰⁴ Сирены своим пением привлекали моряков и пожирали их. Одиссей залепил уши своих спутников воском и тем спас их от Сирен (Homer. Od. XII. 166–200). — Примеч. ред.

свидетельствуют, что ни то, ни другое не ведет к развращению. Действительно, если бы танец не был злом, но песни — таковы, во всяком случае, они были бы развращаемы, если не тем, то этими. На самом деле, они не были развращены. Итак, и то, и другое непричастно порче. Ты же больше, чем нужно, строг и срезаешь прелести мирной поры, как с луга.

95. Следовательно, та речь, какую он особенно привлек к себе толпу и какая у большинства на устах, — а те, кто привыкли восхищаться, не отдают себе отчета, почему восхищаются, — скорее похожа на слово тирана, чем на доказательную речь. Так, помянув о стуке ногою¹⁰⁵ людей, помогающих исполнению, он говорит, что у них надо бы отнять всю ту часть ноги, сколько выставляется из сандалии. Почему, ради богов? Или только потому, что ты так решил? Значит, занимая положение оратора, ты присваиваешь и роль судьи, от доказательства того, что они вредят, уклонившись, но говоря, чему бы следовало их подвергнуть, если бы они были уличены? Нет, но уличи. Ведь ты — обвинитель, а назначать наказание дело другого лица. Но, полагая, он назначил наказание, не будучи в состоянии по отсутствию улик утверждать, что те, кто вызывают шумные одобрения, ведут к изнеженности.

96. «Ногою, — говорит он, — ломая сцену». Значит, ты скорбишь за подмостки и в том твоя претензия? Но разве ты вообще тяготишься стуком? Значит, те, кто мечами ударяют в щиты в строю и вперед потрясают души страхом, заслуживают, чтобы им были отрублены руки в длину мечей? А те, кто угрождают богам кимвалами¹⁰⁶, — и тут нередко предоставлена работа и ногам, —

¹⁰⁵ τὰ ἀπὸ τοῦ ποδὸς ср. стр. 321, примеч. 2 [463, 13].

¹⁰⁶ Кимвалы — парный ударный музыкальный инструмент (совр. тарелки), представлявший собой небольшие бронзовые тарелки. В античности кимвалы были принадлежностью оргиастических обрядов Диониса и Кибелы, а в имперский период в Риме — просто как музыкальные инструменты. Упоминаемый далее тимпан — ударный музыкальный инструмент — мембранофон (предшественник совр. литавр). В Элладе это был односторонний барабан с длинным резонатором, используемый также в оргиастических культах Диониса и Кибелы. В римскую эпоху это был уже двусторонний барабан. — *Примеч. ред.*

и те, кто умилоствуют божество тимпанами, чему заслуживают подвергнуться? Сколько надо отрубить им?

97. Но, чудной человек, плясунам нужно больше стука, который направляет, как надобно, песни хора и будет содействовать ритмичности движений плясунов. А такой стук простой ногой достаточен не был бы. Нужно, чтобы известная железная палочка, исходящая от подошвы, производила достаточный звук. Вот почему, следовательно, ты отнимаешь ногу у помощников и подражаешь той древней жестокости¹⁰⁷, советуя отрубать ноги, как некоторые — руки, скорее же, по тем же соображениям, и руки, и головы, руки, сколько их носит бубен, так как они стремятся производить с помощью их больше шума, головы, потому что они надели на них шлемы, а над ними подняли султаны.

98. Трагики же делай короче, подрезая колени, так как, поднявшись на котурны¹⁰⁸, они ухитрились превзойти прочих, а трубача тебе остается зарыть живым, так как ни одна часть его тела, скорее даже, и все тело, не равны мерою трубе. Опускаю многое, лук, стрелу, дротик, копье, кирку, плуг, что, раз восторжествует твое решение, будет причиною увечья людям, ими владеющим. Ведь если надлежит отрубать у людей от тела столько, каковы орудия, в коих они нуждаются, то, смотря по величине этого орудия, одни подвергнутся смерти Гипполоха¹⁰⁹, другим, если они не замедлят подвергнуться возмездию, надлежит сравняться с

¹⁰⁷ Имеется в виду предание о прокрустовом ложе — разбойник Прокруст укладывал путников на короткое ложе и отрубал выступающие части тела. — *Примеч. ред.*

¹⁰⁸ Котурны — высокие открытые сапоги из мягкой кожи на высокой подошве. Использовались актерами при исполнении трагических ролей, поскольку зрительно увеличивали рост и делали его поступь более величавой. — *Примеч. ред.*

¹⁰⁹ Гипполох — троянец, убитый Агаменом, — см. Гомер. II. XI 144–147: «В грудь он копьем пораженный, ударился тылом о землю. Спрянул с коней Гипполох; и его низложил он на землю, Руки мечом отрубивши и голову с выей отсеки; и, как ступа, им толкнутый, труп покатился меж толпищ» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

детьми Алоея¹¹⁰, так что и за те осадные орудия, какие подвигают к стенам, предстоит поплатиться. Видишь, куда доходит дело, вследствие гнева твоего на сандалию.

99. Далее, может быть, иной возразит: «Почему же, если считаешь, что этот предмет свободен от вреда, сам воздерживаешься от него и не пускаешь юношей?» Это потому, что таков, любезнейший, мой труд, что едва удастся располагать досугом на неотложные потребности. Ведь Гермес, являясь, отвлекает и от трапезы, и от ванны, и приходится, отказавшись от всех посторонних удовольствий, быть приковану к речам. Поэтому и толпе я представляюсь тяжелым¹¹¹, так как они не принимают во внимание необходимости, которая замыкает меня безвыходно. Я же стал даже изменником своему здоровью вследствие ненасытности в трудах и, нисколько не уступая внушениям близких и друзей, представляюсь безрассудным. Как же, следовательно, стал бы я являться на спектакль и повиноваться зазыву плясунов, будучи связан столь любимым предметом дома?

100. Юноше же будет можно смотреть на плясуна, теперь же нельзя, и ревность в чем впоследствии не будет для него непозволительной, к тому теперь приверженность его не будет благоразумной. Почему? Из Дельф приходит к тебе совет, который хвалит надлежащую пору. Настоящее же время пора чего? Трудов и ученья. А последующее пора чего? Вместе серьезных занятий и развлечений. Итак, тот, кто торопится, преступает своей поспешностью закон и терпит убыток от преждевременности.

101. Но соблюдение поры не означает негодности пляски. Ведь и конные состязания, которые ты нигде не порицаешь, я считаю вредными для юношей, если от речей они отвратятся к ним. Так и служба декуриона и браки — похвальные и справедливые вещи, и в них величайшая прочность и спасение городам, но если

¹¹⁰ Сыновья Алоея, сына Посейдона — великаны От и Эфиальт. Славилась непомерной силой и гигантским ростом. Они угрожали богам взгромоздить гору Осса на Олимп, а на Оссу — гору Пелион и достичь так неба; оба были убиты стрелами Аполлона (см. *Homer. Od. XI 305–320*). — *Примеч. ред.*

¹¹¹ *Ср. orat. II, т. II, стр. 58 [79] след.*

женятся и отправляют службу декуриона те, кому еще это не по-добает, и не будет соответствия того, что делается, со временем, по природе прекрасное, лишенное подобающей поры, выходит не таким. Пусть сейчас юноша будет принадлежать красноречию, как плаватель морю, а когда оба вступят в гавань, тогда купцам обеих будет предоставлено угождать душе сценическими развлечениями. А тот, кто недозволение юношам смотреть принимает как довод против пляски, поступает подобно тому, кто хулит ее за то, что переплывающим море нельзя иметь зрелищ во время плавания.

102. Итак, вот чем я сам мог вызволить от клеветы предмет, но, пожалуй, от лучшего ритора может найтись и большая помощь плясунам. Однако мне совестно было бы, если б, отстранив от пляски поношение, я не показал, что ей пристала и похвала.

103. И вот, во-первых, не всякому человеку свойственно взяться за это занятие. Но, как среди щенков, жеребят и готовящихся поступить в атлеты люди, способные вникнуть в каждый из этих предметов, подвергая их испытанию, выделяют одних, тех, которые по складу своего организма обнаруживают пригодность к делу, а тех, которые не способны удовлетворить своему назначению, отвергают, так и мальчику надо проявить, что он достигнет умеренного роста и не склонен к полноте. Нужно ему иметь и спину прямую, и взгляд, не опущенный вниз, и пальцы, хорошо сложенные, и вообще красота, которая играет весьма большую роль в религиозных делах, в особенности должна быть присуща и плясуну.

104. Получив его, педотриб¹¹² заставит его пройти больше и более удивительных выгибов, чем борца, ставя его на голову, заставляя перекидывать ноги через спину и, сверх того, загибать их перед лицом так, чтобы пятки приблизить к локтям. Когда же сделает из тела, словно из какого тростника, круг, пускает его бежать, будто обруч, и оно бежит. И бег этот не наносит вреда членам. Давно уже каждый из них приучен быть подвижным, причем

¹¹² Педотриб — учитель гимнастики. — *Примеч. ред.*

педотриб чуть не разнимает друг от друга члены тела, и соблюдая их связи и раздвигая, так что руки и ноги, куда ни отведешь их на остальном теле, повинуются; таково, полагаю, свойство воска.

105. Таким гимнаст подготовит тело для учителя, а тот, получив послушный склад членов, заставит его воспроизводить всякую фигуру, и немало труда обоим, одному, чтобы поруководить, другому, чтобы усвоить, и часть времени посвящена упражнениям, часть запоминанию того, что усвоено упражнением. Ведь приходится и по прекращении движения сберечь в душе то, над чем трудился. Поэтому и они отлично знают, что боги продают все блага за труды.

106. В самом деле, как тем, у которых есть страсть к собиранию речей, величайшим подспорьем к удовлетворению их желания служат труды и нельзя в одно и то же время толстеть и радеть о душе, так нельзя сойтись пляске и пресыщению, но необходимо тому, кто стремится к одному, отказываться от другого. Поэтому, если, застав плясуна за трапезой, увидишь, что он ест сверх меры, считай такого тупее камня. Ведь он погубил искусство своим объеданием.

107. И скорее иной найдет серьезные речи, сочиненные за вином, чем способность к пляске сохраненную в теле без воздержанности в еде. И усвоить с самого начала этот предмет нельзя иначе, нежели при условии воздержанности, и по усвоении то же самое — охрана приобретенного. Поэтому тот, кто напускается на трапезы, из птицы превращается в свинец. Итак, если в пресыщении — Киприда¹¹³, в голодающем же — ее нет, те, кто серьезно заняты пляской, далеки от любовных утех, а это признак человека дельного, а не преступного. Таково вступление в искусство и охрана искусства, для разнузданных и погубителей, как хорошо иной выразился бы, совершенно недоступные.

108. Нельзя, далее, сказать, что они трудятся, но без пользы для народа, но, мне кажется, это искусство в настоящих обстоятельствах самое полезное. Смотри сам: я полагаю, поэты с самого

¹¹³ Имеется в виду Афродита — согласно классической версии, она возникла из воздушной морской раковины вблизи Кипра — отсюда прозвище Киприда. — *Примеч. ред.*

начала попали в славу, стали предметом восхищения и разговоров и всяких почестей и что и теперь еще они в такой чести, не потому, чтобы, отклоняя людей от деятельности, они расходовали их время на слушание поэм, попусту создавая свои песни, но потому, что воспоминанием о древних подвигах воспитывали собрания, не позволяя забвению о людях былых времен восторжествовать над еще живыми.

109. Ведь тот, кто преисполнен¹¹⁴ душою и судьбою героев, более пригоден и к участию в практической деятельности, их страданиями¹¹⁵ исправляя собственную жизнь. Слыша, что любовь половая, любовь к деньгам и к тирании оканчивалась для людей, имевших в них удачу, несчастьем и что насильники погибали, а обиженные одерживали верх, он убеждает себя чтить справедливость, находя для себя надежнее держаться правды.

110. А что больше всего удручает человека, смерть детей, как не снесет тот, кто видит, как пятьдесят сыновей падают мертвыми на глазах отцов¹¹⁶, как зарезывают дочь вместо жертвенного животного, причем отец подводит ее¹¹⁷, и опять других убивает собственноручно мать, то в припадке безумия, то сознательно. А что и той пришелице из Колхиды не принесли пользы ее козни против собственной родины, а тому, кто спасся, его невнимание к своей спасительнице, всё это уроки, удерживающие от подобных преступлений¹¹⁸.

¹¹⁴ τεπληρωμένος, здесь, как в других случаях μεστός; напр., βίβλων и т. п.

¹¹⁵ Конструкция ἐν с дательным, вместо простого дательного, ср. т. II, стр 232, 1 [325, 14].

¹¹⁶ Имеются в виду 50 сыновей Египта, сына Бела и Анхиной, которые преследовали 50 дочерей Даная, брата Египта. Данай с дочерьми бежали из Аравии в Арголиду, где Египтаиды их настигли, и Данаиды были вынуждены согласиться на брак. Но Данай дал дочерям кинжалы и потребовал, чтобы они в брачную ночь закололи своих мужей, что те и сделали (кроме одной). — *Примеч. ред.*

¹¹⁷ Вместо жертвенного животного должна была быть принесена в жертву Ифигения, дочь Агамемнона (см. сноску к Or. V. 32 в наст. издании, с. 616, примеч. 29). — *Примеч. ред.*

¹¹⁸ Имеются в виду Медея и Ясон. Медея, дочь колхидского царя Ээта, помогла Ясону добыть в Колхиде золотое руно и спасла ему жизнь, выступив против

111. Прекрасна для жизни и выносливость. Ей научит нас итакиец [Одиссей], который, после долгого плавания по морю, пещеры циклопа и той, что много голов протягивает над проливом¹¹⁹, сносил дома удары и толчки слуг¹²⁰. И вообще, слыша ли о подвигах людей честолюбивых, или проступках людей опрометчивых, или чрезмерных несчастьях, одному мы научаемся подражать, другого избегать.

112. Поэтому, пока процветала профессия трагических поэтов, они являлись в театр общими учителями народа. А после того как они погасли¹²¹, а люди более состоятельные стали пользоваться обучением в школах¹²², толпа же была лишена того, некий бог, пожалев необразованность толпы, ввел на смену пляску как некое наставление толпе о древних деяниях, и теперь золотых дел мастер сумеет поговорить с питомцем школ о доме Приама и Лая¹²³.

113. Искусство, озабочиваясь тем, чтобы души бодрствовали, нередко, остановив голос хора, учит фигурами воспринимать факт. И когда представляют Афины, разумеет Афины, когда Посейдона — Посейдона, и Гефеста — Гефеста еще не очень большое дело; но при помощи Афины — Посейдона, при посредстве Гефес-

своего отца и став причиной смерти своего брата. Вернувшись с Медеей в Грецию, Ясон вскоре захотел бросить ее и жениться на коринфской царевне Главке (или Креусе). Медея в ответ убила своих детей от Ясона, а также невесту Ясона и ее отца. — *Примеч. ред.*

¹¹⁹ Имеется в виду Сцилла, которая, по описанию Гомера, жила в пещере, расположенной высоко на скале над проливом, имела шесть голов на длинных гибких шеях, которые выслеживали и хватали добычу в узком проливе (Od. XII. 85–100; 245–259). — *Примеч. ред.*

¹²⁰ Согласно «Одиссее», в конце своих странствий Одиссей, преображенный Афиной в нищего, приходит в свой дворец на Итаке, где вступает в борьбу с нищим Иром и испытывает на себе всяческие издевательства со стороны женихов Пенелопы. — *Примеч. ред.*

¹²¹ Ср. т. I, стр. 5 [103], orat. I, § 8 и проч.

¹²² μουσείον, ср. стр. 380 [552, 156].

¹²³ Имеются в виду классические мифологические сюжеты, изучавшиеся в школах: Приам — царь Трои (т. е. Троянская война), Лай — царь Фив (т. е. цикл об Эдипе). — *Примеч. ред.*

та — Афины, Ареса — Гефеста, Ганимеда¹²⁴ — Зевса, Ахилла — Париса, это разве не пригоднее всяких загадок к изощрению душ?

114. Поэтому тот, кто быстр на это, тот нелегко поддается обману в прочем. Одно и то же полезно и толпе, и более развитым людям. Первых это может научить тому, чего они не знают, а другим напоминает то, что они знают. И если более тупую душу мы считаем менее пригодною к деятельности, то изощряемую плясунами разве не назовем способною воспользоваться обстоятельствами?

115. Хочешь узнать, как сможешь поднять душу, подавленную печалью, и облегчить ее? Взяв человека, лишившегося самых дорогих ему родственников или денег, или ставшего жертвою крайнего издевательства, или побитого, веди его в театр, покажи ему при посредстве плясуна древние царства сокрушенными — и облегчишь его. С тиранов перенеси его мысль на веселые процессии и праздники и скоро увидишь, как уныние его проходит, если и не всё, то в значительной степени. Поэтому плясун немного уступает в помощи горюющим ритору.

116. Но, если созерцание статуй богов делает более добронравными этим зрелищем, этот дает тебе видеть на сцене образы всех, не в камне воспроизводя их, но представляя их собственною персоною, так что даже совершеннейший скульптор уступает первенство плясунам в оценке красоты в этой области. В самом деле, какая живопись, какой луг — зрелище, приятнейшее пляски и плясуна, который водит зрителя по роще и располагает на отдых под деревьями стада быков, коз, овец, ставит пастухов, оберегающих стада, причем одни играют на свирели, другие на флейтах, одни за этими, другие за иными занятиями? Кто не станет мягче к жене и рабам, принимаясь за ужин после такого зрелища, когда удовольствие от этого спектакля в значительной степени живет

¹²⁴ Ганимед — в греческой мифологии сын троянского царя Троса и нимфы Каллирои. Когда юноша пас стада отца на горе Ида во Фригии, за свою необычную красоту был похищен Зевсом, превратившимся в орла, унесен на Олимп, где исполнял обязанности виночерпия, разливая на пирах богам нектар. — *Примеч. ред.*

еще в душе? Какие сны посетят, вероятно, спящего после этих картин? Мне кажется, они будут увлекательны.

117. Кто, будучи стариком или вялым, один не станет подвижнее, чем свойственно его характеру, другой, чем допускает возраст, под воздействием их прыжков? Корабли ли феаков или их обороты больше основания уподобить в быстроте мысли и птице? Возможность заметить с точностью всякую подробность исполняемого ими действия нередко вследствие быстроты ускользает, вследствие частого перехода тела в любую новую фигуру. Каждый из них чуть не египтянин Протей¹²⁵. Скажешь, пожалуй, под воздействием жезла Афины, что меняет наружность Одиссея, они являются во всяких видах, стариками, юношами, смиренными, высокими, унылыми, расслабленными, слугами, господами¹²⁶. Иной станет всматриваться в их ноги, нет ли у них преимущества, какое было у Персея¹²⁷.

118. Подивится ли кто-нибудь больше непрерывности вращения в толпе, или внезапной неподвижной остановке вслед за тем, или образу, сохраняемому при стоянии? Они носятся кругом, словно окрыленные, кончают неподвижным стояньем, словно приклеенные, а стоянию отвечает и образ. Другой большой труд остановиться вместе с песнью. Таково знание меры в среде плясунов. Наслаждение от них городам не соединяется с каким-либо злом.

119. Борец борца, случалось, увечил, и участнику панкратия вышибали во время его труда глаз, и своего соперника возница опрокидывал и губил, а убийство коня, случалось, вызывало разлад в целом городе и доводило до камней, пожара, убийств. Пляс-

¹²⁵ Протей — морское божество, сын Посейдона, обитал близ островка Фароса у побережья Египта, где иногда выходил на берег. Обладал способностью принимать облик различных существ. — *Примеч. ред.*

¹²⁶ В «Одиссее» неоднократно описывается, как Афина изменяла наружность Одиссея, то придавая ему красоту и величие, то, в случае надобности, превращая в жалкого старика-нищего. — *Примеч. ред.*

¹²⁷ Персей получил с помощью Гермеса крылатые сандалии и другие волшебные атрибуты, которыми владели нимфы. — *Примеч. ред.*

ка никогда не порождала и да не порождает никакой беды. Ведь и ее произвела самая мирная и склонная к забавам пора, которая направляла серпы на лозы, лозы к виноградным тискам, создавая праздник из дара Диониса. Поэтому и название плясунам от прыжков у гряд, какие происходили в начале¹²⁸.

120. И вот то, что является самым значительным мотивом для честолюбия некоторых из философов, что они устранили для своих отечеств некоторые тягости, этим величается и приенский плясун. Он находился при царе Антиохе. Взяв Приену¹²⁹, последний приказал плясать песню, а песней была свобода. А когда тот сказал, что обидит, если будет такую плясать в рабствующем городе, Антиох снова делает Приену свободной.

121. Так думаешь ли ты, Аристид, что эта справедливость и свобода слова проявлены были развращенной душой? Или столь доблестного и благородного гражданина, отдавшего предпочтение помощи отечеству перед лестью властителю, назовешь ты погибелью? Тогда признают, что ты не чужд горячности в споре.

¹²⁸ Своеобразная этимология, производящая слово ὀρχηστής плясун, от ὄρχος, гряда, ряд насаждений (напр., виноградной лозы).

¹²⁹ Приена — ионийский город на западном берегу Карики, на мысе Микале, при устье реки Геза. В IV в. до н. э. город был перенесен вглубь материка (16 км от побережья). Сказать точно, к какому именно из Антиохов относится рассказанный Либанием анекдот, затруднительно, поскольку Селевкиды на протяжении своей истории вели многочисленные войны в Малой Азии. — *Примеч. ред.*

К АНАКСЕНТИУ

Orat. LV F¹

1. Видя, что ты, дражайший, смущен письмом отца, и вместе с тем замечая, что то же смущение вызывают и некоторые из здешних, я считаю нужным изложить то, что внушит тебе более благо-разумное суждение. Будет от того, может быть, некоторая выгода и советчику, но тому, кто послушает уговора, гораздо больше, чем уговорившему.

2. Итак, то, что происходило, по сообщению, вокруг твоего отца и на деле, и на словах, то и другое, причинявшее печаль тому, кто тому подвергался, и меня, естественно, могло огорчить. Не думай, чтобы я тебя приучал пренебрегать родителем. Нет, я знаю, что гласят законы, и, сверх этих, людьми установ-ленных, отлично знаю закон природы и то, что после богов чтим

¹ Речь была написана после 360 г. Анаксентий из Газы в речи назван учеником оратора, но, к сожалению, его имя не встречается в переписке Либания. — *Примеч. ред.*

он и что величайшим является наш долг перед ним, не меньшим, чем перед отечеством, и что хуже зверей тот, кто грешит против этой обязанности. Ведь всякая обида меньше этой, и при нашествии врагов, защищая родителей, надлежит с радостью принимать и удар, умерши от коего, будешь предметом восхищения, и, что касается славы, будешь вечно жить и существовать. С изменником же отцу и недобросовестным в такой отплате пусть никогда не разделяю я ни кровли, ни трапезы, ни добровольно, ни поневоле.

3. И увещание к тому никому больше не пристало, чем мне. Ведь из двух публичных речей, речи об отце и речи о матери, одной меня лишила смерть его², другую же я считаю недурно сочиненною, так что явились и подражатели мне, к чему их повела слава, доставшаяся мне.

4. И теперь, если, возвратившись, ты положишь конец недобросовестной деятельности злокозненных людей и, устранив неприятности, восстановишь отцу ровную и безмятежную жизнь, спешి, не медли, отправляйся, и, думаю, Гермес не откажет твоему поступку в похвале. Если же нынешнего врага ничто не заставит перемениться, и он не будет признателен за то, к чему сам вынудил, а что³ ты сделал поневоле, то же, чего не желая, ты явился, он усилит, какая выгода к нынешним неприятностям прибавить потерю в занятиях красноречием? Ведь то, что ты явился, по твоим словам, для лучшей цели, ты сам признал при своем прибытии. Именно, ты прибыл не для того, чтобы посмотреть город, но причиною было красноречие. Но невозможно в одно и то же время быть у других и принимать участие в здешних занятиях.

5. Но никто не может поручиться, что тот враждебный, сердитый и злой человек изгонит из души ненависть, примирится с тем, кто причинил ему неприятность, и, вместо того, чтобы причинять зло, станет в ряды людей, готовых помогать в случае чьего-либо нападения. Но он будет огорчать твоего отца тем же, чем

² Отец Либания умер в 324 г., «раньше зрелого возраста» (Ог. I. 4). — *Примеч. ред.*

³ Надо читать οὐδέ, v. Förster, s. t.

теперь, или даже большими неприятностями⁴, да присоединит и тебя к отцу, полагая, что оба вы ответственны перед ним, ты, что возжелал моего преподавания, а он, что дал свое дозволение.

6. Между тем, не думай, что человек, опытный в делах, твой отец, подвергается гонению и страдает, а ты мог бы избежать силы противника, которой он обладает от того, что один захватил город⁵. Итак, если, выставив на тебя доносчика с ложным обвинением, он тебя или совсем устранил⁶, или заключит в тюрьму, — а мы знаем, что многим делали подобные угождения правители, — прекратишь ли ты беды для своего отца, или станешь ему сообщником в них? Но я-то знаю, что заключение приносило некоторым, по злему умыслу, смерть, чему да не подвергнешься ты и во сне⁷.

7. Ты скажешь ему, клянусь Зевсом, что будешь к нему искренен и справедлив и ничего подобного более делать не будешь. Но какая клятва признана будет им достаточно грозной, чтобы она восторжествовала над его недоверием? Ведь он сочтет клятву за отсрочку намерения и что, в удобный момент, ты снова примешься за прежние занятия и речи. Итак, в этих соображениях он будет ненавидеть и встретит ненависть и со стороны тебя, ненавидимого им.

8. Но при таких отношениях друг к другу пасти одно стадо и радоваться беде друг друга, а при удачах прикидываться довольным, если для него и не будет нестерпимым, то тебе — ко-

⁴ Смысл угроз и возможных санкций не ясен, но, возможно, речь идет об отправлении дорогостоящих литургий. — *Примеч. ред.*

⁵ Сложно сказать, имеется ли в виду, что этот софист был назначен официальным софистом Газы, или что он был преподавателем единственной риторической школы. Во всяком случае, несколько позже, в V–VI вв., расцвет интеллектуальной жизни и риторического образования в городе подтверждается наличием таких фигур, как Эней из Газы, Захарий Схолиастик и Прокопий из Газы, что вполне объяснимо, учитывая тесные связи Газы, расположенной практически на границе с Египтом, с Александрией. — *Примеч. ред.*

⁶ О смерти, ср. т. I, стр. 23, 512 [127, 85].

⁷ В классической греческой традиции смерть во сне считалась счастьем. — *Примеч. ред.*

нечно, как человеку самому добросовестному, справедливому и поистине свободному. Ведь придется жить с чувством неудовлетворенности и вследствие догадки об антипатии к себе, и вследствие осуждения своего поступка при невозможности поступить иначе.

9. Но ваше общение не ограничится помещениями для занятий речами, банями, мастерскими и путями правителей при их отъездах в другое место и возвращениях. Но он приглашает и на трапезу, и много представляется случаев к тому, и, помимо таких случаев, нередко то вызывает и нрав: многим приятнее угощать, чем некоторым получать угощения. Как же поступишь тогда? Не внять приглашению было бы делом неучтивым, а внять — поступком бесчувственного человека, которому дела нет до действительных фактов и которого иной мог бы даже обвинить, ссылаясь на отца и поступки, какие после каких оскорблений перво-му видит со стороны сына.

10. Ведь если бы даже ты умер вперед его, ты умирал бы с чувством скорби о том, что не достиг предмета своих желаний, а если бы ты унаследовал по смерти его, ты снедаем бы был тоской по том, что получить он тебе помешал⁸.

11. «Отец обижен тем, кто тобою признан ненадежным в деле обучения». А сколько других отцов по той же причине, когда разгневанные учителя заявляли, что их оскорбили, и, не будучи в состоянии взяться за уехавших, приставали к тем, кто оставались налицо? Разве не были влачimy на площадь матери, если не было в живых отцов, непривычные к делу, и не были они предаваемы буре⁹ и рукам воинов? А у кого ни тех, ни других, ни отцов, ни матерей, напускались на их рабов, и поместья, и их управителей, душа, давя, вынуждая оговаривать господ, находившихся в отъезде.

12. Видал я некоторых, кто для занятий речами прибегали к побегу, поступая так без ведома родителей, но не приносило

⁸ Т. е. обучение у Либания.

⁹ Фигурально, κλύδων. Ср. т. I, стр. 461, 1 [700, 69].

пользы родителям, что они узнавали, и не избавляло их, несмотря на то, от притеснений им со стороны софистов, но те учились, а эти подвергались нападкам. И никого ничто из этого не заставляло возвращаться раньше, чем нужно. Ни отцы не делали таких вызовов, ни из юношей никто не причинял себе такого лишения, но одни, в своем тяжелом положении, доставляли сыновьям средства приобретать искусство слова, а другие не делали дурного выбора, бросая то, в поисках за чем они явились.

13. Докучают сейчас твоему отцу? Это не новость. Оставаясь, ты сам будешь верен занятиям. И это одна из обычных вещей. Или укажи мне сыновей, исторгнутых среди ученья, затем явившихся домой, помогавших родителям, доставлявших эту помощь одним бесчестьем. Что, в самом деле, они прибавляли? Но ни Рим не видывал этого, ни город автохтонов¹⁰, ни Берит¹¹, природное свойство коего доставлять наслаждения, ни тот, начало коему дал Александр, сын Филиппа или, если угодно, сын Зевса¹².

14. Итак, то, чего и здесь, по такому предлогу, не бывало, некоторые делали ввиду сиротства, вернее же, так поступали те, кто пользовались сиротством для лени. Ведь те, у кого есть любовь к образованию, состояние оставляли на попечение опекунам и законам, а сами пили тот напиток, какой доставляют источники Муз. У тебя же — отец, если он и связался с человеком неприятным, однако жив, обладает голосом, молчать не станет и не менее выслушивает какую-либо неприятность, чем отвечает на нее. Пожалуй, и в случае ударов ему, он поступил бы подобно тем борцам, которые своей способностью сносить удары застав-

¹⁰ Город автохтонов — Афины. Считалось, что первые жители Аттики были рождены землей, что соответствует происхождению имени «автохтон» (от греч. *χθών* «земля»). — *Примеч. ред.*

¹¹ В Берите (Финикия) функционировала знаменитая школа права, куда съезжались ученики со всего Востока (среди них были и бывшие ученики Либания). — *Примеч. ред.*

¹² Александрия Египетская. О божественном происхождении Александра Македонского, поддерживавшего легенду о том, что он сын Зевса, см. Plut. Alex. 2–3. — *Примеч. ред.*

ляли утомляться бивших. И если вы — богаты, способны были бы противостоять в силу этого, если у вас состояния мало, от нападков у вас большой потери быть не может.

15. Моей матери когда-то требовались заступники, но никто не помогал. Сам я был в отъезде, но слышал о том, где был. Но всё же ни меня не вызывали, ни без зова я не уезжал. Ни ей, ни мне это не представлялось подобающим. Но состояние ускользало и перешло в руки продавцов поместий¹³, большого количества земли, обрабатываемой многими. Все же я оставался там, где был, полагая, что позорно не только покидать свой пост в строю во время битвы, но свой пост учащегося, отцом ли кто определен на него или сам себя определил. Итак, получая известия, я потуплял взоры в землю и не расхаживал в поисках за снабдьем от печали, но у меня близко, под рукою, были самые книги, и мне казалось ценнее и важнее ускользавших полей то, что можно было, взамен того, получить из этих книг.

16. Но и Демосфен из Пэания, в период неправды, воровства и хищений опекунов, не плакался, стоя подле матери, но, хотя недуги мешали его трудам¹⁴ в красноречии, все же пребывал за работой, которой ему предстояло, достигши возмужалости, показать Афобу и прочим, что они роскошествовали не без риску для себя¹⁵.

¹³ Речь идет о продаже матерью Либания в 340 г. поместья, доставшегося ей и ее детям в наследство от ее мужа. Либаний в это время находился в Афинах, и покупатель по дороге в Италию заехал в Афины и потребовал от Либания также завизировать купчую (Ог. I. 58). — *Примеч. ред.*

¹⁴ ἰδρωτές, «поты», фигурально, ср. т. I, стр. XIX, 1 [28, 88].

¹⁵ Демосфен, сын Демосфена из аттического дема Пеании филы Пандиониды родился в 384 г. до н. э. Отец его умер, когда сыну было 7 лет. Он оставил вдове и детям значительное состояние, однако опекуны, Афоб и Анетор, расхитили значительную часть его состояния (наследство составляло 14 талантов, дом в городе и две крупные мастерские, оружейную и мебельную, со штатом рабов; в 366 г. Демосфен получил лишь дом с 14 рабами и 30 мин денег, всего на сумму около 70 мин). Достигнув совершеннолетия, Демосфен возбудил судебный процесс против своих опекунов и выиграл дело, однако не смог вернуть всего своего состояния. Страстно мечтая о карьере оратора, Демосфен, однако, обладал существенными физическими недостатками (был косноязычен, имел

17. Сколько вестей доходило до слуха Ореста, в то время как он рос в Фокиде, о преступлении, на какое дерзнул в Микенах Эгисф, который после столь бесстыдного брака своего не давал вздохнуть свободно даже дочерям того, кто после Трои погиб за трапезою, но все же он выжидал благоприятной поры¹⁶. А если бы поспешил преждевременно, он проявил бы свою готовность к возмездию, но нимало не выиграл бы в своем деле.

18. Вспомни и о том, кто прибыл за трупом Гектора с выкупом. Итак, Приам, склоняя Ахилла к милосердию напоминанием о Пелее и положив своей речи это начало, сказал, что и тот [Пелей] испытывает крайнюю жестокость со стороны соседей. И Ахилл не противоречил, внимая этой части его слова, как бы зная, что это так. Но из-за того он, оставив войну и военные действия, не спустил кораблей в море и не явился во Фтию, чтобы облегчить жизнь Пелею, но их [соседей] ненавидел, но не отказывался от того дела¹⁷.

19. Полагаю, что в том положении, в каком Пелей, были и многие другие родственники осаждавших Трою. Достаточным свидетелем о подобных бедствиях является Фукидид, который говорит: «Отступление греков из-под Илиона, происшедшее поздно,

слабый голос и короткое дыхание, привычку подергивать плечом). Тем не менее, благодаря упорному труду он преодолел их. — *Примеч. ред.*

¹⁶ Орест, сын Агамемнона и Клитемнестры, вырос в Фокиде у царя Строфия, женатого на тетке Ореста — Анаксибии. И лишь когда Орест стал совершеннолетним, через 7 лет после убийства отца, он получил от дельфийского оракула приказ отомстить за его смерть. Отец Ореста, Агамемнон, был убит своей женой Клитемнестрой (ненавидевшей мужа за принесение в жертву их дочери Ифигении) и ее любовником Эгисфом, сыном Фиеста, брата Атрея, отца Агамемнона (для Эгисфа это убийство было актом мести за злодеяния, совершенные некогда Атреем в отношении Фиеста). После убийства Эгисф стал мужем Клитемнестры и царем Микен. Кроме Ореста и Ифигении, у Агамемнона и Клитемнестры были дочери Хрисофемида и Лаодика (в более поздних источниках Электра). — *Примеч. ред.*

¹⁷ См. Homer. Il. XXIV. 486–506. Уже после окончания Троянской войны Пелей был изгнан из своего царства, Фтии, своим давним врагом Акастом, царем Иолка, или его сыновьями, и умер во время морского странствия, не дождавшись встречи со своим внуком Неоптолемом, сыном Ахилла (Eur. Troad. 1126–1128; Apollod. Epit. VI. 13). — *Примеч. ред.*

вызвало много переворотов»¹⁸, так что возвращавшимся нельзя было обрести спокойствия. Но ни из других никто не предпочел скорее озаботиться домашними делами, ни тот, у кого было столько предлога к отъезду в лишении его почетного дара и в оскорблении. А он не был даже в числе принесших клятву¹⁹. Далее, они оставались воевать с целью, чтобы один из них получил обратно жену. Ведь обижен был один Менелай, и одна была похищена — Елена, ты же будешь трудиться не для другого, но это — твой интерес. Как тот ту, так ты приобретешь это искусство.

20. Итак, я где-то²⁰ выше доказывал, что невозможно, чтобы у софиста, после того, что было, явилась когда-нибудь дружба к вам, но допустим, что будет долгая и крепкая, такая, чтобы ей сравняться с прославляемыми примерами. Но вы принимайте в расчет не это только, но и тот убыток, который отсюда произойдет. Или если вам помешают получить сокровище, вы не сочтете возможным снести это спокойно, а когда вам воспрепятствуют получить обучение слову, заблагорассудите снести это спокойно?

21. Однако, какое сравнение, что Мидас, что Демосфен? Какое — что Кинир, что Исократ? Что лидиец, что Лисий?²¹ Кто поставит рядом Афины и египетские Фивы? Кто сочтет равными

¹⁸ См. I. 12. 1–3: «Даже и после Троянской войны в Элладе еще происходили передвижения племен и основывались новые поселения, так что страна не могла развиваться спокойно. Ведь запоздалое возвращение эллинов из-под Илиона вызвало в городах много перемен и междоусобных распрей, вследствие чего изгнанники основывали новые города... Лишь постепенно на протяжении долгого времени установилось прочное спокойствие, так как насильственные переселения прекратились» (пер. Г. А. Стратановского). — *Примеч. ред.*

¹⁹ Когда к Елене сватались многочисленные греческие герои, они поклялись, что будут охранять супружеские права того, кто станет ее мужем. Эта клятва и стала причиной участия многих в походе против Трои после того, как Парис похитил Елену, ставшую женой Менелая. Ахилл же женихом Елены не был и общую клятву не приносил. — *Примеч. ред.*

²⁰ Ср. § 5, pg. 112, 10 sq. F., перев., стр. 469 [685].

²¹ В этом ряду известные в традиции богачи сопоставляются с известными ораторами Афин V–IV вв. до н. э. Под «лидийцем» подразумевается царь Лидии Крез. — *Примеч. ред.*

богатство каждого из двух этих городов, деньги и мудрость? Ведь богатство Афин — последняя. Ну-ка, если бы кто, пока ты идешь сюда, ухватившись за тебя, спросил: «А ты по каким соображениям свершаешь этот путь и почему, пренебрегая тем, что у тебя есть, ищешь того, чем не обладаешь?» Разве ты, принявшись за сравнительную оценку значения каждого из этих двух предметов, денег и мудрости, не попытался бы доказать некоторое преимущество на стороне второго?

22. Я же предпочел бы продать все за такое состояние, которое делает обладателей его значительнее не только тех, кто показали себя в отправлении общественных повинностей, но и в битвах, войнах и предводительстве войском. В самом деле, какой передовой боец, какой вождь войска не уступает ритору, который своею речью о войне и мире в народных собраниях направляет к тому из двух решений, какое лучше?

23. Итак, оставив прочее, я рассмотрю учителя риторики. И оставлю доход, которому препятствуют недуги, испытываемые землею от времен года, но сколь важная вещь властвовать над благородною молодежью? А видеть ее преуспевающею в красноречии? А выходящею на жизненные пути? А почести от них, от отцов, от граждан, от пришлых людей? Они в почете и у правителей, младших и старших, назовешь ли даже тех, что облечены царскою властью²².

24. Называю почтенными тех, которые так называются и таковы на самом деле, из любви к чему ты и к нам явился; потому что тот, кто осел, покрытый львиной шкурой²³, тот, живя в обличии и насмешке, более жалок, чем если бы решил молчать и снискивать пропитание тасканием камней или каким-нибудь подобным тяжким трудом. Последних иной мог бы и пожалеть, но тем никто не был бы в состоянии простить, как и Фазэнтон²⁴.

²² Административная цепочка управления провинцией: консуляр провинции — комит диоцеза — префект претория — [император]. — *Примеч. ред.*

²³ *Ср. orat. XVIII, § 19, т. I, стр. 313 [521].*

²⁴ Фазэтон — в греческой мифологии сын Гелиоса и нимфы Климены. Он просил у своего отца позволение править солнечной колесницей, но кони

Последнему лучше бы было, конечно, не убедить отца и не получить того дозволения, концом коего было то, что возница, свалившись, лежал мертвым.

25. Но возвращаюсь к тому, что нет ничего блестящее софиста в театре, который принимает подобающие позы и производит подобающие жесты и движения, когда и самим владыкам случается считать их более счастливыми, чем себя, на том основании, что у них, царей, сила в лице других людей [их подданных], а у софиста она в его душе.

26. Поэтому ты можешь услышать, как отец говорит, что, ради приобретения сыном этого достояния, он с радостью готов пожертвовать всем, что у него есть, да еще то, что другое у него будет откуда-нибудь. Ведь то, что взамен того будет приобретено, гораздо ценнее и может вернуть пожертвованное в прежнем размере, а то и в большем. И отец с большим удовольствием встретил бы ввиду этого и смерть, когда к дани природы [скорби] присоединится и дань слова [эпитафий]²⁵.

27. Подумай же, как дорого ты заплатишься за сколь неважную вещь, за бесполезную угоду бессмертной славой. А если бы это вызывало для отца твоего временное лишение родины, то разве другие люди сочли бы его неблагоразумным за его выселение на это время, вместо того, чтобы лишать такого могущества тебя? «Отцу трудно это дело». Но что из доблестных дел не таково? Это увенчивает и атлета, и воина, это и кормчему дает возможность спасти судно в его пути, это и врачу — истощаемого недугом, это и земледельцу его заработок с земли. Есть предание, что и боги требуют от людей этой цены за блага свои, вместо серебра и золота — труды²⁶.

неумелого возницы отклонились от правильного направления и приблизились к земле, от чего она загорелась. Гея взмолилась Зевсу и тот сразил Фазтона перуном, Фазтон рухнул в реку Эридан и погиб. — *Примеч. ред.*

²⁵ Ср. § 3.

²⁶ Epicharm. fr. 287 (ed. Kaibel) ap. Xenoph., Memorab. II, 1, 20: «Боги продают все блага людям только за труды».

28. Некто из приезжих, передав мне своих детей, случилось, не повернул назад, но, вошедши, сел, и нигде не являлся педагог синовей. Когда я спросил: «Где он и кто? Ведь ты не предоставишь, конечно, такой свободы детям?», он заявил, что он сам педагог своих детей, и так поступал он, и притом немало лет. Занимаясь этим, он, конечно, забрасывал домашние дела, и негодным из слуг предоставлялась свобода к злодеяниям. И когда кто-нибудь об этом ему сообщал, он заявлял, что сам знает то, о чем говорят ему, но считает убыток в том совсем незначительным по сравнению с выгодой от учения.

29. Представь и сам, что отец — подле тебя и предоставляет себя к твоим услугам, а я думаю, благоразумному отцу предметом его пожелания служит исполнять для учащегося сына и роль слуг, а тот вред, который он причинял бы своим отсутствием, был бы²⁷, конечно, меньше того, какой теперь наблюдается. Я полагаю, и некоторые боги будут около него и будут помогать ему, а не меньше всего боги слова²⁸, оплачивая вам за ваше рвение, какое вы отдали занятиям их искусством.

30. Полагаю, явятся и некоторые люди, которые не только осудят действия того лица²⁹, но и будут ему препятствовать, говоря, что не так подобает ему оберегать трон, но показывая, что не встретят других, лучших источников. Ведь следует удерживать учеников, побеждая речами, а не страхом тех бед, какие надвинутся на их отцов, если они сами не останутся. Могут прекратиться и эти удручающие его обстоятельства, когда более справедливый человек положит своим преемством конец тому, кто теперь так угрожает³⁰. Может быть, у меня с тем окажется и дружба.

31. Поэтому не отчаивайся ни ты, ни он и не желай проявить, что тебе не по плечу высшие стремления и то, что позже бу-

²⁷ Удовлетворительный смысл дает пропуск отрицания. *Reiske* предполагал пробел в тексте.

²⁸ θεοὶ λόγιοι ср. т. I, стр. 76, 1 [195, 348].

²⁹ Т. е. враждебного отцу Анаксентия софиста.

³⁰ Имеется в виду наместник, покровительствовавший софисту, преследователю отца Анаксентия.

дешь винить, того не делай теперь, словно это подобает, и пусть не придется тебе тосковать по ушедшему времени, вместо того, чтобы воспользоваться настоящим, пусть не придется говорить окружающим, кем бы ты был, не сделав этой ошибки, вместо того, что радоваться своей наличной силе.

32. Итак, Одиссей говорит: «Постыдно долго отсутствовать и возвращаться с пустыми руками»³¹, а тебе разве не постыдно будет явиться в Газе³² прежде, чем провести у нас столько времени, сколько подобает? Ведь и жители Газы без удовольствия увидят тебя при таком возвращении и не будут приветствовать, как всё усвоившего, и не подумают о собраниях и испытании на них, но ввиду самого времени твоего отъезда будут порицать, даже не требуя отчета, самым тем, что не требуют никакого отчета, осуждая твой поступок.

33. Но если ты останешься, сколько подобает, и будешь постоянно приобретать нечто новое в искусстве, так, чтобы обладать им целиком и быть в состоянии сообщать другим, ты пошлешь вперед себя добрые надежды на себя, огорчишь своим промедлением, обрадуешь появлением. Похвалы будут расточаемы тебе и отцу, одному, что не заставил явиться раньше, чем это было полезно, тебе за то, что перенес в одно и то же время и печаль по нем, и труды над речами. Противопоставь нынешним неприятностям и слезам отца — я вполне верю им — тот день, который выведет тебя от нас со славословиями, и день, который введет тебя в город Ио, той, что Зевс по необходимости превратил из красивой женщины в телицу³³.

34. И много доказательств этому преданию, которое мною изложено вкратце, вернее не целиком, а ты все расскажешь, восхваляя город. Ведь, очевидно, этим начнешь ты свои подвиги,

³¹ См. Номер. II. II. 297–298: «...Но, ахейские мужи, Стыд нам — и медлить так долго, и праздно в дома возвратиться!» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

³² Газа — город в провинции Палестина I, значительный и богатый, имевший обширную округу. — *Примеч. ред.*

³³ Город Ио — это Антиохия (см. Or. XV. 44–51). — *Примеч. ред.*

восхваляя древний город³⁴, стоявший во главе римского владычества и желавший быть мастерскою речей. Отец же у тебя будет сидеть участником похвал, так как зрители будут венчать и его. Тогда то, что сейчас горько и тяжело, сочтет он милым и самым приятным, тогда похвалит он себя за то, что все снес мужественно.

35. Полагаю, это произошло и с Одиссеем, уже бывшим в Итаке и снова получившим в свои руки власть вместе с женою и сыном. Он радовался, что претерпел то, что он претерпел в странствованиях по морю, и для него было праздником воспоминание о каждой подробности из тех ужасов, и даже самый циклоп, и пещера его, и дверь, и камень³⁵.

36. Как будешь себя чувствовать, когда будешь возводим на трон [софиста] общим приговором и волею? Как — принимая в обширной школе переходящих к тебе учеников? Как — при вызове на состязание? Как при победе? Как при провозглашении? А тот, или струсив и сбавив гордости, падет и станет служить сильнейшему, благодарный богам и за то, если не лишен самого наименования софиста, или, вступая в соревнование, признает добрым советником Гесиода, не дозволяющего спорить с сильнейшими³⁶.

37. Это и тому подобное пусть отец твой примет во внимание и пусть, умирая, он оставит душу среди многих благ. Да если и предупредит³⁷, не будет недостатка в тех, кто о том возвестит. Ведь те,

³⁴ Речь в честь Антиохии и была для учеников Либания, по всей видимости, тем выпускным испытанием после завершения обучения, которое упоминается в § 32 (δοκτασία греч. «проверка, испытание»). — *Примеч. ред.*

³⁵ См. *Hom. Od. XXIII. 300; 310–313*: «Нежно-веселый вели разговор Одиссей с Пенелопой... Он рассказал... Что потерпел от циклопа и как за товарищей, зверски Сожранных им, отомстил и от гибели спасся плачевной» (пер. В. А. Жуковского). — *Примеч. ред.*

³⁶ Цитата из «Трудов и дней» (210–211): «Разума тот не имеет, кто мериться хочет с сильнейшим: Не победит он его — к униженью лишь горе прибавит!» (пер. В. Вересаева). — *Примеч. ред.*

³⁷ Т. е. если не доживет до того времени, когда сын его выработается в известного софиста.

кто всё время туда нисходят, исполняют по отношению к умершим роль живых по отношению к живым.

38. Итак, Анаксентий, когда услышишь людей, увещающих к обратному, чем сказанное мною, считай их врагами и твоими, и твоего отца и, помня то, что я изложил, обличай их советы.

МОНОДИЯ НА НИКОМЕДИЮ

Orat. LXI F¹

1. Так значит, Гомер не пропустил без сожаления даже гибели растения, но, как бы сам быв насадителем и сам потрудившись, видя его потом простертым на земле, воспекает как бы плач над отпрыском, а я город Никомеда², где я развил то красноречие, каким обладал³, и приобрел славу, какой не обладал⁴, этот недавно город, теперь же прах, оплачу молча, как поступает толпа, или самому ему придется браться за речи, которые он взрастил?

¹ Речь была написана в 358 г., вскоре после разрушительного землетрясения, которое охватило провинции Македония, Азия, Понт, т. е. Грецию и Малую Азию (Amm. Marc. XVII. 7. 1). — *Примеч. ред.*

² Никомедию основал Никомед I, царь Вифинии в 278–250 гг. до н. э. — *Примеч. ред.*

³ Ср. т. I, стр. XV [24].

⁴ Либаний рассказывает, что его популярность в Никомедии в ту пору была столь велика, что он был вынужден даже вести уроки в общественных банях (см. Or. I. 55). — *Примеч. ред.*

2. Во всяком случае, если бы я был и флейтистом, одержавшим там много побед своею игрою, предоставив прочим стенать, как они могли, я исполнил бы плач в скорбной песни. Пусть же дозволено мне будет побеседовать с богами, как бы присутствующими, и привлечь их к отчету в причине несчастья⁵.

3. Разве когда-то ты, Посейдон, сидя вместе с прочими бо-жествами в покое Зевса, сердясь за укрепление греков, которое они воздвигли перед кораблями в Илионе, не винил их больше всего за то, что они заложили основание, пренебрегши богами, и поэтому, как то следовало, после того как был взят Илион, и счел нужным и укрепление разрушить, и легко это привел в исполнение, повелев рекам, которые брали начало на Иде, хлынуть на него?⁶

4. В чем же недовольный основанием этого города, ты принял подобное же решение? Разве первый заселитель, принимаясь за основание города в другом месте, насупротив ныне существующего, вернее же, более не существующего⁷, не начал дело с вас [т. е. с богов] и не было жертв на жертвенниках и толпы около них, вы же направили его рвение на противоположный берег при посредстве орла⁸ и змея? Из них один, выхватив лапами из огня голову жертвенного животного, другой, выползши из земли,

⁵ В Ер. 391 Либаний описывает обстоятельства написания этой речи: «Мо-жешь ли вообразить, что со мной стало при известии о том, что самый доро-гой мне город покрыл своими развалинами самых дорогих мне людей. Я забывал о пище, забросил речи, сон бежал от меня, большей частью я лежал молчаливо, одновременно лились мои слезы о погибших и моих друзей надо мною, пока кто-то не уговорил меня оплакать в речах город и тех, что не такой смерти заслуживали, о Зевс. Послушавшись этого совета и *несколько отведши свою скорбь в своем сочинении*, я становлюсь более умеренным в своем горе» (пер. С. П. Шестакова). — *Примеч. ред.*

⁶ См. Homer. II. VII. 445–463; XII. 17–33. Посейдон считался виновником зем-летрясений. — *Примеч. ред.*

⁷ Никомедия, ставшая новой столицей Вифинии, была основана в 264 г. до н. э. на берегу Астакского залива, возможно, на месте старого поселения Ольвии, напротив древней мегарской колонии Астак, жители которой были переселены во вновь основанный город (Strabo. XII. 4. 2). — *Примеч. ред.*

⁸ Ср. подобное orat. XI (Ἀντιοχικός), § 86, § 98.

большой, каких, говорят, растит Индия, один, рассекая воздух, другой — море, останавливаются на холме, а люди провожали их, в уверенности, что следуют, как путеводителям, богам⁹.

5. Но все это было обманом. Во-первых, город заливают волна войны¹⁰. Пускай так. Ведь и Коринф, которым ты владел¹¹, и земля Кекропса, которую ты возлюбил¹², подверглись тому же¹³. Является второй заселитель¹⁴, больше всех императоров признававший богов вождями; превзошедши Креза величиною жертвы¹⁵, он,

⁹ Ср. то же и в сейчас указанном месте XI-ой речи.

¹⁰ Возможно, данные события имели место в правление Никомеда III Эвергета (128–94 гг. до н. э.), враждовавшего и безуспешно воевавшего с царем Понтийского царства Митридатом VI, либо, что более вероятно, его сына и преемника Никомеда IV Филопатора (94–74 гг. до н. э.), воевавшего не только с Митридатом (в 88 г. Митридат в трех сражениях, самым крупным из которых была битва у реки Амний, разгромил вифинские войска и оккупировал Вифинию, которая была возвращена Никомеду лишь в 84 г.), но и боровшегося со своим сводным братом Сократом Хрестом, которого тот же Митридат поддержал войсками: в 93/92 г. Сократ захватил Вифинию, а Никомед бежал в Рим; лишь в 89/88 г. Никомед при помощи Рима смог вернуть себе власть над Вифинией. — *Примеч. ред.*

¹¹ Согласно коринфской легенде, Посейдон вступил в спор с Гелиосом из-за области Коринфа, и третейским судьей в споре стал Бриарей. Исмийский персеек и окрестности Бриарей присудил Посейдону, а вершины над городом Коринфом (Акрокоринф) он отдал Гелиосу (Paus. II. 1. 6). — *Примеч. ред.*

¹² Ср. *orat.* XI, § 66. (Кекропс — в греческой мифологии первый афинский царь, автохтон (получеловек-полузмея). Земля Кекропса — Аттика. Согласно афинскому преданию, Посейдон и Афина поспорили из-за Аттики. Посейдон даровал источник на Акрополе, а Афина — оливковое дерево. Победа была присуждена Афине (см. *Her.* VIII. 55). — *Примеч. ред.*)

¹³ В 88 г. до н. э. Афины состояли в союзе с понтийским царем Митридатом VI против Рима. Римский полководец Л. Корнелий Сулла летом 87 г. осадил Афины, и в марте 86 г. римские войска ворвались в Афины, устроив страшную резню. Однако город сохранился, в отличие от Коринфа, который после осады 146 г. до н. э. в ходе Ахейской войны был уничтожен: по приказу римского полководца Л. Муммия, после захвата города мужчины были перебиты, женщины и дети проданы в рабство, и город подожжен. — *Примеч. ред.*

¹⁴ Диоклектиан, по предположению Förster'a, ссылающегося на *Lact. De mort. pers.* VII 10.

¹⁵ Согласно античной традиции, Крез, царь Лидии, посылал щедрые дары в греческие святилища, прежде всего в Дельфы и Эфес. — *Примеч. ред.*

с вашего соизволения, возобновил город¹⁶. За какое же пренебрежение он заслужил наказание, как за Ойнеево — Этолия?¹⁷

6. Разве похвально или по-божески те города, в созидании коих вы были пособниками людям, собственными руками насыпать и подражать поступкам детей, которые нашли в том забаву, уничтожить то, что сделали? А то, Посейдон, разве похвально, что из-за Аттики, где город еще не был силен, ты вступил в спор с родственницей¹⁸ и в акрополе, в столь дальнем расстоянии от моря, устроил морской шум¹⁹, а такой и по величине, и по качествам своим город не только не возлюбил, но даже пошатнул его основание?

7. Действительно, какой город, не скажу, больше размерами, но красивее? По размерам он уступал четырем²⁰, в той мере пренебрегши величиною, сколько грозило утомить ноги жителей, а в отношении красоты одни оставлял позади себя, с другими равнялся, но во всяком случае побеждаем не был, охватывая объятиями своими море, вдаваясь в море окончечностями, подступая подковой и восходя на холм, перерезываемый двумя парами портиков, проходящими через весь город²¹, блистая общественными постройками и непрерывным рядом частных, с равнины до

¹⁶ В 286 г., когда Диоклетиан ввел тетрархию, он сделал Никомедию восточной столицей Римской империи. В 324 г., после того, как Константин Великий разбил Лициния (чьей столицей по традиции была та же Никомедия), Никомедия на последующие 6 лет, до основания Константинополя, стала столицей единой империи Константина. — *Примеч. ред.*

¹⁷ Ойней/Эней — в греческой мифологии царь Калидона (Этолии). Однажды, принося богам благодарственные жертвы за урожай, он забыл про богиню Артемиду, а та в отместку наслала на Калидон чудовищного вепря, уничтожавшего леса и посевы. — *Примеч. ред.*

¹⁸ См. выше цитированное место *orat. XI*, § 66.

¹⁹ В споре с Афиной за Аттику Посейдон ударил трезубцем в скалу, откуда забил источник (по другой версии, ударил в берег и произвел коня). Проиграв спор, Посейдон хотел затопить Аттику, но Гермес по приказу Зевса воспрепятствовал этому (*Gigin. Myth.* 164). — *Примеч. ред.*

²⁰ Рим, Константинополь, Антиохия, Александрия. — *Примеч. ред.*

²¹ Подобное в Антиохии, см. *orat. XI*, § 196.

вершины горы, словно ветвей кипариса, одной над другой, орошаемый водами, окруженный охраной садов.

8. Здания курии, помещения для занятий красноречием, обилие храмов, обширные бани и поместительную гавань я видел, но не смог бы описать, скажу только, что, направляясь туда из Никеи²², на остальном пути вели мы беседу о деревьях, о том, чем урожайна земля, о близких и друзьях и древней мудрости, а миновав извилины гор, когда показался город — а это было на расстоянии до него ста пятидесяти стадий, когда он, значит, блеснул, — о прочем замолчали, и весь разговор сосредоточился на городе.

9. И ни плоды, качающиеся на ветвях, не привлекали к себе внимания, ни хребты²³ пажитей, ни работники моря, хотя как-то обычно взоры путника привлекает труженик моря, и когда он взмахивает веслом, и когда забрасывает сеть, и когда с удой подстерегает рыбу, но вид города был больше способен обворожить. Властно покоряя взоры своею красотою, он заставлял их устремляться на себя одного. И одинаково было увлечение и того, кто впервые видел город, и того, кто в нем состарился.

10. И вот один указывал соседу на дворец, сверкающий в заливе, другой на театр, сияющий над целым городом²⁴, третий на другие лучи, исходящие с разных сторон. А что побеждало, определить было бы трудно. Поэтому мы подъезжали, будто почитая статую. А на пути к Халкидону приходилось оборачиваться, пока природные условия пути не скрыли вид, и похоже было на то, что кончился праздник.

11. Как же не следовало всему составу богов, обступив такой город, охранять, приглашая друг друга быть внимательными, чтобы никакой беде не проникнуть к нему? На самом деле, одни

²² Либаний был приглашен на должность софиста в Никею (Ер. 901), город в Вифинии, согласно постановлению никейского совета, но вскоре был переведен распоряжением наместника Вифинии и согласно просьбе совета города в Никомедию (в 344 г.). — *Примеч. ред.*

²³ Применение к нивам выражения Гомера о море, «хребет, хребты моря».

²⁴ Ср. выше, стр. 382, § 194, стр. 391, § 239 [554; 569].

напали, другие отступились, а никто не защитил. И все то, о чем я рассказал, когда-то было, а теперь не существует.

12. О, божество, какой локон вселенной оно унесло! Как ослепило другой материк, выбив славное око! Как пролило по Азии нестерпимое безобразие, как бы вырубив рощу на длиннейшем протяжении или обрезав нос на самом красивом лице! О, несправедливейшее из землетрясений, что это ты наделало? О, отшедший город, о, название, попусту оставшееся! О, скорбь, промчавшаяся по земле и морю! О, молва, которая потрясла сердце чело- века всякого возраста, всякого общественного положения!

13. Кто столь каменный, кто столь стальной²⁵ сердцем, чью душу не уязвила эта весть? Кто столь владеет слезами, чтобы не удариться в слезы? О, испытание, превратившее в одну бесформенную кучу бесчисленные красоты города! О, несчастный луч, на какой город упал ты на восходе, и какой покинул на закате!²⁶

14. Недолго оставалось до поры «заполнения площади»²⁷, а бо- ги, хранители города, покинули храмы, и он носился, подобно оставленному кораблю. Владыка же трезубца потрясает землю и вспенивает море. И корни города уже не держались крепко, но стены сталкивались со стенами, столбы со столбами, крыши па- дали вниз, фундаменты выскакивали²⁸. И все приходило в беспорядок. Появлялось наружу, что было сокрыто, а что было наружу,

²⁵ Ср. т. I, стр. 437 [675], т. II, стр. 189 [252].

²⁶ Значит, землетрясение произошло в течение дня, после восхода солнца, в полдень, см. § 14, и к закату превратило город в кучу развалин. Согласно Consul. Cr. (Chron. min. ed. Mommsen 1, pg. 239 ad a. 358) cf. Förster, vol. IV, pg. 322, оно произошло в конце августа 358 г. См. т. I, стр. XXXVII [45]. (По словам Аммиана Марцеллина, 24 августа на рассвете тучи закрыли небо, образовав непроглядную тьму, и вскоре начались удары катаклизма; после второго часа дня, но до исхода третьего (т. е. после 8–9 часов утра) землетрясение закончилось и атмосфера очистилась (XVII. 7. 2–3; 5). — *Примеч. ред.*)

²⁷ Суда уточняет (s. v.), что данное выражение означало время с середины утра до полудня, когда на афинской агоре проводились в том числе политические мероприятия. — *Примеч. ред.*

²⁸ Марцеллин сообщает, что поскольку большинство домов было построено на склонах холмов, они сползали вниз и падали один на другой (XVII. 7. 4). — *Примеч. ред.*

то скрывалось. Те очертания и их связи и вид, складывающийся из частей, всё смешал в одну грудую напор.

15. Люди, находившиеся за работою, засыпаемы были общественными и частными постройками. У гавани было убито много лучших людей избранного общества, которые были в сборе вокруг правителя²⁹. Театр, обрушившись, увлек с собою прилегающие здания, население, бежавшее всякий раз в еще не тронутое землетрясением место, достигши туда, было засыпаемо. Море под давлением напора заливало сушу. Огонь, где сколько его было, охватив деревянные части, присоединял к землетрясению пожар, и какой-то ветер, как говорят, раздувал пламя³⁰. И теперь обширный город — обширный холм. А ускользнувших от бедствия не много, и они блуждают израненные.

16. Солнце всевидящее, что же с тобой стало, когда ты зрело и это? Как не удержало ты такого большого города, исчезающего с земли? Но из-за коров, на которых покусились голодавшие моряки, ты пускаешь в дело все средства и грозишь небожителям передаться Плутону³¹, а украшение земли, труд многих царей, создание долгого труда, неужели не пожалел, когда его похищали³² среди дня?

²⁹ Аристенета, ср. т. I, стр. XXXVII [45], orat. I, § 118. (Аристенет находился в должности викария диоцеза Pietas. Марцеллин уточняет, что он скончался после долгих мучений, от удушья и/или голода, будучи засыпанным внутри здания (XVII. 7. 6). Аристенет был одним из ближайших друзей Либания в Никомедии, с которым Либаний после отъезда из города очень часто переписывался. Дружба эта сохранилась надолго, вплоть до 358 г. — *Примеч. ред.*)

³⁰ Марцеллин уточняет, что большая часть храмов, частных домов и людей могли уцелеть, если бы не полыхавший в течение 5 дней и ночей пожар, который уничтожил все, что могло гореть (XVII. 7. 7). — *Примеч. ред.*

³¹ Имеются в виду белоснежные быки Гелиоса, которые паслись на острове Тринакрия. Несмотря на запрет, спутники Одиссея убили и съели несколько быков. Гелиос узнал об этом от своей дочери Лампетии и обратился к Зевсу с требованием о наказании святотатцев. При этом Гелиос пригрозил: «Если же вами не будет наказано их святотатство, В область Аида сойду я и буду светить для умерших» (пер. В. А. Жуковского). Зевс в ответ разбил молнией корабль Одиссея (Homer. Od. XII. 352–388). — *Примеч. ред.*

³² ἀναρπάξω, ср. т. I, стр. 23 [127, 85].

17. О, красивейший из городов, сколь ненадежному холму был ты поручен, лукавому с самого начала и взявшему пример с лукавого коня, сбросившего с хребта хорошего наездника! Где теперь улицы? Где портики? Где дороги? Где источники? Где площади? Где школы? Где священные участки? Где то богатство? Где юность? Где старость? Где бани самих Харит и Нимф, из коих самая обширная, названная по имени построившего царя³³, стоит целого города? Где теперь курия? Где народ? Где жены? Где дети? Где дворец? Где ипподром, крепчайший вавилонских стен?

18. Ничто не осталось нетронутым, ничто — неистребленным. Всё охвачено бедствием. О, обилие вод, где теперь ваше течение? При каком доме? При каких водоемах? Обсыпались каналы и расселись проводники вод. Скопляющаяся вода льется из ключей, прокладывая себе путь в оврагах и застаиваясь во впадинах. Никто не черпает, не пьет, ни люди, ни птицы. И им страшен огонь, что ползет всюду из-под низу и, где уступит ему верхний слой, взметывается в воздух. Богатый населением город днем необитаем, а ночью посещаем толпою призраков, которые, мне кажется, вызовут тесноту у подземных обитателей, когда проникнут на Ахеронт³⁴.

19. Вошли в пословицу³⁵ «лемносские беды»³⁶ и «Илиада бедствий», и память о них останется, но чрезмерность бедствия желающий покажет на этом примере: случилось, в других местах,

³³ Точно назвать имя монарха невозможно, но известно, что Диоклетиан вложил огромные средства и развернул масштабные строительные работы в Никомедии, стараясь сделать ее равной Риму (Lact. De mort. VII. 10). Либаний, будучи софистом в Никомедии, был вынужден, из-за нехватки времени, вести уроки в общественных банях (Or. I. 55), в том числе, видимо, и в упоминаемой. — *Примеч. ред.*

³⁴ Ахеронт — в греческой мифологии одна из рек в Аиде, через которую Харон перевозит души умерших. — *Примеч. ред.*

³⁵ ὅμνεται здесь, вероятно, в этом более общем смысле, как ῥέεται, см. т. I, стр. 357, 1 [576, 215].

³⁶ Эта пословица связана с преданием о женщинах острова Лемнос, которые однажды забыли принести жертву Афродите. Обиженная богиня наслала на этих женщин ужасное зловоление. Тогда мужчины острова стали изменять им с фракиянками. В отместку лемнианки однажды ночью перебили всех мужчин

землетрясению одно разрушить, другое пощадить, но этот город оно сравнило с землею; бывало, некоторые оно сравнивало с землею, но не повергало столь большого. Ведь если бы он лишился людей, унесенных повальной болезнью, или и не пал благодаря всенародному жертвоприношению вне города по обряду, не пришлось бы справлять траур всякому городу. В действительности, повергнуто то и другое, и вид города распался в убиении³⁷.

20. Пусть же рыдает всякий остров, всякий материк, и земледельцы, и моряки, и деревни, и хижины, и всё, что принадлежит к людской породе, и пусть охватит вселенную тот вопль, что раздавался в Египте при смерти Аписа³⁸. Теперь следовало бы, чтобы слезы даны были и скалам и разум птицам для сообщества в плаче.

21. О, гавань, убегая от коей, корабли выезжали в открытое море, спешно разрубая канаты! Прежде полная грузовых судов, она не обнаруживает и входящего в нее челнока, но страшнее

на острове и, став фактически амазонками, прославились своими набегами на Фракию. — *Примеч. ред.*

³⁷ Марцеллин рисует жуткую картину: «Одни были раздавлены тяжестью падавших сверху обломков и погибли под ними; другие были засыпаны до шеи и могли остаться в живых, если бы оказали им помощь, но погибали из-за отсутствия таковой; некоторые висели, пронзенные выдавшимися концами брусев. Один удар сразил множество людей, и те, кто только что были живыми людьми, теперь представляли взору в виде горы трупов. Рухнувшие верхние части домов погребли некоторых невредимыми внутри зданий и обрекли их на гибель от удушья и голода... Некоторые, засыпанные страшными обвалами, лежат под ними и доселе. Другие с разбитой головой, оторванными руками и ногами, находясь между жизнью и смертью, взывали о помощи к другим, находившимся в таком же положении, но в ответ раздавались лишь жалобы на то же самое...» (XVII. 7. 5–7; пер. Ю. А. Кулаковского). — *Примеч. ред.*

³⁸ Апис — в древнеегипетской мифологии священный бык (бык Осириса), храм которого находился в Мемфисе. Это бык выбирался из массы животных по особым признакам (в целом — черный бык с особыми белыми отметинами). Египтяне верили, что ритуальный бег Аписа оплодотворяет поля. Смерть быка Аписа считалась большим несчастьем, умершего бальзамировали и хоронили по особому ритуалу в специальном склепе Серапеуме около Мемфиса. — *Примеч. ред.*

купцам, чем жилище Скиллы³⁹. О, несчастье путников, которые не идут по лунообразному⁴⁰ и тенистому пути, что привлекательно вился по краю залива, но, сев на корабль, оплывают берег, к коему прежде спешили, трепеща, словно перед Харибдою, на море свидетельствуя прежде существовавший путь!

22. О, дражайший город, ты сразил людей своим бедствием, ты его потерял своим падением, и все племя людское погружено в моления, ожидая, что осуждено на кончину всего мира! Ведь ни к чему уже не может быть пощады после самого красивого его достояния.

23. Кто бы, окрылив меня, унес туда? Кто бы поставил на вершине? Горестный вид! Но некоторое утешение поклоннику обнять лежащий мертвым предмет любви своей.

³⁹ Скилла (Сцилла) — в греческой мифологии морское чудовище, подстерегавшее мореходов в пещере на крутой скале узкого пролива (по другую сторону которого жило другое чудовище — Харибда). — *Примеч. ред.*

⁴⁰ Ср. о подковообразной панораме города с моря, § 7.

МОНОДИЯ НА ХРАМ АПОЛЛОНА В ДАФНЕ Orat. LX F¹

1. Мужи, глаза коих заволоклись туманом, как и мои, конечно, не будем более звать этот город ни красивым, ни великим² <...>

2. Царя персов, предка того, кто ныне воюет, взявшего город изменою и сжегшего³, когда он двинулся на Дафну с тем же

¹ Речь сохранилась не вполне, с пробелами, датируется ноябрем 362 г., после пожара, уничтожившего храм. Многие фрагменты речи сохранились благодаря цитированию в «Слове о блаженном Вавиле, а также против Юлиана, и к язычникам» Иоанна Златоуста (§ 18–19), в котором этот ученик Либания критикует (вполне умеренно) данную речь своего бывшего наставника. — *Примеч. ред.*

² Флавий Филострат во II в н. э. пишет, что Аполлоний Тианский пришел в «великую Антиохию» (I. 16). — *Примеч. ред.*

³ «Ныне воюющий» царь персов — Шапур II. Его предок — Шапур I, шахиншах Ирана в 241–272 гг. н. э. О захвате персами Антиохии в его правление. ок. 250 г. н. э. сохранилось известие у Аммиана Марцеллина: «Так, однажды в Антиохии во время глубокого мира один мимический актер со своей женой во время театрального представления изображал выхвачен-

намерением, бог заставил переменить его, и, бросив факел, он поклонился Аполлону. Так, явившись, бог его смягчил и примирил <...>

3. Тот, кто привел на нас войско, счел для себя лучшим сохранить храм, и красота статуи⁴ победила варварский гнев. Теперь же, Солнце и Земля, кто и откуда этот враг, который, не имея нужды ни в гоплитах, ни во всадниках, ни в легковооруженных, всё истребил малой искрой⁵ <...>

4. И у нас тот великий потоп не увлек, но он низвергнут среди ясной погоды, по уходе тучи <...>

5. Значит, когда твои жертвенники томились жаждой по крови, ты оставался, Аполлон, строгим блюстителем Дафны, и в то время как тобою пренебрегали, кое-где тебя и оскорбляли, и перебивали то, что извне было предоставлено в почет тебе⁶. Теперь же, после множества мелкого скота, множества быков,

ные из жизни сценки, и публика залюбовалась изяществом исполнения, жена его вдруг сказала: “Если это не сон, то вот персы”. Публика повернула головы и, стараясь спастись от тучи пущенных в нее стрел, рассеялась кто куда мог. Город был подожжен, убито много мирно разгуливавших людей, в окрестностях произведены были страшные грабежи и поджоги, и враги с огромной добычей беспрепятственно ушли домой. Мариад [куриал Антиохии, который был осужден за растрату и бежал к персам], который безумно привел их на гибель своих сограждан, был сожжен живым. Это случилось во времена Галлиена [253–268 гг.]» (XXIII. 5. 3; пер. Ю. А. Кулаковского). — *Примеч. ред.*

⁴ Статуя Аполлона, которая своими размерами соответствовала огромной статуе Зевса в Олимпии. Статуя была установлена по приказу Антиоха IV Епифана (175–164 гг. до н. э.) — *Amm. Marc. XXII. 13. 1.* — *Примеч. ред.*

⁵ Аммиан Марцеллин сообщает, что храм был уничтожен внезапным пожаром, в котором, возможно, был виновен философ Асклепиад, оставивший в храме на ночь горящие свечи. Император Юлиан же подозревал в поджоге христиан, поскольку, по его мнению, они были недовольным возводимым новым портиком храма (XXII. 13. 1–3). Судя по данному фрагменту, Либаний не разделял эти подозрения Юлиана. Христианский иерарх Иоанн Златоуст отнес пожар к деяниям св. Вавилы, гробница которого недавно была перемещена из Дафны по приказу императора Юлиана (§ 17). — *Примеч. ред.*

⁶ Так переводим ввиду параллельного места проповеди св. Иоанна Златоуста, о св. Вавиле, против Юлиана, § 18, pg. 567 B (cf. Förster, s. t., pg. 314).

приняв поцелуй государя⁷ в ногу, узрев того, кого ты предвещал, после того как возвешенный тобою узрел тебя, после того как ты избавлен от негодного соседства, некоего мертвеца, докучавшего своею близостью⁸, ты отпрянул среди поклонения тебе. Чем же еще нам гордиться пред людьми, поминающими о храмах и статуях?

6. Какого, о Зевс, лишены мы отдохновения для утомленной души. Сколь чистое от тревог место Дафна, еще чище храм, как бы гавань при гавани создана была самою природою, причем обе они защищены от волн, но вторая обеспечивает больше покоя⁹. Кто бы там не избавился от недуга, не страшнул с себя страха, кто не забыл бы горе? Кто пожелал бы островов блаженных?

⁷ Императора Юлиана. Сам Юлиан писал: «Я забыл, сколько раз ходил к храму Дафны, который сначала был предан нерадением его хранителей и затем уничтожен наглыми деяниями безбожных мужей...» (Misopogon. 346 b-d; пер. Т. Г. Сидаша). — *Примеч. ред.*

⁸ О могиле св. Вавилы и по схолию к этому месту речи Либания в рукописях (см. у Förster'a, ad loc.). (Эту историю подробно описывает Иоанн Златоуст в упомянутом выше Слове: «Этот царь, постоянно ходивший в Дафну с множеством даров и множеством жертв и проливавший потоки крови от убийства животных, сильно налегал на демона, требуя предсказания и прося высказать, что у него на уме. Но тот мудрец, который, как говорят, знает число песка... уклонился сказать прямо и открыто, что он не мог говорить, так как уста его заграждены святым Вавилою и исходящей от соседей силою... место Дафна, сказал он, наполнено мертвыми, и это препятствует предсказанию... Услышав это, лицемер [Юлиан] повелел унести гробницу [Вавилы]... никто из остальных мертвецов, а только один мученик был перенесен оттуда... Гробница была влекома по всему пути, и мученик, как атлет какой, возвращался со вторым венцом в свой город...» (§ 15–16). — *Примеч. ред.*)

⁹ Созвучным по настроению является описание Флавием Филостратом Дафны, увиденной глазами Аполлония Тианского: «Действительно, в тех краях протекает речка Ладон и почитается священный лавр, некогда бывший девой. Храм окружен кипарисами необычайной красоты, а местность изобилует полноводными и тихими родниками, в коих, говорят, омывался сам Аполлон. Там же, по рассказам, вознесся из земли росток дерева, прозванного по Кипарису, ассирийскому юноше, — и поистине, красота дерева делает такое превращение достоверным» (I. 16; пер. Е. Г. Рабинович). — *Примеч. ред.*

7. Недалеко Олимпии¹⁰, и праздник соберет города. А они явятся, ведя быков в жертву Аполлону. Что будем делать? Куда погрузимся? Кто из богов раздвинет для нас землю? Какой вестник, какая труба не вызовет слезы? Кто назовет Олимпии праздником, когда недавнее падение внушает рыдание?

8. Дай мне лук, с натянутой на рог тетивой, говорит трагедия¹¹. А я говорю — и это кое-какое предвещание, — что одной возьму, а другой стрельну в того, кто сделал, о, нечестивое дерзновение, о, скверная душа, о, наглая рука! Это какой-то новый Титий или Идас, брат Линкея¹², не большой, как тот, и не стрелок, как этот, но одно только это знающий, безумствовать против богов. Сыновей Алоея, пока они еще раздумывали о кознях на богов, ты остановил, Аполлон, смертью¹³. А этого, издали несшего огонь, разве не встретила стрела, летящая в самое сердце?

9. О, десница Тельхина¹⁴, о, преступный огонь! Куда же он прежде всего упал? Каково было вступление бедствия? Начав ли с крыши, он распространился на прочее, эту голову, лик, чашу, кифару, хитон, спускающийся до пят? А Гефест, распорядитель огнем, разве не пригрозил истребляющему огню, будучи обязан

¹⁰ Олимпии в Антиохии должны были состояться в 364 г. — *Примеч. ред.*

¹¹ Прямая цитата из Еврипида (*Orest.* 268). — *Примеч. ред.*

¹² Великан Титий пытался овладеть Латоной и был убит за это ее детьми, Аполлоном и Артемидой. Идас и Линкей, сыновья Афарей, известны своим смертельным сражением с Диоскурами. Согласно «Илиаде», Идас выступил против Аполлона, похитившего его жену-нимфу: «И могучего Ида, храбрейшего меж земнородных Оных времен: на царя самого, стрелоносного Феба, Поднял он лук за супругу свою, легконогую нимфу... Плакала целые дни, как ее стреловержец похитил» (IX. 558–564; пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

¹³ Сыновья Алоея, сына Посейдона — великаны От и Эфиальт. Славилась непомерной силой и гигантским ростом. Они угрожали богам взгромоздить гору Осса на Олимп, а на Оссе — гору Пелион и достичь так неба; оба были убиты стрелами Аполлона (см. *Homer. Od.* XI 305–320). — *Примеч. ред.*

¹⁴ Тельхины — в греческой мифологии подземные божества-кузнецы, обитавшие на Родосе, изобретатели различных искусств. Зачастую им приписывалось злое колдовство и изготовление таких предметов искусства, которые приносили вред и гибель. Аполлон, когда задумал овладеть островом Родос, освободил его от власти Тельхинов (*Diod. Sic.* V. 56. 1). — *Примеч. ред.*

благодарностью за древнее извещение?¹⁵ Но разве и Зевс, держащий бразды над дождями, не пустил воду на пламя, и притом, после того как когда-то погасил костер постигнутому несчастьем лидийскому царю?¹⁶

10. Что же сказал себе предпринявший войну? Откуда же, наконец, эта смелость? Как он сохранил свое стремление? Как не бросил своего решения из почитания к красоте бога?

11. Мужи, душу мою влечет к виду бога и перед глазами моими воображение восстанавливает образ, кротость лика, нежность шеи на камне, пояс под грудью, стягивающий золотой хитон, так что часть его подобрана, часть вздымается, а вся внешность чей кипящий гнев не утишила бы? Он представлял поющего песнь. И кое-кто иногда, как говорят, и слышал его игру на кифаре в полдень. Счастливый слух! Песнью же было восхваление земли. Ей он, мне кажется, и делал возлияние из золотого киафа¹⁷, за то, что скрыла деву, разверзшись и снова замкнувшись¹⁸.

¹⁵ Здесь Аполлон отождествляется с Гелиосом, который сообщил Гефесту о том, что его жена Афродита изменяет ему с Аресом (Homer. Od. VIII. 270). — *Примеч. ред.*

¹⁶ Согласно рассказу Геродота, после захвата столицы Лидии, Сард, войсками персидского царя Кира II взятый в плен Крез был приговорен к сожжению на костре. Кир в последний момент решил пощадить его, но костер уже разгорелся и потушить его не смогли. Тогда Крез громко воззвал к Аполлону, и Аполлон наслал сильный ливень, потушивший костер (I. 86–87). — *Примеч. ред.*

¹⁷ Киаф — древнегреческий сосуд с одной ручкой, напоминающий по форме современную чашку. Ручка у киафа больше и возвышается над кромкой сосуда, поскольку киафы использовались для зачерпывания вина. — *Примеч. ред.*

¹⁸ Согласно позднему, но подробному рассказу Овидия, Дафна, дочь Геи и бога рек Пеня, стремилась остаться целомудренной, как Артемида. Аполлон преследовал Дафну, и та взмолилась отцу о помощи. Боги превратили Дафну в лавровое дерево, которое Аполлон сделал своим излюбленным и священным растением (Met. I. 452–567). Поэтому в Дельфах победителям на состязаниях в честь Аполлона давались лавровые венки (Paus. VIII. 48. 2). Однако Либаний представляет в данном фрагменте иную версию, согласно которой Дафну поглотила земля (ее мать Гея — ?). По всей вероятности, это одно из местных преданий, о которых Павсаний оговаривается, что предания о Дафне, распространенные у сирийцев, «живущих на Оронте», сильно отличаются

12. Взопил путник на восходе зари, зарыдала любимая обительница Дафны, жрица бога, ударяя себя в грудь, и пронзительный вопль, пронесшись по обильному деревьями месту, достигает, грозный и потрясающий, города; око правителя, только что вкусившее сна, он поднял с ложа горьким словом, он помчался, как безумный. Он, которому нужны были крылья Гермеса, сам приступил к сыску корней беды¹⁹, пылая внутри не меньше, чем храм, а балки падали, охваченные огнем, губя всё, что настигали, Аполлона немедленно, так как он был в небольшом расстоянии от крыши, затем прочее, красоту Муз, статуи основателей города, сверканье камня, красоту колонн²⁰. А толпа людей стояла кругом, рыдая, не зная, чем помочь, как случается с теми, кто

от преданий Эллады, и поэтому он их пересказывать не будет (VIII. 20. 2). — *Примеч. ред.*

¹⁹ По словам Марцеллина, Юлиан пришел в страшное раздражение и, подозревая христиан, повелел произвести тщательное расследование (XVII. 13. 2). Иоанн Златоуст уточняет обстоятельства следствия: «Когда это случилось, тотчас ведут жреца этого демона [т. е. Аполлона] в судилище и заставляют назвать виновника; но так как он не мог, то, подвергнув его пыткам, нанесли ему много ударов; а потом, подняв его на воздух, скоблили ему бока, но не узнали ничего более... жрец был привлечен, чтобы он засвидетельствовал, что происшествие было делом не гнева Божия, а злоумышления человеческого; но среди пыток и мучений не могли выдать никого, он засвидетельствовал, что огонь был послан от Бога» (§ 17). И хотя прямых улик против христиан добыть не удалось, Юлиан повелел закрыть самую большую в Антиохии церковь (Amm. Marc. XVII. 13. 7. 2). Возможно, что упоминаемая Марцеллином версия о вине философа Асклепиада, «ничем не доказанный слух», была выявлена в ходе данного следствия. — *Примеч. ред.*

²⁰ Иоанн Златоуст дал интересное описание пожарища, основанное явно на личных впечатлениях: «Умолив Бога ниспослать огонь на капище, вместе сжег всю кровлю, и истребив идола до конца ног и показав, что он пепел и прах, стены все оставил стоять в целости. И если бы кто теперь пришел к тому месту, то не сказал бы, что это происшествие было делом огня; пожар был не беспорядочный и происходил точно и не от бездушного вещества, но как будто какая-нибудь рука водила огонь и указывала, что следовало пощадить, а что истребить — так стройно и искусно раскрыто было капище, и стало оно подобным не просто сожженным зданиям, но таким, которых ограды в надлежащем виде, а не достаёт одной только кровли. Все прочее, и колонны, как поддерживающие кровлю, так и преддверие, все устояли, кроме одной в задней части здания» (§ 17). — *Примеч. ред.*

видят с суши кораблекрушение, чья вся помощь — оплакать то, что происходит.

13. Великий, должно быть, плач подняли выскочившие из источников Нимфы, великий плач — сидевший где-либо вблизи Зевс, плач, какой естественно было поднять при сокрушении почета его сыну, великий плач толпа бесчисленных демонов, населяющих рошу, не меньший плач в середине города Каллиопа²¹, когда огонь творил обиду водителю хора Муз <...>

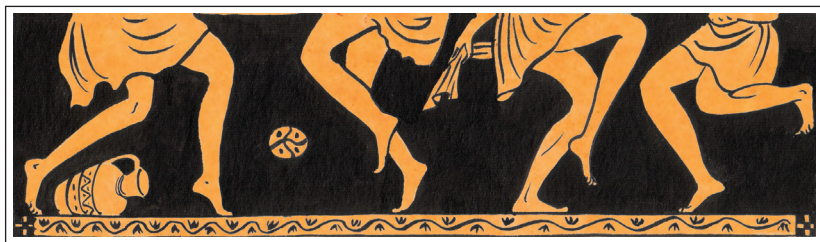
14. Стань и теперь, Аполлон, тем, каким тебя сделал Хрис, проклиная ахейцев, — полным гнева и подобным ночи²², потому что, в то время как мы возвращали тебе жертвы и возмещали то, что было отнято²³, предмет почитания успел быть похищен у нас, словно какой жених, умерший в момент, когда уже сплетали венки.

²¹ Упоминаемый в Ог. I. 102 Музейон, видимо, являлся храмом Каллиопы, которая была патронессой Антиохии. — *Примеч. ред.*

²² Сюжет из начальной части «Илиады». Когда Агамемнон отказался выдать Хрису, жрецу Аполлона, его дочь Хрисеиду, захваченную ахейцами в плен, Хрис взмолился о мести к Аполлону. Бог наслал на греческое войско моровую язву, которую он прекратил также по просьбе Хриса, как только Агамемнон вернул Хрису дочь (I. 9–43; 430–457). Либаний цитирует описание разгневанного Аполлона: «Громко крылатые стрелы, биясь за плечами, звучали В шествии гневного бога: он шествовал ночи подобный» (I. 46–47; пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

²³ Ср. выше, к § 5-му, место св. Иоанна Златоуста из проповеди о св. Вавиле.

НА КАЛЕНДЫ

Orat. IX F¹

1. Вот праздник и сам приводит свое веселье, чтобы сотворить нам благо, а мы раньше еще не воздавали ему похвалы, и притом зная, что это почет и самим тем божествам, кому праздники посвящены², этот же праздник принадлежит как раз великому божеству³.

¹ Речь датируется 392 г. и посвящена празднованию январских календ (1 января). — *Примеч. ред.*

² Январские календы (1–5 января) в римском календаре завершали целый праздничный цикл — Брумалии в честь Диониса фракийского (с 24 ноября до 17 декабря), Сатурналии (в честь римского Сатурна) и Опалии (в честь римской богини плодородия Опы) с 17 по 23 декабря, и Воты (с 23 декабря по 1 января), празднование в честь греческого бога Пана. — *Примеч. ред.*

³ Месяц январь в римском календаре был посвящен богу Янусу — двуликому божеству дверей, входов и выходов, а также, что важно для начала года, начала и конца. Изображалось божество с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны (к прошедшему и к будущему). Согласно преданию, Янус первым в Италии устроил храмы богам и установил обряды

2. Что же мы могли бы ему ответить на его упреки и обвинения, если, воздав столько похвал людям, мы пренебрегли таким важным праздником, и притом зная, что раньше нас некоторые не потерпели такого промаха?

3. Так как, следовательно, без воздания хвалы, мы не могли бы оправдаться, — что бы мы и могли сказать? — оправдаемся, произнося хвалу. Ведь лучше скончать жизнь, уплатив, чем оставшись в долгу.

4. Этот праздник, юноши, вы найдете распространенным на всем пространстве, насколько простирается римская держава⁴, и каждый и приходит в возбуждение, и радуется, и весел⁵. И если бы людям возможно было ускорять время, что, говорит Гомер, Гера делала с солнцем⁶, его торопили бы и все провинции, и всякий город, и всякий дом, и каждый человек.

5. Праздник расцветает во всех равнинах, на всех холмах, на всех горах, озерах, реках, где есть суда и плывущие, — то же было бы и на море, если бы море не оказывалось недоступным для плавания вследствие времени года, — причем матросы и купцы вместе и рассекают водную поверхность, и празднуют.

6. Всюду попойки, и смех, и сибаритские трапезы, таковы у богатых людей, но и стол бедного лучше обыкновенного. Дело в том, что людьми овладевает некая страсть к расходам, так что, прочее время услаждаясь скопидомством, в ту пору они считают

священнодействий, и поэтому он заслужил первого упоминания в молитвах. — *Примеч. ред.*

⁴ Этот праздник справляли и христиане — в 353 г. он был признан римской церковью, в 379 г. — константинопольской. — *Примеч. ред.*

⁵ Согласно традиционным представлениям, особенная веселость во время празднования январских календ гарантирует веселую жизнь на весь год. — *Примеч. ред.*

⁶ Гера приказала солнцу зайти раньше времени в день гибели Патрокла — см. Гомер. II. XVIII. 239–242: «Тою порою Солнцу, в пути неистомному, Гера, Противу воли его, в Океан низойти повелела. Солнце сокрылося в волны, и рать благородных данаев Вся от тревоги и общегубительной брани почила» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

трату добытком, и раньше привыкши обуздывать свой аппетит, тут, сколько могут, угождают своему желудку.

7. И что еще более подобает, даже не раскаиваются, те, кто угодили, как правильно поступивши так. Ведь обычай требует есть и пить больше, и кто так поступает, те являются достаточно удовлетворившими требованиям праздника.

8. И земля полна почестей, так как люди чтут друг друга подарками и дарами гостеприимства, причем одни поступают из городов в города, другие из деревень в деревни, или из деревень в города, и одни добыча охоты, другие выкормлены дома⁷. Тропинки и дороги полны грузов, одних, несомых людьми, других, влекомых четвероногими, и этих самых и более ценных еще более полны крытые пути в городе и поперечные улицы⁸.

9. И одним одинаковое удовольствие дать и получить, другим, если и нельзя получить, приятно — подарить по самой этой возможности дать. И землю скрашивают весною цветы, а праздник подарки, поступающие всюду отовсюду.

10. И называя этот праздник самой приятной порою года, иной не ошибся бы, так что, если бы все время можно было бы жить в таких же условиях, не были бы у людей в той славе, как теперь, острова блаженных⁹. Приятна, конечно, первая ласточка,

⁷ По всей видимости, речь идет о традиционном для Сатурналий жертвоприношении — закалывании свиньи. К Сатурналиям же относится обычай обмена подарками между родственниками и друзьями, особые льготы рабам, освобождаемым от обычного труда (см. § 11). Таким образом, во времена Либания уже входит в силу традиция переноса отмечания традиционных языческих празднеств, прежде всего Брумалий и Сатурналий, на январские календы, поскольку на конец декабря приходится христианский праздник Рождества (судя по данным Иоанна Златоуста, введенный в Антиохийской церкви в 370-х гг.), и на Брумалии и Сатурналии попадал пост. Эта традиция была законодательно закреплена лишь имп. Юстинианом в VI в. (запретив Брумалии, Сатурналии и Воты, Юстиниан расширил празднование январских календ с 25 декабря по 5 января). — *Примеч. ред.*

⁸ Ср. *orat.* XI (Ἀντιοχικός), § 196 след.

⁹ Ср. *orat.* LX, § 6. (В древнегреческой мифологии Острова блаженных — страна на крайнем западе, где находят вечное пристанище люди, получившие бессмертие от богов, или те из смертных, чью жизнь судьи загробного мира

но не мешает работать, а этот праздник требует в свои дни, чтобы всё, что причастно труду, уступало ему, и позволяет отдаваться ему всей душой.

11. Эти дни освобождают толпы юношей от двойного страха, из коих один внушают учителя, другой — педагог. Эти дни приносят сколько возможно свободы. Иной раз и проявивший нерадение раб считается провинившимся, но удара не следует, но, если даже, уклонившись от работы, он сядет за игру в кости, уважение к празднику вызволяет человека¹⁰.

12. Они отсрочивают и процессы, и доносы, и наказания, заперев в судах двери, а обвинителям уста. Мне кажется, они распространяют некоторую долю удовольствия и на самые тюрьмы. И как-то я спросил лицо, назначенное состоять при них¹¹, не проникает ли и туда сколько-нибудь праздничной радости, а он сказал, что проникает и что праздник и на узниках проявляет свое воздействие, сгоняя пасмурность с лиц и вызывая даже у иного из них и улыбку.

13. Он убеждает и отца, который лежит, снедаемый тоскою по смерти сына, и гнушается пищи, примириться с ним, откинуть свою мрачность, перестать оставаться грязным и идти в баню, и к чему не мог убедить его своими словами самый красноречивый человек, то в силах оказывается сделать праздник¹².

(Минос, Радамант, Эак) признали праведной и благочестивой. На островах царит вечная весна, души праведных гуляют по прекрасному лугу (Елисейским полям), окруженному красивым лесом, и проводят время в беседах. — *Примеч. ред.*)

¹⁰ Ср. описание Феодосия Макробия, младшего современника Либания, создавшего свои «Сатурналии» ок. 430 г., о праздновании начала года: «...и матери семейств предлагали рабам обеды, как [это делали] в Сатурналии [сами] господа: те [предлагали рабам обеды], чтобы в начале года с почетом пригласить рабов для выражения милости, [а] эти — [чтобы] воздать, так сказать, благодарность за совершенную работу» (I. 12. 7; пер. В. Т. Звиревича). — *Примеч. ред.*

¹¹ Служащий тюрьмы, именуемый *commentariensis* (Cod. Theod. IX. 3. 7; Amm. Marc. XXVIII. 6. 24). — *Примеч. ред.*

¹² Этот фрагмент позволяет датировать речь, поскольку в нем имеется в виду смерть сына Либания, Кимона. После неудачной попытки добиться для Кимона назначения на должность правителя провинции (Кимон ожидал решения

14. Он примиряет и гражданина с гражданином, и пришельца с пришельцем, и мальчика с мальчиком, и женщину с женщиной, и возобновляет расторгнутую родственную близость, причем те, кто стараются примирить, напоминают только о празднике, пренебрегая всеми прочими прежними доводами.

15. Важно в нем и следующее. Он становится людям учителем в том, чтобы они не слишком цеплялись за золото, но жертвовали им и влагали его в чужие десницы. Этот урок получает от него и государь, когда, подслушав крик петухов, будящих ночью, он убавляет свою казну¹³ раздачами, украшая подарок своею рукою, действуя лично, а не отдавая распоряжение о выдаче.

16. Что же? Разве праздник не мил учителям? Самый любимый, и не менее, чем лето сеятелям. Он дает возможность собирать золотые яблоки и хвалить свои чрезмерные труды, как потраченные даром, когда даже явится то, с какою целью они производились [гонорар]¹⁴, и скамья воспримет плод.

17. Общая отсюда радость и получившему, и дававшему. Ведь является уже для уплатившего вознаграждение, слава справедливости, и вместе он утешает получившего и делает его лучше. Так и в отношении приобретения образования может быть полезным этот праздник.

18. Украшение ему и имя, инсигнии, и дело консулов. Из них одних он отпускает, других поставляет на смену им <...>¹⁵ Затем

вопроса в столице) Либаний в начале 391 г. пишет друзьям в Константинополь с просьбой прислать Кимона домой (Ер. 1000–1003). По дороге Кимон недалеко от Тарса ломает ногу, его привозят в Антиохию, где он вскоре умирает (см. Or. I. 279–280). — *Примеч. ред.*

¹³ Речь идет не о государственной казне, а о доходе от аренды земель, входивших в *res privata*. Эти доходы не были предназначены для каких-либо специальных общественных нужд, и император расходовал их по своему усмотрению, в том числе на пожертвования. — *Примеч. ред.*

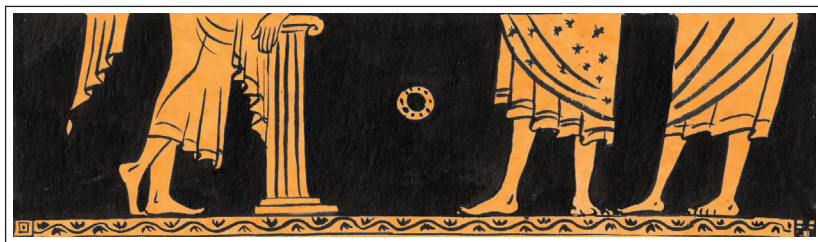
¹⁴ Согласно римской традиции, в первый месяц года учителям выдавали плату за прошедший год. — *Примеч. ред.*

¹⁵ Смысл слов *δὴ τούτῳ πορεύομένους*, по неясности их здесь, вызывает у критиков предположения порчи, пробела в тексте, или посторонней вставки. (Консулы вступали в должность в январские календы. — *Примеч. ред.*)

наступает то же, и жертвенники богов теперь не всё получают, так как закон препятствует¹⁶, а раньше запрещения это новолуние вызывало много огня, много крови, много туку, поднимавшегося со всякого места к небу, так что и у богов был в праздник изобильный пир.

¹⁶ Ср. orat. XXX, § 16, § 17, т. I, стр. 204 [370] след. (Имп. Феодосий (Cod. Theod. XVI. 10. 7 от 381 г.) запретил «ранее запрещенные» жертвоприношения, а также жертвы, приносимые в целях предсказания. Это запрещение было подкреплено в 385 г. (Cod. Theod. XVI. 10. 9) запрещением жертв для гаданий по печени и иным внутренностям. Окончательно жертвоприношения были запрещены в 392 г. после падения префекта Востока Татиана (Cod. Theod. XVI. 10. 12). Тем не менее в особых случаях практика жертвоприношений (без языческого богослужебного ритуала) все еще разрешались законом (см. Cod. Theod. XVI. 10. 17 от 399 г.), но только если случаи подобных торжеств обуславливались общественными нуждами. — *Примеч. ред.*)

О НЕНАСЫТНОСТИ

Orat. VI F¹

1. Нелегко встретить, господя, человека, который не поносил бы Судьбы и не называл ее несправедливою, а себя несчастным. Называет ее неправою, а себя считает несчастным тот, будучи красив, за то, что невелик, этот — большого роста, за то, что некрасив, а иной, обладая обоими этими качествами, за то, что не силен, а кто обладает всеми тремя, винит богиню² за то, что к этому не быстр.

2. Но если бы даже в его распоряжении были все физические достоинства, он не удовольствовался бы и не был бы благодарен

¹ Датировка речи не определена, однако по контексту, даже смелости в отношении к высокопоставленным должностным лицам (§ 5) она относится к поздним произведениям оратора. — *Примеч. ред.*

² В ранней греческой мифологии богинями судьбы были Мойры — в классической версии три сестры Лахесис («дающая жребий»), Клото («прядущая»), Атропос («неотвратимая»). Однако, начиная с эллинистической эпохи, Мойр в данной функции замещает богиня Тихе — божество случая, символизирующая изменчивость мира и случайность любого факта личной и общественной жизни. — *Примеч. ред.*

этому божеству, но «я — не ритор, — скажет он себе, — не знаю я и врачебного искусства, не господствую в беседе, не умею играть на кифаре и командовать войском». Итак, минуя то, что у него есть, перечисляя то, чего нет, он думает, что не встретил Судьбы, причем несправедлив он, а не она несправедлива к нему.

3. И в этом он, может быть, менее станет громко поносить Судьбу, но при поминании о деньгах и должностях, увы! как нападки часты и ничто не остановит их злоречивого языка! Один, обрабатывая одно поле, пеняет что — не два, другой, в свою очередь — два, что не три, кто — три, что не четыре, а кто десять, что не двадцать, кто опять столько, — что не вдвое столько, а кто вдвое столько, что не во много раз столько. И никакое число не прекращает ни стремления, ни претензий.

4. То же испытывают они и когда подумают, что есть нечто большее того количества денег, коим они располагают, и потому одна и та же сумма для них и мала, и велика, велика прежде, чем она в руках у них, мала, будучи уже в руках. Тысяча талантов золота³ — мало, ввиду двух тысяч, и, в свою очередь, две тысячи ввиду в десять раз большей суммы.

5. И вообще нет ничего, что бы заставило похвалить Судьбу. Таков и вопрос о должностях. Кто-нибудь правит городом, несчастен потому, что не правит провинцией. Другой — провинцией, жалок потому, что — не несколькими. Иной несколькими, почему он не префект⁴. Несчастливым считает себя в душе тот, кто никому не уступает, кроме одного того, в чьих руках скипетр. И тот великий префект⁵, если он не явится восседающим в звании

³ Талант — самая крупная весовая и денежная единица в Древней Греции. В эпоху Либания талант — это анахронизм, риторическая отсылка к древним временам, а выражение «тысяча талантов золота» означает просто «очень много». — *Примеч. ред.*

⁴ Префект претория региона (Востока, Италии и Африки, Иллирии, Галлии). Управляющий несколькими провинциями, т. е. диоцезом, — комит или викарий. Управляющий провинцией — консуляр или презид. Правящий городом на Востоке — член городской курии. — *Примеч. ред.*

⁵ Имеется в виду префект Константинополя, который был по должности председателем «великого сената» — сената Константинополя. — *Примеч. ред.*

консула. Приходит и это отличие, а он, желая во всем убеждать и направлять государя, куда ему угодно, если не в состоянии будет так делать, считает и это нестерпимым, и Судьба ему враждебна, и ничего от себя не дала.

6. Сколь богиня эта — самая кроткая, юноши, и, может быть, иной раз и смеется пред безрассудством тех, которые заявляют, что они получили мало, как, прогневившись, не отнимает тотчас того, что дала, давая урок в том, сколько у них было, а они не замечали!

7. Мне кажется, и Кир, и Дарий, и Ксеркс⁶, наступая войною на ту страну, которой еще не обладали, поступали так, пеняя Судьбе за то, что не владели этим, и, если бы этот персидский царь стал владыкою Греции, он потребовал бы, мне кажется, у Судьбы целого мира, в противном же случае злословил бы ее, что она относится к нему неблагоприятно.

8. И если даже человек во всем будет располагать Судьбою, он сидит, стеная о том, что человеку неизбежно умереть, и считает счастливым небо и солнце за то, что они всегда будут и не погибнут никогда. Таким образом, человек существо ненасытное и неблагодарное.

9. Поэтому и Гектор, которому оказывали почести, подобающие вождю и ожидаемому преемнику на царстве отца, молит получить почести Аполлона и Афины, как достойный у троянцев и таких⁷. Итак, встречая меньшие почести, чем какие считает себе подобающими, он полагал, что несчастен.

10. Когда же, наконец, друг, ты будешь хвалить Судьбу, если богом не будешь, а захочешь этого, и если не получишь в удел жертвенников и жертв, и притом еще будучи человеком, а прочее все будешь считать малым?

⁶ Знаменитые персидские цари и завоеватели древности, чьи деяния знали все образованные граждане, изучавшие Геродота и других античных авторов. Владыкою Греции пытались стать и Дарий, и Ксеркс. Либаний же, скорее всего, имеет в виду Ксеркса, захватившего Афины. — *Примеч. ред.*

⁷ См. *Hom. II. VIII. 538–541*: «...О! если бы столько же верно Был я бессмертен и жизнью моею никогда не стареющ Славился всеми, как славятся Феб и Паллада Афина, — Сколько то верно, что день сей несет аргивянам погибель!» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

11. Был в Египте некто, человек любостязательный⁸. Он дружил с теми, у кого не было детей, дабы самому быть усыновленным ими. Ставши из бедняка богатым, входя во владение имуществом умиравших, он тяготился теми из этих отцов, которые еще были живы. А когда другое лицо завидовало ему, страдая тем же недугом, в его судьбе, благодаря коей у него образовалось одно большое состояние из многих, «Не зови еще меня счастливым, — сказал он, — прежде чем и эти умрут», разумея тех, на чье имущество зарился.

12. Нечто подобное случилось бы и с тем полководцем, который победил в битве, но утверждал бы, что не одержал полной победы, потому что не разрушил город врагов. А обратить в бегство фаланги⁹, любезный, и преследовать, и ранить, и низвергнуть, да еще снять доспехи и отдать подобрать трупы, разве все это могло быть выполнено при нежелании Судьбы?

13. Я знаю и купцов, которые посещали много гаваней и, не смогши побывать в некоторых, заявляли, что плавали при неблагоприятной судьбе. А проплыть, любезнейший, большое морское пространство при благоприятном ветре и многими торговыми предприятиями увеличить свое состояние — разве это не удача?

14. Да какими же были бы сочтены те, которые, лишь вышли в открытое море, и потонули, как часто бывает от внезапных ветров? Ведь если это достойно сострадания, то тот, кто переплывал моря и нередко достигал гавани, выезжая в море неоднократно для продажи груза, увеличил свою казну, как не будет признан

⁸ Возможно, имеется в виду Оптат, наместник Египта в 384 г., который за свои злоупотребления был снят с должности и арестован. В 390 г. Либаний жестко критикует Оптата, в свое время помилованного и ставшего даже членом константинопольского сената, за выступление против кандидатуры Фалассия, друга и помощника Либания, представленного для включения в состав константинопольского сената (Or. XLII. 14–18). Если это так, то мы имеем датировку речи — после 390 г.

⁹ Фаланга — традиционный македонский, характерный для эпохи эллинизма, способ построения войск (тяжеловооруженной пехоты), который для эпохи Империи был анахронизмом. Как и в случае с талантом, перед нами риторический прием, символизирующий связь оратора с классическими образцами античной риторики. — *Примеч. ред.*

взявшимся за торговлю с помощью Судьбы? От того самого, значит, в чем они оговаривают Судьбу и чем она нимало не удовлетворяет их, у них печали их, огорчения, коими они изводят себя.

15. Но, человек, поклонись богине, как удачник, если ты здоров будешь душою, нетронуту будет твое тело, жена будет добродушна, добропорядочны сыновья, цело отцовское достояние, если будешь располагать прямыми друзьями.

16. И ты, кто снискиваешь средства жизни трудами рук своих¹⁰, считай важным, что владеешь ими, и ты, защитник, — что владеешь речами, и если даже никто не дает должности¹¹, и ты, правивший городом, если и никто не даст других¹², и ты, учитель, жизнь в свободе от повинностей¹³. И всякий, кто, не нуждаясь во врачах, омывшись, отправляется к трапезе, свободный от опасений, внушаемых сикофантом¹⁴, и он должен бы быть в числе справедливо восхваляющих Судьбу.

17. Об этом на днях говорил я и одному из своих знакомых. Когда мы были уже в одних рубашках, чтобы принять ванну, и я молил Афродиту и Сатира, чтобы мне уйти, усладившись, друг сказал, что нет человека его несчастнее. Я же, услышав, побранил его, если, обладая возможностью омыться, и пообедать, и приступить к вину, а не лекарству, он, после этого, считает себя несчастным. Он признает, что я говорил правду, и с этого времени, повторяя себе мои слова всякий раз, как бывал удручен душою, он тем облегчал свое настроение.

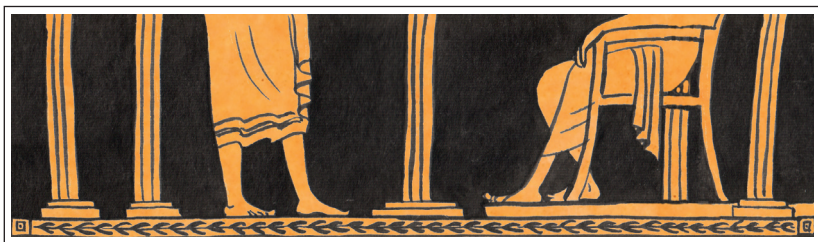
¹⁰ Либаний так обычно именует ремесленников. — *Примеч. ред.*

¹¹ Из судебных ораторов, адвокатов часто рекрутировались кандидаты на административные должности. — *Примеч. ред.*

¹² Либаний намекает на резкое уменьшение численности городских курий, в результате чего литургии ложились тяжелым бременем на плечи оставшихся, — ср. речь 388 г. «К императору о куриях» (XLIX). — *Примеч. ред.*

¹³ Должность официального городского софиста давала иммунитет от литургий. — *Примеч. ред.*

¹⁴ Сикофант — доносчик, клеветник в древних Афинах. Сикофанты держали в страхе состоятельных граждан, поскольку в некоторых судебных процессах часть имущества осужденного или штраф поступали обвинителю. Либаний вновь сознательно архаизирует свой текст. — *Примеч. ред.*

О ТОМ, ЧТО БЫТЬ НЕПРАВО БОГАТЫМ ЖАЛОСТНЕЕ БЕДНОСТИ

Orat. VII F¹

1. Вчера вечером некто скорбел и стenal, перечисляя нищих, одних стоявших, других бывших не в состоянии и стоять, третьих — и сидеть, и одних увечных, других более исхудалых, чем иные из мертвецов. Он говорил, как жалко, что люди, одетые в такие лохмотья, переносят такой холод, причем на одних только перевязки по бедрам, у других обнажены руки и ноги, те от самых плеч, эти от паха.

2. Являлись некоторые, у которых не была покрыта ни одна часть тела, и каждый ежеминутно повторял свои просьбы прохожему дать что-нибудь, и важно было получить не только хлеб, но и обол².

¹ Речь была написана примерно в то же время, что и речь «К императору Феодосию в защиту храмов» (ср. § 10), т. е. где-то ок. 386 г. — *Примеч. ред.*

² Обол — греческая мелкая медная монета, составлявшая 1/6 драхмы. Обол имел символическое значение, поскольку именно эту монету клали с умершим для оплаты Харону за перевоз души через реку Стикс. — *Примеч. ред.*

3. В то время, как этот господин стенал и называл их жалкими, группа людей, принявших ванну³, со светильниками шумно шла на обед, где было всё, кроме нектара и амброзии. А тот воскликнул: «Как счастливы эти люди!» и распространялся о золоте, которое порождает обилие золота.

4. Я же отрицал, чтобы те, кто обладают богатством, непременно должны были считаться и блаженными. Ведь есть некоторые из чрезвычайно богатых людей, более достойные сострадания, чем те, чья десница весь день протянута ладонью вверх, призывая подать.

5. Ведь для последних беда заключается в искании даятеля, но недостатка в таковых у них не будет, следовательно, они живут, и нет никакого судьи ни на земле, ни под землею, который потребует нищего к ответу за нищенство, согласное его положению.

6. Нет и законов, положенных против тех, кто или не получили по наследству большого состояния, или сами не смогли его приобрести, но против тех, кто приобрели таковое, однако недобросовестным путем, бывают и доносы, и суды, и обвинения, и процессы, и ненависть со стороны и людей, и богов.

7. И если избегают здешних судов, больше ничего не бывает, но сидит тот судья, которого нельзя миновать, Минос, сын Зевса, с первого взгляда отличая душу неправую и правую⁴. А помощи дурной душе нет ниоткуда, ни от искусства слова, ни от обилия денег, ни от родства или друзей, но ей приходится отторгнутой, куда назначено, переносить кару.

8. Итак, тому, чье сострадание направится куда следует, скорее, чем нищие, заслуживающими сострадания покажутся богатые, хотя бы те клятвенно заверяли о своем полном голодании.

³ Речь идет о посещении общественных терм — см. о них в примечании к Ог. XI. 212: по словам Либания, эти термы располагались удобно для жителей каждой части города. — *Примеч. ред.*

⁴ Минос после смерти стал вместе с Радамантом и Эаком судьей над душами мертвых в Аиде (Plato. Apol. 41 a). Души порочных людей низвергались в тартар на вечные муки, души обычных людей оставались в Аиде безгласными теньями, и лишь души немногих достойных сохраняли в Аиде память и способность говорить. — *Примеч. ред.*

Ведь, конечно, гораздо ужаснее, чем спать с собаками на мусоре, спать на серебряных ложах⁵, добытых недобросовестно.

9. И вот из тех, кто составили себе большие состояния, найдешь немало ограбивших других, не под стать этим нашим грабителям, что обижают в малом, но отнявших много рабов, много домов с квартирами, много поместий⁶, много грузовых судов, золота, серебра, платья.

10. Другие присвояют священные участки и храмы, с вполне легким сердцем сбросив, затем, статуи с подставок, третьи наполняют храмы мякиной⁷, а более храбрые, разрушив их⁸, даже поселились в домах, построенных из их камня⁹.

11. Из них одни уже понесли кару, другие еще нет, но ничто их от того не избавит. Говоря «их», разумею их, и детей, и внуков, так как кого ни поразит удар, он поразит того смельчака.

12. Итак, их следовало бы жалеть скорее, чем тех, кто смотрят на чужие пальцы [давальцев], потому что последним смерть прекратит нужду в средствах для жизни, а первых за малое время удовольствия постигнет нескончаемое возмездие.

⁵ Антиохия славилась изделиями своих мастеров по серебру, изготовлявших не только украшения, но и в большей степени серебряную домашнюю утварь (см. Or. XXVIII. 17–18; 20). — *Примеч. ред.*

⁶ Либаний описывает трагическую картину вынужденной продажи декурионами своих поместий в Or. XLVII. 9–10. Иоанн Златоуст сообщает, что на городской площади Антиохии шла непрерывная покупка/продажа поместий и земельных участков, и приобретали их, в основном, крупные собственники, «ненасытно жадные» к приобретению земли (MPG. 47. 363–364). Либаний упоминает среди покупателей разбогатевших чиновников и военных командиров, ростовщиков и богатых торговцев (Or. XI. 7; 11; 12; 34; 54; XLVIII. 37), причем, по словам оратора, они покупали поместья не торгуясь (Or. II. 12). — *Примеч. ред.*

⁷ Ср. orat. XXX, § 38, § 39.

⁸ См. т. I, стр. 490 [729].

⁹ Лишь при имп. Юлиане те, кто построил себе дома из камней храмов, должны были вносить в казну особые выплаты (Or. XVII. 126). — *Примеч. ред.*

О БЕДНОСТИ

Orat. VIII¹

1. Богатым человеком люди считают и называют того, у кого много золота, много серебра и земли, рабов, домов, помещений под квартиры, кораблей, стад. И у кого не все это есть, но есть что-нибудь из этого в наивозможном количестве, и того так называют, и одного более богатым, чем другого, а того менее богатым этого, и одного и того же — тем и другим, смотря по тому, как у него прибывает или убывает его достояние.

2. И он сам радуется, когда состояние его увеличивается, или всё подряд, или некоторая его составная часть, и являются к нему те, кто состоят с ним в родстве или дружбе, чтобы разделить его довольство и радость.

3. Когда же Судьба его обездоливает и распускает свою пряжу², много готовых сочувствовать, и печаль, в той же мере, как

¹ Другое название этой речи «О друзьях». Датировка ее не определена. По тональности и упоминаниях о смерти друзей речь стоит отнести к поздним произведениям оратора. — *Примеч. ред.*

² Ср. т. II, стр. 400 [584].

раньше удовольствие, овладевает им самим, овладевает его близкими и знакомыми, и много толков в городах о том, что у такого-то состояние падает то по недобросовестности слуг, то по козням преступников³, то по приговору властей⁴. Может причинить подобное и поручительство⁵, и грузовые суда, потерпевшие аварию в плавании по морю за барышом.

4. И в банях, и в мастерских, и дома каждый с женой и детьми говорит о том, что по людскому расчету является переменою, каким из какого он стал, великим, потом малым, счастливым, потом жалким. Есть такие, которым это представляется даже горше смерти. А свидетелями в пользу такого мнения служат, по их словам, сами бедные, которые стенают, что не умерли.

5. Против этого не стану спорить и не стану попрекать ни за печаль, ни за толки об этом предмете. Но есть и другое богатство, и другая бедность, толпе такими не представляющиеся. Потому ни при наличности этого не называют они человека богатым, ни при убыли бедным.

6. Что же это именно? Друзья. Я утверждаю, что тот, у кого много друзей, и богат, и должен так называться, а тот, кого Плутон лишил этого⁶, становится бедным.

7. Разве не богатому и счастливому свойственно видеть многими глазами, слышать многими ушами, располагать многими

³ По всей вероятности, речь идет не только о хищениях, но и случаях, подробно описанных в речи «О патронатах», — отказ крестьян от внесения натуральной подати под прикрытием могущественных патронов или военных, отказ колонов от внесения полагающихся податей владельцу имения под прикрытием тех же лиц. В глазах землевладельца-декуриона, каковым был и Либаний, это были преступники. — *Примеч. ред.*

⁴ Имеются в виду случаи, нередкие в среде декурионов, когда недостача при отправлении дорогостоящих литургий (например, сбора натуральной подати) компенсировалась из имущества декуриона, в том числе по приговору суда наместника, контролировавшего отправление литургий и сбор налогов. — *Примеч. ред.*

⁵ Речь идет о финансовых гарантиях третьим лицам при торговых операциях, займах, а также в целях отправления литургий. — *Примеч. ред.*

⁶ Плутон — божество загробного мира. Речь идет о смерти друзей. — *Примеч. ред.*

руками и целыми телами и душами, благодаря друзьям?⁷ Или для тирана важно для охраны расположение к нему и численность телохранителей, а для частного человека расположение и многочисленность друзей ничтожны и не важны?

8. Итак, мне кажется, неправы и не имеют понятия о действительном положении вещей те, которые и это богатство не называют так, и притом когда они слышали ответ, какой дал о богатствах Александр Македонский⁸.

9. Если же друзья — сокровище и эти слова служат не менее в честь Александра, чем прочие трофеи, почему же мы не считаем богатым того, у кого много друзей, а у кого — ни одного, того бедным? Было бы делом благоразумных людей при каждой кончине, уносящей друга, говорить, что тот, у кого такой погиб, стал беднее.

10. На самом деле, когда умирают рабы, говорят это слово, и считается убытком не иметь в своем распоряжении столько же рабов, сколько раньше. А человек, вынесший и похоронивший друзей за друзьями, разве вернется с прежним состоянием?

11. Как же? Ведь если и не увидит больше тех, кто лежат в гробах, и не услышит от них ни слова, не воспользуется их помощью, оказываемой ими или по его предложению, или даже несмотря на его молчание, разве с отнятием такого достояния жизнь его не станет в худшем положении?

12. Ничто бы не воспрепятствовало человеку и быть в одно и то же время и бедным, и богатым, когда около него то и другое, большие средства, а друзей, вместо большего числа, меньшее, так

⁷ Об отношении с друзьями в понимании Либания см. Ор. XI. 214; 217. — *Примеч. ред.*

⁸ Согласно преданию, перед походом в Азию Александр Македонский раздал свое состояние (земли, селения, доходы с гавани или города, пр.) друзьям, и когда Пердикка спросил, что он оставляет себе, Александр ответил: «Надежды». Тогда Пердикка сказал: «Тогда предоставь мне долю в своих надеждах» и отказался от отписанных ему владений. Также поступили и многие друзья Александра. — *Примеч. ред.*

что, если один скажет, что он богат, а другой, что он беден, никто из двух не уличит другого во лжи. Ведь то же самое может случиться и в области красноречия.

13. Мы видим, действительно, что одни и без денег посвящают ему свою жизнь, другие не лучше в нем, чем купленные ими рабы. А между тем последние могут серебром хоть реки замостить⁹. И если кто скажет, что они бедны, иной поведет его к врачам для лечения чемерицей¹⁰. А тот, и улыбаясь, и поучая о бедности в красноречии, пожалуй, сможет многих убедить, что он здоров, так что в чемерице нимало не нуждается.

14. Следовательно, нам позволительно будет назвать людей, обладающих большим запасом золота, бедными ввиду того, чего они не приобрели и не имеют. Да позволено будет и про меня говорить, что я стал беднее. Вернее же, тот, кто этого не говорит, мне представляется, недостаточно ознакомился с моими обстоятельствами и с тем фактом, что понадобился бы день, дабы перечислить умерших у меня друзей¹¹.

15. Так и Ахилл стал беднее, после того как пал Патрокл, не из-за того, что он сжег вместе с его телом¹², но потому, что оплакивал Патрокла. И я себя хвалю, что поступил так, как,

⁹ Вся эта фраза переведена по приблизительному восстановлению испорченного в рукописи места у Förster'a, s. t.

¹⁰ Отвар чемерицы считался в древности средством от безумия. — *Примеч. ред.*

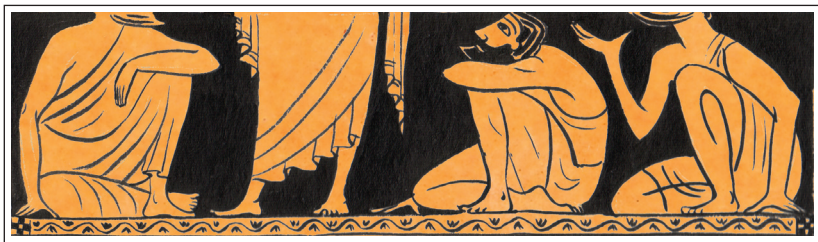
¹¹ Ср. *orat. I, § 151*. (В этом фрагменте «Автобиографии» Либаний пишет о своем несчастье в связи со смертью своих учеников — как жителей Антиохии, которых он хоронил лично, так и иногородних. Здесь же речь идет о его личных друзьях (вроде Аристенета, викария диоцеза Reitas, погибшего во время землетрясения в Никомедии). Список друзей Либания обширен — среди них и простые антиохийские декурионы (вроде Летоя и Антиоха), и высокопоставленные чиновники (вроде префектов претория Востока Стратегия и Татиана), как язычники, так и христиане. — *Примеч. ред.*)

¹² Похороны Патрокла подробно описаны в XXIII песне «Илиады»: Ахилл возложил на погребальный костер много овечьих шкур, кувшины с маслом и медом, четырех коней, двух из девяти своих псов, а также 12 тел троянских юношей, убитых им накануне. — *Примеч. ред.*

по словам Гомера, поступил он, услышав, что Патрокла уже не существует¹³.

¹³ Ахилл, оскорбленный Агамемноном, в течение длительного времени уклонялся от участия в битвах, но когда узнал о смерти Патрокла, вновь вступил в ряды сражающихся. Либаний имеет в виду, что, несмотря на печаль по поводу смерти друзей, не прекратил своих занятий красноречием, — ср. Ер. 391, в котором Либаний описывает свою печаль о смерти своих друзей в Никомедии: «Можешь ли вообразить, что со мной стало при известии о том, что самый дорогой мне город покрыл своими развалинами самых дорогих мне людей. Я забывал о пище, забросил речи, сон бежал от меня, большей частью я лежал молчаливо, одновременно лились мои слезы о погибших и моих друзей надо мною, пока кто-то не уговорил меня оплакать в речах город и тех, что не такой смерти заслуживали, о Зевс. Послушавшись этого совета и несколько отведши свою скорбь в своем сочинении, я становлюсь более умеренным в своем горе» (пер. С. П. Шестакова). — *Примеч. ред.*

К ТИМОКРАТУ

Orat. XLI F¹

1. Ты явился к нам, Тимократ, из театра, но лицо твое не показывало, что ты прибыл после театра и всех его удовольствий, а скорее — после каких-нибудь неприятностей, и таких, какие могли вызвать крайнее уныние. До такой степени подавленности дошел ты, любезнейший, не встретив — я слышал это — обычных шумных приветствий тех, кто себя отрядили на это дело. Что они так поступили, тому не удивляюсь, но дивлюсь тебе, если ты счел это стоящим уныния, безгласность тех людей.

¹ Речь написана после 382 г., но, скорее всего, существенно позже, в 392/393 г. Тимократ был консуляром Сирии в какой-то промежуток между этими двумя датами. Однако следует иметь в виду, что многие консуляры, занимавшие пост в течение этого десятилетия, известны: Марцеллин (ок. 382 г.), Пелагий (382/383 г.), Евмолпий (ок. 384/385 г.), Тисамен (386 г.), Цельс (387 г.), Лукиан (388 г.), Евстафий (388 г.), Евтропий (389 г.), Палладий (ок. 389/390 г.), Инфантий (390 г.), Капитолин (до 392 г.), Юлл (до 392 г.), Флоренций (вероятно, 392/393 г.), Север (до 393/394 г.), так что более предпочтительной кажется более поздняя датировка. — *Примеч. ред.*

2. Отношения извращены, Тимократ, и некоторые из подвластных людей хотят властвовать над правителями. Пожелав этого, они смогли того и достигнуть, привив к правителям страсть к их славословиям, причем они сами то воздавали их, то нет². И не воздав, огорчают, воздав же, радуют. И они возвели крики свои до значения платы, требуя за крики всего, чего им угодно³, и кто домогается их, тому нельзя не предоставлять им всего. Так дорого продают презренные свои крики⁴.

3. Итак, по отношению к недавно вступившим в должность они поступают так. Они уговариваются, взошедши на свои места, и сами молчать, и удерживать прочих зрителей угрозами путем жестов. Затем, день проходит, а те, кому принадлежит сцена⁵, окончив свое представление, уходят, причем никто не пикнет, правителю же это представляется чем-то возмутительным и большой долей несчастья. И сидя, он то краснеет, то бледнеет, и большею частью молчит, а говоря что-нибудь соседям, сам не сознает, что говорит. Затем, через посредство вестника, говорит нечто, чем рассчитывает расшевелить неподвижную толпу, а они, услышав, остаются прежними, как до его слов. Что же после этого предпринимает правитель? Разыскав

² Ср. описание действий театральных клакеров в XLVI. 17: «Кого же это я разумею? Тех, у кого одно дело — возглашать славословия правителям в театрах. В театрах именно у них сила, так как они властвуют над чернью благодаря мощи своих голосов, и этот народ мечет громы и молнии на кого пожелает, вопит, склоняет на свою сторону, а тем приходится плохо. Умолкают и поношения. Нужно только оказывать им почтение, а то погибнуть» (пер. С. П. Шестакова). — *Примеч. ред.*

³ В Or. XLVI. 18 Либаний рассказывает, что вожди театрально-ипподромных партий обложили данью ремесленников и торговцев, маскируя свои требования под кредит («взаймы»), являясь за взносами самостоятельно или присылая доверенных лиц. В случае отказа, в том числе по причине отсутствия средств, представители торгово-ремесленных корпораций могли подвергнуться погрому со стороны членов этих партий и/или наемных отрядов. — *Примеч. ред.*

⁴ Ср. об этом т. I, стр. 158 [302–303].

⁵ Имеются в виду актеры. Представления, как в классической древнегреческой драматургии, длились в течение всего дня. — *Примеч. ред.*

вожаков их⁶, он просит их не делать этого. Некоторые добавля- ют к этому еще и деньги. И когда те одно пообещают, другого попросят, происходит соглашение, что те будут кричать, а тот окажет всякую милость.

4. Согласно этому обычаю и нынче они промолчали и прибе- гли к обычной хитрости и против тебя, а самое возмутительное, что они получили. Очевидно, значит, что, если они смогли уни- зить тебя и поработили тем, что звука не издавали, криком сво- им подняв опять, они будут иметь тебя послушным и ни в чем не противодействующим.

5. Я же негодовал за это и на прошедшее время, вознегодовал и нынче, и нынче сильнее, так как разрушилась моя лучшая на- дежда. Ведь я полагал, что, если кто другой, то ты-то не будешь ставить их криков ни во что, но для тебя крик и молчание будут безразличны. На самом деле, и ты пал, и то, что ничего не стоит, очень дорого тебе. В самом деле, какова цена славословиям этих людей, которые с детства до нынешнего дня прожили в празд- ности⁷ и в большой порочности? Разве, Тимократ, ты не знаешь их, и притом прожив у нас столь долгое время?

6. Всё это люди пришлые⁸, прибывшие сюда с позором, вследствие самых своих преступлений изгнанные из своих оте- честв, одни, зарубив отцов, другие, наложив руки на матерей, из-за того, что уклонялись от ремесел, к каким их направляли родители. Далее, будучи детьми, они снискивали пропитание

⁶ По данным христианских авторов, представители городской знати являлись на зрелища в сопровождении толп своих приспешников (MPG. 47; 288; 317; 348–349), и именно они являлись руководителями театрально-ипподромных партий. Амфитеатр-ипподром находился в районе Епифания, классический театр — на склоне горы Касий, и большой театр, вмещавший 6 тыс. зрителей, в пригороде Дафне. — *Примеч. ред.*

⁷ Либаний (Or. XXVI. 8; XXIX. 31–32; XXXV. 13), как и Иоанн Златоуст (MPG. 49. 150), неоднократно подчеркивал, что ремесленники («кто занимается ремес- лом и этим добывает себе пропитание») не посещают театр. — *Примеч. ред.*

⁸ Иногородними называет Либаний в речи «Против тех, кто входит в покои наместнику» (LII. 15) также посредников в судебных процессах и адвока- тов, разбогатевших благодаря злоупотреблениям в судопроизводстве. — *Примеч. ред.*

на счет самой своей юности, а достигши зрелого возраста, с прекращением этого источника заработка, удалившись с родины, они поспешили сюда в видах на заработок от здешнего театра, желая жить в праздности и будучи в состоянии жить лишь на такой доход.

7. Именно, одни из них отдались в распоряжение мимов⁹, большинство — плясунов. И таковы их средства жизни — им служить, им повиноваться, им льстить, их чествовать, от них зависеть, ничего другого ни делать, ни знать. А те их содержат за большую или за меньшую плату. Меньшую, когда отдыхают, большую, когда пляшут. Всякие зазорные поступки делают они одинаково и днем, и по ночам, и честолюбие их в том, чтобы превзойти друг друга в чрезмерности этого бесстыдства, так, что тогда более всего считают они себя закрепляющими свое положение, когда легко для них сделать такое, о чем добронравным людям и слышать невыносимо.

8. Итак, они поднимаются в театр не для того, чтобы воздать криком соответственно качествам представления, но чтобы поднять его в той степени, сколько только хватит силы, так что, не присутствуя во время самого представления, но слыша их крики, никто не различит лучших и худших дней пляски.

9. И вот этих людей не больше четырехсот¹⁰, причем одни подсобляют одному, те другому, и, сперва сами себя развратив, они вкрадываются в дома людей благородного воспитания, уловляя, сколько могут, юношей, и убеждая увлекаться одним с ними предметом, и, если отцы у них живы, превращая их, сколько возможно, в воров отцовского достояния, а если они умерли, прямо в изменников. И дома многих можно видеть

⁹ О влиятельности мимов, к мнению которых прислушиваются и консуляры, см. Or. LIV. 42. — *Примеч. ред.*

¹⁰ Cp. orat. XLVI (C. Florentium), § 18, т. I, стр. 158 [303]. (Либаний пишет о 400 «волках», которые участвуют в погромах отдельных групп ремесленников или торговцев, проводимых по указанию вождей театральных партий. Подобные наемные отряды совершали нападения в общественных местах, устраивали публичные скандалы, погромы (Or. XXIX. 14–16; LXIII. 7). — *Примеч. ред.*)

разоренными за этими делами. Они повредили и занятиям юношей красноречием, одних сделав более нерадивыми, других совсем от них оторвав. Да что мне стараться выполнить невозможное дело — перечислить весь вред от них? Скажу только, что всюду на земле город наш ославлен благодаря nepотpeбcтвy и мepзocти этиx лyдeй.

10. И вот славословия этих людей ты, Тимократ, считаешь счастьем, по примеру большинства правителей. Ты бы по справедливости должен считать эти славословия со стороны негодных людей величайшим злом. Я считаю равным свидетельством доблести быть на дурном счету у негодных людей и на хорошем у серьезных. — Кто вас сочтет при этом за лучших людей? Какой правитель провинций? Какой префект? Какой лохаг?¹¹ Какой полководец? Какой государь? Какая курия? Какие земледельцы? Какие воины? Чей нрав они осудили, как слова тех, если они и хвалебны, могут они считать за нечто стоящее?

11. «Клянусь Зевсом, быть любимым городом подобает, а это было бы признаком любви». Значит, ты считаешь городом этих людей, у которых нет своего города, городом — бездомных, городом — безбрачных, которым нет никакого честного оправдания для жизни, а только то, что они негодны и делают зло? Кто угоден декурионам и детям их, кто угоден людям, испытанным на административных постах, кто угоден учителям, кто угоден учащимся, угоден труженикам земли, кто предоставляет свои услуги тяжущимся, как помощник им, кто зарабатывает средства жизни ремеслом, кто плавает по торговому делу¹², кто привлекает их своими поступками и побуждает любить себя, вот кого истинно любит город. А тот, кого любят, допустим, эти, презренные,

¹¹ Префект — префект претория; конечно, Либаний имеет в виду префекта претория Востока, но были и другие префекты претория — Галлии, Италии и Африки, Иллирии. Лохаг — офицерская должность (греч. «лох» обычно соответствовал лат. «центурия»), соответствующая званию центуриона или принципа. — *Примеч. ред.*

¹² Характерно для стиля Либания все профессии обозначены здесь не определенными терминами, а описательно. Потому и οἱ ἐπὶ τὸν ἄρχων ἐξητασμένοι означает не более, как οἱ ἄρχοντες.

не городом любим? С чего это? Нет, но недугом города, от коего избавиться было бы для города выгодой.

12. Что бы значили эти люди, произносящие перед вашими колесницами свои песни, в сравнении со столькими мириадами¹³, которые занимают город и негодуют на их поступки? А если бы они молились за вас, а лучшие люди и большинство проклинали вас, разве не злосчастны те, кому достается и то, и другое?

13. Кроме того, далее, в то время как у нас было много дурных правителей и немного хороших, о последних эти люди, оказываются, молчали, о первых же произносили эти свои славословия, но ни у последних не отняли их доброй славы, ни, избавив от худой первых, окружили их лучшей. Какая же тогда прибыль от славословий? Ведь они, случалось, хвалили и кое-кого дельных вместе с негодными, так что это было в обиду лучшим, когда они получали честь, одинаковую с теми, кто не были им под парю.

14. Обрати внимание, Тимократ, еще вот на что. Явились не так давно из Рима, чтобы править нашею областью, два мужа¹⁴, добропорядочных, справедливых, кротких, рассудительных, прошедших курс учения. Своему доброму имени, которое они стяжали прочими своими достоинствами, они повредили тем, что считали важной и похвальной вещью крики этих людей. И теперь, когда заходит о них какая-нибудь беседа, те, которые настроены несочувственно к ним, ссылаясь на это обстоятельство, признаются имеющими основание, а если бы кто-нибудь убедил тех правителей не придавать значения этим крикам, они были бы во всем безупречны.

15. Вы же так плохо судите об этой вещи и проявляете печаль по поводу молчания, что даже не колеблетесь просить крика при посредстве вестника. Ведь говорить: «Я не очень хорошо знаком с вами», и: «Чем недовольные, сидите вы?», и: «Чего ради молчите?», и: «Покажите себя передо мною», эти и подобные речи,

¹³ Риторическое обозначение множества. Мириада — 10 тыс. — *Примеч. ред.*

¹⁴ Ср. *orat. LII*, § 35. cf. *Sievers*, s. 262, по мнению *Förster'a*, неправильно привлекающий здесь *ер. 938*. (Один из них, судя по тексту *Либания*, был консуляром Сирии, а второй, видимо, комитом Востока. — *Примеч. ред.*)

очевидно, могут выражать только просьбу об их криках. А они, вскочив, вслед за тем, своевольничают в своих требованиях, будто повалив правителя в борьбе, заставляя его подниматься с его трона и приказывая поклоняться городу, городом называя себя самих. А из вас одни выполняют одно из двух, первое, а другие — то и другое. И когда этот обычай проник сюда, я не знаю, так как в прежние времена ничего подобного не говорилось и не делалось. Не видывали мы тогда и подобных бунтов, таких рук и каждого из зрителей уходящим в уверенности, что он подчинил себе правителя.

16. Здесь театр творит много противозаконного, и некоторые, схваченные там, были заключаемы в тюрьмы за несколько слов, произнесенных немногими. Ведь страсть к крику заставляет прислуживаться во всем прочем, и спешить в Дафну, и отправлять причиняющий городу бесчисленные беды праздник¹⁵, так как и юноши, благонаравно отправившиеся туда, возвращались, потеряв свое благонаравие. Ввиду этого, мне кажется, некий достойный государь прекратил¹⁶ этот праздник, а он опять возродился¹⁷, и это происходит, по приказу тех людей, а вашему им содействию, так как вы считали это за счастье. И с бесстыдством явившаяся туда толпа проводит там пять или больше дней, причем частью то зависит от них, частью и от вас. А между тем, если бы кто-нибудь вас, по возвращении вашем с многообразного этого пьяного веселья, спросил: «На что потрачено столько времени?», «Чем улучшив городские дела, возвращаетесь вы?» — что, ради богов, вы ответите? Или, — что тому месту подобало и крайнее бесчинство?

¹⁵ Праздник Маловуи, длившийся 5–6 дней, который Либаний называет «постыдным празднеством» (Or. XLV. 23): «Были люди, введшие постыдный праздник в Дафну. Справлять праздник значило всячески бесчинствовать» (Or. L. 11); «...название того праздника, в котором отсутствовало всяческое стеснение» (Or. X. 14). При императоре Юлиане этот праздник был запрещен (Cod. Theod. XV. 6. 2), но впоследствии возрожден (Or. L. 11; XLI. 16). — *Примеч. ред.*

¹⁶ В подлиннике «погасил», как часто у Либания, фигурально.

¹⁷ Cp. orat. L, § 11, orat. X, § 15. Julian. Misop., pg. 362 D. Malal., pg. 285, 1.

17. Вы бы не были вынуждены справлять подобного праздника, Тимократ, если бы не наложили на себя самих необходимости, лишаящей вас возможности в чем-либо противоречить. А теперь, подобно ручным львам, которые, лишившись свободы, роются перед угрозами надсмотрщиков, так вы, утратив свое положение [начальственных лиц], даете вести себя, из боязни молчания четырехсот. А они стали сильнее тех воинских чинов, которым крики установлены законом, сильнее самой курии, и получают от вас больше почестей, чем потратившие свое состояние на общественные повинности, и, лишь бы этот элемент был с вами, вам нипочем остальные. После того, по окончании службы вы знакомы с теми, с кем не нужно¹⁸, и замечаете, что честные люди вами пренебрегают в пору, когда требуются почести¹⁹, осудив угождения ничего не стоящим людям.

18. Знаешь ли ты Филагрия²⁰, того правителя, который и перенес, и избежал ту сильную бурю? Явившись как-то в театр, увидав представления среди полного молчания и сам с собою усладившись им, он удалился, и со стороны людей рассудительных встретил одобрение. Слыша, что это древний обычай, он подражал ему, той поре, когда властвовал правитель, а подчиненный повиновался власти, когда процветали доблести, а пороки подвергались преследованию. Поэтому для него лучшая его слава, что это и значило править. И когда впервые он приближался, некоторые из этих людей встречали его с песнью,

¹⁸ Место с пробелом и порчею в рукописи. Принимаем восполнение *Förster's*, s. t.

¹⁹ Ср. рассказ Либания об униженно малолюдной, пренебрежительной встрече в Антиохии в 388 г. отставленного от должности консулара Сирии Лукиана (Or. LVI. 1; 5–6; 10). — *Примеч. ред.*

²⁰ См. т. I, стр. 24, 68 [128–129; 185–186] и проч. См. и во Введении. (Флавий Эпархий Филагрий принимал участие в персидской кампании Юлиана (Ep. 1434; Amm. Marc. XXI. 4) и состоял в переписке с Либанием, так что расположение к нему оратора неудивительно. Описываемые в данном фрагменте события относятся к времени нахождения Филагрия в должности комита Востока в 382 г. — *Примеч. ред.*)

нечто говорившею о нем. Сказав ее начало, они должны были замолчать, так как он заявил, что нимало не нуждается в таких пустяках.

19. Желаю, чтобы ты соревновал этому отношению, чтобы следовал этим примерам и, в особенности, если возможно, очистил город от этой скверны, а если нет, лишил этот элемент настоящего его могущества. Ты добился бы этого, если бы показал, что стыдишься славословий этих людей.

О СНАДОБЬЯХ

Orat. XXXVI F = XXXV R¹

1. Самую жестокую скорбь вызывают у меня замыслы и покушения чародеев на мою душу и тело², но немало способствует унынию то обстоятельство, что, несмотря на ясно определившиеся козни, несмотря на распространение, можно сказать, по всему городу молвы о злодеянии, немало встречается с нами людей, считающихся нашими друзьями, из коих одни даже не желают ни говорить, ни слышать об этом предмете, а другие относятся к этим слухам с таким неудовольствием, что недалеко ушли от первых.

2. А между тем справедливость требовала бы, чтобы, если бы даже я останавливал их, когда они желали об этом говорить, они

¹ Данная речь является развернутым вариантом сюжета, описанного Либанием в своей «Автобиографии» (Or. I. 243–250). Поскольку фрагмент «Автобиографии» сам Либаний датирует 386 г. (243; 251), то и данная речь относится к тому же году. — *Примеч. ред.*

² См. т. I, стр. 79, 1 [199, 359]; Введение, стр. LXXIII [82].

не слушались меня и прибегали ко всем уловкам, какие в подобном случае подобают. Но они верны себе, юноши, если показывают себя в таком свете, вас же всякий естественно должен похвалить и за тот гнев, каким вы прониклись по поводу покушения, и за вашу досаду, что вы не знаете виновника его. Мне сдается, вы бы тогда не стали выжидать суда и следствия, но, вместо жалобы, прибегли бы все к собственноручной расправе.

3. Но, не будучи в состоянии стряхнуть уз, и стenea по этому поводу, и предпочитая смерть жизни, я боюсь того, как бы некоторые из грядущего поколения — ведь из нынешнего всякий, полагаю, отлично знаком с моим характером, — слыша о чародеях, о снадобьях и хамелеонах³, не подумали, что то было делом людей, мстивших мне за причиненное им мною зло, законы преступивших, но поддавшихся при этом естественному увлечению гнева за себя. Но мне приходится побеседовать о себе самом и о том, каков я в отношении к каждому общественному классу⁴ в городе. Таким образом, оказалось бы, что я не платился за несправедливость, а сам ей подвергся.

4. Среди кого же надо мне искать виновника этого злодеяния? Среди народной толпы и тех, кто снискивают средства к жизни ремеслами? Но я с ними в таких отношениях, что для одних оказался лучше отца, для других — детей, для третьих — братьев, по ежедневной обходительности и по неоднократной поддержке, отстранявшей от них опасности⁵. Сколько можно было достигнуть во время этих тяжких взиманий⁶ криком и гневом, столько было

³ См. *orat. I*, § 249.

⁴ ἔθνος ср. т. I, стр. 108, 1 [239, 34]; т. II, стр. 407 [593, 32].

⁵ Об отношениях Либания к ремесленникам см. *Or. II*, 61; LVIII. 4. Либаний энергично выступал против притеснений пекарей во время голода 382 г. при консуляре Филагрии (*Or. I*, 206–210) и в 384/385 г. при консуляре Икарии (*Or. I*, 226–229; XXVII. 9), а в 385 г. оратор решительно выступает против принудительных работ, возложенных на земледельцев (*Or. I*). — *Примеч. ред.*

⁶ Речь идет прежде всего о хрисаргире («златосеребряная подать»), которая уплачивалась золотом и серебром каждые 5 лет. Облагались этим налогом торговцы в широком понимании, т. е. те, кто продавал товары, в том числе собственного производства, или услуги. Землевладельцы, крестьяне

мною сделано, и я останавливал бичеванье слабых сильными⁷ и проявления безрассудства нанявшихся против своих нанимателей, так что, если кто из них допустил подобную дерзость на мою голову, я обижен.

5. Несправедлив поступок со мною и в том случае, если дошел до него кто-либо из декурионов. Действительно, есть ли кто-нибудь, кто бы не знал, сколько шагов всегда предпринималось мною и словом, и делом в интересах этой курии, пред начальниками провинций, пред правителями нескольких таковых, пред могуществом префекта, пред самыми владыками всего царства?⁸ Кто не знает той непрерывной войны, какую я вел в интересах курии пред лицом состоявших во власти, тех, кто ее благополучие считает собственной бедой, а бедствия ее своим счастьем и, превратившись в войско, поражают, хватают, то злословят, то причиняют зло действием? А между тем они завладели большинством ее состава — как? теперь не время говорить, — но они гневаются, что не всем⁹.

6. Чего они не предпринимали, желая меня сместить с моего звания и присоединить к своему составу, заверяя, что я буду и экзархом, и вождем, и всё подобное? И о чем нередко говорили, не умолчу о том. Именно, они добавляли, что и поклонятся мне. Однако меня это не убедило оставить свое звание, но, уважая своих предков, я счел нужным оставаться на том же посту, соблюдая то,

и сельские ремесленники, продававшие собственную продукцию, были освобождены от налогообложения, а городские ремесленники несли все тяготы сбора данного налога. К 387 г. в связи с грядущим юбилеем имп. Феодосия и войной с Магном Максимом расходы казны сильно возросли, поэтому сбор налога в 386 г. был особенно жестким. — *Примеч. ред.*

⁷ Как в случае с Кандидом, главой корпорации пекарей, при консуляре Икарии (Ог. XXVII. 9–11). — *Примеч. ред.*

⁸ Это последовательная властная вертикаль империи: консуляр провинции — комит Востока — префект претория Востока — император. — *Примеч. ред.*

⁹ Речь идет о *honorati*, ранее занимавших административные должности, автоматически ставших членами курии. Они составляли высшее сословие землевладельцев, при этом имея иммунитет от отправления литургий и налогообложения. — *Примеч. ред.*

что предоставлено бывшим правителям законом, и не лишая их почета, на какой они имели право, но желая быть справедливым к курии, так что и декурионы не могли бы меня обвинить в чем-либо подобном¹⁰.

7. Но я полагаю, что и из адвокатов никто не может меня прекратить ни в чем таком, из-за чего бы было ему основание приступить к этому наказанию мне. Окажется, что я всегда отзывался о них правителям одобрительно и вооружался против всякого, кто их оговаривал. Никого никогда не винил я, чтобы он в своей речи не соблюдал закона, и никогда не уговаривал ищущих адвокатов этих избегать, а тем предоставить свою защиту, заверяя, что эти — ничто, а те всё могут. И если в приветствиях кто-либо опережал меня, я считал себя провинившимся¹¹, и во время болезней их то сам посещал их, то посылал проведать, в каком состоянии их здоровье¹².

8. Хорошо. Но из вас, юношей, кем-нибудь сделан этот нечестивый поступок? Есть некоторые, за которыми числится немало своеволий в отношении ко мне, причем они желали предоставить первое место тому, чему природою отведено второе¹³. Но я не взыскивал за это и не подвергал наказанию, хотя наказать было бы мне нетрудно, если бы я захотел, но, предоставив им бесноваться, терпел их неистовство, не пеняя им, когда они не посещали урока, и не отталкивая, когда вздумается им посетить меня, что угодно ли кому назвать простосердечием, или тупостью, или добротой, я спорить не стану. И вот я не оставлял без призора их ни в недугах, ни в тех затруднениях, каким они подвергались

¹⁰ После получения почетной префектуры в 383 г. Либаний автоматически попал в состав *honorati*. Как мы видим из данного фрагмента, *honorati* хотели привлечь его в качестве представителя интересов их партии в курии, однако Либаний отказался. — *Примеч. ред.*

¹¹ Ср. *orat. II*, § 6, см. стр. 59 [80].

¹² О подобном поведении Либания по отношению к своим коллегами см. *Or. I*. 105; *II*. 21–22. — *Примеч. ред.*

¹³ Вероятно, речь идет о латинском и греческом образовании (ср. *Or. III*. 24). — *Примеч. ред.*

со стороны людей, охотно подводящих под ответ людей в таком возрасте, кому наименование воина служит большим подспорьем для издевательства¹⁴. В таких обстоятельствах я озабочивался, защищал, помогал, избавлял от тяжелой руки.

9. А что касается моего отношения к гонорару¹⁵, кто не восхищался им, кроме учителей, которым мой порядок был в убыток, потому что юноши требовали того же и у них? В чем же он состоял? Желавший давал, не желавший не давал. И желавших оказывалась самая малая часть, а не желавших много. Бесплатность бедняку доставляет его бедность, богатому богатство. Дело в том, что тот, кто богат, считает, что своим посещением школы он оказывает милость. И ни один не достиг бы той заботливости и справедливости к вам, как я. Поэтому, если это нынешнее чародейство окажется со стороны кого-либо из вас, я самым явным образом потерпел несправедливость, получив за добро зло.

10. Далее, надлежит мне оказаться наилучшим и в отношениях своих к учителям¹⁶. Действительно, тот аскалонец¹⁷ постоянно

¹⁴ Речь идет о старших военных чинах, чьи злоупотребления не только по отношению к воинам, но и к декурионам описаны в речи «О патронате» (§ 13; 17; 27). — *Примеч. ред.*

¹⁵ См. об этом также в Ор. III. 6; XXXI. 19–21. — *Примеч. ред.*

¹⁶ В Ор. XXXI. 8 Либаний сообщает, что в 360-х гг. у него в школе было четверо риториков — «руководителей молодых людей в познании древних писателей» — Гауденций, Ураний, Геродиан и Клеобул (подробнее см. т. I, с. 392, примеч. 5 данного издания). Из них Гауденций и Ураний были уже в возрасте (Гауденций, по словам Либания, преподавал до 80 лет (Ер. 749; 543), а Клеобул в 360-х получил административную должность в Константинополе). В 380-х гг. в школе Либания преподавали два его бывших ученика — Каллиоппий и Евсевий. Либаний высоко отзывался о способностях Каллиоппия (Ор. LXII. 35), который в 388 г. получил должность магистра *epistularum* (PLRE. P. 175), до этого, очевидно, продолжая преподавать (он умер рано, в 392 г. — Ер. 1051). Евсевий единственный из учителей школы Либания занимал более высокое положение в учебной иерархии — Либаний пишет, что Евсевий достоин звания софиста не менее, чем он сам (Ор. LIV. 52), поскольку он «делал ораторов» (Ер. 907). В 388 г. Евсевий был членом посольства Антиохии к имп. Феодосию, где представил панегирики Феодосию и Аркадию (Ор. I. 258). — *Примеч. ред.*

¹⁷ Эдесий, предполагает Förster, ср. *orat. IV, § 9, orat. I, § 8*. (По всей вероятности, речь идет об Ульпиане, первом учителе Либания (Ор. I. 8). — *Примеч. ред.*)

хватал кого-нибудь из них и одним грозил бичеваньем, других и бил. И, лишь он появлялся, все должны были, вскочивши с кресел, бегом сходиться вокруг него и провожать, и позволение возвращения к креслам они получали по его знаку; нельзя было встречаться с ним взором, но следовало опускать его долу и знать его первенство. Поэтому никто тогда не сидел наравне с другим¹⁸, но всё это время должно было принадлежать ему и его ученикам. Опускаю некий новый взнос юношей и что его взимал слуга, который был им приставлен для приема учеников, и что ввиду этих недоплат¹⁹ учителя были в трепете.

11. Принявший после смерти его начальствование был тоже из Палестины²⁰, и, хотя мог бы пользоваться теми же самыми преимуществами, не получил их, так как, полагаю, природные его дарования не достигали той же степени. Он не знал большинства даже по именам и, отстав от прочих, вел по углам компанию то с одними, то с другими.

12. Я же — ни то, ни другое, но избегаю стремления властвовать, как первый из двух вышеупомянутых, но нимало не был похож по дарованию на второго, но поддерживаю сношения со всеми, ни в чем не желая иметь привилегии, но ведя вместе с ними свои занятия на равной ноге. Дозволительно и смеяться, и шутить, и острить. И мои занятия то идут вперед их, то следуют за ними. Слыша, что юноши содержат при себе женщин²¹,

¹⁸ παρακάθημαι ср. т. I, стр. 37, 2 [146, 158]; orat. XLIII, § 2, LII, § 31, где ἀντικάθημαι.

¹⁹ ἔκδετα в противоположность ἔνδετα, по толкованию схолия в рукописи P⁴ и у Свида, v. Förster, ad loc.

²⁰ Зиновий (ep. 100), по предположению Förster'a, из Элусы, ср. orat. I, § 96, § 100, orat. IV, § 9.

²¹ Förster здесь предлагает чтение γύναια (греч. «женщина»), однако возможен и другой вариант — γένεα (греч. «борода»). Ученики покидали начальную школу для изучения риторики под руководством софистов в возрасте 14 лет, а максимальный возраст для обучающегося был 20 лет. Поэтому речь может идти не о любовных приключениях обучающихся, на которые они расходуют все свои деньги, но, скорее, об отставании в обучении, когда старшие по возрасту ученики посещали начальную школу, и, соответственно, вносили плату учителям начальной школы, а не риторам. — *Примеч. ред.*

я не поступал как обиженный человек, но равно воздерживался и от гнева, и от выпрашиванья. Не поправив другим приобретением продажи отцовского достояния²² и видя некоторых из них, из бедных сделавшимися богатыми, я радовался вместе с ними их благополучию, а за себя не горевал.

13. Но и когда некоторые из них становились дерзкими и вследствие дружбы с правителями относились пренебрежительно, я не преисполнялся гнева и не искал наказания, но, что это несправедливо, знал, и все же считал нужным терпеть. Когда ежедневно одни ученики присоединялись к одним учителям, другие к другим²³, в нарушение существующего закона, я знал ту печаль, какую причиняет уменьшение количества учеников, но сохранял спокойствие, чтобы избежать неудовольствий и, словно железный, сносил новые порядки. И могу и здесь показать себя дальнейшими речами, но считаю достаточным и этого. Таким образом, если кто и из этих знает, как проникло сюда то снадобье, он не может занять положение человека, подвергающего меня возмездия.

14. Таков я ко всем, и я полагал, раз это стало очевидным, город придет в движение, словно волны у Гомера²⁴, поощряя друг друга к сыску об этом предмете. И если найти не легко, все же следовало бы проявиться их желанию найти. На самом деле, им так далеко от подобного гнева и должного воздаяния за такое зло, что они мало чем отличаются от спящих. Поэтому ни один из всех не воскликнул, не ударил себя по бедру, не поднял руки в небо²⁵.

²² В 340 г. мать Либания под давлением обстоятельств продала поместье, доставшееся ей и Либанию в наследство от умершего отца оратора (Or. I. 58). — *Примеч. ред.*

²³ Ср. речь *О контрактах*, т. II, стр. 167 [220] след.

²⁴ См. Номер. II. IV. 422–426: «Словно ко берегу гремучему быстрые волны морские Идут, гряда за грядой, клубимые Зефиром ветром; Прежде средь моря они воздымаются; после, нахлынув, С громом об берег дробятся ужасным, и выше утесов Волны понурые плещут и брызжут соленую пену» (пер. Н. И. Гнедича). — *Примеч. ред.*

²⁵ Также риторическая цитата из Гомера: «Громко воскликнул и в бедра с досады ударил руками Азий Гиртакид, и ропчущий на небо, так говорил

А между тем подобало бы им и позволить себе в этом случае некоторый проступок, и дать волю рукам против кого попало, если последние и совсем далеки были от вины.

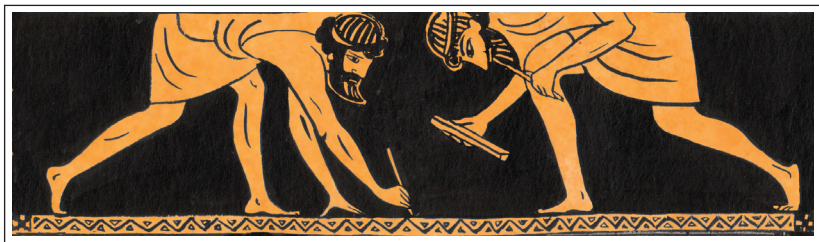
15. На самом деле, когда вознице или коню поставлено будет этим способом препятствие²⁶, все приходит в движение, будто город пропал, но я почтен равнодушием к этому делу. И быстро прекратились толки о том, чему я подвергся, причем одни не нашли ничего возмутительного в том, если кто меня сразил, а некоторые и за очень полезное дело, что душа у меня не такова, какова была, и я не чувствую охоты ни к речам, ни к публичным выступлениям, ни к чему-либо из того, что любил в прежнее время, но жажду смерти, выноса, могилы и недоволен, если кто напомнит о бане, недоволен, если кто призовет к трапезе²⁷. Вот какова награда мне от нынешнего населения города.

он...» (II. XII. 162–163; пер. Н. И. Гнедича); «Скорбь овладела душою его, по бедрам могучим Крепко ударив руками, в печали великой воскликнул...» (Od. XIII. 198–199; пер. В. А. Жуковского). — *Примеч. ред.*

²⁶ В общественном сознании участники колесничных состязаний зачастую были связаны с колдовством — ср. рассказ у Аммиана Марцеллина об аресте в 368 г. в Константинополе группы сенаторов, обвиненных в соучастии в колдовстве колесничного возницы Авхения; впоследствии все обвиняемые были оправданы (XXVIII. 1. 27). — *Примеч. ред.*

²⁷ Практически теми же словами Либаний описывает свое депрессивное состояние, вызванное в том числе физическим недомоганием, в Or. I. 246. — *Примеч. ред.*

НА КАРИЙЦА ЕВСТАФИЯ

Orat. XLIV F¹

1. Я обещал восхвалить того, кто вчера почтил мою речь своим отзывом. И раньше, чем узнать, кто он был, я дал ему обещание, что, если он и юн, исполню это. Затем это оказался взрослый и притом в костюме афинянина. И было к выгоде, что отзыв оказался со стороны такого человека. Поэтому не обману, следуя примеру Зевса, в том, что обещал.

2. Но, во-первых, я сообщу вам о морском пути этого человека из Карии в Афины, который он совершил для приобретения мудрости, в то время как были люди, превозносившие

¹ Датировка речи не определена. Упоминаемый здесь новый знакомый Либания ритор Евстафий — это скорее всего тот самый консуляр Сирии в 388 г. Евстафий, против которого Либаний в 389 г. написал речь (Or. LIV). Поскольку в речи упоминается деятельность Евстафия в качестве ритора в Финикии (§ 4), значит, ко времени ее написания он еще не занимал административную должность в Финикии, о которой упоминается в Or. LIV. 4, а также высокий пост *rationales res privatae*, управлявший *res privata* в провинции Сирия *Coele* или во всем диоцезе Восток (Or. LIV. 2). Поэтому можно предположить, что речь была написана на рубеже 370-х и 380-х гг. — *Примеч. ред.*

законы², были — восхвалявшие боевую жизнь. Но ему красота слова представлялась блестящее, чем золотой центр щита, какой доставляют законы. Прибыв за тем, для чего явился, он делал свое дело. Речи — днями, речи — ночами. Он оставил в покое битвы и жалел сражающихся и больше их самих тех, кто гордились победами, чуждыми Муз и Аполлона, водителя Муз.

3. А его рук никакая схватка не отводила с книг на палицу или меч. И было таких книг много многих, так как, как сам он сказал, он не пренебрегал и моими сочинениями. И вот раз он читал, сидя перед дверями школы, а учителя³ — был кто-то, кто ему сообщил, — это преисполнило гнева и раздражения, и обстоятельство это было небезопасным, но все же риск был приятен, если, принося пользу душе, придется нечто потерпеть.

4. Когда же уже сделался ритором и способным и производить труды⁴, и давать их другим, из стремления к свободе, он ускользает от этих трудов [т. е. преподавателя], и все время отдавал публичным декламациям⁵. И множество речей было им исполнено в финикийских городах⁶, много в городах Палестины⁷. Здесь наш

² Т. е. предлагавшие ему обучение в школе права, скорее всего, в знаменитой школе в Берите, сравнительно недалеко от Кари. — *Примеч. ред.*

³ Подробнее об учителях школы Либания см. примечания к Ор. XXXI. 8 и Ор. XXXVI. 10. — *Примеч. ред.*

⁴ В своей «Автобиографии» Либаний, чьи отношения с Евстафием к тому времени были сильно испорчены, высказывал серьезные сомнения в творческих способностях Евстафия: он писал, что Евстафий не был сочинителем речей, а лишь считал себя таковым (Ор. I. 271). — *Примеч. ред.*

⁵ Очевидно, речь идет о деятельности судебного оратора, синдика, из состава которых часто рекрутировались кадры на административные должности. — *Примеч. ред.*

⁶ В Финикии, в округе Тира у Евстафия было довольно значительное недвижимое имущество (дом и/или поместье — Ор. I. 274), в котором проживала его семья (LIV. 18). Правда, вполне вероятно, что появление этого имущества стало результатом его последующей административной деятельности в Финикии. — *Примеч. ред.*

⁷ В результате своих выступлений в палестинских городах Евстафий хорошо знал местных ораторов, таких как Дифил, сын Даная (Ор. LIV. 55). — *Примеч. ред.*

гражданин, стоявший во главе боевых сил⁸, полюбил его, и увидел ясно, и устроил так, чтобы использовать его речи⁹, поступив подобающе своему роду. Ведь Персей, от которого они происходят, родной брат Музам¹⁰.

5. И вам нужно верить, что кариец доходит до высшего совершенства в красноречии, если вам еще и не приходилось слышать его речи. Из того, что слышали, вы видели ритора. Так все, что говорилось, требовало подобающего. Следовательно, естественно ему и когда он будет работать над речью, находить подобающее, избегая, чего нужно избегать, и преследуя то, что подобает преследовать. Получив же силу слова, он украсил душу умеренностью и, как можно больше воздерживаясь от гнева, отлично может выносить взрывы гнева других, и голос у него более кроток и лицо освещено улыбкой, и первое знакомство создает дружбу. К кому он ни подойдет, остановится подле и немного поговорит, того тотчас увлекает и привязывает к себе¹¹.

⁸ Речь идет о командующем всеми региональными военными силами Востока, *magister equitum*, чья резиденция находилась в Антиохии (ср. Or. XXI. 7). — *Примеч. ред.*

⁹ По всей вероятности, речь идет о деятельности в качестве судебного оратора в военном суде. В источниках зафиксированы многочисленные случаи расширения военачальниками специальных юрисдикций военных судов на разрешение споров гражданских лиц, что укрепляло авторитет военачальников и увеличивало их доход, а гражданским лицам обеспечивало более эффективное судопроизводство. — *Примеч. ред.*

¹⁰ Персей в греческой мифологии был сыном Зевса и аргосской царевны Данаи, а Музы были дочерьми Зевса и Мнемосины. Персей, сын аргосской царевны, считался сородичем жителям Ионы (будущей Антиохии), основатели которой происходили, согласно преданию, из Аргоса (см. Or. XI. 51; 91). — *Примеч. ред.*

¹¹ Впоследствии Евстафий тесно общался с Либанием, проводя с ним много времени и, возможно, постигая секреты ораторского мастерства (Or. I. 271). Эти теплые отношения сохранялись вплоть до 388 г. (Or. LIV. 3–4). — *Примеч. ред.*

Содержание

LIII. О приглашениях во время праздников	5
LI. К императору, против тех, кто осаждает правителей	16
LXII. Против тех, кто издевались над ним за его преподавание	27
LVIII. К юношам о ковре	52
LXIII. За Олимпия	65
II. К тем, кто называли его [Либания] несносным	79
III. К юношам о слове	97
IV. О том, что он не болтает	106
XXXII. К Никоклу о Фрасидее	118
XXXIV. В ответ на попреки педагога	130
XXXV. К тем, которые не держат речей	141
XL. К Евмолпию	153
XLV. К императору о заключенных	165
XLIX. К императору о куриях	180
I. За земледельцев, о принудительных работах	195
X. О Плефре	208
XLIII. О контрактах	220
XXXVII. К Поликлу	230
XXXVIII. Против Сильвана	240
XII. На консульство императора Юлиана	249
XV. Посольское слово к Юлиану	285
XIV. К Юлиану за Аристофана	321
XIII. Приветственная Юлиану	347
XVI. К антиохийцам о гневе царя	366
XVII. Монодия на Юлиана	386

XXIV. О мщении Юлиана	400
XIX. К императору Феодосию о мятеже	418
XX. К императору Феодосию по поводу примирения. . . .	439
XXI. Обращение к магистру Кесарию	458
XXII. Обращение к Еллебиху	472
XXIII. Против бежавших	488
XI. Похвала Антиохии	498
XXV. О рабстве	581
V. Артемида	607
XXXIX. Утешающая Антиоху	622
LXIV. К Аристиду за плясунов	632
LV. К Анаксентию	684
LXI. Монодия на Никомедию	698
LX. Монодия на храм Аполлона в Дафне	708
IX. На календы	715
VI. О ненасытности	721
VII. О том, что быть неправо богатым жалостнее бедности	726
VIII. О бедности	729
XLI. К Тимократу	734
XXXVI. О снадобьях	743
XLIV. На карийца Евстафия	751

Либаний

РЕЧИ

Том II

Перевод с древнегреческого, введение, приложения, примечания
С. П. Шестакова

Примечания редактора, послесловие *М. Ф. Высокого*
Оформление серии *А. А. Зражевской*

Верстка *Е. Ю. Кузьменок*
Корректura *Д. И. Захаровой, Е. Ю. Кузьменок*
Выпускающий редактор *А. А. Сурнин*

Подписано в печать 13.02.2014. Формат 60×84^{1/16}. Объем 47,25 печ. л.
Гарнитура Minion Pro. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 3760

Отпечатано в типографии «Нестор-История»

www.nestorbook.ru

198095 СПб., ул. Правды, д. 15

Тел.: (812) 622-0123